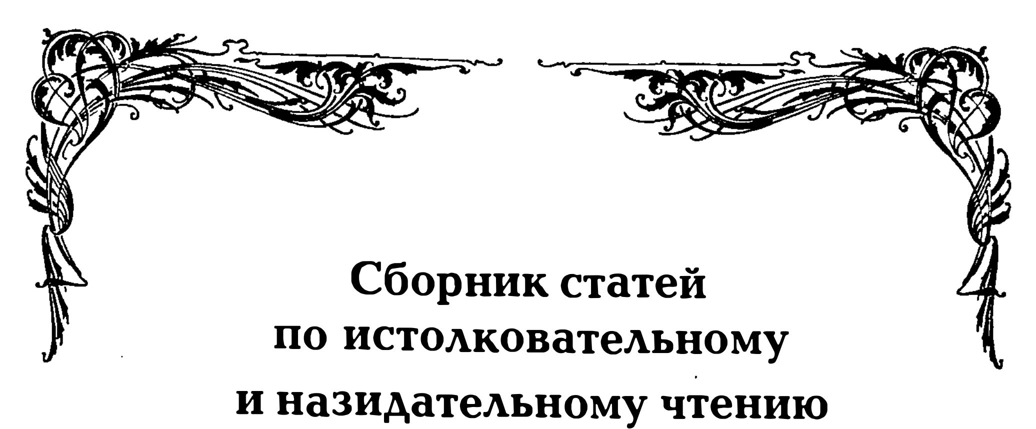


Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЯ с библиографическим указателем

составил инспектор
Симбирской духовной семинарии
М. Барсов

Том 2

Москва
Лепта Книга
ТрейдСервис
2006

УДК 27-247-277(082)
ББК 86.37я43
С23

**ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II**

Перенабор основного текста с издания:
Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия с библиографическим указателем.
Составил инспектор Симбирской духовной семинарии ***М. Барсов.***
Издание второе. Санкт-Петербург. Синодальная типография, 1893 г.

М.В. Барсов
С23 Сборник статей по истолковательному и надзидательному чтению Четвероевангелия. Том 2. — М.: Лепта Книга, 2006. — 832 с.
ISBN 5-91173-019-7

«Сборник» был составлен в 90-х гг. XIX в. инспектором Симбирской духовной семинарии Матвеем Васильевичем Барсовым (1842-1896) с целью собрать в одну книгу замечательные святоотеческие, пастырские и богословские комментарии на Евангелие, разбросанные по множеству духовных журналов и книг, малодоступных для читателя как тогда, так и сегодня. Сборник содержит материалы гомилетического и экзегетического характера.

Вошедшие в книгу статьи, подобранные в соответствии с ходом евангельских событий, отличаются широтой охваченных вопросов — от историко-археологических до нравственно-богословских. В «Сборнике» встречаются многочисленные толкования отцов Церкви – таких, как св. Афанасий Александрийский, блж. Августин, св. Амвросий Медиоланский, комментарии отечественных подвижников — свт. Филарета Московского (Дроздова), свт. Тихона Задонского, аскетические писания прп. Макария Египетского, а также проповеди и исследования выдающихся богословов XIX в.

Для удобства чтения и облегчения работы книга снабжена подробными библиографическими сведениями, размещаемыми в конце каждого раздела. Сам материал располагается по разделам, составленным в соответствии с последовательностью евангельских событий, в сводном изложении всех четырех евангелистов. В конце второго тома размещены карты Святой Земли, по которым можно проследить географию событий Нового Завета.

«Сборник» предназначен для всех, кто желает подробнее изучить Евангелие в духе Церковного Предания. Он также может использоваться преподавателями и студентами духовных учебных заведений в качестве хрестоматии по изучению Священного Писания, может служить основой для подготовки проповедей и бесед.

УДК 27-247-277(082)
ББК 86.37я43

ISBN 5-91173-019-7

ТРЕТЬЯ ПАСХА общественного служения Господа нашего Иисуса Христа

Путешествие Господа с проповедью по Галилее (Ин. 7:1)

На третьем празднике Пасхи (как можно заключить с достоверностью из последующих обстоятельств) Иисус Христос не был. Так как иудеи искали убить Его, то Он и не хотел ходить по Иудее, а ходил по Галилее (Ин. 7:1).

Послание 70 учеников на проповедь (Лк. 10: 1–16). Собор святых 70 апостолов

П. Троцкий. «Воскресное чтение», 1881

Жатва многа, делателей же мало. Молитеся убо Господину жатвы, яко да изведет делатели на жатву Свою, говорил Богочеловек Иисус к Своим двенадцати апостолам пред посольством их на проповедь, в конце второго года Своего служения. И вот в третий год служения Христова явились эти желанные делатели на ниве Божией в числе семидесяти. Один из них, евангелист Лука, так говорит об этом новом сонме апостолов и об их послании на проповедь: *по сих же* (вероятно, по возвращении двенадцати апостолов) *яви Господь и инех седмьдесят* (число почетное: 70 старейшин избрал пророк Моисей своими помощниками; членов синедриона было 70), *и посла их по двема пред лицем Своим во всяк град и место* (вероятно, по всей Палестине). Затем тот же евангелист, и он почти один только, передает обстоятельно и наставления Христа Спасителя, данные посланным, – наставления, прибавим от себя, несколько отличные от наставлений, данных 12 апостолам пред их посольством. *Идите*, говорил им Божественный Учитель *се Аз посылаю вы, яко агнцы посреде волков. Не носите влагалища* (мешка), *ни пиры* (сумы), *ни сапогов: и никогоже на пути целуйте* (не занимайтесь людскими приветствиями и ласками, и чрез то не полагайте препятствия делу проповеди). *В оньже аще дом внидете, первее глаголите: мир дому сему. И аще убо будет ту сын мира* (готовый принять ваше благожелание

мира), *почиет на нем мир ваш: аще ли же ни, к вам возвратится* (ваше благожелание остается при вас). *В том же дому пребывайте, ядуще и пиюще, яже суть у них: достоин бо есть делатель мзды своея. Не преходите из дому в дом. И в оньже аще град входите, и приемлют вы, ядите предлагаемая вам: и исцелите недужныя, иже суть в нем, и глаголите им: приближися на вы Царствие Божие. И в оньже аще град входите, и не приемлют вас, изшедше на распутия его, рцыте: и прах, прилепший нам от града вашего, отрясаем вам: обаче сие ведите, яко приближися на вы Царствие Божие: глаголю вам, яко Содомляном в день той отраднее будет, неже граду тому. Слушаяй вас Мене слушает: и отметаяйся вас Мене отметается, отметаяйся же Мене отметается Пославшего Мя.* Неизвестно, сколько времени посланные семьдесят ходили каждый с проповедью о Царстве Мессии и в какие именно места они заходили. Вероятно, их проповедь обнимала большие пространства, чем проповедь двенадцати; может быть, они оглашали своею проповедью и полуязыческую Галилею и Самарию. Евангелист Лука замечает только о возвращении посланных. *Возвратишася же седмьдесят с радостию, глаголюще: Господи, и беси повинуются нам о имени Твоем* (силою Твоею мы изгоняли бесов). *Рече же им Иисус: видех сатану, яко молнию с небесе спадша* (князь тьмы несомненно побежден). *Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию: и ничесоже вас вредит. Обаче о сем не радуйтеся, яко дуси вам повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесех* (вы получите вечное блаженство на небесах). Спаситель, по словам того же евангелиста, заключил Свою беседу с 70 апостолами молитвою к Отцу Небесному. *В тот час возрадовася духом Иисус и рече: исповедаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою.*

Эти 70 апостолов Христовых, по мнению толковников, не составляли такой замкнутой группы, как 12 апостолов: миссия их была только временная, после которой они вступили в ряды обыкновенных последователей Христа. Точно нам неизвестны ни имена всех семидесяти апостолов, ни последующая деятельность каждого из них. «Имена апостолов Спасителя всякому известны из Евангелий, – пишет древний церковный историк Евсевий; – но списков семидесяти учеников Его нигде никаких нет. Говорят, впрочем, что одним из них был Варнава, о котором упоминают в разных местах апостольские Деяния, а не менее и Павел в послании к Галатам. К ним же принадлежал, говорят, и Сосфен, вместе с Павлом писавший Коринфянам, так же Матфей, причисленный к апостолам вместо Иуды предателя, равно и тот (Иуст), с которым вместе он почтен был жребием (Деян. 1:23), и Фаддей». Святитель Димитрий Ростовский пишет, что на основании внимательного исследования Божественного Писания, предания святых отцов и древних церковных писателей к лику святых семидесяти апостолов могут быть причислены следующие: 1) Иаков, брат Господень, пер-

вый епископ Иерусалимский, о котором упоминает и апостол Павел (Гал. 1: 18–19), 2) евангелист Марк, бывший впоследствии епископом Александрийским, о котором упоминает апостол Петр (1 Пет. 5:13), 3) евангелист Лука, писатель и Деяний апостольских, о котором упоминает апостол Павел (Кол. 4:14), 4) Клеопа, младший брат Иосифа обручника, спутешествовавший евангелисту Луке в Эммаус (Лк. 24:35), 5) Симеон, сродник Господень, второй епископ Иерусалимский, 6) Варнава, бывший спутником апостола Павла, а затем епископом в Медиолане (Деян. Ап. 4:36; Гал. 2:1), 7) Иуст, сын Иосифа обручника, сожребник Матфиев (Деян. 1:23; Кол. 4:2), 8) Фаддей, крестивший Авгаря, князя Едесского (Церковная история Евсевия), 9) Анания, крестивший апостола Павла в Дамаске, 10) архидиакон Стефан первомученик (Деян. 7:59), 11) диакон Филипп, крестивший Симона волхва и каженика Кандакийского, 12) диакон Прохор, первый епископ Никомидийский, 13) диакон Никанор (Деян. 6), 14) Тимон, 15) Пармен, тоже из числа семи первых диаконов, 16) Тимофей, епископ Ефесский, к которому апостол Павел писал два послания, 17) Тит и 18) Филимон, к которым так же писал послания апостол Павел, 19) Онисим, упоминаемый в послании к Филимону, 20) Епафрас, о котором упоминает апостол Павел (Кол. 6: 12–13), 21) Архип, епископ Колосский (Кол. 4:17), 22) Сила, епископ Коринфский (Деян. 15: 40–41), 23) Силуан, епископ Фессалоникийский (1 Петр. 5:12; 2 Кор. 1:19), 24) Крискент, епископ Галатийский (2 Тим. 4:10), 25) Крисп, епископ на острове Егине (Деян. 18:8), 26) Епенет, 27) Андроник, 28) Стахий, 29) Амплий, 30) Урван, 31) Наркис, 32) Апеллий, 33) Аристовул, 34) Иродион, 35) Руф, 36) Асигкрит, 37) Флегонт, 38) Эрм, 39) Патров и 40) Ермий, о которых упоминает апостол Павел в послании к Римлянам (16: 13–14), 41) Агав, пророчествовавший об апостоле Павле (Деян. 21: 10–11). 42) Лин, после апостола Петра епископ Антиохийский, 44) Гай, 45) Филолог, 46) Лукий, 47) Иасон, 48) Сомпатр, 49) Олимпан, 50) Тертий, 51) Эраст, 52) Куарт, о которых также упоминает апостол Павел в посл. к Римлянам (16: 15–23), 53) Онисифор (2 Тим. 1:16), 54) Климент, епископ Римский (Флп. 4:3), 55) Сосфен (Деян. 17:17) 56) Аполлос (Деян. 18: 24–25), 57) Тихик (Еф. 6: 21–22), 58) Епафродит (Флп. 11:25), 59) Карп (2 Тим. 4:13), 60) Кодрат, 61) Марк, он же и Иоанн (Деян. 12:25), 62) Зина (Тим. 3:13), 63) Аристарх (Деян. 19:29), 64) Пуд (2 Тим. 4:21), 65) Трофим (Деян. 20:4), 66) Марк (Кол. 4:10), 67) Артема (Тим. 3:12), 68) Акила (Деян. 18:2), 69) Фортунат и 70) Ахаик, о которых упоминает апостол Павел в 1 послании к Коринфянам (16:17). Все почти они, как мы отчасти уже и указали, были епископами в разных новоустроенных Церквах, и все они почти окончили жизнь свою мученически за имя Христово. К ним причисляют иногда и других, потрудившихся в деле проповеди Христовой, например, Дионисия Ареопагита (Деян. 17:34), Симеона Нигера (там же 13:1), а за ними и

Лазаря, воскрешенного Спасителем и Иосифа Аримафейского, и Никодима, тайного ученика Иисусова, и Гамалиила, учителя апостола Павла, и крещенного Филиппом евнуха, и сотника Корнилия, и других. О всех подобных благовестниках вышеупомянутый церковный историк Евсевий говорит следующее: «Легко усмотрим, что у Спасителя было учеников более семидесяти, если обратим внимание на свидетельство Павла, который говорит, что, по воскресении из мертвых, Спаситель *явился сперва Кифе, потом двенадцати Апостолам, затем более пятисот братии единою, из коих иные,* по его словам, *уже умерли, а большая часть еще жили* в то время, когда он писал это». Церковная служба собору семидесяти апостолов в 4 день января установлена в IX веке, когда славный песнописец Иосиф составил и общий канон для всех семидесяти апостолов, и частные для некоторых из них.

Обличение фарисеев относительно преданий старцев (Мф. 15: 1–20; Мк. 7: 1–23)

Прот. Горский. Из «Евангельской истории»

Мф. 15: 1–2; Мк. 7: 1–5. Иисус Христос не был в Иерусалиме на третьей Пасхе. Так как иудеи искали убить Его, то Он и не хотел ходить по Иудее, а ходил по Галилее. Но фарисеи Иерусалимские, οἱ ἀπὸ τοῦ Ἱερουσαλήμ — выражение указывает не на место только, откуда пришли, но и на постоянное местопребывание (см. Евр. 13:24. Деян. 17:23), — никогда не оставляли своего наблюдения за Ним. Не видав Его в Иерусалиме, они пришли в Галилею. Встретив Его вместе с учениками, они возобновили прежнее осуждение учеников Его в несоблюдении преданий старцев. Случаем к сему было то, что ученики принимались за пищу, не умыв рук.

По правилам благочестия фарисейского пред принятием пищи и после стола непременно должно было мыть руки. В Талмуде определено, какой меры воды для этого достаточно, как мыть, когда именно, в каком порядке, если число присутствующих превышает пять или не превышает его. Принадлежавшие к секте ессеев пред столом погружались в воду (Иосиф Флавий). Этим правилам приписывалась такая важность, что за несоблюдение их синедрион подвергал отлучению. Указывая на поступок учеников, фарисеи, конечно, хотели представить Спасителю правило об умовении рук в связи с прочими преданиями и, возводя обвинение от частного действия к неуважению преданий вообще, может быть, хотели слышать Его собственное мнение о важности предания. По крайней мере к тому ведет ответ Господа. По понятиям Талмуда, предание старцев важнее, чем слова пророков, даже лучше, чем слова закона, потому что в законе есть важное и неважное, а слова старцев все важны. Им должно следовать беспрекословно. В Талмуде есть притча: послал царь двух друзей своих в одну область свою с

повелениями и об одном так написал: если он не предъявит вам перстня своего, не верьте ему; а о другом так: хотя бы он не показал вам перстня моего, верьте ему. Это — пророки и старцы. О пророках написано: *аще востанет в тебе пророк... и даст тебе знамение или чудо* (Втор. 13:1), а о старцах: *и сотвориши по словеси, еже возвестят ти от места, еже изберет Господь Бог* (17:10).

Мф. 15: 3–9; Мк. 7: 6–13. Вопрос был предложен в присутствии народа. Господь, не обращая внимания на сей частный случай, стал говорить о важности преданий: «Между вашими преданиями есть такие, которые противны закону Божию». При этом Господь указал на правило старцев о корване, вследствие которого иудеи под предлогом благочестия дозволяли себе нарушать первую из заповедей десятословия, относящуюся до ближних. (*Чти отца твоего* — пропитывай).

Указав на сие противоречие закону, Господь заключил ответ Свой общим замечанием о характере благочестия фарисейского, прилагая к ним слова пророка Исаии о людях, чтящих Бога только своими устами, но не сердцем.

Мф. 15: 10–11; Мк. 7: 14–16. Потом, приспособительно к случаю, извлекая отсюда общую мысль, что истинной чистоты надлежит искать не в соблюдении (одних) каких бы то ни было внешних правил, но в очищении сердца от всего противного закону Божию, предложил ее народу в виде краткой притчи: *не входящее во уста сквернит человека, но исходящее из уст, то сквернит человека,* — и сказав сие, прибавил: «слушайте и разумейте». (Образ притчи заимствован от предмета беседы и, может быть, есть собственно ответ на возражение фарисеев; так как, по их понятиям, человек вкушающий пищу неумытыми руками, самым вкушением подвергался нечистоте).

Фарисеи не могли быть довольны и указанием на противоречие преданий закону Божию, и еще более тем, что Господь прямо назвал их благочестие лицемерием. Новым случаем к неудовольствию на Иисуса было последнее Его изречение, которое они могли распространить и вообще на законы о пище. Но Господь не продолжал далее беседы и вышел от народа.

Мф. 15: 12–15; Мк. 7:17. Защищенные Господом ученики заметили это оскорбление в фарисеях. И еще сохраняя, может быть, уважение к прежним правилам своим и зная, какую важность имели в народе все собственно иерусалимские книжники, они довели до сведения своего Наставника, что фарисеи Его словами соблазнились. Но Он продолжал говорить в приточном виде, дав разуметь ученикам Своим, что этим обеспокоиваться нет нужды. Им известна была уже притча о добром семени и плевелах, всеянных между ними врагом. Припоминая эту притчу, Господь сказал: «Всякое растение, которое не Отец Мой насадил, но враг — диавол, будет искоренено». Суд Божий ожидает и этих мнимых руководителей народа. Оставьте их: они — слепые вожди слепых, которые могут привести своих руководимых к погибели.

Что же, однако, значило загадочное изречение: *не входящее во уста?* Уничтожает ли оно законы Моисеевы о различии пищи и о дозволительных и недозволительных яствах или нет? Если уничтожает, то как его согласить с тем уважением к закону, на основании которого Господь отверг предание о корване? Если не уничтожает, то как его понимать? Ученики не умели себе разрешить сего обратились к Господу. Петр просил объяснить им притчу сию.

Мф. 15: 16–20; Мк. 7: 18–23. Господь, изъявив удивление их непонятливостью, сказал, что пища сама по себе как вещь внешняя внутренней, нравственной нечистоты произвести не может. (Впрочем, это не значит того, что всякий род пищи для человека безразличен. Коль скоро есть на то Божественные законы, то доколе они не отменены, принятие пищи, противной закону, будет осквернять человека, поелику происходит от сердца, не уважающего закон и угождающего плоти.) Другая половина притчи говорит о том, что источник нравственной нечистоты заключается в сердце человека и что, следовательно, желающим сохранить чистоту пред Богом надлежит очищать свое сердце.

Господь не коснулся законов о дозволительных и недозволительных видах пищи, которые должны были прекратиться вместе с отменением всего ветхозаветного устройства по утверждению Нового Завета между Богом и людьми и по утверждении закона духовного в сердцах нового Израиля. Но тем не менее открыл ученикам, что те законы, как внешние, и теперь далеко ниже внутренних.

Что значит приближаться к Богу устами, а сердцем далеко отстоять от него? (Мф. 15: 8–9)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в Неделю святых

Что значит *приближаться* к Богу *устами, а сердцем* далеко *отстоять* от Него? Произносить устами или принимать слухом из уст других молитвенные к Богу слова, но не соединять с ними сердечного внимания и духовной теплоты, короче, молиться без любви. Нетрудно суетность такой молитвы обнаружить даже простым, естественным рассуждением и побуждением природы. Что делает дитя, только начинающее мыслить, дабы получить желаемую вещь от отца или матери? Не соединяет ли оно для сего со своими прошениями всех, какие знает, выражений детской любви и нежности? Итак, не должны ли мы признать себя несмысленными более самих детей, когда думаем нашими хладными, без внимания, без любви, без сердца, произносимыми прошениями что-либо получить от Отца Небесного, Который именно *зрит на сердце* вместо того, что человек *зрит на лице*

(1 Цар. 16:7)? Скажем ли, что Небесный Отец благ паче земных родителей и потому *даст блага просящим у Него*? Правда; но Он и праведен паче их и потому не может дать недостойным, и даже, по самой благости, не может дать блага зле просящим, дабы они не осквернили самого блага; но зле, конечно, мы просим, когда без любви просим у Всеблагого и Вселюбящего. Но что еще говорит закон духовный? Он показывает, что не только исполнение молитвы, но и самая молитва истинная и чистая без истинной и чистой любви невозможна. *О чесом бо помолимся,* учит апостол, *якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными: испытаяй же сердца весть, что есть мудрование Духа, яко по Богу ходатайствует о святых.* И дабы Он, слыша сие, не остался в недоумении о том, как можно приобрести сие высокое ходатайство, апостол немедленно присовокупляет: *вемы же, яко любящим Бога вся споспешествуют во благая* (Рим. 8: 26–28). Любовь к Богу все обращает в средства к нашему спасению и блаженству; без нее все средства не достигают сей цели. Не будет светить светильник без елея, и молитва не озарит духа без любви. Не взыдет без огня курение кадила, и молитва без любви не взыдет к Богу.

Лукавое мудрование чревоугодников (Мф. 15:11)

Сергий, епископ Курский.
«Душеполезное чтение», 1877

Не входящее во уста сквернит человека, но исходящее из уст, то сквернит человека. Чревоугодие в этих словах старается уловить предлог к уничтожению постов. Сказал Господь: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что исходит из уст, оскверняет человека». Из сего заключают, что все можно есть во всякое время, только бы душа была чиста.

Такое заключение противно смыслу изречения Христова. У евреев строго соблюдаем был обычай умывать руки пред вкушением пищи. Апостолы от сего обычая нередко отступали не намеренно, а случайно. Замечая это, книжники и фарисеи спросили Христа, зачем Его ученики нарушают предание старцев и не умывают рук, когда едят хлеб. Апостолы не запрещенную пищу ели, иначе бы фарисеи не умолчали, а дозволенную. Посему вопрос возбужден о нарушении не закона относительно пищи, а предания об умовении рук пред вкушением ее. Спаситель, обличив вопросивших, как сами они лицемерно извращали важнейшие заповеди, сказал во всеуслышание народу: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека», не то, что употребляется в пищу, само собой делает его нечистым, но то оскверняет его, что исходит из его уст, а из уст исходят дурные сердечные помышления. Господь сими словами касается не нравственного или церковного раз-

личения пищи, не разборчивости в ней, заповеданной законом, но только самого ее вещества, входящего в наше тело для питания. Чисто ли пища приготовлена или неопрятно, умытыми или черными руками берет ее человек – это неважно. Если бы нечистота рук и пристала к ней, то не приразилась бы к душе, и самая пища как дар Божий не теряет своего достоинства от нечистого ее приготовления и принятия. Кому не случалось видеть, как земледельцы летом в поле едят свой хлеб, держа его в руках, замаранных землей? Мало ли таких работ и ремесел, что люди трудящиеся совсем не могут отмыть своих рук? Разве это вменяется им в грех? Нисколько. Но если бы кто из них замышлял худое, стал бы сквернословить, обижать других, чрез сие он бы изобличился, что у него душа нечистая и порочная. «Ибо, – говорит Спаситель, – из сердца исходят злые помыслы, убийства, кражи, любодеяния, лжесвидетельства, хуления. Сие оскверняет человека, а есть неумытыми руками не оскверняет человека» (Мф. 15: 19–20).

Мысли свт. Феофана на тот же текст

«Мысли на каждый день года по церковным чтениям»

Не входящее в уста сквернит человека, но исходящее из уст, то сквернит человека. Господь сказал это не потому, чтобы не благоволил к посту или считал его не нужным для нас, – нет, и Сам Он постился, и апостолов научил тому, и в Церкви Своей Святой установил посты; а сказал это для того, чтобы, постясь, мы не ограничивались одним малоядением, или сухоядением, но заботились при этом и душу свою держать в посте, не поблажая ее пожеланиям и страстным влечениям. И это главное. Пост же служит могущественным тому средством. Основа страстей в плоти; когда измождена плоть, тогда словно подкоп подведен под страсти, и крепость их рушится. Без поста же одолеть страсти было бы чудом, похожим на то, чтобы быть в огне и не обгорать. У того, кто довольствует пространно плоть свою пищей, сном и покоем, как держаться чему-нибудь духовному во внимании и намерениях? Отрешиться от земли и войти в созерцание невидимых вещей и стремление к ним ему столь же удобно, как одряхлевшей птице подняться от земли.

Мысли святителя Феофана (Мк. 7:15)

«Мысли на каждый день года»

Ничтоже есть внеуду человека входимо в онь, еже может сквернити его; но исходящая от него, та суть сквернящая человека. Это место и подобные ему, например: *брашно не поставляет нас пред Богом,* – выставляют обыкновенно нелюбители поста, полагая, что этим они достаточно оправдываюсь свое непощение по уставу и порядку Церкви. Насколько удовлетворительно это извинение, всякому, верному Церкви, ведомо. При пощении постановлено

воздерживаться от некоторых яств не потому, что они скверны, а потому, что этим воздержанием удобнее постигается утончение плоти, необходимое для внутреннего преуспеяния. Такой смысл закона поста столь существен, что считающие какую-либо пищу скверною причитаются к еретикам. Неблаговолителям к посту не на этом надобно бы настаивать, а на том, что пост необязателен, хоть оно точно есть средство к одолению греховных позывов и стремлений плоти. Но это такой пункт, на котором им устоять никак нельзя. Если преспеяние внутреннее обязательно, то обязательно и средство к тому, считающееся необходимым, и именно пост. Совесть и говорит это всякому. Для успокоения ее твердят: «Я другим способом возмещу опущение поста», или: «Мне пост вреден», или: «Я пощусь, когда захочу, а не в установленные посты». Но первое извинение неуместно, потому что еще никто не ухитрился, помимо поста, сладить с своею плотию, и как следует устанавливать свое внутреннее. Последнее также неуместно, потому что Церковь – одно тело, и особиться в ней от других противно ее устроению; удалить себя от общих чинов Церкви можно только выходом из нее, а пока кто член ее, тот не может так говорить и того требовать. Второе извинение имеет тень права. И точно, в ограничениях поста снимается обязательство его с тех, на которых постное действует разрушительно, потому что пост установлен не тело убивать, а страсти умерщвлять. Но если перечислить таковых добросовестно, то окажется такая их малость, что и в счет их нечего ставить. Останется один резон – нехотение. Против этого спорить нечего. И в рай не возьмут против воли; вот только когда осудят в ад, хочешь не хочешь, а ступай: схватят и бросят туда.

От сердца исходит помышления злые, убийства, прелюбодеяния... сия суть скверняща человека (Мф. 15:19)

«Воскресное чтение», 1824

Таковы наши греховные скверны! В числе их первыми поставил Господь помышления злые, а после них уже злые дела. Что ж, спросим: ужели худые мысли столько же сквернят человека, столько же греховны, как и худые дела?

Так именно! Даже внутренние наши скверны опаснее, нежели внешние грехи, потому что, согрешая наиболее мыслями и желаниями, мы всего менее обращаем внимание на грехи сего рода, нерадим о них и чрез то даем им более укореняться в нас и губить нас.

В самом деле, как действуют грехи внутренние? Свободно, во всех областях душевных: в области разума, в области води и в области сердца; действуют, не стесняемые ничем отвне, без надзора чужого ока, как действуют разбойники в своих пещерах, безопасно измышляя злые дела свои,

готовя планы и средства для грабежей и убийств. Нам кажется большею частью, что мы, предаваясь то мрачным, то светлым мечтам, то эгоистическим, то симпатическим желаниям и чувствованиям, только играем и забавляемся – невинно, безвредно. Но что показывает опыт духовный? Эта игра самая опасная и вредная. Она питает страсти, приготовляет, облегчает им победу и открывает путь великим преступлениям, которые если иногда не совершаются, то потому только, что внешние обстоятельства задерживают действие злых начал внутренних.

Во сколько раз умножились бы беззакония в мире, если бы наши худые помышления и пожелания не находили препятствий в исполнении своем вне нас! Кровопролития, например, и человекоубийства тогда были бы почти так же часты, как и порывы гнева или сильные движения ненависти. Почему сказано: *всяк, гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть суду,* то есть как убийца (Мф. 5:22); и *всяк, ненавидяй брата своего, человекоубийца есть* (1 Ин. 3:15)? Потому, конечно, что злоба внутренняя, не обнаруженная внешне, есть уже действительный грех против шестой заповеди. Тот, кто зрит на сердце, в душе, исполненной злобою или ненавистью, видит то же, что и в душе убийцы, то есть то же безобразие, ту же мрачность зла, с тем разве различием, что душа, скрывающая грех, представляется более отдаленною от раскаяния, чем та, в которой грех уже проявился внешне. Какая болезнь опаснее: та ли, которая выказывается наружными знаками и, давая знать о себе больному и окружающим его, побуждает их скорее искать врача, или та, которая скрывается внутри и действует неощутимо для самого болящего? Последняя тихо, незаметно, но все более и более подтачивает корень жизни в теле и, наконец, когда проторгается наружу и когда призывают врача, оказывается уже неисцелимою. Такова вредоносная сила и грехов внутренних! Согрешающий не замечает их в себе по самолюбию, которое и производит это зло, и им питается; вред делается заметным большею частью тогда, когда образовались постоянные грехи внешние или худые навыки, которых грешник преодолеть не в силах.

Теперь видно, отчего покаяние наше вообще бывает слабо и опыты исправления себя безуспешны. Мы не исторгаем в себе корней греховных, а как бы обрываем одни листья грехов. Корни грехов в сердце и глубоко затаены в нем, так что нужна для очищения грешника та сила, которая проникает *до разделения души и духа, членов же и мозгов* (Евр. 4:12), а для принятия этой силы нужно самоотвержение, действие самое болезненное для нашей самолюбивой природы, и, наконец, насаждение и охранение в сердце корня истинной жизни, то есть любви к Богу и ближним. Любовь к Богу должна наполнять всю душу и все помышления (Мф. 22:37), ибо иначе этот корень духовной жизни не сообщит силы своей всем силам души; любовь к ближним требуется равносильная любви к себе (ст. 39), без чего

она не будет свободна от законопротивного самолюбия. Все это требует искоренения плевел духовных совершенного, по крайней мере, очищения непрестанного, самого бдительного, *да не кий корень горести выспрь прозябаяй пакость сотворить* (Евр. 12:15). Все это необходимо для спасения; без того не обещается нам общение с Богом и Иисусом Христом. *Всяк имеяй надежду* сего общения, говорит святой Иоанн Богослов, *очищает себе, якоже Он*, Господь наш, *чист есть* (1 Ин. 3:3). Чистейший свет не допускает в общение свое нашей тьмы. Трудно это очищение, но с помощью благодати не невозможно, и если будет совершаться неослабно, то облегчается все более и более.

Молись, христианин, как можно чаще, молись об этом величайшем благе души твоей: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей.* Блажен, кто еще в здешней жизни очистит себя от всех *скверн, плоти и духа:* он будет и на земле предвкушать высокое блаженство небесное; ибо *блажени,* сказано, *чистии сердцем, яко тии Бога узрят.*

Мысли свт. Феофана на 19-й стих 15 гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

От сердца исходят помышления злая. В сердце же откуда? Корень их в живущем в нас грехе, а разветвление их, размножение и определенный вид в каждом — от его собственного произволения. Как же быть? Сначала отсеки все, что от произволения. Это будет похоже на то, как если бы кто в дереве оборвал листья, обсек ветви и сучья и ствол отрубил почти до корня. Затем, не позволяй выходить новым отросткам — самый корень и засохнет; то есть не позволяй из сердца исходить злым мыслям, а исходящие отражай и отгоняй, и живущий в нас грех, не получая подкрепления, ослабнет и совсем обессилеет. В этом существо заповеди: *трезвитеся и бодрствуйте. Внимайте себе. Препояшьте чресла помышлений ваших.* При внимании надо держать рассуждение. Из сердца исходит не одно худое, но и доброе; не всякое, однако, доброе, внушаемое сердцем, исполнять должно. Что истинно должно исполнять, — это определит рассуждение. Рассуждение есть садовничий нож — одни ветви отсекает, а другие прививает.

Отшествие Господа в Финикию и исцеление дочери рабы хананейской (Мф. 15: 21–28)

«Воскресное чтение», 1825

Во время Своего путешествия по Галилее Иисус Христос приблизился однажды к пределам Тира и Сидона — двух языческих финикийских городов, знаменитых в древности богатством и торговлею. Тут произошла у

Него одна замечательная встреча, о которой сообщает нам Евангелие (Мф. 15: 21–28).

Из тех мест явилась к Иисусу женщина, родом хананеянка; у нее была дочь, одержимая беснованием. Любящее сердце матери пронзалось страданиями дочери, как своими собственными, и она в горьком чувстве беспомощности взывала к Иисусу: «Помилуй меня, Господи, Сын Давидов: дочь моя жестоко беснуется» (ст. 22). Спаситель, так часто оказывавший помощь по первому прошению других, даже прежде прошения, не дает ей ответа, подобно тому, как не отвечал прежде двум слепцам, искавшим Его помощи. Тогда начали ходатайствовать за нее апостолы и просили отпустить ее. На это Он сказал им, что Он послан только к погибшим овцам дома Израилева, то есть к людям дома Израильского. Женщина, между тем, подходит к Иисусу Христу, кланяется и снова просит: «Господи, помоги мне». Отвечая в прежнем тоне, Он говорит ей: «Несправедливо отнять хлеб у детей и бросить псам» (ст. 23–28).

Известно, что иудеи в своем пренебрежении к язычникам называли сих последних псами, а себе пред ними отдавали преимущество как сынам обетования; Спаситель применил это и к настоящему случаю. Как ни казался безотрадным этот ответ по первому впечатлению, только женщина приняла его с полной покорностью и просила, чтобы ей оказана была хоть та малая доля милости, какая доступна ее положению. «Так, Господи, — сказала она, — но и псы едят крошки, падающие со стола господ их» (ст. 27).

Следствием всего объяснения было то, что Спаситель воздал открытую похвалу великой вере женщины — и, по слову Его, дочь хананеянки сделалась здорова в тот же час.

Евангельское повествование об этом событии без особенных пояснений само сразу показывает нам, что составляет главный предмет его содержания. Это — великий опыт веры, обнаруженной хананеянкою. Кроме непреклонной твердости, которою запечатлена была эта вера, мы здесь усматриваем две частные черты, в которых выразилось ее превосходство. Оно выразилось, во-первых, в достоинстве того убеждения, какое имела хананеянка о Иисусе Христе, далее, затем, в той глубине смирения, которая при этом обнаружилась в сердце ее. Принося мольбу свою Христу, женщина именует Его Сыном Давидовым. Положим, что это наименование не выражает собою всей полноты наших христианских понятий о лице Спасителя; но тут слышится отголосок живой веры в обетованного Мессию; а эта уверенность в Его могуществе и это доверие к Его животворной силе, с которыми обращалась к Нему язычница, показывают, что в душе ее было очень высокое чувство уважения к Спасителю. Значит, несмотря на свою разноплеменность с иудеями, она имела такой верный и здравый взгляд на Его достоинство, какого не имели многие из самих иудеев, — так

же хорошо была приготовлена к достойному Его принятию, как и те слепцы, которые, не видев Его лично, взывали к Нему с верою: «Сын Давидов! умилосердись над нами» (Мф. 9:27). Это показывает, что и над язычниками назирал попечительный Промысл Божий, Своими мудрыми путями приближая их к спасительному Царству благодати. Соседство с евреями, в котором находилась хананеянка вместе со своими соотечественниками, могло быть в особенности для них благоприятно с этой стороны. Далее, мы заметили, что превосходство веры, обнаруженной этою язычницею, выразилось в ее глубоком смирении. Мало того, что Спаситель не давал сначала никакого ей ответа на ее прошение, – Он как бы выразил даже нарочитое к ней пренебрежение как иноплеменнице. И нужно представить себе, какую борьбу должно было выдерживать ее сердце, когда в минуту тяжкой ее скорби отстраняют ее, как пса недостойного, и отвергают ее просьбу, исполненную доверия: данный ей ответ был не легче самого молчания. Но все эти трудности она препобедила силою смирения. Она не стала доказывать своих прав на большее уважение к ней; но в то же время, не изменяя своей надежде на Спасителя, искала воспользоваться тем небольшим правом на участие, которое при ней оставалось, – и этот подвиг ее веры увенчался полным успехом. По всему видно, что Спаситель хотел только испытать крепость этой веры и обнаружить ее пред всеми, чтобы тем торжественнее отдать ей должную награду. Нужно заметить, что таков именно всегда характер истинной веры: не высказывая лишних притязаний самомнения, она располагает человека к искреннему чувству самоунижения, и здесь уже, в прямом сознании всей меры собственного недостоинства, открывает ему светлый путь надежды на лучшее будущее.

Но почему Спаситель отзывался с таким видом пренебрежения о жене иноплеменнице? Ужели в самом деле эта женщина в глазах Его была не лучше пса, по сравнению с Его единоплеменниками? И каким образом Он говорит, что послан был к овцам дома Израилева, когда верные израильтяне, встречая Его сами же приветствовали в Его лице *спасение*, уготованное *пред лицом всех людей*, как, например, это высказал святой Симеон праведный (Лк. 2: 30–31)? Так, спасение уготовано было для всех людей; но в историческом порядке событий оно должно было явиться между иудеями и прежде всего для иудеев; потому что собственно в их народной истории, начиная с отделения их племени от прочих, и далее, сосредоточивались те приготовительные действия Промысла Божия, которыми Он постепенно вел людей к принятие спасения. Язычники должны были воспользоваться этим даром вслед уже за иудеями, то есть приобщаясь уже к участию в том богатом наследии, которому давалось место среди сынов обетования: и, как показал опыт событий, это совершилось в наказание для сих последних и как бы в замену их самих, когда они сделались сына-

ми отвержения. Доколе не легла на них печать этого отвержения, дом Израилев был домом Божиим, и Сын Божий, явившийся во плоти, обращался между ними, как сын в дому своем; в этом случае им действительно принадлежало преимущественное право на Его благодеяния, и самый дар избавления, ниспосланный для всех народов, составлял особенную *славу людей* Божиих, *Израиля,* по выражению того же Симеона (ст. 32). Что же касается тех выражений, в каких обращался Спаситель к хананеянке, то мы не имеем права выводить отсюда, будто действительно Он разделял со Своими соотечественниками их гордое пренебрежение к язычникам: то слово одобрения, которое Он потом произнес в пользу этой женщины, свидетельствовало, что Он смотрел на нее с участием и сострадательным вниманием и ценил в ней внутреннее расположение души, как и в лучших между израильтянами. Мы здесь видим только внешнее приспособление к народному взгляду евреев на людей языческого происхождения, а обстоятельства дела показывают, что такое приспособление не было здесь поблажкою или поощрением этому взгляду, но только, напротив, обличало очевидную несостоятельность и крайность оного; потому что сами же апостолы, принадлежавшие к роду иудейскому, побуждены были обратиться ко Христу с просьбою об иноплеменнице. Тут-то оказалось, что в Царстве благодати и спасения несообразно полагать такое резкое разграничение между израильтянами и язычниками, которое в ту пору допускали.

Евангелие о жене хананейской (Мф. 15: 22–28)

«Воскресное чтение», 1801

Иисус Христос однажды проходил страны Тирские и Сидонские. Евангелист не говорит, чтобы в этой земле языческой Господь учил, а из сказания евангельского видно только то, что Он проходил эту страну. Что чувствовал тогда, видя целые селения, покрытые тьмою язычества, Тот, Который готов был положить душу Свою за спасение всего человечества? Но еще не настало время благотворить язычникам; еще много оставалось небесному Посланнику совершить в самой Иудее. Между тем как Господь не хотел, чтобы кто-либо узнал Его в этой стране (Мк. 7:24), одна женщина, родом сирофиникиянка (ст. 26), узнала Его и громко вопила в след Ему: *помилуй мя, Господи, Сыне Давидов, дщи моя зле, беснуется* (Мф. 15:22). Нетрудно было ей, жившей близ Иудеи, знать, что должен был, по пророчествам, явиться некогда Мессия, избавитель человеков; но кто уверил ее, что явившийся недавно в Иудее Пророк и Чудотворец есть тот самый ожидаемый Мессия, Сын Давидов? Почему не разделяла она со многими из иудеев других, ошибочных мнений о Спасителе? По всему видно, что сердце этой языч-

ницы было уже, как добрая земля, напояемая росою небесною, что в нем уже действовало семя благодати Божией, и действовало так, что прорастило в нем веру, которую Сам Господь назвал *великою*. Обратим внимание на эту образцовую веру и не постыдимся поучиться у язычницы верующей.

Голос скорбной матери, голос язычницы верующей поражает слух всемилосердого Господа: *помилуй мя, Господи, Сыне Давидов, дщи моя зле беснуется.* Всеведущий знал, из какого сердца происходят слова сии, и Спаситель человеков не мог не чувствовать в это время внутренней радости о том, что и между язычниками оказываются души, жаждущие Его Царствия, души верующие. И несмотря на то, Он *не отвеща ей словесе.* Что значит это молчание, эта как бы холодность милосердного Господа, с какою внемлет Он пламенной молитве? Последствия показывают, что Господу угодно было искушать веру хананеянки. Это испытание нужно было не для Него – всеведущего, но, во-первых, для самой хананеянки, в которой чрез искушение еще более утвердилась вера ее; потом для других, которым Спаситель хотел поставить примером терпеливую ее веру.

И приступльше ученицы Его, моляху Его, глаголюще: отпусти ю, яко вопиет вслед нас (Мф. 15:23). Молчание Господа заставило жену усугубить моления. Вопль ее побудил апостолов ходатайствовать пред Господом. Новое одобрение для просительницы! Но искушение веры ее еще не кончилось. *Он же, отвещав, рече: несмь послан токмо ко овцам погибшим дому Израилева.* Я, говорит Господь, пришел проповедовать и творить чудеса в народе Израильском, а не между язычниками. И действительно, Спаситель проповедовал одним иудеям; слово Его редко встречало язычников. До времени нужно было оказывать такое преимущество иудеям, которые несколько веков одни непосредственно пользовались и Богодухновенными мужами, и чудесами Божиими как народ избранный. Но слова Спасителя не значат того, что Он пришел спасти один народ еврейский. Он пришел пострадать и умереть за всех человеков, за иудеев и язычников; а только проповедовал не всем, предоставив апостолам Своим впоследствии пронести Евангелие во все народы. По воскресении Своем Он скажет им: *шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари* (Мк. 16:15); *шедше научите вся языки* (Мф. 28:19). Итак, еще раз отказал Господь прошению жены; не внял, кажется, ходатайству самих апостолов. Что же делает твердая и терпеливая вера? Отреваемая, она еще более приближается к Господу. Жена прибегает к самым стопам Его, как бы преграждает путь Ему и снова молит; *она же пришедши поклонися Ему, глаголющи: Господи, помози ми!*

На столь усердное моление горестной матери милосердый Спаситель дает с виду немилосердный ответ. *Он же, отвещав, рече: несть добро отъяти хлеба чадом и повреши псом,* – моление матери не только не принимается, но и отвергается как недостойное. Язычница сравнивается со псом по от-

ношение к иудеям, нареченным чадами Божиими; она, по словам Господа, столь же мало стоит чудесной помощи Божией, как и пес хлеба в то время, когда голодны дети хозяина. Что должна была почувствовать при сем несчастная мать? Оскорбилась ли она таким сравнением? Нет! Вера ее соединяется со смирением и чрез то получает новую силу, непреодолимую. *Ей, Господи!* отвечает жена. Так точно! Я недостойная язычница, я великая грешница и не стою того, что принадлежит чадам. Но, продолжает дивная жена, *и пси едят от крупиц, падающих от трапезы господей своих*. «Господи! – как бы так хотела сказать хананеянка. – Трапеза, уготованная Тобою народу Божию, столь обильна, учение и благодетельные чудеса Твои в Иудее изливаются такою рекою, что для Тебя не будет великим и трудным делом помиловать одну несчастную язычницу, которая прибегает к Тебе, как пес под трапезу господина своего». После сего Господь уже не мог удержать Своего милосердия. За такое смирение, за такую высокую веру Он щедро награждает женщину и даже похваляет ее пред апостолами: *о жено, велия вера твоя, буди тебе якоже хощеши. И исцеле дщи ея от того часа.*

Рука Всеблагого и Всемогущего не сократится в подаянии нам даров Своих, если они нужны и полезны нам, только бы вера наша не сократилась, не ослабела и только бы мы не возгордились своими силами или добродетелями. Сознание своего недостоинства и слабости необходимо верующему, когда он просит милости Всесильного.

Путешествие Господа по области Десятиградия

Исцеление глухого косноязычного и других больных (Мк. 7: 31–37; Мф. 15: 29–31)

Вышедши из пределов Тира и Сидона, Иисус Христос за иорданскою стороною, чрез пределы Десятиградия, пришел к морю Галилейскому и, взошедши на гору, сел там. Тут привели к Нему глухого косноязычного и просили Его, чтобы возложил на него руку. Иисус Христос, отведши его от народа в сторону, вложил персты Свои в уши его, и, плюнув, окропил язык его; потом воззрел на небо, (давая разуметь, что помощи надобно ожидать от Бога), вздохнул, (показывая, чтобы немой этим вздохом заменил словесную молитву) и сказал: «эффафа», то есть *отверзись!* И тотчас отверзся слух его, и разрешились узы языка его: и стал говорить чисто. И запретил им, чтобы никому не сказывали. Но чем более Он запрещал им, тем более они разглашали.

Приводили к Нему и других больных, хромых, слепых, немых, увечных, и повергли к ногам Его. Он исцелял всех; так что в изумлении говорили об

Нем: «Как все это хорошо Он делает! Дает глухим слышать, немым говорить, хромым ходить и слепым видеть»! И прославляли Бога Израилева.

Насыщение четырех тысяч человек семью хлебами (Мк. 8: 1–9; Мф. 15: 32–38)

Так как к этой за Иорданской пустыне народу собралось множество, и нечего было им есть, то Иисус Христос, подозвав учеников Своих, сказал им: «Жаль Мне этого народа. Вот они уже три дня при Мне, а пищи с ними нет. Отпустить их голодными не хочу, чтобы не ослабели в дороге, потому что некоторые из них пришли издалека». Ученики Его на это сказали Ему: «откуда нам здесь в пустыне взять столько хлебов, чтобы накормить такое множество»? Иисус Христос спросил их: «Сколько у вас хлебов?» – Они сказали: «Семь». Тогда велел народу возлечь на землю. И, взяв семь хлебов, воздал хвалу Богу, преломил и стал раздавать ученикам Своим, а ученики разносили народу. Еще было у них несколько рыбок. Он благословив велел раздать и их. И ели все и насытились. И собрали оставшихся кусков семь полных корзин. А евших было около четырех тысяч человек, кроме женщин и детей. После этого Иисус Христос отпустил их.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 15-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И 7-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАРКА

Святоотеческие толкования

1) Ст. 21–28. *Блж. Иероним.* Изъяснение Евангелия, читаемого в 17 неделю по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1818.

2) *Св. Иоанн Златоуст.* Беседа о жене хананейской. Беседы на разные места Священного Писания, т. 3.

3) *Блж. Феофилакт* о том же. «Воскресное чтение», 1801.

Новейшие толкования в духовных журналах

4) На ст. 2. Обычаи, соблюдаемые на востоке во время обеда. «Воскресное чтение», 1874.

5) Ст. 4–6. О корване. «Воскресное чтение», 1874.

6) *Арсений, митр. Киевский.* Бес. о посте. «Воскресное чтение», 1825.

7) *Д. Бухарев.* О постах Православной Церкви с опровержением возражений против соблюдения их. «Душеполезное чтение», 1871.

8) Ст. 21–28. *Анатолий, архиеп. Могилевский.* Бес. в нед. семнадцатую по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1821.

9) *Евсевий, архиеп. Могилевский.* Беседа в ту же нед. Беседы на воскр. и праздн. Ев., ч. 1.

10) *Прот. Гр. Крамарев.* Евангельское чтение в ту же нед. «Воскресное чтение», 1826.

11) Вера жены хананеянки. «Христианское чтение», 1852.

12) *Свящ. Ключарев.* Вера жены хананейской. «Душеполезное чтение», 1860.

13) Ст. 26. Хлеб детям, крошки псам. «Воскресное чтение», 1874.

14) Ст. 28. *Н. З.* Мать и дочь. «Воскресное чтение», 1832.

15) *Архим. Иосиф* на тот же ст. Сила веры. «Духовная беседа», 1862.

16) *Гизо.* Иисус Христос, иудеи и язычники. «Православное обозрение», 1865.

17) *Прот. Нечаев.* Уроки покаяния, заимствованные из Ев. в Великом каноне св. Андрея Критского. Исцеление хромых (Мф. 15:30; 21:14). «Душеполезное чтение», 1880.

18) К ст. 39. Магдала. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1876.

19) На Ев. Марка, гл. 7, ст. 11. Корван. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1876..

20) Ст. 25–31. *Филарет, архиеп. Харьковский.* Объяснение Евангелия о жене Хананейской. «Воскресное чтение», 1820.

21) Благодарность жены хананейской! «Воскресное чтение», 1808.

22) *Прот. Нечаев.* Уроки покаяния. Исцеление глухих и немых. «Душеполезное чтение», 1880.

23) *Н. Елеонский.* О Евангелии от Марка. Речь Иисуса об умовении рук (ст. 1–23); исцеление дочери хананейской жены (24–30); исцеление глухонемого (31–33). «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.

В Словах и Беседах

24) Мф. 15: 21–28. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседа об исцелении хананеянки.

25) Ст. 21–28. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Искренняя, чистая семейная любовь не только нравственно возвышает самих людей, проникнутых ею, но и вносит счастье во всю семью, содействует врачеванию членов ее от недугов нравственных, а иногда телесных, и ставит семью в добрые отношения в среде окружающей.

26) В сочинении *С. Соллертинского* «Пастырство Христа Спасителя» — толкование на повествование об исцелении дочери жены хананейской.

Возвращение в Галилею, в пределы Магдалы и Далмануфы. Ответ фарисеям и саддукеям, требовавшим знамения с неба. Отшествие вновь на северо-восточную сторону Галилейского озера и предостережение учеников от закваски фарисейской, саддукейской и Иродовой (Мф. 15:39–16:12; Мк. 8: 10–21; Лк. 12: 54–57)

И тотчас Иисус Христос, вошел в лодку с учениками Своими, переправился на западный берег Галилейского озера в места, лежащие близ Галилейских городов Магдалы и Далмануфы. Здесь приступили к Нему фарисеи и саддукеи и начали спорить с Ним, и, искушая Его, требовали от Него показать им знамение с неба. На это Он отвечал им: «(Иногда) вы гадаете с

вечера: завтра хорошая погода, потому что небо красно; или (замечаете) поутру: сегодня ненастье будет, потому что небо багрово. Лицемеры! Вы умеете распознавать лице неба; отчего же знамений настоящего времени не узнаете? Для чего и по самим себе не судите, чему быть надлежит?» Потом глубоко вздохнул и сказал: «Для чего этот лукавый и прелюбодейный род знамения ищет? Истинно говорю вам: знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка!» И с этими словами оставил их.

Он сел опять в лодку и отплыл на другую сторону озера, опять в Перею. На этот раз ученики Его забыли запастись хлебом, и больше одного хлеба не имели с собой. А Он между тем сказал им: «Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской и закваски Иродовой». Они было подумали про себя: «Он, верно, делает нам намек, что мы хлебов не взяли». Но Иисус Христос, уразумев то, сказал им: «Зачем вы думаете, маловерные, что хлебов не взяли? Вы все еще не вникнете и не вразумитесь? Неужели ваш ум так ожестел? Есть глаза и не видите? Есть уши; и не слышите? И не помните? Когда пять хлебов Я преломил на пять тысяч человек, сколько коробов наполнили вы собранными кусками?» Говорят Ему: «Двенадцать». «А когда семь хлебов на четыре тысячи, — сколько корзин наполнили вы собранными кусками?» Они сказали: «Семь». И сказал им: «Как же не разумеете, что Я не о хлебе сказал вам, предостерегая вас от закваски фарисейской и саддукейской?» Тогда поняли, что Он говорил им не о закваске хлебной, а о лицемерном благочестии, к которому приучали фарисеи, о неверии в Провидение Божие и бессмертие души, которое внушали саддукеи, и о притворстве, которое во всем своем поведении высказал Ирод.

Мысли свт. Феофана на 1–4 стихи 16-й гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

Фарисеи и саддукеи просили Господа показать им знамение; а того и не видели, что знамение у них было пред глазами. Господь Сам был знамением; Его учение и дела ясно показывали — Кто Он; другого свидетельства не нужно было. *Дела, яже Аз творю, та свидетельствуют о Мне,* говорил Он иудеям. «Лице неба, — обличал их Господь, — рассуждать умеете, а знамение времени искусить не можете». Отчего так сделалось с ними? Оттого что они жили внешнею жизнью, а внутрь себя не входили. Без собранности же, без внимания и самоуглубления дел Божиих ни заметить, ни уразуметь нельзя. То же продолжается и доселе. Христианство у всех пред глазами как истинное знамение Божие, а смотрящие на него не видят того, колеблются в вере и отступают. Очи их теряют способность видеть на нем печать Божественности, и они готовы просить особенных знамений с неба,

подобно иудеям. Но знамение не дается, потому что ищущие ищут того только *искушающе*, а не затем, чтобы идти путем Христовым. Ты только вступи на этот путь и с первого же шага увидишь, что он Божествен, ведет к Богу, и Бога к тебе приближает. Иудеям сказал Господь: «Знамение не дастся... только знамение Ионы пророка». И нынешних неверов провидел Господь и им предуготовил ответ: *явится знамение Сына Человеческаго на небеси, и тогда восплачутся вся колена земная...*

Что такое знамение времен и где мы должны установить главную точку зрения для практических наблюдений за знамениями времен (Мф. 16: 3–4)

Амвросий, архиеп. Харьковский.
Из Слова на Новый год. «Вера и Разум», 1886

Знамения времен – это несомненные признаки ожидаемых, приближающихся или наступающих событий.

Когда ученые иудеи выразили Христу Спасителю желания видеть от Него знамение с неба или чудо для удостоверения в Его Божественном посланничестве, Он с укоризною сказал им: «Лицемеры! Различать лицо неба, угадывать ведро и ненастье вы умеете, а знамений времен не можете», то есть признаки наступлений известных явлений в природе для вашего разума удовлетворительны, а очевидные признаки исполнения воли Божией в событиях вашей жизни не представляют достаточных оснований для вашей веры и убеждения. «Знамение не дастся вам, — заключил Господь, — кроме знамения пророка Ионы» (ст. 1), что значило: наблюдайте за событиями и увидите на Мне исполнение прообразования, данного вам в пророке Ионе, которое заменит вам чудо.

Здесь мы можем видеть указание на два рода знамений будущего. Первые в пророчествах, прообразованиях и учении Слова Божия. Кроме знамения пророка Ионы, указанного Господом, для нас довольно в этом роде привести еще одно, данное Богом чрез пророка Исаию: «Сам Господь даст вам знамение, – говорит пророк, – *се Дева во чреве приимет и родит Сына и нарекут имя Ему Еммануил*» (Ис. 7:14). Любители Священного Писания знают, что оно преисполнено подобными знамениями в смысле предуказания будущего в слове и образах.

Второй род знамений – это черты в самих наступающих событиях, соответствующие предуказаниям, данным относительно их в слове Божием. В этом роде знамение дано было ангелом пастырям вифлеемским в доказательство истинности события рождения Спасителя мира: *се вам знамение: обрящете Младенца повита, лежаща в яслех* (Лк. 2:12). Сюда же относится ука-

зание, данное Иисусом Христом иудеям по прочтении Им Самим в синагоге пророчества Исаии о чудесах и благодеяниях, которые имел совершить Мессия по Своем пришествии: «Ныне, – объяснил Господь, – исполнилось Писание сие, слышанное вами», в чем все согласились с Ним (Лк. 4: 17–22). Таким же указанием отвечал Господь ученикам Иоанна Крестителя, посланным узнать от Него Самого, – Он ли Мессия, или ожидать другого: «Скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозирают, хромые ходят, прокаженные очищаются... и блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф. 11: 5–6). Наконец, при торжественном входе в Иерусалим, смотря на город с горы Елеонской и заплакав о предстоящем ему страшном разорении, Господь сказал: «О, если бы хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19: 41–44).

Таким образом, в созерцательном исследовании судов Божиих о народах и всем человечестве, открытых нам в Слове Божием, и во внимательном сличении с ними событий своего времени мы имеем способ приблизительно узнавать предлежащее нам будущее – счастливое или несчастное. Руководственное наставление в этом смысле к уразумению приближения великих событий Господь дал нам в изображении признаков Своего второго пришествия, Страшного Суда и кончины мира (Мф. гл. 24).

Где же мы должны установить главную точку зрения для практических наблюдений за знамениями времен? Где должны сосредоточиваться признаки приближения времен благоприятных и несчастных? – Обличая иудеев за невнимание к знамениям, являющимся в их собственной жизни, Господь сказал: «Лице земли и неба рассматривать умеете: зачем же вы *по самим себе не судите*, чему быть должно?» (Лк. 12: 56–57). Итак, средоточие признаков для распознания времен *в нас самих.* Христианин не может принять ни той мысли о судьбах народов, что они по силе механического саморазвития природы вместе со всем миром движутся в неизвестное будущее, ни той, что они в целом своем составе, как и все земные тела, в свое время по неизбежным законам всего земного рождаются, расцветают, старятся и умирают, что, казалось бы, оправдывается и историею исчезновения с лица земли древних великих народов. Народы живут и движутся по законам свободы. Народ хочет жить и будет жить; он желает занять видное место в истории и займет его; он хочет быть великим и счастливым и будет велик и счастлив, потому что его собственная участь в его руках, в его свободе. «Жизнь и смерть предложил я тебе», – сказал Моисей народу израильскому, указывая на данный ему закон Божий. «Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30:19).

Прекрасное разъяснение зависимости судьбы народа от его свободы находим мы у пророка Иеремии (гл. 18). Здесь излагается учение о долготерпении Божием. Оно в книге Бытия пояснено и примером. Изрекая

Аврааму обетование о даровании его потомству земли Ханаанской, Господь сказал, что еще время для исполнения этого обетования не пришло, потому что «мера беззаконий аммореев (живших в земле Ханаанской) еще не исполнилась» (Быт. 15:16). Но чрез пятьсот лет мы видим в истории такое страшное истребление народов ханаанских, которое приводит в ужас и недоумение людей, расширяющих мысль о Божием милосердии вопреки учению Слова Божия об Его правосудии.

Итак, вот где тайна того великого значения, какое имеет для народов наблюдение за знамениями времен. Кроме общего напоминания о деснице Божией, наказующей народы за грехи их с целью исправления, нам внушается бдительность и внимание к тем знамениям или явлениям в народной жизни, которые могут совершенно лишить нас милости Божией и истощить Божие к нам долготерпение.

Исцеление слепого в Вифсаиде (Юлии) (Мк. 8: 22–26)

Приходит Иисус Христос в заиорданскую Вифсаиду. Здесь приводят к Нему слепого и просят прикоснуться к нему. Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: «Видишь ли что»? – Тот, прозрев, сказал: «Вижу людей как деревья, и они ходят». (Таково могло быть ощущение у человека, который, не пользовавшись зрением с самого рождения, вдруг открывает глаза и не привык еще различать вещи по их виду, а замечает только их покой или движение). Иисус Христос опять возложил руки на глаза ему, и велел ему взглянуть и стал видеть все ясно, различая и вид, и близость, и отдаление предметов. И послал его Иисус Христос домой, сказав: «И в селение не заходи, и не рассказывай никому из селения».

Мысли святителя Феофана

«Мысли на каждый день года»

Вифсаидского слепого Господь не вдруг исцелил, но сначала неполно, а потом полно, так что он стал видеть все ясно. Для чего Господь так сделал, Ему Единому ведомо. Мы же возьмем отсюда следующую мысль: если считалось нужным исцелить телесное зрение постепенно, то тем более такая постепенность необходима в просветлении очей ума нашего. Так оно и было. В патриархальный период Богооткровенное ведение было не сложно, в период подзаконный оно стало сложнее и подробнее; в наш христианский период оно еще подробнее и возвышеннее; но конец ли? На земле высшего не ожидай, а на том свете будет. Два святых апостола удостоверяют нас в этом, святой Иоанн и Павел. Ныне видим все, как сквозь тусклое

стекло, а тогда все увидим ясно. Но и там будут степени умственного просветления, ибо область ведения Божия беспредельна. На земле же откровение Божие уже завершено; нечего и мечтать о высшем; все имеем, что нужно: усвой и живи тем. Христианское откровение впереди не обещает нового откровения; но только то, что Евангелие будет узнано во всем мире, и что эта повсюдность и всеобщность ведения Евангелия есть предел бытию настоящего порядка вещей. Тогда вера ослабеет, любовь иссякнет, жизнь станет тугой, и благость Божия положит конец миру.

Путешествие в Кесарии Филипповой: исповедание Петрово, предсказание Господа о Своих страданиях, смерти и воскресении, учение о Кресте Его последователей (Мф. 16: 13–28; Мк. 8: 27–38; Лк. 9: 18–27)

Исповедание Петра (Мф. 16: 13–20; Мк. 8: 27–30; Лк. 9: 18–21)

«Христианское чтение», 1839

Мф. 16: 13–18. *Кого Мя глаголют человецы быти, Сына Человеческого*, то есть обетованного Мессию? (ср. Дан. 7:13) – спрашивал Иисус Христос приближенных учеников Своих. Ученики отвечали: одни – *Иоанна Крестителя*, другие – *Илию*, иные – *Иеремию или единого от пророков. – Вы же кого Мя глаголете быти?* Тогда Симон Петр исповедал: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго!* На сие Иисус сказал в ответ: *блажен еси, Симоне, вар (сын) Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец Мой, Иже на небесех. И Аз тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей* (Мф. 16: 13–18). Вот место, где Иисус Христос в первый раз говорит о Церкви Своей!

И прежде ученики исповедали Его Сыном Божиим (Мф. 14:33), но тогда не было слова о Церкви, вероятно, потому, что к тогдашнему случаю примешивалось маловерие Петрово, и самое исповедание основывалось на виденном чуде – спасении апостола Петра от потопления и укрощении бури, чем спаслись и прочие ученики, бывшие на корабле; потому-то они и говорили: *воистину Божий Сын еси*; но потому-то и вера их, может быть, была не так совершенна, как здесь вера Петрова. Здесь же без всяких посторонних обстоятельств, которые могли бы возбуждать веру, исповедание апостола Петра льется стремительною речью: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго*! Видно, что сие исповедание излилось из всей души Петровой, проникнутой верою в Иисуса как Христа, Сына Божия, видно, что такого пол-

ного, сердечного исповедания ученики Христовы не изрекали еще ни однажды, хотя уже исповедали Его Сыном Божиим; и Сам Иисус Христос замечает, что такое исповедание внушили апостолу Петру *не плоть и кровь*, то есть не соображения просто человеческие, по коим иные называли Иисуса то Иоанном Крестителем, то Илиею, то Иеремиею, то единым от пророк, но Сам *Отец Небесный*, Который, по слову Христову, один и привлекает людей к Сыну (Ин. 6:44). Потому-то, как доселе не было столь полной веры и такого сердечного исповедания Иисуса Христом, Сыном Божиим, то есть истинным Мессиею, так не было и слова о Церкви. Что же из сего должно заключить? То, что твердая, сердечная, Самим Богом в сердце человека производимая вера во Христа и есть в человеке тот камень, на котором Христос созидает Церковь Свою.

Но не есть ли этот камень – Симон, поименованный Петром, или Петр, переименованный из Симона, как некоторые полагают? Сему мнению, кажется, служит опорою и значение имени Петр, и название оным Симона. *Петр*, как и в другом месте (Ин. 1:42) *Кифа* (сирийское), означает *гору, скалу* или *камень*; для чего ж Петру и такое имя, если не быть ему основным камнем Церкви Христовой? Но не очевидно ли, с другой стороны, что сие наименование относится не к лицу Симона, но к твердой его вере? Как бы так сказал ему Иисус: «Настоящее исповедание твое так твердо, как скала; по ней называю тебя Петром; и *на сем камени*, на такой-то скале, на таком-то твердом, как скала, исповедании, Я созижду Церковь Мою». Такая вера, без сомнения, не может ограничиваться одним лицом апостола Петра, как и не один Петр призывается в Церковь; между тем с неподвижностью скалы, на которой бы могла основаться Церковь так прочно, чтобы и *врата адова*, то есть все усилия врагов ее, *не могли одолеть ее*, нельзя, кажется, в самом Петре согласить ни троекратного отречения его от своего Учителя (Мф. 22: 64–75), ни всенародного обличения, сделанного ему апостолом Павлом (Гал. 2: 11–14); как же после сего апостол Петр мог быть основным камнем Церкви? Разве скажут, что он первый имел твердое дерзновение проповедать Иисуса Христа иудеям (Деян. 2:14 и далее) и язычникам (Деян. 10:1 и до конца), и, следовательно, первый положил основание, или лучше, начало созиданию Церкви? Но сие, очевидно, не то значит, что апостол Петр был основным камнем Церкви Христовой, а то, что он был первым по ревности и решительности *соработником Богу* и *искусным строителем Церкви* (1 Кор. 3: 9–10), созидавшим, подобно прочим апостолам, на данном уже основании или камне, который собственно и единственно есть Иисус Христос. *Основания бо иного*, говорит апостол Павел, *никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос* (ст. 11; ср. Мф. 21:42; Мк. 12:10; Лк. 20:17; Деян. 4:11; Пс. 117: 22–23; Ис. 28:16), в чем совершенно согласуется с ним и сам апостол Петр (1 Пет. 2: 4–8). Посему

ежели можно назвать его основанием Церкви, то в таком только смысле, в каком и прочие апостолы и пророки называются таким основанием в словах апостола Павла, называющего верующих *назданными на основании Апостол и пророк, сущу краеугольну* (камню) *Самому Иисусу Христу* (Еф. 2: 20–21); но и здесь без всякого особого преимущества пред другими апостолами, как бы Петр был, если не основным камнем, то главою Церкви, дабы в церквах, местностью или временем разделяемых, не произошло того же, что произошло некогда в Коринфской церкви, где иной говорил *я Павлов,* другой — *я Аполлосов,* тот — *я Кифин* (Петров, сей — *я Христов? Еда разделися Христос? Еда Павел распятся по вас* (1 Кор. 1: 12–13)? *Кто Павел, кто Аполлос* (кто, следовательно, и Петр), *как не служители только, посредством которых вы уверовали?* — писал апостол Павел (1 Кор. 3:5). Таким образом, чтобы яснее и полнее сказать о сем предмете, говорим, что основный камень Церкви вне человека — есть Иисус Христос, а в самом человеке — твердая вера в Него; апостол же Петр есть, как и прочие апостолы, только служитель Церкви, первый по предупредительной своей решительности, с какою он начал свое служение, а не по какому-либо преимуществу, впрочем, и столп Церкви, как Иаков и Иоанн (Гал. 2:9).

На сем-то камени — на Христе и твердой вере в Него как Сына Божия — и созидает Господь Свою Церковь так прочно, что *врата адова не одолеют ей.* Сие выражение, впрочем, по отношению к людям, очевидно, не значит того, чтобы вера их была всегда так тверда, что врата адовы никогда не одолеют ее; вера апостола Петра в первом исповедании так твердая впоследствии, как известно, поколебалась; равно нельзя поручиться и за веру каждого человека, всегда свободного по сердцу и несвободного от падения; но значит, что для того, дабы верующие могли, как *камение живо* (1 Пет. 2: 4–5), составлять Церковь столь твердую, чтобы врата адовы не одолели ее. Им прежде и паче всего необходима вера во Христа, столь же твердая, сколько она была тверда в первом исповедании апостола Петра. Буди, христианин, *верен даже до смерти* (Откр. 2:10).

Почему Спаситель сказал апостолу Петру, а не другому из апостолов: *Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою;* и что значат слова: *врата адова не одолеют ей*

Свт. Филарет, митр. Московский.
На освящение храма св. Алексия в селе Черкизове, 6 сент. 1825.
«Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1869

Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей (Мф. 16:18). Дабы правильно разуметь, каким образом *на сем камени,* кото-

рый есть апостол Петр, создана Церковь, должно прежде всего утвердить коренную истину, что всеобщее, глубочайшее основание, также и первый краеугольный камень здания церковного есть не иной кто, как Иисус Христос, Сын Бога живого. *Основания,* говорит апостол, *инаго никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос* (1 Кор. 3:11). *Наздани,* говорит он также в другом месте христианам, *на основании Апостол и пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу, о Немже всякое создание составляемое растет в Церковь Святую о Господе, о Немже и вы созидаетеся в жилище Божие Духом* (Еф. 2: 20–22). Посему и Петр положен в основание Церкви не прежде, как он положил основание Христа. Прежде Петр сказал Господу: *Ты еси Христос Сын Бога живаго.* Потом уже Господь сказал Петру: *ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою.* Примечайте и то, что хотя Господь обещает Петру на нем создать Церковь: *на сем камени созижду* но не обещает, чтобы Церковь была его, а называет ее Своею: *созижду Церковь Мою.* Каким же образом на сем *камени,* который есть *Петр* апостол, создана Церковь Христова?.. Когда Иисус Христос явился в мире, тогда стояла церковь иудейская, а христианской даже основания не видно было; основание разумейте то, о котором теперь говорено было. Тайну сего основания прежде всех Петру *не плоть и кровь* явили, то есть не человек возвестил, но явил *Отец, Иже на небесех* (Мф. 16:17). *Ты еси Христос, Сын Бога живаго,* сказал Петр, и открылось основание Церкви христианской. Прежде всех Петр увидел сие основание, и прежде всех возлег на сем основании сей камень, и прежде прочих апостолов получил обещание, что на нем самом возвысится потом здание. *Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою.* Действительное созидание на сем камени началось по сошествии Святого Духа на апостолов. Посмотрите, как и теперь, прежде прочих, и, как твердо полагает Петр, прежде положенное основание, еже есть Иисус Христос. *Твердо убо да разумеет весь дом Израилев,* говорит Петр иудеям, *яко и Господа и Христа Его Бог сотворил есть сего Иисуса, Егоже вы распясте* (Деян. 2:36). Смотрите далее, как быстро растет здание: *приложишася в день той душ яко три тысящи.* И далее: *мнози от слышавших слово вероваша; и бысть число мужей яко пять тысящ.* Вскоре присоединились к Петру в деле сего созидания и прочие апостолы: и по нескольких летах Иаков и пресвитеры его в одном Иерусалиме уже не тысящами, но тьмами считали христиан, указывая их Павлу: *видиши ли, брате, колико тем есть иудей веровавших* (21:20)! Видите уже, без сомнения, и разумеете, каким образом на камени, который есть Петр апостол, созидалась Церковь Христова. Она созидалась проповедью Петра и прочих апостолов, крещением от них, помазанием Святого Духа чрез их рукоположение, таинственным преподанием от них животворящего Тела и Крови Христовых верующим, друг друга приимательным от них распространением священства со властью тайнодействовать и вязать и решить духовно, чрез что созидание Церкви, апостолами начатое, и после того,

как сии камни основания и утверждения сокрылись в Церкви невидимой, небесной, также чрез их преемников, пастырей и учителей, непрерывно продолжает Верховный Зиждитель Христос. *Той дал есть овы убо Апостолы, овы же пророки, овы же благовестники,* для начатия созидания, *овы же пастыри и учители* для продолжения созидания, тех и других вместе, *к совершению святых, в деле служения, в созидание тела Христова,* Павел ли кто, Аполлос ли, или кто бы то ни был, но по преемству от них приявший то же дело служения, *Богу есмы споспешницы, а вы Божие тяжание, Божие здание есте* (1 Кор. 3:9).

И врата адова не одолеют ей. Можно ли было ожидать иного? Если Зиждитель Церкви есть Бог и Христос Его, то кто может быть ее разрушителем? Какой враг, ищущий ее разрушения, может быть так силен, как Бог, Который ее утверждает и подкрепляет? Верно слово: *и врата адова не одолеют ей.*

Если испытующий спросит, почему и в каком разуме Господь не просто здесь именует *ад,* но в особенности указует *врата адова,* — в разрешение сего приметим, что Господь в изречении Своем Церковь уподобляет зданию града, которому другой, враждебный град в созидании препятствовать и которое разрушить старается, как сие особенно испытали иудеи с Иерусалимом после пленения Вавилонского. У врат града, по древнему обыкновению, собирались обладающие градом и старейшины его для общественных совещаний и предприятий. Врата града враждебного бывают особенно страшны, и потому особенно могут быть указаны, когда входит в них вражеское войско. Посему когда Господь не просто именует ад, но в особенности указует *врата адова,* — чрез сие представляется уму нашему все, что ад имеет наиболее страшного и могущественного, если можно назвать могуществом его хитрость и ярость.

Едва открылось на земли созидание Церкви Христовой, как и врата адовы отворились и изрыгнули против нее многочисленные враждебные силы и многообразные орудия. Врата адовы отверзлись против христианства на земли в иудействе и в язычестве. Сила и хитрость, клевéта и ласкательство, угрозы и прельщения, невежество народа и тонкости ученых, буйство черни и искусство правительства, поругание, изгнание, грабительство, мучения, множество известных и новоизобретенных родов ужасной смерти, все подвигнуто было, чтобы одолеть Церковь христианскую. И что же? Синагога, храм и град иудеев, капища, идолы, престолы, воинства, целый мир язычников — всё рушилось и рассыпалось в прах; а Церковь Христова осталась, возросла, утвердилась, возвысилась, расширилась, восгосподствовала. Ад, посрамленный, но не истощившийся в хитростях и злобе, хотел было подкопаться под основание Церкви и отворить себе новые тайные врата против Церкви чрез ереси и расколы, но где уже Арий, Македоний, Несторий, Диоскор и множество древних и новых ересеначальников и раскольников с их сонмищами? *Врата адова* отворились в сем случае против Церк-

ви только для того, чтобы ее изверги туда низринулись, а ей *не одолели,* и поелику *небо и земля прейдут, словеса же Христовы не мимо идут,* никогда, никакими усилиями, ни ухищрениями, *врата адова не одолеют ей.*

Изъяснение 19–20 стихов 16-й гл. Евангелия от Матфея

Епископ Михаил. «Толковое Евангелие»

Ст. 19. *И дам ти ключи Царства Небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех.*

Выражение *дам ти ключи Царства Небеснаго* означает то же, что последующее за ним изречение: *еже аще свяжеши на земли, будет связано на небесех* и проч. «Неужели ключи те получил Петр, а Павел не получил? Петр получил, а Иоанн, Иаков и прочие апостолы не получили? Не в Церкви ли те ключи, где ежедневно отпускаются грехи? Эти ключи и право вязать и решить получил не один человек, но единая вселенская Церковь. А что действительно Церковь получила сие право, а не одно исключительное лицо, это видно из другого места, где Господь то же самое говорит и ко всем Своим апостолам (Ин. 20: 22–23 и Мф. 18:18). Так Церковь связывает, Церковь разрешает: связывает и разрешает Церковь, основанная на краеугольном камне – Самом Иисусе Христе» (блж. Августин).

Ст. 20. *Тогда запрети Иисус ученикам Своим, да никомуже рекут, яко Сей есть Иисус Христос.*

«Для чего Он запретил? Для того, чтобы по удалении соблазнителей, по совершении крестного подвига и по окончании всех Его страданий, когда уже некому было препятствовать и вредить вере в Него многих, тогда чисто и твердо напечатлелось в уме слушающих верное о Нем понятие. Поелику могущество Его не столь еще очевидно обнаруживалось, Он хотел, чтобы апостолы тогда уже начали проповедовать, когда очевидная истина проповедуемого и сила событий будут подтверждать слова их. Ибо иное дело видеть, что Он то чудодействует в Палестине, то подвергается поношениям и гонениям, особенно когда за чудесами должен был последовать крест. Иное же дело видеть, что вся вселенная Ему поклоняется и верует в Него, и что Он уже не переносит ни одного из тех страданий, которые претерпел. Посему-то и повелел никому не сказывать...

Если те, которые видели многие чудеса и слышали столько неизреченных тайн, соблазнялись при одном слухе о страданиях, притом не только прочие апостолы, но и верховный из них Петр, то представь, какому бы соблазну подвергся народ, знавши, что Иисус Христос есть Сын Божий, и потом увидевши, что Его распинают и оплевывают, между тем как не разумел сокровенного в сих тайнах, не принял еще Духа Святого?

Итак, справедливо запретил Он сказывать прежде креста народу, когда прежде креста опасался все открыть и тем, которые должны быть наставниками» (св. Иоанн Златоуст).

Предречение Иисуса Христа о Своих страданиях, смерти и Воскресении и учение о Кресте Своих последователей (Мф. 16: 21–28; Мк. 8:31–9:1; Лк. 9: 22–27)

После исповедания Петра Иисус Христос начал открывать Своим ученикам, что Сыну Человеческому много должно пострадать в Иерусалиме, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, быть убиту и в третий день воскреснуть. И это говорил Он открыто, а не намеками и не притчами.

Но Петр, отозвав Его, начал противоречить Ему. «Сохрани Бог! – говорил он. Этого не будет с Тобою, Господи!» То есть Петр позволил себе советовать своему Учителю и Господу не уступать врагам и не дозволять, чтобы они унизили в Нем достоинство Мессии. Он полагал, что кто терпит, тот унижен, а кто заставляет страдать, тот имеет превосходство и силу, и не понимал еще, что именно в страданиях Христовых заключена сила искупления всего рода человеческого.

Иисус Христос, обратившись и взглянув на учеников Своих, строго сказал Петру: «Отойди от Меня, враг! Ты Моим намерениям ставишь препятствие, потому что у тебя на мысли не то, что Богу угодно, а что человеку приятно». Потом, подозвав народ с учениками Своими, сказал всем: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя».(не думай о себе и о своих выгодах), «каждый день бери крест свой» (переноси неприятности, огорчения и несчастия, которые без твоей вины падают на тебя); «и следуй за Мною. Потому что кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет блаженную жизнь в вечности, а кто не пощадит души (жизни) своей ради Меня и Евангелия, тот спасет ее» и обретет блаженную жизнь. «А что пользы человеку, если бы он и целый мир приобрел, душе же своей повредил и себя самого погубил? И какой выкуп мог бы дать человек за душу свою? Потому что если кто постыдится Меня и Моих слов среди этого прелюбодейного и грешного рода, того и Сын Человеческий постыдится в Свое пришествие. А Он приидет во славе Своей и Отца Своего со Своими святыми ангелами и тогда воздаст каждому по делам его».

Слушая это, многие, естественно, могли подумать (и, вероятно, думали), что, проповедуя терпение, лишения, страдания, Иисус Христос не соберет Себе последователей, а, напротив, суровым учением отдалит от

Себя и тех, которые теперь присоединились к Нему, конечно, в ожидании близких выгод и почестей, да и Сам едва ли прославится.

И Господь заключил Свою речь словами: «Истинно говорю вам: некоторые из стоящих здесь не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем, и Царствие Божие пришедшее в силе».

Учение о самоотвержении и крестоношении (Мк. 8: 34–38; 9:1)

«Воскресное чтение», 1825

Намереваясь преподать Свое учение, Спаситель Сам подозвал к Себе народ с апостолами; это значило, что Он хотел им сообщить нечто в особенности важное и для всех необходимое. Рассмотрим прежде ход главных мыслей этой проповеди, а потом обратим внимание на те особенности, которые в ней представляются.

Спаситель начал так: *иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой и по Мне грядет* (ст. 34); «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, возьми крест свой и последуй Мне». Беседа начинается простою речью о последовании Христу. Предмет этот был всякому понятен больше или меньше, потому что с появлением Христа, как нового и великого Учителя, естественно, должен был образоваться особенный круг Его приверженцев или последователей в среде людей, сочувствовавших Ему и доверявших Его учению. А при постоянном видимом обращении Христа с народом во время Его земной жизни многие осуществляли это даже (буквально) видимым образом, на деле, то есть следовали за Христом повсюду и разделяли с Ним труды Его, путешествия, оставляя прежние житейские дела свои и будучи заняты одним лишь тем, что Христос делал и говорил на поприще Своего служения. И это было делом не малой важности. Спаситель Сам некоторых призывал к тому, как, например, апостолов Матфея, Петра, Иоанна и других лиц, а другие высказывали собственное желание ходить за Ним, тоже, разумеется, в качестве учеников Его. Но здесь же и обнаружилось, что не все призываемые были одинаково приготовлены следовать за Ним, да и Сам Он, без сомнения, соображаясь с теми же различиями внутренних настроений, не всякому дозволял это (см. Мф. 8: 19–22).

В отношении ко всем нам вообще это последование Христу, очевидно, должно принимать в первом, более обширном смысле, то есть как сердечное и твердое последование примеру и учению Христову во всех поступках своей жизни. На все указанные случаи Спаситель хочет теперь сделать открытое объяснение касательно того, кто именно и при каких условиях может войти в число Его последователей. Относительно того, кто может быть последователем Христа, не делается собственно никакого ограниче-

ния, а дается на то право всякому, «кто хочет», у кого есть добрая воля; одно только здесь и усматривается разграничение, определяемое самим ходом дела, — разграничение между желающими и нежелающими. Но вот зато определяются далее и точные условия, среди которых должен проходить путь истинного последования Христу. Здесь-то и делается испытание доброй воле человека. «Кто хочет идти за Мною, — говорит Спаситель, — отвергнись себя». Что значит отвергнуться себя? Как бы ни объясняли себе это выражение, — во всяком случае, оно, по своему решительному тону с первого же раза внушает человеку отношения к самому себе, не совсем благоприятные, по крайней мере с обыкновенной, житейской точки зрения. В другом месте Спаситель выражается еще решительнее: *аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матерь, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк. 14:26); тут прямо как бы внушается человеку чувство ненависти к самому себе. При взгляде на те необузданные проявления самолюбия, из которых вообще слагается жизнь человека ветхого, становится понятным, почему Спаситель требует от Своего последователя таких с виду непримирительных чувств в отношении к самому себе. Что же делать, когда человек естественный иначе не умеет теперь и действовать в отношении к самому себе и заботиться о себе, как только под влиянием неумеренных и безрассудных внушений самолюбия, которое, между тем, губит, растлевает внутреннюю жизнь его, унижает человеческое его достоинство, порабощая его низким, чувственным стремлениям, и в то же время развивает в нем скудное собственными силами самомнение? Поневоле теперь приходится человеку как можно более стараться забывать о своем «я», о своих личных интересах, чтобы противопоставить закоренелой болезни решительное противодействие, и по необходимости все это обращается теперь для него в исключительную обязанность и становится в числе первых условий нравственного совершенства. Впрочем, тут вовсе не предписывается человеку какого-нибудь самоубийственного посягательства на жизнь свою и не делается какого-либо решительного насилия его естественному чувству самосохранения. Обратим внимание на те частные случаи, когда Христос призывал других следовать за Ним или вел с ними беседу об этом предмете. Чего именно Он требовал при этом? Он требовал, чтобы человек отказывался от своего имения, или, точнее, от пристрастия к имению, отстранялся от сродства, житейских связей, и т.п., — словом, отрешался от земных привязанностей, так чтобы не имели они в душе нашей своего прежнего, самостоятельного и господствующего значения; — в этом, следовательно, Он полагал и существо истинного самоотвержения. Житейские привязанности, действуя в человеке невозрожденном, постоянно принимают у него преувеличенный и неправильный вид, обращаясь часто в безумные страсти, и в то же время до

такой степени срастаются с его естественным чувством самосохранения и собственною его личностью, что всякий отказ их непомерным требованиям стоит человеку усиленной борьбы с самим собою, и борьба эта так трудна для него, что равняется как бы отказу от собственной своей личности.

Для окончательного их препобеждения становится необходимо человеку идти страдальческим путем жизни, путем терпения: это есть естественный плод самоотвержения и вместе поприще дальнейших его успехов при духовном обновлении человека. Чтобы войти со Христом в славу Его, нужно прежде сделаться участником Его в страдании. Это Спаситель и выражает далее, говоря, что последователь Его должен взять крест «свой». Выражение образное, но оно могло быть понятно внимательным из слушателей Иисуса, как указание на тяжкую участь жизненных страданий, ожидающую последователя Христова; потому что крестная казнь была известна всем, как одна из самых позорных и мучительных, а выражение «взять крест свой» указывает на существовавший обычай заставлять осужденных нести свой крест на место казни. Следовательно, когда Спаситель требовал крестоношения, – это означало, что последователь Его должен быть готов переносить на своем пути всякие неприятности – до самых позорных и болезненных. Для нас, наученных словом крестным, верующих во Христа распятого, слова Спасителя становятся еще понятнее: они указывают нам на необходимость подражать Христу в терпении страданий, под которыми здесь можно разуметь всякого рода испытания и скорби жизни, подобно тому, как и жертва искупительных страданий Самого Христа слагается из всех видов Его земного уничижения и скорби, для которых крест Его служит уже венцом и совершением. После всего этого Спаситель уже приглашает верующего «последовать Ему», то есть прилагать к жизни все те добрые примеры и нравственные правила, которые оставлены для нас Христом. Затем Спаситель предлагает некоторые побуждения к принятию и соблюдению указанных условий. Строгие требования христианского самоотвержения, сказали мы, представляются тяжкими для естественного чувства самосохранения, и чувство это, подстрекаемое самолюбием, может вооружать человека против них; поэтому Спаситель объявляет наперед, что кто думал бы таким образом сберечь свою душу, избегая самоотвержения, тот потеряет ее, а кто решится на эту кажущуюся ее потерю, тот спасает ее. Христос вовсе не требует, чтобы человек губил себя решительно и бесплодно; напротив, Он только требует тех жертв, которые необходимы для блага собственной души человека, Он внушает человеку отвергаться самого себя ради любви к Богу и ради спасительных целей Евангелия: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот спасет ее» (ст. 35). Отсюда выводится у Него новое побуждение, основанное на понятии о достоинстве человечес-

кой души: какая польза человеку, ежели он приобретет весь мир, а душу свою потеряет? Или: какой выкуп даст человек за душу свою? (ст. 36–37), то есть в случае, если потеряет ее, отказываясь от самоотвержения и крестоношения. В самом деле, что мир этот может представить взамен души нашей, бессмертной и духовной? Таков ход главных мыслей в речи Спасителя. Мы тут встречаем много замечательного относительно свойств и требований жизни христианской. Стоит, во-первых, обратить внимание на то, как соединяется неприкосновенность прав свободы человеческой со строгими условиями христианской нравственности: они предлагаются желающим. То самое, что сии строгие условия высказываются тут наперед со всею точностью и прямотою, всего лучше соответствует характеру свободы человеческой, потому что сразу определяется для человека предмет его свободного выбора. Между тем свободное произволение человека тут само собою состоит в ряду условий; после этого не будет для него стеснительно принятие и дальнейших условий. Далее можем обратить внимание на то, как все сии условия в своем соединении облегчаются одно другим при их выполнении. Заповеди Христовы все такого свойства: чем более мы будем стараться выполнять неопустительно «всё» требуемое от нас, тем больше будем получать уверений в опыте, что *заповеди сии тяжки не суть* (1 Ин. 5:3). Отречься самого себя, а в особенности поднять на себя бремя крестоношения – труд немалый и болезненный; но если только из призываемых кто-нибудь хочет, действительно хочет истинно и твердо идти по следам Христовым, то это доброе хотение, как и при всяких многотрудных предприятиях, в самом начале облегчит собою труд и будет подавать силы к оному. Потом, Спаситель требует от нас самоотвержения; это посильная жертва доброго хотения, но вместе и пособие к дальнейшему подвигу крестоношения. Кто искренно желает быть соучастником страдания Христова, тот сам скоро почувствует необходимость самоотвержения. Большая, можно сказать, часть тяжести, которую испытывает человек при различных неприятностях жизни, происходит не от собственного подавляющего влияния этой тяжести, а от сильного развития земных пристрастий в душе человека, с отсечением которых необходимо ослабляется и то неприятное чувство, которое производят на нее лишения на крестном пути. Затем – от христианина требуется, чтобы он взял крест свой: это значит, что на него не возлагается вся та тяжесть крестного подвига, которую подъял за нас Искупитель, но что каждому предназначается Промыслом Божиим свой крест, применительно к силам и состоянию человека, – крест, уготовляемый самими же обстоятельствами его жизни и потребностями его нравственного положения. Так точно и апостол уверяет, что Бог не попустит нам *искуситися паче*, нежели сколько можем, но *сотворит со искушением и избытие*, то есть послабление, так чтобы *возмощи* и нам *понести*

(1 Кор. 10:13). Пусть только человек сам постарается точнее с этим сообразоваться по своему крайнему разумению, вынося с терпением всё то, что будет послано от руки Божией, пусть не усиливается в ложной самоуверенности налагать на себя бремена не по силам и бросаться в трудности и скорби без нарочитого к тому вызова со стороны долга или обстоятельств, как это бывает иногда у людей; тогда он сам увидит, что путь крестоношения, открытый для него Богом, следуя высокому направлению пути Христова, в то же время не превышает ограниченной меры сил человека и всегда может быть пройден благополучно. Но, призывая человека взять свой крест, Спаситель в то же время приглашает человека неуклонно следовать за Ним: это главный предмет предварительных условий, но вместе это самое тут служит и облегчением для человека. Если бы все труды крестоношения, которые предпринимает человек, совершались без определенной цели и без высшего направления, тогда действительно он мог бы легко падать на каждом шагу, не получая ободрения и оживления. Но он идет за Христом: здесь Сам Христос Своим близким присутствием облегчает тяжесть человеческого креста; кроме того, личный пример Спасителя здесь действует и очищающим и ободряющим образом. Далее затем — Христов последователь ясно видит при трудах своих высокую указанную цель; это вечное *спасение души*. Судя по всему этому, мы можем заключать, как вообще много человеколюбия в предложенных Спасителем условиях. Он прямо выразил, что хочет заставить каждого из нас подумать о своей душе, позаботиться серьезнее о ее целости: чего нужно желать более?

В заключение Спаситель указывает один из частных случаев, где верующему представляется необходимость жертвовать собою для спасения души своей. Это говорится о том обстоятельстве, когда ложно направленное мнение других относительно достоинства учения Христова, преследующее верных блюстителей его стыдом и презрением, вызывает их к смелому и открытому исповеданию имени Христова словом или делом. Кто пожалеет в этом случае себя для временной выгоды, тот, очевидно, потеряет право на участие в Царстве Христовом; ибо как Христос признает его Своим, когда сам он отступился от Христа? *Иже аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, — и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми* (Мк. 8:36). А это откровение Царства Божия будет непременно: там только в блаженном и вечном сожитии со Христом верные и мужественные слуги Его получат совершенное спасение души. Подтверждая мысль эту, Спаситель говорит, что некоторым из Его слушателей будет сие в опыте показано еще до смерти их: «Истинно говорю вам, что некоторые из стоящих здесь не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (9:1). Слова эти объясняются различно. По толкованию некоторых, что, впрочем,

соответствует и ходу евангельской истории, здесь нужно подразумевать указание на чудо Преображения Христова, которое скоро затем было трем избранным ученикам, и в котором сии последние увидели образец того будущего состояния, когда Царство Божие явится во всей силе своей.

Об условиях последования за Христом (Мк. 8:34)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в Неделю Крестопоклонную

Некогда Иисус Христос наименовал Себя *Путем, Истиною и Жизнию* (Ин. 14:6). Теперь, соответственно с первым из сих наименований, указует Он нам путь. *Иже хощет о Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мк. 8:34).

Евангелист замечает при сих словах, что Иисус Христос произнес их, *призвав народы со ученики Своими.* Сие показывает, что Его воззвание относится не к одним избранным особенно, но ко всем без исключения.

Во-первых, желающий последовать за Христом должен отречься самого себя, то есть отвергнуть свое самолюбие, не быть привязанным к собственной чести, собственной выгоде и собственному удовольствию, но все сие, по образу путешественника, встречать мимоходом и вскоре оставлять позади себя; во всем поступать по сему наставлению апостола: *Да имущии жены, якоже не имущии будут: и плачущии, якоже не плачущии: и радующиися, якоже не радующеся: и купующии, яко не содержаще: и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7: 29–31). Как можно, скажут, дойти до такого самоотвержения? Можно так же, как воин отрекается от приятностей домашней жизни, когда выходит на поле брани, как он отрекается и от самой жизни, когда вступает в сражение, без какового отречения не мог бы он быть ни мужественным, ни победоносным. Если сие можно делать для тленного венца и временной славы, чего не можно и не должно сделать для венца нетленного и славы вечной?

Во-вторых, для последования Христу должно взять крест свой. Крест Христов составляют *Его страдание, искушение и убиение* (Мк. 8:31). Претерпев един все сие для нас, Он имеет совершенное право требовать, чтобы каждый из нас претерпел все сие для Него. Но дабы не сокрушить нас тяжестью сего бремени, под которым Он Сам являлся изнемогающим, Он не возлагает на нас Своего великого креста, но заповедует только взять каждому свой собственный, то есть быть готовым перенести столько страданий, искушений внешних и внутренних, сколько на каждого в особенности наведет наказующая, очищающая и вместе милующая судьба всем управляющего Промысла.

Несение креста своего

Епископ Феофан. «Домашняя беседа», 1873

У каждого из нас есть свой крест. Он слагается из всего, что беспокоит и тяготит наш дух, что терзает сердце наше на правом пути нашем ко Господу, во все дни нашей жизни.

Первый конец этого креста составляют немощи естества нашего и худое направление сил его, как-то: недалекость ума и незрелость соображений, отсутствие энергии в воле и неподвижность ее на дела долга, вялость чувств и падкость их на недолжное, особенно же исчадия нашей самости — полчища страстей и всякого рода похоти плоти. Пробудившийся дух видит все это в себе, тяготится тем и несет на себе, как преступник, которому в наказание привязан на плечи тлеющий труп. Это крест падшего человечества.

Второй конец креста нашего составляют все труды и неприятности житейские. Мы ищем довольства, добрых отношений ко всем и благоприятного течения дел наших; но во всех этих сторонах нашей жизни почти поминутно происходит расстройство скорбное, а иногда и бедственное. Желая избыть неприятностей, мы боремся с противлениями и тянем жизнь свою похоже на то, как кто идет среди терна и шиповника: то и дело зацепки и царапины. Это крест житейский.

Третий род креста слагается из трудов по исполнению обязательных для нас дел. Каждый из нас обложен своими обязанностями; каждая обязанность имеет свой круг занятий; каждое дело требует труда и терпения, чтобы довести его от начала до конца в том духе, порядке и полноте, какие составляют его существо, с преодолением всех неизбежно сопряженных с тем препятствий. Стало быть, всякое обязательное для нас дело есть ноша; а все они в совокупности составляют нелегкое иго долга, которое мы несем и нести должны до гроба. Это крест служебный Господу, обществу и нашим ближним.

Нет никого на свете, кто не был бы обложен этими крестами, или своим трехсоставным крестом. Но одни несут этот крест во спасение, другие на пагубу себе. Господь, возлагая на нас крест, хочет, чтобы мы содевали им спасение свое, и если кто, усиливаясь свергнуть с себя этот крест, уязвляется им насмерть, то виноват сам неразумием своим и невниманием к попечительным указаниям спасающей нас благодати Божией. Именно Господь хочет, чтобы, борясь с собою, мы приобретали опытность в различении добра и зла и очищались, чтобы, терпеливо неся тяготу житейскую, смирением преклоняли Бога на милость, чтобы, исполняя свой долг с преодолением всех трудностей, достойно стяжали венец правды! Таким образом, когда, входя в эти благие намерения Божии, мы

держим себя именно в таких отношениях к кресту своему, то несем его спасительно; в противном же случае крест наш не во спасение нам, а в пагубу.

Что дороже: душа или мир?

Из сочинений свт. Димитрия, митр. Ростовского

Какая польза человеку аще приобрящет мир весь и отщетит душу свою? (Мк. 8:36)

И то и другое, и душа и мир сей, дорого для нас, слушатели возлюбленные! Дорога душа, ибо тою живем, тою движемся; дорог и мир сей, ибо в том наслаждаемся, в нем находим покой и все потребное для настоящей жизни нашей. Дорога душа, ибо кому же хочется умирать, с душою расставаться? Дорог и мир, ибо кто не ищет удобства жизни и других благ мирских? Но что из двух должно быть для нас дороже: душа ли или мир сей? Да позволит мне любовь ваша положить на весы то и другое, дабы лучше распознать, что из них дороже. Без всякого сомнения, братие, то для нас лучше и любезнее, что прекраснее, что драгоценнее и что полезнее. Сравним же теперь душу нашу и мир сей. Итак, что же? Не прекрасен ли мир сей? Ведь столько в нем высоких и почетных должностей, столько чинов, столько в нем украшений, златых и многоценных, столько лиц прекрасных, столько храмин давно построенных, к тому же — столько сладких и приятных дружеств, обществ, пиршеств, веселий, прохлад и утех, а выше всего — временные греховные сладости! Так прекрасен мир сей, что невольно влечет к себе и очи, и сердце человека, как магнит влечет железо. И никому-то не хочется отвести очей от красоты его! Не напрасно святой пророк Давид молился: *отврати очи мои еже не видети суеты* (Пс. 138:37). Сказал бы кто-нибудь: пророче Божий, сам отврати очи твои не видети суеты, не гляди на суету, отвратись от нее. Но святой пророк отвечает: не могу сам собою отвратить их; ибо *зело углубишася* в суету и неуклонно зрят на нее, и собственных сил моих не достаточно к тому, чтобы преодолеть их, един Бог силен сотворить сие. *Ты убо,* Господи, *отврати очи мои еже не видети суеты!* Если же неудобно отвратить и очей от суетного мира сего, то еще труднее отвратить от него сердце. Так прекрасен и любезен нам суетный мир сей!

А душа наша имеет ли какую-нибудь красоту? Да что такое душа? Душа — есть существо разумное, невидимое, бестелесное, бессмертное, богоподобнейшее, имеющее образ Создателя своего. Рассмотрим со вниманием здесь одно слово *богоподобнейшее.* Что прекраснее Самого Творца Вселенной? Конечно — ничто, ибо Он есть Источник всякой красоты. А что из всех созданий небесных и земных подобно Богу? Ничто, кроме двух созданий: ангела и души человеческой; в сих только существах явлен образ Пресвя-

тые Троицы. Но человеческое естество и над ангелами превознесено еще воплощением Сына Божия; ибо, по глаголу апостольскому, *не от Ангел когда приемлет* Единородный Сын Божий, *но от семене Авраамова приемлет* (Евр. 2:16), приемлет, искупляя душу человеческую Кровию Своею и обновляя в ней древнее подобие Свое, и украшая ее еще больше и превосходнее. Здесь, собрав вся красная мира сего, положи против красоты души человеческой, и смотри, что прекраснее — мир или душа человеческая? Если душа человеческая, Кровию Сына Божия искупленная, и невеста, на веки с Ним сопряженная, прекраснее небесной красоты, сияния звездного и света солнечного и подобна красоте Создателевой; то что будет против нее вся красота мира сего? Не то же ли, что тьма против солнца? Ибо мир сей окаянный подобится не Богу, а разве своему господину, которому служит, князю века сего, диаволу, всему помраченному и никогда не могущему убелиться

Посмотрим теперь: что драгоценнее — душа или мир сей? Как вы думаете, дорог ли мир сей? Люди часто ценят богатства мирские дороже души своей: за золото и серебро и за другие вещи полагают душу свою, неся ее, как деньги, на куплю. Вот идет наемный воин на брань из-за одной корысти, — он несет душу свою: Бог весть, возвратится ли он с нею! Вот идет купец со своим товаром в далекий путь ради приобретения — несет душу свою: бог весть, принесет ли ее обратно! Вот идет разбойник на разбой, чтобы добыть нечто, — несет душу свою: бог весть, не сам ли убит будет! Или вот идет вор на кражу — несет душу свою: кто знает, ведь, может быть, поймают и повесят его! Словом, человек непрестанно полагает душу свою за блага мирские. Не хотите ли, я представлю вам истинного ценителя всех сокровищ мирских? Это угодник Божий, святой Андрей, Христа ради юродивый. Он видел однажды такое видение: прекрасный юноша, сошедший с высоты небесной, держал в руке три венца: один златой, другой жемчужный, третий из цветов белых и красных. Святой Андрей, приступив к юноше тому, говорит: «Продаешь ли эти венцы? Хотя я сам и не могу их купить, но подожди меня, я пойду и скажу господину моему, и он даст тебе за них столько злата, сколько хочешь». Что ж отвечал юноша? «Поверь мне, — говорит, — если бы ты принес злата всего мира, и тогда не отдал бы я ни тебе, ни другому кому, ни одного цветка». Слышите ли цену всех богатств мира: они не стоят одного цветка райского! Но, о юноша прекрасный! Почему же так дорог у тебя один цветок райский, что за него не хочешь от всего мира собранного золота? Отвечал юноша: «Потому что цвет райский имеет такую красоту, которой ум человеческий постигнуть и язык изъяснить не может. Он имеет силу радостотворную, так что самою красотою своею и неизреченным благоуханием столь увеселяет человеческое сердце, что если бы, человек всегда на него смотрел, то не за-

хотел бы ни есть, ни пить, и не ощущал бы в себе никакой болезни; к тому же цвет оный не увядает, но всегда цветет». Посмотрим же на богатство мира сего, — имеет ли оно такую силу, как цвет оный райский: не увядает ли, и красоты своей не теряет ли? И поистине ли увеселяет человеческое сердце? Увеселяет, но на самое краткое время, а великих печалей надолго исполняет. Ибо кому вопиет апостол: *приидите ныне, богатии, плачитеся и рыдайте о лютых скорбех ваших грядущих на вы. Богатство ваше изгни, и ризы ваша молие поядоша* (Иак. 5: 1–2). Теперь всякий знай цену всех богатств мирских: они не стоят одного цветка райского!

Но попытаемся узнать цену души человеческо-христианской. Если один цвет райский так драгоценен, что богатства всего мира не могут сравниться с ним, то тем более душа человеческая, ради которой насажден от Бога рай и обогащен всякими от Бога добротами. Цена души человеческой та же, что и цена Крови Сына Божия, ибо святой апостол говорит: *не истленным сребром или златом вы искуплены, но честною Кровию Агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Пет. 1: 18–19). Взвесь Кровь Сына Божия, взвесишь и цену души; оцени воплощение Сына Божия, оцени Его чудеса, страдания, крест и смерть, тогда оценишь и душу. Пусть всякий рассудит, в какую цену Сам Сын Божий поставил душу человеческую выше небес, выше Ангелов, выше престола Своего Божественного и всего Небесного Царства; ибо ради ее оставив все то, на землю снизошел, Себя ради ее не пощадил, душу Свою за нее на кресте положил... Ищи же тут цену души человеческой!

Наконец, что полезнее, душа или мир сей? Полезнее то, что долговечнее, чем дольше можно пользоваться, чего на должайшее время станет. Но известно ли кому, как долго можно пользоваться миром, год ли, два ли, десять, или сто? Поистине, никто не знает, поживет ли в мирских благах и один день, от утра до вечера, или от вечера до воссияния другого дня; ибо всякому и всегда возглашает труба Евангельская: *безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут* (Лк. 12:20)? А душа надолго ли дана человеку? Не только на временную сию жизнь, но и на веки вечные. Ибо хотя человек временно умирает, однако душа бессмертна и живет по смерти человеческой, как написано: *праведных души в руце Божией и не прикоснется их мука* (Прем. 3:1). А в общее, несомненно чаемое, воскресение мертвых душа паки соединится с телом, *егда тленное сие облечется в нетление и мертвенное сие облечется в бессмертие* (1 Кор. 15:54). О как долго, в бесконечные веки, будет жить душа наша! Что же перед нею мир сей, днесь сущий, а утре погибающий! Таким образом, взвесив душу и мир, с дерзновением говорю, что душа несравненно лучше и дороже мира, ее подобает любить, о ее спасении всячески пещися. Безумен же и пребезумен всяк, кто душу свою погубляет за суету мирскую! *Кая польза человеку, аще приобрящет мир весь и отщетит душу свою?* Аминь.

Изъяснение слов Иисуса Христа: *иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми* (Мк. 8:38)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в Неделю по Воздвижении

Стыдятся обыкновенно нечистого, низкого, презренного. Как же можно постыдиться Иисуса Христа всечистого, превознесенного, препрославленного? Что значит в сем случае постыдиться?

Дабы определить разум сего слова в устах Иисуса Христа, надлежит вспомнить, что пред тем говорит Он о кресте: *иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет.* Но что был крест в очах людей, прежде нежели крестная смерть и Воскресение Спасителя нашего представили оный и по внутреннему знаменованию, величественным и по внешнему знаменованию священным? Он был орудие смерти для осужденных, и между осужденными для рабов, или людей, признаваемых достойными вместе и наказания, и поругания. Посему вероятно, что люди, привыкшие ценить вещи ценою народного мнения, услышав учение о кресте, тотчас подумали, как трудно последовать Учителю, Который готовится и готовит учеников Своих к такому необыкновенному позору; вероятно, что люди отличной образованности и изящного вкуса по своему времени стыдились даже стоять между слушателями такого Учителя, Который преподает столь странное учение. На сии помышления и чувствования испытующий сердца Учитель ответствует: *иже аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми.* Из сего можно заключить, что *стыдиться Сына Человеческаго* определительно значит стыдиться Иисуса Христа, яко распятого, и что стыдиться словес Его значит стыдиться учения о кресте. Предостережение против сего стыда, очевидно, нужно было для времен, в которые господствовали иудейство и язычество и в которые для опровержения веры христианской и для осмеяния христиан, как безумных, довольным почитали сказать, что они веруют в Распятого; как безумных, говорю я, ибо точно сие говорит апостол: *слово крестное погибающим юродство есть мы проповедуем Христа распята, Иудеем убо соблазн, Еллином же безумие* (1 Кор. 1: 18, 23); и посему тот же апостол, вместо того, чтобы объявить себя приемлющим учение Христово, верующим ему, благоговеющим пред ним, почел довольным сказать, что не стыдится оного: *не стыжуся благовествованием Христовым: сила бо Божия есть во спасение всякому верующему* (Рим. 1:16).

Должно заметить, что то же преступление, которое Иисус Христос называет стыдом имени Его и учения, иначе называет Он отвержением Его, или отречением от Него: *иже отвержется Мене пред человеки, отвергнуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех.* Стыдиться Христа есть начало, а отречься от Него есть совершение одного и того же преступления. *Как сердцем веруется в правду: усты же исповедуется во спасение* (Рим. 10:10), так сердцем стыдятся Христа во осуждение, чувствуют тягость и затруднение от Его учения, как несообразного с понятиями гордого разума, с похотями плоти, с обычаями века сего; и вследствие таковых внутренних расположений устами, делами и всею жизнью отрекаются от Него к погибели.

Ложный стыд

Свящ. М. Предтеченский.
«Духовная беседа», 1874

Иже аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своею со Ангелы святыми (Мк. 8:38). Что же постыдного сделал или сказал Иисус Христос, чтобы можно было стыдиться признавать себя Его учеником и последователем?

Его осудили на смерть и распяли на кресте, как злодея. Но разве и самые ожесточенные из врагов, которые с особенною настойчивостью требовали Его смерти, могли возразить что-либо, когда осудивший Его римский правитель Иудеи Пилат торжественно пред всеми сказал о Нем: *се Аз пред всеми истязав, ни единыя же обретая в Человѣце Сем вины, яже нань вадите* (Лк. 23:14); *се извожду Его вам вон, да разумеете, яко ни единыя вины обретаю* (Ин. 19:4); *не повинен есмъ от Крове Праведного Сего: вы узрите* (Мф. 27:24)? Разве не знаем мы, для чего и за что собственно пострадал Иисус Христос?

Его осудили на смерть и распяли на кресте за то, что Он называл Себя Сыном Божиим, *равен ся творя Богу* (Ин. 5:18; Мф. 26: 62–69; Ин. 19:7)? Но разве не оправдались на Нем со всею точностью все ветхозаветные прообразы и пророчества о Христе? Разве больший из рожденных женами, Иоанн, не указал на Него, как на Агнца Божия, вземлющего грехи мира (Ин. 1: 29, 36)? Разве Бог Отец неоднократно не засвидетельствовал о Нем, как о возлюбленном Своем Сыне (Мф. 3:17; Мк. 9:7)? Разве Сам Он и Своею святейшею жизнью, и бесчисленными чудесами Своими не доказал непререкаемо, что Он воистину есть Христос, Сын Божий, пришедший в мир грешные спасти (Ин. 5:36)? Так как же, на каком основании можно стыдиться Иисуса Христа?

Может быть, в Его учении есть что-либо несогласное с истиной, противоречащее здравому человеческому смыслу, унизительное для нас? Припомним, однако, чему учил и что заповедал нам пострадавший за нас Господь наш Иисус Христос.

Он учил, что есть Бог, что мир есть творение Божие и управляется премудрым и всеблагим Его Промыслом, что в нас есть разумная Богоподобная, а не животная только душа, какая есть у каждого зверя, что наша душа по природе бессмертна, что мы предназначены к вечной жизни; что есть за гробом блаженство для праведников и муки для грешников нераскаянных.

Брат мой! Так тебе стыдно веровать, что в мире нет слепого случая, что он и создан, и управляется Верховным Существом? Тебе стыдно веровать, что ты не одинокое, не беззащитное существо, что есть на небе Господь, Который тебя любит, о тебе заботится, Который видит твои слезы, считает твои вздохи и за земные скорби, Им допускаемые для твоего же блага, готов вознаградить тебя блаженством нескончаемым? Тебе стыдно знать, что ты выше окружающих тебя неразумных созданий, что в тебе есть Богоподобная душа, что ты *умален малым чим от Ангел* (Пс. 8:7)? Так тебе жалко надеяться, что неизбежная для всех смерть не на веки разлучит тебя со всем, что для тебя здесь дорого, что за пределами гроба ждет тебя иная, не временная, а вечная жизнь, где все твои добрые стремления будут удовлетворены, где ты вечно будешь познавать, всегда любить, непрестанно радоваться? Ужели менее стыдно и более согласно с твоим достоинством, к несчастию, модное теперь в известных кружках мнение, что человек есть простое животное, что живет он и умирает, как живут и умирают прочие неразумные твари? Но посмотри же, на что будет похожа людская жизнь, если более распространено будет это жалкое и нелепое мнение.

В виду ожидающей нас вечной жизни, как детям одного общего Отца, Господь нам заповедал друг друга любить, друг другу помогать, друг о друге заботиться, предпочитая всегда общее благо личному каждого благосостоянию. Как разумным Богоподобным существам, Господь нам заповедал не предаваться влечению страстей, не рабствовать им, дорожить своей свободой, жить разумно, поступать всегда по совести и неутомимо стремиться к нравственному совершенству, цель и предел которого в Самом Боге (Мф. 5:48). К чему, да и возможна ли такая жизнь вне заповеданной нам Иисусом Христом святой веры? Нет Бога – нет в нас бессмертной души, нет в вечности награды за добро и наказания за зло: к чему заботиться о добродетели? Не лучше ли, напротив, жить как кому вздумается, как кто найдет более для себя удобным и приятным, согласно со своими склонностями? Ведь путь закона узок и тернист, а путь страстей широк, углажен и свободен от терния. Так в большинстве и живут люди неверующие. Для них нет и не может быть ничего священного, кроме себя и своих прихотей. Теперь представим себе, что таково будет большинство людей, таковы будут все люди: все станут своевольничать, воровать, грабить, обманывать, пить без просыпу, распутничать и т.п. На что тогда будет похоже людское общество и возможно ли будет в нем хоть для кого-нибудь и какое-нибудь прочное счастье?

Итак, стыдиться Иисуса Христа и Его учения – значит не только стыдиться в себе человеческого достоинства, равнять себя с неразумными тварями, но значит вместе с тем отказываться от всего, что есть в нас лучшего и возвышеннейшего, от сладчайших надежд, от чистейших радостей, и обрекать себя и всех на самую жалкую, беспорядочную и бедственную жизнь. Скажет кто-нибудь: «Христос предсказал нам по смерти не только блаженство для праведников, но и муки нескончаемые для грешников». Брат мой! Не это ли заставляет тебя стыдиться Христа, не верить Его учению? Но ведь неверием ты на время только можешь заглушить в себе беспокойную мысль о будущем, а не исторгнешь ее окончательно из своего сердца. Нет-нет, да и пробудится она в тебе с новой ужасающей для тебя силой. Ведь, неверием ты не предотвратишь, а усугубишь для себя муки в вечности, когда *постыдится тебя Сын Человеческий, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми*. То правда: мы все грешники, и пока живем здесь, не можем не страшиться ответственности за грехи. Но разве не пострадал за нас Иисус Христос и не омыл наших грехов честною Своею Кровию? Кто же препятствует тебе прибегнуть под сень креста и воспользоваться непобедимою и непостижимою его силою? Молись прилежно, кайся искренно – и самые тяжкие грехи не воспрепятствуют Божественному милосердию спасти тебя.

О, да хранит в нас Господь святую спасительную веру! В ней для нас залог всего лучшего и здесь, и в вечности. В вере для нас истина, и свет, и жизнь; вне ее одно заблуждение, временная и вечная погибель.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 16-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ

Святоотеческие толкования

1) *Св. Иоанн Златоуст.* Беседа на Мф. 16:13. «Христианское чтение», 1839.

2) *Прп. Исидора Пелусиота* о Господнем вопросе: *Кого Мя глаголют человецы быти* (Мф. 16:13), ч. 1. Творения св. отцов., т. XXXIV. *Его же* о Петровом ответе: Ты еси Христос Сын Бога живаго (ст. 16). Там же. *Его же* на сказанное Спасителем о Церкви: *врата адова* (ст. 18), ч. 1. и ч. 2. *Его же* на слова: *приити бо имать Сын Человеческий во славе Отца Своего* (ст. 27) ч. 2.

3) Ст. 24. *Блж. Иероним.* Какой смысл имеет сказанное у евангелиста Матфея *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе.* Творения блж. Иеронима в римск. перев., т. 2. О том же в письме к Аспасии. «Христианское чтение», 1846.

4) *Св. Василий Великий* о том, что такое самоотвержение. Творения Василия Великого, ч. 5. Творения свв. отцов, т. 9. Почему Петр апостол назван камнем. Ч. 2.

6) *Прп. Исаак Сирин.* Что значит *взять крест свой?* Слова подвижника. М. 1858. Что такое крест в нравственном смысле? Два способа взойти на крест.

6) На Евангелие от Марка гл. 8. *Блаженный Феофилакт.* Изъяснение Евангелия, читаемого в неделю 3-ю Великого поста (Мк. 8:34 – 9:1) «Воскресное чтение», 1810.

7) *Блж. Августин* на слова: *иже хощет по Мне ити, да отвержется себе* (ст. 34). «Воскресное чтение», 1812.

8) *Св. Григорий Двоеслов* о самоотвержении и последовании за Христом (23–27). Беседы на Евангелия в перев. Климента, кн. 2.

Новейшие толкования в духовных журналах

9) На Евангелие от Матфея, 16:6; Мк. 8:15; Лк. 12:1. Фарисейский дух. «Воскресное чтение», 1810.

10) Ст. 13–19. *С.С.* Церковь и церковный суд по учению Иисуса Христа. «Руководство для сельского пастыря», 1873.

11) Об учреждении Иисусом Христом Церкви Своей на земле (Мф. 16: 13–18). «Христианское чтение», 1839.

12) Ст. 18. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О пребывании благодати Божией в Церкви Христовой неотступно до скончания века. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1872.

13) О власти ключей (ст. 19). «Православное обозрение», 1867. Обозрение нем. богослов. журнал.

14) Ст. 21 и 24. Мысли свт. Феофана. «Домашняя беседа», 1871, и Мысли на каждый день года по церковным чтениям.

15) Ст. 24. Необходимость обращения всецелого на тот же ст. «Воскресное чтение», 1810 и 1824.

16) Ст. 26. Назидательное размышление. «Христианское чтение», 1834.

17) На тот же ст. «Воскресное чтение», 1825.

18) *Н. Елеонский.* О Евангелии от Марка 8: 1–38. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.

19) На Евангелие от Марка. Ст. 10. *Далмануф.* Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1874.

20) Мк. 8: 10, 12–21, 22–26, 29, 34. Мысли свт. Феофана. «Домашняя беседа», 1871. Мысли на каждый день года по церковным чтениям.

21) Мк. 8:34 – 9:1. Евангельское чтение в неделю 3-ю Великого поста. «Воскресное чтение», 1825.

22) Ст. 34. *Свт. П. Троицкий.* Крестоношение и трудно, и легко. «Воскресное чтение» 1873.

23) Ст. 34. Несколько христианских слов мирянина к мирянам. «Воскресное чтение», 1874.

24) Ст. 35. *Иеромонах Афанасий.* Евангельский взгляд на спасение наше чрез отвержение себя. «Странник», 1860.

25) На тот же ст. «Воскресное чтение», 1813.

26) Ст. 36. «Воскресное чтение», 1816.

27) Ст. 38. *Свящ. А.П.* «Духовная беседа», 1861.

28) Ст. 38. *Леонид, еп. Дмитровский.* Не стыдись Христа. «Душеполезное чтение», 1873.

29) На Лк. 9:23. Размышления в нед. Крестопоклонную. «Духовная беседа», 1859.

30) Ст. 26. Что скажут? «Воскресное чтение», 1873.

31) Крестные пути. «Воскресное чтение», 1823.

В Словах и Беседах

32) На Евангелие от Матфея. Ст. 18. *Григорий, архиеп. Казанский.* Долго ли врата адовы не одолеют Христовой Церкви?

33) Ст. 18. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О пребывании благодати в Церкви Христовой неотступно до скончания века.

34) *Его же.* Об учении восточной кафолической Церкви и римской западной – о непоколебимости Церкви. (Против учения о главенстве апостола Петра и его преемников).

35) Ст. 28. *Его же.* Как исполнилось над стоящими окрест Господа и что означало таинственное предсказание?

36) На Ев. Марка гл. 8:12. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Отчего мы ныне чудес не видим?

37) Ст. 34. *Его же.* Что значит отвергнуться себя и что такое крест свой?

38) Ст. 34. *Димитрий, архиеп. Волынский.* «Волынские епархиальные ведомости», 1876.

39) Ст. 34. *Арсений, митр. Киевский.* О том же.

40) Ст. 34. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* Что значит отвергнуться себя и нести крест свой.

41) Ст. 34. *Павел, архиеп. Кишиневский.* О том же. Из чего слагается крест наш?

42) Ст. 34. *Макарий, еп. Тамбовский.* О сущности христианского креста.

43) Ст. 34–36. *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Об условиях последования за Христом.

44) Ст. 35. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседы.

Возвращение в Галилею; Преображение Господне
(Мф. 17: 1–13; Мк. 9: 2–13; Лк. 9: 28–36)

Гора Фавор

«Воскресное чтение», 1807

На восток неподалеку от Назарета, в коем Искупитель наш пребыл до вступления в дело нашего спасения, на север от Наина, где Он, милосердный, воскресил сына бедной вдовицы, на запад от моря Геннисаретского, столько раз ознаменованного Его чудотворениями, с северной оконечности обширной, цветущей долины Эздрелонской, возвышается почти в виде правильного конуса гора. Высота ее по отвесной линии составляет до 500 сажен, вершина в окружности около трех верст. Вот священный Фавор, его местность, вид и высота. Прославленная Преображением Господа гора Фавор по своему местоположению и великолепию есть одна из самых примечательных гор не только в Палестине, но на всем земном шаре. В гористой Палестине все горы идут непрерывными цепями. Фавор возвышается уединенно от всех прочих, стоит одиноко, как бы для того, чтобы другие горы не разделяли с ним славы, предопределенной ему свыше. Крутые и высокие горы везде представляют сухие возвышенности, каменистые скалы, но Фавор от подошвы до вершины покрыт плодоносною почвою; ароматические травы и цветы, тенистые рощи и плодо-

носные дерева, поляны, покрытые тучными нивами, — вот великолепная риза, коей облекается священный Фавор и в наше время, когда вся обетованная земля представляет вид бедной, пустынной страны. С вершины Фавора открываются обширные, ни с чем не сравнимые виды во все стороны: на север огромным шатром представляются снежные вершины Антиливана; на юг — вся прекрасная долина Эздрелонская, за нею восстают разнообразные вершины гор Галилейских, сливающихся с грудами гор Иудейских; на запад — пустынный Кармил, убежище грозного ревнителя славы Божией, пророка Илии, и море Средиземное; на восток — хребет береговых гор моря Геннисаретского и самое море.

Местоположение и великолепие Фавора дали ему известность в самой глубокой древности времен ветхозаветных; разные происшествия, коих он был или памятником, или поприщем, увековечили его знатность. Историческая его известность начинается почти вместе с историей народа Божия, именно со времени переселения Израиля из Египта в землю обетованную. Преемник Боговидца Моисея Иисус Навин, исполняя грозную волю Господню об истреблении потомства злополучного сына Хамова, шел победоносным воинством мимо Фавора, у подошвы его располагал свой стан, с вершины горы, вероятно, обозревал города и веси, которые предавал Господь в руки его. При разделе завоеванной земли Фавор назначается пределом племен Завулонова и Иссахарова. Когда предал Господь Израиля за нарушение завета в руки врагов и скорби порабощения обратили грешников к покаянию, Фавор озарился славою милости и спасения свыше: на скате его к долине Эздрелонской и ныне есть селение, носящее имя пророчицы Деворы; это заветный памятник того, что на сем месте священного Фавора воздвиг Господь спасительницу Израиля. На Фавор богодухновенная жена призвала Варрака с 10 000 воинов, сказав, что она предает ему враждебного военачальника царя Ассорского Сисару. В виду от места жительства пророчицы произошло сражение у Варрака с Сисарою, совершилась предсказанная победа, после которой вдохновенная Девора воспела торжественный гимн Всемогущему Помощнику и Покровителю.

Но эти и другие события были только предображением той славы, коей удостоил Господь наш священный Фавор, избрав его местом для Своего славного Преображения. Повествуя о сем событии, евангелисты не именуют Фавора, а говорят только о горе высокой (Мф. 17: 1, 7 Мк. 9:2) или просто о горе (Лк. 9:28), и это как бы потому, что и без наименования Фавора само собою понятно его преимущество; что только высокой и уединенной горе Фавор прилично было представить собою престол Господу для таинственной Его беседы с Отцем Небесным, только горе светлой прилично было озариться тем светом, который возблистал в минуты славного Преображения: *Фавор и Ермон о имени Твоем возрадуются* (Пс. 72:15), восклицал венчан-

ный пророк, провидя славное назначение Фавора. Самовидцы велелепной славы — Петр, Иаков и Иоанн — по страдании и воскресении Господа первые возвестили о предызобразительной славе Его на Фаворе; по указанию свидетельства их, христиане первенствующие назвали Фавор горою Преображения; святой Кирилл и блаженный Иероним нашли предание сие общеизвестным. Равноапостольная императрица Елена украсила Фавор боголепным памятником, соорудила на вершине его храм о трех престолах, согласно словам Евангельским: *Господи, добро есть нам зде быти: аще хощеши, сотворим три сени, Тебе едину, и Моисеови едину и едину Илии* (Мф. 17:4).

В III веке существовал здесь монастырь, но до наших времен из всей святыни Фаворской благоговение христиан хранит остатки храма, воздвигнутого святою Еленою. Под нижними сводами его долгое время греческий епископ Птолемаиды ежегодно в праздник Преображения Господня совершал литургию; ныне только римско-католические иноки фозаресские служат литургию также в день Преображения Господня, при бесчисленном стечении христиан, желающих встретить светлый праздник на самом месте его события.

О Преображении Господа нашего Иисуса Христа (Мф. 17:2)

Павел, архиепископ Кишиневский.
Из Слов в день Преображения Господня. Слова и речи, т. 1

Значение Преображения. Преславное Преображение Господа нашего Иисуса Христа на Фаворе было одним из важнейших событий в жизни Его. Оно имело величайшее значение и для Него Самого и для судеб всего мира. Преображение Богочеловека внутреннее, бывшее причиною Преображения Его внешнего — Фаворского, возвеличило, поставило человеческое естество Иисуса Христа — и всегда высокое, чистое, совершенное, — на такую высоту нравственную, на какой оно доселе еще не стояло. Напряженное углубление в тайну Искупления, совершившее Преображение Иисусово, возбудило к усиленной деятельности и привело в самое возвышенное настроение все силы Его духа. Светлый ум Его человеческий теперь еще более просветлел и с величайшим напряжением и проницательностью начал созерцать тайну Искупления и постигал ее во всей ее полноте и разнообразии. Его святейшая воля, уже давно обрекшая Его на смерть за спасение мира, теперь исполнилась особенно живою, пламенною и твердою решимостью претерпеть все — и самые тягчайшие муки крестные — за спасение людей. Все силы Его души начали вращаться около величайшей тайны искупления, сосредоточивались на кресте, проникнутые полною готовностью подъять его на рамена Свои. Именно пред Своим Пре-

ображением, чрез углубление в тайну искупления, Иисус Христос по человечеству Своему достиг в мужа совершенна, в меру полного возраста (Еф. 4:13), для самого тяжкого крестоношения во славу Божию и благо людей, как пред крещением во Иордане созрел для трудов проповеди покаяния, проповеди о близости Царствия Божия. Словом, во дни Преображения состояние души Иисуса Христа было запечатлено такою возвышенностью и величием, и человечество Его стало с такою силою свидетельствовать об ипостасном соединении своем с Божеством, что привлекло на Иисуса Христа глас Отца Небесного: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте* (Мф. 17:5). Для судеб мира Преображение Иисусово имело то значение, что с него дело искупления начинает быстро и с особенною решительностью приближаться к исполнению и являться во всей своей силе. Вопрос о кресте Христовом и крестах последователей Его на горе Преображения снова, с особенною силою, пред свидетелями и с неба, и с земли, и из царства мертвых, решен человечеством Иисуса Христа по планам премудрости и благости Божией, во славу Божию и благо людей, а не по суетным желаниям, и вопреки пререканиям мыслящих *не яже суть Божия, но человеческая* (Мф. 16:23). Таково значение Преображения Господня и для Него Самого, и для всех людей. Дивно ли, что при важном внутреннем значении своем это событие запечатлено такою поразительною внешнею славою и торжественностью? Дивно ли, что и главный Виновник сего события, Богочеловек, явился в величайшей, небывалой доселе славе — с лицом светящимся, как солнце, и с ризами белыми, как свет? Дивно ли, что явились на Фаворе представители спасаемого человечества отовсюду, и с неба, и с земли, и из царства мертвых, и Сам Отец Небесный засвидетельствовал и важность события, и Божественную важность Виновника его гласом свыше: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих; Того послушайте*? Вся вселенная пришла в движение, потому что совершалось событие, предображавшее преображение, восстановление, блаженное состояние всей вселенной.

Обстоятельства, при которых совершилось Преображение. Преславное Преображение Господа нашего Иисуса Христа совершилось тогда, когда Его душа была всецело занята и собственным Его крестом, и крестами истинных последователей Его. По сказанию евангелистов (Мф. 16: 21–28; Мк. 8: 30–38; Лк. 9: 22–27), целых восемь дней человечество Его с особенным напряжением проникало духовным взором своим в великую тайну искупления мира крестом Его, с особенною силою проникалось решимостью подъять на рамена свои тяжкий грех. Легко и естественно могло совершиться и внутреннее, и внешнее Преображение Богочеловека теперь, когда открылась пред Ним во всей полноте тайна искупления. Вот в этой тайне открывается беспредельная любовь к человечеству Бога Отца, пре-

дающего Сына Своего Единородного на смерть за спасение мира (Ин. 3:16); вот любовь Сына Божия, обрекающего Себя за нас, недостойных, на страшные мучения и позорную смерть (1 Ин. 3:16; Еф. 5:2); вот в безмерно великой тяжести страданий Иисусовых открывается безграничное величие жертвы Его во благо людей, величие любви Его: каким восторгом должно наполнить каждую восприимчивую к добру душу это величественное зрелище любви Божией к грешному роду человеческому! Вот семя жены (Быт. 3:15) крестом Своим сокрушает главу змия древнего, разрушает царство лжи и зла и созидает Святую Церковь – царство истины и добра: какое прекрасное начало торжества света над тьмою, Сына Божия над врагом Божиим! Вот предводимые и укрепляемые Божественным Крестоносцем слабые люди – ученики Христовы – победоносно ведут брань с началами, властями и миродержителями тьмы века сего – духами злобы поднебесными (Еф. 6:12), и духовным всеоружием Божиим (Еф. 2:13) сокрушают главы невидимых змиев. Какая славная для крестоносцев и постыдная для змия древнего, льстящего вселенную всю (Откр. 12:9), борьба! Вот за послушание *даже до смерти, смерти же крестныя*, Бог превозносит Иисуса Христа и дарует Ему имя, *еже паче всякого имене* (Флп. 2: 8–10); вот вселяются вместе с Господом и все истинные слуги Его (Ин. 12:26), входят в радость Его (Мф. 25:23), как победители врагов своих посаждаются с Ним на престол Его (Откр. 3:21) и вкушают в обителях Отца Небесного блаженство вечное; какой славный и блаженный конец борьбы Царства Божия с царством диавола! Не сильно ли это зрелище умилить, восхитить, нравственно возвысить, преобразить даже простого смертного, внимательно проникающего в него? Не сильно ли оно вдохнуть в него решимость на все жертвы для споспешествования сему делу? В каком же величии необъятном, в какой красоте дивной должно было предстать зрелище искупления мира умственному взору Богочеловека, когда Божество Его раскрывало пред Его человечеством это зрелище во всей его полноте и разнообразии! Каким восторгом должна была теперь исполниться душа Иисуса, безгранично восприимчивая ко всему высокому, святому! С какою решимостью должен был Он изрекать особенно теперь Отцу Своему: *се иду сотворити волю Твою, Боже!* (Евр. 10:7). Так, напряженное углубление Богочеловека Иисуса Христа в тайну искупления привело Его в то чрезвычайное состояние душевное, которое даже для Него было внутренним преображением и повлекло за собою преображение внешнее. Сначала засияла восторгом, умилением и решимостью святейшая душа Его; за душою – зеркало ее – око; за оком просияли Его лицо, Его тело и ризы Его; наконец, свет облистал и гору Преображения и учеников Иисусовых.

Преславное Преображение Господа нашего Иисуса Христа совершилось среди молитвы. Святая, пламенная молитва человека, возбуждая и вызывая

к деятельности из глубины души его все лучшие силы ее, и, что всего важнее, низводя в душу человеческую светоносную силу Божию, — всегда производит в человеке преображение внутреннее, весьма часто обнаруживающееся и вовне в ангеловидной светлости и ясности взора и лица молящегося. Молитва Иисуса Христа на Фаворе обладала и должна была естественно обладать этою преображающею силою, предпочтительно пред другими молитвами даже Его — Богочеловека. О чем и при каких условиях молился Иисус Христос на Фаворе? Все побуждает думать, что крест был предметом этой молитвы. Так побуждают думать и предшествовавшее молитве углубление Богочеловека в тайну искупления, которая потому естественнее всего должна была составлять и предмет его молитвы; и глас Отца Небесного к Иисусу Христу: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте* (Мф. 17:5), бывший, очевидно, ответом на прекословие Петра, не хотевшего креста ни Богочеловеку, ни Его последователям и преклонявший, как торжественным свидетельством о Божестве Иисуса Христа, так и прямым повелением, и Петра и других апостолов к послушанию прорекаемому учению крестному; и беседа Иисуса Христа о кресте с призванными молитвою на Фавор Моисеем и Илиею. О кресте, занимавшем все помыслы Иисуса, молился Он на Фаворе, молился после продолжительного, напряженного углубления в тайну искупления. Как же возвышенна, свята, полна восторга, умиления, благодарности должна была быть эта молитва! Какое одушевление должна была разлить в душе Богочеловека! Как сильно должна она была подвигнуть и Бога Отца, и Бога Духа Святого, и Божество Иисуса Христа облистать Божественным светом и душу, и лицо, и тело, и ризы Иисусовы, преобразить Его! Именно при усиленном углублении человеческого естества Его в тайну искупления, с такою силою открывающую славу Божию, могла быть полна восторга молитва славословия в устах Его. Именно при живом созерцании славы и блаженства, ожидавших и Его Самого, как Искупителя, и крестоносцев, последователей Его, могла быть особенно умилительна молитва благодарения Его. Именно при созерцании тяжести и опасности крестоношения особенно сильно и пламенно мог Он просить помощи у Отца Небесного и Себе, и другим. И если что могло совершить Преображение Господа, потрясти всю вселенную, призвать на землю и вознесшегося яко на небо Илию, и находившегося в царстве мертвых, призвать на Иисуса глас Отца Небесного: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте,* то именно фаворская молитва Иисусова — пламенная, всеобъемлющая, любвеобильная, приведшая в движение все силы души Его.

Преславное Преображение Господа нашего Иисуса Христа совершилось тогда, когда Он, всецело занятый крестом, как Своим, так и Своих последователей, и с Отцем Своим беседовал о кресте, и со всеми другими собеседниками Своими вел беседу о крестоношении. Еще за несколько дней

до Преображения Он ясно и решительно возвестил Своим ученикам о предстоящих Ему в Иерусалиме страданиях, распятии и смерти. Пререкание Ему со стороны Петра, желавшего отклонения креста и от Богочеловека, и от Его последователей – пререкание, столь дерзновенное, настойчивое и продолжительное (Мф. 16:22), что Господь назвал его сатаною и соблазном, и даже обратился к Отцу Небесному с молитвою о вразумлении и побуждении непослушного ученика к повиновению заповеди крестной – побудило Его с особенною силою изречь учение не только о Своем кресте, но и о кресте Своих последователей, и, как можно догадываться из молчания евангелистов о каких бы то ни было беседах Иисуса Христа между беседою о кресте и Преображением, сделать крест предметом бесед в течении нескольких дней. И на Фаворе крест же составляет предмет беседы Иисуса Христа с Моисеем и Илиею... Беседа о кресте – беседа и по своему предмету, и по качествам собеседников более всякой другой беседы способная содействовать Преображению Господа. Если при рассматривании, изучении и защищении важной истины неразумное пререкание ей врагов или людей, ее не понимающих, а еще более собеседование о ней с людьми разумными, сочувствующими ей возбуждают все силы души мыслителя к деятельности, воспламеняют в нем желание вполне понять, со всею ясностью и силою изложить и победоносно защитить ее, сообщают душе воодушевление, воспламеняют взор и озаряют лицо светлою мыслью, словом, преображают человека; то могли ли не иметь влияния на Преображение Иисуса Христа беседы Его с учениками, Моисеем, Илиею о кресте? Упорное пререкание Ему Петра, желавшего отклонить крест и от Христа, и от последователей Его, и таким образом лишить человечество благодеяния искупления и спасения, не должно ли было исполнить и скорбью, и негодованием на душевного еще ученика, любвеобильное сердце Иисусово и побудить Его к усиленному и победоносному защищению Своего учения о кресте и к покорению сему учению ученика Своего? Молитвенная беседа с Богом, беседа с Моисеем и Илиею, беседы, среди которых тайна искупления и крест явились во всем величии и силе, не должны ли были исполнить сердце Его радостию о торжестве и откровении во всей силе учения крестного? Так, продолжительные пламенные беседы о кресте имели весьма важное влияние на Преображение Иисусово.

О гласе Отчем: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте* (Мф. 17:5)

Двукратно, – при двух событиях в жизни Господа нашего Иисуса Христа – Отец Небесный торжественно возвестил миру, что Иисус Христос есть Сын Его возлюбленный, в Котором все Его благоволение: при крещении Его в Иордане и во время преславного Преображения Его на Фаворе. Премудрый, всеблагий и праведный Господь все, что ни делает во вре-

мя благопотребное, делает по важным для Своей деятельности основаниям в самих событиях и обстоятельствах времени и по важным побуждениям и целям, с особенною ясностью открывающимся из самих событий и обстоятельств, среди которых Он действует. Посему и для торжественного возвещения об Иисусе Христе как Сыне Своем возлюбленном Бог Отец избрал события Крещения и Преображения по особенным к тому основаниям в них и по особенным целям, с наибольшею ясностью могущим открываться из них. Какие же это основания? Какие цели?

Главное основание сего возвещения заключалось, конечно, в особенно возвышенном состоянии духа Иисус Христова при Крещении и Преображении и в высоком значении сих событий в целой Его жизни, так что среди них особенно достойно и праведно было Отцу Небесному наречь Его Сыном Своим возлюбленным. Не надлежало ли поистине Отцу Небесному возвестить миру об Иисусе Христе как Сыне Божием возлюбленном на Иордане, в тот важный момент Его жизни, когда Он свято, богоугодно и совершенно безгрешно совершив поприще Своего детства, отрочества, юности, вообще жизни безвестной, вступал вполне совершенным деятелем на новое, высокое поприще — поприще Просветителя и Спасителя рода человеческого? Не называет ли с особенною торжественностью, в услышание всех, сыном возлюбленным и человек-отец своего сына, когда он, благоуспешно совершив поприще своего воспитания, с прекрасными надеждами вступает из частной жизни на поприще жизни общественной?.. Не надлежало ли Отцу Небесному возвестить миру об Иисусе Христе как возлюбленном Сыне Божием и на горе Преображения, в то время, когда Он, почти уже совершив, вполне согласно с волею Отца и во славу Его, поприще служения роду человеческому в качестве Божественного Учителя, вступал на труднейшее и уничиженнейшее в глазах мира, но славнейшее в очах Божиих поприще послушания Отцу Небесному до смерти крестной? И человек-отец с восторгом называет сыном возлюбленным своего сына в то время, когда он, прославившись великими делами на поприще служения общественного, вступает на новое поприще деятельности, требующее великих жертв и подвигов... Так на Иордане и Фаворе благовременно и благопотребно было Отчее свидетельство об Иисусе Христе как о Сыне Божием возлюбленном. И какие важные цели достигались сим свидетельством! Не только праведно воздавались им Иисусу Христу подобающая слава и честь за досточудную и недосягаемую высоту Его нравственную; не только возвещалось миру истинное Божество Его, скрывавшееся под зраком раба; но и указывались последователям Иисусовым в предшествовавших свидетельству Отчему и призвавших оное духовных состояниях, свойствах и делах Христовых — состояния, качества, дела, подобающие последователям Иисусовым, желающим быть возлюбленными чадами Божиими; облегчалось для них и по-

знание, и с тем вместе выполнение благонадежных условий для приобретения благодатного сыноположения. Отец Небесный свидетельствовал о Сыне Своем на Иордане и Фаворе для того, чтобы расположить нас проникать в духовные состояния, качества и дела Иисуса Христа, послужившие для Отца основанием и побуждением к торжественному свидетельству о Христе как возлюбленном Сыне Отчем, и чрез посильное изучение их облегчить для себя верное и точное отражение и осуществление их в своей жизни и приобретение чрез то права на усыновление Отцу Небесному.

Сын бывает возлюбленным сыном своего отца тогда, когда *славит отца* (Мал. 1:6). Чем же обыкновенно сын славит отца? Своим послушанием отцу, прекрасными качествами своего ума и сердца, добрыми и благородными делами, обыкновенно свидетельствующими как о добром роде, так и о добром воспитании сына, прославляющими и возвышающими во мнении людей как сына, так и отца его. Господь наш Иисус Христос во все три периода жизни Своей, на рубеже которых стоят свидетельства о Нем — Иорданское и Фаворское, — и в период Своей безвестной жизни, во время общественного служения спасению людей и в период усиленного крестоношения — прославляя прославлял Своего Отца Небесного и Своим послушанием, Своими качествами и делами явил Себя Сыном, поистине достойным имени возлюбленного.

О Преображении Иисуса Христа (Лк. 9: 28–32)

Иннокентий, архиеп. Херсонский.
Из Беседы в день Преображения

Сон (Лк. 9:32), в коем находились апостолы при начале Преображения, дает разуметь, что они возведены были на гору во время, располагающее ко сну, и что им не была открыта предварительно чрезвычайная цель восшествия. Иначе можно ли было предаться сну? Учитель имел обыкновение удаляться в горы для молитвы (Лк. 6:12), и теперь *взыде,* замечает евангелист Лука, *на гору помолится* (Лк. 9:28). Что произойдет среди сей и от сей молитвы — о сем ведал разве токмо Сам Он.

Как ни легко было совершать молитву на вершине Фавора, в безмолвии всего окружающего, вблизи Божественного Учителя, но ученики не могли разделять ее с Ним до конца и уступили над собою власть сну, который, как справедливо замечают, с наибольшею силою нападает на человека во время молитвы и тогда наипаче овладевает им, когда наиболее нужно почему-либо бдеть.

Богочеловек продолжал молиться один. Можете представить, или, лучше сказать, невозможно и представить, как молился Отцу Сын Единород-

ный, возлюбленный в минуты столь важные! Евангелисты не сказывают нам, что было предметом Его молитвы. Но это отчасти видно само собою. Как для нас в деле спасения нет ничего, так и для Богочеловека в деле служения сему спасению не было ничего важнее креста (Лк. 9: 22–24). Мог ли быть по сему самому крест сей забыт при молитве на Фаворе? Моисей и Илия, конечно, не столько сами начинали, сколько продолжали начатую в молитве беседу Богочеловека с Отцом, но они *глаголаста исход Его*!

Но что бы ни было предметом Фаворской молитвы Иисусовой, только молитва сия была из самых необыкновенных даже между Его молитвами, ибо, *егда моляшеся, бе видение лица Его ино* (Лк. 9:29); оно *просветися яко солнце, и ризы Его быша белы яко свет* (Мф. 17:2), *блещащяся* (Мк. 9:3). То есть, сколько можно изъяснять подобные явления слабым словом человеческим: молитва до того возбудила и подвигла сокрытую в человечестве Иисусовом полноту Божества, что она, преисполнив душу Богочеловека светом своим, проникла сквозь тело и просияла в лице, не вмещаясь здесь, осияла и преобразила самую одежду. Если вы читывали жизнеописания святых, то, без сомнения, припомните, что при всей Божественности настоящего чуда, нечто подобное происходило и в жизни святых. И они иногда во время молитвы от внутреннего восторга души, распаленной любовию к Богу, казались окруженными светом небесным и принимали вид прославленный (например Арсений Великий, Феодор Едесский, Григорий Омир.). Тем естественнее это было в молитве Богочеловека, в Коем Божество, как ни скрывалось под завесою человеческой плоти, при всяком особенном случае обнаруживало Свое присутствие и *блистало,* по выражению Церкви, как *молния* (служба на Преображение)...

О молитве Иисуса Христа на Фаворе

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова на Преображение. Слова и речи, т. 1

Дабы усмотреть, с какою удобностью ключ молитвы отверзает духовные и Божественные сокровища, всмотримся в изображение Преображения Господня у евангелиста: *взыде на гору помолитися. И бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино* и проч. Если смеем мы по сим чертам угадывать сердечную тайну Божественного Иисуса, — кажется, на пути к Фавору в прямом и непосредственном намерении Его было не Преображение, но просто молитва: *взыде на гору помолитися,* Кажется, и на самой горе, в самые минуты Преображения, собственною целью действия Его была только молитва: *бысть егда моляшеся.* Размышляющему не покажется невероятною и та догадка, что предметом сей молитвы Спасителевой долженствовало быть приготовление Себя и учеников к приближающемуся Своему страданию и крестной смерти, о чем Он незадолго пред сим открылся ученикам (Лк. 9:22) и

о чем в самое время Преображения беседовали с Ним Моисей и Илия (ст. 31). Как же среди молитвы о страдании открылась слава! Как самородный, так сказать, цвет и плод обильной живою силою молитвы, дух молитвы, сливаясь с Духом Божиим, исполнил светом душу Иисусову; преизбыток сего света, не удерживаясь в душе, пролиялся на тело и просиял в лице; не вмещаясь и здесь, осиял и преобразил самую одежду; расширяясь еще далее, объял душу апостолов и отразился в восклицании Петровом: *добро есть нам зде быти*; прошел в область внутреннего мира и привлек оттоле Моисея и Илию; достиг самых недр Отца Небесного и подвигнул любовь Его к торжественному свидетельству о возлюбленном: *Сей есть Сын Мой возлюбленный*. О, чудо молитвы, единым действием объемлющей небо и землю и самое Божество! Да не скажет кто, что сей пример молитвы до нас не относится, как дело Богочеловека. Он относится и до нас; ибо и в нас тоже, хотя не в той же степени, должно совершаться, что и во Христе. *Сие да мудрствуется в вас,* учит апостол, *еже и во Христе Иисусе* (Флп. 2:5).

Избранные святоотеческие толкования евангельского повествования о Преображении Иисуса Христа

Святого Ефрема Сирина мысли о Преображении Господа и Бога Спасителя нашего Иисуса Христа

Творения св. Ефрема Сирина, ч. 3

Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына Человеческаго грядуща во славе Своей. И по днех шестих поят Симона Петра и Иакова и Иоанна брата его на гору весьма высокую и преобразился пред ними, и просветися лице Его яко солнце, ризы же Его быша белы яко свет (Мф. 16:28; 17: 1–2).

О тех самых сказал, что не вкусят смерти, пока не увидят образа пришествия Его, которых взяв, возвел на гору, и которым показал, каким образом приидет в последний день в славе Своего Божества и в теле Своего человечества. Возвел же их на гору, чтобы показать им, кто Сын, и Чей Сын. Ибо когда спросил их: *кого Мя глаголют человецы быти Сына Человеческаго?* — они отвечали ему: *инии Илию, друзии же Иеремию, или единаго от пророк* (Мф. 16: 13–14). Посему возводит их на гору и показывает им, что Он не Илия, но Бог Илиин, и также не Иеремия, но освятивший Иеремию в чреве матернем; и не один из пророков, но Господь пророков, пославший их. Показывает им, что Он — Творец неба и земли, что Он Господь живых и мертвых; потому что повелел небу и низвел Илию, дал мановение земле, и воскресил Моисея.

Возвел их на гору, чтобы показать им славу Божества и дать им знать, что Он – Искупитель Израиля, как объявил чрез пророков, и чтобы не соблазнились о Нем, видя вольное Его страдание, какое имел Он претерпеть за нас по человечеству. Ибо знали Его как человека, и не разумели, что Он – Бог. Знали Его как сына Мариина, как человека, жившего с ними в мире. И на горе дал им разуметь, что Он – Сын Божий и Бог. Видели, что Он вкушал и пил, утомлялся и отдыхал, дремал и засыпал, приходил в страх и проливал пот; все же это приличествовало не Божественному естеству Его, а только человечеству. И потому возводит их на гору, чтобы Отец провозгласил Его Сыном и показал им, что действительно Он – Сын Божий и Бог.

Возвел их на гору и показал им Царство Свое прежде Своих страданий, силу Свою прежде смерти Своей, и славу Свою прежде поругания Своего, и честь Свою прежде бесчестия Своего, чтобы, когда будет взят и распят иудеями, знали они, что распят не по немощи, но по благоизволению Своему, добровольно, во спасению миру.

Возвел их на гору и показал им славу Божества Своего прежде воскресения, чтобы, когда восстанет из мертвых в сей славе Божественного естества Своего, узнали они, что не за труд Свой приял Он славу сию, как нуждавшийся в славе но что прежде веков принадлежала Ему слава со Отцем и у Отца, как сказал Он, исходя на вольное страдание: *Отче, прослави Мя славою, юже имех у Тебе, прежде мир не бысть* (Ин. 17:5).

Итак, сию славу Божества Своего, невидимую и сокровенную в человечестве, показал апостолам на горе. Ибо видели лице Его блистающим подобно молнии, и одежды Его белыми, как свет. Два солнца увидели ученики: одно на небе обыкновенное, а другое необыкновенное одно видимое ими и озаряющее мир на тверди, другое им одним являющее лицо Свое. Одежды же Свои показал белыми как свет, потому что из всего тела Его истекала слава Божества Его, и во всех членах Его сиял свет Его. Не как у Моисея, не одна внешность плоти Его просияла благолением, но из Него изливалась слава Божества Его, из Него восходил свет Его и в Нем сосредоточивался, не переходил от Него на что-либо другое, оставляя Его, не со стороны приходил к Нему, чтобы украсить Его, и не был для Него заимствованным. Но не всю пучину славы Своей показал им, а в какой мере могли вместить зеницы очей их.

И явистася им Моисей и Илиа, с Ним глаголюща (Мф. 17:3). Беседа их с Ним была следующая свидетельствовали Ему благодарение, что пришествием Его исполнились слова их и всех пророков. Воздавали Ему поклонение за спасение, какое соделал миру, то есть человеческому роду, и за то, что исполнил самым делом тайну, которую описывали они.

В сем восшествии на гору была радость пророкам и апостолам. Радовались пророки, увидев Его человечество, которого не знали; радовались

апостолы, увидев славу Его Божества, которого не разумели. И услышав глас Отца, свидетельствующий о Сыне, познали из оного Его вочеловечение, которое было для них не ясно. А вместе с гласом Отца уверяла их в этом явившаяся слава тела Его от неизменно и неслиянно соединенного с ним Божества. И запечатлелось свидетельство троих гласом Отца, также Моисеем и Илиею, которые предстояли Ему, как рабы.

И взирали друг на друга, пророки на апостолов, апостолы на пророков. Увидели там друг друга, началовожди Завета Ветхого началовождей Завета Нового. Святой Моисей увидел освященного Симона. Домоприставник Отца увидел приставника Сына: один рассек море, чтобы народ прошел среди волн; другой поставлял сень, чтобы создать Церковь. Девственник Ветхого Завета увидел девственника Завета Нового, Илия — Иоанна, восшедший на колесницу огненную — припадшего к персям Пламени. Так гора стала образом Церкви, и Иисус соединил на ней два завета, какие приняла Церковь, и дал нам разуметь, что Он Сам Податель обоих заветов; один принял тайны Его, а другой явил славу дел Его.

Петр сказал: *добро есть нам зде быти, Господи* (17:4). Что говоришь ты, Симон? Если здесь останемся, кто исполнит слово пророков? Кто запечатлеет вещания проповедников? Кто совершит таинства праведных? Если здесь останемся, — на ком исполнится сказанное: *ископаша руце Мои и нозе Мои* (Пс. 21:17)? Кому будет приличествовать это: *разделиша ризы Моя себе, и о одежди Моей меташа жребий* (ст. 19)? С кем сбудется сие: *даша в снедь Мою желчь, и в жажду Мою напоиша Мя оцта* (Пс. 68:22)? Кто подтвердит это: *мертвых свобод* (87:6)? Если здесь останемся, кто раздерет рукописание Адамово? Кто оплатит долг его? Кто обновит на нем одеяние славы? Если здесь останемся, как будет все то, что сказал Я тебе? Как созиждется Церковь? Как получишь от Меня ключи Царства Небесного? Кого будешь вязать? Кого будешь разрешать? Если здесь останемся, без исполнения останется все сказанное пророками.

Еще сказал Петр: *сотворим зде три сени, Тебе едину, Моисеови едину и едину Илии* (ст. 4). Симон послан созидать Церковь в мире, и вот творит сени на горе, потому что все еще человечески смотрит на Иисуса и ставит Его в ряд с Моисеем и Илиею. И Господь тотчас показал ему, что не имеет нужды в его сени, потому что Он отцам его в пустыне в продолжение сорока лет творил сень облачную. Ибо еще им глаголющим: *се облак светел осени их* (ст. 5). Видишь, Симон, сень, устроенную без труда, сень, которая преграждает зной и не производит тени, сень, которая молниеносна и светла.

Когда ученики дивились, вот услышан из облака глас от Отца, говорящий: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте* (ст. 5). После гласа от Отца Моисей возвратился в место свое, и Илия возвратился в область свою, и апостолы пали лицом на землю; и Иисус стал

один, потому что на Нем одном исполнился оный глас. Бежали пророки, пали на землю апостолы; ибо не на них исполнялся глас Отца, свидетельствующий: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте*. Отец учил их, что домостроительство Моисеево исполнено, и должны слушать они Сына; потому что Моисей, как раб, говорил, что было повелено, и проповедовал, что было ему сказано. Также говорили и пророки, пока не пришел Отложенный (Быт. 49:10), то есть Иисус, Который есть Сын, а не домочадец, Господь, а не раб, Властитель, а не подвластный, Законодатель, а не подчиненный закону.

По Божескому естеству *Сей есть Сын Мой возлюбленный*. Что было еще не ясно для апостолов, то Отец открыл им на горе. Сущий провозвещает Сущего, Отец объявляет Сына. При сем гласе апостолы пали лицом на землю, потому что страшный был это гром, и от гласа его поколебалась земля, и они пали на землю. Глас показал им, что близок Отец, и Сын воззвал их Своим гласом и воздвиг их. Как глас Отца поверг их, так воздвиг их глас Сына силою Божества Своего, которое вселялось в самой плоти Его, и неизменно соединено с нею, почему Божество и плоть пребывают в одной ипостаси и в одном Лице нераздельно и неслиянно. Не как Моисей благолепен был по внешности, но как Бог сиял славою. У Моисея поверхность лица его покрыта была благолепием, а Иисус во всем Своем теле, как солнце лучами своими, сиял славою Божества Своего.

И Отец *воззвал: Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте*, – воззвал о Сыне, неотлученном от славы Божества. Ибо Отец и Сын со Святым Духом – одно естество, одна сила, одна сущность и одно Царство. И к одному вещал под невысоким именем, но в страшной славе. И Мария называла Его Сыном, по человеческому телу неотлученного от славы Его Божества. Ибо один есть Бог, явившийся в мир в теле. Слава Его возвещала о Божеском естестве, которое от Отца, и тело Его возвещало о человеческом естестве, которое от Марии; оба же естества сошлись и соединились в одной ипостаси. Единственный от Отца – единородный и от Марии. И кто разделяет в Нем естества, тот отделен будет от Царства Его; и кто сливает их, тот лишен будет жизни Его. Кто отрицает, что Мария родила Бога, тот не увидит славы Божества Его; и кто отрицает, что носил Он безгрешную плоть, тот не получит спасения и жизни, даруемой чрез тело Его. Самые дела свидетельствуют и Божеские силы Его научают рассудительных, что Он – истинный Бог. А страдания Его показывают, что Он – истинный человек. После того как Отец воззвал с неба: *Сей есть Сын Мой возлюбленный: Того послушайте*, приняла сие Святая Божия Вселенская Церковь. О сей Святой Троице крестит она в жизнь вечную, Ее святит равночестием, Ее исповедует нераздельно, неотлучно, Ей покланяется непогрешительно, Ее исповедует и прославляет. Сей триипостасной

Единице — Отцу и Сыну и Святому Духу подобают слава, благодарение, честь, держава, величие ныне и всегда и во веки веков! Аминь.

Святой Григорий Палама о свойстве света, виденного апостолами на Фаворе

«Воскресное чтение», 1817

И по днех шестих поят Иисус Петра и Иакова и Иоанна, брата его, и возведе их на гору высоку едины (Мф. 17:1). Спрашиваем прежде всего, откуда евангелист Матфей начинает счет шести дней, с какого, то есть, дня? С того, как показывает ход речи, в который Спаситель, наставляя учеников Своих, сказал им: *приити имать Сын Человеческий во славе Отца Своего,* и потом прибавил: *аминь глаголю вам, суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына Человеческаго грядущаго во Царствии Своем* (16: 27–28), то есть свет предстоявшего Преображения Он назвал славою Отчею и Своим Царством.

И преобразися пред ними, продолжает евангелист. Что значит «преобразися», — вопрошает златословесный богослов, и ответствует: «открыл, то есть, им нечто из Своего Божества – столько, сколько могли они вместить, и показал в Себе обитающего Бога» (св. Иоанн Златоуст). Евангелист Лука говорит: *бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино* (Лк. 9:29); у евангелиста же Матфея читаем: *и просветися лице Его яко солнце* (17:2). Но это сказал евангелист не в том смысле, чтобы оный свет почитать за подлежащий чувствам (да удалится от нас ослепление ума тех, которые не могут себе представить ничего выше подлежащего чувствам), но желая показать, что Христос Бог для живущих и созерцающих духом есть то же, что солнце для живущих во плоти и созерцающих чувствами, ибо другого света для видения Божества и не нужно тем, которые обогащены Божественными дарованиями. Воссиял же Он и таинственно явил апостолам и начальнейшим из пророков неисповедимый оный свет в то время, когда молился, показывая чрез то, что сего блаженного видения родительницею была молитва, что блистание происходило и являлось от соединения ума с Богом, и что оно подается всем тем, которые при постоянном упражнении в подвигах добродетели, устремляют ум свой к Богу. Почему и лицо Моисеево просветилось от собеседования с Богом. Но Моисей не сам произвел, а только потерпел преображение; Господь же наш Иисус Христос Сам от Себя имел оный свет. По сей причине, собственно, Он и не имел нужды в молитве для того, чтобы осиять Плоть Свою, но только показал, откуда оный свет нисходит на святых Божиих и каким образом можно созерцать его; ибо написано, что и святые просветятся *яко солнце* (Мф. 13:43), то есть всецело проникнутые Божественным светом, узрят

Христа, у Которого блистание, происходя от Божеского естества, явилось на Фаворе общим и плоти Его, по причине ипостасного единения.

Итак, веруем, что Он явил в преображении не другой какой-либо свет, но только тот, который скрыт был у Него под завесою плоти; сей же свет был свет Божеского естества, поэтому и не сотворенный, Божественный. Так и по учению богословствующих отцов, Иисус Христос преобразился на горе; не восприяв что-либо и не изменившись во что-либо новое, чего дотоле не имел, но показав ученикам Своим только то, что у Него уже было.

Да и для чего Господь пред началом преображения избирает главнейших из лика апостольского и возводит их отдельно с Собою на гору? Конечно, для того, чтобы показать им нечто великое и таинственное. Что же особенно важного и таинственного в показании чувственного света, который обильно имели уже до того не только избранные, но и остальные апостолы? Как можно славу и Царство Отца и Духа Святого поставлять в каком-то чувственном свете? Ужели в подобной славе и Царстве приидет Христос и в скончание века, когда не будет нужды ни в свете, ни в воздухе, ни в пространстве, ни в чем-либо подобном, но когда, по свидетельству апостола, *Бог будет всяческая во всех* (1 Кор. 15:28), то есть будет заменять всё для всех? Если же всё, то следовательно и свет. Явно из этого, что свет фаворский был свет Божества!

Притом Моисей и Илия (и особенно первый, который явно духом, а не плотию присутствовал) посредством какого чувственного света могли быть осияны, видимы и познаны? Ибо и о них написано: *явлешася во славе, глаголаста же исход Его, егоже хотяще скончати во Иерусалиме* (Лк. 9:31). И как иначе могли узнать апостолы тех, которых никогда дотоле не видели, если не при таинственной силе Божественного света, открывшего умные очи их?

Святой Иоанн Златоуст о явлении Моисея и Илии на Фаворе и гласе Отчем: *сей есть Сын Мой возлюбленный*

Для чего Иисус Христос призывает во свидетели Своего преображения Моисея и Илию? Для многих причин; и во-первых, поелику некоторые из народа думали видеть в Нем Илию, другие Иеремию или одного из древних пророков, то Он призывает Моисея и Илию, начальнейших из пророков, для того, чтобы чрез сие показать и безмерное расстояние рабов от Господа, и все достоинство веры апостола Петра, который исповедал Его Сыном Божиим. Далее, так как иудеи не преставали обличать Его в мнимом нарушении закона и считали Его богохульником за то, что Он усвоял Себе славу Отчую, то, дабы показать, что они из зависти клеветали на Него и что Он невинен ни в том, ни в другом, то есть не нарушает закон, не при-

своряет не принадлежащей Себе славы, говоря, что Он равен Отцу, – Иисус Христос призывает Моисея и Илию, как обличителей клеветы; ибо Моисей, давший закон, не потерпел бы нарушителя его и не поклонялся бы врагу и противнику его; а Илия, пламеневший ревностью по славе Божией, не предстал бы пред Тем, Который выставлял Себя равным Богу, если бы действительно Он не был таким и присвоял Себе не принадлежавшее Ему.

Прибавим к сему, что, призывая Моисея и Илию во свидетели Своего Преображения – первого вкусившего смерть, а последнего ей не приобщившегося, – Иисус Христос хотел показать чрез сие, что Он есть верховный Владыка жизни и смерти, вышних и преисподних. Четвертой причины касается сам евангелист, именно: чтобы показать славу креста и утешить и возвысить умы как Петра, так и прочих учеников, трепетавших предстоявшего страдания; ибо явившиеся пророки не безмолвствовали, но говорили о славе, которую Он намерен был явить в Иерусалиме, то есть о страдании и кресте, потому что они всегда называются славою. Наконец, самая добродетель явившихся мужей, которой Он преимущественно требовал от учеников, была причиною их избрания. Так как Иисус Христос всегда учил: *иже хощет по Мне ити, да возмет крест свой и последует Ми*, то Он теперь и изводит тех, которые тысячу раз готовы были умереть за славу Божию и за вверенный им народ... Что же при этом пламенный Петр? *Добро есть нам зде быти*, говорит (Мф. 17:4). Прежде он слышал, что Иисусу должно идти во Иерусалим и пострадать; и так, убоясь и трепеща за Него, но после сделанного ему упрека не смея приступить и повторить по-прежнему: *милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие* (Мф. 16:22), он от страха ту же самую мысль выражает в других, уже не столько ясных словах. Находясь на горе, среди уединенной пустыни, он подумал, что самое место доставляет безопасность, и не только надеялся на эту безопасность, но и думал, что Иисус уже не сойдет в Иерусалим, где, по словам Его, Он должен был пострадать от архиереев и книжников. Но не осмелившись сказать этого прямо, а между тем желая, чтобы это было так, Петр без всякого опасения сказал: *добро есть нам зде быти* – здесь находятся Моисей и Илия – Илия, низведший огонь с неба на гору, Моисей, вошедший во мрак и беседовавший с Богом. Итак, *аще хощеши сотворим зде три сени*. Видишь ли, как пламенно Петр любил Христа? Несмотря на то, что предложение его необдуманно, но рассуждай, как любовь ко Христу сожигала его.

Что же далее? Ни Сам Иисус Христос не говорит ничего, ни Моисей, ни Илия, но больший всех и более всех достойный веры Отец глаголет из облака; ибо так всегда является Бог; *облак и мрак окрест Его* (Пс. 96:2), и еще: *полагаяй облаки на восхождение Свое* (Пс. 103:3). Посему для уверения учеников, что глас сей есть глас Самого Бога является облако, и притом светлое. *Еще же ему* (Петру) *глаголющу, се облак светел осени их, и се глас из облака глагола:*

Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте (Мф. 17:5). Когда Бог угрожает, то является мрачное облако, например на Синае: *вниде Моисей в среду облака... и восхождаше дым, яко дым пещный* (Исх. 24:18; 19:18). Здесь же является светлое облако, потому что Он имел намерение не устрашить, а научить. Посему там курение и дым пещный, здесь же свет неизреченный и глас. Далее пророки удаляются для того, чтобы показать, что не просто говорится об одном из трех, но именно о Христе. Почему же облако осенило не одного только Христа, но всех? Если бы оно осенило одного Христа, то можно было бы подумать, что глас происходил от Самого Христа. Посему-то евангелист, предотвращая это, говорит, что глас был из облака, то есть от Бога. Что же говорил он? *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих.* Если же Иисус есть Сын возлюбленный, то не бойся, Петр. Ибо если Отец всемогущ, как и действительно, то и Сын всемогущ; рассуди, что Он не только есть Сын, но и Сын возлюбленный. Кто же погубит Того, Кого любит? Итак, не смущайся, Петр! Хотя бы любовь твоя к Нему была безмерна, но ты не любишь Его так, как любит Родивший Его, Который о Нем благоволит и любит Его не потому только, что родил Его, но потому, что Он равен Ему во всем и одну имеет с Ним волю и в Нем все Его благоволение, или, что то же, – покой и услаждение. *Того послушайте* – так, что если бы Он восхотел быть распятым на кресте, ты (Петр) тому не противься!

И слышавше ученицы падоша ницы и убояшася зело. И приступль Иисус, прикоснуся их и рече: возстаните и не бойтеся (Мф. 17: 6–8). Отчего они были так поражены, услышав глас Отчий? Причинами сего были уединение и высота места, глубокое молчание, страшное преображение, необычайный свет, простертое облако – все это не могло не повергнуть их в сильный трепет. Но чтобы страх, слишком долго действуя, не лишил их памяти, для сего Он тотчас рассевает его и предстает очам их один, заповедуя им не открывать сего никому до тех пор, пока Он не восстанет из мертвых; ибо чем более стали бы рассказывать о Нем чудесного, тем труднее было бы тогда верить этому; притом соблазн о кресте от того еще более увеличивался бы. Нужно было дать пройти времени, а после ученики, исполненные Духа, в знамениях находили голос, споспешествовавший им; всё, что они после говорили, достойно было веры, ибо дела громче всякой трубы провозвещали Его могущество, и события не возбуждали уже никакого соблазна (из беседы 56 на Евангелие от Матфея).

Исцеление бесноватого отрока (Мф. 17: 14–23)

«Воскресное чтение», 1825

Евангелие (Мф. 17: 14–23) представляет новый опыт чудодейственной власти Христа над злыми духами и при этом случае преподает нам несколько

весьма важных наставлений. Опыт власти этой был показан в исцелении одного бесноватого отрока, который одержим был сильным, особенного рода беснованием, возобновлявшимся у него во времена новомесячий. Быть может, в нем действия духа нечистого обнаруживались по Божию допущению, под видом определенной физической болезни. Как бы то ни было, впрочем, — только несомненно, что это был человек, страдавший под влиянием духа неприязни, и действия этого последнего в минуты страданий несчастного проявлялись со свойственною им зловредностью и мучительностью: страждущий бросался то в огонь, то в воду, беспрерывно подвергаясь опасности лишиться жизни.

Сего-то страждущего привел отец для исцеления, сначала к ученикам Иисусовым, находившимся внизу горы во время Преображения, потом к Самому Иисусу, когда Он сошел с горы с тремя избранными. Скорбный отец обращается с мольбою к Господу и ищет у Него помилования своему сыну, изображая тяжкие его страдания. «И вот я, — говорит, — приводил его к ученикам Твоим, но они не могли исцелить его». Любвеобильное сердце Спасителя подвиглось состраданием, и Он даже выразил чувство сердечного огорчения. Но чем было вызвано это чувство огорчения? Опять тем же, что побудило Христа сделать упрек Петру после его путешествия на море. Не тягость страдания, невыносимая для страждущего, возбудила на этот раз в Спасителе негодование, а отсутствие сильной и действительной веры, которая бы явилась устранить эту тяжесть страдания. *О роде неверный и развращенный,* воскликнул Спаситель, *доколе буду с вами, доколе терплю вы* (ст. 17). Общий тон речи Спасителя и еще некоторые подробности, упоминаемые у другого евангелиста (Мк. 9: 23–24), показывают, впрочем, что главным предметом обвинения в неверии здесь были не апостолы, которым не удалось изгнать беса, а все то общество народа, которое их окружало и к которому принадлежал сам отец бесноватого. Спаситель приказал потом привести к Нему страждущего и одним словом запрещения выгнал из него духа нечистого; после сего отрок сделался тотчас здоровым.

Спаситель дал, однако, приличное внушение и ученикам Своим. Оставшись с Ним наедине, ученики сами стали спрашивать Его о причинах неуспеха их в исцелении бесноватого, и Спаситель прямо объявил им, что они в том не успели *по неверию* своему. Конечно, апостолы обладали большею верою, сравнительно с многими другими: это они показали и словесным ее исповеданием пред Христом, и самым делом постоянного и преданного последования Ему. Но, не получив еще окончательного утверждения в своей вере от силы Духа Святого, они, очевидно, не всегда с одинаковою ревностью могли выдерживать ее характер, и при некоторых случаях, особенно когда почему-либо не пользовались они личным подкреплением Спасителя, обычная слабость человеческой природы легко при-

мешивалась к их действиям и давала себя чувствовать ощутительным образом. Так и здесь случилось, когда они оставались одни в отсутствие Спасителя и к ним был приведен страждущий.

Указывая обнаруженную в этом случае их слабость веры, Спаситель высказал одно замечание, которое может иметь отношение ко всем нам.

Аминь глаголю вам, продолжает Он, *аще имате веру яко зерно горушно, — речете горе сей: прейди отсюда тамо, и прейдет, и ничтоже невозможно будет вам* (ст. 20), то есть «если будете иметь веру хоть с зерно горчичное — и скажете горе сей: перейди оттуда сюда, то она перейдет, и ничего не будет для вас невозможного». В самом деле, следует нам подумать об этих словах Христовых. Когда Христос усвояет столь великое могущество даже незначительной доле веры, только, разумеется, живой и действительной, то можем судить, что не напрасно упрекают позднейшие времена в слабости веры и даже безверии, когда они так скудны доблестными проявлениями веры. Пусть первые времена христианства были по преимуществу временами чудес, по особенным целям Промысла Божия; однако разница между ними и временами позднейшими может в этом случае иметь, как и действительно имела в истории, различные степени. К тому же не все только внешние чудеса должно принимать в расчет при суждении о большей или меньшей силе веры в людях: есть много случаев к ее искренним и действенным обнаружениям во внутренней жизни человека, в его нравственной борьбе с самим собою, в подвигах любви к Богу, бескорыстия, терпения, усердия к молитве и т.п. А этих-то обнаружений большею частью и недостает у нас.

В заключение Христос дает понять ученикам Своим, что для успешного действования в случаях, подобных указанному, требуются еще некоторые особенные подвиги и дела благочестия. Он указывает на пост и молитву: *сей род не исходит, токмо молитвою и постом* (ст. 21). То есть требуется здесь, чтобы не только не было недостатка в вере, но чтобы она являлась на особенной степени своего раскрытия в человеке и обнаруживалась в нем, как нравственная сила добродетели. Пост и молитва служат весьма значительными проявлениями этой силы, потому что возвышают человека над собственным его естеством и приводят к чистому и духовному общению с Богом. Сделанное апостолам внушение Спасителя можно принимать в таком смысле, что тот род нечистых духов, к которому принадлежал изгнанный Им из отрока дух, отличается особенною неприязненностью своих действий в отношении к людям, и потому требуется более крепкое ему противодействие. Но так как вообще действия исконного врага людей, направляемые ко вреду их, не знают себе меры, если не сдерживаются силою всемогущества Божия, и во всяком случае могут быть препобеждаемы со стороны людей только нравственною силою веры, необходимым признаком которой служат подвиги благочестия, то в словах Спа-

сителя мы и вообще находим наставление относительно тех средств, которыми по преимуществу должны мы укреплять себя в борьбе с невидимым врагом спасения.

Между тем Спаситель с прежнею решительностью продолжал приготовлять учеников Своих к мысли о последних днях земной жизни Его и воскресении. Проживая с ними после Преображения Своего в Галилее, Он снова повторяет им определенным образом: *предан иматъ быти Сын Человеческий в руце человеком: и убиют Его, и в третий денъ востанет* (ст. 22–23). В ту пору, положим, они все еще не были в состоянии уразуметь, как следует, силу этих предсказаний; но зато, когда совершилось самое дело, они с большею удобностью могли понять весь этот порядок земного домостроительства Христова, когда Спаситель по воскресении напомнил им: «Вот то, что Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему написанному о Мне в законе Моисеевом и пророках и псалмах» (Лк. 24:44).

Блаженного Иеронима изъяснение Евангелия в 10-ю Неделю по Пятидесятнице (Мф. 17: 14–23)

«Воскресное чтение», 1818

Во время оно, человек некий приступи ко Иисусу, кланяяся Ему и глаголя: Господи, помилуй сына моего, яко на новы месяцы беснуется и зле страждет, множицею бо падает во огнь, и множицею в воду.

По моему мнению, этот беснующийся на новы месяцы изображает человека, предающегося по временам разным порокам, ежечасно изменяющегося в своих намерениях и впадающего то в огнь любодеяния, то в те воды, кои противны любви.

И приведох его ко учеником Твоим, и не возмогоша его исцелити. Словами сими отец несчастного отрока укоряет учеников Христовых в том, что отрок его не избавлялся от болезни. Но то, что из прибегавших к апостолам некоторые не получали исцеления, зависело иногда не столько от апостолов, сколько от просивших помощи у них; ибо и Сам Иисус Христос многим из исцеляемых от Него говорил: «Буди тебе по вере твоей» (Мк. 5:34; 10:52).

Отвещав же Иисус рече: о роде неверный и развращенный, доколе буду с вами, доколе терплю вам? Приведите ми его семо. Так выразился Иисус об иудеях не потому, чтобы Он соскучил и прогневался на них, – Он, смиренный и кроткий сердцем, Который не отверзал уст Своих, и яко агнец пред стригущим его был безгласен (Исаия 53:7), – но так, как обыкновенно выражается врач, когда больной не слушается его советов. И последний в подобном случае говорит: «Доколе мне ходить к тебе и истощать мое искусство; я велю то, а ты делаешь другое?» А что Господь в настоящем случае гневался

не на людей, а на пороки их, видно из тех слов, которые тотчас после сего произнес: *приведите ми его семо.*

И запрети ему Иисус, и изыде из него бес, и исцеле отрок от того часа.

Запрещение должно относить не к отроку, страдавшему от демона, но к демону, мучившему отрока. Или: запретил самому отроку, потому что он страдал от демона за свои грехи.

Тогда приступивше ученицы на едине реша: почто мы не возмогохом изгнати его. Иисус же рече: за неверствие ваше. Итак, если когда мы не получаем от Господа по молитвам нашим, то причина тому не недостаток силы у Дающего, а вина просящих.

Аминь бо глаголю вам: аще имате веру яко зерно горушно, речете горе сей, прейди отсюду тамо, и прейдет: и ничтоже будет невозможно вам. Некоторые думают, что такая вера есть малая; но поелику, по словам апостола, горы переставлять можно только имеющему всю веру (1 Кор. 13:2); то значит, что вера, сравниваемая с зерном горушичным, велика. Под именем горы, которую может преставить такая вера, разумеется не гора видимая, но изгнанная Господом из страдавшего отрока, то есть демон. Посему неразумны те, кои из того, что никто из апостолов и верующих во Иисуса Христа не преставлял гор, заключают, что они и малой веры не имели, потому что они роду человеческому благодетельствовали не преставлением гор с места на место, но сокрушением той великой горы, которая, по слову пророка (Иер. 51:25), растлевала всю землю.

Сей же род не исходит, токмо молитвою и постом. Указывая апостолам на то, чем может быть изгоняем демон, Иисус Христос всех научает, как устроять жизнь.

Живущим же им в Галилеи, рече иже Иисус: предан имать быти Сын Человеческий в руце человеком. И убиют Его, и в третий день восстанет. Чтобы апостолы не боялись, а были готовы к терпению, когда внезапно придут бедствия, Иисус Христос всегда, предсказывая о них, предрекал вместе и об имевшей последовать за ними радости. Так и здесь, если они огорчались тем, что Его убиют, то имевшее последовать в третий день по смерти воскресение Его должно было утешить их.

Св. Афанасия Александрийского толкование на 14 стих 17-й гл. Евангелия от Матфея

Творения свв. отцов.
Творения Афанасия Александрийского

Господи, помилуй сына моего, яко на новы месяцы беснуется и зле страждет. В беснующихся на новы месяцы не луна причиною их умопомешательства. Луна создана не для того, чтобы делать зло и вредить человеческой природе, но

чтобы содействовать в делах добрых и полезных. Будучи по природе влажна, она доставляет телам самый приятный сон и, имея млечный цвет, умеряет ночную темноту. Служа противодействием солнцу, которое сухо и горячо, своею влажностью и холодностью, как истая матерь, в объятиях ночи, оживляет она и делает цветущими все растения и луга, всякую траву и всякий овощ, почему на утренней заре видим, что на деревьях листья делаются гуще, луга на вершине цветов носят мед — это делание мудрой и трудолюбивой пчелы, всякая травинка делается веселее и всякий овощ принимает светлый вид и возрастает. Потому луна и имеет млечный цвет: как матерь питает младенца молоком, так и она все увеличивает в росте туком и росою. А поелику она на небе, то показывает кругообращение годов, исполнение месяцев, перемены погоды и времен, надлежащее время истинной и непреложной пасхи, как говорит Премудрость: *от луны знамение праздника* (Сир. 43:7). А поелику светило сие умаляется и возрастает, то имя ему месяц (μῆν). Книга Бытия повествует так: *и рече Бог; да будет свет на тверди небеснем, освещати землю, начало дне и нощи, и да будет во знамения и во времена, и во дни и в лета. И да будет в просвещение на тверди небесней, яко светити по земли* (Быт. 1: 14–15). Все же сие почел я нужным предложить вашему благоговению, желая доказать самым делом и Богодухновенными Писаниями, что не луна причиною умоповреждения, но злотворный и коварный диавол. Он злохудожен и, будучи не в состоянии иным способом довести до обоготворения тварей или принудить людей к деланию идолов, наблюдает новомесячие луны, и когда бывает ей пятый день, делает, что страждущий падучею болезнью вопит, точит пену, кидается в огонь или в воду, чтобы родители больного, или братья, или родные, принуждены были тем поклониться луне, в той мысли, что луна послала юноше беса. Посему эллины и называют ее царицею небесною, тогда как она рабыня ночи и служительница, а не владычица или властительница естества человеческого.

Посему и преемник Моисеев Иисус повелевал светилам, сказав: *да станет солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Элон* (Ис. Нав. 10:12), пока не обращу в бегство пять царей амморейских. Итак, человек, повелевающий луне, может ли подлежать злотворности или владычеству светил? Посему не допустим до себя сих ухищрений змия отступника, сего эллинского заблуждения и суеверия.

Какие особенности представляет повествование евангелиста Марка об исцелении бесноватого глухонемого (9: 14–29)

1) Когда бесноватый был приведен к Спасителю, нечистый дух тотчас почувствовал, к Кому привели его, и начал сильно мучить больного: «Как

скоро, говорит Евангелие, бесноватый увидел Спасителя, дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену». Даже в то время, когда Спаситель повелел диаволу выйти из отрока и впредь не входить в него, диавол не вдруг оставил свою жертву: «И возопив и сильно сотрясши его, вышел, и отрок сделался как мертвый, так что многие сочли его умершим». Откуда происходила такая дерзость со стороны диавола? И неужели Спасителю нужны были особенные усилия для прогнания духа нечистого? Это сделано было, говорит святой Иоанн Златоуст, «для вразумления предстоящих», которые должны были увидеть на опыте, как дерзок диавол и как, несмотря на свою дерзость, он трепещет пред Господом. Притом же изгнание духа нечистого было предзнаменованием освобождения всего человечества от власти диавола. Мы должны быть внимательны к великому благодеянию нашего Господа, Который Своею крестною смертию избавил нас от власти ада и доставил нам свободу славы чад Божиих. Однако не должны забывать и того, что диавол и теперь может искушать человека; и что небрегущий о своем спасении не умедлит подвергнуться власти его: «Кто совершает грех, – говорит слово Божие, – тот раб греха, и приводящий ко греху есть орудие сатаны» (ср. 1 Кор. 5:5).

2) Когда отец привел своего одержимого духом беснования сына к Спасителю, то Иисус Христос спрашивает отца: давно ли болен был сын его? Отец отвечает, что сын находится в таком состоянии с самого детства. Нет сомнения, что Иисус Христос знал и прошедшее, и настоящее, и будущее: для чего же спрашивает об этом? Спрашивает для того, чтобы показать Свое сострадание нашим немощам и расположить нас к живой вере в Него. Предстоящие, может быть, не обратили бы внимания на чудо Спасителя, если бы Он немедленно исцелил бесноватого; но расспросами о времени болезни Иисус Христос хочет показать, что болезнь была опасна и неизлечима, что она могла быть уничтожена только всемогуществом Врача Небесного. Вместе же с этим хочет внушить нам, что как бы продолжительно ни было наше служение греху, мы всегда можем освободиться из-под власти его, если обратимся за помощью к Божественному Спасителю, Который и в единонадесятый час пришедшего принимает и больше радуется о едином грешнике кающемся, нежели о 99 праведниках.

3) Отец, испытавший бессилие всех средств, употребляемых для исцеления сына, с некоторым недоверием обращается и к Самому Спасителю: «Аще можеши, – говорит он, – помози ми». Спаситель отвечает, что Он может сделать все, но только по вере: «Можешь ли ты сколько-нибудь веровать? Верующему вся возможна». Эти слова Господа привели в разум отца. Он видит, что виновен сам, не имеющий доселе истинной веры, и со слезами молится: «Господи, помози моему неверию!» Нет нужды говорить о необходимости веры, без которой и Сам Всемогущий не может спасти

нас. Все мы знаем эту истину. Но мы нередко хотим оправдать свое маловерие сухостью сердца, множеством и силою искушений и т.п. Настоящее евангельское повествование указывает нам самое действительное средство для приобретения веры: отец просит Господа со слезами, чтобы Он помог его неверию, и Господь исполняет желание смиренного сердца. Так Господь и всегда внемлет молитве о вере; потому что это есть молитва сердца сокрушенного и смиренного, которое Бог не уничижит.

О важности поста и молитвы

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в Неделю 4-ю Великого поста

И рече им: сем род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом (Мк. 9:29). Важность подвига постного в некоторых особенных случаях открывает нам происшествие, предложенное благоговейному вниманию нашему ныне в Евангелии. Апостолы после того, как Господь *даде им силу и власть на вся бесы и недуги целити* (Лк. 9:1), после того, как они *прохождаху сквозь веси, благовествующе и исцеляюще всюду* (ст. 6), встретили одержимого мучительным духом немым и не могли освободить страждущего, доколе Господь Иисус не употребил Сам Своей Божественной силы и власти. После чудес, уже обыкновенных для них, внезапная недействительность данной им силы побудила их вопросить Господа, почему не могли они изгнать духа немого. На сие Господь ответствовал: *сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом.* Как важно здесь значение, как велика сила поста, соединенного с молитвою! Не видно, чтобы Господь, давая власть апостолам изгонять нечистых духов и исцелять недуги, требовал от них поста. Он не возлагал на них строгого поста при Себе, а отлагал оный до времени Своего страдания. *Егда можете сыны брачныя, дондеже жених с ними, сотворити поститися? Приидут же дние, егда отъят будет от них Жених, и тогда постятся в тыя дни* (Лк. 5:34). И, видно, апостолы чудодействовали, не употребляя усиленного подвига поста и протяженной молитвы; а просто именем Христовым и данною им властью повелевали, и повеленное исполнялось. Но видно также, в страждущем от духа немого необыкновенно велика была сила зла; и потому для победы над нею потребна была высшая степень силы благодатной и благотворной. Какие же, кроме веры, уже действовавшей в апостолах, могут быть средства и пособия для достижения высшей степени благодатной и благотворной силы? Господь предлагает молитву и пост. *Сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом.*

Видите ли благопотребность поста, соединенного с молитвою? Апостолам он нужен; нам ли не нужен? Чудотворцам он помогает; можем ли мы пренебрегать его помощью? Победе над мучительным и преобладающим

духом зла он способствует: не ближе ли способствовать будет к укрощению плоти, вопиющей против духа?

Прибытие в Капернаум. Чудесная находка (Мф. 17: 24–27)

С. Д-в. «Воскресное чтение», 1875

Во время одного из посещений Иисусом Христом и Его учениками Капернаума (небольшого города, находившегося на северо-западном берегу Геннисаретского или Тивериадского озера), подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: «Учитель ваш не даст ли дидрахмы»? Дидрахма (то есть две драхмы) – греческая серебряная монета, равняющаяся древнееврейскому полсиклю – составляла ежегодную определенную подать на храм, установленную на основании Исх. 12: 12–16 и бывшую обязательною для всякого иудея, достигшего двадцати лет, кроме священников и левитов (2 Пар. 24:6; Иосифа Флавия Древн. 18, 4. 1). Поэтому под собирателями дидрахм, очевидно, нужно разуметь сборщиков податей, употреблявшихся на поддержание храма и его принадлежностей, на приобретение различных предметов, необходимых для ежедневных жертвоприношений, – животных, масла, муки, дров и т.п. Так как сборщикам этим, без сомнения, не было неизвестно учение Иисуса Христа о Себе как Мессии, то они, по всей вероятности, предполагали, что Он воспользуется привилегиями, предоставленными законом священникам и левитам, и потому обратились со своим требованием не к Самому Иисусу Христу, а к апостолу Петру, и вопросительною формою своих слов выразили некоторое сомнение в исполнении этого требования. Впрочем, может быть, они поступили так «с коварною целью, т.е. как бы говоря: Учитель ваш, как противник закона, хочет ли заплатить дидрахму?» (мнение блж. Феодорита.) Со стороны Петра тотчас же последовал утвердительный ответ, из чего можно заключать, что Иисус Христос никогда не отказывался от уплаты податей. Когда Петр вошел в дом, то Иисус, предупредив его (то есть прежде, нежели Петр сообщил Ему о своем разговоре со сборщиками), сказал: «Как тебе кажется, Симон (другое имя Петра), цари земные с кого берут пошлины или подати? С сынов ли своих, или с посторонних? То есть с членов ли своего семейства, или с не принадлежащих к нему?» На этот вопрос, легко свидетельствующий о Божественном всеведении Спасителя, Петр отвечал: «С посторонних». Тогда Иисус сказал ему: «Итак, сыны свободны», то есть если цари земли не берут податей со своих сыновей, то тем более Я как Сын Царя Небесного, Самого Бога, должен быть свободен от податей, которые собираются на содержание храма Отца Моего. «Но, – продолжает Свою речь Спаситель, – чтобы нам (здесь Иисус Христос говорит о Петре, не потому, чтобы считал его

свободным от подати, а потому, что она не была еще уплачена им) не соблазнить их (сборщиков)», то есть чтобы они не составили о нас превратного мнения, как о презрителях храма и закона, «пойди на море (Геннисаретское озеро, на берегу которого находился Капернаум), брось уду и первую рыбу, которая попадется, возьми и, открыв у ней рот, найдешь статир (римская серебряная монета, равнявшаяся ценностью двум дидрахмам); возьми его и отдай им за Меня и за себя». Хотя об исполнении повеления Иисуса Христа в Евангелии не говорится ясно, однако как самый характер евангельского повествования, так в особенности то значение, которое это событие имело для Петра, дают полное право заключать, что повеление было исполнено. Евангелист не говорит также и о том, каким образом статир явился во рту рыбы, — был ли он случайно найден и проглочен ею или непосредственно создан Божественною силою Иисуса Христа; но самою обстановкою, которая должна была, согласно словам Господа, сопровождать ловлю Петра, оно показывает, что во всяком случае это было сверхъестественное, чудесное событие, и что Виновник его Сам Бог. Если Иисус Христос заранее знал, что у первой рыбы, которую поймает Петр, будет найден во рту проглоченный ею статир, то значит, Он был всеведущ; а если эта монета была создана Им во рту рыбы, то Он всемогущ; а всеведение и всемогущество — это такие свойства, которые принадлежат только Богу.

Все попытки рационалистической критики лишить это повествование чудесного характера при беспристрастном отношении к ним оказываются вполне несостоятельными. Так, одни из рационалистов (например, Павлюс) в выражении Иисуса Христа «найдешь статир» видят указание на приобретение статира чрез продажу рыбы, а слова «открыв у ней рот» относят к освобождению рыбы от уды или к самому Петру, который должен был предложить желающим купить рыбу, причем αὐτοῦ (у ней) объясняется в смысле наречия «тотчас». Но чрез продажу одной рыбы, и притом в Капернауме, в котором было большое обилие ее, Петр, очевидно, не мог получить статир, тем более что это была рыба, пойманная удою и, следовательно, небольшая, вследствие чего некоторые из представителей этого направления должны были понимать слово ἰχθύν (рыбу) в собирательном смысле, и чрез это впадали в новую несообразность, потому что в Евангелии ясно говорится не о нескольких, а об одной только рыбе (возьми *первую* рыбу). Да и все вообще это искусственное объяснение, или, вернее, извращение евангельской истории, предполагающее совершенно неуместные в ней поэтические картины, вполне противоречит прямому, естественному смыслу ее и обличает высшую степень предвзятости. Другие из критиков (например, Газе и Эвальд), сознавая ненатуральность натуралистического объяснения, считают за лучшее совершенно отвергнуть действительность рассматриваемого нами события, и все повествование о нем

признают религиозно-нравственным вымышленным или символическим рассказом, который только в народных сказаниях получил апокрифический характер, но который сам по себе служит только выражением мысли о неизмеримом возвышении Иисуса Христа над всеми обстоятельствами жизни, или о благословении, которое Бог ниспосылает на занятие, ведущее к приобретению необходимых средств жизни, или же о легкости приобретения суммы для уплаты податей. Но в таком случае весь этот рассказ нужно было бы назвать по меньшей мере странным и не представляющим ясной связи со своею целью; в нем ничего не говорится также о самой ловле, а подобное опущение совершенно не свойственно апокрифам. По мнению иных (Кестлина, Гильгенфедьда), цель этого рассказа состоит во внушении иудеохристианам мысли о необходимости уплаты подати, идущей на содержание храма. Но для этого достаточно было бы одного слова и примера Иисуса Христа, присоединение чуда здесь было бы совершенно излишне, – оно не только не способствовало бы, но могло бы даже препятствовать достижению этой цели. Из указанных основами видна несостоятельность также взгляда на этот рассказ как на притчу (Вейссе), в котором противопоставляется оправдание чад Божиих верою оправданию рабов законом. Кроме того, чрез это объяснение вносится в Евангелие то учение, которое только впоследствии было развито апостолом Павлом. Мы уже не говорим о воззрении некоторых исследователей Священного Писания (например Штрауса) на рассматриваемое нами событие как на миф, подобный тем, которые Геродот сообщает в своей истории (3, 42), потому что произвольность и крайне неуважительное отношение к евангельской истории, обнаруживающаяся здесь, так очевидны, что совершенно нет нужды указывать на несостоятельность этого воззрения. Таким образом, самым естественным и верным остается взгляд на евангельское повествование о необыкновенной находке апостола Петра, как исторический рассказ о действительном чудесном событии.

Св. Амвросия Медиоланского толкование на 27 стих 17-й гл. Евангелия от Матфея

«Воскресное чтение», 1810

Вверзи удицу и юже прежде имеши рыбу, возми. В этих словах заключается неоспоримое и ясное доказательство, что христианину надлежит оказывать безусловное повиновение властям предержащим и что распоряжениям земного царя отнюдь противиться не должно; ибо если Сын Божий платил за Себя подать, то как ты дерзнешь не платить оной? Если платил подать Тот, Кто ничего у Себя не имел; то как ты, собирая сокровища мирские, смеешь не выполнять обязанности, освященной обычаями мира?

Под именем статира, который Спаситель повелел по закону заплатить, разуметь надобно ту искупительную жертву, которую Он благоволил принести за наши грехи. Этот статир найден в устах рыбы также не без причины, потому что в Евангелии сказано: *от словес своих оправдишися* (Мф. 12:37). Ибо устное исповедывание грехов доставляет нам вечное спасение, как об этом сказал апостол: *сердцем веруется в правду, усты же исповедуется во спасение* (Рим. 10:10).

Мысли св. Исидора Пелусиота на тот же стих

Творения свв. отцов.
Творения Исидора Пелусиота

Статир, сокрытый в рыбе, который повелено было Петру изъять из глубины, означал нам покрытый страстями образ, который к первообразу возводит в Себе Господь, как соделавшийся человеком, подлежащими всему, что свойственно нам, не дозволяющим противиться царю, когда повелевает безвредное, и показующим в Себе действенность Божественной силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 17-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ

Святоотеческие толкования

1) *Св. Прокл Константинопольский.* Слово на Преображение Господа нашею Иисуса Христа. «Христианское чтение», 1839.

2) *Блж. Августин.* Иносказательное изъяснение преображения Господня. «Воскресное чтение», 1808.

3) На ст. 21. *Св. Иоанн Златоуст. Сей же род не исходит, токмо молитвою и постом.* «Воскресное чтение», 1816.

4) Ст. 24–27. *Прп. Исидор Пелусиот.* Почему Господь в матерней еще утробе внесен в народную перепись, а впоследствии заплатил кинсон. (Творения свв. отцов, т. 34).

5) На Ев. Марка 9: 17–31. *Блж. Феофилакт.* Изъяснение Евангелия, читаемого в неделю 4 Великого поста. «Воскресное чтение», 1810.

Новейшие толкования в духовных журналах

6) *Х.О.* Евангельское чтение в праздник Преображения Господня. «Воскресное чтение», 1828.

7) Св. Преображение Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Мф. 17: 1–11). «Воскресное чтение» 1834, 1835.

8) *Свящ. Янковский.* Преображение Господа нашего Иисуса Христа. «Воскресное чтение» 1882.

9) Беседа в день Преображения Господня. «Воскресное чтение», 1801.

10) *А. Воскресенский.* Праздник Преображения Господа нашего Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1829.

11) *Голубоковский.* Преображение Господа. «Православное обозрение», 1888.

12) Преображение Иисуса Христа. «Христианское чтение», 1830.

13) Мысли при чтении повествования о преображении Господа нашего Иисуса Христа (Мф. 17: 1–9;Лк. 9: 28–36). «Христианское чтение», 1844.

14) *Диак. Ст. Никольский. Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный* (о фаворском свете). «Душеполезное чтение», 1863.

15) *Н.М.* Гора Фавор как гора Преображения. «Странник», 1879. Ср. «Церковный вестник», 1870.

16) Почему Преображение празднуется у нас 6 августа. «Руководство для сельского пастыря», 1881. «Странник», 1879. «Воскресное чтение», 1879.

17) Мф. 17:4. Размышление на слова *добро есть зде нам быти.* «Христианское чтение», 1838.

18) На тот же ст. «Воскресное чтение», 1885.

19) Ст. 5. 12. 17. 21. Мысли *свт. Феофана.* «Домашняя беседа», 1871 и «Мысли на каждый день года по церковным чтениям».

20) Ст. 17. *Митр. Григорий.* Безгрешное негодование. «Духовная беседа», 1868.

21) Ст. 17. *О, роде неверный и развращенный, доколе буду с вами.* «Воскресное чтение», 1823.

22) Ст. 21. «Воскресное чтение», 1834.

23) Иисус Христос, предсказывающий собственное воскресение (Мф. 17:23; Мк. 8:31; Лк. 18:31 и др.) «Духовная беседа», 1861.

24) *Н. Елеонский.* О 9 гл.Евангелия от Марка. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.

25) На Мк. 9:5. *Добро есть нам зде быти: сотворим кровы три.* «Воскресное чтение», 1815.

26) Ст. 21. «Воскресное чтение», 1818.

27) Ст. 23. *Вся возможна верующему.* «Воскресное чтение», 1809.

28) Ст. 17–22. Евангельское чтение в 4 неделю Великого поста. «Воскресное чтение», 1825.

29) *Еп. Феофан.* Размышление на 9 гл. Мк. «Домашняя беседа», 1871.

В Словах и Беседах

30) На Ев. Матфея ст. 1–2. *Исидор, митр. Новгородский.* О значении преображения Господа нашего.

31) Ст. 1–2. *Арсений, митр. Киевский* Участвовать в Царствии Божием может только человек, украшенный добродетелями.

32) Ст. 1–2. *Никанор, архиеп. Херсонский.* О преображении Иисуса Христа в связи с предшествующими обстоятельствами.

33) Ст. 1–2. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Обстоятельства, при которых совершилось Преображение Господа, и условия, при которых может совершиться и христианское преображение, подобное преображению Господа нашею Иисуса Христа.

34) Ст. 4. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* Что значит быть в Господе и с Господом? Слово в день Преображения Господня.

35) Ст. 5. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О догмате и заповеди, проповеданных на Фаворе.

36) *Илиодор, архиеп. Курский.* Беседа на преображение Господне.

37) *Арсений, митр. Киевский.* О плодах истинной веры, ее свойствах и способах к приобретению.

38) На Еванг. Марка 9: 17–31. *Павел, архиеп. Кишиневский.* О проявлениях духовного беснования, подобных проявлениям беснования телесного, и о средствах к избавлению от него.

39) Ст. 24. *Исидор, митр. Новгородский.* Об исцелении бесноватого отрока и борьбе веры с неверием.

40) Ст. 29. *Арсений, митр. Киевский.* О важности поста и молитвы в борьбе с лукавыми духами.

41) *Макарий, еп. Тамбовский.* О молитве и посте.

42) На Евангелие от Луки, гл. 9. *Арсений, митр. Киевский.* Почему горы и возвышенности, как в церкви ветхозаветной, так и христианской, служили местом для молитв и построения храмов.

43) Ст. 28–32. *Его же.* О неблаговременном сне учеников Иисуса Христа и о том, что молитва есть твердая ограда от нападений и искушений диавола. О преображении Господа нашего Иисуса Христа и о том, что излишняя, исключительная забота о здешней жизни отнимает у нас возможность участвовать в Царствии Небесном. 1. 354–359.

44) Ст. 28–32. *Иннокентий, архиепископ Херсонский.* Беседа о преображении Иисуса Христа.

45) Ст. 28–32. *Григорий, архиеп. Казанский.* Поучительная история Преображения Христова.

46) Ст. 28–32. *Никанор, еп. Уфимский.* О том, как событие преображения рисуется пред взором неверия, и об исторической достоверности его на основании слов апостола Петра (2 Петр. 1: 10–19). Об обстоятельствах преображения.

47) *Свт. Филарет, митр. Московский.* О силе и действии молитвы.

48) Ст. 30–31. *Филарет, архиеп. Черниговский.* О значении скорбей для счастия.

Учение Иисуса Христа о смиренномудрии (во время последнего пребывания в Капернауме) (Мф. 18: 1–5; Мк. 9: 33–37; Лк. 9: 46–48)

Дитя, которое Спаситель поставил около Себя

«Воскресное чтение», 1831

Идя в Капернаум, апостолы дорогою решали вопрос: кто из них больше будет в Царствии Небесном? Они очень хорошо знали, что наибольшим в Царствии Небесном будет тот, кто будет ближайшим Иисусу Христу; поэтому они рассуждали далее о том, кто из них стоит ближе к Нему. Тогда Спаситель призвал одно дитя, поставил его подле Себя и сказал: «Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот принимает Меня. Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

Кто был это дитя, которое Спаситель поставил среди апостолов и как оно называлось? В Евангелии ничего не написано об этом. Но древние повествуют, что это дитя был Игнатий, который впоследствии был епископом Антиохийским и носил прозвание Богоносца. И действительно: с малых лет и до седых волос имел Игнатий детскую привязанность и пламенную любовь к своему Творцу и Спасителю; он умер за свою веру во Христа, повторяя непрестанно: «Я ношу Христа в своем сердце». Язычники, видя его твердость и непоколебимость его веры, бросили Игнатия диким зверям, которые раздробили его в одну минуту своими зубами, подобно тому, как зерна дробятся под жерновом. А идя на страдания, он пророчески говорил: «Я хочу, чтобы меня измололи зубы зверей, я хочу быть пшеницей Божией».

Как должно понимать слова: *аще не обратитеся, и будете яко дети* (Мф. 18:3)?

Св. Исидор Пелусиот

Господь требует уподобления детям, то есть не возвращения в детский возраст, как, подобно Никодиму, думаешь ты, но отречения от злобы, чтобы в нас была детская простота. И сие дает видеть в самом образе выражения; не сказал: если не будете детьми, но говорит: *яко дети,* присовокуплением *яко* означая подражание детям (ср. Василия Великого, ч. 5).

Мысли свт. Феофана (Мф. 18:3)

«Мысли на каждый день года по церковнъм чтениям»

Аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царствие Небесное. Детское строение сердца – образцовое. Дети, пока не раскрылись в них эгоистические стремления, – пример подражания. У детей что видим? Веру полную, не рассуждающую, послушание беспрекословное, любовь искреннюю, безпопечение и покой под кровом родителей, живость и свежесть жизни с подвижностью и желанием научаться и совершенствоваться. Но Спаситель особенно означает одно их свойство – смирение: *иже смирится, яко отроча, той есть болий в Царствии Небеснем.* Ибо коль скоро есть смирение настоящее, то и все добродетели есть. Оно тогда и является в совершенстве, когда другие добродетели уже расцвели в сердце и приходят в зрелость; оно венец их и покров. Это тайна жизни духовной о Христе Иисусе, Господе нашем. Чем кто выше, тем смиреннее, ибо он яснее и осязательнее видит, что не он трудится в преуспеянии, *а благодать, которая в нем;* и это есть мера возраста исполнения Христова. Ибо главное во Христе Иисусе то, что Он смирил Себе, *послушлив быв даже до смерти.*

Мысли свт. Феофана (Мф. 18:5)

«Мысли на каждый день года по церковным чтениям»

Болий в вас да будет вам слуга. Большинство измеряется, по слову Господа, не родом, не властью, не мерою способностей и способов, а умением устроять благо для других. Кто неутомимее и шире действует в этом роде, тот и больший. Как в семье наибольший, становясь наибольшим, берет к сердцу заботу о всем семействе и в том честь и преимущество свое поставляет, чтобы всех упокоить, сделать так, чтобы всем было хорошо, так и в обществе христианском хотящий быть наибольшим должен принять на себя полное попечение о христианском удобстве всех в том круге, в котором находится, и в том роде деятельности, какую он себе избрал. Лучше же брось всякую мысль о большинстве, а прими сердечную заботу о том, чтобы сколько можно более послужить во благо окружающих тебя, и будешь больший пред очами Божиими, а может быть, и в сознании людей. Когда бы все набольшие сделали сей закон Христов законом своей совести, какое пошло бы тотчас благоденствие и довольство среди нас! Но то горе, что большинство скоро у нас обращается в служение себе и своим интересам и сопровождается почти всегда требованием послуг себе вместо служения другим; совесть же успокаивается исправностью ведения официальных дел. Оттого много наибольших, а благо не спеется среди нас, и все добрые учреждения не приносят того добра, какое от них ожидается.

Мысли свт. Феофана (Лк. 9:48)

«Мысли на каждый день года по церковным чтениям»

Иже Мене приемлет, приемлет Пославшего Мя, сказал Господь; а пославший Его есть Бог, следовательно, кто исповедует Господа, тот Бога исповедует; а кто не исповедует Его, тот и Бога не исповедует. Скажешь: «Я исповедую Христа великим, премудрым, всемирным учителем». Нет, исповедуй Его так, как Он Сам говорит о Себе; а Он говорит о Себе, что Он и Отец едино суть, единого Божеского естества лица, раздельные, но единочестные и сопрестольные. Кто не исповедует так, тот, как бы ни величал Господа, все одно, что не исповедует Его; а не будучи исповедником Его, не исповедует и Отца, не исповедует Бога. Посему, каким богочтецом ни высказывай себя, ты не богочтец, когда не исповедуешь Господа Иисуса Христа Сыном Божиим Единородным, нас ради воплотившимся и Своею крестною смертно нас спасшим. Не все одно, какого Бога исповедать, лишь бы исповедать: поклонявшиеся солнцу и звездам или вымышленным существам не называются богочтецами, потому что не то считали Богом, что есть Бог. Так и тот, кто Господа не исповедует, не есть богочтец, потому что не того Бога исповедует, Который есть истинный Бог. Истинный Бог

не есть без Сына совечного и собезначального. Потому, коль скоро не исповедуешь Сына, не исповедуешь и Бога истинного. Какая цена твоего исповедания – один Бог рассудит; но так как нам Бог открыт Богом истинным, то, помимо этого откровения, нельзя иметь Бога истинного.

Об особенном внимании, какого требуют дети и их воспитание

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в день рождения Государя Императора

Блюдите, да не презрите единаго от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небесного (Мф. 18:10). Сие сказал Христос апостолам, когда, *призвав отроча, постави е посреди их:* и потому, хотя оное изречение в высшем знаменовании, в качестве притчи, относилось к младенцам веры, но оно сказано было не мимо и естественных младенцев, из которых один был видимым и непосредственным предметом слова Господня, и особенно не мимо детей христианских, которые обыкновенно суть и младенцы веры, по крещению. Посему каждый раз, когда Господь рукою Своего провидения поставляет пред вами дитя, когда оно вам родится, или вверяется вашему попечению властью и законом, или приводится в руки ваши нуждою и беспомощностью, вы можете представить себе, что Господь смотрит на оное и говорит вам: *блюдите, да не презрите единаго от малых сих.*

И как сильно подкрепляет Он сию заповедь! *Аминь бо глаголю вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небесного.* То есть *Ангели* служат хранителями детей; следственно, имеют к ним внимание, заботятся о них, уважают их; как же вам оставлять их без попечения, без внимания, в пренебрежении? *Ангели их на небесех* и нисходят для них на землю: вы ли не захотите наклонить вашу земную гордость к их малому возрасту? *Ангели их выну видят лице Отца Небесного* и от сего блаженного созерцания обращают взор к пеленам и колыбели, и слух к плачу или лепетанию младенца; вам ли покажется или скучным, или малым делом попечение о малых сих? И кто же посылает ангелов к младенцам человеческим? Кто, как не Сам Творец ангелов и человеков?

Держась слова Господня, скажем несколько слов о том, как осмотрительно должно быть внимание к детям и попечение о них. *Блюдите, да не презрите единаго от малых сих.* Остерегайтесь, чтобы такое пренебрежение не прокралось, тогда как вы не расположены предаться оному с сознанием. *Блюдите*, родители и воспитатели, *да не презрите единаго от малых сих*, которых вы родили, которых вы воспитываете. Вы, может быть, не подозреваете и возможности сего презрения, потому-то и сказано: будьте осмотрительны, остерегайтесь, *блюдите.*

Небрегут о детях, если они по опыту принадлежат кормилице, няне, надзирательнице более, нежели отцу и матери, и более, нежели то нужно. Природа, или лучше, Творец природы, одной и той же особе матери дает и млеко кормилицы, и заботливость няни. Правда, что разделять сии служения нередко, больше или меньше, заставляют то немощь матери, то ее другие обязанности; но если сие делается только по склонности к беззаботной жизни, по необдуманному подражанию примерам подобной беспечности, то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдруг у двух младенцев — и у младенца кормилицы, и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы, может быть, тоску по оставленном ею собственном детище, вместо того, чтобы он пил любовь из груди своей матери. Мать, которая кормит и носит на руках своего младенца, отец, который в минуты отдыха от своих дел также берет его на руки и учит его первым наименованиям того, что священно и любезно, — *блюдите, да не презрите*, — делают и прекрасное, и важное дело: они наслаждаются сими занятиями, дитя также наслаждается; и в то же время любовь и доброта родительская непрестанно сеет в сердце дитяти семена детской любви и доброты, и ранним и обильным сеянием приготовляет многоплодную жатву.

Небрегут о детях, если хотят только забавлять их и забавляться ими, и особенно тогда, как настает время более учить их, нежели забавлять.

Небрегут о детях, если и учат их, но более приятному, нежели полезному. Искусства и познания приятные доставляют жизни человеческой, так сказать, приправы и лакомства, а не хлеб и пищу: не странно ли было бы заботливо собирать к столу как можно более приправ и лакомств и не заботиться о том, будет ли хлеб и пища?

Небрегут о детях, если старательнее учат их полезному для жизни временной, нежели спасительному для души бессмертной; если тщательнее меблируют их голову набором слов и понятий, нежели возделывают вертоград их сердца, исторгая из него дикие травы неправильных склонностей и привычек, насаждая в нем благие чувствования к добродетели, ограждая его от ветров легкомыслия и от бурь страстей; если при воспитании не довольно помнят и не довольно употребляют в дело сколь важное само по себе, столь же благодетельное для всех отраслей познания начало учения: *начало премудрости страх Господень: разум же благ всем творящим его* (то есть хорошие познания хороши для тех, которые употребляют их на хорошие дела); *благочестие же в Бога начало чувства* (Притч. 1:7). Вы обрабатываете в детях будущих граждан, воинов, словесников, письмоводцев, художников, промышленников: хорошо; *но блюдите, да не презрите* — не пренебрегите того, что еще лучше, того самого, в обрабатывании чего хотят помочь вам *Ангели их*, которые *на небесех выну видят лице Отца вашего Небесного*, — не пренебрегите образования в них сынов Церкви, приготовления будущих граждан неба.

Запрещение апостолами тайному последователю Иисуса Христа творить чудеса (Мк. 9: 38–44; Лк. 9: 49–50). Изъяснение изречения Иисуса Христа *кто не против вас, тот за вас* (Мф. 9:40; Лк. 9:50)

А. Б-в. «Душеполезное чтение», 1880

Во время путешествия евреев по пустыне Аравийской они возроптали однажды на Моисея за недостаток мяса. Так как это не первый был случай несправедливого неудовольствия и возмущения народа против своего вождя, то ропот сей сильно опечалил Моисея, и он молил Бога или умертвить его, или же дать ему помощников в управлении таким беспокойным народом. В ответ на эту мольбу Господь сказал Моисею: «Собери Мне семьдесят мужей из старейшин Израилевых... и возьми их к скинии собрания, чтобы они стали там с тобою. Я сойду и буду говорить там с тобою, и возьму от Духа, Который на тебе, и возложу на них, чтобы они несли с тобою бремя народа, а не один ты носил». «Моисей... собрал семьдесят мужей из старейшин народа и поставил их около скинии. И сошел Господь в облаке, и говорил с ним, и взял от Духа, Который на нем, и дал семидесяти мужам старейшинам. И когда почил на них Дух, они стали пророчествовать, но потом перестали. Двое из мужей оставались в стане: одному имя Елдад, а другому имя Модад; но и на них почил Дух... и они пророчествовали в стане. И прибежал отрок, и донес Моисею, и сказал: Елдад и Модад пророчествуют в стане. В ответ на сие Иисус, сын Навин, служитель Моисея, один из избранных его, сказал: господин мой Моисей, запрети им. Но Моисей сказал ему: не ревнуешь ли ты за меня? О, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!»

Вот факт, рассказанный бытописателем в высшей степени просто, без всяких прикрас, рассуждений и пояснений, как и все другие его повествования. Между тем он заслуживает того, чтобы над ним задуматься. По распоряжению Божественному Моисей должен был из старейшин Израиля избрать себе помощников в управлении народом и собрать их около скинии, где они имели исполниться Духа Божия. Так это и было: избранные собрались около скинии, где они прияли Духа Божия и стали пророчествовать, то есть с чрезвычайным воодушевлением славить Бога и назидать окружающих в боговдохновенных речах и песнях. Это-то обстоятельство и возбудило недовольство в Иисусе, сыне Навина. Он был «служитель Моисея», то есть самое приближенное к нему лицо, исполнитель его предначертаний и поручений, и в то же время самый благоговейный почитатель его. «Господин мой Моисей, запрети им», — сказал он своему великому вождю при известии об Елдаде и Модаде. Какие же мысли и чувствования взвол-

новали дух преданного слуги Моисея? Ответ на это дает нам сам Моисей. «Не ревнуешь ли ты за меня? – сказал он в ответ Иисусу. – О, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!» Будущий преемник Моисея в служении вождя народа израильского, имевший докончить его дело спасения Израиля от чужеземного ига, и вместе с этим будущий носитель даров Духа, хотя и не в той мере, в какой обладал ими Моисей, — Иисус Навин сейчас еще не стоял на такой высоте духовного созерцания, которая бы приближала его к боговдохновенному Моисею. С безграничным уважением относясь к великому вождю Израиля, он смотрит на него как на такого посредника между Богом и народом, от воли которого зависит всякое дело, всякое событие в народе Божием; ничему не должно быть, на что не изошло благословение уст его, ничто не должно быть без его участия, посредства и воли. Нет причин предполагать, будто Иисус Навин усомнился в наитии на Елдада и Модада Святого Духа; но он думал, что если они освящены Святым Духом для сотрудничества Моисею, то должны были в присутствии его в знак зависимости от него употребить полученный дар пророчества. И вот, как скоро было возвещено, что Елдад и Модад пророчествуют, между тем как они не были при скинии, как это должно было быть по распоряжению Моисея, – Иисус Навин смотрит на это как на своеволие и на столь же своевольное присвоение себе достоинства помощников вождя израильского – словом, на некоторый ущерб чести и власти Моисея. Не так посмотрел на это Моисей. Весть о пророчестве Елдада и Модада исполнила его радостью. Моисей дал понять Иисусу, что не только не обижается на двух мужей, пророчествующих без его ведома, вдали от него и от скинии, но что не почел бы унижением для своего достоинства, если бы дар пророчества сделался достоянием всего народа. Моисей заботился об одной славе Божией и в служении народу своему совершенно забывал себя и даже некогда высказывал желание и готовность быть вычеркнутым из книги жизни, если только правосудие Божие примет это как искупление за грех народа!

Подобно Иисусу Навину при жизни Моисея апостолы Христовы во время земной жизни Спасителя были далеко не столь совершенными духовно, какими они явились пред миром со дня первой христианской Пятидесятницы после полного освящения и просвещения от Духа Святого. Близость к Господу, Его учение постепенно преобразовывали их, развивали их смысл, очищали их сердце, и к кануну Его смерти они достигли уже такой духовной высоты, что Господь находил нужным омыть только ноги их, признавая тело их в целом чистым (Ин. 13:10). Однако незадолго пред этим Он должен был сделать замечание даже о любимом ученике Своем Иоанне и брате его Иакове: «Не знаете, какого вы духа» (Лк. 9: 55–56). Да и накануне Своей смерти Он говорил апостолам: «Еще многое имею сказать вам;

но вы теперь не можете вместить» (Ин. 16:12). Скорому возвышению их до той духовной высоты, на которую они должны были взойти как продолжатели дела Христова на земле, препятствовало особенно то, что они не чужды были плотских воззрений на обетованного Мессию и Его Царство. Вместе с другими иудеями они ожидали, что Мессия, явившись на земле, устроит царство видимое, со всеми чертами царств земных. При таком представлении мессианского царства на себя они смотрели не иначе, как на приближенных к Мессии – царю лиц, которым одним суждено разделять с Ним власть и суд. И чем более они любили Господа, тем более каждый из них желал быть ближе к Нему; а это желание при их плотских надеждах на Мессию превращалось в желание быть больше других в Царстве Его. И вот, рассуждая однажды между собою о той участи, какая их ожидает с открытием Христова Царства, они стали спорить между собою: кто из них больше в Царстве Небесном? Это не укрылось от всеведущего Господа, и Он вопросом о предмете их рассуждений вызвал их на признание, что они вели честолюбивый и властолюбивый спор о первенстве. Тогда Господь сказал: «Кто хочет быть первым, будет из всех последним и всем слугою». После этого Господь поставил среди апостолов дитя и, обняв его, сказал им: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное. Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном. Кто примет одно такое дитя во имя Мое, – говорил Он им далее, – тот Меня принимает» (Мф. 18: 1–6; Мк. 9: 33–37).

Итак, из всего этого апостолы должны были научиться, что хотя они и будут первыми людьми в Царстве Небесном, но должны будут вести себя в отношении к прочим членам Царства Божия совсем в ином духе, нежели как вели себя тогдашние учители и руководители народа иудейского – книжники и фарисеи: они должны были не властвовать над христианами, обращая всех в услужение себе, а служить им. И чем меньше член Царства Христова, тем большею заботливостью должно окружать его, так что дети, еще не приобретшие делами веры и любви никаких заслуг пред Богом и лишь только простосердечно верующие во Христа, должны составлять предмет самого отеческого благопопечения апостолов как главных учителей и руководителей в Церкви Христовой. Апостолы, споря о первенстве, сравнивали себя с прочими последователями Христа, менее близкими к Нему, и с маловерными, сейчас еще робкими исповедниками Его, не всегда за Ним следовавшими, а лишь время от времени; сравнивали себя с ними и так высоко ставили себя в сравнении особенно с последними, что, быть может, не считали их и достойными пока быть членами Царства Христова. Господь же указывает им, что дети по духу, как и дети в собственном смысле, должны пользоваться самою теплою их любовью и самым заботливым вниманием. Когда так поняли апостолы урок Христа, Иоанн вспом-

нил, что они не всегда поступали согласно с этим Его учением: «Учитель, — сказал он, — мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами».

Если читатель припомнит случай, бывший с Иисусом Навином, о котором мы выше рассказали, то он легко приметит, что случай этот по существу одинаков с тем, что поведал Иисусу Христу Иоанн об апостолах. В том и другом случае недоразумение было относительно пользования даром Божественным — там пророчествовать, здесь изгонять бесов; недоразумение возникло в том и другом случае оттого, что даром Божественным пользовались люди, которые, казалось бы, не имели на то права; причина, по которой не хотели признавать за ними этого права, по существу так же одинакова в обоих случаях: в первом случае она состояла в том, что пророчествовавшие не явились пред скинию, оставались в стане и, таким образом, пророчествовали вдали от Моисея и, казалось бы, независимо от него; во втором — та, что тайный последователь Христа не следовал за Ним вместе с апостолами, что подавало повод думать, что он изгоняет бесов, своевольно пользуясь чудодейственным именем Иисуса Христа. А отсюда должно заключать, что и неразумная ревность о славе Иисуса Христа была точно так же у апостолов, как у Иисуса Навина была таковая же ревность о славе Моисея. После этого сравнения уже нетрудно понять истинный смысл рассматриваемого изречения.

У Иисуса Христа было много последователей, которые все носили общее имя «учеников». Однако не всех их Господь одинаково приблизил к Себе и не всех дарил одинаковым доверием; лишь двенадцать человек Он избрал из числа многих Своих учеников, чтобы ввести во внутреннейшее общение с Собою. Этих-то учеников, названных Им апостолами, Он преимущественно облек властью творить чудеса именем Его, чтобы подкреплять ими проповедь Свою о наступлении времен Мессии. Высоко ценя доверие Христово, дарованное Им полномочие творить чудеса, апостолы являли бесконечную преданность Христу. А преданность Христу при тогдашних обстоятельствах верующий мог свидетельствовать всего яснее именно постоянством следования за Ним, ибо Господь был ненавидим и гоним властями иудейскими и влиятельными в иудействе лицами — книжниками и фарисеями. Поэтому для них непонятно было, как это может кто-либо не следовать вместе с ними за Христом и в то же время пользоваться властью именем Его изгонять бесов, творить чудо, и притом, по их понятиям, величайшее (Лк. 10:17). А между тем, ходя по городам и селениям с проповедью о приближении Царства Небесного, они встретили именно такого человека. Как же они могли отнестись к нему? Плотский смысл тогдашнего иудейства и особенно дух нетерпимости, столь свойственный фарисейству, тотчас отразился на них при этом случае. Из повода, по кото-

рому Иоанн передал Иисусу Христу об этом случае, можно усматривать, что апостолы видели в этом чудотворце верующего во Спасителя. Но что он не следовал вместе с ними за Христом, этого они не могли терпеть. Душевная настроенность их в этом случае требовала, чтобы подобные верующие во Христа были одинаковы с ними во внешнем выражении своей веры; иначе их чистосердечная, хотя и не совсем разумная, ревность о вере оскорблялась, и они думали, что выразят особенную ревность о Христе, если запретят изгонять бесов именем Его человеку, не следовавшему за Ним.

А между тем этот человек, изгонявший бесов именем Иисуса Христа, очевидно, был верующий в Него, хотя еще и нетвердый исповедник Его. Нетвердость его веры видна из того, что он не имел мужества следовать за Христом; значительная же сила его веры свидетельствуется тем, что он удостоился от Христа такого высокого дара, которого Господь лишал иногда, в частных случаях, и самих апостолов (Мф. 17:14 и т.д.). Это был, следовательно, тайный ученик или последователь Христа, подобно Никодиму (Ин. 3), неведомый людям, но видимый всеведущим и вездеприсущим Господом; не следуя внешне за Христом, он, однако, был тесно связан с Ним чисто духовными узами. Но так как все-таки вера его далека была от совершенства, и даже более — была нетверда, то очевидно, что он находился в таком духовном состоянии, что при благоприятных обстоятельствах мог сделаться мужественным исповедником Христа, в случае же трудных испытаний веры, напротив, совсем мог уклониться от Него. Вера его нуждалась в питании, в средствах для своего укрепления и развития. Одно из таких средств и даровал ему всемилостивый Господь, сообщив его вере силу совершать чудеса именем Его; постоянно исцеляя бесноватых именем Христа, он более и более должен был укрепляться в вере в Спасителя и Господа. Но вот встречается он с апостолами, и они запрещают ему изгонять бесов именем Иисуса Христа на том основании, что он внешне не следует вместе с ними за Господом: это было испытанием для его слабой веры и, быть может, испытанием великим, трудным. Кто знает, смог ли бы он перенести это испытание? Требования внешнего последования за Христом как необходимого условия, чтобы иметь право пользоваться именем Его для совершены чудес, он не мог понять; он видел только суровость, строгость в отношении к себе первейших учеников Того, в Кого он веровал и, по общей всем людям греховности, мог раздражиться этим; а отнятие власти творить чудеса именем Христа могло ослабить и веру его в спасительность этого имени. После этого должно быть понятно для нас, почему Иисус Христос на рассказ Иоанна о запрещения апостолами тайному ученику Его изгонять бесов именем Его, — рассказ, в котором слышался вопрос: «Справедливо ли мы поступили?», — ответил: «Не запрещайте ему; ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня; ибо

кто не против вас, тот за вас. И кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей. А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море». Есть различные степени веры во Христа, но каждый получит за веру свою награду от Господа. Бывают лица, проявляющие лишь сочувствие к христианской вере тем, что подают путнику-христианину чашу воды и именно потому, что он — христианин; но и такие лица будут вознаграждены от Господа. Творящий же чудеса именем Иисуса Христа тем самым свидетельствует, что он стоит на значительной ступени веры: он не только сейчас не противник Христа, но даже и в будущем, несомненно, он не вскоре перейдет в лагерь врагов Его, как бы много искушений к тому ни пришлось пережить ему. Однако он может сделаться противником Христа, и потому с ним нужно обходиться особенно осмотрительно и осторожно, чтобы не положить препон его вере, не соблазнить его к отпадению от Христа, что было бы величайшим грехом и навлекло бы на соблазнителя тягчайшее наказание. А для этого нужно снизойти к сравнительно низкой степени веры его и пока не требовать от него того, чего он не может сделать по своему духовному несовершенству; хотя он и не совершает подвигов веры, каких справедливо требовать от совершенных, но все-таки он не противник Христу; он не совершает их потому, что не в силах совершить их, а потому нужно быть снисходительным к нему в этом отношении.

Из этих двух рассмотренных нами, сходных фактов, ветхозаветного и новозаветного, всякий может усмотреть, как глубоко истинно и справедливо действует наша Русская Православная Церковь, когда она не отталкивает от себя всех без различия неразумных приверженцев старины, но тех из них, которые послушны учению веры, ею преподаваемому, и ее пастырскому водительству, приемлет в недра свои, дозволяя им особенности во *внешних* формах религиозно-церковной жизни, не имеющих существенного значения в деле веры.

О самоочищении и самоотвержении (Мк. 9:49)

Свт. Феофан Затворник.
«Мысли на каждый день года по церковным чтениям»

Всяк огнем осолится, и всяка жертва солию осолится. Пред этим говорил Господь о том, что должно быть готовым на всякого рода пожертвования и на всякие дела самоотвержения, лишь бы устоять на добром пути. Хоть бы жертвы эти были дороги нам, как глаз, или необходимы, как правая рука, — надо принести их не задумываясь; ибо если пожалеешь принести

такую жертву, а вследствие того увлечешься с правого пути на неправый, то принужден будешь в будущей жизни страдать вечно. Итак, принеси жертву болезненную и скорбную здесь, чтобы избежать мучений там. Без огненного очищения здесь нельзя быть спасенным от огня вечного. Всякий, желающий быть спасенным, должен быть осолен огнем, пройти огненное очищение. Все мы, по закону сотворения, должны принести себя в жертву Богу; но всякий из нас нечист. Надо, значит, очистить себя, чтобы из нас составилась жертва, приятная Богу. Но стань себя очищать, отрывать страсти от души – будет больно, как от обожжения огнем. Это действие внутреннего самоочищения похоже на действие огня, очищающего металл. Металл бесчувствен. Если бы дать ему чувство, то он и очищение, и жжение чувствовал бы современно; это самое происходит и в самоочищающемся человеке. Пройдя это действие, он бывает как бы весь пережжен огнем. Очистительный огонь проходит по всем частям его, как соль проникает осоляемое тело. И только тот, кто подвергается сему действию, бывает настоящею богоугодною жертвою; потому и необходимо всякому быть осолену огнем, подобно тому, как в Ветхом Завете всякая жертва осолялась прежде принесения ее во всесожжение.

Св. Василия Великого толкования на 50 ст. 9-й гл. Евангелия от Марка

Творения свв. отцов.
Творения Василия Великого

Что значит та соль, которую повелел иметь Господь, сказав: *имейте соль в себе, и мир имейте между собою* (Мк. 9:50), и о которой апостол говорит: *слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено* (Кол. 4:6)?

Здесь мысль видна из того, что поставлено в связи с каждым из сих мест. Ибо из слов Господа научаемся не подавать никакого предлога к разрыву и раздору друг с другом, всегда же в союзе мира соблюдать себя к единению духа; а из слов апостола, кто помнит, сказавшего: *снестся ли хлеб без соли? или есть вкус во тщих словесех* (Иов. 6:6), тот научится распоряжаться словом *к созданию веры, да даст благодать слышащим* (Еф. 4:29), пользуясь удобством времени и благообразием порядка, чтобы слушающие сделались более благопокорными.

Сущность и дух церковной анафемы

Никанор, архиепископ Херсонский.
«Православное обозрение», 1885

Аще брат твой и Церковь преслушает, – буди тебе якоже язычник и мытарь (Мф. 18:17). Из учения Иисуса Христа о том, как поступать с теми, от

кого происходят соблазны, истекает учреждение анафемы в Православной Церкви. Вот как следует поступать с соблазнителями по заповеди Самого Христа. Если согрешит против тебя брат твой, станет соблазнять тебя неправым учением, неправыми мыслями, развращающим словом, погибельным примером, ты поступи так: если брат твой, твой единоверный, согрешит против тебя, согрешит против вашего единоверия мыслью, словом или делом, обойдись с ним осторожно, благоразумно и терпеливо обличи его наедине, между тобою и им одним. Если он послушает тебя, то ты приобрел брата твоего, сберег твоего единоверца для тебя, для твоей Церкви и для Бога. Если же тебя одного не послушает, то, чтобы не потерять его, своего брата, своего единоверца, для тебя, для твоей Церкви и для Бога, возьми с собою еще одного или двух свидетелей-единоверцев и обличи его пред этими свидетелями, чтобы они подкрепили твое слово, дабы подтвердилось слово устами двух или трех свидетелей. Если же не послушает и их и будет упорствовать в своем неверии или еретическом мнении – поведай Церкви и ее предстоятелям. Если же брат твой, твой единоверный, не послушает и Церкви, то пусть он будет для тебя как язычник и мытарь. Пусть он будет чужой для тебя, перестанет считаться твоим братом, твоим единоверцем, членом одной для вас истинной Церкви Божией. Вот заповедь Самого Христа об анафеме. Вот ее значение и назначение! Вот ее происхождение от Самого Христа, Который, однако, говорит о Себе: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем.*

Анафема есть учреждение кроткое, но и грозное, как кроток, но и грозен Сам Христос, ее Учредитель.

И, во-первых, анафема значит не проклятие. Этот смысл проклятия придан анафеме уже только впоследствии, и придан по недоразумению, по раздражению человеческих сердец, по удалению некоторых от духа Христова, по непониманию смысла и духа слов Христовых.

Не подумайте, однако, что приговор анафемы будет для анафемы незначителен. Нет. Есть таинственная связь между благорасположением людей и милостью Божиею к человеку. Непрощенный, неразрешенный, связанный на земле, он предстанет и в горний мир непрощенным, неразрешенным, связанным в своем грехе. «Аминь бо глаголю вам, – подтверждает сие соображение Сам Господь, – что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе».

Утверждаем далее, что Господь Иисус Христос завещал анафему только для грехов ума, для грехов против истины, для грехов против Святого Духа, но не против грехов собственно воли, не против грехопадений, покрываемых покаянием, но только против грехов упорства и ожесточе-

ния. Это видно из того, что тут же сряду выступил святой апостол Петр и предлагает Господу вопрос: «Господи! Если я обличу согрешающего брата и он покается, сколько же раз должен я прощать моему брату, согрешающему против меня? Довольно ли до семи раз?» Иисус же говорит ему: «Не говорю тебе: до семи раз, но до семижды семидесяти раз», то есть прощай без конца, потому что и Отец Небесный, Которого мы оскорбляем беспредельно, прощает нам по беспредельному Своему милосердию.

Обратите внимание. Потому-то и Церковь изрекает анафему почти исключительно на прегрешения ума, а не воли, на грехи упорства, но не грехопадения. Анафема не разбойникам, не ворам, не преступникам разного рода, но анафема отвергающим бытие Божие, искупление, бессмертие, будущий суд и т. п. Отчего это? Что тяжелее? Что гибельнее? Что преступнее?

Тяжелее, преступнее, пагубнее грехи ума. Грехи же воли неизбежны; все мы в беззакониях зачинаемся, во гресех рождаемся и грешим ежечасно. Пусть я разбойник, душегубец, грабитель, гнездилище многих и тяжких преступлений. Но повергаюсь я в прах пред милосердием Божиим и вопию гласом разбойника на кресте: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем». Ей! И для нашего покаяния возможен милосердый глас Господа, на кресте распятого за грешников: «Аминь глаголю тебе: днесь со Мною будеши в раю». Пусть мне стыдно и страшно взглянуть в глаза людям. Я повергаюсь пред всеми в прах: попирайте меня стопами, но простите меня грешного, отпустите, разрешите. И рабы Христовы простят: по заповеди Христовой, обязаны простить. Сказано: прощай твоему брату, согрешающему против тебя и кающемуся, не семь раз в день, но до седмижды семидесяти раз; прощай без меры, без числа и конца. Прощай даже заблуждения ума, недоразумения, неведение в вере, предубеждения и суеверия, если они не упорны, если люди, как дети, колеблются ветром разных лжеучений. Ни одна христианская душа не есть вместилище непогрешимой всецерковной вселенской истины. Всякая более или менее погрешает в своих убеждениях. Но если кто сеет ложь упорно, как сам диавол, отец лжи, сеет, как человекоубийца, для человекоубийства, для убийства душ; если кто восстает против утвержденной Христом, Его апостолами, всею Вселенскою Церковию, всеми возвышеннейшими умами христианского человечества истины; если кто не приемлет Царство Божие, как кроткое и смиренное дитя, но гордо отвергает его, как ожестелый враг истины, — о! такой творит грех против Духа Святого! И сей грех, если не очищается покаянием, не отпустится человеку ни в сей век, ни в будущий. Такой грех вторично распинает Сына Божия, и для такого греха уже не обретается другой искупительной жертвы. Такой грех подрывает самые основы Церкви Божией, и она, как живое тело, защищая саму себя, испускает вопль боли своего материнского сердца: анафема!

Амвросий, архиеп. Харьковский. Из Слова в Неделю торжества Православия. «Вера и разум», 1886

Мы не погрешим, если силу и смысл анафемы, изрекаемой Православной Церковью вредным и неисправимым ее членам, выразим в двух словах: «Оставьте нас». Вы (обратимся к непокорным членам Церкви) не веруете, как Господь повелел нам веровать, вы пренебрегаете Его святыми заповедями, вы уничижаете Его святую благодать, вы издеваетесь над уставами Его Церкви, которую Он создал, которую так любит, которую обещал хранить до конца мира, в которой положил все сокровища Своих искупительных заслуг; вы вносите в эту Церковь свои разрушительные воззрения и учения, вы глумитесь над церковными чиноположениями, обрядами и обычаями; для вас ничто в Церкви не свято, ничто не дорого, вам ничего не нужно, — «оставьте нас». Мы готовы быть в мире с вами, как со всеми согражданами, не ведающими веры и закона Христова; мы можем быть и соседями вашими, и сослуживцами, и сотрудниками в делах общежития, но не в единомыслии относительно предметов веры, не в общении молитв и таинств, не в союзе любви духовной, не в разделении с вами наших надежд и упований, — «оставьте нас». Вы стали *язычниками*, отреклись от чистоты и полноты веры Христовой; вы по жизни стали для нас тем, чем были *мытари* для древних евреев; мы так и понимаем вас, как Господь повелел нам вас разуметь: *буди тебе, яко язычник и мытарь*. На это ваша свободная воля — быть тем, чем вы желаете, а наша обязанность смотреть на вас и относиться к вам так, как нам повелено от Господа Иисуса Христа, в Которого мы веруем и от Которого ожидаем вечного спасения.

О важности единодушной молитвы (Мф. 18:19)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Беседы пред молебствием и присягою московского дворянства

Аминь глаголю вам, глаголет Христос Спаситель, *яко аще два от вас совещаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех.* Что значит, что двум обещает Он сие, а не одному? Хочет вразумить нас чрез сие, что в молитве единодушное усердие многих увеличивает силу каждого и всех. Уразумейте же и убедите себя, сколь великую помощь предприемлемому делу обрести можете, если столь многие, как бы едино и душою, и сердцем, *совещаете о вещи, еяже просите от Отца Небеснаго.* И согласно с сим разумением, просите Его единодушно, да дарует каждому из вас свет усмотреть истинно полезное для общества, решимость избрать оное, твердость держаться разумно избранного, проницательность, чтобы не обмануться ложными видами, благонамеренность, чтобы не увлечься пристрастием или

своекорыстием, ревность к общему благу, чтобы не воздремать в лености, тогда как отечество обыкновенного требует бодрствования и деятельности.

Толкование св. Василия Великого на 20-й стих 18 гл. Евангелия от Матфея

Творения свв. отцов.
Творения Василия Великого

Поелику Господь сказал: *идеже еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18:20); то как можем удостоиться сего?

Собравшиеся в чье-либо имя, без сомнения, должны знать намерение собравшего и расположить себя сообразно с оным, чтобы обрести благодать благоугождения и не подпасть осуждению за злонамеренность и нерадение. Ибо званные кем-нибудь, если у звавшего предположена цель — жать, готовят себя к этому, и если у него цель — строить дом, приготовляются к постройке дома; так и мы, призванные Господом, должны помнить, что говорит апостол: *молю вас аз юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте, со всяким смиреномудрием и кротостию, с долготерпением, терпяще друг другу любовью, тщащеся блюсти единение духа в союзе мира. Едино тело и един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего* (Еф. 4: 1–4). Яснее же все сие представляет нам Господь, в обетовании одному сказав: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14:23). Поэтому как у сего бывает обитель вследствие соблюдения им заповедей, так Господь пребывает посреди двоих или троих, если сообразуемся с волею Его. А собравшиеся недостойно и не по воле Господней, хотя собрались вместе с виду во имя Господне, услышат: *что Мя зовете: Господи, Господи! И не творите яже глаголю* (Лк. 6:46)?

Изъяснение притчи о неблагодарном должнике (Мф. 18: 21–35)

Димитрий, архиеп. Волынский.
«Православное обозрение», 1876

В одно время, когда Господь беседовал о том, как надобно поступать, когда согрешит пред нами в чем-либо брат наш, апостол Петр, слушая поучение Господне о прощении брату своему согрешений его, спросил: *Господи, коль краты, аще согрешит в мя брат мой, и отпущу ли ему до седмь крат?* Господь отвечал ему: *Не глаголю ты до седмь крат, но до седмдесят крат седмерицею*, то есть сколько бы раз ни согрешил пред тобою брат твой, должно прощать ему всегда; тем паче никогда и ни в каком случае не должно мстить ему.

В объяснение и подтверждение этой заповеди Он сказал притчу, то есть изобразил учение Свое в примере одного неоплатного должника, который был уже прощен и помилован, но за жестокость к собрату своему предан опять жестокому мучению, — чтобы нам легче было видеть, что бывает с теми, которые не прощают своим ближним согрешения их, и удобнее понять, что будет в подобном случае и с нами.

Уподобися Царствие Божие человеку царю, — так начал Господь Свою притчу. То есть Царство Божие во многом похоже на земные царства человеческие — без сомнения, потому что оно есть первообраз всех царств человеческих, и последние тем лучше и совершеннее, чем ближе уподобляются первому. Царствие Божие есть Святая Церковь Христова, ныне воинствующая на земле, но потом имеющая явиться Церковию торжествующею и славною, вечно блаженным Царством Бога и Христа Его. Как в царствах земных есть царь и есть подданные, так и в Царстве Божием есть Царь и Глава — Господь наш Иисус Христос, Которому *дадеся всякая власть на небеси и на земли,* Который посему есть *Царь царем и Господь господем, Емуже подобает царствовати, дондеже положит враги Своя подножие ногама Своима.* Есть и подданные — это мы, верующие в Господа Иисуса Христа, созданные Им из персти земной, искупленные Его честною Кровию от вечной погибели и за то обязавшиеся при крещении во имя Его веровать в Него как единого истинного Бога со Отцем и Святым Духом, любить Его от всего сердца своего и от всей души своей, почитать и поклоняться Ему как Господу, Владыке и Творцу своему, повиноваться и служить Ему со всем усердием и ревностью во все дни жизни своей. В царствах земных есть законы и постановления, которыми определяется крут и указуется порядок действий и отношений всех подданных и между собою взаимно, и к предержащей власти царя. Точным и усердным исполнением сих законов подданные снискивают благоволение царя своего, а нарушением и преступлением их навлекают на себя его гнев и наказание.

И в Царстве Божием есть священная, Богом данная книга Завета, которая, открывая нам волю Божию, излагая святые и животворные заповеди Господни, научает тому, как нам вести себя и в отношении к Царю своему, Господу Иисусу Христу и к ближним нашим, членам того же благодатного Царства, чтобы заслужить милость и благоволение Царя царствующих и не подвергнуться Его гневу и наказанию.

Уподобися Царствие Божие человеку царю, иже восхоте стязатися о словеси с рабы своими. В царствах земных царь требует по временам отчета от своих подданных в исполнении возложенных на них обязанностей и в совершении порученных им дел. Так и в Царстве Божием Господь востребует от нас отчета во всех помыслах и желаниях, словах и делах наших. Для сего Он предуставил от века страшный и славный день суда и воздаяния, *и всем*

нам подобает явитися пред судищем Христовым, да приимет кийждо яже с телом содела или блага или зла. Но и прежде этого страшного суда Господь потребует от нас отчета по смерти нашей, когда душа наша, разлучившись с телом, явится в мире духов, когда по делам ее суждено ей будет или во светлостях святых, или же в мрачной темнице духов ожидать последнего суда Божия, последнего определения участи своей на всю вечность. Подданные земного царя не знают наперед, в какое именно время им приведется давать отчет пред царем своим, ибо это зависит от воли царя, *иже восхоте* — сам, без всякого стороннего побуждения — *стязатися о словеси с рабы своими:* тем паче во всякое время должен быть готов к отчету раб Христов, ибо не ведает, *в оньже час Господь его приидет.*

Начену же Ему стязатися, приведоша к Нему единаго должника тмою талант. Не воздавая должной дани царю, не исполняя своих обязанностей, не делая того, чего требует воля царя, подданный становится должником пред ним, и чем долее поступает таким образом, тем более возрастает и увеличивается его долг. Несчастный, о котором говорится в притче, был должен тмою талантов – сумма, по древнему счету, чрезвычайно большая, долг совершенно неоплатный. Так и подданный Царя Небесного, гражданин благодатного Царства Христова, если не исполняет того, чего требует от него закон Божий, становится должником пред Богом, и чем долее живет во грехах, тем неоплатнее становится его долг. И кто из нас может думать, что он менее должен пред правосудием Божиим, нежели сей, упоминаемый в притче должник пред царем своим? Кто не должен применить к себе того суда, какой произнес над ним царь?

Не имущу же ему воздати. И что воздал бы сей несчастный царю своему? Где нашел и чем приобрел бы такое сокровище, которое равнялось бы тме талантов? Несравненно более велик и потому совершенно неоплатен долг каждого грешника пред правосудием Божиим. Что бы он ни сделал потом доброго, никогда не сделает больше того, что обязан был сделать по закону Божию; а грех все остается и останется навсегда грехом, долг останется долгом – невознаградимым ничем, и уплатить долга греховного нет у нас ни возможности, ни средства.

Не имущу же ему воздати, повеле и Господь его продати, и жену его, и чада, и вся, елика имяше, и отдати, то есть повелел лишить его всего имущества и отдать в вечное рабство со всем его потомством. Так и земные владыки не терпят и не могут терпеть таких подданных, которые, не исполняя своих обязанностей, оставаясь праздными тунеядцами, бременят собою общество, тем паче таких, которые, нарушая законы общественные, вредят всему обществу. Может ли быть терпим в Царствии Божием человек, который своими грехами и беззакониями, своевольным преступлением заповедей Творца своего и Господа, сколько оскорбляет Его отеческую лю-

бовь и правду, столько же омрачает собою светлое Царство Божие, вредит всему христианскому обществу, внося в него соблазны и развращение? Посему-то правосудие Божие лишает грешника всех духовных сокровищ, которыми любовь Божия ущедрила человека, созданного по образу Божию и воссозданного во Христе на дела благая, отчуждает его от наследия жизни вечной и предает рабству диавола и собственных страстей его.

Но, по бесконечной любви и милосердию Отца Небесного, нам дарована возможность обретать оправдание и спасение в Иисусе Христе, Единородном Сыне Божием, Который *искупил от клятвы законныя, быв по нас клятвою.* Нам должно только с живою верою, искренним раскаянием и твердою надеждою обратиться к милосердию Божию, как обратился помянутый в притче должник к милосердию царя своего.

Пад убо раб той, клоняшеся ему, глаголя: потерпи на мне, и вся ти воздам. Для неоплатного должника нет другого средства избавления, как прибегнуть к милосердию заимодавца; для безответного преступника нет другого прибежища, кроме молитвы о помиловании. Так и поступает несчастный должник: он падает в ногам господина своего, просит его снисхождения и милости, умоляет его: *потерпи на мне.* Так надобно поступать и нам, грешным, если желаем избежать достойной казни по грехам нашим. Каждый грех ужасен в первую очередь тем, что оскорбляет величие и святость Божию, Его бесконечную любовь и правду; нарушает закон, которым держится весь порядок мира нравственного, возмущает мир и покой Царства Божия. В этом отношении мы не можем сделать ничего для удовлетворения правде Божией, умиротворения Царства Божия, для восстановления попранного нами закона мира нравственного, для заглаждения беспорядков, вносимых грехами нашими в мир Божий. Один Господь Иисус Христос Своими страданиями за грехи наши, Своею крестною смертию и Воскресением мог совершить все сие, *умиротворив всяческая Кровию креста Своего, аще земная, аще ли небесная.* Посему одна только живая вера в Господа Иисуса Христа, пострадавшего за грехи наши, одно живое упование на силу крестной смерти Его, одно искреннее раскаяние во грехах своих, одна молитва сердца сокрушенного и смиренного могут снять с нас эту тяжкую вину грехов наших и оправдать нас туне благодатию Христовою.

Несчастный должник обещает царю уплатить долг свой: *потерпи на мне, и вся ти воздам.* Очевидно, что это для него невозможно. Этим обещанием он хочет только выразить свою готовность употребить с своей стороны все, чтобы вперед не только не увеличивать долга, но заглаждать по возможности и прежние долги. И это необходимое условие для каждого кающегося и ищущего оправдания и помилования грешника. Без твердого намерения престать от греха навсегда, не оскорблять величия Божия новыми беззакониями, не возбуждать на себя гнева Божия новым преступле-

нием Его святых и животворных заповедей покаяние наше было бы неискренне, обращение к Богу — лживо, молитва о прощении и помиловании — недостойна милости. С другой стороны, если мы не можем ничего сделать к удовлетворенно правосудию Божию за грехи свои, то можем переносить со смирением и покорностью воле Божией многоразличные скорби и бедствия жизни как праведное наказание за грехи наши. Для сего-то и заповедуется нам взять крест свой и идти во след Господа Иисуса Христа.

Изшед же раб той, обрете единаго от клевретов своих, иже бе должен ему стом пенязь (сумма весьма малая, а в сравнении с тмою талантов совершенно почти ничтожная), *и ем его давляше, глаголя: отдаждь ми, имже ми еси должен.* Не так ли поступаем и мы, когда, помилованные Отцем Небесным во Христе Иисусе, оправданные туне благодатию Божиею от безмерного множества грехов наших пред Богом, гневаемся и злобствуем и за малые оскорбления, причиненный собратом нашим, преследуем и язвим его всеми средствами, готовы мстить ему до самой смерти, не находим довольно слов, чтобы выразить свою обиду, чтобы очернить и обвинить обидевшего? А забываем о том, сколько раз и как тяжко сами оскорбляем и словом, и делом, и как злосчастна была бы наша участь, если бы все когда-либо оскорбленные нами захотели мстить нам таким же образом.

Пад же клеврет той на нозе его, моляше его, глаголя: потерпи на мне, и вся воздам ти. Казалось бы, как не вспомнить при этом жестокосердому рабу, что он и сам был теперь же в положении неоплатного должника не пред равным себе рабом, а пред Самим Царем своим Господом, но был помилован и прощен? Но злопамятство и любомщение заглушают в человеке все чувства человеческие и делают его зверем. *Он же не хотяще, но вед, всади его в темницу, дондеже воздаст должное.* То есть за малый долг подверг его тому же самому наказанию, на которое осужден был сам за целую тму талантов и от которого избавлен туне, по единому милосердию Царя своего.

Но такая бесчеловечная жестокость раба лукавого к несчастному своему собрату тотчас сделалась известною царю. *Видевше же клеврети его бывшая, сжалишася зело, и пришедше возвестиша господину своему вся бывшая.* Так и наши взаимные поступки друг с другом, и наши памятозлобные помыслы и чувства ведомы Сердцеведцу Богу. Святые ангелы, неотступные приставники наши, с болезнью и прискорбием видя жестокость нашу друг к другу, возвещают о том пред лицом Отца Небесного. И не только злое дело любомщения, но ни один злобный помысел на брата своего, ни одно гневливое и злостное движение сердца не утаится от всевидящего ока Божия, и никто и ничто не сокроет нас от Его карающего гнева.

Тогда призвав его господин его, глагола ему: рабе лукавый, весь долг он отпустих тебе: не подобаше ли и тебе помиловати клеврета своего, якоже и аз тя помиловах? Не подобаше ли — из одной благодарности к помиловавшему, из чувства

радости о помиловании, из сострадания к бедному собрату своему, из одного даже житейского благоразумия, чтобы дать ему возможность и время уплатить долг свой? Несравненно виновнее пред Отцем Небесным мы, когда не прощаем друг другу взаимных оскорблений и обид, — чем большее явлено над нами человеколюбие и милосердие Божие. Кто по жестокосердию своему не исполняет и этой нетрудной заповеди, тот сам осуждает себя на ту казнь, которая постигла жестокосердого раба.

И прогневався Господь его, предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой. То есть за жестокость к собрату определил взыскать с него и тот долг, который был уже прощен, предать его вечному рабству и мучению.

Тако, — заключает Господь Свою притчу, — *и Отец Мой Небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их. Тако сотворит,* то есть отвергнет от лица Своего и предаст вечному мучению. Таков вечный и непреложный закон правды! Таково неизбежное следствие жестокосердия к ближнему! Ибо может ли человек раздражительный и любомстительный быть в Царстве Божием, которое есть царство *любви, мира и радости о Дусе Святе*?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 18-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ

Святоотеческие толкования

1) *Свт. Василий Великий* о смиренномудрии, что такое и как приобретается? ч. 4.

2) *Свт. Григорий Богослов* о смиренномудрии, кто имеет оное, ч. 3.

3) *Св. Ефрема Сирин* о смиренномудрии. Творения, ч. 3.

4) *Прп. Исаак Сирин* о смиренномудрии. Черты сей добродетели. В чем состоит истинное и совершенное смиренномудрие? Отношение между смиренномудрием и безмолвием. Признак смиренномудрия. Степени.

5) *Св. Василий Великий* о соблазне. Что значит соблазнять и как остеречься сего? ч. 5. Правила о предотвращении соблазнов, ч. 3.

6) *Св. Ефрем Сирин* о том, что не должно соблазнять ближнего, и о правой жизни.

7) *Св. Иоанн Златоуст.* Беседа на Мф. 18: 13–14. «Христианское чтение», 1839.

8) *Блж. Феофилакт.* Изъяснение Евангелия в 11 нед. по Пятидесятнице. (Мф. 18: 23–35). «Воскресное чтение»,1810.

9) *Св. Иоанн Златоуст.* Беседа на Мф. 18: 32–33. «Воскресное чтение», 1816.

10) Мк. 9:40. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова: *иже несть на ны, по нас есть,* ч. 2.

Новейшие толкования в духовных журналах

11) Ст. 3. Подражание детям. «Христианское чтение», 1831. Там же 1851.

12) Подражание детям. «Воскресное чтение», 1828.

13) *Прот. Нечаев.* В каких отношениях взрослые должны подражать детям? «Душеполезное чтение», 1869.

14) *Гизо.* Иисус Христос и дети. «Православное обозрение», 1865.

15) Мысли свт. Феофана на некоторые места из 18 гл. Матфея. «Домашняя беседа», 1871.

16) Ст. 6. Жернов осельский. Библ. п. сл. «Воскресное чтение», 1875.

17) Ст. 7. Соблазн. «Христианское чтение», 1854.

18) Ст. 10. *Блюдите, да не презрите единого от малых сих.* «Воскресное чтение», 1809.

19) Ст. 10. Рассуждение об Ангеле Хранителе на тот же ст. «Христианское чтение», 1823.

20) Ст. 10. Ангел Хранитель. «Воскресное чтение», 1802.

21) Ст. 10–18. *А.В.* Евангельское чтение в 1 неделю Великого поста. «Воскресное чтение», 1825.

22) *А. Воскресенский.* О церковном суде. «Душеполезное чтение», 1869.

23) *Свящ. Предтеченский.* Прощение обид. «Духовная беседа», 1873.

24) *А. Ф.* О прощении обид. «Христианское чтение», 1862.

25) *Епископ Феофан* о прощении обид. «Домашняя беседа», 1873.

26) *М. Григорий.* Побудительные причины к прощению обижающих нас (Мф. 18: 32–33). «Духовная беседа», 1858.

27) Об обязанностях христианина по учению евангельских притчей. «Воскресное чтение», 1834.

28) Ст. 23–35. Притча о милостивом царе. «Воскресное чтение», 1882.

29) Ст. 23–35. Изъяснение Евангелия Воскресного. «Воскресное чтение», 1803.

30) Ст. 23 – 35. Беседа священника с детьми о евангельских притчах. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

31) Ст. 23–35. Два должника. Евангельская притча. «Православный собеседник», 1861.

32) Лк. 9:50. «Воскресное чтение», 1807.

В Словах и Беседах

33) На Евангелие от Матфея, гл. 18. Ст. 7. *Филарет, архиеп. Черниговский.* О соблазнах.

34) Ст. 23–35. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* Беседа на притчу о немилосердом рабе. «Волынские епархиальные ведомости», 1876.

35) *Леонтий, архиеп. Варшавский.* Изъяснение той же притчи.

36) Ст. 20. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Об обетовании христианской соборной молитвы и исполнении его над первенствующею Церковью апостольскою.

37) Ст. 33. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Изложение и приложение притчи о прощении согрешающих.

38) Ст. 35. *Арсений, митр. Киевский.* О прощении обид.

Ветхозаветный праздник Кущей

«Воскресное чтение», 1811

Воспоминание великих благодеяний, явленных Богом Израилю, освящено было в ветхозаветной Церкви тремя великими праздниками: чудесное исшествие из Египта – праздником Пасхи, Синайское законодательство – праздником Пятидесятницы, наконец, четыредесятилетнее странствование в пустыне, исполненное знамений и чудес, – праздником Кущей. Этот последний, по словам Филона, величайший из великих празд-

ников по своей торжественности, известен был даже языческим писателям, которые, впрочем, ошибались в значении его и в праздновании Богу Израилеву думали видеть свое, языческое празднество. По установлению Божественному, праздник Кущей должен был продолжаться восемь дней, начиная с 15 дня месяца Тисри (октября). В течение всего этого времени весь Израиль оставлял жилища свои и проводил дни и ночи в кущах, нарочно устрояемых из древесных ветвей. По намерению Божию, праздник Кущей должен был возводить мысли Израиля ко временам предков и не только напоминать ему водительство Божие в пустыне, но и служить выражением благодарности к Богу за благоприятную жатву. Кроме того, по мнению некоторых, с праздником Кущей соединяли еще воспоминание первого по исходе из Египта ополчения, сделанного у Сокхофа, при котором израильтяне в первый раз раскинули кущи свои, и воспоминание поставления и освящения скинии в пустыни, которое совпадало с сим праздником.

Торжество праздника Кущей простиралось и на религиозную, и на домашнюю жизнь евреев. Как в один из трех великих праздников, в которые по закону всякий мужеский пол должен был являться в храм пред Господом (Ис. 23:17), – в праздник Кущей народ стекался отовсюду в Иерусалим тем охотнее, что около этого времени оканчивались все работы полевые. Иерусалим и окрестности его представляли тогда величественную картину множества зеленеющих кущей, раскинутых по стогнам города, горе Елеонской и окрестным возвышенностям. Народ с ваиями в руках и восклицанием *Осанна* восходил в храм пред Господа, где ежедневно многочисленные жертвы возносимы были от имени всего Израиля; ибо в праздник Кущей закон повелевал возносить от всего сонма жертв гораздо более, нежели во все другие праздники. Самый алтарь жертвенный в это время украшали ваиями, – может быть, в память того, что Сам Господь во время странствования Израиля в пустыне *бе ходя в обиталищи, в кущи* (2 Цар. 7:6). Вокруг него ежедневно совершали род священной процессии, в которой все участвовавшие, держа в руках пуки из пальмовых, ивовых и миртовых ветвей, восклицали: *Осанна!* – отчего и самый праздник иногда называли *великое Осанна*, а в седьмой день его алтарь обходили седмижды. Обряд сей вероятно, напоминал чудесное взятие Иерихона при Иисусе Навине.

Другие священные обряды, совершаемые в храме, еще более возвышали торжество праздника: то были так называемые возлияние воды на жертвенник и возжение елея во храме, в притворе жен. Еврейские учители первый из обрядов возводят ко временам Моисея и причисляют к устным заповедям его, но без всякого основания. Пример Давида, возлившего при одном случае воду в жертву Господу (2 Цар. 23:16), тоже не

может доказывать существования сего обряда в его время. Впрочем, можно думать, что во времена пророка Исаии его уже совершали и что, применяясь к нему, пророк таинственно говорил: *почерпите воду с веселием от источника спасения* (Ис. 12:3). Во времена Иисуса Христа он состоял в том, что один из священников в сопровождении множества народа исходил из храма к источнику Силоамскому и, наполнив золотой сосуд водою его, вносил ее при звуке труб и пении псалмов аллилуйных (Пс. 112—117) чрез врата водные во храм и возливал на алтарь в жертву Богу. Обряд этот совершался ежедневно в течение первых семи дней праздника и, по мнению некоторых, имел целию испросить у Бога обильный дождь, столь необходимый в Палестине для осенних посевов. На сей-то обряд таинственно указывая, Спаситель *в последний великий день праздника стояше и зваше глаголя: аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы* (Ин. 7: 2, 37–38).

Другой замечательный обряд праздника Кущей состоял в возжжении светильников в храме, в притворе жен — ежедневно, по окончании вечерней жертвы. Для сего уготовляли там четыре большие светильника, из коих каждый вмещал в себе большое количество елея, так что, по словам раввинов, свет от них разливался на весь Иерусалим. Левиты, стоя на ступенях притвора, пели при этом псалмы степеней (Пс. 119—133), а вельможи с факелами в руках обходили вокруг светильников в священном ликовании. В древности царь, сидя на простой деревянной скамье в том же притворе жен, читал народу некоторые отрывки из Второзакония, как повелел Моисей (Втор. 31:10). Но это совершалось только в одни субботние годы.

Церковное торжество праздника Кущей отражалось и на домашней жизни еврея. Несмотря на значительное охлаждение воздуха в месяце Тисри, каждый считал обязанностью проводить ночи и большую часть дня, по закону, в куще и, как символ радости, носить в руках ваии *и плод древа красен* (по всей вероятности, граната) (Лев. 23:40). В кущах учреждаемы были и те вечери, которые закон предписывал по случаю принесения десятин от жатвы, плодов, животных и т. п., и на которые повелевал приглашать не только родных и друзей, но рабов и рабынь, левитов, вдов, сирот, странников и т.д. (Втор. 12: 11–12). Там же читали закон, воспоминали историю предков и пели псалмы Богу Израилеву; вообще, праздник Кущей отличался такою торжественностью, что многие обряды его вошли в народный обычай и употреблялись для выражения народного восторга при каких-либо радостных событиях. Так, народ встречал с ваиями и восклицаниями *Осанна* Александра Великого при входе его в Иерусалим; так встречен был Агриппа, и, наконец, Спаситель мира при торжественном вшествии Его в Иерусалим.

К повествованию евангелиста Луки об отшествии Господа с некоторыми из учеников в Иерусалим на праздник Кущей (9:51) чрез Самарию (9: 52–62). *Не весте, коего духа есте вы* (Лк. 9:55)

«Воскресное чтение», 1819

Серцеведец обличает учеников, хотевших низвесть огнь с неба на жителей, не принявших к себе Господа, в незнании самих себя. Он как бы так говорит им: «Вы не знаете, какой в вас дух, и несообразно с ним говорите и мыслите. Дух в вас — дух Моего учения евангельского и Моей любви, желающей всем спасения, а вы хотите погубить целое селение. Дух, который в вас, есть огнь, но огнь животворящий, а вы ищете огня пожигающего и убивающего». *Не весте, коего духа есте вы.*

Такое незнание самих себя бывает и у нас. Случается, что люди, имеющие прекрасные свойства ума и сердца и изучившие правила жизни, в минуты омрачения душевного действуют несогласно с самими собою и против правил своих. Так противоречит сам себе тот благовоспитанный юноша, который минутно увлекается примером буйных сверстников своих и разделяет с ними пагубное невоздержание, а после сам осуждает себя и горько оплакивает свое падение. Он действовал, забыв себя самого, забыв все добрые правила, внушенные ему родителями и наставниками.

Это — заблуждения ума и сердца минутные, и они нередко бывают весьма гибельны. Что сказать о тех заблуждениях, которые обращаются в навык, делаются постоянно пороком? Это тоже незнание своего духа, но уже совсем другого рода. Омраченный страстью до того, что делается постоянным рабом ее, не познает уже своего погибельного состояния и думает, что он на пути правом. Но ему тоже можно сказать: ты не знаешь, несчастный, по какому духу действуешь. Дух, омрачивший тебя, — это дух тьмы, дух злой, погибельный! Если бы ты знал это, если бы можно было хотя на минуту выйти тебе из греховного рабства твоего, ты сам ужаснулся бы самого себя и возненавидел пагубную страсть твою, которую теперь так любишь! *Но сие скрыся от очию твоею* (Лк. 19:42), *омрачися неразумное сердце твое* (Тим. 1:21)!

Христианин, *всяцем хранением блюди сердце твое* (Притч. 4:23); не позволяй ему не только надолго, но, если можно, и на минуту омрачиться духом страсти. Когда в каком-либо сильном движении чувства ты хочешь что-либо сказать или сделать, спрашивай сам себя: какого ты духа? И твой поступок будет ли согласен с духом веры и любви христианской? Если бы так, в свете учения евангельского, мы всегда рассматривали самих себя, если бы научились *познавать Духа Божия и духа лестча* (1 Ин. 4:2) и были всегда верны первому, то и не было бы у нас заблуждений греховных; живя

духом, мы и ходили бы по духу, а не по плоти; имея звание сынов Божиих, не действовали бы, как рабы и невольники. *И аще быхом себе рассуждали, не быхом осуждены были* (1 Кор. 11:29).

Дополнительными статьями могут быть:

1) На ст. 53. *Блж. Иероним.* Что значит сказанное: *и не прияша Его, яко лице Его бе грядущее в Иерусалим.* Творения, 2. О том же в письме к Аспазии. «Христианское чтение», 1846.

2) На тот же стих. *Прот. Богословский.* О причинах ненависти мира к истинным последователям Христовым. «Духовная беседа», 1859.

3) На ст. 55. *Прот. Дебольский.* Неведение Духа Христова. «Странник», 1865.

Иисус Христос на празднике Кущей (Ин. гл. 7)

Горский. «Евангельская история»

Ст. 1–2. Более года Иисус пробыл в Галилее, не заходя в Иудею, потому что иудеи хотели убить Его. В праздник Кущей, около полугода после происшествия при озере Тивериадском, описанном в шестой главе (ибо то было до Пасхи, раннею весною, а праздник Кущей совершается осенью), Иисус опять приходит в Иерусалим.

Ст. 3–5. Перед праздником Кущей братья Иисуса уговаривают Его идти в Иерусалим. Привыкнув смотреть на Него как на близкого себе родственника, они тогда еще не веровали в Него. Им трудно было мыслить, что Иисус не такой же человек, как и они, а великий пророк или даже Мессия. С другой стороны, они были свидетелями Его чудес и видели влияние Его учения на народ. Все это приводило их в смущение; они не знали, что думать об Иисусе.

Понуждая Его теперь идти в Иерусалим, они надеялись, что если Он действительно Мессия, то это в Иерусалиме окончательно выяснится, и они таким образом будут наконец выведены из томящего их недоумения.

Ст. 6–8. Иисус отвечает им, что не пойдет еще на сей праздник, потому что Его время не исполнилось. Вместе с тем Он объясняет братьям, почему мир Его ненавидит: Он обличает зло мира, а это людям неприятно, ибо они не желают слышать, что дела их злы.

Ст. 9–14. Иисус не сказал, что не пойдет в Иерусалим, но что Он *не пойдет еще на сей праздник.* Идти на праздник значило участвовать в паломничестве, то есть шествовать со всем народом и совершать в самом Иерусалиме разные подготовительные к празднику публичные обряды. При этом Иисус постоянно находился бы на виду, и начальники, желавшие Его смерти, легко могли бы найти удобное время и место, чтобы схватить Его. Даже при совершенно неожиданном появлении Иисуса в храме они послали слуг схватить Его, как повествует евангелист.

В середине праздника Иисус пришел в Иерусалим — как бы тайно, то есть не вместе с другими паломниками, — и стал учить во храме.

Между тем народ, собравшийся сюда из других стран и городов, уже ожидал Его. И много было толков о Нем: одни говорили, что Он добр, а другие говорили: нет, но обольщает народ. Впрочем, явно не смели высказывать своих мнений, боясь иудеев. (Апостолы, пришедшие в Иерусалим ранее Господа, могли быть очевидцами этого. — «Опыт краткого изъяснения на Ев. Иоанна» Тернера).

Ст. 15. Явиться учителем во храме или в училище, которое помещалось в зданиях храма, не всякий мог, кто бы хотел. По правилам раввинским надлежало быть наперед несколько лет в звании талмид (ученика), потом в звании хабер (товарища) при каком-нибудь раввине, чтобы таким образом получить власть, как тогда говорили, ἐξουσίαν λαμβάνειν. И хабер мог изъяснять изречения других, а когда становился сам раввином, тогда уже мог и сам учить. Иудеи, зная, что Иисус ни в какой школе, ни у какого раввина не учился, дивились, как Он мог выступить с учением во храме. (*Весть Писания* означает ученость вообще и по характеру учености раввинскую, в особенности умение изъяснять Писания.)

Ст. 16–19. В ответ на такие мысли Господь говорил, что и учение Его, и право учения Он не усвояет Себе, но оно от Пославшего Его. Что Его учение не своевымышленное, это может узнать каждый, кто хочет творить волю Божию, по внутреннему опыту. Что право учения не самоприсвоенное, об этом достаточно свидетельствует и то, что Он Себе не ищет славы, но Пославшему Его; следовательно, Ему можно верить. И проникая в их мысли, зная, что они хотят противопоставить словам Его нарушение закона Божия — по их мнению, в исцелении расслабленного — обращает этот упрек против них самих, указывая как на ближайшее доказательство сего противления закону на то, что они ищут Его жизни.

Ст. 20–24. Уловленные в своих собственных сетях, иудеи с наглостью и негодованием возражают Ему: «Не бес ли в Тебе? Кто хочет убить Тебя?» Однако Господь продолжал еще более раскрывать несправедливость, с какою они представляли исцеление расслабленного в субботу нарушением покоя субботы, и заключил: «Не судите по наружности, но судите судом праведным». Смотрите на то, из какого намерения проистекало это действие — исцеление.

Ст. 25–27. Слыша такой разговор между Иисусом и иудеями и видя, как те самые, которые прежде горячо вступались за нарушение субботы и искали жизни Нарушителя ее, теперь отступаются от своих мыслей. Некоторые иерусалимляне подумали было уже, что об Иисусе переменили мнение самые начальники иудейские и признают Его за Христа. С своей стороны, и сами они готовы бы признать Его таким; но не всем ли извес-

тно, думали они, откуда происходит Он? (Жителю столицы веры и народа — Назарет дает Мессию!) А Мессия должен явиться не так. Сердце их было на стороне Иисуса, а ум или, точнее, предрассудки, неправильное толкование учения пророков о Мессии и недостаточное разумение Самого Спасителя — против Него. (Пророки говорили о недоведомости вечного происхождения Мессии как Сына Божия; народ относил это ко временному, не думая, как с этим согласить мысль о том, что Мессия должен быть сыном Давида и родиться в Вифлееме.)

Ст. 28–29. Видя искренность расположения в некоторых из этих сомневающихся, Господь не оставил их колебаться в недоумениях, но вместе дал пробный камень для испытания сего расположения. Он сказал: «Вы думаете, что уже знаете Меня, когда знаете, Кто Я и откуда Я? Но знать Меня так еще не значит вполне Меня знать. Кто из вас знает другое отечество Мое? Того, Кто послал Меня? Вот если бы вы знали Его, как должно знать, тогда бы могли сказать, что и Меня знаете». Этим заключил Господь Свои наставления в первый день Своего явления в Иерусалиме.

Ст. 30–32. Слова сии произвели различное действие: одни из слушателей Его, которым, при их просвещении и высоком мнении о них в народе, нелегко было сознаться в таком неведении самого существенного и неохотно было уступить первенство Иисусу (может быть, те самые, которые искали Его жизни и прежде), услышав снова такие объявления о Себе Иисуса, старались схватить Его и, вероятно, представить синедриону. Но Господь скрылся от них. В то же время другие, зная о всех чудесах, какие Он совершал доселе, готовы были дать полную веру Его словам о Себе и говорили: можно ли более ожидать чудес от Мессии? Таким образом, народные толки об Иисусе, возбужденные в начале праздника, после появления Самого Иисуса еще более усилились, так что члены синедриона признали за нужное принять для укрощения их свои, достойные их, меры: они поручили некоторым схватить Иисуса не теперь именно, а как-нибудь на празднике.

Ст. 33–34. Узнав об этом, Господь в угрозу безумной злобе объявил Своим гонителям: «Еще недолго быть Мне с вами, и пойду к Пославшему Меня. Будете искать Меня (в нужде, в бедствиях возбудится желание Избавителя, Мессии); но где буду (тогда) Я, вы туда не можете прийти».

Ст. 35–36. Перетолковывая сии слова по-своему, чтобы вывести из них новое обвинение, ослепленные неверием и злобою, иудеи с насмешливою наглостью говорили: «Не хочет ли Он идти в Эллинское рассеяние (к язычникам) и учить эллинов — что мы не можем найти Его? У нас Ему нет успеха!» (Может быть, повод к такому толкованию слов Иисуса злобные враги взяли как вообще из кроткого обращения Его с язычниками, так и из Его путешествий по окрестностям Галилеи языческой, недавно Им совершенных).

Ст. 37–39. В таком положении дела оставались до последнего, самого торжественного дня праздника. Праздник сей, напоминавший успокоение народа в земле обетования от трудов странствования, был праздником вместе закона, поелику тогда наиболее занимались чтением его, и у пророка Захарии (14:16) он символически означал время собрания в Иерусалиме всех народов на поклонение Богу истинному. В последний день сего праздника по обычаю совершалось символическое возлияние воды из источника Силоамского (на эту воду есть указание в той же главе Захарии и у Иезекииля), протекавшего под горою храма, при пении из пророка Исаии: *жаждущии, приидите на воду* (12:9).

Вероятно, по применению к сему значению праздника и действию, и Господь, явившись в этот день снова в собрание народа, произнес: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей». И, сравнивая Самого Себя с храмом, из-под которого течет вода, прилагает это сравнение и к верующим в Него. Как Он источает воду живую, так и верующие во имя Его, получив Духа, не только будут иметь эту воду в себе, в своем сердце, но и изливать другим, распространяя всюду свет Богопознания (из 46 ст. видно, что проповедь была обширная).

Ст. 40–46. Голос Божественный умолк. Начались опять суждения и споры об Иисусе. Одни видели в Нем пророка, другие Самого Мессию, но в то же время одни говорили, что Мессии, как сына Давидова, надобно ждать не из Галилеи, а из Иудеи, именно из Вифлеема; другие говорили, что из Галилеи даже и пророков не бывало (ст. 52). Были даже такие, которые изъявляли желание схватить Его. Но и служители храма, на которых сие возложено было от синедриона, возвратились по окончании праздника без успеха, объявив, что они не могли взять Его, потому что ни один человек никогда не говорил так, как Сей Человек.

Ст. 47–53. Наконец, в самом синедрионе при рассуждении по сему случаю оказалось разделение, которое еще более должно было вооружить против Иисуса врагов Его. С негодованием выслушав донесение посланных, они отвечали им: «Неужели и вы прельстились? Да уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев? В Него верует один народ. Но этот народ невежда в законе – прокляты они». В это время Никодим осмелился было заметить членам синедриона, что несправедливо они поступают, заключая так свое суждение о Человеке, Которого дела хорошо не знают и не выслушали. «Да чего и разыскивать? Из Галилеи никакого пророка не бывало», – отвечали ему прочие, забыв в помрачении ума своего, что оттуда были Илия, Иона и, может быть, даже Наум. И ему заметили с насмешкою: «Не из Галилеи ли сам ты, что так вступаешься за галилеянина?» Таким образом, не входя в дальнейшее исследование дела, положили отлучать от синагоги каждого, кто признал Иисуса Мессиею (9:22).

Аще кто хощет волю Божию творити, разумеет о учении, кое от Бога есть (Ин. 7:17)

«Воскресное чтение», 1810

Вот важное правило для священной критики и герменевтики! Если хочешь познать истину Божественного Писания, будь исполнен истинным желанием волю Божию творить. С предметами Божественными не так поступать должно, как с человеческими: последние мы наперед уразумеваем, а потом любим; а первые прежде возлюбить должно, а потом уразуметь.

Так, вельможе царицы Ефиопской, читавшему, но не разумевшему пророка Исаию, подано разумение за то именно, что сердце его уже готово было не на слушание только слова Божия, но и на послушание оному. Так, Корнилий, сотник удостоился высшего руководства в истине потому, что был *благоговеин и бояйся Бога со всем домом своим, творяй милостыни многи людем и моляйся Богу всегда* (Деян. 10:2).

Но не так хотели знать Писания книжники и фарисеи; они искали славы своей, а не Божией; хвалясь в законе, преступлением закона Бога бесчествовали (Рим. 2:22); и потому *одебеле сердце людий сих, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не како увидят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют* (Деян. 28:27). Не потому ли и ныне некоторые или совсем отвергают учение евангельское, или превратно изъясняют оное, что нет у них искреннего желания волю Божию творить, а есть одно желание — все делать по-своему и славить себя самих? Впрочем, это евангельское правило для истинного уразумения Священных Писаний без труда соглашается с правилом и обыкновенной критики человеческой. Не требуется ли у всех беспристрастие в читающем, если хочет он правильно судить о писателе? Беспристрастие необходимо и при чтении слова Божия. Но как здесь учение направлено против всего страстного, ветхого человека нашего и ведет нас к жизни человека нового, то и понятно, почему требуется к уразумению сего учения беспристрастие особенное, то есть возможное возвышение над всеми страстями естественными, сильное, искреннее желание спасения и вследствие того — молитва сердца к Богу. Заметим, что Спаситель требовал хотения исполнить волю Божию, но еще не самого исполнения сей воли — потому что говорил о первоначальном познании истины Слова Божия. Посему и плотский иудей, и грубый язычник, и всякий грешник могут познать, где и какой путь спасения среди всех известных путей в мире, если только всем сердцем возжелают *волю Божию творити.* Но что нужно тому, кто уже знает путь спасения? Для дальнейших успехов ему мало одного *хотения,* а нужно самое верное и тщательное исполнение воли Божией. Высшее разумение истины обещано высшей добродетели. Кто более и более очищает свое сердце и исполняется любовию к Госпо-

ду, тот и делается способным созерцать тайны Божии. *Имеяй заповеди Моя,* говорит Господь, *и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14:21).

Реки живой воды

Свящ. В. Нечаев.
«Душеполезное чтение», 1873

Аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет. Веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его (Ин. 7: 37–39). Воззвание к жаждущим и обетование о реках воды живой Господь Иисус произнес в Иерусалимском храме в последний день (7-й) праздника Кущей. В словах, содержащих это воззвание и обетование, идет речь о благодати Святого Духа, даруемой чрез Христа верующим в Него, и чрез истинно верующих изливающейся на других. Действие благодати Святого Духа на людей чрез верующих во Христа, представленное под образом истечения рек из чрева их, имело открыться, по объяснению евангелиста Иоанна, собственно по торжественном сошествии на верующих Святого Духа, которое должно последовать с прославлением Христа чрез вознесение Его на небо (Ин. 7: 29, 40). Но действие благодати Святого Духа чрез Самого Христа началось во время земной жизни Его, ибо во время сей жизни обильно изливалась благодать из уст Его (Пс. 44:3) и ей дивились люди, слушавшие Его (Лк. 4:22), а иные от полноты в Нем благодати сами преисполнялись благодатию, принимали от общения с Ним благодать на благодать (Ин. 1:16), которая из недр Его, как из переполненного сосуда, изливалась на них.

Для того чтобы понять, почему Иисус Христос употребил образ воды для изображения действия благодати, надобно иметь в виду особенный обряд, который совершаем был в праздник Кущей. Каждое утро в продолжение семи дней праздника Кущей один из главных священников спускался со священной горы храма и у подошвы ее черпал золотою чашею воду из Силоамского источника и с этою водою, держа чашу поверх головы, возвращался в храм, окруженный толпами ликующих богомольцев, при звуках священных труб и песнопений. Обряд оканчивался тем, что священник, пришедши с зачерпнутою водою в храм, возливал ее на жертвенник как благодарственную жертву. Этот обряд установлен был в позднейшие, впрочем, времена, в память чудесного изведения Моисеем воды из камня для утоления жажды странствовавших в пустыне евреев. Но как все ветхозаветные события имели преобразовательный характер в отношении ко Христу и Его Церкви, так и это чудо преобразовало Христа и по вере в Него подаваемую нам благодать Святого Духа. Апостол Павел, объясняя

ветхозаветные события в преобразовательном смысле, прямо говорит, что евреи, когда пили воду из камня, «пили из духовного последующего камня, камень же был Христос» (1 Кор. 10:4). Сие-то преобразовательное значение ветхозаветного чуда над камнем имел в виду Сам Господь Иисус, когда при виде праздничного обряда, установленного в воспоминание этого чуда, сказал иудеям, бывшим свидетелями обряда: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне, и пиет*. Как бы так сказал Он: «Взирая на обряд, не событие только, давно случившееся, воспоминайте, но вместе прозирайте в духовный смысл события. Знайте, что камень, давший воду, – это Я. Чудесно изведенною из камня водою утолена была одна чувственная жажда, но кроме чувственной жажды, чувственных потребностей, есть еще жажда и потребности духовные. Их могу удовлетворить вполне только Я. Итак, приступите ко Мне все, у кого есть такая жажда, и Я утолю ее». Что же это за духовная жажда или духовные потребности, удовлетворить которые обещает Христос Спаситель? Это жажда или потребность истины для ума, потребность правды для воли, потребность блаженства для чувства. Никто из земнородных, в ком только пробудились эти потребности, не может сказать, что одними собственными силами и средствами он может достигнуть удовлетворения их, то есть освободиться от заблуждений и невежества особенно в духовных вещах, избавиться от греха и найти душевный покой прочный и невозмутимый. Силы человека для сего крайне недостаточны, как показывает история и личный опыт каждого. Один Христос может дать то, чего никто из людей дать не может. Только у Него есть чудесная вода, которая утоляет духовную жажду человека. Что же это за вода? Это благодать Святого Духа. Как естественная вода утоляет телесную жажду, освежает нас и укрепляет, так и благодать Святого Духа, даруемая верующим во Христа, утоляет жажду истины, наставляя их касательно всего, что нужно знать для спасения души (Ин. 14:26; 1 Ин. 2:20), ибо Дух Святой есть Дух истины, – укрепляет их волю на борьбу с искушениями, ибо Дух Святой есть Дух крепости, – освящает нас (Рим. 1:4) и низводит в сердца наши мир и радость (Рим. 14:17), превосходящие всякое разумение. Средства для привлечения благодати Святого Духа известны: это чтение Слова Божия, изглаголанного Духом Святым и вечно в Нем глаголющего в наше наставление, освящение и утешение, – общение таинств, ибо все они суть проводники многообразной благодати Святого Духа, – и молитва, о которой Христос изрек ясное обетование, что Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него (Лк. 11:13). Вот живые, неиссякаемые родники той духовной воды, к питию которой Христос Спаситель приглашает всех жаждущих! В Нем Самом – полнота благодати (Ин. 1:14) по самому человечеству Его и по тому, как при земной жизни Его она, обильно изливаясь из уст Его, напояла духовно жаждущих и утоляла их жажду, так доселе она всем

даруется во Христе Иисусе (1 Кор. 1:4; Еф. 2:7) по вере в Него, по неложному Его обетованию пребывать с верующими во вся дни до скончания века. Пусть теперь каждый с дерзновением веры приступает ко Христу и из помянутых источников благодати утоляет свою духовную жажду.

Но сего мало. Вода благодати Святого Духа, даруемая чрез Христа верующим, не в них только утоляет духовную жажду, но чрез них распространяет свое спасительное действие на других. Наполняя все существо истинно верующих, она, словно неудержимая река, проторгается сквозь них и пролагает себе путь к душам других людей, – чрез одних утоляет духовную жажду других. «Кто верует в Меня (и верою привлекает благодать), – говорит Христос, – у того, как сказано в Писании (Ис. 12:3; Иоил. 3:18), из чрева (из сердца) потекут реки воды живой», то есть воды благодати. Куда же потекут? На души других людей для утоления духовной жажды. И кто не видит исполнения сего обетования в Духоносных апостолах, приявших обильные дары благодати Святого Духа в день Пятидесятницы и ее животворными струями напоивших всю вселенную? Кто не видит исполнения того же обетования в святых исповедниках и мучениках, которые благодатию терпения и радости среди многообразных и лютых мук побеждали мучителей и привлекали ко Христу тысячи язычников, так что многие из них, приходившие на место мучений рабов Христовых как на зрелище, тут же объявляли себя христианами и из ряда зрителей вступали в ряды мучеников? Кто не видит исполнения того же обетования в преподобных мужах и женах, благодатию равноангельского жития возбуждавших во многих раскаяние в грехах и обращавших на путь истины и правды тех, которые до тех пор погрязали в бездне нечестия и разврата? И не только при жизни своей все подобные избранники Божии благотворно, силою данной им благодати, действовали на людей – они и по смерти не перестают быть проводниками той же благодати чрез святые свои мощи, чрез письменные сказания и устные предания об их жизни и подвигах, чрез оставшиеся после них памятники их подвижничества, например, чрез вериги, одежды и т.п.

Вопросы и ответы на тот же текст

Блж. Августин. «Воскресное чтение», 1807

Что значат слова евангелиста: не был еще Дух дан, потому что Иисус не был еще прославлен? Как не было еще Духа в людях святых, когда о Самом Господе новорожденном читаем в Евангелии, что Духом Святым познал Его Симеон, познала и Анна – вдова пророчица, познал сам Иоанн, Его крестивший; Духом же Святым исполненный Захария многое изрек; Духа Святого прияла и Мария, чтобы зачать Господа? Не другого Духа имели и пророки, предвозвестившие пришествие Христово. Но будущему времени предоставлен был такой образ даяния, какого прежде не было видно:

о сем-то здесь и говорится. Ибо прежде нигде не читаем, чтобы люди, собравшись и получив Святого Духа, говорили языками всех народов. Сего Духа послал Он свыше в день Пятидесятницы. И мы уверены, что всякий из нас и ныне получает Сего Духа; только кто какой меры сосуд приносит к источнику, такой и наполняет. Если же, скажут, Дух Сей получается и ныне, то почему никто не говорит языками всех народов? Потому, что уже сама Церковь говорит языками всех народов, означая тем то, что, распространяясь по народам, она будет говорить языками всех. Кто не в сей Церкви, тот и ныне не получает Святого Духа. А ты, скажешь, говоришь ли всеми языками? Точно говорю, потому что всякий язык есть мой, то есть принадлежит тому телу, коего я член. Церковь, распространенная по народам, говорит всеми языками. Церковь есть тело Христово, в сем теле ты член; а когда ты член того тела, которое говорит всеми языками, то веруй, что и ты говоришь всеми языками.

Итак, получили и мы Святого Духа, если любим Церковь, если связуемся любовию, если имеем имя кафолическое и веру. Верим, что сколько кто любит Церковь Христову, столько имеет Святого Духа. Имей любовь, и будешь иметь все. А что любовь принадлежит Святому Духу, внимай о том слову апостола: *любы Божия излияся в сердца наша Духом Святым, данным в нас* (Рим. 5:5).

Почему же Сего Духа, Коим излита любовь Божия в сердца наши, Господь благоволил даровать по Своем Воскресении? Что сим означил? Господь не блага сего мира обещал нам, когда сказал: *Веруяй в Мя да приидет и пиет, и реки от чрева его истекут воды живы.* Обещал жизнь вечную, где нет места никакой боязни, никакому смущению, откуда не прейдем, где не умрем, где не оплакивают покойников и не ожидают наследников. Вот что обещал Он любящим, любовию Святого Духа пламенеющим, а потому и благоволил даровать Духа только по Своем прославлении: да явим в своем теле жизнь, которой теперь не имеем, а ожидаем в воскресении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 7-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

1) *Покровский.* Праздник Кущей. «Воскресное чтение», 1881.

2) Ст. 7. Мысли свт. Феофана. 137.

3) Ст. 14. *Абие в преполовение взыде Иисус в церковь.* «Воскресное чтение», 1802.

4) Ст. 23. *Арсений, митр. Киевский.* О лицемерии и зависти как причинах восстания иудеев против Иисуса Христа и о пагубных следствиях этих пороков.

5) Ст. 24. *Его же.* О том, что значит *не судить на лица, но суд правый,* и о наших судах. 4. 82–86.

6) Ст. 37–38. Духовная жажда. «Воскресное чтение», 1809, 1814, 1821, 1823, 1872.

7) Ст. 37. *Макарий, еп. Тамбовский.* О средствах к утолению духовной жажды. О преимуществах вод благодати Христовой пред целебными естественными водами.

8) Ст. 37. *Илиодор, архиеп. Курский.* О необходимости благодатных даров Духа Святого в нашей жизни.

9) Ст. 38–39. *Св. Кирилл Александрийский.* О ниспослании и даровании верующим Святого Духа. «Воскресное чтение», 1806.

10) Ст. 46. Господь наш Иисус Христос как Учитель. «Христианское чтение», 1852.

11) *Свящ. Д. Соколов* на тот же стих. Сила и действенность слова Христова: *николиже есть тако глаголал человек, якоже Сей.* «Духовная беседа», 1860.

Анализ 8-й главы евангелиста Иоанна. Прощение падшей женщины и речь после сего (ст. 1–59)

Горский. «Евангельская история»

Для постепенного подготовления Своих слушателей Спаситель раскрывает перед ними то одну, то другую сторону Божественной тайны. Указав в шестой главе на значение веры как органа восприятия Бога, Он затем переходит к раскрытию Своего Божественного естества, Своего Мессианского достоинства, спасительного значения Своих страданий и смерти для верующих и, наконец, ясно указывает на Свое предвечное существование словами *прежде нежели был Авраам, Я есмь.*

В начале восьмой главы (ст. 1–11) помещен отдельный рассказ о женщине, взятой в прелюбодеянии. Подобно тому, как и впоследствии иудеи искушали Иисуса вопросом, следует ли платить дань кесарю, и в настоящем случае они намеревались поставить Его в безвыходное положение, чтобы тем погубить Его в глазах народа. Действительно, если бы Он решил, что следует помиловать женщину, то Он нарушил бы прямое постановление закона (Лев. 20:10), а если бы Он решил по закону, то Ему пришлось бы нарушить ту основную черту, которая до сих пор проникала все Его действия — милость и сострадание к грешникам. Враги Его были уверены в Его гибели, потому что положение Его казалось безвыходным, и уже торжествовали внутренне победу. Между тем случилось самое для них неожиданное; не нарушив закона и не изменив Своему обычному милосердию, Иисус их же самих принудил, так сказать, осудить самих себя.

Евангелист описывает, как Иисус, склонившись, писал перстом на земле. Спаситель был, очевидно, до того глубоко возмущен в душе столь внезапно поставленным перед Ним грехом, что Ему было даже неприятно смотреть в лицо вошедшим. Как Сердцеведец, Он вместе с тем хорошо понимал, что обвинителями руководило совсем не чувство отвращения к грешному действию обвиняемой, а собственно греховное желание воспользоваться настоящим случаем, чтобы погубить Его. Их внутреннее сердечное греховное настроение было гораздо хуже того явного греха, в котором они пришли обвинять женщину. Вот почему Христос ограничился

словами: «Кто из вас без греха, тот первый брось на нее камень», — и эти слова поразили их совесть таким тяжелым ударом, что они пришли в совершенное смущение и, ничего не отвечая, один за другим стали уходить.

После рассказа об этом происшествии евангелист опять обращается к изложению дальнейшего учения Спасителя.

Ст. 12. Иисус продолжает сравнениями разъяснять народу Свое значение, называя Себя светом мира. Все употребляемые Им сравнения: хлеб, живая вода, свет мира — имеют переносное духовное значение. Он есть духовная пища для спасения людей, Его слова насыщают алчущих, утоляют жажду ищущих истины, Он освещает мир, показывая ему путь ко спасению.

Но все эти сравнения имеют вместе с тем и применительное образное значение. Речь Его происходила во время праздника Кущей, который совершался в воспоминание странствования иудеев в пустыне. Вот почему и хлеб, и вода, и свет напоминают происшествия, совершившиеся во время этого странствования. Моисей дал иудеям манну, иудеи ели ее и все же умирали, но тот, кто будет питаться хлебом, который даст ему Христос, не умрет вовек. Моисей дал им воду из скалы, но все пившие эту воду, возжаждали опять, те же, которые утолят жажду свою живою водою, даруемою Спасителем, не только не будут сами более жаждать, но будут даже в состоянии утолять жажду других. Во время странствования в пустыне огненный столп освещал народу путь, но его действие было только временное и ограниченное; Иисус же есть свет мира непрестанный, который, как сказано в первой главе Евангелия от Иоанна, просвещает всякого человека, приходящего в мир, и который во время всей жизни человека может служить ему путеводителем. Благодаря этому свету нет более тьмы для сердца верующих людей, если они только устремляют духовный взор на Спасителя (Тернер).

Ст. 13. Фарисеи осмеливаются возражать Ему, что свидетельство Его о Самом Себе потому не есть истинно, что Он Сам о Себе свидетельствует.

Ст. 14–18. «Неправда, — отвечал Господь, — Мое свидетельство может быть истинным даже и в этом случае: потому что кто, кроме Меня, на земле хорошо знает, откуда Я пришел и куда Я иду? Вы тóго не знаете, вы судите обо Мне только по плоти, по наружности, по тому, как видите. Уж лучше бы вам не судить Меня или обо Мне, как и Я не сужу вас. Впрочем, это не значит того, чтобы Я боялся, что суд Мой может быть так же ошибочен, как и ваш. Нет, суд Мой истинен; ибо Я не один сужу, со Мною судит Отец. Если же вы хотите судить Меня, то вам прилично было бы выслушать свидетелей Моих. Закон ваш требует двух или трех свидетелей: Я представляю вам двоих. Первый свидетель Я Сам» (здесь ясно отличается Божественная природа Иисуса, свидетельствующая о том, что совершается чрез посредство человеческой Его природы), «второй — Мой Отец».

Ст. 19. «Где этот Твой Свидетель, – спросили Его, – Отец Твой? «Конечно, вы об этом не спрашивали бы Меня, – отвечал Господь, – если бы вы правильно понимали Меня. Если бы вы имели светлое око духовное, то увидели бы Отца во Мне; но у вас нет этого. И потому вы не знаете ни Меня, ни Отца».

Ст. 20. Он говорил это в самом том храме, которого начальники приказывали схватить Его, однако никто не осмелился захватить Его.

Ст. 21. После этой беседы, – может быть, собираясь снова оставить Иерусалим как небезопасный до известного времени, или, по крайней мере, прощаясь со множеством народа, который начинал уже расходиться с окончанием праздника, и со многими намереваясь говорит в последний раз, Он явился еще в место общего народного собрания во храм (8:59), в день субботы (9:14), и в слух всех повторил прежнюю угрозу: «Смотрите, Я отхожу – вы будете искать Меня, но не найдете, и умрете во грехе вашем» (это грех нераскаянного богоубийства.) «А без Меня не надейтесь и прийти туда, куда Я иду» (к Отцу Небесному).

Ст. 22. Наглые иудеи превращали смысл слов Его: «Разве убьет Он Сам Себя, что мы не можем прийти туда, куда Он пойдет после этого? Уж конечно, тогда за Ним не пойдем – на смерть».

Ст. 23–24. «Нет, не это, – отвечал Спаситель, – а вот что причиною, что вы не можете прийти, куда Я иду. Я от вышних, а вы от нижних. Это расстояние неизмеримо. Еще можно было бы вам иметь доступ и к вышнему – верою; но в вас веры нет. И потому-то Я сказал, что вы умрете во грехе вашем, не придете, куда Я иду».

Ст. 25. «Кто же Ты, называющий Себя от вышних?» – спросили Его иудеи с презрительного насмешкою.

«Я то, что вам говорил о Себе из начала» (в первое посещение Иерусалима в самом храме – назвав сей храм домом Отца Своего; следовательно, Себя Сыном Божиим).

Ст. 26–29. «Но Мне много пришлось бы говорить о вас и судить вас, если бы Я стал говорить о вас все, что думаю и знаю о вас. Оставим это. Истинен Пославший Меня: Он доскажет вам и обо Мне, и о вас самих (чрез Духа, Который, пришедши, обличит о правде и о грехе). Вы узнаете от Него, что Я говорю не от Себя, но говорю то, что Я слышал, что знаю от Него. Скажу еще определеннее: когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я, что Я Тот самый, за Которого Себя объявлял, и что Я ничего не делаю от Себя; но как научил Меня Отец Мой, так и говорю».

Ст. 30. Эта, по-видимому, прощальная беседа на многих доселе нерешительных произвела сильное впечатление. Опасаясь в самом деле потерять Его навсегда, они объявили, что веруют в Него. По всему видно, что их привлекала к Иисусу не вера в истинного Избавителя рода человечес-

кого от грехов, но одна надежда найти в Нем царя сильного, земного. Эта необыкновенность и неустрашимость Иисуса, с какою Он говорил и действовал в самой столице, обольщала их.

Ст. 31–32. Господь, казалось, готов был принять их в число Своих последователей. Только признал за нужное дать им приличное наставление. «Если вы хотите, – говорил Он им, – быть истинными Моими учениками», (Он видел, что здесь не было искреннего желания), «то пребудьте же в слове Моем, то есть слушайтесь Меня, не выходите из пределов Моих наставлений, внутренне, душою вашею соединитесь с словом Моим. И тогда познаете вы истину, потому что слово Мое есть истина: истина освободит вас» (то есть тогда настанет, совершится всецелое избавление, или искупление ваше).

Ст. 33–36. «Как освободит? – спросили Его тогда новообращенные. – «Да разве мы рабы? Мы – семя Авраамово. Мы не были рабами никому и никогда». Слова эти так больно кольнули некоторых, может быть, из зилотов, что они готовы были восстать против Иисуса, в Которого недавно уверовали. «Правда ли то, что вы не были рабами? – отвечал им Господь. – Да всякий творящий грех уже есть раб – раб греха. Так и вы рабы, рабы греха. И от сего-то рабства Я хочу освободить вас. Вы – семя Авраамово, но у Авраама был не один Исаак, но и Измаил, сын рабыни. По настоящему своему состоянию – состоянию рабства – вы не более значите, как и сын Авраамов от рабыни, а этот сын был изгнан из дома отеческого; и вам угрожает то же. Мне не хочется, чтобы и с вами то же случилось. Потому Я как истинный Сын в дому Отца Моего, имея право давать свободу, и предлагаю вам, обещаю вам – дать вам свободу, чтобы вы как свободные, как истинные дети Авраамовы и Божии могли оставаться всегда в дому Отца Моего».

Ст. 37–38. Замечая усиливающееся исступление, Он продолжал: «Вы называете себя семенем Авраамовым, но посмотрите, такие ли в вас расположения, какие в Аврааме? Сын обыкновенно носит на себе отпечаток отца. Во Мне в Моих словах и действиях можно узнать Моего Отца. Но в ваших словах, намерениях и действиях можно ли найти отца? Я говорю вам слова Отца; но слово Мое в вас не вмещается; вы готовы убить Меня: это не показывает ли, что ваши расположения происходят совершенно из иного источника, нежели слова Мои? Не показывает ли в вас детей иного отца?»

Ст. 39–40. «Да как же, – возразили Ему иудеи, – отец наш Авраам». «Если бы действительно, – отвечал им Господь, – вы были дети Авраамовы, то есть не по плоти только, то и дела Авраамовы делали бы. Но вы ищете убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога. Авраам так не делал. Отсюда видно, что дела ваши показывают в вас детей иного отца».

Ст. 41. Иудеи увидели, что Господь говорит не о плотском происхождении от Авраама. «Хорошо. Однако и духовное наше рождение ничем не запятнано. По вере в Бога мы происходим от Бога, мы не от любодеяния рождены».

Ст. 42–45. «Нет, — сказал Господь. — Нельзя сказать, чтобы отец ваш был Бог. Если бы вы были дети Его, то вы любили бы Меня, понимали бы язык Мой — по крайней мере, могли бы охотно слушать слова Мои; потому что Я происхожу от того же Отца. Но в вас этого нет. А так как вы оказываете сопротивление истине, не ненамеренное только, но и намеренное, то это состояние вашего духа обличает в вас детей противника истины, диавола, который в истине не стоит. Ваши убийственные замыслы против Меня служат новым доказательством вашего происхождения от него: он человекоубийца от начала».

Ст. 46–47. «Итак, одно из двух: или Я не говорю истины — но кто обличит Меня в неправде? — или вы не от Бога. Иначе бы мы понимали друг друга».

Ст. 48. На такой ясный вывод иудеи ничем не могли более отвечать, кроме ругательств. «Самарянин Ты (еретик Ты), бес в Тебе!»

Ст. 49–50. «Нет, беса во Мне нет, — кротко возразил Господь. — А в вашем отзыве только открывается новое доказательство того, что вы не от Бога. Я чту Бога, а вы не хотите воздать чести, но еще наносите бесчестие Тому, Кто чтит Бога. Впрочем, Я не ищу с вас Своего бесчестия. За Меня есть Кому искать и судить вас».

Ст. 51. И Господь оставил тон обличения, а стал говорить им о великом обетовании блаженного бессмертия всякому, кто будет сохранять слово Его, которое принял от Него с верою (ст. 31). «Кто сохранит слово Мое, — сказал Он, обращаясь к началу Своей беседы с новоуверовавшими, — тот не вкусит смерти вовек».

Ст. 52–53. Но раздраженные против Него, по-видимому, еще менее могли принимать такие слова: «Теперь-то узнали мы, что бес в Тебе. Авраам умер, пророки умерли, а Ты не только Самому Себе готов приписать бессмертие, но и всякому, кто сохранит слово Твое. Чем Ты Себя делаешь?»

Ст. 54–55. С Божественным величием Иисус отвечал: «Я не выдаю Себя за то, что Я не есмь, но Я не могу отречься от того, что Я есмь. Я не присвояю Себе никакой славы, но слава Моя от Отца — от Того Самого, Которого вы называете Своим Богом. Но и если бы Я поставил Себя в отношении к Нему с вами наравне, то был бы противник истине, как и вы».

Ст. 56. «Итак, могу Я сказать, что (не только выше Я пророков и самого Авраама, но) Авраам, которого вы называете отцом своим, рад был видеть день Мой (времена Мои). И прибавлю: он видел день Мой (видел то, чего так сильно желали видеть и другие святые мужи, и не видали), и возрадовался».

Ст. 57. В упорстве неверия, с насмешкою отвергая эти слова о радости Авраама видеть день Христов, они готовы были сказать Ему: «Разве бы Ты Сам рад был видеть Авраама? Но где и Тебе видеть его, когда Тебе нет еще пятидесяти лет!»

Ст. 58–59. На эти слова злобы и хуления Сын Божий отвечал: «Я есмь прежде, чем Авраам был» – и, ожесточенные в своем неверии, мнимые Его последователи подняли было камни, чтобы побить Его как богохульника; но Он прошел среди них невредимо.

Иже есть без греха в вас, первый верзи камень на ню (Ин. 8:7)

«Воскресное чтение», 1823

Тогда как книжники и фарисеи, прикрываясь праведностью от закона, горделиво отталкивали от общества верующих мытарей и грешников и не только, *затворяли* пред ними *Царствие Небесное* (Мф. 23:13), но и при первом удобном случае готовы были обрушить на них тяжесть закона, *Пришедший призвати не праведныя, но грешныя на покаяние* с заботливостию доброго пастыря, оставляющего на горах девяносто девять овец и ищущего единой заблудшей, кротостию и Божественным снисхождением к грешникам старался пробудить в них чувство покаяния, отвратить их от пути погибельного и поставить на путь добродетели. Так поступил Он, когда фарисеи привели к Нему грешницу и *глаголаша Ему: Учителю, сия жена ята есть ныне в прелюбодеянии, в законе же нам Моисей повеле таковыя камением побивати. Ты же что глаголеши? Сие же реша искушающе Его* (Ин. 8: 4–5). Лукавые совопросники знали, то есть, милосердие Спасителя к грешникам, еще не совсем погрязшим в глубине беззакония, и думали, что Он даст им наилучший повод к всенародному обвинению Его в нарушении закона Моисеева.

Иисус Христос сначала ничего не отвечал им, и только, *долу преклонься перстом писаше на земли, не слагая им:* молчание, исполненное Божественной мудрости и снисходительности к самим обвинителям! Чрез него Спаситель хотел дать им время оглянуться на самих себя и размыслить, чего и по каким побуждениям они так настоятельно требовали от Него. Но фарисеи не уразумели сего знаменательного молчания и только *прилежаху вопрошающе Его.* Тогда Христос поразил громовым ответом: *Иже есть без грехов в вас, первый верзи камень на ню. Они же*, говорит евангелист, *совестию обличаемы, исхождаху един по единому, наченше от старец до последних, и оста един Иисус и жена посреде сущи. Восклонься же Иисус, рече: Ни кий же ли тебе осуди? Она же рече: никтоже, Господи: рече же ей Иисус: ни Аз тебе осуждаю, иди и отселе ктому не согрешай.* Так Божественною мудростию и снисхождением Своим Иисус Христос не только спас жизнь несчастной женщине и

указал ей на отверстый еще для нее путь покаяния, но и фарисеям не подал повода обличить Его в ослаблении силы закона.

Слова Иисуса Христа к фарисеям – *иже есть без греха в вас, первый верзи камень на ню* – должны обратить на себя особенное внимание всякого христианина, потому что они могут иметь обширное приложение в жизни его и не должны быть понимаемы без ограничения: иначе порок найдет в них орудие к отстранению от себя всякого обличения и наказания. Они совсем не значат того, что человек грешный не имеет права наказывать другого, грешного же; потому что правитель в государстве, судья в суде, отец в семействе, начальник в кругу подчиненных, господин в доме могут и должны наказывать подчиненных своих за проступки, хотя сами они тоже не изъяты от греха; только никому из христиан, в общественной ли то, частной ли жизни, не должно делать этого с внутренним превозношением, с целью выказать свою праведность, отличиться ревностью в глазах других, с оным фарисейским: *несмь якоже прочии человецы* (Лк. 18:11), тем менее делать без всякой снисходительности, с каким-то самоуслаждением и неистовою радостью.

Сии-то недостатки, между прочим, провидел Спаситель и в ревности фарисеев к наказанию преступной жены. Они хотели, независимо от главной цели своей, злого умысла против Спасителя, выказать еще себя пред народом, в противоположность Ему (по их понятиям, другу мытарей и грешников), ревнителями закона; и хотя, может быть, были преступнее ее, однако чрез наказание грешницы желали явить в себе строгих блюстителей чистоты. Посрамив Божественною мудростию тайный умысел их против Себя, Спаситель хотел вместе с тем воспрепятствовать и самому лукавому способу совершить неправо дело правды и сказал: *иже есть в вас без греха, первый верзи камень на ню;* слова, которые, напоминая им собственную греховность их, наилучшим образом вели к подавлению в них лукавого желания отличиться своею нравственностью в глазах народа. Собственно, как верховный Законодатель Спаситель имел власть смягчить строгость закона; но поняли ли бы и, главное, признали бы ее лукавые совопросники? Поэтому Он утаил в Себе это высокое достоинство и только простым и мудрым ответом, намекавшим на лукавое побуждение их к наказанию преступницы, связал у них, так сказать, руки и заставил их отступить от своего намерения.

Итак, сознание собственной греховности не отнимает права наказывать проступки других ни у кого из *Божиих слуг, носящих*, по выражению апостола, *меч в отмщение злое творящим* (Рим. 13:4); но только это сознание должно устранять всякую ложную, чрезмерную ревность к наказанию виновных, происходящую от самомнения ли, или же из духовной гордости, ставящей себя превыше наказываемого, или же из других, еще худших,

побуждений; потому что, как бы благовидною ни казалась эта ревность, она ложна во многих отношениях.

Проступки ближнего ни в каком случае и никому не дают повода ставить себя выше согрешившего по той причине, что всегда остается еще недознанным и неизвестным, действительно ли он на самом деле виновнее преследующего грех. Положим, в сем последнем нет или по крайней мере незаметно грубых и, так сказать, осязательных преступлений; зато, быть может, есть, и есть немало пороков внутренних, тонких, духовных. Один из таких чисто духовных грехов, как, например, кичливое самомнение, противление Духу Святому и истине, неблагодарность к Богу, ненависть и т.д. не тяжелее ли на весах правды Божией всякого плотского, чувственного греха? Диаволы, как известно, не совершают грубых чувственных грехов; тем не менее они грешнее всякого грешника.

Еще безответнее пред Богом та ревность к наказанию согрешившего собрата, пружиною которой служит мнение (иногда едва заметное для нас самих) о своей самоправедности или о том, что не помощи Божией, но своим силам и собственной непоколебимости в добре, мы обязаны тем, что изъяты от грехов, которые потому не терпим и преследуем в других: *несмь якоже прочии человецы!* Этим нравственным тщеславием водились и фарисеи, крепко почивавшие на своей праведности и потому с таким довольством уловившие грешницу и с таким рвением представившие ее на осуждение; тщеславие жалкое! *Ибо, что имаши, егоже неси приял? Аще же приял еси, что хвалишися, яко не прием?* (1 Кор. 4:7.) Ты чувствуешь себя (если только точно чувствуешь) свободным от грехов, которые так поражают тебя в ближнем твоем, и вследствие сего преследуешь их? Но думаешь ли, что ты не ниспал бы до тех же самых грехов, если бы помощь Божия оставила тебя?.. На какой высоте праведности стоял Давид и как стремительно и глубоко ниспал потом, вдруг! Блаженный Августин справедливо замечает, что «нет ни одного греха в ближнем нашем такого, которого не мог бы сделать и всякий другой человек, если отступит от него Правитель, Который сотворил его». Это-то, между прочим, налагает обязанность, например, на посвятивших себя чистоте и девству, при виде беспорядочной жизни ближнего никогда не отзываться о нем с каким-нибудь горделивым отвращением или горечью, в основе которых всегда скрывается мысль, что сами они себя считают неспособными ниспасть до той же степени; далее, на характеры мирные и спокойные, не судить строго о раздражительных и гневливых; на людей, проводящих жизнь в молитве и воздержании, не отзываться с пренебрежением о людях невоздержных и ведущих жизнь светскую, рассеянную; потому что если есть различие в поступках тех или других лиц, то оно происходит не из заслуги первых, не из их нравственной непоколебимости, но есть дар благодати Божией.

Бывают, наконец, случаи, когда ревность к наказанию согрешившего собрата принимает вид какого-то неистового довольства и в сущности своей есть не иное что, как ненависть к нему: состояние, ничем не извиняемое. Ибо, пока человек жив, для него всегда существует возможность раскаяться, и самая любовь христианская требует не отнимать у него ни времени, ни способов к сему, как подтвердил сие высоким примером Своим Спаситель в деле грешницы, приведенной на суд к Нему. Посему-то некоторые христианские правители, проникнутые духом своей любви, стараются употреблять наказания, более исправительные, с целью обратить и вразумить согрешившего; потому что настоящая жизнь вообще не есть время окончательных расчетов и наказаний. Если уже безопасность общественная неотложно требует каких-либо крайних мер, то с каким болезненным чувством, неохотою решаются они на это!

Вообще, слова Иисуса Христа: *иже есть без греха в вас, первый верзи камень на ню,* должны иметь обширное приложение как в частной, так и в общественной жизни христианина и смирять в нем всякую горечь, досаду и стремительность к осуждению или наказанию согрешившего собрата. Нас раздражают и восставляют против себя чужие проступки и грехи. Для нас оскорбительны и невыносимы несправедливые отзывы и речи других о нас?.. Но будем справедливы и размыслим прежде всего, нет ли в нас тех же самых или им подобных грехов и не суть ли эти проступки ближних наших и эти несправедливые отзывы о нас тайное, но справедливое возмездие за подобные же мнения и поступки наши? Если только совесть сколько-нибудь зазирает нам в сем, то, вместо того чтобы повергать на согрешившего собрата камень осуждения, повторим для себя в тайне сердец наших слова Спасителя: *иже есть без греха в вас, первый верзи камень на ню!*

О неосуждении грешницы (Ин. 8:11)

Прот. Базаров. «Странник», 1880

И Я не осуждаю тебя. Но здесь мы с трепетом и изумлением спрашиваем самих себя: что же значит это слово: не осуждаю? Не есть ли это подрыв нравственности, когда на явный грех произносится такой оправдательный приговор, и притом из уст воплощенной Правды? Мы бы еще смиренно поняли силу любви Божией, если бы из уст Спасителя произнесено было при этом случае слово прощения. Мы вспомнили бы при этом, как Иисус Христос при другом случае сказал, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи (Мк. 11:10). Но здесь прямо и ясно сказано: «И Я тебя не осуждаю!» И какое странное сопоставление в устах Небесного Учителя Себя с коварными книжниками: они тебя не осудили, и Я тебя не осуждаю!

Но это только ответ на хитросплетенную задачу. Возражение состояло в том: Моисей повелел в законе побивать камнями преступницу, поймак-

ную на самом деле; но с водворением римского владычества в Палестине право смертной казни было отнято у иудеев. Теперь Иисус Христос должен был по настоянию книжников решить вопрос: кого они должны были более слушаться — Моисея как их народного законодателя или римского императора, их завоевателя и притеснителя? Этот хитросплетенный вопрос был разрешен Иисусом Христом не по форме, но по существу. Он обращен был Им в вопрос совести, и тогда только, как вопрошатели, не выдержав этого испытания, удалились, оставив одну женщину пред Иисусом Христом, Он снова поднимает вопрос по форме и, спросив наперед: где твои обвинители? — прибавляет: никто не осудил тебя? — разумея при этом назначенную в законе казнь. Тогда и Я не осуждаю тебя на эту казнь.

Между тем собственно суд над преступницей еще не был окончен. Она и после этих слов еще стояла перед Судьею, пока Он не произнес Свое «поди!» Это в судебной практике называется освобождением обвиняемого, оправдательным приговором. Но в устах Праведного Судии этот отпуск на свободу не ограничился одним только объявлением оправдания, но весьма важным определением всего поведения виновной. «Поди — и впредь не греши!» В этих последних словах выражена вся суть морали и настоящая цель закона. Грех как падение бывает часто случайностью, в которой воля запутывается окружающими ее обстоятельствами. Нарушение закона в таком случае, даже при известности ожидаемой за то кары, совершается помимо ясного сознания самого дела, и только после совершившегося факта человек становится в безвыходное положение, в котором он сознает свою вину и не видит более возможности поправить дело, сделать совершенный поступок несоделанным. Если бы в такую минуту не последовало помощи свыше, грешнику не оставалось бы ничего, кроме отчаяния. Нередко иной потому только и повергается в бездну зла и порока, что он пропустил ту благоприятную минуту, когда помощь свыше готова еще была удержать его на краю погибели. Услышать всепрощение среди мятежного сознания своей виновности значит то же самое, что среди агонии смерти быть воззванным снова к жизни. И в том, и в другом случае нужна Божественная сила, пред которою одинаково склоняются как законы физические, так и нравственные. Что легче: сказать ли расслабленному «прощаются тебе грехи»? или сказать «встань, возьми одр твой и ходи» (Мк. 11:9). Для этого действительно нужна Божеская сила, и один только Бог мог сказать: «Если будут грехи ваши, как багряница, то сделаются белыми, как снег; если будут красны, как пурпур, сделаются, как белая волна» (Исх. 1:18). Но такому изменению нравственного состояния должно предшествовать со стороны человека раскаяние. «Покайтесь!» — было первым словом проповеди Спасителя на земле. В истории грешницы пред судом Христовым мы не видим этого самоосуждения с ее стороны, за ко-

торым последовало милосердое разрешение от греха в слове «поди!» Но для раскаяния как вопля души о помиловании не нужно слов, как для усиленной молитвы не требуется воплей. Когда израильтяне находились на берегу моря, а сзади их наступал фараон со своим войском, готовый потопить их в морской бездне, Моисей не произнес ни одного отчаянного вопля ко Господу о помощи, однако Бог говорит ему: «Что ты вопиешь ко Мне»? (Исх. 14.) Не есть ли это доказательство, что вопли души без слов и звуков слышнее Богу, чем все те «многоглаголания» людей, думающих, что во многоглаголании-то своем они и будут услышаны (Мф. 6:7). Женщина-грешница также стояла молча пред Иисусом. Но что происходило в душе ее в те две торжественные минуты молчания, когда Он, наклонившись, писал перстом на земле, об этом может знать только Бог да ее совесть. Разбойник на кресте произнес по крайней мере одно слово покаянной веры, но, конечно, одно слово не спасло бы его, если бы этому слову не предшествовало в душе его целое море раскаяния. Как относительно коротко, даже мгновенно бывает раскаяние за целую жизнь, не один из нас испытал на себе, находясь в опасности лишиться жизни. Здесь в одно мгновение пролетает в нашем сознании целый ряд жизненных событий, и мы делаемся мгновенно другими, отвергая от себя все, пройденное греховно, и облекаясь в нового человека. Так бывает и с каждым возрожденным благодатию.

Великое слово «Поди и впредь не греши!» дает нам ясное и полное понятие о целом домостроительстве нашего спасения. Когда Спаситель наш испуская последний вздох на кресте, произнес Свое: «Совершилось!», Он сказал нам этим то же: «Поди и впредь не греши!» В мире нравственном, видимо, есть такие же законы бытия, как и в природе вещественной. Как здесь мастер починяет попортившуюся вещь и отдает ее на прежнее употребление, как искусный лекарь поправляет испорченное здоровье и дает наставления своему выздоровевшему пациенту — наставление беречься впредь от всего, могущего повредить его здоровью, — так и Бог, Своею мощною силою восстановляя нашу нравственность, говорит нам: «Поди и впредь не греши!» На кресте в торжественную минуту нашего полного искупления совершилось великое дело нашего возрождения, и затем настала новая жизнь, новое Царство Божие на земле. Казалось бы, что теперь нет более опасности человеку заблуждаться снова своим разумом до впадения в первое искушение — в покушение быть самому Богом. Но, к сожалению и скорби, человек и возрожденный остался со своим эгоизмом, так охотно уступающим влечению страстей. Правда, в верующем, пока он не отпадает снова от Бога, живет одна мысль смиренного сознания, выражающаяся в словах молитвы: «Господи, аще и согреших, но не отступих от Тебе!» Но искушения, но заблуждения, но увлечения остаются сильными побуждениями воли, падающей на каждом шагу.

Здесь недостаточно одной борьбы, которая во всяком случае бывает утомительна. Здесь нужно лечение. Это лечение нам преподано в таинстве покаяния. Здесь снимаются с нас и бремя самого греха, и страх ответственности за грех. Но сила и этого спасительного учреждения лежит в тех же словах Спасителя к женщине-грешнице: «Поди и впредь не греши!»

Аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки (Ин. 8:51)

«Воскресное чтение», 1824

Смерть бывает различных родов: когда надежды нас обманывают, когда наши планы разрушаются и не исполняются любимейшие желания, когда вместо радостей и мира удел наш составляют скорби и страдания; тогда земная жизнь представляется нам пространным гробом, в котором нет ни света, ни теплоты для души нашей. Но кто познал Бога во Христе и соблюдает слово Его, для того нет такой смерти. Он верит и потому любит, любит и потому надеется, надеется и потому терпит и смиряется. Мысль о всеблагом Создателе услаждает и побеждает всякую скорбь; я думал так, говорит он, но Ты, Отец Небесный, знаешь лучше, что для меня хорошо; и потому вознесусь я сердцем над страданиями земными и устремлю взоры свои в страну вечного мира.

Когда свет веры, а с ним свет истины погасает в нас, когда заблуждение распространяет над нами свой мрак и мы не знаем, откуда мы, для чего и куда ведет наш путь, тогда все мрачно вокруг нас; смертная тьма повсюду, и нет отрадной звезды, которая освещала бы путь нашей жизни. Но кто проникнут учением Иисуса Христа, для того нет подобной смерти. Тот знает, откуда исшел и для чего живет, — знает, где его высочайшая цель и куда постоянно должен идти человек. И чем далее идет он по пути спасения, тем светлее и отраднее делается для него все в мире. *Господь светильник путям его и свет стезям его.* На Него он надеется и в Нем обретает истину и счастие.

Когда мы не любим добродетели и слушаем закона Божия, когда мы подавляем движения нашей совести и заглушаем ее голос, когда мы погрязаем во грехе и стремимся в бездну погибели, это самая ужасная смерть совести, потому что разъединяет нас с Богом и ведет к вечной смерти. Кто познал Бога во Христе и живо проникнут этим познанием, для того нет этой смерти. Он помнит слово Господне: *приидите ко Мне, вси труждающиеся, и Аз упокою вы,* и священное таинство покаяния служит для него неиссякаемым источником Божественного милосердия, в котором он может снова обрести часть в заслугах Искупителя. Ибо всем дарован Сын, дабы все в Сыне обрели Отца, а в Отце вечное спасение.

Есть, наконец, смерть телесная, когда наш день склонится к вечеру. Тогда улетят суетные радости мира и откроется мрачная темница гроба, в

котором истлеет телесная природа наша. Но кто познал Бога во Христе, для того эта смерть не есть смерть, а переход к жизни лучшей; освобождение от тех оков, которые связывают дух его, возвращение в дом отеческий и начало совершенства, которое должно быть единственною целью нашей жизни. *Аз живу,* сказал Воскресший, и *вы живи будете.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 8-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

1) Мысли *епископа Феофана* на ст. 12; на ст. 24; на ст. 25; на ст. 45; на ст. 59.

2) Ст. 12. *Филарет, архиеп. Черниговский.* О влиянии христианского учения на благосостояние государств.

3) Духовная гордость. «Христианское чтение», 1824.

4) Ст. 31–32. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* О значении и сущности истинной свободы.

5) Ст. 36. *Филарет, архиеп. Черниговский.* О христианской свободе.

6) Ст. 44. *Еп. Никодим.* О диаволе. «Воскресное чтение», 1821.

7) Ст. 46. *С.И.П.* Безгрешность Господа Иисуса Христа как доказательство Его Богочеловеческой природы. «Душеполезное чтение», 1878.

8) Ст. 56. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О провидении Авраамом воскресения Господня. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.

9) *И. Корсунский.* Новозаветное толкование Ветхого Завета. Авраам по новозаветному толкованию. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1880.

10) Ст. 45–59. *Св. Григорий Двоеслов.* О достоинстве и личной высокости Иисуса Христа. Беседы на Евангелие в рус. перев. архим. Климента. Кн. 1.

Исцеление слепорожденного (Ин. 9: 1–41)

«Руководство для сельского пастыря», 1868

На третьем году Своего общественного служения Господь Иисус Христос в один из субботних дней, проходя подле здания храма, где обыкновенно сидели увечные разного рода и просили милостыни, увидел человека слепого от рождения: *и мимо идый виде человека слепа от рождества* (ст. 1). Особенное внимание, с каким, вероятно, Спаситель посмотрел на слепца, заняло учеников Его, и они спросили: *Равви! Кто согреши, сей ли, или родители его, яко слеп родися?* (ст. 2). В своем вопросе ученики замечают, что сидевший пред ними слепец слепым и родился: это они могли узнать или из возгласов слепца, или же от кого-нибудь стороннего. Дилемма, заключавшаяся в вопросе их, предполагает, что они считали то и другое свое предположение возможным. Они были, во-первых, совершенно вправе почесть слепоту этого человека наказанием за грехи его родителей. В книге Исход (20:5, ср. Втор. 5:9; Иер. 32:18) они читали, что Бог наказывает детей за грехи родителей до третьего и четвертого рода, а на основании строгого иудейского учения о возмездии они также уверены были, что всякое зем-

ное несчастие, всякое зло, постигающее человека, имеет последнее свое основание в грехе, будет ли это собственный его грех или чужой. В основании этого учения лежит глубокая истина. В семействе господствует внутреннейшее, духовное общение добра и зла; счастие или несчастие, как мы нередко видим в жизни, переходит от родителей к детям. Но как же, во-вторых, ученики могли почесть слепоту этого человека следствием его собственных грехов, когда, по их же словам, он слепым родился? Вопрос этот решают различным образом. Основательнее других думают те, которые толкуют, что ученики при вопросе своем имели в виду Божественное предведение будущих грехов этого человека и сообразно с этим предварение (anticipatio) наказания его. У них при этом могла предноситься в уме история Исава, над которым отяготел уже приговор, когда он находился еще в матерней утробе (Быт. 25:23), хотя Исав уже впоследствии презрением права первородства и продажею его совершил грех, за который объявлено наказание (ср. Рим. 9:11 и 9). Бог предвидит злое как свободное действие человека, не желая, конечно, совершения его, и так как всякое земное наказание заключает в себе и возмездие, и переход к освобождению от него, то Он и посылает наказание прежде греха, чтобы ослабить грех в его совершении и тем сильнее возбудить чувство раскаяния.

Иисус Христос отрицает обе указанные в вопросе причины слепоты: причина эта, говорит Он, не заключается ни в собственных грехах слепого, ни в грехах его родителей. К словам *ни сей согреши, ни родителя его* нужно, следовательно, присовокупить «что он ради этого родился слепым»; потому что Спаситель здесь говорит, конечно, не о совершенной безгрешности слепого и его родителей. Не входя в исследование причины, Иисус Христос указывает цель слепоты этого человека, именно, показать Его Божественную спасительную силу. Ученики должны только иметь в виду это предназначение, которое Он тотчас исполнит, и вопрос о причине слепоты разрешится сам собою. *Да явятся дела Божия на нем* (ст. 3). Иисус Христос хотел этим сказать не то, что этот человек родился слепым единственно для той цели, чтобы на нем явились дела Божии, но что это несчастие, это зло как уже существующее должно теперь по воле Божией служить к тому, чтобы в нем через Христа открылся, явил Свою силу Бог. Следовательно, не исключается, что это зло могло служить и для других целей. Дела Божии — это дела, совершенные Богом чрез Христа, и в этом случае — чудесное исцеление слепорожденного.

В виду Своего близкого отшествия из мира Иисус Христос говорит: *Мне подобает делати дела Пославшего Мя, дондеже день есть: приидет нощь, егда никтоже может делати* (ст. 4). Спаситель сравнивает здесь продолжение Своей земной деятельности со днем, временем труда для людей, а смерть Свою с ночью, временем покоя, и хочет сказать: «Мне нужно пользовать-

ся всяким представляющимся случаем для совершения порученных Мне Богом дел и для засвидетельствования, что Я посланник Божий». Может быть, Он также хотел наперед оправдать этим и то, что предпринимает исцеление в субботу. *Егда в мире есмь*, то есть находясь в мире, *свет есмь миру* (ст. 5). Иисус Христос называет здесь Себя *светом миру*, имея в виду предстоящее исцеление слепорожденного. Этим предварительным замечанием Он хочет поставить Своих слушателей на надлежащую точку зрения, с которой они должны смотреть на имевшее последовать чудо. Чудеса Господа имели своею целью не только засвидетельствовать Его Божественное посланничество, но и вместе с тем служить внешними символами Его внутренней духовной деятельности и как бы объяснением Его учения. Христос учил, что Он есть духовный свет миру (8:18), и внешним образом засвидетельствовал это тем, что возвращал физическое зрение телесно слепым. Он сказал: «Отпускаются твои грехи» (Мф. 9:2) и, чтобы показать, что Он имеет власть очищать и от духовной проказы греха, сказал прокаженному телесно: «Хочу, очистись» (Мф. 8:3). Он называл Себя в духовном смысле жизнию и воскресением (11:25) — и воскресил из гроба умершего Лазаря (11:43 и далее); Он называл Себя хлебом жизни (6:32) — и насытил тысячи несколькими хлебами (6:11 и далее).

Сия рек, плюну на землю, и сотвори брение от плюновения и помаза очи брением слепому. И рече ему: иди, умыйся в купели Силоамсте, еже сказается: послан. Иде убо, и умыся, и прииде видя (ст. 6–7). Еврейское имя Силоам евангелист переводит словом *посланный* и находит в этом названии купели преобразовательное значение, но не в отношении к Мессии как посланнику Божию, а в отношении к слепому, который был послан в купель; данное прежде название этой купели, по мнению евангелиста, было пророчеством на посольство слепого к этой купели и на совершившееся чудо. Силоамский источник на южной стороне храмовой горы вытекал из известковых скал и, по свидетельству Иосифа Флавия, в долине образовал собою водоем, купель, место для купания, названное Силоам (Неем. 3:15). Спаситель здесь, как нередко и в других случаях, употребил внешний знак или средство для обнаружения Своей чудотворящей силы. Помазание очей брением из плюновения и вода были физическими знаками, посредством которых Он передал и сообщил слепому чудотворную силу, так же как и в Церкви Христовой сообщение Его благодати происходит посредством внешних знаков. Господь употребил здесь эти внешние средства главным образом, без сомнения, для того, чтобы возбудить доверие в слепом и таким образом приготовить его к вере.

Далее евангелист повествует, какое впечатление произвело это исцеление. Наглядность изображения приводит к предположению, что святой Иоанн весь ход происшествия узнал из уст самого исцеленного. *Соседи же и иже бяху видели его прежде, яко слеп бы, глаголаху: не сей ли есть седяй и просяй?*

Итак, как мнения разделились, *овии глаголаху, яко сей есть, инии же глаголаху, яко подобен ему есть*, то исцеленный сам открыто объявляет: *аз есмь*. И, будучи спрошен: *како ти отверзостеся очи?* – он вкратце рассказывает ход дела: *человек нарицаемый Иисус брение сотвори и помаза очи мои, и рече ми: иди в купель Силоамлю, и умыйся! Шед же и умывся, прозрех* (ст. 11). Судя по тому, как исцеленный говорит здесь об Иисусе Христе, очевидно, что молва о Нем как о Мессии еще не достигла до него. Нельзя с точностью определить, по каким побуждениям соседи и знакомые исцеленного привели его к фарисеям, были ли у них какие-нибудь злобные намерения или они просто хотели узнать мнение начальства касательно такого небывалого явления. Формальность дальнейшего расследования показывает, что оно происходило перед судом. Замечание евангелиста (ст. 14), что исцеление произошло в субботу, сделано им не для того, чтобы представить основание, почему соседи и знакомые исцеленного привели его к фарисеям, но потому, что это обстоятельство некоторыми из фарисеев (ст. 16) выставлено было, чтобы подорвать значение чуда. *Паки же вопрошаху его и фарисее, како прозре?* (ст. 15). *Паки*, именно после вопросов соседей (ст. 10) фарисеи возобновили этот вопрос, так как надеялись, что исцеленный будет говорить согласно их желаниям. Но он остается при прежнем ответе и говорит: *Брение положи мне на очи, и умыхся, и вижду.* Как правдолюбивый человек, он точно говорит только то, что сам он чувствовал; поэтому он и не упоминает о плюновении. *Глаголаху убо от фарисей нецыи: несть Сей от Бога человек, яко субботу не хранит: овии глаголаху: како может человек грешен сицева знамения творити?* –*И распря бе в них* (ст. 16). Многие из фарисеев в своей мелочности доходили до того, что считали непозволительным в субботу мазать слепому глазные веки, хотя это и считалось полезным для больных глаз. Подобного рода законники были и здесь. Другие, напротив, справедливо заключали: если Иисус действительно нарушил субботу, то Он грешник; если же Он грешник, то у Него не было бы Божественной помощи, необходимой для совершения чуда. Но Он совершил чудо, следовательно, и т.д. И так как мнения судей были различны, то для них важно было узнать собственное мнение исцеленного. Поэтому они обращаются к нему с вопросом: *Ты что глаголеши о Нем, яко отверзе очи твои? Он же рече, яко пророк есть* (ст. 17).

Поелику же исцеленный не обинуясь объявил Иисуса Христа пророком, то иудеи, то есть те из фарисеев, которые больше всего были враждебны к Иисусу, вообразили себе, что исцеленный согласился с Иисусом распространять ложное, по их мнению, чудо, и приказали позвать родителей исцеленного: *не яша убо веры Иудее о нем, яко слеп бе и прозре, дондеже возгласиша родителей того прозревшего* (ст. 18). Из слова *дондеже* не следует, что после они поверили; напротив, из того, что они и после оставались так же враждебны, видно, что они не верили, чтобы исцеленный был слеп от рождения.

И вопросиша их (родителей), *глаголюще: сей ли есть сын ваш, егоже вы глаголете, яко слеп родися? Тако убо ныне видит?* (ст. 19). Вопрос, предложенный родителям исцеленного, был, собственно, трoякий: ваш ли это сын? Слепым ли он, как вы утверждаете, родился? Как он прозрел? Родители отвечают на оба первые вопроса: *Вемы, яко сей есть сын наш и яко слеп родися.* За ответом же на третий вопрос они предлагают обратиться к своему сыну, который уже сам возрастен и лучше всего может ответить на их вопрос: *како же ныне видит, не вемы, или Кто отверзе ему очи, мы не вемы: сам возраст имать, самого вопросите, сам о себе, да глаголет* (ст. 21). К этому евангелист присоединяет замечание: *сия рекоша родителя его, яко бояшася Жидов. Уже бо бяху сложилися Жидове, да аще кто Его исповесть Христа, отлучен от сонмища будет. Сего ради родителя его рекоша, яко возраст имать, самого вопросите* (ст. 22–23). Слова, с которыми иудеи обратились снова к исцеленному, *даждь славу Богу,* составляли клятвенную формулу (Иис. Нав. 4: 7, 19. 2 Ездр. 9:8). Богу воздается слава и честь, когда в данном случае Его единого признают непогрешимым Судьею. Но в устах иудеев эта формула была совершенным лицемерием: они хотели показать, что они первее и главнее всего заботятся о славе Божией. Говоря далее: мы (со своей стороны) *вемы, яко Человек Сей грешен есть,* – они влагают исцеленному в уста ответ, какой желали бы они слышать от него. Они хотят, чтобы он признал, что Иисус не совершил чуда, так как Он, будучи грешным человеком, и не мог совершить его. Со своей стороны они давно уже составили свое суждение об Иисусе и теперь стараются только своим авторитетом ободрить исцеленного. Но он отвечает им: *Аще грешен есть, не вем; едино вем, яко слеп бех, ныне же вижу* (ст. 25). Таков был ответ этого прямого, здравомыслящего человека, который твердо стоял в том, что знал. С благоразумною сдержанностью он рассказывает о случившемся, но не решается произносить суждение об Иисусе.

Не достигши своей цели довести исцеленного до отрицания чуда, иудеи, чтобы запутать его, возвращаются снова (ст. 15) к вопросу о том, как произошло исцеление. Они спрашивают его: *Что сотвори тебе? Како отверзе очи твои?* (ст. 26). Исцеленный отвечает: *Рекох вам уже, и не слышасте,* то есть не поверили; *что паки хощете слышати? Еда и вы ученицы Его хощете быти?* Ответ этот совершенно психологический. Когда простой необразованный человек замечает, что к нему пристают с хитрыми насмешливыми вопросами о таких предметах, в которых он вполне убежден, и приступают только для того, чтобы запутать его, тогда он становится строптив, груб и язвителен.

Простодушная смелость необразованного человека в отношении к высокообразованным людям воспламенила ярость фарисеев. Его слова: *Еда и вы ученицы Его хощете быти?* – они возвращают ему назад: *Ты ученик еси Того,* с оттенком презрения в последнем слове. Осмеянные фарисеи дума-

ли, что этими словами они бранят исцеленного и в слепоте своей не видели, что говорят ему самую лучшую похвалу. С гордостью они присовокупляют: *Мы же Моисеови есмы ученицы. Мы вемы, яко Моисеови глагола Бог* (и поэтому мы его ученики); *Сего же не вемы, откуда есть*, то есть кем Он послан.

Страстное увлечение судей делает исцеленного теперь еще смелее в своем исповедании. Он говорит: *О семь бо* (при этом-то) дивно *есть, яко вы не весте, откуду есть, и отверзе очи мои.* Вы — ученые люди и должны бы это знать. *Вѣм же* (то есть общеизвестная истина), *яко грешники Бог не послушает; но аще кто Богочтец есть и волю Его творит, того послушает. От века несть слышано, яко кто отверзе очи слепу рожденному: аще не бы Сей от Бога, не могл бы творити ничесоже* (то есть таких чудных дел). Как логически доказывает здесь простой, без предвзятых мыслей, человек: чудо свидетельствует, что Бог слушает молитвы того, кто совершает чудо, и вместе с тем он доказывает, что чудотворец есть посланный Божий. Исцеление слепорожденного есть чудо; и так как это чудо совершил Иисус, то значит, Он послан Богом.

Высокомерные фарисеи не могли слушать такой убедительности в доказательствах простого необразованного человека; ожесточение их довело их до неприличной брани: *Во гресех ты родился еси весь, и ты ли ны учиши?— И изгнаша его вон* (ст. 34). Они объявляют его человеком вполне испорченным и никуда не годным и отлучают его от синагоги, как объясняют толковники слова: *изгнаша его вон.* Судя по тому, что фарисеи решились отлучать от синагоги всякого, кто только будет исповедывать Иисуса Христа (ст. 22), нельзя представить, чтобы ожесточенные фарисеи оставили ненаказанным такого смелого приверженца Иисусова (в 35 стихе также указывается на значительное наказание).

При исцелении слепорожденного Иисус Христос, не побуждая его к вере, предоставил его сначала тому впечатлению, какое произвело на него исцеление. Когда же испытана была уже твердость исцеленного и мерцающая его вера только укрепилась вследствие нападений фарисеев, Спаситель хотел привести его к более глубокому познанию Себя как Сына Божия, без чего и вера исцеленного в чудо не могла принести никакой пользы. *Услыша Иисус, яко изгнаша его вон: и обрет его, рече ему: ты веруеши ли в Сына Божия,* то есть в Мессию? Если он хочет исцелиться от духовной своей слепоты, то должен сначала веровать во Христа как Спасителя. Исцеленный отвечает: *И Кто есть, Господи, да верую в Него?* Он предчувствует смысл вопроса предложенного Иисусом Христом, и поэтому с такою живостью чувства схватился за него. *И видел еси Его,* говорит Иисус Христос, *и Глаголяй с тобою. Той есть.* Видел относится не ко времени чуда, так как тогда слепой не видел Иисуса, и от Силоама он не возвращался к Нему, — но к настоящей встрече, так что здесь прошедшая форма глагола имеет значение формы настоящего времени. Исцеленный исповедует теперь свою

веру словами: *верую, Господи!* и поклонившись Ему, признал в Нем Сына Божия, *и поклонися Ему*. Таким образом он прозрел теперь и духовно.

Искренняя вера исцеленного, которого Иисус Христос видит поверженным у ног Своих, в противоположность гордому упорству фарисеев, подала Ему повод сказать: *на суд Аз в мир сей приидох, да невидящии видят, а видящии слепи будут* (ст. 39). Слова Спасителя *на суд приидох* значат: необходимое следствие Моего пришествия в мир есть разделение людей на верующих и неверующих. Видящие – это те, которые сами считали себя видящими и разумными и поэтому не чувствовали потребности в высшей истине во Христе; это те «мудрые мира сего», о которых говорит апостол Павел, что для них учение о кресте юродство есть (1 Кор. 1:18 и далее). В противоположность им *невидящии* – это смиренные, нищие духом (Мф. 5:3).

Присутствовавшие при этом фарисеи только наполовину поняли слова Иисуса Христа; без всякого сомнения, они понимали, что Он говорит о духовном видении и о духовной слепоте, но не заметили, что Он причисляет их к видящим; напротив, они думали, что Он относит к числу невидящих. Гордые своим значением руководителей народа, они поэтому спрашивают: *Еда и мы слепи есмы?* Иисус Христос ответствует: *Аще бысте слепи были*, то есть если бы не имели никакой внутренней способности, как бы органов, к восприятию в себя духовного света, который явился во Мне, *не бысте имели греха*, ваше неверие было бы извинительно. *Ныне же глаголете, яко видим*, считаете, следовательно, себя видящими, знатоками Божественной истины; вследствие этого произошло то, что *грех ваш пребывает*. Они не находятся в совершенной слепоте; у них есть откровение Божие в совести и в Ветхом Завете; это откровение могло и должно было привести их к высшему откровению Божию во Христе. Но в своей горделивой тьме они считают себя совершенно видящими и потому не имеют никакого стремления к высшему просвещению; поэтому они не веруют во Христа, а упорствуют в неверии, которое есть грех по преимуществу.

Просвещение слепорожденного — образ просвещения язычников

Св. Кирилл Александрийский.
Из «Толкований св. Кирилла на Евангелие от Иоанна» (сокращенно)

Иисус Христос, исходя из храма иудейского, усматривает слепого и без всякого напоминания, без всякой просьбы, добровольно приступает к исцелению сего человека. Так, без всякого прошения и со стороны язычников, Бог, по естеству благий, по одной Своей воле умилосердился над ними. Исцеление слепого совершается в субботу. Это изображает нам то последнее время, то есть время настоящего века, в которое Спаситель воссиял язычникам

никам; ибо суббота есть конец седмицы (Ин. 9: 6–7). Почему, спросят, Господь, могший все совершить одним словом и без всякого труда, соединяет плюновение с землею, а потом, помазав очи слепому, предписывает ему некоторый труд: иди, говорит, *умыйся в купели Силоамсте*? Помазывая брением очи, восполняет в природе их то, чего в них не доставало, и тем показывает, что Он есть тот самый, Который образовал нас изначала, и есть Творец и Зиждитель всего. Притом это указывает и на то, что язычники не могли иначе отрясти свою слепоту и созерцать Божественный и святой свет, то есть воспринять познание Святой и единосущной Троицы, как соделавшись причастными святой Плоти Иисуса Христа, омывши очернявший их грех и совлекши власть диавола, — посредством святого крещения. Самое значение *Силоама* – посланного — указывает на Единородного Сына Божия, посланного к нам Отцем для потребления греха и для ниспровержения гордой власти диавола. Слепой тотчас отходит для омовения, исполняя повеление немедленно. Это изображает благопокорность язычников, о которых написано: *уготованию сердца их внят ухо Твое* (Пс. 9:31). Ибо опыт показывает, что иудеи жестоки сердцем, а язычники склонны к повиновению. Помазанный брением и омовенный тотчас отлагает слепоту и возвращается, видя. Из сего познаем, какое благо вера и как могущественна она к приобретению Божественной благодати и, напротив, как опасно иметь сомнение и двоедушие (Ин. 9: 10–11). Исцеленный слепец после ясно показывает и проповедует иудеям силу и могущество Спасителя.

Так, обращенные язычники, получив просвещение от Спасителя нашего Иисуса Христа, делаются наставниками в вере для самих израильтян (Ин. 9:34). Но, дерзнув обличить неверие и злобу фарисеев, исцеленный не только терпит поношение, но и изгоняется вон. Вот изображение того, как презирают иудеи язычников. Таким же образом они изгоняют и отвергают тех, кои проповедуют им слово о Христе (Ин. 9:35). Господь изгнанного обретает Сам и научает тайнам. Так приемлет Он в попечение Свое тех, кои готовы защищать Его и за веру в Него предают себя опасностям! При сем предлагает вопрос (изгнанному), чтобы получить от него согласие. Так и у нас, тех, кои приступают к Божественному крещению, прежде спрашивают, веруют ли они, и когда исповедают веру, сподобляют их благодати. Вопрошает же не просто: хочешь ли веровать? — но присовокупляет и то, в Кого веровать, — *веруешь ли в Сына Божия*, то есть Бога, сделавшегося человеком? Таким образом, таинство о Христе становится полным (Ин. 9:38). Исцеленный был скор в исповедании веры и явления благочестия. Как скоро Сын Божий открыл Себя ему, он поклонился Иисусу Христу как Богу, хотя и видел Его во плоти, не имеющего славы, приличной Богу. Приметим здесь, как его поклонение изображает нам то богопочтение духовное, к коему приведены язычники посредством веры. Израиль обыкновенно

чтил Господа всяческих жертвоприношением волов и других животных, а также курением фимиама; но уверовавшие из язычников оставили сей путь служения и вступили на другой, на путь служения духовного.

Святого Исидора Пелусиота на 2 стих 9-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов. Тв. Исидора Пелусиота

Апостолы как ученики премудрости и любители истины, видя, что Спаситель внимательно смотрит на слепого, как бы вызывает их на вопрос, предлагают Ему два общеизвестные учения, над исследованием которых трудились люди. Поелику эллины утверждали, что согрешила душа и в наказание за это послана в тело, а иудеи признавали, что грехи предков переходят на потомков, по написанному: *грехи отцев на чада до третьяго и четвертого рода* (Втор. 5:9), то ученики, как Ведущему все прежде рождения, говорили Господу: *кто согреши, сей ли,* как говорят эллины, *или родителя его,* как говорят иудеи, *яко слеп родися?* Истина же не темный, не уклончивый, не загадочный дала ответ, но прямой, превосходящий всякую ясность; потому что отринула то и другое, сказав: *ни сей согреши* (ибо мог ли согрешить до рождения?), *ни родителя его,* очевидно, в том, *яко слеп родися,* так как ответ сделан на вопрос. Хотя вероятно, что они согрешили и действительно были грешны, но и при сем не они виновны в несчастии. Для чего же *слеп родися? Да явятся дела Божия на нем,* то есть природа допустила недостаток, чтобы проповедан был Художник.

Об особенном способе исцеления Иисусом Христом слепорожденного

Свт. Филарет, митр. Московский

В Евангелии повествуется о том, каким образом Спаситель наш даровал зрение слепому от рождения, употребив для этого брение от плюновения и умовение в купели Силоамской.

Дивно сие чудо, а притом и способ чудодействия примечателен и возбуждает размышление.

Хотя мы не можем испытать глубин премудрости Божией, однако и то справедливо, что имеем повеление *испытывать Писания*; и, как говорит святой Иоанн Златоуст (Беседа 57 на Евангелие от Иоанна), *кто хощет от чтения какую-нибудь пользу получить, тот ни малых глаголов опускати не должен.* Что же значат глаголы: *плюну на землю, и сотвори брение от плюновения, и помаза очи брением слепому; и потом: иди, умыйся в купели Силоамсте* (Ин. 11: 6–7)? Для чего в других случаях Господь исцелял словом, иногда прикос-

новением; а теперь употребляет еще посторонние вещества, земную персть и воду? Для чего не одну персть, и не одну воду, но и ту, и другую?

Во-первых, вероятно, для того, чтобы возбудить, испытать и явить веру исцеляемого, потребную для исцеления и назидательную для нас. Так поступал Он и в других случаях. Для чего, например, вопросил расслабленного: *хощеши ли цел быти?* Не ведал ли, по всеведению, что хочет? И просто, не понятно ли, что расслабленному хочется быть здоровым? Следовательно, не для того, чтобы узнать, но чтобы упадший от беспомощности в безнадежность дух восполнять, чтобы веру возбудить и тем положить начало исцелению. Подобно и слепому, положив брение на очи, дал ощутить Свое человеколюбие и снисхождение к нищему, возбудил в нем доверие и надежду и потому, когда вслед за сим послал его к купели Силоамской, слепой не усомнился от того, что брение не оказало никакого действия, не подумал, что и вода силоамская не более обещает, но пошел беспрекословно и таким образом сделал дело веры.

Во-вторых, брение от плюновения и Силоам употреблены были Господом, вероятно, для того, чтобы чудодействию, к затмению которого усилия иудейского сонмища Он провидел, приобрести многих свидетелей. Сколько посторонних глаз обратил на себя слепец, когда шел к купели в страшном виде, с помазанными брением глазами, сколько глаз при самой купели, во время самого прозрения и при возвращении с глазами уже видящими! Все видящие сие знали что вода силоамская не дает зрения, а пыль с дороги еще менее; следственно, все узнали в прозрении слепорожденного Божественное чудо.

В-третьих, есть, вероятно, в вещественных знамениях чудодействия Христова и еще, — скажу опять словами святого Иоанна Златоуста, — *великий и во глубине сокровенный разум.* Земная персть, которую взял Иисус и сотворил брение слепому, не говорила ли о Нем иудеям: узнайте в Нем Того первоначального и верховного Чудотворца, Который, по сказанию древнейшей из ваших священных книг, взял земную персть и сотворил человека? *Силоам, еже сказается, послан,* то есть которого наименование означает *посланника,* — Силоам, который передал слепому зрение, посланное от Иисуса, не говорил ли о Нем иудеям: узнайте в Нем *Посланника* Божия, Которого я предвещал вам издавна моим до сих пор неразгаданным и теперь только разгаданным именем?

О том, как Господь дорожил временем Своей жизни

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова на освящение храма Христа Спасителя, отверзающего очи слепому в Московской глазной больнице

Первое изъяснение 4-го стиха 9-й гл. Евангелия от Иоанна

Сего довольно о сокровенном разуме глаголов и знамений евангельских. Возьмем из того же повествования евангельского более открытое изречение Господне, которое может ввести нас в размышления, более близкие к руководству и управлению нашей жизни.

Мне, сказал Господь пред исцелением слепорожденного, *подобает делати дела Пославшего Мя, дондеже есть: приидет нощь, егда никтоже может делати.* Сын Божий всевластный, всесвободный провозглашает Свою обязанность делать дела Отца Своего Небесного ради спасения человеков и Свою покорность сей обязанности; Он как бы побуждает Себя к деланию неотлагательному, пока есть время, *дондеже день есть.* Для чего это? Без сомнения, для того, чтобы нам дать пример и наставление уважать наши обязанности, смиренно покоряться им, исполнять их ревностно и без отлагательства.

Чтобы глубже ощутить силу сего наставления и применить оное к нашей жизни, обратим внимание, во-первых, на то обстоятельство, что Господь подвизает Себя к деланию, по случаю мимоходно встреченному. *Мимоидый,* сказует евангелист, *виде человека слепа от рождества.* Слепой нищий сидел на дороге: Господь Иисус проходил мимо. Не видно, чтобы слепой призывал Его или просил о исцелении. Не было, казалось бы, причины останавливаться; не было нужды действовать. Но Господь Иисус останавливается и говорит: *Мне подобает делати.* Почему так? Потому что благость побуждает; потому что человеколюбие требует; потому что есть случай сделать доброе дело; потому что доброго дела, которое можно сделать в нынешний день и теперешний час, не должно отлагать до другого; потому что случай к добру может пройти и с утраченным случаем утратилось бы добро, которому он благоприятствовал.

Другое примечательное обстоятельство Господня изречения о спасительном делании есть то, что Он сим изречением пресек любознательный разговор и поспешил к делу исцеления. При виде слепорожденного ученики вопросили Господа: *сей согреши или родителя его, да слеп родися?* Вопрос, казалось бы, достойный обстоятельного разрешения, поелику клонился к познанию путей Промысла. Но Господь немногими словами отверг догадки человеческие: *ни сей согреши, ни родителя его;* и еще с более усиленною краткостью указал путь Божий; *да явятся дела Божия на нем.* Ответ сей подавал случай к новому вопросу: для чего же он терпел слепоту прежде, нежели явились на нем дела Божии? Но Господь не допустил продолжаться состязанию и тотчас присовокупил: *Мне подобает делати дела Пославшего Мя,* — и приступил к исцелению слепорожденного. Сей быстрый переход от любознательной беседы к спасительному делу весьма замечателен. Он говорил апостолам: не должно коснеть в испытании сокровенного, когда надлежит делать полезное; не испытание судеб нужно не-

счастному, а помощь; слепорожденный сам оправдает судьбу свою, когда прозрит, и с тем вместе за кратковременное лишение света видимого получит блаженное просвещение вечным Божественным светом; Христос явился не удовлетворять любопытствующих, но спасать погибающих; да будет менее слов, но более дела: *Мне подобает делати.*

Еще назидательнее для нас обстоятельство изречения Господня о спасительном делании заключается в том, что Он подвигнул Себя к деланию, несмотря на предвидимые затруднения со стороны человеков. Известно, что иудеи *гоняху Иисуса и искаху Его убити* (Ин. 5:16) за совершение исцеления в день субботний, по тогдашнему времени праздничный, признавая сие нарушением святости праздника; хотя нетрудно понять, что если день святится воспоминанием прошедших благодеяний Божиих, то кольми паче святится он настоящим чудесным благодеянием Божиим. Сие неблагоприятное последствие, без сомнения, было пред очами всеведения Иисусова, когда Он приступал к исцелению слепорожденного: и кажется, почему бы не отложить дела до следующего дня, чтобы не дано было повода к пререканию и клевете? Такое рассуждение благоразумных было бы почтенно у сынов человеческих; но его не приняла премудрость Сына Божия. Она учит нас, что дел, возложенных на нас Богом, нельзя отлагать в угодность человекам; что должно исполнять оные неукоснительно и неуклонно, пока есть благовременность. *Подобает делати, дондеже день есть.*

Второе изъяснение 4-го стиха 9-й гл. Евангелия от Иоанна

Мне подобает делати, дондеже день есть; приидет нощь, егда никтоже может делати. О, Господи! Тебе ли поспешать и беречь какой-нибудь день — Тебе ли, сотворившему все дни и имеющему целую вечность для Твоих чудных дел? Что за день, в который Ты хочешь вместить дела Твои? Что за ночь, которая может угрожать Твоему дню? Господь изъясняет Свою притчу, когда говорит: *егда в мире есмь, Свет есмь миру.* Препятствие солнца определяет день естественный: видимое на земли присутствие солнца правды, Бога, являвшегося во плоти, определяет благодатный день особенного делания. Нощь после сего дня есть время страдания и смерти Христовой. О нощь, в которую подлинно никтоже может делати! В продолжение земного дня Христова не только Христос, но и апостолы Его под руководством сего Великого Делателя делали многое. Они уверовали в Него, последовали за Ним, проповедовали, исцеляли: все сие пресеклось, когда наступила грозная ночь, до нового дня воскресения Христова. Ночь, *егда никтоже может делати.* Как сильно бурная ночь сия колебала веру, насажденную Господом Иисусом в сердцах учеников Его! Так недалеко уже было от того, чтобы сатана, который просил сеять их, яко пшеницу, рассеял их вконец, и чтобы дело спасения, соделоваемое посреди земли на кресте, в то же самое время разрушено было в душах избранных для распростране-

ния оного. Чтобы не допустить сего, много надлежало предварительно сделать Спасителю нашему, глубоко положить основание веры в первых учениках Своих и сильно укрепить то учением, то чудесами, то Своею всемощною молитвою. Имея все сие пред очами Своего всеведения, Он, как бы дорожа временем и поспешая, говорит: *Мне подобаетъ делати дела Пославшаго Мя, дондеже день есть.*

Изъяснение и нравственное приложение слов Иисуса Христа: *на суд Аз в мир приидох, да невидящии видят, и видящии слепи будут* (Ин. 9:39)

«Воскресное чтение», 1809

Слепота и видение, видение и слепота — казалось бы, эти два качества совершенно противоположны и несовместимы в одном существе. Между тем Господь наш Иисус Христос, истинный Учитель истины, уверяет нас, что совмещение сих качеств в одном человеке возможно и что оно действительно бывало и бывает между людьми. Евангельская история во многих местах представляет нам или собственные свидетельства Иисуса Христа о некоторых людях, кои имели очи и не видели, даже имели уши и не слышали, или указывает самые примеры таких людей, которые вовсе лишены были чувства зрения телесного и духовного, и между тем и сами многое видели, и другим многое показывали.

Из многочисленных примеров подобного рода евангельская история представляет один, более других разительный и назидательный. На пути Иисус Христос встречает человека слепорожденного. На вопрос учеников, чей грех — самого ли слепорожденного или его родителей — был причиною природной слепоты его, Он ответствует, что здесь не было ни того, ни другого, а допущено такое видимое несчастие единственно с тою целью, чтобы на слепорожденном дела Божии явились. И в доказательство того, что Он именно должен явить над слепцом эти дела Божия, Он брением помазует очи слепому, велит умыться в купели Силоамской — повеленное сделано, и слепорожденный является пред очи всех зрящим.

Но такое чудесное прозрение слепца было причиною ослепления, или, лучше сказать, было поводом к обнаружению духовной слепоты фарисеев. В то время как у слепорожденного с отверстием телесных очей отверзлись и очи духовные, в то время как он, получив прозрение, в благодарность своему Просветителю готов был засвидетельствовать свою живую и несомненную веру в Него, те самые, кои почитали себя вождями слепых, светом для сущих во тьме, показали, какая тьма покрывает их умственные и сердечные очи. Необыкновенная яркость света, возблиставшего так

величественно из совершенного над слепорожденным чуда, кажется, совершенно ослепила суемудрых фарисеев. Они решаются идти против истины, но не знают, как и по какому пути идти против нее; хотят действовать для ослабления или уничтожения возникающей веры в Божественного Чудотворца, но очи их смежились, и они невольно действуют сами против себя. Они употребляют все хитрости, самые тонкие, все искусство, можно сказать, самое сатанинское, чтобы уверить других и самого слепорожденного в том, что совершенное над ним чудо не есть истинное чудо и что Совершивший его есть льстец и обманщик. То неоднократно допрашивают они исцеленного слепца, кто и как исцелил его; то допытываются от родителей его, точно ли он сын их; то силятся уверить прозревшего, что Даровавший ему зрение грешник и не может и не мог сотворить над ним чуда. Но при всех кознях и усилиях духа лести и отца лжи, действовавшего в фарисеях, и при всей простоте защищения со стороны исцеленного слепца ложные судии остались посрамленными, истина восторжествовала; исцеленный слепец на вопрос Исцелившего, верует ли он в Него, — от полноты простого, детского сердца воскликнул: *верую, Господи, и поклонися Ему.*

Не спешите же называть несчастными, а паче не спешите презирать тех, кои, как кажется, стоят на самой низшей степени просвещения умственного, кои едва иногда обнаруживают некий смысл и разум, кои не ходят во свете наук и многоразличных знаний человеческих, а ходят и действуют в простоте ума и сердца их. Не спешите, с другой стороны, почитать и себя существами самыми блаженными потому только, что вы идете путем ведения, стяжали такие или другие познания, успели в такой или другой науке или искусстве. Все это принесет вам истинную пользу, доведет вас до истинного блаженства только тогда, когда предмет познаний ваших важен и существенно необходим для спасения души вашей, когда с образованием ума вы преимущественно старались соединить просвещение и исправление собственного сердца, когда приобретенные познания употребляли и употребите не против истины, а за истину, не для защищения лжи и обмана, а для обличения и опровержения сих ужасных исчадий духа злобы и когда, наконец, приобретенные познания передадите другим братиям вашим о Господе, передадите в той чистоте и истине, в какой вы сами оные приняли; а главное, когда приобретенные познания будут оставаться не в одном вашем уме, а проявляться в жизни и деятельности вашей. Иначе действующего, с иною целью приобретающего познания ожидает тяжкое и строгое истязание от правосудного и нелицеприятного Раздаятеля талантов. *Раб, ведевый волю господина своего,* говорит Сам Господь, *и не сотворивый по воле Его биен будет много: тогда как неведевый и сотворивый достойная ранам биен будет мало.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 9-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

Святоотеческие толкования

1) *Св. Иоанн Златоуст.* Из беседы на Евангелие о слепом. «Воскресное чтение», 1816.

2) *Св. Афанасий Александрийский* о слепорожденном. «Христианское чтение», 1826.

Новейшие толкования в духовных журналах, Словах и Беседах

3) Исцеление слепорожденного (ст. 1–34). «Христианское чтение», 1839.

4) *Прот. Ключарев.* Евангельское повествование об исцелении слепорожденного. «Душеполезное чтение», 1863.

5) *Еп. Евсевий.* Слово в нед. о слепом. «Воскресное чтение», 1815.

6) Ст. 2. Размышление из воскресного Евангелия о бедствиях человечества. «Воскресное чтение», 1802.

7) На тот же ст. Христианский взгляд на бедствия и страдания сей жизни. «Воскресное чтение», 1810.

8) Ст. 2–3. *Фоменко.* Отчего несчастная доля достается в удел многим людям? «Воскресное чтение», 1883.

9) Ст. 3. *Ни сей согреши, ни родителя* его, *но да явятся дела Божия на нем.* «Воскресное чтение», 1808, 1815, 1818.

10) Ст. 5. *Макарий, еп. Тамбовский.* Иисус Христос есть свет для всего человечества. 2. 351–353.

11) Ст. 7. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* Размышление о духовной слепоте.

12) *Свящ. А. Покровский.* Слепота телесная и слепота духовная. «Духовная беседа», 1864.

13) *Свящ. Ф.Б.* Об умственной и греховной слепоте (ст. 1–7). «Воскресное чтение», 1876.

14) Слепота телесная и слепота душевная. «Воскресное чтение», 1815.

15) Ст. 7. *Иде и умыся, и прииде видя.* «Духовная беседа», 1862.

16) К тому же ст. Купель Силоамская. «Воскресное чтение», 1803.

17) Ст. 10. *Архиеп. Никанор.* Об исцелении слепорожденного в поучении. «Странник», 1887.

18) Ст. 13–34. Спор веры с неверием. «Воскресное чтение», 1801.

19) Мысли о том же свт. Феофана.

20) Ст. 31. *Вемы, яко грешника Бог не послушает: но аще кто Богочтец есть и волю Его творит, того послушает.* «Воскресное чтение», 1813 г.

21) Ст. 35. Вопрос из Евангелия в неделю о слепом. «Воскресное чтение», 1805 г.

22) Ст. 35:38. «Воскресное чтение», 1823 г.

23) Ст. 39. Мысли свт. Феофана.

Беседа Иисуса Христа о добром пастыре (Ин. 10: 1–21)

«Руководство для сельского пастыря», 1868

В связи с словами, которые Господь сказал к фарисеям по поводу исцеления слепорожденного, непосредственно следует притча о добром пастыре (10:

1–18). Господь только что сказал (9:39), что Он пришел на суд в мир, чтобы невидящие видели, а считающие себя видящими были слепы. Фарисеи же считали себя зрелыми руководителями и пастырями народа и были, однако, самолюбиво гордыми руководителями слепых. Поэтому Иисус Христос с торжественною важностью (*аминь, аминь*) представляет им здесь образ истинного пастыря. Хотя евангелист далее (ст. 6) ясно замечает, что фарисеи не поняли этих слов Иисуса Христа, но тем не менее приточный образ был сам по себе не непонятен, так как он встречается в Ветхом Завете (ср. Иер. 23:1 и далее; Иез. 34; Зах. 11:4 и далее) и иудеи своих двух великих мужей, Моисея и Давида, обыкновенно называли «добрыми пастырями».

Аминь, аминь глаголю вам: не входяй дверми во двор овчий, но прелазя инуде, той тать есть и разбойник. А входяй дверми пастырь есть овцам, а не тать и не разбойник (ст. 1–2). «Двор овчий» на востоке не что иное, как большое место, огороженное стеною, куда пастух загонял вечером свое стадо. Пред дверью в него в ночное время находился помощник пастуха (*дверник* – ст. 3), вооруженный большою палкою или каким-нибудь орудием для предохранения и защиты от разбойников и диких зверей. «Двор овчий» служит образом Царства Христова на земли, или Церкви Его, которая также ограждена и заключена от остального мира. Овцы – это истинно верующие члены этого Царства (ср. Пс. 76:21; 94:7; 99:3); верховный Пастырь и Господь стада есть Христос, и законные пастыри суть Его преемники. При этом с первого раза может представиться странным, что Иисус Христос называет Себя и «добрым Пастырем» (ст. 11), и «дверью во двор овчий» (ст. 7). Но при внимательном взгляде на дело странность такого двоякого названия сама собою исчезает. Иисус Христос был Учителем истины и в этом Своем качестве был добрым Пастырем, руководившим, питавшим и охранявшим верующих. Но Он как Божественное Слово был также самая истина. Он Сам был предметом Своего учения; и, как истина по преимуществу, Он есть дверь, которою человек входит в Его Царство.

Сему дверник отверзает, и овцы глас Его слышат, и Своя овцы глашает по имени, и изгонит их. И егда Своя овцы ижденет, пред ними ходит, и овцы по нем идут, яко ведят глас Его. По чуждем же не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа (ст. 3–5). Чтобы объяснить смысл всего этого, нужно знать, что на Востоке по несколько стад загоняется на ночь в один общий загон. По утру приходят пастухи каждого стада, придверник отворяет дверь каждому из них; они входят в загон, и все овцы слышат их зов как знакомый им голос. Своих же овец каждый пастух зовет каждую по имени, выводит их из загона, идет впереди и ведет на пастбище.

Выражение *притча* (ст. 6) – по-гречески παροιμία (от οἶμος – путь, стезя) – означает всякую речь, удаляющуюся от обыкновенного образа выражения. Здесь это слово стоит в значении аллегории. Хотя слушателям и

известен был вообще образ пастыря и стада, однако отношение его к новому Царству Божию и значение частностей оставалось для них загадочным: *они же не разумеша, что бяше, яже глаголаше им.* Поэтому дальше следует надлежащее объяснение аллегории.

Аминь, аминь глаголю вам, яко Аз есмь дверь овцам (ст. 7). Выражение *дверь овцам* имеет двоякий смысл: оно может значить «дверь для овец», следовательно, дверь, которою овцы входят в загон, и «дверь к овцам». Христос как истина есть дверь, которою люди верою входят в Церковь, и Он же есть дверь, которою истинные учители и предстоятели Церкви входят к овцам, получая от Него свое полномочие. И так как здесь речь идет главным образом об истинных пастырях, то нужно принимать это выражение в последнем смысле.

Вси, елико их прииде прежде Мене, татие суть и разбойницы: но не послушаша их овцы (ст. 8). Трудно здесь объяснить слова: *вси и прежде Мене.* Представляется, что будто Иисус Христос всех бывших до Него учителей, а следовательно, и ветхозаветных пророков, признает ворами и разбойниками. Поэтому гностики и манихеи и ссылались главным образом на это место, когда отвергали Ветхий Завет. Иные слово *прежде* (πρό) принимают в смысле *вместо* (ἀντί); но и при этом будет та же самая мысль. Иные, наконец, *прежде* понимают в значении *без* (χωρίς), и это единственно верное толкование. Правда, πρό нигде не употребляется как подобозначащее слову χωρίς; но предложение, к которому принадлежит *прежде*, заключает в себе понятие *без*: «все, сколько их пред Мною, то есть прежде чем Я пришел, и с тем вместе без Меня приходили». Только здесь пришествие нужно относить не к явлению Его в качестве учителя во время Его общественного служения и не ко времени воплощения Его, но к духовному Его пришествию и действию как Божественного Слова в сердцах людей. Таким образом, кто являлся учителем народа, прежде чем Слово призвало Его и приготовило к учительству, тот явился без Него, и потому есть ложный учитель. Таково, в сущности, толкование этих слов блаженного Иеронима и Августина. Под овцами нужно разуметь здесь истинно верующих народа Божия.

Аз есмь дверь: Мною аще кто внидет, спасется, и внидет и изыдет, и пажить обрящет (ст. 9). Некоторые толковники относят эти слова к овцам и под дверью разумеют дверь для овец. Другие относят их к пастырям и овцам вместе, так как и истинный пастырь в своем отношении к Самому Христу есть также овца. Но неосновательно допускать такое смешение образа. По контексту подлежащее здесь пастырь; на это указывает уже единственное число слова *кто.* Таким образом, дверь здесь разумеется, как и в стихе 7: дверь к овцам. *Мною:* через Него, единственную дверь, должен происходить вход к овцам. *Спасется* – в аллегории от воров и разбойников защищен будет; в собственном смысле спасен будет от вечной погибели, дос-

тигнет спасения (ср. 1 Кор. 3:15; 1 Тим. 4:16). *Входить и исходить* в аллегории значит беспрепятственный вход в ограду и выход из нее во главе стада во время ежедневных выводов стада на пастбище; без аллегории – беспрепятственное и успешное исполнение пастырского служения. *Пажить обрящет* именно для стада; вне аллегории это значит: он удовлетворит духовным потребностям вверенных ему людей.

Тать, не входящий дверью, *не приходит, разве да украдет и убиет и погубит: Аз приидох, да живот имут и лишше имут* (ст. 10). *Да живот имут* и т.д. Стоит в противоположность к выражению: *да... убиет и погубит* и проч., и означает, следовательно, в образе: чтобы овцы не были побиты, не погибли, но имели богатую пажить. Этим Господь хочет сказать: незаконный учитель заботится только о своей воровской выгоде, во вред вверившихся ему; но Я, напротив, имею в виду только вечное благо людей и пришел даровать богатое обилие духовных благ.

Иисус Христос в только что приведенных словах Своих противопоставляет татю не только законных пастырей (как в ст. 1 и 9), но и Себя Самого... Этим Он сделал переход к другому применению образа, по которому Он изображается не только дверью, но и самым истинным пастырем в противоположность наемнику: *Аз есмь пастырь добрый. Пастырь добрый душу свою полагает за овцы* (ст. 11).

Два раза перед словом καλός – *добрый* повторенный член дает этому прилагательному особенное значение, так что здесь *добрый* значит то же, что и истинный: истинный пастырь, исполняющий свое назначение. Во Христе осуществлен идеал пастыря, как он начертан в Ветхом Завете (Пс. 22; Ис. 40:11; Иер. 11:11). Идеал же доброго пастыря требует, чтобы пастырь в случае угрожающей опасности готов был пожертвовать своею жизнью для защищения своих овец; это первый признак истинного пастыря. В словах *пастырь добрый душу свою полагает за овцы* заключается намек Иисуса Христа на Свою уже приближающуюся смерть, на которую Он шел из любви к Своим последователям.

А наемник, иже несть пастырь, емуже не суть овцы, видит волка грядуща: и оставляет овцы, и бегает: и волк расхитит их и распудит овцы, то есть стадо (ст. 12). Наемник в противоположность доброму истинному пастырю есть тот, кто только ради платы, следовательно, только из своекорыстия становится учителем и руководителем народа. Для него овцы не свои, поэтому он не принимает участия ни в их радости, ни в их горе, как принимает хозяин. Правда, овцы свои в высшем смысле слова для одного только доброго пастыря, для Христа; но «кто входит дверью», тот и сам становится таким добрым пастырем, и овцы знают и любят его, как посланника Христова (2 Кор. 5:20), и он между ними, как Сам Господь его и Учитель. Под волком сначала разумеется диавол, потом его пособники, злые люди, ере-

тики (ср. Деян. 20:29), те самые, которые в стихе 1 названы ворами и разбойниками, или вообще всякая извне грозящая Церкви опасность. Затем в стихе 13 делается объяснение такого поведения: *а наемник бежит, яко наемник есть, и нерадит об овцах*, у него нет внутренней, готовой на самопожертвование, любви.

Аз семь пастырь добрый, и знаю Моя, и знают Мя Моя, якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца, и душу Мою полагаю за овцы (ст. 14–15). Второй признак доброго пастыря составляет знание своих овец, имеющее свой первообраз в знании, какое существует между Отцом и Сыном. Как в Божестве Отец существенно знает Сына и Сын Отца, и оба Они находятся во внутреннейшем общении жизни и любви: Отец от века предназначил Сына Искупителем и Пастырем стада, и Сын знает, что все, к чему вечная любовь предопределила и послала в мир, служит к прославлению Отца и блаженству Его тварей, — так и между Христом и Его стадом, верующими, должно быть такое же отношение; и в связи с таким внутренним отношением Христа к верующим находится Его самоотверженная любовь, которая здесь поэтому еще раз выставляется на вид: *и душу Мою полагаю за овцы.* Настоящая форма глагола *полагаю* выражает близкое, несомненное будущее.

Мысль о Своей крестной смерти напомнила, так сказать, Иисусу Христу и о том, как плоды этой Его смерти распространятся и на язычников: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя подобает Ми привести, и глас Мой услышат, и будет едино стадо и един пастырь* (ст. 16). Под *другими овцами* нужно разуметь язычников, которые имели уверовать во Христа и которых Господь наперед уже называет здесь Своими овцами. Конечно, и язычники в известном смысле всегда составляли Его собственность, так как Он сотворил их, так как Отец обещал их Ему в вечное наследие (Пс. 2:8) и так как Он Своею крестною смертию искупил всех людей (ср. 11:52); однако они были не из Его двора и поэтому не были Его собственными овцами. Под *двором* здесь сначала нужно разуметь ветхозаветную иудейскую теократию, насколько она с новозаветною Церковью составляет единство. Существует один только двор, Царство Искупителя, начавшееся тотчас после первого грехопадения и имеющее продолжаться до конца мира. Язычники не принадлежали к этому двору, потому что они, как говорит апостол Павел, отчуждены были от общества израильского, чужды заветов обетования, не имели надежд и были безбожники в мире (Еф. 2:14 и далее; Кол. 2:15), дабы все иудеи и язычники образовали собою одно стадо с единым истинным пастырем Христом.

Сего ради Мя Отец Мой любит, яко Аз душу Мою полагаю, да паки приму ю. Никтоже возмет ю от Мене, но Аз полагаю ю о Себе. Область имам положити ю, и область имам паки прияти ю: сию заповедь приях от Отца Моего (ст. 17–18). Эти слова тесно связываются со сказанными выше словами в 15 стихе.

Иисус Христос Свою крестную смерть, благоплодные следствия которой Он указал уже (ст. 16), изображает здесь по ее внутренним свойствам. Она служит: 1) основанием любви Отца к Сыну, следовательно, есть богоприятное дело. Правда, любовь Отца к единосущному Ему Сыну имеет свой первый, вечный источник в единстве Божественного существа, но и добровольная смерть Сына для искупления человечества есть также основание любви Отца к Сыну. 2) Крестная смерть Иисуса Христа была вполне делом Его свободы; никакая человеческая сила не могла предать Его смерти, если бы Он Сам не возжелал ее. Но эту Свою свободу Господь употребляет только по заповеди Своего Отца.

Распря же паки бысть во Иудеех за словеса сия (ст. 19). Следствием этой речи, как и предыдущих слов Господа (9:16), была, с одной стороны, усилившаяся ненависть ко Христу, высказавшаяся в ругательствах, а с другой — усилившееся убеждение, что в словах и действиях Иисуса Христа свидетельствует себя высшая сила. Одни говорили: *беса имать и неистов есть, что Его послушаете? Другие же: сии глаголи не суть беснующегося: еда может бес слепым очи отверсти?* (ст. 20–21.) Упорное противодействие людей Божественной истине всегда оканчивается тем, что действие Святого Духа они приписывают злой силе и, таким образом, совершают грех против Святого Духа, который не простится им ни в сей, ни в будущей жизни (Мф. 12: 24, 31; Мк. 3:29).

Мысли св. Исидора Пелусиота на стих 8 главы 10-й Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов. Тв. Исидора Пелусиота

Сие: *вси, елико их прииде, прежде Мене, татие суть и разбойницы,* — сказано не о пророках и не о законе (как хотелось бы отвергающим Ветхий Завет, которым руководились к вере и мы, уверовавшие, послушав Христа, и в том и другом указующего на Писания, как о Нем свидетельствующие), но о лжепророках, о которых Сам Он сказал: *не посылах их, а они течаху* (Иер. 23:21). Ибо не сказал: все, сколько их послано, но: *елико их прииде;* пророки же были посылаемы. Моисею сказано было: *Гряди, да послю тя* во Египет (Исх. 3:10); и Исаия слышал *глаголюща* Бога: *Кого послю, и кто пойдет к людем сим?* и сказал: *Се аз: посли мя* (Ис. 6:8). А лжепророки и усиливавшиеся стать начальниками и предстоятелями, каковы были Февда, Иуда Галилеянин (Деян. 5: 36–37) и египтянин, предводитель сикарей (21:38), не были посылаемы, но, чтобы себя показать, сами себя поставив и домогаясь права начальствовать, убегали из дома. Что о них сказано Господом, явствует из последующих слов. Ибо говорит: *тать не приходит, разве да убиет и украдет и погубит* (Ин. 10:10); потому что все, которые послушались

их, вознамерившись исказить истину, были умерщвлены и погибли совершенно, угаснув скорее промчавшегося слова.

Толкование св. Василия Великого на стихи 11–13-й 10 гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Узнай, кто пастырь-наемник и кто Пастырь добрый? Сам толкует: *пастырь добрый полагает душу свою за овцы. А наемник, иже несть пастырь, емуже не суть овцы своя, нерадит, егда видит волка грядуща* (Ин. 10: 11–13).

Здесь Церковь спрашивает: если Господь – Пастырь, то кто же – пастырь-наемник? Не диавол ли? И если диавол – пастырь-наемник, кто волк? Конечно, волк есть диавол – этот дикий, хищный, коварный зверь, этот общий всех враг. Поэтому пастырь-наемник пусть имеет собственное свое именование. Пастырями-наемниками Господь назвал тех, к кому тогда обращал речь. И теперь есть (лучше бы их не было), есть усвояющие себе наименование наемников. Тогда разумелись архиереи и фарисеи и весь этот иудейский раскол. Их назвал пастырями наемниками, – их, не ради истины, но ради собственной корысти приявших на себя власть пастырства, которые из суетного лицемерия молятся, чтобы поедать хлеб вдовиц и сирот (Мф. 23:14), те наемники, которые раболепствуют нужде, гоняются за настоящим, не имеют в виду будущего, те наемники, а не пастыри.

Толкование св. Василия Великого на стих 16 главы 10-й Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Говоря: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего* (Ин. 10:16), Господь разумеет тех, которые из язычников предопределены ко спасению, и показывает, что у Него есть собственный Свой двор, кроме двора иудеев. Посему надобно поклоняться Богу не вне святого двора сего, но находясь внутри его, чтобы, оставаясь вне и увеселяясь внешним, не потерять и права быть во дворе Господнем. Ибо многие по наружности стоят на молитве, но не суть во дворе, потому что мысль их носится там и здесь, и ум развлечен суетою заботы. Но под двором, в смысле более возвышенном, можно еще разуметь небесную обитель. Посему, которые здесь *насаждены в дому Господни*, что есть Церковь Бога живого, те и там, *во дворех Бога нашего процветут* (Пс. 9:14). А кто боготворит чрево, или славу, или серебро, или другое что, предпочитаемое им всему прочему, тот не *поклоняется Господу*, тот не во дворе *святем*, хотя бы и казался достойным видимых собратий.

Вопрос и ответ к тому же стиху

Вопросы Верцелиуса и ответы на них.
«Душеполезное чтение», 1868

Вопрос. Известные слова Иисуса Христа: *и будет едино стадо и един Пастырь*, – к какому времени относятся: к веку настоящему или грядущему? Если к первому, то они не состоятся, потому что даже пред самою кончиною мира не будет единого стада, а напротив, будет разделение Христовых и антихристовых; если к последнему, то и тогда будет еще стадо отверженных, только без пастыря; если же те слова относятся просто к стаду верных, то это стадо и теперь есть.

Ответ. Вся сила этого вопроса держится на том, что в нем слова Христовы *и будет едино стадо и един Пастырь* берутся не в общей связи речи, а отрывочно, и произвольно предполагается в них такой смысл, будто никогда уж не будет никакого разделения между Христовыми и не Христовыми, а все люди составят единое нераздельное стадо единого Божественного Пастыря – Христа. Связь речи никак не допускает такого смысла приведенных Христовых слов. Прочитаем эти слова в общем составе речи Христовой. Господь, сказав, что Он знает Своих (овец) и они знают Его и что Он душу Свою полагает за овец, продолжает: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего: и тыя Ми подобает привести, и глас Мой услышат: и будет едино стадо, и един Пастырь* (Ин. 10: 14–16). Ясно, что, по мысли Христовой, *будет едино стадо*, объемлющее в своем единстве не только уже послушных Христову гласу и знающих Христа – овец от двора *сего*, среди которого Христос тогда находился и который был именно двор дома Израилева, Богоизбранный еврейский народ, – но и иных еще овец, которые не суть от двора сего, которые, следовательно, принадлежат другим народам, самою своею (языческою) национальностью отделены от Божия народа, однако также узнают Христа и окажутся послушными Христову гласу. Сказать то же короче: *будет едино стадо* верующих во Христа – безразлично как из иудеев, так и из язычников, и равно или одинаково над всеми верующими, без различия национальностей, будет *един Пастырь* – Сам Христос. Исполнение этого началось и продолжается с самого того времени, как Христос душу Свою положил равно за иудеев и язычников, и по воскресении вознесся на небо как вечно Живущий Ходатай пред Отцом за все человечество, и ниспослал Святого Духа, изливающего любовь Божию равно на всех верующих из всяких национальностей и усвояющего Христа безразлично всем, под общим же для всех условием – веры. Предложившему вышеприведенный вопрос о едином стаде и едином Пастыре, может быть, покажется наш ответ не довольно многозначительным, подобно как ему показалось как будто недостаточным разуметь под стадом Христовым просто стадо верных. Но мы просим его вспомнить, что при-

звание в Христово стадо безразлично или на общих правах веры иудеев и язычников требовало перемены всего ветхозаветного церковного порядка, продолжавшегося целые тысячелетия, и составляло великую тайну для тогдашнего времени, с открытием которой, по объяснению апостола Павла, раскрывалась и пред самыми небожителями недоведомая дотоле *многоразличная премудрость Божия* (Еф. 3: 3–10). Слова Христовы *и будет едино стадо* и т.д. разумели о собрании в одно общее Христово стадо с верующими иудеями и верующих из язычников также святые отцы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 10-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

1) Ст. 1–17. *С. Ский.* Беседа священника с детьми о евангельских притчах. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

2) *Прот. Нечаев.* Притча Спасителя о пастыре. «Душеполезное чтение», 1863.

3) Ст. 3–4. *Илиодор, архиеп. Курский.* О благости Иисуса Христа как пастыря.

4) Ст. 3–6. *Никанор, архиеп. Херсонский.* Об условиях и обстоятельствах современного пастырства.

5) Почему епископы и священники называются пастырями, а христиане овцами? *Св. Тихон Воронежский.* «Руководство для сельского пастыря», 1868.

6) Ст. 10. Жизнь будущего века. «Христианское чтение», 1857.

7) Ст. 11. Пастырь добрый. «Воскресное чтение», 1814.

8) Ст. 11–17. *Св. Григорий Двоеслов.* Беседа на слова: *Аз есмь пастырь добрый* и т.д. «Христианское чтение», 1839.

9) Ст. 12. *Арсений, митр. Киевский.* О наемниках и волках и о том, что невежество, пороки и гордость — главные причины нападения людей на христианство, отвращающих от него и других.

10) Ст. 14. *Аз есмь пастырь добрый и знаю Моя, и знают Мя Моя.* Благоговейные размышления христианина на каждый день месяца. «Духовная беседа», 1875.

11) Ст. 18. О воскресении как доказательстве Божественности Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1814.

Иисус Христос в Вифании в доме Марфы и Марии (Лк. 10: 38–42)

Евсевий, архиеп. Могилевский.
Беседы на воскресные и праздничные Евангелия

Когда проходил Иисус Христос по разным странам и селениям Иудеи, сопутствуемый Своими учениками и проповедуя Евангелие Царствия, однажды «пришел Он в некое селение». Это селение была Вифания (Ин. 11:1), лежащая недалеко от Иерусалима, за горою Елеонского.

Жена же некая именем Марфа прият Его в дом свой. Женщина именем Марфа приняла Господа Иисуса в дом свой, или как владетельница дома, или как старшая в семействе, или как принявшая на себя попечение о доме и об исполнении обязанности странноприимства. Марфа приняла

Господа в дом свой как великого Странника; ибо Иисус Христос, путешествуя с евангельскою проповедью по разным странам, не имел где главу приклонить (Мф. 8:20), получая содержание для Себя и учеников Своих от усердия благотворителей (Лк. 8:3; Ин. 12:6). И в настоящем случае Марфа приняла Господа, надобно полагать, вместе с Его учениками; это можно видеть как из того, что Господь обыкновенно ходил вместе со Своими учениками, так и из того, что принятие или угощение Его стоило Марфе больших забот. Не упоминается об учениках Господа, как и во многих других местах, конечно, потому, что Он был главный Гость и Глава странствующего общества. Но Марфа приняла Иисуса Христа не как простого странника; она, как показывает евангельская история, веровала в Господа и питала к Нему благоговейную любовь.

И сестра ей бе нарицаемая Мария, яже и седши при ногу Иисусову, слышаше слово Его (ст. 39). «У Марфы была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его». У Марфы был и брат, по имени Лазарь (Ин. 11:2), о котором здесь не упоминается, вероятно, по той же или подобной причине, по которой не говорится и об учениках Господа, вместе с Ним вошедших в дом Марфы: повествование говорит о делах Марфы и Марии, потому о них только и упоминается; а Лазарь, можно полагать, был в числе слушающих Господа вместе с Его учениками, или не было его дома.

«Мария села у ног Иисуса и слушала слово Его». Марфа исполняла внешнее служение Господу, приняв Его в дом свой; а Мария, наряду с учениками Господа, слух и мысли свои обращает к спасительному учению Его. Предоставив Марфе заботиться об угощении великого Гостя с Его спутниками, Мария вся предалась слушанию Божественного учения и не хотела отойти от Иисуса, чтобы не прекратить или не прервать слушания небесных истин, возвещаемых Господом. Что же делает в это время Марфа?

Марфа же молвяше о мнозе службе: ставши же рече: Господи, небрежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? рцы убо ей, да ми поможет (ст. 40). «Марфа же заботилась о большом угощении». Марфа, принявши Господа в дом свой, вся была занята попечением о том, чтобы как можно лучше угостить великого Посетителя и спутников Его. Как Мария вся была занята слушанием спасительного учения, исходившего из уст Божественного Учителя, так Марфа предалась исполнению долга странноприимства. Но Марфа видела, что ее рук недостает для того, чтобы все исполнить по ее желанию, — чтобы приготовить достойное угощение по ее мысли. Может быть, она приглашала на помощь и Марию; но та не хотела оставить беседующего Учителя; сладость слов Его удерживала Марию у ног Иисусовых. На что же решается Марфа? «Подошедши к Иисусу, она сказала: Господи! Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне». Как Марфа ни старалась сама исполнить все нужное, по ее мысли, для

приличного угощения гостей, но видела, что не успевает, а Мария не отходит от Иисуса, потому обращается с простосердечным доверием к Иисусу и просит Его сказать Марии, чтобы помогла заботам ее о приготовлении нужного для угощения, надеясь, что Мария, по слову Иисуса, поможет ей.

Что представляется нам в поступках Марфы и Марии? Борьба добродетелей. Марфа заботится исполнить обязанность странноприимства, а Мария жаждет слушать учение Господа, вся преданная попечению о спасении. Марфа, стараясь исполнить свою добродетель в совершенстве, хочет и Марию привлечь к своему делу; а Мария, дорожа сокровищем небесного учения и ради вспомоществования сестре не хочет отойти от Иисуса. Обе сестры показывают крепкую любовь к Иисусу и стараются выразить эту любовь пред Господом, только каждая по-своему: Марфа приготовлением большого угощения, а Мария полным вниманием к Его Божественному учению. Обе показывают искреннюю преданность и доверие к Господу и взаимную любовь между собою; только доверчивая преданность могла так говорить: «Господи! Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить?» И только уверенность в любви Марии позволяла Марфе говорить так великому Учителю о сестре своей без опасения оскорбить ее. Без сомнения, и Мария позволила себе всецело предаться слушанию спасительной беседы Господа потому, что уверена была в любви Марфы, надеялась, что она и за нее исполнит долг гостеприимства; и любовь к Господу и доверенность к Его благости уверяли ее в том, что она не оскорбит Его своею видимою беззаботностью о приготовлении угощения. Поступки Марфы и Марии показывают, что они уже не в первый раз принимают Иисуса Христа в своем доме.

Что же Господь сказал на слова Марфы?

Отвещав же Иисус, рече ей: Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе (ст. 41): *едино же есть на потребу, Мария же благую часть избра, яже не отымется от нея* (ст. 42). «Иисус сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом; а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее». В словах Господа раскрывается снисходительная любовь и мудрая попечительность Учителя. «Марфа! Марфа!» В двух словах ясно выражается и любовь к Марфе, и участие в положении Марфы. «Ты заботишься и суетишься о многом; а одно только нужно». Не обличает Господь Марфу, но, раскрывая качество ее добродетели, обращает взор ее к высшему благу и в примере Марии указывает ей путь к достижению этого блага, говоря: «Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее». Как бы так говорит Господь: Марфа! Марфа! Ты заботишься о многом, ты стараешься приготовить то и другое; но в этом нет необходимости; потому напрасно ты много заботишься. Скажу тебе: одно только необходимо. А что это такое? Посмотри на Марию: она заботится

о том, что всего нужнее для человека, она избрала благую часть, внимая спасительному учению и заботясь о своем спасении. А спасение — такое благо, которое пребудет с нею и в этой жизни, и в будущей, нескончаемой. Так Господь показал Марфе, что хотя она делает доброе дело, заботясь о страннолриимстве, но важнее и необходимее того — внимать спасительному учению и заботиться о своем спасении.

Едино есть на потребу. Одно только нужно, или одно всего необходимее для человека; об одном более всего должны мы заботиться, именно о том, чтобы, внимая Божественному учению, всегда искать своего спасения. Эту истину Господь раскрывал и при других случаях. Так говорил: *ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6:33). *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит.* «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16:26).

О житейском попечении как препятствии к благодатному посещению Божию

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в день Успения Пресвятой Богородицы

Бысть же ходящим им, и Сам вниде в весь некую: жена же некая именем Марфа прият Его в дом свой (Лк. 10:38). Евангельское повествование о Марфе, приявшей Господа в дом свой, к вразумлению нашему показывает, что наиболее препятствует благодатному посещению Божию попечение житейское или привязанность к земному.

Марфа уже не только искала или желала посещения Христова, но и получила оное. *Прият Его в дом свой.* Она приняла Его с благоговением, ибо и Господом нарекла Его, и от Него просила повеления сестре своей, будучи властна сама распоряжаться в доме своем. *Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави? — Рцы убо ей.* Марфа приняла Господа с усердием, ибо тщательно готовилась угостить Его, как поступил и Авраам во время бывшего ему посещения Господня. *Марфа же молвяше о мнозе службе.* Не располагает ли сие думать, что приняла она Христа достойно и благоугодно Ему? Не спешите мнением решительным. Подождите суда Христова. Что же глаголет Господь? Не одобряет приема, который делала Ему Марфа, и дарует преимущественное благословение Марии, на которую Марфа жаловалась. Что сему причиною? В чем укорить можно Марфу? Она укорена в житейском попечении. *Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе.*

Если, таким образом, уже принятому благодатному посещению повредило житейское попечение и более или менее похитило плод оного, — не больше ли еще может оно препятствовать и вредить тем, которые только еще начинают искать Бога и благодати Его?

При внимательном рассмотрении евангельского повествования можно различить некоторые особенные действия, которыми житейское попечение препятствует человеку благоугождать Ему и приобретать благодать Его или сохранить приобретенную. Оно развлекает и смущает. Отуманивает око ума в усмотрении света истины. Обессиливает волю в избрании лучшего.

Житейское попечение развлекает и смущает. Посмотрите на Марфу. Христос в ее доме — Тот, для Которого множество народа бегало по селениям и по пустыням, чтобы увидеть Его, чтобы услышать слово Его, — Тот, Которого *мнози пророцы и царие восхотеша видети, и не видеша* (Лк. 10:24), — Тот, Которого *день* знакомый уже с Божественными посещениями *Авраам рад был видеть*, и когда *увидел* только издалека, *возрадовался* (Ин. 8:56), искомый, вожделенный для Марфы близок, видим, слышим. Что же Марфа? Радуется ли о Нем? Наслаждается ли Его лицезрением и слышанием глаголов Его? Сомнительно. У нее иное занятие, иные мысли и чувствования. Она думает и заботится о муке и елее, о хлебе и рыбах. Божественного Учителя истины, Подателя благодати почти нет для нее: *Марфа же молвяше о мнозе службе*. Негодование на сестру, не разделяющую сей заботы, обращает наконец ее ко Господу, но и у Него ищет она помощи для того только чтобы увеличить заботу и развлечение и вовлечь в то же других. *Ставши же рече: Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? Рцы убо ей, да ми поможет*.

Житейское попечение отуманивает ум пред светом истины и благодати. Такое затмение ума Господь обличает в Марфе, когда сказует ей, что *едино есть на потребу*. Как прежде сего вразумления не уразумела она сама сей истины, если не глубоко, то по крайней мере в простом и открытом значении слов? Положим, что не вдруг она могла возвыситься к постижению того, каким образом единое на потребу есть Бог, и Его слово, и Его Царствие. Но прияв Христа в дом свой, и следственно, имея о Нем некоторое познание предварительно, как не поняла она, что нарицающий Себя хлебом животным, призывающей к Себе жаждущих не тем благоугождается, чтобы Ему в изобилии предлагали брашно гиблющее, но разве тем, чтобы от Него принимали брашно негиблющее, воду живую, слово истины и спасения? Нет! Не поняла сего пекущаяся о мнозе — не поняла по тому самому, что пеклась о мнозе; потому что привыкла житейским заниматься, о житейском заботиться, как свинец, отягчала крило ума и не допускала возвыситься к разумению духовному.

Житейское попечение обессиливает волю в избрании лучшего. *Мария благую часть избра*, глаголет Спаситель. Избрала же она то, чтобы, *седши при ногу Иисусову, слышати слово Его*. Как не избрала и другая сестра сей благой части? Разве не желала она приближаться ко Иисусу? Но сие жела-

ние оказалось в ней еще прежде, нежели в Марии, когда *Марфа прият Его в дом свой.* Почему же одно семя неодинаково возросло и принесло плод? Потому, что в сердце Марии оно росло свободно, а в сердце Марфы заглушали оное плевелы житейского попечения. *Молвяше о мнозе службе.* Волею духа стремилась она к Господу и привлекла Его к себе; но склонностью к житейскому отвлекалась от духовного Ему благоугождения к телесному служению и не достигла близости к Нему благодатной.

Притча о самарянине, сказанная по отшествии Господа в Галилею (Лк. 10: 25–37)

«Воскресное чтение», 1825

Один законник спрашивал Христа о средствах к приобретению жизни вечной. Христос, обратив его внимание на предписания закона, заставил его самого искать там ответа на вопрос свой: законник сослался на две главные заповеди – о любви к Богу и любви к ближним, но затем снова предложил вопрос о том, кто наш ближний. Чтобы дать способ к разрешению сего вопроса, Спаситель рассказал в притче законнику о том, как один путешественник (сколько можно судить по ходу целой притчи – из евреев) попался разбойникам на дороге из Иерусалима в Иерихон, был ограблен ими, изранен и брошен на дороге; как потом путешествовавшие тою же дорогою священник и левит прошли мимо него, не обнаружив участия, а один из самарян, увидев его положение, сжалился над бедствующим и употребил все способы к его облегченно и врачеванию.

Окончив Свой рассказ, Спаситель предложил законнику высказать свое мнение о том, кто из названных трех лиц оказался ближним для пострадавшего от разбойников; и когда тот должен был по самому ходу дела указать на самарянина, Спаситель сказал ему: «Иди, и ты так же поступай».

Не будем касаться таинственного смысла этой притчи, который усвояется ей иногда у святых отцов – толкователей Писания – и даже в наших службах церковных, когда под видом пострадавшего от разбойников представляют человека вообще, в его настоящем бедственном положении, под именем священника и левита разумеют весь ветхий закон с его служением, бывший не в состоянии доставить человеку всю необходимую помощь, а под именем самарянина – Самого Христа Спасителя, Который нам подал животворное врачевство святых таинств и в Себе Самом сосредоточил для нас драгоценное сокровище двух заветов – Ветхого и Нового. Не станем также и ослаблять значение подобного изъяснения – в той мысли, что частный случай, поставленный в предмете притчи, действительно напоминает собою о том различии, которое имеют между собою времена ветхозаветные и новозаветные по своему отноше-

нию к последним целям нашего спасения. Но мы остановим в настоящее время свое внимание на том, что составляло ближайшую и непосредственную цель притчи.

Притча имела целью показать законнику, кого считать нужно ближним своим. Законоучитель этот был не тот, о котором говорится в Евангелии (Мф. 22: 35–46). Тот искал узнать, какая из заповедей больше всех в законе, а этот сам с первого же раза указал на главную обязанность любви к Богу и ближнему. Значит, он был разумнее того в понимании существенных требований закона. Но, с другой стороны, здесь же – в его вопросе: *Кто есть ближний мой?* – отразилось колеблющееся мнение тогдашнего большинства насчет прямого разрешения сего вопроса, склонявшееся главным образом в пользу исключительных симпатий единоплеменности и единоверия. Притча дает с решительностью понять, что ближние наши суть – все люди без различия.

Если бы указанные в притче лица были представлены в обратном отношении между собою – например, самарянином был бы пострадавший от разбойников, а иудеянину выпало бы на долю оказать ему пособие свое, то настоящий смысл ответа, данного законнику, не мог бы быть еще понятен. Тогда законник мог бы отозваться, что иудеянин поступил не по прямому предписанию своей обязанности, переступил черту закона, – и, пожалуй, осудил бы его. Но что он должен был сказать теперь, видя благотворительный поступок со стороны самарянина?.. Законоучитель не мог не признать самарянина ближним иудеянина; потому что тот сам обращался с этим последним как ближний его и оказал ему такую милость, которой можно ожидать только от братской любви к ближнему и после которой называть самарянина человеком чуждым или же не стоящим внимания было бы оскорбительно для самого обыкновенного чувства гуманности. А если так, то преграда разногласий, внешней разнородности и родовой вражды падает пред требованием братского сочувствия – и для самого иудеянина тут обратно, так же как потом и для каждого из нас, возникает очевидная обязанность относиться с чувством любви ко всем людям без исключения, как своим ближним. Как же выполнять это и выражать вовне? Совершать дела благотворительности всюду, где представляется к ним вызов и возможность и где дается непосредственное побуждение для человеческих чувств сострадательности и доброжелательства. Будем только следовать этому правилу, тогда само сердце укажет, где наш ближний, – тогда мы узнаем на опыте, что такое и самая любовь к ближним. В чем состоят разнообразные дела истинной благотворительности и как они в частных случаях должны соразмеряться и согласоваться с целой совокупностью внушений совести и закона Божия – это другой уже вопрос.

Св. Амвросия Медиоланского изъяснение 30 стиха 10-й главы Евангелия от Луки

«Воскресное чтение», 1810

Человек некий схождаше от Иерусалима во Иерихон и в разбойники впаде (Лк. 10:30).

Под Иерихоном разумеется мир, в который изгнанный из рая, то есть из небесного (оного) Иерусалима, Адам по падении своем шел, быв принужден переселиться из страны благословений в землю проклятия: не место переменив, но изменив образ жизни; ибо Адам по падении сделался не тем уже, чем он был до падения, когда он наслаждался совершенным блаженством; он впал в грех — *в разбойники впаде.* Если бы он не преступил заповеди Божией, то на него не напали бы разбойники. Эти разбойники суть не другие кто, как ангелы тьмы, часто преобразующиеся в ангелов света, в котором они не могли пребывать. Они прежде всего снимают одежду благодати, а потом наносят раны. Если бы мы сохранили это благодатное одеяние, то не претерпели бы никакого поражения от этих духовных разбойников. Итак, будем беречься этого обнажения; известно, что Адам был обнажен, то есть, преступив заповедь Божию, лишился небесной помощи и, лишившись одеяния веры, смертельно ранен, а в нем и весь род человеческий: эти тяжкие раны исцелил небесный Самарянин, Который по милосердию не презрел впадшего в разбойники человека, мимо которого прошли священник и левит. Здесь не оставим без замечания таинственного знаменования этого имени. Самарянин значит стража. Это тот страж, о котором сказано: *храняй младенцы Господь* (Пс. 114:5). Это Тот Самарянин, о Котором сказано: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небеси Сын Человеческий, сый на небеси* (Ин. 3:13). Он уврачевал человека полуживого, которого никто не мог прежде Его исцелить; так Он исцелил жену кровоточивую, которая все свое имение раздала врачам, но не получила никакой пользы.

Иди, и ты твори такожде (Лк. 10:37)

Свт. Филарет, митр. Московский

Некто шел от Иерусалима к Иерихону. На него напали разбойники, обнажили его, изранили, оставили едва живого. Проходившие тою дорогою священник и левит видели его и прошли мимо. Но проходивший самарянин, увидев его, сжалился, перевязал его раны, возливая на них елей и вино, посадил его на животное, на котором ехал сам, привез его в гостиницу, продолжал и здесь пещись о нем, а отходя поручил продолжать сие попечение гостиннику, которому и дал на сие два сребреника, обещаясь заплатить и то, что сверх сего издержано будет. Христос Спаситель, заста-

вив совопросника признать в лице и действии самарянина разрешение вопроса, кто есть ближний, и исполнение заповеди о любви к ближнему, сказал наконец: «Так поступай и ты». *Иди, и ты твори такожде.*

Посмотрим, как должно нам поступать, чтобы исполнить повеление Господне: *Иди, и ты твори такожде.* Как поступил самарянин, когда нашел на дороге ограбленного, израненного, полумертвого? *Видев его, милосердова.* Не сказал он в сердце своем: «Это иерусалимлянин, один из тех, которые не прикасаются самаряном (Ин. 4:9); что жалеть о тех, которые нас презирают?» Нет, в страждущем он не хотел видеть человека чуждого или неприязненного, но видел только человека и почувствовал жалость; страдания ближнего отозвались в его сердце.

Иди, и ты твори такожде. Не проходи мимо бедствующего и страждущего без внимания, не смотри на него холодным оком; не скажи: он не из тех, которые возбуждают сочувствие. Он человек, и он страждет; чего более для побуждения твоего сочувствия? Не случается ли, что когда пред глазами нашими нож врача действует над телом больного, для нас постороннего, сердце наше невольно стесняется? Видишь ли, что ты невольно, природно, как бы телесно сострадателен – как же тебе не быть сострадательному душевно, свободно, рассудительно?

Что еще сделал со впадшим в разбойники сострадательный самарянин? *Приступль, обяза струпы его, возливая масло и вино.* Не остановился на одной мысли о жалком положении, на одном чувствовании сострадания к нему; но немедленно приступил к делу, чтобы оказать помощь, какая страждущему потребна, какая со стороны состраждущего возможна.

Иди, и ты твори такожде. Не довольствуйся мыслью, почувствованием, словом, где нужно и возможно дело. Хорошо, если у тебя не каменное сердце; то не хорошо, если у тебя сухая скорченная рука, не простирающаяся и не отверзающаяся для нищего. *Аще брат или сестра,* говорит апостол, *наги будут и лишены будут дневныя пищи; речет же им кто: идите с миром, грейтеся и насыщайтеся, не даст же им требования телеснаго: кая польза?* (Иак. 2: 15–16.) *Чадца моя,* взывает другой апостол, *не любим словом, ниже языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3:18).

Что еще сделал сострадательный самарянин? *Всадив его на свой скот, приведе его в гостинницу и прилежа ему.* Здесь достойно примечания то обстоятельство, что самарянин имел одно только животное, на котором ехал сам, и не имел другого, которое мог бы предоставить немощному. Итак, он решился лишить себя того, в чем нуждался ближний. *Всадив на свой скот,* он вел немощного в гостиницу; а сам шел пешком, несмотря на то, что был утомлен, оказывая помощь страждущему.

Иди, и ты твори такожде. Угодную Богу добродетель творишь ты, когда служишь ближнему тем, в чем у тебя избыток, в чем ты не нуждаешься,

если притом делаешь сие с любовью к Богу, заповедавшему благотворение, с любовью к ближнему, терпящему нужду. Но если ты лишаешь себя приятности, удобства, покоя, чтобы утешить и успокоить ближнего, уменьшаешь нужное для тебя, чтобы помочь нужде ближнего, то ты проходишь подвиг, который может привести к венцу; сеешь семя, которое способно принести обильную жатву благословений и воздаяний.

Наконец, сострадательный самарянин, *изъем два сребренника, даде гостинпику* для продолжения попечений о пострадавшем от разбойников, обещая и более впредь, по мере потребности. Благодетельный путешественник мог подумать, что уже довольно сделал для несчастного, когда с трудом избавил его от беспомощного страдания и смерти, доставил в безопасное место, ходил за ним на ночлеге, и что за сим, при необходимости продолжать путешествие, надобно предоставить его человеколюбию других. Но иное говорила сердцу истинная любовь к ближнему: не будь равнодушен к завтрашнему дню того, кому сострадал вчера; не оставляй доброго дела неоконченным; не довольствуйся цветом, когда можешь достигнуть плода. И самарянин устрояет и обеспечивает призрение несчастного до тех пор, как он с восстановленными силами получит возможность устроять сам свое благосостояние.

Иди, и ты твори такожде. Если ближнему нужно, если тебе возможно только одно временное дело милосердия, или только участие в оном, – сделав потребное и возможное, ты исполнил должное. Но если ближнему нужна и с твоей стороны возможна продолжаемая помощь — не допусти, чтобы твоя любовь к ближнему была короче его несчастия.

Особенно те, которые по доброму изволению и обету принимают на себя упражнения в каком-либо роде дел милосердия, никогда не должны забывать, что обет никого не вяжет поневоле, но что связавший себя обетом добровольно не может расторгнуть его безвинно, и что, по слову Господню, *никтоже возложши руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9:62).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 10-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

Святоотеческие толкования

1) 1–10. *Св. Григорий Двоеслов.* Об обязанностях епископов, кн. 1.

2) Ст. 29. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова: *он же, хотя оправдитися сам, рече: и кто есть ближний мой?*

Новейшие толкования в духовных журналах

3) Ст. 1. Собор Святых 70 апостолов. «Воскресное чтение», 1816.

4) Ст. 4; 11:43; 20:46. Древние приветствия. «Руководство для сельского пастыря», 1867.

5) Ст. 7. Мф. 10:10. Соотношение между трудом и вознаграждением. Филологическое толкование текста в статье Волкова: Последние произведения гр. Л.Н. Толстого. «Православный собеседник», 1886.

6) Ст. 11: 21–22:42. Мысли свт. Феофана. «Домашняя беседа», 1871, и Мысли на каждый день года.

7) Ст. 17. Возлюбиши Господа твоего, якосам себе. «Воскресное чтение», 1820, 1833.

8) Ст. 18. Падшие духи. «Воскресное чтение», 1809.

9) Ст. 20. Христианское утешение. «Христианское чтение», 1834.

10) Ст. 16–21. «Душеполезное чтение», 1860.

11) Ст. 25. «Воскресное чтение», 1818 г. Что мне делать? Там же. 1886.

12) Ст. 26–87. *Свящ. А. Смирнов.* Притча о милосердом самарянине. «Душеполезное чтение», 1873.

13) Св. земля и евангельские притчи. «Воскресное чтение», 1880.

14) Притча о милосердом самарянине (ст. 25–37). «Духовная беседа», 1874.

15) Ст. 25–28. Беседа в нед. 25 по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1811.

16) На ст. 29. «Христианское чтение», 1830.

17) Беседа священника с детьми о евангельских притчах. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

18) Ст. 30–37. Притча о любви к ближним (ст. 30–37). «Христианское чтение», 1838.

19) Ст. 25–37. Об обязанностях христианина по учению притчей Господа нашего Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1834.

20) Ст. 33–35. Несколько слов христианских мирянина к мирянам. «Воскресное чтение», 1874.

21) Ст. 33–35. Поучительные уроки из примера сострадательного самарянина. «Воскресное чтение», 1820.

22) Ст. 33–35. Гостиница. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1874.

23) Ст. 37. *Еп. Макарий* о благотворительности. «Странник», 1878.

24) Ст. 38. Марфа, сестра Лазаря. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1876.

25) Ст. 38–42. Почему в Богородичные праздники читается на литургии Евангелие о Марфе и Марии. «Воскресное чтение», 1873 г. 1.

26) Письмо о Евангелии, читаемом на литургии в Богородичные праздники. «Духовная беседа», 1858.

27) Ст. 41–42. *А. Гуляницкий.* Размышление о человеческих заботах *(Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе. Едино же есть на потребу).* «Воскресное чтение», 1825.

28) Попечение о земном, временном. «Воскресное чтение», 1879.

29) Ст. 42. О едином на потребу. «Христианское чтение», 1827, 1825, 1830, 1838.

В Словах и Беседах

30) Ст. 20. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Об истинном основании обычая праздновать день своего имени и о том, чтобы радость об имени, праведная и святая по своему предмету, была также праведна и свята по своему образу и действиям.

31) Ст. 20. *Филарет, архиеп. Черниговский.* О значении имен православных.

32) Ст. 21. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О простоте и искренности веры детей в сравнении с современным неверием ученых. Слово в нед. 26 по Пятидесятнице.

33) Ст. 23. *Филарет, архиеп. Черниговский.* О благом употреблении зрения. 1. 119.

34) Ст. 25. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Об отношении современного общества к вопросу о вечной жизни.

35) Ст. 25–37. *Его же.* Черты милосердого самарянина. Изъяснение притчи о милосердом самарянине в приложении к воспитанию детей в школе.

36) Ст. 37. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О таинственном знаменовании притчи о милосердом самарянине.

37) Ст. 37. *Арсений, митр. Киевский.* Получение жизни вечной возможно под условием только милосердия и сострадательности к ближним.

38) Ст. 38 и дал. *Никанор, архиеп. Херсонский.* Иисус Христос в гостях в доме Марфы.

39) *Илиодор, архиеп. Курский.* О том же.

40) Ст. 39. *Арсений, митр. Киевский.* О необходимых условиях к достойному приятию слова Божия.

41) Ст. 41. *Дмитрий, архиеп. Волынский. О едином на потребу.* Слово в день Покрова Пресвятой Богородицы.

42) Ст. 42. *Григорий, архиеп. Киевский. О едином на потребу и о благой части.*

43) Ст. 42. *Свт. Филарет, митр. Московский. О едином на потребу,* которое составляет всегдашнюю, существенную нужду человека и есть Царствие Божие или благодатное с Богом соединение.

44) Ст. 42. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* О преимуществах христианского образования сердца пред изучением многоразличных наук.

Обличение фарисеев и законников и враждебные их замыслы на Иисуса Христа (Лк. 11: 37–41, 43, 45–46, 52–54, 12:1)

Когда Иисус Христос учил народ, попросил Его один фарисей к себе отобедать. Он пришел и возлег. Фарисей с удивлением заметил, что Он не умыл сперва рук пред обедом. Но Господь сказал ему: «Вот вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а что у вас в них, то приобретено хищением и нечистыми средствами. Безрассудные! Не должен ли тот, кто вычистил внешнее, позаботиться сделать чистым и внутреннее? Впрочем, обратите, что у вас есть, в милостыню, тогда все у вас чисто будет. Но горе вам, фарисеям, что любите первые места в синагогах и приветствия в народных собраниях!» На это кто-то из законников сказал Ему: «Учитель! Говоря таким образом, Ты и нас обижаешь». Но Он сказал: «И вам, законникам, горе, что обременяете людей тяжестями неудобоносимыми, а сами и одним пальцем своим не дотрагиваетесь до них. Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения; сами не вошли и помешали тем, кто хотел войти».

Когда Он это говорил им, книжники и фарисеи начали сильно приступать к Нему, вынуждая у Него ответы на многое, подыскиваясь под Него и стараясь уловить что-нибудь из уст Его, в чем бы обвинить Его. Между тем, когда собрались многие тысячи народа, так что теснили друг друга, Он начал говорить прежде ученикам Своим: «Берегитесь закваски фарисейской – именно лицемерия».

Толкование св. Василия Великого на 41 стих 11-й гл. Евангелия от Луки

Творения свв. отцов. Тв. св. Василия Великого

Поелику Господь сказал: *обаче от сущих дадите милостыню: и се вся чиста вам;* то ужели, сколько кто ни грешил, чрез милостыню находит очищение всего?

Самая связь предыдущего объясняет сказанное. Ибо, прежде сказав: *очищаете внешняя сткляницы и блюда, внутреннее же ваше полно грабления есть и лукавства* (ст. 39), потом присовокупил: *обаче от сущих дадите милостыню: и се вся чиста вам вся;* то есть все то, в чем грешим и лукавствуем, грабя и лихоимствуя. Сие же выражает и Закхей, говоря: *се пол имения моего дам нищими: и аще кого чем обидех, возвращу четверицею* (Лк. 19:8). Посему все подобные грехи, которые могут быть заглажены и за которые можно воздать чем-либо в несколько крат большим, очищаются сим способом. И сей, говорю, способ не сам по себе достаточен к очищению, но предварительно имеет нужду в Божием милосердии и в Крови Христовой, которою *имамы избавление* и от всех других грехов (Еф. 1:7), творя за всякий грех *плоды достойны покаяния* (Лк. 3:8).

Отказ Иисуса Христа по вопросу о разделе наследства (Лк. 12: 13–15)

Берсье. «Православное обозрение», 1888

Тогда кто-то из народа сказал Иисусу: «Учитель, скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство». Он же сказал человеку тому: «Кто поставил Меня судить или делить вас?» При этом сказал им: «Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12: 13–15). Почему Иисус Христос отказывается вмешаться в спор о наследстве? На это обыкновенно дается такое объяснение: «Иисус Христос заботится только о вечном благе душ, а все остальные людские интересы вполне чужды Ему». Это объяснение вполне заслуживает внимания, тем более что оно исходит из уст людей, считающих себя наиболее передовыми в духовном смысле, но оно одностороннее. Правда, Иисус Христос выше всего ставит спасение и благо души, но не следует забывать, что Его милосердие охватывает человека во всей его целости. Я бы мог представить много доказательств этому из Его изречений, но есть нечто еще более значительное, чем отдельные тексты, — это отношение Иисуса Христа к тем страданиям и несправедливостям, которые Он встречает. Благородное негодование, охватывающее Его при виде неправды, глубокая жалость, проявляющаяся ко всем сирым и обездолен-

ным, постоянная заботливость о страданиях телесных, многочисленные чудеса для облегчения людей, терзаемых болезнью или голодом, несравненная нежность, звучащая во всяком Его слове и проникающая до сих пор бальзамом дивного утешения в сердца всех удрученных — вот что следует вычеркнуть из Евангелия, если видеть в нем лишь исключительный суровый аскетизм. Но вычеркнуть это — значит уничтожить все Евангелие. Итак, надобно искать другие причины, почему Иисус Христос отказывается вмешаться в спор двух братьев. В чем же эти причины?

Влиять на людей и перевоспитывать их можно двумя способами: внешним и внутренним. Первый состоит в обнародовании правил, в установлении законов, в правительственных распоряжениях, в решениях всех нравственных и политических вопросов на основании известных положений. Второй имеет целью перемену сердца и воли. Из этих двух способов Иисус Христос выбрал второй; Он остался ему непоколебимо верен и этого одного довольно, чтобы доказать Божественность Его посланничества и вечное значение Его дела.

Но предположим на минуту, что Он избрал бы первый способ, и посмотрим, к каким следствиям приведет это. Это решение не изменило бы ничуть сердца этих двух братьев. Если они были несправедливы и завистливы, то они остались бы теми же и после произнесения решения. Предполагая, что они подчинятся приговору, мы получим в результате только практическое разрешение вопроса по гражданскому праву — вот и все. А справедливость и милосердие были бы удовлетворены только в том случае, если бы братья прониклись учением Иисуса Христа и сами бы полюбовно разделили между собою наследство. Вот в чем бы заключалось истинное торжество, и Христос хочет достигнуть именно его.

Но это еще не все. Допустим, Иисус Христос вместо того, чтобы быть спасителем и воспитателем души человеческой, становится судьею над земными благами. Раз Он вступил на этот путь, Ему нельзя бы было сойти с него; раз Он постановил непогрешимое решение на предложенный Ему вопрос, необходимо, чтобы Он решал и все остальные вопросы, которые, будьте уверены, не замедлили бы предложить Ему. Справедливо ли, что евреи подчиняются игу римлян? Справедливо ли, что фарисеи занимают господствующее положение в Израиле? Справедливо ли, что закон не защищает бедных от притеснений богатых? Справедливо ли, что существует рабство? И вот по всем этим вопросам Иисусу Христу придется произнести приговоры в качестве Верховного Судии; Ему придется обличить все несправедливости и всю ложь общественного строя, осудить или уничтожить... Но подумали ли вы об этом? Ведь это значит провозгласить необузданную всемирную междоусобицу. Это значит свергнуть все несправедливые власти, произвести всеобщую революцию, а так как ярость защиты

всегда возрастает с яростью нападения, — это значит произвести ужасную войну и залить кровавым потопом все человечество. Вот крайние логические следствия того положения, в которое стал бы Иисус Христос, сойдя с пути Своей духовной миссии, чтобы стать социальным судьей и реформатором. Но не думайте, чтобы этою ценою Он переродил мир. Как спорящие о наследстве братья, выслушав из уст Христа самое праведное решение, остались бы теми же, что и прежде, точно так же и мир, увидав разоблачение всех несправедливостей и попытавшись утопить их в крови, вышел бы из этой борьбы более ненавидящим, гневным и развращенным, чем прежде. В самом деле, для перерождения общества недостаточно перевернуть его вверх дном, как недостаточно вспахать поле, чтобы сделать его плодородным. Для этого нужно нечто иное: общество, как и почва, нуждается в новых семенах, на нем следует посеять новые начала жизни. Иисус Христос был сеятелем: это сравнение часто приводится Им Самим и прекрасно обрисовывает оригинальность и новизну Его дела. Он не навязывает истины путем насилия или какого-либо принуждения. Он влагает ее в сердца: там должна она прозябнуть — медленное прозябание, тягостное совершенствование, но оно мало-помалу переделает мир. Таким образом Евангелие, вместо того чтобы дать обществу новое государственное устройство или новые законы, заложило в основы этого общества, то есть в глубину души человеческой, принципы правды и любви, заставляющие людей бодрствовать, потрясающие их эгоизм и подрывающие в корне все несправедливости, — те принципы, которые вызовут все будущие преобразования, как они уже вызвали все бывшие.

Многие удивляются, что Иисус Христос и Его апостолы не восставали ни против древнего рабства с его возмутительной безнравственностью, ни против законов, порабощавших жену и детей мужу, ни против общественного неравенства, тяготевшего над бедными, ни против деспотизма правительства, угнетавшего мир. Но нападать и проповедовать восстание было бы очень легко; совсем иное дело — дело новое, Божественное — отвергнуть борьбу силой против силы, злом против зла и смело пытаться преодолеть зло добром и рассчитывать на победу, влагая в сердца чувства правды и милосердия, чтобы оттуда они перешли и в законы, и в общественную жизнь; совсем иное дело уготовить Богу грядущее этой обильной жатвы и умереть, поливши своею кровью борозды, в которых прозябает это семя.

Вот причина, почему Иисус Христос так категорически отказывается вмешаться в спор между двумя братьями. Теперь следует вывести отсюда одно непосредственное, очень близко касающееся современной жизни следствие.

Каковы должны быть отношения христианской религии к политике? Если Иисус Христос отказался быть посредником в правовом вопросе о

наследстве, должны ли мы и можем ли хотя отчасти примешивать религию к области политики?

Из истории мы видим, что ни одно влияние не было так сильно в сфере политики, как влияние религии. Религия создает характер народов, определяет их судьбы; это можно наблюдать во все времена. Хотя поверхностные наблюдатели воображают, что религия теперь не имеет значения, но легко показать, что в основе всех великих вопросов, волнующих мир в настоящее время, во Франции, в Ирландии, в Италии, в Испании, на Востоке — всюду лежит вопрос религиозный. Заниматься политикой, не принимая в расчет религии — безумное предприятие. Что можно сказать об архитекторе, который стал бы возводить здание, не обращая внимания ни на климат, ни на перемены температуры, ни на атмосферические условия? Религия — это атмосфера души, и безумно поступает тот, кто думает основать нечто устойчивое, не принимая в расчет религии.

Чем больше та или иная форма христианской религии приближается к духу учения Иисуса Христа, тем более свободны, могущественны и счастливы исповедующие ее народы; наоборот, чем более искажено в вероисповедании Христово учение, тем ближе стоят к анархии принявшие его народы. Но весь вопрос в том: при каких условиях христианская религия может спасать народы? Я отвечаю: действуя, подобно Христу, вполне духовным образом, освобождая души, проповедуя им справедливость, праведность, любовь, и при этих-то условиях поразительно осуществляются слова Священного Писания: «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его, и все остальное приложится вам». Но если Церковь сочтет эту роль слишком скромной для себя, если она захочет выступать на политическое поприще, если она послушает призыва партий, если она забудет пример Учителя и вмешается в то, во что отказался вмешаться Христос, то она унизит свое достоинство и погубит свое дело. Не следует ставить Евангелие под знамя политической партии, как бы ни была она либеральна. Евангелие стоит выше всех партий, оно обращается ко всем и всем равно проповедует справедливость и милосердие. Его нельзя подчинить влиянию какой бы то ни было политической системы. Будем иметь, как граждане, свои убеждения по ежедневно возникающим общественным вопросам, но воздержимся от отожествления их с Евангелием. Церковь — это святилище, всех объединяющее, это — горнее место, куда стекаются люди, чтобы вздохнуть чистым воздухом правды, милосердия и взаимной любви; у ее двери нужно откинуть всякие помыслы о политических системах, чтобы думать лишь о том, что истинно и вечно. В ней всякий чувствует себя грешным, преступным, и пред мольбой к Господу о прощении должны замолкнуть все разъединяющие воспоминания. Вот чем по меньшей мере должна быть Церковь.

Сказанное может относиться и к экономическим вопросам; даже сюда еще ближе относятся слова Спасителя. Вот перед Иисусом Христом стоят два брата и просят Его решить, кому должно принадлежать наследство. Один брат — это класс собственников, другой — толпа пролетариев. Первый говорит Ему: «Обеспечь мне мое владение, водвори порядок и усмири безумные страсти». Другой говорит: «Ты, бывший Сам бедным, стань на сторону бедняков и доставь им торжество справедливости». И вот я как будто слышу ответ Учителя на эту горячую мольбу: «О люди! Кто поставил Меня судить или делить вас?»

И на самом деле, Христос не может быть ни за тех, ни за других, ибо Он равно за всех! Одни хотят, чтобы Он стал на сторону богатых. На этом условии они, конечно, окажут поддержку Церкви уже по одному тому, что она станет тогда, по известному грубому выражению, сторожем их денежных сундуков. Они видят в христианской религии оплот против революции и ради этого поддерживают и распространяют ее, может быть, даже не веруя в нее. Оставаясь в глубине души скептиками, они склоняются пред Иисусом Христом, лишь бы только Он принял их интересы под Свою святую охрану. Но Он не желает этого. Почему? Да потому, что за правами и имуществом богатых часто кроется много несправедливостей, и Он, Святой и Праведный, не может освятить их Своей Божественною властью. И мы, Его ученики, не можем согласиться поместить под охрану Евангелия — блага общего всем людям — частные интересы какой-либо партии или класса. Мы думаем, что принимать современный общественный порядок так, как он есть, не желая горячо его улучшения под влиянием милосердия и справедливости, значит быть бессердечными, значит отречься от духа Иисуса Христа. Должен быть известный минимум вещных благ, которыми следует обладать каждому человеку. Между тем существуют такие жизненные положения, где это возможно лишь чудом. Есть степень нищеты, при которой неизбежно утрачивается всякое чувство человеческого достоинства. На наших фабриках допускается такое смешение полов, которое убивает стыд и оскверняет душу; в подавляющей, тягостной работе детей, осужденных быть какими-то вертящими машинами, лежит непреодолимое препятствие к их нравственному развитию, а в труде по воскресным дням заключается смерть всякой вере и религии. Было бы несправедливо слагать теперь на один класс собственников всю ответственность в этих вопиющих бедствиях, являющихся на самом деле столько же продуктом времени, обстоятельств и ошибок предшествовавших поколений, но еще более несправедливо и безбожно признать эти бедствия неизбежными и требовать от Иисуса Христа, чтобы Он освятил и обеспечил навсегда преимущества имущих классов при этих условиях. Нет, Иисус Христос не сделает этого. Напротив, Он пробудит в их совести тайное беспокойство, Он напомнит

им, что они лишь хранители вверенного им богатства, встревожит их мыслью об ответственности, налагаемой их положением, Он смутит их эгоизм, вызвав в них сознание чрезмерной неравноправности, отделяющей их от других людей. Под этим влиянием они вспомнят, что их неотложный долг состоит именно в том, чтобы уменьшить это расстояние, поднять падших, поддержать их достоинство, обеспечить им средства к существованию, просветить их умы, видеть в них разумно-нравственные существа, своих товарищей, а не рабов, приобщить их, насколько возможно, к общему делу и никогда не только не противиться, но горячо содействовать тем реформам, которые делают многих участниками благ, составлявших прежде привилегию единиц. Вот о чем должно напоминать Евангелие.

Другие желают, чтобы Иисус Христос стал на сторону неимущих и закрепил за ними их долю наследства. Но Он не сделает этого, потому что, если бы Он даже Господней властью и присудил каждому равную часть имущества, это решение имело бы значение лишь на сегодня, а на завтра равенство неизбежно бы нарушилось. Действительно, нам еще неизвестно решение этой социальной задачи, а люди, воображающие, что они отыскали его, — или мечтатели, или обманщики. Я уже сказал, что у каждого человека есть одно право, обладание которым мы должны предоставить всем не только на словах, но и на деле, — это право жить, спасая душу свою. Вполне законно, чтобы наряду с этим правом каждому человеку были открыты все пути к достижению других прав, но кто идет дальше этого, кто требует во имя Христа равенства владения и пользования, тот обманывает и лжет. Есть равенство справедливое, а именно равенство в общих правах и пред законом, но разве возможно полное равенство вне этой области? Разве природа создала нас равными по талантам, по здоровью, по нравственной и физической силе и по всякого рода способностям? Разве имущественное равенство, установленное сегодня законом, может просуществовать до завтра без самых тягостных притеснений? Поэтому напрасно было бы прийти к Иисусу Христу и сказать Ему: «Господи, скажи брату моему, чтобы он разделил со мной наследство». На эту, казалось бы, справедливую, просьбу Иисус Христос ничего не ответит.

Он ничего не ответит, потому что Его задача выше. Она состоит в том, чтобы сблизить во взаимном уважении и любви тех, кого разделяют их интересы.

Теперь, выяснив эту причину отказа Иисуса Христа и поучительный смысл, заключающийся в нем, разберем наставление, данное Им двум братьям, пришедшим просить Его посредничества: «Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо от обилия имения не зависит жизнь человека».

Это наставление отнюдь не представляет собою общей фразы. Христос читал в душе всех, к кому обращался с речью, и там увидел Он истин-

ную причину распри их. Этой причиной было корыстолюбие. Есть два рода корыстолюбия: корыстолюбие лица владеющего и корыстолюбие лица завидующего; неодинаковые в глазах людей, они равны пред Богом.

Иисус Христос не осуждает трудолюбивого владельца; Он осуждает того, кто видит жизнь свою в благах мира сего, все равно, обладает он ими или нет, потому что у бедняка тоже может быть завистливое корыстолюбие, как у богача скупое корыстолюбие. В свете называют корыстолюбием только скаредного скрягу, но Слово Божие судит глубже. Оно замечает корыстолюбие во всех его проявлениях и клеймит их всех одинаково.

Что ценят в деньгах молодой человек и светская женщина? Возможность внешней пышности, шумной рассеянной жизни и легких удовольствий. Что ценит в деньгах зрелый человек? Возможность добыть посредством их могущество и влияние; они служат подмостками его честолюбия. А старик, сознающий уже, что для него нет честолюбия, старик с замкнутым и очерствевшим сердцем, которого нельзя тронуть никакими воззваниями, представляет собой отвратительное зрелище любви к деньгам ради самих денег. Но по учению Писания во всех этих привлекательных или отталкивающих, расточительных или скаредных формах корыстолюбия кроется одно и то же — идолопоклонство. Будет ли идол изящным или гнусным, он все-таки остается идолом, и все корыстолюбцы сходятся в одном общем стремлении видеть жизнь свою в своем имуществе. Но истинная жизнь заключается не в этом. Истинная жизнь прежде всего в душе, а не в обладаемых благах. Дайте невежде богатейшую в мире библиотеку, посадите больного за самый роскошный обед, окружите истощенное, высохшее, пресыщенное сердце самыми чистыми и нежными наслаждениями чувства — и вы получите осязательнейшее доказательство, что жизнь заключается не в обладаемых благах. О, сколько раз мы видим скорбь и терзание духа в домах, где богатство сосредоточило весь свой блеск, сколько видим ран сердца, нанесенных взаимной неверностью, сколько раз видим старика отца, сходящего в могилу из-за неблагодарности сына, сколько раз встречаем пресыщенность, отвращение к жизни и даже неспособность наслаждаться ею! Недаром уже давно замечен тот факт, что самоубийцы чаще встречаются между богатыми, чем между бедными.

Да, в судьбах человеческих гораздо больше равенства, чем мы полагаем. Богатство не спасет от болезни и не возвратит матери умершего сына. Есть такие сердечные и душевные скорби, которые ни в чем не уступят самой ужасной нищете.

А что сами мы помыслим об истинной жизни, о той жизни, которая должна будет перейти в вечную жизнь, если мы перенесемся мысленно к тому торжественному часу, когда нам придется отдать отчет в нашем существовании, когда все наши действия будут взвешены на весах Непогреши-

мого Верховного Судии? Тогда и жестокий богач, и светская женщина услышат ужасный приговор: «Вы искали свою жизнь в благах мира сего, и вот вам следствия вашего эгоизма и суетности». Да, этот час пробьет для всех нас через десять лет, через пять лет, может быть, завтра, и все заклятия, все сопротивления, все насмешки не замедлят его прихода, как крик или хохот безрассудных смельчаков, уносимых быстриной водопада, не задержит их от падения в бездну.

Нет, жизнь заключается в ином! Она в прощении Бога, она в примирении с Ним, она в единении с Иисусом Христом, в познании Его, в вере в Него и в любви к Нему, Спасителю душ.

Вы, сердца, обманутые миром, испившие кубок наслаждений и нашедшие на дне его едкую горечь, и вы, озлобленные сердца, которым было отказано в мирских утехах, вы — бедняки или богачи, счастливые или обездоленные — обладаете ли вы истинной жизнью? Считаете ли вы Бога — Отцом, Христа — Спасителем, вечную жизнь — блаженною действительностью, наследством, которое никто не может похитить? Вот истинный источник жизни, вот счастье, пред которым все остальное призрак и суета, вот благо, обладание которым и в скорби, страдании и смерти открывает надежду, радость и блаженство. Счастлив тот, кто, лишась всего, чему так завидует, на что так падок мир, обладает твердым прибежищем в любви к Иисусу Христу, с Которым никто не разъединит его. Счастлив тот, кто обладает Царством Господним на земле в унижении, в нищете, в угнетении, но несомненно некогда будет наслаждаться Царством Господним на небеси, в бесконечной славе и вечном блаженстве с Иисусом Христом.

Избранные места из святых отцов в изъяснение Евангелия от Луки (12: 16–21)

«Воскресное чтение», 1824

Ст. 16–18. *Человеку некоему богату угобзися нива, и мысляше в себя, глаголя: что сотворю, яко не имам где собрати плодов моих?* и проч.

Богач старается распространить свои сокровищницы, желая наслаждаться только настоящим. Он не взирает к жизни будущей, не возводит очей к Богу, у него нет никакой любви к бедным, ни заботы о них, даже не думает он о славе, какую мог бы заслужить благодеяниями. Но говорит: *разорю житницы моя* (из Кирилла Александрийского).

Такому скажу я: и хорошо ты делаешь, ибо житницы нечестия точно достойны разрушения. Бедняк! Разрушь сам своими руками то, что худо создано тобою. Разори житницы, от которых никто не порадовался, никто не возвратился с прибылью. Уничтожь весь дом, в котором хранится сребролюбие: сломай кровлю, раскинь стены и открой свету хлебные зерна;

освободи из-под стражи твои скованные богатства; восторжествуй над темным жилищем нечестивой мамоны. *Разорю житницы моя, и большия созижду.* А когда и их наполнишь хлебом, что еще замыслишь? Ужели опять разоришь и созиждешь? Не безрассудно ли так мучить себя без конца, созидать и опять разорять? Если хочешь, имеешь где полагать хлеб твой — чрево бедных. Сокровиществуй *себе сокровище на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопевают, ни крадут* (Мф. 6:20). Но, скажешь, тогда буду давать, когда наполню новые житницы. Ты обещаешь себе долгую жизнь: смотри, чтобы конец, назначенный твоей жизни, не постиг тебя внезапно. И что препятствует подавать ныне? Не всегда ли есть убогие? Не полны ли твои житницы? Не готова ли мзда от Господа? Не явна ли заповедь? Вот один истаивает от голода, другой цепенеет от холода, иного истязуют за долги; а ты откладываешь милостыню на завтра? Ты избегаешь встречи с бедными, чтобы не принудили тебя что-нибудь выпустить из рук твоих. Одно умеешь говорит: «Не имею, не дам, потому что сам я беден». Ты точно беден, во всем нуждаешься. Беден ты человеколюбием, беден верою, беден упованием. Потому и советую тебе: сделай участниками хлеба, какой имеешь, братий твоих. Завтра, может быть, он испортится. Дай требующему теперь. Это самое худшее корыстолюбие — не давать убогому того, что легко подвергается порче (Василий Великий в слове 1 на корыстолюбцев).

Для чего ты богат, а другой беден? Конечно, для того, чтобы ты за благотворительность, за верное распоряжение имением получил награду, а другой приял мзду за терпение. А ты думаешь, что никому не вредишь, когда, захватывая все ненасытным корыстолюбием, столько людей лишаешь благ? Кто корыстолюбец? Тот, который не довольствуется малым, тем, что для него должно быть достаточным. Кто общественный тать? Тот, кто похищает чужое. Как же ты не корыстолюбец? Как не тать, когда то, что получил в распоряжение и для раздаяния, присваиваешь? Псалмопевец говорит: *богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Пс. 61:11). А ты текущее задерживаешь и заграждаешь ему выход (там же).

Ст. 19. *И реку души моей: душе, имаши многа блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пий, веселися.*

Но богач, которому суждено скоро оставить эту жизнь, что предпринимает? Что говорит? — *Душе, имаши многа блага, лежаща на лета многа,* и т.д. О, глупейшие слова! О, безумие необыкновенное! Что другое сказал бы ты, если бы имел скотскую душу? Так ли ты скотен, так ли мало знаешь, какие блага души, когда подаешь ей пищу плоти? Если душа добродетельна, исполнена делами благими, если Богу угодна, тогда имеет она блага многа, и такою душей мог бы ты веселиться и наслаждаться. А когда мудрствуешь земное и бог для тебя чрево, когда во всем водишься пожеланиями плотскими, то речь твоя происходит не от ума, а от чрева (там же).

Ст. 20. *Рече же ему Бог: в сию нощь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут?*

Говорит как бы так: то, что собрано тобою, кому ты приготовил? Если для себя самого, то вот истязатели пред тобою, которые не позволят тебе насладиться приготовленным. Если кому-либо другому, то все неизвестно – *кому будут?* Может быть, достанутся тому, кто тебя ненавидит, и он посмеется над тобою; если же достанется ближним твоим, они будут хулить твою зверскую жестокость. На такое безумие и такую суетность указывает псалмопевец, когда говорит: *обаче всяческая суета всяк человек живый: – сокровиществует, и не весть, кому соберет я* (Пс. 38: 6–7) (писатель не указан).

Как не безумен тот, кто не знает, что предел жизни нашей во власти Божией и никто не может ни продолжить, ни определить течения своей жизни? Заметь это слово: *истяжут.* Ибо ангелы, как жестокие истязатели податей, истяжут душу твою, против воли твоей, хотя бы ты, по безмерному пристрастию к жизни настоящей, и противился тому. От праведника не истязуется душа, а он сам с радостью, торжествуя, предает ее Богу, Отцу духов, и не боится смерти; потому что тело для него тягость, а Он слагает его охотно. А грешник, подчиняя душу телу, при чрезмерной любви к плоти делает и душу плотью и хочет, чтобы душа была нераздельна с телом. *Праведных души в руце Божией* (Прем. 3:1). Душа (грешника) истязуется *в нощи;* ибо не озаряет ее свет Богопознания, но, живя в ночи сребролюбия, им помраченная, она объемлется смертью (бл. Феофилакт).

Ст. 21. *Тако собирая себе, а не в Бога богатея.*

Безумный (богач) в самую минуту замыслов своих восхищается от сей жизни. Если бы собирал он для бедных и для Бога, то этого с ним не случилось бы. Потщимся же богатеть в Бога, то есть на Него возложим надежду; пусть Он владеет нашим богатством и его хранилищами, будем называть имение Божиим, а не нашим. И если оно Божие, не будем отнимать его у Бога. Богатеть в Бога значит верить, что если я и все раздам, и сам себя иждиву, то не потерплю недостатка ни в чем нужном. Сокровищница моя Бог: я открою и возьму необходимое для меня, все, что мне будет нужно (бл. Феофилакт).

Что значит богатеть в Бога

Свт. Филарет, мтр. Московский.
Из Слова в Неделю 26-ю по Пятидесятнице

Тако собирая себе, а не в Бога богатея (Лк. 12:21). Что значит *богатеть в Бога?* Правило сие по первому виду не так ясно, как противоположная ему неправильность – *собирать себе.* Собирают себе в житницу, в кладовую, в пазуху; но как богатеть в Бога, Который не берет земного, вещественного богатства к Себе на небо и не имеет в оном нужды?

Для кратчайшего изъяснения правила *богатеть в Бога* скорее всего можно указать на близкий пример: Богу во храм, на его созидание или на обновление, или на содержание его в потребном благоустройстве и в приличном благолепии, иной приносит часть богатства своего, а иной посвящает бескорыстный труд, который есть также собственность, нередко высоко ценимая между людьми, и первоначальное богатство, посредством которого делаются богатыми небогатые. Что ж, отдающие таким образом свое богатство и свой труд Богу беднеют ли, или *богатеют?* Словом Господним говорю: богатеют, как потому, что сим образом благословляется прочее их богатство, честно приобретенное, и благонамеренный труд, так и потому, что принесенное ими не перестает быть их достоянием, поелику Богу присвоять оное не нужно, не теряется, поелику похитить у Бога не можно, а сохраняется в невредимой пред очами Божиими целости, для их будущего воздаяния. Вот один из способов *богатеть в Бога.*

Другой способ *богатеть в Бога* Сам Иисус Христос излагает в следующих словах: *продадите имения ваши и дадите милостыню, сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище неоскудеемо на небесех* (Лк. 12:33). Если мысль твоя не успокаивается на одном простом доверии к верному и непогрешительному слову и желает еще объяснения, как может поданное тобою нищему очутиться в сокровищнице небесной, – и сие изъясняет тебе Господь другим Своим изречением: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25:40). На сии слова, написанные в Евангелии, ты можешь смотреть как на заемное письмо, которым Господь признал Себя должным тебе во всем, что ты подал или что благотворительно сделал нуждающемуся ближнему. Обладатель мира, без сомнения, не имел нужды в сем ничтожном займе, не только для Себя, но и для тех, для которых делает оный; но такова дивная благость Его, что Он уничижает Себя до образа должника твоего, чтобы привлечь тебя к благотворению и чрез благотворение к блаженству; Он занимает у тебя безделицы, прах, тлен, которое ты называешь земными благами, чтобы иметь случай без оскорбления Своего правосудия платить тебе истинным благом, нетлением, блаженством, с такою лихвою, которой ты никогда исчислить не возможешь.

К притче о евангельском богаче

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в день Успения Божией Матери

В каком состоянии находится после смерти душа человека, предававшегося чувственным удовольствиям при жизни? Если бы нам и не было сказано, что за гробом есть адская бездна и геенский огнь, угрожающие тем,

которые в земной жизни не построили себе лестницы к небу, то по самым свойствам души нашей и по ее опытам в земной жизни мы могли бы заключить, как опасно пройти в мир духов без духовного приготовления, с одними привычками и пристрастиями к земному и чувственному. Душа в том находит удовольствие и в том живет, к чему прилепились ум и воля: лишение сего есть для нее глад, скорбь, страдание, смерть. Отторжение же ума и воли от одного предмета и прилепление к другому, по порядку природы, не совершается мгновенно. Посему со всякою душою, которая с одними привычками и пристрастиями земными, без духовного приготовления, чрез смерть очутится в мире духов, естественно должно происходить подобное тому, что произошло с описанным в Евангелии богачом, который поелику до смерти занимался только тем, чтобы услаждать свой язык яствием и питием, то и по смерти не нашел у себя высшей мысли и лучшего желания, как чтобы прохладить свой язык, но также не нашел и желаемой капли воды. Пришельствующая в незнакомый духовный мир душа мечтает о привычных земных занятиях, жаждет привычных чувственных удовольствий; но их там нет. Напротив того, там есть возвышеннейшие предметы созерцания, чистейшие источники радости и блаженства; но они чужды ее уму и воле. Что же для нее остается? Ее внутренняя пустота, глад, скорбь, страдание, что и составляет ее смерть.

Мудрость жизни (Лк. 12:35)

Из Вине. «Православное обозрение», 1882

Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи. Слова Спасителя, взятые в их буквальном смысле, представляют нам людей, которым каждую минуту может предстоять нужда отшествия, — людей, которых каждую минуту может застигнуть мрак. Приподнимите, говорится первым, и соберите под вашим поясом длинные складки ваших влекущихся по земле одежд на тот конец, чтобы, когда настанет время идти, ничто не задержало вашего отшествия, ничто не делало его слишком трудным, ничто не стесняло или не замедляло шагов ваших. А вы, говорится другим, зажгите теперь же, в ожидании часа, когда померкнет день, светильник, коего пламя рассевает или услаждает печальную темноту ночи.

В смысле духовном те же самые слова обращены ко всем людям, и они значат: принимайте необходимые меры к тому, чтобы с наступлением минуты отшествия ничто не воспрепятствовало вам отправиться, и притом отправиться совершенно свободно и с полнейшею решимостью, чтобы идти туда, куда угодно будет Богу, чтобы вы шли, и запасайте себе наперед утешение, сильное поддержать вас во всех скорбях ваших. Ибо мрак, о котором говорится в сем изречении Христовом, не есть мрак неведения,

заблуждения или сомнения, но мрак печали и уныния, и Христос Спаситель противополагает здесь светильник радости тьме несчастия.

Увещание это для первых учеников, для апостолов в особенности, имело исключительное значение. Кому наиболее, если не им, надлежало иметь чресла препоясанными и светильники горящими? Они были призваны Промыслом полагать среди самых ожесточенных противодействий, при самых невообразимых препятствиях основы Церкви Христовой. Они посылались безоружные на завоевание мира; они шли туда, по слову Самого Спасителя, как овцы посреди волков. Будущее для них было темно; они различали ясно сквозь мрак его только кресты, насажденные всюду. *Вы будете иметь скорби* — вот первое обещание, данное им их Учителем. Малейшею из сих скорбей было оставить, подобно Аврааму, свой род и отечество; еще более тяжким было оставаться в недре отечества и семьи, неизбежно ненавидевших их, потому что они любили Христа. Как бы то ни было, они подчинились велению и власти Своего Учителя и Господа; они знали, что слуга не выше своего господина, что мир будет поступать с ними так же, как он поступал с их Учителем, что с поражением пастыря будут рассеяны и овцы, и апостол Петр из уст Самого Спасителя принял это возвещение, приложимое ко всем апостолам: *поведут тебя, куда не хочешь* (Ин. 21:18). Чем были бы первые христиане, где была бы теперь Церковь Христова, если бы Петр и другие апостолы не вняли сему увещанию Христову: «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи»?!

Мысли свт. Феофана (Лк. 12:35)

«Мысли на каждый день года»

Да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящи. Надо быть готовым на всякий час: не знаешь, когда придет Господь или для последнего суда, или для взятия тебя отсюда, что для тебя все равно. Смерть все решает; за нею итог жизни; и что стяжаешь, тем и довольствуйся всю вечность. Доброе стяжал — блага участь твоя; злое — зла. Это так верно, как верно то, что ты существуешь. И решиться все это может сию же минуту — вот в эту самую, в которую ты читаешь эти строки, и затем всему конец; наложится печать на твое бытие, которой никто уже снять не сможет. Есть о чем подумать!.. Но надивиться нельзя, как мало об этом думается. Что за тайна деется над нами! Все мы знаем, что вот-вот смерть, что избежать ее нельзя, а между тем совсем почти никто об ней не думает, а она придет внезапно и схватит. И то еще... когда даже схватывает смертельная болезнь, все не думается, что конец пришел. Пусть решат это психологи с ученой стороны; с нравственной же нельзя не видеть здесь непонятного самопрельщения, чуждого только внимающим себе.

Толкование св. Василия Великого на 46 стих 12-й главы Евангелия от Луки

Огорчившие Духа Святого лукавством начинаний своих или ничего не приобретшие к данному будут лишены того, что получили, и благодать отдастся другим, или, как говорит один из евангелистов, они будут *растесаны* совершенно, под растесанием разумея конечное отчуждение от Духа. Ибо не тело делится на части, чтобы одна часть была предана наказанию, а другая освобождена; потому что походит на басню и недостойно праведного Судии предположение, что подвергается наказанию одною половиною, кто согрешил весь. Так же и душа рассекается пополам, потому что она вся и всецело приняла греховное мудрование и содействовала телу во зле. Напротив того, растесание сие, как сказал я, отчуждение навсегда души от Духа. Ибо ныне Дух, хотя не имеет общения с недостойными, однако, по-видимому, сопребывает некоторым образом с теми, которые запечатлены однажды, ожидая их спасения по обращении; а тогда совершенно отсечется от души, поругавшей Его благодать. Посему *несть во аде исповедующийся и в смерти поминаяй Бога* (Пс. 6:6), потому что там не сопребывает уже помощь Духа. Как же можно представить, чтобы суд совершился без Святого Духа, между тем как Слово показывает, что Он есть и награда праведных, когда вместо залога дано будет совершенное, и что первое осуждение грешников будет состоять в том, что отнимется у них все, что почитают себя имеющими.

Вопрос и ответ св. Василия Великого на 47–48 стихи 12-й гл. Евангелия от Луки

Творения Василия Великого

Вопрос. Если один биен будет *много,* а другой *мало* (Лк. 12: 47–48), то почему же иные говорят, что нет конца мучению?

Ответ. Что в некоторых местах Богодухновенного Писания сказано как бы обоюдно и прикровенно, то уясняется сказанным открыто в других местах. И Господь то решительно говорит, что *идут сии в муку вечную* (Мф. 25:46), то отсылает иных *во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (ст. 41), а в другом месте именует *геенну огненную* и присовокупляет: *идеже червь их не умирает, и огнь их не угасает* (Мк. 9: 47–48), и еще древле о некоторых предрек чрез пророка, что *червь их не скончается, и огнь их не угаснет* (Ис. 66:24): потому, если при таком числе подобных свидетельств, находящихся во многих местах Богодухновенного Писания, многие еще, как бы забыв о всех подобных изречениях и определениях Господних, обещают себе конец мучению, чтобы свободнее отваживаться на грех, то сие, конечно, есть одна из козней диавольских. Ибо если будет когда-нибудь конец вечному мучению, то и вечная жизнь, без сомнения, должна

иметь конец. А если не смеем думать сего о жизни, то какое основание — полагать конец вечному мучению? И мучению, и жизни равно придается одно слово: вечный. Сказано: *идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный.* А согласившись в этом, надобно знать, что выражения *биен будет много* и *биен будет мало* означают не конец, а разность мучения. Ибо, если Бог есть праведный Судия не только добрых, но и порочных, воздающий каждому по делам его, то иной может быть достойным огня неугасимого, но или слабейшего, или более пожигающего, другой — червя неумирающего, но опять или сноснее, или нестерпимее причиняющего боль, по достоинству каждого, и иной — геенны, в которой, без сомнения, есть разные роды мучений, и другой — тьмы кромешной, где один доведен только до плача, а другой от усиленных мучений и до скрежета зубов. Самая тьма кромешная, без сомнения, показывает, что есть в ней нечто и внутреннее. И сказанное в Притчах: *во дне ада* (Притч. 9:18) — дает разуметь, что некоторые, хотя во аде, но не *во дне ада,* терпят легчайшее мучение. Это можно и ныне отличать в телесных страданиях. Ибо один болен лихорадкою с припадками и другими недугами, другой чувствует только лихорадку, и то не в равной степени с другим; иной же не имеет лихорадки, а страждет болью в каком-либо члене, и то опять более или менее другого. Но и это *много* и *мало* сказано Господом по обыкновенному словоупотреблению, как и иное сему подобное. Ибо знаем, что подобный образ речи употребляется часто о страждущих одним каким-нибудь недугом, например, когда говорим о человеке, который болен только лихорадкою или чувствует боль в глазу, дивясь, сколько он потерпел или какие вынес нужды. Почему опять повторяю, что *много* и *мало* быть битым означает не продолжение или скончание времени, но разность наказания.

О том, что Господь горел желанием потерпеть страдания за спасение людей (Лк. 12:49)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Беседы о благочестивом усердии

Огня приидох воврещи на землю, глаголет Спаситель, *и что хощу, аще уже, возгореся* (Лк. 12:49). То есть как желал бы Я, чтобы он уже горел! Что же это за огнь, столь вожделенный Пришедшему спасти человека? Без сомнения, не огнь разрушающий, но огнь оживляющий, огнь духа, ввергаемый в землю сердца, который, по выражению пророка, *разваряет и очищает, яко сребро и яко злато, и очистит сыны Левины,* то есть сынов сердца, *и пролиет я, яко злато и яко сребро, и будут Господеви приносяще жертву* духовную *в правде,* (Мал. 3:3). Сей Божественный огнь, которым Иисус Христос так желал

воспламенить сердца человеков, горел уже тогда в собственном Его сердце как своем источнике, как то обнаруживают непосредственно за вышеприведенными следующие слова Его: *крещением же имам креститися*, то есть крестным страданием; *и како удержуся, дондеже скончаются* (ст. 50). То есть как Я томлюсь, доколе сие совершится! Что значит сие томление, как не то, что Его сердце горело желанием страдания и крестной смерти, дабы сею жертвою умилостивить Бога Отца и совершить спасение человеков?

Блаженного Августина поучение из слов евангельских (Лк. 12: 56–59)

«Воскресное чтение», 1812

Мы слышали в Евангелии, как Господь обличает тех, которые лице неба распознавать умеют, но не умеют найти времени веры для приближающегося Царствия Небесного. Это сказано иудеям; но слово Господа дошло и до нас. Сам Он, Господь наш Иисус Христос, начал благовестие Свое так: *Покайтеся: приближися бо Царствие Небесное* (Мф. 4:17). Теми же словами начал проповедь и Иоанн Креститель, Предтеча Его. И вот теперь Господь обличает тех, кои не хотят покаяться ввиду приближающегося Царства Небесного. *Царство сие*, как Он Сам сказал, *не приидет со усмотрением* (Лк. 17:20). Оно, говорит Господь, *внутрь вас есть* (Лк. 17:21). Воспользуемся же благоразумно увещанием Учителя, чтобы не потерять времени милости Спасителя, которое дотоле дает место покаянию, пока не наступит время воздаянию. Ибо для того и щадит Господь человека, чтобы сей обратился и чтобы никто не подпал осуждению. Бог знает, когда прийти концу века; а теперь время веры. Застанет ли нас здесь конец века, не знаю — быть может, и не застанет. Но это время к каждому из нас близко, потому что мы смертны. Среди опасностей мы ходим. Итак, послушаем Господа и сотворим в самих себе то, что Он заповедал. Рассмотрим, кто такой тот *соперник*, от которого предостерегает нас: *егда грядеши*, говорит, *с соперником твоим ко князю, на пути потщися избыти от него: да не когда привлечет тебе к судии, и судия тя предаст слузе, а слуга всадит тя в темницу, — не изыдеши оттуду, дондеже и последнюю медницу воздаси*. Кто этот соперник? Если диавол, то мы уже освобождены от него. Нет, не это соперник, на которого указывает нам Господь. Без труда найдем мы сего соперника, если сравним слова двух евангелистов о том же предмете. Ибо один сказал: *егда грядеши с соперником твоим ко князю, на пути потщися избыти от него*, а другой о том же говорит так: *буди увещаваяся* (соглашаясь) *с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним;* прочее одинаково у обоих: *да не предаст тебе соперник судии, и предаст судия слузе тя, и в темницу ввержен будеши*. Оба евангелиста сходно между собою изложили слово Господне. У одного сказано: *потщися избыти от него*

на пути, у другого: *буди увещаваяся*, соглашайся. То есть ты не можешь избыть от него, если не согласишься, не примиришься с ним. Что же? Может ли быть это диавол, с которым должно христианину помириться?

Поищем же сего соперника, с которым должно нам помириться, да не предаст нас судье, а судья слуге; поищем его и примиримся с ним. Если ты грешишь, соперник твой есть слово Божие. Например, тебе угодно напиваться, а слово Божие говорит: не упивайся. Ты хочешь зрелищ и пустословия — оно тебе запрещает. Хочешь прелюбодействовать, оно говорит тебе: не прелюбы сотвори. В каких бы то ни было грехах хочешь исполнять свою волю — оно запрещает. Таким образом, это соперник воле твоей, пока не сделается совершителем твоего спасения. О, сколь благ этот соперник, как благотворен нам! Не ищет он нашей воли, а ищет нашей пользы. Он соперник нам, пока мы сами враги себе самим. Доколе ты враг себе, дотоле враг для тебя Слово Божие; но будь себе другом, и ты будешь с ним в мире. Оно говорит: *не убий*: послушайся, и ты примирился. *Не укради*: послушайся, и ты примирился. *Не прелюбы сотвори*: послушайся, и ты примирился. *Не лжесвидетельствуй*: послушайся, и ты примирился. *Не пожелай жены искренняго твоего*: послушайся, и ты примирился. *Не пожелай елика ближняго твоего*: послушайся, и ты примирился. Во всем этом ты согласился с твоим соперником и потерял ли что? Не только не потерял, но приобрел и самого себя, когда ты погибал.

Путь — это жизнь настоящая; если примиримся с ним, если согласимся со Словом Божиим, то по совершении пути не убоимся ни судии, ни слуги, ни темницы. Когда совершается путь? Не у всех в одно время. У каждого свой час, когда кончает путь. Путь — это, говорим, жизнь настоящая; ты кончил жизнь, кончил путь. Мы шли; и жить — значит проходить. Или думаете, проходит одно время, а мы стоим? Невозможно. Как время проходит, так и мы, и годы наши не столько приходят, сколько уходят. То великое заблуждение, когда говорят: «Этот отрок еще мало разумеет, но прибавится ему лет, и будет умным». Рассмотри, что ты говоришь. Ты сказал — прибавится: я покажу тебе, что не прибавится, а убавится. И послушай, как легко доказать сие. Представим, что мы от рождения отрока знаем число лет его жизни, что, например, по лучшей мере проживет он восемьдесят лет, достигнет старости. Итак, напиши — восемьдесят лет. Теперь, когда он прожил один год, сколько остается у тебя в сумме? Восемьдесят без одного. Прожил десять; остается семьдесят. Прожил двадцать; осталось шестьдесят. Годы точно приходили, но как? Приходят, чтобы уходить. Не приходят они для того, чтобы стоять с нами; но проходят чрез нас, проходя, стирают нас и делают более и более слабыми. Таков путь, по которому идем.

Что же на нем будем делать с оным соперником, то есть словом Божиим? Примирись с ним. Ибо ты не знаешь, когда окончится путь. А по окон-

чании его тебе предстоит судия, и слуга, и темница. Но пребудь в добром согласии с твоим соперником, будь в мире с ним; тогда вместо судии найдем Отца, вместо жестокого слуги — ангела, несущего тебя в лоно Авраама, вместо темницы — рай. Так скоро все изменишь на пути, когда примиришься с твоим соперником.

Св. Василия Великого толкование на 58 стих 12-й гл. Евангелия от Луки

Творения свв. отцов

Господь говорит: *Егда бо грядеши с соперником твоим ко князю, на пути даждь делание избыти от него, да не како привлечет тебе к судии, и судия предаст тя слузе, и слуга всадит тя в темницу* (Лк. 12:58). Возьми здесь во внимание соперника и путь, потом князя, которому подчинен соперник твой. Путь — это жизнь наша; а соперник — это сила нам противоборная, преследующая жизнь, изобретающая все способы совратить нас с пути, ведущего к Богу; и князь — это князь мира сего, о котором Господь сказал: *Ныне грядет князь мира сего и во Мне не обрящет ничесоже* (Ин. 14:30). Но ничего не обрел в Господе, потому что Он *греха не сотвори, не обретеся лесть в устех Его* (1 Пет. 2:22); не обрел в Господе, *искушенном по всяческим по подобию, разве греха* (Евр. 4:15). Когда же обретет в нас многое, привлекши многими путами наших грехов, какими связали мы сами себя, предаст Судии. А Судия, Которому *Отец даде суд весь* (Ин. 4:15), прияв нас, обличенных *врагом и местником* во многих винах, *предаст слузе,* который приставлен при наказаниях; *и он всадит нас в темницу,* то есть в место мучения, взыскивая с нас и подвергая нас тяжким бичеваниям за самые малые прегрешения, которые мы ставили ни во что. Посему-то Господь советует, пока мы в пути еще с противником, позаботиться о том, чтобы избавиться от него, то есть делать все служащее к избавлению от врага, а не дожидаться, когда будем приведены, когда наступит последний час, в который, занявшись нами, произведет исследование князь, и если в жизни нашей найдет много своего, предаст нас Судии, обличая и не позволяя отречений, но напоминая и о месте, где соделали мы грех, потому что он был вместе с нами и содействовал нам в худом, и о том, как производили его и с каким расположением мы грешили. Итак, пока мы властны в делах своих, постараемся избавиться от соперника!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 12-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

Святоотеческие толкования

1) Ст. 35. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова: *да будут чресла ваша препоясана.*
2) Ст. 35–40. *Св. Григорий Двоеслов.* О целомудрии и добрых делах. Кн. 1.

Новейшие толкования в духовных журналах

3) Ст. 1. Лицемерие. «Душеполезное чтение», 1861.

4) Ст. 8–9. «Воскресное чтение», 1824.

5) Ст. 12–14. *Берсье.* Евангельский образец отношения Иисуса Христа к политико-общественным делам. «Странник», 1878.

6) Ст. 15. «Воскресное чтение», 1804.

7) Ст. 16–19. Об обязанностях христианина по учению Евангельских притчей. Притча о сластолюбивом богаче. «Воскресное чтение», 1834.

8) Ст. 20. Страшный приговор. «Духовная беседа», 1870.

9) Ст. 20. Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя. Кому же достанется то, что ты заготовил? «Христианское чтение», 1823.

10) Ст. 16–21. *Диак. Д. Державин.* Евангельское чтение в 26 нед. по Пятидес. «Воскресное чтение», 1833.

11) *А. В.* Евангельское чтение в 26 нед. по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1825. Мысль евангельского богача. Там же.

12) Беседа священника с детьми о Евангельских притчах. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

13) Евангельский богач. «Христианское чтение», 1837.

14) Ст. 30–31. Царство Божие и мирские блага. «Воскресное чтение», 1826.

15) Ст. 32 и 37. Благоговейные размышления христианина на каждый день месяца. «Духовная беседа», 1875.

16) Ст. 42–49. Беседа священника с детьми о Евангельских притчах. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

17) Ст. 48. *Емуже дано много, много взыщется от него.* «Воскресное чтение», 1823.

18) Мысли свт. Феофана на 12 гл. Луки. «Домашняя беседа», 1871 и Мысли на каждый день года.

В Словах и Беседах

19) Ст. 15. *Никанор, архиеп. Херсонский.* О том, почему жизнь человека не зависит от изобилия имения его.

20) Ст. 15–21. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседа на притчу о Евангельском богаче.

21) Ст. 16–21. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Что значит богатеть в Бога. О том, что несоответствие между нравственными качествами и внешним положением людей не противоречит свойствам Божиим и что правда Божия не попирается благоуспешною деятельностью нечестивцев и бедственною жизнью людей добродетельных.

22) *Илиодор, архиеп. Курский.* Беседа о сластолюбивом и немилосердом богаче.

23) Ст. 32. *Арсений, митр. Киевский.* Об обетовании Царства Небесного апостолам и о Церкви Христовой — матери для каждого христианина.

24) Ст. 49–50. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Горячность духа к Богу — качество преимущественно вожделенное.

Приидоша же нецыи... поведающе Ему о галилеях, ихже кровь Пилат смеси с жертвами их (Лк. 13:1)

«Воскресное чтение», 1820

В 27 году по Рождестве Христовом от римского правительства назначен был прокуратором Иудеи Пилат, названный Понтием, или Понтийским

потому, как некоторые полагают, что пред тем временем он был правителем острова Понтии, именуемого ныне Понзою, на западной стороне Неаполитанского королевства. С ненавистью к религии и обычаям иудейским Пилат прибыл к Иерусалиму в сопровождении войска, призванного им из Кесарии и имевшего на знаменах своих изображение римского императора. Иудеи не впустили его в город, боясь осквернить его языческим изображением, и мужественно противостали воинам прокуратора. Пилат принужден был уступить упорству народа и мирно вошел в Иерусалим. Но этот опыт не сделал его благоразумнейшим. По свидетельству Иосифа Флавия, он объявил свои притязания на сокровища храма и требовал их на преднамереваемое построение водопроводов; но иудеи воспротивились этому требованию, при чем некоторые из них были убиты. Пилат довершил несогласие, возникшее между ним и народом, когда повелел поставить в храме Иерусалимском статую императора и потребовал, чтобы священники иудейские приносили пред нею жертвы. В это время находились в ограде храма многие галилеяне, пришедшие туда для жертвоприношения. Они сильно восстали против предпринятого Пилатом осквернения дома Божия и за свое сопротивление, по приказанию его, были умерщвлены воинами, причем кровь убиенных смешалась с кровью закланных ими жертвенных животных. Об этом-то происшествии рассказывали Спасителю некоторые из последователей Его в то время, когда Он проповедовал Свое учение народу, и рассказом своим подали Ему случай произнести грозное определение Божие о погибели нераскаянных грешников, и вслед затем сказать притчу о бесплодной смоковнице (Лк. 13: 2–9).

Исторический урок из слов Иисуса Христа в 4–5 стихах 13-й гл. Евангелия от Луки

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Беседы пред благодарственным молебствием
по прекращении губительной болезни

В Иерусалиме упала Силоамская башня и своим падением убила восемнадцать человек. Указав на сие происшествие, Христос Спаситель извлек из него следующее рассуждение: *они осьмнадесяте, на нихже паде столп Силоамский и поби их, мните ли, яко тии должнейши бяху паче всех живущих во Иерусалиме? Ни, глаголю вам: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете.* Сей пример ведет к общему заключению, что в общественном бедственном происшествии, для неразумеющих случайном и непонятном, разумеющие и верующие должны видеть прещение суда Божия, которое некоторых поражает, а всем должникам правосудия Божия, то есть грешникам, угрожает, чтобы возбудить их к покаянию и предохранить от дальнейшего наказания и даже погибели.

На притчу о смоковнице (Лк. 13: 6–9)

«Воскресное чтение», 1817

Смоковницу имяше некий в винограде, своем всаждену: и прииде ищя плода на ней (ст. 6). Значение сей притчи Спасителя легко понять: смоковница есть человек, а господин винограда – Творец наш.

Итак, Творец не напрасно поставил нас в вертограде мира! Он призвал нас к жизни, Он отечески хранит и питает нас для того, чтобы мы возрастали здесь для вечности и принесли плоды во время свое! Плодов ждет от нас Господь и Владыка живота нашего!

Пусть же теперь каждый станет пред самим собою, как господин винограда пред смоковницей, и вопросит себя о плодах! Вот уже прошло несколько десятков лет, как мы живем в вертограде Господнем; вот уже приближается то время, когда нам должно будет явиться пред лицо нелицеприятного Судии и дать Ему отчет в своей жизни! Но где плоды наши? Где доказательство того, что мы жили здесь не напрасно – что мы умели ценить благодеяния и милости Господни, так щедро изливаемые на нас?

Я, говорит один, я обработал поле, изобрел промысел, упрочил свое благосостояние, приобрел семейство, воспитал детей... Хорошо! Но здесь еще не видно плодов, желанных Господом. Это показывает только, что ты жил и действовал. Но к доброй ли цели направлял свои действия, приобрел ли что для вечности и спасения души своей – еще неизвестно. Итак, подобные действия твои, любезный собрат, суть только листья, которые не останутся до весны вечной, – листья, которые некоторое время будут расти и зеленеть, но потом опадут и увянут на веки!

Я, говорит другой, познал искусства и науки, я обогатил мир полезными изобретениями, просветил себя и других познанием истины... Может быть, это плоды, желанные Господом? Нет, это еще только цветы, а не плоды! Это цветы, из коих мог произойти прекрасный плод, если бы они не опали преждевременно от бури страстей наших или не были испорчены ядом самолюбивых желаний. Что пользы от нашего знания, если оно не привело нас к теплой вере в Спасителя и животворной любви к Нему? Что пользы от нашей учености, наших изобретений, если все это делается для славы земной, для счастья людей временного, а не вечного?

Вот истинные плоды: если вы непрестанно заботились о спасении душ своих, заботились о том, чтобы сделаться добрее и благочестивее; если вы одевали нагих, питали алчущих, поили жаждущих, посещали вдов и сирот, споспешествовали добру, водворяли мир и согласие, направляли заблуждающихся на путь истинный, – если вы волю Божию сделали высочайшею, единственною целью своих стремлений. Есть ли такие плоды на нашей смоковнице?.. Господи, *остави ю и се лето, дондеже окопаю*

окрест ея и осыплю гноем: и аще убо сотворит плод: аще ли же ни, во грядущее посечеши ю!

Св. Амвросия Медиоланского мысли на 7 стих 13-й гл. Евангелия от Луки

«Воскресное чтение», 1810

Се третие лето, отнелиже прихожду ища плода на смоковнице сей, и не обретаю: посецы ю убо, вскую и землю упражняет (Лк. 13:7).

Господь приходил к Аврааму, приходил к Моисею, приходил и к Марии, то есть Он являлся в прообразованиях, в законе и, наконец, явился во плоти. Каждое Его пришествие было спасительно для нас. Он есть очищение, освящение и оправдание наше. Обрезание очищало, закон освящал, и благодать оправдывает. Он един совершил все, и в Нем едином совершилось все. Но как кроме боящегося Господа, никто не может очиститься; кроме чистого от греха, никто не может принять закона; кроме исполняющего закон, никто не может сподобиться благодати, то иудеи не могли очиститься потому, что исполняли обряд обрезания не духовного, а только плотского; не могли освятиться потому, что не понимали сущности закона, понимая его в смысле только буквальном, а не духовном, а закон духовен (Рим. 7:14); не могли оправдаться потому, что не приносили истинного покаяния в своих грехах, а потому и не могли сподобиться благодати.

Следовательно, синагога никаких не имела плодов и потому достойна была посечения. Но благий Вертоградарь, желая насадить Церковь Свою и намереваясь послать к язычникам апостолов, а Сам решившись обращать иудеев, запретил посекать ее, надеясь, что народ иудейский получит спасение чрез уверовавших язычников.

Мысли св. Григория Богослова на 8 стих 13-й гл. Евангелия от Луки

Если брат в первый раз воспротивился, потерпи великодушно; если во второй, не теряй надежды — еще есть время к уврачеванию; если и в третий раз, то будь человеколюбивым земледелателем, еще упроси господина не посекать и не подвергать своему гневу бесплодную и бесполезную смоковницу, но позаботиться о ней и *осыпать ее гноем* (Лк. 13:8), то есть доставить ей врачевание исповеди, обнаружения постыдных дел и опозоренной жизни. Кто знает, переменится ли она, принесет ли плоды и напитает ли Иисуса, возвращающегося из Вифании? Потерпи действительное или кажущееся тебе зловоние брата своего — ты, который помазан духовным миром, составленным по мироварному художеству, чтобы сообщить брату свое благоухание. Грех — не такой яд ехидны, от которого тотчас по уязвлении

постигает мучительная боль или самая смерть, так что тебе извинительно было бы бежать от зверя или убить его. Напротив того, если можешь, уврачуй брата; а если нет, по крайней мере сам не подвергнешься опасности сколько-нибудь участвовать с ним в его порочности. Болезнь брата есть какой-то неприятный смрад, и его, может быть, прогонит превозмогающее твое благовоние.

Господи, остави ю и се лето (Лк. 13:8)

«Христианское чтение», 1841

«У одного хозяина была в винограднике смоковница. Хозяин пришел поискать на ней плода и не нашел. И сказал он садовнику: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу: сруби ее, чтобы она не занимала попусту места. Но тот отвечал: оставь ее, хозяин, и на этот год; я ее окопаю и обложу навозом, не принесет ли плода: когда ж не принесет, тогда и срубишь!»

По смыслу притчи, хозяин виноградника есть Бог; самый виноградник есть Его Церковь; а смоковница – каждая душа, каждый из нас, я и ты, благочестивый читатель! И приходит Господь в виноградник Свой искать плода на Своих смоковницах – приходит в разные мгновения, более или менее для нас заметные; и в более заметные из них, без сомнения, и мы должны отвечать Его приходу наибольшим своим вниманием. Таков для нас Новый год! Ах, духовный виноградник и духовные смоковницы! Что еще надлежало бы Господу для нас сделать, чего бы Он еще не сделал? Он вскопал Свой виноградник и очистил его от каменьев – устранил и дал нам силы устранять всякие препятствия к нашему спасению, и посадил в нем лозы отличные – дал нам высоких вождей и руководителей, учителей и наставников, и построил среди его башню – Церковь, всегдашнее прибежище, защиту и упокоение для душ, ищущих спасения, и вытесал в нем точило – учредил благодатные таинства крещения, причащения, покаяния, и т.д., источающие нам Божественную благодать Святого Духа, и надеялся, что виноградник принесет Ему грозды, что смоковницы порадуют Его своими плодами. Что же, радуем ли мы Господа плодами, каких Он от нас имеет все право ожидать и мы имеем всю возможность Ему принести? Ибо что еще мог бы Он сделать для нас, чего бы еще для нас Он не сделал, даровав нам Самого Единородного Сына Своего, Иисуса Христа, *да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный;* да прилепится каждая душа, как ветвь, к сей Божественней лозе и, держась на ней, питаясь кровью ее, *сотворит плод мног*? Столь внятный глагол времени, как Новый год, должен каждого из нас заставить подумать о себе, не есть ли он та самая смоковница, к которой Господь ныне приходит уже третий год искать на ней плода: что ж, если его не находит? Что, если уже говорит садовнику: сруби ее?

Что, если оставляет ее на наступающее лето единственно по ходатайству Иисуса Христа, и то только до будущего года? Но притча не доказывает, уважил ли, и вполне ли уважил хозяин совет или просьбу садовника. Не можем ли думать, что в рассуждении иных из нас, может быть, милосердие нашего Ходатая принято, и сии счастливцы оставляются и на наступающий год; а в рассуждение других взяло перевес Божие правосудие, и секира суда небесного уже поднесена к дереву бесплодному, к смоковнице, уже третий год не приносящей плода? Кто ж те и другие? Нам неизвестно.

Будем же особенно внимательны в себе, переступая из переходящего года в новый!

Господи, остави ю, ту или другую из нас смоковницу, *и на се лето,* если только наши грехи не препобеждают Твоея благости!

Выбор из свв. отцов в изъяснение Евангелия об исцелении скорченной (Лк. 13: 10–17)

«Воскресное чтение», 1824

Ст. 10. *Бяше* (Иисус Христос) *уча на едином от сонмищ в субботу.*

Учит не сокровенно, а в синагогах, с дерзновением, не боясь ничего; ничего не проповедает и ничего не уставляет противного закону Моисееву; в субботу же потому, что в это время иудеи занимались законом (св. Иоанн Златоуст).

Ст. 11–14. *И се жена бе имущи дух недужен лет осьмнадесять, и бе сляка, и не могущи восклонитися отнюдь,* и проч.

Но начальник неблагодарной синагоги, когда увидел, что женщину влекущую свои расслабленные члены, не могущую стоять на ногах прямо, а ползающую по земле на чреве, Христос помиловал, воздвиг одним прикосновением руки, и она стала ходить по-человечески прямо и даже возвещать величия Божии, не мог без негодования смотреть на это освобождение от недуга. Жегомый славою Господа, он исполняется зависти; осуждает чудо и, отпуская народ, укоряет Господа, обличившего его лицемерие; хочет показать себя негодующим за осквернение субботы, и потому убеждает, чтобы народ смотрел на чудеса Господни и им дивился не в субботу, а в другие дни, то есть когда бывает рассеян и занят своими делами; и это для того, чтобы он не уверовал. Но скажи нам, раб зависти, какое дело запретил закон, когда повелел тебе воздержаться от дела работного в субботу? То ли, которое производится словом и устами? Если так, то перестань в субботу есть, пить, говорить и петь. А если не станешь и это делать, не станешь читать и закон, то на что тебе и суббота? Закон запретил дело работное; а такое ли дело — словом воздвигнуть сличенную женщину? Если это уврачевание женщины назовешь ты трудом, то и ты также трудишься, когда обвиняешь врачевание (св. Кирилл Александрийский).

Ст. 15–17. *Отвеща убо ему Господь и рече: лицемере, кождо вас в субботу не отрешает ли своего вола или осла от яслей, и вед напаяет?* и проч.

Справедливо называет начальника синагоги лицемером; ибо он показывал себя хранителем закона, а внутренне был хитрец и завистник. Не потому негодует, что нарушается суббота, а потому, что прославляется Христос (св. Иоанн Златоуст).

Подобны сляченной жене были некогда язычники, вошедшие в Церковь Христову. Они согбенны были под бременем грехов, не могли ходить прямо, преклонялись пред идолами — *преклонися человек и смирися муж*, как жалуется Исаия (2:9).

Жена согбенна была, как животное четвероногое, стала орудием диавола, имела духа недужного, не могла обращать лице к небу, не могла ходить прямо, как свойственно тварям разумным, и ползала *осьмнадесят* лет. Подобно сему язычники недуговали, не имея упования на *осьмой* будущий век и силы к исполнению *десяти* заповедей. Но Христос исцеляет их; они престают пресмыкаться по земле, научаются ходить прямо, когда Он простирает к ним руку помощи. Начальник синагоги, то есть строгий наблюдатель закона, негодует, желая, чтобы и язычники жили по букве закона, а не по духу Евангельскому. Но он замолчал, когда услышал, что Сам Христос постановлениями Моисеевыми, как водою, поил иудеев наподобие вола, а прозелитов или пришельцев, как осла, — называя водою сии постановления в отличие от Евангелия, которое подобно вину, веселящему сердце (имя писателя неизвестно).

Всякий связывается узами грехов своих. Вяжет нас узами обольщение плоти; узы для нас — сребролюбие, узы — пиянство, узы — похотения, узы — гордость. Есть и узы диавола, который связывает нас узами беззаконий; таковы узы блуда и прелюбодейства, узы вероломства, когда отвергаются Христа, узы неверности, когда изменяют и брату, узы жестокости, когда убивают иногда подобного себе и сотоварища. Сими узами связанный склоняется так, что не может возвысить души своей, не может поднять взоры ума своего к небу, если Господь не скажет ему: отпущен ты от недуга твоего, и даром Своего благословения не воздвигнет его (свт. Амвросий).

О том, что бесплодная смоковница и скорченная женщина суть два образа одной и той же испорченности рода человеческого

Григорий Двоеслов.
Беседы на Евангелия в переводе архим. Климента. Кн. 2., Беседа 31

Смоковницу некий имяше в винограде своем всаждену: и прииде ища плода на ней, и не обрете. Что означает смоковничное дерево, если не природу челове-

ческую? Что образно означает скорченная женщина, если не ту же природу? Эта женщина и насаждена хорошо, как смоковница, и сотворена хорошо, как женщина; но, по собственной вине добровольно падшая, она не имеет ни плода дел, ни состояния прямоты. Потому что, по воле падая во грех, так как не хотела привести плода послушания, она лишилась состояния прямоты. Созданная по подобию Божию, она, не устояв в своем достоинстве, презрела и сохранение того, чем была насаждена или сотворена. Господин виноградника приходит три раза; потому что искал природу рода человеческого прежде закона, под законом и под благодатию, ожидая, увещая и посещая.

Рече же к винареви: се третие лето, отнелиже прихожду ища плода на смоковнице сей, и не обретаю. Приходил прежде закона; потому что чрез естественный разум давал знать, что каждый по примеру Его должен делать в отношении к ближнему. Приходил в законе, потому что учил заповедями. Приходил после закона благодатию, потому что ясно показал присутствие любви Своей. Но, несмотря на то, Он жалуется, что не нашел плода в три лета; потому что душ некоторых нечестивцев ни вдохновенный естественный закон не исправляет, ни заповеди не научают, ни чудеса воплощения Его не обращают. Но что выражается чрез виноградаря, если не порядок предстоятелей? Они, начальствуя в Церкви, именно имеют попечение о винограднике Господнем. Ибо сего виноградника первым виноградарем был апостол Петр. За ним следуем мы, недостойные, сколько трудимся для научения вашего, в учении, молитве, в обличении.

Но с великим уже страхом надобно слушать то, что говорится виноградарю о бесплодном дереве: *посецы ю убо, вскую и землю упражняет?* Каждый по мере своей, насколько занимает места в настоящей жизни, если не приносит плода доброго делания, занимает землю, как бесплодное дерево; потому что на том месте, на котором стоит, не дает возможности действовать другим. Но в сем веке всякий сильный, если не имеет плода доброго делания, препятствует и другим (иметь); потому что находящиеся под его властью стесняются примером его нечестия, как бы тенью его развращения. Если наверху стоит бесплодное дерево, то внизу земля лежит неплодною. Сверху бесплодного дерева отбрасывается густая тень и никак не дозволяет солнечным лучам проникать до земли; потому что когда все подчиненные развратного покровителя видят развратные примеры, тогда и сами, оставаясь бесплодными, лишаются света истины. И, будучи стеснены тенью, они не принимают теплоты солнечной, потому что остаются холодными к Богу с той стороны, с которой в этом веке худо им покровительствуют. Но с этого всякого развращенного и сильного Бог уже почти не взыскивает. Ибо после того, как он потерялся, надобно только спрашивать, для чего он и других стесняет? Поэтому господин того же виноград-

ника хорошо говорит: *вскую и землю упражняет?* Потому что землю занимает тот, кто обременяет чужие души; землю занимает тот, кто занимаемое им место не оправдывает добрыми делами.

Но, несмотря на то, наш долг – молиться за таковых. Ибо послушаем, что говорит виноградарь: *Господи, остави ю и се лето, дондеже окопаю окрест ее.* Что значит *окопать* смоковницу, если не обличать бесплодные души? Ибо всякое окопание бывает снизу. И обличение, показывая душу ей самой, именно унижает. Итак, сколько раз мы обличаем кого-либо за грех его, столько раз, по обязанности возделывания, мы как бы окапываем бесплодное дерево. Но послушаем, что говорится после окопания: *и осыплю гноем.* Что значит *гной* (навоз), если не памятование о грехах? Ибо грехи называются пометом плоти. Поэтому и чрез пророка говорится: *согнили рабочие скоты в помете своем* (Иоил. 1:17). Потому что согнить рабочим скотам в помете своем значит – окончить жизнь всем плотским (людям) в удовлетворении похоти. Итак, сколько раз мы обличаем плотскую душу за грехи ее, сколько раз приводим на память прежде содеянные пороки – столько раз мы как бы навозом облагаем бесплодное дерево, дабы она (душа) приводила на память содеянные грехи и как бы от навоза тучнела для благодати сокрушения. Навоз кладется к корню дерева, когда размышление производит в памяти сознание в своем нечестии. И когда душа чрез раскаяние возбуждается к слезам и преобразуется для благодати доброго делания; когда корень сердца как бы чрез прикосновение к нему навоза обновляется к плодоносию добра, тогда она рыдает о том, что припоминает из содеянного ею, отвращается от самой себя, какова она была по воспоминанию; принимает решительное намерение вопреки себе и воспламеняет дух к лучшему. Итак, от навоза дерево оживает к плодоприношению; потому что от размышления о грехе душа восстановляется к добрым делам. Впрочем, много есть таких, которые слушают обличение, брань и, однако, не хотят обратиться к покаянию и, будучи бесплодными для Бога, в этом веке зеленеют. Но послушаем, что уходчик за смоковницею присовокупляет: *аще убо сотворит плод: аще ли же ни, во грядущее посечеши ю.* Потому что кто здесь не хочет принимать сочности для плодоприношения от брани, тот действительно упадает туда, откуда уже не может встать чрез покаяние; и будет посечен в будущем, хотя здесь без плода кажется стоящим с зеленью.

Бяше же уча на единым от сонмищ в субботу: и се жена бе имущи дух недужен лет осьмнадесят. Человек сотворен в шестой день (Быт. 1:27) и в тот же шестой день закончены все дела Господни. Но число шесть, помноженное на три, дает восемнадцать. Итак, поелику человек, сотворенный в шестой день, не захотел иметь дел совершенных, но прежде закона, под законом и в начале благодати был слаб, то он был восемнадцатилетнею скорчен-

ною женщиною. *И бе сляка и не могущи восклонитися отнюдь*. Всякий грешник, помышляющий о земном, не ищущий небесного, не может смотреть вверх, потому что, предаваясь низшим пожеланиям, он уклоняется от прямоты ума своего и всегда видит только то, о чем помышляет. Обратитесь к сердцам своим, всегда надзирайте, что вы ежечасно содержите в своих помышлениях. Один помышляет о почестях, другой о деньгах, третий о добычах. Все это снизу, и когда ум в этом запутывается, тогда он уклоняется от прямоты своего положения. А поелику он не поднимается осенению небесного, то никак не может смотреть вверх, как скорченная женщина.

Далее следует: *видев же ю Иисус, пригласи и рече ей жено, отпущена еси от недуга твоего. И возложи на ню руце: абие простреся*. Подозвал и выпрямил, потому что просветил и помог. Он призывает, но не выпрямляет, когда мы, хотя и просвещаемся благодатию Его, но не можем получить помощи, по мере заслуг наших. Ибо мы большею частью видим, что надобно делать, но на деле не исполняем того. Усиливаемся — и оказываемся слабыми. Суждение ума видит прямоту, но пред ним изнемогает сила в исполнении, именно потому, что от наказания греха происходит, что хотя по дару (благодати) может быть видимо добро, но видимое удаляется от него по заслуге. Ибо привычная виновность связывает душу так, что сия не может подняться до прямоты. Усиливается и падает; потому что где добровольно пробыла долго, туда по принуждению падает, хотя бы не хотела. Об этой нашей скорченности в образе рода человеческого хорошо говорится чрез псалмопевца: *пострадах и слякохся до конца* (Пс. 38:7). Ибо размыслив, что человек создан был для созерцания вышнего света, но, за грехи изгнанный вон, носит мрак в душе своей, вышнего не желает, стремится к низшему, небесного отнюдь не хочет, в душе обносит всегда земное, он скорбел всегда о том, что заметил в роде человеческом и от себя самого воскликнул, говоря: *пострадах и слякохся до конца*. Ибо человек, теряющий созерцание небесного, если бы стал помышлять только о необходимом для плоти, то пострадал бы и был скорчен, однако был бы скорчен *не до конца*. Итак, тот, кого от высших помыслов не только необходимость отвлекает, но и самое непозволенное удовольствие удаляет, не только есть скорченный, но скорченный *до конца*. Поэтому другой пророк о нечистых духах говорит: *иже рекоша душе твоей, преклонися, да минем* (Ис. 51:23). Потому что душа стоит прямо, когда желает вышнего и отнюдь не преклоняется к нижнему. Но злые духи, когда видят ее стоящею в своей прямоте, не могут перейти чрез нее. Ибо перешествие их значит внушение ей нечистых пожеланий. Поэтому они и говорят: *преклонися, да минем;* потому что, если душа сама себя не унижает до низких пожеланий, то их злоба никакой не имеет силы над нею; и они не могут перейти чрез ту, которой боятся, как холодной к ним от внимания к высшему.

Исцеление скорченной (Лк. 13: 10–13)

Прот. Нечаев. Уроки покаяния, заимствованные из Евангелия в Вел. каноне св. Андрея Критского. «Душеполезное чтение», 1880

В одной из синагог, уча в субботу, Христос увидел женщину, которая, по действию духа злобы, была скорчена, не могла разогнуться и стоять прямо. Господь попустил злому духу наслать на нее эту болезнь подобно тому, как попустил ему поступить с Иовом (Иов. 1:12; 2: 6–7). Она находилась в таком состоянии восемнадцать лет. Господь Иисус подозвал ее к Себе и исцелил ее словами: «Ты освобождаешься от недуга своего», – с возложением на нее рук. Она тотчас выпрямилась и стала славить Бога (Лк. 13: 10–13). Плачевно положение скорченного человека, лишенного возможности прямо стоять и ходить и к верху смотреть. Словно это не человек, а четвероногое животное. Не менее жалко состояние души, грехами доведенной до скотоподобия. Скот знает одни физические потребности: есть, пить, спать, двигаться, родотворить. Есть и люди, которые забывают, что они – люди, и живут по-скотски, благо жизни поставляют в удовлетворении одних чувственных потребностей – в еде и питии, в сне, также в светских развлечениях, не всегда невинных. Можно сказать, что скотоподобные люди даже хуже скотов: эти знают меру и время, а те – нет. Скот сыт – и больше не ест, по утолении жажды не пьет. Но люди пьют и едят и по удовлетворении чувства голода и жажды – собственно, для услаждения гортани. Скоты в известное время удовлетворяют побуждение к родотворению. Люди скотоподобные не ограничивают себя в этом отношении никаким временем. Бедная душа, доведшая себя до подобного состояния или по слабости воли, или, быть может, по убеждению, что по самой природе человек почти не отличается от прочих животных, что потому виды человека не должны простираться дальше земных удобств и наслаждений, – пойми твое унижение, пойми, что плотоугодники, забывающие о Боге, суть игралищетой же злой силы, которая 18 годов держала в своих оковах скорченную женщину, лишив ее возможности поднимать взоры к небу, не дай этой злой силе до конца ругаться над тобою, поспеши вырваться из ее оков, вспомни, что ты создана не для земли, а для неба, ибо украшена образом и подобием Божиим и по самой природе сродна с Творцом; принеси Ему раскаяние в том, что с высоты Богоподобия ты ниспала до скотоподобия, и «припади к ногам Иисуса с мольбою, дабы Он исправил тебя, и ты могла ходить прямо по стезям Господним» и прославлять Бога, как славила Его исцеленная от корчи жена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 13-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

1) Ст. 1–9. *С. Саллертинский.* Толкование известия о Галилеянах, убитых Пилатом, в связи в 56–57 ст. 12 гл. Луки. Пастырство Христа Спасителя.

2) Ст. 1–4. Мысли свт. Феофана на каждый день года.

3) Ст. 1–4. Покайтеся. «Христианское чтение», 1825.

4) Ст. 6. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова: *смоковницу имяше некий в винограде своем.*

5) *Платон, митр. Киевский.* Беседа о бесплодной смоковнице. «Воскресное чтение», 1884.

6) Ст. 6–7. *Арсений, митр. Киевский.* Смысл притчи о бесплодной смоковнице. Слова.

7) Ст. 12–13. *Его же.* Об исцелении скорченной женщины, о причине ее болезни и о том, что грех есть источник всех наших болезней.

8) Ст. 10–17. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседа об исцелении скорченной женщины.

9) Ст. 10–17. *Архиеп. Илиодор.* Беседа. «Воскресное чтение», 1808.

10) Ст. 10–17. Объяснение воскресных Евангелий. Евангелие в 27 нед. по Пятидесятнице. «Руководство для сельского пастыря», 1867.

11) Ст. 16–21. Евангелие в 26 нед. по Пятидесятнице. «Руководство для сельского пастыря», 1867.

12) *Евсевий, еп. Могилевский.* Беседы в двадцать шестую нед. до Пятидесятнице. (ст. 16–21) и двадцать седьмую нед. См. Беседы на воскр. и праздн. Ев., ч. 2.

13) Ст. 33. Ответ на вопрос Верцелиуса. «Душеполезное чтение», 1869.

Прибытие Господа в Иерусалим на праздник обновления храма и речь там (Ин. 10: 22–39). Удаление Его за Иордан в Перею (и в Галилею) (ст. 40–42)

Толкование св. Иоанна Златоуста на ст. 22–42 10-й гл. Евангелия от Иоанна

«Христианское чтение», 1838

Быша обновления во Иерусалимех, и зима бе. То был великий общественный праздник. Это был день, в который построен был храм после того, как иудеи возвратились из продолжительного персидского плена, и который они совершали со всею торжественностью. На праздник пришел и Христос. Ибо, когда приближались Его страдания, Он уже часто приходил в Иудею. Итак, иудеи обступили Его и спрашивали: *доколе души наша вземлеши? аще Ты еси Христос, рцы нам не обинуяся.* Что они обступили Его и говорили: *доколе души наши вземлеши?* — это, как может показаться, происходило из некоторой любви и ревности к учению; между тем намерение, с которым спрашивали, было злое и коварное. Поелику дела Его не подвергались злословию и укору, то пытались уловить Его словами, превращая смысл сказанного; умножали вопросы, надеясь сбить Его в словах, и, не могши обвинить Его ни в каком деле, думали в словах найти какой-либо к тому повод; посему и говорили: *рцы нам.* Поелику же безумно было требовать свидетельства на словах, когда самые дела говорили; то слушай, как

Он ответствует им, давая разуметь, что они требовали слов понапрасну, не для научения, и показывая, что Он уже дал им свидетельство, которое яснее слов, то есть дела. Он говорит: *Рех вам, и не веруете: дела, яже Аз творю о имени Отца Моего, та свидетельствуют о Мне* (ст. 25).

Так как они притворно говорили, что поверят одному слову, тогда как не поверили столь многим и великим делам, то как словам поверят? Вопрос их был излишен. *Рех вам,* говорит, но *вы не веруете Мне: несте бо от овец Моих* (ст. 26). Ибо Я исполнил все, что требуется от Меня и что должно сделать Пастырю; если же вы не последуете Мне, это не потому, чтобы Я не был Пастырь, но потому, что вы – не Мои овцы. *Ибо овцы Моя гласа Моего слушают и по Мне грядут* (27), *и Аз живот вечный дам им, и не погибнут во веки, и не восхитит их никтоже от руки Моея* (28). Поелику *Отец, Иже даде Мне, болий всех есть: и никтоже может восхитити их от руки Отца Моего* (29). *Аз и Отец едино есма* (30). Смотри, как Он, обличая, убеждает их последовать Ему. Вы не слушаете Меня, говорит, ибо вы не овцы; но кто последует, те принадлежат к стаду овец. Он говорил сие для того, чтобы они поревновали сделаться овцами. Потом, сказывая, чего они достигнут, поощряет их, чтобы пробудить в них желание. «Что же? По могуществу Отца никто не может похитить; а Ты Сам не можешь, бессилен сохранить их»? Никак. Чтобы ты не подумал, что Сам Он бессилен, но что овцы обезопасены могуществом Отца, Он присовокупил: *Аз и Отец едино есма.* Как бы так Он говорил: Я не потому сказал, что никто не похитит их у Отца, чтобы Я Сам не имел силы сохранить овец: *Аз и Отец едино есма.* Он говорит здесь о могуществе, о котором вся эта речь у Него. Если одна и та же сила, то ясно, что одно и то же существо (οὐσία). Иудеи делали многое, строили козни, отлучали от синагоги; Он говорит, что все это делали они понапрасну и попусту; ибо овцы в руке Отца Моего. Далее, показывая, что рука одна, называет ее то Своею, то рукою Отца. Когда же слышишь «рука», то не разумей ничего чувственного, но – силу, власть (ἐξουσίαν). Если же никто не восхитит потому, что Отец сделал Его сильным; то излишне было потом говорить: *Аз и Отец едино есма.* Ибо если бы Сын был меньше, то слова сии были бы слишком дерзновенны; ибо они показывают не иное что, как равную степень могущества. Так это поняли и иудеи и начали бросать в Него камнями; несмотря на то, Он не отверг такого их мнения и понятия. Но если бы они поняли неправильно, то надлежало бы поправить их и сказать: что вы это делаете? Я сказал это не в том смысле, чтобы усвоить Себе такую же силу, какая у Отца. Напротив, несмотря на их неистовство, Он подтверждает и доказывает такое их понятие. Не оправдывается в том, что сказал, как бы сказал неправильно; но обвиняет их, что они не имели о Нем надлежащего понятия. Ибо когда они говорили: *О добре деле камение не мещем на Тя, но о хуле, яко Ты человек сый, твориши Себе Бога* (ст. 33); то слушай, что Он

говорит им: *Аще оных рече писание богов, к нимже слово Божие бысть, како вы глаголете, яко хулу глаголю, зане рех: Сын Божий есмь?* (ст. 35–36). Слова Его значат следующее: если те, кои получили это по благодати, не виновны в том, что называют себя богами; как же Тот, Кто имеет сие по природе (φύσει), подлежит законному осуждению? Однако Он не так говорил; но доказывал сие после, сперва смягчив слово и сказав: *Егоже Отец святи и посла;* и когда уже укротился гнев их, представил ясное доказательство. Для того, чтобы слово Его было принято, Он говорил слабее; но, наконец, возводит оное к высшему, говоря так: *Аще не творю дела Отца Моего, не имате Ми веры* (37); *аще ли творю, аще и Мне не веруете, делом Моим веруйте* (38). Видишь, как Он доказывает сказанное, что Он ни по чему не меньше Отца, но по всему равен Ему? Ибо, поелику существа (οὐσία) Его нельзя видеть, то Он берет доказательство от равенства и тождества дел. Чему же мы должны веровать? *Яко Аз во Отце и Отец во Мне.* Ибо Я не иное что, как что Отец, будучи Сын; и Он не иное что, как что Я, будучи Отец; и Кто знает Меня, тот знает Отца и разумеет Сына. Но если бы сила была меньше, то и знание было бы ложно. Ибо нельзя узнать ни сущности (οὐσίαν) чрез сущность, ни силы чрез силу, как скоро та или другая неодинаковы (ἄλλην δὶ ἄλλης).

Искаху убо паки яти Его: и изыде от рук их. И иде паки на он пол Иордана, идеже бе Иоанн прежде крестя, и пребысть ту. И мнози приидоша к Нему и глаголаху, яко Иоанн убо знамения не сотвори ни единаго: вся же, елика рече Иоанн о Сем, истинна бяху (ст. 39–41). Сказав что-нибудь великое и высокое, Иисус тотчас уходил, давая место гневу иудеев, чтобы он в отсутствии Его укротился и утишился. Так сделал Он и здесь. Но для чего евангелист упоминает еще о месте? Дабы ты знал, что Он пошел туда для того, чтобы напомнить иудеям то, что там Иоанн делал и говорил и что о Нем свидетельствовал. И в самом деле, как только пришли они туда, тотчас вспомнили об Иоанне; посему-то и говорили, что Иоанн не сотворил ни одного знамения. Иначе как бы это относилось к делу? Но когда привел им на память место Иоанново, то они вспомнили и о свидетельстве его. Смотри, какие неопровержимые делают они силлогизмы: Иоанн, говорят, не сотворил ни одного знамения, а Сей творит; из чего уже явно превосходство Его. Итак, ежели мы верили тому, который не сотворил ни одного знамения, то тем более мы должны верить Сему. Потом, поелику Иоанн свидетельствовал и потому что не сделал ни одного знамения, не был почтен недостойным того, чтобы свидетельствовать; то присовокупляют: «Хотя он не сотворил ни одного знамения, однако все, что говорил о Христе, истинно». Так уже не Христос является достойным веры ради свидетельства Иоаннова, но Иоанн ради дел Христовых. *И мнози вероваша в Него ту* (ст. 42). Ибо многое их к тому убеждало. Тут вспомнили о словах, сказанных Иоанном, в которых Он называл Иисуса *креплим себя, светом, жизнию, истиною* и прочее; вспомнили и о гласе, быв-

шем свыше, о Духе, явившемся в виде голубя и всем показавшем Иисуса. К сему присовокупилось доказательство от чудес, коими еще более убеждались. Ибо, говорили, если надлежало верить Иоанну, то Сему наипаче. Если тому верили без знамений, то тем более Сему, о Котором тот свидетельствовал и Который Сам о Себе свидетельствует знамениями.

Истинные пастыри церкви и истинные овцы ее

Свт. Филарет, митр. Московский.
«Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1872

Овцы Моя гласа Моего слушают (Ин. 10:27), говорит Иисус Христос. Итак, свойство истинных овец есть слушать своего пастыря. Подлинно, если овцы не будут слушать пастыря, сие будет то же, как бы совсем не было над ними пастыря. Оглашает ли он звуком свирели, взывает ли гласом уст, возносит ли жезл, все сие не принесет пользы и спасения овцам, если они, удаляясь, не видят и не слышат, или, упорствуя, не слушают, или, не быв приучены, не внимают. Овца, не слушающая пастыря, есть верная добыча хищного зверя. Разрешим притчу. Христиане суть овцы пажити Христовой. Пастырь, Которого они должны слушать, первоначально и существенно есть Сам Иисус Христос, а по Нем и те, кто бы ни были они, которые видимо представляют Его невидимое пастырство и действуют вверенною от Него властию; ибо Он, как говорит апостол, *дал есть* Церкви *пастыри и учители к совершению святых в дело служения* (Еф. 4: 11–12), и чтобы узнавали данных от Него, Он поставил признак: *входяй дверьми пастырь есть овцам* (Ин. 10:2), то есть вступающий в сие служение посредством благодатного избрания; и чтобы сих служебных пастырей слушали, как бы Самого верховного, Он провозгласил, что слушать их и Его слова есть едино: *слушаяй вас Мене слушает* (Лк. 10:16). Двор овчий и духовная пажить, где слышим глас пастыря, где пища и спасение овец, есть Церковь. Глас пастыря есть молитва, учение, тайнодействие, управление, совет душеполезный. Если люди, называющие себя христианами, оставив Церковь, блуждают по дебрям расколов, *влающеся и скитающеся всяким ветром учения во лжи человечестей, в коварстве, козней лъщения* (Еф. 4:14); если вместо истинного пастыря, входящего дверьми, слушают *прелазящих инуде* (Ин. 10:1), которые, по суду Пастыреначальника, *татие суть и разбойницы*; или если, и не отлучаясь от Церкви явно, не прилепляются, однако, к ней искренним послушным сердцем; нерадят слушать пастыря молящего, учащего, тайнодействующего; не ищут духовного совета; мечтают по невежеству и гордости, что они сами себя могут пасти и спасти; таковые и подобные им, поелику не слушают истинного пастыря, то и не суть истинные овцы; уклоняясь от послушания истинному и спасительному гласу Пастыреначальника, они неприметно идут навстречу льву, который, *рыкая, ходит иский кого поглотити* (1 Пет. 5:8).

Слова св. Исидора Пелусиота на ст. 29 10-й гл. Евангелия от Иоанна: *Никто не восхитит их от руки Его*

Творения свв. отцов. Тв. Исидора Пелусиота

Если написано: *никтоже восхитит от руки Отца Моего,* то почему же многие погибают? Отвечаю на сие: *никтоже может восхитити* из непобедимой и непреодолимой десницы тех, которые правою верою и доблестною жизнью приготовили себя к тому, чтобы быть собственностью сей десницы. Но может иной обольстить, то есть никто не возможет отвлечь насильно и самоуправно, но иной возможет обмануть лжеумствованиями и обольщениями. Зависит же это не от десницы непреодолимой, но от беспечности людей, одаренных свободою, и погибель постигает не по немощи Хранителя, но по легкомыслию охраняемых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 10-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА (СТ. 22–39)

1) Ст. 22. Обновление. Библ. п. сл. «Воскресное чтение», 1878.

2) Ст. 22. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О происхождении и последовательном образовании обычая и чина священных обновлений.

3) Ст. 22–39. *С. Саллертинский.* Толкование на беседу Иисуса Христа в праздник обновления. Смысл и характер вопроса, предложенного Иисусу Христу иудеями, и свидетельство Иисуса Христа о Своем единосущии с Богом Отцом. Пастырство Христа Спасителя.

4) Ст. 26–27, 36. Мысли *свт. Феофана* на каждый день года.

5) Ст. 30. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова: *Аз и Отец едино есмы,* ч. 1.

Иисус на пути в Иерусалим

Речь по поводу вопроса о числе спасающихся (Лк. 13: 22–30)

После праздника обновления Иисус проходил города и селения галилейские, везде уча и исцеляя. Теперь Он снова направил Свой путь в Иерусалим. Путешествие это происходило весьма медленно, так как Иисус во всех местах, чрез которые проходил, проповедовал Евангелие. Он проходил чрез Самарию (Лк. 17:11). Евангелист Иоанн не упоминает об этом путешествии. Из этого повествования вытекает, что Христос после праздника кущей не выходил из Иерусалима, но оставался до праздника обновления храма. Однако молчание его об этом нисколько не противоречит ясному и обстоятельному повествованию Луки.

Один из сопровождавших Его учеников спросил Его: «Господи! Неужели мало спасающихся?» Из повествования евангелиста не видно исторического повода, по какому был предложен этот вопрос.

Можно думать, что этот вопрос вызван был результатами, какими сопровождались первые опыты проповеди двенадцати (или семидесяти). Они немного обрели в Израиле сынов мира, принявших приветствие и проповедь их; большею частью им приходилось отрясать прах от ног своих. И под свежим впечатлением этих опытов естественно мог родиться вопрос, которым начинается этот отдел. Быть может, также вопрос этот был высказан вследствие строгих требований, какие Иисус в последних Своих беседах представлял Своим истинным последователям. Вопрошавший сомневался, многие ли в состоянии исполнить эти требования.

Вопрошавший не был какой-нибудь легкомысленный насмешник, потому что Иисус в Своем ответе почитает его способным к подвигу. Но он не был также из числа людей, серьезно заботившихся о спасении, потому что Иисус отвечал ему строго и резко. Это, как кажется, был человек поверхностный, довольный другими и самим собой. Поэтому Иисус отвечал ему и прочим ученикам: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата; ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут». Этими словами Он направлял их от бесполезных вопросов к подвигу о спасении своей души. Недостаточно желать только спасения, необходим строгий подвиг, то есть сосредоточение всех мыслей, напряжение всех сил к одной цели и устойчивость до конца.

Мысли свт. Феофана (Лк. 13: 24–30)

«Мысли на каждый день года»

Подвизайтеся внити сквозь тесная врата. Тесные врата — жизнь не по своей воле, не по своим желаниям, не в угоду себе; широкие врата — жизнь по всем движениям и стремлениям страстного сердца, без малейшего себе отказа в чем-либо. Таким образом, врата в Царствие — самостеснение. Стесняй себя во всем — и это будет то же, что напряжение или упор в дверь, чтобы отворить ее и протесниться сквозь нее. Как и чем себя стеснять? Заповедями Божиими, противоположными страстным движениям сердца. Когда начинаешь сердиться на кого, вспомни заповедь Господа: *не гневайтеся всяко*, и стесни тем сердце свое. Когда придут блудные движения, приведи на мысль запрещение даже и смотреть на жену с вожделением и стесни тем свое похотение. Когда захочется осудить кого, вспомни слово Господа, что этим ты делаешь Судию Небесного неумолимым в отношении к тебе, и стесни тем свою заносчивость. Так в отношении и ко всякому порочному движению. Собери против каждого из них изречения Божественного Писания и держи их в памяти. Как только выйдет из сердца какое-либо дурное желание, ты тотчас вяжи его направленным против него изречением; или наперед обвяжи все свои желания и помышления Божественными словесами и ходи в них: будешь, будто в узах. Но в этих узах — свобода, или свободный путь в Царствие Божие.

Иисус Христос продолжал: «Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи, Господи, отвори нам; но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы. Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобой, и на улицах наших учил Ты. Но Он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня, все делатели неправды. Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова, и всех пророков в Царствии Божием, а себя изгоняемыми вон». Те, которые могут хвалиться только внешним обращением с Ним, что они принадлежат к одному с Ним народу, часто находились вблизи Его и даже следовали за Ним, но в сердце оставались чуждыми Ему, будут исключены из Царствия Божия. Напротив, даже язычники из всех стран света будут участвовать в Царстве Божием. Вообще будет иначе, чем изображают это себе люди. Те, которых считали последними, будут первыми, и те, которые считали себя первыми, в Царстве Божием будут последними, или совершенно будут исключены из него («и приидут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божием. И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними»).

Вопрос и ответ св. Василия Великого к стихам 26–27 гл. 13-й Евангелия от Луки

Творения свв. отцов. Тв. св. Василия Великого

Кто те, которые говорят: *ядохом пред Тобою и пихом*, и получают в ответ: *не вем вас* (Лк. 13: 26–27)?

Может быть, те, которых описал апостол, применительно к собственному своему лицу сказав: *Аще языки человеческими глаголю и ангельскими* и пр. *и аще имам весь разум, и всю веру, и аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, ни кая польза ми есть* (1 Кор. 13: 1–3). Научен же сему апостол от Господа, Который сказал о некоторых: *Творят, яко да видимы будут человеки: аминь глаголю вам, восприемлют мзду свою* (Мф. 6: 1–2). Ибо делаемое не из любви к Богу, но ради похвалы от людей, каково бы оно ни было, находит себе не похвалу за богочестие, но осуждение за человекоугодие, или за самоугодие, или за упорство, или зависть, или за какую подобную вину. Поэтому Господь все подобное называет делом неправды, когда сказавшим: *Ядохом пред Тобою* и пр. говорит: *Отступите от Мене вси делатели неправды*. И как же не делатели неправды те, которые злоупотребляют дарами Божиими на снискание своих собственных удовольствий? Таковы, например, были те, о которых апостол говорит: *Не смы бо, якоже мнози, нечисто проповедающии слово Божие* (2 Кор. 2:17); и еще: *Непщующих приобретение быти благочестие* (1 Тим. 6:5), и многое сему подобное. От всего этого чистым себя показал тот же апостол, когда говорит: *Не аки человеком угождающе, но Богу искушающему сердца наша. Никогдо*

же бо в словеси ласкания быхом к вам, якоже весте: ниже в вине лихоимания, Бог свидетель: ни ищуще от человек славы, ни от вас, ни от инех (1 Фес. 2: 4–6).

Ответ сказавшим Иисусу Христу о злоумышлениях против Него Ирода и скорбь об Иерусалиме (Лк. 13: 31–35)

В тот же день некоторые фарисеи под видом дружбы пришли к Иисусу и сказали Ему: «Выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить Тебя». Иисус много причинял беспокойств и забот правителю Галилеи и Переи, так как впечатление, производимое Иисусом на народ, было очень велико. Боясь народа, Ирод не решился наложить рук на Иисуса и убить Его и намеренно распустил слух, что хочет схватить Иисуса, чтобы этим устрашить Его и заставить уйти из Галилеи. Фарисеи, которые также желали удаления Иисуса, охотно сделались орудиями коварного царя. Под видом лицемерной службы они воспользовались этим слухом, чтобы избавиться от тягостного присутствия врага своего.

Что Ирод действительно был виновником этой молвы, а не сами фарисеи сочинили ее, видно из того, что Иисус называет Ирода хитрою *лисицею*. А что фарисеи не из дружбы к Господу принесли Ему это известие, доказывает строгая, обличительная к ним речь Иисуса.

Иисус дал им царский, но вместе и горестный для Иерусалима ответ. Они должны были пойти назад к хитрому, лицемерному Ироду и сказать ему, что Он не удалится, но будет продолжать Свои чудесные исцеления, пока наступит Его час, который уже близок. Он, конечно, спустя несколько времени уйдет отсюда, до не из страха пред Иродом, которого Он нисколько ни боится, потому что Он примет смерть не от Ирода, но в Иерусалиме, который один имеет печальное преимущество убивать пророков. «Пойдите, скажите этой лисице: се изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу. А впрочем, Мне должно ходить сегодня, завтра и в последующий день, потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима».

Слова эти могут показаться странными, так как *не все* пророки действительно умерщвлены были в Иерусалиме. Даже Иоанн Креститель, которого Христос называет величайшим между пророками, нашел смерть в другом месте. Этими словами Иисус хотел изобразить страсть господствующей партии и развращенной столицы к преследованию свидетелей истины. Здесь все преследования против пророков имели свое истинное начало, хотя приводились к концу и в других местах. Сам Иоанн Креститель потерпел смерть не столько от ненависти к нему Иродиады, сколько от господствующей партии, которая только действовала чрез Иродиаду на царя. Последние слова отзываются жгучей иронией против глубоко

развращенного города. Но вместе с тем и горькая печаль отверженной любви высказывается в этих словах и тотчас переходит в грустный голос, при строгих угрозах, хотя и с утешительными обещаниями.

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз Я хотел собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется дом ваш пуст. Сказываю же вам, что вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен грядый во имя Господне!»

Мысли свт. Феофана на стих 35 13-й гл. Евангелия от Луки

«Мысли на каждый день года»

Се оставляется дом ваш пуст, – сказал Господь об Иерусалиме. Значит, есть мера долготерпению Божию. Милосердие Божие вечно бы готово терпеть, ожидая добра, но что делать, когда мы доходим до такого расстройства, что не к чему и рук приложить? Потому и бросают нас. Так будет и в вечности. Все говорят: милосердие Божие не попустит вечного отвержения. Да оно и не хочет того; но что делать с теми, которые преисполнены зла, а исправиться не хотят? Они сами себя ставят за пределами милости Божией и оставляются там потому, что не хотят выйти оттуда. Спириты придумали множество рождений как средство к перечищению грешников. Но осквернившийся грехами в одно рождение может явиться таким же и в десяти других, а затем и без конца. Как есть прогресс в добре, так есть прогресс и в зле. Мы видим на земле ожесточенных во зле; такими же они могут остаться и вне земли, а потом и навсегда. Когда придет всему конец – а ему прийти неизбежно, – куда девать этих ожесточившихся во зле? Уж конечно, куда-нибудь вне области светлой, определенной для потрудившихся над собой, в очищении своих нечистот. Вот и ад! Не исправившиеся при лучших обстоятельствах исправятся ли при худших? А если же нет, то вот и вечный ад! Не Бог виновник ада и вечных в нем мучений, а сами грешники. Не будь нераскаянных грешников, и ада не будет. Господь очень желает, чтобы не было грешников, затем и на землю приходил. Если Он желает безгрешности то, значит, желает и того, чтобы никто не попал в вечные муки. Все дело за нами. Давайте же сговоримся и уничтожим ад безгрешностью. Господь будет рад тому; Он и открыл об аде для того, чтобы всякий поостерегся попасть туда.

Иисус на вечери у начальника фарисеев (Лк. 14: 1–15)

В другую субботу один начальник фарисеев позвал к себе Иисуса на вечерю. Фарисеи наблюдали за Ним, чтобы открыть предлог к нападению на

Него и обвинению Его. Предлог и был, да они не решились воспользоваться им. Там был человек, страдавший водяною болезнью, Иисус хотел исцелить его. Может быть, сами противники нарочно привели его сюда, чтобы подать повод Иисусу к законопреступному, по их мнению, действию. Иисус наперед знал, что они думали, и отвечал им на мысли их сердца, предложив им вопрос: «Позволительно ли врачевать в субботу?» Но они молчали, потому что не могли и не хотели отвечать. Господь прикоснулся к больному, исцелил и отпустил его. Потом обратился к ним со словами: «Если у кого из вас осел или вол упадет в колодезь – не тотчас ли вытащите его и в субботу?» На этот вопрос они не могли Ему дать никакого ответа, потому что они для соблюдения своих выгод очень часто без дальнейшего размышления преступали закон субботы. Они не могли сделать Иисусу никакого упрека за то, что Он по Своему милосердию и любви помог больному, но и не хотели отдать Ему справедливости. Поэтому-то они и молчали.

Началась вечеря. Фарисеи поспешали сколько возможно скорее занять высшие места. Иисус смело и откровенно стал порицать странное их честолюбие и сказал им: «Когда ты кем будешь позван на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званных им почетнее тебя; и звавший тебя и его, подошедши, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, пришед садись на последнее место, чтобы звавший тебя подошел сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою». Этими словами Иисус не думал давать обыкновенное правило благоразумия, которым порочный человек мог бы злоупотреблять для удовлетворения своему честолюбию. Это была, как замечает евангелист Лука, притча, и касалась главным образом внутреннего расположения сердца, которое в таких внешностях ищет своего удовлетворения. Поэтому Иисус закончил словами: «Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет; и унижающий себя возвышается».

Эта речь относилась к гостям. Теперь Иисус обратился к хозяину. Иисус заметил, что он пригласил только друзей и братьев, родственников и богатых соседей. Больного, которого Иисус исцелил пред обедом, никто не пригласил остаться обедать. У него были все знатные и богатые люди, и бывший больной тут был не у места. Иисус не хотел оставить этого без Своего замечания. Поэтому Он сказал хозяину: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей своих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали и не получил ты воздаяния. Но когда делаешь пир – зови нищих, хромых, увечных, слепых; и блажен будешь, что они не могут воздать тебе; ибо воздастся в воскресении праведных». Этими словами Он не

запрещает звать к себе друзей и родственников, но предохраняет от своекорыстия, которое и в гостеприимстве рассчитывало найти свою выгоду. Нужно больше благодетельствовать тем, которые не могут нам отплачивать: такие благодеяния вознаграждены будут в воскресение праведных.

Слова Иисуса «блажен ты будешь» вызвали у одного из гостей восклицание: «Блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием!» Быть может, он заметил, как Иисус к каждому обстоятельству обеда прилагал духовный смысл, и хотел сам попытаться сделать подобное. Быть может, ему было тяжело от проповеди Иисуса, Который каждому из присутствовавших воздавал должное. Он хотел направить разговор на более приятный предмет, который бы не оскорблял никого из присутствовавших. Вместе с тем в его восклицании звучала самоуверенность, что он как израильтянин и фарисей имеет несомненно право на участие в Царствии Божием. Потому Господь употребил слова этого человека к дальнейшему продолжению Своей увещательной речи в притче о великой вечери.

Мысли свт. Феофана (Лк. 14:8)

«Мысли на каждый день года»

Когда зван будешь куда, не садись на первое место. Обобщив это, получим: всегда и везде держись последнейшей части. В этом простом правиле сокращенно выражено все богатое содержание смирения. Возьми его, сядь и рассмотри все возможные случаи твоей жизни и наперед избери себе во всех их последнюю часть. Это последнее будет практика смирения, которое от внешних дел мало-помалу перейдет внутрь и положит там осадку смирения как основу. Время возрастит это семя среди той же практики, и смирение преисполнит, наконец, всю душу и тело, и все внешние дела. Что ж будет? А то, что величие нравственное будет сиять на челе твоем и привлекать всеобщее уважение; и исполнится над тобою: *Всяк возносяйся смирится: смиряяйся же вознесется.* Но не это имей в виду, практикуясь в смирении, а само смирение. Оно само с собою приносит в душу ублажающее благонастроение. Куда придет смирение, там все внутренние тревоги прекращаются и все внешние невзгоды не производят поразительных впечатлений. Как волна, не встречая препятствия, без шума и удара разливается в безбрежном море, так внешние и внутренние скорби не ударяют в смиренную душу, а проносятся как бы поверх, не оставляя следа. Это, так сказать, житейское преимущество смиренного; а какой свыше свет осеняет его, какие утешения посылаются, какая широта свобододействия открывается!.. Поистине, смирение одно совмещает все...

Избранные места из свв. отцов в изъяснение притчи о *вечери велией* (Лк. 14: 16–24)

«Воскресное чтение», 1824

Ст. 16 и 17. *Человек некий сотвори вечерю велию и зва многи: и посла раба своего в год вечери, рещи званным: грядите, яко уже готова суть вся.*

Здесь спросит любознательный исследователь вещей: почему это приглашение не на обед, а на вечерю, также — кто посланный звать на вечерю, кто приглашающий, кто приглашенные и презревшие приглашение? Под именем человека, устроившего вечерю велию, разумеется Бог Отец. Он, Творец всего и Господь славы, сотворил вечерю велию, то есть учредил всеобщее, во всем мире, торжество для домостроительства Христова. Называется же этот праздник вечерею потому, что Сын Божий явился нам в последние дни и как бы к западу века. В это время подъял смерть нас ради, предложил нам Плоть Свою в пищу, сей Хлеб с небесе, дающий живот миру. Посланный Отцем и названный рабом есть Сам Христос; ибо Он, будучи Бог по естеству и истинный Сын Божий, прияв зрак раба, истощил Себя. Когда послан? В час вечери. Не в начале века сего естественным рождением Своим сошел с неба Единородный Сын Божий, но во времена последние. Какие же слова приглашающего? *Грядите, яко уже готова суть вся.* Приготовил Бог и Отец во Христе превосходные дары миру — отпущение грехов, общение Духа Святого, благодать усыновления, Царство Небесное. Ко всему этому Христос Господь словом Евангельским приглашал всех, а прежде прочих Израиля (св. Кирилл Александрийский).

Ст. 18–20. *И начаша вкупе отрицатися вси. Первый рече ему: село купих, и имам нужду изыти и видети е: молютися, имей мя отреченна* и проч.

Так Бог чрез Сына Своего, Ходатая нашего, приглашает иудеев на Свою вечерю и высокой чести сподобляет их; а они не идут и вымышляют причины на то — пары волов, поля и жен. Но как ни кажутся их извинения основательными, мы познаем здесь, что ничего нет столь необходимого, что бы не ниже было благ духовных. Приглашены же они не теперь, а прежде многих веков. *Посла*, говорит, *раба своего рещи званным*, что увеличивает их преступление. Они еще пророками званы были, а напоследок Самим Сыном. И к чему приглашает? К трудам, скорбям? Никак, а к веселию; но и это не обращает их (св. Иоанн Златоуст на Мф. гл. 22).

Это были любители не Бога, а удовольствий и предметов земных: на удовольствия указывается именем жены, а поле и пары волов — знак пристрастия к богатству. Таким образом исключаются здесь все те, которые Божественному званию предпочитают удовольствия сей жизни, то есть богатство, торговлю и брак. По другому изъяснению, удостоенные первого звания суть иудеи. Они-то, извиняя себя предлогом занятий больших,

отвергли звание. Ибо презрели благодать евангельскую как бы потому, что имели поля, то есть обильные чтения Писания, имели волов для орания – пророков – и наслаждались сожительством Премудрости, как жены (Евсевия).

Тот купил село (поле), кто по причине мудрости мирской (ибо село есть мир) не приемлет сверхъестественного таинства; ибо *душевен человек не приемлет яже суть Божия* (1 Кор. 2:14). Пять пар волов купил тот, кто пять сил душевных худо связал с телесными, не удерживает стремления последних первыми и, во зло употребляя силы свои, теряет свое спасение. А тот, кто поял жену, означает того, кто пристрастен к плоти, как к жене, а потому отвращается истинного и постоянного блага (св. Кирилл Александрийский).

Ст. 21–22. *И пришед раб той поведа господину своему сия. Тогда разгневася дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутия и стогны града, и нищия и бедныя, и слепыя и хромыя введи семо.*

Хотя Бог Отец и прежде знал, что иудеи, призванные к Евангелию, будут вымышлять извинения; но, чтобы не оставить им никакого предлога к бесстыдному извинению, послал к ним Единородного Сына Своего, носящего образ раба. Так Он и заграждает уста им, и научает нас, что мы должны исполнить все, что нужно, хотя бы не было нам от того никакой выгоды. Когда же они не были достойны, вместо их призываются язычники. Ибо сначала пришел Господь к иудеям: из них избрал Он Матерь Себе, от них родился по плоти, и Сам говорит: *Несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (Мф. 15:24). После креста, когда хотел вознестись на небо, хотя повелел учить все народы, но назначил наперед проповедать иудеям: *Приимете*, говорит, *силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидетели, во Иерусалиме же и по всей Иудеи и Самарии, и даже до последних земли* (Деян. 1:8) (св. Иоанн Златоуст на Мф.).

Итак, домовладыка разгневался, сказано, на вельмож иудейских за то, что они презрели оную вечерю велию, и на место их позваны те, которые больны и отвержены, лежали на улицах и переулках, то есть те, кои в народе иудейском почитались немощнейшими, имели ум до того времени хромающий, помраченный большою тьмою, но вскоре верою во Христа соделались здравыми и крепкими. Приняв внутрь себя Божественный свет, они научились ходить по стезям правым. А что весьма многие из иудейского простого народа уверовали, это всякий может познать, если прочтет Деяния святых апостолов. Там видим, как от проповеди Петра сперва уверовали три тысячи, потом пять тысяч, и опять великое множество. Да и Сам Господь учил, как словом, так и чудесами, народ простой, и очень многие из сего народа уверовали в Него, за что и подвергались проклятию от фарисеев (св. Кирилл Александрийский).

Ст. 22–24. *И рече раб: Господи, бысть, якоже повелел еси, и еще место есть! и рече господин к рабу: изыди на пути и халуги, и убеди внити, да наполнится дом мой. Глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусит моея вечери: мнози бо суть звани, мало же избранных.*

Вот, после того как верою приведены израильтяне, был призван и народ языческий. Призванные из язычников и пришедшие на вечерю были очень грубы, одичавшие, как те, которые рождены и воспитаны вне городов, без всякого образования. Ибо не имели никаких добрых законов и обычаев, но подобно скотам жили в великой тьме умственной, как безумные. К ним-то учредитель вечери посылает на общественные дороги и изгороди звать их на вечерю, и не только звать просто, но и понудить (св. Кирилл Александрийский).

Итак, первые позваны иудеи, которые и презрели благодать призывания; потом язычники и иноплеменники, слепотствующие по уму, хромые и глухие, и они тотчас повиновались. Бывшие на распутиях и стогнах значат тех, кои ходили по пространному пути разврата, без учения и постановлений. Наконец, прочие, которые позваны с отдаленных путей и изгородей, суть души, бывшие во аде, которым Сам Спаситель, по отложении тела, проповедал. Перенесись теперь мыслью к Царству Небесному, которого ожидаем, представь себе ту великую вечерю, на которой будут возлежать вместе с ангелами души блаженных и будут питаться хлебом ангельским, когда собственно, и так, как прилично Богу, исполнится это слово Писания: *Хлеб Ангельский яде человек* (Пс. 77:25). А хлеб этот есть слово Божие, питающее некиим чудным образом души и ангелов, как научает Сам Господь: *Аз есмь*, говорит, *хлеб сходяй с небесе* и дающий живот человекам (Ин. 6:51). *Блажени убо алчущие и жаждущие правды: яко насытятся*, когда удостоятся оной вечери царской, вкушая хлеб жизни и пия ту чашу веселия, о которой пред страданием сказал Спаситель: *Не имам пити отныне от сего плода лозного, до дне того, егда е пию с вами ново во Царствии Отца Моего* (Мф. 26:29). Тогда души святых причастятся вина нового от плода оной Лозы истинной, которой Сам Бог и Отец всяческих есть делатель и от которой подаст плод новый достойным.

Если мы не захотим явиться достойными оного звания, то причиною этого будем мы, а не Бог, нас призывающий и нам делающий честь. Он со Своей стороны все совершил, а мы нашими оскверненными одеждами, то есть нашими делами бесстыдными, нанося бесчестие как Ему, так и присутствующим, и самой вечери, по справедливости изгоняемся. Но да не дерзнет никто из призванных поступить подобным образом, чтобы не услышать оный глас: *Яко ни един мужей тех званных вкусит моея вечери.* Для того и написано это прежде событий, чтобы угрозы Писания не исполнились на нас самым делом, чтобы не постигло нас оное бесчестие и наказа-

ние, но да послужат сии угрозы к наставлению и исправлению нашему, и каждый из нас в одежде светлой приступит к небесной вечери. Да сподобит Господь всех нас наслаждаться сею вечерию (св. Евсевий).

Притча о званных на вечерю (Лк. 14: 16–24)

«Воскресное чтение», 1816

Человек некий сотвори вечерю велию и зва многи: и посла раба своего в год вечери рещи званным: грядите, яко уже готова суть вся.

Под именем человека *некоего* здесь разумеется Отец наш Небесный; под образом вечери представляется Царство Небесное или блаженная жизнь в единении с Богом; а раб, посланный созывать на вечерю, есть не кто иной, как Сам Господь наш Иисус Христос, приявший зрака раба для искупления нас от рабства греховного и смерти.

Царство Небесное уготовано нам *от сложения мира* (Мф. 25:34); но до времени оно заключено было от людей. Когда приспело время исполнения предвечного совета Божия о спасении человека, тогда воплотившийся Сын Божий возвестил людям о приближении Царства Небесного (Мф. 4:17). Сие-то время и означается в притче годом, то есть порою *вечери.*

Итак, слова *грядите, яко уже готова суть вся* означают то же, что: *Покайтеся и веруйте во Евангелие яко исполнися время и приближися Царствие Божие* (Мк. 1:15). Это – сладчайшая проповедь Евангелия, возвещающего нам о конце греховного рабства нашего, о всецелом обновлении естества нашего во Христе Иисусе и о вечном примирении нашем с Богом. *Грядите:* то есть веруйте в Сына Божия, пришедшего спасти человека Кровию Своею; возлюбите всем сердцем вашим, последуйте Его учению и примеру, соблюдите Его заповеди и не уклоняйтесь от указанного и устроенного Им пути к Царствию Божию. *Уже готова суть вся.* Для верующих в Сына Божия и соблюдающих слово Его все готово у Отца Небесного. Готово совершенное прощение грехов и благоволение Отчее. Готова неизреченная слава. Готово вечное, нескончаемое, неизглаголанное блаженство.

Казалось бы, как не послушать сего сладчайшего гласа, как не воскликнуть на оный званному: *готово сердце мое, Боже, готово* (Пс. 107:2)? Однако не так отвечают на сие званные: *и начаша вкупе отрицатися вси..*

Первый рече: село купих, и имам нужду изыти и видети е: молютися, имей мя отреченна. И другий рече: супруг волов купих пять, и гряду искусити их: молю тя, имей мя отреченна. И другий рече: жену поях, и сего ради не могу приити. Хотя сии званные представляют, как видно, различные отречения своего от вечери; однако главное чувство, побуждающее их к такому недостойному поступку, одно, именно: пристрастие к земным и мнимым благам мира.

Первый званный отрицается от вечери по причине нужд житейских. «Я купил поле, – говорит он звавшему, – и мне нужно тотчас же идти и

посмотреть, каково оно». Подобным образом многие отрицаются и от вечной вечери Христовой; от Царствия Небесного. «Время ли, — говорит или помышляет иной в сердце своем, — время ли мне заняться надлежащим приготовлением к будущей жизни, когда нужды житейские обдержат меня и заботы о насущном хлебе не позволяют иногда и подумать о чем-либо другом?» Не другое ли что кроется в сердце нашем, когда мы говорим, что нужды житейские уклоняют нас от пути к Царствию Божию? Немного нужно человеку для того, чтобы удовлетворить необходимым телесным потребностям своим. *Имеюще пищу и одеяние сими довольны будем*, — заповедует святой апостол (1 Тим. 6:8). Итак, нам надлежало бы тем и ограничить все попечения земные, чтобы иметь насущный хлеб и необходимое одеяние. Но так ли бывает на деле? Как скоро существенные потребности наши удовлетворяются, то уменьшаются ли у нас заботы и попечения житейские? Никак. Кто перестал быть бедным, тот желает быть богатым; у кого обеспечено пропитание, тот ищет приятностей жизни и озабочен этим столько же, сколько бедный снисканием насущного хлеба. При довольстве и даже избытке вещей, потребных для телесной жизни, у человека рождаются другие желания, которые бывают также сильны, также неотступны, как самые первые потребности пищи и пития. А это что показывает? То, что не нужды житейские уклоняют нас от пути к Царствию Божию, а пристрастие к земным вещам. Ответ другого званного еще более утверждает сию печальную истину.

И другий рече: супруг волов купих пять, и гряду искусити их: молю тя, имей мя отреченна. И сей званный уклоняется от вечери по той же причине, по какой уклонился от нее и первый: он также сотворил куплю. Но поелику из его же слов видно, что он человек не бедный, то что другое, кроме любостяжания, могло побудить его к отречению от благодетельного призвания? Итак, здесь пагубное чувство сие обнаруживается яснее; но человек привыкает щадить его и тем укрепляет его в сердце своем, а чем более оно укрепляется в нас, тем кажется естественнее и правее. Сие яснее увидим, когда последуем далее за притчею Всеведущего Учителя нашего.

И другий рече: жену поях, и сего ради не могу приити. В этом ответе, кроме неправды, примечается еще дерзость и упорство званного. Прежние хотя отрицались от вечери, но по крайней мере чувствовали, как заметно, неправоту своего поступка и старались как бы извиниться в своей неблагодарности. Каждый из них говорил: *Молю тя, имей мя отреченна.* А сей отвечает прямо: *Не могу приити*, как будто причина его отречения так важна и удовлетворительна, что ему нет нужды даже ни в каком извинении. *Жену поях, и сего ради не могу приити.* Почему же не может? Потому ли, что не хочет предпочесть званную вечерю своей домашней вечери и домашнему удовольствию, или боится огорчить жену свою, или считает неприличным

изыти из дому в таких обстоятельствах? Но то ли, другое ли, или и все вместе — это не что иное, как самые ничтожные предлоги к отречению от великой вечери. Так, однако, многие отрицаются от вечери небесной. Сластолюбие, человекоугодие и рабство пред обычаями мира не только удаляют человека от пути к Царствию Небесному, но и внушают ему нечестивую мысль, что он поступает право. Сластолюбивый человек, привыкший покоряться своей страсти, говорит в оправдание свое: я не могу идти вопреки естественным побуждениям своим и спорить с собственною природою; посему уступаю влечениям плоти и сердца своего. Нужно ли опровергать такие суждения, которые ничем не разнятся от влечения бессловесных, управляемых природными побуждениями? Человекоугодник говорит: я желал бы идти путем христианского благочестия; но мои отношения к людям часто заставляют меня по необходимости уклоняться от сего пути; ибо если не буду обращать внимания на мнения людей и на их требования от меня, то могу поставить себя в неприязненные отношения ко многим и тем погубить свое благосостояние. Наконец, раб мирских обычаев и суетного приличия рассуждает: я должен поневоле жить так, как живут другие, чтобы не показаться странным и не сделаться притчею в народе; а так как обычаи общественной жизни не всегда согласны с заповедями Евангелия и уставами Церкви, то и бываю в необходимости, следуя первым, отступать от последних. Но что говорит Господь Искупитель наш? *Иже аще постыдится Мене и словес Моих в роде сем прелюбодейнем и грешнем: и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со ангелы святыми* (Мк. 8:38).

Тогда разгневався домувладыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутия и стогны града, и нищия и бедныя и слепыя и хромыя введи семо. И рече раб: господи, бысть якоже повелел еси, и еще место есть. И рече господин к рабу: изыди на пути и халуги, и убеди внити, да наполнится дом мой. Глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусит моея вечери: мнози бо суть звани, мало же избранных. Вот и приговор недостойным званным! Отрицаясь от вечери, они, может быть, не думали и не хотели навсегда лишиться благоволения Домовладыки и отказаться от надежды быть некогда в числе избранных Его; но Им изрекается: *Ни един мужей тех званных вкусит моея вечери!* И мы, как ни живем, а все надеемся, что не будем осуждены за наше пристрастие к миру на вечное отвержение от лица Божия. Мы не храним заповедей евангельских, но не сомневаемся относить к себе евангельские обетования, уповая ложно на одно свое звание христиан, не оправдываемое делами, и видя, что многие другие живут одинаково с нами. У Господа Бога нет лицеприятия и неправды; кроме достойных, никто не обретется на Его вечери. Когда отрицаются званные, Он призывает к Себе других; так Он призвал некогда язычников на место иудеев. Так и ныне, отвергая одних по суду правды, призывает других по милосердию. Дом Его исполнится; на вечери Его

не будет мест праздных; но — сие может совершиться и без нас, если мы сами не поревнуем быть в дому Божием.

Наставления о самоотвержении (Лк. 14: 25–33)

Неизвестно, что фарисей и его гости возражали на эту притчу, которая, конечно, не очень пришлась им по вкусу. Обед кончился. Иисус идет далее Своим путем. Толпа народа, стоявшая на дворе и, может быть, ожидавшая Его, пристала к Нему. Они как бы хотели принять зов в Царствие Божие и шествовать к нему, как подобало. Если бы Иисус желал одного только стечения к Себе народа, Он мог бы радоваться этой толпе. Но Он желал, напротив, иметь верных и надежных учеников. Он знал, что у народа, следовавшего за Ним, недостает надлежащей решимости. Поэтому Он предостерегал их от поспешного и необдуманного предприятия и сказал им: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а при том и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником. И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником». Этими словами Он требовал самоотвержения и отречения от мира, готовности к перенесению всяких страданий ради Его, решительного разрыва со своими желаниями и склонностями, которые не направлены к одной святой цели. Поэтому кто хочет следовать зову Господа, должен наперед серьезно размыслить сам с собой, действительно ли он в состоянии принести жертву самоотвержения, которая требуется от него на служение Христу, подобно тому как человек, предпринимающий постройку большего здания, сосчитывает наперед издержки и свои средства, или как предпринимающий решительную войну прежде всего соображается со своими военными силами.

Изъяснение слов Иисуса Христа о ненависти к родным из любви к Богу (Лк. 14: 26–33)

Прот. Ляпидевский.
«Душеполезное чтение», 1862

Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, и самой жизни своей: тот не может быть Моим учеником (Лк. 14:26). Есть христиане, которых смущают сии слова Спасителя. Как можно, спрашивают они, питать ненависть к родителям вопреки и долгу, и врожденному чувству, побуждающему любить их? Что за противоестественная ненависть? Зачем она нужна последователю Христову?

Подлинно, нельзя бы было без смущения слышать сии слова Спасителя, если бы в них точно был тот смысл, который вопрошающие в них ви-

дят. Иисус Христос Сам неоднократно подтверждал важность заповеди *чти отца твоего и матерь* (Мф. 19:19). Он даже упрекал фарисеев за то, что они за внесение известной суммы на потребности храма увольняли детей от ее исполнения и тем разрушали ее (Мф. 5: 3–7). Он заповедовал любить врагов: зачем же требует ненавидеть родителей? Уже потому, что не может противоречить Себе Христос, верный и истинный во всех словесех Своих, должно думать, что подающие повод к недоумениям слова Спасителя имеют совсем не тот безусловный смысл, который недоумевающие видят в них. В каком же именно смысле должно понимать сии слова?

Прежде всего надобно обратить внимание, когда и кому слова сии были сказаны. Иисуса Христа, когда Он учил, нередко окружали тысячи народа. Но в этом многолюдстве Сердцеведец видел множество таких, которых привлекали к Нему слава чудес Его и надежда земного счастия – вовсе не думавших, что последование новому учению может быть сопряжено с потерями и жертвами. Чтобы вывести их из заблуждения и тотчас отделить истинных последователей от ложных, Иисус Христос прямо открывает им будущность, их ожидающую. *Думаете ли*, говорит Он, *что Я пришел дать мир земле? нет, говорю вам, но разделение. Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух и двое против трех. Отец будет против сына и сын против отца, мать против дочери и дочь против матери: свекровь против невестки и невестка против свекрови своей* (Лк. 12: 51–53).

Так и в настоящем случае Евангелие повествует, что когда шло за Иисусом Христом множество народа, Он обратился к нему и сказал: *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, и самой жизни своей: тот не может быть Моим учеником.* Для чего это нужно? Нужду эту Спаситель Сам сейчас же и объясняет притчами. *Кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начал строить и не мог кончить! Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство просить о мире* (Лк. 14: 28–32). Итак, что ж всем этим внушает Спаситель? То, чтобы последование Ему не считали делом легким, что потребуются жертвы очень важные, что надобно будет разорвать связи самые близкие, надобно будет приготовиться к борьбе на жизнь и смерть, что враги будут не извне, восстанут чада на родителей, родители на чада, враги человеку домашние его, надобно быть ко всему готовым, на все решиться. Иначе лучше совсем не начинать дела. Следовательно, каких же требует ненавидеть родителей? Всех ли вообще и непременно? Конечно, нет; зачем ненавидеть родителей христианских? Они идут одним с

нами путем и не только не останавливают, но еще руководят в следовании за Иисусом Христом. Очевидно, разумеются и родители, которые препятствуют учению евангельскому, становятся между нами и Иисусом Христом и в то время, как Он отверзает нам двери рая, влекут в ад к диаволу. Повелевает, говорит святой Иоанн Златоуст, не просто возненавидеть; ибо это совершенно противозаконно; но если кто из них скажет, чтобы ты любил его более, нежели Меня, то в сем случае возненавидь его.

Но говорят еще: зачем же ненавидеть и в таком случае? Не лучше ли молиться за родителей, даже нечестивых? Зачем эта ненависть, столь противная для доброго сердца? Спаситель Сам объяснил, как понимать слово: ненависть — сказав после приведенной притчи о строящейся башне и царе, готовящемся к войне: *так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14:33). Следовательно, слово *ненавидеть* имеет тот же смысл, что и слово *отрешиться*, то есть не быть привязанными — оставить. Этого уже и довольно для благонамеренной любознательности, тем более что и другие евангелисты в таких же выражениях передают подобное место. Но если кто и за всем тем продолжает спрашивать, зачем Иисус Христос употребил именно это слово: *ненавидеть*, почему с первого раза не сказал: *оставить* родителей, или *отрешиться* от родителей, тому скажем, что Спаситель иногда требовал еще более важного, требовал погибели, да еще чего? Погибели души. Вот это место: *иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю* (Мк. 8:36; ср. 12:2).

Что ж? Назовете ли Иисуса Христа губителем душ? Нет, Он все остается Спасителем и в этом случае столько же, как и всегда. Не видите ли, что в сих же словах, почти рядом со словом *погибель*, стоит слово *спасение*, что погубить требуется для того, чтобы вернее спасти, что погубить душу значит только уничтожить в ней все привязанности, все дурные страсти, которые препятствуют ей приблизиться к Богу, источнику жизни и спасения. То же надобно сказать и об ненависти к родителям. Напрасно боятся этой ненависти; она еще не злоба. Ненависть христианина не обнаруживается в тех разрушительных явлениях, которые сопровождают ненависть, внушаемую духом мира; она разрушает только злое, но спасает доброе. Если, по несчастью, христианин должен будет возненавидеть родителей, это значит, что он будет в них ненавидеть только врагов Христовых, и притом до тех пор, пока они остаются ими. Он будет противиться их незаконным повелениям — может быть, и обличит их, может быть, и удалится и скроется от них из любви к Иисусу Христу, Которого они не любят; но в то же время не упустит возможных и приличных способов обратить их на путь истинный и не усомнится молиться о спасении душ их, о вразумлении и просвещении их свыше, особенно когда их вражда к Иисусу Христу есть следствие каких-нибудь заблуждений и предрассудков, вражда бессоз-

нательная, нелепая, и уж поверьте, где дело дойдет до лишений, до страданий, до потерь, все они останутся на стороне ненавидящего, а не того, которого христианин будет ненавидеть. Страдать будет он — это любимая доля христианина в сей жизни; и первое страдание, которое он испытает, состоит в том, чтобы отказаться от любви к родителям вопреки побуждениям своего сердца. Всего лучше можно видеть ненависть христианина в жизни святых и особенно мучеников. Они ненавидели мир, но за него молились, его просвещали. Они сражались с гонителями христианства, сражались до крови, посрамляли и побуждали их, и в то же время оставались кроткими, как агнцы. Так чувства христианина отличаются от чувств мира, хотя и носят одно название: он и радуется с трепетом, и в плаче находит утешение; и смирением возносится, и в ненависти любит.

О совместности ненависти к родным с любовию к ним в благоразумии христианском (Лк. 14: 25–33)

Св. Григорий Двоеслов. Беседы на Евангелия в перев. архим. Климента Кн. 2., Беседа 37

Может быть противоречащим то, каким образом заповедуется ненависть к родителям и близким родственникам нам, которым дана заповедь любить даже врагов? И действительно, Истина о жене говорит: *Еже Бог сочета, человек да не разлучает* (Мф. 19:6). И Павел говорит: *Мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюби Церковь* (Еф. 4:25). Вот ученик повелевает любить жену, тогда как Учитель говорит: *Кто не возненавидит жену, не может Мой быти ученик.* Неужели одно возвещает Судия, а о другом вещает Проповедник? Или мы можем вместе и ненавидеть, и любить? Но если мы вникнем в силу заповеди, то можем делать то и другое чрез разделение, так что будем любить тех, которые близки к нам, и, ненавидя и бегая, не будем знать тех, которые враждебны нам на пути Божием. Ибо как бы чрез ненависть любят того, кого не слушают мудрствующего по плоти, когда он внушает нам нечестие. Но чтобы показать, что Господь производит эту ненависть к ближним не от расположения душевного, а от любви, Он тотчас присовокупил, говоря: *Еще же и душу свою.* Итак, нам заповедуется ненависть к ближним и к душе своей. Следовательно, тот любя должен ненавидеть ближнего, кто ненавидит его так, как самого себя. Ибо мы ненавидим душу свою тогда, когда не последуем ее пожеланиям, когда боремся с ее услаждениями. Итак, она как бы чрез ненависть бывает любима, когда, будучи презрена, направляется к лучшему. Именно так должны мы выражать свою ненависть к ближним, чтобы и любить в них то, чем они суть, и ненавидеть то, чем они препятствуют нам на пути Божием.

Известно, что когда Павел шел в Иерусалим, тогда пророк Агав взял его пояс и связал им себе руки и ноги, говоря: *Мужа, егоже есть пояс сей, тако свяжут его во Иерусалиме* (Деян. 21:11). Что же говорил тот, кто совершенно ненавидел душу свою? *Аз не точию связан быти хощу, но умрети во Иерусалиме готов есмь за имя Господа Иисуса* (13); *ниже имам душу свою честну себе* (Деян. 20:24). Вот как апостол любя ненавидел и ненавидя любил свою душу, которую желал предать смерти за Иисуса, чтобы воскресить ее к жизни от смерти греха. Итак, это понятие о ненависти к себе самим перенесем на ненависть к ближнему. Надобно любить каждого в этом мире, не исключая и врага; но на пути Божием не надобно любить врага, хотя бы он был и родственник. Ибо, кто сильно желает вечного, тот должен быть на том пути Божием, на который вступает, без отца, без матери, без жены, без детей, без родных, без себя самого, чтобы тем вернее знать Бога, чем менее помнит о ком-либо в деле благоугождения Ему. Ибо много значит, когда плотские страсти рассеивают внимание ума и затмевают его проницательность; но мы не терпим от них вреда, если держим их в стеснительном положении. Итак, надобно любить ближних; любовь должна быть простираема на всех ближних и дальних: однако ради этой любви не должно уклоняться от любви к Богу.

Но как должно выражать эту самую ненависть души, Истина объясняет далее, говоря: *Иже не носит креста своего и в след Мене грядет, не может Мой быти ученик*. Потому что крест называется от *крестования*. И мы носим крест Господень двумя способами: или умерщвляя плоть воздержанием, или считая крайность ближнего своею собственною, по сочувствию. Ибо тот, кто выражает скорбь о чужой крайности, тот носит крест в душе. Но надобно знать, что есть люди, которые употребляют воздержание плоти не ради Бога, а ради тщеславия. И есть много таких, которые выражают сочувствие к ближнему не по духу, а по плоти, для того, чтобы содействовать ему не в добродетели, но как бы в виновности. Итак, эти люди, хотя и кажутся несущими крест, однако не следуют за Господом. Поэтому та же самая Истина справедливо говорит: *Иже не носит креста своего и в след Мене грядет, не может Мой быти ученик*. Ибо нести крест и идти вслед за Господом значит или умерщвлять плоть воздержанием, или проявлять сочувствие к ближнему, по желанию вечной цели. Но кто показывает это ради временной цели, тот хотя и носит крест, но отказывается идти вслед за Господом.

Но поелику даны высокие заповеди, то тотчас присовокупляется сравнение от устрояемой высоты, когда говорится: *Кто бо от вас, хотяй столб создати, не прежде ли сед разчтет имение, аще имать, еже есть на совершение: да не, когда положит основание и не возможет совершити, вси видящии начнут ругатися ему, глаголюще, яко сей человек начат здати, и не может совершити*. Мы должны наперед обдумывать все, что делаем. Ибо вот, по слову Истины,

тот, кто строит башню, наперед готовит сумму на построение. Итак, если мы желаем построить столп смирения, то должны наперед приготовить себя к неприятностям века сего. Но между земным и небесным строением различие состоит в том, что земное строение устрояется собиранием издержек, а небесное строение – раздаянием имущества.

Но поелику сравнение сделано от постройки здания, то теперь присовокупляется подобие от меньшего к большему, чтобы можно было от меньших вещей заключать к большим. Ибо далее следует: *или кий царь идый ко иному царю снитися с ним на брань, не сед ли прежде совещавает, аще силен есть срести с десятью тысящ грядущего со двемадесять тысящами нань: аще ли же ни, еще далече ему сущу, моление послав, молится о смирении.* Царь против царя, равный против равного, идет на войну, однако если сознается, что он не может противостоять, то отправляет посольство и просит мира. Итак, какими слезами должны испрашивать себе пощады мы, которые на оном страшном испытании явимся на суд с Царем своим, не равные с равным, но которых и состояние, и слабость, и все, от чего зависим, являют низшими?

Но, быть может, мы виновность в злом делании очистили и все внешнее нечестие устранили от себя; но ужели этого нам достаточно для того, чтобы дать отчет в нашем помышлении? Ибо с двадцатью тысячами называется идущим тот, против которого недостаточен идущий с десятью тысячами. Потому что десять тысяч к двадцати относятся так же, как единица к двум. А мы, если и много успеваем, то едва сохраняем в порядке только внешние дела наши. Ибо хотя похоть плоти и умерщвлена уже, но из сердца еще с корнем не вырвана. А Тот, Кто грядет на суд, судит вместе, как внешнее, так равно и внутреннее, разбирает дела, равно как и помышления. Итак, грядет с двумя против одного Тот, Кто будет вместе за дела и помышления судить нас, едва приготовленных одними делами. Итак, братие, что надобно делать нам, если не то, что, видя невозможность устоять с одинаковым войском против Его двойного, послать к Нему, еще далеко находящемуся, посольство и просить о даровании мира? Ибо далеко находящимся называется Тот, Кто еще не является присутствующим на суде. Пошлем к Нему посольство – слезы наши, дела милосердия, – возложим на алтарь Его жертвы умилостивления, сознаемся, что мы не можем на суде стязаться с Ним, помыслим о могуществе Его и будем умолять о даровании нам мира. Вот в чем состоит наше посольство, которое умилостивляет грядущего Царя. Подумайте, братие, как благоснисходительно то, что Могущий стеснить нас Своим пришествием медлит этим пришествием. Пошлем к Нему, как сказали мы, посольство со слезами, дарами и священными жертвами. Ибо единожды принесенная ради нашего очищения жертва святого алтаря со слезами и умилением души умоляет за нас; потому что Тот, Кто, Сам Собою воскресши от мертвых, уже не умирает, чрез нее

доселе еще страдает за нас в Своем Таинстве. Ибо сколько раз мы приносим Ему жертву страдания Его, столько раз возобновляем страдание Его для себя, ради очищения нашего.

Вопрос и ответ Василия Великого к 33 стиху 14-й гл. Евангелия от Луки

Творения свв. отцов. Тв. Василия Великого

Чему научить хочет нас Господь примерами, после которых присовокупляет: *Тако убо всяк от вас, иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик?* (Лк. 14:33.) Ибо если *хотяй столп создати* или *снитися со иным царем* должен приготовиться или к созиданию, или к войне, и когда он не в состоянии, можно ему или в самом начале не класть и основания, или просить о мире, то и возжелавший стать учеником Господним не должен ли отречься, а когда примечает, что ему трудно на это решиться, позволительно ли ему с самого начала не делаться учеником Господним?

Цель у Господа в этих примерах не та, чтобы отдать на волю, стать или не стать учеником Господним, но та, чтобы показать невозможность благоугодить Богу среди душевных развлечений, при которых душа подвергается опасности быть уловленною кознями диавольскими и оказывается достойною поругания и смеха за недовершение того, чего, как казалось, домогалась. Пророк, молясь, чтобы не потерпеть сего, сказал: *да не когда порадуютмися врази мои: и внегда подвижатися ногам моим, на мя велеречеваша* (Пс. 37:17).

Мысли епископа Феофана на 34 стих 14-й гл. Евангелия от Луки

«Мысли на каждый день года»

Добро есть соль: аще же соль обуяет, чим осолится? Соль – ученики Господа, которые, преподавая Его наставления людям, истребляли нравственную в них гнилость. Если такое преподавание назовем просвещением, то и титло соли должно тоже перейти на это последнее. Затем все изречение будет в таком виде: добро есть просвещение, но если просвещение обуяет, то к чему оно гоже? Брось его!.. Просвещение действует, как соль, когда оно исполнено начал и элементов учения Господня, когда само состоит в ученичестве у Господа; а коль скоро оно отступает от этого направления и вместо уроков Господних усвояет себе чуждые учения, тогда оно обуевает само и становится непотребным, само заражается гнилостью заблуждения и лжи и начинает действовать уже не целительно, а заразительно. История подтвердила и подтверждает это повсюдными опытами. Отчего же никто не внимает опыту? Враг на всех наводит мрак, и всем думается, что то и светло, когда в учениях держатся подальше от учения Господня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 14-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

1) *Св. Григорий Двоеслов.* О призывании на вечерю и об отказывающихся от нее под разными предлогами.

2) Евангельская вечеря. «Воскресное чтение», 1803.

3) Евангелие в нед. 28. «Руководство для сельского пастыря», 1867.

4) Притча о гостях, званых на вечерю. «Христианское чтение», 1836.

5) Брачная вечеря. «Православный собеседник», 1860.

6) *Еп. Хрисанф.* Евангельская притча о званых на вечерю. «Странник», 1877.

7) *Евсевий, еп. Могилевский.* Бес. в нед. 28 по Пятидесятнице. Бес. на воскресн. и праздн. Ев., ч. 2.

8) *А. В.* Евангельское чтение в 28 нед.

9) Ст. 10. «Воскресное чтение», 1810.

10) Ст. 14. *Арсений, еп. Киевский.* О том, что препятствует людям вступить в число избранных Божиих. Слова.

11) Ст. 16. «Воскресное чтение», 1801.

12) Ст. 18. *Филарет Черниговский.* Каковы отговорки нашего времени от звания Божия. Беседы.

13) Ст. 18. *Филарет, еп. Московский.* О плодах веры и неверия. Слова.

14) Ст. 18. Поучительные уроки на притчи о званных на вечерю. «Воскресное чтение», 1820 г.

15) Ст. 18. *И начаша вкупе отрицатися вси.* «Христианское чтение», 1883.

16) *Молютися, имей мя отреченна* (ст. 18). «Духовная беседа», 1870.

17) Ст. 24. *Много званых, но мало избранных.* «Духовная беседа», 1870.

18) Мысли *свт. Феофана* на тот же ст.

19) Ст. 26. «Душеполезное чтение», 1862.

20) Ст. 27. Что значит нести крест свой. «Воскресное чтение», 1887.

Значение притчи о заблудшей овце (Лк. 15: 4–7)

Прот. Нечаев. «Душеполезное чтение», 1881

В этой притче Господь Иисус выразил ту мысль, что грешник кающийся дороже Ему гордых праведников и что Он пришел привести не этих праведников, а грешников к покаянию. Для наглядного выражения этой мысли Господь в сказанной притче представляет Себя под образом пастыря, который, потеряв из сотни своих овец одну, ушедшую из стада, бросает в пустыне 99, ищет ее и, если найдет (Мф. 18:13), берет ее с радостью на плечи и, пришедши домой, к участию в своей радости о найденной овце приглашает друзей и соседей. *Глаголю вам,* — заключает притчу Спаситель, — *яко тако радость будет на небеси о единем грешнице кающемся, нежели о девяти десятих и девяти праведниках, иже не требуют покаяния*, то есть о мнимых праведниках, самодовольно почитающих себя не нуждающимися в покаянии (Лк. 15:7). Все черты притчи глубоко трогательны. Овца заблудшая и обретенная —

образ грешника, взысканного благодатию и спасенного. И какой выразительный образ! Овца, убежавшая из стада, скрывшаяся от надзора пастуха, есть самое жалкое животное. Она подвергается опасности попасть туда, где нет ни корма, ни воды, затеряться в непроходимой лесной чаще или в трущобе и сделаться добычею хищного зверя. Подобно сему и душа, удалившаяся от Господа, источника истины и благодати, есть несчастное существо: она обрекает себя на жертву всякого рода заблуждениям, подвергается владычеству страстей, терзающих своих рабов пуще лютого зверя, делается легкою добычею духовного льва – диавола, всюду ищущего, кого бы поглотить. Но чем жалче положение души, удалившейся от Господа и блуждающей по распутиям греха, тем трогательнее попечение о ней Господа. Подобно пастуху, который, заметив пропажу одной овцы, оставляет свое стадо и идет искать заблудшую, милосердый Пастырь душ тщится спасти от погибели падшую душу. Он преклонил небеса, где служат Ему тьмы верных Ему овец — святых ангелов, сошел на землю для того, чтобы обрести заблудшую овцу — род человеческий. Сего мало – Он и по совершении дела искупления крестною смертию, воскресением и вознесением на небо продолжает с высоты святыя Своея призирать на каждого грешника, удалившегося от указанных ему путей спасения. Какие же Он употребляет средства, чтобы спасти грешную душу, блуждающую на путях погибели? Он зовет ее к Себе то крепким, то иногда грозным голосом. Он старается внушить ей, как опасно ее положение, чрез совесть, чрез писанное слово Свое, чрез пастырей Церкви, чрез беседы людей, опытных в духовной жизни, чрез обстоятельства жизни – благоприятные, располагающие к благодарности Богу, или неблагоприятные, располагающие к смирению и покаянию. Как поступает небесный Пастырь с душою, откликнувшеюся на Его зов? В притче о заблудшей овце сказано, что пастырь, если найдет ее, берет ее на свои плечи с радостью. Овца от долгого блуждания утомилась и не в состоянии следовать за пастухом — и вот он сам несет ее домой. Подобно сему поступает Господь, когда обретает заблудшую душу. Она обнаружила уже готовность идти за Пастырем, ей нужно теперь начать подвиги покаяния. Но на первых порах для нее трудны эти подвиги, нелегко вдруг расстаться с прежнею жизнью в удалении и от Бога и от духовного стада. И вот милосердый Пастырь облегчает ей этот труд Своею укрепляющею благодатию. Призывая к Себе всех труждающихся и обремененных греховною ношею, Он обещает упокоить их. И Его обещание не ложно. Стоит только грешнику остановиться на пути греха и погибели и сделать первый шаг назад – и ему готова помощь в дальнейшем движении. Он уже не один пойдет по новому пути, а со Христом — Пастырем; будет претыкаться и падать – Христос будет брать его на Свои рамена, ободрять и утешать его, посылать в его сердце умиление и радость в молитве, благословлять победою над искушениями, делать нечувствитель-

ными для него даже внешние страдания. В притче о заблудшей овце сказано, что пастырь, нашедши ее, не только сам радуется о ней, и притом более, чем о девяносто девяти не заблудившихся, но приглашает еще друзей и соседей разделить с ним радость. Но если так радуются на земле по случаю отыскания бессловесной твари, то не наипаче ли радуются по случаю обретения и спасения заблудшего разумного существа? Радуется о нем Пастырь душ, а с Ним не могут не радоваться Его друзья и соседи – небожители, присно близ Него живущие на небесах. Любящим свойственно принимать к сердцу все, что радует и огорчает любимого. Кто же больше небожителей любит Господа? Могут ли они не радоваться по самой любви к заблудшему и потом обретенному любовью Господа грешнику? Только злым, как современные Христу, враждовавшие против Него книжники и фарисеи, свойственно относиться безучастно к судьбе ближнего, добрым же и святым свойственно радоваться с радующимися и плакать с плачущими. Но почему же на небесах радуются больше об одном покаявшемся грешнике, чем о девяносто девяти праведниках? Не справедливее ли за них больше радоваться? Но какие эти праведники разумеются в притче? Это, по словам притчи, не имеющие нужды в покаянии. Истинные ли они праведники? Нет – истинные праведники, пока живут на земле, всегда имеют и чувствуют нужду в покаянии. Нет ни одного праведника, который бы сознавал себя чуждым греха. Безгрешных на земле нет. Стало быть, девяносто девять праведников, о которых идет речь в притче, суть мнимые, фальшивые праведники, гордые сознанием, будто в нравственном отношении они несравненно лучше прочих, будто своими делами они вполне заслужили благоволение Божие. Им ли чувствовать нужду в покаянии? О таких праведниках не радоваться, а скорбеть остается. Они далеки от спасения, потому что далеки от покаяния. Скорее раскается величайший грешник, самою крайностью своих греховных безобразий приводимый к сознанию своей виновности, чем они.

Значение притчи о драхме (Лк. 15: 8–10)

Драхма – это небольшая серебряная монета с царским на ней изображением. У одной женщины было 10 драхм. Одну из них она затеряла. Сумма небольшая, но женщине жалко лишиться ее. И вот она зажигает свечу, метет комнату и тщательно ищет в сору затерянную мелкую монету, пока не найдет ее. Ей удается отыскать; она радуется и созывает подруг и соседок, чтобы с ними поделиться своею радостью. Так, говорю вам, – заключает притчу Господь, – бывает радость у ангелов Божиих об одном грешнике кающемся. Цель притчи одинакова с целью притчи о заблудшей овце. Эта цель состоит в том, чтобы показать, как дорого пред Богом и ангелами обращение грешника и почему Господь так заботится о грешниках. Под

образом женщины, потерявшей и нашедшей драхму, представляется Сам Господь Иисус, с материнскою заботливостью взыскующий погибающую душу. Под драхмою, украшенною изображением царя, разумеется душа, украшенная образом и подобием Божиим и через то по самой природе возвышенная пред всеми земными тварями. Как носитель образа Бога Вседержителя, человек поставлен царем и владыкою над ними: ему отдана во власть вся земля со всеми земными тварями. Но человек не сохранил своего достоинства. Самоугодие и страсти помрачили в нем черты образа Божия, и тот, кто по силе напечатленного в нем образа Божия немногим чем умален пред ангелами, уподобился скотам несмысленным. Скот знает одни физические потребности – он не имеет разума, чтобы разуметь Творца, не имеет духовного чувства, чтобы умиляться при виде дел Божиих, возвещающих совершенства Его, напечатленные в творении, не имеет совести, чтобы отличать добро от зла, и потому, если убьет человека, не поймет, что это злодеяние. До подобного состояния доходили или по крайней мере близки были к нему люди, жившие плотскою жизнью, так что было в истории человечества время, когда Сам Господь назвал их плотию по отсутствию в них признаков духовной жизни (Быт. 6:3). Самая религия у большей части языческих народов носила плотской характер, требуя от людей одних телесных действий благочестия. Человек погибал, но Господь сжалился над Своим созданием, ниспадшим с высоты богоподобия до скотоподобия, все же однако не утратившим человеческой природы. Образ Божий затмился в душе человека, как затмевается изображение на запачканной и потертой монете, но еще не уничтожился. И вот, Сам Единородный Сын Бога Отца, сый Сияние славы Его и точный образ существа Его, для обновления образа Божия в человеке снисходит с неба на землю и взыскует погибающее создание с такою же заботливостию, с какою женщина отыскивает потерянную драхму. Для обретения духовной драхмы Он не жалеет никаких усилий и жертв – даже Кровь Свою проливает за нее на кресте. Но прежде чем принести эту бесконечной цены жертву, Он подобно женщине, ищущей со свечою драхму, вносит свет Своего учения в ту духовную тьму заблуждений и пороков, в которой погружена была душа. Она отпала от истины, составляющей необходимую черту образа Божия, состоящего в праведности и святости истины (Еф. 4:24). И вот Господь, восстановляя в человеке первоначальный образ, озаряет его светом истины. Он проповедует ее во все время общественного Своего служения, но еще до вступления Его в это служение Ему предшествует с проповедью покаяния и светом ее приготовляет к принятию Его людей, ходивших во мраке лжи и пороков, святой Иоанн Предтеча: он был поистине светильником горящим и светящим среди этого мрака (Ин. 5:35) и яркостью своего света разрежал этот мрак и указывал им путь к выходу из

него. Крестная смерть Спасителя, сходившего даже, когда тело Его лежало во гробе, со Своею душою во ад для обретения погруженной во глубине его драхмы, увенчала дело спасения человека: ради этой искупительной смерти дарованы человеку все благодатные силы и средства для обновления его по образу Создавшего его и для избавления от вечной погибели.

Значение притчи о блудном сыне

«Воскресное чтение», 1808

По какому случаю и с каким намерением произнес Господь притчу сию? *Бяху*, повествует евангелист Лука, *приближающеся к Нему вси мытарие и грешницы послушати Его: и роптаху фарисее и книжницы*, для которых было странно и казалось даже преступлением, *яко Сей грешники приемлет и с ними яст* (Лк. 15: 1–2).

К сим-то гордым законникам и мнимым праведникам Господь произнес, во-первых, притчу об овце погибшей и потом обретенной пастырем, во-вторых – притчу о потерянной и также найденной драхме, а наконец, и притчу о блудном сыне. Кто не видит, что все притчи сии имеют одну главную цель – показать, как драгоценно пред очами небесной любви спасение грешников? Господь как бы защищает мытарей и грешников кающихся от холодного презрения фарисейского; Он показывает, что все они – кающиеся – состоят под Его милосердым покровительством и всем им отверсты объятия бесконечной любви Божией. Посему в притче о блудном сыне нельзя не узнать историю грешника, обращающегося к Богу. Изображена так живо, так естественно, что всякий, сознающий виновность свою пред Богом, не может без глубокого чувства и воздыхания повторить слова блудного сына: *Колико наемником отца моего избывают хлебы, аз же гладом гиблю?* О, если бы также каждый дал в сердце своем все пространство чувству покаяния! сердце его верно излилось бы в сих же словах блудного сына: *Отче, согреших на небо и пред тобою, и уже несмь достоин нарещися сын твой!* Кто же после сего будет упоминаемый в притче сын старший, всегда живущий в дому отца и, казалось бы, столь много ревнующий о чести отца своего? Он хвалится своею верностью и заслугами пред отцом: *Се толико лет*, говорит, *работаю тебе, и николиже заповеди твоя преступих*, – а брата своего с жестокостью укоряет и готов отогнать от дому родительского. Кто же это, как не фарисей, хвалившийся своею праведностью, а мытарей и грешников почитавший совершенно погибшими, недостойными никакого милосердия?

Итак, притча о блудном сыне долженствовала принести величайшее утешение мытарям и грешникам, приближавшимся ко Спасителю, а вместе вразумить и смирить гордых фарисеев, осуждавших милосердие Господа к грешникам. Но нельзя ли находить в сей притче еще обширнейшего значения? В двух сынах, здесь описанных, некоторые видят также образ

двух частей рода человеческого – иудеев и язычников. И действительно, в истории блудного сына можно усматривать историю язычества.

Было время, когда весь род человеческий составлял одно великое семейство, которое на одном языке прославляло единого Отца Бога. Что заставило многих отделиться от истинно верующих? Страсти, например, гордость при столпотворении Вавилонском, плотоугодие, корыстолюбие и дух преобладания при Аврааме и Моисее. Но, отделившийся от достояния Божия, блудный сын остался ли без всяких средств для жизни духовной? Нет, удалившись от дома праотцев, народы унесли с собою не только закон Божий в сердце, но и многие священные предания; только все сии сокровища скоро были утрачены или были употреблены во зло – предания смешаны с вымыслами развращенного сердца, закон Божий затмился в душах, и таким образом не умедлил явиться у язычников ужасный голод – глад не хлеба, а истинного слова Божия. Что ж делают они при такой скудости средств благодатных? Прилепляются к чуждому властелину, чтобы чем-нибудь напитать дух свой. Этот властелин был диавол, а рожцы, коими питались язычники, было то ложное откровение, какое дал он им и которое довело их до состояния скотского. Чувствовали ли они это свое бедствие? По крайней мере некоторые умнейшие язычники чувствовали, видели нелепость идолопоклонства и старались заменить религию системами философскими, кои казались им более питательными для духа. Наконец – это особенно заметно около времен Христовых – возбуждается в народах весьма сильное, почти всеобщее желание и ожидание лучшего. Тогда-то многие из язычников, многие даже города и целые народы языческие по гласу проповедников Евангелия совершенно познают свою бедность и обращаются к Отцу; тогда торжественно приемлется в отеческий дом блудный сын, тогда оживает мертвый, обретается погибший – язычники делаются избранным народом Божиим, *царским священием, языком святым, людьми обновления – иже иногда не людие, ныне же людие Божии, иже не помилованы, ныне же помиловани* (1 Пет. 2: 9–10).

Что ж тогда делает старший сын Израиль? В самом начале обращения язычников не только необращенные иудеи смотрели на христиан из язычников оком враждебным, но и обращенные не хотели признавать их своими братьями (Деян. 11: 2–3). *Разгневався* старший сын *и не хотяше внити.* Вот изображение нынешнего состояния Израиля! Зараженный древним предрассудком – думая, что ему одному принадлежит Царство Божие, он гневается на всех верующих, гневается как бы на Самого Отца Небесного, зовущего к Себе всех, и не хочет внити в Царство Христово. *Отец же его изшед моляще его.* Это моление, это убеждение Отца продолжается доселе; но как мало оно действует в сердцах ожесточенных! Будет, однако, время, как уверяет апостол Павел, когда и этот сын послушает Отца, соединится с братом своим. *Приидет от Сиона Избавляяй и отвратит нечестие от Иакова* (Рим. 11:26).

Значение притчи о блудном сыне (Лк. 15:11 и далее)

Из свв. отцов. «Воскресное чтение», 1824

Под именем *Отца* в притче разумеют вообще Бога, Который хочет всем спастися и в разум истины приити, а некоторые Самого Иисуса Христа, Богочеловека, Который в самом начале проповеди призывал всех к покаянию, Который и ныне, хотя мы удаляемся от Него, не престает призывать нас: *Обратитеся,* говорит, *сынове отступившии* (Иер. 3:13). В образе *двух сынов,* старшего и меньшего, одни видят народ иудейский и народы языческие, а другие в лице первого сына находят изображение тех праведников, которые исполняли закон как фарисеи и книжники, а в лице второго — обращающихся грешников.

Имение, которое разделил Отец сыновьям Своим, значит как свободную волю и другие естественные силы, употребляемые грешниками во зло, так и благодатные силы и самые добродетели, которые все теряет тот, кто, не имея твердости в благочестии, увлекается силою своих страстей и похотей. Отец Небесный всем подает необходимые для нас дары Свои, как в порядке естественном — ибо *солнце Свое сияет на злыя и благия,* — так и благодатном, предлагая всем средства спасения.

Что значит отшествие младшего сына *на страну далече*? Это — удаление от Бога или оставление прямого пути спасения, это — своеволие и забвение наших обязанностей к Богу. «Удаляемся от Бога не местом, — говорит святой Иоанн Златоуст, — но делами. Ибо первое невозможно, как сказано у пророка: *Камо пойду от Духа Твоего и от лица Твоего камо бежу!* (Пс. 38:7). Но грехи наши разлучают нас от Бога».

В удалении от дома отеческого по расточении всего имущества блудный сын терпит страшный голод и другие бедствия. Это указывает на крайнее, беспомощное состояние того, кто предал себя своеволием рабству диавола. Что такое *рожцы,* пища скотская, которыми желал насытиться развратный юноша? По изъяснению святого Кирилла (Александрийского), это лживые учения у язычников, которыми они думали заменить потерянное ими учение веры истинное; это также плотские удовольствия, которые не насыщают душу, а только раздражают и мучат.

Кого разуметь под именем *наемников и рабов* Отца? *Рабы,* говорит святой Максим, те из верных, которые, побуждаемые страхом наказаний, соблюдают заповеди Господни, а *наемники* — это делатели, в ожидании обещанных благ переносящие *тяготу дне* и зной, то есть все искушения и бедствия. От тех и других отличаются сыны, которые не по страху угроз и не по ожиданию наград, но по врожденному стремлению к добру постоянно обращены к Богу и никогда не оставляют Его.

Отец Сам течет на встречу сыну, нападает на выю его и лобзает его. «Дивное дело! — восклицает святой Иоанн Златоуст. — Отец предваряет прошение сына и сам сретает его. Так-то милосердие Божие ожидает и предваряет наше покаяние!»

Согреших на небо, говорит кающийся. Против неба согрешает тот, кто презирает блага небесные, предпочитая им земные удовольствия (слова Тита, еп. Бострийского).

«Что же Отец? — говорит Иоанн Златоуст. — Ничего на это не отвечал, а обратил речь к служителям. Какое значение этой загадки! Кающийся много молится, но, не получая ответа словесного, видит милосердие на самом деле».

Облечение раскаявшегося сына в одежду *первую*, подаяние перстня на руку его и сапог на ноги, потом приготовление пира — все это вообще есть изображение торжества у Бога и ангелов Его при обращении грешника. Это показывает, что грешник чрез покаяние возвращается не только в прежнее состояние, но еще в лучшее. В частности, под именем *одежды первой* разумеется благодать Божия, какую получаем во святом крещении, то есть вместо бани возрождения Бог чрез покаяние дарует нам также возрождение, и слезы покаяния очищают все наши скверны. Сверх одежды дается перстень — это знак печати Духа, или восприятие образа и подобия Божия; это также залог благ небесных. Даются сапоги на ноги, да обратившийся смело попирает главу змия и да будет всегда готов возвещать Евангелие мира (так изъясняют Астерий, еп. Амасийский, и Григорий Нисский).

Что значит *телец упитанный*? Это Сам Христос, говорит святой Кирилл, Который называется непорочным Агнцем, вземлющим грехи мира, и *тельцем* — потому что принял животную плоть (хотя исполнил ее светлостью Божества); и называется тельцем *упитанным* (уготованным), ибо таинство воплощения для восстановления мира было предопределено, и Христос предан в жертву, которой причащаются все воскресающие от смерти греховной.

Притча, наконец, представляет старшего сына ропщущим на отца за то, что он с такою радостью и почестью принял младшего сына, расточившего все имение, ему данное. Это, по учению Иоанна Златоуста, приточное изъяснение того, как велика честь, которой удостаивается грешник покаявшийся: она так велика, что может быть предметом зависти для тех, которые не имеют нужды в покаянии. По мнению святого Максима, Господь, разумея в лице младшего сына мытарей и любодейц, а под образом старшего — фарисеев, почитающих себя праведными, как бы так говорит к последним: пусть вы поистине праведные и не преступили ни одной заповеди; но ужели не должно принимать тех, которые обращаются от грехов? Словом, притча научает тому, что не должно презирать грешников, и

направлена против фарисеев, которые обвиняли Иисуса Христа за то благоволение, какое оказывал Он мытарям.

Итак, пусть кто-либо негодует на то, что ты (кающийся) так легко и скоро получаешь прощение; Сам Отец защитит тебя и скажет: *Возрадоватися подобаше, яко брат твой сей мертв бе, и оживе, изгибл бе, и обретеся* (слова Василия Великого).

Но подражай блудному сыну и в том, что он, возвратясь к отцу, более не отходил от него, а навсегда остался в дому его. Носи только ту одежду, которую Он дал тебе; ибо что кроме истины познается, то заблуждение, а не знание. Храни также перстень, как печать против диавола, и сапоги, да не повредит тебе змий и не низвержет тебя на землю. После покаяния возлюби благочестие. Ты имеешь евангельскую радость; пребывай в ней и наслаждайся дарами. Питайся Тельцем, за тебя закланным, и пиршествуй духовно после того, как ты, умерший прежде, воскрешен Его смертию и Воскресением (Тит, еп. Бострийский).

Кого представляет сия притча под образом отца? Бога в отношении к человекам. Как сын имеет жизнь от отца по рождению, так всякий человек имеет бытие и жизнь от Бога по сотворению. Как сын при отце все, что имеет, имеет от отца; так всякий человек все, что имеет, первоначально имеет от Бога.

Значение притчи о блудном сыне

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Беседы в Неделю блудного сына

Кого изображает притча в лице и действиях младшего сына? Человека грешника. В каких бы ни был летах возраста, незрел духовным возрастом, неоснователен, легкомыслен тот сын, который не понимает счастья быть близ сердца доброго отца, под мирным кровом дома его и хочет удалиться без нужды, для того только, чтобы жить по своей воле. Подобно сему всегда незрел духовным возрастом, неоснователен, легкомыслен грешник, который не хочет признать блаженства быть с Богом посредством веры, молитвы, любви, *жить в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного* (Пс. 90:1) и удаляется от воли Божией, чистой, святой, блаженнотворной, в свою волю, плотскую, нечистую и посему самому уже несчастную.

Что значит в притче взятие и присвоение младшим сыном своей части отеческого имения? Сим изображено начало греховного состояния, когда человек на то, что имеет от Отца Небесного и от Его Провидения, перестает взирать как на дары Божии, а начинает смотреть как на свою собственность и с самоуслаждением думает: это моя способность, мое знание, мое искусство, мой подвиг, моя заслуга, мое достоинство, мое богатство; а за сим естественно последует то, что данные ему блага он и употреблять будет только для себя, а не для Бога.

Что значит удаление младшего сына от отца и дома его в чужую дальнюю страну? Удаление грешника от Бога. Как он удаляется? Очевидно, не движением местным, потому что Бог вездесущ, но мыслию, волею, поступками нравственными.

Что дает разуметь притча, когда говорит, что младший сын на чужой стороне жил распутно и расточил имение? – Частью сим она буквально изображает жизнь некоторых грешников. О всех же вообще грешниках притча дает разуметь, что они, перенося свою любовь от предметов духовных и святых к чувственным и греховным и к сим прилепляясь мыслями, желаниями, делами, чрез сие прелюбодействуют от любви Божией. Сластолюбивый расточает сокровище здравия. Гордый неприметно расточает злато душевных сил, даже до лишения ума.

Что значит в притче голод в чужой стране, постигший и удалившегося туда от дома отеческого сына? Сим означается то, что в мире греховном человек-грешник только на краткое время может находить услаждение чувственное; но вскоре ощущает глад душевный, потому что греховный мир предлагает только тленные, скоро исчезающие услаждения, но душа человеческая нетленная нетленной и пищи требует.

Кто житель страны, который послал несчастного сына пасти свиней? Это диавол. Когда греховные желания закоснением и привычкою усиливаются и умножаются, а средства удовлетворения их оскудевают и самое удовлетворение наскучивает, тогда настает для грешника мучительный, неутолимый глад, и сим искуситель пользуется, чтобы решительнее *уловить его в свою волю* (2 Тим. 2:26) и заставить голодного пасти свиней, то есть непрестанно питать чувственные скотские похоти и в то же время чувствовать их низость, грубость и неудовлетворительность.

Изобразив крайнее бедствие грешника, притча показывает далее, как может он *возникнуть от диавольския сети* и освободиться от порабощения греху.

Заблудший сын пришел в себя. Это – начало обращения грешника к Богу. Прежде блуждал он мыслями и желаниями вне себя, по предметам своих страстей и похотей и, когда скучал от их неудовлетворительности, в них же искал для себя новых обаяний. Счастливо для него крайнее бедствие вне, которое обращает его внутрь. Вошед в себя, он яснее сознает, чего требует душа его и как многого ей недостает; воспоминает Отца Небесного и блага, которых лишился чрез удаление от Него, и решается возвратиться к Нему, то есть оставить жизнь греховную и жить по заповедям Божиим.

Заблудший, но раскаивающийся сын не имеет уже притязания на достоинство и права сына и хочет довольствоваться состоянием наемника в доме отца. Сим изображает притча смирение кающегося грешника.

Заблудший сын, как скоро вразумил себя о потребности обращения, действительно пошел и приблизился к отцу. Чрез сие учит притча, что

доброе намерение тогда спасительно, когда неуклонно и неленостно приводится в исполнение.

Отец встречает и ущедряет возвращающегося от заблуждения сына. Это светлый образ дивного человеколюбия Божия к кающемуся грешнику.

Отец издали усматривает возвращающегося недостойного сына и идет навстречу ему. Бог провидит обращение грешника и сретает его предваряющею благодатию.

Еще только в сердце несет сын возобновляемую покорность отцу, как отец уже обнимает его и целует. Как скоро в сердце полагает грешник решительное намерение творить волю Божию — Бог уже начинает являть ему Свою близость и знамения Своего милосердия и любви.

Едва сын успел изрещи свое покаяние и самоотвержение: *согреших: несмь достоин,* — как отец, не допуская его нарещись наемником, дарует ему сыновнюю светлую одежду, перстень и обувь. Как скоро грешник в смиренном покаянии произносит на себя осуждение, Бог тайно на небесах, а на земли чрез служителя таинства изрекает ему прощение; утверждает его в чувстве смиренной преданности, устраняя от него чувство наемника, работающего только ради воздаяния; облекает его в сыновнюю светлую одежду оправдания Христова; дарует ему обручение Духа; дает его ногам готовность тещи по пути правды и спасения.

Отец ради погибшего и обретенного сына заклал тельца упитанного. Бог ради погибшего и взысканного им грешника предал Сына Своего в жертву спасения и в пищу жизни и веселия небесного.

Не один отец, но и весь дом исполняется радости о погибшем и обретенном сыне. *Радость бывает на небесех о грешнице, кающемся* (Лк. 15:10).

Говорить ли теперь о старшем сыне, который был благоразумен, когда не пожелал оставить дом отца своего, но не таким явился, когда из радости отца извлек свою досаду, когда в спасении погибшего брата нашел свою обиду? Говорить ли о людях, которые хвалятся, что никогда не уклонялись от воли Божией и от заповедей Божиих, но которые прекословят воле Божией, милующей грешника, осуждают оправдываемого Богом и, высоко ценя свое исполнение обязанностей как заслугу и право на воздаяние, обнаруживают не сыновний, а наемнический дух? Таковы были древние фарисеи, которые и в дом отеческий — в Церковь Христову — не хотели войти, негодуя на то, что Христос *приемлет грешников.*

Назидательный урок для юноши из притчи о блудном сыне (Лк. 15:12)

«Воскресное чтение», 1814

И рече юнейший отцу: отче, даждь ми достойную часть имения. В притче о блудном сыне заключается самый поучительный урок для юноши.

В самом деле, в блудном сыне мы видим полный характер ветреной юности: легкомыслие, необдуманность, страсть к независимости – словом, все, чем обыкновенно отличается большая часть юношей. Юнейший сын возрастал в доме родительском. Достигши юношеских лет, то есть того времени, когда человек начинает рассуждать, он уже возмечтал, что родительский дом для него тесен. Ему казалось неприятным жить под руководством отца и надзором матери, ему хотелось подражать своим товарищам, предававшимся шумным удовольствиям света. «Я, – рассуждает он, – наследник богатого имения. Не лучше ли будет, если я теперь же получу часть свою? Я могу распорядиться богатством иначе, нежели как распоряжается отец. Я постараюсь извлечь пользу из имения; я постараюсь купить на него множество удовольствий и прослыву богатым и знатным!» И легкомысленный юноша увлекся обманчивым блеском удовольствий света и решился свергнуть с себя иго послушания, решился удалиться из дома родительского.

Не подобные ли побуждения заставляют многих и ныне оставлять если не дом родителей земных, то дом Отца Небесного, то есть выходить из повиновения Святой Церкви?

Иго Христово для незрелых умов кажется трудным, и заповеди Его тяжкими. Они думают, что нет особенной нужды соблюдать то, что повелевает нам Бог и Его Святая Церковь. Можно служить, им кажется, Богу и не отказываться от служения миру. «Мы, – говорят они, – уже довольно крепки для того, чтобы противостать гибельным искушениям и соблазнам. Мы можем и сами твердо держаться истины и здравого учения. Дайте же нам насладиться теми преимуществами, коими одарена природа наша! Дайте нам усовершить свой разум многосторонними сведениями! Предоставьте нам самим укрепить свою волю среди искушений и соблазнов! И пусть чувство наше самым опытом убедится в гнусности порока!» Такие желания чем лучше той необдуманной просьбы, какую произнес юнейший сын отцу: *Отче! даждь ми достойную часть имения?*

И вот легкомысленный юноша перестает внимать заповедям и внушениям Святой Церкви. Перестает заниматься словом Божиим и учением святых отцов, а приклоняет слух свой к мудрованиям лжеименных учителей и убивает в этих занятиях самые лучшие часы своей жизни. Реже начинает посещать храмы Божии или стоит в них невнимательно, рассеянно. Не находит возможности прилежно заниматься благочестием и упражняться в добродетели, потому что большая часть времени употребляется на посещение зрелищ, общественных увеселений и т.п. Словом, с каждым днем все более и более предается миру и, наконец, отходит на *страну далече.*

К чему же приводит такое удаление от Святой Церкви? К тому же, к чему привело блудного сына удаление из дома родительского. Легкомысленные юноши очень скоро растрачивают прекрасные силы и способнос-

ти души и тела и губят все, что было сделано ими доброго для времени и вечности. А между тем является *глад крепкий на стране той*; является пустота и недовольство — необходимые следствия шумных удовольствий; является жажда наслаждений, которая еще более усиливается от удовлетворения порочных страстей и, наконец, делается неутолимою. И как часто бывает, что несчастный миролюбец для удовлетворения своих страстей прибегает к занятиям низким и постыдным, которые не приводят его в себя, как блудного сына, и не возвращают на путь спасения, а довершают его погибель, временную и вечную!

Старший брат в притче о блудном сыне (Лк. 15: 25–32)

Из Творений блж. Иеронима (в русском переводе, т. 1)

Ст. 25–26. *Бе же сын его старший на селе.* Доселе шло в притче рассуждение о лице младшего сына, под которым должно разуметь мытарей и грешников, призываемых Господом к покаянию; в таинственном же смысле здесь пророчествуется о будущем призвании язычников. Теперь речь переходит к сыну старшему. Многие относят ее к лицу вообще всякого святого, другие собственно к иудеям. В отношении к святым истолкование не трудно, если принять во внимание слова: *Никогдаже заповеди твоя преступих*; но не согласно со свойствами святого то, что он завидует обращению брата. А что же касается до иудеев, то хотя зависть о спасении брата совершенно в их духе, но не приложимо к ним то, что говорит о всегдашнем соблюдении заповеди отчей.

Бе же сын его старший на селе, потея от труда в земных заботах, далеко удаленный от благодати Святого Духа и отчего совета. Это тот, который говорит: *село купих, и имам нужду изыти и видети е: и молютися, имей мя отреченна* (Лк. 14:18). Это тот, который купил пять супруг волов и под тяжестью закона наслаждается чувственными удовольствиями. Это тот, который, взяв жену, не может прийти на брак и, став плотию, никак не может соединиться с духом. Старшему сыну соответствуют в другой притче работники, посылаемые в виноградник в первый, третий, шестой, девятый часы, то есть по разновременным призывам, и негодующие за то, что с ними сравнены в плате работники одиннадцатого часа.

И яко грядый приближися к дому, слыша пение и лики. И призвав единого от отрок, вопрошаше, что убо сия суть. И ныне Израиль спрашивает, почему радуется Бог при принятии язычников; но отягченный завистью не может узнать отеческой воли.

Ст. 27. *Он же рече ему, яко брат твой прииде, и закла отец твой тельца упитанна, яко здрава его прият.* Причиной радости служит провозглашаемое

на сей земле во славу Божию спасение язычников, спасение грешников: радуются ангелы, готова к радости и вся тварь; об одном только Израиле говорится:

Ст. 28. *Разгневався же, и не хотяше внити.* Гневается, что в его отсутствие был принят брат; гневается, что жив тот, кого он считал погибшим; и теперь стоит за дверями Израиль, и теперь, когда ученики слушают Евангелие в церкви, мать его и братья стоят за дверями, ища его (Мф. 12)!

Отец же его изшед моляше его. Как благой и милостивый, отец просит сына принять участие в домашней радости: просит Отец чрез апостолов; просит чрез проповедников Евангелия. Павел говорит об этом: *Молим по Христе, примиритеся с Богом* (2 Кор. 5:20). И в другом месте: *Вам белело первее глаголати слово Божие: а понеже отвергосте е и недостойны творите сами себе вечному животу, се обращаемся во языки* (Деян. 13:46).

Ст. 29–30. *Он же отвещав рече отцу: се толико лет работаю тебе.* Отец милостиво молит о согласии, а он, следуя правде законной, не покоряется правде Божией. Но какая же правда более той правды Божией, которая прощает кающихся, принимает возвратившегося сына? *Се толиколет работаю тебе, и николиже заповеди твоя преступих;* как будто не было преступлением заповеди то самое, что он завидовал спасению другого, что хвалился правдою пред Богом, когда никто пред Ним не чист. Ибо кто может самодовольно признать себя обладателем чистого сердца, хотя бы и один день был жития его на земле? Давид исповедует: *В беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя* (Пс. 50:7). И в другом месте: *аще беззакония назриши, Господи, кто постоит?* (Пс. 129:3). А упоминаемый в притче старший сын говорит, что никогда не преступал заповеди, тогда как столько раз предаваем был пленению за идолослужение! *Се толико лет работаю тебе, и николиже заповеди твоя преступих.* Относительно сего говорит апостол Павел: *Что убо речем? яко языцы не гонящии правду, постигоша правду, правду же, яже от веры. Израиль же гоня закон правды, в закон правды не постиже: чесо ради? Зане не от веры, но от дел закона* (Рим. 9: 30–31). Таким образом, и о старшем сыне можно сказать, что он, по выражению апостола, обращался без преткновения в области *правды, яже от закона*: хотя мне кажется, что иудей больше тщеславится, чем говорит истину, подобно тому фарисею, который говорил: *Боже, хвалу Тебе, воздаю, яко несмь якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь* (Лк. 18:11).

Спрашиваю тебя: не видишь ли ты, что то же самое, что фарисей сказал о мытаре, старший брат говорил о младшем: *сей изъядый имение твое с любодейцами?* На слова сына: *николиже заповеди твоя преступих* – отец ничего не отвечает; не утверждает, истинно ли сказанное сыном, но укрощает гнев его другим способом: *Чадо, ты всегда со мною еси.* Не сказал: ты говоришь правду, ты делал все, что я повелевал; но говорит: *ты всегда со мною*

еси, – со мною посредством закона, которому ты подчинен; со мною, когда познаешь меня в пленениях; со мною не потому, что соблюдаешь мои заповеди, но потому, что я не позволил тебе отойти в далекую сторону; со мною, наконец, потому, что я сказал Давиду: *Аще оставят сынове его закон Мой и в судьбах Моих не пойдут: аще оправдания Моя осквернят и заповедей Моих не сохранят, посещу жезлом беззакония их и ранами неправды их, милость же Мою не разорю от них* (Пс. 88:31 и далее). По этому свидетельству оказывается ложным то, чем хвалится старший сын; поелику в судьбах Божиих он не ходил и заповедей Его не исполнял. Каким же образом, не соблюдая заповеди, он, по словам притчи, всегда был с отцом? Потому, что после грехов он был посещаем жезлом, а посещенному не отказывалось в милосердии. Не должно также удивляться, что осмелился стать пред отцом тот, который мог завидовать брату; в день суда некоторые солгут еще бесстыднее, сказав: «Не в Твое ли имя мы ели и пили, делали многие чудеса и изгоняли демонов?» (Мф. 7:22). Что же значит *вся моя твоя суть*, будет изъяснено подробно в своем месте.

И мне николиже дал еси козляте, да со други своими возвеселился бых. Столько, говорит Израиль, пролито крови, столько тысяч людей убито, и никто из них не стал искупителем ради нашего спасения. Сам Иосия, угодивший пред лицом Твоим (4 Цар. 23), и в недавнее время Маккавеи, сражавшиеся за Твое наследие, нечестиво были умерщвлены мечами врагов, и ничья кровь не возвратила нам свободы. Вот и доселе мы подлежим римской власти: ни пророк, ни священник, ни праведник какой-либо не приносился в жертву за нас. А за блудного сына, то есть за язычников, за грешников пролита кровь славнейшая паче всей твари. И тогда как заслужившим Ты не дал и малого, не заслужившим дал гораздо больше. *Мне николиже дал еси козляте, да со други своими возвеселился бых.* Напрасно говоришь так, Израиль, скажи лучше: «Дабы я возвеселился с Тобою». Разве для тебя может быть какое-нибудь иное удовольствие, если Отец не празднует с тобою пира? Научись по крайней мере из настоящего примера. Когда возвратился младший сын, радуются и отец, и отроки. *Станем есть*, говорит отец, *и веселиться;* а не сказано: *ешьте и веселитесь.* Но ты по той склонности душевной, по которой завидуешь брату, по которой удаляешься от лицезрения Отца и всегда пребываешь на поле, ты и теперь хочешь пировать без Него. *Николиже дал еси козляте.* Никогда отец не даст в дар худшего: заколот теленок, войди, ешь с братом. Зачем просишь козленка ты, для которого готов агнец? И чтобы ты не притворялся, будто не знаешь, что агнец готов, Иоанн указал тебе его в пустыне: *се Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1:29). И отец, как милостивый и принимающий раскаяние, просит тебя есть тельца, не закалая козла, который стоит ошуюю. Но в конце века ты сам заколешь для себя козла, антихриста, и с друзьями своими,

нечистыми духами, напитаешься его плотию, во исполнение пророчества: *Ты сокрушил еси главу змиеву: дал еси того брашно людем Ефиопским* (Пс. 73:15).

Егда же сын твой сей, изъядый твое имение с любодейцами, прииде, заклал еси ему тельца питомаго. Сознает и теперь Израиль, что был заклан телец питомый: знают, что пришел Христос, но мучаются завистью и не хотят спасения без погибели брата.

Ст. 31. *Он же рече: чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть.* Называет сыном, хотя тот и не хочет войти. Но каким образом все Божие принадлежит иудеям? Неужели и Ангелы, престолы, господства и прочие силы? Очевидно, что под всем должно разуметь закон, пророков, Божественные речи. Все это Бог дал иудеям, чтобы они поучались в законе Его день и ночь. По герменевтическим правилам слово *всё* должно быть понимаемо в отношении не к целому, а к большей части, как, например, в следующем изречении: *Вси уклонишася, вкупе неключими быша* (Пс. 13). И в другом месте: *Вси, елико их прииде прежде Мене, татие и разбойницы* (Ин. 10:8). И Павел в послании к Коринфянам: *Всем бых вся, да всяко некия спасу* (1 Кор. 9:22) и к Филиппийцам: *Вси бо своих си ищут, а неяже Христа Иисуса* (Флп. 2:21). Впрочем, должно верить, что никогда ни в чем не получал отказа тот, которого приглашают вкусить тельца.

Ст. 32. *Возвеселити же ся и возрадовати подобаше, яко брат твой сей мертв бе, и оживе: и изгибл бе, и обретеся.* Итак, будем надеяться, что и мы, сделавшись мертвыми чрез прегрешения, можем ожить чрез покаяние. В настоящей притче находится сам сын, подобно тому, как в прежних притчах приносится назад заблудшая овца и обретается потерянная драхма. Все три притчи заключаются одинаковым окончанием *изгибл бе и обретеся,* чтобы посредством различных уподоблений мы уразумели одну и ту же мысль о принятии грешников.

Старший сын в притче о блудном сыне

Филарет, архиеп. Черниговский. «Воскресное чтение», 1826

Последнюю часть притчи о блудном сыне составляет история старшего сына (Лк. 15: 25–32). В этой истории изображен грешник особого рода, грешник самонадеянный, грешник, обольщенный мечтами о своей приличной, честной жизни. Отношение его к Отцу Небесному дополняет эту печальную картину, печальную тем более, что сам грешник не понимает ее значения. Евангельское изображение такого грешника, грешника скрытного, должно быть изучаемо нами с особенным вниманием, так как без того легко ли нам узнавать его?

Бе же сын его старей на селе: и яко грядый приближися к дому, слыша пение и лики: и призвав единого от отрок, вопрошаше, что убо сия суть (ст. 25–26). Если старший сын отца трудился на поле, — это служит к чести его. Но вот что

не подает доброй мысли о нем: отчего добрый отец не послал за ним при приеме младшего брата его? Отчего тогда, как созваны все слуги делить радость о найденном сыне, не приглашен к тому же старший сын? Верно, сын не хотел поступать так, как хотел отец, а как сам он хотел, и его оставили при его воле. Такая мысль о нем оправдывается последующими поступками его. Вот он, возвращаясь с поля, едва подошел к дому, как показал, в каких расположениях был он к дому. Услышав, что в доме отца его веселятся, он, вместо того чтобы с сердечною простотою идти в дом радующегося отца, останавливается и спрашивает: что это такое? Он изумлен тем, что без него веселятся. Как будто в доме отца помимо его воли, помимо его решения ничему не должно быть. Как будто отец его не вправе веселиться без него! И от кого же узнает он о происходящем в дому? От отца? Нет, он вызывает одного из слуг. Как это неприлично! Неприлично тем более, что подряд с гордостью является низость.

Он же рече ему, яко брат твой прииде: и закла отец твой тельца упитанна, яко здрава его прият (ст. 27). Слуга говорит о деле, как оно есть. Видно, что этот слуга был добрый, простосердечный. А как много есть слуг другого разряда! Слуга доброго господина не только говорит правду, но говорит с добрым намерением. Брат твой прииде, отец здрава его прият, — говорит слуга. Эти слова высказывают не только правду, но и доброе намерение – успокоить смущенную душу молодого господина.

Разгневався же, и не хотяше внити (ст. 28). За что разгневался? Чем так оскорблен? Ему сказали отрадную правду, а он разгневался. Бесчувственный брат! Дикая душа его волнуется страстями дикими — завистью, гордостью. Он терзается тем, что веселятся в честь другого, в гневе за то, что оказывают любовь другому. Он считает униженным себя от того, что обращено внимание на другого.

Отец же его исшед моляше. «Какой добрый, какой кроткий отец! — восклицает блаженный Иероним. — Он упрашивает сына принять участие в домашней радости». Да, редко можно найти такого отца между отцами христианскими, людьми благодатствованными, но никогда между людьми обыкновенными. Эта кроткая любовь — любовь небесная. Она выходит на встречу к грешнику, стараясь привлечь его к себе, она знает его строптивый дух и, несмотря на то, дышит на него кротостью и ласкою, нежностью сердобольною и снисходительною.

Он же, отвещав, рече ему: се толико лет работаю тебе и николиже заповеди твоя преступих, и мне николиже дал еси козляте, да со други своими возвеселился бых (ст. 29). Не смягчился строптивый сын словами небесной любви, а лишь раздражился ими. И начинает счет с отцом — счет, которым он думал обвинить отца, тогда как каждое слово его — улика ему самому. *Се толико лет работаю тебе.* Что же особенного, если сын трудился в доме отца? Ужели же

добрый сын имеет право только гулять и терять время в праздности? Уже-ли тот, кому труд в тягость, человек порядочный? Нет, более, чем слугу, праздность унижает детей доброго отца. *Николиже заповеди твоя преступих.* А как будто тот и добрый сын, который нарушает волю отца. *Николиже заповеди твоя преступих.* Но правда ли это? Как же могло случиться, что этот почтительный сын так глух даже к мольбам нежного отца? Как могло случиться, что сын, почтительный к отцу, так холоден и жесток к брату? *Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть* (1 Ин. 4:20). *Глаголяй себе во свете быти, а брата своего ненавидяй, во тьме есть доселе* (1 Ин. 2:9). Таково учение небесной истины! *И николиже дал еси козляте.* Как? Добрый сын считается с отцом? Добрый сын требует платы от отца за любовь к отцу? Сын ли это? Нет, это наемник, а не сын. Ах! Сын потерял любовь сыновнюю, живя в доме отца. Не хуже ли он брата, растерявшего ту же любовь вдали от отца? *Да со други моими веселился бых.* Вот и еще отличие доброго сына! В том, что живет он вместе с добрым отцом, не находит он радости — не находит он радости и в выполнении заповедей отца, тогда как они доброму сыну слаще меда и дороже камней драгоценных (Пс. 18:11). Он ищет других радостей, других друзей. Что ж это за друзья его? Конечно, если бы похожи они были на доброго отца его, то не заменяли бы они отца в его душе. Жажда веселостей, которою томится он в доме добродетельного отца, показывает, что ищет он друзей греха, веселостей распутства. Чем же он разнится от младшего брата блудного? Разве тем только, что выставляет из себя человека жизни приличной, поведения не позорного.

Егда же сын твой сей, изъядый твое имение с любодейцами, прииде, заклал еси ему тельца питомаго (ст. 30), домогаясь выставить, как можно резче, несправедливость отца, строптивый сын указывает ему на отношение его к брату.

Егда же сын твой сей прииде. Не называет и брата братом; он так презирает его, что считает за оскорбление для себя называться братом его. Такова гордость! *Сын твой прииде* — стрела злости в сердце отцу. «Ты, — говорит он, — хочешь этого распутного признать сыном своим; пусть он сын твой, любуйся им, только я не знаю такого брата. Тогда как прожил он твое имение с блудницами, ты принимаешь его так, как не был я никогда принят тобою — это твое дело!» Какая злость в сердце гордом! Забыто уважение к отцу, забыта любовь к брату, снисходительность к брату. Мало и того: гордость не только беспощадна к известным слабостям брата; она выдумывает для него слабости. С чего этот милый братец говорит о брате: промотал имение с блудницами? Откуда он узнал это? Добрый слуга, встретивший его, не говорил ему ничего подобного. Ах! Как часто бывает, что люди, будучи сами худы, худое думают и о других! Будучи сами расположены к тому, чтобы делать то или другое грязное дело, переносят грязь и на других.

Кто не узнает в этом гордом брате иудейских фарисеев и книжников – представителей самонадеянности, нередко блистательной по наружной жизни, но отвратительной по сердечным расположениям? Гордых людей дело мечтать о себе, что они не как другие люди, не грабители, не обидчики, не прелюбодеи, а люди жизни строгой (Лк. 17:11). Они не простят брату ни одного проступка, тотчас заметят в глазу его сучок, а у себя не видят и бревна. Они похожи на гроба окрашенные, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты (Мф. 23:27).

Он же рече ему; чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть (ст. 31). Фарисейская гордость сама осудила себя, когда только открылась в словах. Любовь небесная не судит ее, а дружески вразумляет и пристыживает ее. *Чадо!* Сколько нежности в этом слове! И какой отец говорит это слово? Отец, осыпанный грубостями сына. Как терпелива любовь отца! Сын ни разу не назвал отца своего отцом, а отец говорит: *чадо!* Как сильно это слово, при всем том, что мягко? Оно так сильно, как никакое черствое слово! Оно так прямо идет к сердцу сына. Оно говорит ему: Сын мой! Говоришь ли ты со мною как сын? Ах! Приди в себя.

Чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть. Ты не имеешь причин жаловаться на мои отношения к тебе. Несмотря на твои несыновние расположения ко мне, которые ты сам обнаружил теперь и которые мне были известны, любовь отца всегда была открыта для тебя. Как же тебе желать *козляте*? Как тебе искать любви у друзей, кроме любви отца? Ужели какие-нибудь мои блага дороже тебе, чем сам я? Впрочем, *вся моя твоя суть.* Все, что принадлежит мне, принадлежит тебе, лишь только оставайся сыном моим, и все это, конечно, стоит больше, чем могли бы стоить твои труды.

Возвеселити же ся и возрадовати подобаше, яко брат твой сей мертв бе, и оживе: изгибл бе, и обретеся (ст. 32). Если брат дорог сердцу брата, то возвращение его, потерянного, конечно, должно быть предметом радости для брата. И если брат не радуется о здоровье брата, если счастье погибавшего брата оскорбляет, терзает брата, то в таком брате нет души братской, он убил в себе чувства брата, он оскорбил, унизил, обидел жестоко не брата, но себя самого.

Добрый отец препирался со строптивостью сына! Чудная борьба любви с самолюбием гордым! Родители! Вот как должны вы обходиться с худыми детьми! Наставники и пастыри! Вот с каким терпением надобно вам выполнять свое дело. Во-первых, виновность наставляемых вами не должна вас останавливать в исполнении вашей обязанности к ним. Как бы много худого ни видели вы в них, вы должны учить их доброму, должны наставлять их словом евангельским. Ваше дело сеять семя: сейте, не теряя времени в праздности. Что выйдет из того? Взойдет ли что из посеянного вами? Не беспокойтесь о том: будущность не в ваших руках, в вашем распоряже-

нии настоящее. Вы можете только желать, чтобы взошло посеянное; молитесь же Тому, Кто посылает благотворную влагу и тепло плодотворное. Далее, посмотрите на евангельского отца: вызвала ли строптивость сына хотя одно жестокое слово из его сердца? Нет, евангельский отец тем больше оказывает нежной кротости сыну, чем больше грубостей выказывает сын: поступайте и вы так. Вы любите детей? Поступайте же, как поступает любовь, которая терпелива. Грубость и брань в ответ на грубость только раздражает грубого. Если нежность отца не всегда может смягчить злое сердце сына, то злость и шум столько же могут утишать его, сколько масло пламень. Будьте благоразумны по крайней мере для успеха в своем деле. Будьте кротки, хотя бы для того, чтобы не уничижать себя пред детьми злыми. Если они заметят злость вашу, если заметят неумеренность или несправедливость гнева вашего — чем вы будете в глазах их? Только злыми, только несправедливыми начальниками, но ничуть не родителями. «Раб Господа не должен ссориться, — говорит апостол о христианском учителе, — но должен быть приветлив ко всем, учителен, незлобив, с кротостью должен он наставлять противников, не даст ли им Бог обращения к истине» (2 Тим. 2: 24–25).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 15-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

Святоотеческие толкования

1) Ст. 1–10. *Св. Григорий Богослов.* Из Беседы в 3 нед. по Пятидесятнице. «Христианское чтение», 1870.

2) *Св. Григорий Двоеслов.* О взыскании погибшего рода человеческого Спасителем мира (ст. 1–10). Кн. 2.

3) Ст. 11–32. *Св. Иоанн Златоуст.* Изъяснение притчи о блудном сыне. «Воскресное чтение», 1813.

4) *Св. Амвросий Медиоланский.* Изъяснение притчи о блудном сыне. «Воскресное чтение», 1814.

5) *Блж. Иероним.* Письмо к Дамасу о двух сыновьях. Твор. блж. Иеронима.

Новейшие толкования в духовных журналах

6) Вопросы Верцелиуса (о радости и скорби Ангелов, ст. 7) и ответы на них. «Душеполезное чтение», 1870 г. 1.

7) *Филарет, архиеп. Харьковский.* Беседы на притчу о блудном сыне. «Воскресное чтение», 1819.

8) *Анатолий, архиеп.* Беседа в нед. блудного сына. «Воскресное чтение», 1818.

9) Синаксарь в нед. о блудном сыне. «Воскресное чтение», 1812.

10) *Беллюстин.* Загубленная жизнь (ст. 11–32). «Воскресное чтение», 1832.

11) Блудный сын. «Воскресное чтение», 1801.

12) Притча о блудном сыне. «Воскресное чтение», 1802.

13) *А.В.* Евангельское чтение в нед. блудного сына. «Воскресное чтение», 1825.

14) Путь удаления грешника от Бога и обращения его к Богу, указанные в притче о блудном сыне (ст. 11–21). «Воскресное чтение», 1822.

15) Блудный сын (ст. 11–24). «Христианское чтение», 1822.

16) Притча о блудном сыне. «Христианское чтение», 1854.

17) *М.З.* Отпадение человека от Бога и его возвращение к Богу (ст. 11–32). «Духовная беседа», 1889.

18) Блудный сын. Евангельская притча. «Православный собеседник», 1861.

19) Об обязанностях христианина по учению евангельских притчей. «Воскресное чтение», 1834.

В Словах и Беседах

20) Ст. 11–32. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Беспредельное милосердие Отца Небесного, изображенное в притче о блудном сыне, не может служить оправданием для откладывающих свое покаяние и исправление жизни.

21) Ст. 15–32. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Четыре беседы на притчу о блудном сыне.

22) Ст. 15–32. *Никанор, еп. Уфимский.* Об отношении притчи о блудном сыне к роду христианскому и к нашему времени.

Притча о неверном управителе (Лк. 16: 1–13)

«Духовная беседа», 1868

Повод, по коему притча сказана

Более года протекло, как Спасителем избраны были из среды Своих последователей двенадцать апостолов; следственно, более года было, как Иуда носил небольшую корзинку с деньгами, принадлежавшими ученикам, заведывая ею, конечно, бесконтрольно. Отзыв об Иуде евангелиста Иоанна пред наступлением последней Пасхи (12:6) заставляет думать, что поползновение к утайке открылось в несчастном ученике вскоре по приставлении его к денежному ящику. Господь не мог не знать сего и не желать исправить ученика, уклонившегося от своего долга. В видах сего давно, быть может, выжидаем был случай сделать внушение Иуде, но так, чтобы оглашением тайны не унизить и еще более не ожесточить его. Наконец случай представился.

Однажды Иисус Христос был на вечери в доме одного начальника фарисеев и говорил там разные нравоучения, применительно к обстоятельствам времени и лиц. Толпа народа, вероятно, уже ожидала Его, и потому, лишь только вышел Он из дома, обступила Его и пошла за Ним (Лк. 14:25). В ней, по обыкновению, находились фарисеи и книжники, как всегдашние наблюдатели Его слов и дел, а затем — и всякого рода грешники, между коими особенно видны были мытари. Мысль об Иуде, всегда близкая любящему сердцу Богочеловека, теперь с появлением последних возбудилась в Нем живее и с особенною силою. Лучшего случая к вразумлению ученика неверного без обнаружения его неверности не могло быть. Личностью, хотя и собирательною, присоединявшихся мытарей — приставников тоже непра-

ведных — вполне прикрывалась личность Иуды. Вследствие сего Спаситель начинает говорить о признаках или условиях истинного последования за Ним, несмотря на то, что об этом предмете незадолго перед сим уже было говорено*. Учение это было предложено сначала прямо, открыто, а потом в двух небольших иносказаниях, и заключено так: *Тако убо всяк от вас иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (14:33). Судя по такому выводу, сказанному в конце притчи о царе, идущем на войну (ст. 31–32), уже можно было предугадывать, что Иисус Христос, повторяя учение об отречении от всего мирского, намеревался высказать что-то особенное и важное, что-то вроде урока против любостяжания и сребролюбия, тем паче что такой урок теперь, при виде сборщиков податей, был весьма благонамерен и кстати и что не без назидания могли слышать его и все сопровождавшие Спасителя, не исключая и апостолов, хотя всею силою своею этот урок должен был пасть на сердце одного из них — Иуды. А что Спаситель, изображая признаки последователей Своих, действительно имел какое-то особенное намерение, это видно из Его воззвания, которым возбуждалось всеобщее внимание в слушателях и которое употреблялось в случаях только особенно важных: *имеяй уши слышати да слышит* (ст. 35).

Но в толпе народа при сем обнаружились особенные движения, изменившие ход начатой речи. Мытари и грешники, будучи возбуждены к вниманию известным для них возглашением и желая лучше слышать Учителя, стали тесниться, стараясь подойти к Нему как можно ближе: *бяху же приближающеся к Нему вси мытарие и грешницы послушати Его* (15:1). Господь не отревал их и не останавливал. Это возбудило негодование в фарисеях, роптавших, что Учитель до того позволял Себе сближение с явными грешниками, что иногда и ел с ними (Лк. 15:2).

Ропот фарисеев не отклонил Спасителя от Его намерения относительно предположенного внушения Иуде и мытарям, а только вызвал Его сделать предварительно внушение самим негодователям, чтобы, с одной стороны, показать им безмерную благость Отца Небесного, а с другой — вразумить их, как дороги в очах милосердия Божия кающиеся грешники. Вразумление это сделано тремя вводными притчами: о заблудшей овце, о потерянной драхме и о блудном сыне (гл. 15). С окончанием их Господу благовременно было сделать внушение Иуде под видом урока мытарям, или, что то же, начать притчу о приставнике. Слушателями притчи, конечно, оставались по-прежнему и фарисеи, но они теперь отступили уже на второй план. Теперь их место пред очами Господа заняли Иуда с мытарями и апостолы с теми из массы народной, кои выказывали готовность внимать Ему и к коим

---

* Иисус Христос в первый раз учил о самоотвержении и крестоношении, будучи в Кесарии Филипповой, за несколько дней до Преображения (Лк. 9: 23–27); во второй же раз предлагает это учение после Преображения, уже по пути в Иудею (Лк. 9:51).

притча могла иметь практическое приложение. Святой Лука именует их общим названием учеников Христовых: *глаголаше же ко учеником Своим.*

Цель притчи, различная по различию слушателей

Что касается до цели притчи, то как она ни различна, по различию и разнородности слушателей, но довольно понятна. К ее уразумению ведет самое свойство тех личностей, которые поименованы нами как слушатели притчи. Святые апостолы в то время, конечно, не имели ничего; но их будущее служебное поприще не устраняло их от соприкосновения с благами мира. Там ожидала их встреча лицом к лицу с серебром (Деян. 8:18), столь ослепительным для сынов века сего; там надлежало им принимать на себя должность как бы приставников имений чужих, делающихся потом общими им с верующими (Деян. 2: 34–35); там предстояла им необходимость делать разные денежные сборы в пользу беднейших церквей и распределять их по своему усмотрению (1 Кор. 16:34). Все это ведомо было прежде их Божественному Наставнику. Его отеческая предусмотрительность не могла оставить Своих учеников — Своих детей — без должного предостережения от искусительных приражений со стороны мамоны. И вот в предупреждение, чтобы в будущих проповедниках Евангелия видимые блага мира не извратили как-нибудь добрых чувств и стремлений, не ослабили в сердцах их веры и самоотвержения, а что всего гибельнее — чтобы не сделались для них целью всех трудов и подвигов, Иисус Христос предварительно внушает апостолам, что забота и попечения о стяжаниях земных несвойственны для них как благовестников Царствия Божия и что служение золотому тельцу — этому кумиру мира — ни в каком случае не совместимо с тем высоким служением, к коему они призваны. Иуда, с одной стороны, как ученик Христов, облеченный властью чудотворения (Мф. 10:8) и, следственно, близкий к Господу, а с другой — как неправедный приставник, обличаемый своею совестью, тем паче не мог не уразуметь сего урока и не извлечь из него побуждения для себя — оставить преступное попечение о земных интересах, как всецело ниспровергавшее в нем достоинство апостола.

Относительно мытарей цель притчи еще виднее. Чем необразованнее, грубее и грешнее был этот класс народа Божия, тем чаще и действительнее могла пробуждаться в нем совесть. Слова Христовы к книжникам и фарисеям, что мытари упреждают их на пути к Царствию Божию (Мф. 21:31), и пример быстрого и решительного обращения ко Христу Закхея (Лк. 19: 2–10) служат ручательством, что в среде сборщиков податей, и кроме старшины их, всегда много было таких, кои, сознавая свою греховную жизнь, хотели бы выйти из греховной бездны, но не находили средств к тому; хотели бы для облегчения своей совести не пожалеть подчас и своих сокровищ, но недоумевали, что можно, да и можно ли что сделать во спасение

души своей от мамона неправды? Понятно, что при таком направлении этих людей, которых и самое богатство не спасло от презрения со стороны ученой знати иудейской, но которые в то же время не оставляли случаев слышать Слово Божие и, следственно, думали о благовествуемом Царствии и искали пути к примирению с Богом, учение Христово о том, что неправедным богатством можно умилостивить правду Божию и стяжать вечные кровы, долженствовало послужить дверью к выходу из того мрака скорби и уныния, в котором томились их души, ища света Божия.

В том же смысле и с одинаковою целью притча могла относиться к толпе книжников и фарисеев. Спасительное слово Небесного Учителя, конечно, и теперь не оказало спасительного действия на огрубевшую совесть сих лживых понимателей и кривотолков Царства Мессии. Дух надмения и упорства всегда поддерживался в них лишь пустым ханжеством и алчностью к обогащению, даже до жестокости к ближним. За всем тем это приточное учение о наилучшем употреблении богатства, нажитого неправдою, и для сего гордого класса слушателей было необходимо, если не в том отношении, чтобы им обратиться ко Господу и исцелеть; то в том, *да оправдится* через них *премудрость от чад своих* (Мф. 11:19). Без него последняя обличительная речь Спасителя к книжникам и фарисеям, изложенная в Евангелии от Матфея (23:36), могла бы показаться слишком строгою и грозною.

Наконец, и не фарисеи – богатые, но обогащавшиеся, подобно фарисеям и мытарям, средствами богопротивными, точно такое же могли извлечь для себя назидание из притчи, как и явные грешники, и мнимые праведники. Что же касается до тех из богачей слушателей, кои приобретали земные блага честным трудом и воздержною жизнью, то для них притча служила к евангельскому милосердию и состраданию относительно бедных не прямо, а через вывод и заключение от меньшего к большему и от худшего к лучшему. Если и неправедно нажитым богатством, через уделение его бедным и неимущим, можно приобретать вечные обители в дому Отца Небесного, то тем скорее и вернее можно наследовать эти обители и удостоиться блаженного возлежания со Авраамом через разделение с немощною убогою братиею богатства, приобретаемого благословенным трудолюбием и вообще средствами, одобряемыми законом и совестью.

Конечный предел притчи и ее нравоучение

Заключение учения, имеющего не одно, а многие цели, не могло быть выражено в одном месте и одним стихом. Это служит причиною, что толковники не согласны между собою в том, где именно настоящий конец притчи. Нет нужды приводить здесь эти разные мнения; но во всяком случае не лишним будет относительно окончания притчи заметить следующее.

Наибольшая часть комментаторов видят конец притчи в 9 стихе: *и Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, ког-*

да обнищаете, приняли вас в вечные обители. Надобно признаться, что это не без основания. Приведенный стих всего скорее можно принять за обыкновенное заключение, как потому, что он, заканчивая собою иносказание, содержит в себе практическое приложение или нравоучение, прямо выведенное из содержания притчи, так и потому, что это нравоучение и внешнею своею формою сходно с таковыми же нравоучениями во многих других притчах; таковы, например: о царе, состязающемся с своими рабами (Мф. 18:35), о человеке домовитом (Мф. 20:16), о десяти девах (Мф. 25:13) и другие, где краткие нравоучения, по согласному мнению всех, составляют решительный конец притчей. Однако заключение 9 стиха не есть вполне окончательное. Оно объемлет собою всех зажиточных людей вообще, всех фарисеев и мытарей, всех фарисеев и простолюдинов и, наконец, Иуду; но оно не имеет ни малейшего применения к лику прочих апостолов и, следственно, во всяком случае, есть не более как заключение частное, необходимо предполагающее таковое же другое. Иначе притча осталась бы без полного конца.

Это заключение действительно есть и находится в трех следующих затем стихах: *Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны: кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны: кто даст вам ваше? Никакой слуга не может служить двум господам: или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет упорствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне.* В нем содержится прямое приложение притчи не только к апостолам как будущим провозвестникам Царства Христова, но и к Иуде как ученику Христову, уже прельстившемуся блеском златиц и сребренников, но еще не отпадшему от лика апостольского. По внешней форме это приложение имеет вид условной энтимемы и может быть выражено так: «Кто не верен в малом, тому не поверят многого: итак, если вы неверны будете в распоряжении имением малым и скоропреходящим, то не поверят и не дадут вам вечного, истинного, многоценного». Само собой следует, что это заключение частное, как и быть должно. Нравоучение, в нем содержащееся, до того не всеобъемлюще, до того относится к одним апостолам, что как первое (нравоучение), направленное к мытарям и фарисеям, не приложимо к ученикам Христовым, так и это последнее решительно неприменимо ни к кому другому, кроме апостолов. Это служит базисом той мысли, что нельзя, как мы видели, принять за слушателей притчи ни апостолов одних, с исключением фарисеев и мытарей, ни сих последних, с устранением учеников Христовых.

Но и двенадцатый стих не есть последний термин притчи. Должно заметить, что на следующий за ним 13 стих почти все западные толковники смотрят как на что-то лишнее, не имеющее никакой связи с контекстом, так что и лучшие из них ничего более не находят сказать о нем, как только

то, что он взят из Евангелия Матфея (6:24). Между тем названный стих скорее необходим для полноты заключения притчи. Обнимая всех слушателей притчи, без отношения к нравственной стороне их жизни, а также и к тому положению, которое одни из них занимали, а другие готовились занять в среде людской, он служит объединением и обобщением обоих предыдущих частных заключений. Мысль его такова: «Служение двум противным началам, каковы Бог и мамона, не может совместиться в одном лице служащем». Здесь самый краткий и окончательный вывод и предел притчи.

Что же касается собственно до порядка, в коем нравственное приложение притчи относится ко всему составу слушателей, то его можно определить так. Нравоучение первее всего направлено было к мытарям, как потому, что они подали повод к произнесению притчи в настоящую минуту, так и потому, что они служили прикровением личности, составлявшей последнюю цель ее — прикровением Иуды. При этом нельзя отвергать мнения некоторых, что самый образ изложения притчи, то есть образ суждений и действий домоприставника, взят с образа мыслей и поступков мытарей. Если где, то в основном в мытницах, или таможнях, могли быть в употреблении подобные сделки при взимании пошлин с товаров. Там и количество, и вес, и мера — не масла только и пшеницы, но и всего, что ввозилось и вывозилось, — могли быть умаляемы в видах получения известных за то благодарностей. Затем нравоучение относилось к фарисеям и ко всем богатым. Это нравоучение находится в 9 стихе.

Далее Спаситель имел в виду Иуду, для которого нарочито притча и была сказана и который, сделавшись приставником неверным, оставался еще в числе ближайших учеников Его. Как неверный хранитель ковчежца, Иуда не мог не сознавать, что притча близко касалась его как содержанием, так и нравоучением, из него выведенным. И в самом деле, при звуках слов Христовых «мамона неправды» и «вечные кровы» голос собственной совести его — совести, омраченной недугом, но еще не утратившей жизненной силы и не огрубевшей в противлении добру, — этот голос не мог не напомнить Иуде, что нравоучение относилось и к нему и содержало в себе прямое указание, как поступить ему с утаиваемою суммою, чтобы, покончив навсегда с этою мамоною неправды, возвратить себе утраченную вечность и спокойствие духа, удержать вполне достоинство апостола и приобрести не временное убежище на земле, как ему думалось, а вечные блага на небе.

Но, указав спасительный выход из ненормального положения Иуде как блюстителю общественного ящика, Господь вслед за сим присовокупляет и то, что должно относиться к нему же (Иуде), но уже как к благовестнику Царствия Божия, побуждая его в то же время и к неотложному заглаждению неверности в прошедшем и к сохранению неукоризненной верности в будущем (ст. 10). А чтобы и теперь прикрыть обличаемую неверность

Иуды, как она доселе прикрываема была мытарями, Иисус Христос обращается ко всем апостолам (ст. 11–12), чтобы, с другой стороны, оградить и укрепить в них святую верность против ожидавших их прилогов и искушений и через то сделать их вполне достойными тех истинных и многоценных благ, тех духовных и благодатных сокровищ, которые им, по преимуществу, предназначены были как бы в собственность и которыми они в свое время имели обогатиться «не в меру»; чтобы, в свою чреду, обогатить истинным боговедением и богочестием обнищавшее человечество.

Отличительные особенности притчи

Заключая все, что доселе было сказано нами, с целью уяснить подлинный смысл притчи, справедливым находим заметить, что «притча о приставнике», видимо, выделяется из ряда прочих притчей, более или менее похожих одна на другую, и носит на себе особый и своеобразный тип.

К этой особенности притчи можно отнести: а) то, о чем мы частью уже сказали, то есть что учение, здесь содержащееся, преследует разные цели, по разнородности слушателей; а потому не могло заключиться, подобно другим притчам, разом и категорически, а требовало соответственно разным состояниям поучаемых окончания постепенного, по частям; и выраженного не одним стихом, а многими; б) то, что в основание евангельского нравоучения положены действия человека, коего житейская ловкость и догадливость в устроении судьбы своей хотя и похвалены господином притчи, но тем не менее нравственного настроения души его, обнаружившегося в поступке явно нечестном и несправедливом, никто похвалить не может.

Впрочем, об этих двух особенностях должно сказать, что они как ни характерны, но вовсе не таковы, чтобы через них рассматриваемая притча резкою чертою отличалась от прочих, потому что они, хотя очень не во многих, и не обе вместе, однако встречаются и в других евангельских иносказаниях. Так, например, многостишное заключение мы видим в притче о человеке домовитом, отдавшем виноград свой делателям (Мф. 21: 42–44). В притче о том, *како подобает молитися и не стужати* (Лк. 18: 1–3), представляется судия слишком невысокой набожности, потому что он ни Бога не боялся, ни людей не стыдился: за всем тем его решение положить конец докукам вдовы — служит мало того, что воодушевлением к непрестанной молитве для всех избранных Божиих, но и основанием того, что Сам Бог, преблагий и святой Промыслитель, ставится как бы в параллель с судьею столь недостойным.

Особый тип этой притчи отразился на самом ее изложении. Чтобы учению, прикрытому иносказанием и имеющему при том разные цели, из коих одни открыты, а другие сокровенны и ведомы только для некоторых, — чтобы такому учению сообщить относительно слушавших субъек-

тов, наибольший объем и широту, конечно, невозможно было обойтись без таких слов и выражений, которые, одновременно касаясь разнородных личностей, должны были применительно к их неодинаковой нравственной цели содержать в себе и смысл неодинаковый. Само собою следует, что такого рода речь, и не иносказательная, не свободна от некоторой неопределенности в слоге и даже темноты; а эта неопределенность, встречаясь и в содержании притчи, и в самом нравоучении, служит, в свою очередь, одною из немаловажных причин, почему в трактуемой притче гораздо более усматривается трудностей и недоразумений в отыскании подлинного смысла и значения, чем во всех других.

Коснувшись трудностей в понимании притчи, в заключение не излишним находим присовокупить, что обыкновенные человеческие средства и пособия толкования, конечно, и здесь, как и везде, благотворны и необходимы; но они одни еще недостаточны к истолкованию учения свыше человеческого. Просвещение научное и школьное, как бы ни казалось основательным и обширным, но в деле изъяснения слов небесной истины дотоле не будет вполне плодотворно и истинно, доколе не соединится с просвещением опытно-духовным и благодатным. Последнее, проистекая из непоколебимой веры в Господа Иисуса Христа как *Сына Бога живаго* (Ин. 6:60) и в Его глаголы как *глаголы живота вечного* (Ин. 6:68) и сопровождаемое жизнью святою и благочестивою, образуется под осенением *Духа Божия, испытующаго и глубины Божия* (1 Кор. 2:10). Такое просвещение *не объмается* греховною тьмою, а, напротив, само может разгонять и осиявать всякую тьму (Ин. 1:5). В соединении с ним и земная наука, несмотря на свою предельность и временность, много, очень много может привнести света в область истин, хотя бы они были и небесны и вечны.

Изъяснение притчи о неправедном управителе

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Беседы о милосердии к бедным

И Аз вам глаголю: сотворите себе други от мамоны неправды, да, егда оскудеете, приимут вы в вечныя кровы (Лк. 16:9). Божественный Учитель милосердия не оставляет без особого наставления *приближавшихся послушати Его* (Лк. 15:1) и таких *учеников* (Лк. 16:1), как мытари и грешницы, которые как в приобретении, так и в употреблении богатства руководствовались только мирскою мудростью, полагаемою в том, чтобы ловко приобрести, пожертвовать только для большей выгоды, обеспечить себя от недостатка. От их мудрования, подобно как и прежде в доме угостителя от угощения, заимствует Он для них образ учения и предлагает притчу о неправедном

приставнике имения, и сопровождает ее наставлением: *Сотворите себе други от мамоны неправды, да, егда оскудеете, приимут вы в вечныя кровы.*

Видно, слышавшие сие наставление догадались понять оное не в смысле мирского мудрования, которому никогда не учил Божественный Наставник, но в разуме чистой духовной мудрости, потому что Наставник Сердцеведец не нашел нужным прибавить что-либо для ограждения Своего наставления от неправого истолкования. Но между христианами случается слышать вопросы: что значит притча о неверном приставнике? что значит *сотворить себе други от мамоны неправды*? Неужели собравший себе богатство неправдою, подав милостыню из неправедно приобретенного, может тем приготовить себе добрую обитель в вечности?

Полагаю, что надобно устранить сие недоумение, а для сего нужно яснее иметь в виду содержание притчи.

Некто имел приставника сельского имения и, узнав, что он расточает вверенное, вознамерился отнять у него должность, и для того потребовал у него отчета в управлении. Управитель, видя, что должен остаться без места и без содержания, призвал людей, которым от управляемого имения хлеб и масло были отпущены в долг и, велев переписать долговые записи с уменьшением долга, подарил таким образом одному пятьдесят мер масла, другому двадцать мер пшеницы, в той надежде, что, лишась места и содержания, из благодарности будет принят ими в дома их. *И похвали Господь дому строителя неправедного, яко мудре сотвори.* Примечайте, что неправедный строитель похвален не за неправду, которая не может быть предметом похвалы и за которую он уже сужден прежде и осужден на отрешение от должности, но за то, что *мудре сотвори*, что искусно распорядился.

Для правильного разумения сей притчи надлежит взять в соображение общее правило, что как видимый предмет притчи, по свойству вещей, не во всем может быть сходен с предметом, означаемым притчею, то не все, что принадлежит к повествованию притчи, может принадлежать к ее уподобительному значение и толкованию. Например, в притче о судии неправедном, *Бога не боящемся и человек не срамляющемся* (Лк. 18:2), который вдове, долго, ежедневно неотступно просившей защиты, наконец оказывает просимую справедливость, к уподобительному толкованию принадлежит, во-первых, самое имя судии, во-вторых, последняя часть повествования, и сим иносказанием означается, что Бог усердную и неотступную молитву наконец приемлет и исполняет, а подобные черты первой части повествования, изображающие судию неправедным, *Бога не боящемся и человек не срамляющемся*, не принадлежат к уподобительному толкованию притчи, потому что в сих чертах являются человеческие свойства, очевидно, несообразные со святостью Судии Бога. Подобно сему и в притче о неправедном приставнике неправда и неверность входят только в пове-

ствование притчи для его полноты, а к уподобительному значению притчи не принадлежат, как черты, несовместные с духом учения Христова.

Истинное же значение притчи определяется следующими чертами. Приставник управляет чужим имением: подобно сему всякий человек в настоящей жизни пользуется богатством и другими дарами Божия творения и провидения, не как независимый обладатель, никому не обязанный отчетом, но как приставник, обязанный отчетом Богу, Которому единому первоначально и существенно все принадлежит. Приставник наконец должен оставить управление и дать в нем отчет: подобно и всякий человек с окончанием земной жизни должен оставить то, чем распоряжал на земле, и дать в своих действиях отчет пред судом Божиим. Отставляемый приставник видит, что останется скудным и бездомным: подобно сему преставляемые от земной жизни иные благовременно в смиренном самопознании открывают, а иные поздно усматривают, что они скудны подвигами и добродетелями, что не стяжали довольно веры и любви к Богу, не довольно укрепились в молитве, не совершили достаточных подвигов воздержания и самоотвержения или страдания за истину, которые отверзли бы для них одну из обителей небесных. Что делать бедному приставнику? Что делать скудной душе? Приставник имеет надежду быть принят в дома тех, которым он от избытка вверенного ему управления сделал одолжение. Душа, при недостатке совершенства, имеет надежду, что бедствующие и скорбящие, которым она от своего земного благосостояния подавала помощь и утешение, благодарною молитвою веры помогут и ей отворить дверь вечного крова, которую себе отверзают верностью в подвиге терпения.

Конечно, слово притчи ясно показывает, что она, употребляя мирское мудрование в подобие духовной мудрости, отнюдь их не смешивает: *Сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть*. То есть: как жаль, что чада мудрости мирской имеют довольно искусства среди самого разрушения темными средствами устроить свое временное благосостояние, а чада света, ученики мудрости Божественной часто не употребляют довольно тщания, чтобы при ее свете, с ее силою уравнять и управить свой путь в вечные кровы!

Остается изъяснить выражение *мамоны неправды*, чтобы неясно понимаемые слова не закрывали чистоты учения.

У сирийцев был идол, который назывался *мамона* и суеверно почитался покровителем богатства. От сего и к самому богатству перенесено то же название: мамона. Господь, конечно, не без причины вместо простого названия богатства употребил слово *мамона*, в котором с понятием *богатства* соединяется понятие *идолослужения:* и причину сего не иную можно предположить, как ту, что хотел означить не просто богатство, но богатство, с пристрастием собираемое, с пристрастием обладаемое, делающееся идолом сердца.

Таким образом определяется смысл и целого выражения *мамона неправды*. Это значит богатство, которое чрез пристрастие к нему сделалось неправедным или порочным; ибо в священном языке неправда может означать вообще порок, подобно как и правда — вообще добродетель.

Что же посему значит наставление: сотворите *себе други от мамоны неправды*? Это значит: богатство, которое чрез пристрастие легко становится у вас мамоною неправды, веществом порока, идолом, обратите в доброе стяжание чрез благотворение бедным и приобретите в них духовных друзей и молитвенников за вас. Что касается до тех богатых, которые не только не свободны от неправды пристрастия к богатству, но и отягчены неправдою злоприобретения, — они напрасно ищут легкого способа прикрыть свою неправду в притче о неправедном приставнике. Но если хотят истинного, собственно к ним относящегося наставления, то найдут оное в истории мытаря Закхея. Он неправду пристрастия к богатству очищает милостынею: *се пол-имения моего, Господи, дам нищим*; другую, более тяжкую, неправду злоприобретения заглаждает справедливым удовлетворением обиженных: *аще кого чим обидех, возвращу четверицею* (Лк. 16:8).

Изъяснение притчи о неправедном приставнике (Лк. 16: 1–8)

Свт. Феофан. «Странник», 1869

Приточная история (ст. 1–8) ясна сама по себе. Требуют не объяснения, а больше указания некоторые невысказанные частности, чтобы само собою обозначилось, что как в приточной истории неопределенны точные границы всех обстоятельств, то никак не следует иносказательного толкования проводить по всей этой истории.

Ст. 1. *Глаголаше же ко учеником Своим: человек некий бе богат, иже имяше приставника: и той оклеветан бысть к нему, яко расточает имения его.*

Когда святой евангелист говорит, что Спаситель, поговорив к фарисеям и книжникам, обратился с речью к ученикам, то разумеет под сими не одних 12 апостолов, но всех, кои собрались слушать Его с готовностью следовать Его урокам. Таких всегда было много. В Евангелии от Иоанна (6:66) говорится, что многие из учеников Господа оставили Его и больше за Ним не ходили. Стало быть, все ходившие за Ним и внимавшие Ему считались учениками Его. Святой Лука в слушавших Спасителя видит целый народ учеников (Лк. 6:17). Были они и в эту пору. О мытарях именно говорится, что они приблизились к Спасителю, чтобы послушать Его (15:1).

Богатый человек не обозначается никакими особенностями, как делается в следующей притче (ст. 19 и далее), потому что не он главное лицо

притчи, а приставник. Он был богат настолько, что нужно было приставника. Были ли другие приставники, не поминается. Дело не в мере богатства господина, а в житейской практичности сынов века, которая может быть вполне выражена и в одном примере, в распоряжении и незначительным имением. Приставниками бывали большею частью доверенные из своих рабов, какой обычай и доселе держится на востоке. Но приглашались иногда на это место и свободные лица и служили на условиях. Приставник притчи, как видно, принадлежал к числу свободных; потому что от господина, у которого служил, боится не побоев, темницы или другого какого наказания за худое управление имением, а только отставки от места и из-за того бедности и нужды.

Приставник оклеветан, что расточает имение. Слово *оклеветан* (διεβλήθη, от διαβάλλω, откуда διάβολος — клеветник) указывает будто на ложный донос — клевету; но слово сие означает и справедливый донос. В настоящем случае донос, видимо, был правый, клеветой же назван он, может быть, потому, что сделан не открыто, а на ухо. Все течение речи показывает, что приставник был виноват; и сам против обвинения господина ничего не говорит, верно, потому, что нечего было сказать. Расточение имения в отношении к управителю ближе всего значит: худо управляет, распустил имение, ни за чем не смотрит, все идет не впрок. Не видно, чтобы он корыстовался прежде хозяйским добром; иначе по устранении от управления он не должен был ожидать крайней бедности, разве только предположить, что, корыстуясь, все проматывал. Прямая мысль — приставник оказался таким, что от его управления не было пользы ни господину, ни ему самому.

Ст. 2. *И пригласив его рече ему: что се слышу о тебе? воздаждь ответ о приставлении домовнем: не возможеши бо ктому дому строити.*

Господин только услышал и верит — и на основании слуха делает определение отставить приставника, не оправдавшего доверия. Верно — вина была так очевидна, что нечего было удостоверяться в истине ее и наводить справки. Господин прямо решает: не может более править домом и хозяйством; дай ответ: не дай объяснение или оправдание против того, что слышу, а приготовь все к сдаче, сведи счеты и сдай имение, а затем оставь мой дом и иди, куда хочешь.

Ст. 3. *Рече же в себе приставник дому: что сотворю, яко господь мой отъемлет строение дому от мене? Копати не могу, просити стыжуся.*

Слово господина было так решительно, что не оставляло приставнику никакой надежды удержаться на прежнем месте. Между тем он не видит себя теснимым или окруженным надзором; имеет полный простор — приготовить отчетность. Этою свободою и воспользовался он, чтобы промыслить о себе на будущее время. Открылась крайность его положения: ему оставалось одно из двух: или умереть с голоду, или вести жизнь скорбную

и унизительную – идти в работники, на поденщину или просить милостыню. *Копати,* то есть работать заступом в садах, огородах и полях, – самый обширный способ добывания пропитания для рабочего класса на востоке, – копать, говорит, не могу, или потому, что стар уже, или потому, что непривычен; *просити стыжуся* – верно был известен в своем месте.

Ст. 4. *Разумех, что сотворю.* Догадался, как выпутаться, пришла счастливая мысль, исполнение которой – нетрудное и бывшее вполне в его руках – обещало ему и кров, и содержание, и защиту. Что именно придумано, не высказывается наперед; но план был хорош, и приставник с уверенностью мог обещать себе: *Да егда отставлен буду, приимут мя в домы своя.*

Ст. 5–7. Что придумано, видно уже из дела, но как вздумано, так тотчас и делается. План приводится в исполнение с поспешностью: может быть, времени не было, а может быть, имелось в виду нечаянностью одолжительного предложения поразить должников и тем больше расположить их в свою пользу. К этой же цели направлены и вопросы: ты сколько должен, а ты сколько? Он знал, сколько кто должен, но хотел резче выставить одолжение, говоря как бы так: вот какую я делаю тебе уступку, а тебе вот какую. Согласие на это должников предполагалось, о нем и речи нет; потому что действие шло в духе их. Ясно, верно, для них было и то, чего ради это делалось, равно как для приставника не подлежало сомнению, что он не будет забыт. Почему не поминается о секретной какой-либо относительно сего сделке. Сущность плана состояла в том, что приставник при сведении счетов вздумал сделать должникам господина своего значительное одолжение – скидкою со счетов их, у одного 50, а у другого 20 частей со ста, – чтобы из благодарности они после приняли его в дома свои. Что значит та и другая мера, чего ради одному уступлено 50, а другому 20, было ли только два должника или больше – определение этих частностей для притчи ничего не значит. Имелось в виду только указать, что приставником предположенная цель достигнута: он умудрился обеспечить себя на будущее.

Ст. 8. *И похвали Господь дому строителя неправедного, яко мудре сотвори.*

Приставник не размножал речей не только со сторонними, но и с самими должниками: все делалось молча – умственно, как математические выкладки. Уж итог, следствие, само дело показало, как все придумано хорошо. Предположить надобно, что приставник оставил уже дом господина и принят в домах должников его. Господин или догадался, или допытался, почему и как это сделано, и похвалил приставника, не за неправду, а за то, как искусно он сумел обеспечить себя на будущее время, находясь в такой крайности, и дело свое провел так, что к нему пристать нельзя.

Похвали Господь – κύριος – относится не к Господу Спасителю, а к господину, богатому человеку. Если допустить, что Спаситель похвалил неправедного приставника, то вместе надо признать, что слова сии вносит свя-

той евангелист. Но этим возмутится все сказание: история приточная останется без конца; слова *яко сынове века сего мудрейши суть* и проч. будут относиться к святому евангелисту — и чтобы их отнести к Спасителю, надо пред ними прибавить: «говоря», на что никакого нет основания. Очевидно, к тому же, что речь с 1 стиха по 13 идет непрерывно, в естественной связи, и должна быть признана исходящею из уст Спасителя — вся в целости. Следовательно, Он же сказал: *похвали господь*, – и стало быть, не о Себе сказал, а о том уже, кого господом κύριος — назвал в 3 стихе и господином — κύριος (у нас по-русски) в 5. Это замечание нужно для тех, которые, относя слова *похвали Господь* к Спасителю, сами на себя наводят смущающее недоумение: как похвалил Господь неправедного? Хвалит не Господь, а господин.

Изъяснение притчи о неверном управителе (Лк. 16: 8–13)

Н. Розанов. «Странник», 1860

Господин не только не требует от приставника растраченного им имущества, не только не подвергает его наказанию за неверность, как поступает господин в другой Евангельской притче (Мф. 18: 24–25, 34; 24: 48–51; 25: 26–30), но еще хвалит его: *и похвали Господь дому строителя неправедного* (ст. 8), — хвалит, конечно, не за расточение имущества, не за обман и вероломство, а за его находчивость, за изобретательность ума, какую он показал в своем последнем поступке, за то именно, что он *мудре* (φρονίμως) *сотвори* (ст. 8). Беспечный к своей будущности во все время своего управления, он сумел воспользоваться последнею возможностью, чтобы избежать тяжкой участи — копать землю или просить милостыню, и поступил при этом действительно очень мудро, сообразительно: он не утаил от господина своего всего, что роздано им было в долг, чтобы тем удобнее скрыть обман свой и в случае обличения не подвергнуться слишком большой ответственности; он и не присвоил себе той части долга, которую простил должникам: тогда господин мог бы отобрать у него все, что имел он (Мф. 18:25), а если бы и не отобрал, то, во всяком случае, такое незначительное имущество, какое он оставил за должниками (ст. 6–7), ненадолго бы обеспечило его; между тем как в руках должников оно было в безопасности, и должники, обязанные ему признательностью, сделавшись его *друзьями*, могли доставить ему гораздо большую пользу, чем какую он мог бы извлечь из утаенных им остатков имущества своего господина. Эту-то сообразительность, независимо от ее нравственного достоинства, и похвалил господин в приставнике. Он похвалил приставника, говорит блаженный Августин, обращая внимание не на вред, который он причинял ему, а на его ум (ingenium). Так мы, когда слышим о каком-нибудь ловком, остроумном,

хотя бы и худом, поступке, осуждая самый поступок, удивляемся изобретательности ума, с какою он совершен был, и невольно хвалим ее, сожалея только о том, что она направлена была не на хорошее дело. Так Сам Спаситель, говоря Своим последователям: *будите мудри, яко змия* (Мф. 10:16), — не злобу и ядовитость змеи, конечно, представляет в пример верующим, от которых требует, чтобы они были просты, как голуби; но указывает на ту мудрость, догадливость и изобретательность, какую змеи, мудрейшие из всех зверей земных (ср. Быт. 3:1), обнаруживают в своих действиях.

Сказав о том, что господин похвалил приставника за его мудрый поступок, Господь замечает при этом, что *сыны века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть* (ст. 8). *Сей век* (иначе время или мир), по употреблению этого выражения в Священном Писании, в противоположность будущему веку или вечности (Ин. 8:35 и др.), означает вообще настоящую земную жизнь, ограничиваемую временными пределами и исполненную забот, обольщений и всякого рода неправды (Мф. 13:22; Рим. 12:2; 1 Кор. 2:6; Гал. 1:4; 2 Тим. 4:10 и др.). *Сыны века сего* — это люди, преданные миру, которые нисколько не пекутся о будущем веке и заботятся только об удобствах настоящей временной жизни. Именем *света*, в противоположность *тме века сего* (Еф. 6:12; Ин. 3:19; 12:46; Деян. 26:18), часто в слове Божием называется Сам *Бог* (Ин. 8:12; 1 Ин. 1:5), *свет истинный, просвещающий всякого человека* (Ин. 1:9), *пришедший в мир* (12:46) *и давший нам свет и разум, да познаем Бога истиннаго и да будем во истиннем Сыне Его Иисусе Христе* (1 Ин. 5:20). А *сынами света* (Еф. 5:9; 1 Фес. 5:5) называются люди, просвещенные светом истинного богопознания, которые служение Богу предпочитают служению миру и спасением души своей дорожат более, нежели временными удобствами земной жизни. В обширном смысле такое название может относиться в подзаконном мире к иудеям, избранному народу Божию (Втор. 14: 1–2; Мф. 8: 10–12), а в христианском — ко всем вообще христианам (Ин. 1:12; 1 Ин. 3:1 и др.); в собственном же смысле оно принадлежит избраннейшим из христиан, сравнительно с другими людьми, христианами и не христианами, *сынами века сего*.

В чем же состоит та мудрость, которою, по слову Спасителя, сыны века сего превосходят сынов света? В том, очевидно, в чем показал мудрость свою неправедный приставник — в заботах о своей будущей (временной) судьбе и в изобретении средств для устройства ее. Сыны века сего действительно обнаруживают в этом отношении много мудрости и могут служить примером для сынов света. Сыны света, если глубоко преданы своему высокому званию, не представляют такой мудрости в своих житейских делах — ни таких забот, ни такой находчивости. Многие из них и в отношении к небесному своему отечеству не представляют такой мудрости, какую представляют сыны века сего по отношению к земной своей жизни, — не пред-

ставляют они (говоря вообще) ни таких постоянных, неусыпных забот о будущей своей жизни, ни таких усилий ума и воли, такой предусмотрительности, изобретательности, разнообразия средств к достижению своей цели и т.п. По общему повреждению человеческой природы, и они бывают к худому более склонны, нежели к доброму, — к чувственному, очевидному и близкому более чувствительны, нежели к духовному, отдаленному и неизвестному. «Люди, приставляемые к управлению человеческими делами, — говорит блаженный Феофилакт, — стараются всеми силами о том, чтобы иметь какое-нибудь утешение, если будут оставлены от своей должности. А те, которые удостаиваются звания сынов света, то есть которым вверяется строение духовных дел, не думают о том, как бы после настоящей жизни получить вознаграждение... При человеческом приставничестве мы заботимся о том, чтобы иметь убежище, если лишимся должности; а в делах Божеских мы не оказываем попечения о том, какой дадим отчет по оставлении настоящей жизни. Поэтому и называемся неразумными, потому что не размышляем о том, что полезно нам после этой жизни».

Но не во всех отношениях сыны века сего мудрее сынов света, а только в роде своем (εἰς τὴν γενεὰν τὴν ἑαυτῶν). Выражение *в роде своем* придано здесь как бы для ограничения похвалы мудрости сынов века сего, для определения ее степени и достоинства. Они мудрее сынов света, однако не безотносительно, не во всем вообще, в чем может и должна проявляться мудрость человека, а только в одном отношении, в том именно, что они весьма много и с величайшим терпением и искусством заботятся о своих житейских делах, о том, что *есть и пить и во что одеться. Всех бо сих языцы* (сыны века сего) *ищут* (Мф. 6: 30–31). В этом только отношении они и превосходят сынов света, и только по своей заботливости, а не по предмету ее, могут служить примером для сынов света. В этом только отношении и неправедный приставник представляется в образец для верующих, а отнюдь не в том, чтобы мы, подобно ему, употребляли неправду для своих выгод. По мнению блаженного Августина, «Господь представляет здесь довод от меньшего к большему, то есть если приставник так тщательно старался об обеспечении своей временной жизни, то тем более мы должны заботиться о жизни вечной. И если он, будучи неправедным и исполненным хитрости, получил похвалу от господина своего за свою заботливость, то гораздо большей похвалы удостоимся мы от Господа, когда, поступая праведным образом, никому не нанесем вреда, а многим принесем пользу». То же говорят святой Киприан, святой Амвросий Медиоланский, блаженный Иероним, Евфимий Зигабен.

В следующих затем словах Спаситель научает Своих последователей, каким именно образом они могут подражать мудрости приставника, представленного в притче. *И Аз глаголю вам*, говорит он, *сотворите себе други от*

мамоны неправды... (ст. 9). *Мамона*, по общему мнению толкователей Писания, значит богатство. Богатство могут составлять собою предметы различного рода. Но в настоящем месте, как можно видеть из хода всей речи Спасителя, разумеется не духовное богатство, а *богатство мира сего* (1 Ин. 3:17), земные блага, которые у людей обыкновенно считаются единственным богатством (Лк. 12:15), — *золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, виссон, порфир, шелк, багряница и всякое благовонное дерево и всякия изделия из слоновой кости, из дорогих деревьев, меди, железа и мрамора... вино, елей, мука, пшеница* и т.п. (Откр. 18: 12–14, 16), все, что, удовлетворяя потребностям телесной природы, доставляет людям наслаждение в жизни и питает их похоти. О таком именно богатстве говорится и в притче о блудном сыне (Лк. 15:12; 12:30), и в притче о неправедном приставнике (16:1: 6–7), и в следующей за тем притче о богатом человеке, облачавшемся в порфиру и виссон (ст. 19–25). Так поняли слова Спасителя и фарисеи, о которых евангелист замечает, что они, слушая речь Господа, ругались Ему, потому что были сребролюбивы (φιλάργυροι, ст. 14). *Мамона — богатство* нужно понимать здесь в собственном, обыкновенном значении, а не в переносном.

Выражения *неправда* и противоположное *правда*, встречающиеся весьма часто в Священном Писании, подобно тому, как и название богатства, употребляются в различном смысле. *Неправдою* называется все то, что противно святости и воле Божией, что нарушает законы правды или отступает от ее требований. Отсюда *неправдою* называется вообще всякий *грех и беззаконие*, или *нечестие* (1 Ин. 3:4; 5:17; Лк. 13:27; ср. Мф. 7:23; Рим. 1:18 и мн. др.), а в частности — *нарушение правосудия* (Пс. 81:2; Лк. 18:6), *справедливости* (Рим. 3:5; 9:14), *верности* (Лк. 16: 8, 10) и т.п. Под *неправдою* (ἀδικία) разумеется все ложное, пустое, суетное, ничтожное и временное, все, что не составляет *истины*, которая *одна пребывает и возмогает во век и живет и обладает во век века* (2 Ездр. 4:38). *Неправду* (ἀδικία) составляет, наконец, по учению слова Божия, все земное и чувственное, все, что составляет принадлежность *ветхого человека, тлеющаго в похотех прелестных* (Еф. 4: 22–24), и что не свойственно человеку обновленному, *служителю Нового Завета, не письмени, но духа* (2 Кор. 3: 6–9), члену благодатного *Царства Божия*, которое *несть брашно и питие* (βρῶσις καὶ πόσις), но *правда* (δικαιοσύνη) *и мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14:17; ср. 2 Ездр. 4: 37–38; 2 Пет. 3:13; 1 Ин. 2:29; 3:10; Флп. 4: 6, 8; 1 Тим. 6: 9–11; 2 Тим. 2: 19, 28; Тит. 2:12).

Богатство в рассматриваемой нами притче называется *неправедным*, или (как объясняют исследователи по свойствам еврейского образа речи) богатством *неправды* (μαμωνᾶ τῆς ἀδικίας, mamona iniquitatis), потому что таким именем назван представленный в притче приставник (οἰκονόμος τῆς ἀδικίας, dispensator iniquitatis) и что речь Спасителя ближайшим образом обращена была к мытарям, грешникам и фарисеям, людям неправедным,

обладавшим богатствами, собранными неправдою. Но и независимо от этих частных обстоятельств, богатство может быть названо неправедным:

1. *По способу приобретения*, потому что оно весьма часто приобретается неправедными или по крайней мере не вполне справедливыми, чистыми и безукоризненными средствами — обманом, коварством, хищением, присвоением чужой собственности, неправедным ростом (Пс. 14:5), несправедливыми договорами, нечистыми связями и многими другими подобными способами, которые нередко употребляются при собрании богатства, если не самими обладателями его, то родителями и предками. Иногда сын или наследник богача сам не может знать, каким образом приобретено богатство, которым обладает он, всегда ли и во всем собиратели его были совершенно безукоризненны пред своею совестью и пред судом Божиим, и если никогда не употребляли неправды при собирании его, то всегда ли руководились одною строгою правдою. «Хорошо сказано: богатство неправды, — замечает блаженный Иероним, — потому что все богатства от неправды происходят, и если бы один не потерял, другой не мог бы найти. Почему мне кажется весьма верным общеизвестное изречение: богатый или сам неправеден, или наследник неправедного».

2. Богатство может быть названо *неправедным* и по самой *цели* приобретения, и *по способу употребления* его. Оно, как и всякий Божий дар, дается нам от Бога для того, чтобы мы употребляли его на добрые дела, во славу Божию, на пользу ближних и во спасение своей души. «Богатство дается нам от Бога, — говорит блаженный Феофилакт, — для того, чтобы мы употребляли его во благо, так, как Он повелевает. Если же мы не употребляем его по воле Божией и злоупотребляем им в свою пользу, то делаемся виновными; ибо воля Божия требует, чтобы мы употребляли вверенное нам богатство на пользу ближних, а не в свое удовольствие... «Богатство называется неправедным, — говорит Евфимий Зигабен, — потому что неправдою собирается и потому что избыток его не разделяется бедным».

3. *Неправедным* может быть названо богатство и потому еще, что нередко бывает *соблазном* для нас, *поводом к неправде* в разных отношениях — удаляет нас *от правого пути Господня* (Деян. 13:10; 2 Пет. 2:15) и делает виновными пред *верным и праведным Судиею* (1 Ин. 1:9; 2 Тим. 4:8). «Прекрасно названо богатство неправедною мамоною, — замечает святой Амвросий Медиоланский, — потому что любостяжание склоняет нас различными соблазнами, чтобы мы служили ему».

4. *Неправедным*, наконец, может быть названо внешнее богатство и потому, что оно *суетно, непрочно, обманчиво*, что оно удовлетворяет только чувственным потребностям человека, но не доставляет никакого удовлетворения существенным духовным его требованиям, почему и самый *богатый* человек может быть и *жалок, и беден, и нищ... и наг* (Откр. 3:17). *Богат-*

ство неправедно — это тоже, что *брашно гиблющее* (погибающее ἀπολλυμένην, Ин. 6:27), *сокровище*, которое *червь и тля тлит, и татие подкапывают и крадут* (Мф. 6:19), или, как говорит апостол Павел, *богатство погибающее* (ненадежное, неизвестное, 1 Тим. 6:17). Блаженный Августин, сказав, что выражение *мамона неправды* значит богатство, приобретенное неправедными средствами, говорит далее: «Есть и другое объяснение — *мамона неправды* значит вообще богатство мира, какое бы то ни было».

Итак, богатство называется *неправедным*, или *неправдою*, потому что нередко (как у мытарей и фарисеев) приобретается неправедными средствами, не для праведных и святых целей, а для временных, чувственных наслаждений, употребляется только на одни эти наслаждения, служит поводом ко греху и вообще питает только одно тело, вместе с которым истлевает на земле, ничего не доставляя для нашей духовной, истинной и вечной жизни. Это последнее объяснение может быть принято преимущественно пред другими, потому что имеет в виду все роды земного богатства (как бы ни было оно приобретено) и более других соответствует дальнейшим словам Спасителя.

Приставник *мудро поступил*, когда часть вверенного ему имущества передал своим ближним для того, чтобы вместе с дружбою приобрести у них приют себе по удалении от своего приставничества. Так по заповеди Господа должны поступать и мы! Имущество свое, которое Господь, верховный Владыка всего, дает нам как Своим приставникам и которое нередко в руках наших становится богатством неправды, мы должны употреблять на приобретение *друзей себе*. Но мы должны приобретать себе таких друзей, которые при нашем *оскудении* могли бы *принять нас в вечные кровы*. *Сотворите себе други от мамоны неправды*, заповедует Господь, *да егда оскудеете, приимут вы в вечные кровы* (ст. 9). *Оскудеете*, то есть окончите свою жизнь, умрете и вместе с тем лишитесь всякой возможности пользоваться земными богатствами.

Вечные кровы (αἰώνιαι σκηναί) — это те обители, которые уготованы на небесах любящим Господа (Ин. 14:2), *лоно Авраамово*, на котором находился блаженный Лазарь (Лк. 16: 22–23), *Царство Небесное, уготованное от сложения мира*, в котором вместе *с Авраамом, Исааком и Иаковом возлягут все праведники и наследят живот вечный* (Мф. 8:11; 19:30; 25:34).

Кто же те *друзья*, которые сами обитают и могут другим давать приют не в бренных земных жилищах, а в нерукотворенных и вечных обителях на небесах (Деян. 17:24; 2 Кор. 5:1), и каким образом мы можем соделать их своими друзьями? По общему мнению толкователей Писания, совершенно согласному с учением слова Божия, под именем друзей разумеются здесь те, которых Сам Господь удостаивает названия Своих *меньших братьев* (Мф. 25:40), — бедные земными благами и *богатые верою* (Иак. 2:5). Их

избрал Бог наследниками Своего Небесного Царства, им Он дал его как бы в собственность (Мф. 5:2:10), в награду за их лишения и скорби, каким они, при живой вере и любви к Богу, подвергаются в жизни. Уделяя им от избытков своего имущества на необходимые их житейские нужды и помогая им таким или другим способом в их подвигах богоугождения, мы делаем их чрез это своими друзьями; а они в вознаграждение за наше участие к ним могут ввести нас с собою в уготованное для них вечное Царство. «Кто имеет вечные кровы, как не святые Божии? — говорит блаженный Августин. — И кто может быть принят ими в вечные кровы, как не те, которые помогают и охотно служат им в их нуждах?»

Не все бедные — наследники Царства Небесного, не все они и сами войдут в него; да и те, которые войдут, не могут принимать в него других, сродников и друзей своих по непосредственной своей силе и власти. Но они могут возносить за нас молитвы к Богу: Господь по Своей благости усвояет Самому Себе те благодеяния, которые оказываются меньшим Его братьям, и Он-то примет в вечные кровы тех, которые употребляют свое богатство на благотворение ближним. После этого если в числе требующих помощи будут люди и недостойные Царства Небесного, которые не только не могут принять своих благодетелей в вечные кровы, но не будут и молиться за них, — благодеяние от того не потеряет своего достоинства и не лишится заслуженной награды, потому что оно принимается Самим Богом. И притом, как узнать, кто может ходатайствовать за нас пред Богом и кто не может?

Надобно помнить при этом, что дела благотворительности тогда только могут быть спасительными, когда они соединяются с другими добрыми делами, с верою, любовью и покаянием.

Тем менее можно ожидать спасительных плодов от милостыни в том случае, когда приносят ее от имущества, приобретенного неправдою, не думая о покаянии и исправлении, когда подражают неправедному приставнику не только в употреблении имущества, но и в способе приобретения его неправдою, в том или другом роде. По свидетельству блаженного Августина, еще в его время были люди, которые, ложно понимая притчу о неправедном приставнике, похищали чужое и, из похищенного уделяя несколько бедным, думали, что они поступают по заповеди Господа. Они говорили, что выражение *сотворите себе други от мамоны неправды* значит именно приобретать себе имущество неправдою и уделять из него нечто нуждающимся. Такое мнение, скажем вместе с блаженным Августином, должно быть совершенно отвергнуто как оскорбительное для святости и правосудия Божия. И по нашим понятиям нельзя одобрить того человека, который бы одною рукою подавал, а другою брал. Господь не принимает и такого дара, который приносится ему прежде примирения с ближним, когда *брат наш имать нечто на нас* (Мф. 5: 23–24); так можно ли, не оскорб-

ляя Его величия и святости, думать, что Ему приятна будет жертва, приносимая от имущества, приобретенного с явною обидою ближнему – неправдою, обманом, хищением, насилием, убийством и т.п., будь то милостыня *меньшим Его братьям*, или свеча, поставленная пред святою Его иконою, или другой какой-нибудь, более или менее значительный дар, принесенный пред Его алтарь? Если Анания и Сапфира, по свидетельству книги Деяний Апостольских, подверглись такой строгой казни за то одно, что посвящая свое имущество Богу, утаили некоторую часть цены его (Деян. 5: 1–11); то чего может ожидать себе тот, кто похищает чужое и только часть его посвящает Богу, оскорбляя Его самым посвящением (*кое бо причастие правде к беззаконию или кое общение свету ко тме* – 2 Кор. 6: 14-15)? По Божеским и человеческим законам для оправдания человека, сделавшего неправду, необходимо совершенное исправление сделанной неправды по примеру Закхея, который говорил Господу: *Се пол-имения моего дам нищим: и аще кого чим обидех, возвращу четверицею* (Лк. 19:8; ср. Исх. 22: 1–5; 2. Цар. 12:6). Если похищенного нельзя возвратить по принадлежности (по случаю смерти или неизвестности владельца), то с глубоким раскаянием нужно употребить его на дела богоугодные. «Доколе, так или иначе, не возвратится похищенное, дотоле и не отпустится грех».

Не можем не привести здесь прекрасного рассуждения святого Иоанна Златоуста из его толкования на повествование евангелиста Матфея о покупке иудейскими архиереями *села скудельнича в погребание странным*, на деньги, возвращенные Иудою предателем (Мф. 27: 3–10). «Внимайте вы, – говорит святой отец, – которые убийствами думаете благотворить ближним и принимаете на себя цену душ человеческих. Это милостыни иудейские, или, лучше сказать, сатанинские! Есть, подлинно есть, и ныне такие, которые, ограбив весьма многих, считают себя совершенно правыми, если бросят (нищим) десять или сто златниц. О сих-то пророк говорит: *И сия яже ненанавидех, твористе: покрываете слезами алтаръ Господенъ* (Мал. 2:13). Не хочет Христос питаться плодами любостяжания, не приемлет сей пищи. Зачем ты оскорбляешь Владыку, принося ему нечистое? Лучше презреть томимого гладом, нежели кормить такою пищею. То дело немилостивого, а сие и немилостивого, и обидчика. Лучше ничего не давать, нежели давать чужое. Скажи мне, если бы ты увидел одного нагого, а другого в одежде и, раздев последнего, одел первого, то не правда ли, что поступил бы неправо? Если же, отдавая и все взятое у другого, ты обижаешь только, а не милуешь, то тогда, когда из похищенного лишь малейшую часть даешь и называешь это милостынею, какого не заслуживаешь наказания? Если приносившие хромое животное подвергались суду, то ты, делая хуже, какого можешь ожидать прощения? В Ветхом Завете хищник, возвращавший самому владельцу похищенное, все еще не прав был и даже

тогда едва смывал свою вину, когда вчетверо уплачивал против похищенного. Подумай же, какой огонь собирает на главу свою тот, кто не только похищает, но делает еще насилие и не возвращает ограбленному, а вместо его отдает другому, и не только вчетверо, но и половины не возвращает, живя притом не в Ветхом, а в Новом Завете. Он собирает себе тягчайший гнев, если не покается. Думаете ли вы, говорил Спаситель, что только те одни грешники, на которых упал столп? *Ни, глаголю вам: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лк. 13:3). Итак, покаемся, — заключает святой отец, — и дадим милостыню не из прибытков любостяжания».

Таким образом, притча о неправедном приставнике ни в каком случае не может служить оправданием для любящих неправду. В ней не неправде учит нас Господь, в Котором Самом *нет* никакой *неправды* (Ин. 7:18), а тому только, чтобы мы, не подражая неправедности приставника, подражали, в отношении к нашей духовной жизни, житейской его мудрости (ст. 8); чтобы, не обращая даров Божиих в неправду, из самой неправды извлекали правду, *от недостойного изводили честное* (Иер. 15:19), чтобы употребляли свое имущество, *поелику кто имать* (2 Кор. 8:12), согласно с волею Верховного Владыки, на приобретение себе не временных, земных, а вечных, небесных кровов и таким образом чрез праведное исполнение своих обязанностей в отношении к временным, малоценным вещам показали себя верными приставниками Господа, достойными Его высших милостей (Мф. 25: 15–30; Лк. 19: 12–26). Поэтому-то Господь и говорит далее: *Верный в мале и во мнозе верен есть, а неправедный в мале и во мнозе неправеден есть* (ст. 10).

Верный — тот, кто честно и правильно, согласно с волею высшего Распорядителя, исполняет возложенную на него обязанность — качество, необходимо требующееся от всякого приставника (1 Кор. 4:2; ср. Лк. 12: 42–46; Тит. 1: 7–9). Обыкновенно приставники испытываются сначала в поручениях *малых* по значению и кругу деятельности, и, если они окажутся при этом испытании способными, верными, тогда поручают им дела более обширные и важные. Правда, не всегда можно безошибочно заключить от малого к большему; в большем больше соблазна, чем в малом, и потому-то случается иногда, что люди, которые в маловажных делах были верными, в делах более значительных оказываются неверными. Но по большей части бывает так, что кто оказывает себя *верным в малом*, тот верен бывает и в большом, во многом; по крайней мере такому человеку можно с большею доверенностью поручить более важные дела, чем тому, кто и в малых делах оказывается *неправедным*, то есть *неверным* (Мф. 24: 45-51; 25: 21–30; Лк. 19: 16–26). Такой человек, можно безусловно сказать, и в более важных делах не будет верен. Если и пустые, незначительные вещи соблазняют его, то можно ли положиться на него в обстоятельствах более важных? И можно ли награждать того высшею доверенностью, кто

заслужил не награду, а наказание? Кто награждает за неспособность и злоупотребления, доказанные на опыте? Вот почему Господь и внушает Своим последователям, чтобы они благоразумно и праведно пользовались своим *богатством неправды* – употребляли его именно на дела благотворительности, потому что правильное пользование им служит для нас залогом на получение *богатства истинного.*

Аще убо в неправеднем имении (ἐν τῷ ἀδίκῳ μαμωνᾷ) *верни не бысте, во истиннем кто вам веру имать* (τὸ ἀληθινὸν (то есть μαμωνᾶν) τίς ὑμῖν πιστεύσει; (2)? *И аще в чужем* (ἐν τῷ ἀλλοτρίῳ то есть μαμωνᾷ) *верни не бысте, ваше кто вам даст* (τὸ ὑμέτερον τίς ὑμῖν δώσει; ст. 12)? Под именем *неправедного* и *чужого* имения или богатства, очевидно, разумеется здесь то же самое, что выше, в 9 стихе, называется *богатством неправды,* то есть внешние, чувственные предметы, *богатство мира сего* (1 Ин. 3:17). Оно называется *неправедным,* как можно видеть из противоположения его *богатству истинному,* в том смысле, что оно *не истинно, ложно* (ψευδής), и называется так, без сомнения, потому, что оно чувственно, обманчиво, временно и тленно, не имеет настоящей цены для высокого и бессмертного существа человеческого, *созданного по Богу, в правде и преподобии истины* (Еф. 4:21), а обольщает людей только ложным блеском. Следовательно, название богатства *неправедным* или неистинным значит в настоящем месте то же, что *суетное, ничтожное.*

Чужим может быть названо видимое, внешнее богатство, потому что оно чуждо нашей разумной, духовной природе, принадлежит более миру, нежели человеку; почему человек как при рождении ничего не имеет при себе, так и при смерти ничего не уносит с собою, оставляя все миру. *Чужим* может быть названо всякое богатство и потому, во-вторых, что оно принадлежит собственно одному Богу, верховному Владыке всего, а мы пользуемся им только как приставники. Все, что бы не имели мы, все это, в собственном смысле, не наше, а Божие; потому что Богом сотворено, Им сохраняется и от Него подается нам. *Что имаши, егоже неси приял?* – говорит апостол Павел (1 Кор. 4:7). *Господня земля и все наполняющее ее, вселенная и все, живущие на ней,* говорит псалмопевец (Пс. 23:1). «Скажи мне, – спрашивает святой Василий Великий, – что у тебя собственного? Откуда ты взял и принес с собою жизнь?» И, показав затем, что имущество дается нам Богом, и для того именно, чтобы мы «могли получить мзду» за доброту и верное домостроительство, – святой отец говорит далее: «Алчущему принадлежит хлеб, который ты у себя удерживаешь; обнаженному – одежда, которую хранишь ты в своих кладовых; необутому – обувь, которая гниет у тебя; нуждающемуся – серебро, которое зарыто у тебя. Поэтому всем тем делаешь ты обиду, кого мог бы снабдить». «Ты только распорядитель своего имущества, – говорит святой Иоанн Златоуст, – точно так же, как служитель Церкви, распоряжающийся ее стяжанием. Как последний

не имеет власти расточать сокровищ, даруемых в пользу бедных, по своей воле и без разбора; так и ты не можешь расточать своих сокровищ по своей воле. Хотя ты получил родительское наследство и, таким образом, все имущество, казалось бы, твоя собственность; однако помни, что все это принадлежит Богу... Он для того тебе и вверил богатство, чтобы ты давал другим пищу *в надлежащее время* (Мф. 24:45)... Оно принадлежит бедным, а тебе только вверено, хотя бы это было наследство отцовское, хотя бы оно приобретено было собственными трудами... Тебе все это дал Бог заимообразно для того, чтобы данное ты мог употребить с пользою... Бог дал тебе богатство с тем, чтобы ты купил им небо».

Если под именем *неправедного* и *чужого* богатства разумеется богатство чувственное, временное и суетное, чуждое человеку и по природе, и по праву обладания; то под именем *истинного* и *нашего* богатства должно разуметь, в противоположность первому, богатство духовное, существенно необходимое для человека, всегда пребывающее с ним. Богатство это такого рода, однако, что как оно ни сродно человеку, оно не находится в его собственном распоряжении, а дается ему другими (*кто вам веру имет? кто вам даст?*). Само собою очевидно, что здесь ни в каком отношении нельзя разуметь богатства внешнего — *неправедного и чужого.* Нельзя разуметь, вместе с блаженным Иеронимом и некоторыми другими толкователями Писания, и тех особенных даров Божиих, которые сообщены были апостолам и сообщаются другим избранным членам Церкви, каковы: преподавание закона, наставления народа, совершение общественного Богослужения, попечение о вере, распространение ее и т.п. Все это — не общие, существенно необходимые для каждого и вечные дары, а особенные, которые даются только некоторым лицам на известное время (1 Кор. 13: 8–9; 15:24; Еф. 2:15; Евр. 7:12) и не всегда зависят от нравственного достоинства лиц приемлющих (Мф. 7: 21–23; Деян. 19: 15–16 и др.). *Истинным нашим богатством,* по всей справедливости, может быть названо богатство правды: а) призвание нас к оправданию и соединению с Богом (Ин. 14: 17, 23; 17:21; 1 Пет. 2:9); *благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога Отца, общение Духа Святого* (2 Кор. 13:13) и те *Божественные силы,* которые подаются нам от Бога *к животу и благочестию* (2 Пет. 1:3); б) все добрые дела наши и плоды духовной жизни: *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5:22; Флп. 1:11; Кол. 3:12; 1 Тим. 6:11; 2 Тим. 2:22) и, наконец, в) *вход в вечное Царство Господа нашего Иисуса Христа и те честные* (драгоценные) *и великие обетования* (2 Пет. 1: 4, 11), *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2:9). Богатство это *наше* — не потому, что оно принадлежит нам, но потому, что оно в высшей степени сродно нашей природе и совершенно необходимо для нее.

Так понимают истинное наше богатство и отцы и учители Церкви. «Богатства (внешние) чужды нам, — говорит святой Амвросий, — Христос же наш, потому что Он есть жизнь». По мнению Василия Великого, «и добродетели можно считать нашим достоянием потому, что они, будучи тесно соединены с нашею природою, не оставляют нас и утружденных на земле, если только мы сами насильно не отгоним их введением худшего, и предваряют нас на небесах, вчиняют стяжавшего их с ангелами и вечно сияют пред очами Творца». Блаженный Августин разумеет здесь вообще духовные и небесные богатства. В другом месте тот же учитель Церкви говорит, что наши богатства там, где наш вечный дом, на небе. Блаженный Феофилакт говорит: «*Наше* составляют небесные и Божественные блага; там (то есть на небе) наша собственность, потому что человек сотворен по образу Божию. А деньги и имущества чужды, потому что в них нет ничего подобного ему. Наше достояние (составляют) пользование Божественными благами и причастие Богу». Евфимий Зигабен истинным нашим богатством называет небесные богатства Царства Божия, которые вечно пребывают у того, кто приобрел их.

Но кто не верен в малом, тот не может получить и большего. Если мы не будем верны во внешнем богатстве, которое так ничтожно, так мало имеет отношения к нашему духовно-разумному и бессмертному существу, что мы по одному этому уже не должны были бы соблазняться и злоупотреблять им, то кто поверит нам необходимое для нас *истинное* и многоценное богатство? Кто нам сообщит его? Если мы не будем верны в том, что чуждо нам по самой природе, что принадлежит не нам, а Богу и ближним, и что, следовательно, по праву чужой собственности должно было бы оставаться в руках наших совершенно чистым от всяких злоупотреблений, — кто даст нам *наше*? Один Бог только может сообщить нам *истинное наше* богатство; но Он не даст нам его не потому, чтобы опасно было, что мы и там, во *мнозе*, будем *неправедны* (ст. 19) — неправедные и не войдут в Царство Божие (1 Кор. 6:9), но потому, что мы недостойны его. Истинное, небесное богатство дается тем, которые обладают земным богатством, только тогда, когда они бывают верны в отношении к своему настоящему богатству, когда они, по объяснению святого Киприана, «бывают милостивыми и плодоносными», употребляют свое имущество, сообразно с волею Господа, не на свои собственные удовольствия, тем менее на удовольствия порочные, но на пользу ближних и во славу Божию; не зарывают даров Божиих в землю, подобно тому *лукавому и ленивому рабу*, о котором говорится в Евангелии (Мф. 25: 24–25), не заключают их *в свои житницы* для того, чтобы самим только с друзьями своими *ести, пити и веселитися* (Лк. 12: 18–19; 16:19), но разделяют их со своими меньшими братьями, отдают их *торжникам* — своим ближним, чтобы доставить им более средств

к угождению Богу и вместе с ними, совокупными силами, умножить плоды даров Божиих. Только при этом условии и можно богатому земными благами получить богатство истинное, небесное (Мф. 19: 16, 21).

А чтобы быть *верными строителями* Господа *и не лишиться мзды своей* (Мф. 6:1; 10:42; Лк. 6:35), для этого необходимо быть совершенно свободными от всякого пристрастия к земному богатству. Так никто не может *работать и Богу и мамоне* (то есть богатству) (ст. 13), потому что «Бог и мамона – два господина различного свойства и дают противоположные приказания». «Не говори, что служение Богу и мамоне может быть соединено вместе, – говорит святой Иоанн Златоуст в толковании на Евангелие Матфея. – Ибо, когда мамона повелевает похищать чужое, а Бог повелевает отдавать и собственное имущество; когда Бог повелевает вести жизнь целомудренную, а мамона жить блудно; когда мамона повелевает упиваться и пресыщаться, а Бог, напротив, обуздывать чрево; когда Бог повелевает презирать настоящие мирские блага, а мамона прилепляться к оным; как же после сего ты говоришь, что служение Богу и мамоне может быть соединено вместе?» Кто хочет служить *и Богу и мамоне,* тот по необходимости, или, любя Бога и посвящая на угождение Ему все свои силы, будет пренебрегать житейскими своими выгодами или, прилепившись к богатству, вознерадит о своих обязанностях в отношении к Богу, будет более *собирать себе,* нежели *богатеть в Бога* (Мф. 13:22; Лк. 12:1; 21:16, 25; ср. Флп. 3: 7–8; Кол. 3: 1–2).

Нравственно-филологическое изъяснение текста притчи о неправедном приставнике (Лк. 16: 9–13)

«Христианское чтение», 1826

И Аз вам глаголю: сотворите себе други от мамоны неправды, да егда оскудеете, приимут вы в вечныя кровы (ст. 9). Кто суть те благодетельные други, коих сердца мы должны привлекать к себе? Из притчи видно, что сии други суть вообще те, которые имеют нужду в нашей помощи (ст. 5–7), и нужду такую, что, принимая от других милость, никак не могут оставаться хладнокровными и неблагодарными к своим благодетелям. Это те несчастные ближние наши, которые по все дни и алчут, и жаждут, не имеют нужной одежды, ни надежного крова, словом, это нищие. Об них всегда заботился Господь наш, хотя и Сам не имел, где главу подклонить. Их бедственную участь повелевает Он облегчать от мамоны неправды.

Сотворите себе други от мамоны неправды. Слово *мамона* на сирийском языке значит богатство или вообще все то, что составляет имущество человека; ибо в том же месте (ст. 11) *мамона* называется *имением.* Выражение *богатство неправды,* по свойству еврейского языка, значит то же, что бо-

гатство неправедное. Основываясь на простом и обыкновенном значении сих слов, можно разуметь здесь богатство, неправедно приобретенное. Самая притча, по-видимому, приготовляет нас к тому же понятию. Впрочем, мы не можем согласиться на то, чтобы Иисус Христос говорил здесь о богатстве неправедно приобретенном. Предположим, что смысл Его изречения такой: неправильным образом приобретшие богатство должны по крайней мере сделать правильное из него употребление. Но иудеи, к которым первоначально были направлены слова сии, знали из закона, что чужое имущество должно возвратить законному их владетелю (Исх. 22:3), а благотворить только от имения, честными трудами приобретенного. И Господь наш не только не хотел уничтожать столь благодетельного закона, но еще утверждал его, одобрив поступок Закхея, который обещал обиженным воздать четверицею и от собственного имущества отдать половину бедным (Лк. 19: 8–9). Несообразно и с понятием о Боге, чтобы Он мог требовать от людей такой Себе жертвы. Он свят и потому любит и одобряет только святое и ненавидит все нечистое, неправедное. Он знает все сокровенные движения сердца человеческого, и потому та только добродетель Ему приятна, которая происходит от чистого сердца и основана на побуждениях, сообразных с законом. Что же будет значить в глазах Его благотворительность от неправедно приобретенного богатства? Не значит ли это одною рукою грабить, чтобы другою уделить ближнему часть от неправедной добычи, — на бедствии одного созидать счастье другого? И стоит ли это той вечной награды, которая обещается в словах Господа? Он дарит не Свое, а чужое; дарит, может быть, тем самых бедным, которых корыстолюбием свел до бедности. Ибо всякое приобретение, превышающее необходимые наши потребности, есть похищение собственности у тех, которые лишены необходимого.

Итак, что мы должны разуметь под словами *мамона* или *богатство неправды*? Слово *неправедный* (ἄδικος), употребленное в подлинном греческом тексте, имеет обширное значение, которое определяется смотря по тому, к лицу ли прилагается, или к неодушевленной вещи. Если прилагается к существу разумному, например, человеку, то выражает свойство испорченного сердца, злоупотребляющего своею свободою и избирающего ложь вместо истины, неправду вместо добродетели. В сем смысле приставник, упоминаемый в притче, называется неправедным; потому что он располагал имуществом господина своего не так, как должен располагать им эконом честный, помнящий свою обязанность. Вообще неправедным человеком называется тот, кто не исполняет своих обязанностей к Богу и ближним. Если же слово *неправедный* прилагается к вещи неодушевленной, как например, к богатству или вещам, оное составляющим, то выражает такое свойство вещи, по которому она бывает не такова сама по себе, каковою нам представляется.

Посему богатство неправедное есть то же, что богатство обманчивое, тленное, не соответствующее своему имени и тем надеждам, какие полагает в нем человек естественный, не могущий проникать в истинное свойство вещей.

Чтобы увериться, точно ли Иисус Христос соединял со Своими словами такое, а не другое понятие, вникнем в связь Его речи. В 11 стихе слово *неправедный* (ἄδικος) противополагается слову *истинный* (ἀληθινός): *аще в неправеднем имении верни не бысте: во истиннем кто вам веру имет?* Следственно, неправедное имение есть имение неистинное, ложное; потому что оно есть чужое: *аще в чужем верни не бысте, ваше кто вам даст?* (ст. 12) Как бы так было сказано: Бог даровал вам земные сокровища для того, чтобы вы, как верные Его приставники, располагали оными сообразно с волею Господина — Владыки всех сокровищ; что же делает тот, кто употребляет их только для своей роскоши и сладострастия? Посмотрите, как хитры сыны века сего. Приставник, не имеющий совсем честности, расточает имение господина своего не на балы, не на одежды, не на увеселения, но для приобретения себе друзей, дабы, пришедши в немилость у господина, не лишиться дневного пропитания. И Я вам говорю: если хотите быть Моими учениками и заслужить доверенность в большем — сотворите себе други от тленных сокровищ, *продадите имения ваша и дадите милостыню, сотворите влагалища неветшающа, сокровище неоскудеемо на небесех, идеже тать не приближается, ни моль растлевает* (Лк. 12:33). Такое распоряжение богатством будет сообразно с волею Давшего вам оное. Если же вы и сего малого поручения не можете исполнить с надлежащею точностью и верностью; если же не умеете тленным добром пользоваться, как должно: кто же поверит вам богатство истинное, нетленное?

Далее Господь говорит: *не можете Богу работати и мамоне* (ст. 13). В сих словах заключается новое доказательство того, что *мамона неправды* не означает богатства, неправедно приобретенного, но значит богатство ложное, обманчивое, недостойное того, чтобы мы к нему прилеплялись. Здесь ничего не говорится о способе приобретения, но показывается только невозможность совместить привязанность к богатству (как бы оно ни было приобретено) с истинным служением Богу. Из сего видно, с какой стороны смотрит Иисус Христос на богатство во всем отделении и какая цель Его притчи о неправедном приставнике. Он имеет в виду не известный какой-нибудь род богатства, а всякое вообще; а потому цель как притчи, так и нравственного в ней приложения есть та, чтобы внушить Своим последователям, что желающий быть Его учеником и служителем Богу истинному должен все мысли свои устремлять туда, где есть истинное Его сокровище, предмет всякого почитания и любви, то есть на небо; должен во всех вещах поступать, как прилично верному рабу Божию, и, если те-

чет богатство, не привязывать к нему своего сердца, но употреблять оное как средство к достижению богатства истинного, небесного.

Могут, конечно, возразить против сего: почему же в самой притче, из которой извлечены упомянутые слова, нет такого понятия, которое приготовило бы нас к уразумению нравственного правила о ложном богатстве; напротив, вся притча ведет нас к понятию о богатстве, неправедно приобретенном? Действительно, пример приставника может служить основанием для такого возражения. Но если внимательнее рассмотрим его, то увидим, что пример сей не только не опровергает, но еще подтверждает избранное нами значение. Приставник называется неправедным потому, что не был таков, каким бы ему надлежало быть сообразно желанию и надежде господина и качеству возложенной на него должности. И богатство называется неправедным потому, что не таково само по себе, каким хотел бы видеть его человек корыстолюбивый. Господин, вверивший свои сокровища эконому, не мог ли надеяться, что его имение будет цело? Но он обманулся в своей надежде. Он не мог и приметить, что его сокровища расхищены. Вот первый признак непостоянства благ земных! Почему эконом заботился о приобретении себе друзей? Он знал, что его счастье может перемениться. Вот второй признак суетности земного благополучия! Итак, самая притча ведет меня к понятию о ложном, тленном богатстве.

В следующих словах: *да егда оскудеете, приимут вы в вечныя кровы* — представляется плод истинной благотворительности и время, когда благотворитель может наслаждаться оным. Погрешительно было бы толкование, если бы мы, приняв за образец неправедного приставника, который заботился о пристанище временном, стали изъяснять вечные кровы об убежище в сей жизни. Таковое значение было бы без всякого основания; ибо в Новом Завете нет ни одного места, где выражение *вечный кров* означало бы временное убежище. Оно несообразно и с духом учения Христова; ибо тогда Иисус Христос внушал бы благотворительность, основанную на побуждениях корысти. Но христианская благотворительность требует, чтобы мы давали бедным, ничего обратно от них не ожидая. Это есть правило Иисуса Христа, которое Он внушает нам повсюду, повелевая ожидать награды в будущей жизни за добродетель. То же правило повторяет Он и в настоящем месте.

В притче представляется пример, как сын века сего употреблял вверенные ему сокровища, дабы из сего примера сыны света извлекали для себя правило жизни. Заключение оной — *сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть* — ясно открывает, чего желает Учитель от Своих последователей. Он желает, чтобы сыны света были мудрее сынов века; посему присовокупляет: *и Аз вам глаголю: сотворите себе други от мамоны неправды, да егда оскудеете, приимут вы в вечныя кровы.* Итак, что здесь должно быть общее у сынов света с сынами века сего и чем должны первые превосходить

последних? Сын века сего употреблял сокровища для приготовления себе счастья в будущее время; и сыны света должны употреблять их как средство для приобретения благ будущих; тот искал благосклонности у бедных, и сии должны искать благосклонности также у бедных. Вот что у них должно быть общее! Но тот старался уготовать себе пристанище будущее в сей жизни, а сии должны уготовлять себе кров вечный в будущей жизни. Вот чем сыны света должны доказать, что они мудрее сынов века сего! И поелику им повелевается ожидать награды за благотворительность от одного Бога в будущей жизни; то из сего явствует, что добродетель, которой Иисус Христос требует от учеников Своих, чужда всякой корысти и основывается только на побуждениях веры. Итак, вечные кровы, в словах Иисуса Христа, означают Царствие Божие, обители Отца Небесного, в которых избранные Его будут вечно наслаждаться покоем и радостью.

Что же могут сделать нищие, облагодетельствованные нами? Как они приимут нас в вечные кровы, когда ключ Давидов находится в руках вечного Царя, Сына Давидова, и никто не отверзет, если Он затворит? Если ты благотворишь по чистым и святым побуждениям веры и любви; если знаешь, сколько сильны бывают те благословения, которые призывает на тебя бедный от полноты благодарного чувства, и те молитвы, в которых он и явно и тайно умоляет Иисуса Христа заплатить тебе долг свой; если веришь, что Всеведущий видит искренность любви твоей к ближним и не может забыть ни одного случая, когда ты облегчал тяжкую участь брата, то для тебя не нужно больше доказательств, могут ли нищие уготовать тебе место в обителях блаженной вечности. Та же вера, которая побуждает тебя к милосердию, объяснит и то, что говорит Учитель милосердия.

Впрочем, и для разума нет здесь основательной причины сомневаться и прибегать к произвольным догадкам. В языке священном часто приписывается какому-нибудь лицу или вещи такое действие, к произведению которого они или служат только поводом (см. Мф. 16: 34–35), или несколько со своей стороны способствуют (Ин. 12:48; 2 Кор. 4:4; Деян. 13:46), или, наконец, соглашаются на справедливость дела, совершаемого другим (1 Кор. 6:2). Но каким образом нищие могут способствовать к принятию нас в Царствие Божие, это для всякого понятно. В настоящей жизни они доставляют нам удобнейший случай упражнять свою веру и укореняться в любви, — случай доказать нашу покорность Иисусу Христу, Который, действуя Сам чрез все продолжения земной жизни, не просил у людей помощи для Себя, но, дав им разуметь, что всегда будет бедствовать в лице меньших братий Своих, убеждал не оставлять сих несчастных, подобно Ему, лишенных на земле всех удовольствий. В будущей жизни пред Судиею мира, оправдывающим токмо веру и венчающим любовь, нищие, облагодетельствованные нами, будут живым свидетельством нашей веры и любви. В сем-то состоит succes

шествование их к нашему блаженству. Время, когда благотворительность должна получить обещанную награду, определяется словами: *егда оскудеете.*

Первая мысль, рождающаяся при чтении сих слов, есть такая: когда сами обнищаете, подобно приставнику, у которого отнято строение дома (ст. 3). Но какая здесь разумеется скудость? Те, которые не хотят согласиться, чтобы в нравственном приложении заключалось более понятий, нежели сколько находится их в притче, разумеют здесь лишение богатства по каким-нибудь непредвиденным случаям, зависящим от перемены обстоятельств. В некоторых отношениях сие справедливо; ибо слова приставника *егда отставлен буду от строения дому* поставлены в соответствии со словами *егда оскудеете.* Следственно, те и другие слова по значению своему должны быть сходны; приставник, отставленный от своей должности, лишился прежнего счастья, и христианину-благотворителю угрожает скудость. Но сим вопрос еще не разрешается. Рассмотрим упомянутые слова в связи с целою мыслью, и тогда откроется, о каком оскудении говорит Иисус Христос нам. В притче сказано: *да егда отставлен буду от строения дому, приимут мя в домы своя;* в нравственном приложении: *да егда оскудеете, приимут вы в вечныя кровы.* Здесь временному убежищу, которого искал приставник, противополагаются вечные кровы, которых мы должны надеяться. Следственно, смысл нравственного приложения нельзя строго ограничивать смыслом притчи. Если оно имеет смысл высокий, то и в словах *егда оскудеете* надобно искать значения обширнейшего.

Богатый, кто бы он ни был, по учению Иисуса Христа, есть только приставник, коему на время Бог поручил земные сокровища. Посему он может лишиться своего богатства, подобно приставнику, упоминаемому в притче, лишиться навсегда, ибо сие богатство находится в распоряжении у человека дотоле, пока не снята с него должность приставника. Это последует в тот роковой час, когда мы должны будем расстаться с самим миром и при дверях гроба отдать ему все, чем в продолжение жизни от него пользовались. Вот на какую нищету указывает Господь наш, когда говорит: *егда оскудеете.*

Смысл всего нравоучения такой: «И Я вам говорю: снискивайте себе благосклонность бедных посредством тленных сокровищ, дабы они приняли вас в вечные обители Отца Небесного, когда вам нужно будет оставить все, что теперь льстит вашей чувственности».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 16-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

На притчу о неправедном управителе (Лк. 16: 1–13)

1) *Блж. Иероним.* Кого должно разуметь под неверным приставником, которого похвалил господин? См. в письме к Аспазии. «Христианское чтение», 1846. Ср. Тв. блаж. Иеронима, т. 2.

2) *Астерий, еп. Амасийский.* Беседа об управителе, на которого донесено было господину, что расточает имение его (ст. 1–9). «Христианское чтение», 1827. .

3) *Еп. Софония.* Обозрение и изъяснение притчи о неправедном домоправителе. 2 том слов и речей. Спб. 1876 г.

4) Неправедный приставник. Евангельская притча. «Православный собеседник», 1866 г., ч. 1.

5) Пример неправедного приставника (ст. 8). «Воскресное чтение», 1877 г. 1.

6) Притча о неправедном приставнике. «Душеполезное чтение», 1880 г. 1.

7) Беседа священника с детьми о евангельских притчах. Смысл притчи о неверном управителе. «Руководство для сельского пастыря», 1865 г. 3.

8) Об обязанностях христианина по учению евангельских притчей (ст. 16). Об употреблении земных благ: притча о неправедном приставнике, о богатом и Лазаре. «Воскресное чтение», 1834 г. 1.

9) Ст. 8. *Сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем.* «Воскресное чтение», 1824 г.

10) Ст. 9. Мамона неправды. *Прот. Нечаев.* «Душеполезное чтение», 1871 г. 2.

11) Ст. 10. Верность в малом. «Воскресное чтение», 1811, 1823 г.

12) Ст. 10. Внимательность к частностям и кажущимся мелочам. «Воскресное чтение», 1873 г. 2.

13) Ст. 10. *Филарет, архиеп. Черниговский.* О верности в малом. Беседы.

14) Ст. 12. *Если вы в чужом верны не были, то кто вам даст ваше.* «Христианское чтение», 1821 г. 1.

15) Ст. 12. *Орды.* Что означают слова Господа: *Аще в чужом верни не бысте* и т. д. «Руководство для сельского пастыря», 1867 г. 1.

16) Ст. 13. *Св. Иоанн Златоуст.* О том, что не должно иметь пристрастия к земным вещам. «Воскресное чтение», 1817 г.

17) Ст. 1–10, 13. Мысли *свт. Феофана.* Мысли на каждый день года.

Учение о нерасторжимости брака и высоком достоинстве девства (Мф. 19: 3–12)

Св. Григорий Богослов. Тв. св. Григория Богослова, ч. 3
Творения свв. отцов, т. 3

И приступиша к Нему фарисее, искушающе Его, и глаголаша: аще достоит человеку по всякой вине пустити жену свою? (ст. 3). Опять фарисеи искушают, опять читающие закон не понимают закона; опять толкователи закона имеют нужду в новых наставниках! Не довольно было саддукеев, искушающих о воскресении, законников, вопрошающих о совершенстве, иродиан — о кинсоне, и других — о власти: некто еще и о браке спрашивает Неискушаемого, спрашивает Того, Кто Сам Творец супружества, Кто от первой Причины создал весь сей род человеческий.

Он же отвещав, рече им: несте ли чли, яко Сотворивый искони, мужеский пол и женский сотворил я есть? (ст. 4). Он знал, какие вопросы решать и при каких заграждать уста вопрошающих. Когда спрашивают Его: *коею областию*

сия твориши (Лк. 20:2); тогда, по причине крайнего невежества вопрошавших, Сам вопрошает: *крещение Иоанново с небесе, ли бе, или от человек?* (ст. 4). И обоюдною невозможностью дать ответ связывает вопрошающих. Посему и мы, подражая Христу, можем иногда заграждать уста любопытным совопросникам, а их неуместные вопросы решать вопросами же еще более неуместными. Ибо мы и сами мудры на пустое (если можно иногда похвалиться делами неразумия). Но когда Христос видит, что вопрос требует рассуждения, тогда вопрошающих не удостаивает мудрых ответов. Он говорит: вопрос, предложенный тобою, показывает в тебе уважение к целомудрию и требует снисходительного ответа. А касательно целомудрия, как вижу, многие имеют неправильное понятие, да и закон у них не равен и неправилен. Ибо почему закон обуздал женский пол, а мужескому дал свободу, и жена, злоумыслившая против ложа мужнего, прелюбодействует и подвергается за то строгому преследованию законов, а муж, прелюбодействующий с женою, не подлежит ответственности? Я не принимаю такого законодательства, не одобряю обычая. Мужья были законодателями; потому и закон обращен против жен; потому и детей отдали под власть отцов, а слабейший пол оставлен в пренебрежении. Напротив того, Бог установил не так; но: *чти отца твоего и матерь твою* (Исх. 20:12), — вот первая заповедь, соединенная с обетованиями: *Да благо ти будет, и: иже злословить отца или матерь, смертию да умрет* (Исх. 21:16). Видишь, равно и доброе почтил и злое наказал. Еще: *благословение отчее утверждает домы чад, клятва же матерня искореняет до основания* (Сир. 3:9). Видите, как равно законодательство. Один Творец мужа и жены, одна персть — оба они, один образ; один для них закон, одна смерть, одно воскресение; одинаково рождаемся от мужа и жены; один долг обязаны воздавать дети родителям. Как же ты требуешь целомудрия, а сам не соблюдаешь? Взыскиваешь, чего не дал? Почему, будучи сам плоть такого же достоинства, не равно законополагаешь? Если ты обращаешь внимание на худшее, то жена согрешила, согрешил и Адам; змий прельстил обоих; не оказался один слабее, а другой крепче. Но возьми во внимание лучшее. Обоих спасает Христос страданиями. За мужа стал Он плотию, но также и за жену. За мужа умер, и жена смертию спасается. Христос *от семени Давидова* именуется (чем, может быть думаешь, почтен муж) но и от Девы рождается, — это уже честь женам!

И будета оба, сказано, *в плоть едину* (ст. 5); а единая плоть да имеет и одинаковую честь. Павел же внушает целомудрие и примером. Каким примером и как? *Тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа и во Церковь* (Еф. 5:32). Хорошо жене — почитать Христа в лице мужа; хорошо и мужу — не бесчестить Церковь в лице жены. *Жена,* говорит он, *да боится своего мужа,* потому что боится Христа; но и *муж да любит свою жену,* потому что и Христос любит Церковь. Вникнем в слова сии с большим тщанием. *Мелъзи мле-*

ко и будет масло (Притч. 30:33); исследуй, и, может быть, найдешь в них нечто более питательное. Мне кажется, что здесь слово Божие не одобряет двоеженства; ибо если два Христа, то два и мужа, две и жены; а если один Христос, одна глава Церкви, то и плоть одна, а всякая другая да будет отринута. А если удерживает от второго брака, то что сказать о третьем? Первый есть закон, второй — снисхождение, третий — беззаконие. А кто преступает и сей предел, тот подобен свинье, и немного имеет примеров такого срама. Хотя закон дает развод по всякой вине; но Христос — не по всякой вине, а позволяет только разлучаться с прелюбодейцею, все же прочее повелевает переносить любомудренно, и прелюбодейцу отлучает потому, что она повреждает род. Касательно же всего прочего будем терпеливы и любомудренны, или, лучше сказать, будьте терпеливы и любомудренны — вы, приявшие на себя иго брака. Видишь ли, что жена приукрасилась, или подкрасилась, — сотри; или у нее язык продерзливый, — уцеломудрь; или смех неблагопристойный, — сделай скромным; или замечаешь неумеренность в издержках и в питии, — ограничь; или неблаговременные выходы из дома, — положи преграду; или рассеянный взор — исправь; но не отсекай, не отлучай от себя поспешно; ибо неизвестно, кто подвергается опасности, отлучающий или отлучаемый. *Источник воды*, сказано, *да будет тебе: твой, и да никтоже чужд причастится тебе: жребя твоих благодатей еленъ любве да беседует тебе* (Притч. 5: 17–19). Итак, не будь рекой чуждой, и не старайся нравиться другим более, нежели жене своей. А если стремишься инуду, то и члену своему поставляешь в законе бесстыдство. Так учит Спаситель. Что же фарисеи? Жестоко им кажется слово; так как и все доброе не нравилось и не нравится и тогдашним, и нынешним фарисеям. Ибо фарисеем делает не происхождение только, но и образ жизни; так ассириянином и египтянином почитаю всякого, кто произволением своим ставит себя с ними в один ряд. Что же фарисеи? Говорят: *Аще тако есть вина человеку с женою, лучше есть не женитися* (ст. 10). Теперь только узнаешь ты, фарисей, что *лучше есть не женитися*? А прежде не знал, когда видел вдовство, и сиротство, и безвременную смерть, и рукоплескания сменяемые плачем, и гробы подле брачных чертогов, и бесчадие, и несчастия от детей, и не разрешившееся рождение, и детей, лишающихся матери при самом рождении, наконец все, что бывает при сем и смешного, и горестного; потому что можно здесь сказать и то, и другое. *Лучше есть женитися;* и я на сие согласен; ибо *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. 13:4); но лучше для умеренных, а не для ненасытных, не для тех, которые хотят оказывать плоти более уважения, чем должно. Когда брак есть собственно брак и супружеский союз, и желание оставить после себя детей, тогда брак хорош, ибо умножает число благоугождающих Богу. Но когда он разжигает грубую плоть, обкладывает ее тернием и делается как бы путем к

пороку; тогда и я скажу: *лучше есть не женитися*. Брак — доброе дело; но не могу сказать, чтобы он был выше девства. Ибо девство не признавалось бы чем-то высоким, если бы не было из лучшего лучшим. Да не огорчаются сим носящие узы брака! *Повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком* (Деян. 5:29). Напротив того, девы жены, соединитесь вместе, составьте едино о Господе и служите друг другу украшением! Не было бы и безбрачных, если бы не было брака; ибо откуда бы явился в свет и девственник? Не был бы брак честен, если бы Богу и жизни не плодоприносил девственников. Почитай и ты (девственник) матерь свою, от которой происходишь; почитай и ты (обязавшийся супружеством) происшедшую от матери и матерь, хотя она и не мать, но невеста Христова. Красота видимая не сокрыта; а незримая видима Богу; *вся слава дщере царевы внутрь: рясны златыми одеяна, преиспещренна* (Пс. 44:14), то есть и делами, и созерцанием. И вступившая в брак да принадлежит Христу; и дева да будет всецело Христова! Одна да не прилепляется совершенно к миру, другая да не будет вовсе от мира! Что замужней принадлежит частию, то деве принадлежит всецело. Ты избрала жизнь ангельскую, стала в чине безбрачных; не ниспадай же в плотское, не ниспадай в вещественное, не сочетавайся с веществом, тогда как ведешь жизнь безбрачную. Блудный взор не охранит девства; блудный язык вступает в общение с лукавым; ноги, идущие бесчинно, обличают болезнь, или приводятся в движение болезнью. Да будет девственною и мысль; да не кружится, да не блуждает, да не носит в ,себе образов того, что лукаво (такой образ есть уже часть любодейства); да не созидает в душе ненавистных кумиров!

Он же рече им: не вси вмещают словесе сего: но имже дано есть (ст. 11). Видите ли высоту сей добродетели? Она оказывается едва удобовместимою. Да и не выше ли плоти — рожденному от плоти не рождать в плоть? Не ангельское ли свойство — душе, связанной с плотью, жить не по плоти и быть выше самой природы? Плоть связала ее с миром, а разум возвел к Богу; плоть обременила, а разум окрылил; плоть заключила в узы, а любовь разрешила их. Всей душою стремись, дева, к Богу! Да не привлекают взор взора, смех — смеха, короткость обхождения — ночных сходбищ, а ночь — погибели! Ибо понемногу отъемлемое и похищаемое, хотя в настоящем производит ущерб неощутительный, однако во последствии совершенно уничтожает вещь.

Не вси, говорит, *вмещают словесе сего, но имже дано есть*. Когда слышишь: *имже дано*, не впадай от сего в ересь, не вводи различных естеств: земных, духовных и средних; ибо некоторые держатся превратных мнений и думают, что одни по самой природе назначены к совершенной погибели, а другие — ко спасению, иные же в таком состоянии поставлены, что собственный произвол ведет их к худому или к доброму. И я согласен, что один, в

сравнении с другим, имеет более или менее способности; но одной способности недостаточно к совершенству, и разум должен возбудить способность, чтобы природа пришла в деятельность, подобно тому как камень пирит, если ударяют в него железом, сам делается от того железом. Когда слышишь: *имже дано есть*, присовокупляй: дано призываемым и имеющим к тому расположение; ибо когда слышим также: *ни хотящего, ни текущего, но милующего Бога* (Рим. 9:16), советую тебе подразумевать то же. Поелику есть люди, так высоко думающие о своих заслугах, что все приписывают себе самим, а не Тому, Кто их сотворил и умудрил, — не Подателю благ; то Слово Божие учит таковых, что нужна Божия помощь и для того, чтобы пожелать добра; тем паче самое избрание должного есть нечто Божественное, дар Божия человеколюбия. Ибо надобно, чтобы дело спасения зависело как от нас, так и от Бога. Посему сказано: *ни хотящего*, то есть ни одного хотящего, *ни текущего* только, но и *милующаго Бога*. Потом, поелику и самое хотение от Бога, то справедливо апостол все приписал Богу. Течешь ли, подвизаешься ли — всё имеешь нужду в Дающем венец. *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии его: и аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегущий его.* (Пс. 126:1). Знаю, говорит он, что не от легких в бегу зависит бег, не от сильных — война, не от ратоборцев — победа, и пристань не во власти искусных пловцов; но от Бога и победу устроить, и ладью ввести в пристань. Боюсь, чтобы не присоединилась к сему нелепая мысль, будто бы душа имела другую жизнь, а потом уже соединена с сим телом, и за тамошнюю жизнь одни получают здесь дар пророчества, а другие, жившие там худо, осуждаются. Но поелику допустить сие крайне нелепо и несообразно с учением Церкви (хотя другие и забавляются такими учениями, но нам забавляться подобными толками небезопасно); то и в сем месте к словам *имже дано есть*, присовокупляй: то есть достойным; а то, чтобы стать достойными, не только получили они от Отца, но и сами себе дали.

О том же св. Исидора Пелусиота

Творения свв. отцов, т. 36. Тв. Исидора Пелусиота, ч. 3

Сказанное о девстве: *не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть*, — сказано не в том смысле, что дается сие иным по какому-то жребию (в таком случае Бог не назначил бы им в награду Небесного Царства), напротив того, сим показывается, что, во-первых, подвизающиеся сим преестественным подвигом имеют нужду в Божьей помощи; и во-вторых, совет сей сходит с неба, не законом постановляемый, но предлагаемый в виде увещания; в-третьих, девство дается тем, которые препобедили невоздержание, свыше призывают содействие, сохраняют драгоценность сию постами и бдениями; нерадением же и роскошью они предают себя зверю. А если бы давалось

оно по жребию, то излишнею была бы награда. Не по милости оно дано, но дается желающим принять; а кто не хочет, тем никто и не даст.

Изъяснение св. Григорием Богословом 12 стиха 19-й гл. Евангелия от Матфея

Тв. св. Григория Богослова, ч. 3

Суть бо скопцы, говорит Христос, *иже из чрева матерня родишася тако: и суть скопцы, иже скопишася от человек: и суть, иже исказиша сами себе, Царствия ради Небесного: могий вместити да вместит* (ст. 12). Мне кажется, что слово, уклоняясь от телесного, посредством телесного изображает высшее; ибо мало, даже может быть крайне слабо и не достойно слова было остановить понятие на телесных только скопцах; а мы должны представлять себе нечто достойное духа. Итак, одни кажутся от природы расположенными к добру. Когда говорю: от природы, не унижаю тем произволения, но предполагаю то и другое, и наклонность к добру, и волю, которая приводит в действие естественную наклонность. А другие таковы, что их очищает учение, отсекая в них страсти; и их-то разумею под скопцами, *иже скопишася от человек;* когда наставническое слово, отделяя доброе от худого, и одно устраняя, а другое предписывая (как например в заповеди: *уклонися от зла, и сотвори благо* (Пс. 33:15), созидает в них духовное целомудрие. Хвалю и сей род скопцов, даже весьма хвалю как наставников, так и наставляемых, первых за то, что умеют отсекать, а последних за то, что еще лучше переносят отсечение. *И суть, иже исказиша сами себе Царствия ради Небесного.* Иные не имели наставников, но сами для себя сделались похвальными наставниками. Не учила тебя матерь, чему должно, не учил отец, ни священник, ни епископ, ни кто-либо другой из тех, кому поручено учить, но ты сам, приведя в действие разум, свободною волей воспламенив искру добра, исказил себя, отсек корень, истребил орудия греха, приобрел такой навык в добродетели, что для тебя стало почти уже невозможным устремляться к злу. Посему хвалю и сей род скопцов, даже еще более нежели другие роды.

Могий вместити да вместит. Избери, что угодно: или последуй учителю, или сам для себя будь учителем. Одно только постыдно, если не будут отсечены страсти; а кем бы ни были отсечены, не полагай в том различия. Ибо и наставник есть тварь Божия, и ты от Бога. Хотя наставник предвосхитит у тебя честь, хотя добро будет собственным твоим делом; в обоих случаях оно одинаково добро: отсечем только от себя страсти, *да не кий корень горести, выспрь прозябая, пакость сотворить* (Евр. 12:15), будем только последовать образу, станем только чтить Первообраз. Отсеки телесные страсти, отсеки и душевным; ибо чем душа честнее тела, тем честнее очищать душу, нежели тело.

О том же св. Иоанна Златоуста

Беседы св. Иоанна Златоуста на Ев. от Матфея, ч. 2

Когда Иисус Христос говорит *скопиша себе*, то под сим не разумеет отсечения членов, — да не будет сего! но истребление злых помыслов; ибо отсекший член подвергается проклятию, как говорит Павел: *о дабы отсечени были развращающие вас!* (Гал. 5:12). И весьма справедливо. Ибо таковой поступает подобно человекоубийцам, содействует тем, которые унижают творение Божие; отверзает уста манихеев и преступает закон, подобно тем из язычников, кои отрезывают члены. Ибо отсекать члены первоначально было дело диавольское и злоухищрение сатаны, чтобы чрез сие исказить создание Божие, чтобы нанести вред человеку, созданному Богом, и чтобы многие, вменяя все не произволу, но самим членам, безбоязненно грешили, сознавая себя невинными, и таким образом сугубый причиняли себе вред как отсечением членов, так и противопоставлением препятствий воле делать доброе. Подобно сему диавол ввел и еще другое ложное учение о судьбе и необходимости, и таким образом всячески старался уничтожить свободу, дарованную нам Богом, уверяя, что зло есть следствие физической природы, и чрез сие рассеивая многие другие ложные учения, хотя и скрытно. Таковы стрелы диавольские! Посему молю, убегайте сего преступления. Кроме сего, пожелания наши отсечением членов не только не укрощаются, но еще более раздражаются; ибо семя, находящееся в нас, другие имеет источники и другим образом возбуждается. Одни говорят, что оное пожелание происходит от мозга, другие же — от чресл; а я говорю, что оно происходит не из других источников, как от развращенной воли и невнимания к помыслам. Если воля целомудренна, то никакого не будет вреда от естественных движений. Посему, сказав о скопцах, как о тех, которые напрасно скопят себя, не будучи целомудренными в помыслах, так и о тех, кои ради Царства Небесного сохраняют девство, Иисус Христос прибавляет: *могий вместити да вместит.* И таким образом по неизреченной Своей кротости показывая, сколь важно соблюдение девства, и не заключая его в необходимых предписаниях закона, Он еще более воспламеняет в них любовь к оному. И этим самым Он показал совершенную возможность сей добродетели, чтобы тем сильнее возбудить в воле желание оной.

О том же блж. Феофилакта

«Благовестник», ч. 1

Суть бо скопцы, иже из чрева матерня родишася тако: и суть скопцы, иже скопишася от человек: и суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствия ради Небесного. Могий вместити да вместит. Подвиг девства, говорит, есть жребий немногих. Есть скопцы от утробы матерней, то есть люди, которые по при-

родному сложению не имеют влечения к женам; но их целомудрие не приносит им пользы. Есть и такие, которые оскопляются людьми. Оскопляющие же сами себя ради Царствия Божия суть не те, которые отрезывают у себя члены, ибо это преступно, но те, которые воздерживаются. Понимай и так: бывает скопец от природы, то есть, как выше сказано, по природному сложению не склонный к любострастию. Оскопляемый от людей есть тот, кто удаляет от себя разжжение плотской похоти вследствие человеческого наставления. Наконец, оскопляющий сам себя есть тот, кто не по чужому, а по собственному расположению, добровольно решился на подвиг целомудрия. Таковой очень хорош, потому что он независимо от других, а сам произвольно вступает на путь к Царствию Небесному. Желая же, чтобы мы добровольно подвизались в добродетели (девства), Господь говорит: *могий вместити да вместит.* Таким образом Он не принуждает к девству, не возбраняет и брака, но девство предпочитается.

Мысли свт. Феофана о высоте девства

«Мысли на каждый день года»

Господь говорит, что брачный союз первоначально Сам Бог благословил и вложил закон этот в естество наше; о тех же, кои хотят не жениться, сказал: *могий вместити да вместит.* Ясно, что хоть и признал Он брак законом естественным; но не настолько необходимым и неизбежным, чтобы не было места безбрачию. И последнее Он разрешает, но ограждает условием, которое сближает его с законом естества. Скопец от рождения — безбрачен по закону естественному; но и тот, кто своим произволением поставляет себя в такое состояние, в каком естественный скопец находится по рождению без участия воли, — становится на одной с ним линии в отношении к естественным потребностям. Следовательно, в этом отношении как первый, так и второй — естественные безбрачники. Отчего же духовное скопчество или безбрачие произвольное считают не естественным? Оттого, что не понимают естества. У них только то и естественно, что естественно телу, а что естественно духу, и что вследствие воздействия его на тело становится естественным, того они не хотят считать естественным. И добро бы это были люди из числа материалистов, а то нет: поговори с ними о чем-нибудь другом, резонно рассуждают.

Мысли свт. Феофана о нерасторжимости брачного союза (Мк. 10:9)

«Мысли на каждый день года»

Еже Бог сочета, человек да не разлучает. Этими словами Господь утверждает неразрывность брака; только один законный повод к разводу указан — не-

верность супругов; но как быть, если откроется что-либо подобное? Потерпи. У нас есть всеобщая заповедь — друг друга тяготы носить; тем охотнее должны исполнять ее взаимно друг к другу такие близкие лица, как супруги. Нехотение потерпеть раздувает неприятности, и пустяки взгромождаются в разделяющую стену. На что ум-то дан? Углаживать жизненный путь. Благоразумие разведет встретившиеся противности. Не разводятся они от недостатка благоразумия житейского, а больше от нехотения обдумать хорошенько положение дел, и еще больше от неимения в жизни другой цели, кроме сластей. Прекращаются услаждения, — прекращается и довольство друг другом; дальше и дальше, вот и развод. Чем больше опошливаются цели жизни, тем больше учащаются разводы — с одной стороны, а с другой — беззаконное временное сожительство. Источник же этого зла в материалистическом воззрении на мир и жизнь.

К притче о богаче и Лазаре (Лк. 16: 19–21)

Порфира и виссон (Лк. 16: 19–21)

«Воскресное чтение», 1874 г., т. 1

Некоторый человек был богат; одевался в порфиру и виссон, и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его (Лк. 16: 19–21).

Обилие нищих — дело обыкновенное на Востоке. В Сирии и теперь у ворот богачей часто можно встретить толпы нищих, располагающихся здесь в ожидании милостыни от входящих и выходящих из дома. Особенно много собирается их в праздничные дни, когда в Сирии приготовляют пищу в большем против обыкновенного количестве. Так как вследствие жаркого климата пища не может там долго сохраняться, то остаток ее раздается нищим. В ожидании подачи нищие толпятся у ворот в таком множестве, что запоздавшему приходится воспользоваться разве только крошками. На это-то обстоятельство и указывают приведенные слова Евангелия: «и желал напитаться крошками, падающими со стола богача», одевавшегося в порфиру и виссон.

Порфирою или пурпуром называлась материя блестящего цвета и столь дорогая, что ее носили только знатные лица и управители. Цвет пурпура весьма разнообразен, он бывает бледно-розовый, или малиновый, фиолетовый или цвета запекшейся крови. Пурпуровая краска лучшего качества привозилась из Финикийского города Тира и называлась Тирскою краскою. Она добывалась из двух сортов раковин. Одни из них назывались

buccinum: их находили на скалах и утесах; другие — purpura или telazia — добывались на дне морском. Тирский пурпур ценился очень дорого, так как он добывался в незначительном количестве и приготовление его соединялось с большими трудностями. В настоящее время эта краска в продаже встречается очень редко. Пурпуровая, голубая и красная краски ценились и евреями очень высоко, потому что материи других цветов у них почти не употреблялись. Евреи сами не умели приготовлять чисто и ярко окрашенных тканей, и потому яркие материи, привозимые к ним из других стран, считались признаком роскоши. Римляне добывали пурпур темно-красного цвета из особой породы моллюсков — каракатицы (octopus или seria). Материи, окрашенные им, имели яркий цвет. Другого употребления этой краски римляне не знали. В продаже материя этого цвета известна была под именем багряницы. Об одной из *продавиц* багряницы упоминается в Деяниях Апостольских (16:14). Багряницу носили только цари и вельможи. Пред крестною смертию Спасителя также одели в багряницу, желая тем выставить на посмеяние народа Того, Кто называл Себя Царем Иудейским.

Что касается *виссона*, его носили только богатые и знатные. Бедные носили одежду из грубого полотна или другого материала. Богачи же носили рубашку из тонкой материи, а сверху ее надевали пурпуровый плащ. Эта-то рубашка и называлась у евреев виссоном. Иосиф, живя в Египте, получил такую рубашку, или виссон, в дар от фараона. В виссон одевались также Аарон, Давид, Мардохей. Иосиф Аримафейский, «почтенный член синедриона», выпросив у Пилата позволение снять тело Иисуса с креста, покрыл его виссоном.

Вообще, виссон — самая тонкая и мягкая ткань, которая с особенным искусством приготовлялась только в древнем Египте и продавалась чрезвычайно дорого. По мнению некоторых, ее собирали с какого-то индийского дерева; а по другим, выделывали из тончайшего пуха. По-еврейски «виссон» значит белизна, но виссон был не белого, а пурпурового цвета и ценился на вес золота. В Апокалипсисе виссон считается в числе драгоценных предметов (18: 12, 16).

Надежда свидания за гробом (Лк. 16:26)

Сергий, архиеп. Курский. «Душеполезное чтение», 1878

И над всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии прейти отсюда к вам, не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят. Жизнь за гробом не есть жизнь уединенная. Тайнозритель Иоанн видел под алтарем небесным души убиенных за слово Божие, которым дано было успокоиться в надежде, что их сотрудники и братия дополнят их число (Откр. 6:9:11). Потом видел он еще, что пред престолом и пред Агнцем

стояло великое множество людей из всех племен, колен и народов, все в белых одеждах. На вопрос, кто они и откуда пришли, ему объяснено, что они пришли, претерпев скорби великие, и за сие ныне они пред престолом Божиим и служат Богу день и ночь (7:9 и след.). Сам Спаситель ученикам и всем верным последователям Своим обещал: *поиму вы к Себе. Идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 14:3; 12:26). Следовательно, души, Богу угодившие, по смерти телесной входя в единение с Ним, не разъединены и между собою.

Притчею о богатом и Лазаре Христос вразумляет нас, что для душ отшедших уготованы в другом мире различные места, темные и светлые, между которыми великая пропасть, и хотящие перейти из одних в другие, из худших в лучшие, не могут.

Из сих наставлений Спасителя следует отнюдь не то, чтобы свидание душ по смерти телесной было невозможно, но то, что их соединение для совместного сопребывания в другом мире подлежит ограничениям; для одних нежелательно, для других неудободостижимо, а для иных весьма затруднено. Кем же или чем оно бывает затруднено? И самими отходящими из сей жизни, и остающимися в живых. Их вера и нравы, их образ жизни и дела, их взаимная любовь или ненависть служат предуказанием, будут ли они вместе в мире загробном. Богатый, *во аде сый в муках, узре Авраама издалеча и Лазаря на лоне его;* имел он также уверенность, что увидит подле себя и пять братьев своих, еще оставшихся на земле. Но свидание с Авраамом и Лазарем было для него бесполезно, а переселение к ним оказалось невозможно; соединение же с братьями для него самого не желательно, ибо он предчувствовал, что чрез их мучение увеличится его собственное томление; почему, боясь, что придут они к нему, просил Авраама послать к ним Лазаря для предостережения. А многочисленность обителей в доме Отца Небесного означает то, что блаженство вечное будет в преизбытке и неистощимо для всех праведников, от века Богу угодивших, сколько бы их ни было. Но как в большом доме хотя и много отделений или комнат, члены семейства и домочадцы свободны, чтобы видеть друг друга; так и в дому Отца Небесного все обители составляют нераздельное Царство Небесное, и души, в них водворенные, единое, соутешающееся в блаженстве, общество. Теряют там силу узы плотского родства и суетные, земные привязанности; но нет сомнения, что люди, здесь чистое расположение друг к другу питавшие, в разных подвигах добра потрудившиеся, одинаковые скорби перенесшие, в тех же святых внушениях веры себе утешений искавшие, встретятся в одних и тех же святых обителях.

Некто из подвижников заболел и, ожидая конца себе, пригласил к себе старца, с которым жил в духовном союзе. Тот, уверенный, что увидится с

ним в будущей жизни, послал ему сказать: «Если ты проживешь до субботы, то приду; а если отойдешь, увидим друг друга в том мире».

Итак, где и с кем быть в будущей жизни, о том надлежит заботиться здесь на земле. Вы *поминайте* прежде отшедших *наставников ваших*, веруя, что их души в Царстве Небесном. *Взирающе на скончание их жительства, подражайте вере их* (Евр. 13:7). Лишился отец доброго и непорочного сына, и не оставляет желания, чтобы увидеть его. «Живи, — поучает его святой Иоанн Златоуст, — живи подобно ему, и ты вскоре достигнешь священного оного видения. Помышляй не о том, что он никогда не возвратится в дом твой, но что и сам ты скоро переселишься к нему». Плачет вдовица о муже умершем, который был истинный христианин, уважаемый в обществе за многие добродетели. Но да слышит она, что советует ей святой Василий Великий: «От настоящего обратись душою к попечению о будущем, чтобы и тебе за добрые дела получить одинаковое с ним упокоение». Доколе вы на земле, приобретайте себе друзей на небе, *да егда оскудеете* в беспомощный смертный час, *приимут вы в вечныя кровы* (Лк. 16:9).

Мысли св. Исидора Пелусиота (Лк. 16:26)

Творения свв. отцов, т. 34. Тв. Исидора Пелусиота, ч. 1

Авраам отвечал, что великая пропасть утвердилась между ним и страждущим в муках богачом, показывая различие между праведными и грешными. Ибо Авраам был страннолюбив и нищелюбив, принимал приходящих издалека, а богач немилосердно отвращался от лежащего в язвах при вратах его. Посему как расположения противоположны, так и места переселения раздельны; одним — покой, другим — мучение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 16-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ (СТ. 19-31)

Святоотеческие толкования

1) *Блж. Феофилакт.* Изъяснение Евангелия в 22 нед. по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1810.

2) Ст. 19-31. *Св. Григорий Двоеслов* о воздаянии в вечной жизни за добрые дела и худые. Беседы на Евангелия в перев. архим. Климента. Кн. 2.

3) *Прп. Исидор Пелусиот* о Лазаре и богатом.

4) Ст. 25. *Св. Амвросий Медиоланский.* О том, почему нечестивые живут в изобилии и довольстве, а праведных нередко постигают скорби и бедствия. «Воскресное чтение», 1814.

Новейшие толкования в духовных журналах

5) Ст. 19-31. Неделя 22 по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1825.

6) Ст. 19-31. Беседа. «Воскресное чтение», 1806.

7) Ст. 19–31. Беседа священника с детьми о евангельских притчах. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

8) Ст. 19–31. Мысли свт. Феофана.

9) Ст. 19–31. *Архиеп. Дмитрий Волынский.* Из беседы в нед. 22 по Пятидесятнице о богатом и Лазаре.

10) Ст. 19–31. *Прот. Полисадов.* О загробной жизни (против спиритов). «Душеполезное чтение», 1881.

11) *Свящ. Предтеченский.* Жизнь беззаботная. «Духовная беседа», 1874.

12) Притча о богатом и Лазаре. «Воскресное чтение», 1817.

13) Богатство и бедность. «Воскресное чтение», 1833.

14) Ст. 20. Лазарь и богач на земле. Перев. с немецк. «Воскресное чтение», 1874.

15) Ст. 16–22. Притча. «Руководство для сельского пастыря», 1864.

16) Ст. 22. *Еп. Макария.* За предками жизни. «Странник», 1878.

17) Ст. 25. *Архиеп. Анатолия* на слова: *помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоем.* «Воскресное чтение», 1818.

В Словах и Беседах

18) *Павел, архиеп. Кишиневский.* О Божественном откровении, как вполне верном и достаточном руководстве ко спасению (против спиритов). В чем состояла вина богача?

19) *Илиодор, архиеп. Курский.* Беседа на притчу о богаче и Лазаре.

20) Ст. 22. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* О состоянии душ по смерти. Против учения о чистилище.

21) Ст. 22. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О том, что наша жизнь не оканчивается смертью и что будущая жизнь состоит в необходимой связи с настоящею. Бес. в нед. 22 по Пятидесятнице.

22) Ст. 25. *Макарий, еписк. Тамбовский.* О том, как употреблять богатство и переносить бедность.

23) Ст. 31. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О том, что неверие может оставаться упорным и закоснелым при самых очевидных и поразительных явлениях присносущей силы Божией, и что крайнее ослепление человеческого разума есть действие темной силы диавольской. Слово в 22 нед. по Пятидесятнице.

24) Ст. 31. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Назидательные уроки из притчи о богаче и Лазаре.

Речи о соблазнах, примирении и силе веры (Лк. 17: 1–10)

Ст. 1–2. Насмешка фарисеев и их корыстолюбие послужили ближайшим поводом к произнесению притчи о богаче и Лазаре. В виду постоянного противодействия, которое они оказывали Его делу, и пагубного влияния, которое они оказывали своим примером на народ, Он по уходе их сказал Своим ученикам: «Невозможно не придти соблазнам; но горе тому, чрез кого они приходят. Лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих». Иисус видит появление соблазнов с пришествием

Его Царства, видит возрастание их с распространением этого Царства; Он представляет их Своим ученикам неизбежными спутниками Своей Церкви. Но вместе с этим Иисус грозит горем виновникам соблазнов, соблазняющих слабых в вере (малых), и указывает на наказание, которое им придется претерпеть за это. Наказание будет столь тяжкое и ужасное, что ему можно было бы предпочесть даже позорную и мучительную смерть.

Ст. 3–4. Против таких соблазнов Иисус Христос вооружается со всею силою. Что же касается грехов слабости наших ближних, то мы должны переносить и прощать их с неустанною любовью. Поэтому Иисус продолжает: «Наблюдайте за собою. Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему; и если покается, прости ему. И если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз обратится и скажет: каюсь, — прости ему».

Ст. 5–10. Апостолы чувствовали при этих словах, что их вера слишком слаба для того, чтобы проявлять такую неустанную любовь. Поэтому они просили Иисуса: «Господи, умножь в нас веру!» Иисус отвечал им: «Если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас». Этими словами Он показывает им, что дело заключается не в **сильной** именно вере. Главное дело в том, чтобы была **сама** вера. Где она действительно есть в душе, хотя бы поначалу только в виде искорки, там она будет возрастать, совершать самое трудное и даже вообще невозможное, будет проявлять силу, побуждающую мир. Но затем Он вразумляет их, что неутомимая любовь и миропобеждающая вера отнюдь не составляют заслуги человека. Проникая в сердца Своих учеников, Он увидел, что сознание великих и чудесных действий, которые Он Сам приписывал вере, могло бы сделать их слишком самоуверенными и что они, быть может, бессознательно для самих себя, могли бы приписать эту веру себе, как свое дело и свою заслугу. Поэтому Он показывает им, что прекраснейший венец и украшение веры составляет **смирение**, чуждое самовосхваления и живущее только сознанием своего недостоинства и благодатию Божиею. Вообще истинная вера не знает ничего о какой-то бы ни было заслуге. Верность, оказываемая ею, есть не более, как долг; всякое доброе дело, творимое ею, есть милость и благодать Божия. Это Иисус Христос высказывает в следующих словах: «Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойди скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить; и потом ешь и пей сам? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказанное? не думаю. Так и вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать».

Толкование св. Амвросия Медиоланского на 2 стих 17-й гл. Евангелия от Луки

«Воскресное чтение», 1810

Аще согрешит к тебе брат твой, запрети ему (Лк. 17:2).

Иисус Христос весьма прилично после изображения бедственного состояния богатого предписывает заповедь, как должно поступать с ближним, который, по содеянии проступка, приносит раскаяние, дабы не привести его в отчаяние. В этом случае Он предписывает самые благоразумные меры, чтобы, с одной стороны, послаблением не подать повода к большему проступку, а с другой, неуместною строгостью не раздражить и не ожесточить сердца; ибо на сей случай так говорит: *Аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем единем* (Мф. 18:15). Потому что кроткое обличение действительнее строгого обвинения; первое может возбудить стыд, а последнее поселяет неудовольствие и заставляет виновного скрывать свою вину; покажи, чтобы обличаемый тобою брат нашел в тебе искреннего друга, а не врага: он скорее согласится последовать советам друга, нежели оставить без отмщения обиду врага. Поэтому и апостол сказал: *Не аки врага имейте, но наказуйте, якоже брата* (2 Фес. 3:15). Страх не надолго делает человека осторожным, между тем стыд есть самый лучший наставник в добре. Страх удерживает только на короткое время от пороков и не исправляет порочного; а стыд, напротив, может со временем обратиться в привычку делать добро.

Толкование блж. Августина на 3 стих 17-й гл. Евангелия от Луки

«Воскресное чтение», 1812 (сокращенно)

Аще согрешит к тебе брат твой, запрети ему, и аще покается, остави ему (Лк. 17:3). Слышанное нами Святое Евангелие научало нас отпущению грехов. Слова *седмищи на день* поставлены вместо «сколько бы ни было», и не с тем, чтобы, если брат твой согрешит восемь раз, ты отказал ему в прощении. Итак, что значит *седмищи?* – Всегда, сколько раз ни согрешит и покается. Так что в одном псалме сказано: *Седмерицею днем хвалих тя* (Пс. 118:164); то же в другом псалме выражается словами: *выну* (всегда) *хвала Его во устех моих* (Пс. 33:2). И очевидна причина, по которой число *семь* поставляется вместо *всегда;* ибо все обращение времени составляется из продолжения и возврата семи дней.

Сам Бог Иисус Христос, о Котором апостол Петр сказал: *Христос пострада по нас, наш оставль образ, да последуем стопам Его, Иже греха не сотвори, ниже обретеся лесть во устех Его* (1 Пет. 2: 21–22). Вот Он Сам не имел греха,

и умер за грехи наши и пролил Кровь Свою во оставление грехов. Воспринял за нас то, чем не был должен, да нас избавит от долгов. Он не должен был умереть, как мы не должны были жить, — почему? потому что были грешниками. Как для Него смерть, так для нас жизнь не была долгом; но в чем не был Он должен, принял, и чем не был нам должен, даровал. А дабы вы не подумали, что для отпущения грехов много для вас подражать Христу, внимайте словам апостола: *Прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам: бывайте убо подражатели Богу* (Еф. 4:32; 5:1). Это слова апостола, не мои: *бывайте убо подражатели Богу.* Не слишком ли надменно — подражать Богу? Внимай апостолу: *Бывайте подражатели Богу, яко чада возлюбленная.* Ты называешься чадом; как же ты хочешь наследства, когда отрицаешься подражания? Я это сказал бы, хотя бы ты совсем не имел грехов, прощение коих было бы тебе нужно. Теперь же, кто бы ты ни был, ты человек: праведник ли ты — ты человек; мирянин ли — ты человек; монах ли — ты человек; клирик ли — ты человек; епископ ли — ты человек; апостол ли — ты человек. Внимай же слову апостола: *Аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем* (1 Ин. 1:8). Вот он сам, он, Иоанн и евангелист, коего Господь Иисус Христос любил паче всех, кто возлежал на персях Его, сам говорит: *аще речем,* - не *речете,* сказал, *яко греха не имате,* но – *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас. Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякия неправды.*

Итак, требую, чтобы ты прощал, потому что нахожу тебя требующим прощения. Тебя просят — прощай; тебя просят, и ты будешь просить, чтобы прощено было тебе. Вот придет время молитвы; и я ловлю тебя в словах, какие ты скажешь. Ты скажешь: *Отче наш, Иже еси на небесех.* Ты не будешь в числе сынов, если не скажешь: *Отче наш.* Значит, ты скажешь: *Отче наш, Иже еси на небесех.* Продолжай же: *да святится имя Твое.* Скажи далее: *да приидет Царствие Твое.* Приложи еще: *да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.* Потом смотри, что ты прибавляешь: *хлеб наш насущный даждь нам днесь.* Где же твое богатство? Вот, ты просишь, как нищий. Но скажи после сего и то, от чего сие происходит. Скажи следующее: *остави нам долги наша.* Ты дошел до слов моих: *остави,* говоришь, *нам долги наша.* По какому праву? с каким условием? по какому закону? с каким собственноручным заверением? *Якоже и мы оставляем должником нашим.* Мало того, что ты не отпускаешь; ты еще и Богу лжешь. Условие положено; закон постановлен: остави, как я оставляю. Значить, Он не оставляет, если ты не оставишь. Остави, как я оставляю. Хочешь, чтобы оставлено было тебе просящему, оставь и ты просящему. Сии прощения объявил тебе Сам Законоведец небесный: не обманывает тебя; проси, следуя Его небесному гласу; скажи: *остави нам, якоже и мы оставляем,* и поступай так, как говоришь. Кто лжет в молитвах, тот лишается милости; кто лжет в молитвах — и теряет свое дело, и подвергается нака-

занию. Если кто обманывает царя, обличается в обмане, когда он приходит; а когда ты лжешь в молитве, то в самой же молитве обличаешься.

Нельзя пройти оного стиха, если не выполним, что говорим. Ужели можно изгладить оный стих из нашей молитвы? Ужели хотите оставить: *остави и нам долги наша*, а следующие слова: *якоже и мы оставляем должником нашим*, изгладить? Не изгладишь, чтобы тебе не быть изглаждену. Итак, ты говоришь в молитве: *даждь*, говоришь: *остави*, – дабы получить, чего не имеешь, и да простится тебе, в чем ты согрешил. Посему и сам даждь, если хочешь получить, и сам остави, да оставится тебе.

Евангельское повествование об исцелении Господом десяти прокаженных (Лк. 17: 11–19)

А. Ключарев. «Душеполезное чтение», 1861

Господь Иисус Христос, идя в Иерусалим к празднику Пасхи – последнему пред Его страданиями, – проходил между Самариею и Галилеею. Когда входил Он в одно селение, встретили Его десять человек прокаженных.

Нельзя видеть без душевного страдания и одного, а тем более десять человек вместе, таких больных, каковы прокаженные. Чтобы понять, как такое зрелище было возмутительно и тяжело для сердца, надобно знать, что такое проказа.

Проказа есть ужасная, опустошительная болезнь, обыкновенная в Египте, Палестине и других жарких странах востока. В Палестине она особенно сильна была в древности, и всегда была почитаема величайшим бедствием, которого признавали достойным только того, на кого хотели призвать небесное отмщение, и которое иногда посылаемо было непосредственно от Бога как особенно тяжкое наказание правды Божией.

Проказа прилипчива и заразительна. Прикосновение к прокаженному или к его одежде, обитание с ним в одном доме гибельно для здоровых. Поэтому, как больные опасные и притом крайне неопрятные, прокаженные в земле Иудейской, по закону Моисееву, были признаваемы нечистыми и изгоняемы из общества людей здоровых. Так же для сохранения общественного здоровья поступали и поступают с ними и везде. Это, кроме телесных страданий, подвергает прокаженных всякого рода лишениям и страданиям нравственным. Святой Григорий Богослов так оплакивает бедствия прокаженных: «Они, лишась телесных членов, лишаются вместе и способов трудиться и помогать себе в своих нуждах, и притом всегда более страшатся усугубления болезни, нежели сколько надеются выздоровления, так что и надежда, это единственное врачевство для несчастных, почти оставляет их без помощи. Многие не хотят к ним подойти, не хотят посмотреть на них, гнушаются ими, как чем-то омерзительным; и это

зло, чтобы видеть себя ненавидимыми за одно только то, что подверглись несчастию, для них тяжелее самой болезни. Я не могу смотреть без слез на их страдания, и при одном воспоминании об оных возмущаюсь духом. Эти люди – живые мертвецы, у которых оконечности большей части телесных членов отгнили, люди, которых нельзя почти узнать, кто они были прежде и откуда, или, лучше, несчастные останки живших некогда людей, которые, чтобы дать знать о себе, сказывают о своих отцах, матерях, братьях и местах жительства: «Я сын такого-то отца, мать у меня такая-то, да и ты некогда был мне друг и знакомый». Это говорят они потому, что не имеют уже прежнего вида, по которому бы можно было узнать их. Это люди обсеченные, у которых нет ни имущества, ни родства, ни друзей, ни даже тела; люди, которые одни из всех и жалеют о себе, и вместе ненавидят себя. Кто нежнее отца? Кто сердобольнее матери? Но для сих отверженных заперто и родительское сердце. И отец собственного своего сына, которого родил, которого воспитал, в котором одном чаял иметь око своей жизни, за которого так много и так часто молился Богу, сего самого сына, хотя оплакивает, но гонит от себя – оплакивает от сердца, гонит поневоле. А мать, вспоминая муки рождения, с разрывающимся сердцем испускает жалобнейшие вопли и вслух всех рыдает над живым, как над мертвым, говоря: «Несчастное чадо злополучной матери, отнимаемое у меня лютою болезнью, чадо жалости достойное, чадо мое милое, которого и узнать я не могу, чадо мое, которое воспитала я для утесов, гор и пустынь! Со зверями будет жизнь твоя, горный камень – кров твой, и только благочестивейшие из людей обратят на тебя взоры. Прокаженных гонят из городов, гонят из домов, с площади, с дорог, из бесед, из народных собраний, пиров, и – о горькая участь! – их отгоняют и от самой воды. Для них не текут источники, напаяющие всех других; невероятным почитают даже то, чтобы и реки не могли от них заразиться. Потому-то они и скитаются день и ночь, – обнищавшие, нагие, бесприютные, показывая прокаженное недугом тело, пересказывая старую жизнь свою, призывая с воплем Создателя, помогая друг другу употреблением членов, которых у другого нет, слагая жалобные песни, чтобы выпросить кусочек хлеба, или малейшую часть чего-нибудь вареного, или какое-нибудь раздранное рубище для прикрытия себя от стыда или для облегчения боли от ран».

Таких-то несчастных собралось к Господу десять человек. Может быть, их соединило общее бедствие, как замечает святой Григорий Богослов, и они всегда были вместе, чтобы облегчать взаимно страдания друг друга; а может быть, они собирались из разных мест только для того, чтобы печальным видом своих разнообразных страданий тронуть сердце Иисуса и общею мольбою испросить себе у Него исцеление. Иисуса Христа в путешествиях Его, кроме учеников, всегда сопровождала толпа народа. Прока-

женные знали закон, запрещавший им входить в общество людей здоровых; знали, что народ питает к ним отвращение, что только благочестивейшие из людей (как говорит святой Григорий) приближаются к ним, и только Иисус Всемогущий без опасения к ним прикасается. Потому эти несчастные, узнав, где проходил Господь, в виду селения остановились вдали от дороги, и все в один голос закричали Ему: *Иисусе Наставниче, помилуй ны!* Какой смысл имела их общая мольба?.. «Воззри и на нас, отверженных, милосердый Учитель и Всемогущий Врач неисцельно болящих! В нас Ты видишь все роды недугов, от которых исцелял Ты других. Одна болезнь, которую мы носим в себе, делает нас и глухими, и слепыми, и хромыми, и расслабленными, и подвергает гниению прежде смерти. К Тебе здоровые ведут и несут больных; мы все больные — и ведем к Тебе друг друга. На других болящих обращает Твой взор любовь и страдание ближних; но нас никто не любит; за нас некому просить. Ты один не отвергаешь прокаженных. Наши язвы и страдания умоляют Тебя за нас; умилосердись над нами»!

Господь заметил прокаженных, но Он не дозволил им приблизиться к Себе, как прежде одному прокаженному, и не исцелил их мгновенно, как того, одним прикосновением Своей руки. Он отослал их к священникам иудейским, говоря: *Шедше покажитеся священником.* По закону Моисееву, на священниках лежала обязанность осматривать заболевающих проказою или какою-либо другою накожною болезнью, похожею на проказу. Если признаки проказы были совершенно ясны, священники тотчас объявляли больного нечистым и изгоняли из общества. Если случай был сомнительный, прокаженного заключали в отдельное помещение на семь дней и потом снова осматривали. Заключение повторялось, когда болезнь не обозначалась ясно; в противном случае после первого заключения решалась судьба больного, то есть или отпускали его домой, если на нем опытный глаз священников не находил проказы, или объявляли его нечистым. Точно также, когда проказа проходила сама собою, прокаженный опять должен был явиться к священникам, чтобы они удостоверились, точно ли он выздоровел и может ли быть возвращен в дом свой. Если действительно было так, выздоровевший должен был совершить постановленный законом Моисеевым обряд очищения и принести узаконенную жертву Богу. Это последнее требование закона повелел Господь Иисус Христос совершить тому прокаженному, которому Он даровал исцеление: *Шед покажися иереови и принеси дар, егоже повеле в законе Моисей, во свидетельство им;* то есть хотя ты получил исцеление чудесным образом, но Тот же Бог даровал его тебе, Который дал закон о прокаженных чрез Моисея; иди же, исполни его во свидетельство иудеям, что Сын Человеческий пришел не разорить закон, но исполнить. Но зачем Господь послал к священникам этих десять прокаженных прежде, чем исцелил их? Первоначальный осмотр, веро-

ятно, ими был уже сделан; потому что они вели себя как прокаженные, объявленные нечистыми, ходили отдельно целым обществом, удалялись от людей здоровых. Для второго свидетельствования им не было также причины идти к священникам, потому что они сами видели, что они далеки от выздоровления; иначе они не пришли бы к Спасителю просить исцеления и сами поспешили бы к священникам для совершения обряда очищения. Что же значат слова Господа? Может быть, были здесь и иудеи, наблюдавшие за Господом, для которых Он нашел нужным отослать прокаженных к священникам; но кроме того, по ходу события видно, что Господь в сем случае поступил так же, как всегда поступал, когда хотел испытать и возвысить веру в людях, просивших у Него исцеления. Прокаженные показали веру во всемогущую силу Иисуса, в Его благость и милосердие тем, что пришли к Нему просить исцеления. Они надеялись, что Он не отвергнет их, как нечистых; не усомнились в том, что для Него возможно исцелить и десять человек от неисцельной болезни, точно так же, как одного. Но они просили себе у Него только блага временного — уврачевания тела. Конечно, и в этом Господь не отказывает просящим; Ему приятно, когда и за этим люди к Нему обращаются. Но этого мало как для истинного блага просящих, так и для Его Божественной любви. Он есть Врач и Спаситель душ и телес наших; Он пришел на землю, чтобы возвести нас к вечной жизни. Потому всяким случаем, когда нужда и бедствие приводят к Нему человека, Он пользуется, чтобы привлечь его к Себе, приобрести его доверенность и послушание и, даровав ему просимое благо, пробудить в нем чувство благодарности и любви, и чрез это чувство ввести его в духовный союз с Собою и поставить на путь спасения. Таким образом веру младенческую, порождаемую внешними бедствиями и питаемую внешними благами, Он обращает в веру полную, спасающую.

В сем смысле повеление идти к священникам, данное Господом прокаженным, составляло для них заповедь, которая должна была испытать их веру. Так Господь, намереваясь исцелить слепорожденного, прежде послал его умыться в купели Силоамской, хотя это умовение не могло само по себе иметь никакой целебной силы. Так пророк Елисей, желая прежде исцеления испытать послушание прокаженного Неемана Сирианина, послал его семь раз омыться во Иордане. Слепорожденный повиновался Господу, а Нееман сначала с гневом возражал, что в его отечестве есть реки для омовения лучше Иордана. Так и прокаженные могли принять с верою и послушанием повеление Господа и получить за это не только просимое ими исцеление, но и все дальнейшие блага, открытые вере; но могли встретить и сомнением, отказаться от его исполнения и удалиться от Иисуса Христа, не получив ничего. Но они послушались и получили награду за свое послушание.

И бысть идущим им, очистишася, говорит евангелист. Неизвестно, далеко ли отошли прокаженные от места встречи с Господом по пути к Иерусалиму, где были священники, совершавшие установленное законом служение Богу. Но каково было их удивление и радость, когда они внезапно во время пути увидели каждый на себе и друг на друге чудное действие силы Господней! Возвращение или исправление утраченных или поврежденных болезнью членов, исчезновение язв, очищение лица и других открытых частей тела, возвращение сил, сладостное чувство жизни, сопровождающее всегда восстановление здоровья, — всем им дали скоро и живо почувствовать милость и всемогущество Иисуса. Они здоровы, они чисты, они возвращены к жизни и всем ее радостям! Что свойственно было и что надлежало им делать после этого? То, чего требовало благоразумие и справедливость и чего ожидал от них Сам Господь: возвратиться к Благодетелю, открыть пред Ним сердце, преисполненное радости и счастья, посвятить Ему первые движения чудесно восстановленной жизни, обещать Ему всегдашнюю память о Его благодеянии, любовь и благоговение к Нему. Эти чувства Господь принял бы от всех их с благоволением, озарил бы их новым светом благодати Своей и присоединил бы десять новых душ к числу спасаемых.

Но только в одном из десяти Господь имел утешение видеть ясное понимание великости благодеяния, Им оказанного, и живое чувство благодарности. *Един же от них, видев, яко исцеле, возвратися, со гласом велиим славя Бога, и паде ниц при ногу Его, хвалу Ему воздая, и той бе Самарянин.* Достойный любви и подражания самарянин! Как хорош он в своем живом восторге! Как превзошел он высотою своего духа и благородством сердца иудеев, получивших равное с ним благодеяние, но скоро забывших своего Благодетеля! Увидев себя исцеленным, он не стал колебаться и размышлять о том, что ему надобно делать. Приблизившись к Господу, по своем возвращении, он повергся на землю, припал к ногам Его и долго изливал пред Ним свое сердце в словах любви и благодарения. И Господь, без сомнения, с любовию взирал на него.

Но, радуясь тому, когда в сердцах человеческих находит чувства веры и любви, Господь скорбит, когда их не находит. К чему больше поводов подавало настоящее событие — к радости, или к печали? Судя по-человечески, больше к печали. Возвратился к Нему один, а ушло от Него (и, может быть, навсегда) девять человек! И с какою кротостью Господь выражает скорбь Свою! *Не десять ли очистишася, да девять где?* — говорит Он о неблагодарных. Он как будто желает знать, где они, что сталось с ними, несчастными. Но Он знает это по Своему всеведению, Он видит, куда они пошли и что они делают. Почему же Он вопрошает о них? Это голос любви, сетующей об утрате существа любимого. Так мать, утратившая дитя свое, хотя знает, где оно, и что с ним случилось, но, рыдая, вопрошает:

«Где ты, чадо мое милое? Зачем ты меня оставило?» Для любящего сердца важно то, что от него оторвали предмет его любви, и оно страдает, и зная, и не зная, где он находится. Пища для истинно любящего — заботиться о любимом человеке, трудиться для него, всем жертвовать для его счастья и счастьем его утешаться. Те же свойства имеет и любовь Божественная, которой образом служит чистая любовь человеческая. А девять где? Куда бы они ни пошли, что бы они ни делали, они были достойны слез, потому что удалялись от Господа. Если в первые минуты радости они не вспомнили о Нем, могут ли вспомнить, возвратившись к прежней жизни, к плотским радостям, суетам и заботам?

Как же могло случиться, что они забылись до такой степени? Об этом как бы с удивлением вопрошает Сам Господь: *како не обретошася возвратшеся дати славу Богу, токмо иноплеменник сей* (как же они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника)? Неблагодарность девяти исцеленных особенно удивительною представляется от того, что они были иудеи, принадлежали к избранному народу Божию и к истинной ветхозаветной церкви, тогда как оказавшийся благодарным был самарянин, иудеями презираемый.

Толкователи Священного Писания находят причины неблагодарности исцеленных иудеев в их крайней приверженности к обрядовому закону, по которой они поспешили в Иерусалим принести жертву за свое очищение, забыв о Господе, исцелившем их, — в их ложных понятиях об ожидаемом ими Мессии как земном царе, по которым они не могли признать истинным Мессиею смиренного Иисуса и, следовательно, оказать Ему должную почесть и благодарность; наконец, в опасении, чтобы старейшины и книжники иудейские не отлучили их от церкви за близкие отношения к Иисусу Христу и т. д. От всего этого, говорят, был свободен самарянин, не связанный иудейскими понятиями и страхом старейшин иудейских, и, следовательно, способный действовать по влечению своего сердца. Но какие бы ни были частные причины этого черного поступка иудеев, для нас, благочестивый читатель, важна причина общая, лежащая в основании всех других, которая главным образом и их сделала, и нас делает неблагодарными пред Богом, — это развращение сердца, ожесточение его от жизни плотской и греховной. Оно делает и ум наш слепым, так что он видя не видит; оно наполняет и жизнь нашу делами черными, так что мы часто оказываемся пред Богом грубее животных, питающих к благодетелю чувство благодарности, как говорит и Сам Господь чрез пророка Исаию: «Вол знает хозяина своего, и осел ясли господина своего, а Израиль не знает и народ Мой не разумеет». Так как в искренней и глубокой благодарности выражается много прекрасных свойств души человеческой, много высших духовных сил ею возбуждается, то она представляет и много залогов верности благодарного человека Богу-Благо-

детелю и Его святому закону. Мы не знаем, что исцеленный говорил Господу, но одно внешнее его положение уже довольно ясно говорит за него: «Ты воскресил меня, Учитель; Ты приобрел меня; я Твой, повелевай мною и делай со мною, что Тебе угодно!» Такое расположение духа есть полная вера, необходимая для спасения. Надобно думать, что это засвидетельствовал пред всеми и Сам Господь, сказав Самарянину: *Востав иди: вера твоя спасе тя.* Очевидно, в сих словах заключается больше, нежели указание на одно исцеление его от проказы. Исцеление получили и иудеи, но Господь не похвалил их веры, а укорил за маловерие. «Встань, — как бы так говорил Господь, – иди в мире; вера твоя не только приобрела исцеление твоему телу, но и душу твою поставила на путь спасения, и поведет тебя ко спасению!»

Кроме учения о благодарности, составляющего главный смысл повествования об исцелении десяти прокаженных, оно наводит нас и на другие, не менее поучительные мысли. И в нас, благочестивый читатель, есть проказа нечистая, заразительная, разъедающая члены и составы, проказа души нашей, медленно, но верно убивающая нашу внутреннюю жизнь: это грех, в нас действующий. За него правда Божия изгоняет нас из общества святых и ангелов Божиих и заставляет блуждать в бесплодной пустыне духовного мрака, уныния, тоски — без радости и утешений. Если совесть говорит нам, что мы недостойны быть в светлом обществе здравых духом, чистых и счастливых, недостойны подойти близко к нашему Господу и Спасителю, — станем, подобно прокаженным, вдали от Господа, в чувствах самоосуждения, самоуничижения и смирения, но воззовем от сердца громким голосом веры: *Иисусе Наставниче, помилуй ны!* Или, как научает нас Церковь: «Царю превечный, Утешителю, Христе, истинный, очисти ны от всякия скверны, якоже очистил еси десять прокаженных».

Заповедь пойти к священникам, данная прокаженным, и для нас имеет свой глубокий смысл. Священники ветхозаветной церкви не исцеляли прокаженных — и новозаветные сами по себе не исцеляют проказы греховной, но как те осматривали и разбирали прокаженных, так и новозаветные разбирают различные состояния грешников. Иди, исповедуй грехи свои священнику, но не по одному внешнему обряду, как иудеи, а с мыслью о Господе, даровавшем им власть вязать и решить, с благоговением к этой богодарованной власти и с послушанием наставлениям и руководству духовного отца. Послушание заповеди Господней приобрело исцеление десяти прокаженных: послушание Божественным постановлениям святой Церкви дарует исцеление несчетным тысячам духовно болящих от всех видов и степеней болезни. Но врачевание греха самовольное, самочинное, соединенное с гордостью и самонадеянностью, не принесет пользы.

Получив исцеление чрез святые таинства покаяния и приобщения святого Тела и Крови Христовой, будь благодарен исцелившему тебя Иисусу

Христу и веди себя, как прилично благодарящему и не забывающему благодеяния: бойся опять заболеть прежнею проказою страстей и порочных навыков, не предавайся беспечно и невинным удовольствиям, но припадай к ногам Иисусовым, восхваляй Его милосердие, утешайся Его любовию, – и Он укрепит тебя на твердое и благонадежное шествие по пути добродетели; ты почувствуешь в сердце своем Его Божественный глас: *Востав, иди: вера твоя спасе тя.*

Об исцелении десяти прокаженных мужей

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в Неделю 29-ю

Един же от них, видев, яко исцеле, возвратися, со гласом велиим славя Бога (Лк. 17:15). Христос Спаситель даровал здравие десяти больным проказою. Проказа была болезнь тяжкая, часто заразительная, нечистая. По закону Моисееву, прикоснувшийся к больному проказою признаваем был нечистым и подвергался обрядам очищения. Может быть, сей закон постановлен был как средство против заразы; а может быть, он указывал и на происхождение проказы от нравственной нечистоты. В самом деле, мы видим в священных повествованиях, что Мариам за мятеж против Моисея, Гиезий за корыстный обман от имени пророка, Озия за святотатственное вторжение в священническую должность мгновенно поражены были проказою. Прокаженные были люди отверженные от общества и сопребывания других людей, почему евангельские десять прокаженных и встретили Господа не в доме, не в селении, но пред вступлением Его в селение, *входящу Иисусови в некую весь*, и, не смея приблизиться, *сташа издалеча.* Вот каким людям не отказал Он в благотворении!

Требует размышления и образ исцеления, дарованного десяти прокаженным. Когда они воплем *Иисусе Наставниче, помилуй ны,* очевидно просили себе исцеления, – Он не отказал им в оном, но и не обещал оного, а только сказал: *Шедше покажитеся священником.* Что ж это значило? – Это было применение к Моисееву закону, который повелевал прокаженному являться к священнику для определения действительности болезни и действительного выздоровления и для принесения за выздоровевшего от проказы жертвы очистительной и благодарственной. Итак, Христос Спаситель, отсылая прокаженных к священникам и в церковь, чрез сие хотел, во-первых, уклониться от славы человеческой, потому что исцеление в сем случае должно было последовать не при многолюдстве, в виду целого селения, но в уединении, на пути; во-вторых, побудить их к исполнению церковных обязанностей и богослужебных; в-третьих, возвести умы и сердца их к Богу, дабы в Нем видели источник всякого блага и благодеяния и Ему за все воздавали славу.

В числе десяти прокаженных удостоен был чудесного исцеления *Самарянин.* Сим наименованием означались люди, отпадшие от православия ветхозаветной Церкви, совершавшие богослужение не в благословенном Иерусалимском, а в ином неблагословенном храме, отвергавшие большую часть пророческих писаний, хвалившиеся, как будто священною древностью, колодезем, из которого пил патриарх Иаков *и скоти его.* Господь обличает их в незнании истинной веры: *Вы кланяетеся, егоже не весте.* Но и чуждого Церкви не отчуждил Глава Церкви от благодеяния телесного: и последствия показывают, что благодеяние не потеряно. Самарянин, конечно, не остался самарянином когда, по исцелении, к Обличителю самарян *возвратился, со гласом велиим славя Бога, и паде ниц при ногу Его, хвалу Ему воздая.*

Из числа десяти прокаженных, получивших исцеление, оказалось девять неблагодарных. Всеведущий Исцелитель видел неблагодарность прежде, нежели совершил исцеление: однако не удержался от совершения благотворения, и по совершении не раскаивался. Кротко изъявил Он удивление, не о том, что не благодарят видимого благодетеля, но о том, что не дают славы Богу. *Како не обретошася возвращшеся дати славу Богу?*

Неблагодарность есть нечувствие души неестественное. В природе не только человека, но и бессловесных насаждено расположение к благодарности. Лев, которого преподобный Герасим избавил от болезненного страдания, вынув у него из лапы занозу, ощутил к своему благодетелю такую привязанность, что служил ему во всю остальную жизнь его и по его смерти от печали по нем умер на его могиле. Но что ж? Если другой поступает не по природе — неужели посему ты, сын благодати, решишься поступать не по благодати? Неужели удержишь руку твою от благотворения потому, что испытал или предвидишь неблагодарность? Вспомни твоего Спасителя, Который хотя видел пред Собою девять неблагодарных против одного благодарного, не удержался от благотворения всем.

Ответ фарисеям о времени пришествия Царствия Божия (Лк. 17: 20–21)

Фарисеи, смотревшие на себя в своем высокомерии как на прирожденных обладателей Царства Божия, предложили однажды Иисусу вопрос: «Когда приидет Царствие Божие?» Вместо того, чтобы спрашивать, что им следует делать для того, чтобы войти в это Царство Божие, они хотели знать время его наступления, после того как оно было возвещено уже пророками, Иоанном Крестителем и Самим Христом. Иисус отклонил этот вопрос как праздный и бесплодный и вразумил их о пришествии Своего Царства следующими словами: «*Не приидет Царствие Божие приметным образом,* как вы представляете себе. Оно не придет ни в наружном блеске и

сиянии, как вы ожидаете его, ни с определенными внешними формами, законами, порядками и установлениями. Оно не придет так, чтобы его можно было наблюдать и рассматривать. *И не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там.* Оно не привязано ни к какому определенному времени и ни к какому определенному месту. *Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть.* Оно там, где сердца приносят покаяние и веруют в Мое слово. В этом виде оно уже явилось среди вас».

Воцарение Господа *внутрь нас* (Лк. 17:21)

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1872

Царствие Божие внутрь вас есть, сказал Господь, научая народ делу спасения (Лк. 17:21). Если Царствие Божие там, где царствует Бог, то искать Царствия Божия, которое внутри нас есть, значит искать того, чтобы Бог воцарился в нас, царствовал над нами. Все дело, следовательно, за тем, чтобы воцарить Господа внутри нас. Над чем же воцарить? Над всем, что есть в нас — над мыслями, желаниями, чувствованиями, делами. Всякую силу нашу надо привести к подножию престола Его и показать Ему, да царствует Он над умом нашим, нашею волею и нашим сердцем. Как это бывает и когда? Бог есть Царь ума нашего, когда ум чрез покорность вере, усвоив себе все сообщенное нам в святом Откровении, думает о едином Боге и обо всем сущем и бывающем судит по Богу. Бог есть Царь нашей воли и совести, когда, напечатлев в себе заповеди Божии и положив их непреложным для себя законом, мы ни в малом, ни в великом не позволяем себе отступать ни на одну йоту от сознанной воли Божией. Бог есть Бог сердца нашего, когда, ощутив сладость Божественного, оно отвергает земные сласти и, ни в чем земном не находя вкуса, все живет на небе — там, где и полагает сокровище свое.

Но Царствие Божие от внутрь простирается и вовне; ибо, когда все сказанное совершится внутри нас, тогда и все внешнее перестраивается по тому же духу и направлению. По тому же духу начинают действовать и язык, и глаза, и слух, и все другие чувства; тем же духом направляется тогда всякое движение и всякое действие вовне, наедине, в семействе, на должности, в обществе и во всех житейских отношениях; словом, тогда во всех проявлениях нашей жизни внутренней осязательным правителем бывает Бог, что и печатлеется во внимании всех по слову Господа: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех* (Мф. 5:16).

В ком воцарился Бог внутри, того вы видите участвующим во всех делах, к каким обязывает его положение его в обществе; но в них он только внешне, внутренне же весь в Боге, от Коего и исходят для него манове-

ния на всякие дела и начинания, на число их, широту и образ совершения. В таких людях осуществляется именно то, что заповедует апостол: *Да имущии жены, яко не имущии будут, и плачущии якоже не плачущии, и радующиися, якоже не радующеся, и купующии, якоже не содержаще, и требующии мира, яко не требующе.* Так-то. Кем взыскано и обретено Царствие Божие, в том бывает *Бог всяческая во всех,* так что, как на небе почивает Он на херувимах и серафимах, так почивает и в нем, на всех силах его духа, который и сам, растворившись в Нем сознанием и самодеятельностью, все, и внутреннее и внешнее, направляет к угождению Ему единому, возлюбив Его *всем сердцем, всем помышлением и всею крепостию своею* (Лк. 10:21).

Наставления ученикам о пришествии Сына Человеческого (Лк. 17: 22–37)

Ст. 22–24. Когда фарисеи ушли, Иисус сказал ученикам Своим: *Приидут дни, когда пожелаете видеть хотя один из дней Сына Человеческого, и не увидите.* «Вы будете желать Меня и обращения со Мною, желать возвращения Моего в вашу среду. Вы будете с тоскливым желанием ожидать того дня, когда Я опять приду к вам; и ожидание ваше не осуществится. Остерегайтесь, чтобы ожидание ваше не было обмануто ложными известиями!» *И скажут вам: вот, здесь, или: вот, там* явился Иисус, – *не ходите и не гоняйтесь. Ибо как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой.* Этот день придет, но он придет иначе, нежели вы думаете. Сын Человеческий во время Своего пришествия будет, как молния. Он нисходит с неба, и появлением Его озаряется вдруг все, находящееся на земле. Тогда уже невозможно будет ни здесь, ни там, ни теперь, ни после. Он будет везде, так что никому нельзя будет отрицать Его явления.

Ст. 25–30. Но прежде чем последует это пришествие Сына Человеческого, Ему надлежит пострадать и умереть. *Но прежде Ему надлежит много пострадать и быть отвержену родом сим.* Когда же Он придет, то произведет над врагами Своими скорый и ужасный суд. *И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег; и пришел потоп и погубил всех. Так же было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный, и истребил всех. Так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится.* Суд Его придет быстро и внезапно и страшно поразит людей среди их земных помышлений и дел, среди их плотской беззаботности.

Ст. 31–33. В этот день только тот спасет свою душу, кто войдет под покровительство Божие, как Ной *вошел* в ковчег; кто выйдет из мира и удалится его благ, как Лот вышел из Содома. *В тот день, кто будет на кровле, а вещи его*

в доме, тот не сходи взять их, и кто будет на поле, также не обращайся назад. Вспоминайте жену Лотову. Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее. Поэтому не заботьтесь о земном имуществе, не беспокойтесь о своей жизни! Старайтесь только о том, чтобы спасти свою душу!

Ст. 34–37. Этот суд будет так решителен, что из двоих, часто находящихся в ближайшей и теснейшей связи между собою, один спасется, а другой погибнет. *Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой оставится. Две будут молоть вместе; одна возьмется, а другая оставится. Двое будут на поле: один возьмется, а другой оставится.* Пораженные этими словами Иисуса, ученики спрашивают: «Где, Господи?» Где будет происходить это? Ведь не в Иерусалиме и не у народа Израильского? Но Иисус отвечает им поговоркою (Авв. 1:8): «Где труп, там соберутся и орлы». То есть это совершится прежде всего, конечно, на Иерусалиме и на иудейском народе, а под конец и на всем погибшем мире. Как хищные птицы слетаются стаями туда, где лежит труп, так и карающий и истребляющий суд Божий проявляет себя там, где замерла внутренняя жизнь и началось духовное разложение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 17-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

1) Ст. 1. Мысли свт. Феофана.

2) Ст. 3. На слова: *Внемлите себе.* «Воскресное чтение», 1816.

3) Ст. 10. Размышление на слова: *Тако и вы егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы.* «Христианское чтение», 1822.

4) Ст. 12–19. *Илиодор, архиеп. Курский.* Исцеление десяти прокаженных мужей. «Христианское чтение», 1843.

5) Ст. 17–18. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* О христианском долге благодарности Богу.

6) Ст. 17–18. *Арсений, митр. Киевский.* Об исцелении 10 прокаженных мужей и о христианском долге благодарности Богу.

7) Ст. 17–18. Долг благодарности Богу. «Воскресное чтение», 1810, 1813.

8) Ст. 17–18. *Архим. Феодор.* Евангелие, читаемое на благодарственных царских молебнах. «Духовная беседа», 1859.

9) Ст. 20. Жизнь христианская в Боге. «Христианское чтение», 1823.

10) Ст. 25. Мысли свт. Феофана.

11) Ст. 37. *Арсений, митр. Киевский.* Изъяснение изречения о *трупе* в приложении ко Христу и об *орлах* в приложении к избранным Его. Иисус Христос есть хлеб животный.

Притча о неправедном судье (Лк. 18: 1-8)

Иисус говорит Своим ученикам о Своем пришествии на суд и о временных скорбях и бедствиях, имеющих посетить пред тем всю землю, а так

же и Его учеников. Теперь Он говорит им, как они должны приготовляться к этому времени, чтобы встретить его с мужеством и радостью. Это Он излагает в двух следующих одна за другою притчах, из коих первая говорит о неустанной, а вторая о смиренной молитве.

Притча о неправедном судье. «В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего! Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь; но как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне». Бедная вдова искала помощи и защиты против своего обидчика у неправедного судьи, который Бога не боялся и людей не стыдился. Судья долго не внимал ее просьбам и жалобам. Не смущаемая этим, она продолжала постоянно приходить к судье. Наконец он потерял терпение. В нетерпении и досаде, желая избавиться от ее докучливых просьб, он сдается и защищает ее от ее обидчика. Затем Иисус дает объяснение: «Слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре». Какая большая разница по отношению к ученикам Господа! Они имеют дело не с неправедным судьею, но с правосудным и милосердым Богом. Они не так далеки от Него, как вдова от судьи: они Его избранные, которых Он призвал и избрал из любви к Своей славе и блаженству их. Часто кажется, правда, что Он не хочет услышать сейчас же. Но если они будут постоянно приходить и не будут ослабевать в своих молитвах, то Он услышит их, и притом вскоре, скорее, нежели они сами будут надеяться и ожидать. Верующие узнают это всего яснее и разительнее во время скорби последнего времени, когда противник их будет преследовать их жесточе и немилосерднее, нежели когда-либо. Но, жалуется Господь, только немногие испытают такое славное спасение, потому что в те дни мало веры найдено будет на земле. «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?»

К притче о мытаре и фарисее (Лк. 18: 10–14)

Моление мытарево (Лк. 18: 13–14)

«Воскресное чтение», 1818

Мытарь издалеча стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне, грешнику (18:13). Почему такое моление мытаря было приятно Богу? Потому что оно принесено было в духе ис-

тинного покаяния, с сердцем сокрушенным и смиренным. Все это можно видеть в каждой черте сего моления.

1. Мытарь становится на молитву вдалеке от святилища. Он не почитает себя достойным стать в ряду прочих, а избирает место позади всех. Пусть другие идут мимо него и указывают на него как на известного всем грешника. Никто не обвинит его более, как он винит сам себя. Теперь не скрывать грехи свои пришел он, а открыть их пред Богом; и много ли значит, если люди будут смотреть на него как на грешника?

2. Кающийся мытарь не смеет взирать на небо и очи преклоняет долу. Кого стыдится он? Не столько людей, сколько самого себя. Если внешние очи его склонены к земле, то внутренние погружены во глубину сердца и здесь видят все безобразие и мерзость грехов. Как же подняться очам его к небу? Чистота неба еще более откроет нечистоты души грешника; свет солнечный не разгонит внутренней тьмы его, а еще более даст почувствовать ему, как далек он от благодатного Света Божия. Притом, и не подъемля очей к жилищу Славы Божией, мытарь, сознающий грехи свои, чувствует, что он весь открыт пред всевидящим оком Божиим, сознает даже, что взор вечной правды и святости теперь особенно остановился на нем и как бы жжет душу его; не потому ли кающийся и не смеет поднять очей к небу, чтобы не встретить ему здесь гневного взора небесного правосудия? Грешник, весь занятый чувством грехов своих, хотел бы теперь не видеть самого себя. Но он не может не чувствовать самого себя. Потому

3. Бьет себя в грудь. Здесь, в сердце, чувствует мытарь мучения своей совести; здесь преимущественно отзывается болезнь души его. Что ж, не хочет ли он внешними ударами в грудь заглушить внутреннюю скорбь свою? Нет! Он хочет более сокрушить сердце свое, хочет заставить его еще сильнее сознать свое бедствие от грехов. Так свойственно поступать тем, которые во всей силе чувствуют свое бедственное состояние и в этом бедствии обвиняют одних самих себя. Это можно было бы почитать даже выражением отчаяния, если бы мы не слышали из уст мытаря следующей молитвы:

4. *Боже, милостив буди мне грешнику.* Ничем не извиняет себя мытарь; ничем не умаляет тяжести грехов своих. Не говорит: призри, Боже, на мои слабости, на соблазны и льстивые искушения, окружившие меня в жизни, среди которых никто не может остаться невинным. Не говорит и так: помяни, Господи, мои милостыни и жертвы, и я иногда вместе с другими совершал повеленное Твоим законом. Одно говорит: я грешник — помилуй меня! Я грешник — и только! Более ничего не вижу в себе, нет доброго во мне, нет ничего, за что бы ожидать мне пощады. Прибегаю к Твоему бесконечному милосердию: оно одно может спасти меня. Боже! Будь ко мне милостив. *По велицей милости Твоей помилуй мя, по множеству щедрот Твоих очисти беззакония моя.* Бесконечная благость Твоя да победит бесчисленные грехи мои!

И услышана эта смиренная и искренняя молитва. Открылось, что стоявший в отдалении от святилища стал ближе многих в Святому святых; на того, кто не смел взирать на небо, с любовию воззрело всевидящее око Божие, и в того, кто бил себя в грудь, сокрушая сердце свое, в то же время излит бальзам утешения, врачевство благодати. *И сниде сей оправдан в дом свой.* Не только отпущены грехи этому покаявшемуся грешнику, но и дарована правда Божия; не только освобожден он от наказания, но и включен в число наследников Царства Господня. Ибо если Бог оправдал этого мытаря, то не очистился ли он от всех грехов? Не прилично ли и о нем, как о Закхее, сказать теперь: *и сей сын Авраамль есть*? Таким образом смиренному мытарю дарована правда большая и лучшая, нежели та, какую давал или мог дать сам себе фарисей, хвалившийся делами закона. Если такова сила молитвы мытаревой, то почему, спросят, мы, столь часто повторяющие эту молитву, немного получаем от нее пользы? Потому что эту молитву не так совершаем мы, как совершал мытарь. Быть может, по наружности молитва наша такова же, как у мытаря, но такова ли она внутренне, так ли совершается в самых сердцах наших, как совершалась в его сердце сокрушенном и смиренном? Один Бог видит, как эта смиренная молитва действует в сердцах истинно кающихся; Он и оправдывает их. Бог же видит и то, как действует эта молитва в сердцах не хотящих расстаться со грехами, и отвергает ее, потому что она не одушевляется духом истинного покаяния. Всего более препятствует успеху покаяния нашего то, что мы большею частью почитаем себя лучшими, нежели каковы на самом деле, и осуждаем не столько себя, сколько других. Заметим же, что Господь направил именно против этого недуга нашего притчу Свою: ибо изрек ее *ко уповающим собою, яко суть праведницы и уничижающим прочих*, а в заключение ее сказал: *всяк возносяйся смирится, смиряй же себе вознесется.*

Почему молитва фарисея была отринута, а молитва мытаря принята (Лк. 18: 11–14)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в Неделю мытаря и фарисея

Фарисей став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю.

Кажется, это не худая молитва. Фарисей *молится в себе*, то есть внутренне, мысленно, сердечно; это лучше некоторых из нас, которых уста произносят молитву, а сердце ее не чувствует, и мысль нередко уклоняется от нее к посторонним предметам, или которые слушают церковное чтение и пение ухом телесным, но не отверзают глубоким вниманием слуха внутреннего и не одушевляются духом молитвы. По таким расположениям надлежит опасаться, чтобы нам не остаться более чуждыми оправдания, нежели неоправданный фарисей.

Фарисей *воздает хвалу Богу,* и это лучше некоторых из нас, которые в молитве помышляют более о том, что нужно им, нежели о том, что угодно Богу, которые, как алчущие наследия отеческого, а не любви дети, приходят в дом Отца Небесного, чтобы просить себе нужного и ненужного, полезного и неполезного, а не для того, чтобы созерцать Его совершенства, чтобы исповедывать Его премудрость, благость, провидение, помощь, благодеяния, чтобы вкушать от Его любви и благодати и приносить Ему свою любовь, благодарность, хвалу и славу.

Фарисей – человек не без подвигов и не без добрых дел. *Пощуся,* говорит он, *двукраты в субботу, десятину даю всего, елико притяжу.* Поститься два дня в неделю закон ветхозаветной церкви не предписывал; это был пост, введенный частным преданием и добровольно принятый фарисеем; из чего можно заключать, что тем паче неопустительно наблюдал он посты законные. Давать десятину, то есть десятую долю от стада, от произведений земли, от годового дохода церкви, ее служителям и нищим предписывал закон, впрочем, не тщательно исполняемый в последние времена ветхозаветной церкви; фарисей, дававший десятину от всякого приобретения, конечно, был ревнитель закона лучше многих – и, нельзя не признаться, лучше некоторых из нас, которые не только не налагают на себя добровольных постов, но и установленные Церковью посты или явно нарушают, или исполняют небрежно, изобретая пост роскошнее мясоястия, – которые не только десятой доли от своих приобретений не отделяют на церковь и ее служителей и на нищих, но и скудную на сие долю дают неохотно, как бы невольную дань, а не с радостью, как жертву Богу. Повторяю: надлежит опасаться, чтобы не остаться нам более чуждыми оправдания, нежели фарисей неоправданный.

Но как же он не оправдан? Тотчас увидите.

Фарисей став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь, якоже прочии человецы. Казалось бы, он хвалит Бога; но на самом деле превозносит самого себя. Хвала Богу служит у него только средством выражения того, как он доволен собою, что он лучше других. Посему нетрудно понять, может ли его молитва быть угодна Богу: это – кадило, из которого восходит не благоухание благоговения и умиления, а смрад гордости и тщеславия. Понятно, почему он не может быть оправдан: провозглашая себя лучшим других и беспорочным, он не только говорит, сам не зная что, как не сердцевед, но и очевидно говорит неправду; потому что лучше его знающий человеческую добродетель апостол свидетельствует: *Аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины несть в нас* (1 Ин. 1:8).

Научимся из сего, как вообще не думать о себе высоко, так в особенности не высокомудрствовать в молитве. Что тебе заглядываться на свои ничтожные добродетели, когда надобно созерцать бесконечные совершен-

ства Божии? Что тебе хвалить себя, когда надобно прославлять Бога? Если ты наслаждаешься сам собою, то, конечно, душа твоя не возжаждет к Богу; а потому и благодать Его не придет напоить тебя от тука дома Его потоком сладости Его.

Фарисей в молитве не только хвалил себя, но и порицал других. *Несмь, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь.* Сих слов не оправдает и человек незлобивый и кроткий, – как оправдает их Бог всеблагий, человеколюбивый, Которого *щедроты на всех делех Его*? Пред лицом Божиим ты умаляешь ближнего как порочного, как преступника; но Бог имеет его под Своим провидением и милует: итак, в твоем укорении ближнего не скрывается ли дерзновенное укорение Самого Бога, Который его милует? И какая тебе польза высматривать пороки ближнего? Ты не делаешься святым от того, что видишь его грешным; напротив того, твое око, которое Бог сотворил и паки хочет сотворить чистым, сам делаешь лукавым. Ты ставишь сего мытаря между хищниками и неправедниками; но, может быть, сей низкий в глазах твоих Закхей чрез час каким-нибудь способом поднимется выше, чтобы узреть Христа, и еще чрез час Христос о нем скажет: *яко и сей сын Авраамль есть* (Лк. 19:9). Какими тогда глазами воззришь на того, которого теперь порицаешь?

Опасное искушение без нужды рассматривать недостатки и грехи других людей и прельщать себя мыслью, что мы не таковы, как они. Точно, это значит прельщать себя. Глумясь над пороками ближних, мы нарушаем заповедь любви к ближним, оскорбляем Бога, их милующего; оскверняем наш ум нечистыми представлениями; подвергаемся опасности быть порицателями невинных и даже будущих святых; смрадом нечистых воспоминаний растлеваем благоухание молитвы; немирною совестью восхищаем сердце наше от восхождения горе; и, конечно, не достигаем оправдания от Того, Который рек: *не судите, да не судими будете.*

Кто избавит нас от сего искушения? Кто нам покажет надежный способ достигнуть оправдания к молитве? Сей мытарь, толико презираемый фарисеем. Мытарю поручил сие Христос Спаситель в слове притчи.

Мытарь, издалеча стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешнику. Вот молитва, вследствие которой мытарь *сниде оправдан в дом свой.* Следственно, здесь есть и для нас образец молитвы, которая способна достигнуть оправдания.

Мытарь, вошед в церковь, стоит вдали, ближе к дверям храма, нежели к его внутренней святыне. Что сделаем мы по сему образцу? Станем ли тесниться в притворе, оставив церковь пустою? Сие не было бы сообразно ни с удобством, ни с порядком церковным. Кто может, поколику может, да подражает и видимому образцу оправданной мытаревой молитвы: всякий же да тщится постигнуть дух образа сего и оным одушевиться!

Что значит мытарево стояние вдали? Страх Божий пред святынею Божиею, чувствование своего недостоинства. И мы да стяжаем и да сохраним сии чувствования! О Боже святыни и славы! Тот, которого Ты оправдываешь, не дерзает приблизиться к святыне Твоей, — как же дерзаю я, достойный тысячекратного осуждения, входить во внутренность Твоего святилища, прикасаться к святыне Твоей, которой ангелы со страхом служат, приступать к таинствам Твоим, в которые ангелы желают проникнуть? Даруй мне страх и трепет и самоосуждение, да не осудит меня мое дерзновение.

Мытарь не хочет и очей возвести на небо. Что сие значит? Смирение. Итак, имей смирение в молитве — и будешь иметь молитву оправдывающую.

Мытарь биет себя в перси. Что сие значит? Сокрушение сердца о грехах и покаяние. Итак, имей и ты сии чувствования. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.*

Что ознаменовалось видимыми образами молитвы мытаревой, то же выражают и слова: *Боже, милостив буди мне грешнику.* Мытарь не опирается на свои дела, подобно фарисею, но уповает на милосердие Божие. С биением себя в перси называя себя грешником, он чрез сие исповедует, что правосудие Божие требует добродетели и осуждает грех; что он, как грешник, признает себя достойным осуждения и уже чувствует свое осуждение; что желает избавиться от греха и вместе сознает свое бессилие избавиться от оного. Когда же вместе с сим просит у Бога милости, не представляя ни права, ни побуждения, то сим исповедует веру в бесконечное милосердие Божие и в благодать, по вере оправдывающую и спасающую грешника, возрождающую и воссозидающую человека на дела благая, да в них ходит.

Таким образом, молитва мытаря есть молитва покаяния и смирения и вместе молитва веры и упования. С такою молитвою да входим в церковь и да пребываем в ней, да возглаголет милосердый Господь и нам, яко снидем оправданными в дом свой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 1–14 СТ. 18-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

В духовных журналах

1) Ст. 1–8. Неправедный судия. «Православный собеседник», 1866.

2) Ст. 8. Назидательные размышления о недостатках веры в мире. «Христианское чтение», 1827.

3) Ст. 10–14. *Блж. Августин.* О мытаре и фарисее. «Воскресное чтение», 1812.

4) *Самуил, патриарх Александрийский.* Беседа о мытаре и фарисее. «Воскресное чтение», 1815.

5) *Беллюстин.* Фарисейство. «Воскресное чтение», 1832.

6) *Протоиерей Нечаев.* Притча о мытаре и фарисее. «Душеполезное чтение», 1861.

7) *Его же.* Уроки покаяния, заимствованные из Ев. в Вел. каноне св. Андрея Критского. Мытарь и фарисей по евангельской притче. «Душеполезное чтение», 1881.

8) Евангельское чтение в неделю о мытаре и фарисее. «Воскресное чтение», 1825, 1826.

9) Мытари. «Воскресное чтение», 1809.

10) Мытари и фарисеи, 1801.

11) Фарисей и мытарь. «Христианское чтение», 1855.

12) *Диак. Державин.* Мытари и фарисеи. «Воскресное чтение», 1828.

13) *В.Л.* Кто был тот мытарь, который молился во храме вместе с фарисеем? «Руководство для сельского пастыря», 1878.

14) Об обязанностях христианина по учению евангельских притчей. «Воскресное чтение», 1834.

15) Ст. 10. Мытарь. «Христианское чтение», 1832.

16) Ст. 11. *Е. Мегорский. Несмь, якоже прочии человецы.* «Духовная беседа», 1874.

17) Ст. 14. «Воскресное чтение», 1808.

В Словах и Беседах

18) Ст. 9–11. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Против самооправдания и унижения других. О неосуждении ближнего.

19) Ст. 10–14. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Смирение имеет силу возводить человека на нравственную высоту и давать ему высокое положение в мире нравственном. Иудейское, современное Христу, фарисейство, и наше.

20) *Павел, архиеп. Кишиневский.* О религиозных партиях в иудейском народе во времена Иисуса Христа и о партиях нашего времени.

21) Ст. 11. *Арсений, митр. Киевский.* О молитве мытаря и фарисея и о пересудах.

22) *Дмитрий, архиеп. Волынский.* Беседа на притчу о мытаре и фарисее. «Волынские епархиальные ведомости», 1876.

23) *Никанор, архиеп. Херсонский.* Об историческом и общехристианском значении притчи о мытаре и фарисее.

Дети, принесенные к Спасителю (Мк. 10: 13–16)

*«Воскресное чтение», **1876***

Святой евангелист Марк говорит, что однажды Спаситель «вознегодовал». На кого же и за что? Что могло возбудить гнев Иисуса, Который обыкновенно с величайшею кротостию и терпением переносил людские неправды? Его порочили бесчестными именами, Его чудеса приписывали действию злого духа, покушались побить Его камнями, выгоняли из города, бичевали, пригвоздили ко кресту и злобными насмешками усиливали Его крестные страдания, и все это Он переносил с кротостию агнца. Но Он «вознегодовал», когда увидел однажды, что некоторые из Его учеников не допускали к Нему детей: велика Его любовь к детям, если Он «вознегодовал» даже на учеников Своих! И зачем они не дозволяли детям подойти к своему Господу? Неужели они не видели часто, с какою кротостию и любовию относился Он даже к Величайшим грешникам и беднякам? Да, все это они видели, не раз замечали Его нежную любовь к детям, и все-таки не допускали их к Иисусу!

Увидев, что ученики удерживают детей, Спаситель велел поднести их к Себе, взглянул на них, и этот взгляд ясно показал, как сильно Он любил их. Чем же дети заслужили такую горячую любовь Господа? Ответ находим в словах Спасителя: благословляя их, Он указал на их высокие достоинства, за которые Он любил их и на которые указывает другим, как на пример, достойный подражания. «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие». Затем, обратясь к окружавшим Его, Он дает в лице детей наставление взрослым: «Кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него». Вот за что Он любил детей — за их кротость, чистоту сердца и непамятозлобие! Кто не может, подобно младенцу, в простоте сердца и смирении принимать учения о Царствии Небесном, тот не войдет в него. «Не препятствуйте же детям приходить ко Мне». Значит, и малые дети могут следовать за Христом, как и взрослые, могут быть Его учениками! Если бы Христос доселе жил на земле видимо, тогда легко было бы понять, что значит следовать за Ним. Но теперь? Как можно идти за Ним? Иисус Христос не живет теперь на земле, как прежде, и потому дети не могут подходить к Нему, как, например, подходят к своему учителю, то есть телесными ногами. Но Иисус оставил нам Свое учение, которым можно приблизиться к Нему. Хотя Он живет на небе, но Духом Своим и доселе обитает между нами. Посему и малые дети могут исполнить Его волю; могут идти за Ним, если не телесными ногами, то сердцем, то есть могут любить Его, веровать в Него, повиноваться и молиться Ему. Как горяча может быть детская молитва, как приятен Спасителю молитвенный лепет и слезы невинного дитяти, и как скоро Он внимает им, когда они, стоя на коленях, скрестив ручонки, лепечут свои молитвы — утром или вечером, когда устами их говорит непорочное сердце! Святое слово Спасителя может быть для детей лучшею книгою, указывающею путь к небесному Учителю. Если они читают его со вниманием и принимают с верою — значит, они следуют за Христом, своим Учителем, стараясь подражать Ему в кротости, смирении и любви. Он дает им все доброе, в чем они нуждаются, и спасает их от зла, которого они боятся. Бедному дитяти Он может дать богатство небесных сокровищ — Свою благодать. Неведущее и неопытное дитя получает от Него Духа Святого, Который научит его всему доброму и истинному. Для сиротки Он лучше отца и матери и всех земных друзей. Несомненно одно, мои юные читатели, — что вы не чужды грехов, и если хотите спастись от них, идите к Иисусу — своему небесному Учителю! Он спасет вас от привязанности и власти греха, от преступления и наказания за него. Повинуясь воле Отца Своего, Он умер на кресте, чтобы спасти всякого верующего в Него. Он ваш искреннейший, богатый, сильнейший и вечнолюбящий Друг. Он так добр, что дает вам все необходимое, так богат, что может дать все это, так силен, что может защитить от всех врагов. Он вечен, и Его дружба не имеет конца.

Идите же к Нему! В Нем — счастье жизни, надежда на покойную смерть и небесное блаженство. Молитесь своему Другу, и Он услышит вас: Ангел Хранитель соберет ваши слезы; молитесь не за себя только, но и за тех, кто воспитывает вас и печется о вас. Когда Небесный Отец призовет вас к Себе, и там, в небесном жилище, не забывайте земных родителей. Ваша молитва приятна Господу, и вы можете тогда умолить Его.

Оставите детей приходити ко Мне и не браните им (Лк. 18:16)

«Воскресное чтение», 1823

Вот первое правило христианской педагогии. Прежде чем заботиться о средствах, как вести детей к истине и добру, *не браните им*, не будьте сами помехой им и препоной на пути к истине и добру. В то время, как хлопочете об усовершенствовании способов для умственного и нравственного развития, вы, родитель или наставник, можете сделаться сами препятствием к этому развитию. И когда ваши усилия дать детям хорошее воспитание поведут к дурным последствиям, которых вы не ожидали, когда вы с удивлением заметите, что свежая жатва детского сердца приносит плевелы вместо пшеницы, которую, казалось, вы сеяли, всмотритесь первее всего в ваши ежедневные и, казалось бы, мелочные поступки, не здесь ли скрывался тот враг, который сеял плевелы в невинные сердца детей ваших. Так, вы можете возбранять в то время, как по всей видимости поощряете; можете препятствовать в то время, как, вам кажется, вы содействуете.

Когда вы изъясняете вашему юному воспитаннику христианский катехизис и внушаете ему, что должно любить Бога более всего, всем сердцем, всею душою и всею мыслию, а между тем вы не посещаете храма Божия, не чтите христианских праздников, произносите имя Божие всуе, клянетесь именем Божиим при самых ничтожных случаях, или, что также бывает часто, отдаетесь светским забавам и суетности с увлечением; вместо храма Божия отправляетесь в театр, на гулянье, к вашим знакомым, — скажите, как поймет и примет воспитанник ваше доброе наставление о любви к Богу? Вы сами загородили вход этому наставлению в его сердце. Когда вы изъясняете воспитаннику заповедь Божию, которая повелевает любить ближнего, как самого себя, а между тем вы презрительно и жестоко обращаетесь с вашею прислугою, раздражаетесь и гневаетесь на людей при самых незначительных обстоятельствах, проходите мимо страждущего собрата с холодностью и равнодушием — скажите, может ли воспитанник принять к сердцу, статься может, очень умные наставления?

Таким же образом и во многих других случаях. Вы внушаете воспитаннику не лгать и быть правдивым, а может быть, в то же самое время вы посла-

ли отказать посетителю под предлогом отсутствия вашего из дому или мнимой болезни. Вы хотите развить в нем твердый характер и добрую волю, а между тем, в его же глазах вы так много льстили высшим и так унижали в себе человеческое достоинство, так часто уклонялись от вашего долга, так постыдно изменяли добрые правила, смотря по лицам и обстоятельствам, которые вас окружают, что ваш наставляющий голос исчезал без следа в этой пустыне ваших дел и вашего поведения. Вы сеяли пшеницу сосчитанными зернами, а плевелы бросали широкою горстью. Кто же виноват, если сердце воспитанника принесет плоды, на которые вы по совести не рассчитывали?

Оставите детей приходити ко Мне, и не браните им. Если ваша жизнь будет противоречить правилам, которые вы хотели бы внушить вашим воспитанникам, то лучше и не беритесь за дело воспитания, потому что эти правила всегда будут сокрушаться и, так сказать, улетучиваться, пока жизненный и громкий голос вашего ежедневного поведения будет говорить противное им. Вы должны сделаться первее всего живым законом Христовым; все ваше поведение, все ваши ежедневные и, казалось бы, незначительные поступки должны быть ясным выражением одной воли Божией, чистой любви к истине, правде и добру. Тогда, и только тогда дело воспитания детей пойдет с успехом. Тогда и Христос, призвавший детей к Царству Небесному, благословит ваши труды на пользу человечества и для славы имени Божия.

Общий смысл евангельского повествования о богатом юноше
(Мф. 19: 16–26; Мк. 10: 17–27; Лк. 18: 18–27)

Архимандрит Сильвестр

1. Богатый юноша, спрашивавший Спасителя, что нужно доброго делать для наследия вечной жизни, и затем, чего он при сохранении указанных ему Спасителем заповедей еще не докончил, — далеко не докончил еще того, что требовалось нравственным долгом, а стоял только на пути к истинному нравственному совершенству, составляющему предмет должного и безусловно обязательного для каждого последователя Христова, равно как безусловно необходимого для наследия вечной жизни.

2. Преподанное Спасителем богатому юноше наставление об отречении им от всего своего имущества было наставлением не о чем-либо безразличном, не существенно необходимом, выполнение чего могло бы быть для него только делом сверхдолжным, а напротив, о том, что существенно для него было важно как необходимое условие к последованию за Христом и достижению этим путем христианского нравственного совершенства, составляющего предмет должного и безусловно обязательного для каждого христианина.

3. Это же самое наставление Спасителя, которое было предложено Им юноше как существенно и безусловно необходимое, при особенном его душевном настроении для нравственного самоусовершенствования, не представляется безусловно обязательным по отношению к каждому богатому имущественному человеку, желающему спасения; так как здесь не представляется невозможным при известных условиях спастись и войти в Царствие Божие и при имении богатства; хотя при этом прямо предполагается и то, что для достижения этой цели лучше и вернее было бы совершенно отказаться от богатства. Но и с этой стороны рассматриваемое наставление Спасителя, то есть если кто принимает его на себя не в силу его безусловной обязательности, а по своему личному расположению, не представляет в себе ничего такого, чего бы выполнение должно быть отнесено к действиям не существенно необходимым, а сверхдолжным, и потому заключающим в себе самих особенную заслугу и право на высшую награду. Потому что такое выполнение служит только лучшим, более беспрепятственным и надежным средством к достижению того нравственного совершенства, стремление к которому составляет существенный долг и обязанность для каждого, и в такой мере только ценно и получает свою заслугу, в какой на самом деле достигается им высокая нравственная цель, без чего оно само по себе не имело бы никакой цены. К этому же самому совершенству, по мысли Спасителя, обязаны стремиться и не отрекшиеся от своего имущества богатые, и хотя на пути к сей цели они естественно должны встречать много больших, а иногда и непреодолимых затруднений, но и они не должны терять надежды на ее достижение, полагаясь в сем случае не столько на свои силы, сколько на помощь Всесильного.

Свод святоотеческих толкований на повествование о богатом юноше

Архимандрит Сильвестр.
«Ответ православного на схему старокатоликов о добрых делах».
«Труды Киевской духовной академии», 1875

Так как древние толковники в своих изъяснениях повествования евангелиста Матфея о богатом юноше представляют ту особенность, что расходятся во взгляде своем на искренность, правдивость и другие нравственные свойства души этого юноши, от чего, поэтому, должен был зависеть тот или иной характер самого изъяснения, то, сообразно с этим, мы разделим древних толковников вышеозначенного места евангелиста Матфея на два разряда, из коих к первому отнесем тех, кои в богатом юноше, вызвавшем Спасителя на беседу с ним о нравственном совершенстве, видели человека пытливого, высокомерного и хвастливого, а ко второму отнесем тех, которые в том

же юноше не предполагали ни хитрости, ни лукавства и обмана и видели искреннего, правдивого и сравнительно честного человека. К первого рода толковникам должны быть отнесены все известные нам на Западе толкователи вышеозначенного места евангелиста Матфея, каковы были: святой Иларий, святой Амвросий, блаженный Иероним и блаженный Августин.

В богатом юноше святой Иларий видит образ целого народа иудейского и в этом смысле изъясняет весь рассказ о нем евангелиста. Этот богатый юноша, или народ еврейский, по изъяснению святого Илария, получив в наследие закон Моисеев, до того пленился и возгордился этим духовно-нравственным богатством, что на нем одном стал сосредоточивать все свои надежды и упования, не желая знать и не предполагая самого существования другого какого-либо, более лучшего и совершеннейшего сокровища, каким и была вера Христова. Но, заметив в нем ставшие пробуждаться начатки желания лучшей и совершеннейшей жизни, Христос, чтобы вывести его на истинный путь жизни, отсылает к тому же закону, на который он так много полагался, с тем чтобы он чрез сопоставление своей жизни со строгими требованиями закона пришел к сознанию своего нравственного бессилия и несовершенства, а затем и потребности веры Христовой. Между тем этот далеко еще не доросший до полного нравственного возраста и в то же время самонадеянный юноша представляет себя совершенно правым пред законом, считает себя сохранившим все указанные ему Христом заповеди, задумываясь только над тем, что еще им, кроме этого, не сделано, тогда как на самом деле он не сохранил и этого. Так ему было предписано: *не убий*, а он избивал пророков; *не прелюбы сотвори*, а он наносил оскорбление вере и закону и чтил чуждых богов. Ему также заповедано было: *не укради*, а он варварским образом разорял предписания закона. Заповедано было: *не лжесвидетельствуй*, — а он отвергнул воскресение Христа из мертвых. Поведено было чтить отца и матерь, а он готов был отречься от родственного единения с Богом Отцом и матерью — Церковью. Заповедано было ему, наконец, любить ближнего своего, как самого себя, а он готов был Самого Христа, сделавшегося чрез принятие на Себя плоти нашей ближним нашим, предать страданиям и смерти. Поэтому-то Христос уже прямо предлагает радикальное, долженствующее сопровождаться чувствительною болью, но тем не менее действительное и единственное средство для уврачевания его духовного недуга нравственной горделивой самонадеянности и самохвальства и получения новой, лучшей и совершеннейшей жизни. Он говорит ему: *Иди, продай имение твое*, то есть откажись от всего унаследованного тобою богатства, заключающегося в законе, и раздай нищим, то есть язычникам, которых ты отчуждал доселе от всякого участия в этих благах как не бывших чадами Авраама, — *и получишъ сокровище на небеси; и прииди и следуй за Мною*, то есть и чрез

этот разумный оборот ты получишь взамен вместо благ стихийного свойства блага небесные, что все может быть достигнуто не иначе, как если последуешь за Мною. Но богатый юноша, олицетворявший собою весь народ иудейский, пристрастившийся к закону, не мог без скорби и подумать о расставании с своим богатством, к которому привязано было сердце его, и потому, предпочитая остаться с ним, оставил Господа. Посему-то Господь, обращаясь к Своим ученикам, сказал: *Неудобе богатый внидет в Царствие Небесное... удобее есть велбуду сквозь иглины уши проити, нежели богату в Царствие Божие внити* (Мф. 19: 23–24). Это значит то, что в Царствие Небесное неудобно войти иудею, не расстающемуся со своим богатым сокровищем закона, и что даже язычнику, при его готовности к повиновению (похожему на повиновение верблюжье), смирению и терпению, удобнее войти в Царствие Божие, путь к которому тесен, чем иудею, гордящемуся своим законом и привыкшему ходить по широким путям его.

Святой Амвросий Медиоланский рассказ о юноше изъясняет по евангелисту Луке, в смысле более нравственном, чем аллегорическом. В богатом юноше видит он знатного иудейского законника, только с одними пытливыми видами обратившегося ко Христу за разрешением вопроса о средстве к наследию вечной жизни, на самом же деле гордившегося и надмевавшегося своим законом, в котором одном полагал найти свое оправдание, а также фарисейски хваставшегося всецелым соблюдением тех заповедей, на которые указал ему Христос. Почему, по мнению святого Амвросия, Христос, предлагая ему Свое наставление об отречении от своего имущества, имел в виду не что иное, как только то, чтобы обличить его высокомерие и самохвальство, предложив ему то, чего не знал он и чему не научился из ветхого закона, — заповедь о милосердии. Как чуждо было юноше расположение к выполнению этой новой для него христианской заповеди — он обнаружил это тем, что отошел от Христа со скорбью, не желая расстаться с своим большим богатством ради дел милосердия. Поэтому-то удобнее войти в Царствие Божие всякому смиренно сознающему свои грехи грешнику, чем надмевающемуся своею законною праведностью иудею, равно как горделивому богачу. Удобнее войти смиренному мытарю, чем гордому фарисею, хвастающемуся своею праведностью, но не знающему и чуждому милосердия.

Блаженный Иероним уже приблизительно к буквальному смыслу изъясняет евангельский рассказ о богатом юноше. В богатом юноше видит он человека гордого и расположенного к суетному совопросничеству, который вступил в беседу со Христом не с тем, чтобы чему-либо научиться от Него, а с тем только, чтобы испытать Его, — каковое представление о юноше блаженный Иероним, вероятно, обосновал на подобном же замечании евангелиста Луки (10:25) о некоем законнике, с которым, как видно, он

смешивает юношу. Руководимый этим представлением о юноше, он самый вопрос его: *какия*, последовавший за наставлением Спасителя: *соблюди заповеди*, объясняет в смысле лукавой уловки человека, прикидывающегося не знающим заповедей, которые он должен был очень хорошо знать, и предполагающего, что Христос мог повелеть делать что-либо противное Богу. Затем по поводу слов юноши *вся сия* (заповеди) *сохраних от юности моея* (ст. 20) делает следующее замечание: «Ложь говорит юноша. Ибо если он на деле исполнял предписанное заповедями: *возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе,* то отчего бы после того, как услышал: *иди, продаждь имение твое и даждь нищим*, отошел с печалью, имея большое имение?»

21-й стих блаженный Иероним так изъясняет: «В нашей власти заключается то, чтобы захотеть быть совершенными. А кто захотел бы быть совершенным, должен продать все имение, — не часть его продать, как сделали Анания и Сапфира, а все продать и, продав, все раздать нищим, приготовляя себе таким образом сокровище в Царствии Небесном. Но этого для совершенства недостаточно, если после презрения богатства не последовать за Спасителем, то есть если, оставив злое, не сотворить благого. Ибо легче пренебречь имуществом (sacculus), чем душевными привязанностями. Многие из оставляющих богатство не следуют за Господом. Следует же за Господом тот, кто становится подражателем Его и идет по стопам Его. Кто говорит о себе, что верует во Христа, тот должен и сам так поступать, как Он поступал (1 Ин. 2:6)».

Се мы оставихом вся и вслед Тебе идохом, что убо будет нам (ст. 27)? «Большая уверенность: Петр был рыбарь, богатым не был, пищу себе снискивал руками и искусством и, однако, с уверенностью говорит: мы оставили все. Но так как недостаточно только оставить все, он присовокупляет то, что составляет совершенство: и последовали за Тобою — сделали то, что Ты повелел».

Печаль, с какою юноша оставил Господа, была печалью, которая ведет к смерти. Причина же печали зависела от того, что он имел большое имение, то есть те терния и волчцы, которые подавляют доброе семя Господне.

Блаженного Августина на ст. 21. *Иди, продаждь имение твое, и даждь нищим* (Мф. 19:21). «Кому заповедует это Господь? Тому именно богачу, который желал получить совет, как наследовать жизнь вечную; ибо он сказал это Господу: что я должен сделать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же ему отвечает не так: если хочешь войти в жизнь, иди, продай имение твое, а так: если хочешь войти в жизнь, сохрани заповеди. Только тогда юноша, когда сказал, что сохранил те из заповедей, какие были припомнены ему Господом, и спросил, чего ему еще недостает, — получил ответ: *если хочешь быть совершен, поди, продай имение твое и раздай нищим*. А чтобы он не подумал, что чрез это совершенно потеряет то, что много любил, (Господь) говорит: *и будешь иметь сокровище на небеси.* Затем к сему присово-

куплялет: *и прииди, и следуй за Мною,* — дабы кто-либо не подумал, что могла бы быть какая-либо польза от того, если бы он то исполнил, а между тем за Христом не последовал. Но между тем с печалью отходит юноша, который должен был увидать, в какой мере сохранил он те заповеди закона; ибо я думаю, что он говорил более высокомерно, чем правдиво, утверждая, что сохранил (их). Но во всяком случае Благий Учитель отличил здесь заповеди закона от превосходнейшего совершенства, ибо там Он сказал: если хочешь войти в жизнь, сохрани заповеди, здесь же (говорит): если хочешь быть совершен, поди, продай имение твое, и проч».

«Но совершенство заключается не в самой по себе нищете, равно как само по себе богатство не есть несовершенство; совершенство же в бедном и богатом есть благочестие, равно как несовершенство в том и другом есть нечестие. Нищий Лазарь удостаивается быть ангелами вознесенным на лоно Авраамово не за свою нищету, а за свое благочестие; богатый же заслуживает муки вечные адские, но опять не за богатство, а за свое нечестие. Авраам, Исаак и Иаков, по свидетельству Писания, немалые имели богатства, но вошли в Царствие Небесное. И по непреложному обетованию Господа многие от востока и запада возлягут с ними в Царствии Небесном. Многие из богатых и знатных обоего пола украсились даже венцами мученичества, достигши таким образом самого высшего совершенства в подражании Христу. Потому-то те, которые избрали путь совершенства, продавши все свое имение и милосердно раздавши его, если бы они были и поистине нищими ради Христа и собирали не для себя, а для Христа, не должны судить других, слабейших членов Его, прежде чем удостоены будут чести восседать на судилищных седалищах».

Переходим к тому разряду древних толковников, которые, изъясняя евангельский рассказ о богатом юноше, в нем видели не лукавого и высокомерного, а искреннего и честного человека, высказывавшего пред Спасителем свое искреннее желание знать, что нужно для наследия вечной жизни, и утверждавшего правду, что им сохранены указанные ему заповеди закона. Таковы все известнейшие толковники восточные; а именно Климент Адександрийский, святой Василий Великий, святой Иоанн Златоуст, Феофилакт Болгарский и Евфимий Зигабен.

Климент Александрийский написал особую книгу под заглавием «Какой богач спасется» с тою нарочитою целью, чтобы уяснить подлинный и истинный смысл слов, сказанных Спасителем юноше относительно богатства, поводом к чему, по его замечанию, послужило то, что это евангельское изречение многих смущало, быв понято поверхностно и ошибочно. Это не комментарий, а рассуждение с достаточною примесью экзегетического элемента; но, во всяком случае, для нас весьма важно встречающееся здесь по местам изъяснение главных и существеннейших черт

и мыслей евангельского рассказа о богатом юноше, особенно если взять во внимание то обстоятельство, что оно первоначальнее и древнее всех прочих изъяснений. В каком же смысле изъясняет его Климент?

«Приятный, конечно, и самый приличный вопрос» был предложен (юношею) нашему Спасителю: «предложен вопрос Жизни о жизни, Спасителю о спасении, Учителю о главном из преподаваемых Им догматов, Истине об истинном бессмертии, Совершенству о совершенном успокоении, Нетлению о вечном нетлении; предложен вопрос о том, для чего Он и нисшел на землю, чему наставляет, чему учит, что дарует, — чтобы всем видно было, что главный предмет Евангелия — дарование жизни вечной... Ибо если бы закон Моисеев доставлял жизнь вечную, то без нужды бы приходил (на землю) Сам Спаситель и страдал за нас, совершив все поприще жизни человеческой от рождения до смерти. Без нужды бы и тот, кто от юности исполнил заповедь закона, прибегал еще к другому за бессмертием... Будучи вполне уверен в том, что в нем ничего не было недостающего по отношению к правде, в то же время столь же ясно он сознает потребность в жизни и потому просит ее у Того, Кто один и может ее даровать. В рассуждении закона он совершенно спокоен и смел, но при всем том умиленно припадает к Сыну Божию. К Спасителю обращается он, как стоящий на переходе от одной веры в другую и как чувствующий свое положение на зыбкой ладье закона непрочным и опасным».

Иисус не обличает его в том, чтобы он не исполнил всех предписаний закона, напротив, Господь возлюбил его и готов обнять за исправность в соблюдении тех правил, в которых был воспитан, — но для жизни вечной находит его несовершенным, как не исполнившего того, что есть совершенство. Ты (говорит) опытен в делах, ведущих к истинной жизни. Хорошо и то; что говорить об этом? Ибо *заповедь свята* (Рим. 7:12): доселе она, как пестунья, приготовляла чад Божиих страхом и предварительным обучением к законоположению и благодати Иисуса Христа (Гал. 3:24). Но *кончина закона Христос в правду всякому верующему* (Рим. 10:4), — Христос, Который уже не рабами нас соделывает, как раб, но чадами Божиими, братиями и сонаследниками Своими, творящими волю Отца. *Аще хощеши совершен быти* (говорит Господь) (Мф. 19:21). Итак, ясно, что человек сей не был совершен. Но с сим вместе Спаситель словами *аще хощеши* указал и на свободное произволение собеседовавшей с Ним души. Ибо человеку как существу свободному свойственно избирать, а Богу как Господу — давать; но Он дает только тем, кто желает, ждет и просит, чтобы, таким образом, спасение было и собственным нашим делом... Посему, если хочешь, а не обманываешь себя, стяжай то, чего тебе недостает: для тебя остается уже только одно, но такое добро, которое выше закона, которого закон не дает и не может дать, которое есть удел живущих верою.

Но ужели Он повелевает всякому, как некоторые полагали, непременно оставить свое имение и бросить богатство? Нет. Он велит отрешиться душою от предрассудочных мнений о богатстве, от пристрастия к деньгам, превращающегося часто в болезнь души, от излишних забот о приобретении имуществ, которые, как терние, подавляют в нас семя жизни. Не великое и не стоящее уважения само по себе дело — быть лишенным богатства, если это бывает по пустому, не из видов жизни (вечной). Иначе и тех людей, которые ничего не имеют, нуждаясь даже в насущном хлебе, и нищенски скитаются по распутиям, не ведая ни Бога, ни правды Божией, следовало бы, потому только, что они крайне бедны и терпят нужду во всем, считать блаженнейшими, самыми богоугодными и единственными наследниками жизни вечной. Не новость отказаться от богатства или раздать имение бедным и нищим: так поступали и многие прежде пришествия Спасителя или по особенной любви и совершенной преданности к ученым занятиям и мертвой мудрости, или из суетной пустой славы, каковы Анаксагоры, Демокриты и Кратесы... Что же нового возвещает (Христос) — такого, что поистине божественно и животворно в деле спасения и не было известно древним? Какой особенный урок преподает Сын Божий новозданной им твари? Конечно, заповедует Он не то внешнее, что исполнялось и прежде, а нечто другое, гораздо возвышеннейшее и совершеннейшее, а именно: Он знаменательно внушает нам совершенно очистить душу от страстей и с корнем исторгнуть и выбросить из нее всё чуждое ее назначению. Такое учение есть учение подлинно приличное верному и вполне достойное Спасителя... Сам Господь принял угощение от Закхея и Матфея — этих двух мытарей (Лк. 5:29; 19:55); и когда Закхей изъявил только готовность уделить часть имущества своего бедным, ему сказано было, *яко днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть*. Таким образом, (Христос) одобряет пользование богатством, и под сим (конечно) условием заповедует дела милосердия — утолять жаждущего, насыщать алчущего, вводить в дом странника, одевать нагого. Ибо если никто не может иметь возможности выполнить этих обязанностей без достатка, то как бы мог Господь заповедовать одно и воспрещать другое? Не значило ли бы это, что Он в одно и то же время велел подавать милостыню бедным и не подавать, питать их и не питать, быть гостеприимным и не быть?.. Итак, Господь, уча относительно пользования внешними благами, повелевает отрекаться в них не того, что служит к поддержанию жизни, а того, что делает дурное употребление из них — то есть душевных недугов и страстей. В последнем смысле богатство для каждого смертоносно, и если оно погибает — то к его спасению. Освобожденная от него, то есть нищая и чистая душа будет более готова предстать пред Спасителя и услышать Его слова: *Прииди, и ходи вслед Мене* (Мк. 10:21).

Удобее есть велбуду сквозь иглинеуши проити, неже богату в Царствие Божие внити (Мк. 10:25). Невозможность для богатого войти в Царствие Божие не в богатстве, а в том, что богатый порабощает Свою душу страстью к богатству до забвения Бога. Ученики Спасителя изумились и ужаснулись, услышавши (сказанное) (Мк. 10:26). Отчего? Разве они имели большие богатства? Но они давно уже оставили и то, что было для них единственно ценного – недорогие сети, уды и рыбачьи лодки. Чего же ужасаясь, они говорят: *то кто может спасен быти* (Мк. 10:26)? Очевидно, что они, как ученики, внимательно выслушали, что было сказано Господом приточно в прикровенном смысле, и поняли возвышенную Его мысль. Будучи совершенно покойны относительно отречения ради спасения от имущества, они чувствовали, что еще не вполне отрешились от страстей и недостатков, а потому и были поражены страхом, опасаясь в наследии жизни вечной и за самих себя, как и за того богача, который имел большие богатства и был душою привязан к созданному. Их ужас, следовательно, вызывало то, что если в числе богатых должен был считаем, как тот, кто имеет богатство, так и тот, кто отягощен страстями, то они могли опасаться лишиться Царствия Небесного, так как спасение предназначено только душам свободным от страстей и неповинным в падении. Вот почему блаженный Петр с решительностью сказал: *Се мы оставихом вся и вслед Тебе идохом* (Мф. 19:27). Но если бы он выражал этим только решимость отказаться от одного своего вещественного имущества, от каких-нибудь четырех ободов – то не значило ли бы это чрезмерно тщеславиться и надеяться на получение Царствия Божия в награду за такое ничтожное пожертвование? Если же он вместе с этим соединял ту невысказанную нами мысль, что он и другие последовали по стопам Господа, оставивши ветхое имущество души – духовные ее недуги и пороки; то это было бы то, что достойно неба. Ибо истинный последователь Его есть только тот, кто, подобно Ему, ведет жизнь беспорочную и совершенную и кто, смотря на Него, как в зеркало, и сам становится во всем в своей жизни подобным Ему.

Заповедью Спасителя отречение от отца и матери и других родных (Мк. 10: 29–30) требуется только условно, именно в том случае, если родные стоят как враждебное препятствие на пути ко спасению. «Бог мира, Тот, Кто поставил нам в обязанность любить даже врагов, конечно, не заповедует положительно ненависти к самым дорогим для нас людям и разрыва с ними. Если мы обязаны любить и врагов, то тем более, разумеется, тех, которые по самому естеству нам близки. И наоборот, можно сказать: если не грех ненавидеть родных, то тем более врагов. Казалось бы, таким образом, одна заповедь подрывает другую, но на самом деле они друг друга не подрывают и нет между ними никакого противоречия. Одним и тем же чувством, мыслью и правилом будет руководиться в выполнении заповеди о возненавиде-

нии отца и любви врага и тот, кто не будет мстителен по отношению к врагу, и тот, кто не будет любить отца больше Христа. Одною заповедью воспрещается ненависть и мстительность, другою же излишнее пристрастие к родным, которое могло бы повредить спасению. Посему, если у кого из нас есть неверующий отец, или сын, или брат и если кто-либо из них препятствует нам жить по вере и достигать жизни на небе, то с ним должно прервать единение и общение — здесь кровная и плотская любовь должна уступить место духовной нелюбви... Будет ли говорить тебе богопротивное брат, или сын, или жена, или кто-либо другой — пусть над всеми ими в лице твоем одержит победу Христос, ради тебя подвизавшийся. Так можешь относиться и к богатству, руководясь тою мыслью, что Христос собственно не воспрещает владеть им, так как Господь не завистлив. Но если заметишь, что овладевает тобою страсть к нему, лишая тебя самообладания, тогда оставь его, брось, возненавидь, отрекись и беги. И если правое око соблазняет тебя, тотчас вырви его... Рука ли, нога ли, душа ли соблазняет, возненавидь».

В своей беседе к обогащающимся, касаясь евангельского богатого юноши, так рассуждает святой Василий Великий: «Юноша этот не одно лицо с законником, упоминаемым у Луки. Последний был пытлив, предлагал вопросы в насмешку, а тот спрашивал здраво, но только принимал не благопокорно — ибо не пошел бы от Господа, скорбя по поводу Его ответов, если бы вопросы делал Ему презрительно. Почему и нрав его представляется нам какою-то смесью: по указанию Писания, частью стоит он похвалы, а частью весьма жалок и находится в безнадежном состоянии. В нем заслуживает похвалу то, что он познал истинного Учителя и, не остановив внимания на гордости фарисеев, на самомнении законников, приписал это имя единому, истинному и благому Учителю. В нем хорошо и то, что, по-видимому, он был озабочен тем, как наследовать живот вечный. Но прочее — именно то, что, выслушав у истинного Учителя спасительные уроки, не написал их на сердце своем и наставлений Его не привел в исполнение, но отошел с прискорбием, омраченный страстью богатолюбия, — изобличает в юноше, что воля его не всецело обращена была к истинному благу, но имела в виду привлекательное для большинства людей; этим же обнаруживается неровность и несогласие с самим собою его нрава. Ты называешь Господа учителем, а не делаешь, что должно ученику? Исповедуешь благим, а пренебрегаешь даруемым от Него? Между тем Благий, без сомнения, подает блага. Ты спрашиваешь о вечной жизни, а на деле оказывается, что весь ты предан наслаждению жизни настоящей. В самом деле, какое трудное, тяжелое, неудобоносимое слово предложил тебе Учитель? *Продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19:21). Если бы возложил на тебя труды земледельческие, или опасные предприятия по торговле, или еще что-либо более трудного, встречающегося для ищущих прибытка; тогда

естественно было бы опечалиться, огорчившись этим повелением. Если же таким удобным путем, не требующим ни труда, ни пота, обещает тебя сделать наследником вечной жизни, то почему не радуешься удобству спасения, а удаляешься с болезнующею и сетующею душою и делаешь для себя бесполезными все прежние свои труды? Ибо если ты, как говоришь, не убил, не прелюбодействовал, не украл, не свидетельствовал ни на кого свидетельства ложного, то старание свое об этом сам для себя делаешь бесполезным, не присовокупив остального, чрез что одно мог бы ты войти в Царствие Божие. Если бы врач обещал исправить повреждения в членах, какие у тебя есть от природы, или болезни, то не благодушно ли выслушал бы ты это? Но когда великий Врач душ хочет сделать совершенным тебя, у которого не достает существеннейшего, — ты не принимаешь милости, а сетуешь и становишься унылым. Мне кажется, что страсть сего юноши и подобных ему походит на то, как если бы какой путник при сильном желании увидеть какой-либо город, неутомимо дошедши до самого сего города, потом остановился в какой-либо гостинице под городскими стенами по лености сделать небольшой переход, обращая в ничто предшествовавший труд и лишаясь возможности видеть красоты города».

Обращаясь от юноши ко всем вообще привязанным к богатству, так рассуждает святой отец: «Знаю многих, которые постятся, молятся, воздыхают, являют всякого рода неубыточное благочестие, но не дают ни одного обола теснимым нуждою. Какая же для них польза от прочих добродетелей? Их не приемлет Царствие Божие. Потому и сказано: *Удобее велбуду сквозь иглине уши проити, неже богату в Царствие Божие внити* (Лк. 18:25). Но хотя приговор так ясен и Изрекший не лжив, однако убежденных немного. Говорят: «Как же будем жить, оставив все? Какой вид примет жизнь, если все станут продавать всё, отказываться от имения?» Не спрашивай у меня разумения Владычних заповедей; Законодатель знает, как и невозможное согласить с законом. Испытывается же сердце твое, как бы на весах, куда оно наклоняется, к истинной ли жизни или к настоящим наслаждениям. Рассуждающие здраво должны держаться той мысли, что богатство можем употреблять, как приставники, а не как имеющие право им наслаждаться. И отказывающиеся от него должны радоваться, как уступающие чужое, а не огорчаться, как лишающиеся собственности. Для чего же скорбишь? Для чего сетуешь в душе, слыша: *Продаждь имение твое*? «Не продаю имения, (говоришь), не даю нищим по причине необходимых нужд в жизни». Следственно, не Господь — твой Учитель: не Евангелие служит правилом для твоей жизни, но сам ты даешь себе законы. Смотри же, в какую опасность впадаешь, рассуждая так! Если Господь предписал нам это как необходимое, а ты отвергаешь как невозможное, то не иное утверждаешь, а то, что ты разумнее Законодателя».

«Некоторые, — говорит Иоанн Златоуст, — обвиняют сего юношу в том, будто он подошел к Иисусу с хитростью и лукавством, и притом с намерением искусить Его. Но я скорее согласен назвать его сребролюбцем и невольником богатства; ибо в этом же самом и Иисус Христос изобличил его. Укорять же этого юношу в лукавстве я не намерен, ибо небезопасно быть судиею того, чего мы не знаем, и особенно судиею-обличителем. Да и Марк отдалил это подозрение, когда сказал о нем: *Притек некий и поклонся на колену Ему, вопрошаше Его.* И еще: *Иисус же воззрев нань, возлюби его* (Мк. 10:21). Подлинно немалое показал юноша усердие, когда сделал Иисусу Христу вопрос известный. Ибо тогда как одни приближались к Иисусу с намерением искусить Его, а другие по причине своих собственных или чужих болезней, он подходит к Нему и беседует о жизни вечной. Тучна была земля и способна к плодородию; но множество терния заглушало семое. Ибо смотри, как он доселе готов был к выполнению того, что бы ни повелел Иисус Христос. «Что мне делать, — говорит юноша, — чтобы наследовать жизнь вечную?» Вот готовность его исполнить повеление Учителя!.. Почему, когда Христос сказал: *Аще ли хощеши внити в живот, соблюди заповеди* (Мф. 19:17), он немедля спрашивает: какие? — и спрашивает не для того, чтобы искушать Иисуса, нет, а водясь тем предположением, что кроме заповедей закона есть еще другие (заповеди), которые могут быть его путеводителями в жизнь вечную. Так сильно было желание его спастись! Когда же Иисус перечислил ему заповеди закона, он говорит: *Вся сия сохраних от юности моея,* и на этом не останавливается, а опять спрашивает: *Что есмь еще не докончал?* И это самое было знаком сильного желания его вечного спасения. Ибо немаловажно и то, что он не почитал себя докончившим дело своего спасения, а думал, что высказанное им Иисусу недостаточно к получению желаемого. Поелику Христос намеревался предписать ему заповедь трудную для него, то сначала предлагает награду за исполнение ее; ибо вот слова Его: *Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди вслед Мене* (Мф. 19:21). Видишь ли, какую награду и какие венцы обещает Иисус Христос за подвиг сей? Если бы юноша искушал Его, то Он не сказал бы этого. Но Иисус Христос, чтобы привлечь юношу к Себе, обещает ему великую награду, предоставляет все собственной его воле, оставляя в тени трудную сторону Своего повеления. Посему, прежде чем говорить о подвиге и труде, предлагает юноше награду: *аще хощеши совершен быти;* и потом уже говорит: *продаждь имение твое, даждь нищим;* далее, опять награда: *и имети имаши сокровище на небеси, и гряди вслед Мене,* ибо следовать за Иисусом великая награда. *И имети имаши сокровище на небеси.* Речь идет о богатстве; Иисус Христос повелевает юноше оставить его, показывая при этом, что Он не только не отнимает у него богатства, но еще присовокупляет к

нему новое, превышающее то, которое повелевает раздать, — столько превышающее, сколько небо превышает землю, и еще более. Сокровищем же обозначил превосходство воздаяния сравнительно с тем, что дается, представляя его неизменность и неотъемлемость юноше, сколько возможно по-человечески. Итак, недостаточно презирать богатство, а надобно еще употреблять его в пользу нищих, и, что особенно важно, последовать за Христом, то есть делать все то, что ни повелел Он, — готовым быть на страдания и даже на смерть. Ибо говорит Он: *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и последует Ми* (Лк. 9:23). Конечно, заповедь проливать кровь свою больше заповеди оставить свое богатство; однако и исполнение последней немало способствует исполнению первой.

Слышав же юноша слово, отъиде скорбя: бе бо имея стяжания многа. Ибо не столько имеют препятствий на пути ко спасению те, кои имеют малое богатство, сколько те, которые погружены в его бездну, так как страсть к богатству тогда совершенно ими овладеет... Смотри, какую силу и теперь показала эта страсть. Того, кто с радостью и усердием подошел к Иисусу, так помрачила она и так отяготила, что, когда Христос повелел ему раздать имение свое, он не мог даже дать Ему на это никакого ответа и отошел от него молча, с поникшим лицом и печалью. Итак, теперь очевидно, насколько обширна власть богатства. Хотя бы мы в известных отношениях и были добродетельны, богатство истребляет сии добродетели. Посему справедливо апостол Павел назвал его корнем всех зол: *Корень бо всем злым сребролюбие есть* (1 Тим. 6:10), — говорит он.

Что же на это (сказал) Христос (когда юноша отошел)? *Яко неудобь богатый внидет в Царствие Небесное* (Мф. 19:23). Этими словами Христос небогатство порицает, а тех, кои к нему пристрастились. А если трудно войти в Царствие Небесное богатому; то что сказать о любостяжателе?.. Сказав же, что богатому неудобно войти в Царствие Небесное, присовокупляет, что это и невозможно, не говоря, впрочем, это прямо, а выражая сравнением, взятым из примера верблюда и игольных ушей. Ибо говорит: *Удобее велбуду сквозь иглине уши проити, неже богату в Царствие Божие внити* (Мф. 19:24). Отсюда видно, что немалая награда ожидает тех, кои при богатстве могут жить благоразумно! Посему (Христос) такой образ жизни признает делом Божиим, чтобы показать, что много нужно благодати тому, кто хочет так жить. Когда же ученики смутились, слыша Его слова, Он сказал: *у человека сие невозможно, у Бога же вся возможна* (ст. 26)... Если хочешь знать, каким образом и невозможное может сделаться возможным, то слушай. Не для того сказал (Христос): *у человека сие невозможно, у Бога же вся возможна,* чтобы ты ослабевал в духе и удалялся от дела спасения как невозможного, а для того, чтобы ты, сознавая высокость предмета, тем скорее принялся за дело спасения и в сих подвигах, призвав Бога в помощника себе, получил

жизнь вечную. Итак, каким же образом невозможное сделается возможным? Если ты откажешься от своего имения, раздашь деньги (нищим) и оставишь злые вожделения... Но как, скажешь, возможно оставить это? Как сразу может освободиться от столь сильной страсти к богатству тот, кем уже она овладела? Пусть только положит начало раздаче имущества (в пользу бедных) и пусть для них отделяет свои избытки, а с течением времени сделает больше и легко пойдет вперед. Итак, если вдруг всего достигнуть для тебя трудно, то не пытайся все получить в один раз, но постепенно и мало-помалу восходи по сей лестнице, ведущей тебя на небо. Как страждущие горячкою при умножающейся внутри их острой желчи, если принимают какую-либо пищу или питие, то не только не утоляют жажды, а еще сильнее разжигают пламень; так точно и любостяжатели по мере удовлетворения своей ненасытимой страсти, которая острее самой желчи, более воспламеняют ее. И ничто так легко не прекращает страсти этой, как постепенное ослабление желания корысти, подобно тому как малое употребление пищи и питья уничтожает вредное действие желчи... Знай же, что не умножением богатства, а истреблением в себе страсти к нему прекращается зло... Итак, дабы не вотще нам мучить себя, да отвергнем постоянно терзающую нас и никогда не успокаивающуюся любовь к богатству и, возжелав небесных сокровищ, устремимся к другой (любви), которая и легче для нас, и может сделать нас блаженными. Здесь труд невелик, а польза бесчисленная, ибо никогда не может лишиться благ небесных тот, кто всегда бодрствует, трезвится, презирает земные блага, — тогда как тот, кто порабощен и совершенно предан сим последним, необходимо лишится их».

Феофилакт в своем изъяснении развивает следующие мысли: «Не с целью искушающего подошел юноша к (Иисусу), а с намерениями желающего научиться и наследовать жизнь вечную». «Некоторые сего юношу осуждают, но на деле он не таков: он был любитель богатства, но не искуситель. Послушай евангелиста, свидетельствующего, что *воззрев на него, Иисус полюбил его.* Приходит же он к Иисусу, чтобы научиться тому, как получить жизнь, но предполагая и в ней остаться обладателем богатства; ибо никто столько ни жаден к жизни, как сребролюбец. Он, таким образом, ожидал, что Иисус ему укажет такой способ, посредством которого он мог бы вечно наслаждаться обладанием своего богатства». «Почему же отвечает ему Иисус, говоря: *никтоже благ*? Потому что он приступил к Нему как к человеку и как к одному из учителей. Христос как бы так говорит: если ты Меня как учителя считаешь благим, то никакой человек не благ сравнительно с Богом; если же ты почитаешь Меня благим как Бога, то зачем Меня называешь учителем? Таким образом, этими словами Христос хотел выразить ту высшую мысль, что Он должен быть познаваем как Бог». «Вопрошающего же Господь отсылает к заповедям закона, чтобы не гово-

рили иудеи, что Он закон презирает. Прежде всего закон исправляет то, в чем мы легко падаем. После же того, как юноша сказал, что все это сохранил он от юности, Господь предписывает ему во главу всего нестяжательность. Вот закон, достойный христианской жизни!» «Что, по словам твоим, говорит (Христос юноше), ты сохранил, сохранил по-иудейски; если же хочешь быть совершенным, то есть быть Моим учеником и христианином, то иди, продай все, что имеешь, и все тотчас зараз раздай, ничего не издерживая, для того, чтобы творить Мне непрестанную милостыню». «Ибо если что оставишь у себя, того и будешь рабом»». «А так как из дающих милостыни есть много таких, которые при этом ведут жизнь полную всякого зла, то говорит: и приди, и последуй Мне, то есть: все другие добродетели имей, или во всем ином будь Моим учеником».

После того как Иисус сказал, что для жизни вечной необходимо отречение от богатства, юноша, как бы жалея о своем вопросе и ответе Христа, отошел. Ибо он, имея большие богатства, имел большое желание непрестанной жизни. Но когда потребовалось отказаться от богатства, тогда представилось ему, что за польза в жизни вечной, когда он должен будет остаться нищим... Как сребролюбцу (Христос) обещал ему сокровище небесное; но он не тронулся этим, потому что был рабом богатства. Посему, когда услышал то, что было ему сказано относительно лишения имущества, отошел печальный, так как он и вечной жизни желал для того только, чтобы можно было непрестанно наслаждаться богатством. Земля сердца его была глубока и тучна, но терния богатства заглушили ее»».

«После того как богатый был поражен скорбью, услышав о необходимости отвергнуть богатство, по поводу этого Господь вызывающим удивление образом говорит о том, как трудно имеющим богатство войти в Царствие Небесное. Не говорит, что им невозможно войти, а что только трудно. Ибо богатство прилипает крепче смолы, и с трудом расстается с ним тот, кем оно овладело. Почему немного спустя (Господь) и указывает, как это невозможно, говоря: *Удобее есть велбуду сквозе иглине уши проити, неже богату в Царствие Божие внити* (Лк. 18:25). Ибо совершенно невозможно, чтобы уши игольные пропустили сквозь себя верблюда, разуметь ли под κάμηλον животное верблюда, или толстую корабельную веревку. Если же удобнее верблюду *сквозь иглине уши проити*, чем богатому спастись, то ясно, что тогда как одно невозможно, другое еще невозможнее! Итак, человеку, доколе он богат, спастись невозможно. Но у Бога это возможно; ибо Христос сказал: *Сотворите себе други от мамоны* (богатства) *неправды* (Лк. 16:9). Видишь ли, как становится возможным, если слушаем Бога? У человека же невозможно, то есть невозможно, когда мы мудрствуем по-человечески. Пока богатый будет иметь сам излишнее, тогда как другие ничего или необходимого, не войдет в Царствие Небесное. А когда все отвер-

гнет, тогда и не будет богатым, и после этого войдет. Богатство не зло, но достойны порицания те, которые его имеют; ибо его не должно иметь, то есть удерживать при себе, а должно употреблять на необходимое. Самое наименование богатства χρήματα показывает, что оно должно служить людям на пользу — εἰς χρῆσιν, а не должно быть удерживаемо. Посему-то трудно войти в Царствие Божие тем, которые его имеют или запирают. Не говори, что такой-то богач, раздавая, что имел, спасся. Не как богатый он спасся, а как бывший нестяжательным, или он спасся как распорядитель, но не как богатый. Ибо иное распорядитель, а иное богатый. Богатый сберегает богатство для себя, а добрый распорядитель смотрит на него как на вверенное ему для других. Итак, если он спасся, то, как мы сказали, спасся не как богатый, а как отвергшийся всего, что имел, или же воспользовавшийся им, как добрый распорядитель. Заметь, что тогда как (говорится) богатому невозможно спастись, имеющему богатство только трудно. Как бы так сказал (Христос): кого во власти имеет богатство, или кто покоряется им и служит ему, тот не спасется; а кто имеет богатство, или его есть господин, сам имея его во власти, а не находясь в его власти, тот спасется, только с трудом, вследствие человеческой немощи».

Не повелевает здесь Господь разделяться с родными безусловно, а только тогда, когда они препятствуют благочестию, подобно тому, как повелевает Он презирать душу и тело вовсе не в том смысле, чтобы кто-нибудь убивал себя самого. Останавливаясь на словах апостола Петра *се мы оставихом* вся (Мф. 19:27), Феофилакт вот что замечает: «Хотя представляется, что Петр не оставил что-либо большое, так как был бедный, но знай, что и он много оставил. Ибо мы, люди, еще больше озабочиваемся, имея малое, Петр же оставил всякое пристрастие к мирскому и плотскую любовь к родителям. Ибо таковые страсти воюют не только против богатых, но и против бедных». «Итак, позаботься и ты о том, чтобы продать имение твое и отдать нищим. Имение же у гневливого — это гнев, у блудника – блудные вожделения, у памятозлобного же — злоба сердечная. Продай же и это и отдай демонам нищим и лишенным всякого добра — возврати страсти виновникам страстей, — и тогда будешь иметь сокровище, то есть Христа на небеси твоем, то есть в возвышеннейшей области ума твоего. Ибо небо в себе самом имеет тот, кто сделался небесным».

Юношу, говорит Евфимий Зигабен, Лука назвал начальником (ἄρχοντα), то есть иудейским. Не был этот юноша, как некоторые говорят, ни лукавым, ни льстивым человеком, иначе бы не полюбил его, посмотрев на него Иисус, как говорит Марк. Впрочем, хотя он был добр и желал вечной жизни, но терние сребролюбия заглушало почву его богатой души. Не с целью искушать Иисуса, когда Он сказал: *Аще хощеши внити в живот, соблюди заповеди*, спрашивал он, *какия*, а потому, что предполагал, что, кро-

ме заповедей закона, есть другие, которые могут ввести в жизнь таковую (вечную). Может кто-нибудь спросить: могут ли указанные (Христом) заповеди закона привести к вечной жизни? Ему можем отвечать, что они могут привести, только не к такой жизни, к какой приводят заповеди евангельские. Ибо жизнь вечная должна быть понимаема как наслаждение небесное, которое различно и многообразно.

Спросит кто-либо: правду ли говорит юноша: *вся сия сохраних от юности моея* (Мф. 19:20)? Каким образом мог любить он ближнего, как себя самого, когда имел большое имущество? Разделял ли поэтому он его мало имеющим или ничего не имеющим? Что нужно сказать на это? То, что и сию также заповедь исполнял он, но настолько, насколько ему тогда было доступно. Он любил ближнего, как самого себя, но в том смысле, что не наносил ему никакого вреда, а не в том, чтобы делился с ним своим имуществом. Ибо это было делом высоким, и высшим почвы иудейства.

Чего еще недостает мне? (говорит юноша). Что есть необходимого, чего не имею? Это говоря, он показывал этим, что желает большей добродетели. Посему-то, как говорит Марк, Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: *Одного тебе недостает* (Мк. 10:21), по словам Луки: *еще одного тебе недостает* (Лк. 18:22). Взглянув же на него кротко, полюбил его за то, что он сильно желал спасения, хотя был удерживаем тиранскою силою сребролюбия. Что же это, чего недостает ему, чтобы последовать Ему? Вот послушай.

Ст. 21. *Рече ему Иисус: аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди вслед Мене.* Так как то, что он имел, то есть богатство, было препятствием к тому, чтобы следовать (за Ним), то повелевает продать его и раздать нищим. Говорит же «если хочешь быть совершен», потому что те несовершенны, которые исполняют одни заповеди закона, так как и эти самые заповеди были несовершенны по причине немощи иудеев. Сказал же «будешь иметь сокровище» с тою целью, чтобы ободрить и уверить сребролюбивого юношу, что опять может получить сокровище, и притом не такое, а лучшее, так как оно – на небе. Сокровищем же на небе обозначает воздаяние, предназначенное там достойным за добрые дела. Что же касается слов «приди и следуй за Мною», то ими выражает следующее: поступай по следам Моей жизни, следуй Моим заповедям; ибо этого-то тебе и недостает, так как ты исполнил одно предписываемое законом (τὰ νομικά).

Яко неудобь богатый внидет в Царствие Небесное... удобее есть велбуду сквозь иглине уши проити, неже богату в Царствие Божие внити. Говоря это, Христос не богатство порицает, а рабское служение богатству... Поэтому-то должно, по апостолу, свергнуть всякое бремя (Евр. 12:1) и сделаться свободным (от него) чрез произвольную нищету. Подобное же замечание де-

лается Зигабеном и при изъяснении слов: *у человек сие невозможно есть, у Бога же, вся возможна.* «Сказал: людям богатым невозможно спастись, потому что они накрепко скованы узами сребролюбия и бессильны сами собою освободиться от его тиранства. Бог же не только спасти их может, но и все другое для Него возможно. Спасет же их тогда, если они, сами прилагая к этому старание, раздавая богатство бедным и погашая огнь страсти к богатству, призовут Его к себе помощником и защитником своей свободы. Итак, вся речь (Спасителя) научает, что сребролюбивому спастись невозможно, если только он сам не позаботится о себе и если не будет иметь, как сказано, Бога помощником в освобождении от своей несчастнейшей страсти».

О нестяжательности (Мф. 19: 20–22)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Беседы к братству Николаевского Угрешского монастыря

Рече ему Иисус: аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси, и гряди в след Мене (Мф. 19:21). В сих словах мы имеем учение о нестяжании, преподанное Самим Иисусом Христом.

Случай к сему подал некто, которого евангелист Матфей называет *юношею*, а евангелист Лука *князем*, следственно, человек не без достоинства и не без образования, как и слова его показывают. Он вопросил Христа Спасителя: *Что благо сотворю, да имам живот вечный?* (Мф. 19:20). Господь ответствовал, что для сего должен он соблюсти данные Богом заповеди десятословия и особенно глубокую и многознаменательную заповедь: возлюби ближнего, как самого себя. На сие юноша отозвался, что все сие исполнил с малолетства. Отзыв, конечно, необдуманный, потому что истинные ревнители исполнения заповедей всегда чувствуют и признают свои несовершенства и недостатки в исполнении оных; а хвалящиеся исполнением заповедей обнаруживают чрез сие то, что они недостаточно познали себя и силу заповедей. Но кроткий Божественный Учитель не благоизволил противопоставить слову самохваления слово обличения, а указал путь совершенства и предоставил хвалящемуся самому обличить свое несовершенство делом. *Рече ему Иисус: аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси, и гряди в след Мене.* Что же юноша? Можно ли, кажется, не пожелать сделаться совершенным? Можно ли не пожелать следовать за Христом, и особенно когда Он Сам приглашает к сему? Но нет. Юноша не вступает на путь совершенства, не хочет идти за Христом; жаль ему, что не имеет духа решиться на сие, однако не решается, отступает вспять: *отъиде скорбя* (19:22). Отчего это так? Оттого что он нерасположен жить в совершенном нестя-

жании; не хочет расстаться с богатством: *отъиде скорбя: бе бо имея стяжания многа.* И вот он делом обличил себя в том, что напрасно на словах представлял себя исполнителем заповеди, повелевающей любить ближнего, как самого себя. Если бы он любил ближнего, как самого себя, то ему нетрудно и даже приятно было бы раздаянием своего имения утешать и успокаивать любезных ближних, нуждающихся и нищих.

Заключенное в изложенном теперь повествовании евангельском учение о нестяжательности, очевидно, есть истинное и спасительное, потому что есть учение Божественное, преподанное Иисусом Христом, Который Сам есть Истина и Источник спасения. Несмотря на то, упоминаемый в Евангелии юноша, который и сам признавал Иисуса Христа *Учителем благим,* в применении учения Его к жизни встретил затруднение, которого не умел преодолеть. Но не найдутся ли подобные сему юноше и ныне, и между нами?

Не скажут ли некоторые, что учение о совершенном нестяжании могло быть применено только к ближайшим последователям Христа Спасителя во время Его земной жизни, когда оскудение пособий естественных легко восполняемо было Его чудодейственною силою, что, напротив того, учение сие в общем виде неприменимо к благоустройству общественной и частной жизни, потому что, если бы все богатые роздали свое имение нищим, то и те, которые честным трудом в пользу богатых снискивают себе пропитание, сделались бы нищими, и весь мир сделался бы беспомощным?

Сии недоумения о возможности нестяжательной жизни кажутся основанными на рассуждении; но сокровенное их основание есть маловерие и мудрование плотское, затмевающее духовный свет.

Вы боитесь, что нестяжательный не возможет жить, если не будет с ним видимо Христос, питающий пятью хлебами пять тысяч человек? Напрасно. После времени видимого пребывания Христова на земли мы знаем многих нестяжательных – и не знаем ни одного из них, который бы вследствие нестяжания умер от голода или наготы. Провидение Божие было для них большею частью невидимым, но непрерывным чудом к их сохранение и снабдению; а иногда, когда они естественным путем не могли доставить себе пропитания в пустыне, ангел видимо представлял им пищу, подобно как древле Илии пред путем в Хорив.

Вы боитесь, что чрез распространение нестяжания обнищает весь мир? Напрасно. Если бы дух нестяжательности объял всех людей, и богатых, то нищих просящих осталось бы очень мало; их недостало бы для того, чтобы истощить богатых; и богатые, оставаясь любителями нестяжания, по своей готовности все отдать нищим, остались бы еще богатыми, по недостатку нищих, приемлющих расточаемое богатство; мир нестяжательный был бы богаче мира любостяжательного.

Можно ожидать, что скажут еще некоторые: поелику Спаситель призывает к совершенному нестяжанию тех, которые *хотят быть совершенными,* а мы находим себя недостойными иметь притязание на совершенство; то совет Христов о нестяжании не относится к нашему исполнению. Это можем и могут сказать все до одного. И вследствие сего слово Христово может остаться совершенно без исполнения. Для чего же оно и сказано? Господь не повергает Своего слова на ветер. Духовное семя слова Христова не должно пасть на землю бесполезно, а должно, хотя бы на меньшей части ее, прозябнуть и принести плод. Итак, благовидная отговорка недостоинством иметь притязание на совершенство не должна воспрепятствовать действию учения о совершенстве. Если от самопознания и смирения рождается у тебя помышление, что ты недостоин иметь притязание на совершенство, то это помышление правильное; и оно не должно тебя останавливать или воспрещать на пути учения Христова, а должно побуждать тебя простираться в предняя, подвизаться, чтобы как-нибудь уменьшить свое недостоинство и сделаться не недостойным спасения вечного. Навстречу сему стремлению идет благодать Божия, и поддержит тебя, и поведет тебя от недостоинства к достоинству, от несовершенства к совершенству, в легкости ли нестяжания, если ты чувствуешь тягость стяжания и искушение богатства, или в бремененошении честного стяжания и беспристрастного обладания, потому что Христос Спаситель указал нестяжание как пособие к совершенству, полезное для некоторых, а не как необходимое для всех. *Буди совершен* (Быт. 17:2), сказал Бог Аврааму, и он был совершен, тогда как он *бе богат зело* (13:2), но к богатству не пристрастен, и, следственно, хранил нестяжание в душе, обладая стяжаниями в доме.

Иисус Христос обещает награды апостолам и вообще Своим последователям
(Мф. 19: 27–30; Мк. 10: 28–31; Лк. 18: 28–30)

Тогда Петр начал говорить Ему: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же нам будет?» Иисус Христос отвечал: «Истинно говорю вам: за то, что вы последовали за Мною, в обновленном мире, когда воссядет Сын Человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (*воцаритесь со Мною в обличение неверия израильтян*). «И всякий, кто оставит дом, или отца или мать, или братьев или сестер, или жену или детей, или земли ради Меня и Евангелия или для Царствия Божия, получит даже ныне, в настоящее время, и среди гонений, во сто крат более всего того, а в будущем веке наследует и жизнь вечную. Многие же из первых (*которые мечтали о высших наградах*) будут последними, и последние (*которые едва ли думали когда о своем достоинстве*) будут первыми».

Мысли прп. Макария Египетского о том, что значит сказанное Господом: *сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленома Израилевома* (Мф. 19:28)

Беседа 6

Находим, что исполнилось сие на земле, после того как Господь вознесся на небо; потому что на двенадцать апостолов ниспослал Он Духа Утешителя и святую силу, и она, снисшедши, осенила их и воссела на престолах разумов их. Когда же предстоящие стали говорить, *яко сии вином исполнени суть* (Деян. 2:13); тогда Петр начал уже *судить* их, говоря об Иисусе: «Мужа сильного словом и знамениями распяли вы, повесив на древе. И вот, творит Он здесь чудеса, расторгает камни гробниц и воскрешает мертвых. Ибо написано: *в последния дни излию от Духа Моего на всяку плоть, и профекут сынове ваши и дщери ваша*» (Деян. 2:17). И, таким образом, многие оглашены Петром и приступили к покаянию; почему настал новый мир, избранный Богом.

Видишь, как открылось начало суда. Там открылся новый мир; ибо здесь дана им власть воссесть и судить в мире сем. Правда, что будут они восседать и творить суд в пришествие Господне, при воскресении мертвых; но сие же совершается и здесь; потому что Дух Святой восседает на престолах разумов их. Да и венцы, какие приемлют христиане в оном веке, не суть творения вещественные. Кто утверждает последнее, тот говорит худо. Напротив того, в сем являет Себя преобразующийся Дух. Что говорит апостол Павел о небесном Иерусалиме, что он *мати всем нам* (Гал. 4:26), то и мы исповедуем. В рассуждении же одеяния, какое носят, на себе христиане, явно, что Сам Дух облекает их во имя Отца и Сына и Святого Духа, во веки. Аминь.

О суде святых (Мф. 19:28)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в день прп. Сергия

Аминь глаголю вам, яко вы шедшии по Мне в пакибытие, егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленома израилевома (Мф. 19:28). В сем изречении должно замечать, во-первых, что суд святых откроется торжественно в пакибытие, во вторичное бытие человеков, то есть по воскресении мертвых, и следственно, суд сей будет всемирный не только в отношении к человекам последних времен, но и в отношении к роду человеческому от начала времен до конца их. Во-вторых, что суд сей откроется торжественно, *егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своея:* но как сие будет, по другому изречению Его, тогда, *егда приидет Сын Человеческий во славе Своей и вси святии ангели с*

Ним (Мф. 25:31); следственно, суд святых произведен будет не только пред родом человеческим, но и пред ангелами Божиими. В-третьих, что последователи Христовы сядут на престолах для суда в то же время, *егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей*; следственно, суд будет соединен с Его судом: они порознь будут орудиями, или подчиненными, частными действователями Его единого, всеобщего и верховного суда. В-четвертых, что апостолы *сядут на двоюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленома израилевома:* но как за сим остается еще множество народов и племен, которые предстанут всемирному суду; то можно из сего заключать, что кроме сих дванадесяти судей и еще многие судьи должны будут явиться. Сие догадочное заключение оказывается ясною и утвержденною истиною в изречении апостола, который говорит, что не одни апостолы, но вообще *святии мирови имут судити*. Пророк еще с большей определенностью сказует, что все святые Божии без изъятия возведены будут в достоинство судей, дабы произвести суд над языками и людьми, над царями и славными их: *сотворити в них суд написан: сия слава*, то есть слава быть орудиями, в сем суде, *будет всем преподобным Его*. Присовокупим к сему свидетельство очевидца сего суда; ибо святой Иоанн уже видел его в откровении. *Видех*, говорит он, *престолы и седящии на них, и суд дан бысть им* (Откр. 20:4).

Трудно вообразить, как произведется один, согласный и не подверженный никакому пререканию суд толикого множества судей над еще большим множеством подсудимых по столь многим, разнообразным и тонким предметам суда, каковы суть все явные и тайные дела, слова, желания и помышления каждого человека в продолжение всей его жизни. В изъяснение сего находим нечто у псалмопевца, который говорит, что преподобные сотворят суд *написанный*, и у тайновидца, который пишет так: *и видех мертвецы малыя и великия стояща пред Богом, и книги разгнушася: и ина книга отверзеся, яже есть животная: и суд прияша мертвецы от написанных в книгах, по делом их* (Откр. 20:12). Как обыкновенно между человеками употребляется написанный суд, частью для удобности в отношении к высшим судиям, поелику он не только слова и действия подсудимых, со всеми их обстоятельствами и подробностями, но и множество в разных местах находящихся свидетелей и других доводов судного дела представляет в нескольких написанных листах; частью для верности, поелику слово сказанное мгновенно скрывается и может быть пересказано иначе, а слово написанное остается видимым и неизменным; так и суд святых представляется написанным в книгах, и особенно в книге жизни, в ознаменование того, что им дан будет от Верховного Судии способ так же удобно и верно, или, лучше сказать, несравненно удобнее и вернее, видеть всю внешнюю и внутреннюю жизнь каждого судимого ими, нежели как обыкновенный судия видит поступки подсудимого в написанном полном судном деле; и что посему судимым греш-

никам не останется никакого способа не признаться в том, в чем обличат и осудят их святые. Но кто и когда пишет книгу нашей жизни для будущего суда святых? Думаю, что пишем ее мы сами, и пишем непрерывно, в то самое время, когда что делаем или говорим, желаем или помышляем; так должно быть для того, чтобы мы не имели предлога отказаться от нее на суде и говорить, что в ней кем-то когда-то написано, чего мы не знаем и чего от нас не было. Но где лежит сия книга? Кто знает, в каком месте хранит Судия написанный суд, доколе придет время открыть его всенародно? Впрочем, надеюсь, не погрешим, если скажем, что в сердце каждого из нас лежит книга жизни для будущего суда нашего, — там, где не только знающие Бога и Его закон и благодать Его, но и язычники *являют дело законное написано, сосвидетельствующей им совести, и помыслом друг друга осуждающим или оправдывающим* (Рим. 11:15), ибо сие внутреннее явление — не что иное есть, как большее или меньшее открытие книги жизни, которая, наконец, вся от начала до конца откроется, и из нашей же внутренности осветится или светом, или пожирающим огнем, *в день, егда судит Бог тайная человеком.* Можно еще сказать, что и в самом теле нашем, которое под покровом тленного уготовляется к воскресению, как бы в некоей книге мы пишем жизнь нашу неприметными ныне, но явственными для будущего суда нашего чертами: «Каковые доныне, — говорит святой Макарий, — *сокровища внутрь себе стяжала душа, таковые откроются и явятся тогда на теле*» (Беседа 5, 8), может быть, также и на других созданиях Божиих; ибо у тайновидца сказано, что кроме особенной книги животной, есть еще книги, которые должны разгнуться для суда по написанному в них, — может быть, говорю, и на других созданиях Божиих, нами беззаконно употребляемых, оскверняемых, повреждаемых, окажется по частям написанный суд настоящей жизни нашей, например, наши грубые нечистоты на земле и воде, наши праздные слова на воздухе, следы злобы нашей на том, что было предметом или орудием злобных действий, улики соблазнов наших в тех, кого мы соблазнили. Так не обличенное живыми свидетелями братоубийство Каиново написано на земле кровью Авеля: и Небесный Судия точно сими кровавыми, не только явственными для прочтения, но даже говорящими письменами уличил непризнавшегося преступника: *глас крове брата твоею вопиет ко Мне от земли* (Быт. 6:16). Так один из будущих судей Божиих ржу золота и серебра предварительно принимает в качестве свидетеля против сребролюбцев: *ржа их,* говорит, *в послушество на вас будет* (Иак. 5:3). Наконец, самая благодать, вселившаяся во святых, которой мы не приняли не по чему другому, как по самопроизвольному нерадению или упорству, их вера, их подвиги, их добродетели, которые мы долго имели пред очами в сих подобострастных нам людях, но которым не подражали, явясь на день суда в полном свете, произведут то, что действие суда святых само собою ока-

жется над нами, посредством совести нашей, подобно как Ной, не поставляя судилища, не производя судебного исследования, тою самою верою, которою сам спасся от погибели в потопе, осудил неверовавший первый мир. *Верою,* говорит апостол, *ответ приим Ное, о сих, яже не увиде, обоявся, сотвори ковчег во спасение дому своего: еюже,* то есть верою, *осуди весь мир.*

Обетование Господне оставляющим все Царствия ради Небесного
(Мк. 10: 29–30 и параллельные), по святоотеческим толкованиям

Свт. Феофан. «Странник», 1869

Отвещав же Иисус рече: аминь глаголю вам, никтоже есть, иже оставил есть дом, или братию, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, Мене ради и Евангелия ради: аще не приимет сторицею ныне во время сие домов, и братий, и сестр, и отца, и матере, и чад, и сел, во изгнании, и в век грядущий живот вечный (Мк. 10: 29–30). Это изречение Господа трудно к уразумению только одною стороною. Что оставляющие всё ради Господа в век грядущий получат живот вечный, это не требует объяснения. Трудно уразуметь только, как оставивший получит оставленное сторицею в веке сем, во изгнании.

Первая мысль, рождающаяся при сем: нельзя ли это обетование изъять из века сего? Как говорится о сем у других евангелистов? Нет ли у них таких оборотов речи, на основании которых все обетование можно было бы отнести к будущему веку?

Точно обстоятельство, по которому сказано Господом затруднительное обетование, описано, кроме святого Марка, евангелистами Матфеем и Лукою. У евангелиста Матфея святой Петр спрашивает: *Что убо будет нам* за оставление всего? И Господь отвечает, что во второе пришествие вы сядете на двенадцати престолах и будете судить двенадцать колен Израилевых. Но и всякий *Мене ради оставивший* все, *сторицею приимет и живот вечный наследит* (Мф. 19: 27–29). Где приимет сторицею, не сказано. Но как прибавлено: *и живот вечный наследит,* конечно, в век грядущий, то сторичное воздаяние, можно полагать, и здесь разумеется, в веке сем. Святой Иоанн Златоуст, приводя текст после слов: *сторицею приимет,* от себя вставляет: *в настоящем веке.* Только разве то, что апостолам ничего не обещано (подразумевается, у евангелиста Матфея) в веке сем, можно предполагать, что и в обетовании всем другим, кроме их, все должно относиться тоже к веку грядущему. Но последнее обетование не исключает и апостолов. Речь может иметь такой вид: вы сядете на двенадцати престолах, и т.д. и кроме того, наряду со всеми другими, и здесь сторицею получите оставленное. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Если все про-

чие, то тем более апостолы должны получить возмездие — и там, и в сем веке». К тому же несообразно с учением Спасителя в будущем веке чаять семейного быта, хотя бы то в лучшем и чистейшем виде; ибо там ни женятся, ни посягают, к чему приготовлением служит характер благодатно-духовной жизни, в коей *несть мужеский пол, ни женский* (Гал. 3:28).

У святого евангелиста Луки (18: 28–29) вопрос святого Петра значится, как и у евангелиста Марка; и ответ Господа сходствует с ответом, замеченным у евангелиста Марка, только выражен сокращеннее. В воздаяние оставившим все здесь обетовано – восприятие оставленного *множицею, во время сие*, – и в век грядущий *живот вечный*.

Итак, по свидетельству всех трех евангелистов, оставляющим все для Господа и Царствия ради Его не *живот* только *вечный* обетован, но и в веке сем, во время сие, во изгнании, восприятие того же оставленного *сторицею* или *множицею*. Спрашивается: как это разуметь?

Исполнения сего обетования в буквальном смысле нечего ожидать не только теперь, когда все ведают, что на деле сего не было, но и тогда слышавшие Господа не могли ожидать, что, оставя все, получат обратно сто братьев, сестр, детей, сел, домов. Напротив, самый этот образ выражения всем давал разуметь, что слова Спасителя не должно понимать буквально. Как же их понять?

Надобно заметить, что оставление всего, о котором говорит Господь, если судить о нем по примеру апостолов, разумеется, произвольное, на которое сам кто решается ради распространения Царства Христова, как сделали, например, святые Тимофей и Тит, и делали многие другие. Если же обратить внимание на последующие слова Господа о стократном воздаянии, – ныне *во изгнании*, то под ним надобно разуметь оставление непроизвольное, когда гонители заставляли уверовавших оставлять свои семейства, или же свои родные, в ревности по нечестию своему, лишали их и своей любви и родного крова. Как лиц последнего рода было несравненно более, то, вероятно, их более и разумел Господь, говоря о воздаянии.

Стократное воздаяние таковым могло быть и было двоякое: 1) видимое, в лице всех верующих, и 2) невидимое, духовное, в сердечном чувстве благобытия.

1. Все верующие составляли едино, и это единство было не внешнее только, но внутреннейшее, самое искреннее и сердечное. Дух любви, крепкой, как смерть, связывал всех, так что каждый всех считал своими, и все каждого считали своим. Степень возраста, духовного преспеяния, духовных дарований и служений определяла только оттенки сей любви. Сила же ее всех одинаково проникала. В сем отношении вступающий в общество верующих старец всеми принимаем был как отец и от всех принимал веяние любви, свойственной детям; вступающий юноша от всех старших

принимал знаки и сердцем ощущал веяние отеческой и материнской любви, а от всех равных знаки и веяние любви братской и сестринской и т.п. Таким образом, если кто, вследствие веры в Господа, должен был оставлять своих родных, то, вступая в среду верующих, он встречал столько родственных любвей, сколько было веровавших, сотни, тысячи, десятки тысяч. Ибо *сторицею* определенно выражает неопределенное число, в смысле – *множицею,* как стоит у евангелиста Луки. Далее, так как веровавшие, по силе глубокой взаимной любви, ничем не делились, а все считали общим всех достоянием, то для вступавшего в среду их дом всякого был открыт, и все достояние каждого было как бы его собственное, готово на удовлетворение его нужд. Таким образом он вдруг становился обладателем неисчетного числа домов, сел и всякого достояния. Так разумеют сие святой Иоанн Златоуст, а за ним блаженный Феофилакт и Евфимий Зигабен.

Святой Иоанн Златоуст говорит, что в отношении к апостолам это обетование сбылось так: «Ставив уду и сети, они имели во власти своей имущество всех людей, их домы, поля и даже самые тела верующих; многие готовы были даже умереть за них, как свидетельствует о сем Павел, говоря: *Аще бы было мощно, очеса бы ваша извертевше, дали бысте ми* (Гал. 4:15)».

Блаженный Феофилакт дополняет святого Иоанна Златоуста: «Поелику от проповеди (Евангелия) имела возгораться брань (между людьми), так что дети должны были ради благочестия отрекаться от отцов, то Господь и говорит: «Кто оставит ради Евангелия плотское родство и вообще все плотское, тот и в сем веке получит все это во сто крат более, и в будущем жизнь вечную». Вместо отца будет он иметь старцев церковных, вместо матери – церковных стариц, вместо жены – всех верных жен, не в брачном отношении – нет, но в отношениях духовных, в духовной любви и попечении о них».

Те же мысли и у Евфимия Зигабена. Он задает себе вопрос, как может кто за оставленное получить стократное или многократное воздаяние еще в веке сем, и отвечает: «Как? Так же, как получили апостолы, мученики и все праведные. Ибо смотри, все дома верных были для них открыты; братьями и сестрами стали им все святые (мужи) и все святые (жены), отцами – все отечески полюбившие их, пекшиеся и болезновавшие о них; ибо в этом существенное свойство отца; матерями – все (жены), таким же образом расположенные к ним; женами – все (жены), помогавшие им и служившие; ибо в этом дело жены; детьми все ученики. Кроме того, и все, что имели верующие, имели они в своей власти. И что особенно дивно, все это имели они среди гонений, будучи, то есть, гонимы от врагов веры».

2. Когда говорит Господь: *сторицею приимет,* – то необходимо разуметь, что Он обещает в воздаяние сто домов и сел, сто братьев и сестер, и т.п. Можно и так разуметь, что Господь обещает здесь во сто крат не этого

именно, а против этого, или взамен этого, причем допустима мысль о благах другого рода, то есть вместо видимых — о невидимых, вместо телесных — о духовных. В сравнение будет взимаемо в сем случае не внешне обладаемое благо, а чувство блага, или благобытия, производимое им. Союз с родителями и родными, обладание домом и селами, вообще семейный быт, хорошо устроенный, оставляет в сердце чувство блага или благосостояния и благобытия. Свободно оставляющий семейство или невольно изгоняемый из него Христа ради и Евангелия предполагается лишаемым этого чувства, теряющим ощущение благобытия, потому истощаемым, постоянно болезнующим и как бы умирающим. Спаситель говорит, что это не так будет; но кто оставит все *Мене ради и Евангелия,* тот постоянно будет ощущать в себе такое благобытие, какое бы ощущал, если бы прежнее его благосостояние увеличить во сто раз и более *множицею.* Истории мучеников представляют многократные примеры выражения такого чувства. Оно — и очень естественно, по живому общению их со Христом и во Христе с Богом. Поелику они сочетавались со Христом и в Него облекались, то принимали в себя и все богатство Христово. Это было не вменение, не чаяние, а обладание самым делом. Какое же теперь благосостояние могло доставить то чувство благобытия, которым исполнялось сердце веровавших?! Оно-то и делало их способными на все лишения и на всякого рода неописанные страдания. Апостол Павел говорит: *И настоящая, и будущая — вся ваша,* когда *вы Христовы* (1 Кор. 3:32). И еще говорит: *Вся вменяю тщету за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа* (Флп. 3: 7–8). Все *препобеждаем за Возлюбившего ны* — и ничто разлучить нас с Ним не сильно (Рим. 8: 37–39). Что именно чувства родственные возвращались им во Христе Иисусе, в этом Он Сам удостоверяет. Когда передали Ему, что Его ждут Мать и братья, *вне стоящие,* Он сказал, что брат и сестра и мать Ему тот, кто исполняет волю Отца Небесного (Мф. 12:49). Следовательно, обратно и Он для сердца веровавших и ходивших в воле Божией был и есть и брат, и сестра, и мать. Он один заменял и заменяет все родство настолько в высшей степени, насколько есть Сам выше всех. Сердце, натурально ищущее родственных чувств, удовлетворялось, обладая Им одним, — и сравнивать нельзя, как в высшей степени, чем прежде. Святой Григорий Великий (Двоеслов) в 18 беседе на Иезекииля говорит: «Сторицею, говорит, приимет, потому, что Бог сделает, что таковой гораздо более будет обрадован бедностью или всех вещей оставлением по любви ко Христу, чем богатые обрадованы всем своим богатством и всеми своими угодьями. И это самым делом ощущают те, кои ради Христа оставляют все свое».

Иероним блаженный тоже разумеет здесь сторичное воздаяние не видимыми благами, а духовными благами, то есть миром сердечным, радостью духа, утешением неизглаголанным и другими дарами благодати, ко-

торыми преисполнял души их Бог и которые превосходят все земные блага и радости гораздо более, чем сто превосходит единицу.

Блаженный Феофилакт, похоже, на это толкует получение с избытком оставленного еще в нынешнем веке: «Это надобно разуметь, – говорит он, – о дарованиях духовных, которые несравненно выше земных и служат залогом будущих благ».

Святой Амвросий на 118 псалом в 8 осмерице говорит: «Чья часть есть Бог, тот всего есть обладатель. Вместо полей (оставленных) он сам есть поле, приносящее плод негибнущий вовеки. Вместо домов (оставленных) он сам есть драгоценнейшее жилище и храм Бога. Что выше и драгоценнее Бога? Это такая часть, с которою никакие земные участки сравниться не могут. Что величественнее сего небесного Гостя? Что ублажительнее сего обладания Божественного?»

О том, как обетование Господа оставляющим все ради Царствия Божия исполняется и во время сие (Лк. 18: 29–30)

«Воскресное чтение», 1802

Аминь глаголю вам, яко никтоже есть, иже оставит дом, или родители, или братию, или сестры, или жену, или чада, Царствия ради Божия, иже не приимет множицею во время сие, и в век грядущий живот вечный (Лк. 18: 29–30). Один богатый гражданин константинопольский, призвав своего сына и указав ему на свои богатства, сказал: «Что хочешь, чтобы я оставил тебе – это ли богатство, или Христа?» Достойный сын христолюбивого отца, зная всю тщету земного имения, отвечал, что он избрал Христа. После сего отец раздал все имение нищим, так что сын, оставшись по смерти отца без всякого наследства, принужден был скитаться и терпеть бедность, не теряя, впрочем, надежды своей на Господа. И Господь, обещавший и во время сие вознаграждать жертвующих Ему имением и сродниками, вскоре послал богатейшую награду благочестивому юноше. В том же Константинополе жил другой богатый и знаменитый муж, имевший единородную дочь. Посоветовавшись с благочестивою супругою своею, он положил не выдавать дочери в замужество кому бы то ни было, по одному богатству жениха, а отдать ее человеку благочестивому, хотя бы и бедному. Итак, помолившись Богу, родители решились избрать женихом дочери того, кого первого увидят входящим в церковь. По устроению Промысла случилось, что первый вошел в церковь тот христолюбивый юноша, который предпочел Господа всему имению богатого отца своего. Таким образом, потерявший имение и родителей нашел себе добрую жену, а с нею богатейшее имение и новых родителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 19-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛ.

На учение о нерасторжимости брака и высоком достоинстве девства (Мф. 19: 1–12; Мк. 10: 1–12)

1) Девство, брак и вдовство, по учению святого Амфилохия Иконийского. «Воскресное чтение», 1884.

2) Таинство брака. Там же.

3) Брак и его нерасторжимость (ст. 3; Мк. 10: 11–12). «Воскресное чтение», 1828.

4) *Смирнов.* Сущность и значение христианского брака. «Воскресное чтение», 1880.

5) Христианский брак как таинство Православной Церкви, его свойства и значение. «Воскресное чтение», 1885.

6) О блуде как смертном грехе. Там же.

7) *Прот. Фаворов.* О христианской нравственности. Брак. Супруги. «Труды Киевской духовной академии», 1880.

8) *Ф. Надеждин.* Христианский брак и его значение, особенно для женщины. «Странник», 1872.

9) *И.Б.* Нерасторжимость брака. «Руководство для сельского пастыря».

10) Христианское воззрение на брак и современные толки о семейном и общественном положении женщины. «Христианское чтение», 1867.

11) *Т. Барсов.* О последствиях расторжения брака по случаю прелюбодеяния. Закон о разводе. «Христианское чтение», 1882.

12) Ст. 12. *Х.О.* Каженики и скопцы по писанию и толкованию св. Иоанна Златоуста. «Руководство для сельского пастыря», 1869.

13) *И. П-ский.* О нерасторжимости брака. «Душеполезное чтение», 1884.

Благословение детей

14) Мф. 19: 13–15; Мк. 10: 13–16. Еврейские дети. «Воскресное чтение», 1832.

15) Библейские дети. «Воскресное чтение», 1876.

16) Мк. 10: 13–17. Мысли свт. Феофана.

17) Лк. 18:17. Там же.

Ответ богатому юноше

18) Мф. 19:16. *И се един некий приступль, рече Иисусу.* «Воскресное чтение», 1824.

19) Мф. 19: 16–26; Мк. 10: 17–27; Лк. 18: 18–27. О богатом юноше. «Воскресноечтение», 1803.

20) Мф. 19: 16–26. Изъяснениедневного Евангелия. «Воскресное чтение», 1801, 1825.

21) Изъяснение Евангелия, читаемого в 12 неделю по Пятидесятнице, блж. Иеронима. «Воскресное чтение», 1818.

22) Ст. 16–30. *Беллюстин.* Заповеди не тяжки. «Воскресное чтение», 1832.

23) Мф. 19: 16–26; Лк. 13: 18–27. *Св. Иоанн Златоуст.* Изъяснение Евангелия о богатом юноше. Толков. на Евангелие от Матфея. Беседа 64. Ср. «Воскресное чтение», 1816.

24) *А. Гусев.* Евангельские советы и их отношение к положительным требованиям Евангелия Христова. «Христианское чтение», 1873.

25) О евангельских советах. «Воскресное чтение», 1811.

26) Мф. 19: 21–22. Любимые кумиры. «Православное обозрение», 1871.

27) Ст. 21. «Воскресное чтение», 1823.

28) Ст. 23–25. «Воскресное чтение», 1807, 1818.

29) Ст. 24. Изъяснение (Зеппом) изречения: легче верблюду пройти сквозь игольные уши. «Христианское чтение», 1874.

30) Ст. 25. Веельзевул. Биб. поп. сл. «Воскресное чтение», 1874.

31) Ст. 27. Жизнь по смерти. «Воскресное чтение», 1814, 1832.

32) Мк. 10: 17–31. *Климент Александрийский.* Объяснение см. в ст. О том, какой богач спасется. «Христианское чтение», 1846.

33) Лк. 18:27. *Еп. Макарий.* Спасительная сила Божией благодати. «Странник», 1878.

В Словах и Беседах

34) Ст. 14. *Павел, архиеп. Кишиневский.* О том, что приближение ко Христу и благословение Христово спасительно и необходимо для детей всех времен и народов и что забота о том лежит на семье и школе.

35) Ст. 16. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О похвальных качествах богатого юноши и о том, что соблюдение заповедей есть общий для всех путь к жизни вечной. Слово в 12 нед. по Пятидесятнице.

36) Ст. 16. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О важности, значении и употреблении правила: *аще хощеши внити в живот, соблюди заповеди.*

37) Ст. 17. *Арсений, митр. Киевский.* О том, почему Господь не благоволил принять приветствия иудеянина, и о празднословии в наших приветствиях вообще.

38) Ст. 21. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* О богатом евангельском юноше и вольной нищете вообще.

39) Ст. 22. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О пагубных следствиях пристрастия к земным благам при самых добрых расположениях души и о вольной нищете.

40) Ст. 16–26. *Илиодор, архиеп. Курский.* Беседа в нед. 12 по Пятидесятнице.

41) На Евангелие от Луки, 17: 18–29. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседа о богатом князе.

42) Ст. 22. *Павел, архиеп. Кишиневский.* О том, что у христианства с социализмом нет ничего общего во взгляде на собственность, что они совершенно одно другому противоположны, и потому социализм есть гибельное заблуждение.

43) Ст. 38. *Арсений, митр. Киевский.* О том, что наше благополучие зависит частью от нас самих, а более от Бога, к Которому мы должны прибегать за помощью непрестанно.

Притчею о работниках в винограднике, за неравные труды получивших равную плату, Иисус Христос изобличает худое свойство тех, которые трудятся для Царствия Небесного из-за наград (Мф. 20: 1–16)

В Царстве Небесном произойдет то же, что случилось у одного хозяина. Рано поутру он вышел нанять работников в виноградник свой. Договорившись с работниками заплатить им по динарию в день, послал их в виноградник свой. Вышедши около третьего часа, увидел, что на торгу стоят еще ненанятые работники. Он сказал: ступайте и вы в виноградник, и что будет

следовать, я заплачу вам. Они пошли. Опять вышедши около шестого и девятого часа, то же сделал. Наконец, вышедши около одиннадцатого часа, опять нашел, что стоят работники, и говорит им: что это вы простояли целый день без дела? Отвечают ему: никто нас не нанял. Говорит им: подите и вы в виноградник и что будет следовать, получите. Вот настал вечер. Господин виноградника говорит своему управителю: позови работников и расплачивайся с ними, начиная от последних до первых. И пришедши нанятые около одиннадцатого часа, получили по динарию. Пришедши же первые, надеялись, что они получат больше; но и они получили по динарию. И, получивши, стали роптать на хозяина и говорили: эти последние работали только час, а ты сравнял их с нами, между тем как мы томились целый день и терпели зной. В ответ на это он сказал одному из них: Я друг, тебя не обижаю. Не за динарий ли ты со мною договорился? Возьми свое и ступай. А я хочу и этому последнему дать то же, что и тебе. Разве я не властен располагать своею собственностью, как хочу? От того ли твой глаз завистлив, что я добр?» Таким образом, будут последние первыми, и первые последними; потому что много званых, но мало (оказалось) избранных.

Хозяин в этой притче означает Отца Небесного, виноградный сад – Церковь, работники, призываемые в виноградный сад, – людей, призываемых ко спасению; часы – первый, третий, шестой... – времена, в которые Бог призывал людей ко спасению. Таким образом, значение этой притчи будет таково: Бог Отец, заботясь о спасении людей, еще очень рано, со времени Адама, стал призывать людей ко спасению. Как заботливый хозяин, думающий о лучшем устройстве своего хозяйства, Он выходил в первом часу, означающем у евреев еще только восход солнца; в третьем, шестом, девятом и даже одиннадцатом, означающем время уже пред самым заходом солнца, для призвания делателей в свой виноградник. Выход в первом часу может означать призвание, сделанное еще нашим прародителям в раю; выход в третьем – призвание, деланное людям пред потопом чрез Ноя, выход в шестом и девятом – призвание, бывшее чрез иудеев и пророков в разные времена их жизни; наконец, выход в одиннадцатом, последнем часу дня, означает призвание, сделанное напоследок чрез Самого Иисуса Христа. Во все эти времена Господь Бог находил усердных делателей, послушных рабов Своему слову, и посылал их для труда в Свой виноградник, Свою Церковь, насажденную в мире подобно виноградному саду. Когда наступит вечер, означающий конец мира, Господь Бог позовет Своих делателей для вознаграждения за их труды, и усердных из них, их, которые по первому зову слушались Его голоса и вступали в Его Церковь, Он наградит одинаково, трудились ли они целый день, или целую жизнь, или вступили в Его Церковь в позднюю пору жизни. Так Он поступит потому, что в Его глазах имеют цену и достоинство не то число лет, которое мы трудимся, не то множе-

ство дел, которые мы совершаем, но то усердие, с которым мы делаем, та любовь, которую мы высказываем к Нему, исполняя Его заповеди. Иной в одну минуту может сделать больше, чем другой во всю свою жизнь. Так, разбойник на кресте в одну минуту успел заявить такую веру в Господа нашего, что был причислен к раю; Закхей мытарь также в одну минуту, когда зашел к нему Господь на дом, обещал целую половину своего имения раздать бедным (Лк. 19:8). Людей, обращающихся с такою искреннею верою, с такою горячею любовью, Господь принимает даже в последний час их жизни и равно вознаграждает с теми, которые трудились всю жизнь, но, может быть, ни разу не заявили ни горячей любви, ни пламенного усердия к Нему.

Мысли епископа Феофана

«Мысли на каждый день года»

В притче о наемниках и тот, кому один только час работать пришлось, был одинаково вознагражден домовладыкою. Часы дня в этой притче — образ течения жизни нашей. Одиннадцатый час – последнее время сей жизни. Господь показывает, что и те, которые до этого срока дожили, не работая Ему, могут начать работать и угодить Ему не меньше других. Нечего, следовательно, отговариваться старостью и отчаиваться, полагая, что уже не к чему начинать. Начинай не робея; милостив Господь: все тебе даст, что и другим, и по чину благодати *здесь*, и по закону правды *там*. Только усердием побольше разгорись и посокрушеннее поскорби о нерадении, в котором проведена вся почти жизнь. Скажешь: там позвал хозяин, пусть и меня позовет Господь. А разве не зовет? Не слышишь разве в церкви гласа Господня: *Приидите ко Мне вси*, и апостольского призвания: *Во Христе молим, яко Богу молящу нами: примиритеся с Богом*.

Вифания

«Воскресное чтение», *1816*

Вифания, весь Марфы и Марии, где так часто находил гостеприимный кров и встречал самую нежную заботливость Господь наш Иисус Христос, не имевший, где главу подклонити, есть небольшое селение, лежащее при подошве Елеона, с юго-восточной его стороны. Оно носит теперь название Лазария, и отстоит от Иерусалима *яко на пятьнадесят стадий*, или на три четверти часа ровной езды, если измерять пространство по восточному обыкновенно. Главный путь из Иерусалима в Вифанию и теперь тот же самый, который был во времена евангельских событий; по нему, при вопле отроков: *Осанна Сыну Давидову*, торжественно взошел из Вифании в Иерусалим кроткий Царь дщери Сиона. При посещении Вифании овладевает странником чувство, совершенно противоположное тому, какое рождается при взгляде

на Иерусалим, коль скоро следить мысленно связь событий евангельских. Вифания едва ли не единственный уголок на всей земле, освященной стопами Господа, где Он ни от кого и никогда не встречал оскорбления и где всегда находил только приветливость, радушие, усердие, любовь.

И всемилосердый Господь, выну прославляющий славящих Его, прославил и гостеприимный кров и самую весь воскрешением Лазаря. Вот событие, коего величие не потеряет ничего от тысячелетий, коего слава прошла в концы мира и не по одним народам христианским и коего вековой свидетель, вертеп, принадлежит Вифании!..

Вертеп этот находится вблизи от дому Лазаря, на берегу небольшого оврага, изрытого водой во время периодических дождей Палестины. Над входом в него существует незначительная постройка из больших камней, принадлежавших некогда, быть может, самому дому Лазаря; влево от входа стоит небольшая мечеть. Поклонники, желающие видеть, если не самое смертное ложе воскресшего Лазаря, то, по крайней мере, преддверие к нему, где стоя Спаситель наш воззвал: *Лазаре, гряди вон!* — обыкновенно пред входом возжигают свечи и трепетной стопой спускаются в глубь мрачного вертепа, по иссеченным в скале ступеням, тем самым, по которым, как говорит предание, нисходил и Господь наш для умерщвления смерти в ее гнездилище. Эта тесная и непрямая лестница приводит в небольшое четырехугольное преддверие пещеры могильной. В этом покое, очень тесном для церкви, но не стесняющем благочестивых чтителей воскресшего праведника, на восточной стороне, в боку иссечен низкий каменный престол, на котором прежде в день праздника совершалась Божественная Литургия. Легко представить, как умилительно тут чтение, приличное празднику, Святого Евангелия! Ныне в день воскресения Лазаря служится кем-либо из архиереев Литургия на Елеоне, а оттуда отправляются уже в преддверие гробовой пещеры Лазаря служить молебны. На помосте этого преддверия, с левой стороны, и есть узкое отверстие самой могильной пещеры. С молитвой на устах спускаешься в него по разрушенным ступеням. Ни прямо, ни даже наклонившись нельзя входить в него, но надобно пасть ниц и ползти несколько более сажени, чтобы стать во мраке пещеры, *идеже бо умерый лежа.* Нельзя высказать чувства, которое рождается здесь, при живом представлении столь необычайного пробуждения от сна смертного, которое испытал друг Господа. *Гряди вон* — прогремело в его слухе, но куда? Луч света и в самомалейшем мерцании не брезжит в пещере... Только светлый хранитель мог поставить его у отверстия пещеры; только колебание воздуха от великого гласа Господа могло вразумить его, что это отверстие — путь к ожидающему его Господу, трепетным сестрам, к жизни под теплыми лучами солнца... И обвязанный по рукам и ногам преклоняется к этому отверстию и, если можно сказать, выплывает из

бездны тления к стопам Господа, Источника жизни. *Разрешите его и оставите ити*, вещал кроткий глас Спасителя, и Лазарь, разрешенный от вериг смертных, еще долго ходил по суше и морю, доколе тот же глас, который вызвал его из гроба на землю, не воззвал его от земли к небеси. Есть другая гробница, которая хранит святые останки Лазаря. На острове Кипр, в городе Ларнаки, под помостом алтаря великолепной церкви во имя святого Лазаря есть вертеп с гробом друга Христова, святого пастыря Церкви Кипрской. Благочестивый поклонник оставляет свой корабль и спешит к недальнему берегу для поклонения сей святыне. И киприоты, свято чтящие память пастыря первенствующей своей Церкви, ежегодно в большом количестве оставляют на время святыню земли своей и усердно спешат ко гробу Господа и ко гробу друга Его – к гробам, в которых столь ясно совершилось окончательное торжество над смертию.

В Вифании погребальная пещера Лазаря довольно велика; она более каждой из погребальных пещер царских, взятой порознь. Надобно полагать, что она назначалась для целого семейства. Само ложе смерти Лазаря – направо от входа в пещеру, на восточной ее стороне; но как жаль, что к мраморной плите его не прикасаются уста поклонника! Сыны лжеверия оградили это ложе от пещеры каменной стеной и из своей мечети сделали другой ход к нему. Других гробов нет в пещере; смерть, однажды здесь посрамленная, не смела уже более привлекать сюда своих новых жертв.

Благочестивое предание указывает в Вифании и другие священные места. Вблизи от гроба Лазаря показываются небольшие остатки дома его, на которых святою Еленою был построен монастырь, одна часть которого находится в развалинах, а другая занята мечетью. Выше дома Лазаря на скате горы видны значительные развалины римско-католического аббатства, основанного во имя святой Марии Магдалины на месте дома ее. Она оставила родную Магдалу, доселе находящуюся на берегу моря Тивериадского, и поселилась среди добрых жителей Вифании, в обществе сестер Лазаря, для того чтобы чаще утешаться беседою учеников Господа, чаще плакать на Голгофе, лобызать гроб Воскресшего и иметь непосредственное общение с Церковью Сионскою. Кроме этих развалин, на конце Вифании, по пути из нее к Иерусалиму, показываются незначительные остатки церкви, построенной древле на месте дома Симона прокаженного.

Мысли св. Ефрема Сирина о воскрешении Лазаря

Творения, ч. 5

Премудрый избрал и воскресил трех мертвецов трех различных возрастов – отроковицу, юношу и мужа, в прообразование родов древних, средних и

последних. Он хотел уверить в едином воскресении всего рода от Адама и до конца, и воскресением близких мертвецов подал великую надежду и отдаленным. Древних мертвецов представил Он в Лазаре, средних — в юноше, последних — в отроковице, и всем проповедал единое воскресение.

Не кого-либо из минувших времен и поколений воззвал Он к жизни пред неверным народом, быть свидетелем воскресения, но Лазаря из Вифании, которого и место жительства, и дом были известны, у которого и сестры были живы, и сродники находились близко. Во дни горького рыдания и сильного сетования друзей об умершем, когда противоборствующая истине синагога рассуждала еще о событии смерти его, когда в сонмах иудеев раздавался еще вопль плачущих о нем, когда друг другу передавали все весть о смерти Лазаря, когда скорбь о нем еще не уменьшилась и слух о смерти его еще не умолк, когда сходились все утешать сестер о брате, когда известие о его смерти соделалось несомненным и погребение известно стало многим, когда в доме умершего совершался еще плач и оплакивали его знакомые; тогда приходит воскреситель Господь явить Свое могущество, и не только Лазаря, но и всех утвердить в уповании. В одном мертвеце дал всему миру преобразование воскресения, и в области мертвых водрузил знамение жизни. Сперва попустил тлению коснуться умершего и потом приходит воздвигнуть его, чтобы воссмердение его уверило в смерти, а возвращение к жизни — в общем воскресении.

Умерший три дня в стране смерти оставался невредимым, а в четвертый день погрузился в море тления. Смерть вела его три поприща, и когда прошел их, — на четвертом поприще, как последнем, заключила его в бездну истлевающих. Иисус медлил, пока Лазарь не нисшел до конца преисподней, чтобы извлечь его из самой глубины рва и препобедить тление смерти. Смерть взяла и предала разрушению погребенного; положил на него червь уста свои, тлению предалась плоть его. Погрузился он в рове умерших, погряз в шеоле погребенных, отнесен и ввержен в океан истлевающих. Ветер смерти низринул его в бездну разрушения, чтобы и истлевающих в шеоле возвеселило явленное им воскресение. Иисус попустил ему пасть во глубину смерти и в ней погрязнуть, чтобы туда нисшел воскрешающий глас Его и наступил на главу ада. Смерть похитила Лазаря из обители живых, ввела его в свою твердыню, заключила крепкие врата свои и надеялась, что не будут они отворены; но Иисус медлил и дозволил тлению овладеть плотию, чтобы зловоние от мертвеца ясно свидетельствовало о воскресении его. Всеведущий извещал учеников Своих: *Лазарь друг наш успе*. Тем, что сказал прежде, нежели пришел туда, показал Он Свое всемогущество, а тем, что умедлил, пока не начал смердеть умерший, увеличил чудо воскресения.

Отроковицу в доме возвратил к жизни и отдал отцу ее; юношу воскресил, когда несли его ко гробу; а Лазаря оставил в темнице гроба, пока не

стал предаваться тлению, чтобы в жилище крепкого проник глас Его и воскресил умершего. В доме, на пути и из гроба возвращал Он умерших к жизни, чтобы на всей дороге смерти поставить путемерия, по всей стезе умерших рассеять надежду жизни, и в начале, и в средине, и в конце ее явить воскресение. Для того медлил, когда умер Лазарь, друг Его, чтобы, когда до конца пройдет путь смерти, оттуда воззвать его к жизни. Жизнеподатель по следам смерти шествовал за нею путем ее владычества, и весь путь ее от начала до конца оросил воскресением. *Лазарь друг наш умре, и радуюся, яко не бех тамо.* Известно Ему было, что Лазарь предавался уже тлению, и медлил воззвать его к жизни.

Когда смерть три дня держала уже мертвеца во власти своей, и в четвертый день черви начинали разрушать его образ, тогда Жизнеподатель пришел с учениками Своими в весь умершего и предавших его погребению спрашивал: *где положисте его?* Конечно, к ухищрениям дает сие повод дерзким совопросникам; но яснее солнца, что не имел Он нужды спрашивать. А тем, что сказал: *где положисте его?* – хотел подтвердить, что Лазарь действительно был погребен. Спросил не о том, где гроб, но – где они положили мертвеца? Знал упорство иудеев, с каким отрицали славные дела Его, и связал Своим вопросом: где положили умершего? Не о том спросил, где положен или погребен Лазарь, но – *где положисте его?* Покажите Мне это вы сами, неверующие.

Сын не менее Отца потому, что вопрошал о гробе. Слезами Своими над Лазарем уверял Он в Своем человечестве. Плакал и проливал Он пот; но пот и слезы свойственны человеческому Его естеству и не унижают Его пред Отцем, потому что и Он – воскреситель мертвых, как и Отец. Он плакал, чтобы уверить в Своем человечестве; воззвал к жизни мертвеца, чтобы показать Свое всемогущество. Вопрошал, чтобы связать неверующих; молился, чтобы изъявить Свое согласие с Отцем. И вся молитва на гробе не унижает Его пред Отцем. Из того самого, что сказал Он молясь, можем разуметь, что не имел Он нужды в молитве: *Народа ради стоящего окрест Аз рех, да веру имут, яко Ты Мя послал еси* (ст. 42). Сим врачевал Он дух предстоящего народа, потому что немощен был дух людей сих, и явно сомневались они в том, что Иисус есть Сын Всевышнего. Для того все дела Свои восписывал Отцу, чтобы показать, что не хищением Он – Господь и Животворитель.

Вопросил Он и пошел ко гробу Лазаря, как слышали мы о сем, и увидел крепкий град смерти, где тысячи мертвецов. Высоки стены сего царства мертвых, никто из живых не мог перейти чрез них; врата тьмы заключены для всех мертвецов; крепкие наложены запоры, чтобы никто из вошедших не мог выйти вон. Полон погребенных мертвецов этот великий град; неодолима сия твердыня смерти; нет туда доступа воскресению. Тысячи умерших входят, и не выходит ни один. Смерть уверена, что ни-

какой исполин не овладеет ее областью. И слово о жизни — далеко от сего града заключенных; пленники из всех поколений теснятся в чертогах смерти. Связанные, заключенные, пребывают они во тьме. Но вдруг при бездне, полной узников, предстало воскресение; как скоро Господь извел из нее одного — подал тем надежду всем.

И сей умерший погружен был в глубину всех мертвецов, опутан пленницами смерти, заключен в обитель погребенных, осужден на безмолвие, низринут в многоскорбный шеол, по рукам и по ногам связан путами и узами смерти, и его состав обращался в прах, и его плоть издавала зловоние, и смрад его тления ощутителен был всем погребавшим его. Сестры оплакивали умершего и тлению предававшегося брата; множество иудеев собралось утешать сестер его.

И тогда Иисус повелел отвалить камень от двери гроба. И сие сделано Им по неисследимой Его премудрости. Для того неверующим иудеям дозволил отверзть гроб, чтобы, отвалив камень от гроба, поражены они были вонею смерти. И смрад от мертвеца для того поразил их по отнятии камня от гроба, чтобы, когда зловоние оставалось еще на одеждах их, увидели они чудо воскресения.

Спаситель стал у гроба, и содрогнулась мрачная обитель мертвых, поколебались стены наполненного мертвыми телами города, близки стали к падению его твердыни. Расторглись крепкие забрала, отверзлись высокие врата, сокрушились все запоры, в содрогание пришли обитатели его. Коснулся глас воскресения — и пали стены. Рыкание юного льва раздалось в шеоле — и ужасом объята была смерть. Прекрасный олень наступил на нору змия — и он предался бегству. Небесный орел огласил криком своим гнездо ястребов — и они рассеялись. Смерть услышала новый голос жизни, возгремевший у врат ее, и поспешила расторгнуть узы и освободить заключенных, выпустила из рук своих узников, не удерживая идущих вон. Нисшел Вышний с высоты Своей, чтобы от Него люди прияли воскресение, отнял владычество у смерти, чтобы воцарилось над ними воскресение, — и пораженная ужасом смерть дала свободу всему множеству своих пленников. Но слышит она глас Иисусов: не *грядите*, но: *гряди. Лазарь, гряди вон*, сказал Иисус. Слово к одному только относилось и не касалось всех; одного только воскрешало, но посредством его одного утверждалась надежда на день общего воскресения. Если бы вместо *гряди вон* сказал Иисус: грядите вон, — все множество умерших вышло бы из гробов вместе с Лазарем. Но Он отличил Свое возглашение; потому что требовал одного Лазаря, воскресение же всех прочих соблюдал на конец времен. Если бы и теперь восхотел воззвать не: *гряди*, но: грядите; то не один вышел бы Лазарь, но явились бы все умершие. Для того возгласил Он иначе, и из многих воззвал одного, чтобы и прочие своим воскресением не упредили последние времена, когда опре-

делено им воскреснуть. Глас воскресения возбудил и воздвиг распростертого мертвеца. Явственно назван он собственным своим именем, потому что должен был выйти один. Скимен львов от Иуды огласил рыканием юдоль мертвых — и глас Его вторгся в сонм мертвецов, поял и извел единого, кто угоден был Ему. По гласу Его восстал умерший, и узы шеола не удержали его. Повеяло дыхание жизни — и воздвигся мертвец. Сказано: *Лазаре, гряди вон,* — и он выходит; вместе с словом последовало дело. По гласу предстало воскресение, и восстание мертвеца не замедлилось. Дыхание воскресения изъяло его из среды всех умерших. Едва только повеяло на него дыхание повеления, как восстал он из гроба, и даже связанный. Связаны были ноги его, но он пошел правильными и скорыми шагами, прежде нежели ноги освобождены от обвязания. *Разрешите его, и оставите ити.* Видишь, что вышел он из гроба, когда не был еще разрешен, но связанный, увитый, с покрытым лицом, шествовал не колеблясь. Жизнеподатель разрешил его от смерти, но не от связывающих его укроев; чтобы те же руки, которые обвивали мертвого при погребении, разрешили его и не поругались.

Воскрешение праведного Лазаря

Архим. Иосиф. «Духовная беседа», 1862

Чрез воскрешение праведного Лазаря из мертвых Господь наш Иисус Христос прежде Своих страданий крестных явил Себя победителем смерти и уверил нас в действительности общего нашего воскресения. Торжественно воспоминая это чудо, Святая Церковь влагает в наши уста следующее песнопение: «Общее воскресение прежде Своея страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже; тем же и мы, яко отроцы, победы знамения носяще, Тебе, Победителю смерти, вопием: осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне!»

Указанная Церковью мысль воскрешения Лазаря получает особенную убедительность и трогательность от некоторых частностей этого события, записанных в Евангелии; коснемся их со вниманием и сочувствием.

Упоминая о смерти, премудрый сын Сирахов не мог удержать скорбного чувства, которое невольно возникает в нашем сердце при одном воспоминании о смерти: *О смерте, коль горька твоя память!* (Сир. 4:1). Горько даже вспоминать о смерти, а видеть ее над близкими сердцу или самого себя представлять на месте умерших?.. Мы как бы присмотрелись к этому явлению; от частого повторения в разных местах оно представляется чем-то обыкновенным. Но вникните, вдумайтесь в сущность сего, казалось бы, обыкновенного явления, примите его к сердцу — и внутреннее сотрясение вашего существа, как бы от электрического удара, даст вам знать, что оно противно нашей природе и слишком возмутительно, а потому настоятельно требует самого решительного объяснения и утешения. Берем в

пример одно семейство из тысячи: вот оно с плачем окружило одр умершего своего члена, который за несколько минут до того беседовал с ними. Не успев оплакать разлуку с душою почившего, нужно проститься и с самым телом его: с воплем полагают его во гроб, провожают на кладбище, опускают в мрачную могилу, наконец, — верх испытания — должно бросить горсть земли на этот дорогой для сердца гроб и зарыть его навсегда в земле... О, сколько здесь самых горьких слез, самых тяжелых ощущений! Кто же может осушить эти слезы? Где найти для них самое действительное утешение? Должно испытать подобную скорбь, чтобы сознать необходимость в утешении; нужно получить это утешение, чтобы почтить полным доверием тот источник, из которого оно проистекает.

Приди сюда, мудрость человеческая; скажи нам с полным убеждением последнее свое слово при этой свежей могиле. В дни спокойной жизни нашей ты умеешь увлекать и развлекать нас; так ли ты могущественна в часы настоящей скорби нашей и слез?

«Нечего теперь скорбеть: все уже кончено», — говорит нам безучастно, с гробовым равнодушием материалист, не признающей нашего бессмертия, не ожидающий воскресения мертвых. Как? Неужели этот человек, с которым наша душа была в таком общении, уничтожился? Неужели все, что мы в нем уважали от всей души своей, станет одним прахом и тлением? Неужели действительно теперь все кончено и мы, не надеясь на свидание с умершим, должны остаться при одном воспоминании о нем и при этом ужасном сожалении? В таком случае эта могила есть конец всем стремлениям человека к счастью, есть горькая насмешка над его желанием бесконечной истины и добра; для чего же он и является в мир? Нет! Нет! Наше сердце, как оно ни поражено скорбью, отвращается от подобных слов; от них веет могильным холодом, в них скрывается грубое оскорбление самых дорогих привязанностей человеческой природы, самых священных чаяний нашего сердца. И в обыкновенное время грустно читать убийственные выводы материалистов, позволяющих иногда судить о таких предметах, которые стоят выше их точки зрения; а пред гробом, в минуты тяжкой боли сердца?.. Впрочем, некоторые из этих мыслителей, не желающих видеть ничего, кроме материи, отвергая бессмертие лица, допускает, бессмертие *рода*. Но и это мудрствование так же пусто и так же безотрадно. Какое нам утешение от общего или родового бессмертия, которого мы не будем сознавать? Бессмертие в том только случае и будет иметь для нас значение, когда оно будет *личным* достоянием каждого из нас, когда мы за гробом будем чувствовать продолжение личного своего существования.

Другие мыслители, более внимательные к сущности и стремлениям человеческой природы, объявляют, что душа каждого человека в отдельности как существо простое, духовное, не может разделяться на части и унич-

тожаться, — что она жаждет бессмертия, стремится к бесконечному. «Несмотря на тысячи доказательств нашей смертности, — говорит один писатель, — нам все думается, что мы не смертны. Когда другие умирают, нам как будто не верится, что и мы когда-нибудь умрем. Отчего же это? Оттого, что мы в самом деле не умрем. Действительно, мы бессмертны, мы будем жить вечно. Разрушится наша храмина, истлеет наше тело, но душа не истлеет и не разрушится; ей истлеть невозможно, в ней разрушаться нечему: она дух, она частей не имеет. Оттого-то и при самой смерти естественно нам думать, что мы не умрем; ведь думает не тело смертное, а бессмертная душа». Подобные уверения довольно утешительны; с немалым услаждением можно слушать их и читать в книгах. Но так ли они сильны при виде умерших, при невольно возникающих сомнениях, это еще вопрос, и вопрос очень настоятельный. Вполне ли вы уверены, что действительно существует душа умершего, когда ничто уже видимо не подтверждает этого, ни взгляд, ни улыбка, ни дар слова, ни слеза, и где она существует? На чем основаны ваши убеждения и ваши уверения? «На вероятностях разума, который имеет достаточно данных для своих заключений», отвечают. Итак, мы должны довольствоваться одними, быть может, *вероятностями и предположениями,* тогда как смерть поражает нас страшною действительностью? Тут чувствуется необходимость в личной проверке этих предположений или в высшем, Божественном, подтверждении. При виде смерти необходимо слово жизни, которое бы могло не только указывать, но и освещать страну загробного мира. Без Иисуса Христа для нас мрачна каждая могила; без Его живого слова никакие соображения, как бы они ни были основательны, не могут окончательно уверить нас в бессмертии умерших; без Его всемощной благодати мы, подобно Марфе и Марии, безутешно должны скорбеть и плакать об умирающих. Подтверждение сих мыслей представляет нам евангельская история воскрешения Лазаря.

Могила, скрывшая тело умершего Лазаря, казалась мрачною для сестер его до тех пор, пока не явился к ней Иисус Христос. Скорбь Марфы и Марии о смерти брата была так велика, что *мнози от Иудей приходили к ним, да утешат их о брате* (Ин. 11:19). К довершению их скорби служило то, что Спаситель во время столь печального события, постигшего дом вифанских друзей Его, отсутствовал от них и не решился поспешить в Вифанию, когда возвестили Ему о тяжкой болезни Лазаря. Взирая на Иисуса Христа как на Спасителя всех людей, не погрешим, если в таком поступке Его, кроме ближайших, частных целей, укажем более общую: не хотел ли Он чрез это видимо представить, что смерть не только Лазаря, но и всех потомков Адама может случаться только по причине удаления человеческого рода от Бога, как бы в отсутствие Его от нас? Скорбная жалоба Марфы и Марии: «Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат наш» — в при-

менении ко всему человечеству может быть выражена так: «Господи, если бы мы пребыли в общении с Тобою, нас не поражала бы смерть. Ты создал нас *в неистлении*, даровал нам древо жизни; но мы удалились от Тебя и, лишенные возможности питаться плодами древа жизни, подвергаемся смерти».

Но благодарение, вечное благодарение Господу! В те минуты, как скорбь наша доходит до высшей степени, Он является на помощь. Всмотримся в Божественный лик Его пред могилою Лазаря, вслушаемся в слова Его и вникнем в значение чуда, совершенного Им: тут мы найдем все то, чего так просит душа наша во время скорби об умерших.

В тяжком горе много значит живое и сердечное участие ближних; оно разделяет и как бы снимает эту тяжесть. Кто ж лучше мог знать такое устройство человеческой природы, как не Тот, Кто творил ее и теперь благоволил воспринять на Себя? Видя плачущих сестер умершего Лазаря, Христос Спаситель, по замечанию евангелиста, *возмутися Сам и прослезися* (ст. 35). Святые и столь отрадные слезы не только для Марфы и для Марии, но и для всех нас, имеющих несчастие оплакивать своих мертвецов! Они служат яснейшим выражением души, вполне знающей немощь естества нашего и до конца возлюбившей нас. Мы видим здесь не холодного мыслителя, который безучастно может относиться к самым глубоким страданиям человеческого сердца; нет! Пред нами Сердцеведец, благоволивший соделаться нам братом и другом. Понятна и близка Ему скорбь сестер Лазаря; но пред Его всевидящими взорами не скрыты и слезы всего человечества, возмущающегося видом смерти. А какой, в самом деле, поразительный вопль составляют все рыдания и стоны — от смерти Авелевой до последней трубы! Слезы, текущие по пречистым ланитам Иисуса Христа, — это наши слезы, это слезы всего человечества! Смотря на них, очевидцы говорили: *виждь, како любляше его* (Лазаря); мы же, при свете учения Христова, можем теперь в утешение друг другу сказать: *виждь*, как Он возлюбил человеческий род, подпавший греху и смерти! *Виждь*, как Он снимает с нас тяжелый крест, истесанный нами в раю преступлением заповеди Божией! Скорбному сердцу становится легче; если еще не перестают искриться у нас слезы, то разве для большего просветления очес сердца:

С души, как бремя, скатится,
Сомненье далеко.
И верится, и плачется,
И так легко, легко!

Первое слово, сказанное Христом Спасителем плачущей сестре Лазаря, было: *воскреснет брат твой* (ст. 23). С такою силою непререкаемой истины мог возвещать о воскресении умерших только Тот, Кто пришел на

землю с того света возвестить нам *истину* (Ин. 18:37) и в то же время имеет власть над жизнию и смертию. Важно для скорбной души одно свидетельство, вполне достоверное, о несомненности загробной жизни. Подобно Васко да Гама и Колумбу, мы плывем по жизненному морю к новой, неизведанной стране с некоторою уверенностью в ее существовании; но, подобно им, не можем не возмущаться и не колебаться среди вопля житейской суеты и треволнения страстей. Можем вообразить, с какою радостью эти мореплаватели приняли бы дорогую весточку, которая бы долетела до них вперед и заранее объявила: «Не отчаивайтесь! Предмет ваших стремлений не мечта воображения; он существует на самом деле; скоро вы увидите желанную страну своими глазами и в избытке радости воскликните: берег! берег!» Такую весть относительно загробного мира сообщил всему миру Господь наш Иисус Христос, *сшедый с небесе*. Предваряя наш личный опыт, Он непререкаемо уверил нас, что смерть не прекращает нашего существования, что мы воскреснем для новой жизни в новой стране. Это уверение тем сильнее действует на нас, чем более небесный Вестник щадит наши колебания и смущения, очень естественные в нашем положении.

Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Мя веруйте, говорит нам Спаситель, усугубляя Свои уверения: *В дому Отца Моего, обители многи суть* (Ин. 14:1). *Аминь, аминь, глаголю вам: яко слушаяй словесе Моего и веруяй Пославшему Мя имать живот вечный: и на суд не приидет, но прейдет от смерти в живот* (5:24).

Сень смертная так страшна сама по себе, что вступающему в нее как будто мало одних *словесных* уверений; он жаждет уверений в своем воскресении *фактических*, столь же действительных, как самая смерть. И наш Божественный Вестник воскресения как начальник жизни и смерти, имеющий ключи неба и ада, мог представить и такие уверения. Возвестив, что Лазарь непременно воскреснет, Иисус Христос в то же время указал на Себя как на живой и действительный источник воскресения мертвых: *Аз есмь воскрешение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет* (11:25). Вслед за сим Христос воскрешает Лазаря и чрез то подтверждает мысль, что Он действительно не только достоверный свидетель будущего воскресения, но самый Дарователь его всем верующим. Только люди ожесточенные или сожженные совестию не убедились этим чудом, столь ясно доказывающим Божественную власть Христа Спасителя. Но в ком хоть сколько-нибудь было искренности и здравого смысла, те все одинаково поняли значение этого чуда: *мнози от Иудей пришедшии к Марии, и видевше, яже сотвори Иисус, вероваша в Него* (ст. 45). Тем более должны веровать в Христа Спасителя и признавать Его источником нашего воскресения мы, знающие более поразительное чудо, нежели воскрешение Лазаря. На заре одного дня, лучшего из всех со времени грехопадения человека, камень отвален был от гроба, из коего, как из чертога,

вышел Победитель смерти, Христос Бог наш. Возможны ли более действительные доказательства, что воскресивший Лазаря и после Сам воскресший от гроба силою Своего Божества есть *воскрешение и живот* всего человечества? Тут факт исторический, неопровержимый; на него стоит только указать, чтобы видеть несомненность нашего воскресения как необходимое следствие. Так действительно и указывает на него святой апостол Павел в утешение наше, чтобы мы не скорбели, *якоже и прочии не имущии упования. Аще бо веруем,* говорит он, *яко Иисус умре и воскресе, тако и Бог умершия во Иисусе приведет с Ним* (1 Фес. 4:14). *Аще Христос проповедуется яко из мертвых воста, како глаголют нецыи в вас, яко воскресение мертвых несть?* (1 Кор. 15:12). Смерть и воскресение Господа нашего Иисуса Христа имеют теснейшую связь с нашею смертью и с нашим воскресением. Без нашей смерти Господу не было бы нужды умирать; без Его смерти и воскресения мы навсегда остались бы мертвыми. Но после воскресения Христова наше воскресение необходимо; Господь умер и воскрес для нас, для нашего воскресения.

Для истинно верующих и живущих по вере эта истина понятна не столько в теории, сколько в самой жизни. Животворная сила воскресения Христова обнаруживает себя и в силе религиозных убеждений, и в твердости нравственных правил, какими бывают проникнуты люди, *совершенне уповающие* на Христа Спасителя и *вкусившие силы грядущего века* (Евр. 6:5). Это — опять фактическое подтверждение истины воскресения мертвых, заявленное в церковной истории целым облаком свидетелей и не престающее повторяться пред нашими глазами. Взгляните на истинно верующих христиан в последние минуты жизни. О, с каким умилением лобызают они сладостные слова Евангелия и прижимают к своим персям святой крест Господень — знамение нашего искупления! С каким благоговением принимают залог бессмертия — святейшее таинство Тела и Крови Христовых! Не смущайтесь видом слез, обильно текущих по их ланитам; это — выражение претрепетных чувств, столь естественных при вступлении в новую страну жизни, к сонму святых ангелов и праведных душ и к Судии всех Богу. Кто из нас не пожелает лучше плакать такими слезами при виде умерших и пред собственною своею кончиною, чтобы только ощущать в себе внутреннее утешение и радость, нежели оставаться с холодным равнодушием, но без всякой отрады и успокоения за вечную свою участь?

О скорби и слезах Иисуса Христа пред воскрешением Лазаря (Ин. 11: 33–35)

Св. Василий Великий.
Творения свв. отцов. Тв. Василия Великого

О том, что Господь плакал о Лазаре и о городе, можем сказать, что Он и вкушал и пил, не Сам имея в том нужду, но тебе оставляя меру и предел

необходимых ощущений души. Так, Он и плакал, чтобы исправить излишнюю чувствительность и малодушие склонных к сетованию и слезам. Ибо как все прочее, так и плач требует соразмерности с разумом касательно того, о ком, сколько, когда и как должно проливать слезы. А что слезы Господни пролиты не по страстному движению, а для нашего научения, сие видно из сказанного: *Лазарь, друг наш, успе: но иду, да возбужу его* (Ин. 11:11). Кто из нас оплакивает уснувшего друга, о котором надеется, что он в скором времени пробудится от сна? *Лазаре, гряди вон* (ст. 43) – и мертвый ожил, связанный, стал ходить. Чудо, в самом деле, – иметь ноги связанными погребальными пеленами и не встречать в том препятствия к движению! Здесь укрепляющее было сильнее препятствующего. Почему же, намереваясь совершить это, признал настоящий случай достойным слез? Не явно ли, что, во всем поддерживая нашу немощь, в некоторую меру и пределы заключил необходимые страстные движения, предотвращая несострадательность, потому что это зверонравно, и не дозволяя предаваться скорби и проливать много слез, потому что это малодушно? Посему, пролив слезы над другом, и Сам показал общительность человеческой природы и нас освободил от излишеств в том и другом, вразумив, чтобы мы и не расслабевали в страстных движениях, и не с бесчувственностью скорби встречали. Как Господь в Себе давал место алканию, по разложении в Нем твердой пищи, допускал в Себе жажду, по истреблении в теле влажности, и утруждался от чрезмерного напряжения мышц и жил во время путешествия, между тем не Божество утомлялось трудом, но тело принимало в себя естественно следующие одна за другою перемены; так допустил и слезы, дозволив произойти естественной для плоти перемене.

Архиепископ Иннокентий

Ст. 33–35. *Иисус убо, яко виде, ю плачущуся и пришедшия с нею иудеи плачущя, запрети духу, и возмутися Сам. И рече: где положисте его? Глаголаша Ему: Господи! приди и виждь. Прослезися Иисус.* Слово греческое ἐνεβριμήσατο означает возмущение как от печали, так равно и от неудовольствия. В Иисусе Христе могло родиться много печальных и неприятных чувствований, хотя Он и был уверен в Своем могуществе. *Печальных:* ибо друг Его был мертв; сестры его рыдают неутешно; иудеи, сопровождающие их, также плачут; при таком зрелище чувствительному человеку нельзя не прослезиться: слезы в таком случае текут невольно, по естественной симпатии. *Неприятных:* ибо среди людей, кои должны были верить Ему несомненно, Он находит неверующих, кои плачут неутешно. Даже тайная радость в Иисусе Христе, что Он скоро отрет слезы печальных сестер, в смешении с печальными чувствами могла произвести слезы (см. Быт. 41: 1–2).

Филарет, архиеп. Черниговский

Ст. 33–35. *Иисус убо яко виде ю плачущуся и пришедшыя с нею иудеи плачущя, запрети духу и возмутися Сам.* Ἐνεβριμήσατο τῷ πνεύματι καὶ ετάραξεν Ἑαυτόν; ἐνεβριμήσατο, или вознегодовал, или восскорбел. Допуская первое значение, думали, что Иисус недоволен был или неверием иудеев (Феодор Мопсуфстский, Леонтий), или смущением души Своей (св. Иоанн Златоуст, Аполлинарий, Евфимий). Но это не оправдывается связью речи. Древние переводы (коптский и арабский): «опечалился в душе и возмутился Сам». Облеченный человеческою природою со всеми ее свойствами, за исключением греха, Иисус, увидев Марию плачущую и других плачущих, восскорбел духом и возмутился: такова любовь Его к бедному человечеству! Спросив, где положили его, и выслушав ответ: «Господи! пойди и посмотри», Иисус заплакал, и по любви к умершему, и по мысли о грехе, нанесшем столько бед людям. Взгляд на неверие, взгляд на увеличившийся плач при приближении ко гробу вызывают снова скорбь. «Для чего евангелист тщательно и не раз замечает, что Он плакал? Для того, чтобы ты знал, что Он истинно облечен был нашим естеством» (св. Иоанн Златоуст). «Опять запрещает чувству, дабы научились мы, что Он был человек, без изменения, как мы» (Ориген).

Священник Буткевич

О чем плакал Спаситель у гроба Лазаря? «Иисус, когда увидел плачущую Марию и пришедших с нею иудеев плачущих, говорит евангелист, Сам воскорбел духом и возмутился». Итак, слезы Христа евангелист поставляет в связь не только с слезами Марии, но и с слезами «пришедших с нею иудеев». Следовательно, Иисус «прослезился» не о потере только Лазаря, о чем плакала Мария, но и о том, о чем плакали все окружавшие Его. Это был плач не единичный, а всеобщий — плач всего падшего человечества. Это был плач, выжатый глубокою скорбью не о потере отдельного человека, а о потере всего падшего человечества. Это был плач пред тем могуществом, пред тою силою, которою начала обладать смерть со времени падения первозданного Адама. Иисус плакал слезами Адама и всего потомства его. Он плакал, потому что видел, что и воскрешение Лазаря не сотрет жала смерти, не отымет у ада победы. Он плакал потому, что для побеждения смерти Ему Самому надлежало опуститься в самую глубь ее. Слезы, пролитые в Вифании, впадают в один ручей с слезами, пролитыми в саду Гефсимании. И их не понять сухому скептическому рассудку евангельских критиков; они понятны только одному сердцу истинно верующего христианина. За него они пролиты; ему они и принадлежат.

Мысли Филарета Черниговского по вопросу о том, почему первые три евангелиста не упоминают о воскрешении Лазаря

«Учение евангелиста Иоанна о Слове»

Оканчивая рассмотрение повествования Иоаннова о воскресении Лазаря и последствиях чуда и не находя ни слова об этом великом событии у прочих евангелистов, останавливаемся на вопросе: почему другие евангелисты не говорят о воскрешении Лазаря? Некоторые (Ольсгаузен и др.) думали, что прочие евангелисты умолчали об этом событии из опасения возбудить ненависть синедриона против Лазаря и его сестер. Но по воскресении Христа Иисуса все ученики Его, в том числе и Лазарь, уже не боялись открыто свидетельствовать о делах Христа Иисуса, и синедрион, при множестве свидетелей вифанского чуда, вписавшихся в число учеников Иисуса, конечно, уверился, что прежнее решение его о Лазаре очень неудобно приводить в исполнение. Иные (Кинель) говорят, что три евангелиста сочли излишнею историю воскрешения Лазаря, после того как рассказали о воскрешении дочери Иаировой (Мф. 9:18; Мк. 5:22; Лк. 8:41) и юноши наинского (Лк. 7:11). Правда, неумно настаивать на том, что при выборе происшествий для своей истории евангелисты не были осмотрительны, не остерегались излишества. Но так как они же рассказывают о множестве случаев исцеления больных, то видно, что, кроме опасения излишеств, у них была еще в виду особая мысль, располагавшая повествованием их. Что это была за мысль? Три евангелиста, как видно по содержанию Евангелий, занимались событиями, происходившими за пределами Иудеи, и только с истории страданий Спасителя переходят они в Иудею, рассказывая, как введение в историю страданий, вход Иисуса в Иерусалим. Вот отчего у них нет истории воскрешения Лазаря.

Пророчение Каиафы (Ин. 11: 47–51)

«Воскресное чтение», 1822

Слух о воскрешении Иисусом Христом Лазаря в присутствии многочисленного народа поразил ужасом членов иудейского синедриона; от страха и смущения они не знали, на что решиться и что предпринять. *Видите*, говорили они один другому, *яко никаяже польза есть* (от мер, предпринятых доселе); *се мир по Нем идет* (Ин. 12:19). Нашим свидетельствам о пренебрежении Им закона Моисеева, о нарушении субботы и неуважении к храму не внимают; нашим уверениям о сообщении Его с веельзевулом, силою которого Он творит чудеса, никто не хочет верить. Народ слушает не нас, истинных вождей и блюстителей закона, но Его, пророка из Галилеи!

Между тем такое состояние людей опасно и не должно продолжаться. Римляне, владыки Иудеи, могут узнать, что толпы народа следуют за Иисусом, могут счесть это за возмущение и обратить в предлог и к разорению храма, и к уничтожению политического бытия нашего народа. Итак, что же предпринять в этих обстоятельствах? *Что сотворим?* (Ин. 11:47).

Какою злобою и ненавистью ко Христу ни дышали члены синедриона, однако вдали от слуха народного, среди тайных совещаний своих они не скрывали от себя и не имели бесстыдства отрицать чудодейственную силу Его: *Что сотворим*, говорили они, *яко Человек Сей много знамения творит?* (Ин. 11:47) – то есть они почти уверены в истине и святости служения Иисуса Христа, видели, хотя и неохотно, что с Ним пребывает Бог, и, однако же, чем оканчивают свое совещание! *Един же некто от них Каиафа, архиерей сый лету тому, рече им: вы не весте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть нам, да един человек умрет за люди, а не весь язык погибнет* (Ин. 11: 49–50).

Каиафа полагает, таким образом, сущность дела вне всякого вопроса и даже укоряет сочленов своих в колебании и решимости. Сопоставлять с угрожающею от римлян опасностью невинность Господа, Его святую жизнь, чудеса, даже страх суда Божия за пролитие невинной крови праведника, по его мнению, есть крайнее неразумие и недальновидность. Как же поступить? Надобно, чтобы Иисус Христос пал жертвою за спасение народа! Но если Он пророк и посланник Божий, если Он так давно и пламенно ожидаемый Мессия, то ужели Он должен погибнуть, ужели и Им должно пожертвовать? Не скорее ли должно бояться Бога, нежели римлян? Не должно ли ожидать, что Он не укоснит отмщением за пролитие невинной крови Праведника, Которого чудеса нельзя отрицать? Но эти причины, по мнению Каиафы, второстепенны, даже, может быть, менее еще. Они основываются на духовных началах, на совестливости и страхе Божием, а люди с таким образом мыслей, как Каиафа, не отступают пред ними; поэтому надобно, чтобы Иисус Христос умер. Пророк ли Он или не пророк, Мессия ли или не Мессия, Сын ли Божий или нет, – это все равно; надобно только отклонить опасность от римлян, а страх суда Божия за пролитие крови Праведника не надобно принимать в расчет. Все члены синедриона, как известно, согласились с этим мнением первосвященника, и Иисус Христос осужден на смерть!

Но в то время, как князи людские совещавали таким образом злое *на Господа и на Христа Его* (Пс. 2:2), Господь, по предречению пророка, *посмевался* (ст. 3) сей *церкви лукавнующих*, а злобные замыслы их обращал к выполнению святых целей Своего промышления. Те, которые так нагло считали себя теперь распорядителями жизни Господа, на самом деле были не иное что, как дерзкие рабы, за лукавыми замыслами которых Он Сам наблюдал, не дозволяя выйти им из известных и Им от века предначертанных границ. Хотя устами Каиафы двигала, очевидно, злоба и холодная жестокость,

однако язык первосвященника, неведомо для него самого, вещал в ту минуту всему миру, как бы по вдохновенно, предстоящее совершение одной из величайших Божиих тайн. *Сего же о себе не рече,* говорит евангелист, но *архиерей сый лету тому прорече, яко хотяше Иисус умрети за люди* (Ин. 11:51). Каиафа произнес это определение по осенению свыше, как некогда Валаам, и вследствие наития дара пророчества, который, происходя от Бога, по тому самому не заключал в себе ничего злого и преступного; только страсти, обладавшие первосвященником, истолковав это откровение по-своему, потемнили и исказили в душе его истинный смысл пророчества. Бог открыл Каиафе, что смерть Иисуса Христа будет спасительна для всех, но это откровение, как не внушало, так и не обязывало его стремиться к погублению Праведника, несмотря на Его невинность и чудеса: все это Каиафа привнес от злого сокровища сердца своего (Лк. 6:45), потому что для сердца испорченного нет ничего легче, как злоупотреблять самыми святыми истинами, обращать их в орудие страстей своих, искажать и извращать их смысл прибавками и объяснениями по прихоти преобладающей страсти. Посему ничего нет необходимее для истинного христианина, как молиться к Отцу светов, чтобы Он не допускал страстям потемнять в нас разумение воли Его, всегда *благой и совершенной* (Рим. 12:2), и превращать этот сияющий в нас свет во тьму и ослепление, к вящему осуждению нашему. *Блюди,* остерегает нас слово Божие, *еда свет, иже в тебе, тма есть* (Лк. 11:35)!

Распоряжение синедриона об открытии убежища Иисусова. Удаление Господа в Ефраим (Ин. 11: 54–57)

Между тем Иисус Христос уже не ходил между иудеями открыто. Из Вифании Он пошел в небольшой городок Ефраим, лежавший близ пустыни, неподалеку от Иерихона, и там укрывался с Своими учениками.

Пасха была близко. Многие из окрестностей пустыни Иерихонской пришли уже в Иерусалим, чтобы приготовиться к достойному празднованию Пасхи. Стали искать Иисуса; разговоры о Нем не умолкали и во храме; спрашивали друг друга: «Как вы думаете, не придет ли Он на праздник?»

Между тем от членов синедриона уже отдано было повеление объявить, если кто узнает, где Он, — чтобы взять Его.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 11-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

1) *Св. Андрей Критский.* Беседа на четырехдневного Лазаря. «Христианское чтение», 1826.

2) *Св. Ефрем Сирин.* Воскрешение Лазаря как удостоверение в общем всех воскресении. Тв. св. Ефрема Сирина., ч. 6. «Творения свв. отцов», т. 18.

3) *Евсевий, архиепископ Могилевский.* Беседа в субботу святого и праведного Лазаря (ст. 1–45). Беседы на воскр. и праздн. Ев., ч. 2.

4) Ст. 11. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Почему смерть называется успением.

5) Ст. 11. *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* О том, что Господь любит Своих друзей, но любовь сия не делает их неприкосновенными ни для какой скорби и искушения.

6) *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* О воскрешении Лазаря (из богословских лекций). «Странник», 1868.

7) Ст. 25. Благоговейные размышления христианина на каждый день месяца. «Духовная беседа», 1875.

8) Ст. 26. *Арсений, митр. Киевский.* Праведный человек не умирает, а переходит от смерти в живот.

9) *Прот. Нечаев.* Уроки покаяния, заимствованные из Евангелия. Воскресение умерших. «Душеполезное чтение», 1881.

10) Ст. 35. Слезы Иисуса Христа при гробе Лазаря. «Христианское чтение», 1832.

11) Мысли *епископа Феофана* на ст. 43 и 47. Мысли на каждый день.

Путешествие Господа из Ефраима через Иерихон в Иерусалим на последнюю во время Его общественного служения Пасху

На пути в Иерусалим Иисус Христос говорит ученикам Своим о предстоящих Ему страданиях, смерти и воскресении (Мк. 10: 32–34; Лк. 18: 31–34; Мф. 20: 17–19)

В Евангелии (Мк. 10: 32–45 и парал.) говорится о путешествии Иисуса Христа с двенадцатью апостолами в Иерусалим пред праздником Пасхи. Когда были они на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе. Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что будет с Ним: «Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; а в третий день воскреснет!» Как показывает евангельская история, эта истина небезызвестна была уже апостолам. Спаситель неоднократно говорил им об отличии Своего Царства от обыкновенного царства земного и не раз напоминал им, что Сыну Человеческому подобает *пострадати и убиену быти и в третий день воскреснути* (Мк. 8:31; 9:31). Но ученики или *ужасахуся о словесех Его*, или же с недоумением замечали: *Господи, не имать быти Тебе сие.* Так как теперь уже приближалось

время исполнения этого предсказания, то Спаситель благоволил еще раз возвестить ученикам о том, что случится с Ним, — возвестить для того, чтобы они не подумали при виде страданий и смерти своего Господа, что это случилось нечаянно, и не предались бы, таким образом, неутешной скорби и отчаянию. Но души апостолов, еще не очищенные благодатию Духа Святого, по-прежнему не поняли надлежащим образом слов своего Учителя.

Мысли свт. Феофана на 34 стих 18-й гл. Евангелия от Луки

«Мысли на каждый день года»

Господь сказал ученикам о страдании Своем, но они ничего не уразумели из сказанного: *и бе глагол сей сокровен от них.* А после *не судили, что ведети верующим, точию Иисуса Христа, и Сего распята.* Не пришло время, они ничего не понимали в тайне сей; а пришло оно — поняли и всем преподали и разъяснили. Это и со всеми бывает, да не в отношении только к сей тайне, но и ко всякой другой. Непонятное вначале со временем становится понятным; словно луч света входит в сознание и уясняет то, что было прежде темным. Кто ж это разъясняет? Сам Господь, благодать Духа, живущая в верующих, Ангел Хранитель, только уж никак не сам человек. Он тут приемник, а не производитель. При всем том иное остается непонятным на целую жизнь, и не для частных только лиц, но и для всего человечества. Человек окружен непонятностями: иные разъясняются ему в течение жизни, а иные оставляются до другой жизни; там узрится. И это даже для богопросвещенных умов. Отчего же не открывается теперь? Оттого, что иное невместимо, — стало быть, нечего и говорить о нем; иное не сказывается по врачебным целям, то есть было бы вредно знать преждевременно. В другой жизни многое разъяснится, но откроются другие предметы и другие тайны. Сотворенному уму никогда не избыть тайн непостижимых. Ум бунтует против этих уз; но бунтуй не бунтуй, а уз таинственности не разорвешь. Смирись же, гордый ум под крепкую руку Божию и веруй!

Ответ на просьбу сыновей Зеведеевых (Мф. 20: 20–28; Мк. 10: 35–45)

«Воскресное чтение», 1825

Два сына Зеведеева, Иаков и Иоанн, коих Господь удостоил быть свидетелями Своего славного преображения, начали предаваться честолюбивым помыслам. Думая, вероятно, что Иисус Христос шел в Иерусалим для устроения земного царства, они стали просить Его, чтобы Он позволил им сесть одному одесную, а другому ошуюю Себя. Евангелист Матфей замечает даже, что вместе с ними ходатайствовала об этом пред Спасителем

и мать их (20:20). *Не веста, чесо просита,* отвечает им Спаситель. «Вы думаете, что Царство Мое земное, и престолы, о коих Я говорил, суть престолы мирские; но Царство Мое не от мира сего, и престол Мой небесный. Вы хотите председательствовать в Моем Царстве; но прежде испытайте себя: решитесь ли вы умереть крестною смертью, как Я? В состоянии ли вы столько страдать, сколько Я буду страдать? Притом же это первенство дается не по дружбе или лицеприятию, но по истинным заслугам: оно будет дано тем, *имже уготовася от Отца Моего* (Мф. 20:23).

Когда услышали о желании сынов Зеведеевых прочие апостолы, то выразили свое неудовольствие против Иакова и Иоанна: *и начаша,* сказано, *негодовати;* то есть обнаружили дух превозношения и зависти. И вот Спаситель подзывает прочих учеников к Себе и говорит: «Кто хочет быть между вами большим, тот должен сделаться слугою других; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем раб. Пример вы должны брать с Меня, Который не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить другим и дать душу Свою для искупления многих». Эти слова, обращенные ко всем апостолам, ясно показывали, что смиренномудрие и любовь суть добродетели неразлучные и необходимые для желающего быть истинным последователем Христовым. Кто истинно любит ближнего, тот старается уступить другому первенство; и напротив — кто ищет первенства, в том нет любви к ближнему.

Толкование св. Василия Великого на сказанное в 23-м стихе 20-й гл. Матфея: *несть Мое дати, но имже уготовася*

Творения свв. отцов. Тв. Василия Великого

Если Сын не Господь суда, чтобы одних облагодетельствовать, а других наказать, то как же Он говорит: *Отец не судит никомуже, но суд весь даде Сынови* (Ин. 5:22)? И в другом месте: *Власть имать Сын Человеческий отпущати на земли грехи* (Мк. 2:10)? И еще: *Дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28:18)? А Петру сказал: *Дам ти ключи Царства Небесного* (Мф. 16:19), и ученикам: *Аминь глаголю вам, вы шедшии по Мне, в пакибытие, сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленом израилевом* (Мф. 19:28). Поэтому вопрос решается на основании самого Писания, потому что и Спаситель сказал: *И тогда воздаст комуждо по деянием его* (Мф. 16:27), и в другом месте: *Изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда* (Ин. 5:29); а также и апостол: *Всем бо нам явитися подобает пред судищем Христовым, да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага или зла* (2 Кор. 5:10). Посему от приемлющих зависит соделать себя достойными седения одесную или ошуюю Господа, а не от Того, Кто может дать сие, хотя бы и несправедливо было прошение.

О том же св. Исидора Пелусиота

Творения свв. отцов. Тв. Исидора Пелусиота

Господь отрекается исполнить просьбу матери сынов Зеведеевых не потому, что исполнение было невозможно (для Него возможно все, чего Он восхочет); напротив того, отвергает потому, что исполнение было неприлично. *Рцы*, говорит она, *да сядета сия оба сына моя, един одесную Тебе, а един ошуюю Тебе во Царствии Твоем* (Мф. 20:21). Правдивый же Мздовоздаятель объясняющим несколько дело ответом уцеломудривает просившую неприличного. *Несть Мое дати* просящим просто, а не воздать в награду трудящимся. Ибо несвойственно правдивому Судии презреть проливающих пот и наградить ленивых. Посему, если желают сего седения, то не неизвестны им подвиги, в награду за которые оно уготовано подвизавшимся законно.

О просьбе сыновей Зеведея (Мк. 10: 37–38)

Свт. Филарет, митр. Московский
Из «Слова в Неделю 5 Великого поста»

Она же реста Ему: даждь наш, да един одесную Тебе, и един ошуюю Тебе, сядева во славе Твоей. Иисус же рече има: не веста, чесо просита (Мк. 10:37). Случай, какого не надлежало, казалось бы, ожидать, представляется нам в сих словах Евангелия. Лучшие ученики Наилучшего из учителей пред самым окончанием обучения оказываются незнающими! Известно, что двенадцать учеников, иначе называемые апостолами, избраны Божественным Учителем Иисусом Христом преимущественно пред тысячами явных и тайных учеников Его. Можно примечать, что Иаков и Иоанн, о которых теперь идет речь, между самыми двенадцатью учениками были особенно избранные; ибо им, а кроме них одному Петру, оказал Он ту высокую доверенность, что допустил их быть свидетелями Своего славного Преображения на Фаворе и Своего тяжкого подвига в саду Гефсиманском. Около трех лет сии счастливые ученики почти неразлучно пребывали с единственным своим Учителем, слушая от Него глаголы жизни вечной. Приближалась минута, когда Он скажет им: *Вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам* (Ин. 15:15). И такие ученики, и в такое время, не знают, что говорят! *Не веста, чесо просита.*

Что же при таком просвещении повергло их в такое неведение? Желание быть выше других и быть почти равными Тому, Который превыше всего. *Даждь нам, да един одесную Тебе и един ошуюю Тебе, сядева во славе Твоей.*

Не уничижим сих ближайших последователей Христовых за то, что и они претыкались на пути своем, когда еще сошествие Святого Духа не озарило их светом незаходимым и не укрепило силою непобедимою. Но видя, как иногда самый *свет мира* (Мф. 5:14) подвержен был затмению, самые

столпы (Гал. 2:9) Церкви колебались, помыслим, как нужно нам бодрствовать над собою и непрестанно взывать о свете и силе к Отцу светов и Господу сил. *Мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10:12).

Апостол Павел, говоря о грехопадениях и наказаниях евреев, при образовании из них народа Божия под руководством Моисея, замечает, что *сия вся образи прилучахуся онем: писана же быша во научение наше* (1 Кор. 10:11). Подобно сему и об искушениях первых последователей Христовых, в которые влекла их испорченная в Адаме природа человека и в которые неисповедимый, но всегда премудрый и благий Промысл попускал им впадать в то время, когда надлежало образоваться из них новому народу Божию, можно сказать, что все сие случилось с ними как образ или пример для последующих за ними и описано в Евангелии для наставления нашего. Так, приключение Иакова и Иоанна, которые домогались первых мест пред апостолами, научает нас познавать и отвращать искушение, которое заключается *в желании быть выше других.*

Во-первых, сие желание побудило их к домогательству странному и нимало несообразному с обстоятельствами, в которых они находились. *Даждь нам,* говорили они Иисусу Христу, — *даждь нам, да един одесную Тебе, и един ошуюю Тебе, сядева во славе Твоей.* Но время ли было говорить сие? Пред сим самым говорил им Иисус Христос: *Се восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет архиереом и книжником, и осудят Его на смерть и предадят Его языком и поругаются Ему* (Мк. 10:33). И вскоре надлежало исполниться сему предсказанию. Какая же несообразность! Он идет на место поругания и смерти, а они хотят делить между собою первые места во славе Его. Настает время подвига, а они просят венца. Надлежало б ы просить веры, чтобы не быть ни первыми, ни последними в оставлении Господа своего, когда Он предан будет, а они предлагают странное требование: быть ближе всех к Тому, Которого вскоре оставят! Не такие же ли запутанности, в разных видах, представляет и ныне желание превознести себя над другими?

Во-вторых, желание превозношения обнаружило в Иакове и Иоанне тот недостаток, что они недостаточно вникали в самих себя, в свои способности и в свое внутреннее состояние. Ибо в сем сокровенно обличает их Господь, когда вопрошает притчею: *Можета ли пити чашу, юже Аз пию, и крещением, имже Аз крещаюся, креститися?* (Мк. 10:38). Сия чаша Христова есть та самая, о которой Он молился в саду Гефсиманском: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия* (Мф. 26:39); то есть чаша страдания и смерти. Сие крещение Христово есть крещение кровию, пролиянною на кресте. Следственно, вопрос, предложенный Иакову, вводит их в испытание самих себя, способны ли они участвовать в страданиях и кресте Христовом. И хотя они, совершенно или несовершенно уразумев сие, провозгласили себя способными, что, по-видимому, признал и Господь, когда сказал им: *Чашу убо юже Аз пию, испиета: и крещением, имже Аз крещаю-*

ся, креститася (Мк. 10:39); но последующие события показывают, что Господь обещал им только на будущее время дар участия в Его страданиях, что и совершилось наконец усечением Иакова и заточением Иоанна; в самое же то время, когда они так решительно утверждали, что могут пить чашу Христову, они весьма далеки были от сей возможности; ибо когда Иисус Христос пред сею чашею стоял на молитве, они не могли и единого часа пребыть с Ним в бдении; а когда иудеи возложили на Него руки, тогда они вместе с прочими, *оставльше Его, бежаша* (Мк. 14:50). Таковое незнание себя и меры своих сил, и способностей есть обыкновенный недостаток людей, коими обладает желание превозношения.

В-третьих, желание превозношения, воздействовав в Иакове и Иоанне, сопровождалось нарушением мира между апостолами. *И слышавше десять начаша негодовати о Иакове и Иоанне* (Мк. 10:41). Евангельская история не изъясняет, какого рода было сие негодование: огорчились ли апостолы неблаговременным служением Учителю своему о преимуществах во славе, когда Он приготовлялся и приготовлял их ко вступлению в трудное поприще креста; оскорблялись ли несправедливостью, которая обнаружилась в том, что из двенадцати, которые равным образом оставили все для Иисуса и пребыли с Ним в напастях Его и которым потому всем обещаны дванадесять престолов в Царствии Его, двое хотят восхитить некую особенную степень славы; или, наконец, и в прочих десяти действовал тот же дух превозношения, так как некоторые, по-видимому, могли представить свои особенные права на предпочтение прочим, как, например, другой Иаков — то, что он был сродник Господень по плоти, Андрей — то, что он первый решился последовать Иисусу (ибо и в одном и том же подвиге важнее подать первый пример, нежели последовать примеру других), Петр — то, что он первый исповедал Иисуса Христа Сыном Божиим. Но как бы то ни было, довольно ясно в наставление наше написано в сей истории то, что между апостолами никогда не видно было взаимного негодования, доколе не являлось между ними желание первенства; но как скоро возникло сие желание, вслед за ним открылось и взаимное негодование. Сие значит, что ближайшее порождение духа превозношения и честолюбия есть дух несогласия и раздора.

Приимем или к исцелению, или к предохранению нашему от духа честолюбия и те врачевства, которыми врачевал оный Врач душ и телес в учениках Своих.

Иисус, призвав их, глагола им: весте, яко мнящиися владети языки соодолевают им, и велицыи их обладают ими. Не такожде будет в вас (Мк. 10:42). Первым врачевством против духа превозношения и преобладания должна быть мысль, что это есть дух, свойственный язычникам. Это их несчастие, что они пленяются славою человеческою, потому что не знают славы Божией; усиливаются превознести себя на земле, потому что не имеют упования взойти на небо.

Но как же должны поступать христиане? Божественный Наставник наш продолжает: *Иже аще хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга* (ст. 43). Желаешь ли превосходства и совершенства? Старайся преимущественно и совершенно служить благу ближних. Если ты уже выше других по твоему званию – тем более старайся служить благу их, чтобы ты не был ниже своего звания; но если ты и ниже других – так же ревностно старайся служить благу их, и тогда никто здравомыслящий не скажет, что ты в низком состоянии; поелику и высочайшая земная власть, по понятию христианскому, не иное что есть, как *Божий слуга во благое* (Рим. 13:4).

Иже аще хощет в вас вящший быти, да будете вам слуга: и иже аще хощет в вас быти старей, да будет всем раб (Мк. 10: 43–44)

«Воскресное чтение», 1806

Почему? Потому что неестественно, чтобы слабое и немощное служило сильному и могущественному, высшее поддерживалось низшим. Естественнее наоборот, чтобы сильное подавало помощь слабому, низшее поддерживалось высшим. Не тварь служит Творцу, но щедродательная десница Творца подает всем *и жизнь, и дыхание,* и вся; твари остается только принимать с благодарением и употреблять во благо всякий дар, нисходящий свыше от Отца светов. Сам Господь славы пришел в мир, *не да послужат Ему, но послужити и дати душу Свою избавление за многих.* Искупленным Им остается только пользоваться Его благодатию, возмогать Его крепостию, укрепляться Его силою. Вот высочайший образ исполнения закона евангельского! Смотрите, как точно исполняется закон сей и в великом мире Божием. Не земля служит солнцу, но солнце согревает и освещает землю, не ожидая воздаяния от нее. Не рождения земли питают ее; но земля питает миллионы тварей, кои возвращают ей только прах! Тот же закон должен быть во всей силе и в мире нравственном, в котором ангелы *сильнии крепостию* охотно бывают *служебными духами, в служение посылаемыми за хотящих наследовати спасение человеков.* Потому-то *мы сильнии* непременно *должны немощи немощных носити и не себе угождати.*

О предсказании Господа нашего Иисуса Христа о своих страданиях, смерти и воскресении, и об исцелении Иерихонского слепца по евангелисту Луке (18: 31–44)

Св. Григорий Двоеслов. Беседы на Евангелия в перев. архим. Климента. Беседа 2

Искупитель наш, предвидя, что души учеников возмутятся от страданий Его, задолго предсказывает им как о страдании Своем, так и о славе вос-

кресения Своего, для того чтобы они, когда увидят Его по предсказанию умирающим, не сомневались и в том, что Он воскреснет. Но как ученики, еще плотяные, никак не могли понять слов тайны, то Он приступает к совершению чуда. Пред их глазами слепец получает прозрение для того, чтобы небесные дела укрепили в вере тех, которые не понимали слов небесной тайны. Но чудеса Господа и Спасителя нашего надобно понимать так, чтобы и в истину событий их веровать и сверх того, разуметь, что они внушают нам нечто особенное своим значением. Ибо дела Его могуществом указывают на одно, а таинственностью говорят о другом. Вот по истории мы не знаем, кто был этот слепец, но знаем, кого он таинственно представляет. Слепец есть род человеческий, который, в лице прародителя быв изгнан из рая сладости, не имея понятия о ясности света вышнего, страдает во тьме своего осуждения; но явлением Искупителя просвещается до того, что начинает видеть и желать радости внутреннего света и на пути к жизни обращается к доброй деятельности.

Замечательно, что слепец, по сказанию, получает прозрение тогда, когда Иисус приближался к Иерихону. Ибо Иерихон означает луну, а луна на священном языке служит образом немощей плоти; потому что, когда она в месячном своем течении убывает, тогда служит образом нашей смерти. Итак, когда Спаситель наш приближается к Иерихону, тогда слепец получает прозрение; это значит, что когда Божество приемлет на Себя немощь нашей плоти, тогда род человеческий восприемлет потерянный им свет. Ибо поскольку Бог терпит человеческое, постольку человек получает силы к Божественному. Этот слепец, по Писанию, сидел именно при пути и просил милостыню; а Сама Истина говорит: *Аз есмь путь* (Ин. 14:6). Итак, тот слепец, кто не имеет понятия о ясности света вечного, но если он уже верует в Искупителя, то сидит при пути; если же верует, но не хочет просить о даровании ему света вечного и не молится, то он слепец, хотя и сидящий при пути, но не просящий милостыни. А если кто и уверовал, и познал слепоту души своей, и молится о даровании ему света истины, то он — слепец, сидящий при пути и просящий милостыни. Итак, кто сознает мрак слепоты своей, кто имеет понятие о том свете вечности, которого нет у него, тот сердечно вопиет и умиленно взывает: *Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя.* Но послушаем, что следует за воплями слепца: *и предыдущии прещаху ему, да малчит.*

Что же значат эти *предыдущии* грядущему Иисусу, если не шум плотских пожеланий и мятеж пороков, которые до приближения к нашей душе Иисуса рассеивают ум наш своими искушениями и на молитве останавливают сердечные вопли? Ибо часто, когда мы, после содеянных грехов, желаем обратиться к Господу, когда усиливаемся вымолить у Него прощение в этих самых содеянных нами грехах, — тогда приближаются к душе образы содеянных преступлений, притупляют остроту нашего ума, дух

приводят в смятение и не дают простора голосу нашей молитвы. Итак, *предыдущии прещаху ему, да молчит;* потому что, прежде нежели Иисус приблизится к душе, преступления, содеянные нами, отпечатлеваясь в нашем воображении своими образами, смущают нас во время самой молитвы.

Но послушаем, что сделал наперекор этому тот слепец, который желал прозрения. Сказано: *Он же паче множае вопияше: Сыне Давидов, помилуй мя.* Вот более и более вопиет тот, кого толпа заставляет молчать; так, чем более стесняет нас тягостный шум плотских помыслов, тем пламеннее и настойчивее мы должны быть в молитве. Этот шум препятствует нам вопиять, так как и на молитве большею частью мы страдаем от воображения грехов наших.

Но именно тем громче надобно возвышать голос сердца, чем сильнее встречает он препятствия, доколе он не превысит шума нетерпимых помыслов и своим напряжением и неотступностью достигнет святого слуха Господня.

Но когда мы в своей молитве делаем напряжение, тогда в уме напечатлеваем образ мимоходящего Иисуса. Поэтому в Евангелии и далее сказано: *Став же Иисус, повеле привести его к Себе.* Вот останавливается Тот, Кто прежде проходил мимо; так, когда мы во время молитвы слышим еще шум мечтаний, тогда чувствуем, что Иисус как бы *мимоходит.* Когда же мы в молитве делаем особенное усилие, тогда Иисус останавливается, чтобы восстановить в нас свет; тогда Бог водворяется в сердце, и потерянный свет возвращается к нам.

Впрочем, в этом событии Господь внушает нам и еще нечто иное, что с пользою можем мы разуметь о человечестве и Божестве Его. Ибо вопль слепца услышал Иисус мимоходящий, а чудо прозрения совершил, остановившись. Мимоходить свойственно человечеству, и стоять – Божеству. По человечеству, Он родился, возрастал, умер, воскрес, переходил из места в место. И так как в Божестве нет изменяемости, а мимоходить значит то же, что и изменяться, – то это *мимохождение* было именно по плоти, а не по Божеству. Но по Божеству Ему свойственно всегда стоять; потому что Он вездесущ, не двигаясь ни вперед, ни назад. Итак, вопиющего слепца слышит Иисус *мимоходящий,* а прозрение дарует стоящим; потому что по человечеству Своему Он, сочувствуя, сжалился над воплями слепоты нашей; но свет благодати проливает на нас силою Божества Своего.

И замечательно, что Он говорит подошедшему слепцу: *Что хощеши, да ти сотворю?* Неужели Тот, Кто мог даровать прозрение, не знал, чего хотел слепец? Но Он хочет, чтобы мы просили, хотя Сам наперед знает, чего мы будем просить и что даровать нам по нашему прошению. Он заповедует нам непрестанно молиться, и несмотря на то, говорит: *Весть бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего* (Мф. 6:8). Следовательно, за нужное при-

знает, чтобы мы просили Его, для того чтобы возбудить сердце к молитве. Поэтому и слепец тотчас присовокупил: *Господи, да прозрю.* Вот слепец просит у Господа не злата, но прозрения, потому что он, хотя и может иметь что-либо, но без прозрения не может видеть того, что имеет. Итак, будем просить того света, который можем видеть с одними только ангелами, который не имеет ни начала, ни конца. К этому свету служит путем вера. Поэтому и слепцу при даровании прозрения справедливо дается тотчас ответ: *Прозри, вера твоя спасе тя.* Но на это плотский помысел возражает: каким образом могу я просить духовного света, которого не могут видеть? Откуда могу я получить сведение, что есть такой свет, который не сияет для очей телесных? Такому помыслу каждый может отвечать кратко; потому что и то самое, что он ощущает, ощущает не телом, а душою. Никто не видит души своей; однако никто не сомневается, что он имеет душу, которой не видит. Ибо душа невидимо управляет видимым телом. Если же это невидимое отделяется, то тотчас падает и видимое, которое видимо стояло. Итак, если в сей видимой жизни существо оживляется невидимым — то есть ли место сомнению в бытии жизни невидимой? Но послушаем, что сделано для вопиющего слепца, или что сделал сам он. Сказано далее: *И абие прозре, и во след Его идяше.* Видит и последует тот, кто делает добро, которое понимает. Видит же, но не последует тот, кто, хотя и понимает добро, но нерадит о делании добра. Итак, если мы уже сознаем слепоту нашего странствования, если мы, веруя в таинство нашего Искупителя, сидим уже при пути; если, ежедневно молясь, просим у нашего Зиждителя света; если, видя разумом этот самый свет, мы после слепоты уже прозрели, то делами последуем за Иисусом, Которого видим умом. Будем внимательно смотреть, куда Он шествует, и в последовании держаться стези Его. Ибо Иисусу последует тот, кто подражает Ему. Посему Он и говорит: *Гряди по Мне и остави мертвым погребсти мертвецы* (Мф. 17:22). Последовать значит подражать. Поэтому Он опять увещает, говоря: *Аще кто Мне служит, Мне да последствует* (Ин. 13:26). Итак, размыслим, куда Он шествует, чтобы служить Ему в нашем последовании. Вот Он, Господь и Создатель Ангелов, желая принять естество наше, которое создал, нисходит во утробу Девы. Родиться в сем мире от богатых не благоизволил, а избирает родителей бедных. Поэтому недоставало даже агнца, которого надобно было (по закону) принести в жертву за Него, а приносит Матерь в жертву *два горличища, или два птенца голубина* (Лк. 2:24). Не благоизволил также быть счастливым в этом мире, но переносил бесчестия и посмеяния; претерпел оплевания, биения, заушения, терновый венец и крест. И как мы лишились внутренней радости чрез услаждение вещами телесными, то Он показывает, с какою горечью она должна быть возвращаема. Итак, что должен человек претерпеть за себя, если Бог столько претерпел за людей? Посему, кто уже верует во Христа, но еще держится коры-

столюбия, гордится почестями, воспламеняется ненавистью, оскверняется нечистотою похоти, желает в мире счастья — тот небрежет о последовании Христу, в Которого верует. Ибо тот, которому Вождь указует путь скорби, если желает радостей и наслаждений, идет другим путем.

Исцеление иерихонского слепца (Лк. 18: 35–43)

«Воскресное чтение», 1825

Чудо это совершилось таким образом: «Господь Иисус Христос подходил к Иерихону. При дороге, по которой шел Господь, сидел слепец и просил милостыни. Услышав шум проходящего мимо народа, который следовал за Господом, слепец спросил: «Что это такое значит? Что это за движение?» Ему сказали, что Иисус Назорей идет. Тогда он закричал: «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня!» Шедшие впереди унимали его, чтобы он молчал; но он еще громче кричал: «Сын Давидов, помилуй меня». Иисус, остановившись, велел привести его к Себе; и, когда тот подошел к Нему, спросил его: «Чего ты хочешь от Меня?» Слепец сказал: «Господи, хочу, чтобы прозреть мне». Иисус сказал ему: «Прозри; вера твоя спасла тебя». И он тотчас прозрел и пошел за Ним, славя Бога. Весь народ, видя сие, воздал хвалу Богу».

Святые евангелисты Матфей и Марк рассказывают об этом чудесном событии, кажется, несколько иначе. Святой евангелист Матфей говорит, что Господь при выходе из Иерихона исцелил двух слепцов, сидевших при дороге, которые, услышав, что Господь со множеством народа проходит мимо их, начали взывать к Нему: «Господи, Сын Давидов! Помилуй нас!» (Мф. 20: 29–30). Евангелист Марк говорит об одном только слепце, исцеленном Господом также при выходе из Иерихона (Мк. 10:46), и самого слепца называет по имени; между тем святой евангелист Лука повествует об исцелении Господом слепого при входе в Иерихон. Затем все три евангелиста согласно повествуют о дальнейшем путешествии Господа в Иерусалим для торжественного входа в него. Но подобная разность в сказании святых евангелистов удобно примиряется тем, что святые Марк и Лука повествуют о различных слепцах, исцеленных Господом, из коих одного Господь исцелил при входе в Иерихон (Лк.), другого при выходе из Иерихона (Мк.); а евангелист Матфей оба эти случая соединяет в один, потому что то и другое чудо, вероятно, произошло совершенно одинаковым образом.

В рассказанном чуде прежде всего обращает на себя внимание вера слепца. Он не видел Божественного лица Господа, не был свидетелем ни одного из совершенных Господом чудес, и если что знал о Господе, то знал только по слуху, а слух всегда не то, что видение. Между тем этот самый слепец, как только услышал, что Иисус Назарянин (так все называли Госпо

да) проходит мимо его, тотчас исповедует Его не простым учителем или чудотворцем (каковым признавало Господа большинство), но обетованным Мессиею — Царем Израилевым. Назвав Господа Сыном Давидовым, слепец вслух всех возвестил, кто этот Иисус Назорей, потому что обетованный Мессия, по предсказаниям пророков, должен произойти из поколения Давидова, и потому имя Сына Давидова приличествовало только Мессии и прямо указывало на Него. Такое открытое указание на Мессию в Лице Господа, вероятно, и было причиною, что народ запретил называть так Иисуса. Но слепец повиновался не приказанию народа, а своему внутреннему убеждению, и восклицал еще громче: Сын Давидов, помилуй меня! Немного опытов подобной веры встречается в евангельских сказаниях, немного даже между последователями Господа было таких лиц, которые, подобно слепцу, так прямо, так открыто признавали Его Мессиею — Богом. За то и Господь не оставил без Своего внимания столь искренней веры, столь открытого исповедания: Он внял воплю страдальца и, подозвав его к Себе, отверз ему очи.

Впрочем, не вдруг Господь совершил исцеление слепого. Господь прежде всего спросил его, чего он хочет. Вопрос, казалось бы, излишний. Неужели Господь не знал, чего слепцу нужно? Нет, Господь знал, но данным вопросом Он вызывал у слепца полное сознание тяжести своего положения и всю силу желания прозреть. С другой стороны, слепец открытым признанием слепоты своей, выраженным в желании прозреть, засвидетельствовал о всем величии чуда, совершенного над ним. После того как слепец сам объявил себя лишенным зрения, нельзя было не видеть действительного чуда в возвращении ему зрения, и все свидетели сего события действительно признали его чудом, потому вместе с исцеленным слепцом, прославили Бога. Наконец, и для того спросил Господь слепца, чего он хочет, чтобы показать пред всеми величие его веры во всемогущую помощь Божию и высокое нравственное настроение души его. Слепец получил то именно, чего желал, а отсюда само собою становится ясно, как велика была душа его, как высоко было нравственное его достоинство. Слепец по своему нравственному состоянию был достоин милосердия Господа, потому и получил просимое. «Вера твоя спасла тебя», — сказал ему Сам Господь. И облагодетельствованный слепец с своей стороны не остался неблагодарным пред своим Благодетелем; он прославил Бога за столь великую милость и пошел вслед за своим Спасителем.

Настроение души слепца в тяжком положении слепоты и поведение его по прозрении для нас, часто страждущих слепотою душевною, должны быть весьма поучительны. Безотрадное положение не повергло слепца в отчаяние, он не пал духом в своем плачевном состоянии, не роптал на Бога за свою горькую долю; напротив, слепота телесная, как показал опыт,

постепенно просветляла духовное его зрение, возвышала его веру во всемогущую силу Божию, к помощи которой и обратился он в лице обетованного Мессии – Царя Израилева. Пусть пример слепца научит и нас во всех горестях, во всех злоключениях обращаться с пламенною молитвою к Богу и от Него единого ожидать себе помощи; только пусть и в нашей душе пребудет такая же твердая надежда на всемогущую помощь Божию и такое же твердое исповедание Господа, какие обнаружил в себе иерихонский слепец. С другой стороны, слепец не остался неблагодарным к Господу за свое исцеление, но прославил Бога и последовал за своим Избавителем. Пусть и наши сердца исполняются благодарностью к Богу, когда Он по неизреченной благости ущедрит нас тем или другим благом; пусть и для нас каждое благодеяние Божие будет самым сильным побуждением неуклонно следовать по стопам Христовым; тогда и другие, видя благодеющую на нас десницу Божию, вместе с нами прославят Щедродавца Бога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 20-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ

1) Ст. 1–16. *Св. Григорий Богослов.* Притча о трудившихся в винограднике и ее объяснение.

2) *Св. Григорий Двоеслов.* О деятелях в винограднике Христовом.

3) Ст. 23. Беседа *св. Иоанна Златоуста.* «Христианское чтение», 1845.

4) Ст. 1–15. Беседа священника с детьми о евангельских притчах. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

5) Ст. 1–15. Недовольство. «Христианское чтение», 1831.

6) Притча о домохозяине. «Воскресное чтение», 1882.

7) Делатели, нанятые в различные часы дня. «Православный собеседник», 1861.

8) Ст. 6. «Воскресное чтение», 1813.

9) Ст. 17–19. Предсказание Господа о Своем страдании. «Воскресное чтение», 1823.

10) Ст. 20. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Слова и Беседы.

11) Воздаяние в трех сферах жизни. «Воскресное чтение», 1877.

12) Ст. 28–34. Мысли свт. Феофана на каждый день года.

13) На Ев. Марка 10: 32–45. *Блж. Феофилакт.* Изъяснение Евангелия в 5 нед. Великого поста. «Воскресное чтение», 1810.

14) *Евсевий Могилевский.* Беседа в 5 нед. Вел. поста. Беседы на воскресные и праздничные Евангелия.

15) Евангельское чтение в 5 нед. Великого поста. «Воскресное чтение», 1825.

16) Ст. 33–37. *Исидор, митр. Новгородский.* О просьбе сыновей Зеведея и честолюбии вообще: об источниках его и действиях, в которых оно обнаруживается. Слова.

17) Ст. 33–37. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О гордости как самом главном и хитром домашнем враге и о средствах в борьбе с ним. Слово в 5 нед. поста.

18) Ст. 35–45. *Не веста, чесо просита.* «Воскресное чтение», 1818.

19) Ст. 35–45. *Н. Елеонский.* «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.

20) Ст. 35–45. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседы.

21) Ст. 43–45. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* О христианском характере деятельности лиц, поставленных выше других и над другими по преимуществам чести и власти. Слова.

22) Ст. 40. «Воскресное чтение», 1809.

23) Ст. 43. «Воскресное чтение», 1809.

24) Ст. 43. *Свящ. П. Красовский.* О христианском служении ближним. «Воскресное чтение», 1873.

25) Ст. 46. Вартимей. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1874. «Духовная беседа», 1864.

26) На Ев. Луки 18:31–33. Шествие Иисуса Христа в Иерусалим на страдание. «Воскресное чтение», 1876.

27) Ст. 35–43. *Архиеп. Илиодор.* Беседа в нед. 31 по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1807.

28) Ст. 35–43. *Архиеп. Евсевий.* Беседа в нед. 31 по Пятидесятнице. Бес. на воскр. и праздн. Ев.

29) Ст. 35–43. Евангельское чтение в нед. 31 по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1825.

30) Ст. 38. *Арсений, митр. Киевский.* О том, что наше благополучие зависит частью от нас самих, а более от Бога, к Которому мы и должны прибегать за помощью непрестанно. Слова и Беседы.

31) Ст. 42. «Воскресное чтение», 1811.

Избранные места из свв. отцов на Евангелие о Закхее (Лк. 19: 1–10)

«Воскресное чтение», 1824

Ст. 1–2. *Вшед* (Иисус) *прохождаше Иерихон. И се муж нарицаемый Закхей, и сый бе старей мытарем, и той бе богат.*

Иисус Навин опустошил некогда Иерихон войною и побиением, а теперь истинный Иисус (то есть Спаситель) пришествием Своим приносит ему исцеление. Здесь просвещен слепой, уверовал народ, всякий язык прославил Иисуса и всякое око узрело Наставника истины и спасения. Что за должность мытаря? Это — род хищения, которое не подлежит наказанию; это — бесстыдный вид корыстолюбия, торговля, которой нет определенного предмета и названия, это — крайнее нечестие. Посему-то Христос везде приводить любодейц и мытарей как примеры величайших грешников. Таков недуг, которым страдал Закхей, когда еще не приступал к Иисусу, недуг худший слепоты иерихонского слепца; ибо этот недуговал телом, а тот душою (Астерий).

Ст. 3. *И искаше видети Иисуса, кто есть: и не можаше от народа, яко возрастом мал бе.*

Кто смотрит на Иисуса, не может закосневать во грехах. Закхей сильно желал насладиться сладким и спасительным лицезрением Господа; но были два препятствия к тому; ибо замедляла его толпа и людей, а более грехов. Он был мал возрастом не только телесным, но и духовным (Тит).

Ст. 4–6. *И предитек возлезе на ягодичину, да видит, яко хотяше мимо ея ити. И яко прииде на место, воззрев Иисус, виде его и рече к нему: Закхее, потщався слези: днесь бо в дому твоем подобает Ми быты. И потщався слезе, и прият Его радуяся.*

Христос воззрел на Закхея очами Божества, и как Спаситель всех людей являет ему Свое благоволение и человеколюбие, возбуждает в нем доверенность к Себе и говорит: *Потщався слези* (Кирилл Александрийский).

Закхей желал только видеть Его, а Христос заходит к нему и, видя сердце его, ускоряет Свой приход. Как наилучший ловец, Господь тростию слова низводит душу с дерева, привлекает Закхея, как птенца, взяв его за крыла ума его, и начальник мытарей прилепляется ко Христу.

Так уловлен был и знаменитый оный Давид, который говорит: *Прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62;9); о том и апостол пишет: *Прилепляйся Господеви един дух есть с Господем* (1 Кор. 6:17). Уловляя таким образом Закхея, Господь, низводя его с дерева, говорит: *Днесь в дому твоем подобает Ми быти*, то есть не столько во внешнем, сколько во внутреннем или душевном его жилище (св. Иоанн Златоуст).

Ст. 7–8. *И видевше вси роптаху, глаголюще: яко ко грешну мужу вниде витати. Ставъ же Закхей, рече ко Господу: се пол имения моего, Господи, дам нищим: и аще кого чим обидех, возвращу четверицею.*

Смотри на чудо. Еще не учился – и повинуется, еще не слышал наставления – и исполняет; ибо Спаситель ничего еще не заповедал о милостыне и о любви к бедным, но молча просвещал. Как солнце, вливаясь лучами в дом, вносит свет, так Спаситель лучами правды прогнал тьму нечестия. *Свет во тме светится.* Посему-то Закхей, стоя при дверях, сказал: *се пол имения моего даю нищим.* Прекрасные слова! Они побеждают природу, или лучше, навык, который есть другая природа.

Приметь здесь, что богатство Закхея собрано не от одной неправды, а и от имений наследственных. Ибо если бы оно было от одной неправды, то как мог бы он возвратить (похищенное) вчетверо? (св. Иоанн Златоуст).

Вот как для пришествия Христова Закхей украсил дом свой. Не побежал к соседям просить столов и седалищ из слоновой кости, не вынес из сокровенных покоев лакоонские покровы для столов, но украсил дом тем, что всего приятнее Христу. Что же это? *Пол имения моего дам нищим, и аще кого чим обидех, возвращу четверицею.* Украсим так и мы наши дома, чтобы удостоиться нам принять Христа. Господь для добродетели обитателя не гнушается входить в самые худшие хижины. Но в дома нечестивых никогда не войдет, хотя бы они устланы были золотыми коврами (св. Иоанн Златоуст).

Совлечемся и мы грехов, подобно Закхею. Ибо как в болезнях и ранах, если прежде не остановить истечения, напрасно будешь прикладывать врачебные средства, так и мы, если не удержимся от корыстолюбия,

хотя бы и милостыню подавали, ничего не сделаем доброго. Корыстолюбие все портит и обращает в худшее. Престанем же похищать, и тогда будем раздавать милостыни. Ибо если бы падающего один возвышал, как милостыня, а другой тянул бы его на землю, как корыстолюбие, то такое сражение противных сил разрывало бы человека. Итак, чтобы с нами сего не случилось, да не влечет нас к земле корыстолюбие, и да не оставляет милостыня: так соделаемся мы легкими и возлетим (св. Иоанн Златоуст).

Ст. 9–10. *Рече же к нему Иисус: яко днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть. Прииде бо Сын Человече взыскати и спасти погибшего.*

Смотри: вот прежде, нежели творил Закхей дела Авраамова, называл его (Христос) не сыном Авраамовым, а Закхеем; когда же совершил дела патриарха, являя отложение неправды и любовь к нищим, тогда сказал: *Яко и сей сын Авраамль есть* (св. Иоанн Златоуст).

Как он от Авраама, когда происходил из Иерихона, города хананейского? Верно то, что если бы он и не был по плоти сын Авраама, но теперь, когда обратился ко Христу, по нравам и делам, соделался и познан был с большим правом сын Авраамов, нежели кто другой, происшедший от чресл Авраама (Астерий).

Ягодичина (смоковница) означает покаяние, толпа народа – страсти. Итак, тот, кто возвысится над страстями посредством покаяния, тот в себе самом узрит Иисуса и будет познан Иисусом, приимет Его как гостя у себя, получит спасение и соделается сыном Авраама (Anonymus).

И он (Закхей) вышел (подобно Аврааму) от земли своей, и из сродства своего, и из дому отца своего. Ибо самое лучшее исхождение – это возвышение над всеми плотскими удовольствиями, которые можно назвать *землею*, это удаление от услаждения предметами чувственными, которые означаются именем *сродства*; это изменение жизни развращенной, беззаконной в жизнь добродетельную, что и есть как бы *исхождение из дому* отеческого (Василий Великий).

Закхей-мытарь (Лк. 19: 1–10)

Свящ. М. Предтеченский. «Духовная беседа», 1871

Едва разнеслась молва, что Иисус Христос приближается к Иерихону, как весь народ устремился встречать Его, все желали хотя взглянуть на великого Чудотворца. Между прочим, жил тогда в Иерихоне один богатый человек, начальник над сборщиками податей, по имени Закхей. Ему также хотелось видеть Господа; но как он был невелик ростом, а Иисуса Христа сопровождала огромная толпа народа, то он никак не мог удовлетворить своему желанию. Наконец, он забежал вперед и влез на дерево, стоявшее при дороге, по которой надлежало проходить Господу. Когда Господь подошел к дереву, Он устремил взор Свой на начальника мытарей и воззвал:

«Закхей, слезь скорее; сегодня Мне надобно быть у тебя в доме». Закхей тотчас же слез и с неизъяснимою радостью повел к себе Небесного Гостя. Видя это, народ стал роптать на Иисуса Христа, зачем Он пошел к грешнику, потому что мытарей в те времена считали грешниками; но Закхей, желая показать пред всеми, что он дорожит посещением Господа, стал пред Ним и сказал: «Господи! Половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо». На что Господь ответствовал: «Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее».

Таким образом, из всех жителей Иерихона, из всех встречавших и сопровождавших Господа один только Закхей осчастливлен был Его посещением. Почему? – спрашивается. Разве не было в Иерихоне людей, достойных такого же счастья? Или если Господь потому благоволил посетить Закхея, что желал спасти его, то неужели в Иерихоне не было людей, для которых также необходимо было спасение?

Господь потому, без сомнения, посетил Закхея, что тот больше других выказал к Нему усердия и любви, потому спас Закхея, что тот сознавал свои грехи, чувствовал нужду в спасении, что для него возможно было спасение, что отчасти он и заслуживал, чтобы получить спасение, хоть и сам считал себя, и другие считали его человеком грешным.

Иудеи презирали и ненавидели мытарей частью потому, что они собирали подати на ненавистное им языческое римское правительство, частью потому, что, собирая законные подати, они нередко притесняли народ и в свою пользу. Могло быть, что и Закхей до своего обращения не всегда честно исполнял возложенные на него обязанности (ст. 8); зато как он пламенно возжелал видеть Господа, когда узнал, что Он приближается к Иерихону, и как притом было велико его смирение! Он не только пошел вместе с другими встречать Господа Иисуса Христа, но стал изыскивать все возможные способы, чтобы видеть Его, чтобы насладиться Его лицезрением, и когда его пламенное желание не удовлетворялось, не потерял надежды, а шел вперед и влез, наконец, на дерево при дороге, по которой надлежало проходить Господу, чтобы хотя отсюда беспрепятственно рассмотреть Его. Притом он и не думал, чтобы Господь удостоил его Своим посещением, потому что считал себя недостойным такого счастья. Что ж удивительного, что Господь Сам призрел на смиренного мытаря и пожелал спасти его?

Как потом принял Закхей Господа? Мало того, что он с торжеством ввел Его в свой дом и радовался, как только можно радоваться нежданно посетившему его великому счастью, – он выразил радость свою самоотвержением на пользу ближних. Богатый человек, он половину имения своего обещал отдать нищим, а тех, кого обидел, решился вознаградить вчетверо. Не видно ли отсюда, что он любил Господа, благоговел пред Ним,

что он любил и ближних своих по любви ко Господу, что в душе он был человек добрый, что для него возможно было спасение?

Каковы были другие жители Иерихона, встречавшие и сопровождавшие Господа, неизвестно. По всей вероятности, были между ними люди благочестивые, которые впоследствии, уверовав в Иисуса Христа, получили спасение. Но что это значит, что большинство их роптало на Господа за то, что Он вошел в дом Закхея, которого они считали грешником? Не значит ли, что они много думали о себе, что они ждали к себе благоволения Господа в надежде на свою праведность, что они склонны были подмечать грехи ближних, судить и презирать их? А разве для таких людей возможно спасение?

Господь *хочет, чтобы все люди спаслись* (1 Тим. 2:4), для того Он и пришел в мир, для того и страдал и умер на кресте, чтобы *взыскать и спасти погибшее* (Лк. 19:10); но спасаются только те, которые сами сознают нужду в спасении, которые видят свои грехи и, подобно Закхею, смиряют себя пред Господом. Иначе как Он простит грехи, когда мы не каемся в них искренне? Как посетит нас Своею милостью, когда мы не хотим Его милости, когда, будучи грешниками, много думаем о себе, о своих заслугах, о своих добродетелях? *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (Иак. 4:5).

Господь всем хочет спасения, но спасаются только те, которые сами ищут спасения и, подобно Закхею, стараются препобеждать все трудности, какие бы ни предстояли на пути к нему. Иначе за что Господь будет спасать нас? Если и простые житейские блага не без трудов нами приобретаются, то справедливо ли даровать нам вечные блага без всяких усилий с нашей стороны? *Просите, и дано будет вам: ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворяют* (Мф. 7:18).

Господь всем хочет спасения, но спасаются только те, которые, веруя в Него, смиряясь пред Ним, веру свою оправдывают от дел, которые сами милостивы к другим людям, сами, подобно Закхею, готовы благотворить и благотворят ближним своим. Иначе как мы будем свидетельствовать веру свою в Господа и чем возблагодарим Его за свое спасение? *Бога никто никогда не видел.* Посему *кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит* (1 Ин. 4: 12, 20). *Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва. И бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2: 19, 20).

Какие же нравственные уроки преподает нам евангельское повествование о Закхее? Нужно смиряться пред Господом – и Он вознесет нас в свое время. Нужно искать Его – и Он Сам воззовет нас, и к нам приидет, и обитель сотворит в нас самих (Ин. 14:23). Нужно, наконец, стараться спасать других, чем и как кто может, – и Господь спасет нас, как бы ни близка была к нам погибель, потому что Он *пришел взыскать и спасти погибшее*

Закхей-мытарь

Прот. А. Лебедев. Из статьи о евангельских мытарях. «Странник», 1865

Закхей был старейшиною мытарей и человек богатый. *И се муж нарицаемый Закхей: и сей бе старей мытарем, и той бе богат* (Лк. 19:2). Как мытарь Закхей, конечно, не отличался от других ни мягкостью сердца, ни снисходительностью к нуждам и бедности, ни справедливостью и честностью в своих требованиях. Напротив, в самом старейшинстве его над мытарями можно усматривать еще то, что он, держась на месте исправным взносом сбираемых податей, превосходил других особенным искусством вымогательства и неснисходительностью, отчего не только не имел каких-нибудь недоимок за собою, но и приобрел состояние. *И той бе богат.* Богатство обольщало его и грозило ему гибелью. И недаром евангелист в этом повествовании о Закхее напоминает как о старейшинстве его, так и о богатстве!

К обыденному сознанию человека ближе всего материальная его природа со своими требованиями и удовлетворениями, со своими неприятностями и радостями, – ближе, чем природа духовная, по своей ощутительности и по тому самому, что еще до раскрытия полного сознания он привыкает чувствовать сперва законные требования своей телесной природы и удовольствие от удовлетворения им, а потом потребности искусственные и незаконные, которые с их удовлетворением принимают силу привычки. Гораздо скорее и сильнее человек почувствует голод тела, чем алчбу духовную; тревожнее для него расстройство какого-нибудь телесного органа, например, руки, ноги или желудка, чем расстройство духа, например, преобладание в душе какой-нибудь отдельной силы, воображения, сердца, рассудка; ближе и обольстительнее услаждение греховное, чем борьба и победа над собою, которая требует иногда очень долгого и утомительного труда. Оттого, обладая всеми средствами к удовлетворению нужд и к доставлению радостей телесной природы, особенно с ранних лет, большинство людей скорее всего может остановить и действительно останавливает свое внимание на материальной стороне своей жизни и забыть или, по крайней мере, оставить неразвитыми духовные свои влечения, возбуждение которых требует труда, обещающего награду, может быть, еще в отдаленном будущем. Естественно, богатство для такого человека делается необходимым. Он привязывается к нему всей душой, так ли, как к средству своей спокойной и самодовольной жизни, или как к предмету своего тщеславия и самонадеянности. В этом смысле мы принимаем слова Спасителя: *Удобее есть велбуду сквозе иглине уши проити, неже богату в Царствие Божиевнити* (Мф. 19:24). Оттого-то и богатый юноша, бывший уже на пути ко спасению и приблизившийся ко Христу, отошел от Него – источника радости – со скорбью: жалко было ему расстаться с своим богатством.

Легко могло случиться и с богатым Закхеем, что, привязавшись всею душою к богатству, он если еще не усыпил, то впоследствии усыпил бы все чистые духовные движения; тем более что душе его уже сродна была неправда; следовательно, увлечение непосредственностью, чувственностью жизни, уже началось — самослужение и самодовольство овладевало им. Поэтому странно, непонятно, как могло пробудиться в его душе спасительное желание видеть Иисуса? Но нужно знать его природу, душевные его свойства, чтобы ответить прямо и удовлетворительно на этот вопрос. Из всего повествования о нем, из его старания проникнуть сквозь толпу к Иисусу, из его забегания и из влезания на дерево видно, что он имел детски простую и живую натуру. Он мог делать зло по увлечению, по примеру, по обыкновению, или, лучше всего, безотчетно. Так действуют подобные личности, потому что жизнь поставила их на этот путь, и они, утвердившись на нем, без всякой мысли, стали действовать так же, как действовали предшественники их, как поступают и все их окружающие: «Не мы первые, не мы последние», «не нами началось, не нами и кончится», — обыкновенно говорят такие люди. В них никогда нет и не может быть упорного оправдания, основываемого на лживых соображениях ума, или явного противления истине. В них есть, напротив, даже семена добра, нравственные понятия о долге и об обязанностях, бывают и чистые движения к добру; только эти семена не приносят плода, эти понятия без спасительных последствий, эти движения без силы, подобно движениям молодых, еще не оперившихся птенцов, которые, несмотря на свои усилия, не могут подняться над землею и совершить легкий и быстрый полет. Потому эти простые, непосредственные натуры увлекаются и неправдой, пока не проник в них свет разумения, освещающий путь их жизни, пока не получили они такого возбуждения, которое заставило бы их вдруг очнуться и стряхнуть с себя эту беспечность и невнимательность к себе. Таков именно и был Закхей. Он не имел привязанности к богатству с упорною силою, подавляющею в душе всякое живое движение. В сердце его был уголок, в котором тлела и готова была вспыхнуть искра спасения, в котором хранилась вера в Мессию и надежда на Его скорое и спасительное пришествие. Правда, эта вера по своему бессилию, а отчасти и по плотскому своему характеру, не могла возбуждать его к исправлению своей жизни, и от ожидания Мессии он не делался честнее; однако эта детски простая душа по самой природе своей не могла не чувствовать неловкости своего положения и несоответствия его с всеобщими ожиданиями Мессии. Не мог он, конечно, сам собою выйти из своего положения, загладить свои неправды делами любви и милосердия; но довольно с него было и того, если он хотел сделать это, довольно, если с боязливым опасением ждал Мессию. В этой-то готовности и нашел его Господь.

Уже неоднократно слышал Закхей о явлении дивного Пророка во Израиле, но, не имея сил отрешиться от обыденной жизни, он все оставал-

ся в своем городе и наконец подвигнул самую спасающую любовь Единородного приблизиться к нему. Узнав о приходе Иисуса в Иерихон, Закхей идет в Нему навстречу, подходит к толпе, окружавшей Иисуса, старается проникнуть чрез нее, но, не могши видеть Его по причине своей малорослости, забегает вперед и, истинно как дитя, несмотря на свое старейшинство, взлезает на дерево. Такое и так просто и детски выразившееся желание, очевидно, было движением не любопытства, а именно веры, ибо направлялось к тому, чтобы узнать Иисуса, сблизиться с Ним. *И той искаше видети Иисуса, кто есть?* — он думал, то есть, не этот ли пророк, не этот ли учитель есть Мессия. И с таким нетерпеливым желанием посмотреть на великого Чудотворца сидел на *ягодичине* и ожидал, пока будет Он проходить мимо него. Ищущий *взыскати погибшаго* Спаситель, зная готовность Закхея к принятию Его благодати и спасения, идет мимо смоковницы и, обратив к нему Свой животворный взор, проливающий свет в его душу, говорит: *и воззрев Иисус, виде, его и рече к нему,* и проч. Какое кроткое Божественное лицо! Какие любвеобильные, говорящие прямо душе, взоры! Какая тихая, но проникающая в сердце речь! И какое притом вышеестественное знамение! Ему уже известно и имя, и дом, и все. *Закхее, потщався слези, днесь бо в дому твоем подобает Ми быти.*

Нельзя вполне постигнуть всего, что должно было произойти в душе Закхея от животворных слов Господа. Вспомним еще гораздо прежде бывшее подобное обстоятельство. Вера Нафанаила во Иисуса, закрываемая предрассудком: *от Назарета может ли что добро быти?* — раскрылась во всей силе от слов Господа, в которых выразилось такое же всеведение, именно, что Он видел Нафанаила под смоковницею и узрел готовность его вступить в число учеников Своих. *И глагола ему Иисус: зане рех ти, яко под смоковницею видех тя, веруеши, больша сих узриши* (Ин. 1:50). Несомненно и здесь то обстоятельство, что желание Закхея узреть Господа и милосердое воззрение Господа на Закхея, снисхождение к нему и Божеское всеведение оправдали ожидания и надежды, с которыми мытарь шел видеть Иисуса, — не этот ли, то есть Пророк и есть Христос, а потому он с радостью принимает узнанного Мессию. *И потщався слезе, и прият Его радуяся.* Вот и первый духовный плод веры — радость! Так оправдалась вера.

Затем должно было разрешиться в богатом мытаре и внутреннее недовольство самим собою. Евангелист не показывает, о чем Господь беседовал и что делал в доме мытаря, не вводит нас туда Своим описанием, но говорит, и конечно, не без цели, о том впечатлении, какое произведено было на народ вступлением Иисуса под кров грешного мужа, каким считали мытаря: *и видевше вси роптаху* на Иисуса, *глаголюще, яко ко грешну мужу вниде витати,* — а вслед затем изображает полную решимость Закхея исправиться и загладить прежние преступления. Надобно согласиться, что

этот народный ропот и эта решимость были в причинной между собою связи. Ропотом пробужден был голос совести грешника. Чувствуя его справедливость, мытарь не мог не обвинять себя в оскорблении и немилосердном обхождении с этим самым народом и, таким образом, в чувстве раскаяния отчасти как бы опасался, как бы Господь не внял этому ропоту и не осудил его, а потому поспешил принести умилостивительную жертву за прежние беззакония. *Став же Закхей рече ко Господу: се пол имения моего, Господи, дам нищим, и аще кого чим обидех, возвращу четверицею.* То есть как бы так говорил Закхей: «Вот, Господи, народ ропщет на Тебя, что Ты благоволил войти в дом мужа грешного. Правда, я великий грешник и достоин всеобщего отвращения. Но вижу, что Ты, милосердый Сердцеведче, не на лице зришь, но прозираешь в сердца; так прости же меня и сделай достойным Твоего снисхождения, сними с меня бремя неправедного стяжания и народной укоризны и приими от меня жертву любви – благослови меня половину имения отдать нищим и обиженных вознаградить вчетверо». Замечательно здесь выражение евангелиста *став же рече.* Это как бы намек на некоторого рода сдержанность; то есть Закхей как бы давно уже хотел сказать Господу об этой своей решимости – раскаяние как бы с самой минуты вступления Господа в дом готово было изникнуть из уст его; решимость исправления от радости такого посещения и от живого слова Божия, изливающегося в беседе из уст Спасителя, как бы мало-помалу возрастала, крепилась и, наконец, объяла все его существо, так что он не мог больше сдерживать их, встал пред Господом и начал говорить: *Се пол имения моею. Господи, дам нищим, и аще кого чим обидех, возвращу четверицею.* Замечательно здесь и то, что удостоенный милостивого призрения и снисхождения Господня Закхей не отказывается от проходимого им звания, может быть, и потому, что оно-то и привлекло к нему Господа. Далее он обещается отдать нищим только половину своего имения, а не все. Этим, конечно, он показал не привязанность к богатству, а напротив, свободное свое отношение к нему. Богатство не мешало и не мешает ему в деле спасения; половина ли имения сохранится у него или все, это для него было безразлично, лишь бы заглаждены были его неправды. И Господь одобряет сию жертву богатого мытаря. *Днесь спасеніе дому сему бысть,* говорит Господь, *зане и сей сын Авраамль есть. Прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго.* Так взыскан и спасен погибавший сын Авраама!

Притча о господине, отправившемся в путь для принятия царства, и о розданных им минах (Лк. 19: 11–28)

Так как Иисус Христос был близко Иерусалима, то и полагали, что Он объявит Себя Царем и давно ожидаемое Царствие Божие откроется. По этому

случаю Он сказал притчу: «Один человек высокого рода отправился в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и потом возвратиться. Призвав же десять рабов своих, дал им десять мин и сказал им: «Употребляйте их в оборот до моего возвращения». Между тем граждане его ненавидели его и послали вслед за ним посольство объявить: «Мы не хотим, чтобы он царствовал над нами». Несмотря на это, он получил царство. И когда возвратился, то велел позвать к себе тех рабов, которым давал деньги, чтобы узнать, кто что приобрел. Пришел первый и сказал: «Государь! Мина твоя принесла десять мин». И сказал ему: «Хорошо, добрый слуга, за то, что ты оказался верным в малом, будь начальником над десятью городами». Пришел второй и сказал: «Государь! Мина твоя приобрела пять мин». Сказал также и ему: «И ты будь над пятью городами». Пришел еще один и сказал: «Господин! Вот мина твоя, которую я сберегал, завернув в платок. Потому что я боялся тебя, зная, что ты человек жестокий: берешь, чего не клал, и жнешь, чего не сеял». На это говорит ему: «Твоими же словами я произведу над тобою суд, злой раб! Знал ты, что я человек жестокий, беру, чего не клал, и жну, чего не сеял, — почему же ты не отдал серебра моего в оборот, чтобы я, возвратившись, мог получить его с прибылью?» И предстоящим приказал: «Возьмите от него мину и дайте тому, у кого десять мин». Ему сказали: «Государь! У него уже десять мин». На это он отвечал: «Я вам сказываю, всякому у кого есть (потому что есть усердие и способность), дано будет, а у того, у которого нет (ни усердия, ни способности), отберут и то, что у него есть. А между тем врагов моих, именно которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте перед мною!»»

У иудейского историка Иосифа Флавия есть сказание, что по смерти Ирода сын и наследник его Архелай отправлялся к императору Августу в Рим, чтобы от него получить утверждение в царском достоинстве, и что от граждан Иерусалима послано было к Августу пятьдесят человек просить, чтобы он не назначал над ними Архелая царем. Значит, Иисус Христос под видом притчи рассказал действительное событие, случившееся в Его младенчество.

Значение притчи

Господин знатного рода — это Сам Господь наш Иисус Христос; отправление Его в дальнюю страну для получения царства означает вознесение Его на небо для получения власти над всем небесным, земным и преисподним в образе человеческом (потому что как Бог Он всегда над всем имел полную власть); слуги, которым Он раздал Свои дары при отправлении в дальнюю сторону, — это все уверовавшие в Него и последовавшие Его учению; граждане, не хотевшие признать Его царем, — это прежде всего иудеи, Им учимые и наставляемые, а затем все люди, слушающие проповедь Его учения и Ему не следующие, не верующие в Него. Таким образом, смысл всей прит-

чи будет такой. Господь наш Иисус Христос, возносясь на небо для того, как Он Сам говорит, чтобы приготовить там нам место и опять прийти и взять нас к Себе (Ин. 14: 2–3), оставил нам Свое небесное учение, Свою Святую Церковь и дары Святого Духа, с тем чтобы мы употребляли их с пользою, более и более делались честными и добрыми, более и более преуспевали в исполнении тех заповедей, которые Он нам хранить заповедал. Когда Евангелие Царствия Небесного будет проповедано по всей вселенной и все люди услышат о Нем, тогда Он опять придет (Мф. 24:14), чтобы взять к Себе тех, которые поверили Его учению и сделались Его последователями. И тем из них, которые так пользовались Его учением, так употребляли установленные Им святые таинства, что год от году делались честнее и добрее, год от году преуспевали в любви к Богу и людям, Он воздаст большую награду, смотря по их усердию. Кто больше из них потрудился, тот получит большую награду; но кто сделал и не так много, и тот не будет лишен Его награды, хотя награда эта будет и меньше награды первого, потрудившегося больше. Одному, говорит, даст десять городов во владение, а другому — пять. Тому же, который не старался сделать полезного приложения для своей жизни из Его учения и Церкви, который довольствовался только тем, что получил имя христианина, а жил не лучше язычника, тому не предоставит никакой награды; мало того, отнимет у него и то благоволение и милость, которыми он пользовался до этого времени, лишит права быть и считаться в Его Царстве, а дары, данные ему, предоставит другому, умевшему ими воспользоваться. Тех же, которые вовсе не захотели слушать Его и внимать Его учению, не захотели признать в Нем Сына Божия, Он предаст казни. Таков суд будет на неверных и недобрых христиан вообще.

Толкование св. Василия Великого на притчу о десяти минах

Творения свв. отцов

Господь в притче о десяти минах говорит: *Человек добра рода иде на страну далече, прияти себе царство и возвратитися.* Потом, сказав о десяти минах, которые дал десяти *рабам куплю деяти*, присовокупил: *И граждане его ненавидяху его и послаша вслед его послы, глаголюще: не хощем сему, да царствует над нами* (Лк. 19: 12–14). *Человек добраго рода* — это не имеющий общений по роду ни с кем другим, кроме Бога, Который превыше всех. Как людьми доброго рода называем происходящих от царской крови, так истинно *добра рода* Тот, Кто имеет бытие сущности Отчей. И Спаситель может быть назван *человеком добра рода*. Ибо Господь не только по Божеству разумеемый есть *добра рода*, как по естеству имеющий в Себе чистоту, простоту и неподмесность; но и по человечеству, конечно, есть род от семени Давидо-

ва по плоти. Он идет *на страну далече*, отстоящую не столько местом, сколько состоянием дел. Ибо один и тот же Бог и близок к каждому из нас, когда добрые дела делают нас Своими Ему; и далече от нас, когда чрез приближение к погибели сами себя удаляем от Него. Сей-то *добра рода человек*, увидя, что в мире царствует грех, что мир подпал жестокому мучительству врага, и сжалившись над безначалием, согласился царствовать над нами. *Подобает бо Ему царствовати, дондеже положит враги Своя под ногама Своим* (1 Кор. 15:25). Посему, когда пришел Он в сие надземное место, на страну, далече сущую от Бога, чтобы *прияти царство* над язычниками, по сказанному в псалме: *Проси от Мене, и дам Ти языки достояние Твое* (Пс. 2:8); тогда подвластные князю века сего, не только люди, но и силы, под его начальством воюющие, не приняли царства Его. Но поелику Он давал заповеди, назначал им дела их, повелевал не в праздности пребывать, а требовал от них дел; то *послаша послы вслед Его*, отрицаясь иметь Его Царем. Посему кто эти послы, как не виновники смерти Спасителя, думавшие, что крестом пресекут царствование Его над миром, говорившие Пилату: *Не пиши, яко Царь Иудейский, но яко Сам рече: Царь есмь Иудейский* (Ин. 19:21)? Впрочем, лукавство препятствующих хотя их осудило, однако не положило преграды домостроительству. Ибо, овладев царством и оделив рабов по достоинству делания каждого из них, повелел *пригласити их, да увесть, какову куплю суть сотворили*. И первому, *приделавшему десять мнас*, дал *область над десятью градов;* второму же, приобретшему *пять мнас*, говорит: *Буди над пятию градов.* А у того, который мину свою завязал в убрусе, не пуская в оборот, велел отнять ее. Когда же распорядился касательно иудеев (ибо *время*, говорит, *начати суд от дому Божия*, 1 Пет. 4:17); тогда и врагов, отрекшихся от Его Царства, приказал привести на среду *и иссечь* (Лк. 19: 15–27).

Толкование св. Василия Великого на 23 стих 19 гл. Евангелия от Луки

Творения свв. отцов. Тв. Василия Великого

Что значит этот торжнический стол, на который тебе, как говорит Господь, надлежало отдать серебро (Лк. 19:23)?

Притчи не останавливают своих рассуждений на одном взятом в них образе, но пролагают уму путь к предмету рассуждения. Посему, как в обычае отдавать торжникам серебро для приращения (ибо, как узнал я в Александрии, есть люди, которые берут серебро и делают с ним это), так и приявший какую бы то ни было благодать необходимо должен передать ее имеющему в ней потребность, или сделать с нею то же, что у апостола сказано об учении: *Сия предаждь верным человеком, иже довольни будут и иных научити* (2 Тим. 2:2). Ибо сие может быть не с одним учением только, но и

со всяким делом; потому что одни имеют только к нему способность, а другие приобрели уже опытность распоряжаться сим делом.

Мысли свт. Феофана

«Мысли на каждый день года по церковным чтениям»

Притча о десяти мнасах изображает всю историю человечества до второго пришествия Христова. Господь говорит в ней о Себе, что Он идет чрез страдания, смерть и воскресение, к Отцу Небесному принять царство над человечеством, которое все есть Его родовое достояние. Оставшиеся на земле делятся на две половины: на рабов, поработивших себя Господу чрез послушание вере, и на не хотящих иметь Его Царем и работать Ему, ради неверия своего. Тем, которые приступают ко Господу верою, с готовностью работать Ему, даются дары Святого Духа в святых таинствах: это *мнас*, – и каждый верующий получает его на служение в кругу верующих. Когда все из рода человеческого, способные покоряться Богу, покорятся Ему – тогда Он снова придет как приявший царство. Первым делом Его будет рассудить рабов, кто что приобрел данною благодатию, а потом последует суд и над теми, которые не захотели иметь Его Царем, то есть или не веровали, или отпали от веры. Напечатлей эти истины в уме своем и не отводи от них внимания; ибо тогда будет решение, которому уже не жди перемены. Бегай неверия, но и веруй не праздно, а приноси и плоды веры. *Обретши тебя верным вмале Господь и над многими тебя поставит.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 19-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

В духовных журналах

1) Ст. 1–10. *Блж. Августин.* Слово о Закхее. «Воскресное чтение», 1811.

2) *Прот. Нечаев.* Уроки покаяния, заимствованные из Евангелия в Великом каноне святого Андрея Критского. «Душеполезное чтение», 1881, Закхей.

3) *Беллюстин.* Искренность обращения. «Воскресное чтение», 1832.

4) Евангельское чтение в неделю 39 по Пятидесятнице (Лк. 19: 1–10). «Воскресное чтение», 1825.

5) Любопытство Закхея. «Воскресное чтение», 1803.

6) Праведный Закхей. «Воскресное чтение», 1815.

7) Ст. 6. Природа и благодать. «Воскресное чтение», 1877.

8) Ст. 7. Предостережение от осуждения. «Христианское чтение», 1834.

9) Ст. 10. *Прииде Сын Человеч взыскати и спасти погибшего.* «Воскресное чтение», 1803, 1806, 1817.

10) Ст. 11–28. Об обязанностях христианина поучению евангельской притчи о 10 минах. «Воскресное чтение», 1834.

11) Беседа священника с детьми о евангельских притчах (ст. 12–17). «Руководство для сельского пастыря», 1865.

В Словах и Беседах

12) Ст. 1–10. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседа о Закхее.

13) Ст. 1–10. *Илиодор, архиеп. Курский.* Беседа в нед. Закхея.

14) Ст. 1–10. *Никанор, архиеп. Херсонский.* История Закхея и ее назидательный смысл.

15) Ст. 1–10. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* О том, что и теперь ищущие Господа могут найти и увидеть Его.

16) Ст. 5. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О способах призывания грешника к покаянию благодатию Божиею. Слово в нед. 32 по Пятидесятнице.

Вечеря в Вифании (Ин. 12: 1–11)

Прежде шести дней Пасхи, говорит евангелист, *прииде Иисус в Вифанию.* Вифания – селение, отстоявшее от Иерусалима на полчаса пути. Там жило благочестивое семейство Марфы, Марии и брата их Лазаря, которого Иисус незадолго пред сим воскресил из мертвых, уже четыре дня лежавшего во гробе. Поэтому евангелист и присовокупляет: *Идеже бе Лазарь умерый, егоже воскреси от мертвых.*

Сотвориша Ему вечерю ту. Там приготовили Ему ужин.

И Марфа служаше. Лазарь же един бе от возлежащих. Это показывает, что вечеря была в доме Марфы и Марии. Марфа служила. Видно, это было ее добродетелью – оказывать услуги, заботиться об угощении, как это свойство ее изображено евангелистом Лукою: *Марфа молвяше о мнозе службе* (Лк. 10:40). А Лазарь был один из возлежащих за вечерею с Иисусом. Он был теперь предметом общего внимания, как гость этой жизни, недавно всесильным словом Господа Иисуса возвращенный из области мертвых. По этому вниманию к Лазарю и евангелист о нем упоминает как о возлежавшем с Иисусом, не упомянув ни о ком другом из возлежащих (Евсевий Могилевский).

Мариа же приемши литру мира нарда пистика многоценна, помаза нозе Иисусове и отре власы своими нозе Его; храмина же исполнися от вони масти благовонныя. «Мария же, взяв фунт нардового, чистого, драгоценного мира, помазала ноги Его и отерла волосами своими ноги Его; и дом исполнился благоуханием от мира».

Нард – ароматическое растение (Песн. 4:13), разводимое в южной Индии. Из корней его выжималось масло, самое превосходное из ароматических жидкостей, и составляло предмет роскоши. Наилучшим образом приготовляли эту ароматическую жидкость в малоазийском городе Тарсе. Нард πιστικός, от πιστίς, – нард верный, неподдельный, по арабскому переводу, «чистый нард». Цельный чистый нард был *многоценный,* ценился очень дорого. По оценке Иуды, за Мариин сосуд нарда можно было выручить 300 динариев. У древних пред вечерею мыли ноги и иногда намаща-

ли маслом; особенно обязаны были оказывать эту услугу дети родителям; у Аристофана читается: «Дочь первая омыла меня и намастила ноги» (Филарет Черниговский).

Мария стала мазать миром ноги Его и отирать волосами своими. Эта Мария, как явно из обстоятельств, была сестра Марфы и Лазаря. О ней упоминают евангелисты Матфей и Марк. Но о другой Марии повествует евангелист Лука, которая также помазала миром ноги Иисусовы. Мария, упоминаемая святым Лукою, жила в другой стране, в Галилее, в городе Наине (Лк. 7: 11, 37), и показала свое усердие к Иисусу, когда Он был в доме некоего фарисея Симона. Та Мария была грешница и помазала ноги Иисусу, выражая чувство сокрушения о своих грехах, и, по вере своей получив отпущение грехов, пошла с миром (ст. 39–50); а Мария в Вифании, помазавшая миром ноги Иисусовы, была благочестивая женщина и прежде настоящего случая получила похвалу от Иисуса: *Мариа благую часть избра, яже не отъимется от нея* (Лк. 10:42). Избравшая благую часть понимала достоинство Христа Спасителя; потому и тогда, как Господь был в доме их и Марфа много заботилась об угощении Господа, Мария, оставив все и сев у ног Его, слушала слово Его. А теперь, когда Господь так много утешил их, воскресив брата их Лазаря, Мария, без сомнения, несравненно более прежнего благоговела к Иисусу и не знала, чем довольно выразить свою признательность и преданность к Нему; поэтому решилась почтить Его тем, чем могла, не считая потерею употребить драгоценное миро для выражения своего почтения и преданности к Учителю и Господу, воскресившему ее брата.

Глагола же един от ученик Его, Иуда Симонов Искариотский, иже хотяше Его предати: чесо ради миро сие не продано бысть на трех стех пенязь и дано нищим? Сие же рече, не яко о нищих печашеся, но яко тать бе, и ковчежец имеяше и вметаемая ношаше.

Иуда поднял голос против доброго и богоугодного дела Марии, говоря: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать их нищим»? Такое суждение — с виду благовидное, основанное на любви к ближним. Но Иуда так говорил по недоброму намерению, которое обличает евангелист Иоанн, говоря: «Сказал же сие не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был тать. Он же имел денежный ящик и носил, что туда опускали». Ношение ящика было послушанием для пользы братства; потому что Иисус со Своими учениками не отвергали доброхотного подаяния и, когда не было хлеба, покупали его (Ин. 4:8). Но это послушание для Иуды служило поводом к воровству.

Рече же Иисус: не дейте ея: да в день погребения Моего соблюдет е. Нищия бо всегда имате с собою, Мене же не всегда имате. Иисус же сказал: «Оставьте ее; она это сберегла на день погребения Моего. Ибо нищих всегда будете иметь с собою, а Меня не всегда иметь будете».

Мария помазала ноги Иисуса единственно по своему усердию и высокому уважению к Иисусу. Когда стал Иуда осуждать ее поступок как необдуманный, она молчала. Она делала, что внушало ей благоговение к великому Учителю и Благодетелю, и не боялась укоризн, равно как и не ожидала похвал. Иуда по злому расположение души своей начал осуждать ее; но Иисус как ведающий тайны сердечные и всем премудро управляющий, восхвалив дело Марии, дал ему высокое знаменование. Как бы так говорил Господь: «Всему свое время, нищим можно всегда делать добро, а Мне не всегда; ибо недолго буду с вами. Мария помазанием приготовила Меня к погребению». Иудеи, по древнему восточному обыкновению, тела умерших намащали ароматами, как и тело Иисусово жены мироносицы хотели почтить исполнением сего обряда, когда носили ароматы ко гробу Иисусову. И помазанию, какое совершила Мария, Иисус Христос дает значение того же погребального намащения (Евсевий Могилевский).

«Нищих всегда имеете с собою и когда захотите, можете им благотворить». Спаситель, говоря это, имеет в виду слова закона Божия. Господь говорил в законе: «Поелику нищие всегда будут среди земли твоей, то повелеваю тебе – отверзай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» (Втор. 15:11). Повторяя слова закона, Спаситель одобряет заботу добрых учеников о нищих. Вместе с тем Он останавливает внимание их особенно на словах закона: «Нищих всегда имеете с собою». Это урок для всех мечтателей-филантропов, для всех сенсимонистов и коммунистов и в частности для тех из них, которые беспощадно осуждают за приношения храмам. Всем им говорится: *Нищия всегда имате с собою*. Пусть не мечтают о величии филантропии своей: бедность, болезни, беды всегда останутся между людьми. Отчего? Оттого, что людям не сделать проклятой земли Эдемским садом. Все, что могут делать для смягчения скорбей жизни земной, пусть делают. Но при этом прежде всего пусть смиряют в себе своекорыстие, которое так нередко, как Иуда, хлопочет о бедных только для своего кармана или для суетной известности; пусть не увеличивают несчастия других мечтами, приятными для страстей и вредными как для людей, так и для целых обществ. Никогда не надобно забывать, что как Бог выше всего, так прежде всего нужны дела для прославления имени Его (Филарет Черниговский).

Разум же народ мног от Иудей, яко ту есть: и приидоша не Иисуса ради токмо, но да и Лазаря видят, егоже воскреси от мертвых. Приближался праздник Пасхи. Народ со всех сторон собирался в Иерусалим, не только из стран Иудейских и Галилейских, но из-за пределов Палестины, так как иудеи были рассеяны в разных странах за пределами земли обетованной. На-

род собирался в Иерусалим на праздник Пасхи, потому что иудеи не могли праздновать Пасху ни в каком другом месте, кроме храма Иерусалимского. К этой Пасхе и Господь шел в Иерусалим, чтобы окончить дело Своего служения; чтобы, в исполнение древних пророчеств и преобразований, принести Себя в жертву за грехи мира. Когда Иисус от Иерихона шествовал к Иерусалиму, Ему сопутствовало множество народа, шедшего также в Иерусалим. Но Иисус остановился в Вифании, где приготовили Ему вечерю. В Иерусалиме стало известно, что Иисус в Вифании, где Он остановился на ночь. Народ, слышавший об Иисусе как великом Учителе и Чудотворце, Который недавно воскресил уже четыре дня лежавшего во гробе Лазаря, устремился в Вифанию. Многие из народа, без сомнения, еще никогда не видали Иисуса. Были даже язычники (Ин. 12:20). Все желали видеть Иисуса и Лазаря, которого воскресил Он.

Совещаша же архиерее, да и Лазаря убиют. Яко мнози его ради ибяху от Иудеи и вероваху во Иисуса. Уже в то время, как Иисус воскресил Лазаря, некоторые из иудеев сказали фарисеям, что сделал Иисус, и первосвященники с фарисеями на совещании положили убить Иисуса (Ин. 11:53). Но Иисус удалился и не ходил между иудеями явно (ст. 54). А первосвященники и фарисеи дали повеление — если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, чтобы взять Его. Вот теперь молва разнеслась, что Иисус в Вифании; что туда стремится народ чтобы видеть Иисуса и Лазаря, которого воскресил Он. Это движение народа снова собрало первосвященников на совет. Видели они, что внимание народа особенно привлекает воскресший Лазарь, потому к прежнему определению – убить Иисуса – недобрые советники присовокупили еще новое, то есть чтобы вместе с Иисусом убить и Лазаря; потому что ради его многие из иудеев приходили туда и веровали во Иисуса (Евсевий Могилевский).

«Пусть вы хотите убить Христа за то, что Он нарушал субботы, что творил Себя равным Богу, из-за римлян, как говорите вы. Но в чем вы можете обвинить Лазаря? Ужели в том вина его, что получил благодеяние? Видишь, как кровожадны желания их! Много чудес сотворил Христос; но ни одно не возбудило в них такой ярости, ни чудо над расслабленным, ни чудо над слепым. Это потому, что чудо над Лазарем изумительнее других и было после тех. Совсем невероятно было видеть, что четверодневный мертвец ходит и говорит. А прекрасное было дело для праздника к (религиозному) торжеству присоединить убийство. Притом же в тех случаях они думали обвинить Христа в нарушении субботы и тем отклонить от Него народ; а здесь ни в чем не могли обвинить Его и потому злоумышляют против того, кого Он воскресил.

Здесь не могли они сказать и того, будто противится Отцу, потому что молитва Его заграждала им уста» (св. Иоанн Златоуст).

Вечеря в Вифании, описанная евангелистом Иоанном, одна ли и та же с вечерею в доме Симона прокаженного, о которой рассказывают евангелисты Матфей и Марк?

«Толковое Евангелие» Михаила

Эта вечеря, которую описывает здесь евангелист, отлична от подобной вечери, бывшей в Вифании же, пред последней же Пасхой, и описанной первыми двумя евангелистами (Мф. 26:6 и далее; Мк. 14:3 и далее). Так принимает сие Православная Церковь, что весьма ясно выражено в синаксаре в Страстную среду и в службах Страстной недели (ср. св. Иоанна Златоуста и Феофилакта). При видимом сходстве описания вечери вифанской у Иоанна и первых трех евангелистов — сходстве, объясняющемся сходством самых описываемых событий, — в самом тексте есть указание, что описываются разные события, только сходные. По Иоанну, вечеря была *за шесть дней до Пасхи*, по Матфею и Марку — *за два*; по Иоанну, помазала Господа сестра Лазаря Мария, по первым двум — некоторая женщина (по преданию — та же грешница, которая еще задолго ранее помазала Господа в Галилее, в доме Симона фарисея (Лк. 7:36 и дал.); по Иоанну, Мария помазала ноги Иисуса, по первым евангелистам — голову; по Иоанну, вечеря была в доме Лазаря, по Матфею и Марку — в доме Симона прокаженного; по Иоанну, только Иуда сделал замечание Марии, по первым двум — и другие ученики. Эти разности так значительны, что указывают на разность самых событий, только поелику сходны самые события — сходно у евангелистов и описание их.

Вероятно ли повторение происшествия чрез такое краткое время — от субботы до среды? Невероятного нет ничего, тем более что и побуждения к помазанию Господа женами у той и другой были различные: сестра Лазаря сделала это из чувства глубочайшей благодарности за воскрешение брата ее, а другая жена — по влечению более бескорыстного чувства, почему и обещается ей награда большая, чем той (синаксарь в Великую среду), и вообще препятствий принимать то и другое помазание за различные — нет. Может возбудить недоумение только то, как случилось, что по обличении Господом Иуды за упрек его Марии на первой вечере — через немного дней, на подобной вечере, при подобном событии и другие ученики выразили подобный Иудину упрек женщине? Но побуждение у них было другое, чем у Иуды (ср. св. Иоанна Златоуста и Феофилакта); притом в эти немногие дни так много случилось и такого важного, что вечеря у Лазаря могла несколько забыться; потом, может быть, и на сей раз они увлеклись лукавым подстрекательством Иуды; и наконец, они были еще тогда несовершенны. По внешнему сходству упрека, сделанного Иудою Марии и другими учени-

ками – другой женщине, и ответ Господа на этот упрек, в сущности, одинаков, но о последней жене Господь сказал более, чем о Марии. Итак, надобно принять, что Господь, по сказаниям всех евангелистов, в продолжение Своего общественного служения был помазан на вечерях трижды: один раз еще среди Своего общественного служения в каком-то галилейском городе, в доме Симона фарисея, женою *явногрешницею* (Лк. 7:37 и далее); другой раз – Мариею, сестрою Лазаря, за шесть дней до Пасхи в Вифании в своем доме (Ин. 12:3 и далее); третий раз – в Вифании же в дому Симона прокаженного (вероятно, одно лицо с Симоном фарисеем (Лк. 7:36 и далее) за два дня до Пасхи женщиною – тою же, по преданию бывшею *явногрешницею*, которая и прежде помазала Его в доме Симона фарисея.

СТРАСТНАЯ седмица

О входе Иисуса Христа в Иерусалим (Мф. 21: 1–5)

Св. Иоанн Златоуст.
«Воскресное чтение», 1810

И егда приближишася во Иерусалим и приидоша в Вифсфагию к горе Елеонстей, тогда Иисус посла два ученика, глаголя има: идита в весь, яже прямо вама: и абие обрящета осля привязано, и жребя с ним: отрешивша приведита Ми: и аще вама кто речет что, речета, яко Господь ею требует: абие же послет я. Сие же все бысть, да сбудется реченное пророком (Захариею), *глаголющим: рцыте дщери Сионове: се Царь твой грядет тебе кроток, и всед на осля и жребя сына подъяремнича* (Мф. 21: 1–5). Часто и прежде сего Иисус Христос входил в Иерусалим, но никогда не входил с такою славою. Почему же так? Потому что тогда было еще начало строительства Его и Сам Он не был столько известен, притом и время страданий еще не было близко. Посему Он жил, не отличаясь ничем от прочих, и по большей части скрывал Себя; иначе Его явление не было бы столь удивительно и только бы возбудило в иудеях большой гнев. Когда же Он показал уже много опытов Своей силы, и крест был уже при дверях, тогда более и более прославляется и время от времени с большею известностью делает все, что могло воспламенить их. Конечно, это возможно было и с самого начала, но было бы не нужно и бесполезно. А ты размысли со мною, сколько здесь чудес и сколько исполнилось пророчеств? Иисус Христос сказал: *обрящета осля,* — и тут же предрек, что никто не будет препятствовать, но лишь услышат, замолчат.

Сего события не должно почитать маловажным. Что заставило сих бедных людей, может быть, земледельцев, без всякого противоречия отдать свою собственность? И — что я говорю, без противоречия? Нет даже и не спрашивая, или спросив, замолчать и уступить? Если они ничего не сказали, когда уводили их скот, или если и сказали что-либо, но услышав, что Господь его требует, — уступили без всякого противоречия; то и другое равно удивительно, тем более что не видели Его Самого, а только учеников. Сим самым

Иисус Христос дает разуметь, что Он мог воспрепятствовать жестоковыйным иудеям, когда они пришли схватить Его, и сделать их безгласными, но только не захотел сделать сего.

С другой стороны, Он научает сим учеников и всякого без противоречия жертвовать всем, что бы Он ни потребовал, даже самою душою; ибо если и незнакомые Ему повиновались Его требованию, то тем более они должны жертвовать Ему всем. Далее, Иисус Христос исполнил здесь слова пророка Захария, который сказал, что Царь будет сидеть на осляти. Воссед на осля, Он исполнил сие последнее пророчество, и в то же время, прообразуя Своими действиями будущее, дал другое пророчество. Каким же образом? Он предвозвестил сим призвание нечистых язычников, то есть что Он в них почиет, что они приидут к Нему и за Ним последуют. Впрочем, Иисус Христос, по моему мнению, не по сей только причине благоволил воссесть на осля, но и для того, чтобы подать нам правило жизни, везде поставляя нам за правило удовлетворять только крайним нуждам. Так и теперь, если бы случилось, что кто-нибудь по немощи имел нужду в животных, то Господь Иисус Христос и в сем случае сделал ограничение, показывая, что не на конях, не на мулах надобно мчаться, но должно довольствоваться ослом и не простираться далее необходимого. Притом нельзя не видеть, как сбывается пророчество и словами и самым делом? *Се Царь твой грядет кроток, вседна осля и жребя юна.* Не на колеснице едет, как обыкновенно поступают другие цари, не требует дани, не наводит Собою страха, не имеет копьеносцев, но и здесь показывает величайшую кротость. Спроси у иудея: был ли какой-нибудь царь, который бы на осляти въезжал в Иерусалим? Он ни об одном тебе сего не скажет, как только о Нем.

Но Он, как я выше сказал, делал сие в предзнаменование будущего. Здесь чрез осленка означается Церковь и народ новый, который был некогда нечист, но, после того как воссел на нем Иисус Христос, сделался чистым. Заметь же, какая точность во всем прообразовании. Ученики отвязывают подъяремников: и иудеи, и мы призваны в новоблагодатную Церковь чрез апостолов. Наша блаженная и славная участь и в иудеях возбудила ревность; осел идет позади осленка. И действительно, после того как Иисус Христос усвоит Себе язычников, тогда и иудеи по своей ревности приидут к Нему, что ясно показывает апостол Павел, говоря: *Яко ослепление от части Израилеви бысть, дондеже исполнение языков внидет: и тако весь Израиль спасется.* Итак, из сказанного видно, что это было пророчество. Видно отсюда и то, что апостолы приведут язычников без труда. И действительно, как никто не препятствовал апостолам, когда они повели оных животных; так никто не мог остановить их в призвании язычников, когда они уловляли их проповедью. Далее, Христос садится не на нагого осленка, но на покрытого одеждами апостолов: это значит, что апосто-

лы, принимая что-либо от усердия язычников, и свое все отдают им, как говорит Павел: *Аз же в сладость иждиву, и иждивен буду по душах ваших* (2 Кор. 12:15). Но обрати внимание и на послушание осленка, как он, вовсе необученный и не знав еще узды, не помчался быстро, пошел тихо и спокойно. И это служило предзнаменованием будущего, выражая покорность язычников и скорую их перемену к благоустроенной жизни.

О входе Господнем в Иерусалим. Изъяснение пророчества и таинства сего дня (Мф. 21: 4–5)

Свт. Филарет, митр. Московский

Сие же все бысть, да сбудется реченное пророком, глаголющим: рцыте дщери Сионове: се Царь твой грядет тебе кроток, и всед на осля и жребя, сына подъяремнича (Мф. 21: 4–5). Два предмета можно здесь рассматривать: дивное событие пророчества и новое пророчество события.

Если бы еще и не открыто было событие пророчества Захариина – по самому сему пророчеству можно примечать, что им обещается дивное событие. Кто бы мог ожидать, чтобы какой-нибудь царь в царственный город торжественным шествием вступил на юном жребяти, рожденном от подъяремной ослицы? И если бы кто явился в таком виде с именем царя, – можно ли было думать, что его примут с искренним веселием и торжественными восклицаниями, а не с посмеянием или пренебрежением? Издревле цари победоносные шествовали на конях; мирные вельможи, по простоте древних обычаев, путешествовали, правда, на ослицах; но на осля, рожденное *от подъяремные,* то есть, от работной, носящей тяжести ослицы, и притом на осля юное, необученное, не отвыкшее от матери, царю воссесть свойственно ли, вероятно ли было? Как же пришло на мысль Захарии предсказывать торжественное шествие и сретение Царя, *воседшего на подъяремника и жребца юна*? Как могло исполниться такое предсказание? И то, и другое не могло быть иначе, как необыкновенным, от Бога устроенным образом. По сей необычайности предсказываемого действия, сам иудеи признают издревле доныне, что пророчество Захарии о кротком Царе относится к Мессии, или иначе ко Христу, хотя не узнают Его, бедные, в кротком Иисусе.

Но если в самом пророчестве Захарии уже можно усматривать необычайность события, им возвещаемого, то внимательное рассматривание самого события еще более может открыть чудесного и прямо Божественного.

Когда какому царю надлежит торжественно вступить в царственный город, торжественность сия составляется посредством предварительных распоряжений и приготовлений. Но ничего такого не находим у Господа нашего, до самого дня, почти до самого часа царского вшествия Его в Иеруса-

лим. Вчера Он вечерял в Вифании, где воскресил Лазаря; и при помазании ног Его миром говорил о предварительных распоряжениях не к воцарению, а к погребению Своему. Было там немало народа, но *не Иисуса ради токмо, но да и Лазаря видят* (Ин. 12:9). Сегодня поутру идет Он в Иерусалим, сопровождаемый учениками, так же, как и в другие дни. *Идяше преди,* пишет святой Лука, *восходя во Иерусалим* (Лк. 19:28). Нет никаких приготовлений. Никто не думает о Его воцарении. *Сих же не разумеша ученицы Его прежде* (Ин. 12:16). Внезапно сие начинается и вдруг совершается. *И бысть.* Не доходя до Вифсфагии, недалеко уже и от самого Иерусалима, дает Он неожиданное повеление: *и бысть, яко приближися в Вифсфагию и Вифанию, к горе нарицаемей Елеон, посла два ученик Своих, глаголя: идита в прямную весь: и в нюже входяща обрящета жребя привязано, на неже никтоже николиже от человек вседе* (Лк. 19: 29–30), — по другому евангелисту обстоятельнее: *осля привязано и жребя с ним* (Мф. 21:2). Примечайте внимательно, как поистине Божественно действует Божественный Царь наш. Он видит пророчество; видит близкую минуту, когда ему надлежит исполниться; но еще нет орудий к исполнению оного. Он взирает не телесным оком Своим, но Своим всеведением, и потребное тотчас обретается. *Абие обрящета осля привязано и жребя с ним.* Чудесно, как найдено сие орудие, но и то не менее чудесно, как оно взято. *Отрешивша, приведита Ми,* глаголет Он двум ученикам. Господи! — могли бы сказать посылаемые, — как можно сие сделать: отрешить чужое осля, неизвестным посланникам, и вести, куда не знает хозяин? Подлинно, сие могло затруднить апостолов; подлинно, видимая несбыточность повелеваемого могла сопровождаться непослушанием посылаемых, если в другом случае встреченное ими затруднение сопровождалось и бегством, и отречением от Господа; и тогда бы дело разрушилось и пророчество не исполнилось. Но и здесь Божественное ведение Царя нашего провидело готовность посылаемых, а Божественная власть Его над сердцами укрепила их против всякого сомнения. То же ведение провидело вопрос хозяина осляти: *почто отрешаета?* Та же власть над сердцами предварительно дала на сие с виду нимало не убедительный для незнакомого, но на самом деле непреоборимым оказавшийся ответ: *Господь требует* (Лк. 19:31). И посланные взяли и привели осля, не зная чье; и хозяин осляти отдал его, не зная, кому и на что. Между тем *народ мног,* не царски созванный, но *пришедый в праздник* (Ин. 12:12), не по гласу проповедника, но по славе воскресения Лазарева, исходит в сретение Иисусу; и, объятый внезапным восторгом, вместо приготовленных украшений постилает Ему ризы, вместо царских знамен и оружия вземлет ветви древесные; предшествует, последует, восклицает кроткому Царю, без всякой царской пышности несомому спокойно ослятем, которого никакая человеческая рука не приобучала до сей минуты ни к какому бремени. Как произошли все сии нечаянности? Поистине, сие

все бысть, *да сбудется реченное пророком.* Сбылось несбыточное, дабы ясно было видно, что действует Тот, у Которого *не изнеможет всяк глагол* (Лк. 1:37).

Изощрим взор – и увидим в самом событии новое пророчество еще более дивного события.

Вход Господень в Иерусалим не есть простое изъявление настоящего, но паче пророчество и предзнаменование будущего воцарения Его. Царство Его не есть сей Иерусалим, который вскоре разрушат, или земля Иудейская, которую вскоре опустошат и поработят, но Церковь, которой и *врата адова не одолеют* (Мф. 16:18). Осля и жребя, на котором Он восседает для царского Своего шествия, означают два рода людей, над которыми Он пришел духовно царствовать, – иудеев и язычников. Осля подъяремное есть образ иудеев, долго носивших на выях своих иго закона, *иго, егоже* – признается лучший из них – *ни отцы наша, ни мы возмогохом понести* (Деян. 15:10), и которое поэтому нужно было переменить на иго Христа благое и бремя Его легкое. Жребя необученное знаменует язычников, не укрощенных учением, не знающих закона. Апостолы беспрепятственно берут жребя и осля; то есть апостолы, несмотря на препятствия, покоряют Царствию Христову иудеев и язычников. Господь восседает на жребя; осля за ним последует; то есть сперва покоряются Царствию Христову большею частью язычники, а когда предопределенные из язычников войдут в полноту Церкви, тогда и оставшиеся иудеи обратятся и постигнут их. Необученное жребя благочинно несет на себе Царя; то есть невежественные и своевольные прежде язычники вскоре образуются учением и заповедями Христовыми. Ризы постилают Царю; то есть совершенные последователи Христовы все свое отдают Ему. Дети приемлют и славословят Царя, то есть сердца, детские по простоте и искренности, приемлют Христа верою, прославляют Его любовью.

О значении входа Господня в Иерусалим

Иннокентий Херсонский.
«Последние дни земной жизни Иисуса Христа»

Обозревая служение Иисуса Христа, припоминая, как Он поступал до сего времени, как тщательно уклонялся всех случаев, где усердие народа могло дойти до необдуманных действий в Его пользу; как часто самим последователям и ученикам Своим запрещал объявлять всенародно, что Он есть всеми ожидаемый Царь Израилев; как, наконец, постоянно отвергал всякую земную почесть, отдалял все поводы к той мысли, что Он имеет какие-либо виды на престол Своих праотцев по плоти; припоминая, говорю, все это и взирая на Иисуса Христа в продолжение настоящего дня, иной может подумать, что Им принят теперь как бы другой, противоположный образ действия, что Он намерен, сообразно всеобщим ожиданиям, действительно явить Себя видимым Царем Израиля и восстановить престол Давида, хотя

не в таком плотском виде, как то воображали многие из иудеев. Между тем Божественный Учитель истины оставался непреложно тем же, чем был прежде; и торжественный вход Его во Иерусалим совершен с полною уверенностью, что чрез несколько дней в сем же Иерусалиме Его осудят на смерть, предадут язычникам и пригвоздят ко кресту как величайшего преступника. Что же после сего была за цель столь необыкновенного поступка? Для чего допущено Богочеловеком, чтобы пред самым страданием и смертью воздан был Ему некий вид царственной почести, от коей Он так постоянно уклонялся во время Своего служения? Подобным снисхождением Его к патриотическому восторгу народа, искавшего видеть в Нем восстановителя престола Давидова, не могла ли даже питаться в народе мечтательная надежда земного царства Мессии, которую Он старался искоренять столь ревностно? Самым врагам Иисусовым не давалось ли чрез сие благовидного предлога обвинять Его в каких-либо земных замыслах? Вопросы сии, занимавшие еще святого Иоанна Златоуста, тем паче должны остановить на себе наше размышление, что вшествие Иисуса Христа в Иерусалим не раз подвергалось превратным толкам врагов христианства.

Евангелисты Матфей и Иоанн, повествуя о входе в Иерусалим, замечают, что событие сие последовало вследствие предсказания пророка о таковом вшествии во Иерусалим Мессии. Посему на вышеприведенные вопросы можно бы отвечать (как и отвечали некоторые), что Спаситель, Который еще Своему Предтече благоволил сказать, что Ему надобно *исполнить всякую правду*, и по воскресении ученикам Своим объявил, что на Нем надлежало исполниться всему, писанному о Нем Моисеем и пророками, восхотел исполнить и пророчество о входе Своем во Иерусалим, и притом буквально, дабы те из иудеев, кои знали и понимали сие пророчество (а такие были), не имели права сказать, что на Нем сего не исполнилось. Но таким ответом дело было бы решено только наполовину; потому что выражения евангелистов *да сбудется реченное пророком, да исполнится Писание* и прочие означают не причину события, а указание на пророчество о событии; так как и вообще Мессия имел сделать то или другое не потому, что пророки представляли Его поступающим таким или другим образом, а напротив, пророки изображали Его в том или другом виде потому, что Ему надлежало по другим причинам иметь сей, а не другой вид. Посему полного ответа на вопрос о цели торжественного вшествия Иисусова в Иерусалим должно искать не в предсказании, которое само зависело от события, а в существе и обстоятельствах самого события.

И действительно, обращая внимание на служение Иисуса Христа, и особенно на Его отношение к народу иудейскому, нетрудно приметить, что такое событие, как торжественное вшествие в Иерусалим, было нужно, и именно пред Его страданием.

Иисус Христос пришел на землю как Спаситель всего рода человеческого; но пришел яко Мессия, обещанный предварительно народу иудейскому и имеющий среди него явиться миру. Как обетованный Израилю Мессия, возвещен Он Пресвятой Деве Марии при самом Его зачатии, а при рождении – пастырям вифлеемским; как обетованный Израилю Мессия, указан Он Иоанну Крестителю, а Иоанном – народу; как обетованный Израилю Мессия, Он учил, творил чудеса, обличал, пророчествовал, и проч. Кто из иудеев был внимателен к учению Иисуса Христа и Его деяниям и судил беспристрастно – тот давно мог признать Его в своем сердце Мессиею, хотя бы и не слыхал торжественного объявления об Его достоинстве. Но для большей части народа требовалось, чтобы Он Сам всенародно объявил Себя Мессиею, предвозвещенным пророками; в народе господствовало даже мнение, что Мессия откроется хотя внезапно, но так торжественно, что о приходе Его узнают все иудеи во всех концах света. В сем ожидании, конечно, было не без мечтательности; но было нечто и совершенно справедливое, основанное на предсказаниях пророков и на самом существе дела; ибо явлению такого великого и необыкновенного лица, как Мессия, по необходимости надлежало прийти во всеобщую известность.

Но сего-то самого и не было еще сделано доселе. Иисус Христос не только не именовал Сам Себя прямо Мессиею, но часто даже ученикам Своим запрещал называть Себя пред народом этим именем, поступая в сем случае по плану Своей Божественной премудрости. Посему некоторые с истинным или притворным усердием говорили Ему громко: *Доколе души наши вземлеши?* (долго ли Тебе держать нас в недоумении?) *Аще Ты еси Христос, рцы нам не обинуяся* (скажи нам прямо). Для удовлетворения всем сим нуждам, для отклонения всех недоумений Сыну Человеческому надлежало явиться дщери Сионовой в полном виде Царя кроткого, дабы она, отвергнув в Нем Жениха своего, не могла сказать, что отвергла Его по неведению. И вот в сем-то самом и состояла главная цель настоящего торжественного входа Иисусова в Иерусалим! Это было для всех иудеев всенародным объявлением, что Иисус Христос есть их истинный Мессия. Неоспоримым доказательством сего служат собственные слова Его, произнесенные Им пред вратами Иерусалима: «О, если бы ты хотя в сей день твой уразумел, что служит к спасению твоему!» Выражение *день сей твой* показывает чрезвычайную важность настоящего события для народа иудейского, ту важность, которую мы сейчас усвоили ему. Действительно, *днем сим* с отвержением Мессии навсегда была решена судьба народа Израильского. В таком случае подлинно, если бы ученики умолкли, то заговорили бы самые камни. Так время было важно и невознаградимо!

Нетрудно усмотреть, почему такому всенародному объявлению, что Иисус Христос есть Мессия, надлежало последовать не прежде, как при

самом конце Его служения. Непременным следствием его со стороны синедриона имело быть если не принятие за Мессию, то решительное преследование Иисуса Христа и Его смерть; но смерть прежде сего была бы безвременна, потому что еще не было положено прочное основание Царству Божию на земле, для учреждения коего сошел на землю Сын Божий. С другой стороны, если бы Иисус Христос, объявив Себя Мессиею, и следовательно, по понятиям народа Царем Израиля, оставался на земле долее, то народ иудейский, вероятно, не удержался бы от беспокойных движений и произвел бы во имя пришедшего Мессии восстание против Рима. Теперь краткость времени, протекшего до страданий Иисуса Христа, не позволила мечтательности народной дойти до подобной крайности, а крест Его решительно полагал конец в последователях Его всем подобного рода замыслам. Независимо от сего, нельзя не приметить, что для входа во Иерусалим избран был, и, конечно, не без особенного намерения, тот самый день (10 марта), в который в каждом семействе избирали агнца, имевшего служить Пасхою. Кто видел в агнце пасхальном не один припоминательный знак прошедшего благодеяния Божия, оказанного праотцам иудеев в Египте, но и прообразование великого Агнца Божия, имевшего прийти для искупления грехов всего мира (а такие люди были), — для того такое совпадение времени долженствовало быть весьма поучительно. В самом деле, после Своего входа во Иерусалим, остальные дни до Своей смерти Иисус Христос обращался между народом не иначе, как жертва, видимо обреченная на заклание: дни сии проведены были и Им Самим, и врагами Его именно в приготовлении к Его смерти.

Что касается до самого образа вшествия во Иерусалим и его подробностей, то в сем отношении явно поступлено в сообразность древнему пророчеству, и поступлено с величайшею мудростию. Несмотря на некоторую, по сей причине, неизбежную торжественность, все было предусмотрено так, чтобы исполнение пророчества не послужило пищею для народной мечтательности о земном царстве Мессии. Между почитателями Иисуса Христа было немало людей важных и богатых, которые по одному слову Его могли бы доставить Ему всё нужное для того, чтобы явиться дщери Сионовой в величии Царя Израилева. Но Он не делает сего; является всему Иерусалиму с обычною для Него простотою, смирением, даже убожеством. Его именуют Царем Израилевым; Ему поют: *осанна*; пред Ним сыплют ветви, постилают одежды, — почести, выражающие величайшую любовь, искренность и силу усердия, но где торжественная колесница? Где вооруженные слуги? Где царские украшения? Все это заменено двенадцатью учениками, столь же убогими, как и Учитель, ослицею и осленком, взятыми на время у других!.. Самый последний из владельцев никогда не являлся в такой простоте и убожестве, как теперь — Иисус! Все, чем украшался вход Его, состояло из

непритворной радости и усердия народа и учеников Его, так что внимательный наблюдатель уже теперь мог видеть ту святую истину, изреченную впоследствии пред Пилатом, что Царство Иисуса Христа не от мира сего.

Посему, вслед за отцами Церкви, можно сказать о сем торжественном входе еще гораздо более, а именно, что целью его было между прочим и намерение, одушевлявшее все поступки Иисуса, — уничтожить в уме Своих соотечественников мечту о земном царстве Мессии. В самом деле, мнимым основанием сей мечты служили преимущественно те места у пророков, где Мессия описывается как Царь. Иисус Христос всенародно показал теперь, как можно быть Царем-Мессией, описанным пророками, и в то же время быть совершенно чуждым земного владычества. После сего нет никакого места той ложной мысли, которая сделалась впоследствии времени так всеобщею между иудеями: то есть что пророчества о Мессии, по их резкой противоположности, не иначе можно согласить, как допустить двух Мессий: одного сильного — Царя, Сына Давидова; другого — бесславного, страждущего и умирающего, от колена Ефремова. Иисус Христос с нравственно-духовным величием Своим, со Своим страданием и смертию совместил в Себе в сем случае то, что в предсказаниях пророков о Мессии казалось земным, частным и местным, именно, чувственное явление всему народу Израильскому в виде Царя, едущего на молодом осле, и принятие от Иерусалима всенародных почестей в качестве Сына Давидова.

Если бы, приметим еще, в торжественном вшествии Иисуса Христа в Иерусалим заключалось что-либо противное существовавшему тогда гражданскому порядку вещей, что-либо неблагоприятное для тогдашнего римского правительства, то возможно ли, чтобы римская стража, всегда строгая, а особенно усугублявшая свою бдительность во время праздников, не обратила никакого внимания на это шествие? Но подобного внимания нисколько не обращено. Возможно ли, чтобы сие событие осталось в совершенной неизвестности для игемона иудейского, человека подозрительного и весьма строгого, который для поддержания римского самовластия охотно употреблял огонь и железо при самых неважных подозрениях? Но Пилат, как из всего видно, нисколько не знал или не заботился о сем событии. Не очевидно ли после сего, что, по мнению самой римской стражи и начальства — свидетельство, сильнее коего и нельзя желать, — вшествие Иисуса Христа в Иерусалим не только не заключало в себе ничего несовместимого с видами римлян, с выгодами кесаря, но и не выходило из обыкновенного порядка вещей?

Обратимся, наконец, к самим врагам Иисусовым: кто сильнее их мог клеветать на Него? И кто готовее был на клеветы против Него всякого рода? Однако при всей злобе своей они не осмелились поставить Ему в вину входа Его в Иерусалим ни в синедрионе, ни пред Пилатом: так дело сие было чисто, невинно, свято.

Торжественный вход Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим (Ин. 12: 12–19; Мф. 21: 1–11; 14–17; Мк. 11: 1–11; Лк. 19: 29–44)

Свящ. М. Некрасов. «Душеполезное чтение», 1875

Прежде шести дний Пасхи прииде Иисус в Вифанию. Так, святой евангелист Иоанн начинает свой рассказ о входе Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим. На этот раз Господь пришел сюда из небольшого городка Ефраима, лежавшего на краю дикой и страшной пустыни Сорокадневной. В ней три с половиною года назад Он приготовлял Себя сорокадневным постом к великому служению на спасение рода человеческого: в эти же места Господь Иисус по воскрешении Лазаря удалился на короткое время до наступления Своих страданий, для приготовления к ним. Укрепив Себя молитвенною беседою к Богу Отцу, Он шел из Ефраима в Иерусалим, как Агнец, на заклание ведомый. По пути Он зашел в Вифанию к друзьям Своим, которые приготовили для Него вечерю.

Весть о пришествии Спасителя всегда предваряла Его. Посему, как только стало известно, что Он в Вифании, толпы людей устремились туда; люди, видевшие Лазаря воскресшего, пожелали видеть Воскресителя; не видавшие Лазаря тем сильнее пожелали видеть и Лазаря, и Иисуса. Как бы удовлетворяя общему желанию, Спаситель на другой день пошел в Иерусалим. Многочисленные толпы, пришедшие в Вифанию, сопровождали Его; многочисленные толпы, не успевшие прежде прийти в Вифанию, шли Ему навстречу; у всех было одно желание – видеть Иисуса, пророка из Галилеи, Воскресителя Лазаря. Но здесь произошло то, что обыкновенно бывает, когда множество народа собирается в одно место, чтобы видеть что-нибудь, – почти никто, или только немногие видят. За множеством народа Господь был виден только шедшим подле Него. Это весьма естественное препятствие еще более усиливает и без того горячее желание видеть Его. Но вот Он останавливается; бесчисленные толпы группируются около Него; у всех один вопрос: что там такое? Что Он делает? Не творит ли Он чуда? Не говорит ли речи?

В самом деле, там происходило что-то не совсем обыкновенное: известно, что Иисус Христос всегда ходил пешком, а между тем Он посылает теперь двух учеников в близлежащее селение за ослом с явным намерением не идти, а ехать в Иерусалим, и это тогда, когда до Иерусалима было так близко, всего каких-нибудь версты полторы.

«Пойдите, говорил Он двум ученикам, в противолежащее селение; вошедши в него, найдете молодого осла, привязанного, на которого никто из людей никогда не садился; отвяжите его и приведите. И если кто спро-

сит вас: зачем отвязываете? – скажите ему так: он надобен Господу. Посланные пошли и нашли, как Он сказал. Когда же отвязывали молодого осла, хозяева его сказали им: зачем отвязываете осленка? Они отвечали: он надобен Господу. И приведи его к Иисусу и, накинув одежды свои на осленка, посадили на него Иисуса» (Лк. 19: 30–35). Здесь не знаешь, чему более удивляться, всеведению ли Господа, обнимающему все не только великое, но и малое, или покорности учеников и послушанию хозяина осла; одни беспрекословно идут исполнять поручение, если и не невозможное, если и не опасное, то во всяком случае странное; а другой по одному слову: *он надобен Господу*, – отдает неизвестным людям для неизвестной цели, быть может, все свое состояние. Не образ ли это истинного последователя Христова, который должен оставить все, чтобы следовать за Господом?

Когда бесчисленные толпы, так горячо желавшие видеть Иисуса, увидали Его, крик восторга невольно вырвался из груди тьмочисленного народа: *Осанна! осанна! благословен грядый во имя Господа! Осанна в вышних!* (то есть да спасет, или да сохранит тебя Всевышний). В жару усиливавшегося все более и более восторга многие снимали с себя одежду и постилали по дороге, по которой ехал Спаситель, другие резали финиковые ветви и, потрясая ими в воздухе, с восторгом восклицали: *Осанна!* Шествие приняло торжественный, царский вид. Так действительно на Востоке встречали царей; так не особенно давно иудеи встречали Симона вождя *с хвалением и ваиями* (1 Макк. 13:51); так персы устилали миртами дорогу Ксерксу при переходе его в Европу... Посему нет ничего удивительного, что те, которые видели в Иисусе Мессию, думали, что теперь-то настал час, когда Он откроет царство в Иерусалиме, что Он затем туда и идет, чтобы сесть на престоле Давидовом и судить языки... Восторг их не знал границ; им уже чудилось, как пред возлюбленным Мессиею склоняются и цари, и царства, и сами они занимают видные места в Его царстве. Другие, хотя и не признавали в лице Иисуса Мессию, тем не менее видели в Нем великого пророка; они рады были сему случаю, чтобы выразить Ему свое уважение и свою благодарность за то добро, которого так много сделал Иисус из Назарета. Наконец, третьи (таких, конечно, была большая часть) были увлечены общею радостью, общим восторгом: они радовались, торжествовали, громко кричали *осанна*, сами не давая себе отчета в этом. Но то несомненно, что все радовались, радовались искренно, чистосердечно. Увы! Это была последняя радость Израиля! После того в истории этого благословенного некогда народа мы слышим только стон и плач: этот стон, этот плач вот уже около двух тысяч лет раздается, а скоро ли он кончится?!

По всему было видно, что такое радостное, торжественное настроение нравится Сыну Человеческому. Он, не отказавшийся торжествовать скромное брачное торжество в Кане, не мог не радоваться при виде этой

всенародной радости. Были, однако, люди, которым не нравилось это торжество. Смотрите, вот приближаются к нашему Спасителю некоторые люди; они очень озабочены, на лице их тревога, не то испуг, не то досада. Кто они? Что им надо? Богатая одежда показывает, что они не принадлежат к простому классу народа. Вот они подле Самого Спасителя. Смотрите, какие на них большие хранилища, какие длинные воскрилия! Это давнишние враги нашего Спасителя, это фарисеи. Удивительное постоянство! Как тень за телом, так они всюду за Иисусом: нигде не оставляют Его в покое, всюду следят за Ним. Послушаем, что-то они скажут Господу.

Учитель! — говорят они, — вели им замолчать, *запрети ученикам Своим.* Видите ли, они заботятся об участи своего народа! Кому неизвестны эти народолюбцы? «Смотри, торжество становится слишком шумным, как бы на него не обратили римляне внимания». Так под личиною любви к отечеству скрывают они свою злобу. *Запрети ученикам Своим.* Но разве одни ученики ликуют? Торжествует весь народ; из уст всех слышится: *Осанна!* Что нужды? Фарисеям хочется унизить торжество Господа в своих и Его глазах. «Ведь все это дело затеял небольшой кружок Твоих учеников, а за них достанется всему народу». Так тешится бессильная злоба! Что же ответил Спаситель? *Если они умолкнут, то камни возопиют,* то есть что это событие предвидено и предназначено Промыслом Божиим, что посему никакие усилия человеческие не могут отвратить его; что достоинство Мессии Он так ясно доказал Своими делами, что никакая злоба не может затмить его. Фарисеи, отличные знатоки Священного Писания, в чем нужно отдать им справедливость, не могли при этом не вспомнить замечательного пророчества Захарии: *Скажите дщери Сионовой: се Царь грядет к тебе, кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9:9). Пророчества сего они никогда, ни прежде, ни после не относили к другому лицу, кроме Мессии. И потому они принуждены были замолчать, затаив злобу.

Появление злобных фарисеев среди ликующего народа было темным облаком на светлом и ясном небе. Оно не могло не пробудить скорбных чувствований, печальных мыслей в Сыне Человеческом. Между тем шествие приблизилось к спуску с горы Елеонской. Пред глазами народа открылся весь Иерусалим, тот Иерусалим, при мысли о котором трепетало и теперь еще трепещет сердце иудея, Иерусалим, которого никогда не забывал и не забывает иудей даже до настоящего времени, Иерусалим, град священный, град Царя Небесного, столь любезный, столь дорогой для иудея, что он клялся им как особенною святынею. «Если забуду тебя, Иерусалим, — говорили иудеи, — забудь меня, десница моя». Поэтому что удивительного, если теперь при виде Иерусалима народная радость достигла высшей степени, и торжественное *осанна!* в виду священного города еще громче раздавалось из уст тех израильтян, которые в лице Иисуса

Христа видели Мессию? «Итак, вот вожделеннейший момент, которого они с таким нетерпением ожидали, о котором так горячо молились! Восстани же, Иерусалиме! Подними главу твою, дщи Сионя! Светися, светися, Иерусалим! Ликуй ныне и веселися, Сион! Се Царь твой грядет! Падет гордая претория! И от востока, и запада, и севера, и юга приидут и поклонятся тебе языцы! Такие, конечно, мысли и чувства волновали их сердце, и от избытка сердца уста немолчно восклицали: *осанна*.

Но в противоположность радостному чувству народа, наш Спаситель был преисполнен скорби, и скорбь Его была так велика, что, не вмещаясь в сердце, выразилась в обильных слезах. Спаситель плакал. Ах! Мог ли не плакать Тот, Кто пришел спасти погибшее? Пред Ним Иерусалим, тот Иерусалим, о котором Он прежде сказал: *Невозможно есть погибнути пророку кроме Иерусалима* (Лк. 13:33). Итак, вот это гнездо фарисеев, избивших пророков и камнем побивших посланных к ним! Вот храм, но это уже не дом молитвы, а вертеп разбойников! Вот дома первосвященников, где так безнаказанно осудят Его, и поругаются Ему, и осмеют, и оплюют Его! Вот претория Пилата, где, признавши Его невинным, предадут на бичевание и затем на распятие! Вот те улицы, где Он падет под тяжестью креста! А вот, наконец, за городом виднеется ужасная Голгофа с своим великим крестом! Но не собственная участь занимает нашего Господа. Не о Себе Он плачет, а о Иерусалиме и детях его. О, если бы эти безмерные страдания послужили во спасение всем людям, и первее иудеям, сродникам Его по плоти! Но этого не будет! Пред Сердцеведцем будущее, как настоящее: Он знает, что вместо настоящего *осанна!* — этот же самый народ неистово будет кричать: *Распни, распни Его!* Он видит, как этот некогда возлюбленный народ отвергается Богом, как римские войска осаждают этот самый, ликующий теперь Иерусалим, как рушатся стены города; горит храм, сотни тысяч иудеев избиваются мечом, другие сотни тысяч отводятся в плен в рудники, и весь Израиль, как пыль ветром, рассевается по лицу вселенной и становится притчей и поношением для всех народов, — видит, и слезы невольно катятся из Божественных очей Его! Увы! Печальна участь христоубийственного народа на сей земле. Что же ждет его на Страшном Суде? Но и этого мало. Взорам Его представляется будущая история Церкви Его. Ах, сколько и там печального! Сколько христиан своим поведением бесчестят Его святое имя! Сколько христиан своими делами вторично распинают Сына Божия! Как часто честолюбие первосвященников и книжников раздирает Церковь Христову! Как часто гордость Пилатов попирает все святое на земле! Мог ли при сем не плакать Тот, Кто пришел пострадать и умереть за спасение рода человеческого?

Проникнутый до глубины души грядущими бедствиями, долженствующими разразиться первее всего над Иерусалимом, Спаситель воскликнул:

«О, если бы ты хотя в этот день, благоприятствующий тебе, понял, что служит к благосостоянию твоему! Но это скрыто от очей твоих! И вот, придут на тебя дни, когда враги твои поднимут насыпь против тебя, окружат тебя, стеснят тебя со всех сторон, разорят тебя до основания, побьют детей твоих среди тебя и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени, в которое так чудно посетил тебя Бог»! Увы! На этом самом месте, где Спаситель произносил эти слова, чрез 38 лет после сего римляне построили окопы и со всех сторон окружили Иерусалим высоким валом, так что нельзя было ни войти в него, ни выйти из него.

Между тем шествие приблизилось к Иерусалиму. Тогда, по выражению евангелиста Матфея, *потрясеся весь град.* Оставшиеся в Иерусалиме с недоумением спрашивали: кто это? В честь кого устроено это торжество? Это Иисус, отвечали им, Пророк, Иже от Назарета Галилейского. И сопровождаемый бесчисленным множеством народа Иисус вошел в храм, как Господь храма. Здесь тотчас приступили к Нему слепые и хромые. На этот раз их особенно было много; в надежде получить большую милостыню от усердия богомольцев, эти несчастные сходились в Иерусалим на праздники большими толпами; и всем им преподал Спаситель исцеление. Эти чудеса не могли не усилить восторга сопровождавших и встречавших Господа. Но когда дети стали повторять во храме восклицания, слышанные ими на пути от отцов, и начали взывать: *Осанна Сыну Давидову!* — первосвященники и книжники закипели негодованием и сказали Ему: «Слышишь, что они говорят?» Иисус Христос отвечал: «Да! а разве вы не читали: *в устах юных и грудных детей Ты приготовил Мне хвалебную песнь?*»

Поразительно было продолжение этих слов в псалме Давидовом; далее следовало: *Вопреки враждующим против Тебя, дабы сделать безмолвными врага и мятежника.* Книжники не могли не припомнить про себя этих слов, и они связали им уста.

Иисус Христос как Господь храма осмотрел все во храме. Но как время было уже позднее, то Он оставил храм и с двенадцатью учениками пошел из города в Вифанию, чтобы провести там ночь.

Какой смысл соединяли иудеи с восклицанием: *осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне,* — и какое значение имеет оно в наших церковных службах

«Душеполезное чтение», 1860

Сим торжественным восклицанием иудеи приветствовали Спасителя при вступлении Его в Иерусалим, незадолго до крестной смерти Его. Воспоминанию этого события Святая Церковь посвятила особое празднество в

так называемое Вербное воскресенье. В церковной службе на сей праздник, равно как и на Лазареву субботу, многократно повторяется восклицание: *осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне.* То же восклицание входит в состав песнопения, которое поется каждый раз на литургии вслед за возгласом священнодействующего об ангелах, поющих, вопиющих, взывающих и глаголющих победную песнь. Но чем многократнее и чаще повторяется означенное восклицание в церковных службах, тем нужнее знать, в каком смысле оно употреблено иудеями и употребляется в церковных службах.

Прежде всего надобно заметить, что приветственные слова: *осанна в вышних...* – читаются в 117 псалме, воспевающем торжество победы над врагами. Виновник торжества, по изображению псалма, шествует с поля брани во храм для принесения благодарственной жертвы Господу, даровавшему победу над врагами. Народ и священники с восторгом встречают грядущего во храм, шумными кликами выражают благожелания ему и призывают на него благословение Божие: *осанна в вышних,* то есть: да благопоспешит ему Всевышний, *благословен грядый во имя Господне,* то есть: как теперь по благословению Божию получил успех в борьбе со врагами, так и впредь да будет во всех намерениях и предприятиях благословен шествующий в храм Господа для воздания Его святому имени славы и чести.

Трудно с точностью определить, какой именно победитель врагов избранного народа изображается в псалме, но кто бы он ни был, нет сомнения, что под образом его представляется Христос, победитель врагов всего человеческого рода: греха, смерти и диавола; ибо некоторые стихи сего псалма Сам Он прилагает к Себе. Знали и иудеи, что псалом относится к Мессии; по свидетельству блаженного Иеронима, они употребляли его наряду с теми молитвами, в которых просили Бога о пришествии Мессии. Но если бы и не знали о таком значении псалма иудеи, современные Спасителю, то пальмовые ветви, с какими они встретили Его при входе в Иерусалим, могли привести им на память стихи псалма, потому что псалом хорошо был известен им; он воспеваем был всеми в праздник кущей, в продолжение которого народ носил в руках древесные ветви. Пред вступлением Спасителя в Иерусалим возбуждено было всеобщее к Нему внимание чудом воскрешения Лазаря. Враги Спасителя принимали меры, чтобы погубить Его и чрез то предотвратить взрыв народного усердия к Нему. Но, несмотря на козни врагов, оно обнаружилось самым торжественным образом. Народ устроил царскую встречу Спасителю, входящему в Иерусалим. Смиренное вступление Господа в Иерусалим истолковано было иудеями (за исключением немногих истинно веровавших в Него) согласно с их мечтами о Христе как земном могущественном царе. Им казалось, что наступила минута освобождения их отечества от власти римлян, что всту-

пающий в Иерусалим Спаситель восстановит престол Давидов, покорит их власти все другие народы и вознесет их на высшую степень земного могущества и славы. На самое чудо воскрешения Лазаря они взирали как на залог предстоящих Иисусу Христу успехов в устроении земного царства, и этих одних успехов они желали Ему и ожидали от Него. *Осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне,* — вопияли они Ему, выражая это именно желание и ожидание, то есть да поможет Тебе Всевышний совершить благополучно переворот в земной судьбе иудейского народа, восстановить царство Давидово. Что именно такое, а не другое значение имело в устах иудеев приветственное восклицание *осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне,* — это ясно видно из других восклицаний, какие они присоединяли к сему восклицанию. Благословенно во имя Господа наступающее царство отца нашего Давида (Мк. 11:10). Благословен Царь, грядущий во имя Господне (Лк. 19:38). Благословен приходящий во имя Господне Царь Израилев (Ин. 12:13). *Осанна* (да поможет Господь) *Сыну Давидову* (Мф. 21:9).

Слыша такие восклицания, Спаситель не мог не сожалеть, что иудеи возлагают на Него несбыточные, не соответствующие цели Его пришествия на землю надежды. Вступая в Иерусалим, Он совершенно чужд был намерений, свойственных царю земному, царю-завоевателю, каким иудеи хотели видеть Мессию. Сами иудеи, если бы отложили предвзятые понятия и мечты, легко могли бы заметить, что подобных намерений не было у Иисуса Христа. Воинственному царю надлежало бы совершить въезд в Иерусалим на коне, животном, употреблявшемся на войне, а не на таком животном, на котором имели обычай ездить лица, отправлявшие мирные гражданские должности, (на осле) и на котором по самому пророчеству Захарии, без сомнения известному иудеям, должен был предстать пред ними Мессия в образе Царя кроткого, невоинственного. Горько было Спасителю, что иудеи, торжественно встречая Его, ожидали от Него того, чего Он не мог и не хотел сделать для них. Самые почести, оказанные Ему при сем случае, не радовали Его. Когда в сопровождении ликующего народа стал Он спускаться с горы Елеонской к городу, Он не мог удержаться от слез, взглянув на него. Душа Его возмутилась при мысли о несчастной судьбе, ожидающей этот город и всю страну за то, что иудеи отринут своего Мессию, не захотят принять от Него то, что Ему надлежало и что Он готов был сделать для их блага. «О, если бы ты (Иерусалим), — говорил Он со слезами, — хотя бы в сей день твой узнал то, что служит к благосостоянию твоему! Но сие сокрыто от очей твоих».

Но, сожалея об ослеплении Своего народа, о несбыточных мечтах и ожиданиях, с какими он взирал на Него в эти минуты, Спаситель не уклонился от почестей, какими сопровождаемо было Его вшествие в Иерусалим. Напрасно некоторые из фарисеев предлагали Ему унять восторг наро-

да. Он отвечал им: «Я вам сказываю: если они замолчат, то камни возопиют» (Лк. 19:40). Когда Он вступил в храм и дети стали взывать Ему: *осанна Сыну Давидову!* – враги Спасителя снова выразили Ему свое недовольство и негодование на эти почести, но Он сказал: «Разве вы не читали: в устах юных и грудных детей Ты приготовил Мне хвалебную песнь»? (Мф. 21:16.) Зачем, спрашивается, Спаситель принимал царские почести и торжественные в честь Его восклицания от народа, когда смысл, какой соединяем был народом с этими восклицаниями, не мог быть Ему приятен? Спаситель хотел внушить всем и каждому, что Он действительно есть Царь, но Царь не земной, что Он действительно пришел основать Царство, но Царство не от мира сего (Ин. 18:36), что Он есть Царь духовный и пришел водворить на земле, доселе бывшей под владычеством греха и проклятия, Царство правды, мира и радости о Дусе Святе, иначе говоря, Царство благодати. Таким образом, торжественное событие входа Господа Иисуса Христа в Иерусалим было знаменательно собственно в духовном отношении, именно означало духовную власть, какую Спаситель долженствовал восприять над миром после крестных страданий и смерти Своей. Вот почему это событие празднуется Святою Церковию с такою торжественностью. Вот почему Святая Церковь в своих службах научает нас многократно повторять в честь Спасителя те же радостные восклицания, какими иудеи приветствовали Его! Но само собою разумеется, что наша радость при воспоминании сего события должна быть отлична от радости иудеев, какую они выражали во время самого события. Само собою понятно, что восклицания *осанна в вышних* должны иметь в устах наших свой особый смысл, совершенно отличный от того, какой они имели в устах иудеев. В чем же состоит сие отличие?

Иудеи восклицанием *осанна* приветствовали Спасителя как имевшего, по их мнению, основать земное царство; мы сим восклицанием приветствуем Его как Царя духовного, владычество Коего открывается собственно в душах верующих во имя Его. Иудеи приветствовали в лице Христа будущего победителя врагов избранного народа и всемирного завоевателя, видя залог Его будущих успехов в чуде воскрешения Лазаря; напротив, мы, яко победителю смерти и ада, вопием Ему *осанна*, и в воскрешении Лазаря видим залог общего воскресения. Иудеи восклицанием *осанна* испрашивали Христу помощи Всевышнего для одоления предстоящих Ему трудностей всемирного завоевания и устроения земного царства; напротив, мы, зная, что вход Спасителя в Иерусалим был шествием Его на вольные страдания и смерть ради нашего спасения, приветствием *осанна* выражаем молитвенное желание пред Богом Отцем, да будут сии страдания и смерть благопоспешны и спасительны для нас, да не лишит Он нас участия в плодах искупления, да омоет наши грехи Кровию Единородного Сына Своего и да сподобит нас достигнуть вечного блаженства. Подобное сему

значение имеет *осанна* и в литургии; так как в той части литургии, где употребляется это восклицание, содержится действенное воспоминание страданий и смерти Спасителя. В сем случае мы как бы так взываем: Боже Отче! Возлюбленный Сын Твой, единожды принесши Себя в жертву за грехи наши на крестном жертвеннике, благоволит доселе являться на алтарях христианских в качестве бескровной жертвы. Да будет сия жертва, пред которою мы возносим свои молитвы, угодна пред Тобою, благопоспеши ей, Всевышний, быть благоплодною для душ наших, *осанна в вышних*.

Почему иерусалимские отроки в знании веры оказались более успевшими, нежели первосвященники и ученые?

Из Беседы на освящение храма святителя Стефана Пермского

Видевше же архиерее и книжницы чудеса, яже сотвори, и отроки зовуща в церкви и глаголюща: осанна Сыну Давидову, негодоваша (Мф. 21:15).

Какое это странное явление в Иерусалимском храме! Христос Царь кроткий и спасающий, входит во храм, творит благодетельные чудеса, дает хромым хождение, слепым прозрение – и на это негодуют. Отроки благоговейно приветствуют Его: *осанна сыну Давидову* – и на это негодуют. И кто же? Архиереи и книжники, люди, которые, конечно, удобнее детей могли узнать Христа и лучше их рассудить, какого благоговения и прославления Он достоин.

Как могла произойти эта нечаянность, что иерусалимские отроки оказались в знании веры более успевшими, нежели первосвященники и ученые? Мысль о Христе и ожидание пришествия Его пред временем сего пришествия весьма распространены были не только между православными в Церкви ветхозаветной, но даже и между неправославными. С уверенностью говорит самарянка: *Вем, яко Мессия приидете глаголемый Христос: егда Той приидет, возвестит нам вся* (Ин. 4:25). И примечательно, что у нее видно понятие о Христе не так грубое, как у многих плотских иудеев: она не представляет Его земным царем и завоевателем, а совершеннейшим руководителем к истинному богопознанию и богопочтению. Если самарянка неправославная, имевшая, как обличал ее Господь, пять мужей и еще шестого без имени законного мужа, – если женщина, которой тем менее удобно было снискивать духовную мудрость, чем более она предана была чувственности, знала, однако, о Христе так немало, – то не более ли знания о Нем предполагать должно в современных ей православных иудеях, не омраченных преобладающими страстями и пороками? Итак, иерусалимские отроки могли в Иерусалиме от добрых отцов и матерей слышать то же самое, что говорила на кладезе Иаковлевом самарянка: *Мессия приидет, глаголемый Хри-*

стос — возвестит нам вся. И когда они услышали еще, что явился Иисус, Который возвещает Царствие Божие и тайны Божии, хотя не без притчей, указует пути к блаженству, призывает к покаянию и прощает грехи, требует веры и над верующими творит спасительные чудеса, исцеляет неизлечимых, изгоняет злых духов, воскрешает мертвых и тем являет в Себе силу Божескую; тогда и детского, недозрелого разума при неомраченном страстями сердце достаточно было, чтобы ожидаемого, дотоле неизвестного Христа узнать в лице Иисуса. Когда же они услышали, что Иисус грядет в Иерусалим, увидели путь к Иерусалиму и улицы Иерусалима полными народом, сретающим и сопровождающим Его с торжественными восклицаниями; тогда, чтобы удобнее принять участие в торжестве, они устремились во храм, еще не занятый народом, и здесь, устроясь в особый детский собор и лик, возгласили входящему во храм Господу: *Осанна Сыну Давидову!* Может быть, и некоторые от князей, которые *вероваша в Него, но фарисей ради не исповедаху, да не из сонмищ изгнаны будут* (Ин. 12:42), отеческою властью послали в сей собор своих детей, чтобы хотя чрез них облегчить свою совесть исповеданием Христа с меньшею опасностью от фарисеев, от строгости которых сих исповедников защищал их детский возраст.

Мысли свт. Феофана на плач Иисуса Христа в Иерусалиме (Лк. 19: 38–41)

Народ взывает: *осанна!* — а Господь плачет. Не совершается ли нечто подобное и при наших торжествах церковных? Тогда видимость была торжественна; но Господь смотрел на то, что было в душах невидимо, и видел его достойным плача. И у нас видимость на праздниках всегда празднественна; но таково ли бывает внутреннее всех настроение? Иной не понимает совсем силы и значения праздников; иной чутьем темно ощущает нечто и ясно ничего не видит; и мало кто и видит, и чувствует, и располагается достойно празднеству. Жертв праздники наши берут много, но сколько из них отделяется Господу и братиям? Или ничего, или самая незначительная малость, все почти берет чрево и суетность. От Господа укрыться это не может, и не дивно, если Он, говоря по-человечески, плачет, когда мы издаем торжественные возгласы. Таковы-то искупленные, оправданные, усыновленные!.. Дали обет, приняли обязательство — духом ходить и похотей плотских не совершать, а тут у них что идет? Сыны Царствия хуже последних рабов!..

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПОВЕСТВОВАНИЮ О ВХОДЕ ИИСУСА ХРИСТА В ИЕРУСАЛИМ (МФ. 21: 1–17 И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ)

Святоотеческие толкования

1) *Св. Епифаний Кипрский.* Беседа в неделю Ваий. «Воскресное чтение», 1815.

2) *Св. Амвросий Медиоланский.* Слово в неделю Ваий. «Воскресное чтение», 1809.

3) Лк. 19: 42–47. *Св. Григорий Двоеслов.* О бедствиях Иерусалима, предсказанных ему Спасителем. Бес. на Ев. в перев. Климента.

Новейшие толкования в духовных журналах

4) Торжественный вход Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим (объяснение ученикам воскресных школ). «Воскресное чтение», 1828.

5) Царственный вход Иисуса Христа в Иерусалим. «Воскресное чтение», 1885, 1810.

6) *Ф. Надеждин.* Вшествие Господне в Иерусалим. «Духовная беседа», 1859.

7) Вход Иисуса Христа в Иерусалим. «Духовная беседа», 1862.

8) Вход Спасителя в Иерусалим. «Христианское чтение», 1852.

9) Ст. 1. *Виффагий.* Библ. полн. сл. «Воскресное чтение», 1874.

10) Ст. 12. Меновщики. Библ. полн. сл. «Воскресное чтение», 1876.

11) Ст. 9–15. Осанна. Библ. полн. сл. 1874.

12) Мк. 11:1. Вифания. Б. п. сл. «Воскресное чтение», 1874.

13) Лк. 19: 42–44. Плач Господа нашего Иисуса Христа об Иерусалиме. «Воскресное чтение», 1814.

14) Ст. 42. *Голубинский.* Ложная свобода. «Воскресное чтение», 1872.

15) Ст. 43–44. Суды Божии над Иерусалимом и иудеями. «Воскресное чтение», 1804.

16) Размышление в неделю Ваий. «Воскресное чтение», 1886.

17) Ин. 12: 1–8. *Гречулевич.* Евангельские жены, помазавшие Христа Спасителя миром. «Странник», 1868.

В Словах и Беседах

18) Мф. 21:10. *Исидор, митр. Новгородский.* О духовной слепоте и непостоянстве человека.

19) Лк. 19:41. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О причине слез Спасителя при входе в Иерусалим. Слово в нед. 6 Великого поста.

20) *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* О том, что исторгает у Господа слезы и превращает для Него день всеобщей радости в день скорби и сетования, и о днях особенного посещения Божия в жизни каждого человека.

21) *Павел, архиеп. Кишиневский.* Чем объяснить, что немного спустя после торжественной встречи, какую устроил иудейский народ Иисусу Христу, этот же самый, по-видимому, народ требует Его на смерть? Что означало постилание иудеями одежд и бросание пальмовых ветвей?

22) *Макарий, еп. Тамбовский.* О плаче Иисуса Христа при входе в Иерусалим.

23) *Григорий, архиеп. Казанский.* О цели нашего бытия на земле.

24) Ин. 12: 12–19. *Никанор, архиеп. Херсонский.* О торжественном входе Иисуса Христа в Иерусалим в связи с воскресением Лазаря (рассказ).

От ПОНЕДЕЛЬНИКА до вечера среды

Проклятие смоковницы (Мк. 11: 12–14; Мф. 21: 18–19)

На другой день поутру Иисус Христос пошел с учениками из Вифании в город и взалкал. И, увидев издалека близ дороги одну смоковницу покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, пришедши к ней, ничего не нашел на ней, кроме одних листьев, хотя, судя по времени, смоквы не могли быть с нее обобраны. И сказал ей: «Чтобы отныне никто не вкушал от тебя, и впредь да не будет от тебя плода вовек!» Все ученики слышали этот приговор.

О символическом и нравственном знаменовании проклятия смоковницы

Св. Иоанн Златоуст

Для чего проклята смоковница? Для учеников — чтобы их ободрить. Поелику Он всегда благодетельствовал и никого не наказывал; между тем надлежало Ему показать и опыта Своего правосудия и отмщения, дабы и ученики, и иудеи узнали, что Он хотя и мог иссушить, подобно смоковнице, Своих распинателей, однако же добровольно предает Себя на распятие и не иссушает их; то Он и не захотел показать этого над человеками, но явил опыт Своего правосудия над растением.

Св. Исидор Пелусиот

Господь не без причины проклял смоковницу (не думай сего, ненасытимый испытатель Божественного!), но с намерением показать неблагодарным иудеям, что и для наказания имеет Он достаточную силу. Поелику во всех чудесах Его видели, что никому не причиняет ничего скорбного, то предполагали, что может только благотворить, не имеет власти подвергать злостраданию порочных. Посему примером существа неодушевленного уверяет, что может и наказывать, но не соизволяет сего по благости. Итак, дерево засохло, чтобы устрашить людей. Но соединен с сим вместе и таинственный некий смысл, по преданию от мудрых старцев до-

шедший до нас; а именно: что смоковница есть древо преслушания, листья ее употреблены были преслушными для своего прикрытия; и человеколюбиво проклята она Христом, чтобы не приносила более плода, послужившего причиною греха. Ибо второе пришествие Бога будет уже не для вочеловечения, но для воздаяния каждому за соделанное им.

Листья без плодов

Георгий Конисский, архиеп. Белорусский

На другой день после торжественного входа Своего в Иерусалим Христос Спаситель возвращался туда из Вифании, где имел ночлег в гостеприимном доме праведного Лазаря, и на пути взалкал: *утру,* говорит евангелист, *возвращься во град, взалка* (Мф. 21:18). Тот, Кто сорок дней постился пред началом евангельской проповеди, Тот, Который говорил о Себе: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшего Мя и совершу дело Его* (Ин. 4:34), — Сей великий Постник Учитель, теперь, ранним утром взалкал, и, увидев издалече *смоковницу едину при пути, прииде к ней,* чтобы хотя плодами ее утолить алчбу Свою... Видно, накануне, при встрече Его в Иерусалиме никто не позаботился принять Его в дом свой и предложить Ему трапезу... Но и на смоковнице плодов не было: *Ничто же обрете на ней, токмо листвие едино.* И вот, Он изрекает суд Свой над бесплодным деревом: *Да николиже от тебе плода будет во веки!* (Мф. 21:19).

Приступим вслед за Христом к сей бесплодной смоковнице и подумаем: кого она знаменовала в свое время и не укрывает ли она и нас под своими листьями? Дерево ни разума, ни чувства не имеет, а потому ни закону, ни преступлению не может подлежать. Кого же она изображала? Без сомнения, прежде всего сонмище иудейское, которое только листвием закона, только одними обрядами прикрывалось, а о делах закона, о внутреннем благочестии вовсе не радело. Ходили, например, иудеи в храм и приносили тучные жертвы и в то же время враждовали друг на друга, убивали, обманывали, брали взятки, правды не творили, ворам поблажали. Потому-то Бог и говорил им чрез Исаию пророка: *Что Мне множество жертв ваших? Исполнен есть всесожениями: тука агнцев и крове юнцов и козлов не хощу... Не приходите являтися Мне, и ходити по двору Моему не приложите!* (1: 11–12.) Хранили иудеи посты, как и фарисей о себе сказал: *Пощуся дважкраты в субботу* (в неделю). Но что это были за посты, Сам Бог говорит о сем чрез того же пророка: *Аще в судех и сварех* (ссорах) *поститеся и биете пястьми смиреннаго, вскую Мне поститеся и хощете услышану быти с воплем гласу вашему. Не таковаго поста Аз избрах* (Ис. 58: 4–5). Молились фарисеи долгими молитвами, и нередко выходили для того на распутия, дабы видел их народ и почитал святыми; но эти мнимые святые, вторгаясь в дома бедных вдовиц, похищали их последнее достояние... Давали беспрекословно иудеи и десятины на

церковь по закону, даже от таких ничтожных вещей, как огородные овощи, но в то же время совсем забывали самое главное в законе: суд, милость и веру! (Мф. 23:23). Наблюдали они и чистоту внешнюю в пище и питии, показывали себя опрятными, благоговейными и благочестивыми, но и эта чистота и наружный вид благочестия были нечисты в очах Божиих, как изъяснил Спаситель: *Горе вам книжницы и фарисее, яко очищаете внешняя скляницы и блюда, внутрь же есте полны хищения и неправды.*

Наконец, иудеи созидали гробницы телам пророческим и говорили: о, когда бы мы были во дни отец наших, мы не были бы общниками им в крови пророков! А сами между тем дышали убийством на Самого Христа, и потому Спаситель говорил им: *Сами свидетельствуете, яко сынове есте избивших пророки, — и вы исполните меру отец ваших!* (Мф. 23: 30–31). Так, иудеи, державшие закон только на языке, а не в сердце, были подобны смоковнице бесплодной, одни только листья на себе имеющей!

Но пора, братие, оглянуться нам и на самих себя. Не таковы ли и наши дела, какие были у иудеев? Не подобны ли и мы оной бесплодной и проклятой смоковнице? Ах, други мои! И у нас листьев немало, а плодов не видно ни единого! Что как не листья наша молитва, когда приходим в церковь не затем, чтобы с кротким мытарем вздохнуть и Богу помолиться, а затем, чтобы с гордым фарисеем повеличаться и похвалиться, и притом хвалиться не постами и подаяниями на церковь, а новомодными нарядами и убранствами? Что как не листья наша исповедь, когда исповедующийся не ощущает в сердце ни страха, ни сожаления, не имеет живой крепкой веры в Того, чья Кровь очищает грехи, не дает ни Богу, ни отцу духовному твердого обещания отстать от грехов, и лишь только выходит из церкви, как тотчас же и возвращается на прежние греховные дела?.. Не листья ли, — дрожа и сам, как лист, сие говорю, — не листья ли одни и самое причащение Тела и Крови Господней, когда причастившийся не успеет вкусить Тела Сына Божия и обагрить уста свои Его Кровию, тотчас же снова изменяет Ему, как Иуда: соединяясь со Христом, сделавшись с Ним едино тело, он снова расторгает сей святейший союз, прилепляясь по-прежнему к миру и плоти?.. Одни листья у нас и самая милостыня, и все благотворения, когда я одною рукою бросаю, а другою отнимаю, — копейки даю, а тысячи беру, когда я бедных и невинных насущного хлеба лишаю, а тех, кто льстит мне, обогащаю, — когда благотворю потерявшим честь и совесть, а не богобоязненным, — исполнителям воли моей, а не Божией... Итак, и у нас все одни только листья да листья, а где же плоды? Или и мы скажем, что не пришло еще время смоквам, как сказал евангелист о бесплодной смоковнице? Но ведь мы не дерево, которое нуждается для приношения плодов в весне, лете и осени... Для плодоношения, то есть для исполнения обязанностей наших, нам дана целая жизнь... И в весну юности, и в лето мужества, и в осень старости мы

можем и должны приносить Творцу нашему сладкие плоды добрых дел. Не препятствует нам в том и самая зима, не только естественная, но и духовная, то есть всякие беды и скорби. Тогда только окончится для нас время, удобное для приношения, когда постигнет нас кончина жития и предсмертная болезнь отнимет у нас и разум, и чувства. Вот тогда, и только тогда, хотя бы мы и пожелали, не сможем уже ничего сделать Богу угодного!..

Хозяин ждет от своего сада плодов в том случае, если он каждое деревцо прилежно окапывал, удобрял, от бурь и насекомых защищал, во время засухи поливал. Так, Бог говорил у пророка о ветхозаветном Израиле: *Виноград бысть возлюбленному в розе, на месте тучне: ограждением оградих его и окопах и насадих лозу избранну, и создах столп посреде его и предточилие ископах: и ждах, да сотворить гроздие, и сотвори терние* (Ис. 5: 1–2). Но кто может исчислить все благодеяния Творца, коими Он во всякое время, каждый день и час наделяет нас, ограждая нас Своею сильною рукою от врагов видимых и невидимых, осыпая нас дарованиями, телу и душе благопотребными? Он благодетельствует нам, но и от нас ждет плодов, а находит только все листья да листья!.. Что же, братие? Ужели мы захотим услышать и о себе тот же приговор, какой разгневанный Бог произнес некогда ветхозаветному винограду Своему — народу еврейскому праведным судом Своим? *Отниму*, говорит Он, *от винограда ограждение его, и будет в расхищение: разорю стену, и будет в попрание: оставлю виноград Мой, и к тому не обрежется, ниже покопается и взыдет на нем, якоже на лядине* (борозде), *терние: и облаком заповем* (повелю), *еже не одождити на него дождя* (Ис. 5: 5–6). Станем ли ожидать для себя оной ужасной клятвы, которая иссушила до самого корня бесплодную смоковницу, которая рассеяла иудеев по лицу всей земли, соделала их презренными у всех народов и, что еще более ужасно, оставила их пребывать в неверии, по оному приговору Спасителя: *Да николиже от тебе плода будет во веки*? О, грозное слово, паче ужасного грома и молнии, до самой внутренности души проходящее и сожигающее...

Не будем же подражать беззаконному сонмищу иудейскому, не станем ожидать проклятия Божия на самих себя; постараемся быть достойными Божия благословения — не листья только, но и плоды добрых дел принося Делателю душ наших — Христу Спасителю. Алчет Он и теперь спасения нашего — поспешим же утолить Его алчбу обильными и сладкими смоквами добрых дел, чтобы за сие Он благословил нас в здешней жизни изобилием плодов земных, а в блаженной вечности сподобил вкушать от сладостей небесных, уготованных избранникам Его! Аминь.

Свт. Феофан. «Мысли на каждый день года»

Господь осудил смоковницу на бесплодие за то, что по виду она так была покрыта листьями, что надлежало быть на ней и плодам, которых на деле,

однако, не оказалось. В применении к жизни христианской листья означают внешние дела благочестия и внешние подвиги, а плоды — внутренние расположения. По закону так: первые должны происходить из последних; но по снисхождению к немощам — крайняя мера: последние должны развиваться вместе с первыми. Когда первые в силе, а последних нет и в зародыше, то отсюда выходит ложь жизни, которая выражается так: *казаться*, но не быть. Вначале, может быть, и не имеется это несчастное настроение в мысли, а потом оно является незаметно и установляет собою строй жизни. Кто наляжет слишком на внешность и пристрастится к ней, у того внимание к сердцу закрывается, чувства духовные глохнут и водворяется холодность. На этой степени жизнь духовная замирает; остается вид благочестия без силы его. Поведение совне исправно, а внутрь все навыворот. Следствием этого — бесплодие духовное: делаются дела, но они вот — мертвые.

Смоковница, покрытая листьями, была благолепна на вид, но не удостоилась одобрения от Господа, потому что не было на ней плодов, а плодов не было потому, что не было внутренней плодородительной силы. Сколько таких смоковниц бывает в нравственном смысле! На вид все исправно, а внутри ничего нет. Степенны, честны и все христианское исполняют, а духа жизни о Христе Иисусе не имеют; оттого не имеют плодов живых, и то, что есть в них, только кажется плодом, а не есть. В чем же дух жизни о Христе Иисусе? На это скажем: одно в нем есть от Господа, а другое от нас. Что от Господа, то, собственно, и есть плодородительная духовная сила; а что от нас, то есть только приемник этой силы. О последнем и позаботься больше. Тут корень — чувство, что ты погибающий, и что если не Господь — погибнешь; отсюда во всю жизнь, при всех делах и трудах — сердце сокрушенно и смиренно. Далее, как преднее безвестно, а врагов много и спотыкание возможно поминутно, то — страх и трепет в содевании спасения, и непрестанное вопияние: «Имиже веси судьбами, спаси мя». Горе почивающему на чем-нибудь, кроме Господа; горе и тому, кто трудился для чего-нибудь, кроме Господа! Спроси себя трудившийся в делах, которые считаются богоугодными: для кого трудишься? Если совесть смело ответит: только для Господа, — добре, а если нет — то ты созидаешь дом на песке. Вот несколько указаний о плодородном внутреннем духе. Посему и о прочем разумевай!

Священник Буткевич. Новейшее экзегетическое толкование. «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа»

При рассмотрении евангельских повествований о проклятии смоковницы, мы не должны упускать из виду слова Марка: «И видя издалека смоковницу, имеющую листья» (καὶ ἰδῶν συκῆν ἀπὸ μακρόθεν ἔχουσαν φύλλα), а также и указание Матфея на то, что смоковница была покрыта *листьями*.

Нужно заметить, что палестинская смоковница прежде всего распускает почки, а затем уже листья. Когда же листья смоковницы достигли известной величины и известного количества, тогда уже можно надеяться найти на дереве по крайней мере несколько зрелых смокв. Вследствие этого всю историю проклятия смоковницы можно представить следующим образом. Проходя из Вифании в Иерусалим, Иисус Христос почувствовал голод. Он осматривается вокруг и видит вдали (ἀπὸ μακρόθεν) одну смоковницу (μίαν ἐπὶ τῆς ὁδοῦ); (Мф. 21:19), которая отличалась от всех других смоковниц, во множестве находившихся на том пути, тем, что имела уже листья. В то время года (то есть в конце марта или в начале апреля) это было совершенно необыкновенным явлением. Но так как плоды смоковниц развиваются раньше листьев, ибо листья развиваются только вместе с созрением плодов, то на дереве, покрытом листьями, Христос, очевидно, уже мог ожидать также и смокв. Правда, появление листьев на смоковнице было, собственно говоря, слишком раннее и даже преждевременное; тем не менее множество листьев давало право ожидать, что на дереве есть также и преждевременные или ранние плоды. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что, по евангельскому рассказу, Иисус, увидя смоковницу, покрытую листьями, подошел к ней с целью найти несколько смокв, чтобы утолить Свой голод.

На первый взгляд кажется как будто бы странным, каким образом Иисус мог высказывать Свое негодование на дерево, которое не имеет своей воли, а следовательно, ни в чем не может быть и ответственным, на дерево, которое возрастил Его Небесный Отец и облек этим множеством роскошных листьев; непонятно, как Он мог проклясть это дерево только за то, что оно не могло удовлетворить Его голода и обмануло Его надежду, когда оно само не могло располагать собою. Чтобы яснее понять это загадочное, на первый взгляд, поведение Иисуса, мы прежде всего должны бросить взгляд на ту внутреннюю связь, в которую поставлено это событие. Иисус Христос торжественно, как Царь Израилев, равно ожидаемый и иудеями и язычниками, вошел в Иерусалим сопровождаемый толпами народа и встречаемый необыкновенными приветствиями: «Осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне»! Затем Он посетил храм Иерусалимский, «и осмотрев все» (καὶ περιβλεψάμενος πάντα), вечером возвратился в Вифанию (Мк. 11:11). На следующее утро, снова желая посетить Иерусалим и храм, Иисус на пути совершил настоящее чудо. Таким образом, проклятие смоковницы находится в средине между тем, что Христос уже видел в Иерусалиме и храме пред совершением этого чуда, и тем, что Ему предстояло еще сделать в Иерусалиме (то есть очищение храма). Отсюда само собой представляется весьма вероятным, что это чудесное знамение непосредственно относилось к той последней борьбе, которую вел Христос с односторонними предста-

вителями иудейского теократизма. Вот почему нельзя отрицать того взгляда многих евангельских толкователей, по которому в проклятой смоковнице нужно видеть образ самого Израиля. К этому, с одной стороны, дает повод ветхозаветная символика, а с другой — мы имеем основание думать, что Сам Христос именно так смотрел на это чудесное событие. По вышеуказанному взгляду лучших евангельских комментаторов, это чудесное событие есть не что иное, как дополнение Божественным действием того, что раньше Христос высказал в притче о смоковнице только на словах (Лк. 13: 6–9). Притча о смоковнице осталась как бы незаконченною. Христос заключил ее просьбою виноградаря не срубливать смоковницы еще на один год в надежде, что, может быть, хоть в этом году она принесет плод. «Господин! — сказал виноградарь, — оставь ее еще и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, не принесет ли она плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее». И вот теперь, когда общественное служение Иисуса Христа уже почти оканчивалось, когда были употреблены все средства для спасения и обращения погибших овец дома Израилева, когда почва, на которой росла приточная смоковница, была, как только возможно, удобрена, — оканчивался и тот год, который выпросил у Господа виноградарь для своей любимой, но бесплодной смоковницы. Отсюда понятно, что такое евангельское проклятие смоковницы и какой оно имеет в себе глубокий смысл. Это действие символически пророчественное, указывавшее именно на тот суд, который должен был совершиться над Израилем, и притом совершиться чрез тех, пред глазами которых было совершено это символически пророчественное действие и которые вскоре сами с удивлением увидели чудесное исполнение слов Христовых (то есть чрез учеников). Отсюда понятен и весь смысл этого чудесного события. Смоковница, как мы сказали, была образом ложного Израиля. Христос ищет на дереве плодов, потому что на этом дереве находились уже листья. Хотя еще и для Израиля не наступило времени жатвы (то есть последнего суда), но так как на нем были признаки плодов — листья Божественного откровения (закон, пророки, жертвоприношения, храм и различные религиозные богооткровенные обряды), то от него нужно было ожидать и ранних плодов. Израиль должен был раньше других народов уверовать в обетованного Мессию, потому что он раньше других народов был подготовляем к этому необыкновенными, сверхъестественными, Богооткровенными средствами, как и на евангельской смоковнице были листья в такое время, когда все другие смоковничные деревья еще не имели их. Но иудейский народ упорно отверг Ангела завета, который шел в свой собственный храм; дерево, полное листьев, не имело, однако, плода. Господь «гневается» на смоковницу и проклинает ее, говоря: «Да не будет же впредь от тебя плода вовек». Вследствие этого смоковница засыхает, израильский народ, не принесший плодов даже после усердного, сверхъестественного

ухода за ним, перестает быть народом Божиим, народом сверхъестественного обетования. Смоковничное дерево, проклятое Господом, пока не выброшено долой совсем, не уничтожено; оно еще остается по-прежнему при пути, но уже навсегда обречено быть бесплодным и засохшим; жизненные токи в нем прекратились, и само оно стало существовать только как немой исторический памятник своей прежней кипучей и небесполезной для проходящих жизни. Никто уже на этом дереве не найдет плода, чтобы утолить свой голод и бодро дойти до Иерусалима. А не такова ли судьба и иудейского народа? Он не уничтожен совсем, он остался в мировой истории и даже продолжает существовать еще и теперь, но только как грозный, бездушный и безжизненный памятник прошлого; только как сухая мумия, взглянув на которую, всякий путник невольно подумает лишь о том, что когда-то и в ее груди била ключом бурная, кипучая жизнь. Не уверовав во Христа, иудейский народ стал уже неспособным к жизни: он уже перестал носить на себе плоды Божественного откровения, а потому и не в силах утолить религиозного голода ни одного путника, идущего к небесному Иерусалиму.

Иисус Христос на замечание о засохшей смоковнице внушает ученикам о силе веры (Мк. 11: 20–26; Мф. 21: 20–22)

Поутру, проходя тем же путем, что и вчера, ученики Иисуса Христа с изумлением увидали, что смоковница, красовавшаяся листьями при дороге, засохла до корня. Петр тотчас же обратил внимание Иисуса Христа на это. «Равви! – сказал он. – Посмотри: смоковница, которую Ты проклял, засохла». Иисус Христос отвечал на это: «Имейте веру в Бога. Потому что, истинно говорю вам, если будете иметь веру и не усомнитесь, то не только сделаете, что сделано с смоковницей, но ежели и этой горе (Масличной) скажете: поднимись и ввергнись в море! – и не усомнитесь в сердце своем, но поверите, что сбудется по словам вашим, – будет, что ни скажете. Потому сказываю вам: все, чего вы в молитве просить будете, верьте, что получите, и будет вам». Не получите только тогда, когда бы вы захотели чудодейственную веру употребить во вред ближнему: «И (потому) когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же вы не простите людям согрешений их, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших».

Изгнание из храма торжников (Мк. 11: 15–18; Лк. 19: 45–48; Мф. 21: 12–13)

«Пришли в Иерусалим. И вошел Иисус Христос в храм Божий, и начал изгонять всех продающих в нем и покупающих, и опрокинул столы меновщи-

ков (иностранной монеты на священную) и места у продавцов голубей, и не позволял, чтобы кто проносил чрез храм какую-либо постороннюю вещь, и учил их: «Не сказано ли в Писании: *дом Мой домом молитвы наречется для всех народов, а вы сделали его* (шумным торжищем беззаконной корысти), *как вертеп разбойников?* Услышавши это, книжники, старейшины народа и первосвященники (которые, конечно, если не больше, то хотя соизволением участвовали в этом неуместном торжище), придумывали, как бы погубить Его, но не находили, что бы сделать с Ним. Боялись Его. Он начал учить в храме, и весь народ неотступно слушал Его и был в восхищении от учения Его».

Слова св. Иоанна Златоуста к 12–13 стихам 21-й гл. Евангелия от Матфея

Об изгнании из храма торжников говорит и Иоанн, только говорит в начале Евангелия, а Матфей в конце. Посему вероятно, что это случилось два раза, и притом в разное время, как видно и из обстоятельств времени, и из ответа иудеев Иисусу. У Иоанна говорится, что это случилось в самый праздник Пасхи, а у Матфея – задолго до Пасхи. Там говорят иудеи: *Кое знамение являеши нам?* (Ин. 11:18), а здесь молчат, хотя Христос и укорил их; молчат потому, что все уже дивились Ему. Тем большего достойны обвинения иудеи, что Христос не один раз делал это, а они все еще не переставали торговать в храме и называли Христа противником Божиим, тогда как и отсюда должны были видеть честь, воздаваемую Им Отцу, и собственное Его могущество.

Мысли свт. Феофана на 46 стих 19-й гл. Евангелия от Луки

«Мысли на каждый день года»

Дом Мой – дом молитвы есть. И точно, только войди во храм, и уж позывает тебя на молитву. Все тут так расположено и так делается, чтобы располагать и споспешествовать молитве. Посему, если хочешь возгреть молитву в сердце своем, ходи чаще в храм Божий. Дома так не помолишься, как в храме. Есть такие, которые и дома тепло молятся, но если дома так, то насколько выше того в храме? Но, бывая в храме, не телом только бывай в нем, а более духом. Стань, где потише, и, зря умом Господа пред собою, изливай пред Ним душу свою. Мечтания разгоняй, забот не допускай, и одному делу внимай – делу молитвы. Поднимай тяжелую душу горе и дебелость ее разбивай созерцанием вещей Божественных. Если есть что за тобою, сними с себя покаянием и обетом исправления. Если совесть не сыта, подбавь дел самоотвержения и любви. Стоя во храме, заготовляйся и на все время, как будешь вне храма, не отступать от Господа мыслью, а выну предзреть Его пред собою, чтобы не подвиглись стопы твои с

правого пути на неправый. От этого, когда придешь в храм, тебе легче будет держать себя в нем как должно. А от достодолжного пребывания в храме опять легче будет держать тебе внимание пред Господом, когда будешь вне храма... Итак, пойдет все выше и выше расти твое пребывание в Господе, а больше этого чего еще желать?

Мысли свт. Феофана на 13 стих 21-й гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

Храм Мой храм молитвы наречется: вы же сотвористе и вертеп разбойником. Всем известно, что храм требует благоговейнства, собранности мыслей, углубленного богомыслия и стояния в присутствие Божием, однако кто исполняет это? В храм идут с желанием помолиться, постоять в нем немного с теплым усердием, а потом мысли начинают бродить, и в голове происходит торг еще шумнее того, какой встретил Господь в храме Иерусалимском. Отчего же так? Оттого, что пребывание в храме есть отражение всей жизни. Как живут, так и в храме себя держат. Храм влияет и несколько поддерживает духовные движения, но потом обычное течение духовного строя берет свое. Потому, если хочешь, чтобы твое пребывание во храме было достойным стоянием пред лицом Господа, подготовляйся к тому жизнью обычною; ходи, сколько можешь, в молитвенном настроении. Этот труд доведет тебя до того, что и в храме все время простоишь благоговейно. Это же благоговейнство воодушевит тебя на благоговейнство и в обычной жизни. Так пойдешь все выше и выше. Помоги же, Господи, начинай!

Примирение кажущихся противоречий в повествованиях различных Евангелий об очищении храма

Свящ. В.С. Марков. «О Евангелии от Матфея». «Православное обозрение», 1873

Между повествованиями святых Матфея и Марка нельзя не признать некоторого различия, которое состоит в том, что по сказанию Евангелия от Матфея выходит, что очищение храма от продающих и покупающих последовало непосредственно после входа Иисуса Христа в Иерусалим и на другой день утром произошло событие проклятия смоковницы, на которой Иисус Христос не нашел плода (Мф. 21: 10–19). Между тем как в Евангелии от Марка говорится, что Иисус Христос изгнал из храма Иерусалимского продающих и покупающих уже на другой день после Своего входа в Иерусалим, после того как Он проклял смоковницу, на которой не оказалось плода (Мк. 11: 11–17). Из этих двух повествований выводят то

заключение, что они противоречат одно другому в определении дня очищения Иисусом Христом храма от торжников.

Но это указание противоречия в Евангелии Матфея с Евангелием Марка основывается на неправильном понимании цели и плана повествования Евангелия от Матфея. Для каждого внимательного читателя должно быть понятно, что Евангелие это имеет по преимуществу прагматический характер. Евангелист Матфей не столько заботится о том, чтобы изложить события в хронологическом порядке, сколько о том, чтобы сгруппировать их (не нарушая, конечно, порядка общего хода событий) для доказательства предположенной им своей мысли. Из этого группирования фактов сообразно с известной идеей объясняется то, что, сказав о входе Иисуса Христа в Иерусалим, евангелист Матфей непосредственно за тем передает и другой факт, случившийся в Иерусалиме, именно изгнание из храма продающих и покупающих, хотя это событие случилось уже на другой день, как об этом раздельно повествует евангелист Марк, который излагает события так, как они случились по порядку времени. Евангелист Матфей решительно не обращает внимания на то, произошло ли очищение храма в день входа Иисуса Христа в Иерусалим или на другой день после него. Сообразно с своею целью евангелист Матфей не находит нужным подробно говорит о том, что Иисус Христос, вошедши в Иерусалим, в первый раз не сделал здесь ничего особенного, но за повествованием о вшествии Иисуса Христа в Иерусалим он передает и замечательное дело, которое вскоре затем было совершено Иисусом Христом; а потом упомянул и о том, что после входа Своего в Иерусалим Иисус Христос пошел в Вифанию и переночевал там, и на другой день утром Он проклял смоковницу. Здесь замечательно то, что евангелист Матфей не говорит, в какое именно утро произошло это проклятие: прежде ли очищения храма или после сего, и таким образом не определяет точно самого дня совершения этого очищения, потому что не считает этого важным для своей цели, а следовательно, и не противоречит точному определению времени этого события, сделанному евангелистом Марком. Примером такой же неопределенности Евангелия Матфея в хронологическом отношении может служить 23 стих, следующий за речью Иисуса по поводу иссохшей смоковницы. Евангелист Матфей выражается таким образом: «Когда пришел Он (Иисус) в храм и учил, приступили к Нему первосвященники и старейшины народа», и проч., тогда как из Евангелия Марка ясно видно, что это случилось уже на третий день после торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим. Таким образом, различие в повествованиях евангелистов Матфея и Марка о событии очищения храма заключается не в противоречии их, но в образе и цели изложения этого события.

Еще более разностей находят в евангельских повествованиях об очищении храма Иисусом Христом, когда сравнивают сказания об этом со-

бытии Евангелия от Матфея с повествованием о том же событии Евангелия от Иоанна. В Евангелии от Матфея событие очищения храма представляется случившимся пред последнею Пасхою, после торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим, незадолго до Его смерти (Мф. 21: 12–15), между тем как евангелист Иоанн говорит, что Иисус Христос изгнал из Иерусалимского храма продающих и покупающих в первое время Своего общественного служения, когда еще приближалась первая Пасха из тех, которыми обыкновенно измеряется время Его служения (Ин. 2: 13–16). Но Иисус Христос мог совершить очищение храма в первое время Своего общественного служения, как и пред последнею Пасхою. Вступая на поприще Своего общественного служения роду человеческому, Он должен был явить Себя миру тем, Кем Он был на самом деле, показать Свое Божественное величие как Сына Божия (снедаемого ревностью о славе Божией). Поэтому при виде бесчиния в храме Божием Иисус Христос, вступая в общественное служение, должен был показать Свою власть над неуважающими святыню, обличить в невнимательности к Своему служению священников и левитов, возвыситься пред ними в глазах народа, показать Себя пророком, вообще приобрести Себе известность посланника неба и таким образом приготовить веру в Себя как Мессию.

Очищение храма повторилось пред последнею Пасхою. Как скоро повторилось прежнее нерадение к святому месту храма, Иисус Христос имел прямые побуждения снова выгнать из храма продающих и покупающих в нем. Если Он для показания Себя небесным посланником прежде Своего вступления в общественное служение должен был с силою выразить Свой гнев на бесчинствующих в храме, то в конце Своего общественного служения, когда Он был уже всем известен как великий пророк и когда, с другой стороны, ненависть врагов Его достигла высшей степени, Он имел еще более побуждений вооружиться против нарушения благоговения в храме, чтобы, с одной стороны, укрепить в народе веру в Себя, а с другой – не подать повода к обвинению в допущении религиозных беспорядков. «Как Владыка дома, то есть храма, – говорит блаженный Феофилакт Болгарский, – Он (Иисус Христос) выгнал из него торгующих, показывая сим, что все, принадлежащее Отцу, принадлежит и Ему. Сделал Он это и потому, что имел попечение о благолепии храма». Еще большим подтверждением мысли о втором очищении храма Иисусом Христом пред последнею Пасхою как событии особенном, отличном от первого очищения пред первою Пасхою, служит то, что в Евангелии от Матфея, равно как и в других синоптических Евангелиях, событие очищения храма пред последнею Пасхою рассказывается некоторыми особенными подробностями, чем как то же событие описывается случившимся пред первою Пас-

хою в Евангелии от Иоанна. Можно сказать более: общего между повествованиями об очищении храма в первую Пасху и в последнюю находится весьма немного, именно то, что Иисус Христос в том и другом случае очистил храм от продающих и покупающих, остальные же подробности повествований об этом событии совершенно различны. По Евангелию от Иоанна, иудеи спрашивали о власти, которою Он это сделал, и Иисус отвечал на это символически: «Разрушьте храм сей; и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2:19); по повествованию же евангелиста Матфея, иудеи не спрашивали Его о власти, по которой Он изгнал из храма продающих и покупающих, вероятно, потому, что они уже знали ответ Его, данный им при первом очищении храма, а негодовали на Него только за то, что Он дозволял детям восклицать Ему: «Осанна Сыну Давидову», на что Иисус Христос отвечал им словами пророчества: «Из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу» (Мф. 21: 15–16). Это отличие второго очищения храма, повествуемого в Евангелии от Матфея, от первого, находящегося в Евангелии от Иоанна, подтверждается и сказаниями евангелистов Марка и Луки, которые описывают второе очищение храма также отлично от сказания евангелиста Иоанна. В Евангелии от Марка не упоминается ни о каких вопросах со стороны иудеев, а говорится только, что книжники и первосвященники искали, как бы погубить Иисуса, но в то же время боялись Его, потому что весь народ благоговел пред Ним, удивлялся учению Его (Мк. 11:18); по повествованию же Евангелия от Луки первосвященники и книжники не тотчас после очищения храма, а уже после, может быть, на другой, или даже на третий день, спрашивали Иисуса, какою властию Он творил это (Лк. 20:12).

Все это доказывает различие между тем очищением храма, о котором повествует евангелист Матфей согласно с прочими синоптиками, и тем, которое передает евангелист Иоанн. Можно даже указать причины, почему евангелист Иоанн повествует только о первом очищении храма, между тем как евангелист Матфей (равно как Марк и Лука) — только о последнем. Причина этого заключается в том, что евангелист Иоанн изображает жизнь Иисуса Христа, начиная с первой Пасхи, о которой ничего не упоминается в Евангелии от Матфея; и так как евангелист Иоанн писал свое Евангелие после всех других канонических Евангелий, то он по преимуществу и излагает те события, которые опущены в других Евангелиях. Итак, правильное понимание повествований об очищении храма, находящихся в Евангелиях Матфея и Иоанна, решительно устраняет всякие противоречия между этими сказаниями, убеждая нас в том, что в действительности Иисус Христос дважды изгонял из храма продающих и покупающих в нем — в первый раз пред первою Пасхою, а во второй — пред последнею.

Изложение содержания речи Иисуса Христа по поводу пришествия эллинов и изъяснение ее (Ин. 12: 20–36)

Свящ. М. Некрасов.
«Душеполезное чтение», 1875

«Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые эллины». Так начинает рассказ об этом событии святой евангелист Иоанн. «Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! Нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп сказывают о том Иисусу».

Пришедшие эллины были, конечно, из числа тех, которые сознали пустоту языческого идолослужения. Это были, по выражению книги Деяний Апостольских (17:4) *честивии* (чтущие Бога) эллины и, приняв иудейское верование во единого Творца и Правителя мира, считали долгом в три великие праздника (Пасхи, Пятидесятницы и поставления Кущей) являться в Иерусалим для принесения жертвы Иегове. Они назывались прозелитами. Прозелитов было два разряда: прозелиты *правды*, которые вполне принимали иудейство, обрезывались и пр., и прозелиты *врат*, которые, отказавшись от язычества, не вполне принимали закон Моисеев, не обрезывались. Будучи свидетелями торжественного входа Христова в Иерусалим, слыша о многочисленных чудесах, совершенных Иисусом Христом, эллины легко могли подумать, не Тот ли это, о Котором так много говорят и Которого с таким нетерпением ждут иудеи, то есть не Мессия ли это? И решились обратиться к Нему за решением своих недоумений о Его лице и, быть может, о каком-либо предмете веры. Можно думать, что это были прозелиты врат. Что не праздное любопытство влекло их к Иисусу Христу, это видно из слов их: «Желаем видеть Иисуса», слово *видеть* на языке Священного Писания не значит смотреть, а знать, дознать, на самом деле испытать (Лк. 2:26); видеть же Иисуса, смотреть на Него они могли и сами. Эллины не осмеливаются прямо подойти к Иисусу Христу, а обращаются сначала к Филиппу, и Филипп счел их просьбу столь важною, что не тотчас сказал о них Христу, а предварительно посоветовался с Андреем, и затем уже, и то не один, как бы не желая принять ответственность на себя одного, а вместе с Андреем, доложил о них Иисусу Христу!

«Иисус же сказал им в ответ». Евангелист не говорит, кому сказал в ответ; нужно думать, что последующие слова относятся как к эллинам, так и к ученикам и народу вместе, что видно из стихов 24 и 34 этой же главы. «Пришел час прославиться Сыну Человеческому». Пришло время распространять славу Божию между язычниками; иудеи продолжают упорствовать, а язычники сами идут. Прежде Он говорил апостолам: «На путь

язык не идите» (Мф. 10:5), а теперь наступает час, когда нужно проповедовать Евангелие не одним иудеям, а и язычникам, всему миру. Посему время идти на страдания, чтобы довершить дело искупления рода человеческого. Страдания Господа в Евангелии называются славою, например: *ныне прославися Сын Человеческий.*

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Сравнивает Себя с зерном, а Свою смерть и погребение с посевом пшеницы. Не к пророкам обращается, а к простому и понятному для всех явлению природы, потому что пред Ним не одни иудеи, а и язычники, которые не знали пророков. Как зерно тогда только приносит плод, когда умирает под землею, так учение и дела Его тогда только принесут плод спасения, когда Он Своими крестными страданиями и смертию принесет Богу Отцу искупительную жертву за грехи людей. Сими словами Христос и ученикам, и эллинам открывает тайну спасающей смерти Своей. Итак, пусть не смущаются ученики, что Он идет на смерть, и притом тогда, когда стали обращаться к Нему язычники; вследствие смерти Его особенно усилится проповедь Евангелия и уверуют язычники. Пусть и эллины оставят языческую философию и уверуют в силу крестных страданий и смерти Сына Божия, и тогда само собою разрушатся их сомнения, и душа их найдет мир.

«Любящий душу свою потеряет ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует: и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почтит Отец Мой». В этих словах Спаситель кратко излагает сущность христианского нравоучения, подобно как в первых изложил сущность христианского вероучения. Самоотвержение, простирающееся до готовности не щадить жизни своей за истину с надеждою сохранить душу для жизни вечной — вот чего требует Иисус Христос от Своих последователей. Эллинам особенно нужно было напомнить о самоотвержении, потому что основанием языческой нравственности служило самолюбие. «Делай другому хорошо, чтобы тебе самому было хорошо» — вот правило их жизни! Трудна заповедь Спасителя; но зато как высока награда за исполнение ее! Истинный последователь Христов будет там, где пребывает Сам Христос, то есть на небе — в вечной славе: его не только наградит, но и почтит Отец Небесный!

«Душа Моя теперь возмутилась: и что Мне сказать? (это ли?) Отче! Избавь Меня от часа сего. Но на сей час Я и пришел. (Нет. Вот что скажу:) Отче! Прославь имя Твое!»

Мысль о предстоящих страданиях и смерти приводит в смущение душу Сына Человеческого. Так тяжки эти страдания! Но потому-то они так и драгоценны пред очами правды Божией. «Так бы не следовало говорить, — пишет святой Иоанн Златоуст, — Тому, Кто убеждает других идти на смерть;

но на самом деле такие слова особенно приличны такому человеку. Чтобы не сказали, что Ему легко любомудрствовать о смерти, когда Он Сам недоступен для человеческих страданий, легко убеждать нас, когда Он Сам вне опасности, Он показывает, что и Он страшится смерти, однако для пользы других не отказывается умереть. Впрочем, это относится к воспринятому Им человечеству, а не Божеству. Хотя смерть приводит нас в трепет, как бы так говорит Господь, но все же мы не должны избегать ее. Ведь Я возмущен ныне, однако не говорю об избавлении от смерти, потому что надобно переносить то, чему следует быть. Не говорю: избавь Меня от часа сего; но что? Отче! Прослави имя Твое! Хотя смущение заставляет Меня говорить те слова, но Я говорю противное. Прослави имя Твое, то есть возведи Меня на крест. Этим показывает, что умирает за истину; ибо смерть Свою называет славою Божиею».

«Тогда пришел с неба глас: и прославил, и еще прославлю!» Прославил чудесами, могущественным действием учения Его на сердца верующих, например, апостолов (Мф. 9:9; Ин. 6:68), слуг первосвященнических (Ин. 7: 32–40), жены, воскликнувшей: *блаженно чрево, носившее Тебя* (Лк. 11:27) и проч. И опять прославлю... даже во время безмерного унижения, во время самой смерти, особенно же воскресением, вознесением на небо, седением одесную Мене и чудесным распространением Евангелия по всей земле.

Это — третье свидетельство с неба об Иисусе Христе. Первое было при крещении, второе при преображении, третье теперь. Итак, в начале общественного служения Иисуса Христа, в средине и конце Сам Бог Отец свидетельствовал о Нем как о Сыне Своем. На Иордане небесный глас был слышан Иоанном Крестителем; для него он преимущественно и назначался, для укрепления веры его, что крещенный Сам есть действительно Агнец Божий, вземляй грехи мира; на Фаворе глас был слышан тремя избранными учениками, да веруют, что Учитель их — Сын Божий, Господь Моисея и Илии, и да не соблазнятся предлежащим Ему крестом. Теперь небесный глас раздается пред иудейским народом и первенцами из языческого мира. Сам Спаситель говорит, что глас сей для народа. «Не для Меня был глас сей, но для народа», для опровержения мнения фарисеев, будто Он не от Бога, — мог ли быть не от Бога Тот, о Ком Сам Бог свидетельствует? — для того, чтобы если не теперь, то по крайней мере впоследствии в предстоящем Господу унижении видели Его славу и победу над злом.

«Ныне суд миру сему»... Мир, пред которым и над которым Христос произнес этот суд, представляли, с одной стороны, иудеи, зараженные фарисейством со своею мнимою святостью, с другой — язычники со своим легкомыслием в деле веры, со своею распущенностью в жизни. Своею смертию, Своим прославлением Он погубит мудрость мудрых и разум разумных отвергнет, покажет, что мудрые мира сего обезумели (Рим. 1:22;

1 Кор. 1:19), что их мудрость есть вражда против Бога, есть глупость и нечестие; что в учении только Христовом — свет и спасение для людей. «Ныне князь мира сего изгнан будет вон». Князь мира — диавол, который чрез грехопадение получил не только доступ к людям, но и власть над ними, как над своими пленниками и рабами (Еф. 2:2). Особенно он владеет языческим миром чрез идолопоклонство. Он-то виновник того ослепления и ожесточения, с каким иудеи преследуют Христа (2 Кор. 4:4). «Князем мира, — говорит святой Кирилл, — называется не потому, чтобы был таким по правде, а потому, что обманом и хищением приобрел себе такую славу, при худобе тех, которые принимают власть его». Итак, чрез грех диавол владеет миром. Поелику же Иисус Христос Своими крестными страданиями и смертию оправдал нас пред Богом во всяком грехе, а Дух Святой в таинствах усвояет нам праведность, приобретенную нам Христом, то, очевидно, диавол не имеет на нас никакого права. Он изгнан будет вон; владычество его прекратится; идолы будут изгнаны вон; храмы разрушены; сам он, пораженный во главу, вержен будет в тьму кромешную, где червь неусыпаемый и огнь неугасаемый.

«И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе». «Словами *когда Я вознесен буду от земли* говорит о вознесении на крест и чрез крест о вознесении на небо. Когда Я пострадаю и затем прославлюсь, тогда соберу под крест, как под знамя победное, всех Моих чтителей. Всех привлеку: иудеев и язычников, греков и римлян, варваров и скифов, богатых и бедных, свободных и рабов, образованных и необразованных, философов и рыбарей, мужчин и женщин — всех. *Привлеку*. Так как их держит тиран и сами по себе они не могут прийти (как связанные) и освободиться из его рук, потому что он не допускает их, то Я Сам привлеку их Своею благодатию» (св. Иоанн Златоуст). «Чудно это привлечение людей, могущественное, однако не стесняющее свободы людей! Слово апостолов быстро несется по языческому миру и везде находит души, увлекающиеся и увлекаемые незримою силою для последования Христу. Учение их не льстит ни одной страсти, напротив, объявляет войну всем; однако и страсти замолкают пред ним, и сердца дышат только для Христа. Язычество, сильное мирскою властью, употребляет все меры жестокости, чтобы подавить христианство; а христианство влечет к себе самых врагов Его. Ложная философия в угоду страстям то придумывает клеветы на христианство, то вводит в него ереси, чтобы обессилить небесное учение; но небесное учение одолевает врагов своих. Люди и народы разного образования, с разными характерами и привычками, с разными условиями климатической жизни признают в учении Галилейского учителя счастие для земли и спасение для вечности. С какою точностью история народов оправдывает пророчество Сына Божия: *вся привлеку к Себе* («Учение о Слове». Филарет, архиеп. Черниговский).

«Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человеческому? Кто этот Сын Человеческий?» Законом называют не одни книги Моисеевы, а все Священное Писание Ветхого Завета. В Ветхом Завете есть поразительные по ясности места, в которых говорится, что Мессия придет в униженном виде, будет страдать, умрет на кресте и проч. (53 глава пророка Исаии; 21 псалом и др.); но первосвященники и книжники, намеренно или ненамеренно, оставляли эти места без всякого внимания. Пророчества же о духовном Царстве Мессии, каковых также очень много в Ветхом Завете, например: Ис. 10:7; Дан. 2:44; Иез. 37:20 и др., – они объясняли в том смысле, что Мессия оснует видимое, земное царство. Таким-то образом эти народные учители затворяли вход в Царство Небесное человекам, сами не входили и других не допускали (Мф. 23:13).

«Тогда Иисус Христос сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма; а ходящий во тьме не знает, куда идет. Пока свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света». «О каком времени говорит здесь Господь? – спрашивает святой Иоанн Златоуст. – Разумеет ли всю настоящую жизнь, или только время до креста? Я думаю, то и другое, потому что, по неизреченному Его человеколюбию, многие уверовали в Него и после креста. А говорит Он это для того, чтобы возбудить их к вере, что и прежде делал (Ин. 7:33)». «Спаситель как бы так говорил иудеям: спешите пользоваться в простоте сердца тем, что вы видите и слышите от Меня и чрез Меня, не увлекаясь сомнениями, не предаваясь вопросам, не тратя на это времени, которого остается весьма мало» (Иннокентий. «Последние дни»); иначе тьма предубеждений и суеверий покроет вас; тяжкий грех христоубийства темным покрывалом ляжет на духовные очи ваши; само Священное Писание перестанет просвещать вас как потому, что оно ясно только при вере во Христа, так и потому, что ваши первосвященники и книжники исказят оное, извратят смысл главнейших пророчеств. «В самом деле, чего не делают теперь иудеи, однако не знают, что делают, но ходят как бы во тьме. Думают, что идут по прямому пути, а на самом деле идут противоположным путем, соблюдают субботу, хранят закон, наблюдают правила касательно пищи, но не знают, куда идут» (св. Иоанн Златоуст). То же самое сими словами Господь внушает и каждому из нас: еще немного времени, и в последний раз зайдет для тебя это солнце; в последний раз Господь позовет тебя к покаянию чрез Свою Церковь, и затем тело твое ляжет в могилу, а душа? Если она в этой жизни не просвещала себя единым незаходимым, вечным светом, то удел ее за гробом – вечная тьма!

«Сказав сие, Иисус отошел и скрылся от них. Он пошел в Вифанию и там провел ночь» (Мф. 21:17).

О том, какие плоды тотчас принесла крестная смерть Спасителя (Ин. 12:24)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из «Слова в Великий Пяток»

Аще зерно, — так говорил Иисус Христос о Себе Самом, — *аще зерно пшенично пад на земли, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит* (Ин. 12:24). О, как скоро сие зерно Божественного семени, умирающее на кресте, дает окрест Себя отрасли новые жизни! Смотрите, как еще прежде кончины Иисуса, на древе проклятия в устах разбойника, процветает молитва: *Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!* — и сей подлинно райский цвет в тот же день переносится в рай Божий. Смотрите, как вместе с потрясенною землею и расседшимися камнями сокрушается каменное дотоле сердце язычника и немедленно износит зрелый плод уст исповедующихся Спасителю: *Воистину Божий Сын бе Сей.* Каким непреодолимым влечением, оставившие Иисуса живого собираются окрест Его креста и гроба! Наипаче же явилась победа креста в Иосифе Аримафейском. Доколе он знал Иисуса как пророка и чудотворца, он не имел мужества открыть себя Его учеником: *потаен страха ради Иудейска* (Ин. 19:38). Но когда узнал, что Иисус умер смертию осужденного, то Вознесенный от земли повлек его к Себе с такою силою, что он не внял ни чести, ни боязни человеческой, и не поколебался обнаружить даже пред правительством свое участие в Распятом: *дерзнув, вниде к Пилату, и проси телесе Иисусова* (Мк. 15:43). Не тою ли же силою и давно сгнившие в вертограде смерти зерна показали необычайный плод, — *многа телеса усопших святых восташа?*

Мысли свт. Феофана на тот же стих

«Мысли на каждый день года»

Аще зерно пшенично, пад на землю, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит. Итак, если хочешь быть плодоносным — умри; умри настоящим образом, чтобы в сердце носить чувство, что ты умер. Как мертвый ни на что окружающее не отзывается, так делай и ты: хвалят — молчи, и бранят — молчи, и прибыль получишь — молчи; сыт — молчи, и голоден — молчи. Будь таков ко всему внешнему, внутренне же держи себя там, где бывает всякий умерший, — в другой жизни, пред лицом Бога всеправедного, готовясь услышать последний приговор. Какой же, скажете, плод от этого, когда тут все замрет? Нет, не замрет, а явится энергия, да еще какая! Одна минута осталась, скажешь себе, — сейчас приговор; дай поспешу сделать что-нибудь, — и сделаешь. Так и в каждую минуту.

Изъяснение и нравственное приложение слов Иисуса Христа: *дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете* (Ин. 12:36)

«Воскресное чтение», 1809

Свет имате, говорится нам. Это тот свет, о коем благовествует евангелист: *в том живот бе и живот бе свет человеком, свет истинный, иже просвещает всякого человека, грядущего в мир* (Ин. 1:4:9). Было время, когда свет сей являлся чувственно на земли, животворящим словом освещал умы, проникал в самые жестокие сердца, врачевал неисцелимо болящих и воскрешал мертвых; было время, когда свет сей сиял на Фаворе, как солнце, а на Голгофе, скрываясь от очей мира, превращал день в глубокую ночь; сей же свет озарил самые глубины смерти и ада, заставил князя тьмы отказаться от своих вековых пленников, и узников тьмы возвел в горнее царство света. С тех пор оный свет более невидим для очей телесных; но тем не менее он сияет и животворно действует в роде человеческом. С тех пор образовалось сильное царство и на земли — открылось Царство благодати, тот прекрасный вертоград Божий, в коем силою солнца духовного возрастают, цветут и созревают для вечной жизни бесчисленные души. И в сем-то новом Царстве Божием живем мы, просвещенные светом истины, возрожденные благодатию святого крещения, питаемые словом Божиим и таинствами Святой Церкви. Словом, *тма мимоходит, и свет истинный сей уже сияет* (1 Ин. 2:8).

Но, *дондеже свет имате, веруйте во свет,* говорит нам слово Божие. До которого времени будет сиять для нас свет благодати? До последнего часа здешней жизни, а потом или переведет нас в горнее Царство света или сокроется от нас навеки. Как велико данное нам время на земли? Не знаем; но, как бы ни было велико, прилично и нам слово Господне, сказанное иудеям: *еще мало свет в вас есть: ходите, да тма вас не имет* (Ин. 12:35). Ибо что время наше против вечности? И что оно по себе? *Пара бо есть,* говорит апостол Иаков, *яже вмале являетсчя, потом же исчезает* (Иак. 4:14). Время спешит; поспешим и мы воспользоваться тем, что дано нам во времени. Доколе свет у нас есть, будем веровать во свет; будем идти неуклонно по пути, по коему он ведет нас, будем стремиться к той цели, которую показывает. *Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения* (2 Кор. 6:2); *нощь прейде, а день приближися: отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света* (Рим. 13:12); *да не спим, якоже и прочии, но да бодрствуим и трезвимся, — оболкшеся в броня веры и любве, и шлем упования спасения* (1 Фес. 5: 6, 8). Если ты спишь еще, если все еще любишь тьму греха, то *востани спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Еф. 5:14). *Веруйте во свет, да сынове света будете.* Вот почему необходимо веровать во свет: иначе нельзя быть никому сыном света или всегдашним, блаженным жителем Царства Господня. Кто не возлюбит света, кто

не вверит ему всего себя, не исполнится им как единственною стихиею жизни, как может навсегда пребывать во свете? Как будет сыном света? А разве нужно непременно сыном, а не временным только жителем или пришельцем света? «Да, непременно нужно, если не хочешь остаться сыном тьмы. Все действия Божии в роде человеческом, все домостроительство спасения нашего клонится к тому, чтобы отделить навсегда свет от тьмы, произведенной грехом, и ничего не оставить среднего, общего между ними. Помысли же: вот, будет некогда совершенное отлучение света от тьмы, в области света будет сиять одно духовное Солнце, *и нощи не будет тамо, и не потребуют света от светильника, ни света солнечного* (Откр. 22:5).

Думаем ли мы со своею привязанностью к делам тьмы снести такое сияние? Способны ли мы жить в таком свете? Нет, не глаза нощных птиц, а глаза орлов потребны тому, кто хочет жить в сиянии солнца незаходимого. Посему-то всего более желает нам апостол сих очей светоносных, *просвещенных очес сердца* (Еф. 1:18). Какие это просвещенные очи сердца? Очи веры; ибо, по словам того же апостола, *вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. 11:1), и мы ныне должны ходить *верою, а не видением* (2 Кор. 3:7).

Заключение к истории общественного служения Иисуса Христа в Евангелии Иоанна (12: 37–50)

Филарет, архиеп. Черниговский. «Учение о Слове»

Ст. 37–43. Следуют замечания евангелиста о состоянии иудеев. «Сколько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него; чудеса совершаемы были не тайно, не за глазами представителей иудейства, а в виду народа, в виду книжных людей и правителей иудейских». И однако иудеи остались неверующими. «Да сбудется слово Исаии пророка»... «Да сбудется» – сказано вместо слов: так что сбылось слово Исаии, то есть означается не причина, а последствие. Пророк (Ис. 53:1) говорил: «Господи! Кто поверил слышанному от нас? И кому открылась мышца Господня?» Гордость людей чувственных не хотела верить тому, что смиренный раб Иеговы, униженный, измученный, был Мессия. То же самое – в истории Иисуса. Та же гордость людей, мечтающих о земном царстве, о земной славе иудейского народа, отворачивается с презрением от Иисуса. Значит, пророк описывал то, что совершается с Иисусом, жалуется на дела нечестивой гордости современников Иисусовых. «Потому не могли они веровать, – продолжает евангелист, – что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами и не уразумеют сердцем и не обратятся, чтобы Я исцелил их». Евангелист приводит слова пророка в виде

несколько измененном, но удерживая точный смысл их. Господь говорил пророку: «Утучни сердце народа сего и загради уши его, и закрой глаза его, чтобы он глазами своими не видел» (6:10). Пророки иногда являлись, как будто делали они то, что совершили сами люди, по испорченности воли своей (Иер. 1:10; 31:18; Ос. 6:5; Иез. 43:3). Этим выражалось только крайнее отвращение Иеговы от этих нечестивых людей. Св. Иоанн Златоуст пишет: «Что предсказал пророк, предсказал потому, что так непременно будет... Должно было совершиться, потому что иудеи неизлечимы. Если же и поставлено здесь слово «не могли», но оно то же значит, что «не хотели». Точнее сказать: иудеи не могли веровать потому, что, долго злоупотребляя своею свободою, привели себя в нравственную невозможность веровать, неверие стало любимым началом жизни их; так же как добрые люди долгим упражнением в добре достигают того, что считают невозможным творить тот или другой порок. При тех великих чудесах, какие совершал Иисус, при том чистом и высоком учении, которое преподавал Он, неверие иудеев – явление изумительное. Оно останавливало на себе внимание современников евангелиста; оно возбуждает вопросы и после евангелиста. Евангелист в разрешение подобных вопросов указывает на учение пророков; и они показывали, что иудеи приведут себя в такое нравственное состояние, что не будут видеть света. «Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем»». Чью славу видел? По мнению св. Иоанна Златоуста, славу Отца. Нет. Евангелист объясняет, почему не верили в Иисуса, и говорит об Иисусе. Значит, по словам евангелиста, Исаия видел славу Иисуса. В каком же виде видел Его пророк? Он видел Иегову, окруженного небесными воинствами и восхваляемого ими, и говорил с трепетом: «Очи мои увидели Царя, Иегову воинств» (6: 1–5). Итак, евангелист дает видеть в Христе Иисусе Бога истинного. «Впрочем, и из начальников многие уверовали в Него, но ради фарисеев не исповедовали»... Этим точнее определяется значение сказанного об иудеях, так что слова «они не уверовали» получают такой смысл: «многие не уверовали». Даже из начальников многие были верующими. Сказав это, евангелист вводит в душевное состояние уверовавших членов синедриона; он рассказывает тайны слабой совести их. «Ради фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги». Евангелист указывает ту же болезнь в душах этих людей, на которую указывал Спаситель, когда говорил: «Как вы можете веровать, когда друг от друга приемлете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищете?» (Ин. 5:44). Синедрионисты и фарисеи хотели казаться людьми высокого полета, а на деле были людьми низкими, пресмыкались пред подобными себе людьми пустыми. Члены синедриона Иосиф и Никодим остались верными Спасителю и при крестной смерти Его; они же исповедывали Его и пред синедрионом (Ин. 7:50; Лк. 23:51). Потому строгое замечание евангелиста имеет в виду не их,

а других, которые по временам также казались верующими, но, слишком дорожа мирскими выгодами, остались в числе явных врагов Иисуса.

Ст. 44–50. Содержание наставлений, предложенных Христом в разное время. Так как нельзя представить примера, где целая речь Спасителя состояла бы из повторений сказанного прежде, без всякой новой мысли, как это видно в стихах 44–50, и такое извлечение мыслей из поучений Спасителя вполне прилично ученику Христову, то в стихах 44–50 надобно признать продолжение размышления Иоаннова. Связь с предшествовавшим такая: словами Христа Иисуса показывается виновность неверия иудеев.

Иисус же воззва и рече: аорист ἔκραξε καὶ εἶπεν не может значить давнопрошедшего, но выражает повторявшееся действие. Иисус возвещал вслух и говорил: *Веруяй в Мя не верует в Мя, но в Пославшаго Мя. И видяй Мя видит Пославшаго Мя.* То и другое показывает во Христе не одну человеческую личность, которая была бы отдельна от Божества. Потом учит, что вера переходит через Него к Богу, чрез посланного к пославшему, чрез Сына к Отцу. Те же мысли (Ин. 8: 19, 42; 5: 24, 38). Так учили и апостолы Петр (1 Пет. 1:21) и Павел (Евр. 7:25). *Видяй,* по слову евангелиста, то же, что веруяй, а не то, что холодно размышляющий; *видяй* – в том же состоянии, как видел Исаия в явившемся Господе славу Христову (ст. 38).

Ст. 46. *Аз свет в мир приидох, да всяк веруяй в Мя во тме не пребудет.* Мысль предложена была (Ин. 8:12). Только здесь в резком виде представлено печальное состояние человека, остающегося без веры во Христа. Кто остается без веры в Иисуса, тот останется во тьме, какие бы меры ни брал он выйти из тьмы.

Ст. 47–48. *И аще кто услышит глаголы Моя и не верует: Аз не сужду ему...* Слыша хулы иудеев на Иисуса, могли смущаться тем, что Иисус Христос оставляет их ненаказанными. В успокоение таким объясняется, что Сын Божий пришел спасать мир, для произнесения же осуждения миру будет свое время. На это указано было (Ин. 3: 17–18). Особенность здесь — состояние неверия. Это не то, что одна небрежность, невнимание, а то состояние, когда понимают достоинство наставления, однако отвергают его с презрением гордым, видят истину и стараются не допустить ее до души (Евр. 3: 12–19).

Ст. 49–50. *Аз не от Себе глаголах...* Упорное презрение, оказываемое к Иисусу Христу, относится и к Отцу, Которого поручения исполняет Он. Об этом говорено было не раз (Ин. 5: 24, 30; 6: 39–40; 7:16; 8:38).

Ответный вопрос о происхождении крещения Иоаннова (Мф. 21: 23–27)

Толкование святого Иоанна Златоуста

Гордые и надменные иудеи, желая прервать беседу с учениками, подошли к Нему с вопросом: *Коею властию сия твориши?* Поелику иудеи не могли

унизить Его чудес, то выставляют Ему поступок Его в храме с торжниками. Подобный вопрос предложили они и у евангелиста Иоанна, хотя не теми же словами, но в том же смысле. Они там говорят: *Кое знамение являеши нам, яко сия твориши?* (Ин. 11:19). И Христос отвечал им: *Разорите Церковь сию, и треми денми воздвигну ю.* А здесь Он приводит их в крайнее затруднение. Отсюда очевидно, что случай, описываемый Иоанном, был в начале служения Иисуса, когда Он только что начал творить чудеса, а описываемый Матфеем был при конце Его служения. Смысл вопроса иудеев был такой: получил ли Ты кафедру учительскую или рукоположен ли во священника, что выказываешь такую власть? Хотя Христос ничего не сделал, чтобы показывало гордость, а только установил благочиние во храме; но, не имея ничего сказать против Иисуса, иудеи и в этом Его укоряют. Впрочем, по причине чудес они не смели укорять Его в то самое время, когда Он изгнал торжников из храма, но укоряют Его уже после, когда увидели Его. Что же Христос? Он не прямо отвечает на их вопрос, показывая тем, что они могли знать о Его власти, если бы захотели, но Сам спрашивает их, говоря: *крещение Иоанново откуду бе, с небесе ли, или от человек* (Лк. 20:4)? Но как это относится к делу, спросишь ты? И очень. Ибо если бы они сказали: *с небесе,* — Он отвечал бы им: *почто убо не веровасте Ему?* Потому что, если бы верили Иоанну, то и не спрашивали бы об этом, так как о Нем говорил Иоанн: *Емуже несмь достоин отрешити ремень сапогу Его* (Лк. 3:16). И еще: *Се Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1:29); и также — *Сей есть Сын Божий* (3:31). И еще: *Грядый свыше над всеми есть*; и опять: *Емуже лопата в руку Его, и отребит гумно Свое.* Посему, если бы иудеи поверили Иоанну, то нетрудно было знать им, какою властию Христос делает это. Поелику же иудеи с лукавством отвечали Ему: *не вемы,* то Христос не сказал им: и Я не знаю, но что же? — *ни Аз вам глаголю.* Если бы они в самом деле не знали, то надлежало бы научить их; но так как они поступали лукаво, то Христос справедливо ничего не отвечал им. Почему же иудеи не сказали, что крещение Иоанново было от человеков? Боялись народа, сказано. Видишь ли развращенное сердце? Богом всюду пренебрегают, а для людей все делают. Ибо и Иоанна боялись для людей, уважая святого мужа не для него самого, но для народа; для народа они не хотели веровать и в Иисуса Христа, и вот где источник всех зол для них!

Мысли свт. Феофана о том же

На вопрос Господа об Иоанне Предтече архиереи и старцы думали: так ли скажем или так, все для нас невыгодно, а потому решили лучше прикрыться незнанием. Интерес свой связал им язык и не дал им засвидетельствовать истину. Если бы они любили истину больше, чем себя, была бы иная речь, иное было бы и дело. Свой интерес закрыл истину и не

допустил ее до сердца, помешал образоваться искреннему убеждению и сделал его равнодушным к ней. И всегда так: эгоистические стремления — источные враги истины. Все другие враги идут за ними и действуют чрез посредство их. Если разобрать, как родились все заблуждения и ереси, то окажется, что всех их источник именно этот. На словах — истина, истина; а на деле — мешает истина в том и в том отношении; надо ее устранить, а поставить на место ее благоприятную нам ложь. Отчего, например, являются материалисты-нигилисты? Оттого, что идея Бога Творца, Промыслителя и Судии, с идеею о духовности души, мешает им шире жить по своим наклонностям, вот и отстраняют ее. Что не истина руководит нигилистами, это видно из ничтожности оснований, на которых они утверждаются: им желательно, чтобы было так, как они думают, и всякий призрак, отражающий их мысли, выставляется ими как свидетель истины. Если бы они отрезвились хоть немного — тотчас бы увидали ложь свою. Но себя жаль, потому и остаются так, как есть.

Притча о послушном и непослушном сыне (Мф. 21: 28–32)

Толкование святого Иоанна Златоуста

Далее Иисус Христос говорит им: *Что же ся вам мнить? Человек некий имяще два сына, и пришед к первому, рече: чадо, иди днесь, делай в винограде моем. Он же отвещав рече: не хощу: последи же раскаявся, иде. И приступль к другому рече такоже. Он же отвещав рече: аз, Господи, иду, и не иде. Кий же обою сотвори волю отчу? Глаголаша Ему: первый.* Христос опять притчами обличает иудеев, намекая как на неповиновение их, так и на покорность отверженных прежде язычников. Ибо здесь под двумя сыновьями разумеются язычники и иудеи. Первые, не давая обещания в послушании и не слышав закона, самым делом оказывали послушание; а последние, хотя говорили: *вся, елика рече Бог, сотворим и послушаем,* — но на самом деле не оказывали покорности закону. Потому, дабы иудеи не подумали, что закон и без исполнения приносит им пользу, Христос показывает, что это-то самое и осуждает их. Согласно с этим говорит и Павел: *Не слышателие закона праведни пред законом, но творцы закона, сии оправдятся* (Рим. 2:13). Потому, чтобы иудеи осудили сами себя, Спаситель заставляет их самих произнести приговор.

Когда же они, не понимая цели притчи, произнесли приговор, тогда Он уже открывает им самый смысл притчи и говорит: *Яко мытари и любодейцы варяют вы в Царствии Божием. Прииде бо к вам Иоанн путем праведным, и не веровасте ему, мытари же и любодейцы вероваша ему: вы же видевше не раскаястеся последи веровати ему* (ст. 31–32). Если бы Он просто сказал: блудницы прежде вас войдут в Царствие Божие, то слова Его показались бы им тяжкими; но теперь, когда сами они объявили свое мнение, то слова Его для них кажутся

не так тяжкими. Для сего же Он приводит и причину, какую же? Иоанн, говорит Он, пришел к вам, а не к ним, и притом путем праведным. Ибо вы не можете обвинить его, как человека нерадивого и бесполезного. Он вел и жизнь неукоризненную, и имел большую попечительность; однако вы и тогда не послушали его. После этого следует другое осуждение, то есть, что мытари уверовали; за сим еще обвинение, именно: вы, и видев сие, не одумались после, чтобы поверить ему, тогда как надлежало вам сделать это прежде. А это не заслуживает никакого прощения. Слово *варяют* не потому сказано, что иудеи последуют мытарям, но что и они, если захотят, могут войти в Царствие Божие. Ибо ничто так не возбуждает грубых людей, как ревность; потому Христос всегда говорит; последние будут первыми, и первые последними. Для того Христос и представляет в пример блудниц и мытарей, дабы иудеи возревновали. Ибо грех блудниц и грех мытарей суть грехи величайшие, происходящее от грубой любви, один к телу, другой к деньгам. Притом Христос научает, что верить Иоанну значит истинно повиноваться закону Божию. Итак, блудницы входят в Царствие Божие не по одной благодати, но и по правде. Ибо входят они уже не как блудницы, но как послушные и верующие, чистые и переменившиеся. Обличив иудеев во всем этом, Христос, наконец, наносит им самый тяжкий удар, говоря: *Вы же видевше не раскаястеся последи веровати ему.* Худо не делать доброго в самом начале, но еще большего осуждения достоин тот, кто после не исправляется.

Мысли свт. Феофана (Мф. 21: 28-32)

В притче о двух сынах второй из них проворно сказал: *Иду, – и не иде.* Это образ всех скороспелых благонамерений, которые привести в исполнение недостает потом постоянства воли и терпения. Сердце легкое тотчас готово на всякое представляющееся ему добро, но нетвердая и нетрудолюбивая воля отказывается от делания на первых же порах. Эта немощь встречается почти у всех. Как же избегнуть такой несостоятельности пред самим собою и пред другими? А вот как: не начинай ничего, не обдумав и не рассчитав, что на предпринимаемое достанет сил. Так Господь поведал в притче о начинающем войну и приступающем к построению дома. В чем же этот расчет? В том, по сказанию тех же приточных внушений Господа, чтобы вооружиться наперед самоотвержением и терпением. Посмотри, есть ли у тебя эти подпоры всех тружеников в добре, – и если есть, начинай дело; а если нет, то наперед запасись ими. Если запасешься, то, что ни встретится на пути к намеренному, все перетерпишь и преодолеешь и начатое доведешь до конца. Расчет не то значит, что, коль скоро трудновато дело, – брось, а то, чтобы воодушевить себя на всякий труд. Отсюда будет исходить твердость воли и постоянство делания. И не будет с тобою никогда того, чтобы ты сказал – иду, а потом не пошел.

Притча о винограднике (Мф. 21: 33-42)

«Воскресное чтение», 1831

«Один хороший хозяин, — говорит Спаситель, — насадил виноградник, обнес его оградою, выкопал в нем точило (для собрания ягод и выжимания из них сока), построил (сторожевую) башню и, отдав виноградарям, отлучился. Когда настало время собирания плодов, хозяин послал к виноградарям своих слуг взять плоды. Но виноградари, схвативши слуг, иного прибили, иного убили, иного побили камнями. Хозяин послал других слуг, больше прежнего; но виноградари и с ними поступили так же, как с первыми. Тогда хозяин послал сына своего, думая в себе: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидевши сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем убьем его и завладеем наследством. И, схвативши его, вывели вон из виноградника и убили. Что сделает хозяин с этими виноградарями, когда придет в виноградник свой?» — спросил Господь Своих слушателей. Все отвечали ему: злодеев этих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды в свое время. «Так, — заключил Спаситель, — и от вас отнимется Царство Божие, и дано будет народу, приносящему плоды его».

Эта притча раскрывает пред нами всю судьбу еврейского народа, раскрывает все заботы и попечения Божии об этом народе, и то, как он, по своему жестокосердию, навлек на себя праведный гнев Божий, тяготеющий над ним и до сего времени. Еврейский народ был любимым виноградником доброго хозяина — Царя Небесного. Еще в лице праотца Авраама еврейский народ избран был Богом из всех народов в усыновление и особенное благоволение и попечение; ему одному даны были все обетования, или, как говорит святой апостол Павел, *вверена быша словеса Божии* (Рим. 3:2); на него излиты все милости и щедроты Божии. *Сын Мой первенец Израиль* (Исх. 4:22), говорил Бог о народе еврейском чрез Моисея, и для этого первенца разделялось море, сходила с неба манна, камень источал воду и т.п. *Что аще сотворю винограду Моему, и не сотворих ему?* Вот в каких чертах изображается близость Божия к народу еврейскому и попечение Божие о нем! Сам Бог говорит, что Он все сделал для народа еврейского и затем уже не знает, чего бы ни сделал для блага его. Наконец, от этого народа произошел Спаситель мира — *свет во откровение языков и слава людий Своих - Израиля.* Какое преимущество может быть выше этого? Какое благоволение Божие может быть больше того, когда Сам Сын Божий снисшествие Свое на землю первоначально относил ко благу еврейского народа! *Несмь послан,* говорит Он, *токмо к овцам погибшим дому Израилева* (Мф. 15:24).

Чем же заплатил народ еврейский за такую любовь Божию к нему, за такое попечение, за такие милости Божии? Самою черною неблагодарностью, жестокосердием и вероломством. Вместо плодов правды и благочестия,

которых требовал Бог от Своего виноградника, он принес *терние;* народ еврейский попрал завет и закон Божии, осквернил себя нечестием и беззакониями и не раз предавался идолопоклонству и неверию. Сам Бог жалуется на неблагодарность и жестокосердие избранного народа Своего: *Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене. Позна вол стяжавшаго его, и осел ясли господина своего: Израиль же Мене не позна и людие Мои не разумеша* (Ис. 1:3).

Господь Бог, видя озлобление и развращение народа Своего, по неизреченному долготерпению Своему посылал к нему Своих рабов – пророков, чтобы они обращали его от пути заблуждения на путь истины, научали его служить Богу своему верою и правдою. Но виноградари, то есть старейшины и законоучители народа еврейского, сами будучи развращены и жестокосерды, жестоко поступали и с посланниками Божиими, которые требовали как от них самих, так и от вверенного смотрению их народа добрых плодов. Редкий из пророков не был гоним ими, а многие, как Исаия, Иеремия, Иезекииль, Захария, были преданы насильственной смерти. *Кого из пророков не изгнаша отцы ваши?* – укорял своих современников иудеев первомученик Стефан, от них же побитый камнями (Деян. 7:52). В заключение же всего они не устыдились известь вон из виноградника, т.е. из Иерусалима, и распять на кресте надежду и утеху Израилеву, своего Спасителя – Единородного Сына Божия. Это было самое ужасное злодеяние со стороны народа еврейского и вождей его. Этим злодеянием иудеи ясно показали, что они стали совершенно недостойны имени избранного народа, и что хотя еще у них были книги закона, храм, священники и жертвы (оплот, точило, столп и делатели), но все это потеряло уже свою цель и свое действие. Все расположение сердца их и вся их жизнь были направлены совершенно не по закону Божию. Справедливо говорит святой апостол, обличая иудеев своего времени: *Ты, Иудей, в законе хвалишися, и преступлением закона Бога безчествуеши* (Рим. 2: 17, 23). Поэтому как нельзя более справедливый приговор призвали на себя и на народ старейшины иудейские, когда ответили Господу, что *господин виноградника злых виноградарей* – их самих – *зле погубит, и виноград предаст иным делателем, иже воздадят ему плоды во времена своя.* Бог так точно и поступил с народом еврейским. Вскоре их столица – Иерусалим – разрушена до основания, наибольшая часть иудеев предана смерти, остальная же до сего времени расточена по всему лицу земли. Так отнято от евреев Царство Божие и дано иному языку, творящему плоды его!

Какой это язык, избранный Богом на место неблагодарного и вероломного Израиля? Этот язык или народ – мы, христиане; мы – новый виноградник, насажденный от Самого Господа, по слову Его: *Аз есмь лоза, вы же рождие* (Ин. 15:5). Мы – сыны нового Израиля; нам теперь усвоены все достоинства и преимущества Израиля ветхого, и даже еще большие

преимущества. *Мы*, по словам апостола, *род избран, царское священие, люди обновления* (1 Пет. 2:9); *мы наследницы Божии, снаследницы же Христу* (Рим. 8:17); *мы храм Бога живаго, и Дух Божий живет в нас* (1 Кор. 3:16). Нам даны все средства к тому, чтобы мы могли приносить добрые плоды: *Святая Церковь — столп и утверждение истины* (1 Тим. 3:15) есть наш *оплот*, наше ограждение; животворящая Кровь Иисуса Христа и благодать Святого Духа, как из *точила*, в Святой Церкви подаются обильно для душ, *алчущим и жаждущим правды* (Ин. 7:38; Мф. 5:6). Для возращения плодов веры и дел благих мы поручены *делателям* — пастырям и учителям, *призванным к совершению святых, в дело служения* (Еф. 4:12). Так, все нам дано для того, чтобы мы могли *жить свято и целомудренно, отверглись нечестия и мирских похотей*, как свойственно сынам нового благодатного Царства.

Все указанные достоинства и преимущества принадлежат только тем из нас, которые живут достойно своего высокого звания. Если же мы одним только именем отличаемся от жестоковыйных иудеев, если только одними устами исповедуем Христа, а сердцем и делами отметаемся от Него, если, будучи искуплены крестною смертию Спасителя, вторично распинаем Его своим вероломством, неверием и неблагодарностью, то не только все осуждения и клятвы, произнесенные Богом на ожесточенных иудеев, падут на нас, но постигнет нас участь еще горшая.

Изъяснение притчи о винограднике (Мф. 21: 33–43)

Илиодор, архиеп. Курский.
«Христианское чтение», 1849

Человек некий бе домовит, иже насади виноград, и оплотом огради его, и ископа в нем точило, и созда столп, и вдаде и делателем, и отъиде (Мф. 21:33). Кто этот домовладыка, мудрый и добрый? Это Бог премудрый, всеблагий, всемогущий, Господь неба и земли, ангелов и человеков, верховный Владыка, Коим все во благое устрояется на небе и земле. На небе Им устроено Царство славы, на земле Царство благодати.

Насади виноград. На земле насадил Он виноград, то есть Свою Святую Церковь сперва в земном рае, потом среди избранного народа, на Сионе, и во всей вселенной.

Оплотом огради. Богонасажденный виноград, Святая Церковь, не оставлен без особого промышления: *огражден оплотом*, то есть законом, на сердцах и на скрижалех написанным.

Ископа в нем точило, или тиски. Это жертвенник, на коем проливалась кровь животных, в очищение грехов, по вере в крестную жертву грядущего Спасителя мира. *И созда столп* — это сперва скиния ветхозаветная, по-

том храм Иерусалимский, где долженствовало приноситься поклонение истинному Богу и приносилось.

И вдаде и делателем, и отъиде. Кто эти делатели? Это священники, вожди и начальники церкви иудейской. Это суть все иудеи, коих Господь избрал в наследие Свое паче всех языков, возвестил им слово истины, дал закон, вверил тайну искупления, утешил обетованиями. Поелику Господь не связывает произволения человеческого властию Своею и не может нарушить вечного закона свободы принуждением к добру, то Он и иудеям дал свободу поступать по произволению своему. *Отъиде.* Отходит Господь от делателей винограда, когда не стесняет свободного их произвола в действиях их и являет долготерпение Свое к согрешающим. Посему иудеям оставалось свободно принять заповеди и обетования, благоугождать Господу правдою нелицемерною и непринужденною, приносить покаяние в согрешениях, пользуясь долготерпением Господним.

Егда приближися время плодов, посла рабы Своя к делателем, прияти плоды его (ст. 34). Вот и время отчета в делах добрых и злых, – время суда и воздаяния! Так *всем время и время всякой вещи под небесем: время садити и время исторгати насажденное,* говорит мудрый (Еккл. 3:1). Посему и в Церкви ветхозаветной и новозаветной были уставлены свои сроки для духовного сеяния и плодоприношения. И когда сии сроки исполнялись, тогда Небесный Домовладыка посылал рабов Своих к людям прияти плоды правды, – патриархов – во дни Церкви патриархальной, пророков – во дни Церкви подзаконной, апостолов и других богомудрых мужей – во дни Церкви новозаветной. Сии провозвестники воли Божией, суда и милости Его, не только нашли на земле мало избранных, но сами подверглись от злых делателей, сынов века, поношению, ранам и смерти. Злые делатели не только не принесли плодов благочестия, но и нанесли оскорбления рабам Господа! *И емше делателе рабов его, оваго убо биша, оваго убита, оваго же камением побиша. Паки посла ины рабы множайша первых: и сотвориша им такоже* (ст. 35–36). Таковы были злонравные иудеи по отношению к пророкам и апостолам. Так много и так тяжко и ныне страдают рабы Господни – ревнители истины и добродетели – от сынов века сего!

Последи же посла к ним сына своего, глаголя: усрамятся сына моего (ст. 37). Кто этот сын посылаемый? Это Единородный Сын Отца Небесного, Господь наш Иисус Христос, по воле Отца Небесного явившийся во плоти среди иудеев для спасения мира. Так многочастно и многообразно *древле глагола Бог* сынам и дщерям ветхозаветной Церкви *во пророцех,* в последок же дней ее возглаголал *нам в Сыне,* говорит апостол Павел. *Се прииду* на землю, сказано устами псалмопевца о Христе, Спасителе мира, *еже сотворити волю Твою, Боже мой, восхотех и закон Твой посреде чрева моего* (Пс. 39: 7–8). Казалось бы, что появление Сына Божия среди народа, Богом избранно-

го в наследие, долженствовало привести иудеев в разум истины, породить в них чувство стыда и сокрушения о своем нечестии и призвать на путь веры и благочестия. Нет, при появлении наследника всяческих, Сына Божия, в коварных сердцах книжников и фарисеев родилось коварное и злое намерение погубить Его. За что? Не за вину какую-либо по закону, а беззаконно, по одной зависти и вражде к Нему, по одному желанию восхитить достояние Его — власть над всею иудейскою церковию. Делатели же, *видевше сына, реша в себе: сей есть наследник: приидите, убием его и удержим достояние его!* Коварные иудеи! Если Иисус Христос есть истинный Сын Божий, наследник в дому Его, то зачем посягать не только на достояние Его, но и на жизнь Его? Если же в душе вашей таится злое намерение погубить Иисуса Христа, Сына Божия, то зачем коварно языком именуете Его наследником, а в сердце неверном питаете злобу и зависть к Нему? Зачем язык и сердце ваши не согласны между собою? Или лучше, зачем они согласно обращены на убиение Благодетеля и Спасителя душ наших?

И емше его, изведоша вон из винограда и убиша (ст. 39). За злым намерением последовало злейшее действие — убиение неповинного. Иудеи остались упорны в своем неверии и нечестии. Они не устыдились, не убоялись восстать на Господа; они не только отвергли Христа, но погубили Его звероправно. Евангельское сказание подробно показывает, где, от кого и сколько пострадал Господь, где и как умер, за кого и для чего. Он пострадал много от книжников и фарисеев во Иерусалиме, распят вне града Иерусалима на Голгофе, на кресте. *Темже Иисус вне врат* (града) *пострадати изволил* (Евр. 13:12). Для чего вне града? У злых было и злое намерение к страданиям Богочеловека присовокупить вящшее поношение, а у Всеблагого хранилось благое изволение принести жертву не за иудеев только, но и за язычников. *Пострадати изволил* Иисус *вне града, да освятит Своею Кровию люди,* то есть весь род человеческий. Для того и руки Спасителя на кресте простерты, дабы привлечь все народы к Отцу Небесному.

Егда убо приидет господин, что сотворит делателем тем? Глаголаша ему: злых зле погубит и виноград предаст иным делателем, иже воздадят ему плоды во времена своя (ст. 40–41). Господин винограда — это Бог правосудный. Пришествие его — это явление правды Его на нераскаянных и нечестивых делателей винограда — книжников и фарисеев и всех врагов Иисусовых. Господь Бог не Сам произносит по Своей правде и власти суд над нечестивыми, но первоначально отдает преступление на суд им самим. Спрашивает: чего достойны злые делатели, посягнувшие на жизнь Сына Его и Наследника в дому Его? Отвечают: жестокой смерти. — *Злых зле погубит.* Так, осуждение строго, но вместе праведно. За беспредельно тяжкое злодеяние потребно и тягчайшее наказание. Это и сами делатели злые сознают, и сами на себя произносят праведный приговор. Что же будет с виноградом? Оста-

нется без делателей? Предастся на расхищение? Нет, вручен будет лучшим делателям. *И виноград предаст иным делателем, иже воздадят ему плоды во времена своя* (ст. 41). *Иные делатели* – это апостолы и их преемники, пастыри и учители. Это все мудрые и верные рабы Царствия Христова. Сии делатели принесли плоды в свое время. Они не только сохранили вверенную Святую Церковь, но и распространили оную по всей вселенной, – насадили в ней веру и благочестие, оградили ее оплотом Божественных догматов, воздвигли храмы, украсили ее высокими подвигами и христианскими добродетелями, положили здравие и жизнь во славу ее.

Суд, какой произнесли злые делатели на самих себя, признан от Господа справедливым, подкреплен словами псалмопевца, утвержден собственным судом Господним. *Глагола им Иисус: несте ли чли николиже в писаниих? Камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла. От Господа бысть сие, и есть дивно во очию вашею. Сего ради глаголю вам, яко отъимется от вас Царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его* (ст. 42–43). Что это за дом зиждемый и что за зиждители? Это то же, что виноград насаждаемый и делатели винограда, то есть Церковь и начальники иудейской церкви, книжники и фарисеи. Кто краеугольный камень, соединяющий две стены, но пренебреженный зиждителями? Это Сын, убитый делателями винограда – иудеями, Господь Иисус, твердое основание положивший церкви из иудеев и язычников. И все это носит дивную печать мудрости, благости и всемогущества Божия. И все устроилось по судьбам Всевышнего: *от Господа бысть сие, и есть дивно во очию вашею.* Церковь Христова основана на кресте Его, украшена дражайшею Кровию Его, утверждена чудесами и знамениями, распространена по всей вселенной Божественным учением Его, сохраняется бдительным промыслом Его и вовеки силою и действием Его останется незыблемою и неразрушимою. А врагам ее что угрожает, что ожидает их? Отчуждение от Царствия Божия, от лица Христова. *Сего ради глаголю вам: отъимется от вас Царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его.* И подлинно, злонравные иудеи отвержены от Царства Божия за небрежение о краеугольном камени, то есть за неверие во Христа, и рассеяны по лицу земли за нечестие, а в Церковь Христову, в блаженное Его Царство призваны те из иудеев и язычников, кои с верою и любовию приняли Христа, Его крест, принесли плоды христианских добродетелей, подвиги высокого самоотвержения и чистой любви.

Толкование Иннокентия Херсонского на 42 и 44 стихи 21 гл. Евангелия от Матфея

«Последние дни земной жизни Иисуса Христа»

Ст. 42. *Несте ли чли николиже в писаниих: камень, егоже не в ряду сотвориша зиждущии, сей бысть во главу угла.* Слова эти указывают на псалом 118:22. Псалом

сей содержит таинственную песнь, коею Давид благодарит Бога во храме по низложении врагов своих. Государство иудейское сравнивается здесь с зданием, коего строители суть Саул и старейшины двенадцати колен Израилевых. Камень, ими отверженный, есть Давид, коего потом Сам Бог положил во главу угла — сделал царем и победителем. Поелику же Давид был свыше установленным пророком великого потомка своего — Мессии, то многие черты из его царствования и личной судьбы в таинственном смысле относятся к Иисусу Христу (Деян. 4:11; Рим. 9:33; Еф. 2:20; 2 Тим. 2:19; 1 Пет. 2:7).

Ст. 44. *И падый на камени сем сокрушится, а на немже падет, сотрыет и.* Надобно полагать, что Иисус Христос имел при сем в виду следующее место из пророчеств: Ис. 8: 14–15; у пророка с камнем святым сравнивается Бог, а нечестивые уподобляются людям, кои, будучи поражены страхом, бегут и, претыкаясь о святой камень, падают и разбиваются. В настоящем случае под камнем разумел Иисус Себя Самого. Под упадающими на сей камень разумеются те иудеи, кои, соблазняясь Его уничиженным состоянием, не принимали Его учения. Для таковых покаяние было легко, и они терпели только одно наказание — лишение благодеяний. Но были между неверующими во Христа и такие люди, на коих сам камень имел упасть, чтобы раздавить их; потому что они грешили не по слабости и неведению, а по злобе и буйству; были нераскаянны, а потому недостойны и помилования. Одно из таких страшных падений последовало при разрушении Иерусалима.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 21-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ

Святоотеческие толкования

1) Мф. 21:22. *Прп. Максим Исповедник.* Изъяснение. «Воскресное чтение», 1811. О проклятии смоковницы. Там же.

2) Ст. 23. *Св. Иоанна Златоуст* на слова: *коею властию сия твориши?* Беседы на разные места Священного Писания, т. 2.

3) Ст. 33–42. *Блаженный Феофилакт.* Изъяснение Евангелия, читаемого в 13 нед. по Пятидесятнице (ст. 33–42). «Воскресное чтение», 1810.

4) Ст. 33. *Святой Дмитрий Ростовский. Человек некий бе, иже насади виноград.* «Воскресное чтение», 1818.

Новейшие толкования в духовных журналах

5) Мф. 21: 18–22. Синаксарь во святой Великий понедельник об иссохшей смоковнице.

6) Ст. 16. *Голубинский.* Правдолюбие. «Воскресное чтение», 1872.

7) Ст. 28–32. Притча о двух неодинаковых сынах «Христианское чтение», 1885.

8) Ст. 28–32. *Ф. Смирнов.* Притчи Иисуса Христа в нравственно-социальном отношении. Притча о двух сыновьях. «Воскресное чтение», 1892.

9) Ст. 33–42. *Его же.* Притча о злых виноградарях. Там же.

10) Ст. 33–43. *Прот. Полисадов.* Беседа. «Странник», 1875.

11) Ст. 33–44. Изъяснение воскресного Евангелия. «Воскресное чтение», 1816.

12) Притча о злых виноградарях. «Воскресное чтение», 1825, 1832.

13) Притча о виноградарях. «Христианское чтение», 1837.

14) Ст. 43. *Свящ. Полесский.* О современном фарисействе и саддукействе. «Странник», 1860.

В Словах и Беседах

15) Мф. 21: 18–19. *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Почему и для чего подвергнута проклятию смоковница. Сочинения. Общедоступного изд. Вольфа.

16) *Никанор, архиеп. Одесский.* Об иссохшей смоковнице.

17) 23–22, 1–14. *Его же.* О событиях вторника страстной седмицы: о беседе Иисуса Христа с фарисеями и о значении притчей Его: о двух сынах, злых виноградарях и о браке царского сына.

18) Ст. 33. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседа на притчу о злых виноградарях.

На 11-ю гл. Евангелия от Марка

19) *Н. Елеонский.* О Евангелии Марка. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.

20) Ст. 12–13. О смоковницах. «Воскресное чтение», 1873.

21) Ст. 13–20. Мысли свт. Феофана об иссохшей смоковнице.

22) Ст. 30–33. Мысли свт. Феофана.

На 19-ю гл. Евангелия от Луки

23) Ст. 46. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О высоком достоинстве храма как дома Божия и дома молитвы и о расположениях, с какими должно входить в него и пребывать в нем.

24) *Филарет, архиеп. Черниговский.* О благотворных действиях молитвы. О силе молитвы. Почему молитвы иногда остаются без исполнения? О качествах и предметах молитвы. О молитве за умерших. О средствах возбуждения и поддержания молитвы.

25) Гл. 20: 9–18. Мысли свт. Феофана на притчу о злых виноградарях.

На 12-ю гл. Евангелия от Иоанна

26) Ст. 24. Природа изъясняет нам и Библию и наше сердце. «Христианское чтение», 1822.

27) Ст. 35–36. *Леонид, еп. Дмитровский.* Не медли творить дела света. «Душеполезное чтение», 1873.

28) *А. Некрасов.* Экзегетические примечания к 12 гл. Ин. «Православный собеседник», 1886.

29) *Григорий, архиеп. Казанский.* О прославлении Иисуса Христа пред смертью.

Притча о браке царского сына (Мф. 22: 1–14)

Блаженный Иероним. Изъяснение Евангелия в 14 Неделю по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1818

Уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему.

Этот царь, соделавший брачный пир для сына своего, есть всемогущий Бог, Который сделал брачный пир для Господа нашего Иисуса Христа и Святой Церкви Его, составленной из иудеев и язычников.

И посла рабы своя призвати званныя на браки, и не хотяху приити.

Под именем рабов здесь разумеется, во-первых, Моисей, чрез которого Бог приглашенным дал закон, а потом святые пророки, которые призывали иудеев и которых сии презрели.

Паки посла ины рабы, глаголя: рцыте званным: се обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: приидите на браки.

Под именем этих других рабов разумеются святые апостолы; а под именем обеда, тельцов и других откормленных животных можно разуметь или богатство Царя Небесного, представляя под видом чувственных блага духовные, или величие учения, вполне изображающего нам волю Божию.

Они же небрегше отъидоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя: прочии же емше рабы его, досадиша им и убиша их.

Нехотящие покориться Евангелию много различаются между собою. Те, кои не хотят придти на пир по занятию своими делами, не столько виновны, как те, кои, презрев расположение к себе царя, оскорбили или убили посланных к ним слуг. В сей притче не говорится об убиении жениха, а только о презрении, которое показали к брачному торжеству приглашенные на оное, убив посланных звать их.

Слышав же царь той, разгневася, и послав воя своя, погуби убийцы оны и град их зажже.

Выше, когда было говорено о приглашении на брачный пир и о делах милосердия Божия, царь назван человеком; а здесь, когда дело идет об отмщении, упоминается просто царь, без прибавления имени человек. Под именем войска можно разуметь или лютых ангелов, о которых говорится в 77 псалме (ст. 49), или римлян, которые, избив иудейский народ под предводительством Веспасиана и Тита, сожгли мятежный Иерусалим.

Тогда глагола рабом своим: брак убо готов есть, званнии же не быша достойны. Идите убо на исходища путий, и елицех аще обрящете, призовите на браки. И изшедше раби они на распутия, собраша всех, елицех обретоша, злых же и добрых: и исполнися брак возлежащих.

Эти призванные на пир с перекрестков были язычники, которые действительно находились не на дороге, а на распутиях. Но спрашивается: каким образом были между ними и добрые? Это объясняет апостол, когда говорит, что язычники, исполняющие закон по естеству, осуждают иудеев, не исполнивших закона писаного (Рим. 2:27). Впрочем, язычники по сердечным расположениям много разнятся друг от друга: одни из них весьма склонны к порокам, а другие честны и преданы добродетели.

Вшед же царь видети возлежащих, виде ту человека, не оболченна в одеяние брачное, и глагола ему: друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна. Он же умолча.

Под этим вшествием царя в храмину пиршества для осмотра пировавших разумеется день суда, когда Господь откроет дела и подвиги каждого из людей; а под именем человека, не имевшего одеяния брачного, разумеются совокупно все злые, чуждые дел, предписываемых законом и Евангелием, которые составляют одеяние нового человека. Если кто из именующихся христианином явится в день суда не в брачном одеянии, то есть не с делами небесного человека, но в оскверненной ризе, в рубищах ветхого человека, тому Господь скажет: *Друже, како вшел еси семо?* Называется другом потому, что был приглашен на пир, и обличается в бесстыдстве, потому что скверною одеждою нанес бесчестие святому торжеству брачному. Сказано, что этот человек умолчал: это значит, что тогда нельзя будет ни раскаяться в грехах, ни запереться при свидетельстве всего мира.

Тогда речет царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и ввергите во тму кромешную: ту будет плачь и скрежет зубом.

Связание рук и ног, также плач и скрежет зубов, можно почитать указанием на истину воскресения тел; но можно видеть в связании рук и ног у грешников то значение, что руки перестанут там производить злое, а ноги устремляться на пролитие крови. Плач же и скрежет зубов упомянуты для того, чтобы дать понятие о тяжести мучений адских.

Мнози бо суть звани, мало же избранных.

Сими словами Господь заключил сию притчу, как и притчу о виноградарях, дабы показать, что в притчах сих мы должны обращать внимание не на начало, а на конец.

Из слова Симеона Нового Богослова на слова Евангелия: *уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему и посла рабы своя призвати званныя...* (Мф. 22:2 и далее)

«Душеполезное чтение», 1878

Кого здесь называет царем Господь наш Иисус Христос? Никого иного, как Самого Бога и Отца Своего. И для кого другого сотворил Отец браки, кроме Единородного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа? Какого же царя дщерь благоволил Владыка всяческих и Господь избрать в невесту Сыну Своему? Из нас людей каждый, собираясь женить своего сына, со всем вниманием высматривает ему в невесты дочь какого-нибудь более знатного и более богатого, чем сам он. Но Бог кого найдет хоть бы сколько-

нибудь равным Себе, чтобы дочь его взять в невесты Сыну Своему? О сем Царе говорится у пророков, что Он *содержай круг земли, и живущия на ней аки пруги* (Ис. 40:22), *Бог вечный, Бог устроивый концы земли* — (ст. 28), *и на ничесомже утвердивый столпы ея* (Иов. 38:6), *призираяй на землю и творяй ю трястися* (Пс. 103:32). Итак, такой Царь чью дочь взял в невесты и сотворил браки Сыну Своему? Узнаете чью. Но безмерное снисхождение Божие делает меня исступленным. Хочу сказать и трепещу. Но опять воодушевляясь благостию Его, приемлю смелость и говорю, что взял Он дочь человека, согрешившего пред Ним, сотворившего блуд и убийство, то есть взял в невесты дочь блудника и убийцы. Видишь ли благость и снисхождение неизреченное и несравненное? Видишь ли предельное человеколюбие? Видишь ли море любви и благостыни? После сего всякий, считающий себя великим, пусть научится из того, что я говорю, смиренномудрствовать и никого никогда не презирать, хотя бы он был царь, величайший всех других царей, или вельможа, знатнейший всех других вельмож, или богач, богатейший всех богачей. Пусть взирает он на владыку и единого Вседержителя, живущего во свете неприступном и неизреченном, — на Него, говорю, пусть смотрит, как Он снизошел много, что благоволил взять дочь блудника и убийцы в невесты Единородному Сыну Своему, невидимому, непостижимому, неисследимому, Содетелю и Творцу всяческих, тебя ради и твоего спасения. Но кто сей блудник и убийца, коего дочь избрал Бог в невесты Ему? Давид, сын Иессеев, убивший Урию и соблудивший с женою его. Его-то дочь, говорю, Марию, пренепорочную, чистую и пречистую Деву взял Он в невесты. Я называю Ее пренепорочною и пречистою, сравнивая ее с нами человеками, рабами Ее; но сравнивая ее с Женихом Ее и Отцем Его, называю Ее человеком, как и все люди, только святою и пресвятою паче всех людей, непорочною и чистейшею из всех родов.

Итак, Ее, Деву Марию, взял Он в невесты и сотворил браки Сыну Своему. Каким образом? Слушай повнимательнее. Отец Господа нашего Иисуса Христа послал с высоты небесной одного из рабов Своих Гавриила-архангела сказать Деве: радуйся! Он тотчас сошел на землю и соделался служителем таинства, говоря Деве: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! И со словом сим во утробу Девы вошло все ипостасное единосущное и совечное Отцу Слово Бог, и чрез наитие и содействие единосущного Ему Духа восприяло плоть от непорочных и чистых кровей Ее, сделавшись совершенным человеком с телом и душою. И се неизреченное сочетание! Се таинственный брак Божий! Так совершился новозаветный союз Бога с человеками: Он принял плоть и даровал Божество. Сам пресущественный, преестественный Бог неслиянно соединился с тленным и бедным естеством и существом нашим человеческим. Зачала Дева и предивно родила о двух естествах, Божестве и человечестве, единого Сына, совершенного Бога и

совершенного человека, Господа нашего Иисуса Христа, Который ни девства Матери Своей не нарушил, ни от недр Отца Своего не отлучился.

Впрочем, руководясь словами Святого Евангелия, мы можем помыслить при сем и сказать и нечто иное, что таинственно всегда бывает со всеми сынами света. Ибо по какой причине не сказано: сотвори брак сыну своему, а — *браки*? По какой? По той, что такой же точно брак бывает и с каждым верным сыном дня. Бог и с нами сочетавается пречистым и пренепорочным браком и производит в нас некое таинство, высшее всякой человеческой силы. Что же такое есть это, производимое Им в нас? Послушай с вниманием, да уразумеешь. После того как Сын Божий и Бог, вошед во утробу Пресвятые Девы и восприяв от Нее человеческое естество, и соделавшись человеком, родился от Нее, как мы сказали, совершенным человеком и совершенным Богом, будучи один и тот же Бог и человек неслиянно, — после сего, коль скоро и мы, человеки, веруем в Сына Божия и Сына Приснодевы и Богородицы Марии и, веруя, приемлем верно в сердца свои слово о сем и устно сие исповедуем, каясь при сем от всей души во всех прежних грехах своих, тотчас Сей Бог Слово Отчее входит и в нас, как и во утробу Приснодевы: мы приемлем Его, и Он бывает в нас, как семя. Слыша о сем страшном таинстве, ужасайся, но приими слово о нем с верою и убеждением. Так зачинаем Его и мы, не телесно, как зачала Дева и Богородица Мария, но духовно, однако существенно. Мы имеем в душах своих Того Самого, Которого зачала и пренепорочная Дева. И как Пресвятой Девы не опалил огнь Божества, так как Она была пренепорочна; так и нас не опаляет Он, когда имеем сердца свои чистыми и непорочными, но бывает в нас небесною росою, источником воды живой, потоком жизни вечной. Что мы подобным образом приемлем непокровенный огнь Божества, об этом послушай, как говорит Сам Господь: *Огня приидох воврещи на землю* (Лк. 12:49). Какой это другой огнь, кроме единосущного по Божеству Духа, с Коим вместе входит в нас и созерцается и Сын со Отцом? Но поелику Сын Божий и Бог воплотился уже однажды от Девы и родился от Нее телесно, паче слова и разума, и невозможно Ему опять воплощаться и рождаться телесно в каждом из нас; то что Он творит? Ту самую пренепорочную плоть, которую принял Он от Пречистой Марии Богородицы и в коей от Нее родился, преподает нам в таинстве, и вкушая ее, мы имеем внутрь себя, разумеется каждый достойно причащающийся, всего воплощенного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Девы, Пренепорочной Марии, сидящего одесную Бога и Отца, по слову Его же Самого: *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6:56). Вселяясь же в нас, Он не познается сущим в нас телесно, яко плод чрева, как был в Пресвятой Деве, но есть бестелесно в нас, и соединяется с существом и естеством нашим неизре-

ченно, и нас обоготворяет, так как мы соделываемся сотелесниками Ему, бывая плоть от плоти Его и кость от костей Его.

Вот таинство браков, кои сотворил Бог и Отец равночестному, единосущному и соприсносущному единородному Сыну Своему и звал на него многих. Он послал рабов Своих звать званных на браки, но они не хотели пойти. Кто же были эти посланные? Пророки. А кто позванные? Евреи. Они и тогда, и с самого начала были позваны, но не хотели слушать звавших. Тогда послал, говорит Евангелие, Царь Отец других рабов, говоря: *Рцыте званным: се обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: приидите на браки. Они же небрегше отъидоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя, прочии же емше рабов его, досадиша им и убиша их* (Мф. 22: 4–6). Кого же называет здесь Господь вторыми рабами посланными? Святых апостолов Своих. А обед какой это? Небесное Царствие, которое уготовал Бог от сложения мира для званных и приходящих на него по собственному произволению. Юнцами же и упитанными кого называет Он? Самого Сына Приснодевы и Бога, Который есть телец упитанный от сложения мира, на сие определенный, на то, то есть, чтобы быть приносиму в жертву и быть снедаему. Он же есть и юнец, яко по силе своей непобедимый. Назван же Он здесь юнцами во множественном числе, потому что святая Плоть Его разделяется на многие частицы, из которых каждая есть опять весь Христос. Он столько силен, что побеждает всех врагов тех, кои причащаются Его, и им самим дает силу побеждать мир и область чадом Божиим быти. Называется еще и единолетним агнцем Он, всенепорочный Агнец Божий, яко всесовершеннейший, каковым был. Он носит крест, как роги, которым (крестом) дал Он и смертоносный удар врагу нашему диаволу, когда на нем распяли Его и убили евреи.

Другими рабами, как я сказал, называет здесь Господь святых апостолов, которых послал Он созывать проповедью, заповедав им на путь языков не идти и во град Самарийский не входить, но идти паче к погибшим овцам дома Израилева, то есть к евреям; но они и апостолов не приняли, а иных из них поносили и били, иных же совсем убивали, из числа которых есть и первомученик Стефан. *И слышав о сем царь той, разгневася, и послав воя своя, погуби убийцы оны, и град их зажже* (ст. 7). Убийцами называет Господь нечестивых евреев, которых Он побил, уничтожил и опустошил посредством римских воинов. Ибо и злые называются Божиими воинами, когда посылаются для наказания других злых, как говорит пророк Давид: *Посла на ня гнев ярости Своея, ярость и гнев и скорбь, послание ангелы лютыми* (Пс. 77:49). Тогда, наконец, *глагола царь рабом своим: брак уже готов есть, званнии же не быша достойни. Идите убо на исходища путий, и елицех аще обрящете, призовите на браки* (ст. 8–9). Видишь ли последовательность и порядок вещей? Видишь ли точность притчи? — *Тогда глаголá:* когда это? Когда евреи, по-

званные в Царство Небесное, не только не восхотели слушать их, но поносили и убивали. Тогда уже послал Он их во весь мир ко всем языкам. *И изшедше,* говорит далее притча, *раби они на распутия, собраша всех, елицех обретоша, злых же и добрых: и исполнися брак возлежащих* (ст. 10). Апостолы обошли всю вселенную, проповедуя слово Божие, и собрали во единство веры и Боговедения всех тех, которые послушались их и которые были злы, но преложились от злых дел своих и сделались добрыми. *Вшед же царь видети возлежащих, виде ту человека не оболчена во одеяние брачное: и глагола ему: друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна? Он же умолча. Тогда рече царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и ввержите во тму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом. Мнози бо суть звани, мало же избранных* (ст. 11–14). Видишь, что говорит Господь? Что на браки собираются те, кои прелагаются от зла и делаются добрыми и добродетельными; те же, которые имеют на себе какое-либо лукавство или зло, хотя и входят на браки, но извергаются и изгоняются со стыдом ангелами, которые здесь называются слугами. Те, которые остались сидящими за трапезою, суть святые. Впрочем, я знаю некоторых, которые думают, что под неимущим одеяния брачного здесь нужно разуметь тех, которые осквернили тела свои блудами, прелюбодеяниями и убийствами; но это не так. Всякий, оскверненный какою бы то ни было страстью и греховною склонностью, не имеет одеяния брачного. И что это справедливо, послушай, что говорит святой Павел: *Не льстите себе, ни блудницы, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы* (которые называются и идолослужителями), *ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы* (но скажу и от себя, ни те, которые имеют ненависть или зависть к какому-либо брату), *Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6: 9–10) и не имеют части и места на брачном торжестве Господа нашего Иисуса Христа. Видишь, как всякая страсть и всякий грех оскверняют одежду души нашей и изгоняют нас из Царства Небесного?

О вопросе фарисеев: *достойно ли есть дати кинсон кесареви,* и ответ Иисуса Христа (Мф. 22: 15–22)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в день восшествия на престол Государя Императора

Фарисеи, завидуя славе Господа Иисуса и будучи раздражены обличениями от Него и неблагоприятными для них предсказаниями, решились погубить Его и общим совещанием изобрели для сего средство. *Фарисее,* пишет святой евангелист Матфей, *совет восприяша, яко да обольстят Его словом* (22:15). А святой Лука дополняет: *да имут Его в словеси, во еже предати Его начальству и области игемонове* (20:20).

Сличим сие начало предприятия с окончанием, намерение с последствием, и усмотрим над безобразием дел человеческих величественный образ действующего Провидения Божия, которое искусно задуманные, но неблагонамеренные предприятия обращает в стыд изобретателям и даже из зла производит благо. Фарисеи думали, как сетью, хитрым и лицемерным словом, уловить Иисуса и неизбежно вовлечь в погибель; но покушение кончилось тем, что Его словом обнаружена их слабость и посрамлено их невежество. Исконный враг рода человеческого думал чрез них погубить Христа и разрушить едва только полагаемое основание Церкви Христовой; но вместо того дал только Христу случай провозгласить учение, навеки утверждающее союз между Церковию и государством, благоприятный для спокойствия Церкви, существенно важный для блага и прочности государства.

Хитрость и неблагонамеренность фарисеев прежде слов открывается в лицах посланников их ко Христу. *Посылают к Нему ученики своя со иродианы.* А почему же не пошли к Нему сами? Без сомнения, по тому расчету, что в случае успешного действования чрез учеников насладятся успехом так же, как бы сами действовали; а в случае неудачи пусть лучше на лице учеников падет стыд, а учители останутся в стороне. Но для чего посылают не одних учеников своих, а присоединяют к ним иродиан? Здесь-то и является искусство злоумышления. Когда Иудея, прежде независимая, покорена была римлянами, тогда неприятная, по причине нового и чуждого владычества, обязанность платить подать римскому кесарю сделала для многих занимательным вопрос: *достойно ли есть дати кинсон кесареви, или ни?* Иродиане и фарисеи были о сем противоположных мнений. Иродиане, заимствовавшие наименование от Ирода, который получил свою власть от кесаря римского, утверждали, что должно платить подать кесарю, и противников сего мнения почитали мятежниками. Напротив, фарисеи, согласно с зилотами, мнимыми *ревнителями* закона Божия, полагали, что иудеи как народ Божий должны, в отличие от языческих народов, платить одну только дань Богу, в Его храм по полусиклю с души, как предписано в законе Моисеевом, и что платить подать римскому кесарю, идолопоклоннику, значит оскорблять истинного Бога. Как же сии люди противоборных между собою мнений соединяются теперь, чтобы действовать заодно? Они отлагают на время свою вражду, чтобы общими силами сделать зло ненавистному тем и другим Учителю истины. Вот их расчет. Если Он скажет, что *достойно есть дати кинсон* римскому кесарю, то фарисеи провозгласят, что Он изменил народу Божию и Богу, и таким образом, опровергнут в лице Его достоинство посланника Божия и веру к Нему народа. Если же скажет: *Не достойно есть дати кинсон* кесарю, то иродиане донесут на Него римскому правителю как на мятежника и подвергнут Его суду смертному. Не правда ли, что сеть крепко связана и ловко расставлена, *да имут Его в словеси?*

Как приманка для привлечения в сеть, положен вопрос: *достойно ли есть дати кинсон кесареви?* Но Тот, Кого хотят уловить, видит не только приманку, но и скрытую за ней сеть, не только вопрос, но и сердца и намерения вопрошающих. Чтобы положить осязательное основание решению вопроса, Он требует *златицу кинсонную*, монету, которую надлежит употребить для уплаты подати, и, на взаимный вопрос: *чий образ сей и написание?* — получив неизбежный ответ, что это изображение и надписание кесаревы, и следственно, право его на монету очевидно, произносит решение, которое расторгает сеть и в то же время уловляет самих ловителей: *Воздадите убо кесарева кесаревы, а Божия Богови.* На что теперь пожалуется ревность фарисеев? Сказано: *Воздадите Божия Богови?* – Что донесут игемону иродиане? Сказано: *Воздадите кесарева кесареви.* Тем и другим должно быть стыдно, что предлагали, как будто необычайно трудный, такой вопрос, который разрешается одним взглядом на монету.

Но фарисеям и иродианам стыд, а всему миру спасительное поучение.

Особенного примечания достойно, что, хотя вопрос фарисеями предложен был только об обязанности к кесарю и хотя сей вопрос указанием на кинсон и заповедию *воздадите кесарева кесареви* разрешается достаточно и непобедимо, — Господь, однако, сим не удовлетворился, но простер Свой ответ за предел вопроса и непосредственно присовокупил другую заповедь: *и Божия Богови*, означая сим союз обеих заповедей и неполноту первой без последней. Подобно сему, и в других случаях слово Божие обязанность к царю непосредственно соединяет с обязанностию к Богу. Так говорит ветхозаветный мудрец: *Бойся Бога, сыне, и царя* (Притч. 24:21). Так и апостол Петр: *Бога бойтеся, царя чтите* (1 Пет. 2:17).

Ответ саддукеям о воскресении мертвых (Мф. 22: 23–33; Мк. 12: 18–27; Лк. 20: 27–39)

Иннокентий, архиеп. Херсонский.
«Последние дни жизни Иисуса Христа»

Посрамленные ответом Иисуса Христа, фарисеи и иродиане удалились. Для саддукеев показалось обстоятельство сие благоприятным случаем испытать и свои силы, дабы победою над Иисусом Христом унизить вместе и гордость фарисеев, кои были всегдашними их соперниками и врагами. Может быть, хотели даже изведать, не одобрит ли Иисус Христос, так злобно оскорбленный фарисеями, учения их секты и не покажет ли Себя благосклонным к саддукейству, в каковом случае им надлежало бы уже изменить свою ненависть к Нему на приязнь, по крайней мере приостановить дальнейшее преследование. Такую надежду могли основывать, между прочим, на том, что Иисус Христос, постоянно обличая фарисеев, реже и менее гово-

рил против саддукеев. Какую бы, впрочем, цель ни имели саддукеи, только искушение их уже не заключало в себе личной опасности для Иисуса Христа: хотели сразиться одною ученостью. Предмет для состязания взят был тот самый, который непрестанно обращался в споре между фарисеями и саддукеями – воскресение мертвых. Иисус Христос постоянно и всенародно учил, что души человеческие бессмертны и что все умершие должны некогда воскреснуть. Для опровержения сей истины саддукеи выбрали самое сильное из своих возражений, которое, вероятно, почиталось неотразимым в их спорах с фарисеями. Потом, как люди, не имеющие никаких тайных и опасных для Иисуса Христа видов, приступили к делу прямо.

«Учитель! Моисей сказал: ежели кто умрет, не имея детей, то брат его должен взять за себя жену его и восставить племя брата своего. Вследствие сего закона случилось вот что: было семь братьев: первый, женясь, умер и, не имея детей, оставил жену брату своему; другой, взяв ее, также умер бездетным; подобным образом умер третий и четвертый, – даже до седьмого. Наконец, после всех умерла и жена. Спрашивается, (продолжал саддукей): которого из семи мужей будет она женою в то время, когда все воскреснут? Все семеро (прибавил он) имели ее».

К чему идет дело и для чего предложен странный случай с женою – надлежало доразуметь. Так обыкновенно поступали раввины в своих состязаниях, указывая на какой-либо пример, делая одни намеки и не употребляя раздельных умозаключений и выводов, к коим житель Востока не может привыкнуть. По нашему образу изъяснения мыслей, сила возражения саддукейского состояла в следующем: «В книгах Моисеевых не только нет никакого доказательства бессмертия душ, но еще есть нечто такое, что совершенно противоречит учению о воскресении мертвых; именно – закон касательно ужичества. Ежели мертвые воскреснут (как учат фарисеи и Ты), то жена, представленная в пример, должна по закону ужичества принадлежать или всем семи мужьям, или никому, что равно нелепо; но таковото нелепого закона (каковым оказывается закон ужичества в отношении к бессмертию) Моисей, мудрейший, Богодухновенный законодатель, дать не мог; следовательно, по учению Моисея, нет воскресения мертвых, и мы, не принимая учения о бессмертии, совершенно правы». Умствование, казалось бы, не без силы: только им предполагалась недоказанная и ложная мысль, что чувственный союз супружества остается в силе и по воскресении мертвых, в будущей жизни, между теми лицами, кои были супругами в настоящей жизни. И фарисеи не все допускали последнее мнение, а Иисус Христос не одобрял ни того, ни другого. Тем удобнее было отвечать на софизм.

Не от того ли именно, сказал Господь саддукеям, и происходит ваше заблуждение, что вы не знаете истинного смысла Писаний и не имеете правильного понятия о всемогуществе Божием? Самый образ мыслей ва-

ших о состоянии будущей жизни нелеп и ложен. Жениться, выходить замуж есть принадлежность только настоящей жизни, в которой господствует чувственность. Но там нет ничего чувственного; а потому нет и брака. Сыны воскресения будут сынами не плотскими, а Божиими; их состояние подобно состоянию ангелов.

Замечания сего уже было достаточно для посрамления саддукеев; потому что им совершенно опровергалось возражение саддукейское и с его основанием. Но Господь, вероятно, видел возможность вывести некоторых саддукеев из их заблуждения: посему не удовольствовался одним опровержением возражения, а присовокупил с Своей стороны весьма убедительное доказательство бессмертия.

Столь же несправедливо, продолжал Он, думаете вы, что в законе Моисеевом нет ничего о воскресении мертвых и будущей жизни. Разве вы никогда не читали тех мест, где описывается явление Бога Моисею? Как там называет Себя Бог? «Аз есмь, говорит Он, Бог Авраамов, Бог Исааков, Бог Иаковлев. Но Бог не есть Бог мертвых, а живых; посему у Него все живы».

Саддукеи молчали. Доказательство, приведенное Иисусом Христом, кроме неожиданности (у саддукеев почиталось за несомненное, что в книгах Моисея нет подобных указаний на бессмертие) отличалось глубокостью и духовностью смысла, невиданною в умствованиях раввинов, большею частью мелочных и слабых. Каждый невольно чувствовал, что Бог действительно не назвал бы Себя Богом Авраама, Исаака и Иакова, если бы сии святые мужи вовсе перестали существовать. Некоторые из саддукеев выразили свое одобрение даже вслух народа, который тем более радовался, что торжество Иисуса над саддукеями казалось Ему собственным торжеством.

Ответ законнику на вопрос о заповедях (Мф. 22: 35–46)

«Воскресное чтение», 1825

В числе других совопросников явился к Иисусу Христу один законник, или законоучитель, искушая Его и спрашивая: которая из заповедей больше всех в законе? Человек этот, как можно судить по самому его названию, принадлежал к разряду лиц, отличавшихся особенным знанием закона и принимавших на себя обязанность быть его толкователем.

Вопрос, предложенный законником Спасителю, был один из главных вопросов, занимавших в ту пору иудейское общество, и служил выражением тогдашнего настроения умов. Когда под влиянием секты фарисейской развилось в народе преувеличенное понятие о важности внешних обрядовых дел закона и вместе с этим начал между ними иссякать дух истинного богоугождения; тогда они, вместо того чтобы под руководством богодаро-

ванного закона идти путем предположенной для него цели, путем покаянной веры и любви к Богу, и самым опытом изведать его главные и существенным требования, стали вдаваться в излишние и скрупулезные рассуждения о том, какие заповеди в законе имеют больше важности, какие меньше, и среди их выискивать главную заповедь, чтобы на ее исполнении успокоить надежду своей праведности. Мнения были различны и по самому направлению, принятому иудеями, естественно, склонялись более ко внешним и формальным предписаниям закона; например, существовало у многих то мнение, что заповедь о жертвах, как таком деле, которое исключительно совершается в честь Иеговы и составляет именно первую заповедь закона; считались также в числе главных заповедей другие правила обрядности – закон о хранении субботы, об обрезании, и т.п. Конечно, при этих рассуждениях одни старались выказать свое превосходство над другими в понимании закона, и святая воля Божия делалась вследствие того предметом человеческого совопросничества и состязания; между тем подобные споры не могли не приводить в недоумение и истинных ревнителей закона. Таким образом, отчасти чтобы найти удовлетворение недоумению, отчасти чтобы изведать мысль Иисуса, законоучитель обращается к Нему с своим вопросом.

Посмотрим теперь, какой дан ему Спасителем ответ. В другом случае, то есть если бы вопрос был обращен не к такому важному лицу, это обстоятельство могло бы не заслуживать особенного внимания; но тут Сам Начальник веры и Совершитель спасения дает Свой отзыв на вопрос, действительно важный по своему общему содержанию. Что же отвечал Спаситель? *Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всею мыслию твоею* (ст. 47): это, говорит, есть первая и наибольшая заповедь. Но вслед за тем Он присоединяет к ней другую — подобную: *возлюбиши искреннего*, то есть ближнего *твоего, яко сам себе*, — (ст. 39), и в заключение прибавил, что в сих двух заповедях состоит весь закон и пророки – то есть сущность всего учения закона и пророков. Таким образом, Спаситель указал не только первую и большую заповедь закона, но и общее существенное содержание его заповедей, обнимающее собою все сии последние без исключения. Все это, по смыслу Его слов, заключается в *любви*, которая, сосредоточиваясь в любви к Богу, проявляется потом любовью к ближним. Из этого видим, что Спаситель поставляет дух и существо закона выше его внешних предписаний, и как Провозвестник благодати Нового Завета, который пишется на скрижалях сердца, указывает для человека высоту нравственного совершенства в его внутренней жизни — в чувстве сердца и вообще в проявлениях духовной жизни. Впрочем, Он не опускает здесь из виду положительных требований закона, и слов Его нельзя назвать каким-либо уклонением от прямого ответа на предложенный вопрос: обе указанные заповеди приведены Им из того же древнего закона и еще преж-

де высказаны у Моисея в разных местах (Втор. 6:5; Лев. 19:18). Тут показывается, что и ветхий закон не составляет существенной противоположности с Новым Заветом и в коренных основаниях своих имел одну и ту же окончательную для человека цель — утвердить в его душе внутреннее общение с Богом и обратить это для него в предмет первой потребности.

Но где же прямой ответ на вопрос законника, когда Спаситель говорит сначала об одной заповеди, но тут же указывает на две и в заключение ту и другую из них вместе поставляет основанием закона и пророков? Которую из них нужно считать главною, и одну ли ее нужно признавать такою? Будем точнее держаться собственных же слов Спасителя. Когда Он приводит заповедь любви к Богу и говорит, что это есть первая и большая заповедь в законе, то значит, так и нужно понимать се. На нее даже нельзя смотреть иначе, судя по самому содержанию сей заповеди и по самой форме ее изложения. Человеку вменяется в обязанность — любить Господа Бога своего *всем* сердцем своим, *всею* душою, *всею* мыслию. Можно объяснять различным образом эти выражения; так, например, под «сердцем» можно разуметь душевную способность чувствований, или, как другие понимают, стремлений; под «душою» — способность живых ощущений, или же вообще духовную силу жизни и деятельности, под «мыслию» — умственную силу человека. Но во всяком случае выходит то общее замечание, что любовь к Богу должна царствовать над всем, что есть в душе человека, занимать его собою ежечасно и ежеминутно: остается ли тут место для другой какой-либо сторонней любви? После сего можно разве только удивляться тому, каким образом законник, спрашивавший Иисуса, и другие не сознавали всего значения этой обязанности. Единственное на это объяснение мы находим в том вышеуказанном обстоятельстве, что они слишком отдалялись от внутреннего духа служения Богу и всю нравственную деятельность свою сосредоточивали на делах внешности, а потому здесь только и видели для себя правило жизни.

Но почему Спаситель приводит потом другую заповедь закона, считая Свой ответ как бы неоконченным? Он говорит, что вторая заповедь подобна первой: у иудеев были очень извращены и сужены понятия о любви к ближним, которую они ограничивали приязнью к единоплеменникам, и то более внешнею, чем внутреннею; теперь Христос внушает законнику должное понятие о том, как важна священная обязанность любви к ближним и какого требует к себе внимания. Заповедь о любви к ближним подобна первой потому, что, как и первая, сосредоточивает внимание человека не во внешних, условленных отношениях приличия или каких бы то ни было житейских форм, которые часто бывают сухи и холодны, без содержания, а во внутреннем чувстве благорасположенности; требует от человека таких же чувств бескорыстия и самоотвержения, как та; наконец, нераздельно с нею соединена при самом исполнении. Только истинная

любовь к ближним в человеке может подать твердое и несомненное свидетельство о том, что он любит Бога, потому что здесь человек имеет самое живое и близкое к Нему поприще для развития и выражения собственной любви к Богу. *Не любяй брата своего, егоже виде,* говорит апостол Иоанн, *Бога Егоже не виде, како может любити?* (1 Ин. 4:20). По смыслу апостольского замечания выходит, что если любовь человека не обнаруживается надлежащим образом в отношении к собратиям Его, то значит, она и вовсе не существует у него в действительности и не имеет для себя соответственного упражнения. В отношении к христианину замечание апостола тем более имеет применение, что христианская любовь к ближним существует ради Бога и держится на единстве общей веры и благодати искупления: христианин, любя общего Отца всех, любит потому и каждого, *рожденного от Него* (1 Ин. 5:1); так же точно любит он и всех людей как предмет Божественной любви. Это в особенности и соединяет обе заповеди тесным союзом, не нарушая господствующего значения одной из них и в то же время в обеих вместе сосредоточивая успех человеческого усовершения.

Заповедь закона говорит, что человек должен любить ближнего, как самого себя. А как обыкновенно выражается у нас любовь к самим себе? Не одним только словом или случайным возбуждением внутреннего чувства, но всегда вместе и делом: мы находимся постоянно в движении и деятельности, заботясь о своем благосостоянии. Значит, и в отношении к ближним своим человек должен быть исполнен такой же деятельной благожелательности и готовности служить их пользам.

Когда потом снова собрались фарисеи, Спаситель со Своей стороны предложил им вопрос, который должен был обличить несостоятельность их понятий о личном достоинстве Мессии. Иисус Христос, давая им частые и очень убедительные уверения в том, что Он есть истинный Мессия, в то же время неоднократно свидетельствовал о Себе как о Сыне Божием; но это последнее обстоятельство, вместо того чтобы усилить в них веру в посланного Богом Спасителя, обращалось у них только в укор для Него. Поэтому Он теперь относится к ним с общим вопросом: «Что вы думаете о Христе, – чей Он сын»? Отвечают Ему: «Давидов» (Мф. 22:42). Ответ был верный и согласный с Писанием, но неполный, потому что не говорил ничего о Божественном достоинстве Мессии, которое они, действительно, и опускали из внимания. Теперь Спаситель указывает им на свидетельство самого Давида о Мессии и спрашивает: «Как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: *Рече Господь Господеви Моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих?*» (ст. 43-44; Пс. 109:1). Без сомнения, фарисеи были очень хорошо убеждены, что приведенное место псалмопевца относится к Мессии и что имя Господа, которое здесь Ему усвояется, указывает на Его Божеское величие; потому

что ни слова не могли ответить на предложенный вопрос и, следовательно, самым молчанием своим признали, что Иисус Христос, являясь в качестве Мессии, имеет право присвоять Себе величие и власть Божественную. Как бы то ни было, для нас при объяснении указанного псалма настоящий случай имеет очень большую важность, потому что Сам Спаситель ясным образом определяет значение слов псалмопевца.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 22-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ

Святоотеческие толкования

1) Ст. 2–14. *Блж. Феофилакт.* Изъяснение Евангелия, читаемого в 14 нед. по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1810.

2) Ст. 1–14. *Св. Григорий Двоеслов.* О приглашении на брак сына царева. Беседы на Евангелие в перев. архим. Климента, кн. 2.

3) Ст. 21. *Св. Исидор Пелусиот.* Что значат слова: *кесарева кесареви и Божия Богови*, ч. 1. 132.

Новейшие толкования в духовных журналах

4) Ст. 1–14. *Прот. Нечаев.* Евангельская притча о брачной вечери. «Душеполезное чтение», 1861.

5) *Шавров.* Вечеря у царя (Мф. 22: 2–14; Лк. 14: 16–26). «Духовная беседа», 1861.

6) Притча о брачном пире и званых на пир. «Христианское чтение», 1837.

7) Брачная вечеря. «Православный собеседник», 1860.

8) Притча о званых на брак. «Руководство для сельского пастыря», 1864.

9) Ст. 2–14. Евангельское чтение в 14 нед. по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1825.

10) Мысли свт. Феофана на 2–14 ст.

11) Ст. 2–14. *Ф. Смирнов.* Притчи Иисуса Христа в нравственно-социальном отношении. Притча о царском браке. «Воскресное чтение», 1882.

12) Ст. 14. *Мнози суть звани, мало же избранных.* «Воскресное чтение», 1823.

13) Ст. 16. Иродиане. Библ. полн. сл. «Воскресное чтение», 1875.

14) Ст. 17. Кесарь. Библ. полн. сл. «Воскресное чтение», 1876.

15) Ст. 21. *А.Ф. Воздадите кесарева кесареви и Божия Богови.* «Христианское чтение», 1868, «Воскресное чтение», 1879.

16) Мысли свт. Феофана на тот же ст.

17) Мысли его же на ст. 30.

18) Ст. 36. *А.С. Кая заповедь больши есть в законе Божием?* «Руководство для сельского пастыря», 1867.

19) Ст. 35–40. Несколько христианских слов мирянина к мирянам. «Воскресное чтение», 1874.

20) Ст. 36–40. Христианская любовь по учению евангельскому. «Воскресное чтение», 1834.

21) О взаимном отношении любви к Богу и самоотвержения христианского. «Воскресное чтение», 1822.

22) Ст. 39. *Т. Барсов.* Размышление о любви христианской. «Странник», 1863.

23) Мысли свт. Феофана на ст. 35–46.

В Словах и Беседах

24) *Евсевий, еп. Могилевский.* Беседа в 14 нед. по Пятидесятнице.

25) Ст. 2. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Об историческом и общехристианском значении притчи о браке царского сына.

26) Ст. 1–14. *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Об изображении Царства Небесного в притче под образом царской вечери.

27) Ст. 1–14. *Арсений, митр. Киевский.* Изъяснение на притчу о браке царского сына.

28) Ст. 5. *Его же.* О послушании голосу Господа, призывающего нас к участию в Его Небесном Царстве.

29) Ст. 12. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Христианин-грешник неизвинителен пред Богом.

30) Ст. 20. *Арсений, митр. Киевский.* О почитании икон и нерукотворенного образа Спасителя, в связи с ответом Иисуса Христа на вопрос фарисеев: *чей образ сей и написание?*

31) Ст. 20. *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Изображение страждущего Богочеловека в приложении к Нему вопроса: *чей образ сей и написание?*

32) Ст. 21. *Арсений, митр. Киевский.* В чем должно состоять исполнение слов: *воздадите кесарева кесареви?*

33) Ст. 22. *Макарий, еп. Тамбовский.* О неразрывном союзе между Церковию и государством.

34) Ст. 34. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* Об истинной любви к самому себе. Слово в нед. 15 по Пятидесятнице.

35) Ст. 35–46. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседа о законнике.

36) Ст. 37. *Павел, архиеп. Кишиневский.* О свойствах истинной любви к Богу.

37) Ст. 20. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* Различие между христианскою любовию к самому себе и самолюбием.

38) Ст. 42. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Опровержение ложных и нечестивых мнений о лице Иисуса Христа и о чудесах.

39) Ст. 42. *С. Соллертинский.* О вопросе Иисуса Христа фарисеям: чей сын Мессия? (против рационалистов). Пастырство Христа Спасителя.

На 12-ю гл. Евангелия от Марка

40) Ст. 16. «Воскресное чтение», 1801.

41) Ст. 30. *Карл Спуржин.* О первой евангельской заповеди. «Воскресное чтение», 1828.

42) Ст. 30–31. Мысли свт. Феофана.

43) Ст. 33. О любви к ближнему. «Духовная беседа», 1874.

44) *Н. Елеонский.* О Евангелии Марка. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.

На 20-ю гл. Евангелия от Луки

45) Мысли свт. Феофана на ст. 25. *Кесарева кесареви, Божия Богови.*

46) Мысли его же на ст. 27–40 (о воскресении мертвых).

47) Ст. 38. *Бог несть мертвых, но живых: вси бо Тому живи суть.* «Воскресное чтение», 1819.

48) Ст. 13–15. *О. Соллертинский.* Толкование на притчу о злых виноградарях (против рационалистов). Пастырство Христа Спасителя.

49) Ст. 34–39. *Его же.* Толкование слов Иисуса Христа о воскресении мертвых и о загробной жизни (против гр. Толстого). Пастырство Христа Спасителя.

Обличительная речь против фарисеев (Мф. 23; Мк. 12: 38–39; Лк. 20: 45–46)

Иннокентий, архиеп. Херсонский.
«Последние дни земной жизни Иисуса Христа»

Довольно спокойный тон, с коим книжники, несмотря на посрамление свое, продолжали и возобновляли несколько раз беседу, служил, казалось, доказательством, что ненависть их к Иисусу Христу еще не достигла высшей степени. Между тем она совершенно созрела, и только привычка лицемерить делала ее не так приметною. Господь совершенно видел сердце врагов Своих, как оно грубо и неисправимо; посему, приближаясь в концу служения Своего, почел за нужное без всякой пощады обнаружить пред народом низость их характера и поступков, дабы предостеречь от подражания им простые души.

Обратившись к народу, Он произнес ту обличительную против них речь, которой всегда будут трепетать лицемеры.

«На Моисеевом седалище (1), – так начал Он, – воссели книжники и фарисеи: все, что они велят вам наблюдать, наблюдайте, только по делам их не поступайте, потому что они сами говорят и не делают; связывают бремена тяжелые и неудобоносимые (2) и кладут на плеча людям, а сами и пальцем не хотят двинуть их. Все же дела свои делают с тем, чтобы быть видимыми от людей; для сего именно расширяют свои хранилища (ст. 3) и увеличивают воскрылия (ст. 4) одежд своих. Также любят первые места на пиршествах и в синагогах, и чтобы им кланялись в народных собраниях, и чтобы звали их: учитель! учитель! Вы, – продолжал Господь, обратившись к ученикам, – не следуйте сему примеру; не называйтесь учителями (5); ибо у вас один Учитель – Христос, а вы все братия; и отцом (6) себе не называйте никого на земле (как то делают фарисеи); ибо у вас один Отец, Иже на небесех. Не позволяйте также, подобно им, величать себя начальниками (7); потому что у вас один начальник – Христос. Больший из вас да будет всем слуга. Ибо возвышающий себя унизится, а унижающий возвысится».

«Горе вам (воскликнул Господь, обратя речь к фарисеям), книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царствие Небесное человекам и не только сами не входите в него, но и хотящих войти не допускаете. Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры, кои поядаете домы вдовиц (8) и самую молитву обращаете в предмет лицемерия, продолжая оную из тщеславия: тем тягчайшее ожидает вас осуждение! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, кои обходите сушу и море, чтобы обратить хотя одного в иудейство, а обратив, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас самих! Горе вам, вожди слепые, кои учите, что если кто клянется хра-

мом, то ничего, а если кто поклянется златом храма, то непременно должен исполнить клятву! Слепые и несмысленные! Что больше: злато или храм, освящающий злато? Также учите вы, что если кто поклянется жертвенником, то ничего; а если кто поклянется даром, что на жертвеннике, тот должен исполнить клятву. Глупые и слепые! Что больше — дар или жертвенник, освящающий дар? Ужели вы не разумеете, что клянущийся жертвенником, клянется им и всем, что на нем? — И кто клянется храмом, клянется им и Живущим в нем? И кто клянется небом, клянется престолом Божиим и Сидящим на нем (9)? Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, дающие десятину со всех малых растений (10) — с мяты, аниса и тмина; между тем оставляющие существенное, в чем состоит закон: правосудие, милость и верность: сие-то надлежало прежде исполнять, а потом уже (если угодно) думать о том. Вожди слепые, оцеживающие комара (11), а поглощающие верблюда! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, кои с такою заботливостью очищаете внешность чаш и блюд (12), между тем как внутренность ваша исполнена хищения и неправд! Фарисей-слепец! Очисти прежде то, что в чаше, тогда и внешность ее будет чиста. Чему уподобить вас, лицемеров? Разве гробам окрашенным, кои снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты (13). Так и вы снаружи кажетесь праведными, а внутри полны лицемерия и беззакония! Несчастные! Вы строите гробницы пророкам (14) и украшаете памятники праведников, и говорите: «Если бы мы жили во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророческой». Говоря таким образом, вы сами свидетельствуете, что вы сыны людей, кои избили пророков. Дополняйте же меру преступлений отцов ваших... Змии, порождения ехидны! Как убежите вы от осуждения в геенну? Слышите, что Премудрость Божия вещает вам чрез Меня (15): «Се я еще пошлю к ним пророков и мудрых книжников (16); но из них одни будут убиты... иные распяты... прочие преследуемы и биты в синагогах». Так вы сделаете все сие, дабы пришла на вас кровь пророков и посланников Божиих, убитых вашими предками, — от Авеля праведного до Захарии, сына Варахиина, который (так чтите вы храм!) умерщвлен между храмом и жертвенником (17). Аминь, аминь глаголю вам, яко все сие приидет на род сей, отяготеет над настоящим поколением, над вами и чадами вашими... Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камением побивающий посланных к тебе! Коликократ хотел Я собрать чад твоих, как птица собирает птенцов своих под крыле своя (18), но вы не восхотели! Да будет же то, чему быть должно! Се, оставляется дом ваш пуст!.. (19). Истинно говорю вам, вы не увидите Меня отныне, доколе не изыдете во сретение с восклицанием: благословен грядый во имя Господне!

Примечания:

1) Выражение метафорическое, означающее должность законоучителей, изъяснявших закон Моисеев, и потому бывших как бы преемниками Моисея.

2) Закон обрядов, по одной многочисленности их, уже составлял иго довольно тяжкое. Фарисеи еще увеличивали сию тяжесть присовокуплением множества преданий, распространением смысла обрядовых правил, внушением, что нарушение малейших обрядов есть важное преступление.

3) *Хранилища* – повязки на лбу и на руках, со словами закона, особенно следующими: Исх. 13: 1–10; 11–16; Втор. 6:4; 15: 13–21. Обыкновение носить сии повязки составилось на основании буквального изъяснения некоторых предписаний Моисеевых, напр. Исх. 13: 9, 16; Втор. 6:8; 11:18. Фарисеи для показания особенной набожности делали сии хранилища как можно больше и шире.

4) *Воскрилия* – шнурки синего цвета, предназначенного законом для одежды священников. Моисей предписал, чтобы у каждого еврея по концам одежды нашит был синий шнурок в напоминание, что весь народ еврейский должен быть народом священным (Числ. 15:38; Втор. 22:12). Фарисеи не умедлили обратить сии шнурки в пищу своему лицемерию, увеличивая их как можно более.

5) Ученики Иисусовы действительно никогда не выдавали себя за независимых учителей, а только за посланников одного Учителя – Иисуса. Впрочем, Господь запретил тщеславие, с коим фарисеи любили называться учителями, а не имя, которое само по себе невинно. Апостол Павел в одном месте (1 Тим. 2:7) называет себя учителем языков, хотя постоянно отзывается о себе как о последнем из учеников Иисусовых.

6) У евреев начальники школы назывались также отцами, от коих ученики заимствовали себе прозвание, например, последователи Шаммая назывались шаммаитами, последователи Гиллеля – гиллелитами. Подобно сему в церкви Коринфской начали было одни называться Павловыми, другие Аполлосовыми, иные Кифиными; но апостол Павел прекратил сей обычай, угрожающий разделением христианской Церкви на мелкие общества (1 Кор. 1:2, ср. 3:4).

7) Καθηγετής – начало вождь. Так называли они председателей синедриона и синагоги.

8) Фарисеи поядали домы вдовиц долгими своими молитвами. – Посредством ложной набожности, становясь распорядителями совести и имущества набожных женщин, они заставляли их делать разные пожертвования в свою пользу, даже объявлять себя наследниками их имущества в предосуждение и с обидою истинных наследников.

9) Фарисеи (у коих божба была в великом употреблении) разделяли клятвы на большие, непреступные, и малые, удобопреступные. Клятва

церковными сокровищами и жертвами с намерением отнесена была к важнейшим клятвам, дабы возвысить в глазах народа важность сих вещей и расположить его тем к большим пожертвованиям в пользу храма.

10) Законом было поведано давать десятину от полевых и садовых плодов (Лев. 27:40; Втор. 14:22), но фарисеи, не принадлежавшие к сословию левитов, свободному от сего закона, чтобы показаться набожнее, давали десятую часть и со всех прочих огородных растений, кои, по общему мнению, не подлежали десятине.

11) Пословица иудейская.

12) Фарисеи, чтобы как-нибудь не сделаться нечистыми от прикосновения к нечистому, с возможною тщательностью вымывали все употребляемые для пищи и пития сосуды. Между тем чистые чаши их наполнены были неправдою, пища, в них содержащаяся, была плод обмана, хищения и лицемерства!

13) Сравнение самое сильное и унижающее! Гробы у евреев почитались так нечистыми, что одно прикосновение к ним уже оскверняло человека.

14) Современная история иудейская не представляет подобного примера, но действие сие совершенно в духе фарисеев.

15) Ср. Мф. 23:34; Лк. 11:49.

16) Христос дает здесь ученикам Своим название, бывшее в употреблении у тогдашних иудейских учителей. У евангелиста Луки сказано прямее: «пошлю пророков и апостолов» (11:49).

17) В истории иудейской известны три Захарии: 1) священник, который за обличение царя Иоаса по его повелению побит камнями во храме (2 Пар. 24:10), но он называется сыном Иодия, а не Захарии. 2) Пророк, коего мы имеем пророчества, но о смерти его ничего неизвестно. 3) Захария, сын Варухов, который, по словам Флавия (Bel. Iud. 4. 6. 4), пред разрушением Иерусалима умерщвлен зилотами во храме. Но сие событие случилось спустя довольно времени по вознесении Христовом. Итак, о каком Захарии упоминает здесь Иисус Христос? — Вероятно, о первом, коего убиение иудейскими писателями поставляется одною из главных причин Божия наказания, постигшего народ иудейский при разрушении Иерусалима. По обычаю иудеев, Иодай, отец Захарии, мог иметь другое имя — Варах. Господь указывает на два убийства — Авеля и Захарии, потому что они были примечательнейшие и составляли первое и последнее убиение праведников, о коем упоминается в исторических книгах Ветхого Завета.

18) Весьма сходное по выражениям и мыслям место находится в 5 книге Ездры 1: 30–33.

19) Если слова сии относить к следующему стиху, то смысл будет таков: «Меня более не увидят в сем храме». А если относить его к предыдущему (ст. 35–36) и к следующей главе (24: 1–34), то в них будет содержаться пред-

сказание о разрушении храма. Лучше соединять тот и другой смысл, так как они не только не исключают, а скорее предполагают друг друга.

Мысли свт. Феофана (Мф. 23:13)

«Мысли на каждый день года»

Горе вам... яко затворяете Царствие Небесное пред человеки. Это сказано архиереям, которые и сами не учат народ спасительному пути, и священников не заставляют делать то; сказано и священникам, которые оставляют народ в небрежении, не заботясь толковать им, что нужно для спасения души. От этого народ пребывает в слепоте, и одна часть остается в уверенности, что идет исправно; другая, хоть и замечает, что у нее не так дело идет, но не идет куда следует, потому что не знает, как и куда идти. От этого разные нелепые понятия в народе; от этого находят у него прием и раскольники, и молоканы, и хлысты, от этого удобно идет к нему и всякое злое учение. Священник обычно думает, что у него в приходе все исправно, и хватается за дело только тогда, когда это зло уже разрастается и выходит наружу. Но тогда уже ничего не поделаешь. Священник первым делом совести своей должен считать — взрослых усовершать в ведении христианской веры, а юное, народившееся поколение с первых сознательных лет подготовлять, толкуя им, что нужно и можно им знать, когда и как будет удобнее.

О личности Захарии, сына Варахии (Мф. 23:35)

Прот. Вишняков. «Святой великий пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн»

Ориген, святой Василий Великий, святой Петр Александрийский, святой Иоанн Златоуст, святой Епифаний и другие говорят, что Иисус Христос разумел здесь Захарию — отца Иоанна Крестителя. И действительно: 1) Спаситель в указанном месте (Мф. 23: 29–36), обличая иудеев за избиение прежде бывших пророков, приписывает эти злодеяния виновным в том отцам их; их же называет только сынами убийц, сочувствующими делам своих предков; а умерщвление Захарии, сына Варахиина, приписывает прямо тем людям, к которым обращает речь Свою, и представляет их самих виновниками этого убийства... *Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом* и *жертвенником.* 2) По церковному преданию, отец Захарии — родитель Предтечи — назывался Варахиею (Четьи-Минеи, сент. 5). Если святой Лука в месте, сходном по содержанию с разбираемым местом святого Матфея, употребляет имя Захарии без отеческого его названия (Лк. 11:51), то он делает то же и при наименовании отца Предтечи (1:11). Между тем святой Матфей, говоря о том же, как и святой Лука, Захарии, прямо называет

его сыном Варахии. Замечательно, что святой Матфей, повествовавший также и об Иоанне Крестителе (3), только раз, и именно здесь (23:35), назвал по имени его родителя. 3) Иисус Христос в рассматриваемом нами месте поставляет Захарию в числе пророков, и притом как бы последним из предвозвестивших о пришествии Спасителя мира и убитых самими иудеями (см. Деян. 7:52). Святому Захарии – отцу Предтечи действительно приписывается в Евангелии дар пророчества (Лк. 1:65 и след.). Он же по справедливости может считаться последним из убитых иудеями пророков; ибо, хотя собственно последним ветхозаветным пророком называется и есть сын Захарии – Иоанн Креститель (Мф. 11:13), но убийцами его были не собственно иудеи (Мф. 21:26), а Ирод Антипа, правитель Галилеи (Мф. 14: 1–12). Следовательно, в указанном изречении Спасителя неудобно разуметь другого какого-либо Захарию, например Захарию, сына Иодая, умерщвленного иудейским царем Иоасом в Иерусалиме, *во дворе Дому Господня*, около 850 г. до Рождества Христова (2 Пар. 24: 20–21), как думают многие из новейших толковников Писания (см. Толковое Евангелие архимандрита Михаила). Ибо: 1) сын Иодая называется *Азариею*. Хотя у евреев обычно было употребление этих двух имен одного вместо другого (2 Пар. 26: 5–17); но толкование, основывающееся только на этом обыкновении, не может быть твердым. 2) Азария, сын Иодая, не был в собственном смысле пророком – прорицателем будущего; но только вдохновенным обличителем тогдашнего нечестия Иоасова. 3) После Азарии нечестивые иудеи умертвили многих пророков, например, Исаию (около 720 г.), Амоса, Михея, Иеремию (около 615 г.). И кого от пророков, по слову первомученика Стефана, *не изгнаша и не убиша жестоковыйные иудеи* (Деян. 7:52)? Посему, если древний Азария, сын Иодая, есть одно и то же лицо с Захариею, сыном Варахииным, упоминаемым в Евангелии, – то как с этим согласить слова Иисуса Христа, Который убиение пророков со стороны иудеев ограничивает смертию сего самого Захарии? Ужели пролитие невинной крови стольких святых, совершенное иудеями впоследствии времени, Господь не почитал за тяжкое преступление? Из всего этого удобнее заключить, что упоминаемый Спасителем Захария, сын Варахиин, был убит не в древние времена, а незадолго пред тем, так сказать, на памяти современников Господа; потому Он и обличает убийц как совершивших злодеяние против Захарии недавно, и, по-видимому, около того же страшного периода времени, когда эти злодеи имели *исполнить меру отцев своих* (Мф. 23:32). Нельзя также почитать упоминаемого в Евангелии Захарию за одного из двенадцати меньших пророков, оставившего каноническую книгу своего имени; потому что этот древний пророк, по свидетельству святого Епифания, *скончался мирно* в глубокой старости. Еще менее можно допустить, будто бы в словах Спасителя указывается на Захарию, сына Варухова, убитого зило-

тами среди храма во время осады Иерусалима Титом. Если бы Спаситель говорил о каком-либо имеющем быть Захарии, то, сообразно порядку речи, сказал бы о нем не *егоже убисте, а егоже убиете*, подобно тому как в предшествующих словах сказал: *распнете, изженете* и в последующих: *приидут вся сия*. И можно ли было ставить в сравнение со святыми пророками этого Захарию, сына Варухова, который, по свидетельству истории, был невежественный фанатик и нисколько не верил евангельской проповеди?

Изъяснение из св. Иоанна Златоуста 37–39 стихов 23 гл. Евангелия от Матфея

Иерусалиме, Иерусалиме! Что значит это сугубое воззвание? Это голос милосердия, сострадания и великой любви. Как будто пред любимою женщиною, которую постоянно любили, которая презрела любившего ее и чрез то заслужила наказание, Он оправдывается тогда, как намерен уже был поразить казнью. То же делает Он и чрез пророков, когда говорит: *И рекох, обратися ко Мне, и не обратися* (Иер. 3:7). Сделав такое воззвание к Иерусалиму, Христос исчисляет совершенные им убийства: *Избивый пророки, и камением побиваяй посланныя к тебе, колькраты восхотех собрати чада твоя, и не восхотесте!* (ст. 37). Несмотря на эти преступления против Него, Он говорит в оправдание Свое, что и всем этим ты не отвратил Меня от себя и не отклонил великого благоволения Моего к тебе, но, напротив, Я хотел, и не однажды или два раза, но многократно привлечь тебя. *Колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под криле, и не восхотесте!* Сими словами Он показывает, что они всегда отдалялись от Него по причине грехов; сравнением же изъявляет Свою любовь, потому что эта птица горячо любит своих птенцов. Такое сравнение пророков с крыльями, везде, и в песни Моисея, и в псалмах, означает особенное смотрение и попечение. *И не восхотесте*, продолжает Он: *се оставляется вам дом ваш пуст* (ст. 38), то есть чужд Моего покровительства. Итак, Сам Он прежде покровительствовал им, поддерживал, хранил их, Сам Он и наказывает их всегда. И теперь Он угрожает казнью, которой они всегда чрезвычайно страшились; ибо она указывает на совершенное превращение их гражданского быта. *Глаголю бо вам, яко не имате Мене видети отселе, дондеже речете: благословен грядый во имя Господне!* (ст. 39). И это голос любви пламенной, сильно влекущей их не прошедшими только, но и будущими событиями; ибо здесь Он говорит о будущем дне Своего второго пришествия. Но что? Неужели они с этого времени не видели Его? Говоря *отселе*, Он указывает не на этот самый час, но на все время, которое протекло до Его страдания. Поелику они всегда укоряли Его в том, что Он богопротивник и враг Богу, то Он и убеждает их любить Себя тем, что показывает Свое единомыслие с Отцем, Свое присутствие в пророках. Поэтому употребляет

те же самые слова, какие и пророк. Чрез это же самое Он намекал на воскресение и указывал на второе пришествие, давая разуметь самим неверующим, что тогда поклонятся Ему. Но как Он указал на это? Предсказывая многое будущее, именно, что пошлет пророков, что их будут убивать в самых синагогах, что сами они потерпят крайние бедствия; что дом останется пустым; что они подвергнутся таким ужасным несчастиям, каких прежде никогда не было. Все это для самых бессмысленных и упорных могло быть ясным указанием на Его второе пришествие. Спросим их: не посылал ли Он к ним пророков и мудрых? Не убивали ли они их в синагогах? Не оставлен ли дом их пустым? Не постигли ли род этот все наказания? Все это очевидно, и никто не будет спорить. Как все это сбылось, так сбудется и последнее Его предсказание, и тогда, без сомнения, они покорятся Ему, но это не принесет никакой пользы в оправдание им, так же как и раскаивающимся тогда по причине политических переворотов. Потому пока есть время, будем делать добро.

Мысли свт. Феофана (Мф. 23:38)

Сколько милостей явил Господь Иерусалиму (то есть иудеям)! И, наконец, все-таки вынужден был сказать: *се оставляется дом ваш пуст*, Известно всем, какие были от этого последствия: иудеи до сих пор бездомны. Не бывает ли подобного с душою? Печется об ней Господь и всячески ее вразумляет; покорная идет указанным путем, а непокорная остается в своем противлении Божию званию. Но Господь не бросает и ее, а употребляет все средства, чтобы ее вразумить. Возрастает упорство — возрастает и Божие воздействие. Но всему мера. Душа доходит до ожесточения, и Господь, видя, что уже ничего более сделать с нею нельзя, оставляет ее в руках падения своего, — и гибнет она, подобно фараону. Вот и возьми всякий, кого борют страсти, себе отсюда урок, что нельзя безнаказанно продолжать поблажку до конца. Не пора ли бросить и не по временам только себе отказывать, а сделать уже решительный поворот? Ведь никто не может сказать, когда преступит границу. Может быть, вот-вот и конец Божию долготерпению.

Древние и новые толкования на 39 стих 23-й гл. Евангелия от Матфея

И. Спасский. «Душеполезное чтение», 1889

Глаголю бо вам, яко не имате Мене видети отселе, дондеже речете: благословен грядый во имя Господне. Некоторые (еп. Михаил) относят это явление ко времени разрушения Иерусалима и рассеяния иудеев, когда обнаружившаяся в величайших бедствиях карающая рука Божия должна была, говорят, унич-

тожить всякое сомнение и противодействие делу Христа и вынудить признание Его за Мессию. Другие же толкователи, как Иоанн Златоуст, думают, что Господь говорил о дне Своего второго пришествия, когда одни добровольно, а другие невольно воздадут славу Грядущему на облаках небесных. Евфимий Зигабен по поводу разбираемых слов Христа высказал отчасти подобную же мысль. Рассуждая о значении слов *доколе не воскликнете* и пр., он спрашивает: когда это они скажут? И отвечает: добровольно никогда не скажут, поневоле же во время второго пришествия Христа, когда Он придет с силою и славою многою и когда признание не принесет им ни малейшей пользы. Наконец, большинство новозаветных толковников (Кейль, Вейс и проч.) в стихе 39 видят указание на будущее явление Господа в духе, которое будет при ожидаемом обращении иудеев. Это будет откровение Христа, которое узрит обратившаяся в христианство иудейская нация и о котором, кроме прочих мест Писания (Песн. 8: 8–10; Рим. 11), в книге пророка Захарии (12:10) говорится как об изобильном излиянии Святого Духа и на иудеев. Из слов Господа видно, что будет радостное явление Его, не похожее на второе Его пришествие, когда *восплачутся вся племена земная* (Мф. 24:30). Это — время их будущего обращения к Мессии, когда потомки тех, которые кричали: «Распни, распни», воспрянув от векового заблуждения, примут Его с радостным восклицанием: *благословен грядый во имя Господне!*

О двух лептах вдовицы (Лк. 21: 1–3)

Иннокентий, архиеп. Херсонский.
«Последние дни жизни Иисуса Христа»

Вышедши из внутренних притворов храма, Иисус остановился у дверей внешнего притвора женщин, и, сев для отдохновения против ящика, в который богомольцы клали деньги, смотрел на проходящий народ. Клали многие весьма много, иные из усердия, а иные (фарисеи) и по тщеславию. Господь безмолвствовал. Между тем подошла к ящику одна бедная вдова — и положила две лепты (полушки). По всему видно было, что она отдавала последнее. Для людей о фарисейским чувством такой дар показался бы не стоящим внимания. Но Господь, взирал не на деньги, а на сердце дающих: поступок вдовы был для Него многоценен. Подозвав к Себе учеников, как бы желая разделить с ними дорогую находку, Он сказал им: «Смотрите, сия бедная вдова более всех положила в сокровищницу!» Ученики дивились, не понимая сказанного. «Прочие, — продолжал Господь, — клали от избытка, а она от скудости: те жертвовали храму тем, без чего могут обойтись, а она пожертвовала все, что имела, — может быть, последний кусок хлеба!» Замечание, сделанное о поступке вдовицы, открывает характер не только ее, но в некотором отношении Самого Иисуса. Поучительно видеть, как самое отдохновение Его употребляемо было в

пользу и как Он не оставлял без внимания самых обыкновенных случаев, коль скоро в них выражалось что-либо поучительное. Не таковы были фарисейские учители! Они постоянно занимались маловажными вещами, но, не умея извлекать из них ничего важного, сами сделались странными и жалкими.

О том же толкования свт. Феофана

«Мысли на каждый день года»

Вдовица положила в сокровищное хранилище (в кружку церковную) две лепты (полушки примерно), а Господь говорит, что она положила больше всех, хотя другие клали тогда рублями и десятками рублей. Что же дало перевес ее лепте? Расположение, с каким сделано приношение. Видишь, какая разность доброделания бездушного, по обычаю, и доброделания с душою и сердцем? Не внешняя постановка дела дает ему цену, а внутреннее расположение. От сего бывает, что дело, выдающееся по всем отношениям, никакой цены пред Богом не имеет, а дело, незначительное по виду, высокою ценою оценивается. Что отсюда следует, само собою видно. Но не вздумай кто небречь о внешнем, замышляя ограничиться одним внутренним. Вдовица та не получила бы одобрения, если бы сказала себе: имею желание положить и я, да что делать? Только и есть у меня, что две лепты. Отдай их, сама ни при чем останусь. Но как поимела желание, так и сделала, предав живот свой в руки Божии. И если бы не положила ничего, никто бы ее не осудил, ни люди, ни Бог. Но тогда она не явила бы и такого расположения, которое ее выделило из ряда других и сделало славною во всем христианском мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 23-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ

1) Ст. 2. *Прп. Исидор Пелусиот* на сказанное: *на Моисеевом седалище седоша книжницы.*

2) Ст. 5. *Его же.* Что значат слова: *величают хранилища своя.*

3) Об употреблении *хранилищ и воскрилий* (ст. 5) современными евреями см. в ст. *Алексеева*: «Жизнь современных евреев». «Странник», 1881.

4) О филактериях. «Воскресное чтение», 1874.

5) См. 15. Прозелиты или пришельцы. Библ. полн. сл. 1877.

6) Ст. 23 Анис. Библ. пол. сл. 1874.

7) Ст. 35. Варахия. Библ. пол. сл., там же.

8) Ст. 37–39. Евангельское слово о судьбе Иерусалима. «Воскресное чтение», 1811.

9) Ст. 88. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова: *се оставляется дом ваш пуст.*

10) *Его же.* Два письма о пленении иудеев.

11) О лицемерии. «Душеполезное чтение», 1861.

12) *И. Спасский.* Обличительная речь Господа против книжников и фарисеев. «Душеполезное чтение», 1889.

Пророчество Господа нашего Иисуса Христа о разрушении Иерусалима и о втором пришествии Своем на землю (Мф. 24; Мк. 13; Лк. 21)

«Воскресное чтение», 1818

За несколько дней пред крестным страданием Своим Иисус Христос, после грозного обличения на фарисеев и книжников и после умилительного плача о судьбе Иерусалима, исходя из храма, произнес страшный приговор на упорных в неверии иудеев: *Се оставляется дом ваш пуст* (Мф. 23: 38–39). Потом, когда ученики указали Ему на великолепие зданий храма, Он сказал им: *Видите ли вся сия? аминь глаголю вам, не имать остати зде камень на камени, иже не разорится* (Мф. 24: 1–2). В сих словах Спасителя заключалось предречение о важнейших для всего мира событиях, и потому апостолы желали узнать поподробнее, что будет. Исшедши из Иерусалима, Иисус Христос удалился на Елеонскую гору, где обыкновенно проводил ночи в последнее время пред Своим страданием. Со ската горы сей Иерусалим виден был весь, а великолепный храм его стоял прямо пред взорами зрителя. Там-то, приступивши к Учителю своему, ученики вопросили Его: *«Рцы нам, когда сия будут? и что есть знамение Твоего пришествия и кончина века?»* (ст. 3.) И Господь изобразил пред ними грядущее с такою подробностью, с какою нужно было открыть его не для одних только святых апостолов, но и для всех верующих.

Пророчество Иисуса Христа разделяется на две части. Сначала Он предрекает судьбу Иерусалима и чад его (Мф. 24: 4–22; Мк. 13: 5–20; Лк. 21: 8–24), а потом изображает будущее пришествие Свое на землю как начало Царства славы. (Мф. 24: 23–31; Мк. 13: 21–27; Лк. 21: 25–27). Время разрушения Иерусалима с его храмом и рассеяние народа иудейского сближается с временем преобразования целого мира, потому, без сомнения, что первое происшествие служит образом последнего, что предварительный суд над иудеями предзнаменует окончательный суд над миром: то скончались судьбы Церкви ветхозаветной, а то совершатся судьбы Церкви новозаветной. Связь между сими двумя событиями — неразрывная, и всеобъемлющий взор Господа видит их как бы на одной картине. Но граница между ними положена в самом же Его пророчестве. Одною чертою означает Он продолжение времени между судом над Иерусалимом и судом над миром; но как далеко простирается черта сия — неизвестно: *Иерусалим будет попираем языки, дондеже скончаются времена язык* (Лк 21:24): вот расстояние между первым посещением гнева Божия на землю и вторым пришествием на нее Сына Божия. Но когда сие будет? Никому, кроме Всеведущего, не ведомо.

Первая часть пророчества перешла для нас в историю, и если бы нужно было кратко изобразить страшную участь Иерусалима и иудеев в ту эпоху, о которой говорится в пророчестве, то историку оставалось бы только повторить слова Спасителя, переменив форму повествования.

Отвечая прямо на вопрос апостолов, Иисус Христос начинает пророчество описанием признаков грядущего бедствия, и так как здесь касается судьбы их и судьбы всего, малого еще, стада Его последователей, то сначала дает разуметь, что грядущие бедствия состоят в тесной связи с христианством. «*Блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос: и многи прельстят* (Мф. 24: 4–5): вот первая черта времени грядущего. По вознесении Иисуса Христа на небо скоро оправдалось это первое предречение. Только что начало прозябать семя христианства, как его окружили уже плевелы лжеучения. Симон-волхв, хотевший купить за сребро дары Духа Святого, объявляет себя чудным, указывает на себя как на Мессию и хочет спорить словом и делом с самими апостолами. Менандр, один из учеников Симона, повторил нечестие своего учителя. Вообще, брожение умов на Востоке способствовало там распространению всякой лжи и обмана, лишь бы они проповедовались во имя Мессии. Отвергнув истинного Христа Спасителя, упорные иудеи как будто старались найти себе Мессию где бы ни было и безумно отзывались на призывы обольстителей.

Услышати же имате брани и слышания бранем. Зрите, не ужасайтеся: подобает бо всем быти: но не тогда есть кончина. Востанет бо язык на язык и царство на царство: и будут глади и пагубы, и труси по местом. Вся же сия начало болезнем (Мф. 24: 6–8; Мк. 13: 7–8; Лк. 21: 9–11). Конечно, слова сии относятся преимущественно к восстанию иудеев против римлян; но самый образ выражения показывает, что предрекается не одна война народа с народом, а, кроме того, неустройства и смятения повсюду: *услышите брани и слышания бранем*. Этою краткою чертой весьма точно означается характер времени пред разрушением Иерусалима. Подняв оружие против римлян, иудеи стекались, под отечественные знамена свои с поспешностью с необыкновенным усердием; но не было порядка в этой массе народа, хотевшего преобразиться в подобные римским легионы. Скоро оказались раздоры между начальниками иудейских ополчений, и прежде сражений со врагами кровь иудеев полилась от междоусобий. В Галилее Иоанн Фискал хочет оспорить власть у Иосифа. В Иерусалиме зилоты грабят публичную казну, отнимают имущества у богатых, умерщвляют лучших соотечественников и, наконец, призывают идумеев в стены Иерусалима для усиления своей партии против первосвященников, книжников и левитов. В самом храме кровь проливалась и вместо псалмопения слышен был свист летающих камней и вопли раненых. Таковы были настроения в Иудее. На стороне самих врагов иудеев – римлян – были в то самое время не меньшие смятения. По

смерти Нерона в полтора года сменились три императора, и каждая смена сопровождалась возмущением войск и народа. В Иудею как одну из римских провинций скоро доходили известия о переменах в Риме; посему, слыша обо всем этом, житель Палестины мог справедливо помыслить: «Вселенная — неспокойна; везде возмущения, распри, кровопролития: последние времена!» *Но подобает всем сим быти, а не тогда есть кончина.*

К беспорядкам мира политического имели присоединиться, по пророчеству, грозные явления в самой природе, и это не умедляло исполниться. Еще при императоре Клавдии был страшный голод почти во всей империи, а судя по тому, что святой апостол Павел во все время своих путешествий так много заботился о милостыне для иерусалимской братии, бедствие это особенно долго терпели жители Палестины. По местам были также землетрясения, разрушавшие целые города. Язва заходила с юго-запада Римской империи и, достигши самого Рима, произвела повсюду страшные опустошения. Кроме сих знамений небесного гнева на землю, над Иерусалимом Господь явил особенные знамения близкого правосудия Своего: целый год над ним виделась комета наподобие меча; в храме ночью замечался свет дневной; от коровы, веденной на жертву в праздник Опресноков, родился агнец; восточные врата храма, покрытые медью, отворились в полночь сами собою, тогда как обыкновенно их с трудом могли отворять двадцать человек; в облаках представлялись колесницы и войска; в день Пятидесятницы при входе священников в храм слышен был необычайный шум и, наконец, раздельный глас: «Прейдем отсюда!» Так точно исполнилось слово Господне: *И будут глади и пагубы и труси по местом, страхования же и знамения с небесе будут* (Лк. 21:11). Но *вся сия* еще только *начало болезнем.*

Тогда предадят вы в скорби и убиют вы: и будете ненавидимы всеми языки имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози, и друг друга предадят, и возненавидят друг друга. И мнози лжепророцы востанут и прельстят многия. И за умножения беззакония, изсякнет любы многих. Претерпевый же до конца, той спасется. И проповестся сие Евангелие Царствия по всей вселенней во свидетельство всем языком: и тогда кончина (Мф. 24: 9–14; Лк. 21: 12–19; Мк. 13:9). И это все исполнилось еще прежде разрушения Иерусалима, хотя должно будете повториться, и, без сомнения, в несравненно больших размерах, и пред кончиною мира. История гонения на апостолов известна каждому. Они были в темницах и, можно сказать, на первом же шагу евангельской проповеди подверглись заключению. Други Божии соделались предметом почти всеобщей ненависти и преследований. Немногим из них суждено было умереть в мире; большая часть из них потерпели мучения от гонителей и умерщвлены прежде разрушения Иерусалима. О бесчисленных соблазнах, о предательстве и вообще об оскудении любви свидетельствовали сами апостолы: *Вне уду брани, внутрь уду боязни,* восклицал апостол Па-

вел, *беды от сродник, беды от язык, беды во градех, беды в пустыни, беды во лжебратии*, и пр. (2 Кор. 11:26). Равным образом свидетельствовали они и о лжепророках, вооружаясь против них силою слова благодатного и ограждая от их лести и коварства верное стадо Христово (2 Петр., Иуд., 2 Кор. 11:13 и мн. др). Но среди этих бедствий, среди бесчисленных препятствий для проповедания веры Христовой Евангелие Царствия должно было распространяться до пределов мира — и оно распространилось и восторжествовало над всеми усилиями врагов своих. *Во всю землю изыде вещание* апостолов *и в концы вселенныя глаголы их* (Рим. 10:13), благовествование проповедано было всей твари поднебесной (Кол. 1:25), когда еще издали собиралась гроза над Иерусалимом и никто еще не мог предвидеть страшной участи отверженного народа иудейского.

Егда убо узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящу на месте святе (иже чтет, да разумеет): тогда сущии во Иудеи да бежат в горы: и иже на крове, да не сходят взяти, яже в дому его: и иже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих. Горе же не праздным и доящим в тыя дни. Молитеся же, да не будет бегство ваше в зиме, ни в субботу. Будет бо тогда скорбь велия, яковаже не бысть от начала доселе, ниже иматъ быти. И аще не быша прекратилися дние оны, не бы убо спаслася всяка плоть: избранных же ради прекратятся дние оны (Мф. 24: 15–22; Мк. 13: 14–20; Лк. 21: 20–23). Вот и кончина, страшная кончина Иерусалима и с ним всего Иудейского царства. *Егда узрите мерзость запустения* и пр. или — как у евангелиста Луки — *егда зрите Иерусалим обстоим вои: тогда разумейте, яко приближися запустение ему* (21:20). Не ожидайте никакой перемены обстоятельств к лучшему, но пользуйтесь первыми средствами ко спасению. Враги *обыдут и обымут* Иерусалим со всех сторон, как пророчествовал Господь еще прежде об этом (Лк. 19:43); следовательно, не останется никакой надежды на спасение для тех, кои не поспешат удалиться при самом приближении опасности. В самом деле, римские войска под предводительством Тита так облегли город, что для осажденных не было никакого средства избежать гибели. Тогда-то наступала скорбь, какой не было и не будет. «Кто подумает, что это сказано преувеличенно, — замечает святой Иоанн Златоуст, — тот пусть прочитает сочинения Иосифа и узнает истину». Так состояние осажденных было ужасно! Страшный голод свирепствовал между многочисленным народом, заключенным в тесных стенах Иерусалима. Скоро весь запас хлеба был потреблен; алчные предались отчаянию и делали страшные беспорядки в городе. Каждый день увеличивалось число жертв голодной смерти. Иные решались бежать тайно из города, но от мучений голода попадались на мучения крестной смерти. Наконец, отчаяние овладело народом в высшей степени, когда узнали, что одна мать приготовила в пищу себе собственное дитя свое. Такова была скорбь, постигшая народ сей. И если бы не прекратились такие дни, то не спасся бы

никто из иудеев. *Но ради избранных*, то есть ради верующих в Господа Иисуса Христа, *прекратились дние оны...* Однако город разрушен был до основания, а от великолепного храма не осталось впоследствии камня на камне.

И пленени будут во вся языки: и Иерусалим будет попираем языки, дондеже скончаются времена язык (Лк. 21:24). Сия черта пророчества исполняется и доселе пред взорами целого мира. Иудеи рассеяны по вселенной, Иерусалим попирается неверными! Были попытки со стороны самих иудеев к воссоединению всего Израиля, и со стороны христиан к освобождению города святого от неверных; но глагол Божий непреложен!

Во второй части пророчества изображается второе, славное пришествие Иисуса Христа на землю.

Тогда аще кто речет вам, и пр. Когда же это? *Когда скончаются времена язык*, то есть когда войдет в Церковь Христову предопределенное число язычников (ср. Рим. 11: 25, 36). Тогда-то наступит время славного пришествия Христова.

Ближайшими признаками его будут восстание лжепророков и лжехристов, которые *дадут знамения и чудеса велия, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя* (Мф. 24: 23–24; Мк. 13: 21, 23; ср. 2 Фес. 11: 9–10), и потом страшные явления во вселенной: помрачение солнца и луны и ниспадение звезд. На земле распространится ужас, скорби и смятение; ибо силы небесные подвигнутся (Мф. 24:29; Мк. 13: 24–25; Лк. 21: 25–26).

И тогда узрят знамение Сына Человеческаго, то есть крест, по изъяснению святого Иоанна Златоуста, а вслед затем и Самого Сына Человеческого, грядущего на облацех небесных с силою и славою многою. Сие явление сколько будет торжественно, столько же внезапно и неожиданно, – подобно явлению молнии, исходящей от востока и являющейся до запада. По трубному звуку ангелов соберутся избранные от четырех ветров, от конца до конца вселенной (Мф. 24: 27–31; Мк. 13: 26–27; Лк. 21:27). И затем всемирный суд!

В заключение пророчества Иисус Христос внушает ученикам Своим особенную бдительность в ожидании сих страшных событий. Без сомнения, это наставление дано в лице апостолов верующим всех веков и времен.

Пророчество Спасителя о храме, Иерусалиме и народе иудейском (Мф. 24:2; Лк. 21:24)

«Воскресное чтение», 1826

Не видите ли вся сия? аминь глаголю вам, не имать остати зде камень на камени, иже не разорится (Мф. 24:2). *И падут во острии меча, и пленени будут во вся языки: и Иерусалим будет попираем языки, дондеже скончаются времена язык* (Лк. 21:24). Иерусалимский храм, не в первом, а во втором своем виде, который был слабым подобием первого, – и в этом виде был в свое время одним из чудес мира. Сооружение и восстановление его стоило государ-

ству несметных сумм. Камни, из которых он был построен, имели иные до 45 вершков длины и состояли из чистейшего мрамора. Его кровли были покрыты полированным золотом, которое с такою силою отражало лучи солнца, что ни одна птица, как говорили, не могла сесть на эту кровлю, потомучто не в состоянии была выносить ослепительного блеска ее. Иудеям казалось несбыточным, чтобы можно было совершенно уничтожить столь прочное и величественное произведение искусства. Они никак не могли представить, чтобы нашелся другой дерзкий человек, подобный Навуходоносору, который бы решился поднять руку на разрушение величественной святыни, предмета общего удивления и народного благоговения. Наконец, они выпустили из виду разрушение первого храма и привыкли верить, что этот храм находится под особенной защитой Самого Иеговы, Который избрал его местом селения славы Своей.

Но не прошло и 40 лет по вознесении Иисуса Христа, как стены храма были сравнены с землей, и плуг – в собственном смысле слова – прошел по развалинам славного здания. Из истории Иосифа Флавия мы узнаем, что во время осады Иерусалима не только иудеи, но и самые враги их – римляне – заботились о сохранении величественного храма, но все усилия их оказались тщетными. «Когда Иерусалим был взят, – пишет очевидец событий, – кроткий Тит, вопреки совету своих полководцев, хотел сохранить храм для славы имени римского. Но Господь судил иначе! Посреди боя Тит с военачальниками отправился гасить огонь, показавшийся внутри храма. Но он напрасно рассылал повеления: раздраженные легионы не слышали их или не хотели слышать. Тит устремился в самую внутренность святилища и надеялся еще спасти его, потому что пламя охватило внешние стены. Он окликал воинов для погашения пожара и велел сотнику даже убивать непокорных – но все напрасно! Ненависть к иудеям, ожесточение в битве, жажда корысти превозмогли послушание римское. Тот самый воин, который последовал за Титом в горящее преддверие, неприметно положил огонь под затворы внутренних ворот, и внезапно вспыхнуло пламя из самой средины. Тит принужден был удалиться и, вопреки его воле, обнялось огнем все святилище... Когда все было истреблено и не было чего щадить в Иерусалиме, тогда и Тит велел воинам разметать до самых оснований весь город и храм, сохранив только три башни для памяти будущих поколений. Воины так уравняли землю, что нельзя было даже подозревать существования города». От этого храма остаются теперь кучи камней, лежащих близ мечети Омара. Один раз в год позволено иудеям собираться к этому месту и молиться у священных остатков древности. Убеленные сединами раввины со слезами и раздирающими воплями обнимают эти камни, как бы желая исполнить слова пророка: *Благоволиша раби твои камение Сиона и персть его ущедрят* (Пс. 101:15).

Что теперь Иерусалим! Это был никогда обширнейший и многолюднейший город, украшенный всем, что тогда было плодом наук и искусств. Это был центр самой плодородной страны в свете, произведения которой считались лучшими произведениями, и горы и долины которой были покрыты садами и дышали температурой всех поясов земли. Там, казалось, сияло райское солнце и вечный воздух Эдема. Но каков теперь вид Палестины и Иерусалима? Плодородия уже нет; сады уничтожены молнией и землетрясениями; нивы засохли от зноя или засыпаны песком; от величественных зданий остался прах и пепел, города превратились в кладбища, жители ни на одну минуту не могут почитать себя безопасными от нападений кочующих арабов и страждут под игом мусульманским. Ученые путешественники, посещавшие Палестину, с величайшею скорбью описывают нынешнее запустение древней столицы иудейской. «Если бы я, — пишет Шатобриан, — жил тысячу лет, то никогда не забыл бы того места в Палестине, с которого я бросил первый взор на Иерусалим. Когда проводник мой воскликнул: «Вот святой город Иерусалим», — то я не мог поверить словам его. Мне показалось, что я вижу безобразную массу каменных обломков. Пылающее солнце вверху и каменная пустыня внизу напомнили мне пророческие слова Второзакония: *И будет небо над главою твоею медяно, и земля под тобою железна. Да даст Господь дождь земли твоей прах, и перст с небесе снидет на тя* (28:23). Ни один ручей, ни один поток не пересекают страшной пустыни: вокруг нет никаких признаков плодородия; не видно никаких обозов, приближающихся к стенам города. Его здания — развалины, его площади — кладбища!» «Видя пред собою, — пишет наш отечественный путешественник, — город, увенчанный куполами и минаретами, обнесенный стенами и башнями, вы ищете движения, но все пусто! Изредка, кое-где медленно шагает обремененный ношею верблюд, сопутствуемый полунагим арабом; изредка мелькнет между гробами, как привидение, завернутая в саван мусульманка, беседовавшая с любимым прахом, или удрученный летами, с посохом в руке, монах сопровождает дальнего поклонника... Это запустение, это молчание, непрерываемое ни шумом листьев, ни говором людским — торжественны! Здесь и природа, и люди как бы находятся в беспрестанном ожидании судного дня... И эти сдвинувшиеся с могил своих надгробные камни, кажется, готовы уже освободить от заключения мертвецов своих»... (Путешествие Норова).

После разрушения Иерусалима и храма народ иудейский был отведен в плен и рассеян по всему лицу земли. И в наше время ни один народ не представляется до такой степени рассеянным и угнетенным, как иудеи. Они и доселе, так сказать, странствуют по земному шару, не находя нигде прочного пристанища. В какой стороне нет их? Они дышат воздухом и востока, и запада, и севера, и юга; пьют воду Темзы, Миссури, Миссиси-

пи, Ганга, Дуная, Рейна, Енисея. В каждом сколько-нибудь замечательном местечке с самого раннего утра и до позднего вечера вы можете слышать голоса их, можете дивиться их суетливости, хитрости, изворотливости. И замечательно, что, несмотря на свой вечный плен, иудеи до сих пор не теряют надежды на избавление; они доселе ждут обетованного Мессию и все мысли свои устремляют к Иерусалиму или, по крайней мере, к долине Иосафатовой, на которой, по их верованию, *Мессия соберет вся языки.* Но напрасно! Божественный суд видимо тяготеет над этим народом. Благосостояние его ни в какие времена рассеяния не было прочно и безопасно; во все времена иудеи служили предметом насмешек и презрения. Таким же будет состояние их, по пророчеству Спасителя, еще долго-долго, пока не придут последние судьбы их от Господа.

Вся, яже писано, в наше назидание писано. Какое же назидание мы выведем из этого пророчества о разрушении Иерусалима и храма?

История прошедшего времени больше или меньше известна каждому из нас. Припомним, сколько в этом прошедшем погребено великого и славного! Со времени падения первого человека сколько миллионов людей почило вечным сном, и тела их превратились в землю, из которой взяты! Все, что эти миллионы почитали великим или малым, хорошим или худым, все, чем они обладали и чего лишались, о чем радовались или плакали, – все это кануло в вечность. Что ныне Тир, эта столица коммерческого мира? Куча песку, на которой рыбаки развешивают свои сети. Что Рим, одно имя которого приводило в трепет отдаленные народы? Развалины прежнего величия; и житель его не скажет теперь с гордостью: «Я римский гражданин, пользующийся повсюду вниманием и защитой». Что Афины, это око Греции, это всемирное училище, куда со всех стран света стекалось множество для изучения мудрости и изощрения искусства? Малый городок, который едва в состоянии поддержать свои великолепные развалины. Где Вавилон, Пальмира, Ниневия?.. *Вся быша от персти, и вся в персть возвратишася* (Еккл. 3:20).

Но, тогда как гибнут дела рук человеческих, мы должны помнить, что никогда не погибнет награда или наказание за наши дела.

Не Веспасиан и Тит были главною причиною разрушения Иерусалима и плена народа иудейского, а грехи этого народа, не омытые слезами покаяния. *Иерусалиме, Иерусалиме! Колькраты восхотех,* говорит Спаситель, *собрати чада твоя, якоже кокош собирает птенцы своя под криле, и не восхотесте, – се оставляется дом ваш пусть!* Итак, суд Божий, тяготеющий над нераскаянным грешником, – вот истина вечная и непременная! Если ты приобретал сокровища неправдою и обманом или если ты скрыл, подобно неключимому рабу, упоминаемому в Евангелии; если ты созидал свои жилища на развалинах, облитых слезами бедных и нищих; если ты почитал всякое средство законным для достижения целей; если ты предавался удоволь-

ствиям, забывая нужды ближних, – твой грех низведет на тебя суд правды небесной, проклятие на тебя от ближних твоих низведет на тебя, на твое благополучие, кару с неба, и над тобою совершится временный суд Божий, чтобы покаянием спасти тебя от суда и осуждения вечного. Такой суд, такое наказание несут теперь и иудеи, на время отверженные Богом со своим Иерусалимом и храмом. Добрые дела – вот что вечно! Это такое сокровище, которого *червь не поядает, тля не тлит и татие не подкопывают и не крадут* (Мф. 6:20). Богатство преходит, но милостыня не остается туне. Слава человеческая забывается, но благословение Божие пребывает вовеки. Разрушаются надгробные памятники, но слезы любви, которые падут на прах твой из очей осчастливленных тобою, падут не даром.

Будем помнить, что есть *град вечный, емуже содетель и художник Бог;* что *аще земная наша храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех* (Евр. 11:10).

Наставление Иисуса Христа о мужестве в бедствиях (Мф. 24:6)

Свт. Филарет, митр. Московский
Из Слова в день рождения Государя Императора

Христос Спаситель между прочими изречениями о судьбе ветхого Иерусалима и новой Своей Церкви указует Своим последователям на будущие брани и заповедует им быть мужественными: *услышати же имамы брани и слышания бранем: зрите, не ужасайтеся* (Мф. 24:6).

Господь дает и причину, почему при виде угрожающих событий мы не должны быть боязливы, а должны быть мужественны. *Зрите,* говорит, *не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти.* Вот слово, из которого не вдруг можно почерпнуть углубленный в нем разум. По рассуждению обыкновенному, от беспокоящего слышания можно было бы найти успокоение в тех мыслях, что угрожающего не будет, по крайней мере, вероятно, не будет, или что оно не коснется тех, которые видят опасность; а мысль, что угрожающее непременно должно последовать, может, казалось бы, только увеличить, а не уменьшить страх. Но не так велит рассуждать Христос, Божия Премудрость и Божия Истина. *Зрите,* говорит, *не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти.* Если бы события происходили случайно, то как рассудком нельзя поставить предел угрожающему случаю, так нельзя было бы поставить предел страху. Но когда знаем, что события происходят, не как случится; что жребий человеков и человеческих обществ не предан неограниченно произволу и страстям человеческим; когда помышляем, что все явления на зрелище мира, не только благоприятные, но и могущие потревожить и устрашить, каковы брани и слышания бранем, быва-

ют, как *подобает быти*, по предусмотрению Божию, под невидимым управлением Промысла Божия, в направлении к благим целям Божеского мироправления; тогда, хотя бы все народы мира восстали, чтобы устрашить нас, этот страх, если уповаем на Бога, может быть так мал, как малы пред Богом все народы, а они, по слову пророка, *яко капля от кади, и яко притяжение веса вменишася* (Ис. 40:15). Как бы ни велика была сила неправды, она не может разрушить истинного блага верующих и уповающих на Бога, – блага внутреннего и вечного; и благосостояние внешнее и временное может поколебать не более, как сколько допустит Бог; а Он попускает, растворяя Свой суд милосердием, защищая правых и побуждая к исправлению согрешивших, дабы потом исчерпанную ими меру скорбей и лишений наполнить утешением и воздаянием. Итак, храни веру, правду, упование на Бога и не будь боязлив, вверяя себя Божию Провидению. Так должно понимать и исполнять слово Христово: *зрите, не ужасайтеся, подобает бо сим всем быти.*

Ум пытливый может сказать: каким образом *подобает быти* и таким событиям, как брани, слышания бранем, бедствия, страдания, даже лучших из человеков, и это под управлением премудрого, праведного и благого Провидения? Это возражение может показаться сильным, но в самом деле оно только дерзновенно, потому что чрез него земной прах покушается возлететь на небо, судить Творца и Судию мира и постигнуть тайны Его мироправления. Подробное исследование сего вопроса потребовало бы более времени, нежели мы теперь имеем. Дадим совопроснику краткий ответ. Не слышал ли ты, что Христос о бранях и слышаниях браней, и о бедствиях Своих последователей сказал: *подобает всем сим быти*? Можешь ли сомневаться в том, что Христос есть самая Премудрость, самая Правда, самая Благость? Как же можешь сомневаться и в том, что если чему по Его предусмотрению, под Его владычеством, *подобает быти*, то непременно бывает и будет сообразно с премудростию, правдою и благостию? Можешь сие усмотреть и в самых событиях, если будешь смотреть чистым оком.

Мысли свт. Феофана на 12 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

За умножение беззакония иссякнет любы многих. Любовь уничтожается беззакониями; чем больше грехов, тем меньше любви. Где все грехи, там не ищи любви. Стало быть, кто взыщет распространения любви и сокращения нелюбви, тот должен позаботиться об умалении грехов и сокращении области грехолюбия. Вот настоящее начало гуманности! Приняв его, надо

принять и все способы, какими можно противодействовать греху. Грехи вовне суть плод внутренней греховности. Внутренняя же греховность вся коренится на эгоизме с его исчадиями. Следовательно, гуманистам надо в законе себе взять такие порядки, какими подавляется эгоизм, а эгоизм сильнее всего подавляется недаванием себе воли. Не давай себе воли, и скоро одолеешь эгоизм. Напротив, какие хочешь употребляй средства против эгоизма, ничего не сделаешь с ним, если будешь давать свободу воле. Отсюда следует, что где ищут волюшки во всем, там ищут расширения эгоизма и иссякновения любви, — ищут большого зла.

Мысли свт. Феофана на 13 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

Претерпевый до конца, той спасется. Но не всякий терпящий спасется, а только тот, кто терпит на пути Господнем. На то жизнь эта, чтобы терпеть, и всякий что-нибудь терпит, и терпит до самого конца. Но терпение нейдет в прок, если оно не бывает ради Господа и Святого Евангелия Его. Вступи на путь веры и заповедей евангельских: поводы к терпению умножатся, но терпение с этой минуты начнет плодоносить венцы, и то терпение, которое доселе было пусто, сделается плодоносным. Каким ослеплением окружает нас враг, что только то терпение и представляет тяжелым и невыносимым, какое встречает на пути добра, а то, которое сам он налагает на работающих страстям, представляет легким и ничего не стоящим, хотя оно тяжелее и безотраднее того, которое несут борющиеся со страстями и противляющиеся врагу! А мы, слепые, и не видим этого... Трудимся, терпим и выбиваемся из сил ради врага, на свою же погибель.

Мысли св. Исидора Пелусиота на 16–18 стихи 24-й гл. Евангелия от Матфея

Сущии во Иудеи да бежат на горы. Утвердившиеся в благочестии (сие означает Иудея) да имеют в виду вышнее прибежище, ограждаясь своим исповеданием. *И иже на кровъ, да не сходит, взяти яже в дому его* (ст. 17). Кто пренебрег настоящий свой дом, попрал всякое здешнее жилище, стал высок по жизни и изгнал из себя вселявшиеся в нем страсти, тот да не увлекает за собою ничего такого, ни боязни, ни нерадения, ни тщеславия, ни пристрастия к богатству: все это есть схождение с высоты. *Иже на селе, да не возвратится взяти риз своих* (ст. 18). Кто совлекся ветхого человека и отрешился от плотского, тот да облекается в человека нового, который обновил его в познание Божие и очистил от тины. Все сии в безопасности будут от оного великого злострадания.

Мысли св. Исидора Пелусиота на 19 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

Горе непраздным и доящим в тыя дни, — сказано душам, которые чреваты Божественною любовию, но не осмеливаются свободно изречь и породить исповедание веры в Бога и твердо стоять за оное, приобрели же детское и несовершенное понятие о Божием долготерпении и не имеют в виду твердого упования наград, но угрозами или нападениями приведены в расслабление и лишили себя будущего.

Толкование св. Василия Великого на 20 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

Молитеся, да не будет бегство ваше в зиме, или в субботу. Поэтому надо́бно заметит, что не сотворил Бог зимы или непохвальной субботы. Ибо написано: *Жатву и весну Ты создал еси я* (Пс. 73:17). А мы в *зиме,* когда владычествуют в нас плотские страсти. Посему так надобно разуметь евангельское сие изречение: да не будет бегство наше, когда преобладает в нас худшее или когда губим жизнь свою в праздности. Ибо такую мысль внушает оно словом *суббота,* чтобы сподобились мы оного благословения: *Блажен раб той, егоже, пришед господин, обрящет бдяща* (Мф. 24:46).

Мысли свт. Феофана на 23 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

Аще кто речет вам: се зде Христос, или онде, не имите веры. Христос Господь, Спаситель наш, устроив на земле Святую Церковь, благоволит пребывать в ней, яко Глава ее, Оживитель и Правитель. *Зде Христос,* — в Православной нашей Церкви, и в другой какой-либо нет Его. И не ищи, не найдешь. Почему, если кто из неправославного сборища придет к тебе и станет внушать: у нас Христос, — не ими веры. Если услышишь от кого: у нас апостольская община и у нас Христос, — не ими веры. Апостолами основанная Церковь пребывает на земле; это есть Православная Церковь. И *зде Христос.* А та, вчера устроенная община, не может быть апостольскою, и в ней нет Христа. Если кого услышишь говорящим: во мне говорит Христос, — а между тем Церкви он чуждается, пастырей ее знать не хочет и таинствами не освящается; не верь ему: в нем не Христос, а другой дух, присвояющий себе имя Христа, чтобы отвлекать от Христа Господа и от Святой Церкви Его. И никому не верь, кто будет внушать тебе малое что, чуждое Церкви. Всех таких признавай орудиями духов лестчих и лживыми проповедниками лжи.

Толкование на 28 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

Епископ Михаил. «Толковое Евангелие»

Относящие это изречение ко второму пришествию Господа в связи с предшествующим объясняют его так: «Как молния объявляется внезапно и всем бывает видима, так и пришествие Христово (второе) будет видимо для всех живущих в мире... И как на мертвый труп скоро собираются хищные орлы, так и туда, где явятся Христос, придут все святые, парящие на высоте добродетелей, и вознесутся на облака, подобно орлам. Христос иносказательно именуется трупом, потому что Он умер за нас» (Феофилакт; ср. Златоуст, Иероним, Евфимий Зигабен). Или так: труп есть образ духовно мертвых (ср. 8:22; Лк. 16:24), которые подлежат суду Мессии и наказанию; и выражение *соберутся орлы* означает то же, что сказано 13:41, а именно, что ангелы, которые имеют быть посланы Мессией, соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную. Относящие это изречение ко времени разрушения Иерусалима под трупом разумеют Иерусалим и иудеев, а под орлами римлян, осадивших и взявших город, и смысл дают такой: Господь придет для суда над преступным городом и народом и, по Его мановению таинственному, римские войска с своими победоносными знаменами ринутся, как хищные орлы, на мертвый труп и растерзают его.

Знамение Сына Человеческого (Мф. 24:30)

Я. Щеголев. «Воскресное чтение», 1883

На вопрос учеников о признаках и времени второго пришествия Господня и кончины мира Иисус Христос после признаков общих и отдаленных, которые хотя будут предвестниками приближения времени кончины мира, но не будут еще указывать на наступление самого этого времени, – после таких признаков указал и на такого рода знамения, которые будут непосредственными и решительными указателями наступления времени кончины мира и страшного суда. В числе таких знамений указано имеющее быть пред кончиною мира *явление на небе знамения Сына Человеческаго* (Мф. 24: 3–33).

Что это за знамение? Из чего оно будет состоять и какого вида?

Имя Сын Человеческий, которым называл Себя Иисус Христос во все продолжение земной Своей жизни до крестной смерти, есть *имя обещанного Мессии*, взятое из пророческого видения, описанного в главе 7: 9–14 книге пророка Даниила, где изображается, как к Сидящему на огненном престоле Ветхому деньми пришел *на облацех небесных яко Сын Человечь*, как Ему даны были власть и честь и Царство, чтобы все люди, племена и на-

роды повиновались Ему, а власть Его — власть вечная, *яже не прейдет, и Царство его не рассыплется.* Из многих пророческих имен обетованного Мессии имя Его Сын Человеческий более всех распространено было между еврейским народом времен Иисуса Христа еврейским вероучением, потому что это имя Мессии более других имен соответствовало любимому представлению о Нем как о великом и славном царе земном, тем более что книга пророка Даниила написана на сиро-халдейском языке, который был тогда живым языком еврейского общества, тогда как древнееврейский язык был языком церковно-религиозного учения в храме и синагогах и языком малопонятным народу.

При таком значении и употреблении имени Сын Человеческий что следует разуметь под знамением Его, о котором идет речь? Очевидно, что это знамение должно иметь тесную связь с самим этим именем, так чтобы в представлении об одном необходимо соединялось представление и о другом. Только под этим условием была совершенно ясна для учеников речь Господа о небесном явлении знамения Сына Человеческого. Посему образ этого знамения нам следует искать в том же источнике, из которого взято самое имя Сын Человеческий, то есть в вышеуказанном пророческом видении пророка Даниила. Какое же знамение сопровождает там явление Сына Человеческого? Прежде чем Он явился на облацех небесных и приблизился к Ветхому деньми за получением чести, власти и всемирного вечного Царства, у пророка изображается следующая картина видения: «Я видел, что престолы были поставлены. Ветхий деньми сел; одежда Его как снег бела и волосы на голове Его, как волна чистая; престол Его пламень огненный, колеса его огнь горящий. Река огненная, струясь, выходила от него. Тысячи тысяч служили Ему и мириады мириад стояли пред Ним. Суд сел, и книги раскрылись. Я видел в видении ночном, и вот, в облаках небесных шел подобный Сыну Человеческому и дошел до Ветхого деньми, и я к Нему был приведен. И Ему дана была держава», и проч. Изображенное в этом видении, то есть явление на небе престолов, восседание на одном из них Ветхого деньми, или Бога Отца, окруженного тьмами тем ангелов и готового творить суд над делами людей, и проч., как приготовительные явления, предшествовавшие появлению на облаках Сына Человеческого, имевшего получить власть для совершения самого суда, — все эти явления и должно признать знамением Сына Человеческого, которое, как в видении пророка Даниила, должно предшествовать появлению Иисуса Христа пред Страшным Судом на облаках небесных. Этот порядок небесных явлений удерживает и Сам Иисус Христос всякий раз, когда говорит о картине Страшного Суда. Так, только после явления знамения Сына Человеческого люди узрят Самого Сына Человеческого, грядущего, как у пророка Даниила, на облацех небесных (Мф. 24:30). И в дру-

гом месте о том же Страшном Суде Господь говорит так: *егдаже приидет Сын Человеческий в славе Своей и вси святии Ангелы с Ним: тогда сядет на престол славы Своея* (Мф. 25:31), то есть появление престола славы имеет предшествовать явлению Самого Сына Человеческого.

Крест Иисуса Христа есть знамя победы Его, символ надежды, основа упования для верующих в небесную помощь Его в продолжение борьбы Церкви, воинствующей на земле. Всякое явление этого знамени на помощь и утешение воинствующих христиан во всякое время имеет свое глубокое значение. Но в последний день мира, когда Господь Иисус вступит во владычество над миром в качестве Царя и Судии, какое тогда дать значение образу креста? Тогда Ему подобают атрибуты не борьбы, а власти, не символы страданий Искупителя, а символы славы и величия (Его) Бога. Последний день мира есть последний день борьбы воинствующей Церкви и первый день торжества ее, — последний день веры и упования и первый день видения и осуществления уповаемого. Тогда все земные образы славы Христовой отойдут в область прошедшего, а откроется для блаженных видение славы Его без символов, а лицом к лицу.

Толкование св. Иоанна Златоуста на 32–34 стихи 24 гл. Евангелия от Матфея

От смоковницы же научитеся притчи; егда уже ваия ея будут млада, и листвие прозябнет, ведите, яко близ есть жатва. Тако и вы, егда видите сия вся, ведите, яко близ есть при дверех (ст. 32–33).

Так как Иисус Христос сказал: *Абие по скорби дний тех солнце померкнет, и будет кончина*, ученики же Его спросили, когда это будет, и желали знать самый день; то Он представил им в пример смоковницу, показывая сим, что немного осталось времени, и что скоро будет Его пришествие. И это подтвердил Он не одною только притчею, но и сими словами: *Видите, яко близ есть при дверех*. Вместе с сим Иисус Христос пророчествует и о духовном лете, то есть о той тишине, которая в тот день настанет для праведных после обуревающей их теперь зимы; грешникам же, напротив, предсказывает зиму по прошествии лета, что подтвердил впоследствии, сказав, что день тот застанет их посреди роскоши и удовольствий. Впрочем, Он привел в пример смоковницу не столько для означения времени, ибо мог бы означить иное и другим образом, сколько для подтверждения того, что Его предсказание непременно исполнится. Ибо как необходимо быть первому, так равно и последнему. Вообще, как Сам Иисус Христос, когда предсказывает будущее, всегда объясняет это необходимыми в природе явлениями; так и подражающий Ему блаженный апостол Павел. Так, беседуя о воскресении мертвых, Иисус Христос говорит: *Аще зерно пшенично пад на землю не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит* (Ин. 12:24).

И блаженный апостол Павел, ученик Его, употребляет тот же пример, рассуждая с коринфянами о воскресении: *безумне*, говорит он, *ты еже сееши, не оживет, аще не умрет* (1 Кор. 15:36). Потом Иисус Христос, дабы опять вскоре не приступили к Нему ученики Его с вопросом, когда это случится, – напоминает им о приближении сего времени: *Аминъ глаголю вам, не мимоидет род сей, дондеже вся сия будут* (ст. 34). Что Он разумел под словом *вся сия*? То, что случилось с Иерусалимом: войны, голод, мор, землетрясения, лжехристы, лжепророки, повсеместное распространение Евангелия, мятежи, раздоры и все, что, как мы сказали, должно случиться до Его пришествия. Как же Он сказал: *не прейдет род сей*? Здесь говорится не о роде, тогда жившем, но о роде верных; ибо род означает не только время, но и образ религии и жизни. Так сказано: *сей род ищущих Господа* (Пс. 23:6). Сверх сего Иисус Христос прежде сказал: *подобает бо всем сим быти;* и еще: *проповестся Евангелие сие.* То же и здесь Он выражает, говоря, что все сие непременно сбудется, а род верных пребудет и не прервется ни от одного из вышеозначенных бедствий. Разрушится Иерусалим, и погибнет большая часть иудеев, но ничто не преодолеет сего рода, ни голод, ни мор, ни землетрясение, ни ужасы браней, ни лжехристы, ни лжепророки, ни прельстители, ни соблазнители, ни предатели, ни лжебратия, ни другие подобные сим искушения.

Небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут (Мф. 24:35)

«Воскресное чтение», 1823

Так твердо, повелительно и всемогуще слово Божие! Есть оно на вещественных небесах и на нашей земле: это повеление творческое, это законы мира. О нем сказано: *в век, Господи, слово Твое пребывает на небеси* (Пс. 118:89); *повеление положи и не мимоидет* (Пс. 148:6). Все изменяется, все преходит; а это слово Божие не изменится и не прейдет. Земля и небо *погибнут, Ты же пребывавши: и вся яко риза обетшают, и яко одежду свиеши я, и изменятся. Ты же тойжде еси, и лета Твоя не оскудеют* (Пс. 101: 27–28). А как неизменяем Бог, так неизменяема воля Его, мысль и слово Его. По сему же неизменяемому слову, вечному повелению и предначертанию творческому и все изменится, что преходит, все обновится, что состареет. Силою сего же слова некогда *небеса мимоидут, земля, и яже на ней дела сгорят, и явится новое небо и новая земля* (2 Пет. 3: 10, 12).

Но это в мире физическом, где твари неразумные не могут изменить сами ничего как в своем состоянии, так и в своих законах, которым повинуются без сознания, по необходимости. Что же сказать о мире нравственном, мире существ разумных и свободных? То же, то есть что и здесь, хотя все изменяется, и изменяется при действии свободной, изменчивой, непостоянной воли многих разумных тварей, слово Божие, закон

Всесвятого, не изменяется, но пребывает в пребудет во всей своей святости и правде вечно.

Таково, говорит Господь наш, и Мое слово: *словеса Моя не мимоидут.* Таковы Его заповеди, таков Завет Новый, таково Евангелие! Из недр вечной любви в правды проистекло слово Христово, и ничто ни во времени, ни в вечности не упразднит его; ибо это слово Всемогущего, слово Творца, которое превыше всех сил тварных. Падут на земле царства, разрушатся все памятники мудрости и славы человеческой, а вера Христова не падет, Святая Церковь не разрушится. Господь Иисус Христос восторжествует над всеми врагами Своими. *О имени Иисусове поклонится всяко колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2:10).

А между тем что делаешь ты, мудрость века сего? Не подкапываешь ли ты основания вечного, неразрушимого? Смотри, оно само разрушит тебя, как и предсказано: *Всяк падый на камени том, сокрушится, а на немже падет, стрыет его* (Лк. 20:18). Что делаете вы все, враги Церкви Христовой? Вы проповедуете учение не Христово, учение, враждебное Евангелию. Но *аще* человек или *Ангел с небесе благовестит нам паче благовествованного* Апостолами Христовыми, — *анафема да будет* (Гал. 1:8). Вы не боитесь этой анафемы? Но Сам Бог говорит: *Погублю премудрость премудрых;* Он погубит эту премудрость за то, что она не уразумела Его (1 Кор. 1: 19–21), за то, что истинную премудрость Божию отвергла и почла безумием. Вы, лжемудрецы, обуяете, вы сами друг друга назовете безумными, учения ваши одно другое низвергают и будут низвергать, а то учение, которое гоните, учение Слова Вечного, будет стоять и не поколеблется вовеки!

Толкование св. Василия Великого на слова: *часа и дня того никтоже вест* (Мф. 24:36)

Если Сын не имеет ведения о всем том, о чем имеет ведение Отец, то солгал Сказавший: *Вся, елика имать Отец, Моя суть* (Ин. 16:15); *якоже Отец знает Мя, и Аз знаю Отца* (Ин. 10:15). Если же иное дело – знать Отца, и иное – знать принадлежащее Отцу; но знать Отца – больше, нежели знать принадлежащее Отцу (потому что всякий больше принадлежащего ему); то Сын, зная большее, ибо сказано: *никтоже знает Отца, токмо Сын* (Мф. 11:27), не знал бы меньшего, что невозможно. Итак, умолчал Он о времени суда потому только, что не полезно было людям слышать о сем; ибо всегдашнее ожидание делает более ревностными в благочестии, а знание, что до суда еще долго, сделало бы более нерадивыми в благочестии, по надежде, что можно спастись, покаявшись впоследствии. Да и возможно ли, чтобы Ведавший все, что будет до оного часа (ибо все сие сказал), не знал этого часа? Иначе напрасно и апостол сказал: *в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2:3).

Слово *никто*, как кажется, выражает нечто общее, так что ни одно лицо не исключается сим речением. Но не так оно употребляется в Писании, как мы заметили в изречении: *никтоже благ, токмо един Бог* (Мк. 10:18). Ибо Сын говорит сие, не исключая тем Себя из естества Благого. Но поелику Отец есть первое благо, то уверены мы, что в слове *никтоже* подразумевается слово *первый*. Подобно изречение: *никтоже знает Сына, токмо Отец* (Мф. 11:27). Ибо здесь не обвиняет Духа в неведении, но свидетельствует, что в Отце в первом есть ведение Его естества. Так, думаю, и сие: *никтоже весть* (Мф. 24:36), сказано потому, что Господь первое ведение настоящего и будущего приписывает Отцу и во всем указывает на первую причину. Иначе каким образом изречение сие или соответствует прочим свидетельствам Писания, или может быть соглашено с общими нашими понятиями, когда веруем, что Единородный есть *образ Бога невидимого*, образ же не телесного очертания, но Самого Божества и величий, представляемых принадлежащими Божией сущности, образ силы, образ премудрости, поколику Христос именуется *Божией силой и Божией премудростью* (1 Кор. 1:24)? Без сомнения же, ведение есть часть премудрости, и Сын не изображает в Себе всей премудрости, если не достает Ему чего-нибудь. Да и как Отец Тому, *Имже веки сотвори* (Евр. 1:2), не показал малейшей части веков, оного дня и часа? Или каким образом Творцу всяческих недостает ведения малейшей части сотворенного Им? Как не знает самой кончины Тот, Кто говорит, что пред приближением кончины явятся такие и такие знамения на небе и по местам на земле? Когда говорит: *не тогда кончина* (Мф. 24:6), не как сомневающийся, но как знающий определяет время. Притом, если вникать благомысленно, то Господь многое говорит людям от Своего человечества, например: *даждь Ми пити* (Ин. 4:7) – слова Господа, выражающие телесную потребность. Впрочем, Просящий был не плоть неодушевленная, но Божество, приявшее одушевленную плоть. Так и теперь, кто приписывает неведение Приявшему все на Себя по домостроительству и Преуспевающему *премудростью и благодатию у Бога и человек* (Лк. 2:52), тот не уклонится от благочестивого разумения.

Толкование св. Григория Богослова на 32 стих 13-й гл. Евангелия от Марка

Никто не знает последнего дня или часа, ни Сам Сын, токмо Отец (Мк. 13:32). Для всякого явно, что Сын знает как Бог, приписывает же Себе незнание как человек, поколику только видимое может быть отделяемо от умопредставляемого. Такую мысль подает и то, что наименование Сына поставлено здесь отрешенно и безотносительно, то есть без присовокупления: чей Он Сын, чтобы разумели мы сие неведение в смысле более сообразном с благочестием и приписывали оное человечеству, а не Боже-

ству. Итак, если достаточно сего объяснения, остановимся на нем и не будем входить в дальнейшие исследования, а если нет, представим и второе толкование. Как все прочее, так и ведение важнейших таин относи к Причине из уважения к Родителю. Но мне кажется, что и тот составил себе не низкое понятие, кто, с одним из наших любословов, стал бы читать сие место так: и Сын не по иному чему знает день и час, как потому, что знает Отец. Ибо какое из сего заключение? Поелику знает Отец, а посему знает и Сын, то явно, что ни для кого сие неизвестно и непостижимо, кроме первой Причины.

Толкование св. Иоанна Златоуста (Мф. 24:36)

Беседа на Евангелие от Матфея

О дни же том и часе никтоже вест, ни Ангели небесны, ни Сын, токмо Отец един. Словом *ни Ангели* Иисус Христос научает учеников Своих, чтобы они не старались узнать того, чего не знают и самые ангелы. Словом *ни Сын* возбраняет им не только знать, но и спрашивать об оном. Что слова сии сказаны Им с сим намерением, познай из того, что по воскресении с большею силою воспретил им любопытство, когда заметил, что они излишне предаются ему. Теперь положил многие и бесчисленные признаки, а тогда сказал просто: *несть ваше разумети времена и лета* (Деян. 1:7). И дабы ученики не сказали: вот нас презирают за наше недоумение, и ужели мы того достойны, для сего Он и присоединяете *яже Отец положи во Своей власти.* Если бы это было не так, если бы в самом деле Сын Божий не знал о времени кончины, то когда же бы Он узнал оное? Вместе с нами? Но кто станет утверждать это? Он знал Отца так, как и Отец Сына, и ужели не знал о последнем дне? Сверх сего *Дух испытует и глубины Божия* (1 Кор. 3:10). А Сын будто бы не знал и времени суда? Он знал, каким образом должно судить, знал тайны каждого; возможно ли же, чтобы Он не знал того, что менее важно? Если *вся тем быша, и без Него ничтоже бысть*, то может ли быть, чтобы Он не знал оного дня? Ибо если Он сотворил веки, то сотворил и времена; если сотворил и времена, то, без сомнения, сотворил и день. Как же Ему не знать сего дня, который Он сотворил?

Толкование на слова: *два будета на селе* (Мф. 24:40)

Св. Ефрем Сирин

Слышал ты, что *два будета на селе: един поемлется, а другий оставляется. Две мелюще в жерновах: едина поемлется, и едина оставляется. Двое на крове* и так далее. Стоящие *на крове* — это люди на высоте почестей: судии, правителя,

цари, властелины. Ибо есть судия праведный и есть судия неправедный; и праведный изъемлется из огня, а неправедный оставляется. А находящиеся *на селе*, то есть в мире сем, это земледельцы, люди необразованные и незначительные по роду и богатству, прославленные и непрославленные, и одни праведные, а другие неправедные. И праведные поемлются, а неправедные оставляются в огне. *Мелющия* же — это все множество жен, а в частности, и души, принявшие на себя рабское иго и окончившие жизнь в немощи. Ибо есть жены праведные и неправедные, есть и рабы праведные и неправедные. Есть и немоществующие праведные, каковы Иов и Лазарь, а также и неправедные, каковы Каин и Гиезий. Посему говорит: *Два будета на одре* (Лк. 17:35), означая их немощь. Праведные поемлются, а неправедные оставляются. Как поемлются праведные, пусть скажет сие Павел: *Живущии* о Господе *восхищени будут на облацех на воздусе и всегда с Господом будут* (1 Фес. 4:17). Как оставляются неправедные? Ангелы *соберут избранныя от четырех ветр* (Мф. 24:31), а нечестивых сожгут *огнем неугасающим* (Мф. 3:12).

Не предполагай, что неугасимый огнь мучения будет от дров и что распалять его будут какие-либо приставники, как думают пустословящие в народе. Но обрати взор на Содом и посмотри на пещь, в которой нет дров. Представь себе окаменение жены, и подивись огненному прещению. Вместе были тогда Лот и жена и две дочери, но Лот с дочерьми не истреблен огнем, а жена не избегла огненного прещения. Суд Божий предоставил каждого собственному его жребию. Так и на суде. Праведные поемлются, как Лот, а неправедные оставляются, как жена его.

Прп. Исидора Пелусиота толкование на слова: *в нощь сию будета две мелюще* (Мф. 24:41)

Чинами ангельскими и ликом апостолов судятся человеческие преднамерения, потому что от первых отлучен их предстоятель, а от последних — предатель. То же самое, как найдешь, совершается и ныне: одни напрягают силы и пребывают во бдении, другие же расслабевают от лености и нерадения; из них-то, когда Господь приходит во славе Своей, одни поемлются, другие оставляются.

О том же

В сказанном: будут *две мелюще* в одном жернове, — *едина поемлется, и едина оставляется*, — под жерновом разумей коловратность настоящей жизни, которая, ни на минуту не останавливаясь, течет мимо нас и со скоростью жернова все изменяет, а под двумя мелющими — как бы различие жизни в одном и том же или чине, в подвижничестве ли то, или девстве, или воздержании, или целомудрии или страннолюбии, или вере; так как многие посвящают себя на это, но не все с одинаковым намерением: одни преус-

певают в добродетелях ради будущего воздаяния, а другие добродетельны напоказ. И последние восприемлют награду свою в здешних похвалах и оставляются при жернове, а первые поемлются.

Мысли свт. Феофана на 42 стих 24-й главы Евангелия от Матфея

Бдите, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет (Мф. 24:42). Если бы это помнилось, не было бы и грешников; а между тем, не помнится, хоть и всякий знает, что это несомненно верно. Даже подвижники самые строгие, и те не сильны были свободно держать память об этом, а ухитрялись прикреплять ее к сознанию, так, чтобы она не отходила: кто гроб держал в келии, кто упрашивал сотоварищей своих по подвигу спрашивать его о гробе и могиле, кто держал картинки смерти и Суда, кто еще как. Не касается души смерть, она и не помнит ее. Но всячески, не может же не касаться души то, что тотчас следует за смертию; уж об этом-то она не может не иметь заботы, так как тут решение ее участи на веки вечные. Отчего ж этого-то она не помнит? Сама себя обманывает, что не скоро и что авось как-нибудь дело пройдет не худо для нас. Горькая! То уж несомненно, что которая душа держит такие мысли, та нерадива и поблажает себе, — так как же думать, чтобы дело суда прошло для нее благоприятно? Нет, надо так себя держать, как держит ученик, которому предстоит экзамен: что ни делает он, а экзамен нейдет из головы; такое памятование не дозволяет ему и минуты понапрасну тратить, а все время употребляет он на приготовление к экзамену. Когда бы и нам так настроиться!

Мысли свт. Феофана на 6 стих 21-й гл. Евангелия от Луки

«Мысли на каждый день года»

Ученики указывали Господу на красоту здания и утварей храма; а Он сказал: *приидут дние, в няже не останет камень на камени, иже не разорится.* Это подпись всему красному мира сего. На вид кажется прочно и вековечно; но день-другой, смотришь, как ничего не бывало: и красота увядает, и силы истощаются, и слава меркнет, и умы изживаются, и одежда изнашивается. Все в себе самом носит силу разрушительную, которая не лежит, как семя неразвитое, а состоит в непрестанном действии, и все течет к своему концу. *Преходит образ мира сего. Убо образом ходит человек, сокровиществует и не весть, кому соберет я.* А мы все суетимся, все хлопочем, и хлопочем, и хлопотам нашим конца нет. Встречаем кругом себя постоянные уроки, а все свое, — словно слепы и ничего не видим. Да и правду сказать, что слепы или ослеплены: и себе, и ничему окружающему нас и владеемому нами,

конца не чаем. И что еще? Обставившись, как нам представляется, хорошо, уверены, что стоим твердо, как на утесе; тогда как положение наше скорее похоже на то, как если бы мы стояли на трясине: вот-вот провалимся. Но не чуем этого и предаемся беспечному наслаждению текущим, как будто всегда имеющим пребывать. Помолимся же, да откроет Господь умные очи наши, и да узрим все, не как оно кажется, а как оно есть.

Род премудрости последователей Иисуса Христа (Лк. 21: 13–15)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в храме св. мученицы Татианы при Московском университете

Прилучится же вам во свидетельство. Положите убо на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещавати: Аз бо дам вам уста и премудрость (Лк. 21: 13–15). Чтобы трудная встреча с бедствиями не сделалась сугубо трудною от их нечаянности, Христос Спаситель предварил об них Своих последователей: *Возложат на вы руки своя и ижденут, предающе на сонмища и темницы, ведомы к царем и владыкам, имене Моего ради;* и присовокупил: *Прилучится же вам во свидетельство.* То есть гонения за веру должны привести вас к тому, чтобы *засвидетельствовать.* О чем? Очевидно, об истине веры Христовой, о Божественной силе Христовой. Заметим, что из сего изречения Христова древнею Церковию заимствовано наименование *свидетеля* для означения *мученика,* так что на греческом языке *мученик* не иначе называется, как *свидетелем.* Можно догадаться, что для свидетельствования о Христе посреди сонмищ иудейских, вооруженных законом и преданиями, и пред лицом царей и владык языческих, действующих лжемудрованием, лестью, силою и яростью, потребна была немалая мудрость. Но на что догадка? Сие видно из продолжения слова Христова: *Положите убо на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещавати: Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися или отвещати вси противляющиися вам.* Что Христос Спаситель обещал, то, без сомнения, и делом исполнил. Итак, Он мученикам дал, и они имеют *премудрость,* победоносную над всем, что ей противоборствует.

Но что за род премудрости у мучеников? Какой состав ее? Как определить ее? Книга Премудрости изображает премудрость следующими главными чертами: *целомудрию и разуму учит, правде и мужеству, ихже потребнее ничтоже есть в житии человеком* (Прем. 8:7). И вот черты премудрости, который прекрасно и величественно светят в словах, деяниях и страданиях мучеников христианских.

Не высок ли *разум* или благорассуждение является у них, когда они, вопреки наследственным предрассудкам, уразумели нелепость многобожия, познали единого истинного Бога, усмотрели неудовлетворительность

внешнего иудейского закона, открыли потребность благодати Христовой и ее Божественную силу и действительность?

Как совершенно их *целомудрие* или воздержание, когда они отреклись не только от всех страстных чувственных удовольствий, но большею частью и от невинных; и не только не искали удовольствий, но решались на жесточайшие страдания, чтобы сохранить чистыми мысль, совесть, сердце, душу и тело!

Как строга их правда или праведность, когда словом: «Я не христианин», или даже одним молчанием, они могли бы избавиться от страданий и смерти, но они не хотели ослабить правды ниже словом, ниже молчанием; или когда, например, один из них, которому вложили в руку фимиам и насильно поднесли ее на языческий алтарь, допустил жечь сию руку, но не разжал перстов, чтобы фимиам не упал на алтарь, что удовлетворило бы истязателей и избавило бы его от мучения; или, когда, перенося несправедливые и жестокие оскорбления, лишения, истязания, не только не помышляли они об отмщении, но и оказывали гражданской и государственной власти гонителей точное повиновение во всем, что не противно закону Божию и нравственному!

Как величественно их мужество, когда язычество сражалось с ними угрозами, хулениями, бичами, разными орудиями пытки, огнем, раскаленным железом, кипящим маслом, мечем, но победа доставалась никого не уязвляющему оружию веры и любви Божией и терпения; когда, например, святой Лаврентий, лежа одним боком на раскаленной сковороде, сказал мучителям: «Сожжено; оборотите на другой бок», – или когда святой Иаков Персиянин, которому отсекали члены один за другим, при отсечении каждого члена произносил славословие Богу, как свойственно победителю!

Жребий мученичества не для всех; но мученическая мудрость не для одних мучеников. Она спасла и прославила их и светит всем на пути истины и спасения.

В терпении вашем стяжите души ваша (Лк. 21:19)

«Воскресное чтение», *1801*

Совет ли это или повеление? Как примешь: совет, если захочешь слушать охотно, с любовью; повеление, когда имеешь слух слабый и тугой. Впрочем, совет ли это, повеление ли, только это непременно должно выполнять.

«Стяжать душу?.. Но разве мы без души?»

Видно, что так! у каждого из нас есть душа, но не такая, какой быть должно. Истинной души человеческой во многих нет. Есть ли душа у завоевателя, когда он для удовлетворения пустым видам своей гордости про-

ливает реки крови, предает огню города и села? Есть ли душа у скупца, который, имея у себя миллионы, проходит мимо больного нищего, не подав ему не копейки? Какая душа у сластолюбца, когда он, предавшись скотским удовольствиям, сделался весь плотию и кровию?

Итак, надобно стяжать душу, то есть приобрести ее и купить.

Но разве душа продается? Где, у кого и как? Собственно, в одном месте: у Бога. Он один может дать нам сердце новое, ум новый и новую душу. Почему те, кои стяжали душу, и называются *новою тварию, созданною по Боге в правде и преподобии истины, созданными во Христе на дела благая.*

У одного Бога можно стяжать душу, но чтобы нам удобнее было стяжать ее, когда только захотим, то Господь открыл нам возможность к тому по разным ближайшим к нам местам. Душу стяжать можно везде: во храме и на торжище, в больнице и темницах, из рук пастырей и нищих, из рук друзей и врагов наших.

Поступать в сем случае, как показывает выражение Спасителя, надобно подобно тому, как мы поступаем в приобретении земных сокровищ.

Как поступает желающий обогатиться? Он не тратит напрасно времени; одно у него на уме и сердце: как бы приобрести что-нибудь. Благоприятные случаи к тому, времена и места ему все известны, и он не пропустит ни одного.

Подобно сему должно поступать и в стяжании души. Ты узнал, что там-то живет беспомощное семейство; спеши туда с помощью: там можно приобрести душу. Тебя обидели напрасно, чувствительно, не мсти, а воздай любовью — этим стяжешь свою душу. Таким образом, ныне приобретешь одну, завтра другую добродетель; а добродетели суть члены, из коих составляется истинный образ души человеческой.

Все это, явно, требует терпения. Без терпения нельзя разбогатеть и в земном отношении, кольми паче в духовном. Чем выше вещь, тем дороже; а чем дороже, тем труднее приобретается. Поелику же душа дороже всего мира, то — *в терпении вашем стяжите души ваша!*

Толкование на 24 стих 21-й гл. Евангелия от Луки

Леонтий, архиеп. Варшавский.
Из Слова в Неделю Ваий. «Слова и речи»

Господь сказал: *Иерусалим будет попираем языки, дондеже скончаются времена язык* (Лк. 21: 24). Вот где заключается и решается дальнейшая судьба Иерусалима и вообще Святой земли! Долго она находилась и теперь давно находится под владычеством мусульман, поклонников Магомета. Христианские государи заботились об освобождении святого града и всей Палестины от

владычества неверных, от ига мусульманского, но заботы их, надежды их не оправдались. Так называемые крестоносцы завоевали Святую Землю, но христианское царство Иерусалимское недолго устояло и пало пред оружием турок, как бы в доказательство, что царства земные созидаются и разрушаются не по расчетам человеческим, а по воле Божией. Западные крестоносцы под знаменем римского католицизма оказались по своим действиям недостойными обладать Святою Землею, желая искоренять там древнее Православие, которое хранится там неповрежденным при окружающем его неверии и нечестии в продолжение веков в чистоте. Неоднократно и Россия желала освобождения христиан от владычества турецкого; неоднократные походы русских воинов со времен Петра I не достигли вполне цели, хотя время от времени ослабляли силу мусульманскую. Еще недавно, около двенадцати лет тому назад, русские стояли, можно сказать, у самых врат Константинополя, центра турецкого владычества и, кажется, могли беспрепятственно достигнуть прекращения власти, тяжелой для христианского сердца. Но вышло иное, против ожиданий человеческих. Объясняйте это, как хотите, а верно одно: *не у приидe час* (Ин. 2:4), назначенный Промыслом Божиим для освобождения дорогой всем христианам земли. Доколе же, Господи? Когда настанет этот час? Ответ готов ясный: *Дондеже скончаются времена язык* (Лк. 21:24), то есть когда войдет в Царство Христово полное число язычников (Рим. 11:25 и д.). Когда же? Это известно единому Богу. Нам остается только благоговеть пред судьбами Божиими и в терпении ожидать исполнения Божественных предопределений, для нас недоведомых, скоро ли или еще нескоро они исполнятся.

О значении скорбей в жизни человека (Лк. 21:31)

«Воскресное чтение», 1811

Егда узрите сия бывающа, ведите, яко близ есть Царствие Божие (Лк. 21:31). Представить картину бедствий, имеющих постигнуть род человеческий пред концом мира, Спаситель заключает: *Егда узрите сия бывающа, ведите, яко близ есть Царствие Божие.* Не те ли же признаки приближения Царствия Божия и к каждому человеку в частности, еще прежде предсказанного Спасителем времени? Бедствия и страдания, на кои так малодушно иногда смотрит человек, не возвещают ли души о скором воцарении в ней Христа Спасителя, если только она, подобно мудрым девам, встретит Его надлежащим образом приготовленной? По большей части скорби, и самые тяжкие, поражают тех, в коих Господь находит довольно сил к перенесению их и много добрых дел, достойных того богатого воздаяния, какое всегда следует за испытанием. С другой стороны, и диавол, предвидя ско-

рое уничтожение своей власти над душою испытываемого любовию Божиею, устремляет на нее все свои стрелы, как устремит их некогда, в последние дни мира, со всею яростью и ожесточением на остаток избранных Божиих. И чем мужественнее душа будет стоять во искушении, тем ближе помощь свыше. Итак, не должно ли назвать жалким ослеплением, что многие из нас не только не переносят терпеливо постигающих несчастий, но еще ропщут на правосудие и милосердие Божие? Немым, но сильным обличением для них в сем случае должна служить самая внешняя природа. Ибо и в ней после бурь и непогод всего естественнее ожидать ясных дней, благорастворенного воздуха, полного, торжественного веселия природы. И душа после скорбных ощущений светлеет, умягчается и чрез то делается способна к сильнейшим впечатлениям радости. То же бывает и в жизни благодатной. Радость спасения не имела бы такого усладительного действия на душу, если бы она не была предварена и уготована тернистым путем искушений. Итак, егда узрите тяготу несчастий, обрушившихся на вас, ведите, яко близ к вам Царствие Божие!

Против невоздержания (Лк. 21:34)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова на Сырной Неделе

Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той (Лк. 21:34). Если настоящее назначение пищи и пития есть поддержание и возобновление телесного состава, который неприметным образом непрестанно снедает тление, а вкус пищи и приятность питию даны как средства для сей цели; то каждый кусок пищи сверх утоления голода, снедаемый для вкуса, есть доля объядения; каждый глоток пития после угашения жажды и после ободрения сил, употребляемый для приятности, принадлежит к чаше пьянства.

Что же суть наши столы, на которых трудно перечесть различные роды пищи, трудно угадать их состав; трудно упомнить названия различных родов пития. Не хитросплетенные ли сети, которые мы расставляем друг другу, чтобы уловить в объядении, хотя иногда очень тонком, и в пьянство, хотя с виду трезвом? И не приметишь, как перейдешь от ядения к объядению, как простое употребление пития превратится в пьянство. Надобно прилежно смотреть за собою. Внемлите себе.

Восклонись, несчастный поклонник чрева, и если ты не можешь вдруг выше себя вознести глаз твоих, стань прямо пред зеркалом и посмотри, не написан ли на самом тебе закон против раболепства чреву? Не видишь ли, что выше чрева твоего есть грудь, в которой живет сердце, желающее добра, чувствующее любовь; что над нею еще возвышается глава, в кото-

рой царствует ум, созерцающий истину, разум, мыслящий о вероятностях; что под тою и другою, как бы под небом и землею ад, низвержено темное чрево, не умеющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницания, чтобы приметить, что оно не владычествовать должно над высшими областями, но быть в служении, в порабощении, в презрении? Если, напротив, ты стараешься более и более угождать чреву в том, чего оно слепо требует, для него желаешь, для него вымышляешь; то берегись, чтобы оно не сделалось сильнее и выше головы, и своею безобразною тяжестью не стало стеснять и подавлять благороднейших действий ума и сердца. *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством.*

Под именем *сердца* Господь разумеет вообще *внутренность* человека, что можно видеть из Его собственного другого изречения, в котором Он сии слова соединяет, изъясняя одно другим: *извнутрь бо*, глаголет, *от сердца человека исходят помышления злая.* Итак, под именем сердца, как внутренности вообще, в изречении Господнем разуметь должно духовные силы человека с их действиями и совершенствами, в особенности разум, силу хотеть и способность познавать. Смотрите, на что, наконец, может обрушиться подавляющая тяжесть пресыщенного чрева. *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша.*

Пресыщением отягченное чрево, как гиря, висит под крылами духа и тянет его к земле, так что при всех усилиях он более бьется о землю, нежели возлетает к небу.

Ужасным бедствием угрожает Господь чревоугодникам. *Найдет*, говорит, *на вы внезапу день той.* Какой день? – День, которого только малый образ, только предвещание показано было в грозный день Содома, день, который угрожает не одному или нескольким роскошным и сладострастным городам, но целой вселенной, который заставит *издыхать человеков от страха и чаяния грядущих на вселенную.* Господь неоднократно внушает нам, что сей страшный день особенно нечаянно постигнет тех, которые преданы невоздержанию, роскоши, попечению о выгодностях и приятностях жизни. *Якоже бо*, говорит, *бяху во дни прежде потопа, ядущи и пиюще, женящеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное в ковчег: и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческаго* (Мф. 24: 38–39). И еще говорит: *якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, пияху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: в онь же день изыде Лот от Содомлян, одожди камык горящ и огнь с небесе и погуби вся: по томуже будет и в день, в онеже Сын Человеческий явится* (Лк. 17: 28, 30).

Поистине, людям, которых гортань отверзается не для того, чтобы воспевать славу Божию или изрекать пред Богом желания сердца, но для того, чтобы, подобно гробу, поглощать и обращать в тление все, что лучшего живет и растет на земле; которые проводят половину жизни в труде обременять свое чрево, а другую в труде влачить сие бремя; у которых вино волну-

ет кровь и отуманивает голову, где им помышлять о делах небесных, прозирать в сокровенные судьбы Божии, вникать в словеса пророческие, примечать значения времен, стоять на страже в ожидании грядущего Царствия Божия, которое совсем не про них; поелику оно *не есть брашно и питие*?

Мысли свт. Феофана (Лк. 21:34)

«Мысли на каждый день года»

Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печалеми житейскими, и найдет на вы внезапу день той. День той, то есть последний день мира или каждого из нас, приходит, как тать, и захватывает, как свет; потому и предписывает Господь: *бдите убо на всяко время молящеся.* А так как сытость и многозаботливость — первые враги бдения и молитвы, то наперед еще указано, чтобы не допускать себя до отяжеления пищею, питьем и печальми житейскими. Кто поел, попил, повеселился — спать, выспался и опять за то же, у того какому быть бдению? Кто и день и ночь занят одним житейским, тому до молитвы ли? «Что ж, — скажешь, — делать? Без пищи нельзя, и ее надо добыть. Вот и забота». Да Господь не сказал: не работай, не ешь, не пей, а *да не отяготится* сердце ваше этим. Руками работай, а сердце держи свободным; есть — ешь, но не обременяй себя пищею; и вина выпей, когда нужно, но не допускай до возмущения головы и сердца. Раздели внешнее твое от внутреннего, и последнее поставь делом жизни твоей, а первое приделком; там будь вниманием и сердцем, а здесь только телом, руками, ногами и глазами: *бди на всякое время молящеся,* да сподобишься небоязненно стать *пред Сыном Человеческим.* Чтобы сподобиться этого, надо здесь еще, в жизни своей, установиться пред Господом, а для сего одно средство — бодренная молитва в сердце, совершаемая умом. Кто так настроится — на того не найдет *день той* внезапно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 24-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛ.

Святоотеческие толкования

1) *Св. Афанасий Александрийский.* О кончине мира и пришествии антихриста. «Христианское чтение», 1828.

2) *Его же.* О втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа. «Христианское чтение», 1832, 1837.

3) *Св. Кирилл Иерусалимский.* О кончине мира и страшном суде. «Воскресное чтение», 1813.

4) *Прп. Нил Сорский.* О памятовании страшного суда (Мф. 24: 29–32; 25:31) «Воскресное чтение», 1817.

5) *Прп. Ефрем Сирин.* О втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа. Творения, ч. 1. М., 1858. О том же, ч. 2, ч. 3.

6) *Блж. Иероним.* Какое значение имеют слова: *горе не праздным и доящим в тыя дни* (ст. 19–20). Тв. блаж. Иеронима в рус. перев., т. 2. О том же см. в письме к Аспазии. «Христианское чтение», 1846.

7) *Прп. Исидор Пелусиот.* Что значат слова *идеже труп, там соберутся орли?* (ст. 28).

8) *Его же. О двух мелющих* (ст. 41). Там же.

9) *Его же* на сказанное в Писании: кто есть верный раб и мудрый (ст. 45)?

Новейшие толкования

10) Талмудический рассказ о разорении Иерусалима. «Духовная беседа», 1870.

11) Разрушение Иерусалима и Иудейского царства как доказательство Божественности христианской религии. «Воскресное чтение», 1805.

12) Ст. 24. *Архиеп. Иннокентий. Востанут лжехристи и дадят знамения велия и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя.* «Домашняя беседа», 1864.

13) Ст. 38–39. *И.Н.* Состоите нравственной беспечности. «Воскресное чтение», 1826.

14) Ст. 45–51. *С. Ский.* Беседа священника с детьми о евангельских притчах. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

15) *И. Красавицкий.* Духовная дремота и сон при ожидании второго пришествия Господня. «Странник», 1865.

16) *А. Серафимов.* Смысл евангельских и апостольских изречений о близости кончины Мира и воскресения мертвых. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

17) *М. Шавров.* Ожидание второго пришествия во времена апостолов. «Духовная беседа», 1860.

18) Последняя судьба Мира. «Труды Киевской Духовной академии», 1869.

19) *Елеонский.* «Воскресное чтение», 1817.

20) К ст. 43. Как иудеи делили день и ночь. «Воскресное чтение», 1874.

На 13-ю гл. Евангелия от Марка

21) *Н. Елеонский.* Пророчественная речь Иисуса Христа о разрушении Иерусалима и о кончине мира (из ст. о Ев. Марка). «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.

22) Ст. 32. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова *о дни же том и часе никтоже весть.*

23) Ст. 32. *С. Саллертинский.* Экзегетическое толкование в книге «Пастырство Христа Спасителя».

24) Ст. 33–37. Мысли *свт. Феофана.*

На 21-ю гл. Евангелия от Луки

25) Ст. 1–3. *Прп. Исидор Пелусиот.* О ввергнувшей две лепты.

26) Ст. 1. *Арсений, митр. Киевский.* О приношениях в храмы и о чувствах, которые должны соединяться с ними.

27) Ст. 17. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О причинах ненависти мира к истинным последователям Христовым. Слово в день святых апостолов Петра и Павла.

28) Ст. 17:19. Мысли свт. Феофана.

29) Ст. 19. Назидательные размышления. «Христианское чтение», 1827.

30) Ст. 25–32. *Св. Григорий Двоеслов.* О значениях кончины мира. Бес. на Евангелия в перев. архим. Климента.

31) Ст. 9–19. *Св. Григорий Двоеслов.* О бедствиях пред кончиною мира. Там же. кн. 2.

32) Ст. 33. *А.В.* Вековечная сила учения Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1882.

Притча о мудрых и юродивых девах (Мф. 25: 1-13)

Св. Ефрем Сирин

Пришествие Жениха означает день будущего Христова пришествия; вышедшие во сретение девы означают всех достигших конца.

Сон значит, что все почившие равны; смерть уравнивает всех, подвергая одинаковому тлению.

Вопль, бывший в полуночи, пробудивший дев, — это глас воскресения, который возгремит при конце и воскресит нас.

Вопль был в полуночи; это значит, что в полночь придет Жених обручиться с нами, как обыкновенно женихи ночью поемлют обрученных своих.

И мудрые, и юродивые восстали вместе, сим показывается всякому, что восстанут все.

Пятью светильниками, в которых оскудел елей, изображаются те, которые скудны были милосердыми; и поелику сами не были милостивы, не будут они помилованы на будущем суде.

Мудрые не хотели продать елея юродивым; это ясно показывает нам, что там не место молитве о щедротах.

Сказанное в ответ мудрыми *еда како не достанет и нам и вам* — дает разуметь, что здешние труды наши весьма малы в сравнении с тамошним воздаянием.

Юродивых посылают купить елея, если только можно найти его; это показывает, что в стране той получат помилование одни те, которые сами были милостивы.

Жених пришел до возвращения отшедших; это показывает наше неведение, ибо не знаем, когда приидет Он.

Мудрые вошли с Женихом, и заключена за ними дверь; это — праведники, которые входят и упокоеваются в мирной пристани.

Юродивые остались за дверьми царства; это грешники, которые оставляются на земле, чтобы могли еще оправдаться.

Написано, что юродивые взывали: «Господи, Господи наш!» Это выражает надежду, что и согрешивших щедроты Божии помилуют, может быть, ради трудов их; и потому самому, что осуждены они еще без исследования, могут надеяться, что Милосердый не презрит, может быть, добрых их дел. Жених на вопль их отвечал им: *не вем* — это показывает, что Господь не приемлет такой любви, которая не соединена с милосердием к Его возлюбленным.

Не вем вас — не знаю, кто вы, сказал Господь наш юродивым девам; — это значит, что несовершенно то благоизволение, в котором нет милосердия к нуждающимся.

Дверь заключена для тех, которые остались вне и не вошли с Женихом; это — горнее небо, которое, по Божию мановению, будет заключено, как скоро войдут туда добрые.

Сие мановение есть огнь, который искусит добрых и злых и пламенем любви Божией разлучит праведников с нечестивыми.

Велико будет разделение между теми и другими, неизмеримо расстояние между высотою и глубиною.

Горняя обитель праведников будет неизмеримо выше всякой высоты, и глубина, куда низринутся грешники, будет глубже всякой глубины.

Зрелище света прекраснее всякой красоты, и зрелище человека, отверженного Женихом, гнуснее всего, что ни есть гнусного.

Ничто не сравнится с славою сынов света, и нет ничего подобного мраку сынов тьмы.

Светлость и тьма да научат каждого, какими делами должно заниматься в течение здешней жизни.

В чем состоит истинная мудрость (Мф. 25: 1–13)?

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в день тезоименитства Государя Императора

Известна вам евангельская притча о мудрых и юродивых девах. Она возбуждает к мудрости не каких-либо избранных подвижников знания, но всех нас. И мудрые, и юродивые девы имели светильники и свет. Чем же отличались и преимуществовали мудрые? Тем, что сверх того имели елей в сосудах для поддержания света. Свет светильника есть знание ума; елей в сосуде — любовь к добру в сердце. Когда, по истощении времен, отверзутся двери вечности и явится небесный Жених, свет земного знания угаснет вместе с земною жизнью и с истлением светильника, то есть преходящих предметов знания. Но душа мудрая, которая благовременно наполняла свой духовный сосуд живою и деятельною любовью, во-первых, к верховному добру, к Богу и Христу, а последовательно и ко всякому добру, помощью сего духовного елея воспламеняет и украшает свой светильник небесным, неугасающим светом, с которым некоснеющею и верною стопою идет в сретение Божественного Жениха Христа и приемлется в чертог вечной радости.

Любите свет; но не забывайте и елея, которым он питается. Любите знание и мудрость, но не забывайте и добродетели, которою живет мудрость и которая даже есть самая мудрость, как учит многоиспытанный мудрец Иов: *се благочестие есть премудрость, а еже удалятися от зла, есть ведение* (Иов. 28:28).

Значение притчи о десяти девах

Свт. Феофан. «Мысли на каждый день года»

Святой Макарий так изображает смысл притчи: «Мудрые пять дев трезвясь, поспешив к необычайному для своего естества, взяв елей в сосуде сердца своего, то есть подаваемую свыше благодать Духа, возмогли войти с Женихом в небесный чертог. Другие же юродивые девы, оставшиеся при собственном своем естестве, не трезвились, не постарались, пока были еще во плоти, взять в сосуды свои елей радости, но, по нерадению или по самомнению о своей праведности, предались как бы сну; за это и не допущены в чертог царства, не возмогши благоугодить небесному Жениху. Удерживаясь мирскими узами и земною как бы любовию, не посвятили они небесному Жениху всей любви своей и приверженности и не принесли с собою елея. А души, взыскавшие необычайно для естества святыни Духа, всею своею любовью привязаны к Господу, с Ним ходят, от всего отвращаясь, к Нему устремляют молитвы и помышления, за что и сподобились приять елей небесной благодати. Души же, оставшиеся в естестве своем, по земле пресмыкаются помыслом, о земле помышляют, и ум их на земле имеет жительство. Сами о себе думают они, что принадлежат Жениху и украшены плотскими оправданиями, но, не прияв елея радости, не возродились они Духом свыше».

Притча о талантах (Мф. 25: 14-30)

Блж. Иероним. «Воскресное чтение», 1818

Человек некий отходя, призва своя рабы и предаде им имение свое, и овому убо даде пять талант, овому же два, овому же един, комуждо противу силы его, и отъиде абие.

Этот, предавший своим рабам имение свое, человек есть Иисус Христос, Который пред Вознесением Своим к Отцу предал евангельское учение Своим апостолам и соразмеряет дарования с силами приемлющих. А что в награде Он сравнял приобретшего два таланта с приобретшим десять, то это потому, что Господь ценит не количество добрых дел наших, но усердие, с коим мы делаем оные. Под именем пяти, двух и одного таланта надобно разуметь или разные дары благодати, которые Господь сообщил нам, или под именем первых – наши пять чувств, под именем вторых – разумение и дела, а под именем третьего – разум, коим мы отличаемся от животных.

Шед же приемый пять талант дела в них и сотвори другия пять талант; то есть посредством телесных чувств приобрел познание о небесных предметах, уразумев из рассматривания тварей свойства Творца, из рассматривания телесных, видимых и временных – предметы духовные, невидимые и вечные.

Такожде и иже два, приобрете и той другая два.

Подобным образом и сей, что узнал, по мере сил, из закона, усугубил чрез Евангелие или уразумел, что дела и ведение настоящей жизни суть прообразы будущего блаженства.

Приемый же един, шед вкопа ею в землю и скры сребро господина своего.

Непотребный же раб презрел заповеди Господни, потому что был предан земным делам и мирским удовольствиям. У евангелиста Луки говорится, что он, *сребро* господина положа *в убрусе* (Лк. 19:20), то есть живя сладострастно и роскошно, соделал бесплодным учение Господа.

По мнозе же времени приидe господин раб тех и стязася с ними о словеси.

Много времени пройдет между вознесением Господним и днем второго Его пришествия. Но если самые апостолы дадут отчет в делах своих, то что будет с нами?

И приступль пять талант приемый, принесе другия пять талант, глаголя: господи, пять талант ми еси предал, се другия пять талант приобретох ими. Рече же ему господь его: добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость господа твоего. Приступль же и иже два таланта приемый, рече: господи, два таланта ми еси предал: се другая два таланта приобретох има. Рече же ему господь его: добре, рабе, благий и верный: о мале был еси мне верен, над многими тя поставлю: вниди в радость господа твоего.

Надобно заметить, что блага настоящей жизни, как бы они ни казались велики и многочисленны, в сравнении с благами будущими малозначительны. Господин обоим сим рабам сказал одно: вниди в радость господа твоего, то есть получи то, чего око не видало, ухо не слыхало и что не восходило на сердце человеку. Для верного раба более сей не может быть другой награды, потому что быть с Господом и видеть радость Господа Самого есть самая высшая награда.

Приступль же и приемый един талант, рече: господи, ведях тя, яко жесток еси человек, жнеши, идеже не сеял еси, и собираеши, идеже не расточил еси. И убоявся, шед скрых талант твой в земли: и се имаши твое.

Справедливо Давид молил Господа *не уклонить сердце* его *в словеса лукавствия непщевати вины о гресех* (Пс. 140:4). Ибо что сделал этот раб, думая оправдать свою леность и небрежение? Впал в гордость. Ему просто надобно бы было признаться в своем нерадении и просить господина о помиловании, но он стал клеветать на него и доказывать, что благоразумно сделал, скрыв сребро своего господина, побоявшись, чтобы оно не пропало, если пустится в оборот.

Отвещав же господь его рече ему: лукавый рабе и ленивый, видел еси, яко жну, идеже не сеях, и собираю, идеже не расточих. Подобаше убо тебе вдати сребро мое торжником: и пришед аз взял бых свое с лихвою. Возьмите убо от него талант и дадите имущему десять талант. Итак, сему рабу обратилось в вину то самое, чем он думал оправдаться. Господь назвал его лукавым рабом, потому что он клеветал на Господа; ленивым, потому что не хотел усугубить данного ему талан-

та. «Если ты знал, – говорит ему, – мою жестокость и что я чужое взыскиваю и жну там, где не сеял, то это самое должно было убедить тебя в том, что я тем строже взыскал бы свое, если бы ты отдал сребро мое торжникам». Под именем сребра здесь разумеется евангельское учение, как это видно из слов псалмопевца, который словеса Господни называет *сребром разжженным, искушенным и очищенным седмерицею* (Пс. 11:7); а под именем торговцев разумеются или учители церковные, пресвитеры и епископы, которым апостолы заповедали учить народ, или все верующие, которые могут это сребро Господне умножить и возвратить с прибылью, исполнив самым делом то, чему научены. Взятый от ленивого раба талант отдается представившему десять талантов. Это показывает, что большую награду заслуживает более трудившийся. Так и апостол говорит: *прилежащии добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающиися в слове и учении* (1 Тим. 5:7).

Имущему всегда дано будет, от неимущего же, и еже мнится имея, взято будет от него.

Эти слова значат, что люди, имеющие от природы отличные дарования, лишаются естественного блага, если они ленивы, недеятельностью повреждают свое дарования, и обещанная им награда переходит к таким людям, кои хотя меньшие в сравнении с ними получили от природы дарования, но естественный недостаток вознаградили трудом и старанием.

Можно их и так понимать: человек, имеющий веру и усердие благоугодить Господу, получает от Господа и силы самым делом исполнять свое желание; а кто не имеет веры, тот и прочие добродетели, какие, по-видимому, имел по естеству, потеряет.

И неключимого раба вверзите во тму кромешную; ту будешь плачь и скрежет зубом. Господь есть свет; посему, кто посылается прочь от Него, тот лишается света.

Вопрос и ответ св. Василия Великого на 15 стих 25-й гл. Евангелия от Матфея

Что такое талант, и как нам преумножать его? (Мф. 25:15).

Думаю, что притча сказана о всяком даре Божием, чтобы всякий, какую бы благодать от Бога получать ни удостоился, приумножал ее, обращая в благодеяние и в пользу многих; потому что никто не лишен части в Божией благодати.

Толкование св. Ефрема Сирина на слова: *имущему дано будет и преизбудет*

Творения св. Ефрема Сирина, ч. 2

Написано: *Имущему дано будет и преизбудет: от неимущего же, и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25:29). *Что убо речем? Еда неправда у Бога? да не будет* (Рим. 9:14).

Выслушай на сие притчу. В некоторой стороне был владетель дома, у которого были два раба и три пары волов; и он дал одному рабу две пары волов, а другому одну, и сказал им: «Пойдите работайте, пока не приду к вам». Получивший две пары пошел, работал на волах, и сам весьма разбогател, и волов откормил на удивление. А получивший одну пару пошел, привязал волов к яслям, и вовсе ни на что не употреблял их, сам же лег и уснул. Потом приходит господин рабов тех посмотреть на работы их.

И, увидев работу и прибыток получившего две пары, благословил его. После того приходит и к другому рабу и находит его спящим, а волов привязанными к яслям и истомленными от голода и жажды. И когда господин раба сего увидел, что он ничего не делал, а волы истомлены, тогда сказал сам в себе: «Если оставлю волов своих у этого ленивого раба, погубит он их; поэтому отниму у него волов своих и отдам хорошо работавшему и радевшему о деле своем»: *имущему бо везде дано будет, и преизбудет: от неимущего же, и еже мнится имея, взято будет от него.*

И Господь также говорит: «Я по благости призвал его и дал ему возможность, чтобы, делая доброе, приобрел он жизнь вечную: он же уничижил Меня; за то и сам будет лишен чести». *И человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и у подобися им* (Пс. 47:13). *И не восхоте благословения, и удалится от него* (Пс. 108:17). За что же именно? За то, что *не восхоте разумети, еже ублажити. Беззаконие помысли на ложи своем: предста всякому пути неблагу, о злобе же не негодова* (Пс. 35: 4–5). *Еда неправда у Бога? да не будет.*

Значение притчи о талантах

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в день рождения Государя

Человек некий, отходя призва своя рабы и предаде им имение свое: и овому убо даде пять талант, овому же два, овому же един, комуждо противу силы его (Мф. 25: 14–15). Продолжение известно: получившие более полученное умножили деланием и оборотом и приобрели новое благоволение господина своего; а получивший один талант закопал его в землю, и за лукавство и леность лишился последнего и подвергся тяжкому осуждению. *Человек* в сей притче означает Бога Творца и Промыслителя, Который *рабам* Своим, то есть всем человекам дает различные дары, естественные и благодатные, внутреннее и внешние, в особенности же Богочеловека Христа, Который, *отходя* от земли на небо, *восшед на высоту, даде даяния человеком* (Еф. 4:18), как то: дары Святого Духа, Евангелие, таинства и вообще *вся Божественныя силы яже к животу и благочестию* (2 Пет. 1:3). Сии различные таланты даются нам, по притче, *комуждо противу силы его*, а по изъяснению апостола, *по мере дарования Христова*, то есть вполне удовлетворительно для потребностей нашей жизни, которые предвидение Божие определяет, а щедрота Его

наполняет. Смотрите же. Правда, что все зависит от дарованных талантов, без которых рабы как были, так и остались бы ни с чем. Но не одно получение талантов, а делание и приращение вводит в радость Господа. И удивительно, что те, которые более имеют, более стараются приобретать; а получивший менее совсем не старается. Не указывает ли сие на нас, которые часто говорим, что мы не апостолы, не святые, не праведные, не имеем их благодати и тем думаем извинить у себя недостаток подвигов и добродетелей? Не то же ли это, как если бы мы сказали: пусть получившие пять или два таланта трудятся, чтобы приобрести другие пять или два; мы получили один, и потому нам позволительно меньше заботиться; довольно, если возвратим полученный. Но Божественный Раздаятель не попустит, чтобы дар Его был расточен безвозмездно и чтобы под личиною немощи укрылись лукавство и леность, но, наконец, отымет пренебреженный дар и неключимому рабу оставит только тьму кромешную.

Мысли свт. Феофана о том же

Притча о талантах дает мысль, что жизнь есть время торга. Надо, значит, спешить воспользоваться этим временем, как на торгу всякий спешит выторговать, что может. Хоть только лапти кто привез или лыко, и тот не сидит сложа руки, но ухищряется зазвать покупателей, чтобы продать свое и купить потом себе нужное. Из получивших от Господа жизнь никто не может сказать, что у него нет ни одного таланта: всякий имеет что-нибудь, да не одно еще: всякому, стало быть, есть чем торговать и делать прибыток. Не озирайся по сторонам и не считай, что получили другие, а к себе присмотрись хорошенько и поточнее определи, что в тебе есть и что можешь приобрести на то, что имеешь, и потом действуй по этому плану без лености. На суде не будут спрашивать, почему не приобрел ты десять талантов, когда имел только один, и даже не спросят, почему ты на свой один талант приобрел только один, а скажут: что ты приобрел — талант, полталанта или десятую часть его? И награда будет не по тому, что ты получил, а по тому, что приобрел. Ничем нельзя будет оправдаться — ни незнатностью, ни бедностью, ни необразованностью. Когда этого не дано, и спроса о том не будет. Но у тебя были руки и ноги: скажи же, спросят, что ты приобрел ими? Был язык: что им приобрел? Так-то на суде Божием уравнивается неравенство земных состояний.

Жизнь по закону внешнего долга и по закону нравственности христианской (Мф. 25: 24–25)

Д. Боголепов. «Православное обозрение», 1878

Приступль же и приемый един талант, рече: Господи! ведях тя, яко жесток еси человек, жнеши, идеже не сеял еси, и собираеши, идеже не расточил еси: и убояся,

шед скрых талант твой в земли: и се имаши твое (Мф. 25: 24–25). Однажды Иисус Христос предложил ученикам Своим следующую притчу: некоторый человек, богатый собственник, отправляясь в чужую далекую страну, призвал к себе рабов своих и вручил одному пять талантов серебра, другому два, третьему один, с тем, чтобы они во время его отсутствия торговали на его счет, а потом, когда он возвратился в дом свой, отдали ему доверенный им капитал и известное количество процентов на него. Раздав рабам, каждому сообразно с его силами, деньги, господин удалился. По долгом же времени он возвратился и потребовал от рабов своих отчета. И вот оказалось, что первые два раба, из которых один получил пять, а другой два таланта, приумножили доверенный им капитал вдвое. И так как они оба оказались усердными одинаково, верными и трудолюбивыми, то и услышали они от господина своего одинаковое слово похвалы и награждения: им обоим за верность в малом обещано доверие во многом и, кроме того, даровано участие в радости господина своего, так что они теперь будут в доме его не столько рабами, сколько друзьями и членами его семейства. Но когда пришел отдавать отчет получивший один талант, то он сказал господину своему: «Господин!Я знал тебя, что человек ты жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле: вот тебе твое». Очевидны были ложь и клевета, придуманные в оправдание себя лукавою лестью, а потому господин обличил клеветника его же собственными словами: «Лукавый раб и ленивый! Ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал. Посему надлежало тебе отдать сребро мое торгующим, и я пришел получил бы мое с прибылью». Обличенный в своем лукавстве ленивый раб был подвергнут строгому наказанию: вместо доверия во многом, что было обещано рабам верным, он лишен был и того таланта, которым и доселе обладал; на место участия в радости господина своего, к чему призваны были рабы верные, он совсем был лишен светлого и теплого крова и выброшен был во тьму кромешную на холод и сырость уличную (Мф. 25: 14–30).

В этой притче человек, отправившийся в далекую страну и потом по долгом времени возвратившийся в дом свой, есть Господь наш Иисус Христос, Который по окончании искупительного дела на земле вознесся на небо к Богу Отцу, в конце же времен имеет снова прийти на землю для суда над живыми и мертвыми; рабы же, получившее каждый в свою меру таланты от господина своего, суть верующие во Христа. Таланты, получаемые верующими от Господа, многоразличны; под ними разумеется все то, что человек от природы имеет и что в жизни получает от преуспеяния в добром: природные силы и способности, как духовные, так и телесные; благодатные дары Духа Святого, сообщаемые каждому верующему в таинствах для укрепления его естественных способностей и сил; положение в обще-

стве, богатство, просвещение и вообще все то, что помогает человеку с большим совершенством проявлять свое нравственное существо. Не все верующие получают от Бога одни и те же таланты, так как не все имеют в жизни одинаковое призвание и назначение. Равным образом не все в одинаковой мере одаряются Богом одними и теми же талантами: одному дается более, другому менее; но каждому дается *по его силе*. А посему ты, получивший один талант, не сетуй, как бы обиженный природой и забытый Богом, – помни, что премудрый и всемогущий Раздаятель даров вещественных и духовных лучше тебя знает, какая мера даров по силе тебе, сколько ты можешь употреблять на дело с пользою для себя и для других. Доверившись мироправящему Промыслу, ты вместо бесплодного и часто лукавого сетования все внимание свое утверди на том, что именно от тебя требуется сообразно с данным тебе талантом; ибо это особенно должно быть не забыто тобою: получивший один талант раб признан от господина своего способным к приумножению доверенного ему капитала и призван к отчету в успехах своего делания точно так же, как и получивший пять талантов.

Кто же этот раб ленивый и лукавый? Бывают рабы, которые, подобно неправедному домоправителю одной из притчей Христовых (Лк. 16), расточают вверенное им от Господа имущество, употребляя его не на пользу, а во вред себе и ближним; бывают еще рабы, которые, подобно блудному сыну другой Христовой притчи (Лк. 15), живут распутно и убивают тем в себе совершенно силы духовные и разоряют свое материальное состояние. Все это такие великие пороки, зло возросло здесь до таких больших размеров, что пред сознанием каждого сразу выдает себя в своем действительном достоинстве. Даже сами этого рода несчастные произнесут над собой справедливый приговор, если милосердый Господь даст им «прийти в себя», и они при этом испытают страх и трепет при мысли предстать некогда пред лицо нелицеприятного Судии Бога. Но не таков раб ленивый и лукавый: как вы видите, он считает себя правым пред своим господином и даже не трепещет держать пред ним дерзкий ответ. И это очевидно потому, что, по его суждению, он не растратил и не терял вверенного ему таланта, а напротив, тщательно сохранил его – он скрыл его в земле.

Итак, прежде всего он *скрыл* талант свой: он, следовательно, не употребил данного ему таланта в дело, на пользу себе и ближним и во славу Божию; имея, например, материальный достаток, не благотворил ближним; обладая значительною силою ума, не воспользовался им для приумножения своих знаний; обладая знанием, не сделал из него приложения к просвещению неведущих и к защите истины от ее врагов. Но скрыв талант свой в земли, он *сохранил* его в целости: он не расточил его, как неправедный домоправитель, и не потерял его, как блудный сын; ни в каких крупных пороках совесть его не обличает. Замечательно еще и то, что он сохранил свой талант,

зарыв его в *землю*, а не завернув его в *платок*, как сделал это негодный раб притчи Христовой о десяти минах (Лк. 19:20): это показывает, что он сохранил талант свой самым обдуманным, осторожным способом. Итак, мало того, что он не страдает нравственною распущенностью; он даже в чем-то являет старание, рачительность, исправность, под которою в особенности и укрывается очевидно леность его в отношении к данному ему таланту. В чем же? В доме господина своего он имел, конечно, и некоторые другие обязанности, кроме той особенной, какая возлагалась на него вверенным ему талантом. В отношении к этим-то обычным обязанностями, своего положения, можно думать, он и был вполне исправным рабом.

Если мы соединим все указанные черты ленивого и лукавого раба в один образ и приложим его к той нравственной среде, в которой нам приходится жить и действовать, то нам не трудно будет угадать, какой разряд людей обличает Спаситель в образе ленивого раба притчи о талантах. Это люди, отличающееся иногда строгою правильностью внешнего благоповедения, но в то же время не имеющие внутри себя, в душе своей, никаких возвышенных стремлений, не полагающие себе в жизни никаких задач, более высоких и широких, нежели отправление своих прямых, непосредственных обязанностей: точное исполнение последних – это для них идеал нравственного совершенства. Это люди, быть может, и без крупных пороков, но зато и без каких-нибудь положительных добродетелей; они, пожалуй, и не обижают ближних, но зато и не благотворят им. В возрасте, призывающем человека к деятельности общественной, такие люди стремятся всячески освободить себя от нее и ограничивают круг своих нравственных обязанностей делами нравственности индивидуальной; если же обстоятельства поставит их на службу общественную, они не идут далее строго формального отношения к делу. Общее же между всеми такого рода рабами остается то, что все они всячески избегают трудов и подвигов, которых можно избежать, но которые, однако, необходимы, неизбежны, если хотят полученные от Бога таланты развить и усовершить, давая им более и более широкое употребление и приложение. Страх, который только и побуждает их к деятельности, конечно, не может внушить им более широкой деятельности, кроме той, какая необходима, чтобы не быть наказанными.

Нет, христианская нравственность требует от нас во всяком деле именно добровольности, с которой неразрывно соединено исполнение всякой своей обязанности более совершенное, нежели сколько требует от нас внешний долг. Недостаточно сохранять вверенные от Бога таланты – надобно приумножать их, как бы малозначительна ни была мера их, и только в этом последнем случае мы можем надеяться получить от Господа похвалу и одобрение себе и призыв к участию в радости Его Божественно славной жизни. Закон христианской нравственности есть совершенный закон свободы

(Иак. 1:25) – он не полагает границ нашим силам и средствам для добра ни в их развитии, ни в их проявлении, ни в их приложении. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48) – вот идеал духовного совершенства, стремиться к достижению которого призван христианин. Можно ли самодовольно успокоиться, стремясь к этому идеалу, на какой-либо ступени нравственного совершенства (Лк. 17: 7–10)? Закон христианской нравственности есть закон духа сыноположения, а не духа рабской боязни (Рим. 8:15), и как таковой – он есть закон внутренний, написанный на сердцах наших, а не заключенный в письмени, в форме известного числа предписаний (2 Кор. 3:6); поэтому он требует от нас каждый раз стремиться стать выше, выйти за пределы тех обязанностей, которые прямо предписываются и неисполнение которых влечет за собою кару правосудия; он требует от нас внутреннего, сердечного отношения к делам своих обязанностей, а не только внешней, формальной исправности; он требует от нас каждый раз добровольных трудов и подвигов, которые составляют необходимую принадлежность христианского духа сыноположения Богу и братства человечеству. Святой апостол Павел, апостольские подвиги которого представляют едва досягаемый образец христиански-нравственного геройства, не удовлетворялся, однако, этими подвигами, а стремился еще к большему: имея право от проповеди жить, он, однако, проповедовал безмездно, чтобы совершать сверх обязательного и тем снискать себе похвалу от Бога. «Если я благовествую, – говорит он, – то нечем мне хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую. Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду, а если не добровольно, то исполняю только вверенное мне служение. За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властию в благовествовании» (1 Кор. 9: 16–18). Это слово и дело апостольское нам следует тверже помнить и чаще вспоминать, чтобы действительно направлять жизнь свою по нравственному христианскому закону.

Изображение Страшного Суда Господня (Мф. 25: 31-46)

«Воскресное чтение», 1808

Егда приидет Сын Человеческий во славе Своей, так начал Господь изображение Страшного Суда, *и вси святии Ангели с Ним: тогда сядет на престоле славы Своея.* Таков будет вид Судии, имеющего прийти в последний день мира. Приходил Сын Божий на землю в смиренном образе раба для спасения человеков, для призвания к покаянию заблудших; тогда приидет Он во славе Своей для изнесения последнего суда над родом человеческим. Мы видели Его на земле не имущим, где главу приклонити, гонимым, стражду-

щим, распинаемым; тогда узрим Его сидящим на престоле славы Своей, окруженным тьмами тем ангелов и архангелов, херувимов и серафимов. Так мы узрим тогда Законодателя, ревнующего о святости законов Своих, которые грешники нарушают с таким спокойствием и равнодушием; узрим Сердеведца, Которому известены все не только дела, но и мысли и желания наши, Который провидит все помышления наши издалеча; узрим Судию нелицеприятного, Который воздаст каждому по делом его и по начинаниям сердца. Страшен будет вид сей для земнородных; многие *рекут* тогда *горам: падите на ны и холмам, покрыите ны от лица Седящего на престоле и от гнева Агнча, яко прииде день великий гнева Его, и кто может стати?*

Напротив того, светел и радостен будет день сей для истинных последователей Христовых: *радуемся и веселимся,* скажут они, *и дадим славу Ему, яко прииде брак Агнчий.*

Вместе с Судиею явятся на суд и свидетели: *и вси святии ангели с Ним,* те святые ангелы, которые теперь *посылаются в служение за хотящим последовати спасение,* которые пребывают с нами безотлучно во все время жизни нашей от рождения до смерти, видят все дела наши, слышат все слова наши и наблюдают тайные помышления сердца нашего. Свидетели верные, неподкупные! Ничто не утаится от их взора, все будет представлено на суд.

Пред сим-то Судиею, при сих свидетелях предстанет на суд человечество: *и соберутся пред Ним вси языцы,* все от первого человека и до последних людей, коих страшный день Господень постигнет живыми!

Различие времен и мест, племен и языков, возрастов и состояний прейдет: для всех будет один суд; ибо закон, по которому судимы будут люди, для всех один. Судия и Законодатель один. От всех взыщется один ответ — от мудрого и невежды, от пустынника и гражданина, от богатого и бедного, от христианина последних времен, как от первых учеников Христовых. Как жил и действовал — по закону Божию или по видам самолюбия и влечения страстей? Воспользовался ли всеми предоставленными каждому средствами ко спасению? Вот о чем истязаны будут все и каждый. *И соберутся пред Ним вси языцы.*

На сем-то всеобщем соборе всего человечества, пред лицом страшного Судии и святых ангелов Его, предстанем и мы с тобою, благочестивый читатель, предстанем такими, какими обрящет нас страшный час смертный. И от нас вместе со всеми взыщет отчета в нашей жизни праведный Судия мира. И, во-первых, откроет все дела и слова, мысли и чувства наши, от первого движения младенческого до последнего вздоха смертного. Теперь все прошедшее, сокрываясь от глаз, мало-помалу изглаждается в нашей памяти, все покрывается как бы пеленою, сквозь которую едва усматривает что-либо наше око. Но все то пишется в книге живота, ничто не исчезает, ничто не забыто пред очами всеведущего Судии; и в страшный

час суда все-таки оживет в нашей совести; прошедшее сделается настоящим, и очам нашим представится полная картина нашей жизни, внешней и внутренней. Приведется на память заблуждения детства, о коих мы давно забыли, и если иногда воспоминаем, то под преступным названием невинных шалостей; буйные порывы юности, кои давно ускользнули из нашей памяти, или, что хуже всего, припоминаются с каким-то самодовольством и наслаждением; пороки мужества и старости; предстанут очам нашим все греховные действия, со всеми их последствиями и плодами; все праздные слова, кои, исчезая в воздухе, казались нам как бы не сущими; откроется и тайная история сердца нашего, которая едва известна нам самим; студные пожелания, нечистые помыслы, праздные мечтания – все обнаружится пред всевидящим оком Божиим. Мало того, от нас взыщется отчет не только в том, что сделали, но и в том, чего не сделали, когда могли и должны были сделать. Нам приведутся на память бесчисленные случаи к добродетели, которые предоставляла нам благость Божия, но которые опущены нами легкомысленно; наш совет мог предупредить преступление, но мы не взяли на себя труда дать его в свое время; наш голос мог защитить истину, но мы побоялись сильного или увлеклись лестным ожиданием и молчали; наше благодеяние могло спасти бедность от порока, но мы не хотели отказать своей прихоти. Нам даровано было столько даров естественных и благодатных, которые остались без пользы и плода; открыт был путь спасения, по которому мы не шли; дарованы святые таинства, которыми мы не пользовались. Все это, что кажется нам теперь невинным, в чем не почитали нужным раскаиваться, представится на суде в обвинение наше; во всем том взыщет от нас отчета праведный Судия мира. Взыщет отчета и в грехах ближних наших, которых мы были причиною и которые потому самому вменятся нам. Предстанут очам нашим невинные души, соблазненные нашим примером, увлеченные нашим советом, растленные нашими речами. Иисус Христос, искупивший их Своею Кровию, востребует их от рук наших: *Где есть Авель, брат твои?* Спросит Он и нас, как спрашивал первого братоубийцу: *Глас крове брата твоего вопиет ко Мне.* Испытает, наконец, и самые добродетели наши, откроет источник их в нашем сердце, обнаружит побуждения, изведет на свет преднамерения и цели, – и они предстанут очам нашим, как есть, оскверненные нечистыми побуждениями, честолюбивыми видами, своекорыстными целями.

За сим испытанием совести и откровением дел каждого последует отлучение грешников от праведников: *и разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ.* Ныне в Церкви Божией, как на ниве, растут вкупе плевелы и пшеница. Кто истинно добр и кто притворен, мы не знаем: от того скрытый порок избегает заслуженного посрамления и бесчестия, а неизвестная добродетель лишается должной чести и хвалы.

В день Страшного Суда Божия все откроется в настоящем виде, сделается ясным и очевидными для всякого; Судия мира обнаружит, изведет на свет тайны сердец, так что нетрудно будет различить овец от козлищ! О, какой стыд и срам обымет тогда грешную душу! Слабости и пороки, тщательно скрываемые теперь, обнажатся пред целым светом, пред лицом неба и земли, пред собором ангелов и человеков. Теперь умеем хорошо приноровляться к обстоятельствам, переменять мысли, склонности и характер по духу тех, коим стараемся угодить: день суда Божия обнаружит всякую хитрость и притворство, и знавшие нас узрят и ужаснутся.

Теперь умеем казаться друзьями человечества, ревнителями правды, бескорыстными исполнителями долга, доброжелательными друзьями, даже имеющими образ благочестия и святыни; но Сердцеведец откроет пред всеми наше сердце, – и в нем с ужасом увидят все зависть и своекорыстие, любочестие и гордость. О, что будет с нами в сей великий и страшный день откровения таин сердечных! Но день стыда и посрамления нечестивых будет днем торжества и радости для праведников.

Тогда-то узрит небо и земля, что праведника поруганного, презренного в жизни, скитающегося в вертепах и в пропастях земных, *не бе достоин* весь мир; тогда праведные, отделившись от нечестивых, просветятся, *яко солнце, восхищени будут на облацех в сретение Господа на воздусех. И разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ.*

И поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. В настоящей жизни, при всеобщем смешении зла с добром, порок нередко предвосхищает честь у добродетели; люди благочестивые и добродетельные часто занимают низшие степени жизни общественной, а порочные являются на верху почестей и достоинств. День суда Божия положит конец сим беспорядкам. Праведный Судия мира не будет разбирать породы и достоинства, различать благородного от худородного – не примет в уважение узы родства и дружбы; отделит только пшеницу от плевел, добродетель от порока: *и поставит овцы одесную Себе, козлища ошуюю.* Добродетельный отец станет одесную, порочный сын – ошуюю; добродетельный супруг – в лике праведных, порочная супруга – в сонме грешников; бедный Лазарь, которого не удостаивали и взором, явится на лоне Авраамовом, а гордый богач, окруженный ласкателями, – на месте мучения; дикий, недавно просвещенный верою во Христа, займет место между избранными, а рожденный в христианстве останется между отверженными; простолюдин возлетит на облацех небесных, а недостойный служитель алтаря покроется срамом и стыдом; мудрый книжник будет изгнан в страну грешных, а простой умом – посажен на престоле. Так все скорби обыдут души грешников, и все радости возвеселят сердце праведников! Но радостнее всего для праведников и ужаснее всего для грешников будет последний приговор, который

изречет Судия мира, который и теперь нельзя читать или слышать без трепета и умиления.

Тогда речет Царь сущим одесную Его: приидите, благословеннии Отца Моего, – грешники вменяли вас ни во что, почитали отребием мира, ненавидели и оскорбляли, отвращались и презирали; но Отец Мой Небесный запечатлеет вас Своим благословением: *Приидите, благословеннии Отца Моего.* На земле вы не имели, где главу приклонить, во всю жизнь ради Меня терпели, страдали, бедствовали, сеяли слезами и болезнью; в воздаяние за то Я от вечности уготовал для вас Царство на небе: *приидите, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира.* Здесь обретете вы искомое упокоение, здесь отымется всякая слеза от очию вашею, здесь сретит вас вечная радость, счастие и блаженство! *Тогда речет и сущим ошуюю Его: идите от Мене, проклятии;* Я звал вас гласом любви и милосердия – и вы не слушали; угрожал страхом суда и наказания – вы посмеялись над угрозами; осыпал вас дарами и благодеяниями – но вы остались неблагодарны; посещал бедствиями и скорбями – но вы не очувствовались и не обратились; Я отдал самую Плоть и Кровь Мою для избавления и спасения вашего – и вы вменили ее ни во что; *убо и Аз погибели вашей посмеюся, – идите от Мене.* Вы были в славе и почтении между человеками; но правда Отца Моего запечатлела вас печатью проклятия, *идите от Мене, проклятии.* На наслаждение тленными благами, на кратковременные удовольствия плоти вы променяли вечное Царствие, которое обещал Я всем; но есть возмездие вам – огнь вечный, уготованный диаволу, – *идите во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его.*

И идут сии, заключает Господь слово Свое о Суде, *в муку вечную, праведницы же в живот вечный.* Мука вечная! Живот вечный! Какие грозные и утешительные, страшные и вожделенные слова; но как мало они действуют ныне на сердце многих и многих! Боже мой! Кто ослепляет так сердце и ум христиан, верующих в жизнь вечную, что могут с равнодушием и беспечностью слушать, мыслить и говорить о вечности?

О побуждениях к делам человеколюбия в речи Иисуса Христа о Страшном Суде (Мф. 25:40)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Беседы пред обетом некоторых сердобольных вдов и при напутствии избранных для попечения о больных и раненых воинах

Христос Спаситель в Своем Божественном учении предлагает нам сильные убеждения к делам человеколюбия и хочет возбудить в нас глубокое чувство человеколюбия.

Чтобы подвигнуть нас на дела человеколюбия, Он отъемлет часть завесы, закрывающей от нас будущее; приближает к нашему созерцанию дальний последний день мира; являет Себя на престоле славы Судиею всего

рода человеческого; дает нам предварительно услышать имеющее быть провозглашенным торжественно, в слух всего мира, в слух времени и вечности, решительное определение суда Его: *Приидите, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25:34). Кто сии, достигшие столь счастливого решения величайшего судного дела? Кто сии, благословенные Отца Небесного, вводимые в наследие Царствия вечного? Это человеколюбивые. Чем так сильно доказали они свое право на обладание небесным наследием? Какими подвигами сделали себя достойными столь высокой награды? Делами человеколюбия: они напитали алчущих, напоили жаждущих, одели нагих, посетили болящих и заключенных в темнице. И поелику им трудно было бы поверить, что за такие невеликие дела можно получить столь великое воздаяние; то Царь Судия объявляет, что бедствующие человеки суть Его меньшие братия и что служащие им служат Ему Самому; и сим объявлением дает новое сильное побуждение к делам человеколюбия, необычайно возвышая их достоинство.

Углубите мысль вашу в слово Судии мира: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе.* Если вы творите добро несчастному, потому что видите в нем жалкое существо, — то вы делаете дело естественного сочувствия. Если благотворите бедствующему потому, что видите в нем соестественного вам человека и сознаете обязанность творить ближнему то, чего желали бы вы себе в подобных обстоятельствах, — то вы делаете дело, свободно и нравственно доброе. Но чтобы ваше благотворительное дело было духовно доброе, достойное Христа, вы должны видеть в бедствующем *меньшаго брата* Его, который по сему качеству достоин духовной любви и духовного уважения, кто бы он ни был по своему внешнему положению. При таком воззрении сердце христианина, конечно, скажет ему: поелику благости Христа Бога обязан ты бытием, жизнью, достоинством человека, откровением благодати и прощения грехов, благами временными, надеждою благ вечных, и поелику за бесчисленные благодеяния ты ничего не можешь принести ничего не требующему; то какое для тебя счастье, что твою благодарность и любовь ко Христу можешь ознаменовать на том, которого Он называет Своим меньшим братом! Поелику для тебя Христос от превыспреннего небесного престола нисшел на землю и даже до ада, провел на земле тягостную человеческую жизнь, пострадал и умер, — ты ли не снидешь к *меньшему брату* Его, в какую бы глубину бедствия и уничижения ни был он повержен? Не усладительно ли для тебя будет не только твоим избытком наполнить его лишение, но и понести самому лишение для него, и пострадать самому, чтобы облегчить его страдания?

Что такие духовные расположения преимущественно пред вещественностью дел возвышают ценность христианских благотворений, что по таким расположениям и чаша студеной воды становится достойною небес-

ного воздаяния, что таких расположений требует от благотворящих Судия мира, сие можно усмотреть, между прочим, из того, что Он определяет небесную награду за посещение больных, отделяя их от страждущих лишением вещественных потребностей, от алчущих и нагих. Если, таким образом, вы обязаны посетить больного, не требующего от вас вещественной помощи, а только тяготимого бессилием, болью, скукою болезненного бедствия; то что же можете вы принести к одру его, как разве христианскую любовь, сердечное сострадание, искреннее слово утешения Христова?

О вечных мучениях (Мф. 25:41)

Свт. Филарет, митр. Московский.
«Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1876

Идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его (Мф. 25:41). Бог осудит злых, поелику любит добрых; Милосердый судит нераскаянных, потому что милует кающихся. И для чего иначе возвещает Он погибель отверженных, если не для того, что не хочет ничьей погибели? Посему за несколько еще веков дает нам услышать последнее проклятие на шуюю страну, дабы заблаговременно спастись бегством на десную.

Блажен, кто слушает сие проклятие, не уклоняясь от намерения любви Божией! Тогда и проклятие рождает благословение. Мы должны внимать ему сердцем и умом, а не слухом. Должны познавать в нем ужас состояния отверженных: не ждать для ясности самого опыта.

Итак, праведный Судия лишит осужденных права и возможности наслаждаться Его лицезрением: *идите от Мене, проклятии.* Сию великую потерю нельзя довольно чувствовать не испытавшим высокого блаженства – видеть Бога! Когда мы видим совершенное произведение ума человеческого – порываемся любопытством видеть творца; когда слышим о достохвальных человеколюбивых деяниях – наши взоры желали бы почить на груди, в коей бьется сердце столь доброе; когда внемлем славе сильных земли, наше воображение устремляется в места их пребывания, и мы почитаем себя счастливыми, если можем поставить себя пред ними. Впрочем, видя лицо мудреца, еще не видят его мудрости; взирая на добродетельного, не видят добродетели; обозревая великолепие, окружающее сильных, не видят того сильного духа, который проходит и движет огромные члены государственного тела. Телесный взор объемлет только, но видеть Бога – конечно, уже не сим бренным оком – есть созерцать (по возможности ограниченной твари) и Его премудрость – и озаряться новым светом познания; и Его благость – и исполняться от нее любви и радости бессмертной; и Его величие – и возвышаться до блаженства чистейших духов.

Если не ослепленный страстями, не омраченный предрассудками разум находит удовольствие, рассматривая следы Божества в царстве при-

роды; если верующая душа погружается в восторгах, проходя мысленно чудесные пути благодати в ее таинственном царстве, то что должен чувствовать тот, кто, оставя сии неотдаленные области Вседержителя, проник бы во внутренность державы Его, вступил бы в Его бессмертный град, ощутил бы всюду, и окрест себя, и в себе Его славное присутствие?

Если мы любим слушать, как сии видимые небеса в безмолвии *поведают славу Божию* (Пс. 18:2), малейшее насекомое возвещает величие Творца; то, что, если бы в небесах небес вместо сияния мертвых тел мы узрели свет бессмертных духов, вняли бы немолчному их славословию, соединили бы с хором их наши гласы, научились бы, изливая, так сказать, хвалы в Бога, почерпать из Бога неиссякаемую радость?..

Судите по сему, сколько теряет тот, кто лишается права видеть Бога? Мы, не видя Его ныне по грубости наших чувств и естественной немощи, сколько от того терпим! Какая тьма в разуме! Какая пустота в сердце! Какой глад в желании! Но какой ужасной крайности достигнут сии бедствия, когда они будут не слабостью нашею, но бесконечными следствиями гнева Божия, когда сии случайности существа нашего перейдут в самую природу!.. Совокупить тысящу геенн, восклицает св. Иоанн Златоуст, это отнюдь не так тяжко, как быть извержену от славы, быть ненавидиму Богом!

Наказание осужденных на Страшном Суде не состоит в одном лишении благ и лицезрения Божия, но в действительном перенесении зол. Судия посылает их в огнь.

Так угодно будет строгому правосудию, чтобы человек весь был подвержен действию его мщения, так как он весь предавался действию беззакония. Такое же различие полагает оно в наказаниях, какое мы производим во грехах. Из них одни рождаются в душе и чрез нее порабощают себе телесные силы, какова есть гордость или злоба; другие совершаются в теле и оскверняют душу, чрез участие которого она приемлет услаждение, как например, роскошь и сластолюбие. Так, отчуждение от Бога, угрызающее воспоминанием непорядков жизни, совершенное отчаяние, суть казни, снедающие душу, потолику простираются на тело, поколику сие соединено с нею. Огнь есть вещественное мучение, которое терзает тело и чрез него проходит в душу.

И посему напрасно изъясняют сей огнь действием совести; напрасно вопрошают: какие это мучения? Какой это огнь, который бы мог действовать на бессмертного человека? Но разве пределы разумения человеческого должны быть пределами Божия всемогущества? Кто может сие тленное *облещи в нетление* (1 Кор. 15: 44, 53) и сделать тело духовным, Тому трудно ли приготовить столь тонкий и проницательный огнь, чтобы так же был ощущаем смертным составом, как нынешний огнь нынешним телом? Кто хочет подробно знать свойство одних мучений, тот пусть изъяс-

нит мне прежде в точности блаженство небесное. Но если бывший на третьем небе не описал того, что там уготовано любящим Бога, и признался, что это совсем невозможно постигнуть человеку более или менее плотскому; то может ли равно представить себе свойство ужасных последних действий гнева Божия тот, кто не нисходил в преисподняя?

Мы можем, и довольно для нас, знать только то, что гнев сей бесконечен: *Идите во огнь вечный*, – глаголет Вечный Судия.

Тщетно некоторые для смягчения сей страшной угрозы прибегают к милосердию Божию. Но какое милосердие для тех, кои с непреодолимым упорством отвергают милосердие? Бог есть единое, бесконечное благо; уклонение от Него – единое бесконечное зло. Бог создал человека для Себя; грехопадение удалило человека от Бога; милосердие паки открыло путь соединиться с Ним. Кто не следует по сему пути, тот по закону правосудия остается подверженным вечному злу как необходимому следствию удаления от Бога.

Поздно будет искать сего пути во мраках ада. Путь к бессмертию лежит в юдоли смертной жизни. Здесь можно иметь светильник, дабы найти его и безопасно продолжать по нему шествие. Смерть для каждого человека, а последний суд для всего рода человеческого, отверзает дверь судьбы. Мудрые девы входят на брак жениха бессмертного, буии же изгоняются. Чтобы получить помилование, должно принести покаяние. Но кто может принять за чистое раскаяние вопль, исторгаемый муками? Чем тягостнее сии муки, тем менее способно сердце иметь другие чувствования, нежели чувство лютейшей скорби. Оно едино подавляет все мысли и желания отчаянием. Итак, смертный! доколе ты носишь смертное тело и вместе с ним подлежишь переменам, ты можешь соделаться лучше или хуже. Но когда сложишь с себя одежду тления и смертности, тогда останется в тебе или бессмертное чувство добра, или бессмертное чувство зла. Ни на небе не родится новых безбожников, *ниже во аде кто исповестся Господеви* (Пс. 6:6).

Адские мучения

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1873

Есть люди, которые не верят, что будет огонь, червь, скрежет зубов и другие телесные мучения в аде, ожидающие грешников. Хорошо, – а если будут? Кто верит этому, тот ровно ничего не теряет, хоть бы и в самом деле не было таких мучений; а кто не верит, тот будет поражен горьким, но поздним раскаянием, когда придется испытывать то, что так легкомысленно отвергал он на земле. Допустим, впрочем, этого не будет; но ведь нельзя же отвергать, что душа по разлучении с телом останется живою, чувствующею, сознающею себя и что страсти, которым поблажала она здесь, перейдут с нею и в ту жизнь. Если так, то одного этого будет

достаточно, чтобы составить самый мучительный ад. Страсти, которыми жила здесь душа, будут жечь и точить ее, как огонь и червь, и терзать ее непрерывными и неотвратимыми мучениями.

Страсти не суть какие-либо легкие помышления или пожелания, которые являются и потом исчезают, не оставляя по себе следа: это сильные стремления, внутреннейшие настроения порочного сердца. Они глубоко входят в естество души и долгим властвованием над нами и привычным удовлетворением их до такой степени сродняются с нею, что составляют, наконец, как бы ее природу. Их не выбросишь так легко, как легко выбрасывается сор или сметается пыль. Но так как они не естественны душе, а входят в нее по грехолюбию нашему, то по причине этой самой неестественности своей и будут томить и жечь душу. Это все то же, как если бы кто принял яд. Яд этот жжет и терзает тело, потому что противен устройству его; или как если бы кто посадил змею в себя, и она, оставаясь живою, грызла бы его внутренности. Так и страсти, как яд и змия, принятая внутрь, будут грызть и терзать ее, и рада бы была она выбросить их из себя, да не сможет, потому что они сроднились, срослись с нею, а спасительных средств исцеления, предлагаемых здесь Святою Церковию в покаянии и исповеди, тогда не будет. Ну и мучься, и терзайся ими непрерывно и нестерпимо, нося внутри себя адский огонь, вечно палящий и никогда не угасающий.

Употребим еще сравнение. В числе пыток были и такие: накормят чем-либо соленым, да и запрут, не давая пить. Какое мучительное терзание испытывал такой несчастный! Но кто же жжет и мучит его? Извне — никто. Он в самом себе носит мучительное жжение: нечем утолить жажду, жажда и снедает его. Так и страсти: это, ведь, внутренние жаждания, разжигания, вожделения души грехолюбивой; удовлетворишь их — они замолчат на время, а потом опять, еще с большею силою, требуют себе удовлетворения и не дают покоя, пока не получат его. На том же свете нечем будет удовлетворять их, потому что все предметы страстей — предметы земные. Сами они останутся в душе и будут требовать себе удовлетворения; а так как удовлетворить их нечем, то жажда будет все сильнее и томительнее. И чем будет более жить душа, тем более будет томиться и терзаться неудовлетворимыми страстями; непрекращаемая мука эта все будет расти и расти, и конца не будет этому возрастанию и усилению. Вот и ад! Зависть — червь, гнев и ярость — огонь, ненависть — скрежет зубов, похоть — тьма кромешная. Этот ад начинается еще здесь; ибо кто из людей страстных наслаждается покоем? Только страсти не всю свою мучительность обнаруживают здесь над душою: тело и общежитие отводят удары их; а там этого не будет. Они со всею яростью нападут тогда на душу. «Наконец, в теле сем, — говорит авва Дорофей, — душа получает облегчение от страстей своих и некоторое утешение: человек ест, пьет, спит, беседует, ходит

с любезными друзьями своими; а когда душа выйдет из тела, она остается одна с своими страстями и потому всегда мучится ими. Как страдающий горячкою страдает от внутреннего огня, так и страстная душа всегда будет мучиться, бедная, своим злым навыком. Потому-то, — заключает преподобный, —я и говорю вам всегда: старайтесь возделывать добрые в себе расположения, чтобы найти их там; ибо что человек имеет здесь, то исходит с ним отсюда, и то же будет иметь он там».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 25-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ

Святоотеческие толкования

1) *Прп. Исидор Пелусиот.* О 10 девах, ч. 1. 168.

2) *Св. Григорий Двоеслов.* О мудрости и глупости верующих. Беседы на Ев. в перев. Климента. 1.

3) *Блж. Феофилакт Болгарский.* Изъяснение притчи о талантах. «Воскресное чтение», 1808, 1810.

4) *Прп. Исидор Пелусиот* на притчу о талантах.

5) *Св. Григорий Двоеслов.* О христианской деятельности сообразно с дарованными от Бога способностями. Беседы на Ев. в рус. перев. архим. Климента, кн. 1.

6) Ст. 31. Толкование *св. Иоанна Златоуста.* «Воскресное чтение», 1816.

7) Ст. 31–46. *Блаженный Феофилакт.* Изъяснение Евангелия, читаемого в неделю мясопустную. «Воскресное чтение», 1814.

8) *Св. Иоанн Златоуст.* О несомненности воздаяния праведникам и грешникам в будущей жизни. «Воскресное чтение», 1818, 1821.

9) *Его же.* О будущем суде. «Воскресное чтение», 1813.

10) *Его же.* О вечности мучений. «Воскресное чтение», 1803. Будут ли вечные мучения за гробом? «Воскресное чтение», 1880.

11) *Блаженный Феодорит.* О втором пришествии Бога и Спасителя нашего. «Воскресное чтение», 1808.

12) *Прп. Максим Исповедник.* О будущей жизни праведных. «Воскресное чтение», 1811.

13) *Прп. Ефрем Сирин.* Размышление о Страшном Суде. Тв., ч. 3. М., 1859.

14) Ст. 33. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова: *и поставит овцы одесную Себя, а козлища ошуюю,* ч. 1.

15) *Св. Василий Великий.* Неизбежность общего суда. Пришествие Господа на суд будет вдруг в целой вселенной. Суд Христов над каждым будет различен. В день Суда откроются все грехи человеческие. Человек сам увидит их. Всегда должно иметь память и страх Суда Божия.

16) *Св. Григорий Богослов.* Суд последний — страшен, а еще более праведен. На нем потребуется от нас отчет за все время жизни. На Суде Божием ценятся дела наши сообразно с родом жизни каждого. Мысль о Суде Божием должна возбуждать к слезам и печали о грехах.

Новейшие толкования в духовных журналах

17) Ст. 1–13. Девы мудрые и нерадивые. «Православный собеседник», 1862.

18) Ст. 1–30. Об обязанностях христианина по учению евангельских притчей. О десяти девах и талантах. «Воскресное чтение», 1834.

19) Беседа священника с детьми о евангельских притчах. Притча о 10 девах. «Руководство для сельского пастыря», 1865.

20) Ст. 14–30. Там же. 2.

21) Таланты. «Православный собеседник», 1862.

22) Притча о талантах. «Христианское чтение», 1835.

23) О талантах. «Воскресное чтение», 1825. (синаксарь во св. Велик. понед.).

24) Поучительные истины Евангелия в неделю 16 по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1803.

25) Ст. 24. «Воскресное чтение», 1810.

26) Ст. 30. Рабы ленивые и лукавые. «Воскресное чтение», 1832.

27) *Афанасий, архиеп. Казанский.* О будущем осуждении грешников. «Душеполезное чтение», 1869.

28) *Митр. Григорий.* Страшный Суд. «Духовная беседа», 1859.

29) *Свящ. Пантелеимонов.* Беседа о Страшном Суде. «Странник», 1860.

30) *А.Загоскин.* Последний суд. «Домашняя беседа», 1860.

31) *Свящ. А.Быстрицкий.* Последний день мира. «Душеполезное чтение», 1862.

32) *Беллюстин.* Будет воздаяние. «Воскресное чтение», 1832.

33) *С.П.О.* Чтение с детьми Евангелия о Страшном Суде Христовом. «Воскресное чтение», 1823.

34) *А. Гуляницкий.* Несколько мыслей о будущей жизни, Страшном Суде и картинах сего Суда. «Воскресное чтение», 1825.

35) О последнем Суде Христовом. «Воскресное чтение», 1824.

36) Размышление о Страшном Суде Христовом. «Воскресное чтение», 1805.

37) Страшный Суд. «Воскресное чтение», 1884.

38) Страшный Суд. «Христианское чтение», 1857.

39) Ст. 34–35. «Воскресное чтение», 1803.

40) Ст. 40. «Воскресное чтение», 1802, 1809, 1814.

41) Ст. 45. *Архиеп. Иннокентий. И идут сии в муку вечную.* «Домашняя беседа», 1864.

42) *Прот. И.М. Богословский-Платонов.* Размышление о вечности. «Православное обозрение», 1871.

43) О вечности мучений. Прибавление к «Творениям свв. отцов», 1856.

44) Письма к разным лицам и о разных предметах веры и жизни. (О вечности мучений.) «Душеполезное чтение», 1880.

45) Вечность адских мучений. «Воскресное чтение», 1884.

46) *Прот. Нечаев.* Уроки покаяния, заимствованные из Евангелия в Великом каноне святого Андрея Критского. Страшный Суд. «Душеполезное чтение», 1881.

47) Ст. 46. Блаженство праведников на небе. «Воскресное чтение», 1818.

48) Могут ли злые духи покаяться? «Воскресное чтение», 1816.

В Словах и Беседах

49) Ст. 1–4. *Исидор, митр. Новгородский.* О мудрых и юродивых девах.

50) Ст. 4. *Арсений, митр. Киевский.* Изъяснение притчи о мудрых и юродивых девах и нравственное приложение: о необходимости веры во Христа и добрых дел для спасения.

51) Ст. 8. *Никанор, архиеп. Херсонский.* Оправдание нашего законоучительства от укоров в схоластицизме со стороны светского общества.

52) Ст. 14–30. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Доказательства той истины, что Бог есть действительный Раздаятель сил и способностей и положений человеческих и что Он потребует некогда от всех людей отчета в употреблении даров Божиих (против неверующих в бытие Божие и будущую жизнь). Разрешение вопроса о равенстве и неравенстве людей на основании притчи о талантах.

53) Ст. 14–15. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Не одно получение талантов, а делание и приращение вводит в радость Господа.

54) Ст. 21. *Его же. Верный о мале поставляется над многими.* Кто имеет полное право называться верным?

55) Ст. 31–32. *Арсений, митр. Киевский.* О Страшном Суде.

56) *Дмитрий, архиеп. Волынский.* Изображение Страшного Суда. «Волынские епархиальные ведомости», 1877.

57) *Павел, архиеп. Кишиневский.* Почему окончательный суд над человеком совершается не тотчас после его смерти и почему последний Суд называется Страшным?

58) *Филарет, архиеп. Черниговский.* О Страшном Суде.

59) Ст. 32–33. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Об отличительных качествах десных предстоятелей Суда Христова.

60) Ст. 34–40. *Его же.* О благословении Божием благотворителям.

61) Ст. 35–40. *Его же.* Может ли быть чистое человеколюбие без чистой веры.

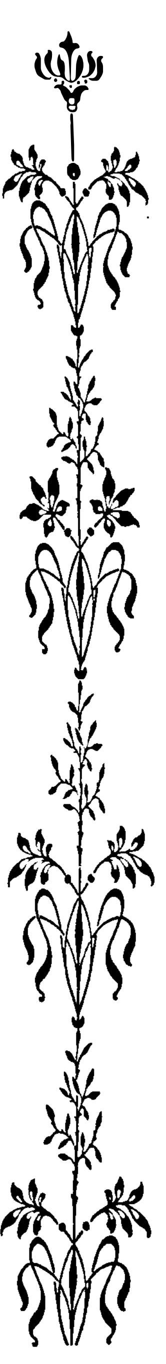
62) 31–46. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Почему дела милосердия на Страшном Суде поставлены выше всех дел человеческих.

63) Ст. 35. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* Почему дела благотворительности высоко ценятся Богом?

64) Ст. 35–36. *Арсений, митр. Киевский.* О побуждениях и характере христианской благотворительности. О христианской обязанности посещать заключенных в темнице и неосновательности отговорок со стороны не исполняющих ее.

65) *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О том, что Христос невидимо присутствует с заключенными в темницах и грешников призывает к покаянию, а неверных испытывает в вере. «Слово, сказанное в церкви тюремного замка».

ВЕЧЕР СРЕДЫ



Вечеря в Вифании, в доме Симона (Мф. 26: 6–13; Мк. 14: 3–9)

После произнесенных речей в Вифании для Господа устроили вечерю.

И когда был Он в Вифании в доме Симона прокаженного и возлежал, — приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и, разбив сосуд, возливала Ему сие миро на голову. Увидев сие, ученики Его и некоторые другие вознегодовали и говорили между собою: «К чему такая трата мира? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену, более нежели за триста динариев и раздать нищим». И роптали на нее.

Но Господь Иисус, уразумев сие, сказал им: «Что вы смущаете женщину! Оставьте ее. Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих вы всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить, а Меня не всегда имеете. Она сделала, что могла. Возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению. Истинно, истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала».

О негодовании учеников на поступок жены, помазавшей Иисуса Христа миром (Мф. 26: 8–9)

Св. Иоанн Златоуст.
Беседы на Евангелие от Матфея, ч. 3

Видевше же ученицы Его, негодоваша, глаголюще: чесо ради гибель сия бысть? можаше бо сие миро продано быти на мнозе и датися нищим. Разумев же Иисуса, рече им: что труждаете жену? дело бо добро содела о Мне. Всегда бо нищия имате с собою, Мене же не всегда имате. Откуда родилась в учениках такая мысль? Они слышали, как Учитель говорил: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. 6:6), — и порицал иудеев за то, что они оставляли важнейшее, *суд и милость и веру*, как на горе рассуждал с ними о милостыне, — и из всего этого выводили заключение и рассуждали друг с другом: если Он не принимает всесожжений

и древнего богослужения, то тем менее приимет помазание елеем. Так думали ученики. Но Иисус, видя мысли жены, попускает ей приблизиться, и как благоговение ее было велико и усердие неизреченно — то Он по величайшему снисхождению Своему позволил ей излить миро на главу Свою. Если Он не отрекся сделаться человеком, носим быть во чреве, питаться млеком, то чему удивляться, если и сего не отвергает? Как Отец Его принимал курение и дым, так и Он принял блудницу, приемля ее расположение. Но для чего Иисус не просто сказал: *доброе дело сделала;* а сказал прежде: *что труждаете жену?* Для того, дабы они знали, что не надобно требовать с самого начала высоких дел от немощных людей. Для сего-то и рассматривает дело не просто каково оно само в себе, но по отношению к лицу жены. Если бы Он давал закон, то не упомянул бы о жене. Но дабы ты знал, что для нее это сказано с тою целью, чтобы ученики не истребили возникающей ее веры, но еще более возбудили; для сего Он говорит вышеупомянутые слова, научая нас тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили к большему совершенству доброе дело, кем бы оно ни было сделано, и не требовали полного совершенства в самом его начале. Что Христос и Сам желал того, чего желали ученики, это видно из того, что Он повелел носить денежный ящик, хотя и не имел, где главу приклонить. Но теперь не время было исправить поступок, а только принять его. Как прежде сего поступка жены Он не произнес бы такого мнения, если бы кто спросил Его, так после оного поступка имеет в виду только то, чтобы жена не приведена была в смущение от порицания учеников, но удалилась от Него, сделавшись усерднее и лучше чрез служение Ему. Ибо после излияния елея порицание их было уже неуместно. Если и ты увидишь, что кто-нибудь сделал и приносит священные сосуды или заботится о другом каком-нибудь украшении церковном, как-то: об украшении стен и пола, — то не позволяй продавать или потреблять то, что сделано, дабы не ослабить его усердия. Если же кто скажет об этом прежде, нежели сделает, то вели раздать нищим.

О таинственном значении возлияния мира на главу Христову

«Воскресное чтение», 1815

Аминь глаголю вам: идеже аще проповестся Евангелие сие во всем мире, и еже сотвори сия, глаголано будет в память ее (Мк. 14:9). Значит, весьма замечательно и важно это дело благочестивой жены, возлиявшей на главу Господню многоценное миро. Самому Господу угодно, чтобы оно было известно всем и составляло часть Его Евангелия. Обратим же внимание на внутреннее значение этого дела веры и любви.

Прииде жена имущи алавастр мира нардного пистикия многоценна, и сокрушши алавастр, возливаше Ему на главу. Кто была сия жена, — Мария ли сестра Лазарева (Ин. 12:3), или другая подобная ей по вере и усердию к Спасителю, для нас знать это в настоящем случае не важно; важно то в особенности, что эта жена одобрена была Господом, хотя и осуждена другими. Важно то, что Господь дал высокое значение этому излиянию мира: *Возлиявши бо сия,* говорит, *миро на тело Мое, на погребение Мя сотвори,* то есть приготовила тело Господа на смерть и погребение. Если же смерть и погребение Спасителя мира составляют тайну высочайшую, то и приготовление к ним не должно ли иметь также свою таинственность священную? Чтобы уразуметь таинственное священнодействие жены, представим себе и *Агнца Божия, вземлющаго грехи всего мира,* Единородного Сына Божия. Вот Он, *полный благодати и истины, от исполнения Коего мы все приемлем благодать возблагодать* (Ин. 1: 14, 16), *не в меру приявши Духа* (Ин. 3:34), *помазанный елеем радости, паче причастник Своих* (Пс. 44:8), давно обрек Себя на жертву крестную для того, чтобы по принесении пресвятого Тела Своего на жертвеннике крестном разлить, как миро, благодать Свою на всех верующих и любящих Его. И сего-то Божественного мира излияние образовало то излияние мира драгоценного, которое совершила благочестивая жена в Вифании. Она сокрушает алавастр свой в знамение того, что и живоносному Телу Господню надлежало быть сокрушену на кресте для излияния всеочистительной Крови и всеосвящающей благодати. Миро возливается на главу Спасителя, — почему? Потому что глава сия есть *злато избранно, — очи ея яко голубицы на, иаполнениих вод, — ланиты, аки фиалы аромат прозябающия благовоние, — устне крины каплющии смирну полну* (Песн. 5: 11, 13); то есть миро вещественное изливается на главу, точащую миро духовное, Божественное. Вся храмина исполнилась благовония от излиянного мира. Не так ли исполнилось благовония благодатного все человечество после того, как сокрушился Божественный алавастр мира крестною смертию? Вот еще при самом кресте ощущает это благовоние разбойник и верою и покаянием переводится к благовониям рая небесного; здесь же один из распинателей — Лонгин-сотник — изменяется благоуханием мира Божественного в исповедника Христова и вопиет: *воистину Божий Сын бе Сей* (Мф. 27:34). Силу святого благоухания почувствовал и народ; *ибо вси,* сказано, *пришедшии на позор сей, видяще бывающая, биюще перси своя возвращахуся* (Лк. 23:48). Благоухание того же мира привлекает к Господу, уже умершему, Иосифа и Никодима, прежде тайных чтителей Его. Что сказать о дальнейших следствиях? *Воня разума Христова,* говорит апостол, *является во всяком месте* (2 Кор. 2:12). Благоухание мира Христова отгоняет зловоние неверия и мертвый запах беззаконий в целых народах и повсюду являет жизнь новую, произращая прекрасный сад добродетелей, достойных неба.

Таково, полагаем, значение мира, излиянного на главу Господню; это прообразовательное указание на тайну спасения нашего, и оно достойно благочестивого внимания. Были многие приготовления к смерти и погребению Спасителя. Таково крещение, когда для нас погружался Господь в Иордане, как Агнец, омываемый пред жертвоприношением; таково преображение, когда и среди света Божественного беседовал Он с пророками о *исходе Своем*; таково и торжественное вшествие в Иерусалим, как ведение Агнца на всенародное заклание, – и все это занимает достойное место в Евангелии как благовестие нашего мира и спасения. Все это устроено было чрезвычайным промыслом Божиим, все заключалось в предвечном плане искупления. Сюда, без сомнения, относится и тот глас небесный, который слышан был народом незадолго пред страданием Господа в ответ на молитву Его: *Отче, прослави имя Твое! – Прииде же глас с небесе: и прославих и паки прославлю* (Ин. 12:28). Не должно ли ценить подобным образом дело мироносицы, хотя оно, по-видимому, совершено без всякого предварительного размышления – в простоте веры и любви? Так! И здесь Дух Божий действовал: Он наставил жену, Он и расположил в ее священнодействии все так, чтобы оно достойно было своего предмета и своей цели.

Заметим, наконец, и то наставление, какое преподает нам здесь Дух Божий. Пример мироносицы показывает, что Господу нашему все то весьма угодно, чем мы себя и других возбуждаем к воспоминанию спасительной смерти Его. Приятно, значит, Господу, когда с верою изображаем мы на себе крестное знамение или в веществе выражаем оное и почитаем; когда благоговейно размышляем о неизреченной любви Его к нам, явленной на кресте, и когда молимся пред крестом Его; благоугодно особенно то, если изображаем крест Господа в самих себе, когда распинаем плоть свою со страстьми и похотьми и когда терпим скорби благодушно, сраспинаясь таким образом Христу, – это наше миро, приносимое Господу.

Заговор синедриона и предательский замысел Иуды (Мф. 26: 3–4, 14–16; Мк. 14: 1–2, 10–11; Лк. 22: 1–6)

Приближался праздник Опресноков, называвшийся Пасхою. Первосвященники и книжники собрались вместе во дворе первосвященника Каиафы и советовались, каким образом захватить Иисуса, наконец, они решили взять Его хитростью и убить Его. Но чтобы народ, стекавшийся в Иерусалим к празднику Пасхи в огромном количестве, не вступился за Него и не произошло бы возмущения, враги Иисуса Христа решили взять Его не в праздник, тайно от народа. Неожиданный случай помог им скоро исполнить свое намерение. Один из учеников Христовых, из числа Его двенад-

цати апостолов, Иуда Искариотский (уроженец города Кариота), зная их злые намерения относительно Учителя, решился воспользоваться этим для удовлетворения своей страсти к деньгам. Он пришел к первосвященникам во время их совещания и спросил их: «Что вы дадите мне, если я вам предам Иисуса?» Они предложили ему тридцать сребреников. Это была, по закону, цена раба. Иуда согласился на эту сделку и с этих пор искал удобного случая предать Иисуса Христа в руки врагов Его.

Сравнение евангельских сказаний об этом событии и экзегетические примечания

М. Муретов.
«Православное обозрение», 1883

В то время как члены великого синедриона, решив во что бы то ни стало взять Иисуса и после праздника Пасхи предать Его смерти, были озабочены исполнением своего намерения, один человек неожиданно изменил их план и ускорил развязку. То был Иуда, по прозванию Искариот, из числа двенадцати приближеннейших учеников Господа.

«Тогда, — так повествует святой Матфей, — один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что хотите дать мне, и я вам предам Его? Они же поставили ему тридцать сребреников. И с того времени искал удобного случая, чтобы Его предать» (Мф. 26: 14–16). Марк рассказывает факт в общем согласно с Матфеем, но в частностях есть и некоторые особенности. «И пошел, — говорит он, — Иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы Его предать им. Они же, услышав, обрадовались и обещали ему дать денег. И искал, как бы в удобное время предать Его» (Мк. 14: 10–11). Марк не говорит, что сам Иуда, и притом прежде всего, потребовал от синедрионистов денежной награды: Иуда пошел к первосвященникам для того, чтобы предать Господа, деньги же были обещаны Иуде первосвященниками. Кроме того, Марк не указывает точно, какая сумма была обещана Иуде за его злодейство; он говорит вообще, что Иуде обещали дать денег. Лука передает дело так: «Вошел сатана в Иуду, называемого Искариотом, бывшего из числа двенадцати. Он пошел и уговорился с первосвященниками и начальниками о том, как им предать Его. Они обрадовались и положили дать ему денег. И он согласился и искал удобного случая предать Его им без народа» (Лк. 22: 3–6). Как и Марк, и Лука не говорит, что Иуда сам наперед потребовал денежной награды; прямою и непосредственною целью его тайного появления пред священниками было предать Иисуса; деньги же предложены Иуде после уговора о предании Господа, и Искариот только согласился их взять. Далее, если Матфей, по-видимому, указывает на сребреники, как на

главную причину поступка Иудина, а Марк вообще ничего не говорит о мотивах измены, то Лука, согласно с Иоанном (13: 2, 27), прямо и выразительно указывает на сатану, который вошел в Иуду. Наконец, согласно с Марком, Лука не указывает точно, сколько сребреников получил Иуда, но говорит вообще о денежной награде, данной предателю от синедриона.

Что же до Иоанна, то он совсем умалчивает об этих предварительных переговорах Иуды с синедрионом. Он упоминает только о последнем появлении Иуды пред первосвященниками за отрядом служителей, с которыми предатель тотчас же отправился в Гефсиманскую рощу для взятия Иисуса (Ин. 13: 26-30; 18:3). На этом основании некоторые критики отрицают достоверность синоптических известий, утверждая, что мысль и решение предать Иисуса впервые возникли в Иуде только на Тайной Вечере. Но, не говоря уже о том, что синоптические известия более соответствуют исторической естественности дела, — и в четвертом Евангелии ясно предполагаются предварительные уговоры Иуды с синедрионом — ранее Тайной Вечери. На это указывают слова Господа к Иуде: «Что делаешь, делай скорее» (Ин. 13:27); то же самое приходится заключать из заметки, которою евангелист начинает описание Тайной Вечери: «Когда диавол уже вложил Иуде мысль предать Его» (13:2); наконец, несвойственные Иоанну краткость и общность рассказа о предании Господа несомненно предполагают в читателях знакомство с более подробными синоптическими известиями об этом (ср. 18:3).

К сделанному текстуальному сравнению евангельских повествований присоединим несколько экзегетических замечаний.

Предателем, по известию всех евангелистов, был один из двенадцати Иуда, по прозванию Искариот, — в греческой рукописи Ἰσκαριώτης, Ἰσκαριώθ, Σκαριώτ, Σκαριώτης, ὁ ἀπὸ Καριώτου, лат. Carioth, Cariothes и др. Значение этого прозвания спорно. Одни придают ему вещественный смысл и видят в нем указание или на характер Иуды, или же на его измену. Другие ученые (большинство) принимают прозвание «Искариот» в географическом значении и видят в нем указание на место рождения Иуды, производя слово Ἰσκαριώθ от евр. isch — муж и собственного Kerijoth — город в колене Иудином на северной границе его, нынешний Куриут. В таком случае это прозвание будет означать: «человек из (города) Кариот, Кариотянин».

В пользу этого производства говорят следующие основания: а) аналогия с подобными же еврейскими прозваниями: isch-jeruschalim — человек из Иерусалима, Ἴστοβος, евр. isch-tob — муж из земли (или города) Тов; б) правописание в некоторых рукописях без начального слова isch — Καριώτης Καριώθ и лат. Karioth, т.е. просто кариотянин, вместо «человек из Кариота»; в) в некоторых греческих рукописях это название передается словами ὁ ἀπὸ τοῦ Καριώθ — буквальный перевод еврейского isch-kerjoth — кто из Ка-

риота, кариотянин; г) наконец, только при географическом значении этого названия возможно объяснить, что в некоторых древних рукописях оно прилагается и к отцу Иуды – Симону. Таким образом, из двенадцати галилейских учеников Иисуса один Иуда был иудеянин (Деян. 2:7), откуда весьма легко объясняется, почему за ним одним в обществе Иисусовом утвердилось именно географическое прозвище, по месту происхождения.

По известию синоптиков, предварительный переговор Иуды с первосвященниками происходит после того заседания синедриона, на котором было окончательно постановлено казнить Иисуса (Мф. 26: 2–6 и парал.) и которое было за два дня до Пасхи, следовательно, после 12 или 13 Нисана, – и ранее того утра, когда Господь послал из Вифании двух учеников в Иерусалим для приготовления пасхальной вечери, следовательно, ранее 13 или 14 Нисана. Таким образом, переговоры Иуды с синедрионом о предании Господа могли происходить только в ночь: или между 12 или 13 Нисана, если последнюю вечерю Господа относить на 13 Низана, или же между 13 и 14 Низана, если 14 Нисана признать пасхальную вечерю, что вероятнее. На ночное время указывают Матфей и Марк, если рассказывают о предании вслед за вифанскою вечерею в доме Симона прокаженного. Ночного мрака требовало и само дело. Иуда шел уговориться с первосвященниками о тайном захвате Иисуса. Для этого требовалась крайняя осторожность; днем, при многочисленном стечении народа в храме, Иуду могли бы заметить входящим и выходящим из первосвященнического дома, и тогда его коварный замысел остался бы без успеха.

По известиям Матфея и Марка, Иуда явился со своим предложением прямо к первосвященникам. Под этими последними всего естественнее разуметь первосвященника Каиафу и бывшего первосвященника Анана. Но трудно понять, каким образом обыкновенный иудей из низкого сословия мог иметь такой легкий и скорый доступ, и притом в столь неурочное время, к верховным представителям еврейского народа. Кроме того, множественное ἀρχιερεῖς, договор с Иудою, изменение первоначального приговора синедриона относительно казни Иисуса и пр., все это дает видеть, что предложение Иуды обсуждалось не одними первосвященниками, и притом домашним образом, но официально, и если не всеми, то наиболее влиятельными членами великого синедриона. Как объяснить это экстренное собрание синедрионистов в ночное время? Разъяснение находим у евангелиста Луки в заметке, что Иуда явился к первосвященникам и начальникам – στρατηγοῖς. Что это за стратеги? В 52 стихе той же главы они называются στρατηγοὶ τοῦ ἱεροῦ – начальники храма. В Деян. 4:1 ὁ στρατηγός стоит рядом с ἱερεῖς; в 5: 24–26 он представляется важным в иудейской администрации лицом; ему принадлежит судебная власть, в его распоряжении находятся слуги, он стоит в близкой связи с синедрионом; у Иосифа Флавия

один стратег по имени Анан вместе с первосвященником Ананием отсылаются Кодратом в Рим как самые знатные лица из иудеев. У того же писателя находим указание, что стратег был одним из первосвященников (то есть из священником, которые были членами великого синедриона); ему принадлежит главный надзор за двором храма; он же имел у себя ключи от медных ворот храма. В Талмуде он называется «князем горы храма» (то есть Сиона) и распоряжается храмовыми стражами. Но, кажется, и начальники каждой отдельной стражи назывались также στρατιγοί или ἄρχοντες (Деян. 16: 20, 22, 38) и в этом значении всего естественнее принимать это название в рассматриваемом месте. Стратеги жили при храме — в особенных пристройках, точно так же, как и первосвященники и члены великого синедриона. Итак, под прикрытием ночного мрака, когда Вифания покоилась мирным сном, Иуда, вероятно, чрез Масличную гору пробирался в Иерусалим ко храму с своим коварным замыслом — тайно выдать Иисуса первосвященникам. В обычное время ворота храма как внутренние, так и внешние, запирались после вечерней жертвы. Но на праздник Пасхи двор храма открывался для народа до полуночи. Без всяких затруднений предатель проник во двор храма и чрез храмовую стражу мог потребовать свидания с первосвященником. Слуги, находившееся в непосредственном ведении стратега, вероятно, доложили сначала своему начальнику, которые не замедлили снестись с первосвященниками: дело было серьезное и неотложное. Так, в короткое время могли собраться нисколько членов синедриона и во главе с первосвященниками Каиафою и Ананом составить экстренное заседание. Иуда был потребован на аудиенцию. По известию Марка и Луки, радость осветила лица синедрионистов, когда они узнали цель тайного появления пред ними Иуды. И естественно: предложение Искариота как нельзя более согласовалось с собственным планом синедрионистов и облегчало его исполнение, при содействии Иуды достигалось самое главное и вместе самое трудное — взятие Иисуса без шума и свидетелей.

Уговорившись с Иудою относительно времени и места взятие Иисуса, синедрионисты — по Матфею — постановили ἔστησαν (ср. Деян. 18:31), или, как пишет Лука, согласно решили (συνέθεντο) выдать предателю денежную награду, и притом, по известию Матфея, в количестве тридцати сребреников. В виду ἐπηγγεῖλαντο — «обещали дать ему денег» — Марка нужно полагать, что в этом заседании синедриона было постановлено только выдать награду предателю, но сребреники получены были Иудою после — в ночь предания Господа. 'Αργύριον, евр. shekel, сребреник был первоначально единицею веса вообще, и в частности серебра, также золота и других металлов; но впоследствии это название было усвоено серебряной монете, которая употреблялась у евреев времен Христа при сборе податей в торговых операциях и других случаях как денежная единица — подобно английскому

фунту или нашему рублю. Вес сикля, а равно и стоимость его изменялась в разные эпохи, поэтому можно сделать только приблизительное определение их. С древних времен у евреев различались два сикля: обыкновенный и священный; первый стоил вдвое меньше второго. Сикль священный (sekelkedosch) как чеканная серебряная монета был введен у евреев при Симоне около 143 года до Р. Х. (1 Макк. 15:6). Несколько экземпляров этой монеты сохранилось до нашего времени; она имеет круглую форму с изображением пальмы, или чаши, или расцветшего жезла – и надписью: «Ierushalaim kedosch – святой Иерусалим» и «sekel-jesrael – сикль Израилев». На позднейших экземплярах встречаются и греческие надписи. Приблизительный вес и стоимость сикля равняется 272 французским гранам. Из Мф. 27:6 с несомненностью открывается, что евангелист разумеет священный сикль, а не полусикль обыкновенный. Таким образом, за свое злодейство Иуда получил около 90 франков, или 18–20 рублей серебром.

Сумма эта в Ветхом Завете назначается за раба, убитого волом. (Исх. 20:32); у пророка Захарии 30 сребреников упоминаются в качестве презренной и ничтожной суммы, которою неблагодарный народ израильский оценивает попечение о нем Иеговы (Зах. 11: 12–13); у пророка Осии этою суммою определяется цена распутной женщины (Ос. 14:2); у раввинов она является, так сказать, специальною ценою каждого раба без различия пола и возраста. Вообще оценка в 30 сребреников в глазах еврея времен Христа служила символом ничтожества и выражала презрение к тому, кто ею оценивался: его цена грошовая, рабская. Вероятно, какой-нибудь остроумный синедрионист думал в этой презренной цене найти средство отмстить ничтожному галилеянину, дерзавшему колебать высокий авторитет представителей еврейской книжности и учености. Этими 30 сиклями хотели выразить пренебрежение к лжемессии как человеку, который стоит не более любого раба. Предатель, как извещает Лука, согласился (ἐξωμόλογησε) и взял эти жалкие гроши. Но если злоехидная и спесивая ученость синедрионистов этими 30 сребрениками думала отмстить Иисусу, то Промысел нашел средство дать этой цене другое значение: именно в этой-то презренной сумме буквально исполнилось старинное пророчество Захарии о 30 сребрениках, коими неблагодарный народ оценил отеческое попечение о нем Иеговы: «И сказал им Иегова: если угодно вам, дайте Мне плату Мою; если же нет, не давайте. И они отвесили Мне в уплату тридцать сребреников. И сказал Господь (пророку): брось их в церковное хранилище... высока цена, какою они оценили Меня!.. и взял я тридцать сребреников, и бросил их в дом Господень для горшечника» (Зах. 11: 12–13). Если за попечения о себе Отца неблагодарный Израиль платит рабскою ценою, что тоже удивительного, если и Сын удостаивается только тридцати сребреников?

Гнусность сердца предателя Иуды

Митр. Григорий. Из Слова во святую Великую Среду.
«Духовная беседа», 1858

Тогда шед един от обоюнадесяте, глаголемый Иуда Искариотский, к архиереом, рече: что ми хощете дати, и аз вам предам Его (Мф. 26: 14–15).

Иуда, предатель нашего Господа, весьма примечателен в истории дурных людей и стоит того, чтобы обратить на него внимание. Ни мудрость, ни святость жизни, ни многоразличные благодеяния нашего Господа Иисуса Христа не произвели спасительного действия на Иуду. Он никогда не был привязан к Господу сердечною любовью и оставался при Нем не по чему иному, как только по корысти.

Главная страсть Иуды была корыстолюбие, родившееся, вероятно, оттого, что у него находился денежный мешок, принадлежавший нашему Господу с Его учениками. Корыстолюбие, наконец, взяло над ним такую силу, что он не стыдился красть из общего мешка, и брал себе даже и то, что назначалось в милостыню бедным. Когда же он увидел, что ему от Иисуса Христа нельзя ждать никаких временных выгод, то охладел к Нему до того, что даже тридцать сребреников могли расположить его сделаться Его предателем. Корыстолюбие подавило в Иуде все добрые чувствования; он не устыдился даже сам предложить злобным и крайне злонамеренным еврейским архиереям услугу предать им своего Учителя и Господа. За пасхальною вечерею совесть сильно обличала Иуду в преднамеренном им предательстве, однако он, слыша слова Господа к Своим ученикам: *един от вас предаст Мя* (Мф. 26:21), смело, вслух своих собратий, спрашивал: *еда аз есмь, Господи?* (Мф. 26:22). Боль, какую Иисус Христос произвел в нем обличением его в предательстве, он сильно чувствовал. Глубокая скорбь Иисуса Христа о том, что Он предается одним из Своих учеников, именно Иудою, не согрела и не смягчила Иудина сердца, хотя он ясно видел ее: Иуда не способен был к состраданию. Чем яснее Иуда видел, что узнают его предательство, тем сильнее побуждало это его к скорейшему исполнению предательства. Потеряв все уважение и всю привязанность к своему Учителю и Господу, Иуда исполнил предпринятое им злое дело в самом присутствии своего Учителя. Он не только издали указал воинам своего Господа, но подошел к Нему Самому, обнял Его, поцеловал Его. Предательство самое бесстыдное! Как понять такое отвратительное предательство? Как понять, что ученик предал своего Учителя людям худым, явно злобным и злонамеренным, — Учителя благороднейшего, совершенно беспорочного, преисполненного любви и доброжелательства, Учителя, Который так часто всем являл силу Своего всемогущества и ведения, принадлежащего только Богу? Как понять, что этот ученик сам подошел к

своему Учителю с людьми, которые должны были связать и взять Его, — подошел и поцеловал Его? Не теряйтесь в догадках. Как никакой плотской человек не может понять побуждений человека духовного и святого; так никакой беспорочный и святой человек не может понять побуждений человека вполне нечестивого; потому что как в том, так и в другом человеке живет и действует сила, высшая человеческой: в первом — Дух Святой, во втором — сатана. Как первый живет в состоянии вышеестественном, так не в естественном состоянии живет и второй. Об Иуде ясно сказано: *и по хлебе вниде в онъ* (в Иуду) *сатана* (Ин. 13:27). До сего времени в Иуде был еще некоторый стыд, и он таился; но с сего времени он начал поступать совершенно бесстыдно, как не поступает ни один человек, ежели бы сатана не взял его под свою полную власть. А сатана всегда берет под свою полную власть человека в его главной страсти. Доколе человек еще не весь предался своей главной страсти и посему еще не потерял своей совести и не впустил сатаны в свое сердце, до тех пор в нем всегда есть еще никоторый стыд и некоторое действие стыда. А доколе в человеке есть хотя несколько стыда, до тех пор он не может делать зла без некоторой внутренней борьбы, и делает это робко, делает тайно от других, особенно отнюдь не делает в присутствии благородного человека, и нередко желал бы скрыть делаемое им зло даже от себя самого. Но когда он предается своей любимой страсти вполне, тогда становится совершенно другим человеком; тогда от того, от чего он отступал с ужасом, уже не отступает, привык к тому и, наконец, делает то с непостижимым бесстыдством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 26-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ (3–16 СТ. И ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ)

1) Ст. 6–13. Мк. 14: 3–9. *Прот. Гречулевич.* Евангельские жены, помазавшие Христа Спасителя миром. «Странник», 1868.

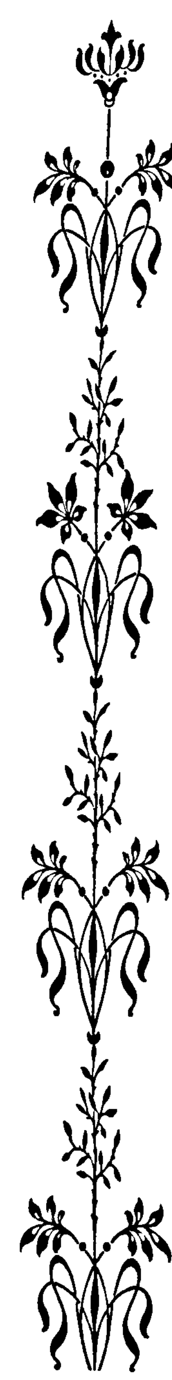
2) Ст. 14–16. *Прп. Исидор Пелусиот.* Об Иуде-предателе.

3) *Муретов.* Иуда-предатель. «Православное обозрение», 1888.

4) Ст. 17–30, 14–16. *Св. Иоанн Златоуст.* Беседа о предательстве Иуды, о Пасхе. «Христианское чтение», 1824.

5) Мк. 14:3. Алавастр. «Воскресное чтение», 1872.

6) *Н.Елеонский.* О Евангелии Марка 14 гл. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.



ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРТОК

Соглашение евангельских сказаний о Пасхе, которую совершил Иисус Христос в навечерии Своей крестной смерти
(Мф. 26: 17–20; Мк. 14: 12–18; Лк. 22: 7–16; Ин. 12:1; 18:28; 19:31)

«Православный собеседник», 1861

Определенные свидетельства трех евангелистов — святого Матфея, святого Марка и святого Луки — поставляют вне всякого сомнения то, что Иисус Христос накануне Своей крестной смерти совершил с своими учениками Пасху, предписанную в Законе Моисеевом, узаконенным образом и в положенное время, то есть в 14 день месяца Нисана, в четверток. Но, несмотря на то, многие писатели высказывали свои сомнения как относительно того, в какой именно день совершил Иисус Христос Свою последнюю на земле Пасху, так и относительно того, законную ли, иудейскую ли Пасху тогда Он совершил. Повод к сомнениям находили в тех местах Евангелия от Иоанна, в которых говорится, что в эту Пасху иудеи ели агнца пасхального в пятницу, в день смерти Иисуса Христа. Возникавшие вследствие таких недоумений мнения о последней Пасхе Иисуса Христа весьма разнообразны. Так, во-первых, одни утверждали, что Иисус Христос на последней Своей вечери с учениками совершил Пасху законную, иудейскую, и именно: Ориген, Епифаний Кипрский, Протерий, патриарх Александрийский, Иоанн Златоуст, Тит, епископ города Боцры (IV века), Кирилл Александрийский, Софроний, патриарх Иерусалимский, Иоанн Дамаскин, Михаил Керулларий, патриарх Константинопольский, Феофилакт Болгарский, Евфимий Зигабен, и т.д.; напротив, другие полагали, что Иисус Христос на последней вечери не совершал Пасхи законной, то есть не вкушал пасхального агнца, а именно: Аполлинарий, епископ Иерапольский (II века), Климент Александрийский, Ипполит Римский, Виктор Антиохийский, составитель «хроники пасхальной» (VII века), Никита Стифат, Петр, патриарх Антиохийский, киевские

митрополиты Леонтий и Иоанн (XI века); во-вторых: одни думали, что Иисус Христос совершил пасху 14 числа месяца Нисана, как, например Евсевий Кесарийский, Протерий и пр., другие доказывали, что 13 числа, например, Климент Александрийский, Ипполит Римский, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Евфимий Зигабен и др., а другие замечали только, что Христос совершил Пасху ранее всех одним днем, не говоря, какого числа, например, Епифаний Кипрский. Такое разнообразие мнений уже указывает на затруднения в соглашении различных сказаний евангелистов об одном и том же событии. Каким же образом согласить выражения евангелиста Иоанна о последней Пасхе Иисуса Христа со свидетельствами трех прочих евангелистов, нимало не изменяя смысла ни тех ни других?

Сравним места Евангелий, где говорится о совершении последней Пасхи Иисусом Христом.

Вот что повествует евангелист Матфей*: «В первый день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху? Он сказал: подите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими. Ученики сделали, как повелел им Иисус; и приготовили пасху. Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками» (Мф. 26: 17-20).

Евангелист Марк говорит так: «В первый день опресноков, когда закалали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? Мы пойдем и приготовим. И посылает двух из учеников Своих, и говорит им: пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним. И куда он войдет, скажите хозяину дома того: Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую**; там приготовьте нам. И пошли ученики Его и пришли в город и нашли, как сказал им, и приготовили пасху***. По наступлении вечери Он приходит с двенадцатью. И когда они возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам: один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня» (Мк. 14: 12–18).

* Заметить должно, что в Евангелии, когда говорится о празднике *семидневном*, то обыкновенно 15-й день Нисана называется *первым днем опресночным*, а когда об *осьмидневном*, то называется так 14-й день месяца; вечером в этот день начиналось уже пасхальное употребление пресного хлеба.

** То есть столовую комнату, убранную коврами для возлежания, по восточному обычаю. Такие комнаты у древних находились обыкновенно в верхнем этаже дома; и слово ἀνώγαιον, здесь употребленное, иногда означает также и верхний этаж.

*** И приготовили пасху, то есть заготовили агнца пасхального, пресный хлеб и предписанные для пасхи травы или плоды.

Евангелист Лука излагает дело следующим образом: «Настал день опресноков, в который надлежало закалать* пасхального агнца. И послал Иисус Петра и Иоанна, сказав: пойдите, приготовьте нам есть пасху. Они же сказали Ему: где велишь нам приготовить? Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды; пойдите за ним в дом, в который войдет он, и скажите хозяину дома: Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он покажет вам горницу большую, устланную; там приготовьте. Они пошли и нашли, как сказал им, и приготовили пасху. И когда настал час, Он возлег, и двенадцать апостолов с Ним. И сказал им: очень желал Я есть с вами пасху сию прежде страдания Моего. Ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием» (Лк. 22: 7–16).

Эти места ясны и не допускают никакого сомнения в том, что Иисус Христос в последней год Своей земной жизни, накануне Своей крестной смерти с двенадцатью учениками Своими вкушал агнца пасхального, предписанного законом и в узаконенное время.

Между тем некоторые места в Евангелии Иоанна показывают, что иудеи в тот год ели агнца пасхального в пятницу, в день смерти Иисуса Христа, и таким образом представляют затруднения к решению вопроса.

Во-первых, такое затруднение представляется в следующем месте: «За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых» (Ин. 12:1). Это случилось, вероятно, в субботу (в последний день недели), потому что вшествие Иисуса Христа в Иерусалим в следующий за тем день совершилось, по преданию, в первый день недели (соответствующий нашему воскресенью). Таким образом, выходит, что Пасха иудейская была тогда в пятницу, а не в четверг, в который совершил ее Иисус Христос. Но здесь затруднение легко может быть устранено. Если евангелист в этом месте определяет время по общеупотребительному у иудеев способу, то он совмещает в своем счислении субботу – день, когда пришел Спаситель в Вифанию, – и четверг накануне Пасхи, то есть то самое навечерие Пасхи, когда агнец пасхальный был вкушаем Иисусом Христом и Его учениками. Ибо известно, что и это навечерие Пасхи, и самый праздник, который начинался в следующий день, у иудеев были одинаково называемы *Пасхою*. Следовательно, выражение евангелиста Иоанна *за шесть дней до Пасхи* равно прилагается и к четвергу, и к пятнице, и потому не дает

---

* Греческое слово θύειν означает и *жертву приносить*, и *закалать*. Священники заказали агнцев, приносимых в жертву Богу, прежде нежели были съедаемы агнцы пасхальные по домам. Но когда оба эти действия – и жертвоприношение агнцев в храме, и вкушение агнцев в домах, – обозначаются одним и тем же выражением: *закалать пасхального агнца*, то легко принять одно за другое, тогда как они совершенно различны – и по времени, и по месту, и по значению своему.

еще основания к решительным заключениям. Упомянутое сейчас двоякое употребление слова *пасха* уничтожает другое затруднение, которое можно извлечь из другого места Евангелия Иоанна, где он вечер четверга не называет еще Пасхою, а выражается об нем так: *пред праздником Пасхи* (Ин. 13:1).

Во-вторых, следующие два места того же Евангелия святого Иоанна, по своей трудности, несравненно более важные. Первое: «От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы *можно было есть пасху*» (Ин. 18:28); второе: «Так как *тогда* была пятница, то иудеи (то есть первосвященники и старейшины), дабы не оставить тел на кресте в субботу, ибо та суббота была великий день, просили Пилата, чтобы перебить у них голени, и снять их» (Ин. 19:31). Здесь прямо говорится, что иудеи в этот год праздновали Пасху, то есть ели агнца пасхального, вечером в пятницу. Чтобы устранить затруднение в первом из этих мест, говорит, что под пасхою, которую гонители Иисуса готовились есть в пятницу, разумеется не агнец пасхальный (уже съеденный в четверг), но то мясо, которое оставалось от жертв, принесенных во время празднества в храме. Правда, в Священном Писании эти приношения также называются *пасхою*; но едва ли можно согласиться, что первосвященники и старейшины для того, чтобы можно было есть именно остатки от принесенных жертв, не захотели войти в преторию из опасения осквернитъся, если бы только самое празднование Пасхи дозволяло им это. Без твердых доказательства нельзя придавать такую важность этим остаткам от жертвоприношений, о которых мы сейчас сказали. Во втором месте день смерти Иисуса Христа назван *пятницею пред Пасхою* (слич. Ин. 19:14), то есть кануном субботы или *днем приготовления* (παρασκευή). Говорят, что каждая пятница называлась *днем приготовления* (παρασκευή) по отношению к следующей субботе. Может быть, хотя мы нигде не находим на это доказательств. Но пусть было так. Все же мы не можем поверить, чтобы *днем приготовления* назывался первый день праздника Пасхи, когда он приходился в пятницу. Ибо первый день великого праздника должен был считаться самым торжественным днем целого года. Но эта пятница, в приведенном месте, очевидно, стоит в тени — о ней упоминается как о *дне приготовления*, а о следующей субботе сказано: *та суббота была великий день*. Почему она была выше, торжественнее, чем другие субботы? Потому что эта суббота была неделя Пасхи. Но если эта суббота получила свою торжественность от праздника, то первый день праздника, конечно, был еще торжественнее, еще важнее этой субботы.

Разбирая указанные затруднения, некоторые писатели утверждали, что именно рассматриваемая пятница и была 14-й день месяца Нисана. Потому-то, думали они, первосвященники и старейшины не хотели входить в преторию, чтобы можно было им есть агнца пасхального вечером. Гос-

подь наш, говорили они, не вкушал истинного агнца пасхального, предписанного законом, но совершил только вечерю в память этого агнца, ибо Он предвидел, что вечером будет взят врагами и что поэтому Ему невозможно будет вкушать агнца пасхального по закону.

Защитники этого мнения, чтобы усилить свои доказательства, употребляли еще аналогии. Прилично было, говорили они, Спасителю нашему, Первообразу прообразовательных агнцев, Которого святой апостол Павел называет Агнцем пасхальным, закланным от нас (1 Кор. 5:7), умереть в тот самый час, когда был закалаем прообразовательный агнец пасхальный. Конечно, аналогии ничего не доказывают; но когда они так поразительны, как выставленные теперь, то придают некоторую силу мнениям, особенно, когда говорится о Пасхе, которая была богата символами.

Кроме того, ссылаются на новейшие астрономические вычисления, по которым 14-е число месяца Нисана было в пятницу в 33 году нашего летосчисления, а этот год многими хронологами признается за действительный год смерти нашего Спасителя; тогда как по другим вычислениям 14-е число месяца Нисана рассматриваемого года приходилось в четверг. Как бы то ни было, мы не имеем никакого основания думать, что иудеи были хорошие астрономы и могли делать сложные астрономические вычисления с такою точностью, до какой не только тогда, но даже ныне можно достигнуть с большим трудом. Известно, как трудно было христианам, даже в то время, когда, под правлением христианских императоров — все пособия науки находились в их распоряжении — определить в каждый год, по правилам астрономическим, тот день, в который надлежало праздновать христианскую Пасху. И мы впали бы в большие ошибки, если бы стали судить об астрономических сведениях иудеев по удивительной точности их юбилейного периода, которая давала их хронологии такую степень верности, какой не имеет даже хронология григорианская. Юбилейный период их установлен был Моисеем по откровению Божию: он был результатом таких соображений, которых иудеи не знали. Они так мало упражнялись в астрономических знаниях, что, если верить раввинам, каждый месяц подстерегали на горах явление новой луны для точнейшего определения своих праздников; этот метод часто, конечно, поставлял их сведения в зависимость от облаков и туманов. Таким образом, астрономические вычисления в рассматриваемом вопросе не могут быть приняты во внимание по невозможности приложить их к делу с какою-нибудь достоверностью.

Весьма многие свидетели, и свидетели достовернейшие, отцы и учители Церкви, как греческие, так и латинские, о которых мы упомянули выше, говорят о празднике, совершенном Иисусом Христом накануне Своей смерти, как о Пасхе законной, которую Он праздновал в определенное законом время и предписанным образом. И как иначе объяснить

столь ясные свидетельства трех евангелистов? Правда, Господь наш «очень желал есть эту пасху с Своими учениками» (Лк. 22:15) потому, что хотел в эту вечерю установить святое таинство Евхаристии; но, говоря Своим ученикам так просто и с такою любовию о приготовлении пасхи для Него, Он, конечно, разумел того пасхального агнца, который естественно представлялся уму апостолов, о котором Он говорил им и в прежние годы, которого ели они каждый год и которого есть пришло время и в этот год.

Чтобы слова евангелиста Иоанна согласить с повествованиями прочих евангелистов, надлежало бы, по общеизвестным строгим правилам герменевтики, изъяснять слова его одного словами прочих трех; но как у трех прочих евангелистов не выражено определенно, в какой *именно* день ели пасхального агнца иудеи, то, нимало не извращая ясного смысла их повествований и свидетельств почтенной древности, можно остановиться на изъяснении тех толкователей, которые утверждают, что Иисус Христос вкушал агнца пасхального со Своими учениками вечером в четверг, в 14-й день Нисана и, следовательно, в узаконенное время и предписанным в законе образом, — что первосвященники и фарисеи ели агнца в следующий день, то есть в пятницу, 15 числа, и что, вероятно, большая часть иудеев поступила точно так же.

Мнение это поддерживали уже многие писатели. Но как 14-й день Нисана назначен был законом Божиим для отправления пасхального торжества, а 15-й день для первого торжества *семидневного* праздника, то естественно возникает вопрос: возможно ли, чтобы Иисус Христос вкушал агнца пасхального в четверг, тогда как архиереи и фарисеи ели бы его в пятницу? Некоторые из древних учителей Церкви уже отвечали на этот вопрос так: «Они (иудеи) ели ее на другой день и нарушили закон, чтобы только достигнуть своего желания — умертвить Его. Не Христос преступил время Пасхи, а они, на все дерзающие и поправшие многие законы; потому что весьма кипели гневом, и многократно покушались взять Его, но не могли. Теперь же, захватив Его неожиданно, они предпочли оставить пасху, чтобы только удовлетворить своему кровожадному желанию». Это побуждение отсрочить Пасху едва ли можно допустить во всей строгости. Архиереи и синедрион, которые весьма боялись народа, как мы видим это из многих мест Евангелия, не посмели бы действовать так решительно, тем более что только за несколько дней пред тем, когда Иуда предложил им продать своего Божественного Учителя, они переменили прежде принятое ими решение — не умерщвлять Иисуса в продолжение праздника (Мф. 26: 5, 14–15). Евангелисты также не прошли бы таким решительным молчанием распоряжение архиереев об отсрочке Пасхи для означенной цели.

Есть еще предположение, что по причине многочисленности агнцев пасхальных, которых должно было закалать в преддверии храма, обитате-

ли Иерусалима и собственно так называемой Иудеи, по заведенному обыкновению, ели агнца пасхального, согласно с законом, в 14-й день месяца Нисана, тогда как галилеяне и все прочие израильтяне, пришедшие из иноплеменных стран, ели его в 13-й день вечером. Поэтому-то Иисус Христос, воспитанный в Назарете и проводивший большую часть жизни Своей в Капернауме, вкушал пасху с Своими учениками, которые все были галилеяне, в 13-й день Нисана, сообразуясь, таким образом, с установлением тех, которые, сидя на седалище Моисеевом, ввели это двоякое торжество.

Гораздо более вероятно другое мнение: что четверг, в который Иисус Христос со Своими учениками вкушал агнца пасхального, был в 14-й день Нисана, следовательно, день, определенный законом, но что архиереи и верховный совет, для того, чтобы две субботы (то есть Пасха и субботний день недели), в которые обе запрещалась всякая работа, не следовали непосредственно одна за другою, перенесли праздник Пасхи с пятницы на седьмой день недели – на субботу, то есть с 15-го числа на 16-е, и таким образом навечерие Пасхи, когда ели пасхального агнца, пришлось в пятницу – 15-го числа. Иисус Христос, исполнявший закон во всей точности, не принял никакого участия в этом нововведении. Это объяснение, кажется, очень просто устраняет все затруднения и поставляет слова евангелиста Иоанна в совершенном согласии с словами трех евангелистов. Может быть, следующие слова евангелиста Луки: «Настал день опресноков, в который надлежало закалать пасхального агнца» (Лк. 22:7), – заключают в себе намек на самовольное нововведение недостойных князей израильских. Таким образом, по этому вероятному мнению, Иисус Христос вкушал агнца пасхального, предписанного законом, в четверг вечером, в 14-й день Нисана, в определенное время и предписанным в законе образом, в чем не позволяют нам сомневаться свидетельства трех евангелистов, взятые вместе. Может быть, и другие еще, для которых нововведение архиереев и старейшин было предметом соблазна, ели агнца в тот же самый вечер. Но сами архиереи и старейшины ели пасху в пятницу, 15-го числа, и, вероятно, большая часть иудеев поступила подобно им. По соображению приведенных мест Евангелия от Иоанна с тем обстоятельством, что князья народа проводили этот день в деятельности – именно занимались судебным допросом, где дело шло о жизни или смерти, также переговорами с язычниками, приготовлениями к распятию, которому должен был подвергнуться обвиненный, – по этому соображению оказывается, что в тот день они еще не праздновали Пасху; потому что если бы они праздновали первый день праздника Пасхи, то не стали бы заниматься никаким делом, тем более судом и казнью.

Есть еще обстоятельство, которое заставляет верить, что первый день праздника Пасхи был перенесен иудеями на субботу. Во второй день праз-

дника, то есть, как об этом положительно говорит Иосиф Флавий, 16-го числа Нисана, согласно Божественному установлению, был приносим в храм первый сноп ячменя. Считая от этого дня, праздник Пятидесятницы иудейской приходился в пятидесятый день. По общепринятому преданию, этот праздник в тот год был в первый день недели (воскресенье), так как и воскресение Иисуса Христа из мертвых случилось в этот же день. Но если бы первый сноп ячменя принесен был в седьмой день недели (в субботу), то праздник Пятидесятницы должен был бы падать тоже на седьмой день недели — на день субботний. Следовательно, вторым днем праздника в том году у иудеев была не суббота (16-е число), а первый день недели (17-е число), первым днем праздника — суббота (16-е число), а навечерием Пасхи — пятница (15-е число).

Итак, Спаситель наш Иисус Христос, исполнивший весь ветхий закон и Свою последнюю на земле Пасху совершил законным образом и в установленное время, то есть в четверг вечером — в 14-й день Нисана. Вместе с тем мы не сомневаемся, что Спаситель наш после того, как вкусил пасху в назначенное законом время, умер на кресте в пятницу, именно в ту минуту, когда были закалаемы символические агнцы.

Диакон Кудрявцев.
«Христианское чтение», 1867

Первые три евангелиста, согласуясь с евангелистом Иоанном в том, что днем смерти Господа была пятница (Мф. 27: 62–64; Мк. 15:42; Лк. 23:54; ср. Ин. 19:14), не могут, по-видимому, быть согласны с ним в том, в каком отношении стоял этот день к законному празднику того года: был ли это день самого праздника или день, предшествовавший ему? По повествованиям первых евангелистов, дело как будто так представляется, что день смерти Господа был и днем самого праздника, следовательно, он был 15-е Нисана, а день вечера был, значит, не иной какой, как 14-е Нисана. По Евангелию же от Иоанна дело представляется так, что день смерти Господа — пятница — не был день самого праздника, а только день предшествовавший ему, значит, это был день 14-е Нисана, а вечеря была, следовательно, 13-е Нисана. Вследствие этого три первые евангелиста, начиная говорить о таком времяопределении, формулируют его так: ели «в первый день опресночный», как евангелист Матфей, или «в первый день опресноков, когда закалали пасхального агнца», как евангелист Марк, или просто: «приближался праздник опресноков, называемый Пасха», — как евангелист Лука. Последний же евангелист, начиная говорить о таком времяопределении, формулирует его значительно иначе. Он просто говорит, что это было прежде праздника Пасхи: πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς τοῦ Πάσχα. Разница, конечно, не какая-либо догматическая, но тем не менее она касается такого пункта,

который не может быть не дорог сердцу христианина и который не может не возбудить в нем самого сильного желания устранить такое важное недоумение. Вот почему ни для одного из кажущихся разногласий не было так много попыток к соглашению, как для этого. Но, к сожалению, многие из таких попыток не только не облегчили, а скорее затруднили решение вопроса. Между тем этот вопрос не будет представлять ничего особенно трудного, если мы, руководясь преданием отцов Церкви, будем смотреть на повествования евангелиста Иоанна как на дополнения к повествованиям других евангелистов. Вся трудность окажется только в том, что три первые евангелиста, не определив времени события, возбудили в последнем евангелисте желание определять это время возможно точнее и яснее. Вследствие этого вся разность окажется в том, что первые евангелисты говорили менее определенно, а последний — более. Справедливость такого взгляда откроется тотчас, как скоро мы внимательно сравним хронологические указания первых евангелистов с хронологическими указаниями последнего. Первое из указаний евангелиста Иоанна заключается в самом начале повествования его о вечери. Πρὸ δὲ τῆς ἑορτῆς τοῦ Πάσχα. «Прежде праздника Пасхи». Это указание хотя и не принадлежит к числу самых точных, тем не менее оно прямо говорит, что вечеря была не 14 Нисана. Не на праздник Опресноков указывает он, а на праздник Пасхи. Но так как у иудеев праздником Пасхи назывался собственно тот день, в вечер которого вкушаем был агнец пасхальный, то выражение евангелиста «прежде праздника Пасхи» не иное что может означать, как только то, что вечеря была совершена накануне, то есть 13-го числа.

Второе хронологическое указание евангелиста Иоанна гораздо яснее, чем предыдущее. Во время вечери Господь, обличив Иуду в намерении предательства, говорит ему: *Еже твориши, сотвори скоро. Сего же никтоже разуме от возлежащих, к чесому рече ему. Нецыи же мняху, понеже ковчежец имяше Иуда, яко глаголет ему Иисус: купи еже требуем на праздник* (13: 27–29). Выражение «на праздник» в сравнении с 1 стихом этой главы не иначе можно понять, как к празднику Пасхи. Следовательно, этот последний предполагается еще ненаступившим. Далее: если бы эти слова произнесены были на вечери 14 Нисана, то немыслимое дело, чтобы апостолы пришли к предположению о какой-либо покупке в это время даже таких предметов, какие раздавались бедным. Та праздничная ночь, в которую совершалась пасхальная вечеря, считалась временем самым священным, и считалось совершенно незаконным в эту принадлежавшую субботнему праздничному дню ночь совершать какую-либо покупку. Особенно немыслимо, чтобы отцы семейств, долженствовавшие участвовать со своими домочадцами в пасхальной вечери, оставили свои семейства и занимались делами в лавках. Напротив, все это будет очень натурально, если мы примем, что

апостолы высказанное предположение выразили в ночи с 13-го на 14 Нисана. В это время действительно купеческий класс в тех видах, чтобы на другой день пораньше окончить свою деятельность, занимался делами долее обыкновенного.

Третье указание евангелиста на день совершения пасхальной вечери заключается в указании евангелистом той причины, по которой иудеи не вошли в претор, находившийся в доме Пилата-язычника. Эта причина была та, чтобы им не оскверниться, но есть пасху. Здесь как под словом «пасха» нельзя понимать семидневную жертвенную пищу, или так называемую «хагига», так и под осквернением нельзя понимать того обычного осквернения, которое продолжалось до конца дня. Нельзя понимать слово «пасха» в смысла широком потому, что здесь употреблен член: τὸ Πάσχα, а по библейскому словоупотреблению член употребляется только в тех местах, где говорится собственно об агнце пасхальном; когда же идет дело о жертвах пасхальных вообще, то член опускается (Числ. 28: 19–24; Втор. 16: 1–3). Точно так же и под осквернением нельзя понимать того осквернения, которое продолжалось будто бы до конца дня и которое не имело будто бы отношения к агнцу пасхальному, употребление которого начиналось уже вечером, относящимся к другому дню. Прежде всего очень невероятно то обстоятельство, чтобы иудеи, находившиеся во время жизни Спасителя в постоянном обращении с язычниками, считали такое обращение вообще нечистым. Но если они, как сказано здесь, опасались осквернения, то это не иначе, как только пред началом той важной трапезы, которая предстояла для них вечером. Очевидно, только в это время они и могли опасаться таких ничтожных осквернений, как обращение с язычником. Ко всему этому ученый Моверс прибавляет, что если бы здесь разумелся не агнец пасхальный, а обычная хагига, то члены синедриона как занимавшиеся в тот день осуждением Иисуса не могли по законам вкушать ее. Он ссылается далее на Талмуд и говорит, что в 15 Нисана не было обязательно приносить жертву, и следовательно, члены синедриона не могли страшиться лишения такой пищи, которой, в сущности, не могло и быть. Значит, нужно необходимо принять, что под словом «пасха» евангелист понимал употребление агнца пасхального, и опасение иудеев было опасение лишения этого последнего.

Самое ясное указание евангелиста на день совершение вечери заключается в тех местах, где евангелист день распятия Господа называет «пятницею» παρασκευὴ τοῦ Πάσχα· *иудеи же, понеже пяток бе, да не останут на кресте телеса в субботу, бе бо велик день тоя субботы*. Здесь под словом «пятница» нельзя понимать пятницу праздника Пасхи, но пятницу пред Пасхою, в которую вечером должно было вкушать пасхального агнца. Такое понимание имеет следующие основания: 1) хотя слово παρασκευὴ употреблялось иногда для обозначения дня пред субботой, но в Новом Завете везде, где только упот-

ребляется это слово, везде употребляется для обозначения покоя, предшествовавшего субботнему дню. Так, нельзя понимать παρασκευή как день пятницы в том месте, где евангелист говорит, что погребавшие положили Иисуса в ближайшем гробе по причине пятницы иудейской. Точно такое же значение имеет это название и у других евангелистов (Лк. 23:54; Мк. 15:42). 2) Если бы слово παρασκευή означало день недели, то была бы совершенно излишняя приставка τοῦ Πάσχα; в таком случае нужно бы было прибавить не τοῦ Πάσχα, а τοῦ σαββάτου или просто употребить παρασκευή без всякой приставки. 3) Если бы событие распятия случилось 15 Нисана, в самый день праздника, который праздновался в том году в пятницу, то обозначение следовавшей за этим днем субботы никак не могло бы быть такое, какое евангелист ей дает. Ее никак нельзя бы было назвать великим днем. Все дни, находившееся между первым и последним днем праздника, назывались малыми днями. Днем же великим назывался только первый и последний день праздника. Такое название встречается в самом Евангелии. Так, говоря о пребывании Иисуса на последнем дне праздника Кущей, евангелист выражается так: «В последний великий день праздника» (Ин. 7:37). Следовательно, с полною уверенностью можно принять, что если евангелист называет субботу великим днем, то называет потому, что к обыкновенному празднику субботы присоединился еще другой, именно — праздник Пасхи: *бе бо велик день тоя субботы.* Значит, можно принять, что события распятия происходили 14 Нисана, а последняя вечеря — 13 Нисана.

Если сопоставим с этими точными и определенными данными указания на день вечери трех первых евангелистов, то эти последние не только уступят первым по своей численности, но и по своей определенности. Указания евангелистов находятся в одном только месте, где начинают они говорить о вечери, и притом такие, которые и сами по себе недовольно определенны, да и в других местах находят себе противоречие. Говоря о дне последней вечери, первые три евангелиста выражаются так: «В первый день опресноков» (τῇ δὲ πρώτῃ τῶν ἀζύμων — Мф. 26:17). «В первый день опресноков, когда закалали пасхального агнца» (καὶ τῇ πρώτῃ ἡμέρᾳ τῶν ἀζύμων ὅτε τὸ Πάσχα ἔθυον – Мк. 14:12), «Настал праздник опресноков, в который должно было закалать пасхального агнца» (ἦλθε δὲ ἡ ἡμέρα τῶν ἀζύμων, ἐν ᾗ ἔδει θύεσθαι τὸ Πάσχα Лк. 22:7). Сопоставляя эти три указания, нельзя не заметить, как каждый из евангелистов, сознавая недостаточность выражения своих предшественников, старался уяснить другого. Евангелист Матфей, сказав, что вечеря происходила в день опресноков, употребил такое выражение, которое давало повод думать, что она происходила 15-го Нисана, когда начинался собственно праздник опресноков. Вследствие этого евангелист Марк счел нужным отдалить это время по крайней мере на день назад и потому прибавил: «Когда закалали пасхального агнца». Евангелист Лука заметил, что и

это отклонение, сделанное ближайшим его предшественником, недостаточно, и потому счел нужным еще более ограничить это время и выразился так: «Прииде же день опресноков», то есть только приблизился еще. Таким образом, довольно прямо выраженное указание первого евангелиста было постепенно более и более обобщаемо и, так сказать, отклоняемо от того смысла, который мог заключаться в словах первого евангелиста. Уже из этого постепенного уяснения достаточно можно видеть, что выражение πρώτη не имеет в себе определенного указания на какое-либо время, но это заключение может еще найти для себя поддержку в словоупотреблении. Определенное указание на первые день недели, по изъяснению древних греческих толкователей, никогда не производится чрез слово «πρώτη», но всегда или по большей части чрез слово «μία». Так, сами первые евангелисты, когда говорили о первом дне недели, в который Христос воскрес, то употребили слово не «πρώτη», а «μία» (Мф. 28:1; Мк. 16:2; Лк. 24:1; Ин. 20:1). Следовательно, если три первые евангелиста употребили для обозначения дня вечери слово «πρώτη», а не «μία», то, очевидно, хотели указать на время менее определенное. По объяснению святого Иоанна Златоуста, блаженного Феофилакта и Евфимия Зигабена, днем опресноков евангелисты называют день, предшествовавший празднику Опресноков, в который вечером иудеи должны были есть по закону пасху с опресноками. Но как иудеи, говорят они, имели обычай считать дни с вечера, то и день, предшествовавший этому дню, они называли первым днем опресноков. Из всего сказанного следует, что указания первых евангелистов, как указания мало определенные, нимало не противоречат точным указаниям евангелиста Иоанна. Такое заключение можно подтвердить и другими обстоятельствами. Посылая учеников для приготовления комнаты, где должна быть вечеря, Господь велит им сказать такому-то: *Учитель глаголет: время Мое близ есть: у тебе сотворю пасху со ученики Моими* (Мф. 26:18). Такое заявление о близости времени было бы решительно непонятно, если бы Господь хотел совершить вечерю в законное для иудеев время. В этом последнем случае было бы достаточно указать только на желание учителя совершить пасху, и тот, к кому была обращена речь, вполне бы понял, зачем нужна была такая комната. Есть и еще обстоятельство довольно замечательное. Евангелисты Марк и Лука говорят о возвращении с поля Симона Киринейского, которому иудеи поручили нести крест за Иисусом. Такое возвращение с поля, очевидно, предполагало занятие полевыми работами, которое было бы немыслимо, если бы день распятия был день праздника, исключающий всякого рода деятельность. Представленное нами сопоставление хронологических указаний приводит к несомненному заключению, что разногласия между повествованиями никакого нет, что и первые евангелисты говорят о том же самом дне, как и евангелист Иоанн, только менее определенно, чем этот последний.

При этом рождается только один вопрос, решение которого хотя и не относится прямо к нашему исследованию, но который нельзя обойти молчанием. Вопрос этот состоит в том, по какому же случаю Господь Иисус совершал пасху ранее обыкновенного? Из всех решений этого вопроса самое вероятное, кажется, то, какое дает ученый Гуг и которое, по его собственным словам, было результатом его близкого знакомства с делом. Он говорит, что иудеи после плена Вавилонского, сделавшись много религиознее, начали обременять себя обычаями, для которых не было даже указания в законе Моисея. Так, они не довольствовались празднованием тех дней, которые предписывались Моисеем, но хотели праздновать даже и те, которые им предшествовали. При этом он ссылается на эдикт Августа, где есть уже речь о днях, предшествовавших праздникам, и на талмудические места. Следствием этого, говорит он, было то, что удаление кислых хлебов пред Пасхою, особенно в Галилее, совершалось не только в день, предшествовавший празднику, но даже накануне его, то есть в 13 Нисана. На основании такого мало-помалу образовавшегося взгляда на праздники и в Иерусалиме приготовление агнца пасхального не было безусловно необходимым только в четырнадцатый день. По крайней мере можно полагать, что это дозволено было в отношении к галилеянам, более ревновавшим о днях предпраздничных. К тому же такое дозволение могло служить большим облегчением для служащих в храме. Заклание 256 000 агнцев в течение нескольких часов было бы слишком обременительно, если бы не дозволялось галилеянам более раннее употребление пасхальных агнцев. Очень неудивительно, что Господь воспользовался этим обычаем галилеян и совершил ветхозаветную пасху ранее обыкновенного, а Сам, как истинный Агнец, долженствовавший заменить прообраз, пострадал 14 Нисана, в день законного празднования Пасхи.

Омовение ног на Тайной Вечери (Ин. 13: 1–17)

Берсье. «Православное обозрение», 1888

Пред праздником Пасхи, Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих, сущих в мире, до конца возлюбил их. И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его, Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: «Господи, Тебе ли умывать ноги мои?» Иисус сказал ему в ответ: «Что Я делаю теперь, ты не знаешь, а уразумеешь после». Петр говорит Ему: «Не умоешь

ног моих вовек». Иисус отвечал ему: «Если не умою тебя, не будешь иметь части со Мною». Симон Петр говорит Ему: «Господи! Не только ноги мои, но и руки к голову». Иисус говорит ему: «Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все». Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все чисты. Когда же умыл им ноги и надев одежду Свою, то возлегши опять сказал им: «Знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы в вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете» (Ин. 13: 1–17).

«Возлюбив Своих сущих в мире, Он возлюбил их до конца». *До конца*, то есть до последнего часа, когда становится ясным, в чем заключается истинный смысл жизни, когда все мнимое изглаживается и исчезает; *до конца*, то есть до момента несказанных страданий, до момента смертной муки на Голгофе, на том кресте, где видел Его святой Иоанн, преклоняясь пред милосердием, приносящим себя в жертву за спасение людей.

Иисус хочет еще раз засвидетельствовать эту любовь к Своим ученикам делом, воспоминание о котором навеки запечатлеется в их памяти. В этом действии Он хочет дать образ той идеи, которая проникла все Его служение, — идеи добровольного смирения, ради которой Он отдал Себя человечеству. Вместе с тем Он хочет показать Своим ученикам, заводящим споры о первом месте в грядущем Царствии, что высшее величие заключается в смирении. Вот почему Он снимает с Себя верхнюю одежду и, как раб, в одном хитоне берет полотенце, Сам опоясывается им и опускается на колена, чтобы умыть ноги Своим ученикам.

«Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери... и начал умывать ноги ученикам»... Какое странное сближение! Неужели же Иисус Христос доходит до такой степени смирения именно потому, что знает, что Он от Бога исходит и к Богу отходит? Да, так и должно быть: между этою мыслью и этим действием существует глубокая внутренняя связь. Чем истинно возвышеннее душа человека, тем более доступно ему смирение. Какое же значение имеют для Иисуса, стоящего на безмерной высоте, куда возвела Его воля Отца, все наши жалкие различия в общественном положении, наше ложное величие и наши условные порядки? Какое значение в Его словах имеет наше тщеславие, наше мелкое соперничество, наша борьба себялюбия и гордости? Какое значение имеет людское порицание или презрение в глазах Того, Кто обладает одобрением Божием? Какое значение имеют все земные унижения для Того, Кто вкусил небесной славы?

О, жалкие поклонники земной славы! Познайте пред лицом коленопреклоненного Спасителя величие унижающего себя милосердия! Воззрите на Него, Господа господствующих, исполняющего обязанность раба, самого презренного раба, ибо на Востоке самый последний из рабов умывает ноги возлежащих за столом. Сравните с этим зрелищем ложное величие эгоизма, хотя бы и наиболее блестящее и прославленное, — как оно бледнеет и умаляется перед этим высоким самоотвержением! Вот на что захотел Иисус Христос указать свету, вот чего до Него не ведал древний мир, не умевший выразить ни на одном из своих языков слова «смирение». Вспомним, кроме того, что, подвергаясь такому унижению, Иисус Христос возвысил человечество. Без сомнения, и до Него совершались поступки, сходные с Его поступком; так, например, в Индии Будда — может быть, самая благородная и симпатичная личность языческого мира — делил лохмотья и жалкие одры нищих и больных. Но, рассмотревши внимательнее его действия, мы тотчас заметим, что, поступая таким образом, Будда стремился только выполнить требования крайнего аскетизма, чтобы очиститься незаслуженными страданиями. Какая разница между таким стремлением и чувством, воодушевлявшим Иисуса Христа! С того дня, когда в «высокой и устланной горнице» Христос преклонил колена, чтобы исполнить обязанность раба, — раб возвысился, ибо как бы низко ни ставило его людское презрение, он знал, что некогда Сам Спаситель был товарищем его позора и скорби.

Изумление, произведенное этим необычайным поступком, так велико, что апостолы молчат как бы в оцепенении. Лишь один из них не может одержать охватившего его волнения, это — Петр, человек, легко поддающийся первому впечатлению. Во всех таких случаях он первый нарушает молчание. Однажды, когда апостолы колебались ответить на вопрос Иисуса Христа, он первый воскликнул: «Ты — Христос, Сын Бога живого!» В другой раз он же сказал пред удаляющейся от Христа толпой: «Господи! К кому нам идти, как не к Тебе?» — и на этот раз он не может быть молчаливым зрителем смущающего его зрелища и восклицает: «Господи, Тебе ли умывать мои ноги?»

Тогда Иисус отвечает ему известными словами, столько раз уже повторявшимися и столько раз останавливавшими ропот, готовый слететь с уст сомневающихся и колеблющихся. «Что Я делаю теперь, ты не знаешь, а уразумеешь после». Ты не знаешь! Да и как бы мог понять Его Петр, мечтавший о близости царства, готовящегося его Учителю, Петр, мысленно созерцавший, что Иерусалим уже покорен власти Мессии-победителя, Его враги истреблены и царство Его утверждается среди народов, Петр, сердце которого трепещет в ожидании, что вот-вот, через несколько дней, осуществятся все его грезы? Позже он поймет, позже узнает он, что есть иное Царство, кроме того, о котором он мечтал, иной венец, иная победа: крест покажет

ему, к какому торжеству стремился его Учитель, и то унижение, которое теперь смущает его, станет в его глазах вечным напоминанием о том, что и ему, подобно Учителю, следуете искать в смирении свое истинное величие.

Слова Иисуса Петру относятся также ко всем нам, и мы должны уразуметь их. «Ты не знаешь теперь, что Я делаю», — так может сказать Господь каждому, ропщущему на постигающее его несчастие. Предначертания Божии стоят выше нашего понимания; даже в самом жалком существовании кроются тайны, сбивающие с толку наш бедный разум. Объясните мне, например, почему прерывается прекрасная и полезная жизнь, между тем как столько бесполезных существ остаются влачить свою жалкую жизнь в страдании? Объясните мне, почему испытание часто обрушивается на самых благочестивых людей и, по-видимому, щадит тех, надменность которых оно могло бы смирить своими ударами? Объясните мне все, что кажется нам роковым в природе и истории! Почему, например, нежно любимый ребенок, окруженный попечениями благочестивых родителей, идет по пути зла с того самого времени, как только может располагать самим собою, и рано погружается в пропасть порока, огорчая и даже сводя в могилу седины старика отца? Объясните мне все несправедливости, все незаслуженные страдания, объясните мне, почему столько тысяч существ осуждены на рождение и жизнь среди нищеты и позора! О, мы рассуждаем об этом, мы одеваем эти скорби в жалкие лохмотья нашей философии, но разве это значит найти объяснение? Да и само Евангелие — вполне ли объясняет оно нам все это?

И все-таки, склоняя голову перед неисповедимостью путей Господних, мы далеки от фатализма; наша покорность — не тупое и нелепое предание себя на волю рока без надежды и утешения. Боже мой, как, должно быть, ужасно склонять голову перед слепою необходимостью! «Вы здесь ровно ничего не поделаете», — говорят нам в обычное утешение светские люди и полагают, что убедили нас такой перифразой фаталистического принципа. Мы ничего не можем сделать! Да разве вы не видите, что в этом-то именно и заключается то, что усиливает и раздражает скорбь? Сознавать свое бессилие, сознавать, что мир движется по пути роковой необходимости и что природа, сокрушая нас своими стихийными силами, не разумнее и не ответственнее простой машины, бесстрастной ко всем слезным мольбам возвратить жизнь человеку, измолотому в сцеплении ее зубчатых колес! Нечего сказать, хорошо утешение! О, в тысячу раз лучше бороться до конца и умереть с воплем гнева на устах, чем покориться и жить при таком ходе вещей! Нет, мы не фаталисты. Когда, отказываясь понять свою судьбу, мы смиренно склоняем голову, то мы преклоняемся пред волей Отца. Отец говорит нам: «Что Я делаю теперь, ты не знаешь», — Отец, и этого нам довольно. Что удивительного в том, что Его намере-

ния не согласуются с нашими? Что удивительного в том, что мы не можем постичь их? Разве мы обладаем взором Всевышнего или мерой Его? Разве солдат должен идти в битву лишь в том случае, если полководец разъяснит ему план сражения, или каменщик должен закладывать стену лишь в том случае, когда архитектор покажет ему чертеж постройки? Разве мы, бренные существа со взором омраченным грехом, должны повиноваться только в том случае, если видим цели путей Предвечного? Нет, нам нужно смиренно преклонить голову и припомнить слова: «Что Я делаю, не знаешь теперь».

Но если мы не знаем этого сегодня, мы можем познать это завтра. «Ты уразумеешь после», – сказал Иисус Христос. Эти слова стали уже для нас истиной, подтверждаемой опытом. Сколько темных страниц нашей жизни стали нам понятны лишь тогда, когда мы пробегали их по истечении многих лет, подобно древним иероглифическим надписям, остававшимся неразобранными в течение тридцати или сорока столетий и вдруг получившим смысл, потому что было найдено одно какое-нибудь слово, давшее ключ к их разгадке! Вы жаловались на свои неудачи, на несбывшиеся надежды, на расстроенные планы, на испытания, постигавшие вас; вы обвиняли свою злую судьбу, вы упрекали, может быть, Бога, — и вот во всех этих испытаниях заключалось ваше благо. Этого, конечно, вам было достаточно, чтобы смириться и обратиться к Богу. Вы роптали на то, что Он преграждает вам пути, на которые с жаром бросались другие, более счастливые, и вы не ведали, что это делалось для того, чтобы направить вас на единственный путь, могущий вас спасти и привести ко Господу. Но теперь вы знаете это и вместе с Давидом можете сказать: «Я заблуждался, пока Ты не поразил меня, ныне же я соблюдаю слово Твое», теперь вместо жалобы вы творите дела милосердия, и ропот ваш перешел в благословение.

Последнее, окончательное объяснение будет дано нам за пределами этого мира. Бог оправдает некогда пути Свои, все тайное станет явным, и Божественная премудрость воссияет своим чистым сиянием. Тогда мы узнаем причины всех этих беспорядков, смут, несправедливостей и торжества зла, смущающих ныне нашу веру. Пусть ночь темна и холодна, но мы видим уже, что на горизонте брезжит свет. Свет! Как сладостно это слово тому, кого объемлют дикие призраки ночи; свет — после вековой скорби страдающего в мрачной борьбе человечества, свет после ночной тьмы, в которой тысячи поколений влачат свое жалкое и скорбное существование, свет с его кротким сиянием и благотворным теплом, свет, открывающей нашему взору безграничные горизонты неба, свет, призывавшийся всеми праведниками, которых не могла удовлетворить земля, свет, к которому обращали свои взоры пред смертью все провозвестники истины, — этот свет озарит некогда и нас своим безграничным сиянием!

Но Петр не внемлет тому, что ему говорит Учитель; всецело поглощенный своей мыслью, он упорствует в своем намерении и восклицает: «Не умоешь ног моих вовек».

Все мы сказали бы то же, что и апостол Петр, увлекшись подобным чувством сознания своей ничтожности. Чтобы он допустил склониться перед собой на колени своего Учителя, — нет, это для него невозможно; и сердце и разум возмущаются, — он никогда не согласится на это. Но его — ложное смирение. Истинное смирение ученика состоит прежде всего в том, чтобы исполнять волю учителя.

«Не умоешь ног моих вовек!» — говорит Петр, и Иисус строго отвечает ему: «Если не умою тебя, не будешь иметь части со Мною». Здесь мысль Учителя сразу возносится в более высшую сферу, как это нередко можно заметить в Его беседах. До сих пор, умывая ноги Своим ученикам, Он хотел только дать им урок смирения; но сопротивление Петра привело Его к мысли об ином духовном омовении: об искуплении душ человеческих крестною смертью. «Если не умою тебя»... Все мы должны быть омыты Иисусом Христом. Вникнем в самих себя: настолько ли чиста наша жизнь, чтобы выдержать испытующий взор Бога живого? Можем ли мы так, как мы есть, взойти на небо Его и причастием Его причаститься? Будем помнить, что спасение лишь там, где царствует Божественная правда со всеми ее правами, где предлежит оправдание нашей необузданности, где Божественный Представитель человечества освятил Своими страданиями закон праведности. Будем помнить, что только в единении посредством веры со святою жертвою, принесенной во имя грешного человечества мы можем быть помилованы и очищены: «Если Я не умою тебя, не будешь иметь части со Мною».

Петр еще не понимает глубокого смысла этих слов, но того, что он слышит, довольно, чтобы поразить и устрашить его. И вот, несдержанный как в сопротивлении, так и в раскаянии, он восклицает: «Не только ноги, но и руки, и голову».

Кто не поймет этого вопля сердца его? Вот уже три года, как он слушает слово Его, видит дела Его и разделяет мысли Его. Не иметь с Ним части — эта мысль ужасает его. Да и куда пойдет он теперь, узнав Иисуса Христа? Что может дать ему мир вместо того, что он нашел у Него? Отвечайте вы, вероломные ученики, далеко отстоящие теперь от Учителя и опускающиеся все ниже и ниже, как по наклонной плоскости, на конце которой вам уже нельзя будет вовеки возвратиться к Нему, — отвечайте, может ли дать вам мир что-либо равнозначащее с тем, чем вы обладали у Иисуса Христа? Какой свет он может дать вам, какую радость, какое утешение, какую любовь? О, вы это прекрасно знаете и никогда об этом не забудете. Если кто пребывал в свете Его, если кто видел небо отверстым, если кто вкусил этого внутреннего мира и Божественной надежды, если

кто познал эту ни с чем земным не сравнимую любовь, если кто проникся в душе этим милосердием без малейшей примеси себялюбия, то все остальное покажется ему бездушным и ничтожным. Да, понятно восклицание апостола: «Господи, не только ноги, но и руки и голову».

Ответ Иисуса Христа сначала трудно понять, но тому, кто проник в его смысл, ясно, что даже в Евангелии немного сравнительно равных ему глубоко отрадных и благотворных слов. «Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь». Разъясним сравнение, выраженное нашим Спасителем, и поучительный смысл его скажется сам собою.

Когда путник, утомленный долгой дорогой, задыхающийся, палимый жгучим солнцем Востока и покрытый едкою пылью пустыни, заметит при дороге источник чистой воды, — тогда он ускоряет шаг, прибегает на берег реки, с наслаждением погружается в волны ее и выходит из них уже освеженным и омытым. Омытым, да, но едва он опять пустится в путь, как пустынная пыль снова загрязняет его ноги, и, придя под ожидавшую его кровлю, ему следует умыть их, чтобы быть вполне чистым. Это — образ, и заключающаяся в нем идея такова.

Когда человек, идущий обычной мирскою стезею и сознающий, как зло охватывает мало-помалу все его существо, встретит на пути своем Бога спасающего и милующего, когда он устремит на Него взор, полный веры и смиренного раскаяния, моля Его о прощении, тогда он вдруг почувствует, как в сердце его нисходит слово верховной милости; тогда он прощен, прощен вполне, тогда все прошлое его изглаживается, все обновляется, и жизнь его начинается вновь. Сам Иисус Христос говорит, что ему более ничего не нужно, то есть что его помилование стало действительно совершившимся фактом, не зависящим более от движений его сердца, его покаяний и слез, что доступ к Богу ему открыт и что отныне он может вступить с Ним в отношения, выражаемые чувствами сыновней доверчивости и любви. Но проследите за этим прощенным христианином, ощущающим в душе своей такое блаженство, какого не ведают сами ангелы, и изливающим у подножия креста сердце свое, переполненное признательностью, — проследите за ним: едва ступит он несколько шагов по житейской дороге, как грех уже настигнет его. Да, этот ненавистный ему грех еще не раз постигнет его; да, земной прах еще не раз пристанет к стопам его. Он был очищен, но для него необходимо, чтобы то самое милосердие, которое изгладило его прошлые поступки, изо дня в день бодрствовало над ним, отпуская ему его мелкие грехи, колебания и слабости, от которых не свободны даже истинные христиане; ему необходимо — употребляя сравнение Иисуса Христа, — чтобы ноги его, касающиеся праха земного, были ежедневно умываемы, и тогда он будет чист вполне. Такова мысль, заключающаяся в словах Спасителя апостолу Петру, и в Евангелии — это одна из наиболее утешительных мыслей.

«И вы чисты»... В ту минуту, как Иисус произносил эти слова, глубоко печальная мысль сжала сердце Его. «И вы чисты, – говорит Он и добавляет, – но не все»... Здесь был Иуда Искариот.

Итак, в этот последний прощальный час задушевных излияний, в тот час, когда Сын Человеческий готовился в общении Своих учеников к борьбе этой плачевной ночи, — Он должен был сносить присутствие предателя. Рядом с высшим проявлением величайшего милосердия проявился и дух зла в самой отвратительной и ненавистной форме. Здесь был Иуда.

Из этого можно вывести следующее: часто приходится встречать христиан, поколебавшихся в вере и дошедших чуть не до атеизма вследствие соблазнов, смут и расколов, удручающих Церковь. Если послушать их, то выйдет, что Бог не заботится уже о Своих предначертаниях, потому что дозволяет злу одерживать такие победы. «Кто возвратит нам, — восклицают они, — Церковь древних дней?» Церковь древних дней! Но где же искать ее? Конечно, не во времена Реформации, ибо ужасная борьба и великие смуты раздирали ее; и не во времена средних веков. Или, может быть, ее следует искать во времена апостольские? Но чтобы смотреть на Церковь этого времени как на идеал Церкви по ее членам следует вычеркнуть все послания апостола Павла и забыть о всех расколах и соблазнах, раздиравших душу его. Может быть, надо идти еще выше? Хорошо. Вот перед вами Церковь в том виде, как ее основал Сам Иисус Христос, Церковь, состоящая из избранных и призванных Им Самим апостолов, одним словом, Церковь Тайной Вечери. И что же? Среди нее был Иуда, Иуда, один из двенадцати... И тем не менее, там был Сам Христос, и с Ним спасение мира и все его грядущее. По какому же праву вы отчаиваетесь в нынешней Церкви? По какому праву утверждаете вы, что Глава ее покинул ее?

Там был Иуда... Приходило ли вам когда-нибудь на мысль, что Иисус Христос преклонял колени пред Иудой, что Иисус Христос умывал ноги Иуде?

Перед таким ужасным зрелищем невольно помутятся мысли, и невольно воскликнешь: это уже слишком! слишком! О, наше мелочное сердце неспособно постигнуть всю глубину Божественного милосердия! Иисус Христос снизошел до этого: Он устремил на предателя последний взгляд, последний призыв немой мольбы, и Своими безгрешными руками умыл ему ноги.

Иисус оставил нам пример. Мы призваны делать добро всем, не только тем, кто нас любит, но и тем, кто нас ненавидит; не только тем, кого мы любим по чувству симпатии, но и тем, кто не нравится нам, кто противен нам. Как тяготит нас эта обязанность, с каким отвращением мы исполняем ее! Идет ли дело о помощи бедным – с нас довольно заметить в них какую-либо порочную привычку, какую-нибудь хитрость или ложь, чтобы отказаться от исполнения долга. Мы не хотим даже допустить, что крайняя нищета уничижает душу, что она ведет к тяжким искушениям, и мы

сами бы поддались им, если бы были подвергнуты такому испытанию. Нам нужно каких-то идеальных бедных, нищета которых не уничтожила в них ни величия души, ни возвышенности, ни благородства побуждений, чтобы мы пришли к ним на помощь. Вследствие нашей изнеженности нам претит прикоснуться к нравственным язвам, и вот мы безжалостно прогоняем нищих жестоким и горьким словом, чтобы не быть фарисеями, – ибо разве это не фарисейство – дрожать от отвращения при одном прикосновении мытарю, – будем брать пример с нашего Спасителя, склонявшего колено перед Иудой.

И это был Святой и Праведный, и зло никогда не касалось души Его, а мы... у всех нас есть своя тайная повесть, повесть дурных склонностей, вожделений и скрытых страстей. Между теми несчастными, которым мы должны помогать, и нами разница только в степени, а не в существе. Кроме того, и там мы редко сталкивались с обдуманным, черным предательством. Мы сами могли бы быть такими же, как они, но Бог сохранил нас от этого, вот и все. Иисус же был воплощением святости, а Иуда... Иуда был Иуда.

Когда же научимся мы любить? Когда же мы будем милосердны милосердием смиряющимся, всё выносящим и уповающим? Когда же мы, существующие лишь по милости Божией, запечатлеем в своей памяти, что Господь, Которому мы служим, умывал ноги Иуде?

Иисус, окончив омовение ног и обратившись к Своим ученикам, сказал им: «Вы называете Меня Учителем и Господом и правильно говорите, ибо Я точно то». Кто не чувствует Божественной власти и силы, звучащей в этих словах, кто не видит на них печати невыразимого никаким красноречием величия, тот никогда не поймет ни что такое красота, ни что такое величие! «Вы называете Меня Учителем и Господом... Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу».

Протекли года, изменились обычаи; но поучительный пример стоит пред нашими глазами, указывая нам, что истинное величие достигается сердобольным унижением... Смирение... Как легко произнести и как трудно выполнить это слово, как трудно пренебречь суетной славой, честолюбивыми мечтами, всем, что велико в глазах людей, но мало и скудно пред Господом, и избрать себе иной удел, может быть, даже удел отречения и жертвы! Какие усилия, какая победа и как все это противоречит нашим обыденным рассудочным умствованиям! Да, наше воображение может на минуту стремиться к этому идеалу, но осуществить его, но пойти по этому пути и видеть в нем свое назначение и блаженство, – это чудо, недоступное для человеческой силы, и свершить его может только Бог. Господи, сверши же его! Боже Всемогущий, осуществи этот идеал в сердцах наших и просвети помраченные гордостью очи наши чистым и Божественным сиянием смиренного милосердия!

Умовение ног на Востоке.
И вы должны умывать ноги друг другу (Ин. 13:14)

«Воскресное чтение», 1874

Обыкновенную обувь древних восточных народов составляли сандалии – род подошв из толстой, чаще козьей, кожи, или из пальмовых листьев, прикреплявшихся к ступне ремнями. Делалось это для предохранения ног от солнечного зноя, до того раскаляющего песок, что путешествие босыми ногами в тех странах невозможно. Отсюда понятно, что умовение ног на Востоке составляет необходимость, освежающее средство. И потому умовение ног гостю и его спутникам считалось и считается первою обязанностью гостеприимства.

Обычай этот встречается еще в глубокой древности. В книге Бытия говорится, что Авраам, увидев около своей палатки трех путников, обратился к одному из них и сказал: *Господи, аще убо обретох благодать пред Тобою, не мини раба Твоего. Да принесется вода, и омоются ноги ваши, и прохладитеся под древом* (Быт. 18: 3–4).

Когда два ангела пришли в Содом, увидел их Лот и пригласил к себе в дом: *Се, господие, уклонитеся в дом раба вашего, и почийте, и омыйте ноги ваша* (Быт. 19:2). Когда слуга Авраама, отправившийся искать невесту для Исаака, стоял у колодезя, то Лаван пригласил его к себе в дом: *Вниди, благословенный от Господа! И вниде человек в дом, и разседла верблюды, и даде плевы и сено верблюдом, и воду умыти нозе его, и ноги мужем, иже бяху с ним* (Быт. 24: 31–32).

Припомним историю Иосифа. Когда братья привезли к нему Вениамина, он пригласил их, чрез своего домоправителя, обедать с собою: *и введе человек мужи в дом Иосифов и принесе воду омыти нозе им* (Быт. 43:17–24). Несоблюдение обычая умовения ног считалось признаком презрения, невнимания к гостю и невежества хозяина. Когда Спаситель пришел в дом Симона-фарисея, последний не позаботился исполнить эту обязанность гостеприимства. Пока Спаситель сидел в доме, вошла бедная грешница. «Ставши позади у ног Его и плача, она начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей» (Лк. 7:38). Зная эту женщину за великую грешницу, Симон удивлялся, почему Спаситель не прогонит ее от Себя. Спаситель отвечал ему: «Видишь ли ты сию женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла» (Лк. 7:44).

Умовение ног возлагалось обыкновенно на обязанность прислуги. Но Спаситель накануне Своей смерти Сам умыл ноги ученикам, чтобы показать им пример смирения и всегдашней готовности исполнять самые незначительные обязанности любви к другим. «Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу» (Ин. 13:14).

Этот древний обычай соблюдается на Востоке и доныне. Его исполняют не только иноверцы, но и христиане, живущие там. Да и мы, живущие в другом климате, можем и должны исполнять его. Ласковое слово и доброе дело такое же освежительное средство для скорбящего сердца, какое холодная вода для ног усталого путника.

О умовении ног апостолам

Прп. Нил Подвижник

Почему Господь только ноги, а не другой какой-нибудь член омыл у учеников? Чрез это Он не ноги от нечистоты очистил, но сообщил апостолам Божественную силу. Поелику змею было сказано: ты будешь блюсти пяту человека (Быт. 3:15), то есть весь образ жизни; то Господь омыл ноги учеников в ознаменование очищения духовных ног. Почему Он и говорит: *Даю вам власть наступати на змию и скорпию и на всю силу вражию* (Лк. 10:19), а Исаия сказал: *Коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих блага* (Ис. 52:7). Апостолы Христовы, прошедши весь мир, действительно разрушили диавольскую брань, утвердили всюду мир и благовествовали нам блага небесные.

Господь касался ног апостольских, дабы укрепить земные и слабые ноги, имеющие пройти всю вселенную; брался великий врач за пяту, на которую вначале изречен был суд, дабы не дать господствовать яду духовного змия. Посему пята, укрепленная прикосновением рук Господних, попрала сатану, соблазнявшего вначале прародителей, и таким образом исполнилось предсказание Деворы-пророчицы: *Поперет его душа моя сильная* (Суд. 5:21), и Давида, который, воспевая победную песнь, воскликнул: *Падут под ногама моима, яко брение путий поглажду я* (Пс. 17: 39, 43). *Се даю вам власть*, сказал Господь, *наступати*, чтобы губитель более вас не попирал и не соблазнял.

Установление таинства Евхаристии

«Воскресное чтение», 1879

Вечери существовали уже в Ветхом Завете. Это было установление того времени, когда Бог, верный великим обетованиям, данным праотцам, сильною рукою освободил народ Свой от рабства египетского. В ту достопамятную ночь, когда ангел смерти должен был пройти всю Египетскую страну, поражая первенцев египетских, по повелению Божию, каждый отец семейства должен был со всеми своими членами вкушать священную вечерю, тогда как двери домов окропляемы были кровью агнца, мясо которого было вкушаемо на вечери. Ангел-истребитель обходил всякий дом, который был окроплен кровью агнца и в котором совершалась пасха – прехождение Господа. Праздновавшие же уже готовы были в путь и с жез-

лами в руках ожидали призыва к выходу. То была ночь, в которую Господь освободил Свой пленный народ.

С этим освобождением началась новая жизнь для израильского народа, потому что теперь только он стал народом Божиим. Потому-то пасхальный месяц стал первым из всех месяцев и пасхальная ночь посвящалась ежегодному празднованию, и это соблюдалось с такою строгостью, что опущение празднования наказывалось отлучением от народа Божия. Пасхальная вечеря, которая предшествовала великому избавлению от рабства и через совершение которой народ приготовлялся к великому делу Божию, должна была повторяться каждый год в одно и то же время, в ту же самую ночь, в которую совершена в первый раз, с тем лишь различием, что кровью пасхального агнца не кропились двери, но она возливалась на алтарь Господа, на очистилище. При горящих светильниках, приготовленный в путь, с жезлом в руке — так народ Божий должен был из года в год совершать пасхальную вечерю и снедать агнца, кровь коего приносилась в священное место очищения для очищения их душ. Это, без сомнения, была вечеря воспоминания, но всегдашнее и столь строгое совершение ее основывалось на том, что позднейшие роды получат то, что получил древний род, — плоть агнца и очищение кровью его. И не должен ли был народ, празднуя древнее освобождение, приготовляться к новому высшему освобождению и, совершая пасхальное торжество, в ночь, в которую Господь вывел некогда его из чужой страны, ожидать нового, более совершенного избавления?

В эту-то ночь именно Господь в последний раз собрал вокруг Себя Своих учеников, и от этого-то торжества освобождения Израиля встал Он, чтобы искупить мир. Минута была самая торжественная, какую только можно представить. Ветхий Завет ничем не мог быть так возвеличен, как тем, что Господь, сошедший с неба дать жизнь миру, еще в последние часы Своей земной жизни совершил священную вечерю этого завета со Своими учениками, которых Он избрал из членов этого завета быть светом мира. Но эти часы, в которые Ветхий Завет удостоен такой чести, были последние часы для него. Наступало время, когда Ветхий Завет должен был уступить место новому, высшему Завету, который назначен не для одного народа, а для всех, и не для известного времени, а для всех времен. Но как Ветхий Завет начался избавлением народа из-под чужой власти, и как Ветхий Завет основывался на этом избавлении, так и Новый Завет, назначенный для всех времен и народов, мог начаться лишь после прославления Бога в деле несравненно высшего избавления. Он мог быть основан только на новом избавлении, на искуплении всего человечества, от темной власти, которой подпало оно чрез грех.

Час этого всеобщего и вечного искупления приближался. Искупитель был здесь; вестники искупления были при Нем. В последний раз праздно-

вал Он с ними ветхозаветную вечерю, которая с воспоминанием первой пасхальной вечери заключала в себе в то же время обетование высшей Пасхи. Время обетований и томительных ожиданий проходило, наступало время исполнения.

Здесь совершилось то, что евангелисты Матфей, Марк, Лука и апостол Павел описывают таким образом: *Господь Иисус Христос, в ночь, в которую был предан, взял хлеб, благодарил и преломил, и дал ученикам Своим, говоря: приимите и ядите: сие есть Тело Мое, за вы даемое. Сие творите в Мое воспоминание. Так же взял Он и чашу по вечери, благодарил и дал им, говоря: приимите и пийте от нея вси: сия есть Кровь Моя нового завета, за вы изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание.*

Так Господь, при совершении ветхозаветной пасхи, установил пасхальную вечерю Нового Завета. Пасхальною жертвою Ветхого Завета был избранный агнец; пасхальная жертва Нового Завета, Агнец Божий в высшем смысле есть Христос, Сын Божий, Единородный от Отца, полный благодати и истины. Кровь ветхозаветной пасхальной жертвы имела прообразовательно-очищающую силу; она прикрывала прообразовательно грехи народа; Кровь новозаветной жертвы не прообразовательно, а на самом деле есть Кровь очищения для всего мира. Жертва новозаветная одна должна была совершить то, на что все другие жертвы, от начала мира совершавшиеся, только предуказывали; она должна быть жертвою всех жертв, жертвою в высочайшем, несравненном с другими жертвами смысле, которые она уничтожала, потому что была их исполнением, истиною. А так как только истинною жертвою производится истинное очищение грехов, истинное искупление, – то только на этой жертве, на Крови Христа мог основываться новый, всеобъемлющий, вечный завет благодати. В этом смысле Господь сказал: *Сие есть Тело Мое, за вы даемое, и сия чаша есть новый завет Моею Кровию, за вы изливаемою во оставление грехов.*

Все слова Господа имеют для нас непреходящее значение; но нет слов драгоценнее этих. Насколько в ту минуту могли понимать их ученики Господа, мы не знаем; но с тех пор, как слова эти исполнились, они стали драгоценным сокровищем для всего христианского общества; ибо они служат всегдашним свидетельством, что глубочайшее уничижение Сына Божия заключало в себе высочайшую славу и что смерть Его есть жизнь всего мира.

Однако Господь не ограничился тем, что так торжественно возвестил Свою смерть и открыл ее благодатное значение Своим ученикам. Преподавая хлеб и чашу, Он установил навсегда священную вечерю для Своего общества: *Сие творите в Мое воспоминание*, – прибавил Он. Что совершено в пасхальную ночь, то совершено не в воспоминание Его, потому что Он Сам лично находился пред учениками; это было только установлением той вечери, которую должно было совершать общество верующих, когда жертва будет принесена и Кровь Нового Завета будет пролита.

Вечеря Нового Завета, совершенная в пасхальную ночь Спасителем, как и ветхозаветная вечеря, есть жертвенная вечеря. Когда израильтянин со своими домашними вкушал пасхального агнца, он принимал пасхальную жертву и через это делался участником в благословении этой жертвы; и когда христианин вкушает Тело и Кровь Господа в священной евхаристической вечере, он делается причастником жертвы голгофской с ее благословенными плодами. В первую пасхальную ветхозаветную ночь двери домов окроплялись кровью агнца, и ангел смерти, истреблявший первенцев египетских, щадил эти дома, проходя мимо. Точно так же общество новозаветное должно постепенно вкушать Тело и Кровь истинного Агнца Христа, чтобы избежать суда Божия, имеющего совершиться над грешным миром. Пренебрежение ветхозаветною пасхою принесло бы смерть, — не тем ли большее пренебрежение пасхою новозаветною должно принести наказание и смерть?

Но древняя пасхальная вечеря приурочена была к известному времени – что показывало ее несовершенство и временное значение. Древняя пасхальная вечеря могла быть совершаема только в пасхальную ночь. Вечеря Нового Завета, святая Евхаристия, может быть совершаема во всякое время новозаветным обществом.

Чудесна вечеря, в которой Господь дает нам в пищу Тело Свое, распятое за нас, и Кровь Свою, пролитую на кресте, но не менее чудесно и таинственно явление Сына Божия во плоти и уничижение Того, Кто есть вечный образ Божий и сияние славы Его, и уничижение до смерти крестной. Вся область, до которой возвышает нас вера в Сына Божия, есть область чуда, и, без сомнения, Тот, Кто Себя Самого принес в жертву за нас и пролил Кровь Свою за наши грехи, может, если такова воля Его, питать нас Своею Плотию и напоять Своею Кровию. А что такова Его воля – в этом мы не можем сомневаться, ибо имеем на это повеление Его: *Сие творите в Мое воспоминание.*

О таинстве причащения

О непостижимости таинства Тела и Крови Христовой и о благотворных действиях оного в верующих

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова на память святителя Алексия

Сие есть, глаголет Господь, *Тело Мое, еже за вы ломимое. Сия есть Кровь Моя, яже за вы и за многия изливаемая*, Как пшеница страждет в жерновах, и под рукою хлебоделателя, и в разжженной пещи, да будет хлеб, укрепляющий сердце человека; как кровь грозда страждет в угеснении точила, да будет

вино, веселящее сердце человека; так благоволил воплощенный Сын Божий предать Тело Свое на разнообразные страдания елеонские, иерусалимские и голгофские, допустил многострадально источить Кровь Свою в предкрестных и крестных мучениях, дабы в них уготовать нам пищу и питие жизни и врачевания, бессмертия и блаженства.

Таинство Тела и Крови Христовы так дивно и непостижимо, что богомудрые отцы наши, как бы опасаясь за простоту и твердость нашей веры, желают, как бы некими подпорами, подкрепить ее своими богомудрыми рассуждениями. «*Понеже*, — рассуждает святой Иоанн Дамаскин, — *Адам сей (то есть второй Адам Иисус Христос) духовен есть: подобаше и рождению быти духовному, и пищи таковой же: обаче, поелику сугуби и сложни есмы, то подобает и рождению быти сугубому и пищи сложной. Сего ради рождение убо нам водою и духом, то есть святым крещением, дадеся: пища же есть самый хлеб животный, Господь наш Иисус Христос, с небесе сшедый.* И далее, *како будет Мне сие, глаголет Святая Дева, понеже мужа не знаю? И отвеща ей Гавриил Архангел: Дух Святый найдет на Тя и сила Вышняго осенит Тя. И ты такожде вопрошаеши ныне: како хлеб бывает Тело Христово, и вино и вода Кровь Христова? И аз же Тебе глаголю: Дух Святый снисходит и сия творит паче слова и разума*». Подобно и святой Иоанн Златоуст увещевает: «*Да повинуемся во всем Богу и ничтоже вопреки да глаголем, аще и сопротивна быти видится нашим помыслом и зрением глаголемое; но да будет и помысла и зрения нашего истиннейшее Его слово. Тако и в таинствах да творим, не на предлежащая токмо взирающе, но глаголы Его содержаще, слово бо Его непогрешительно, чувство же наше удобь прельщаемо есть: слово же Его никогдаже изменяется, чувство же наше часто соблазняется. Егда убо Слово рече: сие есть Тело Мое — и да повинуемся, и да веруем, и мысленными та да зрим очима. Ничтоже бо чувственно предаде нам Христос, но чувственными убо вещми, вся же мысленная*».

Поелику назначение настоящей нашей жизни таково, что мы должны, как изъяснился апостол, *верою ходить, а не видением* (2 Кор. 5:7); то и благодатные дары, подаваемые нам в приобщении трапезы Господней, благодатное питание, врачевание, укрепление, просвещение, отражение зла, нетление, также наиболее верою постигаются и упованием объемлются, превыше видения и ощущения, хотя, впрочем, по мере веры, по мере потребности, по мере внимания, достоинства, чистоты, и в ощущении опытном и в явственном действии познаются многими многообразно. По многоразличной силе Божественной пищи и пития, по многоразличной премудрости и благости Божественного Питателя ощутительный плод вкушения трапезы Господней является верующим то неизреченною радостью в сердце, то сладкою тишиною в душе, то светлостью в уме, то глубоким миром в совести, то утишением обуревавших искушений, то прекращением страданий душевных и телесных, а иногда и совершенным исцелением, то живейшим ощущением любви к Господу, или умножением

ревности силы к духовным подвигам и добродетелям. Но каковы бы ни были наши собственные в сей тайне опыты, скажу паки со святым Иоанном Златоустом: *«Да будет и помысла и зрения нашего истиннейшее слово Господа нашего»*. После того как Он рек: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем: ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имат живот вечный* (Ин. 6: 56, 54); как дерзнем мы, хотя и недостойные причастники Его Плоти и Крови, – как дерзнем отрицать то, что Он в нас и мы в Нем и что мы в Нем имеем живот вечный, если только сами не удалимся от Него, если только сами не повергнем себя паки в смерть греховную?

Одно из приятнейших удостоверений как о необходимости для нас, так и о спасительной благотворности трапезы Господней, имеем мы в том, как сильно желал ее Сам Господь наш. Ибо что значат слова Его к апостолам: *желанием возжелех сию пасху ясти с вами*? Ветхозаветной ли пасхи так сильно желает Он? Но она до сих пор была обыкновенна, как совершаемая ежегодно; а отныне должна совершенно прекратиться, когда прообразование должно уступить место пришедшей истине. Итак, нет сомнения, что Он пламенно желает Пасхи новозаветной, – той Пасхи, в которой Сам Себя приносит в жертву, Сам Себя предлагает в пищу. *Желанием*, говорит, *возжелех сию пасху ясти с вами, прежде даже не приму мук*, после прообразовательной истинную, не только осязаемую, но и созерцаемую, не только вещественную, но духовную и Божественную, не только закланную, но живую и животворящую, начинаемую прежде мук, дабы она была всегдашнею свидетельницею предуведения и свободного принятия мук, но уже заключающую в себе спасительное действие креста, для всех времен, как свойственно действовать вечному началу. *Желанием* любви и милосердия *возжелех сию пасху ясти с вами*; потому что в ней запечатлевается вся Моя к вам любовь и вся наша истинная жизнь и блаженство.

Господь предложил нам Тело Свое для питания всегдашнего и постоянного

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова по освящении храма Преображения Господня, что на Ордынке

Приимите, ядите (Мк. 14:22). Не довольно ли было бы сказать: *вкусите*, дабы можно было разуметь, что довольно вкусить от трапезы Господней хотя бы однажды или причащаться ее иногда, при особенной нужде, подобно тому, как употребляют врачевство; ибо трапеза сия и действительно заключает в себе могущественное врачевство для душ и телес, и могущество его как Божественное, так велико, что *аще кто снесть от хлеба сего* и единожды, сего может быть достаточно, *да жив будет во веки* (Ин. 6:58). Но нет! Господь предложил нам Тело Свое не для единократного или нечас-

того и случайного употребления как врачевство, но для питания постоянного и всегдашнего: *ядите*. Если бы Тело Христово предложено было нам только как врачевство – и тогда надлежало бы нам самим просить позволения употреблять врачевство сие чаще, подобно как часты наши немощи, особенно душевные. Но когда Господь даровал нам оное как насущный хлеб, по слову Его: *Хлеб, егоже Аз дам, Плоть Моя есть* (Ин. 6:51); то чрез сие самое не только позволил, но и повелел, чтобы мы часто приступали к Его трапезе. Мы не оставляем себя надолго без хлеба обыкновенного, зная, что иначе ослабевают наши силы и жизнь телесная продолжаться не может: как же не боимся мы надолго оставлять себя без хлеба животного, небесного, Божественного?

Почему Господь к словам *пийте от нея* присовокупил слово *вси*

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова при освящении храма Преображения Господня, что на Ордынке

Пийте от нея вси (Мф. 26). Не пропустим без внимания малого слова *вси;* ибо в каждой черте слова Божия скрывается свет, в каждом звуке премудрость. Господь не сказал о таинственном хлебе: *Приимите, ядите вси*: и праведно, ибо некоторые не могут ясти, например младенцы. Но о таинственной чаше сказал: *Пийте от нея вси*, и таким образом устранил всякое исключение, разумеется для пребывающих в вере и единении церковном. Примечайте же, как отступают от точности заповеди Господней те, которые не допускают до Святых Таин младенцев и малолетних до известного возраста; и как, напротив, верна слову Господню Православная Церковь, когда она и младенцам подает святую чашу, *да пиют от нее вси*, даже и те, которые могут только *пити*, не имея крепости, чтобы *ясти*. Еще больше достойно примечания, как Господь при первом преподаянии святой чаши в то же время обличает ее отъятие у народа, – нововведение поздних веков. Не знаю, чему здесь больше дивиться, многоразличной ли премудрости слова Божия или дерзости мудрования человеческого против ясного слова Божия. Господь видит, что подаваемую Им чашу жизни самочиние захочет похитить у меньших братий Его; и предварительно поставляет преграду против сей дерзости определительным повелением: *Пийте от нея вси*. Но самочиние не внемлет; нет, не все, говорит оно, простолюдины не должны причащаться от чаши. Благословим Бога, что мы принадлежим к Православной Церкви, которая не причастна сему самопроизвольному мудрствованию, но с верным послушанием слову Христову всем вам предлагает святую чашу: *Пийте от нея вси*. Но чем более утешаюсь я верностью, с которою возлюбленная матерь наша Святая Церковь соблюдает законоположительное слово Господа своего, тем

с большею заботою смотрю на неточность и недеятельность, с которою то же слово Господне приемлют многие чада Церкви. Тайная вечеря и здесь та же, как в сионской горнице; тот же Господь и ныне учреждает ее; вы слышите собственное слово Его чрез уста священнодействующего: *Пийте от нея вси*, — вскоре после сего священные врата отверзаются, является служитель таинства, чтобы пригласить вас к исполнению повеления Христова: *пийте от нея вси*; он зовет вас: *со страхом Божиим и верою приступите*. Но вы приступаете ли все? Долготерпелив Господь! — часто ни один. Не смущайтесь много; не укоряя сие говорю; знаю, что в вас это не дерзость самочиния, но недостаток дерзновения в вере; что вы поступаете по обычаю, от предков принятому, веками распространенному; но будьте беспристрастны; сличите ваш обычай с заповедью Христовой; не можете не признать, что обычай мог бы точнее следовать заповеди; что можно бы вам деятельнее исполнять слово Христово. В начальные века христианства хождение в воскресные и праздничные дни в церковь и приобщение Святых Таин составляло для верных одну почти нераздельную обязанность, так что есть церковные правила, которые осуждают *ходящего в церковъ и исходящего вон без святаго причащения* (Апост. прав. 9; Антиох. Соб. прав. 2). Вот обычай, очевидно, более совершенный, нежели нынешний! Что же касается до тех, которые ниже один раз в год приступают к трапезе Господней или совсем чуждаются ее — суд их написан в Евангелии: *аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе* (Ин. 6:53).

Не промолчим того, что говорят обыкновенно в свое оправдание редко приступающие к Святым Тайнам: «Мы недостойны; мы не готовы». Мысль сия иногда подлинно происходит от смирения, и тогда она, конечно, не вредит союзу душ со Христом, подобно как сему не повредило смиренное чуждение Петрово: *Изыди от мене, яко муж грешен есмь, Господи* (Лк. 5:8). Но надлежит осматриваться, чтобы под благовидным покровом имени смирения не притаилась наша холодность к вере и нерадение о исправлении жизни. Ты не готов: не ленись, приготовься. Ты не достоин: не достоин и ни один человек обращения со Всесвятым, потому что ни один не безгрешен, но как всякому, так и тебе предоставлено веровать, каяться, исправляться, быть прощену и уповать на благодать Спасителя грешников и Взыскателя погибших. Ты говоришь, что недостоин: напрасно ты приемлешь на себя чужую должность; удостоить или не удостоить тебя таинства есть долг тайнодействователя, а не причастника. Ты не достоин: согласимся, что это правда. Что же далее? Неужели ты хочешь и оставаться недостойным? Если ты беспечно оставляешь себя недостойным общения со Христом на земле — не подвергаешь ли ты себя явной опасности остаться недостойным общения с Ним на небеси? Но если ты страшишься сего недостоинства и хочешь от него избавиться, то изба-

вишься ли, удаляя себя от Христа, от Его благодати, от Его силы, от Его жизни? Не лучше ли, посильно исправляя свое недостоинство, прибегать ко Христу в таинстве, чтобы принимать от Него помощь и силу к более совершенному исправлению и преуспеянию в благоугождении Богу?

Из Слова прп. Нила Синайского на евангельское изречение: *иже имать влагалище, да возмет, такожде и мех: а иже не имать, да продаст ризу свою и купит нож* (Лк. 22:36)

Творения свв. отцов, т. 31

Предлагаемое изречение с первого взгляда заключает в себе, кажется, большое противоречие и противно прочим наставлениям Господа; но в смысле возвышенном оно как представляет полезное для поучаемых, так и показывает благопопечительность Поучающего, а именно, что наставления свои душевным возрастам, для преспеяния и усовершения по мере возрастания, делает Он сообразными с каждым состоянием. Ибо почему повелевает теперь взять нож тем, которые научены уже подставлять ланиту ударяющим? Почему велит продать ризу и купить нож тем, которые, по принятии ими заповеди не иметь двух одежд, и действительно имели у себя одну, бывшую на них, ризу? Должно приискать решение, сообразное тому и другому повелению, и показать, что прямо следует из обеих заповедей, а именно, что новоначальным прилична первая заповедь, а совершенным – вторая. Ибо, если и непристойно иметь обнаженное тело в смысле буквальном, то в смысле созерцательном не только сие благоприлично, но и крайне полезно. Поэтому, кто защищает буквальный смысл сего изречения, тот может представляющееся в нем затруднение устранить так: апостолам, приступающим еще к Богочестию, Господь заповедал нестяжательность, желая, чтобы занимались они только изучением Божественных уроков, но и зная, что для несовершенных только опасно приобретение имущества, преуспевшим и нетерпящим уже вреда от имущества позволяет небоязненно пользоваться имением, так как они не пристрастны уже к деньгам, подобно многим другим, и не преодолеваются прелестью сребролюбия, и говорит: *Егда послах вы без влагалища и без меха, еда чесого лишени бысте?* А теперь говорю вам: *Иже имать влагалище, да возмет, такожде и мех* (Лк. 22:35). Ибо в начале должно им было, не нося ничего при себе, изведать на опыте силу Учителя, которая им каждый день без их забот подавала потребное для тела, и даже не это одно, но и сказанное нами незадолго прежде, чтобы, деятельно обучившись нестяжательности, приобрели неизменяемый к ней навык, постепенно преуспевая в беспристрастии к себе самим; потому что сребролюбие погубило многих; оно

низринуло в пропасть предательства и Иуду, который привык к деньгам, по причине вверенного ему для служения верным *ковчежца* (Ин. 12:6).

Но не знаю уже, чем защитится отстаивавший буквальный смысл в словах *кто имеет нож, да возмет, а кто не имеет, да продаст ризу и купит нож*, когда Господь везде требует, чтобы ученики Его были мирны и кротки. Посему посмотрим, каким образом это повеление, хотя оно относительно к телу и в смысле буквальном невозможно, в духовном смысле возможно и полезно. Приближаясь уже к страданию и готовясь войти на крест, как по злоумышлению иудеев, так и по собственному изволению ради спасительного домостроительства, говорит сие ученикам Господь, приготовляя к борьбе с противящимися истине, но не к борьбе, по маловажным предлогам предприемлемой, где расположением борющихся управляет раздражение, а к состязанию в подвиге, который внушен Богом по пламенной ревности к богочестию. Ибо Господь видел уже, что бесстыдные иудеи с неистовством восстают против Божественного учения и спешат положить конец спасительной проповеди, а потому, восставляя учеников Своих на сей подвиг с иудеями, повелевает им отложить прежнюю кротость, вооружась же сильным словом идти на обличение покушающихся низложить истину. Хотя христианину прежде всего потребно необходимое одеяние, приличное имени его звания, потому что не менее одежды украшают христианина степенная безмятежность духа и нрав скромный; однако во время борьбы с противниками потребно ему и оружие слова. Посему, говорит Господь, в то время, когда посылал Я вас учителями к Израилю, хорошо вы делали, выказывая мирное состояние духа и таким поведением привлекая непокорных к послушанию, кротостью доводя их до благопокорности; потому что для убеждения действительнее сильного слова правая жизнь, в себе самой представляющая знающему оную убедительный повод признать себя посрамленным. Но поелику по Моем Вознесении враги истины нападут на нее, то каждый из имеющих попечение о нравственном благоустройстве да отложит тщание о соблюдении мира, и да уготовится к состязанию; ибо нет никакой несообразности для важнейшего оставить на время менее важное и, отложив кротость, сделаться воителем.

Почему продавший ризу непременно покупает нож, и первой не уничтожая, и приобретая последний? Да и какой покупает он нож? Тот, о котором говорит Христос: *Не приидох воврещи мир, но меч* (Мф. 10:34), мечом называя слово проповеди. Ибо как нож разделяет сросшееся и связанное тело разделяет на части, так слово проповеди, вносимое в дом, во всяком из них, соединенных на зло неверием, отсекало друг от друга, отделяя сына от отца, дочь от матери, невестку от свекрови; рассекая самую природу, показывало цель Господня повеления, а именно, что для великой пользы и во благо людям повелел Он апостолам взять нож.

Посему Петр немедленно отвечает, говоря, что два у них ножа, о которых Господь сказал, что их достаточно для предлежащего подвига. Ножи же сии, как говорит апостол, суть обличение противополагаемого и утешение верующих. Ибо в послании к Титу так вручает их учителям, говоря: *Да силен будет и утешати во здравом учении и противящихся обличати* (Тит. 1:9). Чем и разделяет слово на два вида; ибо иной вид — слово учения к верным, и иной — слово истины к врагам; и одно есть обличение лжи, а другое — подтверждение истины. А что мечом называет слово, это явно для всякого; так как на памяти у каждого часто повторяемое изречение Писания: *Живо слово Божие и действенно, и острейше всякого меча обоюду остра* (Евр. 4:12).

Толкование св. Василия Великого на 36 стих 22-й гл. Евангелия от Луки

Творения свв. отцов. Тв. Василия Великого

Почему Господь иногда запрещает носить с собою в дороге *влагалище и пиру* (Лк. 10:4), а иногда говорит: *Но ныне, иже имать влагалище, да возмет, такожде и мех* (πήραν), *а иже не имать, да продаст ризу свою и купит нож* (Лк. 22:36)?

Сие объясняет Сам Господь, говоря: *Подобает, да скончается о Мне, еже и со беззаконными вменися* (ст. 37). Ибо тотчас по исполнении пророчества о ноже говорит Петру: *Вси бо, приявшии нож, ножем погибнут* (Мф. 26:52). Посему слова: *но ныне, иже имать влагалище, да возмет*, или: возьмет (ибо и так читается во многих списках), то есть не повеление, а пророчество предрекающего Господа, что апостолы, забыв Господни дары и закон, осмелятся взяться и за мечи. А что Писание часто повелительный образ речи употребляет вместо пророчественного, сие видно и из других мест, каково, например, следующее: *Да будут сынове его сиры* (Пс. 108:9), и: *диавол да станет одесную его* (ст. 6) и другие подобные места.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 26-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ

Святоотеческие толкования

1) *Св. Григорий Богослов.* Для чего Пасха новозаветная совершена Иисусом Христом в горнице?

2) Ст. 29. Изъяснение *блаж. Иеронима.*

Новейшие толкования

3) Ветхозаветный праздник Пасхи. «Воскресное чтение», 1825.

4) Пасха. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1877.

5) Последняя вечеря Господа (Мф. 26: 21–25; Ин. 13: 21–24). «Христианское чтение», 1823.

6) *Д. Хвольсон.* Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и день Его смерти. «Христианское чтение», 1875, 1877, 1878.

7) *Архим. Виталий (Гречулевич).* Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и день Его смерти. «Странник», 1876.

8) *В. Рождественский.* Вместо введения кученой полемике. «Церковный вестник», 1877.

9) *А. Виталий.* Ответ на ученую полемику по вопросу о последней пасхальной вечери Иисуса Христа и дне Его смерти. Разбор статей «Церковного вестника» под заглавием: Вместо введения к ученой полемике. «Странник», 1877.

10) *А. Некрасов.* По поводу предложенной профессором Д.А. Хвольсоном поправки в чтении 17 стиха 26 гл. Ев. от Мф. «Православный собеседник», 1878.

11) *Прот. Горский.* Совершил ли Господь Иисус Христос пасху иудейскую на последней вечери Своей с учениками? Прибавление к «Творениям свв. отцов» 1853.

12) *Свящ. М. Богданов.* Вкушал ли Иисус Христос ветхозаветную пасху на последней вечери с учениками. «Руководство для сельского пастыря», 1861.

13) О времени празднования Пасхи. Там же. 1872.

14) *Д.И. Прозоровский.* К вопросу о времени совершения Иисусом Христом последней пасхальной вечери. «Странник», 1881.

15) Решение вопроса о времени празднования Пасхи в «Энциклопедии Герцога». «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1878 (отд. Библиограф.).

16) *Молчанов.* Пасхальные споры, «Православное обозрение», 1880.

17) «Messe and Pascho Bickel». М., 1872 (о пасхальной вечери Иисуса Христа). Отзыв в «Трудах Киевской духовной академии», 1872.

18) Евангельское сказание о дне тайной вечери и смерти Иисуса Христа. Примирение разностей. См. книгу *еп. Михаила* «О Евангелиях и евангельской истории».

19) О том же в кн. *Буткевича* «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа».

20) *А. Алексеев.* Об обрядах еврейской Пасхи. «Домашняя беседа», 1875.

21) Ст. 25. Равви. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1877.

22) Ст. 27. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О таинстве причащения.

23) Ст. 27–28. *Арсений, митр. Киевский.* Против учения Римско-католической церкви о причащении мирян под одним видом хлеба.

24) Лк. 22:32. *И ты некогда обращся утверди братию твою.* «Воскресное чтение», 1823.

25) Ин. 13: 1–17. Иисус Христос умывает ноги ученикам Своим и учреждает таинство Тела и Крови Своей. (Уничиженное состояние Иисуса Христа от рождения Его до крестных страданий). «Воскресное чтение», 1811.

26) *Архиеп. Никанор.* О значении Пасхи ветхозаветной и новозаветной. Поуч. и бес., т. 3. О событиях Тайной вечери, т. 4.

27) Ин. 13:5. *Арсений, митр. Киевский.* О смирении.

28) *Его же.* Об умовении ног и послушании ап. Петра.

О последней беседе Иисуса Христа с учениками пред Его страданием (Ин. 13: 14–17; 31–38)

Иннокентий, архиеп. Херсонский. «Воскресное чтение», 1801

Последняя беседа Иисуса Христа с учениками, сохраненная для нас святым Иоанном, составляет драгоценнейшую часть сказаний евангельских, обнаруживая пред нами душу и сердце Господа Иисуса в такие решитель-

ные минуты, с таких важных сторон, в таком преизбытке Божественного света. Здесь из собственных уст Его мы слышим тайну Его лица и служения, символ Его учения и обетований, великое начало величайшей Его деятельности; видим, откуда Он и для чего пришел, куда и для чего отшел, что намерен соделать из людей, каким образом соединить небо с землею, восставить все падшее, облаженствовать всех сынов Адамовых. Первее же и паче всего видим здесь, слышим, осязаем духом превосходящую разум любовь Христову, которая распространяется до того, что видимо объемлет небо и землю, время и вечность.

Какое неподражаемое величие в минуты самые горестные! Когда самый добродетельный мудрец сказал бы с горестью: я предан теперь; мне должно умереть, — Иисус восклицает: *Ныне прославися Сын Человеческий!* Слушая Его утешения ученикам, можно подумать, что завтра ожидает его не крест, а престол, что на другой день предстоят мучения не Ему, а скорбным ученикам.

Откуда такое святое мужество? Оттого, что князь мира *не имеет в Нем ничего*, ему принадлежащего (Ин. 14:30), и что мир совершенно побежден (Ин. 16:33); оттого, что Он всегда угодное пред Отцом творил и посему не один, а Отец всегда с Ним (Ин. 16:32); оттого, что Он власть имеет душу Свою положить и паки приять, и если полагает ее теперь, то о Себе, по Своей воле (Ин. 10:18); оттого, наконец, что говорящий таким образом есть Тот, *Кто имел славу у Отца, прежде мир не бысть* (Ин. 17:5), — есть Слово, бывшее *искони* у Бога, Коим все сотворено, и без Него *ничтоже бысть, еже бысть* (Ин. 1: 1–4).

И у Сына Человеческого обрелось бы столько чистой любви к ближним, чтобы для спасения их претерпеть смерть. Моисей давно уже подал пример к такому самопожертвованию (Исх. 32:32), а Павел готовился повторить его (Рим. 9:3); но только Сын Божий, *Господь с небесе* (1 Кор. 15:47), мог в навечерие Своей смерти сказать: *Веруйте в Бога и в Мя веруйте* (Ин. 14:1); *дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16:33); *еже аще что воспросите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14:33); *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5); *веруяй в Мя, дела, яже сотворих, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. 14:12).

Недоумения учеников и ответы на них прерывают некоторым образом ход беседы Божественного Учителя и замедляют ее действие на сердце; но истины, кои по причине сих недоумений исходят из уст Иисуса, так важны и драгоценны, — стороны, с коих Он вызывается обнаруживать Себя, так возвышенны и утешительны, что нельзя не благодарить в душе Фому за любопытство о пути (Ин. 14: 5–7), Филиппа за желание видеть *Отца* (14: 9–12), Иуду не Искариотского за вопрос, почему Учитель не хочет явиться всему миру (Ин. 14: 22–24).

Цель всех утешений Иисусовых явно направлена преимущественно к тому, чтобы предохранить учеников от соблазна и отпадения во время

Его крестной разлуки с ними. Время непродолжительное по течению часов, но чрезвычайно опасное по течению обстоятельств. Сколько предстояло им соблазнов и страхов! Сколько поводов к нарушению верности! Князь мира, побежденный крестом, без сомнения, не оставил ни одного средства для уловления овец, рассеянных смертию Пастыря. И между тем, в сем-то малом рассеянном стаде было основание *для собрания всех чад Божиих во едино* (Ин. 11:52), — потеря и одного из *чадцев* любви Иисусовой (Ин. 13:33) была бы весьма чувствительна для блага целого мира, имевшего быть обращенным от тьмы к свету их проповедию.

Несмотря, однако, на великую нужду в утешении, надлежало преподать его, не открывая во всей (страшной) очевидности событий, имевших последовать наутрие. Святейшая тайна всемирного искупления долженствовала быть некоторым образом запечатленною до самого исполнения своего. Самое усердие к Учителю, несвободное от предрассудков, имело нужду быть связанным некоторою неизвестностью. Посему завеса будущего приподнимается не более, как сколько нужно было для того, чтобы предостеречь от падения. Ученики чувствуют, что предстоит какое-то великое искушение, какая-то печальная разлука с Учителем; видят себя в будущем сирыми, ненавидимыми, рассеянными, в печалях и болезнях жены рождающей; но видят Учителя вскоре возвращающимся к ним, приносящего радость и мир; видят другого Утешителя, приходящего пребывать с ними вовек, научить их всему, обличить во всем мире, их ненавидящем; видят опять Самого Учителя, приходящего со Отцом сотворить у каждого из любящих Его Себе обитель: все сие видят, говорю, ученики, как в перспективе, исполненной такого света, среди коего самые печальные предметы получают трогательный вид, умиляющий сердце. Каким именно образом все это произойдет, этого ученики еще не разумели. Одно твердо узнали они — что Учитель их *от Бога исшел*. А это было весьма важно для будущего. Притом у них теперь в руках план событий. Когда придет время, они вспомнят, что им было сказано. Предсказание отнимет силу соблазна у предсказанного.

Кроме сего, последняя беседа Богочеловека была для учеников Его полезна еще особенным образом. И среди человеческих собеседований, слова могут производить действие великое, не будучи понимаемы слышащим в подробности. Можно трогаться, умиляться, изменяться сердцем от одних чувств в словах, не понимая их совершенно. Это замечание — в превосходнейшей степени — должно приложить к последней беседе Иисуса. Ею, так сказать, навеян был на учеников дух мира, терпения: таинственным образом умащено сердце для удобнейшего перенесения самых жестоких ударов: они не понимали всех мыслей, но поняли чувство, исполнились духом Иисусовым, *осязали о Словеси животнем* (1 Ин. 1:1).

О последней молитве Иисусовой (Ин. 17) дерзновенно и говорит языком человеческим; так она всеобъемлюща, величественна, Божественна! После нее, вероятно, Филипп не сказал бы: *Господи, покажи нам Отца!* Ибо в ней для верующего виден сей Отец более, нежели в целом мире. Здесь-то надлежало Петру сказать: *Господи, глаголы живота вечнаго имаши!* (Ин. 6:67.) Это – молитва великого Первосвященника по чину Мелхиседекову пред входом Его во Святая святых. Кто прочитал ее со вниманием хотя бы один раз, у того она останется в сердце на всю жизнь; а кто одушевился духом ее, тот не может не принадлежать навсегда Иисусу.

Изъяснение прощальных речей Иисуса Христа к Своим ученикам (Ин. 13:31–17:26)

«Руководство для сельского пастыря», 1868

Наступил последний час, который Иисус Христос пред Своими страданиями еще мог провести в кругу оставшихся верными Ему после измены Иуды учеников. В эти немногие минуты исполненное любви к возлюбленным ученикам сердце Спасителя изливается в трогательных, потрясающих душу речах. Сначала Иисус Христос хочет в минуту расставания утешить Своих учеников обещанием послать им Святого Духа и просветить их свыше; потом увещевает и возбуждает их к внутреннему единению с Ним и друг с другом, верному соблюдению Его заповедей, исповеданию Его имени, несмотря на все имеющие последовать поношения и страдания, и к полной веры молитве к Богу во имя Его. Вначале речь имеет форму дружеской беседы; потом она становится все возбужденнее и торжественнее и заканчивается возвышенною первосвященническою молитвою Иисуса Христа. Этот отдел Евангелия не имеет ничего себе подобного по возвышенности, торжественности и глубине чувства.

Возвещение Спасителя ученикам о Своей смерти и отречении апостола Петра *(Ин. 13: 31–38)*

Едва только уличенный предатель ушел от пасхальной вечери и Иисус Христос остался в кругу одних верных Своих учеников, встревоженных и возмущенных замечаниями Его о предателе, как тотчас же Он произнес следующие торжественные слова: *ныне прославися Сын Человеческий, и Бог прославися о Нем!* (ст. 31). Господь пророчески созерцает уже исполнившимся Свое прославление крестною смертью, а также Свое воскресение и прославление Бога Отца. В крестной смерти Христовой открылась любовь, святость и правда Божия; поэтому крестная смерть Христова была и прославлением Бога во Христе. *Аще Бог прославися о Нем, и Бог прославит Его в Себе, и абие прославит Его* (ст. 32). Бог вскоре (абие) прославит Сына, воскресив Его со славою из мертвых; и Он прославит Его «в Себе», то есть в

единстве с Собою, чрез восприятие в Божественную славу и миоправление. Он посадит Его одесную Себя, *дондеже положит вся враги в подножие ног Своих*, то есть пока доставит полную победу Своему делу на земле. *Чадца, еще с вами мало есмь. Взыщете Мене, и якоже рех Иудеом, яко аможе Аз иду, вы не можете приити: и вам глаголю ныне* (ст. 33). *Чадца* – выражение глубокой отеческой любви Спасителя к Своим ученикам. Не раз Христос говорил иудеям: *Взыщете Мене, и не обрящете* (см. 7:34; 8: 21, 24), но Он говорил им эти слова в другом смысле и с другою целью. Там Он *совершенно* отвергал возможность найти Его, прийти к Нему, здесь же только – *в отношении к настоящему времени*; там Господь произносил слова эти как угрозу, как наказание, здесь же — чтобы тронуть сердца учеников и сделать их восприимчивее к следующей заповеди. Он говорит им это *ныне*, потому что не может долее щадить их.

Взамен видимого присутствия Господа с Своими учениками должна будет служить им взаимная братская их любовь друг к другу; посредством этой любви невидимо во Святом Духе Он отселе будет пребывать с ними: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга: якоже возлюбих вы, да и вы любите себе* (ст. 34). Здесь останавливают тоже внимание слова: *заповедь новую*. Так как еще в книге Левит 19:18 читаем: *Возлюбиши ближняго своего, яко сам себе*, и так как Сам Иисус Христос эту заповедь о любви к ближнему вместе с заповедью о любви к Богу признал большею всех заповедей в законе (Мф. 22:37 и т.д.), то каким образом Он Свою эту заповедь о любви мог назвать *новою*? В объяснении этого толковники расходятся. Одни слово – *новую* (καινήν) принимают в значении – «превосходную», другие – «никогда не стареющуюся», как если бы стояло: *всегда новую* (ἀεὶ καινήν), иные в смысле – «последнюю». Некоторые это выражение – *заповедь новую* объясняли также еще в смысле «обновленной заповеди», или, как объяснил блаженный Августин, «заповеди, обновляющей человека», или же слово καινήν заменяли словом καινῶς – *вновь*. Но все эти толкования произвольны. Ключ к единственно верному объяснению слов *заповедь новую* заключается в словах: *якоже возлюбих вы*. Заповедь о любви, данная Христом, была настолько *нова*, насколько были новы *побудительные основания* любви, *мера* требуемой любви и *образец* ее. В Ветхом Завете заповедано было любить ближнего, как *самого себя;* следовательно, там мерою и нормою любви *к ближнему* служила любовь *к самому себе*. Кроме того, ветхозаветная заповедь о любви к ближнему была больше отрицательного свойства; требовалось только, как вытекает из связи речи, не нарушать обязанностей *справедливости*. Наконец, заповедь эта заключена была в определенные границы, относилась только к единоплеменникам и допускала существования права возмездия. Но здесь Спаситель наш нормою любви определяет *Свою собственную любовь;* а Его любовь к людям была такого рода, что состояла не только в ис-

полнении долга справедливости, но *в самоотвержении*, в готовности на все жертвы за других, следовательно, любовью **более** к ближним, чем к самому себе; кроме того, любовь Его была *всеобщая*, обнимавшая собою всех людей, даже Своих врагов. Таким образом, Он по праву мог *Свою* заповедь о любви назвать *новою*. Иисус Христос в этом случае поступает так же, как и в Нагорной проповеди, когда Он сказанному древним противопоставляет Свои новые заповеди. Он только что пред этим установил таинство Евхаристии и при этом Ветхому Завету противопоставил «Новый Завет в Своей Крови», представив вечно обязательный образец самоотверженной любви (ср. 1 Ин. 2:8; 3:16). Такой любви, какой требует здесь Господь, еще никто не видел в мире; поэтому, Он мог поставить ее признаком Своих учеников: *О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (ст. 35). Все первое послание Иоанна составляет как бы толкование этих слов Господа. А что они исполнились, об этом свидетельствует история Церкви первых веков. По свидетельству Тертуллиана (Апология гл. 39), язычники обыкновенно говорили: «Смотрите, как христиане любят друг друга и как они готовы умереть один за другого».

Вопрос апостола Петра: *Господи! камо идеши?* обращает беседу на прежде сказанные слова Спасителя: *Аз иду, а вы не можете приити* (ст. 33). Апостол не понял этих слов и желал знать, куда это хочет идти Учитель его, что он не может следовать за Ним. Иисус Христос не отвечает прямо на этот вопрос и указывает ему на его собственный опыт в дальнейшем будущем: *Аможе Аз иду, не можеши ныне по Мне ити: последи же по Мне идеши* (ст. 36). Апостол Петр еще не мог теперь следовать за своим Господом, так как по Божественному определению еще не пришел час его; он должен был еще укрепить своих братьев и пасти овцы и агнцы Христовы. Этими словами Иисус Христос указывает на будущую мученическую смерть апостола Петра; но в этом же указании заключалось для апостола и утешение, которое могло ободрить его, когда скорбь о глубоком его падении приводила его в состояние близкое отчаянию. *Глагола Ему Петр: Господи! почто не могу ныне по Тебе ити? Душу мою за Тя положу* (ст. 37). Следовательно, Петр и теперь еще не понимает Господа; он догадывается только, что Иисус Христос предпринимает какое-то опасное отшествие и изъявляет готовность положить за Иисуса жизнь свою (ср. 10:11). В последних словах Петра высказывается, с одной стороны, горячий и торопливый характер его, а с другой – его горячая, но только слишком много полагающаяся на себя привязанность к Господу. Чтобы смирить великую его самоуверенность, Иисус Христос отвечает вопросом, выражавшим сомнение: *Душу ли твою за Мя положиши?* и затем предсказывает ему близкое его падение: *Аминь, аминь глаголю тебе, не возгласит алектор, дондеже отвержешися Мене трищи* (ст. 38), то есть прежде чем наступит *третья* ночная стража, начинавшаяся в полночь с

пением петуха и оканчивавшаяся со вторым пением петуха около трех часов и поэтому называлась *петлоглашением* ἀλεκτοροφονία (Мк. 13:35), ты успеешь три раза отвергнуться Меня.

***Об отшествии Иисуса Христа ко Отцу и послании Утешителя** (Ин. 14: 1–31)*

Предшествующее возвещение Спасителя ученикам о Своем близком отшествии и о том, что один из среды их отвергнется Его, должно было глубоко потрясти учеников. Поэтому Спаситель хочет ободрить их и возбудить в них доверие к Богу и к Нему Самому надеждою воссоединения с Ним у Отца. Он утешительно взывает к ним: *Да не смущается сердце ваше! Веруйте в Бога и в Мя веруйте.* Свое прежнее доверие к Богу вы должны как бы вновь освежить доверием ко Мне как посреднику и ходатаю вашему пред Богом, к Которому вы должны будете стать в отношение совершенно детского доверия, вследствие Моего имеющего скоро совершиться искупления. С этим возбуждением к доверию Он соединяет откровение надежды на близкое воссоединение: *В дому Отца Моего обители многи суть.* Ученики, следовательно, должны быть убеждены, что небо, которое здесь называется «домом Его Отца», довольно велико, чтобы вместить всех последователей Иисуса Христа; только Он должен пойти наперед, чтобы приготовить для них жилища. В словах *аще ли же ни, рекл бых вам* заключается подтверждение истины: «Это несомненно; вы можете Мне верить; Я бы вам сказал, если бы было не так», но это подтверждение вставлено только мимоходом. Следующие затем слова *иду уготовати место вам* представляют фактическое доказательство существования многих обителей в доме Его Отца, но вместе с этим в приведенных словах заключается и та мысль, что отшествие Иисуса Христа есть условие, при котором ученики могут последовать за Ним. *И аще пойду и уготовлю вам место, паки прииду и поиму вы к Себе: да, идеже есмъ Аз, и вы будете* (ст. 3). Христос приготовил у Небесного Отца место Своим ученикам посредством Своей искупительной смерти, которою разрушено средостение между небом и землею, посредством Своего Воскресения, в которому Он победил последнего врага – смерть, и посредством Своего Вознесения на небо, вследствие которого Он воссел одесную славы Своего Отца. *Паки прииду* – нужно сначала понимать в смысле невидимого, внутреннего пришествия Христова во Святом Духе (ср. ст. 18 и далее; 16:22 и далее), в Котором заключается всякое общение с Ним во времени и вечности. Когда Христос во Святом Духе приходит к нам, тогда, по внутренней сокровенной жизни, мы уже здесь, очевидно, находимся во славе вместе с Ним (Кол. 3:1 и д.); затем Он преобразит и наше уничиженное тело в небесное (Флп. 3:21). Торжественное же заключение этого пришествия Христова будет в явлении Его на Страшный Суд, когда Спаситель явится видимо, чтобы взять к Себе Своих последователей и

ввести их в славу Божию. Следовательно, вообще можно сказать, что выражение *паки приду* обнимает собою все дела Христовы для спасения верующих, начиная от Его Воскресения и оканчивая Его вторым пришествием. Господь говорит здесь к апостолам как представителям всей Церкви.

И аможе Аз иду, весте, и путь весте. Господь говорит об отшествии Своем ко Отцу, куда должны последовать за Ним и ученики Его. Единственный *для них* туда путь, по указанию 6-го стиха, — *Он Сам.* На этот путь Он нередко уже указывал им во всех Своих речах, где Он изображал Себя *органом и откровением* Отца и требовал веры в Себя как необходимого условия ко спасению (например, 10:36 и далее; 6:29); следовательно, ученики знали уже путь к Отцу, по крайней мере могли знать его. Прекрасно по этому случаю замечает блаженный Августин: «Ученики знали, но не знали, что знают». Несправедливо некоторые толковники под словом *путь* разумеют путь страданий и смерти, к которому *Он Сам* готов был идти. *Глагола Ему Фома: Господи! не вемы, камо идеши, и како можем путь ведети?* На слова Господа, что они знают путь к месту, куда Он теперь идет, возражает апостол Фома с тою скептическою откровенностью, какая везде высказывается в характере этого апостола (ср. 11:16; 20:25); он говорит, что им неизвестно *место*, куда Он идет; поэтому они не могут знать и пути к нему.

На вопрос Фомы: *Како можем путь ведети?* Иисус Христос отвечаете замечательными словами: *Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною* (ст. 6). Иисус Христос есть не только путеводитель, Своим учением и примером *показывающий* нам путь к нашему истинному назначению, но есть самый путь, и именно потому, что Он есть единый посредник между Богом и человечеством. Если человек хочет достигнуть предназначенной ему цели, то он может достигнуть ее только чрез Христа, только чрез Него он может прийти ко Отцу. Поэтому Иисус Христос в другом месте (10:7) и называл Себя *дверью*, как теперь называет *путем*. Но Христос есть не только путь к цели, а и самая *цель*, так как Он есть *истина и жизнь* по преимуществу. Как вечное Слово, как начало всех откровений Божиих, Он есть истина и жизнь *в Себе*, а посему также и единственный источник всякой истины и всякой истинной жизни *для нас*. Без Христа человек находится в духовном мраке и заживо умирает. *Аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо.* Иисус Христос и Бог Отец — едино по Своему Божеству (ср. 10:30). Следовательно, кто истинно *познал* Божественное естество во Христе, тот этим самым познал и *Отца. И отселе* (когда Я именно уже прославился) *познасте Его и видесте Его.* Здесь Спаситель снова представляет Свое прославление уже совершившимся и указывает следствие Своего прославления, именно, познание Своего Отца в настоящем и прошедшем.

Апостол Филипп все еще не понимает слов Господа. Сознавая, что Иисус Христос говорит о Своем Небесном Отце, он желает *видимого* явления Отца,

Богоявления, как некогда просил этого для себя Моисей (Исх. 33:18), и как ветхозаветные пророки (например Илия) созерцали Бога. Он говорит: *Господи! покажи* (пусть явится) *нам Отца и довлеет нам,* т.е. и мы этим будем довольны. Удивляясь этим словам Филиппа, Иисус Христос с горестью говорит к нему: *Толико время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе! Видевый Мене виде Отца: и како ты глаголеши: покажи нам Отца?* Как бы так Спаситель говорит Филиппу: после такого продолжительного обращения со Мною ты все еще не узнал Меня как следует! Доселе ты не знаешь, что по существу Своему Я — едино со Отцом, и что, следовательно, тот, кто очами веры видит во Мне Мое Божественное естество, видит также и Отца и поэтому не может желать *чувственного* явления Отца. В словах: *Не веруеши ли, яко Аз во Отце и Отец во Мне есть?* — так же, как и в предыдущих: *видевый Мене виде Отца,* — ясно выражено, что Господь здесь говорит не о *нравственном* только, но о *существенном* Своем единении со Отцом. Выражения *Аз во Отце* и *Отец во Мне* — не тождесловное повторение одного и того же, но в них, с одной стороны, выражается постоянное, а с другой — внутреннее существенное взаимодействие, какое существует между Отцом и Сыном. Отец созерцает Себя и любит в Сыне, Своем образе и сиянии Своей славы (Евр. 1:3), как и Сын знает Себя во Отце как Своем вечном первоначале (ср. 10:38). Из этого единства Их, по существу, Господь выводит потом заключение, что все, что Он говорит и делает, суть слова и дела Его Небесного Отца: *Глаголы, яже Аз глаголю вам, о Себе не глаголю.* И в доказательство того, что Он говорит не от Себя Самого, не по собственному полномочию, Он указывает на Свои дела: *Отец же, во Мне пребываяй, Той творит дела.* Затем Он убеждает всех к вере: *Веруйте Мне, яко Аз во Отце, и Отец во Мне: аще ли же ни, за та дела веру имите Ми* (ст. 11). Если они не хотят верить Ему по Его словам, что Он во Отце и Отец в Нем, то должны верить за Его дела, то есть за Его чудеса, в которых открывается Его Божественная сила (ср. 5:36; 7:16 и далее; 10:25). От убеждения к вере ради Его чудес Иисус Христос переходит далее к *чудесам* самих *учеников* посредством веры; так как в тех чудесах, которые ученики Его творили после Его отшествия к Своему Отцу, заключалось еще более убедительности к твердости в вере: *Аминь, аминь глаголю вам: веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (ст. 12). Здесь особенно обращают на себя внимание слова *больша сих,* т.е. тех, *яже Аз творю.* Под этими словами нужно разуметь не чудеса в тесном смысле, а общее выражение успехов дальнейшей апостольской деятельности. Когда апостолы в один день целые тысячи обращали ко Христу, когда они далеко за пределы Палестины распространили основанное Христом Божественное царство, когда приобрели победу Евангелия над иудейством и язычеством и т.д.; тогда они действительно производили дела, больше поражающие стороннего зрителя, чем производил Сам Господь. Книга Деяний апостоль-

скнх представляет самое лучшее толкование этих слов. Такую деятельность учеников Иисус Христос поставляет в причинной связи, с одной стороны, с Своим отшествием к Отцу, а с другой — с молитвою учеников: *яко Аз ко Отцу Моему гряду, и еже аще что просите во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне* (13 ст. должен быть отделяем от 12-го только запятою). После совершения искупления, после того как Христос — *Богочеловек* воссел одесную Отца и принял участие в Божественном миоправлении, только после этого Он мог облечь Своих учеников силою свыше, подать им средства распространять Его Царство, совершать большие дела, чем какие Сам Он совершал. Но этой *подающей* деятельности со стороны Христа должна соответствовать и деятельность *воспринимающая* со стороны учеников; эта воспринимающая деятельность и есть *молитва*, ибо молитва есть как бы *дыхание* души, которым человек вдыхает в себя небесный благодатный воздух. Просить же «во имя Христа» значит молиться в Его смысле и духе, как Он научил нас, молиться с верою, что только чрез Него, ради Его заслуг даровано нам будет то, о чем мы молимся, — значит, наконец, молиться о полною преданностью воле Небесного Отца (ср. 15:16; 16:23). Замечательна при этом общность выражения: *и еже аще что просите* – о чем бы вы ни попросили. Если мы истинно молимся во имя Христа, то *всегда* получим, чего бы мы ни просили. Прославление Отца в Сыне — вот конечная цель, ради которой Христос слушает молитвы наши; поэтому и сказано: *Да прославится Отец в Сыне* (ср. 13:31; Рим. 16:25 и далее; Флп. 2:11). *И аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю.* Здесь Господь еще раз повторяет прежнюю мысль, но с особенным оттенком, что *Он* есть при этом действующее лице (*Аз*).

Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите (ст. 15). Доселе Господь увещевал Своих учеников к *вере* (ст. 12) и к *надежде* (ст. 13), теперь же переходит к *любви*. Но эта любовь к Нему не должна быть одним *чувством*, но должна обнаруживаться *силою* в соблюдении заповедей. Соблюдение заповедей Христовых есть наилучший пробный камень любви к Нему. Словом *заповеди* Господь обнимает все Свое откровение, все, чему Он учил и что повелевал творить. «Соблюдать Его заповеди», следовательно, значит то же, что и «соблюдать Его слово» (8:51) или «пребывать в Нем» (15:7), то есть сердцем и жизнью пребывать во внутреннейшем общении с Ним, так, чтобы Он думал в нас, говорил и действовал. Эта любовь есть основное условие, при котором только и может быть действительная связь с Христом, а чрез Него и со Отцом во Святом Духе: *И Аз* (со Своей стороны) *умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век, Дух истины, Егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его: вы же знаете Его, яко в вас пребывает и в вас будет* (ст. 16–17). Слово Утешитель – Παράκλητος, которым Господь называет Святого Духа (ст. 26), в Новом Завете встречается только в Евангелии Иоанна (ср. ст. 26; 15:26; 16:7). По этимологии оно значит «заступник»,

особенно пред судом, адвокат, потом вообще значит «помощник, советник, ходатай, делопроизводитель», и это первоначальное значение слова и здесь имеет свой смысл. Но так как глагол παρακαλεῖν в Священном Писании имеет также значение «ободрять, утешать», то поэтому еще со времен Оригена и святого Иоанна Златоуста слово Παράκλητος принимается в смысле «Утешителя». Иисус Христос называет Святого Духа *иным*, другим Утешителем, именно *вместо Себя*, так как Он и Сам был Утешитель; потому что пока Он находился с Своими учениками, то Сам был их Утешителем. Поэтому и Христос называется также παράκλητος – ходатай в 1 Ин. 2:1. В этих словах, с одной стороны, ясно выражается *личность* Святого Духа, а с другой ипостасное Его отличие от Отца и Сына (ср. Мф. 28:19). Если ниже посольство Святого Духа называется явлением или откровением Самого Иисуса Христа (ст. 21), пребыванием Отца и Сына в человеке, как в Своем жилище (ст. 23) и даже новым пришествием Иисуса Христа (ст. 18; ср. 16:16 и далее), то это нисколько не противоречит сказанному выше. Ибо как Сын ничего не говорит и не делает Сам от Себя, но живет и действует чрез Отца и есть едино со Отцом; так и Святой Дух, посылаемый в мир Сыном и исходящий от Отца, действует в мире нераздельно с Ними. Иисус Христос обещает *умолить* Отца, чтобы Он послал Святого Духа; ибо Христос как Ходатай (1 Ин. 2:1) наш выпрашивает нам у Отца всяк дар совершен, и без нашего сознания в своих грехах и примирения во Христе Дух Святой всегда был бы далеко от нас. В словах *да будет с вами вовек* подается нам утешительная уверенность, что это обетование относится не к одним апостолам, но и к истинным их последователям, так что, следовательно, доколе будет существовать мир, Утешитель будет пребывать в Своей Церкви. Этот Утешитель называется *Духом истины*, так как содействует восприятию людьми пребывающей во Христе истины. Но этого Духа истины не может принять в себя *мир*, то есть погрязшее во грехе человечество, потому что он не имеет никакой внутренней восприемлемости для принятия Его; потому что грех в существе своем есть ложь, а с ложью Дух *истины* не может обитать вместе. Грех помрачает и затемняет духовное зрение, так что обремененный грехами человек не может видеть и познавать, то есть умственно замечать пребывающего и действующего в глубине его души Святого Духа. В противоположность миру Господь говорит о Своих учениках, что они знают Духа, потому что Он в них пребывает и в них будет.

Не оставлю вас сиры. Прежде (13:33) Господь назвал Своих учеников *чадцами*, так как Он есть Отец их, возродивший их духовно; сообразно с этим здесь Он употребляет выражение *не оставлю вас сиротами.* Дальнейшие слова Господа *прииду к вам*, судя по связи речи, нельзя понимать в смысле видимого явления Христа после Его Воскресения, а также и в смысле второго пришествия Его на суд, но в смысле *пришествия Христова во Святом*

Духе. Христос со Святым Духом и в Святом Духе приходит к людям духовным образом и обитает в них в живой вере и искренней любви. Но полное Его воссоединение с верующими наступит, конечно, после второго пришествия Его (ср. 2 Кор. 5:6).

Еще мало, и мир ктому не увидит Мене, именно телесными очами, *вы же увидите Мя, яко Аз живу, и вы живи будете*. После сказанного выше слова: *вы же увидите Мя* нужно относить не к физическому зрению телесно Воскресшего, но к *духовному* видению Его сердцем и умом. *Аз живу, и вы живи будете* – имеет такой смысл: так как Я – истинная жизнь, и вы будете участниками этой жизни, то вы и познаете Меня, как пребывающее в вас и оживляющее вас начало жизни.

В той день (именно, когда Христос во Святом Духе приидет к ним) *уразумеете вы, яко Аз во Отце Моем и вы во Мне, и Аз в вас* (ст. 20), следовательно, тогда они познают истинное отношение Христа ко Отцу и свое отношение ко Христу. Они тогда познают, что Христос *во Отце*, то есть едино с Отцом по существу Своему, и что, следовательно, Он – *Бог*, как и Отец (ср. 10:38); но они поймут также, что и сами находятся в самой живой связи со Христом, и почувствуют себя членами Христовыми. Но эта живая связь со Христом совершается только *в любви;* пробный же камень любви есть соблюдение заповедей. Поэтому: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (ст. 21). «Иметь заповеди» употреблено здесь в смысле «слушаться заповедей, следовать им». Слово *явлюся*, естественно, по связи речи, нужно понимать как внутреннее откровение Христа в сердцах Его учеников, а не в смысле явления Господа по воскресении. Ученики все еще не могли понять этого внутреннего откровения, о котором говорил Спаситель; они все еще думали, что Иисус Христос прославит Себя пред всем миром в качестве мессианского царя; поэтому апостол Иуда (не Искариотский) и спрашивает: *Господи, и что бысть* (что Тебя побуждает? что значит?), *яко нам хощеши явитися, а не мирови? – Отвеща Иисус и рече ему: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит Его, и к нему приидем и обитель у него сотворим. Не любяй Мя словес Моих не соблюдает: и слово, еже слышасте, несть Мое, но пославшаго Мя Отца* (ст. 22-24). Иисус Христос не прямо, но косвенно говорил о том внутреннем откровении, которое Он имел в виду. В любви, говорит Он, которая обнаруживается в соблюдении заповедей (15:21), заключается внутренняя, живая связь с Ним, а чрез Него и с Отцом. Спаситель говорит здесь о той связи живой души с Богом и с Ним Самим, которую подвижники называли «таинственным соединением с Богом» и которая не может быть выражена словами и только испытывается облагодатствованными душами. В словах *обитель у него сотворим* выражается мысль о постоянном пребывании Господа вместе с верующею душою. Отец и Сын подобно путешественнику приходят как бы

из Своего небесного отечества (ст. 2) и останавливаются на жительство у любящего Их человека (ср. Откр. 3:20): *Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзает двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною.* В следующем (24) стихе та же мысль выражается только отрицательно: с теми, которые не любят Его слов, то есть Его заповедей, Он не может входить в эту связь; ибо Его слово, заключающее в сей Его заповеди, есть слово *Отца* (ср. 7:16), и, следовательно, они отвергают Самого Бога.

Обозревая все доселе сказанное ученикам в этой речи, Спаситель знал, что ученики еще не вполне поняли Его, что нечто в Его речи оставалось для них темным и загадочным. Поэтому Он после небольшой остановки говорит: *Сия глаголах вам в вас сый* (находясь еще с вами) и обещает им потом Святого Духа, Которого Отец пошлет вместо Него (*во имя Мое*) и Который научит их всему и напомнит все, что Он говорил им: *Утешитель же, Дух Святый, Егоже послет Отец во имя Мое, Той вы научит всему и воспомянет вам вся, яже рех вам* (ст. 25–26). Следовательно, Утешитель будет сообщать им не новое какое-либо учение, а разовьет только то, что уже в начатках своих было высказано в словах Иисуса Христа и, таким образом, введет их в обладание полною истиною (ср. 16:13 и далее); Он верно напечатлеет в памяти их речи Господа и уяснит им смысл их.

Таким образом, Иисус Христос закончил Свои личные наставления ученикам и указал им в будущем на иного Утешителя. Далее мы читаем как бы формальное выражение Его завещания: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам* (ст. 27). В слове *мир* (по-еврейски «шалом» — спасение, спокойствие) Господь обнимает все *спасение,* которое Он с неба принес на землю и которое, будучи принято человеком в вере, производит истинный, невозмутимый, внутренний *мир.* То, чего на Востоке обыкновенно *желали* при прощании (1 Цар. 1:17; 20:42; 29:5; Мк. 5:34; Еф. 6:22; 1 Пет. 5:14), Иисус Христос *оставляет и подает* Своим ученикам. С ангельским приветствием мира вступил Он в мир (Лк. 2:14), с завещанием мира Он и уходит из мира. Мир не может дать этого мира, потому что он оторвался от первоисточника всякого мира и спасения; у него одни только пустые желания, обещающие власть, почести, богатство и т.д.

Последние слова Господа естественно должны были исполнить сердца учеников тяжелою скорбью; поэтому Иисус Христос вслед затем высказывает им одобрение: *Да не смущается сердце ваше, ни устрашает,* и далее представляет *основание* этому ободрению: *Слышасте, яко Аз рех вам: иду и прииду к вам. Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко рех, иду ко Отцу: яко Отец Мой болий Мене есть* (ст. 28). Здесь радость учеников поставляется в зависимости от их любви ко Господу. Обыкновенная любовь не хочет оставаться без любимого предмета и не может быть в разлуке с ним; но совершенная любовь самоотверженна и радуется только о большем счастии

и радости любимого предмета, и такой любви желает Иисус Христос от Своих учеников. *Основание* же, почему ученики должны радоваться отшествию Его ко Отцу, выражено в словах *яко Отец болий Мене есть*; так как Отец *болий* Его есть, то отшествие Его ко Отцу должно быть для них предметом радости. Здесь заключается мысль, что отшествие Его ко Отцу должно иметь свои важные последствия, именно прославление и *человеческой* природы Иисуса Христа. Доколе Сын Божий вследствие Своего добровольного уничижения был *меньше Отца*, Он в борьбе и страдании стремился к своему Первоисточнику, и все, которые любили Его, должны были вместе с Ним желать Его прославления. Но это желание Его не было у Него своекорыстным; но как Он ради нас уничижил Сам Себя, так Он ради нас желал и прославления Своего, которое было и нашим прославлением. Как для *Него* было хорошо идти ко Отцу, так и для *учеников* (ср. 16:6). *И ныне* (как уже несколько раз и прежде) *рех вам*, что Я иду ко Отцу, *прежде даже не будет, да егда будет, веру имете*, что Я именно пошел ко Отцу (ст. 29). Иисус Христос, так часто повторяя это предсказание о Своем близком отшествии, хочет предохранить их от соблазна, какой могло возбуждать в них глубочайшее на кресте Его уничижение (ср. 13:19; 16:4).

Ктому не много глаголю с вами: грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже (ст. 30). Греховный *мир* есть область сатаны, в которой он господствует; во *Христе* же как безгрешном Существе он совершенно ничего не имеет такого, что мог бы назвать своим, и поэтому не имеет над Ним никакой власти. Следовательно, Христос, если бы захотел, мог бы избежать смерти, которая есть плата за грех. Иисус Христос говорит: *грядет* мира князь, то есть в своих орудиях (ср. Лк. 12:43). Иуда Искариотский в то время сделал уже все приготовления к исполнению своего диавольского плана. Это видел Господь, и, чтобы ясно показать, что Он *добровольно* идет на смерть, для откровения Своей любви к миру и послушания Своему Отцу, Он возбуждает Своих учеников к противодействию диавольской силе: *Но да разумеет мир, яко люблю Отца, и яко заповеда Мне Отец, тако творю, – востаните, идем отсюду* (ст. 31). Слова *востаните, идем отсюду* нужно понимать в смысле восстания от трапезы и приготовления в путь. И так как в 1 стихе 18 главы повествуется об исшествии Иисуса Христа из города чрез поток Кедронский, то нужно признать, что следующие речи Спаситель произнес, стоя в той же горнице, окруженный учениками. Признать же, согласно с некоторыми толковниками, что речи, заключающиеся в 15 и 16 главах и особенно 17, произнесены *на пути*, значило бы допустить большую психологическую невероятность.

Притча о виноградной лозе и ее ветвях *(Ин. 15: 1–11)*

По какому внешнему поводу Иисус Христос в этой Своей речи воспользовался образом *виноградной лозы* – толковники в объяснении этого расхо

дятся между собою. Но нет нужды прибегать к натянутым догадкам. Естественнее всего находить этот повод в стоявшей еще на столе *чаше с вином*, которая на этой вечери имела такое важное значение. Господь в последний раз только что пил с учениками Своими *от плода лознаго* (Мф. 26:29), потом Он претворил вино во всесвятейшую Свою Кровь, предложил ее в питие ученикам и, таким образом, теснейшим образом соединил их с Собою; как легко и естественно в это время мог представиться Ему образ виноградной лозы и ее ветвей для изображения внутренней связи верующих с Собою; апостол Павел для изображения той же самой мысли избрал образ человеческого *тела* (Еф. 5:30; Кол. 2:19; ср. 1 Кор. 12:12 и далее), что в притче Спасителя изображает «виноградная лоза», то у апостола Павла — голова, что у Спасителя — «ветви», то у апостола Павла — члены. Впрочем, в образе, заимствованном от тела, более изображается отношение верующих *друг к другу* при посредстве главы, тогда как в образе от виноградной лозы — более отношения ко Христу. Еще в Ветхом Завете Израиль представляем был под образом виноградника и виноградной лозы (см. Ис. 5:1 и далее; Иер. 2:31; Иез. 15:1 и далее; 19:10 и далее; Пс. 79:9 и далее).

Аз есмь лоза истинная, и Отец Мой делатель есть (ст. 1). Все земное служит только образом высшего сверхчувственного мира; в отношении виноградной лозы к своим ветвям образно представляется духовная связь Христа с верующими. Иисус Христос есть *истинная*, первообразная виноградная лоза, и Отец Его, Который посадил Его на земле, то есть по милосердному определению Которого Иисус Христос стал человеком, есть виноградарь.

В первом этом стихе названы только два члена сравнения; третий член — *вы же рождие* — ясно выражен в пятом стихе, но он уже подразумевается и вначале. *Всяку розгу, о Мне не творящую плода, измет ю, и всяку, творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет* (ст. 2). Иисус Христос описывает здесь сначала деятельность *виноградаря*. Деятельность эта двух родов: отсечение бесплодных и *очищение* плодоносных ветвей, чтобы сделать последние более плодородными. Кто посредством веры и крещения привился, как виноградная ветвь, к истинной виноградной лозе — Христу, и не приносит никаких плодов веры и любви, у того Господь отнимает, наконец, живительную силу Своей благодати; он засыхает и, когда виноградарь очищает виноградные лозы, то есть во время суда, совершенно отсекается от виноградной лозы. Но кто приносит плоды добрых дел и таким образом находится в живом общении со Христом, того Господь очищает все больше и больше, посредством испытаний отрезая наросты порочных склонностей и посредством Своей благодати увеличивая любовь, то есть внутреннюю жизненную силу, которая потом сама собою очищает все маленькие пятна и уничтожает греховные наросты.

В ободрение учеников Иисус Христос присовокупляет далее, что они уже прежде очищены, и именно чрез слово, которое Он говорил к ним и

которое будучи принято ими *с верою*, делается оживляющею, очищающею и преобразовывающею силою: *Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам* (ст. 3). Под *словом* нужно разуметь *все* откровение Спасителя (ср. 8:43), а не изречение Господа в 13:10 ст., как думают некоторые толковники. Блаженный Августин спрашивает: «Почему Господь не говорит: вы чисты чрез крещение, которым омылись?» – и отвечает: «Потому что и в воде очищает *слово*. Если отнять слово, то что будет вода, как не вода только? Слово входит в вещество и бывает таинство, которое само есть как бы видимое слово. Это самое сказал Господь, когда омыл ноги ученикам: *Измовенный не требует токмо нозе умыти, есть бо весь чист* (13:10). Откуда приходит воде эта великая сила, что она, касаясь тела, очищает сердце, если не от слова, не потому, что оно произносится, но потому, что веруют ему? Ибо и в слове самом есть нечто другое, кроме исчезающего звука, есть пребывающая в нем сила: *слово веры, которое мы проповедуем*, говорит апостол (Рим. 10:8); этим словом освящается и крещение, так что оно может очищать. *Христос возлюби Церковь и Себе предаде за ню, да освятит ю, очистив банею водною в глаголе* (в слове) (Еф. 5:26). Таким образом, очищение приписывается отнюдь не преходящему и исчезающему веществу, если не соединяется с ним слово.

Так как ученики верою во Христа уже привились к Нему и чрез это очистились, то теперь нужно было заботиться только о том, чтобы они *пребывали* в Нем, не отклоняясь от жизненного общения с Ним. Поэтому увещание: *будите во Мне*, именно, как виноградная ветвь на лозе, *и Аз* (то есть буду) *в вас* (ст. 4), подобно виноградной лозе, которая не отрывается от своих ветвей, но постоянно проникает их своею жизненною силою. *Якоже розга не может плода сотворити о себе* (то есть из собственной силы), *аще не будет на лозе: тако и вы* (не можете приносить плодов сами по себе), *аще во Мне не пребудете*. Следовательно, как виноградная ветвь только тогда приносит плод, когда не отделена от своей лозы, так и человек может приносить плоды добрых дел только в жизненном общении со Христом. Та же самая мысль в следующем стихе еще более усиливается и уясняется, чтобы ученики глубже усвоили ее себе: *Аз есмь лоза, вы же рождие. И иже будет во Мне и Аз в нем* (то есть и в котором Я пребываю), *той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже*. В последних словах Господь оставляет образную речь. Он говорит: *Без Мене не можете творити ничесоже*, потому что, как виноградная ветвь, будучи отсечена от своей лозы, совершенно не может приносить никаких плодов, так и человек вне общения со Христом не может совершить ни одного истинно доброго дела, имеющего заслугу для вечности.

Аще кто во Мне не пребудет, изизвержется вон, якоже розга, и иссышет, и собирают ю, и во огнь влагают, и сгарает (ст. 6). Кто отсек себя от Христа, тоже подобен засохшей и выброшенной ветви. Кто не утверждается во

Христе своею верою и любовью, тот лишается живительного сока благодати Божией, засыхает духовным образом и, наконец, совершенно отделяется от Него и, как сухая ветвь, бросается в огонь геенский. Подлежащее к словам *собирают и во огнь влагают* понятно само собою: в образе — слуги винограда ря, а на самом деле — ангелы (ср. Мф. 13:41).

Из образной речи Господь теперь постепенно переходит к собственной: *Аще пребудете во Мне, и глаголы Мои в вас пребудут, егоже аще хощете, просите, и будет вам* (ст. 7). Следовательно, если человек пребывает в живейшей связи со Христом (а он во Христе пребывает, когда с верою исполняет слова Его), то все его прошения исполнены будут, ни в чем не будет ему отказано. *О сем прославится Отец Мой, да плод мног, сотворите и будете Мои ученицы* (ст. 8). В принесении учениками плодов как естественном следствии пребывания их с Ним и молитвы их заключается прославление Отца, так как сила Божия чрез Сына становится видимою в верующих. И когда ученики будут приносить богатые плоды, тогда они будут *собственными* и *истинными* Его учениками.

Якоже возлюби Мя Отец, и Аз возлюбих вас, будите в любви Моей! Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в Его любви (ст. 9–10). Доселе Господь под образом, заимствованным от виноградной лозы и ее ветвей, изображал внутреннюю связь, в какой Он находился с учениками Своими. Но уже с 7 стиха Он постепенно оставлял образную речь. Здесь же говорит Он о той связи, которою завязывается и сохраняется это духовное общение с Ним. Связь эта есть *любовь*, которою Он сначала возлюбил их и которая своим источником и первообразом имеет любовь Отца к Сыну. Стремлением истинных учеников Его должно быть сохранение этой Его любви к ним, особенно радостное исполнение Его заповедей, которые сами по себе суть любовь и жизнь, следовательно, открытый доступ любви. Ибо как Отец живет в Сыне, творчески действуя чрез Него, и как Сын неустанно действует в силе, так и ученик тогда только может наслаждаться благословением любви Иисуса Христа, когда он беспрепятственно приносит плоды, когда с радостью делает то, что любовь повелевает.

В словах *сия глаголах вам, да радость Моя в вас будет, и радость ваша исполнится* (ст. 11) заключается конец отдела. *Сия* относится ко всему сказанному от 1 до 10 стиха, но особенно относится к тому, что Господь только что говорил о любви. Сознание пребывания со Христом, внутреннего общения с Ним в любви и жизни составляет на земле единственный источник радости и счастья. Христос называет эту радость *Своею*, как называл Он Своими любовь и мир, так как Он Сам наслаждается этою радостью (ср. 17:13) и так как Он произведет ее в сердцах верующих. Такою радостью обладали мученики, мужественно переносившие страдания и гонении. Но совершенной

полноты своей эта радость во Христе достигнет в другой жизни, когда Он прославленные члены Свои соединит с Собою внутреннейшею связью.

***Заповедь о взаимной любви, основывающейся на любви ко Христу** (Ин. 15: 12–17)*

Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы (ст. 12). Выше Господь сказал (ст. 10), что главное условие пребывания в Его любви, а затем и в Его радости, составляет соблюдение Его заповедей. Но важнейшая из этих заповедей есть *любовь к ближнему* (ср. Рим. 13:10) Это в собственном смысле – *Его* заповедь, и в исполнении ее Он явил Себя высочайшим примером и образцом. Поэтому: *больше сея любве никтоже имать, да кто душу* (т.е. жизнь) *свою положит за други своя* (ст. 13). Если апостол Павел в послании к Римлянам 5:6 и далее особенно старается выставить на вид ту мысль, что Христос умер за нас, когда мы еще были *грешниками* и Его врагами, то этим, однако, не выражается ли высшая степень любви Иисуса Христа; потому что и тех, которые ныне, будучи объяты Его любовью, сделались Его друзьями, Он возлюбил, когда они были еще грешниками и Его врагами (ср. 1 Ин. 4:10). После 13 стиха для полноты мысли, согласно древним толковникам, следует прибавить: «как Я теперь делаю». Тогда и 14 стих будет стоять в прямой с ним связи; поэтому если и ученики хотят принадлежать к числу тех, за которых Христос предал Свою жизнь, то должны делать то, что Он заповедал им: *Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам.*

Чтобы показать ученикам, какое высокое *достоинство* заключается в названии «друзи», Господь продолжает: *Не ктому вас глаголю рабы, яко раб не весть, что творит Господь его,* то есть он не знает побуждений его действий. *Вас же рекох други* (именно ст. 14 и Лк. 12:4); *яко вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам* (ст. 15). Правда, Иисус Христос прежде не раз называл Своих учеников *рабами* (12: 26; 13:13 и далее), и Он мог так называть их, потому что как Творец и Искупитель Он был их *Господом.* Но Он, однако, всегда обращался с ними как с друзьями, а не как с рабами. Три года они находились в самом близком отношении к Нему. Он их учил и воспитывал, ничего не скрывая от них: *вся... сказах вам.* Правда, Он говорит ниже, что еще многое Он имеет сказать им, чего они ныне не могут вместить (16:12), но это было только дальнейшее развитие того, что Он уже открыл им. Главное, что касается искупления, Он уже открыл им; все же остальное есть только раскрытие сего, что Он и предоставил деятельности Святого Духа.

Начало этой дружбе положили не ученики, но Сам Христос: *Не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас и положих вас, да вы идете и плод принесете, и плод ваш пребудет: да егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам* (ст. 16). Следовательно, не *они* Его, но Он их избрал Своею благодатию и милосердием из греховного мира и *положил* их, то есть как виноградные ветви при-

вил к истинной виноградной лозе (ст. 1 и далее), чтобы они *после* (*да вы идете*) приносили плоды для вечности и чтобы Отец услышал все их молитвы, которые они будут приносить во имя Его, то есть в Его силе, в общении с Ним. В этих словах Господа заключается для учеников урок смирения и вместе великого утешения: всякий плод, который они приносят, есть дело Насадителя, всякая молитва к Отцу услышана бывает во имя Его. Слова: *положих вас* многие принимают в смысле: «Я поставил Своими учениками». Действительно, глагол *положить* – τιθέναι употребляется в значении «поставить на должность» (ср. 1 Кор. 12:28; 1 Тим. 1:12); но, как показывает следующее выражение «плод принесете», здесь еще отзывается образ, заимствованный от виноградной лозы.

Так как Господь теперь хочет далее говорить о гонениях, то Он в заключение еще раз выставляет на вид любовь, которую Он предлагает им как бы в вознаграждение за все бедствия, какие готовит им мир. *Сия заповедаю вам, да любите друг друга* (ст. 17). *Сия* относится к сказанному от 12–16 ст. (ср. ст. 11). Цель («да» — ἵνα) и как бы зерно этого есть взаимная любовь.

О ненависти мира к ученикам Христовым *(15:18–16:4)*

Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир (15: 18–19). Когда ученики испытают ненависть мира и его гонения, то это не должно удивлять их; при этом они должны иметь в виду и утешаться тем, что Он прежде их испытал ненависть мира (ср. 1 Пет. 4:12 и далее). Объяснение же этому явлению заключается в том, что в них, избранниках Его, и в мире действуют два противоположные начала, которые естественно сталкиваются, как две враждебные силы. В них чрез Христа действует Бог, в мире же сатана; поэтому дружба с миром есть вражда с Богом, и наоборот (ср. 1 Ин. 3:13; 4:5). *Пять* раз повторенное слово мир указывает на особенную торжественность речи (ср. 3:17).

Поминайте слово, еже Аз рех вам: несть раб болий господа своего. Аще Мене изгнаша, и вас изженут: аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдут (ст. 20). Чтобы лучше уяснить ученикам только что высказанную мысль, Господь ссылается на прежде сказанные Им слова, именно 13:16. Как там слова *несть раб болий* и проч. должны были напоминать о том, что ученик и раб должен охотно переносить всякое уничижение и нужду, какую терпит его учитель и господин; так и здесь — никакое страдание, претерпенное Господом, не должно быть для учеников чем-нибудь необыкновенным, неслыханным (ср. Мф. 10:24). Прекрасно замечает при этом блаженный Августин: «Откажись быть членом тела, если не хочешь вместе с главою переносить ненависти мира». Следовательно, если люди преследовали Иисуса Христа, то и ученики Его не могут обойтись без преследований; но если, напротив, они принимали и соблюдали слова Христа, то будут соблюдать

и слова учеников Его. Условность речи в том и другом случае не определяет ученикам, что, собственно, постигнет и учеников из того, что было с Самим Иисусом Христом. Но ученики достаточно знали из опыта, как редко принимали люди слово Его; а что и они вообще не встретят себе со стороны иудеев благоприятного приема и потому должны ожидать преследований, достаточно показывает следующий 21 стих.

Но сия вся творят вам за имя Мое, яко не ведят Пославшего Мя (ст. 21). Следовательно, тайная причина того, почему будут преследуемы ученики Господа, заключается в ненависти мира к *имени*, то есть к лицу Иисуса Христа. Мир ничего не хочет знать об Иисусе, и самое *имя* Его, пред которым должно, однако, преклониться всякое колено небесных, земных и преисподних (Флп. 2:10), противно им. И все это потому, что они не знают Бога истинным образом. Если бы у них было живое познание Бога, то они признали бы и Иисуса Христа посланником Божиим, и именно, как говорится ниже, Его учение и чудеса. Для учеников же мысль о том, что они страдают ради имени Христова, должна служить утешением и ободрением; и как часто они утешали себя этою мыслью, показывают такие места Писания, как Деян. 5:11; 21:13; 2 Кор. 12:10 и далее; Гал. 6:17; 1 Пет. 4:12 и далее.

Аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели; ныне же вины (извинения) *не имут о гресе своем* (ст. 22). *Ненавидяй Мене и Отца Моего ненавидит* (ст. 23). Если бы Иисус Христос спасительное Свое *учение*, которое для всякого простого и искреннего сердца носит само в себе печать истинности и Божественности (ср. 6: 63, 68; 7:46; Мф. 7:28 и далее), не проповедал иудеям, то они в этом могли бы еще находить оправдание своему неверию и своей ненависти к имени Иисуса Христа; они могли бы сказать, что Иисус Своею проповедью не доказал, что Он есть обещанный Мессия. Но теперь они не имеют извинения; и в ненависти их к Нему, Который Своим учением заявил Свое посланничество от Бога, заключается вместе с тем ненависть к Богу (ср. 5:23). Но еще большая откроется вина неверующих, если взять во внимание *дела*, то есть чудеса, которые творил Иисус и в которых Он несомненно явил Себя посланником Божиим: *Аще дел не бых сотворил в них, ихже инъ никтоже сотвори, греха не быша имели, ныне же и видеша, и возненавидеша Мене и Отца Моего* (ст. 24). Со словами *ихже инъ никтоже сотвори* нужно сравнить слова у Матфея 9:33, которые народ произносил после исцеления Иисусом немого бесноватого: «Никогда не бывало такого явления (чудесного действия) в Израиле». Чудеса Иисуса Христа в связи с высотою Его лица и возвышенностью Его учения безусловно превосходили все то, что было в этом роде в Ветхом Завете; по своей природе и по своему явлению это были *Божественные* дела (ср. 5:36; 9:3 и далее; 10:37; 14:10). Поэтому Господь и говорит, что в чудесах Его они видели и Его Самого как Мессию (10:25), и вместе с тем и Отца (14:10). Но все это должно было совер-

шиться, чтобы сбылось сказанное прообразовательно псалмопевцем о страждущем Мессии: *Но да сбудется слово писанное в законе их: яко возненавидеша Мя туне* (ст. 25). «В законе их», то есть в том их законе, на котором они основываются, от которого ожидают спасения (ср. 5:45; 8:17). Слово *закон* здесь, как в 10:34, нужно понимать в обширном смысле, в смысле всего Ветхого Завета, потому что приведенное заимствовано из Пс. 68:5 или 34:19.

Егда же приидет Утешитель, Егоже Аз послю вам от Отца (ср. 14:18), *Дух истины* (ср. 14:16), *Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне: и вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте* (26–27). Сколько утешительного и ободрительного заключалось для апостолов в этих словах Господа! *Христос*, Господь их и Учитель, пошлет им Утешителя, а Утешитель этот есть Дух *истины*, которая хотя и будет по временам преследуема и угнетаема, но наконец останется победительницею: Сам же Дух исходит от Отца, Первоисточника всякой силы и крепости. Внутреннее свидетельство Святого Духа и внешнее свидетельство учеников, очевидцев и слушателей Его учения и чудес, короче, свидетелей всей Его жизни, убедят мир в Божественности Иисуса Христа и Божественности Его учения. В этих словах утешения Спаситель высказывает и призвание апостолов в будущем и их положение в отношении к Церкви на земле. Для сообщения каждому верующему благодати и истины, Иисус Христос хотел во всей Своей *Богочеловеческой*, исторической личности продолжаться в человечестве. Но для этого нужно было двоякое свидетельство, *внутреннее*, Божественное в сердце человека и *внешнее*, человеческое. Внешнее свидетельство представили апостолы, и свидетельство их переходит в Церковь от рода в род и будет переходить до конца веков. Поэтому Церковь, будучи устроена на основании апостолов, по справедливости называется *апостольскою*.

Доселе Иисус Христос говорил более общим образом о борьбе, какую неверующий мир уготовляет ученикам. Теперь Он говорит им определеннее о предстоящих гонениях. *Сия глаголах вам, да не соблазнитеся* (16:1). *Сия* обращает речь к сказанному в 15: 18–27: *да не соблазнитеся*, то есть чтобы не поколебались в вере в Меня, когда настанут преследования. Ибо, как говорит святой Григорий: «Предвиденные стрелы обыкновенно не так сильно поражают». От *сонмищ ижденут вы: но* (даже) *приидет час, да всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу* (ст. 2). Слово *служба* здесь собственно значит жертвоприношение. У раввинов-фанатиков было правило: «Кто проливает кровь нечестивого, тот делает то же, что и приносящий жертву». *И сия творят, яко не познаша Отца, ни Мене* (ст. 3). *Но*, чтобы не входить далее в частности, — *сия глаголах вам, да егда приидет час, воспомянете сия, яко Аз рех вам.* Дальнейшие слова 4 стиха: *сих же вам испрева не рех*, казалось бы, находятся в противоречии со сказанным у Мф. 5:10 и далее; 10:16 и далее; Лк. 6:22 и далее; в других местах Евангелия, где Спаситель

уже прежде говорил Своим ученикам о преследовании их ради Его. Но между всеми прежними предсказаниями и нынешним есть большое различие. Прежде Он делал им только частные указания насчет будущего, тогда еще отдаленного, и ученики, исполненные еще надежд на блестящее земное Царство Мессии, столь же мало понимали эти слова, как и предсказания Иисуса Христа о Своих страданиях и смерти. Слушая эти слова, они разумели под ними те великие затруднения, какие предстояли им, и не принимали этих слов в буквальном, собственном смысле. Но теперь все получило другое значение; они знали, что Христос скоро оставит их, и потому Он теперь говорит им с гораздо большею определенностью, чем прежде, о том, что их постигнет. Основание же, почему Он прежде так определенно не говорил им об этом, указывает следующее: *Яко с вами бых.* Таким образом, доколе Иисус Христос был вместе со Своими учениками, все преследования касались Его, первее всего Он был предметом, жертвою ненависти мира. Но когда Он крестною смертию взошел к Своему Отцу, тогда на Его место в борьбе с миром выступили Его ученики, чтобы среди страданий и преследований доставить победу Царству Его.

***Победа учеников над миром силою Святого Духа и испытание их веры** (Ин. 16: 5–33)*

Ныне же иду к Пославшему Мя, — и никтоже от вас вопрошает Мене: камо идеши? Но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша (ст. 5–6). После слов *ныне же иду к Пославшему Мя* нужно предположить непродолжительное молчание. Господь видит, что слова Его опечалили учеников. Чтобы ободрить и утешить их, Он побуждает их к дальнейшему исследованию касательно Его отшествия к Отцу для их блага. Что апостолы Петр (13:36) и Фома (14:5) уже спрашивали Господа о том, куда Он идет, это не противоречит последним словам Иисуса Христа; потому что Господь здесь порицает мгновенную их скорбь, которая теперь мешает им ясно понимать цель Его разлуки с ними. *Но Аз истину вам глаголю: уне есть вам, да Аз иду. Аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к вам* (ст. 7). Здесь Спаситель утешает Своих учеников тем, что пришествие Утешителя находится в зависимости от Его отшествия к Отцу. Прежде чем Святой Дух, удалившийся от человечества вследствие первородного греха, снова сойдет к человечеству, должен наперед очиститься грех рода человеческого, и человечество в главе своей, во Христе, должно возродиться, преобразиться. В отношении же собственно к ученикам отшествие Спасителя было полезно тем, что, лишив их видимого Своего присутствия, Господь тем самым очистил их веру и сделал их способными к восприятию Своих тайн.

После этого Спаситель изображает *деятельность Святого Духа* 1) в отношении к *неверующему миру* (ст. 8–11): *И пришед Он* (Утешитель) *обличит мир о гресе, и о правде, и о суде.* Следовательно, действием Утешителя будет *обличе-*

ние мира, то есть Он так будет действовать, так убеждать, что мир постыдится и посрамится. Три предмета этого обличения: *грех, правда и суд* Господь Сам объясняет, продолжая речь: *о гресе убо, яко не веруют в Мя.* В словах *яко не веруют в Мя* выражается *содержание* греха: Утешитель обличит мир в грехе *неверия,* в котором он сделался виновен, не признав Иисуса Мессиею и Спасителем мира. Святой Дух Своими действиями в апостолах обличил мир в его неверии и продолжает обличать его Своими неоскудевающими действиями в Церкви. Апостольская и церковная проповедь о Христе, Искупителе и Спасителе мира, служит для неверующего мира постоянным призывным голосом, пробуждающим его от греховного сна и обвиняющим в неверии. Церковь, руководимая Святым Духом, своею проповедью о Христе есть видимая *совесть* для неверующего мира, так что ему не будет никакого извинения в своем неверии. *О правде же, яко ко Отцу Моему гряду, и ктому не видите Мене.* Как в предыдущем стихе предметом *греха* был мир, так здесь предметом *правды* как противоположности *греху* есть *Христос.* О правде *Христа* Святой Дух обличит мир отшествием Его ко Отцу Своему и Его невидимостью. Неверующий мир отверг и отвергает Иисуса как ложного пророка, следовательно, как *неправедника* и *грешника* (ср. 9:24), который по справедливости предан постыдной смерти (ср. 18:30). Но восприятие Его на небо, прославление Его у Отца, особенно невидимые, но могущественные и победоносные Его действия в Церкви посредством Святого Духа все больше и больше будут обличать и убеждать мир, что Иисус был и есть Праведник (ср. 1 Ин. 2: 1, 29; 3:7; 1 Пет. 3:18), Который один может привести людей к истинной праведности пред Богом. *О суде же, яко князь мира сего осужден бысть. Грех* находит свой конец, а правда свою победу в суде, который начался с отшествием Христа к Отцу и продолжается до конца мира. В этом *суде* Дух Святой убедит (обличит) мир, показав, что царство сатаны разрушено (ср. 12:31). И мир это заметит по чудесному распространению Царства Христова на земле и по силе Его, преобразующей человечество. Царство сатаны есть царство лжи, обмана и греха; но с распространением христианства должно постепенно исчезнуть. Разделение между светом и тьмою уже, следовательно, наступило, и это разделение для всех, кто не ослепил себя намеренно, видимо в Церкви Христовой и будет всегда видимым до конца веков.

Деятельность Святого Духа 2) в отношении к *апостолам и их последователям* (12–15). Выше (15:15) Иисус Христос сказал: *вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам,* а здесь Он говорит: *еще много имам глаголати вам, но не можете носити ныне.* Но тут нет противоречия. Без сомнения, Иисус Христос сообщил апостолам Своим всю Божественную истину, но только как бы в зародыше. Но этот зародыш, который Он, подобно зерну, посеял в их сердце, был способен к бесконечному развитию. Обнять теперь полное развитие этой единой истины во всем ее объеме, апостолы были еще не в

состоянии. Святой Дух имел дать им способности к этому. Поэтому и сказано: *егда же приидет Он, Дух истины, наставит вас на всяку истину* (ст. 13). Следовательно, Утешитель, Который есть Дух *истины* и потому не может заблуждаться и вводить в заблуждение, все глубже и глубже будет вводить их в область этой единой бесконечной истины; под Его охранением положенный Христом зародыш будет все больше и больше развиваться до конца веков. Прекрасно замечает по этому поводу святой Иларий: «Как некогда Христос преуспевал возрастом и премудростию (Лк. 2:52), так теперь – Церковь». Подтверждая слова: *Дух... наставит на всяку истину,* Спаситель присовокупляет: *не от Себе бо глаголати имать,* то есть Утешитель будет для вас не самостоятельным и новым началом истины, Он возвестит вам истину, не отличную от той, которую в зародыше уже получили вы, но Он будет только путеводителем к полной и совершенной истине; *но елика аще услышит* (именно от Отца) *глаголати имать.* Но Он будет для апостолов не только руководителем в дальнейшем усвоении и развитии принятой ими от Христа истины; Утешитель будет для них и *пророческим* Духом, Который откроет им будущее развитие и судьбу Церкви: *И грядущее возвестит вам, – Он Мя прославит, яко от Моего приимет и возвестит вам. Вся, елика имать Отец, Моя суть: сего ради рех, яко от Моего приимет и возвестит вам* (14–15). Развивая и утверждая на земле единую вечную истину, происходящую от Бога Отца, Святой Дух этим самым прославляет Христа, укрепляет в сердцах людей царскую власть Его, потому что истина, которую Святой Дух возвещает, принадлежит как *Отцу,* так и Христу. Христос как Сын Божий есть существенный образ, Слово Отца, следовательно, и всякая истина, заключающаяся в Отце как своем первоисточнике обитает и в Сыне, «в Котором, – как говорит апостол Павел, – сокрыты все сокровища премудрости и разума» (Кол. 2:3). Поэтому Дух Святой получает истину как от Отца, так и от Сына. *Вмале, и к тому не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя* (ст. 16). Подобно тому, как и выше (14:19 и далее), Господь и здесь в загадочных и неясных словах говорит о Своей близкой смерти и будущем пришествии во *Святом Духе. Не видите* относится к *телесному зрению,* а *узрите* – к *духовному* видению во Святом Духе и Его действиях, но отнюдь не к созерцанию Иисуса Христа после Его воскресения и при втором Его пришествии, как думали некоторые толковники. В словах *яко Аз иду ко Отцу* заключается причина сказанному в обеих частях предыдущего предложения. Апостолы скоро не увидят уже Его больше телесными глазами, потому что Он идет к Отцу и тем лишает их Своего телесного присутствия; потом они скоро увидят Его духовными очами, также потому что Он идет ко Отцу и Его отшествием к Отцу условливается пришествие Утешителя.

Реша же (некоторые) *от ученик Его к себе: что есть сие, еже глаголет нам: вмале, и не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя? и: яко Аз иду ко Отцу?* –

Глаголаху убо: что сие есть, еже глаголет, вмале? Не вемы, что глаголет (17–18). Если вникнуть в расположение духа апостолов в эти минуты, то легко объяснить непонимание их слов Господа. Несколько раз Иисус указывал на Свое отшествие, и это привело учеников в скорбь (ср. ст. 5 и далее). Теперь снова Он ясно говорит им, что еще немного времени они будут видеть Его; но затем Он столь же ясно присовокупляет, что они также снова скоро увидят Его. Слова эти пробуждают в них смешанное чувство радости и скорби, надежды и страха, они не знают, что и думать. Особенно им желалось ближе уразуметь это «вмале» (μικρόν), потому что Он сказал: *вмале и узрите Мя.* Если бы только, думали они, может быть, это «вмале» продолжилось недолго!

Разуме же Иисусъ, яко хотяху Его вопрошати, и рече им: о сем ли стязаетеся между собою, яко рех: вмале и не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя (ст. 19). Как Сердцеведец, Иисус Христос, видя желание учеников разрешить загадочный для них смысл Его слов, предупреждает их вопрос, с которым они хотели обратиться к Нему, и затем представляет объяснение 1) касательно слов: «вмале и не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя» (20–27), потом 2) касательно слов «яко Аз иду ко Отцу». Впрочем, ответ Господа не вполне разрешает для апостолов загадочность Его прежней речи и возбуждает только дальнейшее раздумье и ожидание близкого славного будущего. *Аминь, аминъ глаголю вала, яко восплачетеся и возрыдаете вы, а мир возрадуется: вы же печальни будете, но печаль ваша в радость будет* (ст. 20). Следовательно, скорбь апостолов о разлуке с Ним будет очень велика, и тем больше еще, что нечестивый мир будет тогда думать, что может уже торжествовать свою победу над Богом и Его Сыном. Но их скорбь скоро обратится в радость. Быструю перемену скорби на радость, а вместе с тем то, как скорбь их содержит в себе зародыш непреходящей радости, Господь уясняет весьма глубокомысленным сравнением: *Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея* (то есть время мучений и страданий); *егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир* (ст. 21). В последних словах: «яко родися *человек*» (а не *дитя*) выражается высокое чувство собственного достоинства материнской радости. Образ *раждающей жены* для изображения скорби, переходящей в радость, находится и в Ветхом Завете (ср. Ис. 21:3; 26:17; 37:3; 66:7; Ос. 13:13 и в др. м.). Затем представляется и объяснение сказанному: *И вы же печаль имате убо ныне: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас* (ст. 22). *Паки узрю вы* нужно понимать в смысле созерцания в *Святом Духе* (ср. 14:18: *паки прииду к вам*). Следовательно, образ скорби рождающей жены в первую очередь нужно относить к *апостолам.* В них еще не вполне возродился «новый человек, созданный по Богу в праведности и святости истины» (Еф. 4:24); в них все еще жил ветхий человек, первый Адам; в них преобладала еще естественная, чувственная любовь. Протек-

шие три года близкого обращения их с Господом были как бы временем их беременности, в которое образовывался в них новый человек. Теперь же приближалось время самого рождения, исполнившееся в день Пятидесятницы. Но прежде этого Спаситель должен был сначала лишить их видимого Своего присутствия; Он должен был пострадать и пойти к Своему Отцу, чтобы послать им Святого Духа – начало духовного возрождения. И это время Его отшествия было для апостолов временем мучительных болей рождения, продолжавшихся до Пятидесятницы. Но за муками рождения тотчас же следовала внутренняя радость в Святом Духе, которой не могли уничтожить в них внешние страдания и преследования (ср. Флп. 2:17 и далее; 4:4; Рим. 14:17). Сказанное здесь Господом относительно апостолов касается также и всех людей вообще. Чтобы зародыш нового творения (ср. 2 Кор. 5:17; Гал. 6:15), который Бог вложил в сердца наши Святым Духом, достиг полного своего развития, для этого сначала был умерщвлен в нас ветхий греховный человек. Но это происходит не без слез раскаяния и не без глубокой душевной скорби.

Счастливым следствием этого свидания во Святом Духе и соединенного с этим возрождения учеников будет просвещение их и услышание их молитв: *И в той день Мене не вопросите* (больше) *ничесоже*, так как у вас не будет недостатка в разумении, поелику Святой Дух научит вас и объяснит вам все. *Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам* (ст. 23). Следовательно, в состоянии возрождения они всегда будут с успехом молиться к Отцу; все, о чем бы они ни попросили, дано будет им, и именно *во имя Христа*, то есть ради Христа и Его заслуг. В истинно возрожденном человеке живет Христос; всякое доброе дело, какое производит такой человек, есть дело Христа, пребывающего в нем. Поэтому, если возрожденный человек молится в истинном духе, то молится не столько он сам, сколько Христос в нем; молитва же прославленного Христа всегда бывает услышана Богом Отцом. *Доселе не просисте ничесоже во имя Мое. Просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет* (ст. 24). Доселе еще ученики не молились как возрожденные, или, другими словами, Христос молился еще не *в них*, а только *за них*; после они должны молиться сами, и исполнение их прошений доставит им высочайшую радость; на них осуществится утешительный образ рождающей жены в ее радости после перенесенной скорби.

Сия в притчах глаголах вам: но приидет час, егда ктому в притчах не глаголю вам, но яве о Отце возвещу вам (ст. 25). *В притчах* значит здесь – «в несобственных, неясных выражениях». *Сия* относится к тому, о чем ученики спрашивали (ст. 17 и далее) и что Иисус Христос затем говорил им (ст. 20 и далее). Все, что Он там говорил им о Своем отшествии и возвращении, именно, что Он скоро отойдет от них и равным образом скоро возвратится к ним, однако пошлет им иного Утешителя, что духовное Его возвра-

щение посланием Утешителя соединит Его с ними гораздо более тесными узами, чем какими они связаны были с Ним доселе, – все это большею частью оставалось для них темным и непонятным. Но когда сойдет на них Святой Дух, тогда исчезнет всякая темнота: они вполне поймут тогда Божественную истину, которую Он возвестил им Духом Святым. *В той день*, именно когда Дух Святой сойдет на вас, *во имя Мое воспросите, и не глаголю вам, яко Аз умолю Отца о вас* (ст. 26), т.е. тогда Я со Своей стороны не буду иметь надобности, как было доселе, молиться за вас, но вы сами будете молиться во имя Мое, и Бог услышит ваши молитвы. Основание же, почему ваши молитвы будут услышаны, следующее: *Сам бо Отец любит вы, яко вы Мене возлюбисте и веровасте, яко Аз от Бога изыдох* (ст. 27), то есть другими словами: потому что Бог любит вас, как верных учеников Единородного Своего Сына. Кто, следовательно, верою и любовью находится в живом отношении со Христом, тот составляет предмет любви Отца, тот как чадо Божие может непосредственно приступать в молитве к Отцу и может быть уверен, что молитва его будет услышана; потому что он всегда молится во имя Христа, вашего вечного Первосвященника и Ходатая у Отца (ср. Евр. 7:25; 9:24; Рим. 8:34). Сначала сказано: *возлюбисте*, а потом: *веровасте*, потому что вера в Божественное естество Иисуса Христа развивалась у учеников мало-помалу из любви к Нему. *От Бога изыдох* нужно понимать в смысле *Божественного* ниспослания Сына от Отца (ср. 8:12). Развивая последнюю мысль, Иисус Христос торжественно говорит: *Изыдох от Отца и приидох в мир: и паки оставляю мир, и иду ко Отцу* (ст. 28). Этим Он в заключение указывает главное содержание веры в Него: Христос Бог во времени пришел в мир как человек; совершив дело искупления, Он снова оставил мир и воссел одесную Своего Отца, чтобы там ходатайствовать за нас. Вместе с тем эти слова служат к ближайшему объяснению слов *яко иду ко Отцу*, которые Господь сказал выше (ст. 16) ученикам Своим.

В предшествующих словах Своего Учителя (ст. 20–28) ученики думали уже видеть исполнение Его обетований, которые Он дал им (ст. 23 и 25). И так как они прежде думали, что не так ясно понимают Его, а Иисус Христос здесь представил им объяснение, не ожидая их вопросов, напротив, предупредив их Своим вопросом (ст. 19), то они этим, по их мнению, совершенно неприкровенным учением так были удивлены, что почувствовали теперь уверенность, что Он все знает, даже сокровенные их мысли. Они говорят: *Се ныне не обинуяся глаголеши, а притчи ни коеяже не глаголеши. Ныне вемы, яко веси вся, и не требуеши, да кто Тя вопрошает: о сем веруем, яко от Бога изшел еси* (ст. 29–30). В последних словах высказывается *утверждение, укрепление* их веры во Христа.

Самоуверенному исповеданию веры учеников, Иисус Христос противопоставляет вопрос, выражающий сомнение в их вере: *Ныне ли веруете?*

(ст. 31). Прежде Господь для ободрения учеников похвалил их веру (ст. 27); но теперь предсказывает им о бегстве их как доказательстве слабости их веры, чтобы они не полагались слишком на самих себя: *Се грядет час, и ныне прииде, да разыдетеся кийждо во своя и Мене единого оставите* (ст. 32). Этим Господь отчасти противодействует слишком большой робости, а частью слишком большой самоуверенности учеников, так как то и другое легко могло привести их к отпадению от веры. В выражении *разыдетеся* (σκορπισθῆτε) имеется в виду образ стада, которое разбегается и рассевается, когда лишается пастыря. *Во своя* – в места своего жительства. Исполнение этого предсказания см. Мф. 26:56. Уясняя слова *и Мене единого остависте*, Господь присовокупляет: *И несмь един, яко Отец со Мною есть* (ст. 32). Христос говорит здесь совершенно как человек: когда они оставят Его в опасности, Он, однако, не будет возмущен от страха, ибо Он знает, что Бог с Ним и укрепляет Его.

Сия глаголах вам, да во Мне (во время скорбей и страданий, в общении со Мною) *мир имате. В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (ст. 33). *Сия* относится ко всему, что говорилось в 15 и 16 главах, так как сказанное там имело целью возбудить в учениках веру, надежду и любовь. Соединенные со Христом в вере и любви, они и на земле найдут истинное утешение и истинное успокоение, то есть истинный *мир* (ср. 14:27). Подобно военачальнику, Он предшествует им в победе над миром, поэтому они могут быть уверены, что они победят мир верою в Него, *Его* победа есть *их* спасение. *Мир* здесь то же значит, что и *князь мира сего* (12:31; 14:30; 1 Ин. 3:8). Вслед за этим Господь в торжественной молитве обращается к Своему Небесному Отцу.

***Первосвященническая молитва Иисуса Христа** (Ин. 17: 1–26)*

С самых древних времен эту молитву называют *первосвященническою* молитвою, потому что Иисус Христос молится в ней за Себя (ст. 1–5), за Своих учеников (ст. 6–19) и за Свою Церковь (20–26) и посвящает Самого Себя на жертвенную смерть. Обязанность же первосвященника состоит в принесении молитв к Богу и посвящении. Господь *в слух* учеников произносит эту молитву для возвышения и утешения их. Мысли в этой молитве так просты и ясны, что без труда могут быть понимаемы; но при всей своей ясности они так глубоки, что всякая попытка исчерпать их – напрасна. Эта молитва, бесспорно, самое возвышенное из всего, что передают евангелисты из жизни Спасителя.

Евангелист торжественно вводит в молитву своего Господа словами: *Сия глагола Иисус, и возведе очи Свои на небо, и рече.* Видно, молитва эта произвела глубочайшее впечатление на душу ученика любви. Самая молитва начинается словами: *Отче, прииде час*, именно страданий и смерти (ср. 13:1). *Прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя* (ср. 13:31 и далее). Иисус

Христос сначала молится о Своем прославлении, то есть о совершении, окончании всего великого, святого дела Его искупления воскресением Его из мертвых, седением одесную Отца и посланием Святого Духа, — о прославлении, которое должно было совершиться чрез страдания. Но в этом прославлении Сына заключалось и прославление Отца, потому что прославление Иисуса Христа не ограничивалось только одним Его лицом; предметом Его деятельности было все человечество; высоким призванием Его было доставить человечеству вечную жизнь, просветить его и тем прославить Отца. Поэтому и говорится далее: *Якоже дал еси Ему власть всякия плоти, да всяко, еже дал еси Ему, даст им живот вечный* (ст. 2). Ветхозаветное выражение *всяка плоть*, обозначающее собою все человечество, имеет здесь некоторую торжественность и совершенно соответствует общему настроению молитвы. В дальнейших словах заключается объяснение слов *живот вечный*: *се же есть* (в том состоит) *живот вечный, да знают Тебе, единаго истиннаго Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа* (ст. 3). Следовательно, вечная жизнь, которую Сын дает всем людям, состоит в познании единого истинного Бога и Иисуса Христа как Спасителя мира. Но это познание есть не только *средство* к вечной жизни, но и самая *вечная жизнь*. Она начинается здесь верою как личным началом и источником всякого истинного познания Бога и Божественных предметов и окончится некогда *созерцанием*. Поэтому, по справедливости, богословие полагает сущность вечного блаженства в *созерцании Бога*. Слова *да знают... Христа* представляют *содержание* познания и вместе с тем сущность или зерно *христианской* веры, в противоположность *языческому* многобожию (*единаго истиннаго Бога*) и *иудейскому* неверию в Иисуса Христа как Мессию (*Егоже послал еси Иисуса Христа*).

Аз прославих Тя на земли, дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю. И ныне прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самого славою, юже имех у Тебе прежде мир не бысть (ст. 4–5). Христос тем прославил на земле Своего Небесного Отца, что в добровольном послушании совершил искупление (*дело*), которое Отец, по милосердной Своей любви вручил Ему. Стоя у цели Своей земной деятельности, Он видит это дело как бы уже совершившимся (*прославих... соверших*) и как бы в награду за эту жертву послушания просит теперь прославления и Своей человеческой природы. Как вечный Сын Божий, как бесплотное Слово Христос от века обладал Божественною славою, но как человек, воплотившееся Слово, Он на время лишил Себя этой славы, *образа Божия* (Флп. 2:6), и принял образ раба. Когда же совершилось искупление, эта слава должна быть возвращена Ему Отцом и сообщена Его человечеству, дабы мир познал, что Отец благоприятно принял Его жертву, и дабы Он, облекшись всею силою на небе и на земле, даровал конечную победу Своему делу.

В дальнейших стихах (ст. 6–8) развиваются прежде сказанные мысли (ст. 2–4). Здесь ближе изображается деятельность Иисуса Христа между людьми как бы в доказательство того, что дело, врученное Ему от Отца, совершено Им. Он говорит: *Явих имя Твое*, то есть Тебя, как святого, праведного и благого и т.д. *человеком, ихже дал еси Мне от мира*, следовательно, ученикам и апостолам, которых Бог Своею благодатию избрал из среды греховного мира (ср. 15:19) и привел ко Христу. *Твои беша, и Мне их дал еси, и слово Твое сохраниша.* Так как Бог, по Своим вечным определениям, избрал их Себе, то они уже принадлежали Ему; потом Он в вере привел их ко Христу, чтобы они сделались участниками искупления, и они уже засвидетельствовали себя твердым и верным соблюдением Его слова. *Ныне*, после того как их вера засвидетельствована практически, они *разумеша, яко вся, елика дал еси Мне, от Тебе суть*, то есть что вся Моя деятельность Божественна. Познания же этого они достигли тем, что Иисус сообщил им Божественные истины, а они с верою приняли их: *Яко глаголы, ихже дал еси Мне, дах им, и тии* (с верою) *прияша и разумеша воистину, яко от Тебе изыдох, и вероваша, яко Ты Мя послал еси* (ст. 8). Следовательно, верою Его словам ученики достигли истинного познания Его Божественного происхождения и убеждения в Его Божественное посланничество. Это похвальное свидетельство Иисуса Христа о вере учеников служит введением к самой молитве за них; теперь следует и самая молитва: *Аз о сих молю, не о всем мире молю, но о тех, ихже дал еси Мне, яко Твои суть. И Моя вся Твоя суть, и Твоя – Моя, и прославихся в них* (ст. 9–10). Иисус Христос молится здесь исключительно за Своих учеников, потому что они должны продолжать начатое Им дело и служить Его посланниками человечеству, а для этого им необходима была особенная помощь Небесного Отца. Под *миром* нельзя разуметь всех тех, которые еще были тогда неверующими; Спаситель под *миром* разумеет всех упорствующих во грехе своем и неверии и поэтому никогда не имеющих прийти к Нему; молиться за них было бы так же напрасно, как и за князя мира. За тех же, которые в будущем уверуют в Него, Господь Сам молится (ст. 20. Лк. 23:34) и нам заповедал молиться (Мф. 5:44). *Ихже дал еси Мне*, то есть привел ко Мне Своею благодатию, *яко Твои суть*, следовательно, Ты Мне мог дать их. Апостолы и все верующие принадлежали и принадлежат Богу Отцу, потому что Он, по Своему вечному предвидению, предызбрал их Себе (ср. ст. 6). И Отец дал их Ему, потому что ни у Отца, ни у Сына нет какой-нибудь особенной собственности, и потому все, которых избрал Себе Отец, принадлежат и Сыну, и наоборот; ибо только чрез Сына, Богочеловека Христа, падший человек снова приходит но Отцу. Кто избран Отцом, в том должен первее прославиться Сын; человек, прежде чем в состоянии будет возвратиться к Отцу, должен сделаться образом Христа. *И ктому несмь в мире, и сии в мире, суть, и Аз к Тебе*

гряду. Доселе Сам Спаситель защищал Своих учеников, был подле них видимым их Утешителем, но теперь Он расстается с ними и оставляет их в мире, среди опасностей. Поэтому и молитва: *Отче Святый, соблюди их во имя Твое, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы* (ст. 11). Слово *святый* должно здесь означать сохраняющую и защищающую от нечистых влияний мира силу Божию, которая сделает их безопасными в борьбе. *Цель* этого *соблюди во имя Твое* заключается в том, *да будут едино* и т.д., да сохранит их Отец в вере во имя Его и исповедание Его, дабы они посредством этой общей веры и исповедания были одно по образу того единства, какое в Боге существует между Отцом и Сыном. *Егда бех с ними в мире, Аз соблюдах их во имя Твое. Ихже дал еси Мне, сохраних, и никтоже от них погибе, токмо сын погибельный, да сбудется Писание* (ст. 12). Как выше (ст. 11), так и здесь Спаситель говорит, как бы Его уже не было в мире, как бы Он уже расстался со Своими учениками: *Егда бех с ними в мире...* Доколе Иисус Христос находился со Своими учениками, Он сохранял их в вере и исповедании Своего Небесного Отца, защищал их от всех злых влияний, как верный пастырь защищает и сохраняет свое стадо, так что ни один из них не погиб (чрез отпадение). В конце молитвы Своей Спаситель вспомнил еще о несчастном Иуде, которого одного Он потерял только из Своего стада не по Своей, однако, вине, но вследствие неверности самого ученика, предсказанной уже в Ветхом Завете (Пс. 40:10; ср. 13:8). *Ныне же к Тебе гряду, и сия* (то есть эту молитву о Твоей защите, ст. 11) *глаголю в мире, да имут радость Мою* (как и 15:11) *исполнену в себе* (ст. 13). Сохраненные Отцом в Его имени, в единстве веры и любви имеют в себе тот мир, ту внутреннюю радость, которую подает только Господь и которой не могут отнять у них все страдания и преследования от мира (ср. 16:24). *Аз дах им слово Твое, и мир возненавиде их, яко не суть от мира, якоже и Аз от мира несмь* (ст. 14). Ученики с верою приняли в себя Его слово, которое есть и слово Отца, и свет, и истина; поэтому и ненавидит их мир, который есть тьма и ложь. И так как они находятся в прямой противоположности с миром, то и нуждаются в особенной Божественной помощи. Поэтому: *Не молю, да возмеши их от мира, но да соблюдеши их от неприязни* (ст. 15). Они не должны быть вполне изъяты из мира, потому что назначение их – действовать в мире и продолжать дело Господа; но Отец должен сохранить их в мире от зла.

Доселе Спаситель выражал только *отрицательную* сторону молитвы: да сохранит Господь учеников от враждебных влияний, от мира. Теперь, в стихе 17 Он выражает и положительную сторону: да освятит и усовершит их *в истине*. Но пред этим Он еще раз повторяет сказанное прежде (ст. 14): *От мира не суть, якоже и Аз от мира несмь. Святи их во истину Твою* (16–17). Что за истина разумеется здесь, объясняет Сам Господь, присовокупляя: *Слово Твое истина есть*. Твое, а не иное чье, слово есть истина.

Как же можно думать, что Ты не исполнишь просимого освящения? Следовательно, под *истиною* Иисус Христос разумеет слово Своего Небесного Отца, возвестить которое Он пришел на землю и которым, наконец, Он Сам был, будучи вечным Словом Отца. Спаситель молится, чтобы в этой истине, которую ученики с верою приняли и в которой они находятся, как в своей жизненной стихии, Бог *освятил* их, то есть чрез Святого Духа доставил им просвещение, силу, мужество, радость и т.д., и все это для их служебного действия. *Якоже Мене послал еси в мир, и Аз послах их в мир* (ст. 18). В этих словах заключается *первое побуждение к исполнению* прошения об освящении учеников. Ученикам нужно было освящение истиною *для их посланничества*, которое они получили сначала от Христа, а потом и от Отца как начала всякого истинного посланничества, и которое они должны были совершить *уполномочием* от Христа. Для этого им нужно было высшее освящение. Далее (ст. 19) высказывается основание, на котором утверждается освящение служения апостолов, в вместе с тем содержится *второе побуждение* к исполнению прошения об освящении: *И за них Аз свящу Себе, да и тии будут священи воистину.* Освящение истиною ученики могли получить только посредством Святого Духа, Который имел ввести их в полную истину (16:13). Но прежде чем имел сойти на них Святой Дух, Христос должен был сначала посвятить Себя за них и Своею крестною смертию очистить грехи рода человеческого (16:7). Слово «освящение» или «посвящение», употребляемое здесь Христом, нужно понимать, на основании употребления этого выражения в Ветхом Завете, в смысле «жертвы» (Втор. 15:19 и далее; Суд. 17:3; 2 Цар. 8:11; ср. Рим. 15:16). Жертвою Христа все верующее человечество посвящалось в жертву Богу (ср. Рим. 12:1); поэтому прибавлено: *Да и тии будут священи во истину*, то есть чтобы и ученики освящены были *истинно*, в высшем смысле, внутренне, в противоположность освящениям и жертвам ветхозаветным, имевшим только прообразовательное значение.

После этого следует вместе с тем молитва и за всех верующих: *Не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя* (ст. 20). Господь созерцает пред Собою всех верующих, которые чрез апостолов, посредственно или непосредственно, приимут учение о спасении. Он молился за них: *Да вси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут*, и целью этого единства верующих Он полагает: *Да и мир веру имет, яко Ты Мя послал еси* (ст. 21). Род человеческий, по мысли Божественной, должен составлять как внешнее, так и внутреннее единство в любви; но грех и самолюбие раздробили его на отдельные части. Христос явился в мир, чтобы снова восстановить единство в разделенном роде человеческом. Основание, на котором утверждается это единство, есть *Святой Дух*, Дух любви. Это невидимое единство в вере и любви должно открываться и вовне, и

откровение этого единства верующих должно служить миру постоянным фактическим доказательством Божественного посланничества Христова. *И Аз* (со Своей стороны) *славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже Мы едино есмы, Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершен во едино* (то есть приведены к полному единству), *и да разумеет мир, яко Ты Мя послал еси и возлюбил еси их, якоже Мене возлюбил еси* (22–23). Под словом *слава* некоторые разумеют славу апостольского служения в учении и чудесах; другие же разумеют любовь и думают, что простой смысл этого выражения будет такой: «Как Ты Меня возлюбил, так Я их; сделай, чтобы и они любили друг друга». Но то и другое объяснения не соответствуют связи речи. По связи речи слово *слава* нужно понимать здесь в смысле *телесного прославления*, которое Небесный Отец доставил Христу в Его воскресении и которое прославленный Спаситель сообщит Своим верующим. Созерцая будущее, как настоящее, Иисус Христос говорит: *дах им*. У верующих эта слава начинается возрождением, в котором они, как живые члены, прививаются телу Христову, продолжается любовью и достойным принятием Тела и Крови Христовой и достигнет своей полноты в будущем славном воскресении, когда Христос соединит с Собой все Свои прославленные члены. Выражение *Аз в них, и Ты во Мне* служит к ближайшему определению прежде сказанного: *да будут едино* и пр. Единство верующих по образу единства, какое находится между Отцом и Христом (ст. 21), осуществляется только вследствие того, что Христос живет в Своих верующих, а Отец во Христе, Своем вечном Сыне. Словами *да разумеет мир* и проч. подкрепляется сказанное выше: *да и мир веру имет* и проч. Из единства верующих мир не только должен *поверить*, но и *познать* Божественное посланничество Христово и внутреннее отношение, какое существует между Ним и Богом и которое фактически открылось этим посланничеством. В сознании Своей Божественной силы Господь продолжает: *Отче, ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою, юже дал еси Мне, яко возлюбил Мя еси прежде сложения мира* (ст. 24). Где Христос – глава, там должны быть и верующие Его члены; и они должны созерцать Его славу и, созерцая ее, принимать в ней участие, — ту славу, которую Отец даровал Ему как человеку, потому что от вечности предопределил Его, человека, к славе, следовательно, возлюбил. *Яко возлюбил Мя* и проч. нужно понимать в смысле той любви, по которой Иисус Христос предопределен в вечном совете триипостасного Бога к совершению спасения людей и к прославлению человеческой Своей природы до обожения. В заключение молитвы Иисус Христос еще раз выражает пред Своим Отцом Свое отношение к миру и к ученикам: *Отче праведный, и мир Тебе не позна, Аз же Тя познах, и сии познаша, яко Ты Мя послал еси. И сказах им имя Твое, и скажу (его), да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них* (ст. 25–26). Иисус Христос говорит здесь

Своему Небесному Отцу как праведному Отцу, чтобы показать, что Отцу по Его правде следует рассудить между Христом и верующими в Него, с одной стороны, и неверующим миром — с другой, и что высказанное Им желание (*хощу да*... ст. 24) не может быть неисполненным. Мир не познал и Отца, потому что не принял Единородного Сына Божия, Который один мог показать ему Отца; но Христос познал Его от вечности и открыл Его Своим ученикам. И хотя они еще не так познали Отца, как бы следовало, однако они твердо стоят в том, что Иисус послан Богом (ср. 16:30); отсюда они получат свет, который осветит им всю истину. В словах *и скажу* молитва переходит *в обет*; Господь говорит, что Он и впредь будет просвещать Своих учеников, именно посредством Утешителя (Рим. 5:5), чтобы любовь Божия и Он Сам (во Святом Духе, Который есть Дух любви) пребывали в них (ср. 14:20 и далее Гал. 2:20). Книга Деяний Апостольских показывает, как величественно исполнилось это обетование. После этой молитвы, последнее слово которой была любовь, Господь вступает на путь страданий, на котором Он в продолжение немногих часов совершает Свое дело и восходит к славе, которую Он имел у Отца прежде сложения мира.

О том, как понимать слова Иисуса Христа: *в дому Отца Моего обители многи суть* (Ин. 14:2)

Св. Ефрем Сирин. Творения, ч. 3

Многими обителями у Отца Спаситель называет меры разумения водворяемых в оной стране, разумею же те различия и разности, с какими наслаждаются там сообразно со своим разумением. Ибо Господь наименовал многие обители не по разности мест, но по степени дарования. Как лучами солнца чувственного наслаждается всякий, по мере чистоты зрительной силы и впечатления, и как от одного светильника, освещающего один дом, каждый луч бывает различен, между тем как свет не делится на многие светильники, так в будущий век все праведные водворяются нераздельно, в единой радости. Но каждый в своей мере озаряется единым мысленным солнцем и по степени достоинства почерпает радость и веселие, как бы в одном воздухе и месте, седалище, созерцании и образе. И никто не видит меры и высшего и низшего, чтобы, смотря на превосходящую благодать другого и на свое лишение, не иметь в этом для себя причины к скорби и беспокойству. Да не будет сего там, где нет ни печали, и ни воздыхания, но всякий, по данной ему благодати, в своей мере веселится внутренне, а по внешности у всех одно созерцание и одна радость! Кроме сих двух чинов, нет иного посредствующего чина, разумею же один чин горний, а другой дольний; средина же их — сие разнообразие в различии воздаяний.

А если сие справедливо, как и действительно справедливо; что безрассуднее или безумнее, чем говорить: «Довольно для меня избежать геенны, а чтобы войти в Царство, о том не забочусь». Избежать геенны уже значит войти в Царство, равно как лишиться Царствия значит идти в геенну. Писание не говорит нам о трех странах. Но что же говорит? *Егда приидет Сын Человеческий во славе Своей, поставить овцы одесную, а козлища ошуюю* (Мф. 25: 31, 33). Не сказал о трех чинах, но один чин одесную, а другой ошуюю, и отделил пределы их по селениям их, сказав: *Идут сии*, то есть грешники, *в муку вечную, праведницы же в живот вечный* (Мф. 25:46), *и просветятся, яко солнце* (Мф. 13:43); и еще: *Приидут от восток и запад, и возлягут на лоне Авраамовом во Царствии Небеснем. Сынове же Царствия изгнани будут во тму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом* (Мф. 8: 11–12).

Как отшедший от нас ко Отцу Господь уготовляет верным своим обители (Ин. 14: 2–3)

Блж. Августин.
Из 68-го Трактата на Евангелие Иоанна (сокращ.)

Господь рек: *В дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекл бых вам: иду уготовати место вам* (Ин. 14:2), — чем довольно показал, что есть уже там многие обители, и нет нужды какую-либо готовить. Но Он же глаголет: *И аще пойду и уготовлю место вам, паки прииду и поиму вы к Себе, да, идеже есмь Азъ, и вы будете* (там же, ст. 3). Каким образом Он идет и готовит место, если уже есть многие обители? Каким образом они в дому Отца уже существуют, как не требующие уготовления, и еще не существуют, потому что должны быть уготовлены? Как думать о сем, если не так же, как об изречении пророка, который называет Бога сотворившим будущее? Ибо не говорит пророк: «имеющий сотворить грядущая», но: *сотворивый грядущая* (Ис. 45:11). Сотворил предопределением, а имеет сотворить совершением. Так и обители уготовал и готовит, и те же самые, какие уготовал, готовит Тот, Кто сотворил *грядущая*: уготовил предопределением, готовит совершением. Итак, они уже существуют в предопределении, а если бы не были, то сказал бы: пойду и уготовлю, то есть предназначу. Но как их нет еще в совершении, то говорит: *И аще пойду и уготовлю место вам, паки прииду и поиму вы к Себе.*

Готовит же некоторым образом обители, обителям уготовляя обитателей. Ибо в словах Его *в дому Отца Моего обители многи суть*, что будем разуметь под именем дома Божия, как не храм Божий? Что же храм, спросим о том апостола, и он скажет: *Храм бо Божий свят есть, иже есте вы* (1 Кор. 3:17). Это есть и Царство Божие, которое Сын предаст Отцу (1 Кор. 15:24). Это Царство Небесное. Уже и ныне это Царством называется, хотя еще созы-

вается. Еще не царствует сие Царство, но, наконец, будет сказано ему: *Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте Царство* (Мф. 25:34), то есть вы, которые были Царством и не царствовали, приидите, царствуйте, дабы чем были в надежде, могли быть на самом деле. Итак, сей дом Божий, этот храм Божий, это Царство Божие и Царство Небесное еще созидается, еще устраивается, готовится, собирается. В нем обители будут, потому что еще готовит их Господь; в нем уже есть они, поелику уже предназначил их Господь.

Но как это отошел Он для уготовления, когда нас самих уготовлял; а сего не будет, если оставит нас? Уразумеваю, Господи, как могу: Ты, конечно, означаешь то, что, дабы уготовились оные обители, праведник должен жить верою (Рим. 1:17). Ибо кто *отходит* (странствует) от *Господа* (2 Кор. 5:9), имеет нужду жить по вере и верою уготовляется к ведению. *Блажени*, сказано, *чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8), и еще: *Верою очищает сердца их* (Деян. 15:9). А вера, коею очищаются сердца имеющих зреть Бога, пока они странствуют, относится к тому, чего не видим; ибо если видим, то нет веры. Верующий собирает заслугу, видящий получает награду. Да идет убо Господь и уготовит место; да идет, чтобы не было видения, да сокроется, чтобы было верование. Ибо уготовляется место по той мере, как мы проводим жизнь по вере. Будем желать Того, в Кого веруем, чтобы иметь, Кого желаем: желание любления есть уготовление селения (обители). Так, Господи, уготовляй, что уготовляешь; ибо Ты уготовляешь нас Себе и Себя нам, уготовляя место Себе в нас и в Себе нам, как и рек Ты: *Будите во Мне, и Аз в вас* (Ин. 15:4). В том будет состоять различие наград по различию заслуг, что один причастен Тебя более, другой менее; в этом будет состоять множество обителей по разнообразию обитателей, и притом всех там живущих вечно и блаженствующих бесконечно.

Не видеть и однако видеть (Ин. 14:9; 1:13)

«Воскресное чтение», 1876

«*Бога не видел никто:* Единородный Сын сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18). «Иисус сказал (Филиппу): столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? *Видевший Меня видел Отца;* как же ты говоришь: покажи нам Отца?» (Ин. 14:9). Некоторые из читателей в приведенных текстах могут видеть противоречие. Но при внимательном чтении их оказывается, что они подтверждают себя взаимно и нисколько не противоречат один другому. В первом из них содержатся объяснение *невидимости* Божественного существа. *Бога не видел никто.* Человеческие греховные очи не могут взирать на Него. Скорее они в состоянии были бы смотреть на сияющее солнце, чем в лицо Тому, пред Кем даже высшие чины ангельские закрывают свои лица (Ис. 6:2). «Он обитает в неприступном свете, которого никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 6:16). Этой истине

учило иудеев все устройство их богослужения, особенно же святое святых и завеса пред ним. Отсюда мы видим преимущества откровения Божия во Христе Иисусе и чрез Христа Иисуса: «Он есть Единородный Сын, сущий в недре Отчем»; следовательно, Он – одно с Ним и пришел от Него, чтобы возвестить нам о Самом Боге, существе Его, и открыть Его волю. Из слов первого текста мы *познаем* также и Иисуса Христа в Его Божестве как «истинного Бога и вечную жизнь», но принявшего на Себя человеческую плоть и подавшего нам возможность познать гораздо яснее, чем прежде когда-либо, чрез Себя, как чрез покров, собственное существо Божие.

Совершенно согласны слова первого текста со словами второго, содержащими слова Господа: «Видевший Меня видел Отца». Филипп хотел, чтобы Иисус показал ему Отца, то есть он желал видеть Самого Бога Отца, – на это Господь Иисус отвечал ему порицанием и вместе наставлением. Он дал заметить Филиппу, что совершенные Им чудеса, истины, которым Он учил, равно как и другие доказательства Его Божества, не имели доселе желанного успеха для полного познания Его. В этом порицание Филиппу. Но вместе с тем ответ Господа содержит и необходимое ему наставление, так как Он здесь ясным образом открыл Свое Божество и Свое единосущие с Отцом, говоря, что кто видит Сына, видит и Отца. Иисус Христос в Своем человеческом естестве есть Слово и посланник Отца, и Его существо и воля, Его слова и дела суть существо, воля, слова и дела Отца; поэтому выражение «видеть Отца» в лице Иисуса Христа находится в полном согласии со словами евангелиста: «Бога не видал никто»; подобное высказывается и в других местах Священного Писания, как, например, в Исх. 33:20; 1 Тим. 6:16 и др.

В кратких словах все это можно представить еще яснее: так как мы в лице Иисуса Христа имеем Самого истинного Бога, то в Нем мы видим и Самого Бога, и так как Иисус Христос едино со Отцом, то Он мог сказать: «Видящий Меня видит Отца». Но так как принятое Им на Себя человечество прикрывало Его собственное существо и Его полную славу, ибо Он был Бог, но «явившийся во плоти», то, следовательно, в человеческом лице Его видели не существо Бога, как Он пребывает на небе, видели Бога, но не так, как могут видеть Его святые; в лице Спасителя и видели Бога, и вместе не видели, видели Бога, но в прикровенном Его величии. Так, на горе Преображения, где Иисус Христос показал славу Свою, апостолы Петр, Иаков и Иоанн иначе видели Его, чем все другие апостолы. Так выясняется истинность того и другого текста и ясно представляется полное их согласие между собою. «Бога никто не видел», и однако Его видели в лице Иисуса Христа, только же в совершенном Его небесном величии. В полном согласии с этим говорит поэтому Иоанн: «Слово, Которое не только в начале было у Бога, но и Само было Бог (Ин. 1:1), стало плотию и обитало с нами, и мы *видели* славу Его, славу как Единородного от Отца» (1:14).

Познаем величие благости Божией, открытой нам в Иисусе Христе. Бог открыл нам Себя в Своих делах, в Своем слове, но полнее и совершеннее Он открыл нам Себя во Христе Иисусе, потому что «во Христе был Бог» (2 Кор. 5:19). Мы не только познаем чрез Него Бога Отца, но и вступаем в общение с Ним. И если отвергавшие Моисея и пророков привлекали на себя гнев Божий, «то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия», не почитает и отвергает Иисуса Христа (Евр. 10: 28–29). «Кто не чтит Сына, тот не знает и Отца, пославшего Его» (Ин. 5:23), и для него нет прощения, нет блаженства; «но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников» (Евр. 10:27). И такие противники все неверующие со своим неверием. «Поэтому не будьте неверующими, но верующими».

Мысли св. Василия Великого на 9 стих 14-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов. Тв. св. Василия Великого

Видевый Мене виде Отца: видел не отпечатление, не образ, потому что Божие естество не допускает в себе сложности, но благость воли, которая созерцается в Отце и в Сыне как нечто сопутственное сущности, подобное и равное ей, лучше же сказать, тождественное с нею.

Мысли св. Василия Великого на 17 стих 14-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Дух истины, Егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его, вы же знаете Его, яко в вас пребывает. Ибо плотский человек, у которого ум не упражнялся в созерцании, лучше же сказать, весь, как в тине, погребен в плотском мудровании, не может воззреть на духовный свет истины. Поэтому мир, то есть жизнь, порабощенная плотским страстям, не приемлет благодати Духа, как больной глаз — света солнечных лучей. А ученикам Своим, о которых Господь засвидетельствовал, что они, следуя учениям Его, имеют чистоту жизни, дает Он и силу быть тайнозрителями и созерцателями Духа. Ибо говорит: *Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам* (Ин. 15:3). Посему *мир не может прияти, яко не видит Его, вы же знаете Его, яко в вас пребывает.* То же говорит и Исаия: *Утверждаяй землю, и яже на ней, и даяй дыхание людем, иже на ней, и Дух ходящим на ней* (Ис. 42:5). О попирающих земное и о ставших выше него свидетельствует пророк, что они достойны дара Святого Духа. Посему чем должно признать Того, Кто невместим для мира и созерцаем одними святыми по причине чистоты их сердца? Или какие чествования приличны Ему?

Мысли св. Василия Великого на 28 стих 14-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Отец Мой болий Мене есть. Большее называется большим или по величине, или по времени, или по достоинству, или по силе, или как причина.

Но нельзя сказать, что Отец больше Сына величиною, потому что бестелесен. Но не больше и по времени; ибо Сын – Создатель времен. Но не больше и по достоинству; ибо не стал тем, чем прежде не был. Не больше и по силе; ибо *вся, яже Отец творит, и Сын такожде творит* (Ин. 5:19). Не больше и как причина; потому что одинаково больше Его и нас, если только такая же причина Его, как и нас. Посему сказанное показывает более честь, воздаваемую Сыном Отцу, нежели унижение Сказавшего.

Притом большее не непременно иносущно; ибо говорится, что человек больше человека, конь больше коня. Поэтому хотя и говорится, что Отец больше, но не следует из сего, что Он иной сущности. Вообще же сравнения употребляются между односущными, а не иносущными. Хотя говорится, что человек больше бессловесного, или бессловесное больше бездушного, но не собственно; собственно же человек больше человека, и бессловесное больше бессловесного. Посему Отец единосущен Сыну, хотя и говорится, что больше Сына.

Но и другое понятие заключается в сем изречении. Ибо удивительно ли, что Отца исповедал большим Себя Тот, Кто есть Слово и стал плотию, когда показался Он умаленным и пред ангелами по славе, и пред человеками по виду? Сказано: *Умалил еси Его малым чим от Ангел* (Пс. 8:6); и еще: *А умаленного малым чим от Ангел* (Евр. 2:9); и: *Видехом Его, и не имяше вида, ни доброты; но вид Его умален паче всех человек* (Ис. 53: 2–3). Все же сие претерпел по великому Своему человеколюбию к твари, чтобы погибшую овцу спасти и спасенную приобщить к стаду и шедшего из Иерусалима в Иерихон и *впадшего в разбойники* опять ввести здравым в его отечество. Ужели в укоризну Ему обратит еретик и ясли, чрез которые Сам Он, будучи бессловесным, воспитан Словом? Ужели станет указывать и на нищету, потому что Сын тектонов не имел у Себя и малого ложа? Потому Сын меньше Отца, что ради Тебя стал мертвецом, чтобы тебя избавить мертвости и соделать участником небесной жизни. Поэтому иной обвинит и врача за то, что наклоняется к ранам и обоняет зловоние, чтобы уврачевать страждущих.

Аз есмь лоза, вы же рождие (Ин. 15:5)

«Воскресное чтение», 1822

Слова сии усвояют нам что-то великое, но вместе указывают и всю нашу малость.

Мы в добре не самостоятельные деревья и только *рождие*. Пусть помнят это те из нас, кои любят хвалиться самостоятельностью, благоразумием, добрыми делами, ревностью. Мы не более как ветви древнего, испорченного древа, и все преимущества, которыми мы хвалимся, не делают нас свободными от греха; даже грех усиливается в нас по той мере, как увеличивается горделивая надежда на свои силы и способности. Мы бываем только крепкими деревьями в закоренелых предрассудках и греховных действиях; но в совершении правды, в христианском самоотвержении, в истинно полезном труде – слабым рождием. Все мы желаем лучшего; но произвести это лучшее, сделать самих себя лучшими не можем.

Мы *рождие* лозы небесной. В этом заключается и высокое утешение для нас. Как лоза виноградная постоянно сообщает свой сок своим ветвям, так и Господь постоянно сообщает душе Свою всеоживляющую силу. Что мы имеем нужду в этой силе, что наша духовная жизнь требует освежения и укрепления, это чувствует христианин всегда, особенно же когда вступает в борьбу с врагами спасения своего и хочет принести плоды истинной добродетели. И вот Господь предлагает нам не только Свою помощь, но и Сам хочет вселиться и обитать в нас. Под видом хлеба предлагает нам Свою Плоть, под видом вина Свою Кровь. Небесная лоза чудесным образом соединяется с рождием и вливает в него свою Божественную жизнь. Целыми потоками изливается эта жизнь в нашу природу во время настоящей духовной весны, подобно тому как обыкновенная виноградная лоза сугубо источает свой сок во время весны чувственной.

Но есть и различие между ветвями земной лозы и ветвями лозы небесной. Первый имеют многие органы, чрез которые втекает в них жизненный сок, а у последних один орган – вера. Без веры ни одна капля небесной жизни не войдет в сердце наше. Хотя и оросятся уста, но сердце останется сухим, холодным и мертвым.

Итак, есть ли в тебе этот орган, чрез который втекает небесная жизнь в душу нашу, то есть есть ли крепкая живая вера в Искупителя нашего, Иисуса Христа? Если есть, то благо тебе! Причащение Божественного Тела и Крови Христовой послужит для тебя источником вечной и блаженной жизни духовной; ты самым теснейшим образом соединишься со Своим Господом, и Он будет вовеки твоим помощником и покровителем. Но что, если вера твоя слаба? Если ты приступаешь к этому страшному таинству, обуреваемый сомнениями? В таком случае угрожает тебе страшная опасность быть всегда отторгнутым от лозы небесной. И потому постарайся прогнать эту греховную тьму. Обратись к Господу с пламенной молитвою, и вера, крепкая и живая вера, не замедлит явиться в сердце твоем. Сам Господь, войдя в твою внутренность, усмотрев росток твоей веры, возрастит его и укрепит навсегда.

Мысли св. Василия Великого на 5 стих 15-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Говорят: «Если Спаситель – Лоза, мы же *рождие*, и Отец делатель; а *рождие* естественно с лозою, лоза же не соестественна с делателем, то Сын соестествен с нами, и мы часть Его. Но Он не соестествен с Отцом, напротив того, по всему с Ним инаков!» Мы скажем им, что Спаситель назвал нас рождием не Божества Своего, но плоти Своей, по словам апостола, который сказал: *Мы тело Христово, и уди от части* (1 Кор. 12:27); и еще: *Не весте ли, яко телеса ваша удове Христове суть?* (1 Кор. 6:15). И в другом месте: *Яков перстный, такови и перстнии: и якове небесный, тацы же и небеснии; и якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ небеснаго* (1 Кор. 15: 48–49). Если *мужу глава Христос, глава же Христу Бог* (1 Кор. 11:3), а человек не единосущен Христу Богу (потому что не Бог), но Христос единосущен Богу (потому что Бог); то значит, что Христос не в том же смысле глава мужу, в каком Бог глава Христу. Ибо природа твари и Творческое Божество не сходятся в одном и том же. Поэтому Бог глава Христу как Отец; а Христос – наша глава как Творец. Ежели есть на то воля Отца, чтобы мы веровали в Сына Его: *Се есть воля Пославшего Мя, да всяк видяй Сына и веруяй в Него имать живот вечный* (Ин. 6:40); то Сын – не Сын воли; иначе оказывается, что мы веруем в Него, или вместе с Ним, или прежде Его.

Он Мя прославит, яко от Моего приимет и возвестит вам (Ин. 16:14)

«Воскресное чтение», 1822

Итак, Святой Дух подает христианам не иную, особенную истину, а истину Христову: только человеческие учителя предлагают таковое учение, которым опровергаются мнения учителей предшествующих. Божественная истина – одна, нераздельна и неизменна.

Он *Мя прославит*. Благодать Святого Духа дарует христианину силы усвоять искупительные заслуги Иисуса Христа и проразумевать Его Божественное учение. Самая вера в Иисуса Христа невозможна без благодати: *Никтоже*, говорит апостол, *может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12:3). Посему озарение и просвещение от Святого Духа служит к прославлению имени Христова во Святой Церкви, а чрез нее и во всем человечестве.

Яко от Моего приимет. Слова сии изъясняет Сам Иисус Христос: *Вся, елика имать Отец, Моя суть: сего ради рех, яко от Моего приимет* (ст. 15). Истина, подаваемая Святым Духом, есть та же истина Христова, потому что ее источник в триипостасном Боге есть один и тот же.

Иисус Христос говорит о Своем учении: *Аз от Себе не глаголах: но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, чтореку и что возглаголю* (Ин. 12:49). То же самое говорит Господь и Спаситель наш об учении, которое подает христианам Дух Святой: *Се не от Себе глаголати имать, но елика аще услышит, глаголати имать* (ст. 13). Посему учение, исходящее от Святого Духа, не полагает *основания иного, паче лежащего, еже есть Иисус Христос* (1 Кор. 3:11). Святой Дух не основывает в человечестве иной Церкви, кроме Церкви Христовой. Святой Дух, укрепляя и просвещая христианина, только соделывает его истинным последователем Христовым, живым членом и верным сыном Церкви Христовой.

Сообразно с этим нужно судить о тех лжеучителях и лжепророках, которые под предлогом мнимого озарения и просвещения свыше от Святого Духа проповедуют новое учение, и как сами отпадают, так и других отторгают от общения с Церковью Христовой. Эти *лживии пророцы* являлись еще во времена апостольские (1 Пет. 2:1) и соблазняли сердца простодушных христиан. Эти *лживии пророцы* не так давно выступали во множестве между народами Запада и, говоря о непосредственном озарении от Святого Духа, о внутреннем ясновидении, об откровении истины в их собственном сердце, расторгли окончательно и без того уже ослабевшее единство Христовой Церкви между поименованными народами: каждый из таких учителей выдавал за откровение свыше то, что всходило на его омраченное и испорченное сердце. Из предыдущего видно, что эти лжеучители внемлют не Духу истины (Ин. 15:13), Который дарует Свое благодатное просвещение только в Церкви Христовой и для преуспеяния Церкви Христовой; нет, они внемлют, по апостолу, *духовом лестчим и учением бесовским* (1 Тим. 4:1), потому что и дух тьмы, который *от Бога несть и есть антихристов* (1 Ин. 4:3), распространяет свои темные откровения, дабы возмущать свет истины Христовой. Нет, тот не имеет Святого Духа истины, *кто инаго учит и не приступает к здравым словесем Господа нашего Иисуса Христа* (1 Тим. 6:3), которые хранит и проповедует Святая Церковь Христова. Кто отступает от единства Церкви и чистоты ее учения, тот напрасно бы ссылался на внутреннее свидетельство об озарении свыше; потому-то не только свидетельство испорченного человеческого сердца, но и всякое другое или высшее свидетельство ничего не значит в этом случае и есть несчастное обольщение: *Аще мы*, говорит апостол, *или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1:8). *Возлюбленнии*, так увещевает святой Иоанн, *не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша в мир* (1 Ин. 4:1). Поистине, и в наше время много лжепророков, мнимоозаренных от Святого Духа; чтобы избежать искушений, христианин всячески должен держаться общения со Святою Церковью, в коей неизменно действует Дух Святой, Дух истины.

Толкование св. Василия Великого на 14 стих 16-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Господь сказал о Духе Святом: *Он Мя прославит* не как тварь, но как Дух *истины*, ясно показывающий в Себе истину, и как Дух премудрости, в величии Своем открывающий Христа, Божию силу и Божию премудрость. А как Утешитель, Он показывает в Себе благость пославшего Его, Утешителя, и в достоинстве Своем являет величие Того, от Кого исшел. Посему есть слава какая-то естественная, как слава солнца – свет; и есть слава какая-то внешняя, рассудительно воздаваемая достойным, по свободному произволению. Но и сия опять двояка. Ибо сказано: *Сын славит отца, и раб господина своего* (Мал. 1:6). Итак, одна из них рабская и воздается тварью; а другая, скажу так, домашняя (οἰκειακή), совершается Духом. Ибо Господь, как о Себе сказал: *Аз прославих Тя на земли, дело соверших, еже дал Мне еси, да сотворю* (Ин. 17:4), так и об Утешителе говорит: *Он Мя прославит, яко от Моего приимет и возвестит вам* (Ин. 16:14). И как прославляется Сын Отцом, Который говорит: *И прославих и паки прославлю* (Ин. 12:28): так прославляется Дух по причине общения с Отцом и Сыном и по свидетельству Единородного, Который говорит: *Всяк грех и хула отпустится* вам, *человеком: а яже на Духа хула, не отпустится* (Мф. 12:31).

О молитве во имя Иисуса Христа (Ин. 16: 23–24)

Филарет, митр. Московский.
Из Слова в день обретения мощей прп. Сергия

Аминь, аминь глаголю, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничесоже во имя Мое: просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет (Ин. 16: 23–24). Что такое – *просить во имя Господа Иисуса*? Просто сие для простых, искренних и смиренных сердец и без исследовательного объяснения, или понятно для них, или ощутительно. *Миро излиянное* имя Твое (Песн. 1:2), Господи Иисусе! Когда изливается миро – его благоухание распространяется, и непритупленное или неподавленное обоняние без искусства и усилия получает ощущение услаждающее и ободряющее. Когда имя Господа Иисуса изливается в молитве – от него распространяется благоухание Святого Духа, и не отягченное земными пристрастиями сердце, не заглушенное страстями чувство внутреннее, легко и просто приемлет ощущение благодати, услаждающее и возвышающее. Так верующая душа в имени Господа Иисуса и чрез то в благодати Духа Святого приближается к Отцу Небесному и с дерзновением вопиет Ему: *Авва Отче*, с детскою простотою сказует Ему свои прошения;

и Он благоприемлет ее прошения, сопутствуемые ходатайством Его Единородного Сына и Единосущного Духа.

Толкование св. Василия Великого на 5 стих 17-й гл. Евангелия от Иоанна: *Отче, прослави Мя...*

Творения свв. отцов

Если Сын просил у Отца прославления по Божеству, а не по человечеству, то просил, чего не имел, и ложно говорят — евангелист: *видехом славу Его* (Ин. 1:14), и апостол: *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2:8), и Давид: *и внидет Царь славы* (Пс. 23:7). По этому просит не приумножения славы, но явления домостроительства.

Толкование св. Василия Великого на 10 стих 17-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Моя вся Твоя суть, потому что к Отцу возводится начало созданий, и *Твоя Моя*, потому что от Отца приемлет Он и то, чтобы стать причиною созидания, не в том смысле, что Сын в действии пользуется пособием Отца, и что Ему особыми частными приказаниями вверяется служение каждого дела — это было бы рабственно и чрезмерно ниже Божеского достоинства, но в том смысле, что Слово, исполнившись Отчими благами, от Отца воссияв, все творит по подобию Рождшего. Ибо если не имеет с Ним разности по сущности, то не будет иметь разности и по могуществу. А у кого сила равная, у тех непременно и действование равное. Христос же *Божия сила и Божия премудрость* (Кол. 1:20). Посему *вся Тем быша* (Ин. 1:3) *и всяческая Тем и о Нем создашася* (Кол. 1:16), не в том смысле, что Он исполняет какое-то орудное и рабское служение, но в том, что Он зиждительно совершает Отчую волю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПРОЩАЛЬНОЙ БЕСЕДЕ ИИСУСА ХРИСТА С УЧЕНИКАМИ (ИН. 13: 31–38 И 14 ГЛ.)

Святоотеческие толкования

1) Гл. 14: 23–31. *Св. Григорий Двоеслов.* О сошествии Святого Духа.
2) Гл. 15: 12–16. *Св. Григорий Двоеслов.* О христианской любви.
3) Гл. 16:33. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова *в мире скорбни будете.*
4) *Пр. Ефрем Сирин* на тот же ст.
5) Гл. 16:8. Изъяснение *св. Кирилла Александрийского.* «Воскресное чтение», 1811.

Новейшие толкования

6) *С. Саллертинский.* О прощальной беседе Иисуса Христа с учениками. Подлинность этой части Евангелия Иоанна; толкование 1 ст. 13 гл. и следующих об омовении ног; изложение мыслей в прощальной беседе. Пастырство Христа Спасителя.

7) Последние беседы Господа нашего Иисуса Христа с учениками. «Христианское чтение», 1846.

8) 14 гл. Благоговейные размышления христианина на каждый день месяца. «Духовная беседа», 1876.

9) Гл. 14:6. *Златоверховников. Аз есмь путь, истина и живот.* «Воскресное чтение», 1880.

10) Гл. 14:7. Мысли свт. Феофана.

11) Гл. 14:13. *И еже аще что просите от отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне.* «Воскресное чтение», 1884.

12) Мысли свт. Феофана на тот же стих.

13) Гл. 14:27. О мире душевном. «Христианское чтение», 1827.

14) Гл. 15:1. Мысли свт. Феофана.

15) Гл. 15:2. *Всяку розгу, о Мне не творящую плода, измет ю, и всяку, творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет* «Воскресное чтение», 1809.

16) Гл. 15: 8–9. Благоговейные размышления христианина на каждый день месяца. «Духовная беседа», 1875.

17) Гл. 15:14. Желаешь ли иметь друга? «Христианское чтение», 1883.

18) Гл. 16: 13, 17, 20, 23. Мысли свт. Феофана.

19) Благоговейные размышления христианина на каждый день месяца. «Духовная беседа», 1876, ч. 1. Ст. 13–14; ст. 16; ст. 21–22; ст. 33.

20) 17 гл. *П. Преображенский.* Первосвященническая молитва Иисуса Христа. «Странник», 1866.

21) Ст. 21–23. Мысли свт. Феофана.

22) *Его же.* О прощальной беседе Иисуса Христа с учениками.

В Словах и Беседах

23) Гл. 14:6. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О потребности воплощения Сына Божия нас ради человек.

24) Ст. 16. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О сошествии Святого Духа на апостолов и о том, что и мы от самого крещения носим в себе сокровище благодати Святого Духа, которое может или обогатить нас на всю вечность, или подвергнуть вечным мучениям. Слово в нед. Пятидесятницы.

25) Ст. 21. *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Об обетовании явления Иисуса Христа любящим Его.

26) Гл. 15:18. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Обличенная Христом ненависть мира против последователей Его не только была прежде, но продолжается и поныне. Ведать, что Христос был миром ненавидим, утешительно для нас.

27) Гл. 16: 3–11. *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* О том, как совершилось и совершается над миром обличение его Духом Святым *о грехе, о правде и суде.*

28) Ст. 22. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Об обетовании радости, данном апостолам, а в лице их и всем христианам.

29) Ст. 23–24 *Его же.* С обетованием Господа о благоуспешности молитвы соединено учение о способе молитвы и поощрение к ней.

30) Ст. 28. *Григорий, архиеп. Казанский.* Смерть христианина есть восход к Отцу.

31) Гл. 17:3. *Арсений, митр. Киевский.* В чем состоит истинное и ко спасению нашему достаточное познание об Иисусе Христе.

32) Ст. 3. *Макарий, еп. Тамбовский.* О том, что для достижения живота вечного, требуется знать и содержать не два, а все догматы христианства, и содержать именно так, как их содержит и преподает Святая Православная Церковь.

33) Ст. 13. *Исидор, митр. Новгородский.* О том, что благодать Святого Духа служит для нас источником истинной и высочайшей радости.

СТРАСТНОЕ ШЕСТВИЕ Господа нашего Иисуса Христа от Гефсимании до Голгофы и беззаконный суд над Ним иудеев

Свод евангельских сказаний

«Воскресное чтение», 1817

Около Иерусалима, за долиною Иосафатовою, при подошве горы Елеонской была весь, именуемая Гефсиманиею. Туда Господь наш удалялся из Иерусалима на время ночи в последние дни пред страданием Своим; там же, в Масличном саду, молился Он до кровавого пота пред самым отшествием Своим на вольную страсть нашего ради спасения. Есть предание, что Гефсимания принадлежала священникам и левитам и что в ней паслись стада жертвенных животных: оттуда же повели на заклание и Агнца Божия, вземлющего грехи мира.

После того как по знаку предателя толпа вооруженных слуг архиерейских с оружием и дрекольями взяла Господа Иисуса, добровольно предавшего Себя в руки врагов Своих, все *ученики оставльше Его бежаша*, и Святейшего святых, как преступника, повели на суд первее всего в первосвященнику Анне, тестю Каиафы. Надлежало проходить чрез поток Кедрский, на котором был устроен небольшой мост, и здесь, по преданию древности, Иисус Христос, стертый столпившимся народом в самый поток, испил от струй его в утоление жажды, возбужденной в Нем необыкновенными страданиями, душевными и телесными, и таким образом буквально исполнил пророчество псалмопевца: *От потока на пути пиет, сего ради вознесет главу* (Пс. 109). Из долины Иосафатовой поднялись на Сион и привели Господа в дом первосвященника, находившийся в этой части города (Ин. 18: 12–14).

Из всех учеников только Петр и Иоанн осмелились последовать за небесным Учителем своим, но и то — недолго. Сей последний *знаем бе архиереови*, и потому вошел во двор его, а Петр остался пред дверьми. Иоанн, желая ввести с собою Петра, обратился к придвернице, чтобы она пропустила его, и раба *дверница введе Петра*, но тотчас же заметила ему: *Еда и ты ученик еси Человека Сего?* Как ни любил

Петр Господа и Учителя своего, но из страха отрекся от Него: *глагола: несмь* (Ин. 18: 15–17).

Архиерей допрашивал Иисуса Христа об учении и учениках Его. *Что Мя вопрошаеши?* отвечал ему Господь. *Вопроси слышавших, что глаголах им: се сии ведят, яже рех Аз.* Нечестивый раб нечестивого первосвященника почел ответ Господа дерзостью и ударил Его по ланите, сказав: *Тако ли отвещаеши архиереови? Аще зле глаголах,* сказал на сие Спаситель, *свидетельствуй о зле: аще ли добре, что Мя биеши?* (Ин. 18: 19–23).

Рабы и слуги разложили огонь на дворе и грелись, ибо время было холодное; к ним пристал и Петр. Но тут узнала его *при свете* (Лк. 22:56) другая рабыня и заметила *сущим тамо* (Мф. 26: 71), что и он был с Иисусом Назарянином (Мк. 14:68). Петр снова отрекся. *Мимошедшу же яко часу единому, ин некий* начал говорить с уверенностью, что *воистину и сей с Ним бе* (Лк. 22:59); это был родственник тому Малху, которому Петр *уреза ухо* в Гефсимании. *Не аз ли тя видех в вертограде с Ним?* — говорил он Петру (Ин. 18:26). Другие подтверждали, что и самый выговор его обличает в нем галилеянина (а ученики Христовы были все из Галилеи). Тогда Петр *начат ротитися и клятися, яко не вем Сего Человека, Егоже вы глаголете* (Мк. 14:71). *И абие еще глаголющу ему, возгласи петел. И обращся Господь воззре на Петра: и помяну Петр Слово Господне, якоже рече ему, яко прежде даже петел не возгласит, отвержешися Мене трикраты. И исшед вон плакася горько* (Лк. 22: 60–62).

От Анны повели Иисуса Христа *связанного* к Каиафе, дом которого был также на Сионе и недалеко от дома Анны (Ин. 17:24). Там архиереи и весь сонм искали лжесвидетельства на Иисуса, но не находили. Приступили, наконец, два лжесвидетеля и стали доказывать, что Он хотел разрушить церковь сию рукотворенную и создать в три для иную, нерукотворенную; но и тут расходились их свидетельства (Мк. 14:56; Мф. 22:81). Что было отвечать на такие обвинения? Господь молчал. *Востав архиерей посреде, вопроси Иисуса глаголя: не отвещаваетвши ли ничесоже, что сии на Тя свидетельствуют?* Господь молчал. Обвинители, сами чувствуя слабость своих обвинений, решились прибегнуть к последним мерам: со страшным заклинанием подошел архиерей к Иисусу Христу, говоря: *Заклинаю Тя Богом живым, да речеши нам, аще Ты еси Христос.* Тогда Спаситель открыл уста Свои, чтобы засвидетельствовать истину, и отвечал: *Ты рекл еси: обаче глаголю вам: отселе узрите Сына Человеческаго седяща одесную силы и грядуща на облацех небесных.* Услышав такой ответ, архиерей растерзал ризы свои, забыв заповедь Моисееву о первосвященнике: *главы да не откроет и риз своих не раздерет* (Лев. 21: 10). *Что вам мнится?* сказал он потом, обращаясь к другим судиям. *Повинен есть смерти!* — отвечали все единогласно. И суд был решен! Судии до утра отошли на свои ложа, а Господа Иисуса отдали на поругание воинам и слугам (Мф. 26: 50–66; Мк. 14: 55–61; Лк. 22: 63–71). На другой

день утром снова собрался совет обвинителей и решил окончательно: предать Господа на распятие! Но сего нельзя было сделать без приговора римского прокуратора, и потому отправились все, вместе с Обвиняемым, к Пилату (Мф. 27:1; Мк. 15:1; Лк. 22:66; 23:1).

Пришедши ко двору Пилата, иудеи не хотели войти в претор (в судилище языческое), *да не осквернятся, но да ядят пасху*, и, предав Иисуса Христа игемону, сами извне клеветали на Него, будто Он возбраняет платить дань кесарю и, выдавая Себя за Царя Иудейского, производит возмущение в народе. Прокуратор, вероятно, скоро понял, в чем, собственно, состоит обвинение, и хотел отдать все дело на их собственный суд; но они отказались судить сами, говоря, что *им не достоит убити никогоже* (отказываясь судить, произнесли, однако, наперед приговор свой Подсудимому). Тогда Пилат начал допрашивать Иисуса Христа, точно ли Он царь, то есть выдает Себя за царя. Господь с кротостью и смирением отвечал ему, что Он воистину царь, но Царство Его не от мира сего, и потому нет у Него ни рабов, ни защитников земных, — что Он царь, но — духовный, пришедший возвестить истину людям, и кто любит истину, тот и подданный Его Царства. Услышав о Царстве не земном, об истине, Пилат не хотел заниматься таким возвышенным предметом. Напитанный, вероятно, современным духом всеобщего сомнения (или *скептицизма*), он поспешил отклонить от себя разговор о вещах вышечувственных как нечто достойное занимать только посетителей школы, и потому, прервав ответ Господа восклицанием: *Что есть истина?* — вывел Его вновь к иудеям и объявил, что ни одной вины не обретает в Нем. Но обвинители с ожесточением настаивали на своем, говоря, что Он развращает народ, уча везде, начиная от Галилеи и до Иерусалима.

Слово *Галилея* внушило Пилату приятную мысль – устранить себя от дела, в котором ему не хотелось участвовать. *Разве Он из Галилеи?* – спросил Пилат у иудеев. Так, отвечали обвинители. И прокуратор немедленно после сего отправил их с Обвиняемым к Ироду Галилейскому, бывшему тогда, по случаю праздника, в Иерусалиме. Но Ирод, не получив на вопросы любопытства своего никакого ответа от Господа, только наругался над Ним и, облекши Его в белую одежду (вероятно, в знак Его невинности и вместе поругания над Ним, как над человеком, не стоящим того, чтобы из-за него возникали такие волнения), снова возвратил к Пилату.

Пилат свидетельствовался теперь поступком Ирода, что нет причины осуждать Иисуса Христа на казнь смертную. Посему, если хотят, он готов отпустить Его, во исполнение их же обычая освобождать кого-нибудь из заключенных пред праздником Пасхи. Но раздраженные, может быть, самою медленностью суда иудеи завопили: *Не Сего, но Варавву!* Варавва же был разбойник. Повинуясь необходимости, прокуратор хотел изведать еще один способ освободить Невинного: он предал Его воинам на раны и би-

чевания и потом, всего изъязвленного и окровавленного, в терновом венце и багряной ризе вывел снова на террасу (Лифостротон) и сказал: *Се, Человек! – Возми, возми, распни Его!* – завопили иудеи, рассвирепевшие, как звери, при виде крови своей жертвы. «Возьмите же вы в распните Его сами (если уже непременно хотите этого), а я никакой вины не нахожу в Нем».

«Мы закон имеем, и по нашему закону Он должен умереть, потому что выдал Себя за Сына Божия!» Пилат опять вошел в претор, опять начал допрос: *Откуда Ты?* Но Господь уже не отвечал ему. Ибо что можно было сказать на вопрос сей? Настоящего ответа правитель не захотел бы слушать. «Мне ли не отвечаешь, – спросил снова Пилат, – когда в моих руках власть и распять и отпустить Тебя?» – «Нет, – отвечал тогда Господь, – *не имаши власти ни единыя на Мною, аще не бы тебе дано свыше*». То есть ты только орудие (хотя, без сомнения, не чисто страдательное), а дело совершается по высшему предопределению; «посему предатели Мои имеют больший твоего грех».

После такого кроткого и знаменательного ответа Пилат еще более искал отпустить Иисуса; но иудеи решительно говорили: *Аще Сего пустиши, неси друг кесарю,* а это слово страшно было для прокуратора. Итак, и внутренний голос совести, и порядок судопроизводства побуждали Пилата к делу правому: к тому же сама жена его присылала просить за Праведника, устрашенная сновидением; но сильнее всего было для него: *аще Сего пустиши, неси друг кесарю.* В последний раз Пилат вышел на Лифостротон и, указывая на Иисуса, сказал: *Се Царь ваш! – Возми, возми, распни Его!* – закричал народ, еще прежде подущенный архиереями. *Царя ли вашего распну? – Не имамы царя, токмо кесаря!* – Пилат умыл руки пред народом, говоря: «Я чист от крови Праведника Сего, – смотрите вы!» – *Кровь Его на вас и на чадах наших!* – заключили безумные обвинители.

Тогда предаде Его им, да распнется (ср. Мф. 27:19–24:25; Лк. 23: 1–25; Ин. 18: 26–40 и 19: 1–13).

Долго жаждавшие полной власти над Господом иудеи устремились на Него теперь как на добычу, которую боялись упустить из рук своих. Они взяли Божественного Страдальца, ввели Его внутрь двора, собрали всю спиру и начали ругаться Ему, кланяясь пред Ним и говоря: радуйся, Царь Иудейский. И били по главе тростью, и плевали на Него (Мк. 15: 16–19). Наконец, насытившись зверскими истязаниями бесконечно долготерпеливого и милосердого Страдальца, мучители возложили на Него крест и повели на распятие. Шествие направилось от дворца Пилата к воротам, называвшимся *судными,* из которых путь шел, между прочим, к лобному месту.

Пресвятая Матерь Божия, говорит предание, услышав об осуждении на смерть Сына и Господа Своего, устремилась к Пилату для испрошения оправдания Ему, но когда прошение Ее осталось без успеха, то потекла ближай-

шею улицею навстречу печальной процессии; с Нею был и святой евангелист Иоанн. Место встречи сей осталось памятным для христиан, и святая Елена построила на нем церковь, развалины которой видны еще доселе.

Скоро Спаситель до того изнемог под тяжестью креста, что воины опасались, дабы Он не умер на пути, и потому велели встретившемуся Симону Киринейскому понести крест Его.

Пред концом города сретили Господа жены иерусалимские и плакали, смотря на невинного Страдальца, но, обратившись к ним, Спаситель сказал: *Не плачитеся о Мне, обаче себе плачите и чад ваших*, потому что для вас наступают дни Страшного Суда Божия (Лк. 23: 28–31). Прошедши ворота судные, скоро достигли наконец *Голгофы*, и там *Господа славы* распяли на кресте между двумя злодеями!..

Иисус Христос в саду Гефсиманском

Примирение разностей в евангельских сказаниях о внутреннем состоянии Иисуса Христа и других событиях в саду Гефсиманском

Диакон Кудрявцев. «Христианское чтение», 1867

По окончание вечери Господь, по сказаниям всех четырех евангелистов, пошел в сад Гефсиманский. Но этим одним пунктом и ограничивается их согласие; в изображении последующих же событий между ними начинается кажущееся разногласие. Первые три евангелиста согласно говорят, что Господь по прибытии в сад Гефсиманский начал скорбеть, тужить и молиться до кровавого пота (Мф. 26: 37–42; Мк. 14: 33–41; Лк. 22: 41–45). Между тем евангелист Иоанн не только не передает об этих фактах, но даже выставляет как будто нечто противоположное им. По его словам, Господь радуется, что настал наконец этот день, так как он был для Него началом прославления. Таково содержание всей так называемой первосвященнической молитвы, содержащейся в 17 главе. Чтобы такое кажущееся противоречие не могло показаться для кого-либо действительным противоречием, мы считаем нужным напомнить, что мы много бы очень приняли на себя, если бы взялись судить о душевном состоянии такой высочайшей личности, какова личность Богочеловека Иисуса. Если мы не в состоянии бываем часто судить о самых простых явлениях душевной жизни, и притом обыкновенных людей, то можем ли мы браться судить о таком исключительном состоянии, каково состояние в минуты предсмертные, и притом такой Личности, Которая беспримерна в истории человечества. Следовательно, можем ли мы сказать, что вот это состояние должно быть, а

это не должно? Почему не допустить, что как одно было, так было и другое? Если мы обратим внимание на характер смерти Господа, то именно к тому заключению и придем мы, что оба эти состояния возможны. Если бы смерть Иисуса Христа была только делом случая, постигшего Его на пути призвания, то Он, конечно, с таким же точно светлым взором встретил ее, как встречали ее потом все Его последователи; но смерть Иисуса Христа была нечто другое, чем пожертвование в обыкновенном смысле. В ней коренилась вся сила расширения Его Царства; чрез нее побежден князь этого мира; чрез нее уничтожена преграда, разделявшая людей с Богом. Но это одна, так сказать, светлая сторона, между тем в этой смерти есть другая сторона, которая также должна браться во внимание. В этой смерти сосредоточен, так сказать, весь тот гнев Божий, который тяготел над грешным родом человеческим. Христос есть Агнец Божий, Который взял на Себя грехи мира (Ин. 1:29). Он раб Иеговы, удовлетворяющий Своею смертию правде Божией. Он дает душу Свою во избавление за многих (Мф. 20:28). Он есть умилостивительная жертва за наши грехи (Рим. 3:25). От такого двоякого характера смерти необходимо должно произойти и двоякое предсмертное состояние. Он мог радоваться как Искупитель мира, дарующий Своею смертию бесчисленные блага роду человеческому, но вместе и скорбеть как жертва, несущая на Себе грехи всего мира, скорбеть за весь род человеческий. Вследствие всего этого нет и не может быть ничего удивительного, что Господь от одного состояния скоро перешел в другое. В Своей первосвященнической молитве Ему естественно было восторгнуться духом и возблагодарить Бога Отца за то, что Он помог Ему совершить то дело, которое Он принял на Себя; в саду же Гефсиманском, при приближении смертного часа, Ему естественно было возмутиться духом и скорбеть, скорбеть не за Себя, а за род человеческий, подвергшийся такой участи. Итак, если оба состояния возможны, то почему не допустить, что евангелист Иоанн взял один момент этого состояния, именно тот, когда Господь благодарит Бога Отца, а первые евангелисты – другой.

В повествовании о дальнейших событиях в саду Гефсиманском евангелисты, по-видимому, сходятся. Все евангелисты говорят о взятии Господа воинами и об участии в этом, главным образом, Иуды. Если же ближе всмотреться в эти повествования, то и здесь найдем довольно значительные разности. По повествованиям первых трех евангелистов, дело представляется в таком виде, что Господь взят был по указанию Иуды, выраженному поцелуем. По повествованию евангелиста Иоанна, Господь Сам вышел к ним навстречу, спросил, кого они ищут, и сказал, что это – Он (Ин. 18: 2–9; ср. Мф. 26: 46–57; Мк. 14: 43–50; Лк. 22: 46–53). Но и эти разности только кажущиеся. Если евангелист Иоанн и не указал прямо тот род предательства, о котором говорят первые евангелисты, то все же он дал заметить,

что этот был ему известен и что он для краткости только не говорил об этом. Об Иуде-предателе он упоминает два раза: в первый раз он говорит о нем, что он предал Господа своим указанием того места, где Учитель его имел обычай бывать с учениками; во второй же раз, сказав, что Иисус Сам вышел навстречу, он вне всякой связи речи замечает: *Стоял же с ними* (воинами) *и Иуда-предатель Его* (ст. 5). Такое указание, поставленное вне связи речи, решительно ведет к тому заключению, что здесь евангелист имел в виду тот второй род предательства, о котором говорят его предшественники. Что же касается замечания евангелиста, что Господь Сам выступил навстречу и действием Своего всемогущего слова поразил противников, то это замечание не только не устраняется первыми евангелистами, но даже вполне предполагается. Все три евангелиста говорят о том, что один из учеников извлек нож и ударил им первосвященнического раба. Но такой поступок был бы очень странен, если бы мы отделили его от приведенного выше замечания евангелиста Иоанна. Было бы в высшей степени странно, как служители, взяв Иисуса, не взяли вместе и Его учеников, и особенно того, который осмелился защищаться. Было бы странно и то, как осмелился апостол, сознавая свою малочисленность, выступить на защиту, и выступить с таким ничтожным оружием, каков нож. Означенное же замечание разрешает эти недоумения. Как скоро допустим, что Господь Сам выступил навстречу и поразил противников, то, с одной стороны, понятна будет оплошность воинов, с другой — понятен будет и поступок апостола. Первая будет иметь свою причину во всеобщем замешательстве, второй — в той смелости, какую внушило всемогущество Господа.

Гефсиманский подвиг Спасителя

«Троицкие листки», 1882

К востоку от Иерусалима, при подножии горы Елеонской, находится сад Гефсиманский. Несколько старинных масличных деревьев и поныне сохранились: они обнесены теперь невысокою каменною оградою. Сюда любил уединяться Господь наш Иисус Христос со Своими учениками; здесь Он часто беседовал в молитве со Своим Небесным Отцом; сюда же пришел Он, возлюбленный Спаситель наш, после Тайной вечери с апостолами, в ночь пред Своими страданиями... Для нас, грешных, сады и вертограды служат обыкновенным местом отдыха и приятной прогулки; не то был сад Гефсиманский для нашего Господа. «Не чистые струи вод, — говорит один благочестивый поклонник святых мест, а потоки кровавого пота здесь источались; не тихое веяние ветра, а вздохи и вопли здесь слышны были; не с благоухающими розами, а с оружием и дрекольями пришли сюда взять Господа нашего злобные враги Его»... И сколько внутренних страданий, сколько душевных мук должен был Он вытерпеть здесь, еще прежде

чем взяли Его, прежде чем начались Его телесные страдания — там, во дворе Анны и Каиафы, в претории Пилата, и наконец, на Голгофе, на кресте! Да, это была ночь, подобных которой не было и не будет, пока мир стоит; это была ночь предсмертных страданий Спасителя мира, страданий самых лютых и невыносимых... Пришед на место, повествуют святые евангелисты, Он сказал ученикам Своим: «Посидите здесь, пока Я пойду, помолюсь там». И взял с Собою Петра и Иакова, и Иоанна, и начал скорбеть, ужасаться и тосковать. Тогда говорит им: «Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бдите со Мною». И отойдя от них на такое расстояние, на какое можно докинуть камень, преклонил колена, пал лицом на землю и начал молиться. И было о чем скорбеть и тужить, было от чего ужасаться и тосковать! Ведь Он — Агнец Божий, вземляй на Себя грехи всего мира; ведь все грехи человеческие, все то, что должен был претерпеть весь мир за свои беззакония, вся эта тяжесть легла теперь на Него одного! Тяжек и один грех — что же, когда таких грехов больше, чем песку на берегу морском? Как не изнемочь было под этою невыносимою тяжестью греховной Господу нашему? О, Господи, Господи! Если бы мы грешные всегда помнили, чего стоили Тебе грехи наши, мы, наверное, боялись бы их пуще огня; а то мы никогда о том и думать не думаем!..

Чем более усиливалось внутреннее смятение духа, тем прилежнее молился Господь: и был Он в борении, повествует евангелист, и был пот Его как капли крови, падающие на землю... «Но кто же, Господи, не нанося Тебе ран, так изранил Тебя, что Ты весь обливаешься кровию?» — вопрошает святитель Димитрий, и сам же отвечает: «Это — любовь, любовь, крепкая как смерть, к роду человеческому... Два чувства боролись в это время в святейшей душе Богочеловека Спасителя нашего: это страх и любовь. Страх предстоящих ужасных мучений за грехи всего мира понуждает Его взывать Отцу Небесному: *Отче, да мимо идет от Мене чаша сия!* а любовь жаждет этой чаши страданий, простирает к ней руку свою и говорит: *Отче Мой! буди воля Твоя!* (Мф. 26:39). Силен страх, крепка любовь, и вот эти-то два чувства борются в Нем и обливают Его кровию! Иов говорит: кто сеет нечестие, тот пожинает печаль; а Ты, кроткий и незлобивый Господи наш, Ты не сеял нечестия, а вот пожинаешь печаль! Истинно слово Твое: *Ин есть сеяй и ин есть жняй;* мы посеяли грех, а Ты пожинаешь за нас болезни»...

В душевной скорби Иисус Христос прекращает молитву и идет к трем возлюбленным ученикам, дабы утешить Себя их присутствием и молитвою, но находит их спящими от печали. Скорбные чувства, хотя и неясное, но все же томительное ожидание близкой разлуки, о которой так недавно говорил им Сам Господь, усталость после трудов целого дня — все это ослабило их телесные силы до того, что они были вовсе неспособны теперь к молитве. «Ты спишь, Симон! — сказал Господь апостолу Петру,

который за час пред тем обещал душу положить за Учителя. – Так ли не мог ты и одного часа бодрствовать со Мною? Бдите и молитесь, – обратился Он к пробудившимся другим двум ученикам, – бдите и молитесь, чтобы не впасть вам в искушение. Дух бодр, но плоть немощна». Уже самый голос Спасителя показывал, что эти слова изливаются из растерзанного печалью сердца! Он отошел от них и опять стал молиться, предавая Себя всецело в волю Отца Небесного...

Но чрезвычайное смирение Богочеловека побуждает Его снова идти к Своим друзьям, дабы найти Себе некую отраду и подкрепление в их молитве, – и Он опять находит их спящими! О, немощная природа человеческая! Ты и среди томительной скорби склонна скорее забыться в сонном расслаблении, чем искать укрепления и освежения в сердечной молитве!

Господу не хотелось тревожить их сна: ведь еще сколько на завтра предстояло им испытать горьких тревог сердечных, так пусть хоть теперь немного забудутся, немного отдохнут, если уж не могут молиться с Ним... И снова Он оставляет их, и снова повергается на землю, и еще прилежнее молится Он, обливаясь потом кровавым..

Этот подвиг молитвы, эта внутренняя душевная тоска, какую испытывал Господь наш в саду Гефсиманском, это томление духа, какое Он выносил теперь в Своем святейшем сердце, все это до того ослабило телесные Его силы, что Его состояние равнялось мучению человека, борющегося со смертию. Нужно было укрепить изнеможенную природу человеческую для предстоящих новых страданий, и вот наконец является ангел небесный и укрепляет Его. Ангел укрепляет Иисуса – укрепляет Того, Кто Сам вся носит глаголом силы Своей! Какая дивная тайна заключается в этих словах! Какая воистину непостижимая глубина Божественного смирения Спасителя нашего!.. «Я не знал бы, – говорит блаженный Августин, – как велико благодеяние и любовь ко мне, грешному, моего Господа и Спасителя, если бы Он не обнаружил предо мною, чего они стоят Ему». И в самом деле, если бы мы не знали, как Господь наш страдал в саду Гефсиманском, то могли подумать, что страдания для Него не стоили ничего; но тут мы видим капли кровавого пота, слышим, как Он умоляет Отца, да мимо идет от Него чаша страданий; и мы знаем, как горька эта чаша, и благоговеем пред Тем, Кто испил ее за нас. «Если и с нами случится искушение, – говорит один из наших архипастырей, – станем пред изображением молящегося Иисуса, посмотрим на чашу сходящую свыше, повергнемся в прах пред Отцом Небесным и скажем Ему словами Единородного Сына Его: да мимоидет и от нас чаша сия; однако не как мы хощем, но как Ты: да будет воля Твоя! И Отец Небесный услышит молитву нашу, как услышал Он моление Единородного, и спокойствие совести, тишина сердца будет для нас вместо Ангела укрепляющего».

О значении событий в Гефсиманском саду

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в Великий Пяток. «Воскресное чтение»

Страдания Господа открылись в саду Гефсиманском; там Он *начат скорбети и тужити*, говорит евангелист; и глагола ученикам: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мф. 26: 30–38). Для чего в саду? Был некогда иной сад, о коем сказано в Писании: *И насади Господь Бог рай в Едеме на востоцех. И прозябе Бог от земли всякое древо красное в видение, и доброе в снедь. И взя Господь Бог человека, егоже созда, и введе его в рай сладости* (Быт. 2:8; 2:15). Но этот рай сладости потерян, и, начиная от первого Адама до второго, никто не входил в оный. Спаситель, молясь в саду Гефсиманском, тем самым уже открывает некий доступ в рай, заключенный грехом в продолжение многих тысяч лет.

В неизъяснимой скорби – это была плата за временную сладость грехов человеческих – Спаситель повергается на землю, молясь к Отцу Своему, и землю орошает потом кровавым. *Паде на лицы Своем, паде на земли* (Мф. 26:39; Мк. 14:35). Что означает сие падение? Во-первых, безмерную тяжесть грехов, кои Господь с целого мира подъял на рамена Своя и кои потому как бы невольно преклонили Его земле. Во-вторых, мы можем видеть здесь образ милосердия Господа к грешной земле. Она была проклята некогда Создателем: *Проклята земля в делех твоих,* — сказано Адаму. Теперь Создатель снимает с нее проклятие; падая на лицо, с распростертыми руками, Он как бы лобызает и объемлет ее. Он паки делает ее землею живых, землею благословения. «Земле, земле, – восклицает святой Димитрий Ростовский, – внуши слово: Бог Слово припадает к тебе лицем Своим, как друг, оплакивая прежнее отпадение твое, и теперь снова обнял тебя, как свою искреннюю, в лоно Его возвращенную».

Спаситель орошает землю потоком кровавым; она покрыта была некогда водами потопными; но сии беды, погубивши беззаконников, не смыли беззаконий с лица ее. Теперь кровавый пот Господа обновляет лицо земли. *Бысть пот Его, яко капли крове, каплющия на землю.* Пала некогда на землю кровь невинного Авеля; но она вопияла на небо об отмщении; падает кровавый пот Спасителя: но вопиет об отпущении и прощении.

Как понимать скорбь Господа в Гефсиманском саду пред крестными страданиями (Мф. 26:38)

Филарет, митр. Киевский

И поем Петра и оба сына Зеведеова, начат скорбети и тужити. Тогда глагола им Иисус: прискорбна есть душа Моя до смерти (Мф. 26: 37–38). Что за скорбь, которою скорбит Помазанный елеем радости паче причастник Своих?

Какая непостижимая сила страданий могла объять и проникнуть всю душу Спасителя Христа, теснейшим союзом соединенную с Божеством, беспредельно блаженным, или паче самым блаженством, никогда неизменяемою радостию и вечно текущими источником чистой и святой радости для Ангелов и человеков? Что за смерть, приведшая Начальника жизни в содрогание и ужас? История Церкви открывает нам многих святых мужей, и даже жен и юных детей, бестрепетно и с радостью сретавших мученическую за Иисуса Христа кончину; а пред сею смертию видим мы Носящего всяческая глаголом силы Своея в страхе, в скорби, в смятении!

Здесь сокрыта тайна внутреннего креста Искупителя нашего, который долженствовал предварить, сопровождать и совершить наружные страдания и крест Его. Иисус Христос, Ходатай спасения нашего, прияв на Себя бремя грехов всего рода человеческого, приял вкупе всю тяжесть мстительной правды Божией за оные, все скорби и страдания телесные и душевные, даже до болезней адовых: все смерти, даже до вечной. Почему, представляя Себя в жертву за спасение мира, святейшая душа Его была вся погружена в беспредельное море скорбей, которое приготовили и долженствовали испить потомки законопреступного Адама? Бездна грехов всего человечества погружала сердце Его в бездну болезней. Бог Отец зрел в возлюбленном Сыне Своем заветную главу грешников, всего мира грехами обложенную: *не Ведевшаго бо греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. 5:21). Вместо сладостных ощущений действий любви Отчей сердце Его было растерзано стрелами мщения Праведного Судии. Он долженствовал испить до последней капли всю чашу гнева Божия за грехи всех человеков. Яко Вождю Церкви Своей, Ему надлежало сражаться со всем адом; и Бог Отец в сей борьбе оставил Его беспомощным. Оставление от Бога, Источника жизни, есть истинная ужасная смерть. До сей-то смерти скорбел Иисус Христос; и в ужасной борьбе человеческого естества Его с сею смертию, могло одержать победу точию Божественное Его естество.

Самое совершенство святости Иисуса Христа умножало Его скорби и страдания. Грешники, в омрачении ума своего, не видят всей гнусности и мерзости грехов. Окаменелые сердца их не чувствуют тех мучений, которые уготованы им в вечности. Они обольщают себя призраками счастия и еще находят удовольствие в самом источнике мучений – в грехах. Бог, не хотяй смерти грешника, но во мнозе долготерпении ведя нас на покаяние, скрывает от нас бездну зол, изрытую беззакониями нашими. А ежели бы грех открылся человеку вдруг во всей наготе своей, со всеми последствиями своими, то ни одно сердце человеческое не могло бы не умереть от стыда и ужаса.

Совершенно святая душа Иисуса Христа, не терпящая никакой скверны, зрела все грехи всех человеков во всей наготе их. Беспредельно не-

жное сердце Его ощущало всю силу мучений, неизбежных следствий грехов: сколь убо была велика и беспредельна Его скорбь! Она непостижима. Дух Святой устами пророка Давида изображает ее живыми, но, впрочем, приспособленными к понятию человеческому чертами: *Одержаша мя болезни смертных, и потоцы беззакония смятоша мя, болезни адовы обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя* (Пс. 17: 5–6). *Яко вода излияхся, и рассыпашася вся кости моя: бысть сердце мое яко воск таяй посреди чрева моего. Изсше яко скудель крепость моя, и язык мой прильпе к гортани моему* (Пс. 21: 15–16). *Сердце мое смятеся, остави мя сила моя, и свет очию моею несть со мною* (Пс. 37:11).

И вот причина троекратного моления Иисуса Христа ко Отцу, да мимоидет от Него чаша сия (Мф. 26:39) – моления с воплем крепким и со слезами (Евр. 5:7), моления горячайшего, сильнейшего, болезнейшего, какового никогда не было во времени и во всю вечность не будет! Вот слабое изображение того подвига всей души и всех членов священнейшего тела Христова, от которого *бысть пот Его, яко капле крове, каплющие на землю* (Лк. 22:44). Вот почему Всемогущий имел нужду в помощи ангела с небеси, укрепляющего Его (ст. 43).

Но не в вертограде Гефсиманском окончились сии Божественного Ходатая нашего скорби. Обремененный беспредельными болезнями за нас, постепенно умножающимися, шествовал Он из вертограда в Иерусалим, из Иерусалима на Голгофу. И какое страдательное шествие! Душа Его обременена всею тяжестью мстительной правды Божией за грехи всего рода человеческого; сердце Его пронзено печалью о рассеянных учениках Своих и о страдающей Матери Своей; рамена Его отягчены древом крестным; глава Его вся пронзена терновым венцом. И где оканчивает путь светоносной жизни Своей Спаситель мира! На лобном месте, на месте казни злодеев! Чем платит мир Пришедшему спасти его? Воины совлекают последние Его одежды и мучительным образом пригвождают Его ко кресту. Жаждущему спасения всего мира отказывают в единой капле воды для утоления смертной жажды Его (Ин. 21: 19–20). Какой преступник умирал когда-либо столь болезненною смертью?

Премудрый царь Израильский Соломон из сострадания к человечеству несчастным, осужденным на смерть, повелел давать пить сладкое, нарочно для сего приготовленное вино, дабы они могли смягчить болезнь свою и забыть свое несчастие (Притч. 31: 6–7). Но злоба иудеев, вопреки сему обычаю, жаждущему Спасителю поднесла оцет, с желчью смешанный. *Видите, аще есть болезнь, якоже болезнь сего Мужа болезней?* (Плач. 1:12). От преизбытка сей болезни, проникнувшей всю душу и тело Спасителя нашего, вися на древе крестном, воззвал Он гласом велиим: *Боже Мой, Боже Мой! вскую Мя еси оставил?* (Мф. 27:46).

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Слова в Великий Пяток

Прискорбна есть душа Моя даже до смерти (Мф. 26:38). И молитвенное беседование с единосущным Отцом не освобождает Его, а удерживает под тяжестью страдания. *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты* (Мф. 26:39). *Носящий всяческая глаголом силы Своея* имеет теперь нужду *в укреплении от ангела* (Лк. 22:43).

Может быть, смертная скорбь Иисуса представляется некоторым из нас недостойною Бесстрастного. Да ведают они, что сия скорбь не есть действие нетерпения человеческого, но Божеского правосудия. Мог ли Агнец, *заколенный от сложения мира* (Откр. 12:8), убегать Своего жертвенника? Тот, *Егоже Отец святи и посла в мир* (Ин. 10:36), Тот, Который от века приял на Себя служение примирения человеков с Богом, мог ли поколебаться в деле сего служения единою мыслию о страдании? Если Он мог иметь какую нетерпеливость – то разве нетерпеливость совершить наше спасение поблаженствовать нас. *Крещением имам креститися*, говорит Он, *и како удержуся, дондеже скончаются?* (Лк. 12:50). Итак, если Он скорбит, то скорбит не собственною, но нашею скорбью; если мы видим Его *быти в труде и в язве от Бога, и в озлоблении*, то Он *грехи наша носит и о нас болезнует* (Ис. 53: 3–4); чаша, которую подает Ему Отец Его, есть чаша беззаконий, нами содеянных, и всех казней, нам уготованных, которая потопила бы весь мир, если бы Он един не восприял, удержал, иссушил ее. Она растворена, во-первых, преслушанием Адама, потом растлением *перваго мира* (Быт. 6:12; 2 Петр. 2:5), гордостью и нечестием Вавилона, ожесточением и нераскаянностью Египта, изменами Иерусалима, *избившаго пророки и камением побившаго посланныя к нему* (Мф. 23:37), злостью синагоги, суевериями язычества, буйством мудрецов, и, наконец, (поелику Искупитель понес на Себе и будущие грехи мира) соблазнами в самом христианстве; разделениями единого стада Единого Пастыря, дерзновенными мудрованиями лжеучителей, оскудением веры и любви в Царстве веры и любви, возрождением безбожия в недрах самого благочестия. Присовокупим к сему все то, что мы находим в себе и окрест себя достойным отвращения и гнева Божия, а также все, что стараемся сокрыть от своей совести под ухищренным наименованием *слабостей* – легкомыслие и законопреступления, утехи юности, закоснение старости, забвение Промысла в счастии, ропот в несчастиях, тщеславие в благотворении, корыстолюбие в трудолюбии, медленность в исправлении, многократные падения после восстания, беспечность и бездействие, свойственные владычеству роскоши, своеволие века, надменного мечтою просвещения: все сии потоки беззакония сливались для Иисуса в единую чашу скорби и страдания; весь ад устремился на сию небесную душу, и дивно ли, что она была *прискорбна даже до смерти.*

Смысл Гефсиманской молитвы Иисусовой (Лк. 22: 41–42)

«Воскресное чтение», 1823

И поклонь колена (Иисус) *моляшеся, глаголя: Отче, аще волиши мимо нести чашу сию от Мене: обаче не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22: 41–42). Предвечный Сын Божий, во плоти пришедший, без сомнения, ведал, что чаша страданий, ради нас Ему уготованная, не мимоидет Его — Он затем и воплотился, чтобы бесценною жертвою страданий Своих искупить нас, проданных под грех. И вот, однако, пред самым их началом, при самом приближении *с воплем крепким и со слезами* (Евр. 5:7) возносит Он молитву к Отцу Своему Небесному, о том, чтобы избавил Его от смерти и освободил от предстоящих мучений... Подвиг Его усиленный; слово молитвы решительно; что же за смысл ее, что за цель, для которой Сыну Божию угодно было обратить в священное дело молитвы этот вопль немощи, благоутробно воспринятой Им ради нас?

Все это было делом любви Его Божественной, спасающей нас, грешных. Господь и Спаситель наш Иисус Христос, *един ведый человеческаго естества немощь*, прошел здесь пред нами одну из тех трудных стезей святого и Богоугодного терпения, на которой мы сами, быв оставлены собственным силам, не быв научены и вместе уполномочены сим высоким образцом своего Спасителя, всегда в самом начале падали бы падением бедственным и невозвратным.

Среди различных искушений и напастей жизни, постигающих нас в наказание за грехи, для возбуждения к покаянию или для нашего испытания в добродетели, или же для того и другого совокупно, бывают иногда случаи, особенно для нас трудные и тяжкие, при которых все существо и самое даже терпение наше, так сказать, распинается крестом страдания, при одной встрече с которыми душа и тело у нас потрясаются содроганием, и между тем видим, что встреча сия бывает неминуема. Это верх жизненных страданий, на котором должен открываться верх нашего терпения по Бозе. Бесспорно, что первое здесь дело, первая забота с нашей стороны — стараться быть послушными распоряжениям воли Божией; первое желание наше тогда должно состоять в том, да будет все с нами так, как угодно Господу, а не нам, легко будет сие или неудобоносимо в величайшей степени, радостно или скорбно до крайности. Но что делать, когда почувствуем, что и сия сыновняя преданность Господу Богу оскудевает у нас в это время, и самое желание духа нашего — бодро поставить себя в подвиг святого терпения — падает, оглушенное воплем немощной плоти, крепко вопиющей против горькой для нее необходимости — стать лицом к лицу с испытанием скорби? В сии-то наипаче минуты может угрожать нам опасность — в

одно мгновение явиться лишенными всех тех благих плодов, какие, быть может, приобретены были у нас долговременными трудами веры и терпения. Эта внутренняя мука и туга сердечная, обременяющая душу, скоро может повергнуть ее в тяжкий сон бездейственного уныния или — что хуже — исполнить ее духом роптания, и самый крест, нам посланный, сделать похожим на крест того неразумного разбойника, который хулил распятого с ним Господа, не подражая другому, умолявшему о помиловании.

И вот любвеобильный Спаситель наш, быв *искушен* ради нас *по всяческим*, по подобию всяких с нами случающихся искушений, кроме *греха* (Евр. 4:15), не оставил без призрения Своего и этих встречающихся нам испытаний, когда совершенно начинает изнемогать у нас терпение и немощь наша подавляет собою силу духа прежде, нежели сия последняя успеет ознаменоваться досточестною борьбою. Вот Началосовершитель нашего спасения — Иисус Христос Сам благоизволил довести Свое снисхождение к немощам нашим до этого крайнего предела их на скорбном поприще крестных испытаний, чтобы нам открыть отсюда путь к восхождению по стезе благодатного укрепления. Было и у Него, Спасителя нашего, такое состояние пред крестными страданиями, в котором Он испытал это чувство беспомощности и крайней тяготы сердечной, у нас так скоро обращающееся в чувство совершенной безнадежности. И Он, готовясь в Своем человечестве понести на кресте тяготу грехов, не Своих грехов, а наших неизмеримых грехов и беззаконий, *начат скорбети и тужити*, и говорит приближенным ученикам Своим: *Прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мф. 26:38); тем самым ученикам, которых прежде удерживал от непомерного желания чести указанием на чашу страданий, уготованную для них вместе с Ним (Мк. 10: 37–88) и пред которыми теперь Сам обнаруживает ужас и тугу Своего сердца, имея близко у Себя пред очами горькую сию чашу. И сим уже Он прямо показал нам, как естественно и неизбежно слабой природе нашей страшиться и скорбеть при взгляде на беды и страдания жизненного пути и ужасаться оных трудных подвигов, среди которых проходит наш путь царствия: если испытал сие на Себе Праведный из праведных и Святой из святых, то нам ли избегнуть? А чрез это самое в Своем собственном лице Он дал нам право не смущаться совестью и не считать себя безнадежными в подобных случаях, а лучше искать средства управить сердце свое в силе Божией. И что же, какое научил нас Он давать в сии решительные минуты направление этому внутреннему чувству скорби и изнеможения? Какой указал исход сему тревожному чувству, когда волнует оно сердце и, подавляя все силы и действия духа нашего, стремится чем-либо явить себя вовне? Как указал нам спасать в это время свою изнеможенную душу от ропота, уныния, нетерпеливости, спасать свое терпение, готовое исчезнуть? Здесь-то особенную важность имеет для нас все то, что творил Господь и Спаситель наш, исходя на вольное

Свое страдание. Обратим свое внимание на это единственное средство, которым Сам Он в то время указал поддерживать *бодрость* духа против приражений *плоти немощной* (Мф. 26:41), — на *молитву*, и приимем оную собственную молитву Его в саду Гефсиманском за образец, посредством которого Он положил начало сему делу за нас и для нас, и от которого обращаясь, внушал апостолам Своим простираться в такому же подвигу молитвы — тогда весьма много уяснится для нас смысл и значение молитвы Гефсиманской. Если христианин почувствует когда, что немощная плоть его неотразимо вопиет в изнеможении и скорби, отрекаясь идти путем спасительного терпения, то пусть он в сие время, вместо того чтобы отпасть унынием от воли Божией и пойти против Бога внушаемым оною плотию ропотом, — пусть лучше поспешит сей самый вопль ее принести лицу Божию, как молитву, не опасаясь уже оскорбить сим Его величества, поелику он уполномочивается на это чрез пример Сына Божия воплощенного. И от того самого, что человек не со врагом Божиим стал совещаться, уклоняясь от трудных подвигов спасения, а Самому Богу смиренно поведал в молитве слабость расстроенной своей природы, ее смущение и нежелание понести возлагаемую на нее тяготу, чудные произойдут перемены в душе его. Молитва сия сама собою умиротворит душу человека тишиною смирения и сладостью любви к Богу, всегда скоро здесь пускающих ростки свои, как на доброй почве; и тогда христианин сам возжелает, да будет с ним во всяком случае не то, чего он собственно просит, но то, что послано будет ему свыше, хотя бы и вовсе противное его желаниям. Тогда, хотя бы он решительно увидел, что не получает просимого им избавления от Скорби и напасти, — во всяком случае воскликнет и сердцем и устами: *Обаче не Моя воля, но Твоя да будет, Господи*, — воскликнет как сын наказуемый; как Спасителю явился ангел в саду Гефсиманском, не замедлит и душе христианина помощь небесная, укрепляющая ее понести с готовностью все, что будет на нее возложено.

Не сей ли именно путь восхождения от немощи к силе Божией открыл и проложил пред нами Господь и Спаситель наш, когда, готовясь испить чашу страданий Своих, начал просить Отца Своего Небесного — мимо нести от Него чашу сию? Обратим внимание на то, что главный предмет, к которому Сам Он тотчас же сводит молитву Свою, это — да совершится непреложно воля Отца Небесного над Ним, та всесвятая воля Божия, о которой Он еще от сложения мира ведал и в предвечном Троичном совете изрек: *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Пс. 39: 8-9), сотворить чрез крестное жертвоприношение *тела*, которое *совершил* Ему Отец в последние лета (ст. 7). И следовательно, что другое, как не полнейшую преданность воле сей, Он являет этим прошением об отменении предстоящих страданий, когда и сие самое прошение заключает в одну общую молитву: *Обаче не Моя воля, но Твоя да будет?* Не то ли именно хотел Он сказать всею молит-

вою сею: Отче! немощь естества человеческого, принятого Мною по совету воли Твоей, вопиет к Тебе и просит избавления от предстоящих мучений: повергаю пред Тобою вопль ее и прошу сотворить, да исполнится в ней непреложно воля Твоя с силою Моею? И явление ангела укрепляющего при усиленном повторении одной и той же молитвы не было ли прямым ответом на сию молитву, скоро услышанную, и явным признаком того, к чему она клонилась?

Так, если проникнем оком благоговейным, то должны будем уразуметь сердцем признательным, что молитва Господа Иисуса в саду Гефсиманском пред Его страданиями была молитва глубочайшей преданности и совершеннейшего послушания воле Божией, молитва, посредством которой Сам воплощенный Сын Божий как Богочеловек вознес к престолу Отца Небесного стенания человеческой немощи нашей в час трудного испытания, и там от лица нашего принес их в жертву твердому и безропотному послушанию.

Чему поучает нас моление Иисуса Христа в Гефсимании?

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова на освящение храма Господа нашего Иисуса Христа в честь и память Гефсиманского моления Его

Тогда прииде с ними Иисус в весь, нарицаемую Гефсимания, и глагола ученикам: седите ту, дондеже шед помолюся тамо (Мф. 26:36). В какие особенные помышления и расположения должен вводить нас образ Гефсиманского многострадального моления Иисус Христова?

Во-первых, Он дает нам руководительные мысли о молитве уединенной. Когда Господь глаголет ученикам Своим: *Яко аще два от вас совещаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех: идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18: 19–20), — тогда Он показует потребность и пользу молитвы общественной, в которой соединение многих подкрепляет каждого. Но когда Он Сам, среди Своего великого служения спасению человеческому, прерывая Свою проповедь и Свои чудодействия, *бе отходя в пустыню и моляся* (Лк. 5:16); и когда, наконец, приближаясь к пределу Своего земного поприща, дабы принести Богу Отцу молитву, сколь важную и таинственную по предмету, столь же трудную по обстоятельствам, удалился сперва с тремя избранными учениками от собора прочих, а потом и от трех избранных в совершенное уединение, рекши: *Седите ту, дондеже шед помолюся тамо,* — тогда показал нам потребность и важность молитвы уединенной, во всевозможном удалении от всего сотворенного, погружающей душу в единое присутствие Божие.

Во-вторых, Гефсиманское моление Христово должно вводить нас в умилительные помышления о глубоко смиренном образе моления Христова.

Поклонъ колена моляшеся (Лк. 22:41). *Паде на лицы Своем моляся* (Мф. 26:39). *Паде на земли, и моляшеся* (Мк. 14:35). Когда подумаешь, что это Единородный Сын Божий, от вечности со Отцом и Святым Духом царствующий на пренебесном престоле и теперь сего престола не оставивший, что Он, облекшись в нашу нищету, немощь, низость, повергается в молитве на землю, чтобы молитвою исходатайствовать нам спасение, а смирением обличить, загладить и уврачевать нашу гордость, тогда пораженная мысль ищет, есть ли в мире довольно униженное место или положение, в которое человек мог себя уничижительно повергнуть, дабы ему не слишком стыдно было пред сим Божественным уничижением!

В-третьих, Гефсимания, исполненная духом моления Христова, орошенная кровавым потом Его Богочеловеческого молитвенного подвига в навечерие дня Его распятия, представляет благоприятнейшее и благонадежнейшее мысленное место молитвы, для сокрушенного грешника, для возмущаемого скорбью, тугою, унынием, страхом, для боримого всяким искушением. Ибо там сила всех возможных искушений побеждена силою молитвы Христовой; и сия победоносная сила не прешла, но пребывает и пребудет, потому что *Иисус Христос вчера и днесь, Той же и вовеки* (Евр. 13:8). Отчего Он, вступая в Гефсиманское поприще, *начат скорбети и тужити* (Мф. 26:37), *ужасатися и тужити* (Мк. 14:33)? От предусмотрения ли приближающихся оскорблений и телесных страданий в Иерусалиме и на Голгофе? Но Он самые сии оскорбления и страдания, не в соображении, а в самом их действии в продолжение многих часов сей же ночи и следующего дня пред синагогою и пред Пилатом, от иудеев и от язычников, в Иерусалиме и на Голгофе переносил, не изъявляя никакого страха, с победоносною твердостью, с высоким спокойствием, то с величием молчания, то со словом любви и молитвы о других, а не скорби о Себе. И если в одну новую таинственную минуту допустил услышаться воплю: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил* (Мф. 27:46), то немедленно покрыл оный торжественным гласом: *совершишася* (Ин. 19:30). Отчего же еще прежде видимых страданий — скорбь, тута, ужас, прискорбие души даже до смерти? Какую горечь, какую тягость заключала в себе сия таинственная чаша, о которой Он и молился: *Да мимоидет*, являя тем истинное восприятое человечество, не чуждое немощи, хотя чуждое греха, и которую в то же время принимал по предвечной воле Отца Своего, глаголя: *Не якоже Аз хощу, но якоже Ты* (Мф. 26:39)? Увы, это горечь наших грехов, это тягость нашей виновности пред Богом и заслуженных нами казней, которые все принял на Себя *Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1:29) и, таким образом, Он скорбел, тужил, ужасался, прискорбен был душою даже до смерти не потому, что истощалось Его терпение, но потому, что Своими внутренними страданиями очищал Он наши внутренние нечистоты, заглаждал нашу виновность, удовлетворял раздра-

женному на нас правосудию Божию, и вместе с тем молился о нашем помиловании, прощении и спасении, и был услышан. Так изъясняет апостол Павел Гефсиманское моление Иисуса Христа, когда пишет к евреям, что Он *во днех плоти Своея, моления и молитвы к Могущему спасти Его от смерти, с воплем крепким и со слезами принес, и услышан быв от благоговеинства* (Евр. 5:7). Как услышан, не избавлен от смерти крестные? Услышан тем образом, что Ему предоставлено Своею крестною смертию и воскресением избавить нас от владычества греха и смерти вечные. Итак, не правда ли, что в Гефсимании сила всех возможных искушений побеждена молитвою Христовою?

И потому, кто бы ты ни был, немощствующий и бедствующий вместе со мною брат мой, если ты уязвляешься печалью греха, если стесняешься тугою души, неудобно возвышаемой верою, неудобно расширяемой любовью, неблагоподвижной на добродетель; если поражаешься прискорбием души, простирающимся, по-видимому, даже до смерти, не предавайся унынию безнадежному, не дай скорби, туге и страху совсем одолеть тебя, собери остатки твоих изнемогающих сил, беги мысленно на победоносное Гефсиманское поприще Иисусово и там повергнись с твоими грехами, скорбью, тугою, страхом от разверстых челюстей ада и смерти и помни, что горечь твоей чаши уже наибольшею частью испита в великой чаше Христовых страданий, что под бремя, на тебе тяготеющее, уже подложил Свою облегчающую руку крепкий Гефсиманский Подвижник; что твой Спаситель, совершивший для тебя всецелое дело твоего спасения, ожидает от тебя только *сообщения страстей Его*, какое возможно для твоей, хотя немощной, веры, любви и благодарности.

О кровавом поте Христа Спасителя. Экзегетическое толкование 44 стиха 22-й гл. Евангелия от Луки

Буткевич. «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа»

Указание евангелиста Луки на кровавый пот Иисуса Христа («и был пот Его, как капли крови, падающие на землю») некоторые объясняют так, что с лица Иисуса падали капли пота, по объему и тяжести только сходные с каплями крови, но вовсе не кровавый пот. Хотя такое объяснение нисколько не противоречит евангельскому тексту: «и был пот Его, как капли крови», но если бы это был обыкновенный пот (а по приведенному объяснению выходит так, потому что всякий пот течет такими каплями, которые по своему объему и падению всегда могут быть названы подобными каплям крови), то евангелист едва ли и упоминал бы особо об этом обстоятельстве. Поэтому нельзя не признать справедливыми мнения тех, которые думают, что евангелист уподобляет пот Иисуса каплям крови не

по падению их, не по тяжести, а по форме и цвету, так что его, по-видимому, нужно признать кровавым потом и в собственном смысле. Правда, некоторые утверждают, что кровавый пот является «только как величайшая редкость и как симптом известных болезней». Это подтверждается и многими случаями, о которых повествуют нам многие писатели древности, как, например, Аристотель (De hist. animal. 3:19. De partibus animal. 3:5), Теофраст (De sudoribus), Туанус (hist. Sui temp. lib. 10), Марцеллий Донат (De med. Hist. mirab. 1. 1:17), Веделиус (exerc. Medico-philolog. 3:2) и Бартолинус (hypomn. De cruce Christti 4). Но Мольдонат (comm. in Matth.) видел в Париже кровавый пот у совершенно здорового и весьма сильного человека. Отчего же к таким явлениям нельзя отнести и кровавый пот, лившийся с лица Иисуса во время Гефсиманской молитвы? Заметим, что в душе Иисуса происходила в это время напряженнейшая борьба, сильнейшие психические потрясения. Веделий же рассказывает и о таких случаях, когда при сильнейших психических потрясениях (prae aegritudine animae summa) выступал не кровавый пот, а даже кровавые слезы.

Из беседы св. Иоанна Златоуста на слова: *Отче, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты* (Мф. 26:39)

Беседы на разные места Священного Писания, т. 2

Что значат эти слова? *Отче, аще возможно есть*, отклони крест. Что говоришь ты? Разве Он не знает, возможно ли это или невозможно? Кто может сказать это? Хотя такие выражения свойственны незнающему, ибо частица *аще* выражает обыкновенно неуверенность, но не должно останавливаться на словах, а нужно обращаться к мыслям и узнавать цель говорящего, и причину, и время, и, сообразив все это, находить, таким образом, заключающийся в них смысл. Неизреченная Премудрость, Тот, Который знает Отца так, как Отец знает Сына, как мог не знать этого? Знание страданий не больше знания существа Божия, которое Он один точно знает. *Якоже*, говорит Он, *знает Мя Отец, и Аз знаю Отца* (Ин. 10:15). И что я говорю о единородном Сыне Божием? И пророки, казалось бы, не знали этого, но они точно знали и предсказывали с великою уверенностью, что это должно быть, что это непременно будет. Если же пророки знали и о кресте, и о причине креста, и о том, что совершено крестом, и о погребении, и о воскресении, и о вознесении, и о предательстве, и о судилище, и все это с точностью описали, то как не знает об этом Сам пославший их и повелевший возвестить это? Кто из здравомыслящих может сказать это? Видишь ли, что не должно останавливать внимание на одних словах? Здесь не только это возбуждает недоумение, но и последующие слова возбужда-

ют еще большее недоумение. Ибо что говорит Он? *Отче, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия.* Здесь представляется, будто Он не только не знает, но и отказывается от креста. Ибо эти слова значат: если можно, говорит, то Я хотел бы не подвергаться распятию на кресте и умерщвлению. Но если бы Он не хотел, то разве трудно было остановить тех, которые приступали к Нему? А теперь, видишь, Он Сам поспешает к этому. Когда приступали к Нему, Он сказал: *Кого ищете? Отвещаша Ему: Иисуса. Глагола им: Аз есмь, и идоша вспять, и падоша на земли* (Ин. 18:6). Так, Он сначала ослепил их и показал, что Он мог избежать, а потом и предал Себя, дабы ты знал, что Он не по необходимости, или принуждению, или насилию приступивших подвергся этому, но добровольно, по собственному предъизбранию и желанию и по давнему приготовлению к этому. Он просит избавить Его и от смерти, показывая Свое человечество и немощь природы, которая не может без страдания лишиться настоящей жизни. Подлинно, если бы Он не говорил ничего такого, то еретик мог бы сказать: если Он был человеком, то Ему надлежало и испытать свойственное человеку. Что же именно? То, чтобы, приближаясь к распятию на кресте, страшиться и скорбеть и не без скорби лишиться настоящей жизни, ибо в природу вложена любовь к жизни настоящей. Посему Он, желая показать Свое истинное облечение плотию и удостоверить в истине этого домостроительства, с великою ясностью обнаруживает Свои страдания. Это одна причина; но есть и другая, не меньше этой. Какая же именно? Он хотел научить нас молиться, и Сам молился по-человечески, не по Божеству: Божество не причастно страданию, – Он молился, чтобы научить нас просить об избавлении от бедствий; но если это будет невозможно, то с любовью принимать угодное Богу. Потому Он и сказал: *Обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты*, не потому, что иная воля Его и иная Отца, но чтобы научить людей, хотя бы они бедствовали, хотя бы трепетали, хотя бы угрожала им опасность, хотя бы не хотелось им расставаться с настоящей жизнью, несмотря на это предпочитать собственной воле волю Божию.

Св. Василий Великий

Если Сын истинно говорил: *Отче, аще возможно, да мимоидет чаша сия*, – то не только обнаруживал Свою боязнь и немощь, но и думал, что есть нечто невозможное и для Отца. Ибо слова *аще возможно* показывали сомневающегося, а не уверенного, что Отец может спасти Его. Почему же бы Дарующий жизнь и мертвым не мог тем паче сохранить жизнь живым? Для чего Воскресивший Лазаря и многих мертвых не дает жизни Сам Себе, но просит у Отца, со страхом говоря: *Отче, аще возможно, да мимоидет чаша сия!* И если не по Своей воле умер, то не смирил Себя и не был *послушлив Отцу даже до смерти* (Флп. 2:8); то не Сам Себя предал, как говорит апос-

тол: *давшаго Себе избавление по гресех наших* (Гал. 1:4; 1 Тим. 2:6). Если же умер по Своей воле, то для чего было нужно говорить: *Отче, аще возможно, да мимоидет чаша сия?* Посему слова сии разуметь должно не о Нем, но о тех, которые имели согрешить против Него, чтобы они не согрешили. За них и распятый говорит Он: *Отче, отпусти им: не ведят бо что творят* (Лк. 23:34). Поэтому сказанного по домостроительству не должно принимать за сказанное просто.

Толкование св. Исидора Пелусиота на слова: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26:41)

В сказанном Спасителем: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* подразумевается: молитеся, чтобы не поглотило вас искушение. А если бы Спаситель сказал, что предполагают другие, именно же: молитесь, чтобы никоим образом не впасть в искушение, то не имело бы сие смысла, потому что и пророки, и апостолы, и мужи, наипаче преуспевшие, впадали в многие и весьма великие искушения. Напротив того, не впадать в искушение, может быть, и невозможно, не быть же предубежденным — возможно. Посему как многие из людей, будучи погружены в невежество, в бедах бывают безутешны сердцем, так управляемые целомудренным помыслом отражают от себя беды, не только тем, что переносят их мужественно, но тем, что помышляют о венцах.

Мысли св. Василия Великого (Лк. 17:40)

Творения свв. отцов. Тв. св. Василия Великого

Поелику Господь учит молиться, *да не внидете в напасть* (Лк. 17:40), то должно ли молиться и о том, чтобы не впадать в телесные страдания, и, если кто впадет в них, как должен переносить?

Господь не различил качества напасти, но вообще повелел: *Молитеся, да не впадете в напасть.* А введенному в напасть должно просить у Господа с искушением и избытия, *яко возмощи понести* (1 Кор. 10:12), чтобы исполнилось над нами: *претерпевый же до конца, той спасется* (Мф. 24:13).

О том же толкование Филарета, митрополита Московского

Из Беседы в день памяти преподобного Сергия

Сие наставление преподал избранным ученикам Своим Христос Спаситель в последнюю ночь жития Своего пред крестною смертью. Он бодрствовал и молился и к тому же побуждал учеников Своих.

Да не внидете в напасть, — сказал Он. То есть: вам угрожает опасность. Враг невидимый и враги видимые приближаются с отчаянными усилиями, чтобы поразить Главу новосозидаемой Церкви и разрушить ее основание. Вашей вере предстоит трудное испытание. Вам должно увидеть вашего Учителя в узах, в страданиях, на кресте, и для себя ожидать подобного. Если бдением и молитвою укрепите веру, то пройдете сквозь искушение невредимы. А если вздремнете и в дремоте угаснет молитва — опасность превратится в действительное бедствие. *Бдите и молитеся, да не внидете в напасть.*

Посему можно думать, что если бы Петр исполнил в точности наставление своего Божественного Учителя и укрепился в бдении и молитве, то во время опасности сохранил бы спокойную непоколебимость и не перешел бы от неуместного дерзновения к малодушной робости, не сделал бы нерассудительного и бесполезного покушения ударить ножом раба архиереева и не был бы доведен празднословием рабов и рабынь до отречения от Христа. Но он воздремал, и от сего произошли последствия, которые он должен был оплакивать горько.

Бдение христианина есть отнятие от естественного сна только времени, сколько можно без расстройства здоровья и как в сие, так и во всякое время — возбуждение души к богомыслию, к молитве, к наблюдению за движениями ума, воли, сердца, чувств, чтобы оные непрестанно направляемы были к истинному и доброму, по воле Божией.

Поучительная ночь, в которую Господь Иисус Христос был предан

«Воскресное чтение», 1808

Евангельская история ночи, в которую Господь наш был предан в руки грешников, представляет нам три весьма различные явления: Спаситель бодрствует, скорбит и молится Богу Отцу; ученики Его предаются сну, когда бы надлежало бодрствовать и молиться; Иуда и иудеи бодрствуют, тогда как лучше бы им не бодрствовать и спать. Сии три различные явления, в одну и ту же ночь, в одном и том же месте изображают три рода людей, и каждый из нас непременно принадлежит к одному из сих родов. История необыкновенной ночи, в которую Господь был предан, в первую очередь представляет нам состояние и действия Спасителя. Пришло определенное время страдания; злоба врагов созрела и начала исполнять свой преступный замысел. Господь, совершив последнюю прощальную вечерю со Своими учениками, удалился в уединенное место и, приготовляясь к страданиям, каким благоволил предать Свое человечество, начал скорбеть и тужить: *Прискорбна есть душа Моя до смерти*, — говорил Он Своим учени-

кам. Что же делает Он в эти минуты предсмертной скорби? Отойдя немного от Своих учеников, Он пал на лице Свое, молился и говорил Богу Отцу Своему: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты.* Трижды с воплем крепким и со слезами (Евр. 5:7) возносилась эта молитва к Отцу Небесному, и всякий раз оканчивалась полною преданностью Сына воле Отца, готовностью на все страдания за грешный род человеческий. *Отче Мой, аще не может сия чаша мимо ити от Мене, буди воля Твоя!* Трижды прекращалась она, и каждый раз Господь обращался к ослабевшим ученикам и пробуждал их от сна.

Каких людей изображает сказание о сих действиях и состоянии Спасителя? Тех немногих святых Божиих, немногих истинных последователей Иисуса распятого, которые, подражая Ему, проводят всю жизнь свою в скорбях душевных и страданиях телесных, в произвольных подвигах покаяния и самоотвержения. Взирая на Начальника и Совершителя веры Иисуса, Который вместо предлежавшей Ему радости претерпел крест, посрамление и поругание от грешников, они добродушно подвергаются всем родам посрамлений и поруганий от людей нечестивых, сражаются против зла до крови, подвизаются против греха до смерти (Евр. 12: 2–4). Но среди неимоверных подвигов не ропщут на Бога, нимало не отчаиваются, а с полным дерзновением и сыновним упованием обращаются в молитве к Отцу Небесному, прося у Него благодатной помощи, облегчения и утешения — и во всяком случае, получают ли просимое или нет, всецело предают себя всеблагой и премудрой воле Отца Небесного: *Отче Мой, аще не может сия чаша мимо ити от Мене, буди воля Твоя.* Наконец, у великих угодников Божиих, несмотря на жесточайшие страдания, достает сил и времени помогать ближним, вразумлять заблуждающих, возбуждать ослабевающих и утешать скорбящих. Исполняя обязанности к Богу, они не нарушают ни одной обязанности к ближними; строгие к себе самим, они милостивы и снисходительны к другим; страдая сами, желают участвовать в страданиях своих братий.

История ночи, в которую Господь был предан, представляет другое явление, изображающее другой род людей. Во время молитвенного подвига, бодрствования и страдания Господа ученики Его, склоняемые немощною природою, предаются сну, несмотря на убеждения Учителя. Сон — естественная потребность человеческой природы, а ночь — законное время для сна; но есть случаи, когда нужно отказывать сей потребности, когда необходимо проводить целые дни и ночи без сна и отдыха для славы Божией, для блага и утешения страждущих братий и ради спасения души своей. Потому-то и Господь требовал от Своих учеников бодрствования и участия в страшные минуты предсмертных Своих страданий. Но они, несмотря на все убеждение Господа, не возмогли бодрствовать с Ним и одно-

го часа; предавались дреманию и почивали тогда, когда приближался час предания Господа и Спасителя их в руки грешников.

Кого изображает это явление? Всех слабых христиан, которые иногда всю жизнь свою делают временем непробудного душевного сна, ленивы там, где нужно действовать для славы Божией, для блага братий своих и во спасение души своей, — следовательно, изображает едва ли не большую часть из нас. Страшное, опасное и не угодное Богу состояние: *Тако ли не возмогосте единаго часа побдети со Мною? Вы все спите и почиваете: се приближается час, и Сын Человеческий предается в руки грешников* (Мф. 26: 40, 45). Святая Церковь почти ежедневно в продолжение года в Божественной литургии воспоминает страдания Господа: слабые христиане так равнодушны к этому святейшему богослужению, что под разными ничтожными предлогами присутствуют при нем чрезвычайно редко, несколько раз в год. В алтаре христианского храма во время литургии приносится бескровная жертва, совершается тайна, какая не совершается на небе, при которой со страхом и трепетом присутствуют святые небожители, а слабые христиане стоят во храме без всякого внимания и благоговения, без сердечного участия в общей молитве, как будто священнодействие совершается не для них. Церковь, желая, чтобы мы постоянно имели в мысли и пред глазами образ страждущего Господа, изображает страдания Господа на иконах и на стенах храма, заповедует как можно чаще осенять себя крестным знамением, совершает воспоминание о страданиях Господних и поклонение честному и животворящему кресту — что же беспечные, для которых Господь взошел на крест? Все напрасно! Слабые христиане редко даже рассматривают изображения страданий Господних, стыдятся как бы креста Христова, не хотят осенить своего чела крестным знамением, как подобает православному христианину, и вообще остаются холодными, равнодушными и беспечными. *И пришед, Господь обрете их паки спящих: беста бо им очи отяготене* (Мф. 26:43). После Святой Четыредесятницы наступает Страстная Седмица, посвященная воспоминанию страданий и смерти Господа; слабые христиане проводят ее еще хуже других седмиц и в извинение своей преступной беспечности указывают то на прошедший долговременный пост, будто бы утомивший их, то на приближающийся праздник Пасхи, к которому будто нужно приготовить то и другое, а о страждущем Спасителе вовсе забывают, зова в храм Божий не слышат, чтению евангельской истории и песням церковным не внимают. Потому и к ним относятся слова Спасителя: *Тако ли не возмогосте единаго часа побдети со Мною? Вы все спите и почиваете: се приближается час, и Сын Человеческий предается в руки грешников.*

Третье явление, какое представляет нам истории достопамятной ночи, есть явление странное и страшное! Иуда-предатель и иудеи-распинатели не спят в ночное время, добровольно отказывают естественной

потребности своей; но не для молитвы и подвигов, не для славы Божией или пользы ближних, а для удобнейшего исполнения своего коварного замысла — умертвить Господа Иисуса, пролить кровь неповинную, совершить неслыханное злодеяние, распять Святейшего святых. Под предводительством Иуды-предателя со светильниками целая толпа народа ищет одного Иисуса, да Его погубят, не понимая того, что светильники сии освещали и облегчали путь к собственной их погибели. О, лучше бы вовсе не было для них этой страшной ночи! К ним относятся слова премудрого Соломона: *Не уснут, аще зла не сотворят: отъимется сон от них, и не спят* (Притч. 4:16).

Кого изображает это мрачное явление? Тех немногих, которые по делам своим, подобно Иуде и распинателям, из беспечных сделались уже закоренелыми и нераскаянными грешниками, ожесточенными преступниками, обреченными на погибель. Таких людей можно узнать по следующим признакам. Они любят зло без стыда и страха; для удобнейшего исполнения злобных замыслов они готовы на всякую хитрость и, подобно Иуде, лобзанием и под видом дружбы предают своих ближних, даже Самого Господа готовы тысячу раз предать и распять; из мелочных своекорыстных расчетов согласны продать весь род человеческий, все святое и доброе, за тридцать сребреников, даже за одно пустое и минутное удовольствие Об них сказал премудрый: *Не уснут, аще зла не сотворят: отъимется сон от них и не спят. Тии бо питаются пищею нечестия, вином же законопреступным упиваются* (Притч. 4: 16–17). Лучше бы им не родиться и не видеть ни дня, ни ночи. Вот три различные явления, случившиеся в одну и ту же ночь, когда был предан Господь, и вот три рода людей, изображаемых сими явлениями.

Иуда-предатель

Архиеп. Иннокентий. «Воскресное чтение», 1802

Иуда — лицо с первого взгляда ужасное и вместе таинственное, состоящее в какой-то особенной, разительной противоположности с достопокланяемым лицом Сына Человеческого. Каиниты, конечно, жестоко заблуждались, почитая Иуду за его предательство, совершенное якобы потому, что он один из апостолов обладал прозрением в тайну спасения человеческого смертию Сына Божия; но несогласно с истиной поступил бы и тот, кто захотел бы видеть во всей прошедшей жизни бывшего апостола одно мрачное и преступное. За противное ручается уже его почти четырехлетнее пребывание с Иисусом, *среди напастей и искушений* (Лк. 22:28), когда многие другие оставляли Его (Ин. 6: 66–71). Такое постоянство достается в удел не всякому. Сильное раскаяние во грехе, всенародное признание в нем во храме и торжественное свидетельство о невинности осуж-

денного уже Иисуса, подвергавшее Иуду многим неприятным последствиям, так же громко свидетельствуют, что в душе предателя еще была совесть, что рука его умела не принимать только, а и повергать сребреники. Не присоединись к раскаянию отчаяние, встреться с идущим из храма предателем горький плач Петров – и мы, может быть, увидели бы в Искариоте ревностнейшего провозвестника Христа, им преданного, полагающего за Него, подобно прочим апостолам, душу свою. Все это и многое другое заставляло отцов Церкви думать, что душа Иуды не чужда была многих добрых чувствований; почему он и был принят в апостолы и причислен к лику двенадцати. Но вместе с тем в душе Искариота был зародыш гибельной страсти сребролюбия. То и другое – и похвальная, и предосудительная сторона его характера – могли равно расположить его следовать за Иисусом. Где более, как не в Его Божественных беседах, было пищи для всех благих помыслов и чувствований? При ком, как не при Нем – Мессии, Царе всего мира – удобнее казалось удовлетворить и свою жажду к серебру? И вот Искариот в числе учеников Иисусовых. Особенные дарования, коими обладал он, вскоре отличают его от других; а он причтен к лику двенадцати. Быть не может, чтобы Иисус, избравший Своих апостолов после всенощной молитвы, среди собеседований с Отцом, не видел, что Он избирает Своего предателя. *Ведяше искони, кто есть предаяй Его,* – и, однако, избрал его! Избрал, да сбудется Писание, *яко никтоже от них погибе, токмо сын погибельный* (Ин. 17:12).

Постоянная непосредственная близость к Иисусу должна была по свойству сердца человеческого произвести одно из двух – или подавить совершенно страсть сребролюбия в сердце Иуды и сделать его совершенно чистым, подобно прочим ученикам, или произвести в нем тайную, постепенно возрастающую скуку от святого общества Иисусова, заставить его, убегая света, так ярко сиявшего пред очами и освещавшего все шаги его, более и более погружаться в собственную тьму, предаться совершенно страсти. К несчастию, над Иудою сбылось во всей силе последнее. Тогда как прочие ученики, вступив в святое общество Иисусово, оставляли, так сказать, свою собственную жизнь и со дня на день более начинали жить Божественною жизнью Учителя, Иуда остался со своею гибельною самостоятельностью. В его уме продолжался мрак неверия; в его сердце лежал лед самолюбия; он продолжал жить собственною жизнью, противоположною жизни Учителя. Средоточием сей противоположности была страсть к деньгам, столь противная духу нищеты и самоотвержения Сына Человеческого. Но самый Искариотов ящик сделался ковчегом завета для сребролюбца, из которого сатана давал ему свои откровения, вся область тьмы обратилась на сию душу, находя в ней убежище и твердыню против Того, Кто пришел разрушить дела диавола. Когда Сын Божий восходил от одного

подвига к другому, несчастный сын погибели ниспадал от лукавства к лукавству, от измены к измене. Все злое тем глубже внедрялось в душу Иуды, что долженствовало оставаться тайною его совести: совне он был апостол, и, вероятно, самый ревностный...

Учитель, без сомнения, употреблял все средства к исцелению недугующего ученика. Свидетельство тому последняя вечеря. Сколько трогательных и сильных намеков к покаянию! В Евангелии от Иоанна сохранились и другие следы особенного внимания Иисусова к состоянию души Иудиной. Но по причине заключения чувств сердца, занятого страстью, все доброе оставалось на ее поверхности, не было принято и не могло обращаться в сок и жизнь духовную. Прикосновение — самое легкое и дружеское – врачующей руки к ране производило одно внутреннее содрогание и боль.

Может быть, не раз Искариот, выводимый из терпения своею страстью, подобно другим, думал оставить Иисуса. Но невидимые узы все еще держали его до предопределенного времени; внутренний голос сильно еще говорил за Учителя. Могла говорить в пользу пребывания с Иисусом и самая страсть, все еще не терявшая совершенно надежды видеть Иисуса-Мессию. Иуда, как ни тяжело было принуждать себя непрестанно, принуждал и оставался.

Последние события, возбудившие и в прочих учениках чаяние о близком воцарении Учителя, в Иуде должны были потрясти всю душу надеждою и страхом. «Теперь, – думал Иуда, — не далее должна решиться Его, – по крайней мере, моя участь! Время подумать решительно о своем будущем состоянии». Что же слышит сребролюбец от Учителя в продолжение всех последних дней? Частые предсказания о Его будущих страданиях, и – ни слова о Его Царстве и наградах ученикам! «Первосвященники и фарисеи собираются для совещаний, берут меры, осуждают нас на смерть; а мы ходим туда и сюда без дела, проводим дни и ночи ни над чем. Прекрасное общество, но оно не по Иуде, коему нужно чем жить. Я не их, и они не мои! Каждый пойдем своим путем!» «Но нельзя ли извлечь, — шептал демон, — последней пользы из твоего почти четырехлетнего пребывания с сими людьми? Синедрион весьма дорожит узнанием местопребывания Иисусова – почему не употребить в свою пользу сего вызова? Указание местопребывания не причинит большого вреда Учителю, а тебе послужит в пользу. Посмеют ли стражи наложить руки на Иисуса? Не в первый раз им возвращаться от Него без успеха. Даже если бы они захватили Его, то во время праздника, по причине народа, не посмеют причинить Ему ничего худого; дело окончится чем-либо неважным, — по всей вероятности, удалением Иисуса в Галилею; а ты можешь получить награду и отличить себя в глазах фарисеев».

Адская мысль принята, и ученик-предатель весь занят сатаною! Не ищите после сего согласия в его действиях; это значило бы искать порядка в аде. Пусть Каиафа не будет обещать ему ничего более тридцати сребреников — сребреники сии покажутся ему горами золота. Вырваться скорее из рая, обратившегося в темницу, кончить, кончить дело, — вот чего хочет душа Иудина, живущий в ней диавол!

Но дело кончено! — Учитель в руках книжников! Посредством неимоверной поспешности они успевают в продолжение ночи сделать два собрания, выслушать лжесвидетелей, произнести осуждение, предать Осужденного Пилату на распятие. Вести о всех сих событиях, подобно громовым ударам, отдаются в душе Иудиной. Разродившись предательством, освободившись от усильных действ сатаны (который теперь достиг своего в Иуде), душа предателя сделалась теперь как бы праздною и доступною чувству забытого долга. И какой ужасный голос раздается в пустоте сей! Все доброе, на время забытое, в тысяче видах возникает опять, теснится в сердце, подавляет, разрывает его самою полнотою своею; Иуда одно видит, одно слышит: смерть Учителя! Для него нет более стыда и скрытности, все расчеты, самая страсть исчезла, как адское привидение: осталась одна совесть с мучениями! Дружеское участие в сем положении какого-либо священника, какого-либо человека, может быть, остановило бы душу, готовую упасть в ад. От нескольких минут зависело все. Что же слышит самоосужденный предатель? «Смотри сам», — говорят ему с презрением. О, я хорошо вижу, думает он в отчаянии, чего стоит подобное мне чудовище: *Око за око, кровъ за кровъ*, — говорит сам закон; и первое древо служит ему орудием казни над самим собою.

После сего уже стократ *у нее* было, *дабы не родился* ужасно несчастный *человек сей!*

«Но речет кто: *аще писано есть пострадати Христу сие, то чего ради порицает Иуде: Писания бо сотворил есть?*

Но не тем изволением, а от лукавства. Аще же не изволение его испытывати будеши, то и диавола от согрешения свободиши. Но несть сие, несть. Бесчисленных бо достойны суть мук и сей, и он, аще и вселенная спасеся. Не предание бо Иудино спасение нам содела, но Христова премудрость и Его художества богатство, иных лукавства в пользу нам употребляя. Речеши: «Аще и Иуда не предал бы, ин не предал ли бы?» И что сие на предложение? «Яко аще распятися Христу подобаше, чрез некоего подобаше, — речеши, — аще чрез некоего, чрез такова человека всячески: аще же бы вси были блази, не содеялся бы смотрение о нас». Не буди — Сам бо Всепремудрый ведяше, како устроити полезная нам, и сему не сбывшуся; изобильна бо Его премудрость и непостижима. Сего ради, да не кто возмнит, яко служитель смотрения бысть Иуда, окаевает его».

Как согласить виновность Иуды-предателя и беззаконных судей Иисуса Христа с Божественным предопределением об искупительных страданиях Его (Мф. 22:24; Лк. 24: 46–47)?

Архимандрит Августин. «Воскресное чтение», 1872

Тако писано есть, говорил Сам необыкновенный Страдалец по Своем Воскресении, *и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути от мертвых в третий день, и проповедатися во имя Его покаянию и отпущение грехов во всех языцех, наченше от Иерусалима* (Лк. 24: 46–47). Этим объясняется многое, что может иногда показаться непонятным при чтении или слушании евангельских рассказов о страданиях Христовых: например, то, почему Иисус Христос так легко дал взять Себя посланному за Ним отряду воинов и так мало и как будто неохотно защищался на суде; почему за Него не вступились люди, Им облагодетельствованные, исцеленные и воскрешенные; почему Он не сотворил ни одного чуда и даже не сказал ни одного слова во дворце Ирода, куда привели Его от Пилата, тогда как Ирод с большим удовольствием принял Его и того только и ожидал, что вот Он вдруг сотворит пред ним какое-либо поразительное чудо, и от одного этого, может быть, зависело бы Его освобождение; почему Он не сошел со креста, когда толпа кричала: «Сойди с креста, и мы уверуем в Тебя», и т.п. На все эти и подобные им недоумения – один ответ: *Тако подобаше пострадати Христу*; Он должен был пострадать, и именно так, как пострадал.

Но хотя все это так должно было быть и иначе не могло быть, однако этим нисколько не оправдывается неправда и не извиняется злоба и ненависть ко Христу Его предателей, судей, распинателей. Иногда можно услышать между людьми такого рода суждение: чем же виноват Иуда-предатель и за что осуждать его, когда своим предательством он только исполнил предопределение Божие о Христе, помог, так сказать, Иисусу Христу совершить то дело, для которого Он пришел? А тем виноват Иуда-предатель, что: 1) живя три с половиною года с таким кротким, мудрым и любовным Учителем, он не только не проникся любовью и благоговением к Нему, а, напротив, еще воспитал в сердце своем чувство неприязни и недоброхотства к Нему, – кто его знает уже, из-за чего и за что; 2) тем, что прельстился 30 сребрениками и из-за них коварно выдал врагам если уж не любимого, то по крайней мере невинного и ничем не обидевшего его Учителя. Отсюда видно, что он имел сердце недоброе, душу низкую; по этим-то дурным качествам своим, а совсем не с тем, чтобы исполнить предопределение Божие о Христе, он и совершил свой предательский поступок, и за это осуждается. Наконец, 3) тем еще виноват Иуда, что, сознав

гнусность своего поступка, он не залился слезами покаяния, подобно, например, Петру, отвергшемуся и плакавшемуся горько, но поспешил покончить с собой. Подобно Иуде, виноват и Пилат уже тем одним, что сознательно и намеренно совершил суд неправый, из личных видов и расчетов предал на казнь и смерть Того, Кого сам признал невинным праведником, — виноват, говорим, что бы там ни вышло потом после этой казни и смерти. Виноваты и достойны осуждения и эти архиереи и старцы, книжники и фарисеи, решившиеся погубить Иисуса из зависти и злобы, но старающиеся придать этому делу вид законный. Виновата, наконец, и эта толпа, по наущению и подкупу, или только чтобы прислужиться старшим, измышляющая ложные свидетельства, бьющая по ланитам, ругающаяся, издевающаяся, то и дело кричащая: *Распни, распни Его*, предпочитающая разбойника своему высочайшему Благодетелю и, наконец, с глупою радостью ведущая и возносящая Его на крест. Все эти люди, конечно, сделали то, что должно было совершиться, но не потому они сделали это, что так должно было совершиться, а по своим низким страстям, лукавым целям, нечистым видам, мелким расчетам. Они действовали, не имея в виду Божественного предопределения, которого они и не знали и которое исполнили лишь слепо и бессознательно, сами не понимая, что делают; но все же они действовали худо, лукаво, несправедливо, бессовестно и за это, за свое лукавство и нечестие, они и виновны и достойны осуждения. Всеблагий и Премудрый и из зла умеет извлекать добро, и посредством злобы людской часто достигает Своих высочайших спасительных целей; но от этого зло нисколько не перестает быть злом, не теряет своей мерзости в очах Божиих и в понятиях добрых людей и все-таки заслуживает осуждения и наказания. Итак, обо всех этих людях, обо всем этом беззаконном соборище нечестивых судей, обвинителей и распинателей Иисуса следует сказать то же самое, что сказал Он Сам об Иуде-предателе: *Сын убо Человеческий идет, якоже есть писано о Нем, горе же человеку тому, имже Сын Человеческий предается* (Мф. 26:24). Горе и этому беззако́нному соборищу, хотя оно своими руками совершило то, что имело совершиться со Христом по Писаниям и было предопределено о Нем от вечности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 26-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ (36–56) И ПАРАЛ.

В духовных журналах

1) Ст. 86. Гефсимания. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1874.

2) Гефсимания. «Воскресное чтение», 1818.

3) Размышления: Иисус Христос в саду Гефсиманском и проч. «Христианское чтение», 1841.

4) Размышления о скорби Иисуса Христа в саду Гефсиманском пред началом Его страданий. «Воскресное чтение», 1821.

5) *Хаджи-Рум Москов.* Место моления о чаше. «Духовная беседа», 1860.

6) *Прп. Исидор Пелусиот.* Об отречении от чаши.

7) Лк. 22: 43–44. Явление ангела Иисусу Христу в саду. Размышления: Иисус Христос в Гефсиманском саду. «Христианское чтение», 1841. Моление Иисуса Христа в том же саду. *Там же.*

8) Мф. 26:41. *Бдите и молитеся, да не внидете в напасть: дух убо бодре, плоть же немощна.* «Воскресное чтение», 1809.

9) *Св. Иоанн Златоуст.* Беседа о предательстве Иуды. «Христианское чтение», 1834.

10) Иуда предатель. «Христианское чтение», 1865.

11) Мф. 26:49. Лобзание и предательство Иуды. Размышления. «Христианское чтение», 1841.

12) Ин. 18:23. *Прп. Исидор Пелусиот* на слова: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что Мя биеши?*

13) Иисус Христос предает Себя в Руки врагов Своих. Уничиженное состояние Его от рождения до крестной смерти. «Воскресное чтение», 1811.

14) За что книжники и фарисеи возненавидели Иисуса Христа? «Воскресное чтение», 1832.

15) Мф. 26:53. Легион. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1876.

В Словах и Беседах

16) Мф. 26: 37–38. *Никанор, архиеп. Херсонский.* О Гефсиманской скорби Иисуса Христа.

17) *Павел, архиеп. Кишиневский.* О душевном борении и скорби Иисуса Христа пред страданиями и во время страданий.

18) Ст. 41. *Арсений, митр. Киевский.* О необходимости молитвы как ограды от напастей и ее качествах.

19) Мк. 14:38. *Павел, архиеп. Кишиневский.* О необходимости бдения и молитвы для побеждения искушений.

Иисус на суде у первосвященников (Мф. 26: 57–75; Мк. 14: 53–72; Лк. 22: 54–71; Ин. 18: 12–27)

Иисуса Христа сперва завели по дороге к тестю и товарищу первосвященника Каиафы, Анне. Этот, рассчитывая найти в словах Иисуса какое-нибудь основание для обвинения, стал расспрашивать Его об Его учении и учениках. «Я говорил публично, — отвечал Иисус, — постоянно учил в синагогах и во храме, куда отовсюду собираются иудеи, Я ничего не говорил втайне. Что же ты спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, о чем Я говорил им: они очень хорошо знают это». Ответ обличал в первосвященнике отступление от судебного порядка следствия; поэтому один из служителей, чтобы подслужиться первосвященнику, ударил Иисуса по щеке и сказал с искусственным негодованием: «Так-то ты отвечаешь первосвященнику?» «Если Я худо сказал, то покажи, что худо, — кротко возразил Иисус, — а если хорошо, за что же ты бьешь Меня?»

Когда привели Иисуса к Каиафе, здесь, несмотря на ночное время, собрался уже почти весь синедрион. Когда Иисус предстал перед Своих судей, смерть Его была уже решена, нужно было только найти благовидное основание для приговора. За неимением основания стали вызывать доносчиков. В желающих угодить властям не могло быть недостатка: доносчиков являлось много, но все их обвинения были так нетверды, так очевидно ложны, так противоречили всем известному характеру Обвиненного, что судьи при всем желании своем не могли принять их во внимание. Наконец, явились два доносчика и сказали, указывая на Иисуса: «Он говорил, что разрушит этот рукотворенный храм и через три дня воздвигнет другой, нерукотворенный». Это обвинение, очевидно, было извлечено из предсказания Иисуса о Своей смерти, о тридневном воскресении, которое Он три года тому назад изрек после того, как враги Его, раздраженные изгнанием из храма торговцев, потребовали у Него знамения в оправдание такого самовластного образа действия. Но доносчики с умыслом исказили слова Иисусовы, чтобы в них можно было найти посягательство на безопасность храма и религии. Но и в этом даже виде слова Иисусовы могли подать повод к обвинению Иисуса в самохвальстве и более ничего, и следовательно, отнюдь не могли служить основанием для смертного приговора, даже просто для судебного исследования. Иисус на это ничтожное обвинение, так же как и на прочие, ничего не отвечал. Однако первосвященник за неимением лучшего воспользовался этим обвинением и, встав с места, вышел на середину, где стоял Обвиненный, и спросил Его, едва сдерживая гнев: «Что ж Ты не отвечаешь? Разве не слышишь, что они свидетельствуют против Тебя?» Ответа не было. Вне себя от гнева первосвященник воскликнул: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам: Ты ли Мессия, Сын Божий?» На такой торжественный, именем Божиим сделанный, вопрос, и притом относительно истины, для утверждения которой Иисус и жил, Он отвечал: «Да», и прибавил словами пророка Даниила о Мессии: «Отныне (в последующих событиях) вы увидите Сына Человеческого, седящего одесную силы (Божией) и грядущего на облаках небесных». Несмотря на то, что Иисус Христос давно оправдал такое свидетельство о Своем Божественном достоинстве, оно было принято за богохульство. С притворно благочестным ужасом первосвященник растерзал на себе одежду и воскликнул: «Он богохульствует: на что нам еще свидетелей? Вот теперь вы слышали Его богохульство, как вам кажется?» «Повинен смерти!» — воскликнуло все собрание.

После приговора отдали Иисуса служителям. Буйная толпа вывела Его на двор и начала над Ним ругаться: Его поносили, били, плевали Ему в лицо; другие к побоям и оскорблениям присоединили язвительную насмешку: закрыв Ему глаза и ударив по щеке, спрашивали: «Угадай, Мессия, кто

Тебя ударил?» На все эти оскорбления Божественный страдалец отвечал безмолвным терпением. Так прошла ночь. Наутро синедрион в полном составе уже собрался для произнесения формального приговора. Ввели Иисуса. Еще раз официально повторили прежний вопрос: «Ты Мессия?» «Если Я скажу: да, – отвечал Иисус, – вы не поверите; если сделаю вам вопросы (обличающие ваше неверие), вы не будете отвечать Мне и (ни в каком случае) не отпустите Меня. Отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией». «Так Ты Сын Божий?» – спросили Его. «Да», – отвечал Иисус. «Какое еще нужно нам свидетельство (о Его богохульстве)? – вскричали судьи. – Вот, мы сами слышали из уст Его».

Так высшее судилище иудейское приговорило к смерти своего Мессию.

Примирение разностей в евангельских сказаниях о суде над Иисусом Христом у духовной власти

Диакон Кудрявцев. «Христианское чтение», 1867

Из сада Гефсиманского Господь, по сказанию всех четырех евангелистов, отведен был на суд духовный к первосвященнику, но так как первосвященников было в то время два, один, так сказать, заштатный, именно Анна, а другой действительный, именно Каиафа, то между повествованиями евангелистов и открылось кажущееся разногласие в определении того, к какому первосвященнику отведен был Иисус первоначально: к первосвященнику ли Каиафе, как говорят первые евангелисты, или к первосвященнику Анне, как говорит евангелист Иоанн? Если мы сопоставим эти повествования, то мы скоро приметим, что повествования первых евангелистов не могут исключать повествования евангелиста Иоанна. Из всех трех первых евангелистов, только евангелист Матфей назвал первосвященника Каиафою; что же касается других, то они выражались довольно обще. Евангелист Марк говорит, что Господь отведен был просто к первосвященнику, а евангелист Лука, что Он отведен был первоначально к первосвященнику, а потом в синедрион. Значит, и первые евангелисты не говорят решительно, что он отведен был к первосвященнику Каиафе, и значит, вполне допускают возможность того, что Господь был первоначально у первосвященника Анны. Следы такого пребывания особенно можно отыскать у евангелиста Луки. Он говорит, что сперва ввели Иисуса в дом первосвященника, где не было суда в собственном смысле, а где только ругались над Ним и били Его, а потом ввели в синедрион, где уже собственно начался формальный допрос. В этих двух изображениях духовного суда нельзя не узнать, с одной стороны, суда у первосвященника Анны, где и не могло быть суда в собственном смысле, где могли действительно только

ругаться над Ним, и суда у первосвященника Каиафы, который как первосвященник лета того собрал синедрион и уже начал судить формально. За достоверность такого пребывания у первосвященника Анны могут ручаться и другие обстоятельства. Так как Анна был тесть Каиафы и так как он был первосвященник старейший, то нет ничего удивительного, если Каиафа, желая отдать честь своему тестю, приказал отправить Иисуса предварительно к нему. И если бы такого пребывания у первосвященника Анны не было, то трудно было бы объяснить, что могло побудить писателя Евангелия вставить этот новый факт и опустить другой, более выгодный для его целей. Допустить, что он не знал – нельзя; он сам говорит, что от Анны Господь отведен был к Каиафе. Допустить, что он намеренно опустил – тоже нельзя. Пребывание у первосвященника Каиафы, где Господь прямо назвал Себя Богом, прямо относилось к той цели, какую имел в виду евангелист (20:31). Итак, остается предположить, что евангелист опустил этот факт и занялся другим, поелику знал, что о пребывании у Каиафы уже известно, а о пребывании у Анны ничего еще не было сказано. Итак, на основании сказанного мы можем принять, что Господь был сперва у первосвященника Анны, а потом у первосвященника Каиафы.

Искупительное значение суда над Иисусом Христом пред Каиафою и Пилатом

Прот. Гречулевич. «Странник», 1867

Искупительную силу и значение суда и осуждения, которому благоволил подвергнуться Господь наш Иисус Христос, можно видеть: 1) *из прямого отношения этого суда к Суду Божию над первыми* преступниками – *прародителями* падшего рода человеческого; 2) из учения Святой Церкви, которая *в различных обстоятельствах суда* над Иисусом Христом находит таинственный смысл, указывая, как во всех внешних действиях выражалось здесь совершение дела искупления.

1. В самом деле, если сравним Суд Божий над падшими человеками с этим судом человеков над Восстановителем падшего рода человеческого, Сыном Божиим, то найдем ближайшее, так сказать, *мздовоздаятельное соотношение* между первым и последним.

И прежде всего, а) что были за *причины*, по которым прародители наши оказались *виновными*, а Иисус Христос *обвиненным*?

И там, и здесь главною причиною была *зависть*. *Завистию диаволею смерть вниде в мир*, говорит Премудрый (Прем. 2:24). Не позавидуй диавол блаженству человека, он не стал бы и искушать его в раю, и наши прародители не оказались бы *виновными*. По зависти предан был и Иисус Христос.

Ведяше Пилат, по свидетельству евангелиста, *яко зависти ради предата Его* (Мф. 27:18), Иисуса Христа, иудеи – те, которым Сам Господь сказал некогда: *Вы отца вашего диавола есте и похоти отца вашего хощете творити: он человекоубийца бе искони* (Ин. 8:49).

А затем и там и здесь, влекли невинных в погибель *коварство, ложь и клевета.*

Сколько коварства было в лукавых словах древнего змия: *что яко рече Бог: да не ясте* (Быт. 3:1). Мало ли коварства было и в словах иудеев, предуготовлявших, так сказать, осуждение Иисуса Христа: *Рцы нам: что Ты ся мнит? достойно ли есть дати кинсон?* и т.п. (Мф. 22: 17–18; ср. 26:4) и на самом суде: *Аще Ты еси Христос, Сын Божий* (Мф. 26:63)?

Гнусная ложь слышалась в словах змия: *Не смертию умрете*, и проч. Не менее гнусная ложь высказывалась и в лжесвидетельстве иудеев на суде Каиафы (Быт. 3:4; Мф. 31:59)!

Черная *клевета на Бога* слышна в словах диавола: *Ведяше бо Бог.* А сколько самой черной клеветы высказано было иудеями на Господа Иисуса Христа в обвинениях Его пред Пилатом (Быт. 3:5; Лк. 23:2) и проч.!

б) Далее, в чем сделался *виновен* падший человек и в чем *обвинен* Иисус Христос?

Сущность *вины* наших прародителей, нарушивших заповедь Божию, состояла в том, что они возжелали быть *яко бози, ведяще доброе и лукавое*, – присвоить себе *царственную власть* над самими собою и действовать по своей воле, а не по воле Божией (Быт. 3:5). И Спаситель обвинен был, хотя и не был виновен, в присвоении Себе звания *Сына Божия*, равного Богу (Ин. 19:7), тогда как Он *не восхищением непщева быти равен Богу* (Флп. 2:6), обвинен в возмущении против власти и *посягательстве на царское достоинство* (Лк. 23:2), тогда как то и другое обвинение была одна клевета!

в) Обратим теперь внимание на *свойства и действия на суде лиц подсудимых.*

Виновные прародители, позванные на Суд Божий, обнаруживают в нем все признаки греховности, рабский страх, лукавство и т.п. (Быт. 3: 10, 12–13). *Обвиняемого* на суде человеческом Иисуса Христа даже виновники Его осуждения – сам игемон Пилат, даже предатель Иуда (Мф. 27: 24, 4), *признают невинным, праведником.*

Виновные прародители на суде *молчат*, когда бы нужно было говорить на слова Господа: *Где еси*, – и исповедать грех свой; и *говорят*, где лучше было бы им молчать, – когда лукаво оправдывают себя и тем еще более увеличивают вину свою (Быт. 3:29 и след.). Обвиняемый на суде Иисус Христос говорит, *егда подобало рещи слово* (Ис. 50:4), когда нужно было исповедать истину или обнаружить заблуждение, ослепление врагов Его, и *молчит*, когда требовалось явить Свою невинность, и без всякого оправдания очевидную.

г) Посмотрим *на участь, какой подсудимые подверглись на суде.*

Господь Судия обрекает праматерь на *болезни* чадорождения, и праотца – на пожатие *терния и волчцев от* той земли, которую должен возделывать в поте лица (Быт. 3: 16–19). Иисус Христос на суде отдает плещи Свои на *болезненные раны* и после кровавого *пота* (Лк. 22:44) венчается *тернием,* выращенным *землею, проклятою в делех человека.*

Осужденных праотцев Господь Судия *облек в кожаные ризы.* Это, с одной стороны, видимый знак поругания за грех, так как они заменили собою райскую одежду невинности, а с другой – остаток царственного их величия, так как кожаная риза – некоторая дань со зверей, созданных на службу человека – царя (Быт. 3:21). И когда, таким образом, вместо райской одежды невинности наши прародители облеклись в одежды кожаные, Бог сказал: *Се Адам бысть, яко един от Нас, яко Бог, еже разумети доброе и лукавое* (22). И Господь наш Искупитель облачен был на суде *в ризу багряную* – одежду поругания, а вместе и таинственное знамение царственного Его величия. И когда в таком виде, в такой багрянице, изъязвленный, венчанный тернием, Он представлен был народу, – Пилат воскликнул: *Се человек!* (яко един от нас). *Се, Царь ваш* (Ин. 19:5:14)*!*

Осужденные прародители *осуждены были на смерть* (ст. 19). И на Иисуса Христа изречен был приговор: *Повинен смерти, – должен есть умрети* (Мф. 26:66; Ин. 19:7).

Враг первозданных, вовлекший их в бездну виновности, поражен был от праведного Судии *проклятием* (Быт. 3:14). *Проклятие* на себя и на свое семя или потомство изрекли и распинатели Иисуса Христа: *Кровь Его,* кричали они, *на нас и на чадех наших!* (Мф. 27:25).

Но милосерд Господь и на самом действии правосудия: *возвестив бедствия,* Он в то же время и *утешил их надеждою* на избавление. *Той* обетованный Сын Девы *сотрет главу змия* (Быт. 3:15). Иисус Христос терпел суд, страдания и уничижение, но в то же время и указывал на грядущую славу Свою, на Свою власть судить мир: *Отселе узрите Сына Человеческаго седяща одесную силы и грядуща на облацех небесных* (Мф. 26:64). Видно было, что здесь-то, при Его суде и осуждении, сбывается обетование, дарованное праотцам на самом суде их!

Нет сомнения, что такое разительное соотношение между Судом Божиим над первыми человеками и судом человеческим над *Адамом вторым* совершенно согласно с тою мыслью, что этот последний суд есть суд искупительный.

2. Искупительность суда, совершившегося над Иисусом Христом, ясно можем видеть, по указанию Святой Церкви Христовой а) *в различных обстоятельствах этого суда, – в орудиях* тех *страданий,* которым Господь Иисус благоволил подвергнуться на нем, и б) *в некоторых обстоятельствах,* сопровождавших суд.

а) Святая Церковь не только вообще учит, что Христос благоволил подвергнуть Себя суду и осуждению, чтобы нас избавить от осуждения за преслушание, но и дает особенное значение всем тем истязаниям, какие Господь претерпел от врагов, осудивших Его на смерть, так что и узы Христовы, и ударение Господа в ланиту, и оплевание Его, бесчестие, покрытие лица, заушение, разоблачение, венчание терием, облачение в багряницу, вручение Ему трости и т.п. в священных песнопениях Церкви выражает символическое значение страданий Спасителя.

Иисус Христос, Сын Божий, *послушлив быв Отцу* (Флп. 2:8), *судится и осуждается* для того единственно, *чтобы избавитъ* Адама и его потомство *от осуждения* за преслушание (Постн. триодь: Велик, понед. утр., по 2 стихосл.; Октоих гл. 3; нед. кан. п. 5 тр. 1; гл. 2; нед. кан. п. 7, тр. 1).

Иисус Христос был *связан* для того, чтобы *нас разрешитъ от уз греховных* и от клятвы, а *врага* диавола *связатъ* узами (Окт. гл. 4, пят. кан. п. 4, тр. 1; там же п. 8, тр. 1; Вел. пят. на Госп. воззв. и ныне, Окт. гл. 8 сред. кан. п. 6, тр. 2; гл. 4, пят., кан. п. 8, тр. 1. Гл. 5, ср. кан. п. 8, тр. 2. Гл. 8, среда, кан. п. 6, тр. 2).

Иисус Христос *претерпел ударение в ланиту от раба*, чтобы нас *освободитъ от рабства диавола* (Гл. 4, пят. кан. п. 3, тр. 2).

Иисус Христос понес *оплевание и бесчестие*, чтобы нас *почтитъ обесчестившихся* (Октоих. гл. 4, сред. кан. п. 6, тр. 1).

Иисусу Христу *покрывается лице — для очищения греха Адама, преступившим видением, — «во отъятие падения, еже подъят Адам, украден быв, видения ради»* (Гл. 6, вторн. на Госп. воззв. ст. 2), — а в отношении к врагам Его — как бы во исполнение слов Самого Бога: *скрыю лице Мое от них* (Втор. 32, ср. 2 Кор. 3).

Иисус Христос *заушается*, чтобы *заушитъ злобу древняго змия и избавитъ нас от его лести* (Гл. 6, сред. кан. п. 7, тр. 1. Гл. 6, четв., на Госп. воззв., ст. 2).

Иисус Христос *разоблачается* (в претории), чтобы нас *обнаженных облечъ в одежду нетления и обнаружитъ вражии коварства* (Гл. 5, сред. кан. п. 7, тр. 2. Гл. 8, пят. кан. п. 5, тр. 1).

Иисус Христос *венчается терием* — для того, чтобы, с одной стороны, *искоренитъ терние Адамова преслушания и проклятия и насадитъ в нас семена богоразумия*, а с другой — *чтобы искоренитъ в самом естестве нашем терние страстей*, и, наконец, чтобы *потребитъ царство лукавого*.

Иисус Христос *облекается в багряницу, яко Победителъ диавола и Искупителъ*, прикрывающий грехи человеческие и восприемлющий царство мира.

«Когда, — говорит святой Афанасий Великий, — совлекли с Господа одежды и облекли Его в багряницу, то чрез это самое невидимо воздвигался *трофей над диаволом*. Чудо новое и неимоверное, знамение величайшей победы! Кого в посмеяние и поругание били и облекли в триумфальные украшения, багряную ризу и венец терновый, Тот по сему самому, обле-

ченный такого рода одеждою, шел на смерть для того, чтобы явить, что Он одержал победу, и не тщетно, но ради нашего спасения, яко Искупитель». «Своею багряницею, – замечает блаженный Иероним, – Он прикрывает кровавые дела язычников». «Чрез багряную ризу, – прибавляет святой Кирилл Александрийский, – как бы ознаменовалось, что Христос посредством веры восприимет царство мира».

Иисус Христос *приял в руки трость*, чтобы *написать нас в книге живота и укрепить* Своею Божественною силою нашу слабость, которой символ – трость, а с другой стороны, для того, чтобы *написать святотатство иудеев и сокрушить врагов Своих* (Октоих, гл. 3, четв., на Госп. воззв., ст. 2).

«Трость приемлет Христос в руки, – говорит святой Амвросий, – для того, *чтобы слабость человеческая уже не колебалась*, подобно трости, ветром колеблемой, но, подкрепленная делами Христовыми, была бы тверда, или, по сказанию евангелиста Марка, тростью били Его по голове, – для того, чтобы от сильнейшего соприкосновения нашего состава» (изображаемого тростью) «к Божеству, не мог Он уже поколебаться»

«Трость держал Христос в руке, – по словам блаженного Иеронима, – для того, чтобы *написать святотатство иудеев»*.

б) Особенное значение святые отцы видели и в некоторых обстоятельствах, сопровождавших суд над Иисусом Христом.

Так, *в участии иудеев и язычников* в этом суде они видели указание на то, что оправдание, приобретенное Христом чрез Его осуждение, имело принадлежать как иудеям, так и язычникам. Это мысль святого Иоанна Златоуста.

В примирении Пилата и Ирода по случаю предоставления ими друг другу суда над Иисусом Христом святые отцы видели значение того, что вследствие осуждения и крестных страданий Иисуса Христа, *имеют примириться два враждовавшие народа*, которых представителями здесь были Пилат и Ирод. «Христос, – говорит святой Амвросий, – как бы знаменуя, что имеет примирить крестом два народа, иудейский и языческий, убив вражду в Себе Самом, благоволил показать это даже чрез примирение, последовавшее по случаю суда над Господом!»

В беззаконном раздрании Каиафою первосвященнической одежды видели конец *ветхозаветному первосвященству*, пред лицом великого архиерея по чину Мелхиседекову. «Каиафа, – рассуждал святой Лев Великий, – для усиления ненависти к ответу Иисуса Христа растерзал ризы свои и, не разумея, что он выражал этим безумием, лишил себя таким образом первосвященнического сана. Где ум души твоей, Каиафа? Где пояс воздержания? Где нагрудник добродетелей? Ты сам себя разоблачил от таинственного и священного одеяния и собственными руками беззаконно разорвал архиерейские одежды. Когда уже отчуждался от тебя этот сан, ты сам сделался обличителем своего позора и вместе обнаружил кончину древнего постановления».

Наконец, *в предпочтении Иисусу Христу Вараввы иудеями*, «единонравными» сему последнему, святые отцы и учители Церкви видели некоторое предзнаменование того, что и пред кончиною мира неверные иудеи вместо Христа изберут антихриста. Так рассуждали блаженный Иероним и святой Амвросий. «Имя *Вараввы*, — говорит святой Амвросий, — значит: *сын отца*. И его-то избирают те, которым сказано: *Вы отца вашего диавола есте*, — избирают сына своего отца вместо истинного Сына Божия и тем предобразуют, что и пред кончиною изберут вместо Христа антихриста».

Изъяснив таинственный смысл некоторых принадлежностей суда над Господом Иисусом Христом, блаженный Иероним делает такое заключение: «подобно тому, как Каиафа сказал, что Одному надлежало умереть за всех, не ведая, что говорил, — и они все вообще соучастники в осуждении Спасителя, что ни делали, *хотя и с другим намерением делали*, однако нам, верующим, представили нечто таинственное».

Подобным образом и мы, показав значение суда над Господом Иисусом Христом, можем сделать из сказанного справедливое заключение, что, действительно, тогда как виновники осуждения Иисуса Христа, прикрываясь личиною законности, на самом деле допускали беззаконие за беззаконием, они же, сами не ведая, творили то, что должно было совершиться и совершилось *по* премудрым *законам* благодати Божией, от вечности предопределившей даровать оправдание грешному человеку чрез осуждение единого Всеправедного.

Отречение Петра и слезы его (Мф. 26: 69–75 и параллельные)

Предсказание Христа об отречении Петра сбылось со всею точностью. Петр был на дворе первосвященническом в то время, когда под председательством первосвященника происходит беззаконный суд над Иисусом. Петр хотел скрыть от находившихся на том же дворе, что он ученик Иисуса. Но лицо его, выражавшее глубокую скорбь и мучительный страх за судьбу Учителя, возбудило против него подозрение в окружавших его. Сперва привратница спросила его: «Не из учеников ли ты Иисуса Назарянина?» Петр сказал: «Не знаю Его и не понимаю, что ты говоришь». Это был час полуночный, и запел петух. Потом слуга архиерейский сказал Петру: «Ты из учеников Иисуса». Петр опять отрекся от Него, и даже с клятвою. Через час уличил его в том, что он из учеников Иисуса, родственник Малха, которому Петр отрубил ухо в саду Гефсиманском. «Не я ли видел тебя с Иисусом в саду?» — сказал он Петру. Петр пришел в крайнее смущение. Сначала он притворился, будто не понимает, о чем говорят ему, потом начать божиться и клясться, что не знает Того Человека. Это было третье отречение; вслед затем опять запел петух. Но в то же время Господь Иисус,

выведенный на двор из дворца первосвященнического, обратился туда, где стоял Петр, и посмотрел на него. Этот взор любви и укора проник в сердце малодушного ученика. Он вспомнил слова Господа: «Прежде чем петух пропоет два раза, три раза ты отречешься от Меня», — и *изшед вон плакася горько.* Это был плач грешника, мучимого раскаянием в грехе малодушия и измены Господу. Грех отречения от Христа Петр загладил, когда во время одного из явлений Иисуса Христа по воскресении на троекратный вопрос Иисуса: «Любишь ли Меня?» — отвечал троекратным изъявлением своей неизменной любви к Нему. Но память греха, чувство виновности пред Иисусом были так сильны в Петре, что он, как говорит предание, до самой смерти каждый раз при полночном пении петуха повергался на землю с горькими слезами о содеянном грехе и вел суровый образ жизни, питаясь какою-то горькой травой. Кроме того, свое раскаяние и неизменную преданность Иисусу он запечатлел апостольскими трудами в распространении Евангелия с неизбежными за них страданиями от неверующих и, наконец, мученическою кончиною.

Примирение разностей в евангельских сказаниях об отречении Петра

Диакон Кудрявцев. «Христианское чтение», 1867

По сказанию святого Матфея, отречение апостола Петра в течение всех трех раз происходило во дворе Каиафы, происходило после суда и произнесения приговора синедрионом. В первый раз оно произошло по поводу вопроса рабыни, во второй раз по поводу вопроса другой рабыни, и, наконец, по поводу вопроса стоявших около него (Мф. 26: 67–75). Евангелист Марк передает это обстоятельство точно так же, как и его предшественник, с тем только различием, что поводом к отречению во второй раз он поставляет вопрос той же рабыни, которая предложила его и в первый раз (Мк. 14: 66–72). Евангелист Лука значительно уклоняется от своих предшественников. Он не говорит, во дворе какого первосвященника происходили отречения, а просто, что они происходили на дворе первосвященника. О времени отречения он замечает, что оно было до суда синедриона и что последнее отречение было через час после двух первых. Что касается лиц, послуживших поводом к отречению, то он указывает, что это были: сперва служанка, потом некий другой, и, наконец, еще некий (Лк. 23: 54–60). Евангелист Иоанн еще более уклоняется, чем евангелист Лука; он говорит, что одно отречение было прежде суда, другие же два — после; что первое было еще во дворе первосвященника Анны, а другие два были на дворе первосвященника Каиафы. Что касается лиц, то он говорит, что первым поводом был вопрос служанки, но служанки придверницы, вто-

рым поводом были стоявшие у огня, а третьим поводом был вопрос родственника того Малха, которому апостол Петр отрезал ухо. Уже из одной той определенности, какая находится в повествованиях последнего евангелиста, достаточно можно видеть, на стороне которого из повествований находится больше преимуществ. Если же мы войдем в более глубокий разбор повествований, то эти преимущества взойдут на степень несомненной очевидности. Прежде всего замечательно то, что евангелист указывает при этом на присутствие того «другого ученика», о котором евангелист не раз уже говорил и который был, без сомнения, не кто иной, как он сам. Это замечание, значит, прямо показывает, что подробности дела более ему известны, чем кому-либо. И действительно, ничего не может быть натуральнее того изображения обстоятельств, какое он дает. Если, как мы сказали, пребывание Господа у первосвященника Анны не только возможно, но и необходимо, то, очевидно, необходимо и то, чтобы одно из отречений было на дворе этого первосвященника. Так как апостол Петр неотступно решился следовать за своим Учителем, то немыслимое дело, чтобы он не подвергся испытанию при первом шаге во дворе архиерея; немыслимое дело, чтобы вход в этот двор был открыт в то время для всех без изъятия. Так и передает евангелист Иоанн. Он говорит, что первое отречение было не тогда, когда Петр стоял у огня, а тогда, когда он решился еще только вступить во двор архиерея. Оно было от служанки-привратницы. При этом он делает такое замечание, которое прямо показывает, что он не хочет сказать что-либо новое, а что желает только уяснить повествования своих предшественников. Когда он вообще говорил, как Петр вступил во двор архиереев, он называл впустившую просто привратницей; когда же нужно было говорить об отречении, он прибавляет, что это была раба-придверница: ἡ παιδίσκη ἡ θυρωρός. Эта приставка прямо показывает, что он имеет в виду точнее определить, кто была та раба, о которой говорят первые евангелисты. В изображении дальнейших обстоятельств отречения евангелист опять ничего не говорил такого, что не было бы известно отчасти из сказания первых евангелистов.

Евангелист Иоанн говорит о том, что два отречения были уже на дворе первосвященника Каиафы; но и первые три евангелиста говорят то же, только менее ясно. По сказанию евангелистов Матфея и Марка, Господь после первого отречения Петра вышел. Куда же это, спрашивается, Он вышел и что за причина такого выхода? Причины такого выхода нельзя придумать, конечно, никакой другой, как только ту, о которой говорит евангелист Иоанн, что Он перешел во двор другого архиерея. Что же касается того, что, по Евангелию от Иоанна, апостол Петр является стоящим как будто при том же самом огне, который был разведен на дворе первосвященника Анны, то это только кажущееся представление. Текст мало

говорит за единичность места, а огонь мог быть по причине холода как на дворе первосвященника Анны, так и на дворе Каиафы. Дальнейшие разности в указании лиц, послуживших поводом к двум дальнейшим отречениям, не могут быть названы даже и разностями. Вся разность состоит в том, что евангелист Иоанн неопределенные выражения «некий, некоторый» прямо заменяет именами. Он прямо говорит, что этот некий был родственник того Малха, которому Петр отрезал ухо. Итак, и здесь не остается никакого места недоумению, и здесь остается призвать полную гармонию в евангельских повествованиях.

Урок покаяния в Великом каноне св. Андрея Критского: *яко Петр, плачу горце*

«Душеполезное чтение», 1881

Подобно Петру, и ты, грешная душа, должна оплакивать свои грехопадения. Их у тебя много, от них не свободны и величайшие праведники. Петр прежде всего согрешил самонадеянностью, с какою уверял Христа, что никогда не изменит Ему. Она-то и ввела его в беду, сделала его бессильным в борьбе с искушением, — он не взвесил своих сил для этой борьбы, не соразмерил их с тяжестью ее и не подготовился к ней смирением, бдительностью и молитвою, — он слишком понадеялся на себя, что постоит за себя в случае опасности. Опасность грозила ему не от одних людей, опаснее людей был сатана. Христос не скрывал от Петра и от прочих учеников грозящей им последней опасности. Он говорил им, что сатана уже просил у Него дозволения сеять их, как пшеницу, то есть разогнать их, а в саду Гефсиманском, когда уже так близка была к ним эта опасность, предостерегал их от нее наставлением: «Бдите и молитеся, чтобы не впасть в искушение. Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41). Самонадеянный Петр не воспользовался этими предостережениями и пал от своей самонадеянности, прочие ученики Христовы только разбежались, а он отрекся от Христа. Вопроси себя, грешник, не увлекаешься ли и ты, подобно Петру, самонадеянностью? Не мечтаешь ли одними собственными силами побеждать искушения, без помощи благодати Божией, и потому не молишь о ней Бога? Бойся — не случилось бы с тобою, что случилось с самонадеянным Петром. И если уже, подобно Петру, ты собственным опытом изведал, как опасно полагаться на одного себя при встрече с искушением, то да послужит для тебя этот горький опыт вперед наукою. Смирись пред Господом и, подобно Петру, оплачь свое заблуждение и падение. «Яко Петр, плачу горце», — говори Господу и, смиренно исповедуя пред Ним свою немощь, усердно моли Его, да не введет тебя в искушение, да не оставит тебя одного вести брань с искусителем.

Падение Петра само по себе, независимо от самонадеянности, было тяжко, ибо состояло в отречении от Христа, и весьма пагубно, ибо «кто отвергается Мене перед человеками, тот отвержен будет пред Ангелами Божиими» (Лк. 12:9), рек Христос. Вопроси себя, грешник, не оскорбляешь ли Христа подобным грехом? Не относишься ли ко Христу так же, как и те нечестивцы, которые, по слову апостола, «говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу» (Тит. 1:16)? По делам твоим можно ли узнать, что ты верный ученик Христа, неизменно пребываешь в том союзе с Ним, в который вступил в день крещения, отрекшись в то же время от диавола и всех дел его? Покорен ли ты заповедям Христовым и вместо добрых дел, предписываемых ими, не творишь ли дел, угодных диаволу? Нося имя христианина, не живешь ли по-язычески? Принадлежа к Церкви Христовой, не следуешь ли правилам и обычаям мира, враждебным ее учению и постановлениям? Не готов ли подчас стать на сторону врагов Христа и Его Церкви, выражая сочувствие к их богохульным мнениям и речам, если не по внутреннему убеждению, то из человекоугодия и из опасения показаться в их глазах отсталым и невеждою? Если совесть обличит тебя во всем подобном, то знай, что ты виновен во грехе отречения Петрова. Быть может, она обличит тебя и в другой вине, не менее тяжкой. Петр отрекся от Христа только устами, а не сердцем: в сердце его не иссякала ни вера во Христа, ни любовь к Нему и преданность. Таков ли ты в отношении ко Христу? Укорял Господь некогда израильтян чрез пророка: «Приближаются ко Мне люди устами своими и чтят языком, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Ис. 29:19; Мф. 15:8). Не заслуживаешь ли и ты упрека в подобном лицемерии в отношении ко Христу? Не чтишь ли Его одними устами и другими внешними знаками, но сердце твое или совсем чуждо веры и любви к Нему, или же ни тепло, ни холодно к Нему? Если действительно таково твое состояние, пойми, как оно пагубно, – оно пагубнее отречения Петрова – и, подобно Петру, оплачь свой грех. Слезы появились в очах Петра, как только воззрел на него Господь. Взор благодати Божией, призывающей к покаянию, всегда готов осиять нас. Не закрывай, грешник, твоих очей от лица Божия, даже ищи лица Божия, умоляй Господа, чтобы воззрел на тебя оком Своего милосердия и лучами Своей благодати осветил мрак души твоей и растопил ледяную кору твоего сердца. Петр согрешил однажды, но всю жизнь помнил свой грех и оплакивал его. Так поступил и Давид, который тоже согрешил однажды, но свой грех имел пред собою выну во все дни жизни своей. Подражай Петру и Давиду и вместе с ними говори Господу: горько я плачу, Господи, при мысли о грехе, которым оскорбил Тебя. Прими мои слезы, как принял Петровы и Давидовы.

Об отречении Петра

Св. Исидор Пелусиот.
Творения свв. отцов. Тв. Исидора Пелусиота

Первоначальный в апостолах, троекратно отрекшись Господа, указал тем на грех всех человеков, троекратно отвергшихся Сотворшего: и когда дана первая заповедь, и когда постановлен закон писанный, и когда воплотилось Слово — Бог наш. И сей-то грех исцелил троекратным также покаянием, и врачевство предложив соответственное язве и показав, что врачеванием всех зол соделалось Господне пришествие.

Слова *прежде даже алектор не возгласит* (Мф. 26:34) значат: прежде нежели воссияет день воскресения; потому что пение сих птиц бывает слышно, когда приближается заря, но на земле еще тень. Посему пред наступлением живоносного восхода птичий голос соделался обвинителем в отречении, давая разуметь как исчезновение ночи проклятия, так и воссияние света жизни.

Что род человеческий троекратно отступил от Бога, сие дал разуметь и Сам Господь, сказав, что троекратно приходил Он и не находил плода на смоковнице (Лк. 13:7), все повреждение которой уврачевал в Себе Самом, определив, чтобы смоковница не приносила уже более плод преступления.

Первое отступление есть нарушение заповеди, повелевающей не вкушать от древа, *еже посреде рая* (Быт. 3:3). Второе злочестие во время закона – приверженность евреев к тельцу. А третье нечестие во время благодати — отречение сказавших: *Не имамы царя токмо кесаря* (Ин. 19:15) и отвергшихся Господа славы.

Погибель Иуды (Мф. 27: 2–7)

Муретов.
«Православное обозрение», 1883

Когда связанного Иисуса, уже осужденного синедрионом на смерть, отвели к прокуратору, тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? Смотри сам. И, бросив тридцать сребренников в храме, он удалился и, ушедши, удавился. На брошенные сребреники синедрион положил купить изрытую землю горшечника для погребения странников (Мф. 27: 2–7). Лука в книге Деяний приводит речь апостола Петра, в которой сообщает некоторые дополнительные подробности относительно смерти Иуды: предатель низринулся, так что расселось чрево его и выпали внутренности (Деян. 1:18). В этом сказании книги Деяний некоторые находят противоречие со сказанием Матфея и на этом основании

отрицают достоверность факта. Правда, глагол ἀπήγξατο у Матфея означает «повесился, удавился» (ср. Гом. «Од.», 11:230; Геродот 7:322; Ксеноф. Киропед. 3: 1, 14); а πρηνής γενόμενος в книге Деяний — «низринулся, упал сверху вниз». Но нет никакой необходимости видеть здесь два различных предания о смерти Искариота, как Мейер, и тем менее отрицать достоверность самого факта. Сказание книги Деяний и Евангелия Матфея легко могут быть примирены двояким предположением: а) Иуда мог низринуться с высокого дерева, на котором совершено самоубийство посредством удавления, причем от сильного сотрясения могло рассесться чрево его и выпасть внутренности; б) выражение апостола Петра «низринулся» можно понимать в фигуральном значении, то есть вообще погиб, пал; последнее предположение приобретает особенную вероятность в виду того, что это выражение употреблено апостолом в речи, а не в историческом рассказе, и находит себе аналогию и параллель в непосредственно пред ним стоящем фигуральном выражении «приобрел землю неправедною мздою».

Покаяние Иудино

«Воскресное чтение», 1829

Увидев Иуда, предавый Иисуса, яко осудиша Его, раскаявся, возврати тридесять сребренники архиереом и старцем, глаголя: согреших, предав кровь невинную (Мф. 27: 3–4). Что это в душе Иуды: покаяние ли в страшном преступлении его или нет?

В этом признании, в этом открытом сознании Иуды видны все признаки начального раскаяния. Его упрекает совесть, он чувствует страшные мучения ее, он не может и не хочет затаить и задушить в себе эти мучения, он отвергает сребреники, послужившие искушением для него к совершению страшного преступления, и хотел бы вместе с сребрениками сбросить с себя вину своего преступления; он делает это не тайно, а идет к тем, которые подкупили его, и пред ними публично сознается, что он согрешил, потому что продал кровь неповинную.

Что же последовало затем за этими первыми движениями сознания, раскаяния и самоосуждения в совести Иуды? Что сталось с ним потом?

И поверг сребренники в церкви, отъиде, и шед удавися (Мф. 27:5). Конец неожиданный. Это не плод его раскаяния, которому нельзя отказать в прямоте, искренности, силе и живости. Отчего же это так вышло? Отчего начало раскаяния во грехе кончилось ожесточением и самоубийством? Чего не доставало в раскаянии Иуды, чтобы оно кончилось покаянием, благотворным и спасительным для него?

Иуда не туда обратился с своими чувствами раскаяния, с мучениями своей совести, куда призывает человека истинное покаяние.

Он обратился к архиереям, подкупившим его на зло. Он думал найти в этих людях одобрение своему поступку, подкрепление, утешение себе в борьбе с совестью и покровительство себе, в котором он чувствовал нужду теперь как изменник дружбе и чувствам избранного общества великого своего Учителя и Чудотворца. Но эти люди с презрением и с холодным равнодушием отнеслись к раскаянию презренного сребролюбца: «Что нам за дело до тебя, до твоих чувств и твоего положения? – сказали они ему. – Сам смотри, что выйдет из твоего поступка» (Мф. 27:4). Иуда не встретил ничего соответствующего своему душевному состоянию в подстрекателях и участниках его злодеяния.

Иуде следовало бы теперь, как и прежде того, прямо обратиться к Богу со своим раскаянием, с мучениями своей совести, повергнуться пред Его беспредельным милосердием и изливать свою скорбь душевную в молитве о помиловании и в слезах покаяния, и именно в молитве и в слезах покаяния, потому что истинное покаяние в злодеянии не может быть без молитвы и слез; если нет этих проявлений покаяния, простое раскаяние совести в беззаконии бывает бесплодно. У Иуды не было молитвы и слез покаяния пред милосердым Богом, и он удавился. Апостол Петр, отрекшийся Господа, плакал в чувстве истинного раскаяния о своем грехе, плакал *горько*, – и помилован Господом. Горе и муки падшей и кающейся души изливаются и облегчаются слезами покаяния и молитвы; душа умягчается и делается еще способнее плакать и молиться; и милосердие Божие, касаясь больной души своею благодатию, полагает начало внутреннего мира, примирения с совестью.

Путь простого раскаяния в тяжком преступлении, раскаяния, которое бывает плодом невольного потрясения и угрызения совести, без молитвы и слез покаяния пред Богом большею частью кончается самоубийством мучимых совестью преступников.

Если же преступник не приходит к такому несчастному концу, то не приходит и к покаянию. Болезнь души от времени утихает и остается навсегда достоянием заглохшей совести. Такой преступник делается смелее в совершении других преступлений и переносит их уже без болезни душевной, – совесть у него убита. Если он когда-либо возвращается к покаянию, то покаяние это бывает вследствие особых потрясений души, которые зависят от одной милости Божией. В том и другом случае много значат участники преступления и первые советники, к которым обращается преступник с больной и потрясенной душой. Худо делают те, которые стараются успокоить и усыпить больную совесть такими советами и развлечениями, с помощью которых время утишает тревогу совести. Они помогают преступнику делаться преступником ожесточенным. Такие преступники с дерзкою отвагою совершают преступления и не мучатся уже сове-

стью, а открыто, с самодовольством хвастаются злодеянием. Еще хуже делают те, которые без всякого участия, с холодным презрением относятся к раскаянию потрясенной совести преступника. Они помогают ему сделаться самоубийцей.

Вот пример истинного, дружеского участия в опасном состоянии преступника, участия, от которого зависело покаяние и спасение его. Опекун сиротского имущества по жадности к богатству растратил достояние сирот и чрез это сделался виновником разврата и преждевременной смерти без покаяния трех сирот. Совесть содрогнулась у злого опекуна, когда узнал он о плачевной погибели окраденных сирот, и начались невыносимые муки ее. Преступник открыл болезнь своей души доброму товарищу по торговле, который не был участником в преступлении бессовестного опекуна, но догадывался о злостной растрате им сиротского имущества. Друг высказал душевное участие в душевной болезни преступника и не спускал с него глаз. Положение преступника час от часу становилось опаснее, и он не скрывал, что думает наложить на себя руки. Умный и благочестивый друг поспешил привести несчастного к пути покаяния путем молитвы. Тайно открыв дело священнику, друг больного преступника как бы мимоходом завел его в отпертую церковь, где, по условию со священником, не было никого, кроме сторожа, который выметал пол в притворе церкви. Друг остановился с больным пред иконою Распятия Господа среди двух злодеев. Преступник стоял пред иконой, машинально крестился, до не видно было покаянного движения его души; зато не трогался он с места, чтобы выйти из церкви. Друг стоял на коленах и горячо молился о спасении преступника. В душе преступника произошло особое волнение, которое обнаруживалось глубокими вздохами. Друг зажег свечу пред иконою Распятия и, указав больному на распятых разбойников, промолвил, что один из них спасся, а другой погиб. Больной содрогнулся. Зажженная свеча была знаком, по которому церковный сторож должен был позвать священника в церковь. Когда взошел священник, больной заглушил свои вздохи и затаился в себе. Друг не хотел терять минут и попросил священника служить молебен о спасении погибающего. Больной не находил в себе сил освободиться из-под влияния друга в виду священника, повиновался и молился. Среди молебна у него пробились слезы, и он в рыданиях упал на колена и молился. После молебна он сам открылся священнику, отдал себя в его волю и просил его открыть ему путь примирения с Господом. Преступник спасен.

Итак, болезненное раскаяние в преступлении еще не покаяние. Это покаяние — покаяние Иудино. Раскаявшемуся Иуде недоставало слез и молитвы, чтобы истинно покаяться и найти спасение в милосердии Божием.

ВЕЛИКИЙ ПЯТОК

Иисус Христос на суде у Пилата (Ин. 18: 28–38; Мк. 15: 1–5; Лк. 23: 1–4; Мф. 27: 2, 11–14)

Прот. Богословский

Так как у синедриона римским правительством отнята была власть предавать кого бы то ни было смерти, то они связали Иисуса; все множество их поднялось из дома Каиафы; повели своего Узника в преторию, то есть в дом правителя. В это время правителем был римский чиновник, наблюдавший в особенности за доходами казны, или иначе прокуратор, называвшийся Понтием Пилатом. Члены синедриона, приведшие Иисуса Христа к Пилату с тем, чтобы испросить Ему смертную казнь, не вошли в преторию, потому что в претории произносились смертные приговоры, и они, вошедши в нее, боялись оскверниться, а им по вечеру надлежало закалать и есть пасхального агнца. Пилат вышел к ним вон и спросил: «В чем вы обвиняете Этого Человека?» Они отвечали: «Если бы Он не был злодей, то мы не предали бы Его тебе». Должно быть, члены синедриона надеялись, что они делают великую честь прокуратору своим появлением у претории и что достаточно одного их слова, дабы он выполнил их ожидание. Но он, не слышав обвинения и не видя улик на Обвиняемого, сказал им: «Возьмите же Его вы и судите Его по вашему закону». На это иудеи сказали ему: «Нам не дозволено никого предавать смерти». И чтобы доказать, что Иисус повинен смерти, начали уверять Пилата такими словами: «Мы нашли, что Он развращает народ и запрещает кесарю дань давать, называя Себя Христом Царем». Пилат спросил Его: «Ты — Царь Иудейский?» Он отвечал: «Это правда». После такого ответа Пилат вошел в преторию, призвал Иисуса и опять спросил Его: «Царь ли Ты Иудейский?»

Когда Иисус принял наименование Царя Иудейского пред членами синедриона, это значило, что Он выдает Себя за Мессию, Которого иудеи ожидал как Царя своего; но когда Пилат теперь спрашивает Его наедине, в устах прокуратора римского слово «царь» означало искателя земного царства, который замышляет свергнуть владычество римлян и воцариться в Иудее. Если бы эти замыслы были, то Пилат, который, уже семь лет живя в Палестине, не мог не знать от своих

лазутчиков о возмутительном нраве и о всех враждебных движениях иудеев, и, во время праздников присутствуя в Иерусалиме, без сомнения, усугублял бдительность надзора за иудеями, должен был бы иметь о них, если не самые верные, то хотя какие-нибудь сведения.

Иисус Христос отвечал ему: «От себя ли ты это говоришь или другие тебе сказали обо Мне?» (то есть: «Сам ли ты, вследствие каких-нибудь известий, полагаешь, что Я ищу царства, или иудеи тебе насказали о Моих мнимых замыслах, которых, как тебе лучше всякого известно, вовсе не бывало?»). Пилат сказал на это: «Разве я иудей, (что буду верить их мечтам о появлении царя-завоевателя из среды их? Но) Твой народ и первосвященники предали Тебя мне. (И этому должна же быть причина. Если Ты действительно не домогался царства, то) что (же) Ты сделал?» Иисус Христос отвечал: «Царство Мое не (имеет ничего общего с царствами) этого мира. Если бы Царство Мое было такое же, как и все царства земные, то служители, охраняющие Меня, стали бы сражаться за Меня и не допустили бы до того, чтобы Я впал в руки иудейского синедриона. (Уже из этого видно, что) Царство Мое не здешнее». Пилат сказал Ему: «Но все же, Ты – Царь?» Иисус Христос отвечал: «Правда, Я – Царь. Я для того родился, для того и в мир пришел, чтобы свидетельствовать об истине; и всякий, кто сочувствует истине и любит истину, (это Мой подданный, он) слушает голоса Моего». Пилат, который теперь ясно видел, что он имеет дело не с искателем царства, а с учителем народным, или, как называли таких римляне и греки, с философом, и который, должно быть, не очень расположен был к труженикам и глашатаям истины, на слова Иисуса Христа отозвался с пренебрежением: «А что такое истина?» – как бы давая этим разуметь: «Стоит ли заниматься тем, о чем слышишь только споры и от чего не видать никакой выгоды?» Сказав это, он опять вышел и говорит первосвященникам и народу: «Я никакой вины не нахожу в Этом Человеке». Первосвященники и старейшины начали повторять и распространять свои обвинения. Иисус Христос не возражал. Пилат спросил Его: «Что же Ты ничего не отвечаешь? Видишь, как много на Тебя обвинений!» Но Иисус Христос все ничего не отвечал, так что Пилат весьма дивился (отчего Он не защищается, когда очень легко мог бы опровергнуть клевету).

Иисус Христос на суде у Ирода (Лк. 23: 5–12)

Между многими обвинениями главное было то, будто Иисус возмущает народ, распространяя Свое учение по всей Иудее, начав с Галилеи, и вот, даже до Иерусалима. Пилат, услыхав о Галилее, спросил: «А разве Он галилеянин?» Иудеи подтвердили, что Он из области Иродовой. В это время галилейский тетрарх по случаю праздника был в Иерусалиме. Пилат и

Ирод были во вражде между собою, которая, без сомнения, была усилена недавним избиением галилеян близ жертвенника. Прокуратор искал примириться с Иродом, а тетрарх давно искал случая видеть Иисуса, о Котором он слышал много удивительного. Пилат как нельзя лучше воспользовался настоящими обстоятельствами. Чтобы отклонить от себя это неприятное дело, а вместе с тем и приобрести расположение Ирода, он послал к нему Иисуса. Ирод, увидав Узника, обрадовался; он надеялся теперь увидеть от Него какое-нибудь чудо. Стал расспрашивать Его о многом, но Иисус Христос на все вопросы его молчал, несмотря на то, что первосвященники и книжники, стоя тут, сильно обвиняли Его. Кончилось тем, что Ирод со своим двором, наругавшись над Ним, облек Его в белую одежду (как одевались искавшие консульства в Риме, в знак того, что это неопасный искатель царства) и отослал Его назад к Пилату. Таким образом, Ирод не увидел чуда, но Пилат приобрел дружбу Ирода.

Быста же друга Ирод же и Пилат в тот день с собою: прежде бо беста вражду имуща между собою (Лк. 23:12)

«Воскресное чтение», 1823

Вот замечательная черта в картине мира, который нигде так ясно не обнаружил своего сердца, как при встрече лицом к лицу с Божественною Истиною, во дни страданий и смерти Сына Божия.

Ирод и Пилат были во вражде между собою. А благоразумие говорит: «Имей врагов, сколько можно, меньше; чья дружба тебе бесполезна, того вражда может быть вредна. Итак, покупай мир, но ценою по возможности дешевою; старайся поменьше уступить твоих прав и не роняй своего достоинства». Далее, мир рассуждает: «Какая мне нужда до человека простого, до человека бедного?»

Судя по этому, мог ли Пилат купить мир у Ирода дешевле, как сослав к нему галилейского пророка? Со стороны Пилата это было вежливое внимание, которое польстило Ироду, а дело Подсудимого для него было маловажно. Какая ему нужда была до бедного и страждущего Иисуса? Положим, что Он постраждет лишний час, положим, что Он потерпит несколько лишних поруганий; что нужды до этого? Ведь это не какой-нибудь богатый и славный гражданин Рима.

Может быть, в ту же неделю какой-нибудь знатный римлянин, находившийся при Пилате, задумывался, как бы помирить своего господина с Иродом, потому что их ссора может помешать их увеселениям во время великого праздника, к которому готовился Иерусалим; может быть, он перебрал в своем уме десятки различных предположений. Но что для этой

цели может быть употреблен бедный Иисус, это ему и в голову не приходило. Как дивны пути Божии! Как они совершаются не по человеческим соображениям!

Мир! Чем ты ни пользовался для достижения своих целей? И к чему ты ни употреблял смиренных праведников Божиих? Слезы исторгаются, когда читаем истории святых и видим их отношение к миру.

Голова великого праведника, которого уважали и люди мира, приносится духом мира в подарок девице за приятные танцы. И вот, тому же властителю, который сделал этот кровавый подарок, в свою очередь дух мира присылает в подарок Того, Которому помянутый праведник не достоин был *сапоги понести* (Мф. 3:11). Как это лестно! Как тут не произойти дружбе! *Быста же друга Ирод же и Пилат в той день с собою.*

Здесь мы видим все твое сердце, о несчастный мир! Ты равнодушен к участи бедного и незнатного; ты не считаешь его достойным своего внимания; ты позволяешь себе пользоваться им, как простою вещью для достижения своих целей; ты забываешь долг и правду, когда дело касается лица незнатного.

Ты говоришь, жалкий сын мира: «Пусть этот Подсудимый и не виноват, я и сам знаю, что Он предан суду неправо, *зависти ради:* я и сам *ни коеяже обретаю вины в Человеце Сем* (Лк. 23:4); но что же тут особенного, если Он понесет лишнюю беду, лишнее оскорбление, лишнюю насмешку; а между тем я чрез это восстановлю дружбу с человеком полезным для меня? Притом же мне скучно разбирать это судебное дело; оно не представляет для меня никакой пользы; Подсудимый беден: так отошлю Его к человеку, которого суду хоть Он прямо и не подлежит, но который желает *от многа времене видети Его* (Лк. 23:8) и которому будет приятна моя вежливость. А право ли порешит этот человек дело или нет, это вопрос вторичной важности: об этом я могу не беспокоить себя. Я только надеюсь таким образом восстановить с ним добрые отношения». *Посла Его к Ироду. Быста же друга Ирод же и Пилат в той день с собою* (Лк. 23: 7, 12).

Мы не знаем, за какое правое дело поссорились между собою Пилат и Ирод, но видим, что дружба между ними восстановлена делом, противным человеческой совести и Божественной правде: страданиями и поруганиями Праведника, Которого они сами признавали невинным (Лк. 23: 4, 15). Так сыны мира в один день делаются друзьями, когда единодушно заглушают в себе голос совести и презирают дело Божие.

Но посмотрим на другую сторону события. В этот день Пилат и Ирод сделались друзьями, — Пилат как представитель язычников, Ирод как представитель иудеев. В истории страданий нашего Спасителя нет ни одного события, которое бы не имело высшего знаменования и которое не открывало бы нам дивных путей Божественного Промысла. Читая книгу

апостольских Деяний и наблюдая, как иудеи и язычники входят в Христову Церковь, в которой примиряются и составляют одно тело и один дух во Христе, мы невольно возвращаемся к свидетельству святого Луки, что Пилат и Ирод сделались друзьями с того дня, как они судили Иисуса Христа: *прежде бо беста вражду имуща между собою.*

Ирод и Пилат сделалась друзьями чрез Иисуса Христа: опять, какое знамение! Не видим ли уже здесь, что Иисус Христос уничтожает *средостение* между миром языческим и иудейским, что Он разрушает вражду *плотию Своею*, предавая ее на биение и поругание? Не видим ли уже здесь, что Он есть *мир, сотворивый обоя едино* (Еф. 11:14)?

Пусть же сыны мира играют делом Божиим; пусть они презирают его, этим они только себя повергают в вечную погибель. А дело Божие не зависит от них: оно совершается по вечному совету Триипостасного Бога. Не Пилат и не Ирод вознесли Агнца Божия на жертвенник; они только хлопотали о восстановлении расстроенной приязни, хотя бы за счет совести и долга. Всеблагий Отец Небесный так возлюбил человека, что не пощадил Своего Возлюбленного Единородного Сына, поэтому христианин в истории страданий и смерти своего Спасителя видит Сына Божия, свободно вземлющего грехи мира, грядущего на вольную смерть, не вынужденную человеческим произволом; поэтому он молится, благоговеет и проливает слезы благодарения и покаяния, читая эту священную историю.

Второй суд у Пилата (Лк. 23: 13–23; Мк. 15: 6–14; Мф. 27: 15–23; Ин. 18:39–19:12)

Прот. Богословский

Когда Иисус Христос приведен был от Ирода обратно на суд к Пилату, тогда Пилат позвал первосвященников, начальников и народ, и сказал им: «Вы привели ко мне Этого Человека как развратителя народа. Вот, я при вас расспрашивал и решительно не нашел, чтобы Этот Человек виновен был, в чем вы Его обвиняете, и Ирод также. Потому что я посылал Его к Ироду: оказалось, что Он не сделал ничего, за что заслуживал бы смертную казнь. Итак, я, наказав Его, отпущу». А ему и надлежало, по заведенному порядку, ради праздника Пасхи (в память освобождения евреев из Египта) отпустить одного узника, на которого укажет народ. Народ уже и имел в виду одного узника, по имени Варавву, который в это время содержался в темнице с другими сообщниками за какое-то убийство в городе, произведенное ими во время мятежа. И так как народ, собравшись пред домом правителя, начинал кричать и просить того, что всегда для них делали, то Пилат и задумал воспользоваться этим случаем к освобождению Иисуса. Он знал, что первосвященники предали Его из зависти, и полагал, что народ будет рад освобо-

дить Его. И потому сказал народу: «У вас есть обычай, чтобы я одного (узника) освобождал вам ради Пасхи: хотите ли, я отпущу вам Царя Иудейского – Иисуса, называемого Христом?» (Между народом начались переговоры).

Между тем, когда Пилат сидел на судейском месте, жена его, которую предание называет Клавдиею Прокулою, прислала ему сказать: «Не делай ничего Этому Праведнику; потому что я ныне во сне много пострадала за Него».

В это время первосвященники и старейшины научили народ просить, чтобы лучше отпустили им Варавву (который, должно быть, выставлен был перед ними как ревнитель их отечественной свободы), а Иисуса (Который возбудил было такие ожидания, а теперь и Сам спасти Себя не может) погубили. Итак, когда Пилат обратился к народу за ответом, кого отпустить им, они закричали все: «Не Его, но Варавву», Пилат говорит им: «Что же мне делать с Иисусом, Которого вы называете Христом, Царем Иудейским?» Они опять закричали все: «Распять, распять Его!» Пилат сказал им: «Какое зло сделал Он? Я ничего достойного смерти не нашел в Нем. Наказать накажу Его; но отпущу». Но они еще больше стали кричать: «Распни Его!» И превозмог крик народа и первосвященников.

Тогда Пилат приказал бичевать Иисуса. Между тем воины, сплетши венец из терния, надели Ему на голову, и облекли Его в багряницу; и начали приветствовать: «Здравствуй, Царь иудейский!» и били Его по щекам. Пилат опять вышел и говорит им: «Вот, я вывожу Его к вам, дабы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины». Тогда выведен был Иисус в терновом венце и багрянице. Пилат сказал им: «Смотрите: человек!» Но только что увидали Его первосвященники и служители, как закричали: «На крест, на крест Его!» Пилат говорит им: «Возьмите Его вы и распните; а я не нахожу в Нем вины». Иудеи отвечали ему: «У нас есть закон, и по нашему закону Он заслужил смерть; потому что выдал Себя за Сына Божия».

(Не успевши оклеветать Иисуса Христа в возмутительных намерениях против римского правительства, иудеи, не теряя из вида своей цели, теперь клевещут на свой закон. В их законе нигде не говорится, что если придет Мессия и назовет Себя Сыном Божиим, то Он подлежит смерти; а говорится, что если кто станет пророчествовать именем Господа и пророчество не сбудется, то такого лжепророка должно предать смерти. Между тем члены синедриона ничем не доказали, что слова Иисусовы не исполнились; напротив, все предсказанное Им доселе сбывалось, и некоторые из Его пророчеств о Его смерти в руках язычников и о Его воскресении они твердо помнили. Известие, что Иисус выдавал Себя за Сына Божия, произвело на Пилата сильное впечатление. Он сам был свидетелем Божественного спокойствия на лице и невозмутимой твердости в духе предстоящего Узника; мог слыхать о чудесах Его; поневоле должен был припомнить необычайный сон жены своей и ее заботливое предостережение; и очень вероятно, что все это смешалось в его мыслях с баснословными рассказами язычества о явлениях полубогов между смертными).

Пилат был в большом замешательстве. Он поспешил в преторию вместе с Иисусом и спросил Его: «Откуда Ты?» (то есть: «Какого Ты происхождения? Не усвояешь ли Ты Себе родства с существами, высшими человека?» Что было отвечать на это язычнику, который о превечном рождении Слова из Отца и постичь не мог, а о бессеменном воплощении от Пречистой Девы Марии и слышать не должен был?). Иисус Христос не дал ему ответа. (Оскорбленный таким молчанием) Пилат (несмотря на тайный страх) говорит Ему: «Ты мне не отвечаешь? Ты не знаешь, что в моей власти распять Тебя и в моей власти отпустить Тебя!» Иисус Христос отвечал: «Надо Мною ты не имел бы никакой власти, если бы тебе не дано было свыше; потому более греха на том, кто предал Меня тебе».

Должно быть, в Пилате осталась уверенность, что Иисус не простой человек, потому что он настаивал отпустить Его. Но члены синедриона, со своей стороны, решительно заметили ему: «Если ты отпустишь Его, то этим самым покажешь, что ты не благоприятствуешь кесарю. (Ты покровительствуешь Тому, Кто называет Себя царем. Но известно, что) всякий, называющий себя царем, противник кесарю».

(Эти слова, которые напомнили Пилату, что в Риме царствует подозрительный Тиверий, окончательно заставили прокуратора решиться предать смерти Иисуса. Но, дабы показать, что он действует не по принуждению и чтобы отмстить за косвенную угрозу, он хотел поругаться над их верованием в Царя-Мессию и унизить их, унизив Иисуса).

Пилат вывел Иисуса из претории перед народ, сам сел на возвышенном месте, которого помост был выстлан разноцветным мрамором. Время было перед полуднем. И говорит Пилат иудеям: «Смотрите: Царь ваш!» Но они закричали: «Казни! Казни! На крест Его!» Пилат им говорит: «Как? Царя вашего на крест?» Первосвященники отвечали: «Нет у нас царя, кроме кесаря!»

Пилат, видя, что ничто не помогает, напротив, волнение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, промолвив: «Не виноват я в (пролитии) крови Этого Праведника: вы отвечайте!» На это весь народ ответил криком: «Кровь Его на нас и на детях наших!»

Таким образом, Пилат решил быть по их прошению. Имея свои причины угодить народу, он отпустил им Варавву, о котором просили, несмотря на то, что Варавва содержался под стражею за возмущение и убийство, а Иисуса бичевал и предал на распятие.

О суде Пилата и о подражателях ему

Иеромонах Августин. «Воскресное чтение», 1831

Шумно волнуется народ иудейский. Целую ночь и следующее затем утро водит он своего Господа связанным по улицам и стогнам города, от одно-

го судилища к другому, от другого к третьему; на судилищах бессовестно клевещет, явно лжесвидетельствует на Него и открыто и нагло требует Его казни. Слепая толпа то и дело кричит: *Возми, возми, распни Его!* Лукавые первосвященники и старейшины с гордою важностью полагают: *Мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умрети.* Постоянные ученики Его, могшие быть лучшими свидетелями о Нем на суде, в страхе и ужасе разбегаются, оставив Его на волю врагов, на произвол судьбы. Среди всей этой суматохи один только Пилат, казалось бы, беспристрастно относится к делу. Он прямо и неоднократно свидетельствует, что в Обвиняемом он не находит решительно никакой вины; мало того, он даже принимает некоторые меры к тому, чтобы как-нибудь успокоить народную ярость и злобу и покончить это дело без пролития невинной крови. Пилат был главным начальником Иудеи; от него зависело окончательное решение судебного дела над Иисусом; можно было поэтому от его беспристрастного голоса и принятых им мер ожидать совсем иного оборота для неправедного дела. Но... известно, чем и как кончилось это дело: тот же самый Пилат подписал смертный приговор Тому, в Ком не находил никакой вины, осудил на казнь злодея Того, Кого сам признал праведником. Что же это значит? Что заставило этого, доселе такого рассудительного и беспристрастного судью вдруг перемениться в отношении к Подсудимому и поступить с Ним вопреки своим убеждениям, против своей собственной совести? Евангелист говорит, что Пилат до тех пор отклонял свой приговор над Иисусом, пока иудеи не представили ему такого возражения: *Аще сего пустиши, неси друг кесарев* (Ин. 19:12); другой евангелист замечает, что Пилат осудил Иисуса Христа на распятие, *хотя народу хотение сотворити* (Мк. 15:15). Итак, вот что заставило Пилата бессовестно поступить с Иисусом: он хотел угодить этим своему начальству и народу, боялся потерять благосклонность к себе и кесаря римского, и общества иудейского в случае несогласия с лукавою волею синедриона. Угодничество и ласкательство побудили его решиться на бессовестный поступок и, обманывая себя и других, он только умывает руки пред народом, в знак своей мнимой невинности в бесчестном деле! И нашими действиями и отношениями к ближним очень часто заправляет то же чувство угодливости, какое было в Пилате, и так же часто побуждает и заставляет нас действовать против долга, против чести, против совести, нередко — прямо ко вреду и погибели других. Казалось бы, чувство угодливости меньше всего способно вредить людям. Ведь на то оно и чувство угодливости, что хочет угождать людям; но на деле большею частью выходит совсем напротив. Это оттого, что в основе его лежит обыкновенно не любовь христианская, а самолюбие человеческое, не самоотвержение евангельское, а лукавая самоугодливость; поэтому оно ищет угодить главным образом самому себе, и

если угождает другим, то не всем и каждому, а лишь некоторым, и не так просто, без ничего, а непременно с какою-нибудь заднею целью: угодить же самому себе и еще кой-кому другому часто можно, лишь вредя другим.

В проявлениях религиозного чувства угодничество сопровождается часто такими действиями, которые суть в своем роде осуждение Иисуса Христа на распятие и смерть. У вас, например, есть друг, зараженный неверием; вы часто бываете свидетелем его кощунственных речей, его противорелигиозных действий, в душе вы совершенно иначе убеждены и настроены, чем ваш друг, но вместо того чтобы заградить ему уста, по крайней мере напомнить ему, чтобы он не слишком уж завирался, вы или молчите при всех его богохульных выходках, или же еще и поддакиваете ему одобрительною улыбкою, утвердительным знаком, сочувственным словом, иногда и делом, небольшим грешком совместно с ним, вроде нарушения поста и т.п. Как же можно перечить другу: еще, пожалуй, оскорбишь его этим! Так лучше уж оскорбить Бога вместо него...

Апостол Павел сказал о себе: *Аще бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1:10). Быть может, это сказал он потому, что в его время общество человеческое состояло по преимуществу то из иудеев, то из язычников: нельзя было тогда остаться верным Христу и в то же время угодить какому-нибудь еврею, угодить язычнику и пребыть верным рабом Христовым. В обществах христианских каково наше, казалось бы, должно быть иначе, потому что здесь все – рабы Христовы. Однако слово апостола имеет значение свое и в наше время, приложимо и к нашему христианскому обществу. И теперь не может быть Христовым рабом тот, кто из угодничества не говорит правды там, где следует, говорит ложь и неправду, которой никогда никому говорить не следует, кто лестью и угодничеством прокладывает себе дорогу в жизни и на этой дороге не щадит доброго имени, чести и благосостояния всякого встречного, кто из угодничества боится сказать слово в защиту осмеиваемой и поругаемой религии и готов даже сам пристать к ее ругателям. Будем же всегда помнить это слово апостольское и отвергнем от себя всякое угодничество, низость, лесть, ласкательство, пресмыкательство, так противные нашему христианскому призванию. *Куплени есте ценою*, говорит тот же апостол, ценою *крови* Сына Божия, поэтому *не будите раби человеком* (1 Кор. 7:23)...

О том, что не следует безусловно доверять суду общественного мнения (Мф. 27: 22–25)

Иннокентий, митр. Московский. Из Слова в Великий Пяток

Глагола Пилат Иудеом: что сотворю Иисусу глаголемому Христу? Глаголаша ему вси: да распят будет. Игемон же рече: кое убо зло сотвори? Они же излиха вопия-

ху, глаголюще: да пропят будет. Видев же Пилат, яко ничтоже успевает, но паче молва бывает, прием воду, умы руце пред народом, глаголя: неповинен есмь от крове Праведного Сего: вы узрите. И отвещавше вси людие, реша: кровь Его на нас и на чадех наших (Мф. 27: 22–25). Так завершался суд над Святейшим святых – суд гласный, всенародный. Голос народа, требовавший позорной смертной казни Господа, превозмог над голосом судии, вполне сознавшего невинность Подсудимого и употребившего несколько мер к Его оправданию. *И устояху,* замечают святые евангелисты, *гласи* неистовой толпы, *и посуди Пилат быти прошению их и предаде Его им, да распнется, и поемше Иисуса, ведоша* (Лк. 23: 23–24; Ин. 19:16) и, истощивши над Ним все виды злобных насмешек и ругательств, *распяша Господа славы.*

За что? Никто не ведал и ведать не хотел. Вопияли, правда, во время суда некоторые: *Мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умрети* (Ин. 19:7); но, по слову Самого Господа, они не ведали, что творили, — не разумели, конечно, что и говорили. Последним ответом на вопрос судии: *Кое убо зло сотвори,* – в чем виноват Он? – в устах всех было усиленное восклицание: мы все хотим этого, – *они же излиха вопияху, глаголюще: да пропят будет,* – все на себя берем ответственность в этом деле, в чем бы ни состояла она: *кровь Его на нас и на чадех наших.* И слабодушный судия, желая сделать угодное народу, *предаде Иисуса, да пропнут Его.*

Не то было за три дня пред этим. *Приближашеся праздник опреснок, глаголемый Пасха* (Лк. 22:1). По закону Моисееву, к этому празднику должны были собираться в Иерусалим иудеи, не только жившие в Палестине, но и рассеянные по всем странам мира. И действительно, многие, в особенности жившие в отдаленных странах, еще задолго до праздника *взыдоша во Иерусалим да очистятся* (Ин. 11:55). Слава об учении и чудесах, совершаемых Иисусом Христом, пронеслась по всей Палестине и далеко за пределами ее. Многие были очевидцами Его чудотворений, другие были лично знакомы с Ним, иные только слышали о Нем как о великом чудотворце. Естественно, что при таком положении *пророк Галилейский,* как большинство называло Господа, быть предметом общего внимания и разговоров. Пришедшие издалека на праздник еще задолго до праздника искали Его и допытывались друг у друга: как вы думаете, не придет ли Он на праздник? (Ин. 11:56). Незадолго пред тем совершенное Им в особенности поразительное чудо – воскрешение четверодневного Лазаря – еще более возбудило общее внимание. Наконец, за шесть дней до Пасхи приходит Иисус в Вифанию, *идеже бе Лазарь умерый, егоже воскреси от мертвых:* признательные сестры воскресшего устрояют для Него там вечерю. Слух о сем тотчас же достигает Иерусалима, и вот *народ мног от Иудей,* сошедшихся к празднику, *разумев, яко ту есть, приидоша не Иисуса ради токмо, но да и Лазаря видят* (Ин. 12:9). Наутро Господь торжественно входит в Иерусалим. Народному восторгу нет предела: Его встречают с вай-

ями и ветвями, Ему постилают одежды свои по пути; предшествующие и сопровождающее Его восклицают: *Осанна Сыну Давидову: благословен грядый Царь во имя Господне: мир на небеси и слава в вышних* (Мф. 21:9; Лк. 19:38)! К восклицаниям взрослых присоединяются и голоса детей, зовущих и глаголющих: *Осанна Сыну Давидову* (Мф. 21:15)! Когда Господь вошел в Иерусалим, *потрясеся весь град, глаголя: кто есть сей* (Мф. 21:10)? Самые закоренелые враги Господа должны были затаить в себе свою злобу и зависть к Нему, и только между собою говорили: *Видите, яко никаяже польза есть: се мир по Нем идет* (Ин. 12:19). Народный восторг не прекращался и в следующее дни. Наутро, вшедши снова в Иерусалим, Он изгоняет продающих и купующих в церкви, ниспровергает столы торгующих и седалища продающих голуби – и все беспрекословно повинуются распоряжениям Его. В толпе народа, как обыкновенно бывает, не все могли видеть Господа, и вот, улучивши благоприятную минуту, некоторые из пришедших на праздник эллинов обращаются не к Нему Самому, а к одному из учеников Его, *и моляху Его глаголюще: господи, хощем Иисуса видети* (Ин. 12:21), – обстоятельство, показывающее, что восторг народный дошел до степени благоговейного почитания к Иисусу Христу. Торжественный глас с небеси от Бога Отца пред лицом всего народа: *и прославих и паки прославлю* (ст. 28), еще более усиливает внимание и благоговение к Нему. Сами враги Спасителя, давно уже положившие в душе умертвить Его, в торжественном своем совещании находят это время неблагоприятным для своих замыслов и определяют действовать со скрытною осторожностью: *совещаша, да Иисуса лестию имут и убиют*, – и то не теперь, не во время праздника, чтобы не сделалось возмущение в народе (Мф. 26:5). Но едва прошло два дня после сего, как картина совершенно изменяется. Те, которые не находили слов выразить свой восторг и благоговение к великому Пророку, единодушно, целым народом, требуют Его смерти. Мало сего, не разбирают никаких средств, чтобы достигнуть своей цели. Нужно врагам Его прикрыть благовидным предлогом свою ненависть к Нему – выискиваются свидетели, готовые взвести на Него все что угодно. Что нужды, что в их свидетельствах явные противоречия? Они принимаются всеми как несомненно истинные. Нужно взвести клевету на Обвиняемого? Нет остановки и за этим: *Аще не бы был сей злодей, не быхом предали Его тебе*, (Ин. 18:30), и затем градом сыплются обвинения одно за другим. Когда и это не помогло, производят общее волнение целым народом, чтобы силою вынудить желаемый приговор. Приговор, наконец, произнесен, цель достигнута: Варавва, страх и ужас народа, – освобожден, а невинный Благодетель народа осужден на позорную и ужасную казнь – висит пригвожденный ко кресту, между двумя злодеями. Казалось бы, время уже возбудиться в сердцах всех естественной жалости даже и действительному преступнику; но невинно Осужденный общественным судом не возбуждает к Себе и этого невольного уча-

стия. Над Ним издеваются, Его поносят и во время крестной казни. И пусть бы это делали враги Его: они имели свои причины ненавидеть Его, нет: *и вси мимоходящии хуляху Его, покивающе главами своими и глаголюще: да, Разоряяй церковь и треми деньми Созидаяй: спасися Сам, и сниди со креста* (Мк. 15: 29–30).

Ревнитель и поборник мнения общественного, думающий видеть в нем всегда непогрешимый голос Самого Бога! Не будь невнимателен к этому поразительному и ужасному случаю. Что совершилось однажды, то может повторяться, и, может быть, нередко, хотя и не в столь поразительных чертах. Посмотри внимательнее вокруг себя: не бывает ли и теперь подобного? Увы, как часто общественный приговор венчает и развенчивает общественных деятелей, и нередко в самое непродолжительное время! Сегодня возносят до небес, а назавтра низвергают до бездны! И нужно ли удивляться сему, когда и теперь, как прежде, большинство слепо следует за своими немногими предводителями? Присмотритесь, как обыкновенно слагается так называемое общественное мнение, или, правильнее, мнение большинства. Сколько ни превозносятся в наш век независимостью или самостоятельностью убеждений, на деле, в жизни действительной, едва ли не большая часть подобных независимых судей смотрят на все чужими глазами, повторяют приговор лицам с чужих слов. И чем жестче подобный приговор, чем резче и решительнее высказывается он, тем с большею уверенностью принимается другими, тем скорее усвояется большинством, тем, следовательно, удобнее переходит в общественное мнение. Трудно сказать, что руководит в подобных случаях большинством: просто ли легкомыслие, считающее за ничто омрачить в глазах всех добрую славу ближнего, или желание идти в уровень в своих взглядах с людьми передовыми, чтобы не показаться отсталыми, или, может быть, не вполне сознаваемое желание успокоить свою совесть, мятущуюся при представлении своих собственных недостатков, сравнением себя с другими, из которого выходило бы, что вот-де я вовсе не таков, как другие, или, может быть, все эти побуждения соединяются вместе — только, как свидетельствует опыт жизни, едва ли не большая часть общественных приговоров слагается подобным образом. Вот человек, казалось бы, с истинным, непритворным жаром вопиет против злоупотреблений того или другого; попробуйте спросить у него: в чем дело? Он, пожалуй, не затруднится засыпать вас обвинениями, конечно, общими и голословными; но полюбопытствуйте дойти до источника этих обвинений — и окажется, что дело окончательно сведется к тому, что все так говорят, тогда как из этих всех он сам, может быть, первый разносит подобную молву. Второй, подобный, после него передает то же самое третьему, и так далее, нередко прибавив к слышанному и от себя нечто, — передает уже без зазрения совести, потому что он, по собственному его суду, действует бескорыстно и бесприс-

тгастно, как действительно слышавший, что передает, и нередко не состоящий ни в каких сношениях с лицом, о котором передает.

Если так изменчиво и неосновательно бывает общественное мнение в своих приговорах о лицах, то тем менее можно безусловно полагаться на него в суждениях о предметах. Опыты всех веков свидетельствуют, что людей истинно здравомыслящих всегда сравнительно меньше, чем увлекающихся; что ложь, представленная в благовидном образе, больше увлекает за собою, чем истина. Первая нравится многим своею новизною, игривостью, применительностью к современным вкусам и потребностям; последняя отталкивает многих своею простотою, строгостью и трезвенностью. Удивительно ли после сего, что на стороне истины большею частию бывает меньшинство, а большинство на стороне лжи? Удивительно ли, что ложь торжествует, а истина преследуется? По временам это проявляется в особенно поразительном виде, так что почти все становятся под знамена лжи, чтобы ратовать против истины. Ной, по повелению Божию, сто двадцать лет проповедует современникам своим о покаянии; а они по-прежнему ядят, пьют, женятся и посягают, и только глумятся над его проповедию, пока все не погибают в водах потопных. Лот убеждает жителей Содома не делать зла вошедшим под кров его странникам; а они все, *от юноши даже до старца, весь народ вкупе*, отвечают ему: вот, пришел пожить, и хочет судить! Что было бы, если бы он последовал образу мыслей и жизни всех? Без сомнения, и он погиб бы в том жупеле и огне, который одождил Господь с небес. Нужно ли напоминать о том, как ложь, поддерживаемая большинством, целых три века по явлении христианства гнала и преследовала истину, содержимую меньшинством, — насмешками и укоризнами, клеветами и злоречием, огнем и мечем? Но еже было, тожде есть, то же и будет...

Погибель Пилата

«Воскресное чтение», 1822

Понтий Пилат, бывший прокуратором римским в Иудее во время страданий и смерти Иисуса Христа, питал непримиримую ненависть к народу, управляемому им, в особенности же к религии и обрядам его. Эта самая ненависть была причиною погибели его по следующему случаю. Один обманщик собрал на горе Гаризим великое множество самарян, чтобы показать им, как он говорит, священные сосуды, скрытые будто бы здесь Моисеем. Пилат, видевший в этом собрании возмущение против римского правительства, воспользовался случаем наказать ему ненавистных людей за мнимое преступление их. Он окружил их своею конницею и велел знатнейших из них казнить, а прочих изрубить всех без разбора. Самаряне, соотечественники избиенных, принесли жалобу на него правителю Си-

рии Вителлию, отцу императора того имени, имевшему Иудею под своею властью. Вследствие этой жалобы Вителлий, признав Пилата виновным, приказал ему отправиться в Рим для оправдания себя пред императором Тиверием, который имел уже невыгодное мнение о нем по жалобе Марии Магдалины на его несправедливые поступки (Никиф. Калл., кн. 2, гл. 10). По прибытии в Рим прокуратор Иудеи, не могши оправдаться, был отрешен от своей должности и сослан в Галлию в 37 году по Рождестве Христовом, в начале царствования Калигулы. Предание говорит, что он удалился в город Виенну, в области Дофине, где прожил еще два года, и, наконец, изнуренный печалью и скукою, терзаемый угрызениями совести и отчаянием, сам себя лишил жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К ИСТОРИИ СУДА НАД ИИСУСОМ ХРИСТОМ (МФ. 26–27 ГЛ. И ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ)

1) Иисус Христос на суде синедриона. Троекратное отречение Петра. Иисус Христос вновь на суде синедриона. «Воскресное чтение», 1811.

2) Суд над Иисусом Христом. «Христианское чтение», 1878.

3) Верховное судилище в доме Каиафы. «Домашняя беседа», 1870.

4) *Прот. Гречулевич.* Иисус Христос на суде Каиафы и Пилата. «Странник», 1861.

5) *Его же.* Размышления о суде над Иисусом Христом пред Каиафою и Пилатом. «Странник», 1867.

6) Мф. 26: 69–76. Падение и восстание Петра. «Христианское чтение», 1831.

7) *И исшед вон, плакася горько* (ст. 76). Назидательные размышления. «Христианское чтение», 1838.

8) *Прот. Нечаев.* Слезы Петра. «Душеполезное чтение», 1881.

9) У современного костра. «Душеполезное чтение», 1880.

10) Мф. 26: 69–75; 27: 1–10. Беседа *св. Иоанна Златоуста.* «Христианское чтение», 1838.

11) Возвращение Иудою первосвященникам сребреников и самоубийство. — Иисус Христос на суде Пилата и Ирода. «Воскресное чтение», 1811.

12) *Прот. Нечаев.* Пилатова совесть. «Душеполезное чтение», 1879.

13) *В. Певницкий.* Крики народной иудейской толпы пред судом Пилата. «Труды Киевской духовной академии», 1862.

14) Отчего верующие в Иисуса Христа и особенно те, которых Он исцелил, не заступились за Него, когда Его беззаконно судили и вели на распятие? «Воскресное чтение», 1831.

15) Мф. 27:5. *Арсений, митр. Киевский.* О раскаянии Иуды, о судьбе его и о том, что самоубийство есть дело сатаны.

16) Ин. 18:37. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Христос Спаситель пришел в мир для того, чтобы сообщить людям истинное Богопознание, в котором заключается сущность истины и которого человечество не достигло собственным разумом.

17) *Никанор, архиеп. Херсонский.* Что есть истина?

18) 19:5. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О таинственном значении слов: *се, Человек.*

РАСПЯТИЕ и СМЕРТЬ Иисуса Христа (Мф. 27: 31–56; Мк. 15: 20–41; Лк. 23: 26–73; Ин. 19: 16–37)

Осудив Иисуса на смерть, Пилат велел воинам взять Его и вести на казнь. Воины сняли с Иисуса багряницу и одели в собственные Его одежды, возложили на рамена Его крест, на котором Он должен был умереть, и повели за город на место казни. Это место, где обезглавливали преступников, называлось оттого Голгофой, то есть Лобным местом. Измученный Иисус Христос несколько раз падал под крестом, пока, наконец, не потерял последних сил. Воины увидели необходимость снять с Него крест. В это время возвращался с полевой работы некто Симон, уроженец Киринейский. На него возложили крест Христов, и он донес его до места казни.

В толпе, сопровождавшей Господа, было много благочестивых женщин; идя за Ним, они громко рыдали. Иисус даже в эти страшные для Него минуты думал не о Себе, но об ужасной участи, ожидающей преступный народ, и, обратившись к женам, сказал: «Не плачьте обо Мне, плачьте о себе и о детях ваших; ибо близки уже те дни, когда (несчастные матери) будут говорить: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие. Тогда будут взывать горам и холмам: падите на нас и покройте нас. Ибо если с зеленеющим деревом (со Мной) так поступают, то с сухим (с этим народом) что будет?» Пришли на Голгофу. Стали ставить кресты и подали Иисусу и двоим бунтовщикам и убийцам, осужденным вместе с Ним на крестную смерть, выпить смеси из вина с смирной. Это питье, кислое, как уксус, и горькое, как желчь, обыкновенно давалось из сострадания осужденным на крестную смерть, самую мучительную из всех родов казни, чтобы отнятием сознания ослабить силу страданий. Но Иисус Христос не стал пить. Он не хотел облегчения Своих вольных страданий.

Поставили кресты, раздели осужденных, подняли и распяли убийц по краям, а Иисуса с жестокою насмешкою, как главу их, в средине. Так исполнилось пророчество: *И со беззаконными вменися* (Ис. 53:12).

Иисус Христос страшно страдал: гвозди раздирали Его тело, кровь потоками лилась из ран; но вместо воплей и стонов из Его уст слышалась молитва за распинателей: «Отче, — взывал Он, — прости им; они не знают, что делают!»

Воины стали, по обыкновению, делить между собою одежды казненных. Но нижнее платье Иисуса, хитон, им жаль было разрывать, потому что он был без швов, весь тканый, и потому они бросили о нем жребий. Таким образом исполнилось другое пророчество: *Разделиша ризы Моя себе и о одежди Моей меташа жребий* (Пс. 21:19).

На кресте обыкновенно прибивалась дощечка с объяснением вины распятого; на кресте Иисусовом Пилат назло синедриону велел написать: «Царь Иудейский», и притом на трех языках: еврейском, греческом и латинском, чтобы всякий иностранец видел в этой надписи позор иудейского народа, допустившего предать поноснейшей казни царя, которого сами ожидали. Оскорбленные вельможи поспешили к Пилату и стали просить его написать вместо этого: «Я Царь иудейский», чтобы видно было, что Распятый самозванец, а не настоящей царь. «Что я написал, то написал», — холодно отвечал Пилат. Сконфуженные, воротились они на Голгофу, чтобы насладиться, по крайней мере, мучениями своей жертвы. Там стояла большая толпа народа и осыпала Божественного Страдальца насмешками. «Э! Разрушающий церковь и в три дня Созидающий! — говорила толпа, кивая головами. — Спаси теперь Себя и сойди со креста». «Других спасал, а Себя спасти не может, — прибавляли язвительно сановники. Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и тогда мы уверуем в Него. Он уповал на Бога — пусть же теперь Бог избавит Его, если Он угоден Ему; ведь Он называл Себя Сыном Божиим». «В самом деле, — бессмысленно вторили иудеям солдаты, — если Ты Царь Иудейский, спаси Себя». Эти насмешки увеличивали муку Божественного Страдальца и тем более, что находили для себя пищу и оружие против Него в самом Его терпении. «Боже Мой, Боже мой! — воскликнул Он в невыразимой тоске, — зачем Ты оставил Меня?» Этот горестный вопль дал новую пищу насмешке. Пользуясь созвучием слова Элои (Боже мой) со словом Илия и намекая на верование народа, считавшего Илию помощником несчастных и предтечею Мессии, за которого Иисус объявил Себя, врага Его говорили: «Вот уж Он зовет Илию». «Жажду!» — воскликнул Иисус, томимый смертельною жаждою. Один из воинов, омочив губку в уксусе, служившем обыкновенным питьем для солдат и простого народа, поднес на трости к горящим устам Иисуса Христа. «Оставь, — говорили враги Иисусовы, — посмотрим, придет ли Илия спасти Его».

Так все окружающее осыпали Иисуса насмешками; даже один из распятых с Ним злодеев, и тот не отставал от прочих: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас», — говорил он насмешливо Иисусу. Раздался только один

голос сострадания; это был голос другого разбойника. Услышав насмешку товарища, он обратился к нему с упреком: «Или ты не боишься Бога, сказал он, хотя и сам осужден на ту же казнь? Да мы-то осуждены справедливо и получили то, что заслужили своими делами, а Он ничего худого не сделал». И, обратясь к Иисусу, прибавил: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!* Этот единственный голос сострадания, сердечного покаяния, смиренной покорности и изумительной веры вызвал такие слова Иисуса Христа: «Уверяю тебя, — сказал Он разбойнику, — ныне же ты будешь со Мной в раю». И разбойник прямо со креста первый вступил в только что открывшееся небо, заключенное более пяти тысяч лет даже для величайших ветхозаветных праведников.

Было в народе при Иисусовом кресте и еще несколько лиц, глубоко сострадавших Божественному Страдальцу. Это были некоторые благочестивые жены; между ними исцеленная Иисусом Мария Магдалина, любимый ученик Иисусов Иоанн и Матерь Иисусова. Как и всегда, не столько думая о Себе, сколько о других, Иисус Христос, желая пролить утешение в скорбную душу Матери, сказал, указывая Ей взором на Иоанна: «Жено, вот сын Твой», потом сказал ученику, поручая его заботам Свою Матерь: «А это Мать твоя». Ученик свято исполнил последнюю волю умирающего Учителя: он взял Матерь Божию к себе в дом, окружал Ее нежнейшими попечениями и до самого Ее блаженного успения не отлучался от Иерусалима, тогда как прочие апостолы рассеялись по разным странам для распространения Евангелия.

Теперь страждущий Господь видел, что все уже совершилось, чему должно было совершиться: искупление человечества совершено, искупительные страдания достигли последнего предела, пророчества исполнились все до последнего, — и вот Он воскликнул громким голосом: «Совершилось, Отче! В руки Твои предаю дух Мой!» — и, приклонив голову, испустил дух. Еще с минуты распятия, то есть с 12-го часа солнце в ужасе померкло, и тьма покрыла землю; теперь, в минуту смерти Богочеловека, потряслась земля, раздралась церковная завеса, отделявшая святое святых, указывая близкое разрушение храма и уничтожение ветхозаветного служения; расселись скалы и раскрылись гробовые пещеры, многие из погребенных там святых воскресли и по воскресении вошли во святой город и явились многим.

Ужас объял толпу, стоявшую на Голгофе: народ, ударяя себя в грудь и испуская стоны, спешил удалиться. Умолкли насмешки, и святая тишина воцарилась у креста. Даже язычники — римский сотник с отрядом воинов, — стерегшие распятых, объяты были страхом, и сотник воскликнул: «Действительно это был Сын Божий!»

Одни только вожди и учители иудейского народа помышляли не о покаянии, а о том, чтобы нанести новое оскорбление распятому Мессии.

Иисус умер в пятницу в три часа пополудни; наступал пасхальный вечер и канун пасхальной субботы. По закону тела казненных должны быть убраны еще до захождения солнца, особенно для такого великого дня. Поэтому для ускорения смерти распятых посланы были воины перебить им голени. Перебили голени разбойникам; подошли к Иисусу Христу. Он уже был мертв, и перебивать голеней не было нужды. Тогда один из воинов, еще не вполне уверенный в Его смерти, пронзил Ему копьем бок. Из раны потекла кровь и вода, то есть холодная, разлагающаяся кровь, верный признак смерти. Так исполнилось еще последнее пророчество: *Воззрят Нань, Егоже прободоша.*

Теперь понятно стало, почему у пасхального агнца, прообразовавшего Спасителя – этого Агнца Божия, вземлющего грехи мира, – запрещено было раздроблять кости.

Гора Голгофа

«Воскресное чтение», 1807

В Священном Писании Голгофа нигде не называется горою, а только Голгофою (locus Calvariae – κρανίον, лоб, череп, лобное место). Внимание всех четырех евангелистов в точном указании места сего и в объяснение его значения, *еже есть глаголемо краниево место* (Мф. 27:33), *еже есть сказаемо Лобное место* (Мк. 15:22) и пр., само собою становится замечательным при чтении Евангелия.

По значению указанных слов, Голгофа означает или а) некоторое кругообразное возвышение наподобие черепа головы человеческой, или б) место, где казнят преступников и зарывают их вместе с орудиями, коими были замучены и где видимы были остатки – кости, черепа казненных, или, наконец, в) указывает на то древнее предание иудейское, что на месте крестных страданий и смерти Искупителя мира погребен был отец всех человеков– Адам и что посему, думают, на изображении у ног распятого Спасителя, по древнему христианскому обычаю, видим главу Адама с двумя костями, крестообразно положенными. Удовлетворительнее мнение тех, кои под Голгофою хотят разуметь место страшной смертной казни преступников, где, по определению судеб Вышнего, нужно было пострадать и умереть поносною казнью Святому святых в искупительную жертву за грехи преступного мира. Последнее значение, коим указывается на предание иудейское о погребении праотца Адама на Голгофе, не представляет в себе ничего противоречащего исторической вероятности и, соединяя собою другие значения, имеет то преимущество, что а) оно сохранено как достойное святыми отцами: Афанасием и Василием Великим, святым Иоанном Златоустом, святым Амвросием и святым Епифанием, также Тертуллианом, Оригеном и другими близкими к началу преданий христианских;

б) латинское calvaria и греческое κρανίον значат только указание евангелистов на часть главы, еврейское означает целую, как она представляется на изображении у ног распятого Спасители, для показания Главы и Вождя рода человеческого. Итак, считая сие предание справедливым, чья душа не обымется благоговейною, пристрашною мыслью о путях Божественного Провидения, определившего, чтобы смерть была побеждена на том самом месте, на котором низвела она в прах первого преступника заповеди Божией — нашего отца, а в лице его всех нас, его детей; и чтобы приговор смертный, произнесенный против нас всех, был уничтожен Искупителем на том месте, где исполнен был над первым грешником!

Вся юдоль мертвых и пепла не истребится и не разорится во век. Когда уничтоженный холм был уже возвеличен крестом Спасителя, прославлен благоговением христиан, судьба святой горы сопровождалась такими разрушительными обстоятельствами, при которых можно было бы истребиться из памяти самому имени Голгофы. Но тайным мановением Промысла Божия сии самые обстоятельства способствовали к исполнению определения — не истребиться и не разрушиться вовеки священному месту. Иудеи, чтобы ослабить благоговение христиан к их святыне, старались оскорблять ее: утес гроба Господня был глубоко засыпан, на Голгофе непрестанно увеличивались насыпи. Язычники воздвигли на ней капище Венере, на погребальном вертепе Спасителя — Юпитеру. Нечестивые не видели, что они ненамеренно старались о сохранении святыни христианской; насыпи были для нее памятниками и идолы стражами до установленного времени. Равноапостольная Елена, прибыв в Иерусалим, собрав свежие предания, открыла по указанию их святые места Голгофские, капища ниспровергла, вековые насыпи сняла до самой той земли, которая освящена стопами Божественного Страдальца, обагрена Его кровию. Северо-западная часть Голгофы — поприще страданий и смерти Искупителя — включена в обширный храм Воскресения Господня. Малая Церковь, вмещенная в обширный храм, устроена на том самом месте, где водружен был страдальческий крест Искупителя, и там, где Он — Агнец Божий — заклан был, доселе приносится бескровная жертва; отверстие, где стоял Крест, вместилось под престол, который для благоговейных поклонников открыт по бокам. Подле него с правой стороны находится отверстие другое — расселина горы Голгофской, треснувшей от ужаса при смерти Создателя. Сумрачная церковь Голгофская напоминает собою поклоннику те минуты, когда среди дня солнце лучи свои потаило и *от шестаго часа тма бысть по всей земли до часа девятаго.* В приделе, направо от престола, мраморный на полу четвероугольник означает то место, где нечестивые простерли на крест Спасителя и вонзили в Него гвозди. У всхода на вершину Голгофы из алтаря церкви во имя Иоанна Предтечи видны камни, распадшиеся при

смерти Искупителя. Остальная большая часть Голгофы находится вне храма, занята монастырем святого Авраама и жилищами христиан. У подошвы ее с северо-восточной стороны находится тот вертеп, куда свергались кресты и тела распинаемых и где обретен был крест Спасителя, указанный чудесным исцелением жены.

Судьба святой Голгофы с того времени, как она украсилась подобающим благоговением, до настоящих времен, одна с судьбою всей святыни Иерусалима. Персы, арабы, латины, турки и другие проносились здесь тьмочисленными полчищами и оставляли кровавые следы. Несколько раз храм Воскресения Господня обнимался пламенем, но место, освященное Господу, не разорилось и не истребилось. Заветные сокровища Церкви Христовой – скала Голгофы и погребальный вертеп Искупителя – сохранились в целости доныне.

Мысли св. Епифания Кипрского о том, почему место, на котором распят Господь наш Иисус Христос, называется Лобным

«Воскресное чтение», 1821

Предания говорят, что Господь наш Иисус Христос распят на Голгофе, на том самом месте, где погребено было тело Адамово, потому что Адам, прожив довольно времени против рая по изгнании из оного и быв в разных местах, напоследок пришел на то место, где построен Иерусалим, чтобы здесь отдать долг природе, и погребен на Голгофе, почему место сие справедливо названо Лобным. К такому наименованию Голгофы другой причины нет, потому что она не имеет никакого сходства с черепом, ибо находится не на возвышенном месте, как голова на туловище, ни выше окружающих ее мест; напротив, гора Елеонская выше ее; даже крепость, прежде существовавшая на Сионе, а ныне уже срытая, была выше Голгофы. Итак, отчего же она названа Лобным местом? Оттого что здесь найден череп первосозданного человека и что здесь погребено тело его. Таким образом, не напрасно из прободенного Иисусова ребра на сие место истекла кровь и вода; кровию здесь орошено тело первосозданного человека – начаток состава нашего, в показание того, что Господь наш Иисус Христос кровь Свою пролил во очищение нашей скверны, а вода излита на лежащего и погребенного на сем месте, дабы удостоверить его и нас, потомков его, в истреблении и очищении скверны грехов наших. Посему на сем месте исполнились слова Писания: *Востани спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Еф. 5:14). Хотя слова сии относятся и к нам, кои мертвы делами и погружены в глубокий сон неведения; впрочем, главным образом они исполнились на Адаме, ибо в Евангелии сказа-

но, что тогда *телеса усопших святых восташа, и изшедше из гроб, по воскресении Его, внидоша во святый град* (Мф. 27:52).

Крест Христов и голгофские события, его окружающие

Архимандрит Фотий.
«Странник», 1869

1. Господь претерпел за грехи наши распятие и умер на кресте. Почему же такой род смерти Господь претерпел, а не другой? – Конечно, судьбы Божии неисповедимы; но не неуместны тут и благоговейные соображения человеческие. Первая причина сему – злоба нечестивых врагов Господа, которые постарались умертвить своего Обличителя самою злейшею смертию. Но злоба врагов, сама не зная того, делала то, что устроила для спасения нашего рука Господня, рука Отца Небесного. Самое дело спасения нашего требовало крестной смерти. От древа – *от древа познания добра и зла* – в раю началась и разлилась смерть на весь род человеческий чрез первого Адама; от древа же – древа креста – чрез второго Адама истекает и струится жизнь на весь мир христианский. Притом нужно было Спасителю нашему снять клятву, нужно было Ему переложить ее. Как же мы подвергались клятве? По слову Божию: *Проклят всяк, иже не пребудет в словесех закона* (Гал. 3:10), – не исполнит заповедей Господних. А как никто не мог исполнить закона во всей его целости, то все и подверглись этой клятве. Как же эту клятву перенести на Спасителя, святых Святейшего, чтобы Он, взяв ее на Себя, уничтожил ее? Особенный Промысл Божий, устрояющий наше спасение, делает вот что: изрекает закон: *Проклят всяк висяй на древе* (Втор. 21:23). Спаситель наш Иисус Христос возносится на крест и, вися на нем, по этому закону подвергается клятве, терпит, несет эту клятву за нас, снимает ее с нас, уничтожает и избавляет нас от клятвы, *быв по нас*, или за нас *клятвою*. Посему-то и нужно было Ему умереть на дереве, вознестись на крест, висеть на нем. Умирает Господь крестною смертию, ибо нужно было для спасения нашего пролитие крови Господней, дабы не только избавить нас от смерти вечной, но и дать нам живот вечный, *да живот имамы и лишше* (больше) *имамы* (Ин. 10:10). Ибо кровь Иисуса Христа не только *очищает нас от всякого греха* (1 Ин. 1:7), но и дарует нам, вносит в нас жизнь вечную, начало и залог вечной жизни. Ибо на пролитии крови Христовой основывается установление таинства Евхаристии, или причащения, этой *бескровной* жертвы, чрез которую мы не только очищаемся от грехов, но и получаем залог вечной жизни и обожаемся, делаясь *причастниками Божественного естества* (2 Петр. 1:4). Пять язв или ран терпит Господь на кресте, как бы в очищение особенно пяти чувств наших, этих входов и исходищ

греха. Прободается Господь в ребро: это новый, второй Адам, из ребра Которого, уснувшего сном смерти, творит Господь невесту Его — Церковь, *юже стяжа Он кровию Своею* (Деян. 20:28). Венец, хотя и терновый, приличествует Ему как Жениху, на кресте сочетавшемуся с Церковию Своею.

Возносится Господь на кресте — как жертва о гресех наших, приносимая правосудию небесному. Возносится с распростертыми и пригвожденными руками на древо креста: это за дерзновенное, преступное простертие руки прародительской к плоду запрещенному.

2. Простирает руки на кресте Спаситель наш вместе и как священник, *иерей во век по чину Мелхиседекову* (Пс. 109:4). Архиерей великий, приносящей о нас жертву искупления и молящийся о нас, Он есть и жертва, и приносящий в жертву Самого Себя, и молящийся, воздевая руки Свои. Он молился на Иордане при крещении, молился на Фаворе во время преображения — мог ли не молиться теперь, в сии святейшие часы и минуты? И Он молился духом с воплем внутренним, *крепким: Боже Мой! Боже Мой! вскую Мя еси оставил?* (Мф. 27:46) и: *Отче! в руце Твои предаю дух Мой* (Лк. 23:46). Это, можно сказать, только краткие возгласы после внутренней, безмолвной молитвы сего Иерея великого, совершавшего великую литургию — основание наших литургий — на жертвеннике креста.

3. Среди двух разбойников возносится Господь на крест голгофский. Не случайно вместе с разбойниками распинается Господь, не случайно и крест Его водружается посреде, а кресты разбойников острану Его, не случайно, наконец, и крест благоразумного разбойника одесную страну, а безрассудного ошуюю. В сем важном Божественном событии ничто не может быть случайным и незначительным, но все — по высшему устроению, с премудрою целью и глубоким значением. Что же значит это событие, эти обстоятельства креста Христова? *Со беззаконными вменяется*, причисляется к ним Господь, по пророчеству (Ис. 53:12), — первее потому, что Господу, дабы избавить нас от поношения вечного, нужно было претерпеть поносную смерть. Но событие сие имеет еще и другую сторону, другое значение. Претерпевая Страшный Суд небесный за грехи наши, Спаситель в то же время Сам является здесь и Царем, и как бы Судиею, в венце терновом восседающим на кресте, как на престоле царском, предызображая будущий суд Свой; и слова: *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 23:43) — слова истинно царственные, обещающие Небесное Царство. Разбойник одесную — образ тех из верующих, кои станут одесную Господа, когда Он паки приидет судить вселенную; разбойник ошуюю изображает тех, кои станут в тот страшный день ошуюю Господа.

Но откуда такое дивное благоразумие у разбойника и такая дивная, живая вера в Того, Коего оставили самые ученики: *оставльше Его бежаша* (Мф. 26:56)?.. Не могло быть этого без особенной Божией благодати: это

плод ее. За что же дана ему особенная благодать? Видно, в душе его, при всей его преступной жизни, было немало добра, что и доказал он самым делом еще во время прежней своей жизни. Есть предание священное, что когда Матерь Божия с младенчествующим Сыном Своим Иисусом Христом бежала в Египет от преследования Ирода и подверглась на пути нападению разбойников, то этот самый разбойник, видя дивную, Божественную красоту Младенца, убедил своих сообщников пощадить Его и Матерь; и Матерь Божия за сие доброе дело его сказала ему тогда же, что Сей Младенец воздаст ему за благодеяние его.

4. На горе Голгофе водружается крест Христов. Почему на горе и на сей именно горе? Опять не случайно и сие обстоятельство. Важнейшие события в жизни Господа и вообще события веры нашей совершались на горах: *Синай, Хорив, Фавор, Елеон* — тому свидетели. Почему и говорится в слове Божием, что *высоты гор Того суть* (Пс. 94:4). Притом возвышение горы служит приличнейшим подножием жертвеннику креста, на коем приносится небу святейшая жертва за грехи земнородных. На горе *Голгофе* водружается крест. Видимая, внешняя причина сему та, что здесь совершалась вообще казнь крестная. Но высшая причина — премудрое распоряжение Промысла Божия. По священному преданию, сохраненному у святого Василия Великого, здесь, на сей горе погребено было тело праотца нашего Адама. Посему не прилично ли было животворным каплям нового Адама упасть на мертвенные останки ветхого Адама — открыться источнику жизни там, где опочила глава, передавшая нам смерть и тление? Потому не без основания на святом кресте Господа Иисуса и изображается у ног Его глава умершего.

5. Вне, но близ города Иерусалима претерпел Господь крестную казнь. *Вне врат пострадати изволил* (Евр. 13:12), говорит о Спасителе апостол Его, — *близ бе место града* (Ин. 19:20). *Вне врат пострадати изволил* Господь! Так сей Камень, драгоценнейший всего неба, положившийся в основание спасения нашего, пренебрежен и как бы изринут из града! *Камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла* (Пс. 117:22). Таковы часто бывают суждение и оценка у людей мира! А между тем Промысл делал свое дело, и где приличнее было Господу претерпеть крестную смерть, как не под величественным сводом неба? Так, Он и родился не в храмине, а в вертепе, и преобразился, и вознесся не в граде и не из града, а вне града.

6. Но не менее образа и места смерти Господа знаменательно и время ее. *Во дни праздника Пасхи умер Господь.* Ветхозаветная Пасха праздновалась в воспоминание величайшего благодеяния Божия — изведения Израиля из Египта, из этого тяжкого плена: как прилично было в эти же дни последовать и тому великому событию, которое избавляет нас от плена ада и от работы греху и диаволу! Как прилично было *заклатися и датися*

в снедь верным небесному *Агнцу Божию, вземлющему грехи мира,* в то время, когда закалали и снедали агнца пасхального, служившего прообразом Его! А между тем сей великий праздник, собиравший народ со всех стран земли на его торжество к Иерусалиму, собрал вместе и на сие зрелище крестной Жертвы, которая назначена для всего мира.

7. В пяток претерпел Господь страдания крестные и смерть. *И день бе пяток* (Лк. 23:54), сказует Евангелие. По ветхозаветному счислению дней седмицы, это был день шестой в седмице, предшествовавший субботе или дню седьмому. Этот шестой день – день и сотворения человека. Так, в шестой день или, по-нашему, в пяток, совершилось и сотворение человека, и воссоединение его. По всей вероятности, в сей же день последовало и падение Адамово, каковой мысли даже требует точная, везде усматриваемая в деле искупления соответственность между собою падения и восстановления человека.

8. *Бе же час, яко шестый, и распяша Его* (Лк. 23:24), повествует Евангелие о распятии Господа. Час шестой от утра, что, по нашему часосчислению с полуночи, соответствует концу двенадцатого часа дня или началу первого пополудни. Это, по всей вероятности, тот самый час, в который, как в преполовение дня, прародительница наша, ощутившая уже алчбу, искала плодов для пищи и, подошедши к запрещенному древу, по искушению змиядиавола, простерла руку к запрещенному плоду, вкусила от него и подала *мужу своему* Адаму, *и ядоста оба* (Быт. 3:6). В сей-то час у второго Адама простираются руки на кресте и гвоздием прободаются, чем искупляется то дерзновенное простертие рук прародителей, причинившее нам столько зол и бедствий. Почему и взывает Церковь: *Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей в раи дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас!*

9. Когда, таким образом, Господь вознесен был на крест и пригвожден ко кресту, последовало дивное знамение на небе и на земле: *Солнце померче, и тма бысть по всей земли до часа, девятаго* (Лк. 23: 44–45). О сем чудесном явлении, десницею Божиею устроенном, еще издали веков предвозвестили пророки Господни. *И будет в той день, глаголет Господь Бог, зайдет солнце в полудне, и померкнет на земли в день свет* (Ам. 8:9). *И будет день един, и день той знаем Господеви, и не день и не нощь, и при вечере будет свет, и будет в день он ужас Господень велий* (Зах. 14:7:13). И сей-то день есть день распятия Господня; и день этот – не день и не ночь, потому что была тьма, а полдень. *И при вечере будет свет* – с девятого, или, по нашему счислению, третьего часа опять воссиял свет.

Что же знаменует это чудное помрачение солнца, силою высшею произведенное? Солнце, видя Творца своего и Владыку вселенной столь поруганным, в ужасе как бы закрывает лицо свое, не может взирать на сие

зрелище безмерной неправды человеческой и уничижения Господа, подобно тому как светлые херувимы не могут открыто взирать на бесконечную славу Его и закрывают лица свои. Помрачается око солнца – оно как бы стесняется мраком негодования на ужасную и безмерную злобу и беззаконие осудивших святых Святейшего. Помрачается солнце, и разливается тьма по всей земле: это как бы скорбь всей твари о лютых страданиях Господа своего. Как верные чада и домочадцы при кончине родителей своих и домовладык облекаются в черные одежды сетования и скорби, так и вся тварь, верная Творцу своему, облачается мраком, как бы облекается в ризу печали. Помрачается солнце, *и тма бысть по всей земли;* это как бы и одеяние и покров для Господа, обнаженного на кресте, а вместе – и покров смертный, покров, облачающий тайну смерти Господней; ибо таинства любят покровы.

10. *О девятом часе,* или третьем пополудни, по нашему счислению, Господь *испустил дух Свой* (Мф. 27: 46, 50). Около трех часов висел Он на кресте, держащий вселенную всю, – время, нужно полагать, то самое, которое протекло от падения или преступления прародителей до времени явления к ним Господа, явившегося к ним в тот же день пополудни и произнесшего на них праведный суд и осуждение, и сим утвердивший Свой приговор: *В оньже аще день снесте от плода, смертию умрете* (Быт. 2:17). В сие-то самое время вкусил смерть за нас и второй Адам – Спаситель наш.

За сим следуют новые, дивные явления, силою высшею устроенные: *завеса церковная раздрася на двое, с вышнего края до нижняго: земля потрясеся: многа телеса усопших святых восташа из гробов своих* (Мф. 27: 51–52).

11. *Завеса церковная раздрася.* Церковь – невеста Христова – как бы раздирает свою одежду в великой скорби о возлюбленном Женихе своем, изъязвленном и столь многие мучения претерпевшим, столь тяжко пострадавшем и испустившем Свой дух. А вместе с тем это служило знамением того, что кончилось уже ветхозаветное богослужение, что прешли сени и гадания законные, *благодати пришедши,* что потому не нужны уже покровы, не нужны прообразы, когда явился сам предмет прообразуемый.

12. *Земля потрясеся.* Потрясается земля силою Божиею в знамение того, что она как бы трепещет от страха при виде Бога, висящего на кресте среди злодеев, – при виде ужаснейшего и беззаконнейшего богоубийства. *Аще не бы Бог был висящий на кресте,* вещает Церковь, *не бы солнце лучи свои потаило, ниже бы земля трепещущи тряслася.*

13. *Многа телеса усопших святых восташа.* Это первые чудные плоды животворной и спасительной смерти Господней и первые залоги и предвестники воскресения Христова, как бы ранние, предвесенние цветы и растения, выходящие из-под снега там, где особенно сосредоточиваются лучи солнца.

Крестная смерть

«Воскресное чтение», 1814

Что такое был крест пред очами древнего языческого мира и иудеев? Казнь, которая по римским законам назначена была преступным рабам, возмутителям и разбойникам, то есть самому низкому и презренному роду людей. Все подробности и все обстоятельства ее дышали таким ужасом и жестокостью, что славный Цицерон именем человечества требовал у римского сената повсеместной отмены и уничтожения ее. Опишем эти печальные подробности ее, ибо христианину должно знать их, чтобы тем сильнее почувствовать весь ужас греха и все неизреченное и беспримерное милосердие Искупителя, *иже грехи наша вознесе на теле Своем на древо* (1 Петр. 2:24).

Когда осужденный признаваем был достойным крестной казни, претор обыкновенно произносил над ним народное определение: «Ступай на крест» (ibis ad crucem). Но древнее предание несколько распространяет это определение относительно Иисуса Христа и передает его в следующих словах, сказанных Пилатом: «Иисуса Назарянина, по свидетельству старейшин народа Его, как презрителя кесаря, возмутителя общественного и ложного Мессию, отведите на место казни и пригвоздите ко кресту». После произнесения приговора осужденный переходил в руки римских воинов, которые, совлекши с него одежды, привязывали его к низкому столбу и бичевали, иногда с такою жестокостью, что он умирал под их ударами, число которых никогда не было назначаемо. Истерзанного бичеванием страдальца одевали после сего в ризы его, возлагали на рамена его крест, который сам он должен был нести до места казни. Оно обыкновенно находилось за городом, близ главной проезжей дороги, на каком-нибудь возвышении. В Иерусалиме это место называлось Голгофою и находилось за стенами его, к северу, так что, по справедливому замечанию некоторых, последний взор Господа, умирающего на кресте, обращен был к странам православного отечества нашего, как в знамение будущего христианского величия его, основанного и утвержденного на кресте. По прибытии на место казни, крест утверждали в земле; весь вид его уподоблялся букве Т; обыкновенно он состоял из продолговатого дерева высотою до 4 аршин с другим поперечным, из-за которого продолговатое несколько выдавалось, и на этой выдавшейся верхушке прибивали дощечку с надписью вины распятого. О подножии на кресте древние ничего не упоминают, а только говорят, что почти в средине креста вбивали небольшой кол наподобие рога, на который тело распятого несколько опиралось, чтобы тяжесть его не оборвала язв ручных. Иудеи, на основании слов из книги Притчей: *Дадите сикера сущим во печалех и вино пити сущим в болезнех* (31:6), — пред распятием давали осужденным вино, смешанное со смирною, которое производило помрачение рассудка и некоторую нечувствительность,

и тем несколько смягчали мучения страдальца; но Иисус Христос отверг это питье, желая страдать с полным сознанием.

На месте казни осужденного обнажали от одежд его, которые поступали в собственность воинов, поднимали на крест и руки и ноги его прибивали к нему железными гвоздями — каждую порознь. Так говорят о сем святые Киприан и Тертуллиан, жившие в то время, когда крестная казнь была еще в употреблении у римлян, и, без сомнения, несколько раз видевшие ее. В сем мучительном положении, которое не позволяло никакого движения, с часу на час более и более раздирало язвы гвоздинные и производило внутренний палящий жар в теле — страдалец проводил большею частью три, а иногда до семи дней.

По законам римским, распятого нельзя было снимать со креста, даже и после кончины его, потому что труп казненного лишался погребения и должен был служить пищею птицам и зверям. Только иногда, в день своего рождения, или по другому торжественному случаю, кесарь дозволял друзьям или родственникам погребать распятого. Однако Иудея изъята была из этого общего закона о крестной казни. По закону Моисееву, тело казненного не должно было висеть на древе до утра, но его должно было погребать в тот же день (Втор. 21:23). Хитрая политика римлян, удерживавшая побежденные народы в повиновения Риму, между прочим, снисхождением к их законам и обычаям, позволяла иудеям погребать казненных на кресте в тот же день. Почему, для скорейшего прекращения их жизни или задушали их дымом от огня, разведенного подле креста, или прободали бок, или же — чаще всего — железным молотом перебивали им ножные кости. Иудеи просили Пилата совершить это последнее и над Иисусом Христом; но ранняя кончина Спасителя на кресте отвратила от Него это новое поругание и страдание, и только, по сказанию евангелиста, один из воинов римской стражи, стоявшей у креста, пронзил копьем Его бок, из которого излились, во очищение мира от грехов, кровь и вода.

Таковы подробности ужаснейшей из казней — крестной казни, на которую Отец Небесный предал Единородного Сына Своего из любви и милосердия к падшему человеку! Пади, христианин, в духе живейшей благодарности пред сею непостижимою и недомыслимою любовию Божиею к тебе и всегда помни, как Господь наш *смирил Себя, послушлив был даже до смерти, смерти же крестныя.*

Причины крестной смерти Христа Спасителя по учению святых отцов и учителей Церкви

«Воскресное чтение», 1803

Иисус Христос благоволил крестом спасти грешный род человеческий. Спасенным очень полезно углубляться размышлением в сию душеспаси-

тельную истину, дабы тем большее восчувствовать благоговение к орудию своего спасения – Кресту Господню; полезно наследовать причины крестной смерти Спасителя, наследовать не собственным мудрованием, но по руководству Богомудрых пастырей и учителей Церкви. Причины сии, по мнению святых отцов и учителей Церкви, были следующие:

Первою причиною крестной смерти Иисуса Христа, по мнению Лактанция, было то, что Спаситель, претерпев такой бесславный род смерти, явил нам образец смирения, а вместе показал и то, что страдания Его имеют быть спасительны и для людей самого низкого состояния. Вот собственные слова Лактанция: «Может быть, кто-нибудь скажет: для чего Иисус Христос, будучи Бог и благоволив умереть, не умер, по крайней мере, некоторым славным родом смерти? Для чего Он претерпел именно сей бесславный род смерти – крестом, тогда как эта смерть недостойна человека свободного, хотя и виновного? Но сие допущено для того, чтобы Тот, Кто пришел в смиренном виде, подал помощь людям самым низким и немощным и показал бы всем надежду к спасению. Он благоволил умереть такою смертью, какою умирают люди низкие и немощные, дабы не нашлось ни одного такого, который не мог бы Ему последовать».

Вторую причину крестной смерти нашего Искупителя представляют святой Афанасий и блаженный Августин. На вопрос, для чего Христос не уклонился от поноснейшей крестной смерти, первый из них отвечает так: «Если бы Он сие сделал, то явное о Себе подал бы подозрение, что Он имеет силу не на всякого рода смерть, а только на ту, которую Сам избрал». «Избрал, – говорит и блаженный Августин, – избрал презреннейший и поноснейший род смерти Тот, Кто имел умертвить всякую смерть».

Третьею причиною, или, лучше сказать, третьею целью крестной смерти Богочеловека полагают то, чтобы и при будущем воскресении тело Его осталось целым и нераздробленным. «Известно всякому, – говорит Лактанций, – что Иисус Христос прежде страдания Своего о смерти Своей возвестил всем, что Он имеет власть, когда пожелает, душу *Свою положить и паки приять оную* (Ин. 10:17). Потом, когда полагал душу Свою, Он пригвождаем был ко кресту; но в это время и убийцы не сокрушили Ему голеней, как обыкновенно делали, а только прободили Его в ребро. Таким образом, тело Его снято со креста в целости и со тщанием положено во гроб. Все сие сделано для того, чтобы тело Богочеловека (если бы было рассечено и раздроблено на части), не было неспособным к восстанию». Такое мнение подтверждается и следующими словами святого Афанасия Великого. «Иисус Христос, – говорит он, – не претерпел ни смерти Иоанновой – отсечением главы, ни смерти Исаиной – препилением пилою, дабы и в смерти тело Его сохранилось нерассеченным, и дабы чрез сие отнять повод у тех, которые бы дерзнули разбирать на части Его Церковь».

Четвертую причину крестной смерти Иисуса Христа находят в том, что Иисус Христос, благоволив быть пригвожденным ко кресту, хотел чрез сие показать, что как величие, так и страдание Его имеют быть известны и спасительны для всей вселенной. Это мнение принадлежит также Лактанцию. «Главнейшею причиною, — говорит он, — почему Бог избрал крест, было и то, что на нем необходимо нужно было вознестись и сделать очевидным для всех народов страдание Божие. Ибо если повешенный бывает виден от всех и возвышается над всеми, то не иное что лучшее избрано для сего, как крест, дабы показать, что Христос столько будет виден и столько возвышен, что для познания Его и для поклонения Ему соберутся все народы со всей вселенной. Посему-то нет ни одного народа столь грубого, ни одной страны столь отдаленной, где бы неведомы были или страдание, или величество славы Его. Во время страдания Своего на кресте Он распростер руки и измерил землю, дабы чрез то показать, что от востока солнца и до запада приидет под крыле Его, из всех языков и племен собранный, великий народ, и приимет на челах своих оную великую и высокую печать (крест)». Сходно с Лактанцием изъясняется о сем и святой Афанасий в вышеприведенном месте. «Ежели, — говорит он, — смерть Господа нашего Иисуса Христа есть искупление всех, ежели смертию Его разрушается средостение преграды и совершается призвание языков, то как бы Он призвал нас, если бы не был распят? Ибо на одном кресте претерпевается смерть с распростертыми руками. И потому Господу нужно было претерпеть смерть такого рода и распростереть руки Свои, дабы, то есть, одною рукою привлечь древний народ, а другою язычников, и обоих собрать во едино. Ибо и Сам Он, показывая, какою смертию имел искупить всех, предсказал: *Аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. 12:32).

Пятую причину крестной смерти Иисуса Христа представляет святой Иоанн Дамаскин. По его мнению, она состоит в том, что крест, в самом устроении своем, показывая соединение в себе разстоящих частей, явственно изображает в себе соединение всего во Христе. «Как четыре конца креста, — говорит он, — связываются и соединяются средним центром; так Божиею силою содержатся и высота, и глубина, и долгота, и широта, то есть вся видимая и невидимая тварь».

Шестою причиною распятия на кресте Иисуса Христа, по мнению древних отцов Церкви, было вкушение Адамом плода от запрещенного дерева: то есть как первый Адам вкушением сего плода произвел всеобщую смерть, так прилично было и второму Адаму, то есть Иисусу Христу, чрез древо же даровать нам жизнь. Так святой Ириней говорит: «Иисус Христос, истребляя то непослушание Адама, которое вначале сделано чрез древо, послушлив был даже до смерти, смерти же крестные; или иначе: то преслушание, которое учинено чрез дерево, исцелил послушанием, со-

делавшимся на древе». А святой Григорий Богослов выражается о сем так: «Древо за древо; и руки, простертые доблественно, за руку, простертую невоздержно, пригвожденный гвоздьми — за ослабленную, соединяющие концы всего мира — за извергшую Адама». Святой Амвросий ту же самую мысль выражает следующим образом: «Христос пригвождается на древе: это премудро соделано для того, дабы человек, как в раю прельщен был древом сластолюбия, так древом и ныне спасен был, и дабы то же самое вещество, которое было причиною смерти, соделалось вместе и средством ко спасению». Наконец, святой Иоанн Златоуст пишет о сем следующее: «Видишь ли, чем диавол победил, тем и сам побежден; он чрез древо одолел Адама, и Христос древом же препобедил его. И то древо низвело нас во ад, а сие и низверженных во ад извело оттуда». И еще: «То древо сокрыло нагого пленника, а сие обнаженного на высоком месте явило победителем. Та смерть пала и на потомков, а сия воскресила и бывших прежде Христа. Кто возглаголет силы Господни? Из мертвых мы сделались бессмертными. Таковы действия креста».

Седьмую причину святой Афанасий объясняет так: «Ежели Иисус Христос пришел для того, чтобы понести на Себе наши смертные грехи и нашу клятву, то каким бы другим образом мог Он принять на Себя клятву или удовлетворить Богу за наши смертные грехи, если бы не претерпел смерти, приличествующей проклятым, а сие-то и есть крест; ибо написано: *проклят всяк висяй на древе*».

Наконец, святые отцы Церкви указывают и еще одну — **восьмую** — причину крестной смерти Богочеловека Иисуса Христа. Так, святой Григорий Нисский, изъясняя символ веры, между прочим, говорит: «Крест соделал торжество. Ибо Христос, пришедший на землю, покорил Себе, как говорит апостол, три царства (Флп. 2: 10). Эта мысль заключается в следующих словах его: *о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних;* то есть смертию Своею Он победил все сии три царства. Посему весьма сообразно с таинством (домостроительства Божия) употреблена смерть крестная: дабы Христос, возвысясь на воздухе и покоряя воздушные силы, одержал победу над ними. Простертые же на древе руки Свои Он держал весь день, как говорит Исаия (65:2), для людей, живущих на земле, дабы неповинующихся отвергнуть, а верующих призвать; наконец, частию древа, водруженного на земле, Он покорил Себе преисподнее царство». Сходно со святым Григорием рассуждает и святой Афанасий Великий. «Враг рода нашего — диавол, — говорит он, — низпадши с неба, блуждает по сему дольнему воздуху; Господь пришел, чтобы низвергнуть диавола, очистить воздух и открыть на небеса путь, как говорит апостол, *завесою, сиречь плотью Своею* (Евр. 10:10). И это долженствовало быть исполнено смертию Его. Какою же другою смертию могло быть соверше-

но сие, как не тою, которая претерпевается на воздухе? Я говорю о кресте, ибо один только тот умирает на воздухе, кто оканчивает свою жизнь на кресте. Следовательно, не без причины Господь подъял сию смерть. Ибо Он, будучи вознесен таким образом, очистил воздух от диавольского и всякого демонского нападения, говоря: *Видех сатану яко молнию с небесе спадша* (Лк. 18:18). Таким образом Он очистил и обновил непроходимый путь на небеса. Посему правильно и прилично смерть Христова совершилась на кресте; и достаточные были причины на то, что спасение всех долженствовало быть совершено не иначе, как крестом».

Итак, христианин, не стыдись креста, – сего, казалось бы, позорного орудия страданий и смерти твоего Искупителя; искренно благоговей пред ним, смиренно поклоняйся ему, радостно лобызай его; взирай на него такими же самыми очами, какими взирали святые отцы и учители Церкви, которые подобно апостолу не хотели никого более *знать как только Иисуса Христа, и Сего распята* (1 Кор. 2:2), и ничем более хвалиться, как только *крестом Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6:14). В таком случае ты не будешь посрамлен, и тогда, как пред наступлением Страшного Суда Христова, *явится на небе знамение Сына Человеческаго* (Мф. 24:30) для последнего торжественного обличения *врагов креста Христова*.

Мысли св. Григория Нисского о тайне Креста

«Воскресное чтение», 1819

Кто может достаточно изъяснить тайну креста, послужившего орудием страданий Спасителя? В самом деле, сколько было других способов, посредством которых Он мог исполнить совет Свой относительно страдания за нас! И однако из всех Он восхотел и избрал сей один, как Сам предрек, говоря о Себе: *подобает Сыну Человеческому*... Заметь, как говорит Он здесь: не просто только и в общих чертах предсказывает Свои страдания, как сделал бы другой кто, но, по таинственной некоей необходимости, обозначает и как бы узаконяет для Себя один род смерти: *Подобает Сыну Человеческому много пострадати... и пропяту быти и в третий день воскреснути* (Лк. 9:22; 24:7).

Вникни в значение этого *подобает* и ты увидишь, что в нем заключается именно нечто такое, что не допускает другого рода смерти, кроме креста. Какая же причина сего? Один Павел, восхищенный в притворы рая и слышавший в них неизреченные глаголы, может изъяснить ее... Один, говорю, Павел может истолковать эту тайну креста, как отчасти и сделал сие в послании к Ефесянам, когда, разъясняя ее для них, говорит: *Да возможете разумети со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, разумети*

же преспеющую разум любовь Христову, да исполнитеся во всяко исполнение Божие (Еф. 3: 18–19). Не произвольно, конечно, Божественный взор апостола созерцает и начертывает здесь образ креста, но самое уже сие показывает, что чудесно очищенный от тьмы неведения взор сей ясно прозрел в самую истину вещи, ибо в очертании, состоящем из четырех противоположных рогов, выходящих из общего средоточия, он усматривает всеобъемлющее могущество и дивное промышление Того, Который благоволил явиться в нем миру; потому-то апостол каждой из частей сего очертания усвояет особое наименование, и именно – ту, которая из средины нисходит к низу, называет глубиною, а идущую вверх – высотою, обе же протянутые поперек – широтою и долготою. Сим он, как мне кажется, ясно хочет выразить, что все, что ни есть во вселенной, превыше ли небес, в преисподних ли, или на земли от одного края ее до другого, – все это живет и пребывает манием Божественным под осенением крестным.

Можешь еще созерцать вещи Божественные и в представлениях души твоей, ибо воззри на небо и умом обними преисподняя, а равно простри мысленный взор твой от одного края земли до другого, помысли при этом и о том могучем средоточии, которое все это связывает и содержит, и тогда в душе твоей само собою вообразится очертание креста, простирающего концы свои от верха к низу и от одного края земли до другого. Сие очертание представлял и великий Давид, когда говорил о себе: *Камо пойду от Духа Твоего и от лица Твоего камо бежу? Аще взыду на небо* (это высота), *Ты тамо еси: аще сниду во ад* (это глубина) – *тамо еси: аще возму крыле мои рано,* то есть *на заре,* с востока солнца, (это широта) *и вселюся в последних моря,* – а морем у иудеев назывался запад (это долгота), *и тамо рука Твоя наставит мя* (Пс. 138: 8–9). Видишь ли, как Давид изображает здесь начертание креста? «Ты еси, – говорит он к Богу, – Тот, Который повсюду существуешь, все Собою связуешь и все в Себе содержишь; Ты вверху и Ты внизу, рука Твоя одесную и рука Твоя ошуюю». По той же причине и святой апостол говорит, что в то время, когда все преисполнено будет веры и ведения, Сущий паче всякого имени будет призываем и поклоняем о имени Иисуса Христа от небесных, земных и преисподних (Еф. 1:21; Флп. 2:10).

По моему мнению, тайна креста сокрыта также и в иной *иоте* (если рассматривать ее с верхнею поперечною чертою †), которая и небес крепче и земли тверже, и всех вещей прочнее, и о которой говорит Спаситель: *Небо и земля прейдет, иота едина или черта не прейдет от закона* (Мф. 5:18). Мне кажется, что сии Божественные слова имеют в виду – таинственно *и якозерцалом, в гадании* показать, что образом креста все содержится в мире и что он вековечнее всего содержимого им.

По сим-то причинам Господь не просто сказал: *подобает Сыну Человеческому умереть,* но *пропяту быти,* для того, то есть, чтобы созерцательней-

шим из богословов показать, что во образе креста сокрыта всемогущая сила Того, Который почил на нем и благоизволил, да крест является всячески во всем!

Несение креста Спасителем (Ин. 19:17; Мк. 15:21)

«Воскресное чтение», 1876

И нося крест Свой изыде на глаголемое Лобное место (Ин. 19:17). *И задеша мимоходящу некоему Симону Киринею, грядущу с села (отцу Александрову и Руфову), да возьмет крест Его* (Мк. 15:21). Все подробности в истории земной жизни Спасителя имеют свое значение; особенно это нужно сказать о подробностях касательно страданий и смерти Иисуса Христа. Все четыре евангелиста в изображении жизни Спасителя имеют свои особенности, в общем согласно представляющие один целостный образ Богочеловека и полную историю Его земной жизни. К числу этих особенностей относится и то, что о некоторых событиях и подробностях одни евангелисты только намекают или и совсем не упоминают, между тем как другие более или менее обстоятельно повествуют о них.

Это нужно сказать и о вышеприведенных текстах, в которых повествуемое евангелистом Марком есть не что иное, как *восполнение* того, о чем евангелист Иоанн упоминает только как бы мимоходом.

Евангелист Марк повествует, что Иисуса Христа повели на место казни, и при этом замечает, как повели. Слова, которыми он это изображает: *И повели Его, чтобы распять Его*, – тогда у римлян составляли обычное выражение, под которым разумелось, что осужденный ведется на смерть, причем он всегда нес и крест, на котором должен был умереть, так как к наказанию осужденного принадлежало и самое несение креста, который привязывался к спине его веревкою.

Евангелист Иоанн повествует иначе: он говорит о несении креста, что передается и в повествовании евангелиста Марка, но ничего не упоминает о том, что происходило на пути на Голгофу. Он замечает: и взяли Иисуса и повели Его, и по выходе из претории Он Сам «нес Свой крест» по всему скорбному пути до самых ворот. На этом же пути от ворот до Голгофы случилось и то, что подробнее изображает евангелист Марк словами: «И заставили проходящего некоего киринеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его». Даже жестокосердые воины могли заметить, что Иисус Христос вследствие перенесенных Им мучений упадет под тяжестью креста и не в состоянии будет идти дальше; поэтому они и заставили встретившегося им на пути Симона-киринеянина донести крест Его до места казни.

Евангелист Иоанн ничего не говорит о том, что происходило на пути от претории до Голгофы, и сообщает только одно из того, что заключается в выражении евангелиста Марка (ст. 20), именно, что когда Иисус Христос начал этот путь, то «понес Свой крест». Но евангелист Марк повествует и о недостающем у Иоанна и говорит, восполняя, а не противореча другим евангелистам, о том, что происходило на дороге. Это восполнение находит свое подтверждение и в Евангелиях от Матфея и Луки, из которых последний также говорит: «И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Киринеянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом». Евангелист Лука упоминает еще об одном обстоятельстве, о котором умалчивают Иоанн и Марк, именно о последовании великого множества народа, о плаче женщин, о словах к ним Господа и о ведении с Ним на смерть двух злодеев (Лк. 23:27–31:32). Что Иисус Христос на остальной части Своего скорбного пути облегчен был от тяжести креста, подтверждается, кажется, и тем обстоятельством, что такое облегчение дало Господу Иисусу возможность обратиться со строгою речью к последовавшей за Ним толпе народа, заканчивавшеюся словами: «Если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?»

Нельзя также не обратить здесь внимания и на то, что на основании слов евангелиста Луки (23:26) «возложили на него (Симона Киринейкого) крест, чтобы нес за Иисусом» представляется, что Симона заставили нести только нижнюю часть креста, между тем как тяжелейшая часть его оставалась на плечах Спасителя, и следовательно, Он Сам нес Свой крест до места распятия. Приведем здесь изъяснение одного толковника: «Господу сделано было только некоторое облегчение, а не совершенное освобождение от тяжести креста. Крест веревкою был привязан к плечам, и, конечно немного времени потребовалось, чтобы отвязать его от Спасителя и нижний конец возложить на плечи Симона. Следовательно, здесь речь не о совершенном снятии с Него креста, но о совместном несении нижней части; и если даже признать, что тяжесть от этого для Господа только увеличилась, а не облегчилась, так как верхняя часть тем тяжелее должна была упереться на Его плеча, то из этого будет только следовать здесь, как нередко и в других случаях, что милосердие нечестивых было жестокое. Впрочем, мы и не читаем ни у одного из евангелистов, что Спаситель не мог уже долее держаться под тяжестью креста и упал бы, если бы в надлежащее время не пособил Ему Симон. И здесь Спаситель несет тяжелейшую часть бремени, между тем как легчайшая (сравнительно) остается на плечах того, кто за ним следует».

Обыкновенно принимают, что Иисус Христос вследствие перенесенных Им дотоле страданий упал под тяжестью креста; но это мнение ни на чем не основано, так как ни один из евангелистов не говорит об этом, и потому положительно утверждать этого нельзя. Несомненно только, что

Иисус Христос Сам нес Свой крест от претории до ворот городских; несомненно также и то, о чем повествует с дополнением и евангелист Марк.

Но упал ли Иисус Христос под тяжестью креста, сделано ли было Ему некоторое облегчение от тяжести креста или Его и совсем освободили от нее, несомненно также, что Он говорил на пути к народу, как повествует евангелист Лука. Впрочем, для веры достаточно, что Он нес крест и что в этом было наше спасение; это нам необходимо знать, и это мы знаем определенно.

Несение креста Господом Иисусом Христом напоминает нам о наших грехах, ради которых Он обременен был как символом тяжести проклятия и гнева Божия, которая легла на Иисуса Христа и которая совершенно подавила бы нас и вечно мучила бы, так как она даже Сына Божия повергла на землю. Было совершенно справедливо несомый Им крест передать человеку, так как это был, собственно, не Его, но наш крест. Не должны ли и мы, после того как Иисус Христос понес на Себе наш крест, добровольно и охотно нести и Его крест? Крест, который Он понес за нас, был самый тяжелый, но Его крест, который мы должны нести, есть «легкое бремя»; наш крест, который мы возложили на Него, был древом проклятия и мучений, Его же крест имеет спасительное для нас действие, приводящее нас к вечному спасению.

О плаче жен иерусалимских
(Лк. 23: 28–31)

«Воскресное чтение», 1821

Дщери Иерусалимски! не плачитеся о Мне, обаче себе плачите и чад ваших! яко се дние грядут, в няже рекут: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, яже не доиша. Тогда начнут глаголати горам: падите на ны, и холмом: покрыйте ны (Лк. 23: 28–30). Почему Спаситель запрещает дщерям иерусалимским плакать о Нем? Божественным учением, святостию жизни и чудесами Иисус Христос прославил на земле Отца Небесного – и Его осудили как богохулителя. Он пришел на землю, дабы исполнить всякую правду, и смиренно подчинился человеческой власти и Его приговорили к позорной смерти как возмутителя. Почему же не плакать о Нем, когда невинно проливается Его драгоценная кровь? Потому, что пострадать и умереть – было непременным и пламенным желанием Спасителя. Цель пришествия Его на землю была та, чтобы искупить род человеческий от греха, днавола и смерти – и вот Он идет на Голгофу, дабы совершить это величайшее дело Божественной любви: *никтоже возмет душу Мою от Мене,* сказал Сам Спаситель пред страданием, *но Аз полагаю ю о Себе.*

Себе *плачите,* продолжает Спаситель, и чад *ваших.* Ибо причиною страданий и смерти Искупителя нашего были грехи рода человеческого, за

которые правосудие небесное требовало жертвы. Зависть книжников и фарисеев, корыстолюбие Иуды, легкомыслие народа, грубость воинов и подобные сим явления, о которых говорит нам история страданий Спасителя, суть плоды того греховного семени, которое получаем мы от родителей и передаем чадам. Об этом-то ужасном развращении рода нашего мы должны плакать!

Плачь о себе, завистливый, ибо твой грех присутствовал в нечестивом совете врагов Христовых! Плачь о себе, корыстолюбец, ибо ты в лице Иисуса продал Христа своего! Плачь о себе, легкомысленный, ибо ты вместе с народом взывал прежде: *Осанна!* – а потом: *Распни Его!*.. Плачь каждый о своем грехе; плачь не слезами дщерей иерусалимских, а слезами Петра и грешницы в дому Симона прокаженного. Но кто не знает этих слез, слез истинного покаяния, тот будет плакать безутешными слезами отчаяния: *Се дние грядут*, говорит Господь, *в няже рекут: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не дошиа.* Тогда начнут глаголати горам: падите на ны, и холмом: покрыйте ны.

Слезы необходимы для грешника. И кто не плачет о грехах своих, тот будет плакать от наказаний за грех. Но какое бесконечное различие между тем и другим плачем! Это не те слезы, которые пролил мытарь, взывая: *Боже, милостив буди мне грешному.* Это не тот плач блудного сына, с которым он вопиял: *Отче! согреших на небо и пред тобою.*

Это не то раскаяние, которое трогает сердце Отца Небесного и располагает Его к прощению, но плач безутешный, на который никто не отзовется; ибо сказано о грешниках, что он напрасно будет *взывать горам: падите на ны, и холмом: покрыйте ны.*

Еще не пришло время этого страшного плача; еще глаза наши не закрылись для слез покаяния. Плачь же, грешник, этими сладкими слезами, чтобы не плакать после горькими слезами отчаяния!

О, как часто мы стоим в глубокой скорби у ложа больного и плачем горькими слезами у гробов наших ближних! Почему же не плачем о своей смертельной болезни? Не плачем при мысли о той духовной смерти, которая уготовляется нераскаянному грешнику? Почему другие слезы так нередки, а редки слезы Петра и подобных кающихся?

Господи Боже! Сердце мое окаменело и неспособно источать слез покаяния. Сокруши его Своею благодатию и дай мне сердце плотяное! Даруй мне *печаль, яже по Бозе*, и да произведет она во мне *покаяние нераскаянно во спасение!*

Прп. Исидор Пелусиот

Не должно оплакивать мужественного борца, выходящего на подвиг, где покрывается он пылью и терпит удары, потому что труды его окончатся вен-

цами. Не должно также сопровождать слезами доблестного воина, идущего на брань, где может потерпеть и раны и смерть, потому что возвратится победоносным и удостоится памятников и похвал. Должно же о тех плакать, которые выходят на разбои и человекоубийства, особливо когда совершают злодейства, потом когда бывают наказываемы. Итак, почему же просил ты научить тебя, по какой причине Христос, когда шел на крест как победитель, не только не одобрил плачущих жен, но и запретил им плакать? Известно, что сострадание страждущему невольно доставляет утешение, а страждущему добровольно наносит обиду. Ибо обидна сострадательность тому, чье страдание не непроизвольно. Итак, поелику Христос добровольно шел на страдание, чтобы уничтожить смерть и низложить диавола, а жены плакали о Том, Кого справедливо было прославлять и сопровождать рукоплесканиями, то посему, как думают некоторые, положил на них проклятие, а как требует сказать истина, предуказал им бедствия, какие их постигнут. Ибо непозволительно было оплакивать победителя греха, спешившего не только умертвить и связать диавола, но и освободить плененных всем этим.

Архиеп. Иннокентий.
«Последние дни земной жизни Иисуса Христа»

Дщи Иерусалимския! — сказал Господь, обратясь к ним, — *не плачитеся о Мне: себе паче плачите и чад ваших.*

(Такое дивное запрещение плакать о Нем, когда Он, изнемогая под крестом, шел на очевидную и мучительную смерть, могло быть совершенно понято не прежде воскресения Иисуса Христа; но совет плакать о себе и чадах своих и теперь давал разуметь женам и каждому, какое великое различие между чувствами Иисуса Христа в таком положении, не оставляющего мысли и заботы не только о настоящей, но и будущей судьбе чад Иерусалима, — и бесчувствием первосвященников, кои пред Пилатом с таким безрассудством призывали на всех чад Иерусалима кровь Праведника).

Яко се, продолжал Господь, дние грядут, в няже рекут: блаженны неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнут глаголати горам: падите на ны, и холмом: покрыйте ны. Зане аще в сурове (зеленеющем) *древе сия творят, в сусе* (древе) *что будет?*

Нельзя было сильнее изобразить бедствий, угрожающих Иерусалиму. Бесчадство почиталось у иудеев самым тяжким несчастием и наказанием Божиим, а посему дойти до того, чтобы завидовать бесчадным, значило прийти в отчаянное состояние. Так выражались и пророки, когда от имени Бога Израилева угрожали Израилю за его преступления. Но сия угроза произнесена Сыном Человеческим без всякого чувства личного негодования на неблагодарных соотечественников. Он не говорит, что наступают дни, когда вы, испросившие Меня на казнь, *скажете,* а говорит просто:

скажут, нимало не касаясь личных врагов Своих. Высочайшее чувство самоотвержения заставляет Его забыть все собственные страдания, и Он запрещает плакать о Себе; но истинное чувство любви к бедному отечеству побуждает не скрывать ужасных зол, его окружающих, в предостережение тем, кои еще могли внимать истине. Это была последняя проповедь покаяния, которую народ слышал из уст своего Мессии, произнесенная с самым нежным чувством любви к ближним. Войны, глад, язвы и прочие бедствия, имевшие предшествовать разрушению Иерусалима, действительно должны были оказать всю свою свирепость, особенно над женами непраздными и матерями, имеющими грудных младенцев. Так и прежде, изображая ученикам Своим сии бедствия, Господь представлял особенно участь жен непраздных: *Горе же доящим в тыя дни.*

Слова «если с зеленеющим деревом (со Мною) сие делают; то что будет с сухим» – (с народом иудейским) – выражают много, очень много ужасного для народа иудейского. Но и в сих словах нет никакого личного негодования. Это присловие, постоянно переходившее из уст в уста; и когда же приличнее было употребить его, как не теперь, для вразумления всех и каждого? Если вожди народа иудейского, первосвященники, фарисеи и книжники сравниваются здесь с сухим деревом (обыкновенный у пророков символ людей нечестивых), то сие сравнение еще с большей выразительностью было уже слышимо из уст Иоанна Крестителя в то время, когда торжественное посольство от лица синедриона спрашивало его, не он ли Мессия.

В то время, когда Иисус Христос в последний раз предостерегал таким образом Своих соотечественников, слова Его, вероятно, были приняты с любовию немногими. Но во время разрушения Иерусалима, последовавшего спустя несколько лет, самые упорные враги Господа должны были привести их себе на память. Нельзя без содрогания читать описания тогдашних бедствий народа иудейского. Состояние матерей было таково, что некоторые из них решались закалать собственных детей для снеди... Тогда скалы и пещеры палестинские, служившие во время войн обыкновенным убежищем иудеев, соделались, как предрекал теперь Господь, гробами для многих тысяч несчастных, кои действительно призывали сами на себя смерть как последнюю отраду.

Примирение разностей в евангельских сказаниях о времени распятия Иисуса Христа

Диакон Кудрявцев. «Христианское чтение», 1867

По Евангелию от Иоанна, в шестом часу судебный приговор принимает только более решительный характер (Ин. 19:14). По сказаниям же пер-

вых евангелистов, в третьем часу уже последовало распятие (Мк. 15:25), а от шестого до девятого была уже тьма (ст. 33). Такие указания были бы действительно указаниями противоречащими, если бы необходимо принять было, что, как евангелист Иоанн, так и первые евангелисты следовали в определении времени одному и тому же обычаю. Но в том-то и дело, что евангелист Иоанн как имевший в виду повествования предшественников и как назначавший свои повествования для читателей, мало знакомых с судейским времяопределением, счел нужным, как очевидец событий, определить время так, как определялось оно при римском судопроизводстве. Римляне при производстве суда счисление часов начинали от средины ночи, так что шестой час равнялся нашему шестому часу. Между тем первые евангелисты определяют время согласно с иудейскими обычаями — от начала утра. От этого произошло кажущееся различие. Следовательно, стоит только принять во внимание это обстоятельство, и кажущееся противоречие падет само собою. Если около шестого часа по римскому счислению Пилат взошел на судебное место, чтобы произнести окончательно приговор над Иисусом, если принять еще то обстоятельство, что вместе с Господом произнесен был приговор над двумя преступниками, что довольно потратилось времени на путешествие до Голгофы, на приготовление к распятию, то время распятия и по Евангелию от Иоанна будет соответствовать тому третьему часу, о котором, согласно обыденному счислению времени, говорит евангелист Марк, то есть будет соответствовать нашему девятому часу. Что таково именно было счисление времени у римлян, об этом свидетельствует ученый Гуг. Приведя множество мест из сочинений Плутарха, Макровия, Цицерона, Сенеки и многих других писателей, где прямо говорится, что таково именно было счисление времени у римлян, Гуг прибавляет: если Иоанн обозначает шестой час утра как время произнесения судебного решения, то он, так как писал для христиан из язычников, следует в этом римскому судебному языку. Итак, определение времени евангелистом Иоанном, будучи согласовано с обыденным иудейским счислением времени, никак не может стоять в противоречии.

Мысли св. Кирилла Александрийского о распятии двух разбойников со Христом

Изъяснение на слова из Евангелия, читаемого в день Крестовоздвижения «Воскресное чтение», 1811

Поемше же Иисуса и ведоша: и нося крест Свой изыде на глаголемое Лобное место, еже глаголется Еврейски Голгофа, идеже пропяша Его, и с Ним ина два сюду и сюду, посреде же Иисуса (Ин. 19: 17–18). Что со Христом были распяты два разбой-

ника, то иудеи сделали сие по злобе; именно, чтобы более обесславить смерть Спасителя, они осудили на оную вместе с праведным беззаконников. Между тем осужденные на распятие со Христом разбойники означали два народа, кои вскоре должны были присоединиться ко Христу, то есть израильтян и язычников; потому что иудеев осуждал закон, коего они были преступники, а язычников заблуждение их, ибо они почтоша и послужиша твари паче Творца (Рим. 1:25). Впрочем, поелику присоединяющиеся ко Христу сораспинаются Ему особенным образом, именно, умирая прежде греховной жизни, преобразуются в жизнь новую и евангельскую, как это видно из слов апостола Павла, который говорит: Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. 5:24); или: аз законом закону умрох, да Богови жив буду, Христови сраспяхся (Гал. 2:19); или: аще умросте со Христом от стихий мира, почто аки живуще в мире стязаетеся (Кол. 2:20) (ибо отречение от мирского образа жизни есть начало жизни во Христе), то распятие двух разбойников со Христом Спасителем еще знаменует и то, что означаемые ими два народа умрут со Христом, отвергнувшись мирских удовольствий и плотской жизни, и будут жить вместе с Господом Своим, проводя жизнь по правилам Его. Образ не теряет своей силы от того, что повешенные были злодеи, потому что прежде пришествия веры мы все были естеством чада гнева и повинны смерти.

Каким образом враги Иисуса Христа дошли до сатанинского злорадства и глумления над Ним во время ужаснейших страданий Его на кресте (Мф. 27: 39–44)?

Павел, архиеп. Кишиневский. Из Слова на повечерии в пяток первой седмицы Великого поста, в первую пассию

Мимоходящии хуляху Иисуса, покивающе головами своими и глаголюще: Разоряяй церковь и тремя денми Созидаяй, спасися Сам: аще Сын еси Божий, сниди со креста (Мф. 27: 39–40). Из всех проявлений злобы и ненависти к Господу нашему Иисусу Христу преступных врагов и мучителей Его самым возмутительным, ужасным, позорным, отвратительным, конечно, было глумление их над тяжко страждущим Богочеловеком. Не так ужасна была злоба их тогда, когда она разразилась яростными, неистовыми криками: *Распни, распни Его,* как в минуты злобно-хладнокровного глумления над добровольно-беззащитным предметом их ненависти – неповинным Страдальцем. Ярость сама страдает, ярясь против ненавистного ей существа, и потому хотя несколько наказывается за свою преступность. В поруганиях же и насмешках злоба демонски наслаждается, ликует и торжествует, и, не страдая сама, зверски наслаждается страданиями своей жертвы. В глумлениях над Богочеловеком злоба

с особенною силою обнаружила свой сатанински характер; здесь она явилась вполне достойною своего изобретателя – духа злобы, всегда с торжеством и радостью взирающего на бедствия человеческие. Потому присутствие духа адского, сатанинского с особенною силою чувствуется в этих хулах и поношениях, и трепет и ужас невольно объемлют душу при размышлении о них и приводят ее в содрогание. Ужасно было состояние врагов Иисусовых, имевших полную возможность сделаться сынами Божиими и добровольно сделавшихся чадами отца своего диавола (Ин. 8:44), вполне послушными орудиями его. Какими путями дошли они до такого состояния?

Пути, по которым враги Богочеловека дошли до нечеловеческой жестокости – до способности злорадно глумиться над ужаснейшими страданиями, различались по различию самых путей и образа их жизни. Одни – фарисеи – старались снискать себе славу и счастие лицемерною праведностью и, пришедши в соприкосновение с Богочеловеком, Своею Божественною праведностию совершенно затмившим их мнимую праведность, воскипели завистью и ненавистью к Нему и решились погубить Богочеловека, не отступая ни пред какою жестокостью для достижения своей цели. Другие – первосвященники, саддукеи – искали в своем высоком положении средств к жизни удобной, веселой, чувственной и возненавидели Иисуса со всею злобою, со всем ожесточением сластолюбцев, трепещущих от опасения лишиться средств к жизни веселой. Третьи – народ – всю жизнь влаялись всяким ветром учения, обещаний, надежд и мечтаний о чувственно-блаженном царстве Мессии, служили орудием в руках предводителей разных партий для поражения партий враждебных и вместе с вождями своими торжествовали свои победы над врагами или терпели от поражений: с бессердечием нравственного ничтожества, с озлоблением разочарования и обманутых надежд на земное царствование Иисуса, с жестокостью низкого ласкательства и угодничества пред торжествующими врагами Христовыми, они хулят Божественного Страдальца, глумятся над Ним. Четвертые – воины и хулящий разбойник – допустили себя до огрубения среди опасностей, лишений, насилий и жестокостей, особенно при совершении казней, потому от них невозможно было и ожидать сострадательности и мягкости сердца; невозможно было и ожидать, что они не присоединят к хулам и насмешкам толпы своих глумлений.

Первыми врагами Богочеловека – и прежде других начавшими злобствовать, и более других злобствовавшими против Него – были фарисеи. Ревнители закона и отечественной старины, постоянно и усиленно стремившиеся к снисканию себе уважения народа и влияния на него, к привлечению его на свою сторону своею ревностью к старине, своею внешнею лицемерною праведностью, и потому постоянно вращавшиеся среди народа, – фарисеи первые должны были прийти в столкновение с Иису-

сом Христом — новым, необыкновенным народным Учителем, возвещающим учение живое, новое, Божественно возвышенное, благое, утешительное и благотворное, и отличающимся совершеннейшею праведностию, святостию, безграничною любовию, чудодейственною силою. Необычайное влияние Его на народ, уронившее их влияние, внимание народа к Его учению и благоговение пред Его святостию и чудесами возбуждают в надменных, честолюбивых душах фарисеев чувство зависти; опасение совершенно потерять свое влияние на народ, свое могущество, свою славу, приобретенные нелегким трудом лицемерия и различными лишениями, сопряженными со внешнею праведностью, наполняет сердца их ненавистью к Богочеловеку. Первое обнаружение вражды начинается с того, что зависть и ненависть в лице фарисеев начинает зорко следить за всеми словами и делами Богочеловека, перетолковывать их и стараться убедить и себя, и других в том, что и учение Иисуса Христа ложно, и жизнь Его не праведна, и чудеса не Божественны. Начинается, в тех, по крайней мере у кого еще не совсем сожжена совесть, тяжелая борьба между голосом совести, свидетельствующим о Божественном посланничестве Иисуса, и между требованием ослепленного завистью и предрассудками ума видеть в словах Иисуса Христа хулу против Бога, в Его чудесах — дела веельзевула. Выступает целый ряд волнующих и раздражающих завистливую душу неудач уловить Иисуса Христа в слове или деле, восстановить против Него идущий во след Его народ. Чем чаще и сильнее голос совести начинает заглушаться голосом зависти и злобы, не хотящей видеть истины учения и святости жизни Богочеловека; чем чаще и сильнее завистники начинают терпеть неудачу в своих попытках и затем в упорном старании подорвать доверие к Иисусу Христу как Мессии и приготовить Ему гибель; чем выше после каждой новой беседы и нового чуда становится Иисус Христос во мнении народа, тем сильнее воспламеняется их ненависть к Нему, тем ожесточеннее становится зависть. Каждое новое чудо Его — новая стрела, вонзающаяся в их сердце; каждое торжество Его — новая рана для их души. Воскрешение Лазаря и торжественный вход Воскресившего в Иерусалим доводят до крайних пределов их злобу и ненависть. Как истерзали бы они предмет своей злобы и ненависти! Как усладились бы они страданиями и гибелью ненавистного им Назарянина, увлекшего весь народ за Собою! И вот, Господь для совершения великих судов Своих о спасении мира попускает на время зависти и злобе фарисеев проявить всю свою лютость над своею жертвою — Богочеловеком, и злоба тем яростнее и неистовее открывается, чем дольше накоплялась, усиливалась и раздражалась неудачами, чем больше, по мере славы Христовой, возрастала. Членов верховного судилища иудейского зависть и злоба заставляют забыть и свое важное положение, и свои, конечно, почтенные лета (Мф. 26:58), и они, уни-

жаясь до привычек и нравов невоспитанной толпы, плюют Иисусу Христу в лицо, заушают Его, а другие, ударяя по щекам, говорят: *Скажи нам, Христос, кто ударил Тебя?* (ст. 68). Членов синедриона, вождей народа, зависть и ненависть обращают в позорных подстрекателей безумной толпы; вожди народа стараются возбудить и раздражить в черни дурные инстинкты, могущие сделаться гибельными для целого народа. Членов верховного судилища, обязанных быть образцами любви и сострадания к самим даже преступникам, являться в своих судах и решениях праведными судиями, но не страстными мучителями виновных и подавать пример богоугодного приготовления к дням великим и святым, — зависть и злоба влекут в пяток пасхальный за город, на Лобное место, чтобы там насладиться зрелищем страданий невинного Страдальца, поглумиться над Ним, усладить свою душу преступным торжеством. Так, восторжествовавшая над Христом зависть врагов Его привела их в состояние сатанинского злорадства, подобно тому как зависть диавола, внесшая грех в мир человеческий, приводит его в состояние злорадства при каждом падении нашем.

Ругавшиеся над Иисусом Христом первосвященники принадлежали к ереси саддукейской (Деян. 5:17). Коренное правило жизни людей, принадлежавших к этой ереси, точно выражается словами: *Душе, почивай, яждь, пий и веселися* (Лк. 12:19). *Случайно мы рождены, и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших— дым, и слово— искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух* (Прем. Солом. 2: 2–4) — такова почти была философия этих людей, таковы почти были понятия и о начале и конце существующего. *Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностию; преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни; увенчаемся цветами роз прежде, нежели оне увяли; никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении; везде оставим следы веселия, ибо это наша доля и наш жребий* (ст. 6–10) — таковы были нравственные правила саддукейские. Будучи служителями Бога живого, вечного, святого, первосвященники-саддукеи тем не менее отвергали вечную жизнь и презирали нравственную строгость, требующую обуздания своих страстей и воздержания от чувственных пожеланий.

С первого взгляда могут казаться непонятными и необъяснимыми злостные, жестокие преследования своих врагов и глумления над их бедствиями со стороны людей, предающихся веселью, которое, казалось бы, способно смягчать души человеческие: возможно ли, чтобы смех и веселие порождали жестокость и злобу? Но связь между грубым весельем и жестокостью представляется необъяснимою только на первый взгляд. На самом же деле мало что до такой степени огрубляет, ожесточает человека и делает бесчувственным к горю и страданиям ближнего, как привычка к чувствен-

ным наслаждениям, как жизнь, протекающая в ежедневном веселье, неумолкающем смехе. Евангельский богач, веселившийся по вся дни светло, всегда равнодушно проходил мимо страдавшего от голода и проказы Лазаря (Лк. 16: 19–21). Пиршество сластолюбивого, чувственного Ирода закончилось усечением главы Иоанна Крестителя (Мф. 14: 3–11). Веселье и смех, приучая вообще человека к легкомыслию, к легкому взгляду на все, приучают к легкомысленному и легкому взгляду и на страдания людей, к взгляду на них с улыбкою, даже смехом. Подобно тому как в знойное, не освежаемое дождями лето яркое, палящее солнце своими знойными лучами иссушает землю и делает ее бесплодною в то самое время, когда, казалось бы, ласково улыбается ей и призывает к пиру и веселью, — подобно тому постоянное веселье и неумолкающий смех сушат сердце и делают его совершенно неспособным ни к какому теплому чувству. Напротив, жестокость легко и скоро развивается среди пиршеств и веселья. Вот какие ужасные слова, изображающие понятия и нравы любителей пиршеств и чувственных удовольствий, влагает в уста их Премудрый: *Будем притеснять бедняка праведника, не пощадим вдовы и не постыдимся многолетних седин старца. Сила наша да будет законом правды; ибо бессилие оказывается бесполезным. Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам, и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами — обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него; ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его; он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших как от нечистот; ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет* (Прем. 2: 10–20). Так естествен и легок, по словам Премудрого, переход от утех и наслаждений к обидам и насилию, к ужаснейшим жестокостям.

Этим же путем порочных и преступных наслаждений, хищений, насилий, жестокого глумления над жертвами своих неправд шли, конечно, и первосвященники-саддукеи в своем развращении и взошли на вершину сатанинского глумления над невинным Страдальцем. Пламенный Обличитель книжников и фарисеев, снедавших дома вдовиц (Мф. 23:14), Господь наш Иисус Христос, естественно, казался опасным и сделался ненавистным для саддукеев-первосвященников, живших хищениями и неправдами. Неукротимую злобу, непримиримую ненависть Он должен был возбуждать в сердцах их Своими обличениями как безбожного учения саддукейского, отвергавшего бессмертие души, так и безнравственной, чувственной жизни саддукеев, устрояемой по началам сего учения! Как нена-

вистен должен был быть для них образ жизни Его, святой, строгий, чистый, благотворительный, служивший живым укором их жизни непотребной! С каким потому нетерпением они искали случая подвергнуть Его всей тяжести страданий за то, что Он именует Себя Сыном Божиим и грозит им бедствиями и казнями за их нечестие! И вот, когда лестью — предательством — уловили Праведника, — они, опьянев от злобы, не только предают Его ужаснейшим и позорнейшим мучениям, но и бесстыдно идут к Лобному месту для того, чтобы насладиться торжеством своим, зрелищем страданий невинного Страдальца и, если можно, своими поруганиями увеличить их, влить новую горечь в чашу их. Преступное пристрастие к чувственным удовольствиям сделало первосвященников-саддуккеев людьми злобными и приучило их к злорадованию.

Хулившая Иисуса Христа народная толпа, суетная и легкомысленная, по обычаю всякой толпы, была слепым орудием вождей народных и со своей стороны всего более искала от Иисуса Христа, как можно догадываться, между прочим, и из содержания хулы ее, зрелищ — необычайных, чудесных дел, знамений. Она с любопытством посмотрела бы на сведение Им огня с неба, подобно тому как свел огонь с неба Илия; она полюбовалась бы на хождение Его по водам, на чудесное проведение Им, подобно Моисею, народа чрез моря и реки, и проч., и проч. Ее любопытству, как ей показалось, и обещано, готовится полное удовлетворение, готовится небывалое, необычайное знамение со стороны Назаретского Пророка. Он рано или поздно разрушит храм, строившийся в течение десятков лет, и в три дня снова воздвигнет его: так поняла толпа неразумная слова Богочеловека о разрушении врагами Его храма — тела Его — и о тридневном Его воскресении. Но суетное любопытство напрасно ждет, напрасно с настойчивостью просит у Божественного Учителя и Чудотворца суетных, бесплодных знамений: чудотворящий только для уврачевания недугов человеческих, для вразумления, нравственного очищения и освящения людей, для возбуждения веры в людях, способных веровать, Господь не творит бесплодных знамений и даже прямо объявляет искателям знамений, что им не дастся знамение, *токмо знамение Ионы пророка* (Мф. 12: 38–40). Негодование овладевает толпою; вражда закипает в толпе, обманутой в своих ожиданиях, как бы оскорбленной неисполнением обещанного ей и восстановленной против Иисуса злобными врагами, изображавшими Христа толпе грешником, богохульником. И вот когда Чудотворец-Богочеловек впадает в руки первосвященников, книжников и старейшин и когда начинают искать улик и лжесвидетельства против невинного Иисуса для того, чтобы погубить Его, из толпы являются лжесвидетели и обвиняют Его в том, что Он говорил: *Могу разрушить храм Божий и в три дня воздвигнуть его* (Мф. 26:61). Обвиненный понесет жестокую кару от сильных врагов Своих за неуважи-

тельные слова о храме, за непочтительность к святыне его, думали они, будем отмщены и мы за наши обманутые чаяния, надежды видеть необычайное знамение. И злоба, ожесточение толпы против обвиняемого Чудотворца растет по мере возрастания уничижения Иисусова и торжества врагов. С бессердечием нравственной низости и пресмыкательства пред сильными мира толпа входит в планы, в самый дух врагов Иисуса, воспламеняется их ненавистью к Нему и повторяет до последних оттенков все злобные нападения их на Богочеловека. За ответ Иисуса Христа первосвященнику, вопрошавшему Его об учениках и учении (Ин. 18:19), один из слуг ударяет Иисуса в ланиту, говоря: *Так-то Ты отвечаешь первосвященнику?* (Ин. 18:22) – ударяет за ответ правдивый, что Он говорил явно миру, учил в синагогах, а тайно не говорил ничего и что вместо вопрошения Его первосвященнику естественнее вопросить предстоящих об учении Его (20:21). Пред Пилатом злобная толпа неистово, мятежно вопиет об Иисусе: *Распни Его* (Мк. 15:13). И когда малодушный Пилат, уступив преступным настояниям жестоковыйного народа, пригвождает Его ко кресту, злоба толпы не утихает и тогда: она мстит Чудотворцу, будто бы обещавшему разрушить и потом в три дня воссоздать храм и обманувшему ее ожидания, – мстит глумлением над Его чудотворною силою. *Разрушающий храм и в три дня Созидающий!* – злословит она Христа. – *Спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди со креста* (Мф. 27:40). Так, привычка легкомысленно искать зрелищ, знамений, положим, принадлежащих и к области религиозной, вместо того чтобы искать вразумления, исправления и очищения; невнимание и неуважение к нравственным требованиям, правилам и истинным достоинствам ближних и раболепное ласкательство пред правом сильного сделали иудейский народ преступным и злобным хулителем Богочеловека.

Наконец, злобными хулителями Иисуса Христа, глумящимися над Ним во время крестных страданий Его, являются воины-распинатели и распятый с Ним разбойник, висевший ошуюю Его. Первых суровыми и жестокими сделали военное ремесло, при жестоком образе войны в древности до крайней степени огрублявшее людей, с увлечением предававшихся жестокостям; частое обращение с действительными или мнимыми преступниками и особенно совершение над ними казни, при котором воинам представлялся полный простор для насыщения, удовлетворения своих кровожадных инстинктов. Особенно мнимые или действительные враги владычества римского возбуждали в римских воинах свирепость и мстительность: горе было тому, кто восстал против власти, которой они служили. Разбойник огрубел и сделался бесчувственным от тревог и опасностей своей преступной жизни, от привычки к насилию, к зрелищу страданий и смерти жертв его преступного промысла: глумиться и над чужими бедствиями и страданиями, и над своими муками естественно подобным людям. Особен-

но злостный дух глумления овладевает подобными людьми при зрелище страданий людей невинных и высоких. Когда человек невинный и высокий низводится со своей высоты и вменяется с беззаконниками – его уничижение и страдания дают преступникам обильную пищу для глумлений над мнимым ничтожеством и бесполезностью добродетели, над неразумием добродетельных. Не к одному ли с пороком концу приводит человека и добродетель? Разумно ли было обрекать себя на различные лишения, стеснения для добродетели, когда и добродетельного может постигнуть одинаковая участь с наслаждавшимся веселою жизнью преступником? Эти мысли часто представляются страждущему преступнику при виде невинного страдальца и дают пищу его глумлению. Привыкшие к жестокости воины-распинатели и неразумный разбойник, распятый со Христом, злобно хулят Голгофского Страдальца. Ничто не ускользает от злобного внимания воинов, решившихся наругаться над Страстотерпцем. Им сделалось известным, что Страдалец называл Себя Царем Иудейским, и они с заботливостью и точностью, достойною лучшей цели, ругаются над Ним как над Царем Иудейским, ругательно усвояя Ему все почести царские. Сняв с Него собственные Его одежды, они облекают Его в багряницу; сплетши венец из терния, возлагают Ему на голову; в правую руку дают Ему трость и, преклоняя пред Ним колена, насмешливо говорят Ему: *Здравствуй, царь Иудейский* (Мф. 27: 28–29). Страдая от страшных мук, и телесных, и душевных, Он громким голосом взывает к Отцу Своему: *Или, Или, лама савахфани?* – то есть: *Боже Мой! Боже Мой! почто Ты Меня оставил?* – и бессердечные воины и в этом страдальческом вопле Иисуса находят повод к глумлению над Ним. *Илию зовет Он,* – с насмешкою говорят они, пользуясь созвучием слова. – *Постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его,* – говорят они воину, который, взяв губу, наполнил ее уксусом и, положив на трость, поил Его (Мф. 27: 46–50). А разбойник? Сам терпя ужасные муки, он не сострадает Страдальцу и вместо того чтобы покаянием и размышлением о будущей жизни приготовиться к ней, злобно хулит невинного Сострадальца. *Если Ты Христос, спаси Себя и нас* (Лк. 23:39), говорит он, злословя. Так жестокость, не уничтоженная в воинах и разбойнике в самом зародыше и допущенная ими до дальнейшего развития, проявилась, наконец, в свирепости ужасающей!

Семь слов Спасителя на кресте

«Воскресное чтение», 1876

Первое слово: ***Отче, прости им, не ведят бо что творят!*** ***(Лк. 23:34)***

«Распни, распни Его!» – кричал народ иудейский, слуги и их господа; Пилат же и старейшины народа, грехи всего мира, а между ними и ты, и я, пригвоздили ко кресту Господа Иисуса Христа. Они не знали тогда, что

делали, когда вешали Богочеловека на древо проклятия; они не знали, что распинали в Нем своего Творца, своего Иегову, Господа славы. Но они могли это знать, и самое их незнание было грехом. И теперь многочисленные грешники не знают, что они делают, не знают, что они своими грехами помогают распинать Христа. Но они могли бы хорошо это знать, теперь еще лучше, чем тогда, так как теперь солнце Евангелия ясно светит каждому. Незнание теперь еще больший грех, чем тогда. Но Агнец Божий молится за все эти грехи неведения: «Отче, прости им, не ведят бо, что творят! Да будет пройдено забвением время их неведения!» К чему была бы такая молитва о прощении грехов неведения, если бы они не вменялись? Пусть, следовательно, никто не извиняется своим неведением и приносит покаяние и в грехах неведения. Но, конечно, ведомые грехи тяжелее пред Богом. Если бы мы *совершенно* знали, что мы делаем, если бы мы вполне ясно и по внутреннему опыту знали, что Иисус есть Господь славы и что вне Его нет спасения, и однако все-таки пригвождали Его ко кресту, то Господь не молился бы за нас, потому что в таком случае мы совершали бы *такие* грехи, которые не могут быть прощены ни в сей жизни, ни в будущей. Но, смотри, какое величие любви Иисуса Христа и благодати Божией! Смотри, особенно ты, вздыхающий о любви! Смотри сюда и ты, обманутый горькими испытаниями, который думаешь, что нет нигде верности. Смотри также и ты, объятый ужасом от холодности своего собственного сердца! Здесь вечная, неизменно верная, превосходящая всякий ум и возвышающаяся над всяким временем любовь, в которой выздоровеет твое собственное сердце, в которой может согреться сердце всего мира для новой, священной любви, новою, священною любовию. Смотри, у Нее прободены ее святые руки и ноги и повешены на позорном дереве. Достаточно было бы одного движении Его воли, и весь мир был бы сокрушен и уничтожен пред Его славою, но Он молится: «Отче, прости им, не ведят бо, что творят!» Он думает не о Себе, не о Своей скорби, Он молится за нас, грехи которых причинили Ему столько ран.

***Второе слово:** Аминъ глаголю тебе: днесъ со Мною будеши в раи (Лк. 23:43)*

Господь висит на кресте. По сторонам Его два разбойника. Народ стоит вокруг и смотрит. Необычайная тишина. Не пробудится ли в народе голос совести и сострадания при взгляде на эту окровавленную жертву его ненависти, и не обратится ли ярость его против своих начальников? Вот кто-то из толпы громко говорит: «Других спасал, пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий!» Народ раздражается и подзадоривается к насмешкам. «Э, — кричат проходящие, кивая головами своими, — э, Разрушающий храм и в три дня Созидающий! Спаси Себя Самого и сойди со креста!» Воины вторят проходящим, а также и разбойник, висящий

по левую сторону. Неужели никто не заступится за Агнца Божия? На это решается только один, разбойник, распятый по правую сторону. Он унимает своего товарища, говоря: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал». И, обратившись к Господу, сказал: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» И на это мужественное исповедание, на этот вопль сердца дается ему драгоценное и утешительное обещание: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю!» Кто говорит эти властные, эти царские слова? Распятый на кресте, Отверженный Своим народом, весь Окровавленный. И к кому относится это обещание? К разбойнику, который обращается к Сораспятому с ним и взывает к Нему как к Царю и Избавителю. Ты, злодеяния которого довели до этого постыдного дерева, но который и в одиннадцатом часу обратился с глубокою скорбно о своих грехах, который исповедаешься в них пред поруганным Сыном Божиим и молишь Его о милости; ты и все подобные тебе души будете со Мною, Царем, Которому дана всякая власть на небе и на земле. Ты, ничтожный червь, терзаемый телесными и душевными муками, будешь близко к престолу Божию, будешь со Мною в раю. Рай, со Времени падения Адама остававшийся пустым и не находившийся на земле, должен принять тебя как первенца: ты будешь иметь предпочтение пред Авраамом, Давидом и всеми пророками, ты сегодня будешь со Мною там, не как ты думаешь и просишь, в конце дней, но сегодня, еще до захода солнца, дана будет тебе награда за твое исповедание, услышана будет твоя молитва. Поступай и ты, христианская душа, подобно благоразумному разбойнику, и получишь от Господа то же, что и он получил.

Третье слово: Жено, се сын Твой! — Се Мати твоя!
(Ин. 19: 26–27)

Где те гордо отважные люди, которые хотели с Господом Иисусом Христом идти на смерть? Они разбежались и попрятались. Но слабые женщины последними ушли от креста и первыми пришли ко гробу. В Царстве Божием нет мужеского пола, ни женского, но новый человек в Христе Иисусе, и сила Господня проявляется в слабых. Иоанн и женщины издали выжидали минуты, когда у креста станет немного тише. Насмешники и любопытные ушли обедать, и вот они подходят ко кресту и стоят, вперив взоры в Страдальца. В эти мгновения меч прошел душу Пресвятой Девы; Она увидела в муках Того, Кого родила Она, Кого любила и в Кого веровала. Покровитель Ее, праведный Иосиф, уже умер, Сын Ее на кресте, – кто же будет утешать Ее и помогать Ей? Господь смотрит на Нее, Он видит мысли и чувства Ее, и, указывая головою на Иоанна, говорит Ей: «Жено, се сын Твой», и к Иоанну: «Се Мати твоя». *Жено*, говорит Господь к Своей Матери, не для того, чтобы пощадить Ее материнское сердце, не для того,

чтобы не подать повода к насмешкам, — в таком случае Он не назвал бы Ее, как не назвал Он Иоанна, — но чтобы дать понять Ей нежным, но ясным образом, что с этого времени Ее материнское отношение к Нему и сыновнее Его к Ней изменились; теперь Он в Ее глазах не сын уже в прежнем значении, но Сын и Бог. Родственные отношения определены были Богом для этого мира, но у ворот вечности и уже на этой земле он должны были стать иные. Поэтому и тогда еще, когда Господь проповедовал и Ему один раз сказали, что пришла Мать Его и братья, Он отвечал на это: «А кто Моя мать и кто Мои братья? Тот, кто исполняет волю Отца Моего Небесного, тот Мой брат, сестра и мать». Этими словами Он простился с Нею на земле, показывая, что Он Бог Ее, но Своею заботливостию о Ней давая знать, что Он и на небе не престанет быть *Сыном* Ее и вместе Богом. — Иоанн с *этого часа* взял Ее к себе в дом, и следовательно, пощадил Ее от созерцания минуты смерти Иисуса Христа. Только уже после полудня, когда Христос предал Свой дух Богу, они возвратились к кресту. Первые два слова Свои на кресте Господь произнес как Первосвященник и Царь, третье же сказал как Сын Человеческий. В то время, когда душа Его занята была всецело оканчивавшимся делом искупления мира, и в это время мысль об оставляемой Им Матери, заботливая любовь к Ней не оставляли Его. Чего же поэтому не может теперь выпросить у Него молитва Его Матери, когда мы обращаемся к Ней со своими прошениями о ходатайстве за нас пред Ее Сыном и Богом? Спаситель со креста учит нас, как мы всегда должны заботиться даже в самых тяжелых лично нас постигающих бедствиях и страданиях о своих близких, не забывать попечения о своих родителях; а с другой стороны, примером Иоанна всем внушает оказывать помощь, защиту всем нуждающимся, особенно вдовам и сиротам.

Четвертое слово: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мф. 27:46)

Господь снова один. Матерь Его и любимый ученик ушли от креста. Некому было утешить Его. Но Он и не желал утешения. Настал час, когда Он до дна должен был осушить чашу страданий. В невыразимой скорби и муках висит Он на кресте. Вечный Бог — проклятие всего мира! Поистине здесь необходимо было чудо. Потому что с тех пор, как существует мир, не было более ужасного греха. Все развращение человечества, полная богоотчужденность и боговраждебность прорвались здесь страшным нарывом. И знамение совершается. «От шестого часа тьма была по всей земле до часа девятого, и солнце помрачилось». Ангелы не дерзали, человечество не хотело утешить Его, и неразумная природа должна была засвидетельствовать о мраке греха, наполнявшего сердце человечества. И около девятого часа Иисус возопил громким голосом: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Мы не можем представить, что в те три часа происходило в душе

нашего Первосвященника, но в словах Его: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» — мы видим, что это была безмерная скорбь и печаль. Боже Мой, Боже Мой! — в других же случаях Иисус называл Его не Богом, но Отцом. Чувство Богосыновства теперь как бы не существовало у Него; Он чувствует Себя только Сыном Человеческим. Он не чувствует близости любви Божией, так как Он говорит: Боже Мой! Он чувствует произведенную нашими грехами между Богом и Им пропасть; Он взял на Себя эти грехи и несет как Свои собственные; Он чувствует проклятие греха, но и в этой глубине уничижения Он не оставляет Бога, как *Своего* Бога. Будучи Сам безгрешен, Иисус Христос приходил в мир взять на Себя наказание за грехи наши, дабы примирить нас. К наказанию же за наши грехи принадлежит вместе с телесными муками особенно чувство богооставленности, отлучения от Бога, и отсюда страх вечной смерти и осуждения. Поэтому и взывает Иисус как Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира, словами 21 псалма: «Боже Мой, Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?» — в доказательство, что эта скорбь относится к мессианскому Его служению.

Если и тебя, христианин, постигает скорбь и горе, если ты чувствуешь всю великость грехов твоих, отдаляющих тебя от Бога, то не забывай, что и твои грехи взял на Себя Спаситель твой, и не отчаивайся в своем спасении, как бы ни казалось оно тебе далеким по причине грехопадений твоих.

Пятое слово: Жажду!
(Ин. 19:28)

В страшной непроглядной тьме от шестого часа до девятого, то есть от 12 до 3 пополудни, висел Господь Иисус Христос на кресте. Около этого часа Он возопил громким голосом: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» И тотчас после этого сказал: «Жажду!» С предшествующего вечера, в который Он совершил со Своими учениками пасхальную вечерю, ни одной капли телесного подкрепления не было на устах Его. А что между тем перенес Он в течение этих протекших восемнадцати часов? Душевный подвиг в Гефсимании, бессонную ночь, судебный допрос, бичевание, распятие с потерею крови, трехчасовое висение на кресте под палящими лучами солнца и скорбь душевную! Поистине никто не испытывал такой жажды, как Спаситель. Он мог бы повелеть ручьям, и они утолили бы Его жажду, но Он переносит мучение и удаляет от Себя искушение помочь Самому Себе, чтобы нам не томиться вечною жаждою. Но здесь было больше, чем телесная жажда. Душа Его жаждет Бога, живого Бога, жаждет того вечного и блаженного единения со Своим Отцом, которое Он имел от начала мира и которое отняли у Него на время грехи наши. О, если бы мы ощущали жажду вечного, непрестающего, блаженного единения с Богом! Если бы и нам уничтожить в своей душе жажду к жалким, ничтожным и греховным земным предметам! Если бы и нам по-

знать и признать, что только в Нем можно найти полное довольство! Господь жаждет окончания Своего дела. Знаем ли мы, где оно оканчивается? Оно оканчивается в нашей душе, когда мы всецело предаемся Ему, когда в знак нашего единения с Ним достойно причащаемся пречистого Тела Его и Крови. Не уксусом и вином утолится жажда нашего Спасителя, но только нашею душою. Если мы удержим ее у себя, то будем жесточе того воина, который напоил Его. Теперь Он нас жаждет — будем же бояться того времени, когда мы, подобно богачу евангельскому, будем Его жаждать и когда ни одной капли воды не найдем для утоления своей жажды.

Шестое и седьмое слово: *Совершилось!*
Отче, в руце Твои предаю дух Мой
(Ин. 19:30 и Лк. 23:46)

В течение шести часов, в которые Иисус Христос висел на кресте, Он семь раз открывал уста Свои. Около девяти часов утра пригвоздили Его ко кресту, около двенадцати часов была великая тьма, продолжавшаяся до трех часов пополудни. До двенадцати часов Господь говорил три раза: молился за Своих мучителей, обещал рай покаявшемуся разбойнику и высказал Свою последнюю волю апостолу Иоанну касательно Своей Матери. В продолжение трехчасовой темы в душе Его становилось все мрачнее и мрачнее; страшный подвиг происходил в душе Его, который Он перенес, не открывая уст Своих, пока в заключение не воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Скоро после этого Он произнес и Свои последние слова: «Совершилось! Отче, в руки Твои предаю дух Мой!» И затем склонил голову и скончался. При слове «Совершилось!» Господь чувствует близость смерти, приближавшийся конец Своих невыразимых страданий. Это победные слова. Совершился великий, тяжелый подвиг страданий, совершилось дело послушания, чрез которое Ему предстояло войти в славу Свою; совершилось предсказанное в Писании словами, событиями и преобразовательными жертвами. Все совершилось. Принесена единая и единственная жертва, невинная жизнь человеческая за грехи мира. Бог примирен. Слышишь, душа? Твои преступления отплачены, твое примирение с Богом совершилось: только веруй, надейся и люби — и получишь полноту утешения, сокрытого в словах твоего Господа: «Совершилось! Отче! В руки Твои предаю дух Мой!» С полным сознанием и свободною волею Он отдает Свой дух на разлуку со Своим телом; смерть не имела бы над Ним никакой власти, если бы Он не отдался ей добровольно. Он распоряжается Своею душою как имеющий власть над нею и предает ее Своему Отцу, к Которому Он возвращается в сыновнее отношение по совершении крестной жертвы. Не забывай, душа, что Христос всецело принадлежит нам. И для нас, вследствие примирения, совершенного чрез Христа, Бог снова стал Отцом; если Иисус после искупления нашей вины

назвал Его Отцом, то этим Он и для нас снова приобрел усыновление; и если Он, наш Ходатай, предал дух Свой Богу, то этим Он и нашему духу проложил путь к Богу, чтобы и мы в свой последний час могли распоряжаться своим духом и предали его Богу, зная, что небо открыто, и как душу Лазаря ангелы отнесли в лоно Авраама, так и нашу душу отнесут к Господу.

Божественный пример молитвы за врагов (Лк. 23:34)

Иннокентий, архиеп. Херсонский

После разнообразных страданий Господа Иисуса Христа во дворе Каиафы, в претории Пилата и во дворе Ирода, после изнурительного шествия под крестом на Голгофу наступила минута распятия. Древо утверждено на земле. Последние одежды совлечены. Распинаемый вознесен на крест. Руки и ноги простерты. Ужасный млат стучит. Кровь потоками льется на землю!.. Что сказал бы в сию минуту, на сем месте, самый архангел?.. Богочеловек кротко возводит очи к небу и вслух всех молится. О чем? Об отмщении врагам? О защищении Своего дела? О ниспослании Себе терпения? - Нет: *Отче*, вещает Он, *отпусти им: не ведят бо, что творят* (Лк. 23:34)! Не ведят! — Так римский воин-распинатель не знал, что делал, быв только слепым орудием повелений своего прокуратора Пилата; иудейская чернь не ведала, что творила, наущенная льстивыми и вместе грозными внушениями своих слепых вождей и владык; сам синедрион, при всей безнравственности своей, не знал наверное, что посягает теперь на жизнь своего истинного Мессии. *Аще бо быша разумели*, скажем словами апостола, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2:8). Сколько, однако, преступлений было в этом неведении, особенно в тех, кои так легко могли все уведать и сто раз смежали очи, чтобы ничего не видеть! И это совершенно забыто Распинаемым! Сколько, при самом неведении, резких следов преднамеренного лукавства и низкой жестокости, кои обличали во врагах и гонителях Иисуса личную злобу к Нему, явное желание ожесточить казнь, и без того ужасную, обесславить крест, сам по себе поносный? Но и это все пренебрежено Распинаемым! А лютейшие болезни при пронзении рук и ног! Не достаточно ли было их одних, чтобы самое первое чувство в Распинаемом сосредоточить теперь на Нем Самом, на Его собственных страданиях? Но распинаемый Богочеловек возносится духом превыше всего; забывает Свой крест и Свою смерть и как Первосвященник по чину Мелхиседекову едва возносится на крест, как возносит молитву о врагах Своих: *Отче, отпусти им: не ведят бо что творят!*.. О, кто по сей одной черте не узнает в Распинаемом Агнца Божия, закалаемого за грехи всего мира? А вместе с сим кто из истинных последователей Его не даст обета быть кротким ко

врагам своим? Кто ни разу в жизни не простил своему врагу во имя Распятого Спасителя своего, молившего на кресте о врагах, тот не христианин!..

О молитве Спасителя за распинателей (Лк. 23:34)

М. Ястребов. «Воскресное чтение», 1882

Иисус же глаголаше: Отче, отпусти им: не ведят бо что творят (Лк. 23:34). За кого была произнесена эта молитва? Лица, которых имеет в виду эта молитва, суть вообще виновники смерти Иисуса Христа. Но виновниками смерти Его были трех родов лица: во-первых, иудеи, настоявшие на смертном приговоре, во-вторых, Пилат, произнесший этот приговор, и, наконец, воины, приведшие его в исполнение. Все эти люди виновны не в равной степени. Воины действовали по приказанию своих начальников, и хотя нельзя оправдывать их за то, что они были орудиями такой безбожной казни, еще менее за то, что увеличивали тяжесть этой казни добровольно, во всяком случае преступление их не может быть сравниваемо ни с преступлением иудеев, ни с преступлением Пилата. Что же касается сравнительной виновности Пилата и иудеев, то более виновными должны быть признаны, без сомнения, иудеи: *Предавый Мя тебе болий грех имать,* — говорил Иисус Христос Пилату (Ин. 19:2). Если теперь можно доказать, что молитва Иисуса Христа имела в виду и иудеев, первых и главных виновников смерти Его, то само собою будет доказано, что она имела в виду и воинов, и Пилата и что если любовь Спасителя обнимала наиболее виновных, то обнимала она, конечно, и менее виновных. Что любовь Спасителя обнимала и иудеев, доказательством того служит история апостольской проповеди. Первые, кому апостолы предлагают плоды искупительной смерти Иисуса Христа, были иудеи, — первый город, в котором они проповедуют Евангелие мира, был Иерусалим. Ясно, что иудеи были предметом любви Спасителя: можно заключить, что были они также предметом и Его молитвы.

Но, спрашивается, каким образом Иисус Христос мог молиться за людей, столь окаянных? Такими они, по крайней мере, представляются на наш человеческий взгляд.

Глубочайшее основание этой молитвы Христа Спасителя нужно прежде всего видеть в особенном характере Лица Его. Это — молитва не простого человека, даже и не пророка, но Сына Божия, Ходатая мира, — молитва Того, Кто принял на Себя возвышеннейшую задачу — быть примирителем неба с землею. Молитва Спасителя была, так сказать, частным актом добровольно принятого Им на Себя великого искупительного подвига, ради которого Он явился на землю, а по отношению к иудеям она представляет последнюю из тех попыток, о которых говорил несколько

раньше Спаситель: *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камением побиваяй посланныя к тебе, колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под криле* (Мф. 23:37). И, без сомнения, действию этой молитвы мы должны приписать великое число иудеев, уверовавших в Того Самого Иисуса, Которого они, по выражению Евангелия, прободоша.

С другой стороны, ближайшее основание Своей молитвы за распинателей указывает Сам Спаситель в незнании их: *Не ведят бо что творят.* Как понимать это незнание? Не знали Иисуса Христа, Его жизни, дел и учения, быть может, воины и Пилат, но каким образом не знали этого иудеи? Что надобно разуметь под тем незнанием, о котором говорит Спаситель в Своей молитве?

Бывает трех родов незнание. Во-первых, незнание невольное, темное, так сказать, неразрешимое, устранить и победить которое человек не имеет средств и возможности. Не такого рода было то незнание, о котором говорит в Своей молитве Спаситель. Если бы иудеи считали Иисуса Христа заслуживающим смерти в силу решительной невозможности убедиться в противном, если бы в незнании относительно этого предмета совершенно не участвовала их воля, то они не были бы и виновными. *Аще бысте слепи были*, говорит Спаситель, *не бысте имели греха: ныне же глаголете, яко видим: грех убо ваш пребывает* (Ин. 9:41). Во-вторых, незнание намеренное и упорное, незнание человека, который, имея все средства к познанию нормы, упрямо и намеренно закрывает пред нею глаза. Таково было, например, незнание фарисеев относительно происхождения чудес Иисуса Христа. Незнание этого рода не только не извиняет преступления, а напротив, увеличивает его и делает непростительным. Отсюда, Иисус Христос объявляет фарисеям, приписывавшим Его чудеса силе веельзевула, что они не получат прощения ни в сем веке, ни в будущем (Мф. 12:32). Наконец, есть третий род незнания, которое, не будучи ни всецело слепым, ни всецело намеренным, приближается, однако, к тому и другому. Например, язычник может знать, что душа бессмертна, но чтобы дойти до этого познания, ему необходимо употребить множество усилий мысли, разрешить множество побочных вопросов, освободиться от множества предрассудков. Этот продолжительный путь исследования утомляет его, он отказывается от него и, таким образом, остается при незнании, что душа бессмертна. Незнание его ни всецело слепое, так как, употребив надлежащие усилия мысли, он мог бы победить и устранить его, ни всецело намеренное, так как он пытается разрешить его. Подобно тому и иудеи могли и имели средства убедиться в той истине, что Иисус Христос есть Мессия и что искать и домогаться смерти Его было величайшим злодейством. Но предрассудки, которым они были преданы, отсутствие блеска во внешнем положении Спасителя, прикровенность пророчеств о Нем, проклятия, произносимые против тех, которые становились на Его сторону, — все это были такие отделявшие иудеев от истины преграды, уст-

ранить которые они могли только путем глубокого и внимательного исследования. Притом многие чудеса Иисус Христос совершал тайно и запрещал до времени объявлять о них. Наконец, не было еще тогда тех доказательств Его Божественного посланничества, которые мы видим в Его воскресении, в вознесении на небо, в сошествии на апостолов Святого Духа, в разрушении иудейской нации, в распространении Евангелия среди язычников. Таким образом, незнание иудеев, о котором говорит Спаситель в Своей за них молитве к Отцу, было ни чисто намеренным, ни всецело ненамеренным. Тут была доля и намеренного лукавства, и темного неведения. Намеренно увеличивали жестокость казни и без того жестокой; намеренно увеличивали бесславие креста, и без того позорного. Но вместе с тем не понимали, Кого вели на крест. Самые члены синедриона, книжники и фарисеи, ослепленные ненавистью, не понимали, Кого распинали. *Аще бо быша разумели*, говорит апостол Павел, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 11:9). *Начальника жизни убисте*, говорит апостол Петр в своей второй проповеди иудеям, *и ныне, братие, вем, яко по неведению сие сотвористе, якоже и князи ваши* (Деян. 3:17).

Однако мы ошиблись бы, если бы незнание, о котором говорит Спаситель в Своей молитве за распинателей, приняли в значении незнания невинного или извинительного. Грех, о прощении которого молил Отца страждущий Спаситель, был страшно велик. И если в основание Своей молитвы о прощении распинателей Спаситель поставляет их незнание, это самое показывает, что для получения ими прощения необходимо было сознание греховности деяния, совершенного во мраке неведения. Апостол Петр говорит тем, которые по неведению убили Начальника жизни: *Покайтеся, да очиститеся от грех ваших*. И он же в другой проповеди иудеям, на их вопрос, что им делать, отвечал: *Покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа, во оставление грехов* (Деян. 2:38).

Таким образом, молитва Спасителя испрашивала милости всем иудеям, но плодами ее могли воспользоваться только те, которые делались достойными их путем раскаяния и обращении ко Христу, подобно тому как смерть Спасителя сделала возможным спасение каждого человека, но действительно спасается лишь тот, кто становится достойным спасения, вступая чрез крещение в число чад Христовой Церкви и пользуясь ее благодатными средствами, яже к животу и благочестию.

Попечение Иисуса Христа на кресте о Своей Матери и образ Ее жизни (Ин. 19: 26–27)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в день Успения Божией Матери

Иисус же видев Матерь и ученика стояща, егоже любляше, глагола Матери Своей: Жено, се сын Твой. Потом глагола ученику: се Мати твоя. И от того часа поят Ю

ученик во своя си (Ин. 19: 26–27). Евангелие повествует, что Спаситель наш, видев на кресте Своем Свою Матерь и возлюбленного ученика Своего Иоанна, *глагола Матери Своей: Жено, се сын Твой. Потом же глагола ученику: се Мати твоя.* В сих изречениях видим любовь Божественного Сына к земной Матери, Которую Он хочет не просто утешить в лишении Сына, но как бы возвратить Ей Себя в другом лице, и чтобы почтить Ее девство и вместе вознаградить девство Своего ученика, избирает девственника Иоанна в нареченного сына Приснодевы. Но мы не догадались бы, что в особенности заключается в оных изречениях Господних, если бы возлюбленный ученик, без сомнения, лучше всех понимавший сердце и мысль своего Учителя, не изъяснил оных исполнением. Каким исполнением? – *От того часа поят Ю ученик во своя си.* Из сего открывается, что усыновление Иоанна Пресвятой Деве призывало его, между прочим, к тому, чтобы обеспечить Ее жилищем и потребностями жизни временной, и что, следственно, собственного в сем обеспечения Она не имела. Должно думать, что Ее любовь и вера к Божественному Сыну побуждала Ее быть всегда, сколько можно, близко к Нему в Его непрерывном странствовании по градам, весям и пустыням, и потому, как Он чужд был братии Своей, так и Она; как Он не имел, *где главы подклонити*, так и Она.

Так Пресвятая Дева, шествуя во внутренней жизни путем веры и совершенной преданности в волю Божию, в жизни внешней шла путем отрешения от земных привязанностей, от земных благ и удовольствий, путем простоты, нестяжательности, добровольных лишений, приносимых в жертву вере и Богу.

Поят Ю ученик во своя си. Матерь Царя Небесного не в чертогах, не в великолепии, не среди множества служащих и ждущих мановения; Она пешешествует по стогне в сопровождении одного рыбаря, чтобы обитать в малом, и то чужом, доме, без славы, без блеска, в тишине, в простоте, чтобы пользоваться только таким успокоением и служением, какое может быть Ей принесено благоговейным усердием бедного и одинокого рыбаря.

Взирай на сие, и учись не высоко ценить богатство, не алкать удовольствий, не гоняться за славою, не прельщаться блеском, любить простоту и тихую посредственность, не презирать нищеты, когда встречаешь ее у других, не страшиться ее, если она тебя посетить хочет, не стыдиться ее, если она уже поселилась с тобою.

Вопрос и ответ к словам Иисуса Христа: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил* (Мф. 27:46)?

«Душеполезное чтение», 1864

Вопрос. Есть ли возможность узнать истинное значение слов Иисуса Христа, произнесенных со креста: *Боже Мой, Боже Мой! вскую Мя еси оставил?*

Ежели Божество хотя на миг оставляло Иисуса, то было время, когда Он был не Богочеловек, а просто человек (что богохульно); если же не оставляло, то напрасны те слова, произнесенные Иисусом, сущей Истиной (что нелепо). Середины, однако, не видно. Лица, писавшие об этом предмете, едва касались предмета; следовательно, он не важен и не точно известен. Преосвященный Иннокентий в своем сочинении «Последние дни земной жизни Иисуса Христа» не решился сказать об этом ничего более, как только: «Богочеловек испил полную чашу страданий и был оставлен Отцом, чтобы нам не быть оставленными Богом». Святой Лев, Папа Римский, говорит, что Иисус Христос не мог быть оставлен Тем, от Кого неотделим, и что Он спрашивал за нас, немощных, а не за Себя. Подобно думает и святой Нил, подвижник Синайский. Но в Евангелии нет этого, чтобы Спаситель обратил те слова к Богу Отцу не от Себя и не за Себя, а от нас и за нас человеков; нет того и в преданиях апостольских, и в учении Вселенской Церкви: следовательно, мысль эта произвольна, составляет частное мнение только некоторых отдельных лиц и потому не есть непременно истина; между тем слова: «Вскую Мя еси оставил?» — стоят в Евангелии.

Ответ. Для объяснения слов: *Боже Мой, вскую Мя еси оставил?* (Мф. 27:46) надобно обратить внимание на то, что Иисус Христос, будучи Богом, был в то же время и человек в полном смысле этого слова. Как человек, Он имел нужду для совершения высоких подвигов в сверхъестественной помощи Божией. Поэтому, хотя Он Сам был Лицо Божеское, но вступлению Его в общественное служение предшествовало обильное излияние на Него Святого Духа от Бога Отца при крещении. И как личное соединение в Иисусе Христе естества Божеского с человеческим нисколько не увеличилось вследствие ниспослания на Него Святого Духа при крещении; так оно не могло и уменьшиться или прекратиться в том случае, если сверхъестественная помощь Божия человеческому естеству Иисуса Христа была уменьшена или совершенно прекращена. Такое уменьшение или, может быть, совершенное прекращение сверхъестественной помощи Божией потерпел Искупитель наш в последние минуты Своих страданий, что и высказано Им в словах: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил?* Таким образом, истинное значение сих слов нисколько не благоприятствует мнению, будто личное соединение в Иисусе Христе естества Божеского с человеческим когда-либо прекращалось.

Свидетельства языческих писателей о тьме, бывшей во время страданий Спасителя (Мф. 28:45)

«Воскресное чтение», 1818

Кроме евангельского повествования о чудесной тьме, покрывшей внезапно землю во время крестных страданий Сына Божия, древность сохранила

несколько свидетельств о том же частью языческих писателей, частью таких, которые, хотя впоследствии обратились в христианство, но во время самого события вовсе не видали Иисуса Христа. К числу сих последних принадлежит святой Дионисий Ареопагит. В письме к святому Поликарпу, отвечая на упреки прежнего друга своего Аполлофана, укорявшего его за то, что для опровержения язычества он употребляет свидетельства самих же язычников, он пишет между прочим: «Сам Аполлофан должен бы вспомнить то, что происходило, когда мы были вместе с ним в Египте. Оба мы, находясь близ города Илиополя, увидели вдруг, что луна потекла на соединение с солнцем, хотя это не было время соединения, и что от этого произошло затмение последнего. Потом около девятого часа дня (по нашему счету около 3 часов пополудни) мы опять увидели, что она оставила занятое ею место внизу солнца и потекла на сторону диаметрально противоположную. Напомни ему, прошу тебя, об этом. Сам Аполлофан – осмелится ли он уличать меня во лжи, меня, который был и смотрел вместе с ним на это зрелище и изумлялся ему? Наконец, во время самого затмения, не он ли, как бы вне себя и как будто угадывая, что происходит, воскликнул, обращаясь ко мне: Дионисий! Эти изменения (в природе) от руки Божией!»

Известно, что и Дионисий со своей стороны воскликнул: «Или Творец природы страждет, или машина мира разрушается!» Предположение Дионисия, тогда еще язычника, о страдании Бога не должно удивлять нас, потому что ему как ученому афинянину известны были сочинения Платона, описывавшего страдания Бога, если Он когда-либо явится среди людей, – что философ предполагал и нужным, и возможным.

В другом письме, писанном к самому Аполлофану, уже по обращении его к христианству, святой Дионисий говорит: «Я хочу напомнить тебе то, что произошло, когда мы были вместе с тобою у Илиополя в Египте. Мне было тогда около 25 лет, думаю, что и тебе тоже. В пятницу около 6 часов, или около полудня, мы увидели вдруг, что луна потекла к низу солнца, и от этого произошло затмение, исполнившее нас обоих ужасом. В то время я спросил тебя: что думаешь ты об этом необыкновенном явлении, и слова твои никогда не изгладятся из моей памяти. Ты отвечал мне: «Дионисий, эти изменения от руки Божией!» Я тщательно заметил год и число этого явления, и сообразив мои заметки с тем, что мне открыл впоследствии (св.) Павел, я обратился к истине, к которой и ты теперь, благодарение Богу, принадлежишь».

К сим свидетельствам прибавим еще свидетельство Флегона, отпущенника императора Адриана. Он был язычник и написал историю олимпиад в 16 книгах – от начала их до 140 года по Рождестве Христове. Между прочим, он говорит, что 4 год 202 олимпиады, оканчивавшейся около половины 33 года нашей эры (год, в который пострадал Спаситель), произош-

ло страшное и невиданное дотоле затмение солнца. Мрак был так велик, что даже в полдень можно было видеть звезды на небе. Тогда же, продолжает тот же писатель, случилось сильное трясение земли, разрушившее в Вифинии большую часть города Никеи. Фалос, греческий историк, повторяет свидетельство Флегона о необыкновенном солнечном затмении. Неизвестно в точности время, в которое жил он; но так как святой Иустин и Тертуллиан приводили из него в апологиях своих свидетельства против язычников, то надобно думать, что он был, по крайней мере, современник Флегона, если еще не старше его. На сих-то двух языческих писателей Тертуллиан и святой мученик Лукиан, пресвитер Антиохийский, указывали язычникам как на посторонних свидетелей того чудесного мрака, который простерся над землею во время крестных страданий Спасителя.

Так, Голгофский Страдалец и в уничижении крестном не *несвидетельствована Себе остави* (Деян. 14:17) не только пред иудеями, *ищущими знамения*, но и пред любомудрыми эллинами, и при первом, так сказать, шаге Его на крест уже начали приходить в исполнение слова Его: *Аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. 12:32).

О прободении ребра Иисуса Христа (Ин. 19: 32–37)

Филарет, архиеп. Черниговский

Приидоша же воини, и первому убо пребиша голени и другому распятому с Ним, на Иисуса же пришедше, яко видеша Его уже умерша, не пребиша Ему голени: но един от воин копием ребра Ему прободе, и абие изыде кровь и вода (ст. 32–34).

По повествованию Иоанна видно, что воины — исполнители новых повелений синедриона — были не те, что распинали и стерегли тело Иисуса. Те хорошо видели, как умер Иисус; особенно же полное внимание их на Него обращено было страшными знамениями (Мф. 27:54). А эти только тогда, как обратились к Иисусу Христу для исполнения над Ним приказами синедриона, увидели, что Он уже умер. Что ж учинили сии воины с Иисусом? Когда недостаток движения и дыхания, висящая глава, померкшие очи показали воинам, что душа уже оставила тело Иисусово, то они не хотели мучить бездыханное тело. Только один воин, не желая оставить ни для себя, ни для синедриона сомнения в смерти Иисуса, ударил Иисуса копьем в ребро, и вслед за тем из раны истекла кровь и вода. Для объяснения жестокости удара нет нужды настаивать на то, что удар был нанесен в левый бок или, что то же, в сердце или вблизи сердца; нет нужды тем более, что, по древнему преданию, удар был нанесен в правый бок. А орудие и сила удара сами собою показывают, что удар был смертельный. Глубина и ширина раны видны из слов апостола Фомы: в язвы рук и ног Спасителя

он хотел вложить только перст, — а в рану ребер надеялся вложить свою руку (Ин. 20: 25, 27). При таком ударе, при такой широкой и глубокой ране, не замечая движения в теле, каждый враг уверился бы, что в теле уже нет жизни. Кровь и вода, истекшие из ребра Иисусова, не оставляли, наконец, никакого сомнения и для врача, что Иисус уже умер. Из тела, давно остывшего, не потечет кровь. Разложение крови не в каждом умершем начинается в одинаковое время; но ни в ком не бывает раньше четверти часа после смерти. Итак, кровь и вода, истекшие из прободенного ребра Иисусова, сами собою свидетельствовали, что Иисус умер, по крайней мере, за четверть часа до удара, извлекшего кровь и воду. Для нас это соображение вполне оправдывается повествованием евангелистов об обстоятельствах погребения Спасителя. По закону Моисея, тело, повешенное на древе, не могло быть погребено позже заката солнца, и следовательно, позже 6 часов пополудни (Втор. 21:23). Примите же во внимание, что Иосифу и потом сотнику надобно было употребить для обратного путешествия между преториею Пилата и Голгофою около 2 часов; около часа надобно было употребить на погребение. Иисус умер в начале 9 иудейского часа, по нашему счету, в первой половине 4-го часа. Затем ясно, что удар воина последовал не позже получаса после смерти Иисусовой, когда кровь и вода — свидетели смерти — могли истечь из прободенного ребра Иисусова.

И видевый свидетельствова, и истинно есть свидетельство его: и той весть яко истину глаголет, да вы веру имете (ст. 35). Святой Иоанн счел нужным выставить себя очевидным свидетелем прободения ребра Иисусова и истечения крови и воды. Он останавливает внимание читателей на этом событии как на событии важном. Почему это так? Свидетельство святого Иоанна имеет связь с двумя обстоятельствами. Во-первых, в его же евангельском повествовании видим мы, что Фома не хотел иначе верить воскресению Спасителя, как если он сам вложит руку свою в прободенные ребра Иисуса. Фома считал вложение руки в ребра несомненным удостоверением в том, что являющийся по смерти действительно не есть призрак, а воскресший из мертвых Иисус Христос. Если же в истории воскресения весьма важным обстоятельством было прободенное ребро Иисусово, то и в истории страданий Спасителя святой Иоанн не мог не обратить внимания на то, как и при ком совершилось прободение ребра в теле Спасителя, тем более, что он один рассказывал об этом прободении. Прободенное ребро — несомненный знак, что Иисус умер, так же как явление Иисуса с прободенным ребром — доказательство тому, что Он воскрес. С другой стороны, в послании своем святой Иоанн пишет: *Всяк дух, иже не исповедует Иисуса во плоти пришедша, от Бога несть* (1 Ин. 4:3), и потом в оправдание сей мысли говорит: *Сей есть пришедый водою и кровию и духом, Иисус Христос, не водою точию, но и кровию* (1 Ин. 5:6), то есть указывает на то самое событие гол-

гофское, о котором говорит он в Евангелии. Значит, по мыслям святого Иоанна, истечение крови и воды из прободенного бока Спасителева служит доказательством тому, что Иисус Христос вместе с тем, как был и есть истинный Сын Божий, вечное Слово Отца, был и есть истинный человек. В таком духе писал и ученик святого Иоанна, святой Игнатий Богоносец: «Он истинно потерпел гонение при Понтии Пилате, истинно распят и умер. Если же некоторые безбожники, то есть неверы говорят, что Он пострадал по видимости, то сами они живут только по видимости».

Быша бо сия, да сбудется Писание: кость не сокрушится от Него, и паки другое Писание глаголет: воззрят Нань, Егоже прободоша (ст. 36–37). Тогда как синедрион употреблял все усилия унизить и обесчестить Иисуса, по распоряжению неба дела синедриона обращались только к славе Иисуса. Синедрион желал пребитием ног Спасителя увеличить страдания Его и еще позорнее представить смерть Его как смерть отверженного небом преступника. А исполнение этого замысла кончилось тем, что еще два предсказания о Мессии исполнились над Иисусом.

Первое предсказание относилось к пасхальному агнцу. По закону Моисея (Исх. 12:10), пасхального агнца надлежало печь целым и не ломать ни одной кости его. Это постановление было само по себе непонятно: ни в празднике, ни в агнце, ни в случае, по которому установлен пасхальный праздник, нельзя было указать причины сему установлению. Потому это установление само собою показывало, что причина его скрывалась в особенном совете Божием о судьбах человечества, или, что то же, агнец пасхальный был образом другого – небесного Агнца. Святой Иоанн Креститель уже называл Иисуса Христа Агнцем Божиим, вземлющим грехи мира (Ин. 1:29). И вот исполняется над Иисусом то, что было прообразовано пасхальным агнцем: кости Его не сокрушаются. Это исполнение тем более поразительно, что совершается в тот самый вечер, когда по закону вкушали пасхального агнца.

Второе предсказание взято из пророческого видения Захарии. Пророк говорит: «Излию дух благодати и щедрот на дом Давида и на жителей Иерусалима, и воззрят на Него, Которого пронзили. И будут плакать о Нем, как плачут о Единородном» (12:10). Сказав потом (ст. 11–14), что будут плакать колена и семейства, пророк говорит: «В тот день будет открыт источник дому Давидову и живущим во Иерусалиме для омовения грехов и скверны» (ст. 13:1). Затем (13: 2–6) описывает истребление идолов и ложных прорицаний; и все это предсказание говорит Иегова (12:1). Таково пророчество пророка! И предание иудейское видело в этом пророчестве пророчество о Мессии (Талмуд Иерусалимский). Слова «Излию дух благодати» не мог произносить от лица своего ни пророк, ни кто-либо другой из обыкновенных сынов человеческих. Открыть источник для омовения

греха и истребить всякое суеверие мог также только Мессия. Наконец, Тот, Кто называется здесь пронзенным, есть вместе Иегова. Святой Иоанн в апокалиптическом видении своем указывает в пророчестве Захарии Христа Иисуса (Откр. 1:7). Таким образом, синедрион против собственных намерений пронзил Своего Мессию. По распоряжению высшему это допущено было с тем, чтобы во исполнение пророчества способные из сынов Израиля к приятию духа благодати при воззрении на Прободенного оплакали грех распятия Мессии в духе благодатного раскаяния (Деян. 3:19), а ожесточенные бесплодно оплакивали тот же грех целую вечность.

К вопросу о неперебитии голеней распятому Господу (Ин. 19: 31–34)

«Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1884

В Евангелии от Иоанна (19: 31–34) к рассказу о распятии, смерти и погребении Господа, общему у него с другими евангелистами, присоединено повествование о том, что по просьбе иудеев воины перебили голени разбойникам, распятым на кресте с Иисусом, дабы не оставить тел на кресте в субботу; Иисусу же не перебили голеней, так как увидели Его умершим, но один из воинов копьем пронзил Ему бок. Почему воин копьем пронзил ребра Господа — это понятно: он хотел доподлинно узнать, действительно ли не было признаков жизни в Иисусе, чтобы не было никакого сомнения в действительности смерти Его и чтобы в этом доподлинном дознании иметь на случай пред начальством оправдание того, что они (воины) не перебили голеней Иисусу. Понятна и забота иудеев о том, чтобы поскорее умертвить повешенных на кресте, снять их и погрести: закон Моисеев (Втор. 21: 22–23) не дозволял тела казненных чрез повешение оставлять на дереве на ночь, а предписывал погребать их в тот же день; в данном случае эта забота их была тем естественнее, что на другой день была суббота праздника Пасхи — величайшего праздника евреев. Но некоторое недоумение вызывает евангельский рассказ о самом способе насильственного ускорения смерти повешенных на кресте. В объяснение этого способа говорят, что хотя у евреев не видно следов этого жестокого обычая перебивать голени распятым, но так как сами евреи не имели права ускорять смерть казненных, как и наказывать смертью, то и просили они Пилата (наместника римского правительства), чтобы перебиты были голени распятых, как в обычае было у жестоких римлян. Этот жестокий обычай перебития голеней употреблялся у римлян как жестокое наказание и особо (см. «Толк. Ев.» архиеп. Михаила). Но вот в чем вопрос: почему именно этот, а не какой-либо другой способ был в широком употреблении у римлян? И почему перебитие голеней как средство для ускорения смерти не приложено было к Иисусу?

Евангелист говорит, что Иисус уже умер. Но по его же сказанию один из воинов счел нужным для окончательного удостоверения в смерти Господа копьем пронзить Ему бок; стало быть, относительно этой смерти оставалось какое-либо сомнение. Мало сказать, что в данном случае воин действовал из сострадания к распятому Иисусу, Который, вероятно, самым видом Своим, кротким и изможденным, не в пример сораспятых с Ним, невольно возбуждал жалость в Себе; потому что и употребленное взамен перебития голеней пронзание копьем в бок — далеко не гуманное средство к тому, чтобы доподлинно дознать, жив или не жив повешенный. И если бы и после этого дознания Господь каким-либо невольным вздрагиванием обнаружил в Себе признаки жизни, то едва ли бы можно было ожидать, что жестокое средство перебития голеней не было бы приложено к Нему. Да и самое перебитие голеней, при всей жестокости этого действия, едва ли можно представлять самым верным средством ускорить смерть повешенного. Поэтому думается нам, что мотивом, по которому вошло в законное и обычное употребление у римлян жестокое наказание перебитием голеней осужденному, было нечто другое, а не простое соображение о скорейшей смерти преступника. Не по тому же ли соображению практиковалось это средство, по какому и у нас еще ворам-конокрадам отбивают пятки или наколачивают в них гвозди, чтобы воры с отбитыми пятками не могли уже бегать? У римлян было к тому же иногда в обычае не пригвождать ко кресту, а вешать на крест осужденного, привязывая его ко кресту веревками по рукам и ногам; а при таком способе крестной казни возможна была еще мысль о побеге, особенно для сильных и здоровых натур, каковыми были иногда гладиаторы, атлеты и т.п. Понятно, во избежание побега нужно было стеречь повешенного, что должно было быть, конечно, делом воинов, и делом, нужно согласиться, не особенно приятным. Чтобы избавиться от этого неприятного дела, с одной стороны, а с другой — не подпасть обвинению в нерадении, и придумано, быть может, было такое средство, как перебитие голеней повешенного. От этого перебития голеней ускорялась и самая смерть повешенного на кресте; но это было уже естественным следствием, а не целью перебития голеней, практиковавшегося для прекращения всякой возможности к побегу. Понятным теперь становится и то, почему один из воинов, производивших казнь над Господом и двумя разбойниками, повешенными с Ним, для доподлинного удостоверения в действительности смерти Господа употребил не перебитие голеней, которое к тому же так бы гармонировало с общим враждебным настроением народа к Иисусу, а именно пронзание копьем ребр Его. Самый вид Господа, измученного и обессиленного предыдущими распятию страданиями Его, должен был подсказать воину, что относительно Этого Человека не может быть мысли о побеге, и он копьем пронзил Ему бок.

Святой Иоанн, рассказав о разбираемом событии, замечает: *Ибо сие произошло, да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится.* В объяснение этого замечания евангелиста епископ Михаил говорит, что если неперебитие голеней предуказано было еще в Ветхом Завете и исполнилось теперь на Иисусе Христе, то этим ясно показывается, между прочим, то, что Он есть истинный Мессия. Место Писания, приведенное здесь, взято из книги Исход (12:46). По закону пасхальному, у агнца пасхального не должны быть сокрушаемы кости, а все оставшееся от снедения его должно быть предано огню. Иоанн указывает причину сего, непонятную в отношении к агнцу пасхальному самому по себе, в том, что он прообразовал истинного пасхального Агнца Христа, у Которого не должны быть сокрушены кости в пречистом теле Его. В прообразе было так наперед ради истины, то есть ради того, что так должно было быть в событии, прообразованном им. Почему же в самом этом событии дело это должно было случиться так, а не иначе? Если сам евангелист и замечанием о несомненной подлинности своего рассказа о нем с присовокуплением слов, что он для того и рассказал, чтобы читатели веровали в него (ст. 35), и ссылкой на исполнившееся на Нем ветхозаветное пророчество (ст. 36) дает нам знать, что это событие важное, достойное особенного внимания, то естественно ожидать, что в событии этом есть какой-либо внутренний смысл, объясняющий нам не только его фактическую естественность, а и его логическую законность и необходимость, по которой оно и должно было быть именно таким, а не иным.

Указанные нами соображения о цели, с какою обычно перебивали голени повешенному, дают собою нить к открытию этого смысла. Цель эта — прекратить для повешенного на кресте всякую возможность к побегу, так чтобы у него не могло остаться и мысли не только о побеге, а и о том, что если он висит — терпит наказание, то переносит его не добровольно и сознательно, а поневоле, по необходимости. Между тем мысль о вольном шествии Господа на страдания и сознательном перенесении Им этих страданий до конца — главная мысль в догмате об искупительном значении этих страданий. *Се иду*, сказал Он в предвечном Совете, *и не отвержеся.* Вся жизнь Его была именно вольным шествием на эти страдания, и Он пострадал чрез три с половиною года после выступления на служение роду человеческому не потому, что так сложились внешние обстоятельства; ибо и прежде не раз и народ сам хотел, и начальники посылали служителей, чтобы схватить Его, но не могли, потому что не пришел час Его. Даже тогда, когда настал этот час, Он веден был сначала на допрос, а потом и на казнь не потому, что не мог сопротивляться, а потому, что Сам того хотел. Воины взяли Иисуса не насильно, а когда Он Сам спросил их: *Кого ищете?* — и Сам предал Себя им. Сам нес крест Свой, чтобы показать, что

Он добровольно страждет. Для этого же Он не хотел пить и оцта с желчью, чтобы показать миру, что страдания Его вольные и сознательные. Не для этого ли в Предвечном Совете положено было и умереть Ему прежде, чем воин подошел для перебития голеней, чтобы те, которые в своих неверующих насмешках говорили Ему: «Сойди со креста, и мы уверуем, что Ты Сын Божий», и подобные тем, ни тогда, ни после когда-либо не посмели сказать, что Он потому и не сошел с креста, что не мог, что у Него перебиты были голени? Не для того ли и было сие, чтобы ясно было для всех и не сомнительно, что Господь наш Иисус Христос испил чашу Своих страданий до дна добровольно и сознательно – по любви к людям, чтобы поэтому мы смело могли надеяться на искупительное значение этих страданий, чтобы мы веровали в Него как Спасителя Своего, чтобы на Нем исполнилось слово Предвечного Совета; лишь в прообразовательном событии пасхального агнца открытое нам, что Он добровольно страдал за нас, что в Своих страданиях Он не сопротивлялся до того, чтобы в неравной борьбе с мучителями сокрушились кости Его, что Он не противился злу и оттого нога Его не повредилась, как у Иакова? И пусть не говорят нам, что уступил же Он насилию, когда вознесен был на крест; Он вознесен был свободно; свободно Он отказался и от оцта и желчи. Но Он не должен был свободно отказаться от перебития голеней, чтобы не уличили Его в малодушии; с другой же стороны, не должен был иметь на теле Своем ясные следы разрушения от перебития голеней. Нужно было, чтобы ясно было для всех, что Он цел и невредим остался в Своей человеческой природе, и в смерти Своей, бывшей нетленною.

Символическое значение крови и воды, истекших из прободенных ребер Спасителя

Прот. Нечаев. Уроки покаяния, заимствованные из Евангелия в Великом каноне святого Андрея Критского. «Душеполезное чтение», 1881

Да будет ми купель кровь из ребр Твоих, вкупе и питие, источившее воду оставления, да обоюду очищаюся, помазуюся и пия, яко помазание и питие, Слове, животочныя Твоя словеса. (Кровь из бока Твоего, Слово, да будет мне купелью, и истекшая вода – питием отрады, дабы мне тем и другим очищаться, употребляя вместо масти и пития животворные слова Твои).

Кровь Христа, истекшая из ребер Его, есть купель в том смысле, что сею кровию по вере в ее искупительную силу омываются грехи в таинстве крещения, потом в таинстве покаяния.

Вода, вместе с кровию истекшая из ребер Распятого, знаменует в рассматриваемом стихе животворные словеса Христовы, то есть учение Христа о спасении. Это учение поистине животворно: как вода утоляет жаж-

ду, так и учение Христово есть питие отрады, ибо вносит в душу мир и успокоение, возвещая о спасении грешнику, томящемуся жаждою спасения, но не находящему в себе самом средств к утолению этой жажды. Это же учение имеет свойство также елея, возливаемого на раны и умягчающего боль от них. Грех — это язва для души. Душа, уязвляемая грехом, испытывает не менее острую боль, как и от телесных ран. Эта боль есть естественное последствие пустоты душевной, сопутствующей греху, жгучей жажды новых греховных ощущений для ее наполнения, всегда бесплодных и потому мучительных, особенно же тревог совести, по временам пробуждающейся и в закоренелых грешниках. Животворные слова Христовы заключают в себе благодатную силу, достаточную для обличения душевной боли и для умягчения ее. Слово *мир*, изрекаемое кающемуся грешнику устами священнослужителя в таинстве исповеди от лица Самого Христа, не есть праздное слово, праздное выражение доброго желания, подобное житейским выражениям благожелательства, а проводник действительного духовного мира и радости в кающуюся душу, по обетованию Христову: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам* (Ин. 14:27). Поистине мир Христов есть елей, умягчающий боль от душевных язв; поистине слово этого мира есть животворное слово.

Чудесные знамения, последовавшие за смертью Господа нашего Иисуса Христа (Мф. 27: 51–53)

Архимандрит Никодим

Знамения и чудеса, прославившие земную жизнь Богочеловека, не кончились с Его жизнью. Когда Начальник жизни нашей (Деян. 3:15), Господь Иисус Христос, пригвожденный ко кресту, испустил дух — последовал целый ряд необычайных, поразительных знамений. *И се завеса церковная раздрася на двое с вышняго края до нижняго: и земля потрясеся, и камение распадеся: и гроби отверзошася, и многа телеса усопших святых восташа: и исшедше из гроб, по воскресении Его, внидоша во святый град и явишася мнозем* (Мф. 27: 51–53).

Господь никогда без особенного намерения и благодетельных целей не являет Своей чудодейственной силы. И голгофские знамения, без сомнения, имеют особенное глубокое значение. Чудодействующая десница Божия чрез них благоволила показать величие и могущество Распятого на кресте, величие и силу тех благ, какие дарованы людям Его смертью. Сам Господь Иисус предсказал о сих знамениях и предварительно указал их значение и цель. Он говорил однажды иудеям: *Егда вознесете Сына Человеческаго*, то есть когда распнете Меня, — *тогда познаете, яко Аз есмь* (Ин. 8:28), то есть тогда узнаете, что Я истинный Сын Божий, узнаете Мою силу и власть.

В час смерти Иисуса Христа завеса раздралась надвое, сверху донизу, во храме Иерусалимском. Это была та завеса, которою святое святых отделялось от святилища (Исх. 26:33; 2 Пар. 3:14). В храме Иерусалимском, кроме *двора*, в котором стоял народ во время богослужения, были две главные части: святилище и святая святых*. Важнейшею частью храма было *святая святых*. Здесь находился ковчег завета, самая главная святыня иудейского храма. Он был сделан из драгоценного дерева вне и внутри окован самым чистым золотом. Наверху его был золотой покров, названный *очистилищем*, по обеим сторонам которого стояли два изображения херувимов. В ковчеге хранились скрижали закона, золотой сосуд с манною и жезл Ааронов. Очистилище было престолом, с которого Бог принимал поклонение и давал слышать глас Свой и открывал волю Свою. Сделанная из богатой ткани и украшенная шитьем завеса (Исх. 20: 31–32) отделяла сию часть храма от святилища. В святилище ежедневно входили священники совершать богослужение (Евр. 9:6). Но в святая святых входил один только первосвященник, один раз в год, с кровью жертвенного животного для очищения грехов своих и грехов народа. Это было в один из великих праздников иудейских, в день *очищения*. Нет сомнения, что скиния Моисеева, будучи сотворена по образу, показанному Моисею Богом на горе (Исх. 25:40), а следовательно, и храм Иерусалимский, созданный по образу скинии, изображали собою предметы высшие, духовные, небесные. Важнейшая часть скинии и храма, *святая святых*, это место обитания Божия на земле, по изъяснению апостола Павла, изображала собою небо, где является славное присутствие Божие. Христос, говорит апостол, не в рукотворенное вошел святилище, но в самое небо (Евр. 9:24). Соответственно таинственному значению важнейшей части храма, и завеса, закрывавшая вход в нее, имела таинственное же знаменование. По объяснению апостола (Евр. 9:8), эта завеса таинственно изображала то, что путь в истинное святое небо тогда возбранен был людям. Созданный для неба, для жизни с Богом человек за нарушение Божественной заповеди лишен был того близкого общения с Богом, при котором для него прежде возможно было непосредственное беседование с Ним; заградил себе доступ к Богу и сам по себе не мог восстановить расторгнутого союза. Вот почему во время законодательства Синайского, где Господь явил Свое особенное присутствие, Он запретил евреям под страхом смерти подходить к горе ближе определенной черты. Этим Он показал, что люди, не имея святости, требуемой Богом и достойной Его, недостойны были и близкого доступа к Богу, так что, дабы хотя издали стоять пред Ним, они должны были совершить пред-

* В святилище находились: золотой стол с двенадцатью пресными хлебами, которые назывались *хлебами предложения*, золотой семисвечник и золотой кадильный алтарь, на котором каждодневно утром и вечером священники возжигали благовонный фимиам (кадило).

ный первосвященник, однажды в год входивший с кровью во святая святых. Когда Господь Иисус как истинный Первосвященник, скажем словами апостола Павла: *не с кровию козлов и тельцов, но со Своею пречистою кровию вошел единожды во святилище, не в рукотворенное святилище, которым изображается истинное, но в самое небо, и явился пред лицем Божиим*, как Ходатай за нас для уничтожения грехов наших (Евр. 9: 12, 24); тогда Он снова отверз людям небо, опять даровал нам доступ к Богу. И о сем-то великом благодеянии, дарованном человечеству смертию Сына Божия, чудодействующая десница Божия проповедует людям раздранием церковной завесы. Посему апостол Павел писал к верующим, что они имеют свободу входить во святилище, за завесу, куда Предтеча Иисус вошел за нас (Евр. 6:20; 10: 19–20). За Христом, Предтечею о нас, мы можем теперь приступать *к Сионстей горе и ко граду Бога живаго — Иерусалиму небесному и тмам ангелов, торжеству и Церкви первородных, на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных, и к Ходатаю завета нового Иисусу, и крови кропления, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. 12: 22–25).

Раздрание церковной завесы означало вместе и то, что со смертью Иисуса Христа Ветхий Завет кончился и жертвы ветхозаветные отменены. По учению апостола Павла, все ветхозаветное устройство имело временное назначение, установлено было только до времени лучшего распоряжения (Евр. 9:10). Дары и жертвы ветхозаветные не могли сделать совершенными приносящих (Евр. 10:1); не могли вполне успокоить совести (Евр. 9:9), не могли истребить грехов их (Евр. 10:11), ибо невозможно, чтобы кровь волов и козлов уничтожала грехи (Евр. 10:4). Напротив того, сими жертвами каждогодно делалось только напоминание грехов (Евр. 10:3). Посему, когда Христос в конце веков явился с жертвою Своею для уничтожения греха (Евр. 9:26), когда Он единожды вошел во святилище со Своею кровию, очищающею совесть нашу от мертвых дел (Евр. 9: 12, 14), когда единократным приношением тела Иисус Христова верующие в Него освящены (Евр. 10:10) и соделаны совершенными (Евр. 10:14), тогда Ветхий Завет и все жертвы ветхозаветные стали не нужны. Ибо где прощение грехов, там не нужно уже приношение за них (Евр. 10:18). После жертвы Иисуса Христа, живой и духовной, кровь козлов и тельцов потеряла свое значение, Завет Ветхий отменен, и в знамение сего раздирается церковная завеса ветхозаветного храма.

Вместе с раздранием церковной завесы в час смерти Христа Спасителя последовало землетрясение и распадение камней. Евангелисты не говорят того, что землетрясение ограничилось одною Палестиною. А по свидетельствам языческим видно, что оно было замечено и в других местах. Флегонт, язычник второго века, пишет, что на 4-м году 202 Олимпиады (то есть в год страдания и смерти Христа Господа) было сильное землетрясе-

ние в Вифинии и разрушило большую часть Никеи. Другой языческий писатель, приводимый Евсевием, говорит о том же годе, что тогда землетрясение колебало Вифинию и большая часть Никеи пала. Святой Кирилл Иерусалимский, спустя три века после смерти Спасителя, вслух христиан Иерусалимских говорил, что на скалах, окружающих Иерусалим, сохранились еще следы разрушения, совершившегося во время смерти Господа Иисуса. Святой мученик Лукиан в речи своей пред Никомидийским префектом говорил о Христе: «Он умер для того только, чтобы воскресением победить смерть. То, что говорю вам, совершилось не в темном месте и не остается без свидетелей. Если еще не верите, приведу вам в свидетели то самое место, где совершилось событие. Согласно с этим самое место в Иерусалиме и Голгофская скала, расторгшаяся под тяжестью креста».

Сии знамения, то есть землетрясение и распадение камней, были гласом природы, которая, не терпя видети распинаема своего Творца и Владыку, изъявляла свое сострадание к Распятому и негодование на распинателей. Припомним здесь то, что говорил Иисус Христос фарисеям во время торжественного входа Своего в Иерусалим. Тогда народ, бывший неоднократно свидетелем чудес Христовых, подстилал Ему свои одежды по дороге и восклицал: *Благословен грядый Царь во имя Господне: мир на небеси и слава в вышних*. Фарисеи, слыша сие, предложили Господу запретить сие народу, но Он отвечал: *Глаголю вам, яко аще сии умолчат, камение возопиют* (Лк. 19:40). Слова сии подтвердились тем, что было во время смерти Иисуса Христа. Когда в Распятом на кресте иудеи не хотели видеть своего Мессию, когда и самые ученики Его в ужасе разбежались, тогда потрясшаяся земля и распавшиеся камни в обличение первых и утешение последних вещали, что Распятый есть Бог всея твари.

Свидетельствуя о Божественном достоинстве Распятого, знамения сии служили также знаком того, что после смерти Господа на земле должно произойти великое потрясение и переворот в человечестве, великое нравственное обновление живущих на земле. Человечество в нравственном отношении было тогда не что иное как поле, исполненное сухих костей, в которые надлежало ввести дух животен, которым надлежало дать жилы и плоть, чтобы они ожили (Иез. 37); людям надлежало выйти из того нравственного растления, в каком находились они. И сей-то переворот произведен смертью Спасителя. Немного проходит времени после смерти Господа, и на земле уже не то, что было прежде. Ученики Распятого с евангельскою проповедью обтекают землю. Мрак многобожия и идолопоклонства видимо исчезает. Люди, сидящие во тьме и сени смертной, усматривают свет велий, от ложных богов обращаются к Богу живому, Который сотворил небо и землю, море и все, что в них (Деян. 14:15), и научаются почитать Его. Они познают добро и научаются быть добродетельными.

И о сем-то великом изменении человечества и обновлении его смертию Иисуса Христа чудодействующий Бог возвещает людям чрез потрясение земли во время Его смерти. Так еще издали вдохновенный пророк Аггей будущее просвещение и изменение людей евангельскою проповедью представляет под образом потрясения всех языков. *Сице глаголет Господь Вседержитель*, вещает он, *еще единою Аз потрясу небом и землею и морем и сушею, и сотрясу вся языки, и приидут избранная всех языков* (Агг. 2: 7–8). Также пророк Иезекииль под образом оживления сухих костей представив будущее нравственное обновление человечества благодатию Евангелия, говорит: *Се трус, и совокупляхуся кости, кость к кости, каяжда к составу своему, и быша им жилы и плоть растяше* (Иез. 37).

В частности, распадение камней служило указанием на сокрушение окаменевших сердец человеческих, изменение их свойств и расположений благодатию Христовою. Господь устами пророка Иезекииля так возвещает о сем людям: *И дам вам сердце ново и дух нов, дам и отъиму сердце каменное от плоти вашея и дам вам сердце плотяно: и дух Мой дам в вас. И сотворю, да в заповедех Моих ходите, и суды Моя сохраните и сотворите я* (Иез. 36: 26–27). И действительно, с принятием веры в Распятого люди получают сие новое сердце и новый дух. Они приемлют благодать Божию, которая смягчает их каменные сердца и преклоняет к добродетели.

После потрясения земли и распадения камней, за смертью Господа Иисуса последовало знамение более других поразительное – отверстие гробов и воскресение многих усопших святых, которые, вышедши из гробов, по воскресении Господа явились многим во Иерусалиме. Думают, что воскресли те святые, которые ожидали пришествия Мессии Господа, в которых это ожидание было действующим началом всей жизни; восстали, впрочем, не все из этих святых, но только те, которые могли быть узнаны почему-либо, которые известны были при жизни, или, как говорит святой Епифаний, могли быть узнаваемы своими, как умершие за несколько времени пред тем. Посему со всею вероятностью полагают в числе воскресших Симеона Богоприимца и Анну пророчицу, Захарию и Елисавету. Есть предание о воскресении и явлении двух сыновей Симеона Богоприимца.

Знамение сие имеет прямое отношение к смерти Иисуса Христа, служа очевидным изображением ее силы и величия. Оно засвидетельствовало, что Богочеловек Иисус Христос Своею смертью попрал смерть, *упразднив имущаго державу смерти, сиречь диавола*, избавил находящихся в его власти и извел их из ада для вечной жизни на небесах.

Знамение сие служит также залогом нашего будущего воскресения. И после того как Своею смертью Иисус Христос сокрушил царство смерти, люди умирают, как умирали прежде. Но мы твердо веруем, что некогда труба архангела воззовет всех людей из гробов их, *да приимет кийждо*, в

день Страшного Суда Божия, *яже с телом содела или блага или зла* (2 Кор. 5:10). Иисус Христос, победив смерть, силою Своею воскресил многа телеса усопших святых; Он же воскресит и всех нас. *Якоже о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут* (1 Кор. 15:22).

Мысли св. Григория Двоеслова о воскресении усопших, последовавшем за смертью Иисуса Христа (Мф. 27:53)

«Воскресное чтение», 1808

И многа телеса усопших святых восташа (Мф. 27:53). Имеем уже надежду воскресения нашего, взирая на славу Главы нашего Господа Иисуса Христа. Но чтобы кто-нибудь и несколько не усомнился даже в мыслях своих и не подумал, что Христос потому воскрес, что был вместе Бог и человек (как Бог Он победил смерть, которую подъял как человек), а мы как обыкновенные люди не можем освободиться от осуждения смерти, — для сего во время воскресения Своего Он воскресил телеса многих святых, чтобы в Своем воскресении показать образ, а воскресением других, подобных нам, человеков утвердить надежду нашего воскресения. Теперь, если бы человек не надеялся восприять то, что явил в Себе Богочеловек, то должен увериться, что несомненно произойдет то же и с ним, что совершилось в других, которые, без всякого сомнения, были такие же люди. Есть, впрочем, и теперь такие маловеры, которые, видя, как дух разрешается от плоти, как плоть предается тлению, как тлением превращается в прах, как прах до того измельчается и разрешается на свои начала, что становится неприметным для глаза, — сомневаются в возможности воскресения; и когда видят голые и сухие кости — не верят, чтобы они опять облеклись плотию и ожили для жизни. Но если не хотят веровать воскресению из повиновения Слову Божию — должны поверить хотя собственному разуму. Ибо что являет нам ежедневно мир, как не образ нашего воскресения? Мы видим каждодневно, что временный сей свет как бы умирает, когда наступает ночь, и как бы воскресает опять, когда рассеивается ночной мрак. Видим также, как в известное время года деревья сбрасывают с себя свой зеленый покров, остаются голы и бесплодны; и вот при наступлении весны, как бы при наступлении дня воскресения, на голых ветвях развертываются листы, вырастают цветы и плоды, и ожившее древо является во всей красоте своей. Непрестанно видим, как из малых древесных семян, вверенных земле, вырастают большие древа, украшенные листами и плодами. Рассмотри же малое семя, которое ввергается в землю и из которого вырастает потом какое-либо древо; и изъясни, если можешь, где в таком малом семени сокрывалось выросшее из него столь огромное древо,

где корень, где древесина, где кора, где зелень листов, где красота и вкус плодов? Было ли видно что-либо похожее в семени, когда бросали его в землю? И однако, по чудному устроению Зиждителя всяческих, и в мягкости семени скрывалась жесткость коры, и в нежности его – крепость древесины, в сухости – обилие плодоношения. Что ж удивительного, если мельчайший прах, когда восхощет, образует в человека Тот, Кто из малейших семян произращает величайшие древа? Будучи созданы разумными, мы должны были бы чрез рассмотрение окружающих нас тварей уверяться в собственном воскресении и бессмертии; но поелику разум наш притупел и помрачился, то является в помощь благодать Искупителя. Приходит к нам Сам Творец, подъемлет смерть, являет воскресение, чтобы мы, не могшие убедиться разумом в истине воскресения, убедились Его примером. Но для вразумления нашего невежества, для укрепления нашей немощи Господь наш благоволил явить нам пример воскресения не только Своего, но и многих. Ибо один Он умер на кресте, но не один воскрес, а много, *телеса усопших святых восташа.* Теперь отъяты все предлоги неверия. Дабы не сказал кто: «Не может ожидать себе человек того, что явил во плоти Своей Бог», – вот, с Богочеловеком воскресают те, о коих не можем сомневаться, что они были подобные нам человеки. Итак, если мы члены нашего Искупителя, то можем ожидать того же, что совершилось в Главе; должны по крайней мере ожидать того же, что совершилось в других, бывших прежде нас, членах.

Иннокентий, архиеп. Херсонский.
Из Слова в пяток Светлой седмицы. Киев, 1842

И изшедше из гроб (святые), *по воскресении Его, внидоша во святый град, и явишася мнозем* (Мф. 27:53). Кто воскресшие? Святые, ответствует евангелист, а какие именно, не сказывает. Почему не сказывает? Между прочим, конечно, и потому, что имена их не могли придать ничего к их воскресению. Воскрес тот или другой праведник, все равно: сила не в имени воскресшего, а в воскресении, в чуде. Если, впрочем, судить по приличию, коего не чуждаются и чудеса, то всего ближе было воскреснуть тем, кои преимущественно соединены были по плоти с воскресшим Господом, как Авраам, Давид или яснее других предсказали Его смерть и воскресение, как Исаия, Иезекииль, Даниил; или явственнее предызобразили сии события своею жизнью, как Иов и Иона. Если судить по нужде – быть скорее узнанными от тех, кому воскресшие являлись по воскресении; то, кажется, надлежало воскреснуть недавно почившим, каковы были Иоанн Креститель, Симеон, Анна, Иосиф и проч. А может быть, все сии соображения как низшего порядка, не имели в сем случае силы, а воздействовало одно высшее соображение: воскресли те, в коих, по внутреннему их че-

ловеку, наиболее отразилась сила смерти и Воскресения Господа, то есть праведники совершеннейшие; хотя к числу их могли принадлежать и те, коим приличествовало воскреснуть по другим отношениям, нами указанным. Как бы то ни было, только сонм воскресших был не мал: много телеса усопших святых *восташа*. Торжественная свита такого Победителя и Царя, каков Сын Божий, не могла быть скудна и малочисленна.

Но моя мысль при сем невольно останавливается на одном выражении евангелиста о воскресении святых: *телеса усопших святых восташа*, говорит он. Почему не говорит: святые восстали, или воскресли; а *телеса их восташа и изыдоша из гробов*? — Как бы сии телеса уже давно лежали в гробах, готовые к восстанию и исшествию! Такие выражения весьма прилично можно бы употребить о воскресении телес угодников Божиих, нетленно в нашем граде почивающих. Но мы нисколько не видим из истории Церкви Ветхозаветной, чтобы в ней были какие-либо нетленные телеса усопших святых. Откуда же взялись в Иерусалиме телеса, кои, по свидетельству евангелиста, *восташа и изыдоша* из гробов в час смерти Господа? Можно отвечать различно; а мне кажется это знаком, что в гробах усопших уже находятся таинственным образом начатки тех нетленных телес, в кои имеют облещися души в последний день; подобно как в продолжение зимы уже находятся в семенах, посеянных осенью, телеса будущих летних растений; так что, если бы каким-либо чудом воссияло среди зимы летнее солнце, то они вышли бы из своих гробниц и явились взору всех.

Когда именно *восташа* телеса усопших святых и когда *внидоша во святый град, и явишася мнозем*? Восстали тотчас по смерти Господа на кресте. Ибо, когда *Иисус, возопив гласом велиим, испусти дух* и когда вследствие сего *завеса церковная раздрася, земля потрясеся, камение распадеся*, — в то же время, по свидетельству евангелиста, и *гроби отверзошася, и многа телеса усопших святых восташа*. Но исшествие из гробов, вшествие во святой град и явление многим, по указанию евангелиста, последовало не вдруг по смерти Господа, а после — по Его преславном воскресении. Здесь опять не без тайны. Смерть Господа представляется как бы великим ударом громовым, который раздался по сему миру, привел в сотрясение всю землю, сокрушил твердыни адовы и пробудил почивавшие в сердце земли телеса святых; и вот, они восстали, разрешились от уз смерти, но всю полноту обновленной жизни восприяли не прежде, как по воскресении и от воскресения Господа, *да будет Он*, по выражению апостола, *во всем первенствуя*.

Кому являлись воскресшие святые? *Мнозем*, ответствует евангелист; а кому именно — опять не указывает; может быть, потому, что число удостоившихся явления было очень велико, а имена их не так примечательны. В самом деле, не видно, чтобы восставшие святые являлись, например, апостолам. Много ли бы для них значило сие явление, когда они несколько

раз имели счастие видеть Самого воскресшего Учителя своего? Подобное, кажется, должно сказать и о всех прочих, удостоившихся видеть Самого Господа по Его воскресении. Воскресшие святые, вероятно, должны были явлением своим заменить Его явление; посему, кому являлся Он Сам, тому не являлись уже они. И Он Сам являлся многим; ибо в последний раз явился, по свидетельству Павла, более пятисот *братиям*; но воскресшие праведники, может быть, являлись еще множайшим из последователей Господа; так что все имевшие нужду в скорейшем свидетельстве о воскресении Его прияли оное от совоскресших с Ним. А может быть, удостоились сего свидетельства и некоторые из неверовавших дотоле в Господа, но имевших в душе расположенность к вере, подобно тому как еще высшая милость оказана потом — в особенном, чрезвычайном виде — Савлу.

Явление воскресших праведников по самому существу своему было самым сильным свидетельством истины воскресения Иисуса Христа и Его Божественного достоинства. Когда воскресший кому-либо говорил: я воскрес силою Иисуса распятого и воскресшего; веруй в Него также несомненно, как несомненно видишь теперь меня, то всем сомнениям надлежало исчезнуть, всем возражениям пасть самим собою.

Что последовало с воскресшими праведниками, по окончании их явления многим? В разрешение сего вопроса ни евангелист, ни церковная история не говорят ни слова. Но самое молчание дееписаний дает знать, что явившиеся праведники не остались на пребывание в Иерусалиме не только между неверующими, но и между теми, коим являлись. Как бы они начали жить на земле? Земля явно была не по них; равно как и они не по земле. Куда же отошли они? Ужели во гробы, из коих вышли? Это было бы несообразно с их воскресением. Если Лазарь воскрешенный умер паки, по прошествии известного времени, то должно помнить, что Лазарь воскрес с прежним телом, то есть с обыкновенным человеческим телом; а святые, воскрешенные смертью Господа, воскресли в теле обновленном, таком, каковы будут телеса всех святых по всеобщем воскресении, или близком к тому. С таким телом как опять разлучаться душе? Такому телу как входить паки во гроб? И для чего? Посему-то святые отцы издревле полагали благочестно, что воскресшие святые не умирали уже паки, а сопровождали невидимо Господа на небо при Его вознесении, составив из себя вокруг Его начатки обновленного человечества, к коему потом присоединилась в свое время Матерь Божия, взятая с телом на небо, и, может быть, присоединяются по временам другие святые.

Обратимся к последнему вопросу: в какой связи это воскресение святых с воскресением Самого Господа? Во внешней ли только, по действию всемогущества Божия, которое воззвало к жизни святых в минуту смерти Всесвятого, дабы дать свидетельство о Его невинности и Божественном

достоинстве? Или и в связи внутренней, как действие, выходящее из своей причины непосредственно, как эхо после звука громового? Если бы не было внутренней, непосредственной связи смерти Господа с восстанием святых, то Ему не надлежало бы, кажется, и происходить в это время, дабы не быть преждевременным; ибо явление их многим во святом граде имело последовать не прежде воскресения Господня; посему тогда же, а не прежде, надлежало бы произойти и их воскресению, дабы таким образом избежать промежутка времени, в противном случае вовсе не нужного. Между тем, хотя время свидетельствовать о Воскресшем не наступило еще, но святые воскресают; и это происходит в ту самую минуту, когда Господь предает на кресте Свой дух Отцу. Как после сего не подумать, что они восстают именно от всесильного дуновения сего животворящего духа? Посему-то мы и уподобили смерть Господа такому великому удару, который сотряс весь мир и возбудил, по выражению Церкви, мертвые от века. Возбуждены все, но действие не во всех произошло равное, смотря по различию почивавших. Для большей части оно ограничилось тем, что почившие, пробудясь от сна смертного, могли за Победителем смерти, по Его сошествии во ад, выйти вслед Его своими душами из ада. А другие, кои спали тонее и легче, по возбуждении своем столько прияли в себя живоносной силы от воскресшего Господа, что не только вышли душою из ада, но восхитили с собою и самые свои телеса из гробов и, облекшись ими, могли в благодарность послужить своим явлением для многих Воскресшему, а потом в награду вознестись вслед Его на небо. В сем смысле еще святой Игнатий Богоносец называл настоящее воскресение святых продолжением, дополнением воскресения Господня.

Нравственные уроки из евангельского повествования о чудесных знамениях, последовавших за смертью Господа нашего Иисуса Христа (Мф. 27: 51–52, 54)

«Воскресное чтение», 1816

И се, повествует евангелист, *завеса церковная раздрася посреде, с вышняго края до нижняго.* Что значит это раздрание завесы храма? Это знамение для иудеев, да почувствуют они, что храм их и все жертвы более не угодны Богу, потому что принесена уже единственная спасительная Жертва, которой все обрядные жертвы были только прообразованием; да веруют они в сию всесвятую Жертву, если хотят спастись, и не надеются на свои обряды и на все свои внешние преимущества. Не служит ли это знамение наставлением и для нас, христиан? Так! И мы не должны надеяться ни на что более, как на силу искупительной Божественной Жертвы. Она одна

дает силу и нашим храмам, нашим священнодействиям и даже всем нашим добродетелям, а без нее все у нас было бы мертво, недействительно, без нее и мы были бы мертвы. Потому-то сам апостол говорит о себе: *Верою живу в Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мне* (Гал. 2:20). Верою в Сына Божия, *распятаго за ны, страдавша и погребенна*, живем и мы и спасаемся. Сия вера оживляет все благие надежды грешников кающихся; сия вера открывает нам и Царство Небесное. Не образовало ли и сего раздрание завесы в храме? Истинно так! Это раскрытие святого святых Иерусалимского образовало раскрытие святого святых небесного, то есть отверстие самого неба, *куда вниде Христос, да явится лицу Божию о нас* (Евр. 9:24), даровав и нам *дерзновение входити в сия святая кровию Его, путем новым и живым* (Евр. 10:19).

Но где, спросим, взять нам сил, чтобы отрешиться от оков земных, от уз греховных страстей и возвысить дух к небесному? Где взять сил, это показывает нам та же история страстей Христовых. Не видим ли мы, как сила креста проникает землю и она сотрясается; проникает твердые камни — и они распадаются? Так на неразумной природе показал Господь, что может сотворить Он в нашей природе разумной, если мы допустим действовать в нас силу Его страданий и смерти. Сею самою да сотрясется и наш земной ветхий человек, сею самою да сокрушатся твердейшие камни преграды, какие полагаем благодати Божией ожесточением сердец наших! Да совершится в нас то, что предсказал Бог у пророка: *И отъиму сердце каменное от плоти вашея, и дам вам сердце плотяно, и дух нов дам вам* (Иез. 36:27). Если силою креста Господня греховный мир распинается или делается недействующим в отношении к верующему и верующий в отношении к миру, то какие преграды постоят пред Его силою?

Смотрим далее на действие страстей Господних. Вот, в то же время, когда сотрясается земля и распадаются камни, отверзаются и гробы, и дух жизни входит в тела умерших. Что показывает сие? То, что сила страданий и смерти Христовой, разрушая преграды спасения, в то же время вводит дух жизни в сердца кающихся. И *сущии мертвии прегрешеньми сооживляются Христом* (Еф. 2:5), *отлагают ветхаго человека, тлеющего в похотех прелестных, и облекаются в нового человека, созданного по Богу в правде и преподобии истины* (Еф. 4: 22–24). И что еще? Вместе с жизнью для души та же сила Господня полагает в верующем семя бессмертной жизни для самого тела. Ибо *аще дух Воскресившаго Иисуса от мертвых живет в вас*, говорит апостол, *воздвигий Христа из мертвых оживотворит и мертвенная телеса ваша живущим Духом Его в вас.*

Такова сила страстей Христовых! А чтобы мы видели и ближайший пример спасительного действия этой силы на сердца людей, Евангелие представляет нам это действие в распинателях Христовых и начальнике

их, Лонгине-сотнике. *Сотник же и иже с ним стрегущии Иисуса, видевше трус и бывшая, убояшася зело, глаголюще: воистину Божий Сын бе Сей.* Вот сотрясение душ и распадание окаменелых сердец! Распинатели-язычники *убояшася зело.* Вот как дух жизни отверзает гробы и оживляет умерших! Неверующие, отчужденные от жизни Божией, веруют, причащаются истинной жизни; ибо взывают: *Воистину Божий Сын бе Сей.* И заметим, что это не минутное только действие силы крестной. Известно по крайней мере о Лонгине-сотнике, что он и после не переставал исповедовать Иисуса Христа Сыном Божиим, и, наконец, веру свою запечатлел мученическою смертью.

Благоговейно воспоминай страсти Господни, христианин, и ты не только не согрешишь грехом смертным, а еще будешь готов на всякое благое дело. Так, если какой-либо соблазн будет увлекать тебя на грех, если какая-либо злая страсть будет возникать в сердце твоем, ты скорее обратись духом к Спасителю, пригвожденному ко кресту, и скажи сам себе: смотри, до чего довели грехи наши Господа и Владыку всех! Пусть грех обещает тебе множество утех и удовольствий, ты скажи сам в себе: за такие наши преступные удовольствия Господь испил горчайшую чашу страданий крестных. Пусть грех грозит лишить тебя мнимых друзей твоих и многих мирских выгод, если ты не покоришься ему. Ты опять воззри на крест Христов и скажи: нет лучшего друга и благодетеля, как Господь мой, и нет высшего блага, как быть в общении с Ним. Такая мысль и такие чувствования могут ли пустить в душу твою мысли и чувствования преступные? *Кое общение свету ко тме? Кое согласие Христови с Велиаром?* (2 Кор. 6: 14–15). Подобным образом поступай, христианин, и когда представляется тебе случай совершить благое дело. Просят ли, например, у тебя прощения в причиненном тебе оскорблении, ты вспомни Спасителя, на кресте молящегося за Своих распинателей, вспомни и то, сколько долгов тебе прощает Господь, и ужели не простишь ты брата своего? Просят ли помощи у тебя бедствующие, нуждающееся? Опять обратись духом ко Господу, Который для избавления нас от бед вечных снизошел до зрака раба и не пощадил бесценной крови и самой жизни Своей, и ужели не поможешь ты бедствующим братьям твоим, которых Господь называет и Своими братиями меньшими? *Понеже*, говорит, *сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25:40). В той же мысли о кресте Господнем ищи, душа верующая, и самой себе помощи и утешения, когда подвергнешься каким-либо бедам и напастям. Представь Божественного Страдальца, вспомни Подвигоположника нашего, заповедавшего и нам нести крест свой и идти в след Его, и будь уверена, что столько *Пострадавший* за нас, *Сам искушен быв, может и нам искушаемым помощи* (Евр. 2:18).

Как мог Спаситель быть в раю в день Своей смерти, когда после Он Сам сказал, что не взошел еще к Отцу Своему

«Воскресное чтение», 1874

В Евангелии Луки (23:43) говорится, что Иисус Христос сказал распятому с Ним раскаявшемуся разбойнику: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». А евангелист Иоанн повествует (20:17), что в первый день недели Иисус, явившись Марии Магдалине, сказал ей: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел ко Отцу Моему». В тот же день Он явился ученикам (ст. 19), потом явился им снова после 8 дней (ст. 26). Как помирить кажущееся противоречие евангелистов в приведенных местах? Говоря распятому разбойнику: «Ныне же будешь со Мною в раю», Господь разумел не тело Свое, но душу, имевшую отделиться от тела, что видно из дальнейших слов Его: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:46). Слова же Господа, сказанные Марии Магдалине: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему», относятся к Его телу, которое действительно оставалось на земле до 40-го дня после Его воскресения. Таким образом, в указанных местах евангелистов нет ни действительного противоречия, ни мистификации, ибо душа отлична от тела и может существовать независимо от него. Душа раскаявшегося разбойника вошла в рай в тот же день, как и душа распятого Спасителя, а тело оставалось вне его, подобно телу Господа. Но и оно воскреснет, как воскресло тело Господа, и тогда, соединившись с душою, вечно будет жить с Господом. Разбойник раскаялся искренне и получил небесную награду. Только искренне кающемуся открыт рай. Вот высокая утешительная истина, которой никогда не следует забывать: она путеводная звезда наша.

Погребение Господа нашего Иисуса Христа (Мф. 27: 57–66 и парал.)

Архим. Фотий. «Духовная беседа», т. 17

Получив отрадное дозволение от Пилата – снять со креста тело Иисуса Христа, Иосиф Аримафейский спешит исполнить священное желание своего сердца: снимает драгоценное для него тело благоговейно чтимого Учителя своего (Пророка, как он думал, конечно, о Спасителе) и, купив плащаницу чистую, или чистое полотно, приуготовил ее для сего погребения. В это время приходит и присоединяется к нему друг по служению, и наипаче по духу, Никодим, также ученик Иисуса Христа, дабы вкупе устроить погребение Умершему. У богатого Иосифа, невдалеке от Голгофы, был сад, и в нем *иссеченный в камени* – в каменистом месте или скале –

новый гроб (то есть пещера), в котором еще никто не был погребен и который приготовил было Иосиф для себя самого. Сей-то самый гроб уступает он для погребения тела высокочтимого им Мертвеца Сего. А Никодим приносит для сего драгоценные ароматы или благовонные вещества в весьма значительном количестве – соединение смирны и алоя. Уготовив все это, они приемлют тело Иисусово, обвивают его чистою плащаницею, покрытою ароматами, – как было в обычае у иудеев совершать погребение – и полагают пречистое тело в новом гробе. Потом, *возвалив каменъ велий над двери гроба*, отходят. Полагается камень по тому же обычаю: это служило заграждением входа во гроб и памятником гроба. Видно, что и эти приближенные и преданные к Спасителю ученики не думали о скором воскресении Погребаемого, и погребали Его навсегда, до последнего дня мира. Обвивают тело плащаницею, обложенною ароматами, тоже по обычаю погребения у иудеев. Так погребен был и Лазарь, которого воззвал из гроба всесильным, животворящим гласом Своим Господь Спаситель, и мертвый воскрес и пошел из гроба, *обязан*, сказано, *рукама и ногама укроем* или *платом*, – сповитый весь, как младенец. Добрый и знаменательный обычай! Погребаемый представляется здесь как бы младенцем, повитым пеленами, а гроб – как бы колыбелью его.

Смерть, действительно, есть переход, как бы рождение души в новую, высшую жизнь; и само тело человека верующего *вселяется* во гроб, на *уповании воскресения*.

Что же враги Христа Спасителя? Торжество злобы их, когда при распятии Господа солнце померкло, а вдруг, со смертью Его, *земля потрясеся, камение распадеся* (что почти все бывшие на Голгофе признали за чудо и возвращались оттуда, *бия в перси своя* в чувстве скорби о невинном Страдальце и при виде такого важного чуда), – торжество злобы врагов Спасителя довольно помрачилось, и они присмирели; но сердца их, твердейшие камней, не сокрушились раскаянием. Они помышляют о новом деле злобы своей против Господа, преследуют Его не только до креста, а и в самом гробе, не только распятого, но и погребенного. Внимательно, сколько можно, слушая все слова Спасителя при жизни Его, не для верования и спасения своего, а подстерегая их, дабы уловить Его в слове и что-либо сказать в Его осуждение, они, быть может, лучше всех заметили слова Господа, в которых Он предсказал о Своем тридневном воскресении и, не веря им по злобе и нечестию своему, на другой день, то есть утром в субботу обращаются к Пилату с просьбою – повелеть утвердить гроб Христов до третьего дня, дабы, по их лукавому и злому предположению, ученики Иисуса Христа не похитили нощию тело Иисусово и не сказали, что Он восстал от мертвых. Пилат дает им стражу, и они с злою радостью в утро того же дня субботнего приставляют стражу ко гробу, а камень печатают своею печатью. Но это

самое, вопреки их желанию и намерению, послужит и будет служить еще к большему уверению не только в истине смерти и погребения, а и воскресения Господа. Так совершилось погребение Спасителя и Господа!

Что мы здесь видим? Что нас особенно поражает? Какое назидание можем извлечь из этого события? Какая тайна промысла Божия открывается в нем?

Прежде всего, конечно, трогает нашу душу усердие преданных Господу учеников Его Иосифа и Никодима. Они не хотят допустить, чтобы тело благоговейно чтимого ими Учителя, снятое распинателями со креста по причине наступающего праздника, да не останутся телеса в субботу, было погребено в каком-либо неприличном месте, с телами разбойников, и хотят погрести Его с честью, обычным погребением. Они действовали по внушению своего любящего сердца, а междутем послужили к исполнению древнего пророчества, по которому погребение пострадавшего Мессии будет *у богатого* (Ис. 63:9), что *покой Его будет честь и с миром погребение Его.*

Смертью умрете, сказано первому Адаму. Почему и Искупитель — второй Адам должен был умереть один за всех, для избавления всех от смерти вечной. *Земля еси, и в землю отыдеши,* сказано падшему прародителю; потому и второму Адаму нужно было, хотя на некоторое малое время, отойти в землю, быть в недрах ее. И вот Он чрез погребение пребывает в сердце земли, как второй Адам.

Нужно было Господу приять погребение, дабы уверить еще более в истине смерти Своей, что Он действительно пострадал пречистым телом Своим, которое и погребено было во гробе.

Нужно было приять погребение Господу, дабы ввести жизнь и силу воскресения в наши гробы, от силы Своего животворящего гроба, и дабы сущим во гробах даровать воскресение и жизнь.

Нужно было Господу возлечь во гроб и приять погребение, дабы разогнать, сколько можно, страх и мрак гробов наших, дабы Ему — Спасителю — духовно и благодатно быть и при наших гробах, чтобы верующая душа могла рещи во уповании: *аще и иду посреди сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси.*

Нужно было приять погребение Господу, чтобы освятить наши гробы и наше погребение и вместе с сим освятить самые недра земли, вселившись в них пречистым телом Своим чрез тридневное погребение. Так, Своим крещением, погружаясь в Иордане, Он освятил естество водное; вознесенный на крест, Своим крестом, вися на нем, освятил все четыре страны мира воздушные, — и высоту, и широту, и глубину, и долготу вселенной. Погребением Он освящает недра земные.

Нужно было, по телу, приять погребение Господу, в соответствие и сообразность с самым сошествием Своим душою во ад. Ибо Он, Вездесущий,

будучи во гробе плотию с Божеством Своим, — душою в это время также вместе с Божеством Своим сходил во ад для нашего спасения: посетил там умерший род человеческий, от самых дней Адама переходивший туда. Духовное солнце наше зашло во гроб, но не погасло, а только сокрылось на время, дабы взойти в другом, так сказать, полушарии духовном, в мире душ, отшедших отселе, взойти, дабы озарить их светом веры и извести в царство света. Так Он, премилосердый, возлюбил нас, что не только сшел с неба на землю, восшел на крест, сошел в землю, а и нисшел во ад ради нашего спасения.

Наконец, Сыну Божию — Христу Спасителю нужно было приять погребение потому, что крестною смертью должно было окончиться безмерное уничижение Его. *Подобало* Сыну Божию *пострадати* и потом *внити в славу Свою.* Проблеск этой славы виден уже в самом погребении Господа. Он приемлет погребение, и погребение славное и богатое. Во-первых, погребается благочестивыми и богоугоднейшими людьми, их чистыми руками. Об Иосифе сказано, что он был *муж благ и праведен*; подобный ему был и Никодим, сотрудник ему в сем святом деле, или подвиге. Они, можно сказать, намеренно воздвигнуты для сего Богом, подобно как Симеон — для воцерковления Христа младенствующего, и Иоанн Предтеча — для совершения крещения над Ним во Иордане. Погребается Господь богатыми людьми и богатым погребением в новом, в камени иссеченном, гробе (или пещере), чистом, в котором никто не был положен; обвивается чистою плащаницею с драгоценными благовонными ароматами, в обильном их количестве, — погребается, как могли погребаться только самые богатые люди тогдашнего времени. *И дам богатая вместо погребения Его.* Погребается в вертограде, в тихий вечер весенний, что соответствует и свойству самого события сего — смерти или успения: Господь, *позде сущу*, возлегает во гроб, как бы на одр нощный — при тишине природы внешней, при утишении самого шума и молвы народной, бывших на Голгофе, и самой злобы врагов. *И будет покой Его — честь*, и он действительно есть честь.

Но вот враги Господни наутро рано злоумышляют новые козни на Умершего, окружают стражею гроб Его. Не нарушает ли это чести гроба? Не нарушает и не уменьшает, а еще больше умножает ее; враги Христа Спасителя, сами не зная того и против намерения своего, делают это. Так и Каиафа, в чувстве злобы, говорил: *уне есть* — лучше, *да един умрет за люди*; а между тем ненамеренно пророчествует о том, что Спасителю нужно умереть для спасения всех людей. Подобно этому и здесь, враги Господа *совещают злая*, а выходит, против воли их, *благая.* Приставляют стражу ко гробу, из ложного опасения похищения тела Господня; а между тем стража эта стоит у гроба сего, подобно как и гробы царей окружаются стражею,

ради чести и важности их. Так и пред крестною казнию Спасителя злоба врагов облекает Его в червленую или багряного цвета одежду, возлагает на Него венец терновый, дает трость в десницу Его, злоба ругается над Ним, а сама, не ведая того, служит к тому, что Господь является Царем, в венце, в багрянице и со скипетром. Сами дают трость в руку Его, *да сокрушит* Он непокаянных врагов Своих *жезлом, яко сосуды скудельничи.* Так и здесь *покой Его — честь.*

Воспоминая честное и славное погребение Господа, можно ли не воспомянуть при сем и не ублажить Иосифа приснопамятного и Никодима, мудрого сотрудника его в этом святейшем деле! Сама Церковь, по руководству повествования евангельского, воспоминает их и ублажает в священно-трогательных песнях своих, и призывает всех нас к их ублажению. *Приидите,* поет она, ублажим Иосифа приснопамятного, живота всех у Пилата испросившего и купно с Никодимом приявшего на руки свои Того, Который держит всю тварь; одеющагося светом, яко ризою, облекающего небо облаки, они облекают плащаницею. Ублажим его, достоблаженного, дерзнувшего приступить к Пилату и испросить погрести тело Господа, всеми оставленного. Ублажим его, уступившего распятому на кресте Спасителю свой новый гроб в вертограде своем! Ублажим их, совершивших погребение Господа! Счастливый жребий! Достоблаженная участь!

Можно ли и нам иметь теперь эту участь, хотя как-либо участвовать в ней? Можно, потому что и мы можем сделать, если не это же самое, то подобное сему. Храм Божий есть такое место, где находятся гроб и плащаница Христовы; это святой престол, где Спаситель почивает Своим Телом и Кровию. Так, и теперь Господь нередко имеет нужду в новом гробе, или престоле, а паче в плащанице, или вообще утвари церковной. Почему и теперь можно делать подобное тому, что сделали ублажаемый Иосиф с Никодимом. Способствующий благолепию храма своим посильным приношением поступает подобно Иосифу, уступившему для Господа свой новый гроб и купившему плащаницу, и подобно Никодиму, принесшему драгоценные ароматы. Немалое воздаяние от Господа ожидает таких. Святая Церковь каждодневно молится о них, чтобы Господь *освятил любящих благолепие дому Его и воспрославил их Божественною славою.* И Он воспрославит их. Кто заботится о жилище Божием здесь, тому Господь уготовит обитель там.

Есть еще средство подражать Иосифу и Никодиму. Нищие суть как бы образы и представители Христовы: кто оденет нагого или полуобнаженного, тот как бы обвиет Господа плащаницею. И Господь не останется в долгу: сторицею, тысячекратно воздаст за сие; ибо Он *щедр* и любит ущедрять в воздаяниях Своих.

Иосиф Аримафейский

Д. Державин. «Воскресное чтение», 1829

Иосиф Аримафейский был человек богатый и знатный, принадлежавший к высшим правительственным лицам, *благообразен советник* (Мк. 15:43), то есть знаменитый член народного совета. Характер его евангелисты описывают не многими, но высокими чертами: они называют *благим и праведным* (Лк. 23:50), благим, то есть исполненным любви к ближним, праведным, то есть благочестивым, полным любви к Богу, и прибавляют одну, особенно важную, черту, что он *чаял Царствия Божия* (Мк. 15:43), то есть, веруя в древнее обетование, ожидал Спасителя, *имеющаго спасти Израиля*, и признал его в Иисусе Христе. Правда, эта вера была общею всему народу; но вера Иосифа была несравненно правильнее и крепче, чем вера Его современников. Иудеи ждали в Мессии царя земного, который должен был, по их понятиям, освободить отечество от ига иноплеменников и создать славное им царство земное. Не так смотрел на Иисуса Христа Иосиф: он видел в Нем царя духовного, коего *Царство* не от мира сего, Царство *истины*, Царство благодатное, *Царство Божие: той чаял Царствия Божия.* При такой чистой и высокой вере в Иисуса Христа он был учеником Его, но учеником только *тайным, страха ради Иудейска* (Ин. 19:38), то есть во избежание гонений от врагов Иисусовых, гонений, которым он, по своему высокому положению в обществе, мог подвергнуться вместе с Учителем. Таился ли он потому, что боялся гонений лично за себя, или потому, что боялся повредить Учителю, открыто став на Его стороне, — как бы то ни было, только он при осуждении Иисуса Христа на смерть, мало того, что не пристал к совету и делу врагов Господа, но и решился, наконец, доказать и свою необыкновенную любовь к Иисусу Христу и свою готовность пожертвовать за Него честью, благосостоянием, а может быть, жизнью.

Итак, в характере Иосифа мы видим три высокие черты: любовь к ближним, благочестие и чистую веру в Господа Иисуса Христа. Эти высокие качества явились во всей полноте в великом подвиге Иосифа при погребении Господа.

Что же это за подвиг? Подвиг, казалось бы, очень простой и обыкновенный: знатный и богатый человек погребает бедного Странника, всю жизнь посвятившего любви к ближним и не *имевшего где главы подклонити* (Лк. 9:58), – Странника, Которого, кроме него с Никодимом, может быть, никто не решился бы честно похоронить. Итак, богатый человек делает последнюю милость бедному, ученик воздает последний долг Учителю... Вникнем в обстоятельства сего подвига и тогда поймем, почему все четыре евангелиста нашли нужным упомянуть о нем и Церковь ежегодно воспоминает его вместе с деяниями Самого Господа.

С самого вступления Господа Иисуса Христа в открытое служение Его преследовала ожесточенная злоба многочисленных врагов: против Него вооружились высшие члены общества – старейшины, книжники – ученые, фарисеи, саддукеи; они выискивали разные средства погубить Его; не решались только на насилие, боясь народа, уважавшего Иисуса Христа за высокое и чистое учение, чудеса и непорочную жизнь. Но чем более возрастала слава Иисуса Христа, тем более возрастала злоба врагов, так что после славного входа Его в Иерусалим, когда народ встретил Его, как обетованного Царя, Спасителя, злоба врагов Его дошла до крайности, и они решились погубить Его во что бы то ни стало. Наконец, с помощью предателя им удалось схватить Иисуса Христа ночью, не возбудив никакого волнения в народе. Они рассчитывали на известное непостоянство толпы: они знали, что эти люди уважают человека только до тех пор, пока он пользуется успехом, и готовы топтать его, как скоро он падает. Так, действительно, и случилось. Пока Иисус Христос пользовался свободою, учил, обличал, творил чудеса – народ уважал Его, встречал как пророка, как царя, не внимал Его завистникам – и враги боялись употребить насилие; но лишь только Он был взят и предан суду как преступник – уважение к Нему народа не смело высказаться: забыты были и высокое Его учение, и беспримерно святая жизнь, и чудеса, и все Его благодеяния, так что врагам очень нетрудно было теперь уверить непостоянный и легковерный народ, что Тот, в Ком он видел пророка и царя, есть обманщик и богохульник. И вот тот же самый народ, который недавно встречал Иисуса Христа как Царя, теперь в слепоте и безумии требует Его казни. Итак, все вооружилось против Него, злоба Его врагов восторжествовала, и – Он пригвожден ко кресту. Некому воздать Ему и последнего долга: кто осмелится почтить погребением Того, Который умер на кресте, *яко злодей*? Не значит ли это признать себя Его сообщником? Кто осмелится идти наперекор приговору начальников и всего народа – идти наперекор всеобщему мнению? Не значит ли это сильнее слов обличить в неправде и преступлении Его судей и распинателей и потому обратить их злобу на себя? Кто отважится приступить с почтением ко кресту казненного, когда и неразлучные ученики Его оставили Его, лишь только Он был взят под стражу? Кто решится явить себя учеником Распятого, когда и самый ревностный из учеников Петр отрекся от Него? Если незнатные и бедные ученики не решились на это, хотя, по незнатности своей, они легко могли избегнуть преследований как люди неопасные, то как решиться на это вельможе, члену того судилища, которое приговорило Иисуса к смерти? Как решиться, не имея никакой надежды остаться незамеченным?.. И однако Иосиф решается: *дерзнув вниде к Пилату и проси тело Иисусово* (Мк. 15:43) для честного погребения; просит у Пилата, кто утвердил смертный приговор над Распятым, и погребает Его в собственном саду с великою честью!..

Но если великое мужество нужно было, чтобы победить страх и пренебречь опасностью, то не менее нужно было мужество, чтобы победить стыд, хотя и ложный. Представьте, на месте казни, между трупами двух разбойников на позорном древе крестном, висит тело Человека, Который казнен как обманщик и возмутитель. Этого Человека, обесчещенного более всех сынов человеческих (Ис. 63:3), погребает с великою честью богатый и знатный человек: снимает со креста, помазывает благовониями, покрывает чистою плащаницею и полагает в своем саду, в новом гробе, который приготовлен был им для себя или для членов своего семейства. Для совершения такого подвига потребно было истинное мужество и самоотвержение.

Что же могло подвигнуть Иосифа на такой великий подвиг? Что, кроме крепкой любви и веры к Господу? Другие видят в Иисусе Христе обманщика, возмутителя, чародея, – Иосиф по-прежнему видит в Нем, даже в поруганном и распятом, пророка, обещанного Избавителя; он недоумевает при виде уничижения и смерти Господа, видит в этом непостижимую тайну, но не перестает в Него веровать и любить Его. Вера и любовь Иосифа остаются непоколебимы; вера разжигает в нем любовь, любовь подкрепляет веру, и обе вместе подвигают его на великое дело самоотвержения. Иосиф видит изнуренное, израненное, поруганное тело Учителя и Господа своего на кресте, видит Его одиноким, всеми оставленным, слышит вопли поносящих Его распинателей, дух его возмущается, сердце ноет от жалости, он забывает и страх, и стыд и спешит снять драгоценное тело с позорного древа, увлечь с места казни и скрыть от наглых взоров, публично почтив Его погребальными почестями в виду всех поруганий.

Вот подвиг Иосифа, подвиг, достойный нашего удивления, ублажения и *подражания*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 27-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ

Святоотеческие толкования

1) *Прп. Исидор Пелусиот.* О хламиде Христовой. О двух разбойниках. Об отпущении Вараввы. Почему раздралась завеса церковная. Почему во время Владычного страдания поражены были вещи неодушевленные. О достославной смерти нашего Спасителя.

2) *Блж. Иероним.* О чудесных знамениях, сопровождавших смерть Иисуса Христа (Мф. 27:50 и далее). Тв. блж. Иеронима в рус. перев., т. 2.

3) *Св. Ефрем Сирин.* О страданиях Спасителя. «Воскресное чтение», 1885.

4) *Его же.* О кресте и о разбойнике.

5) *Св. Афанасий Александрийский.* О тайне распятия и воскресения Господа в 3-й день. «Воскресное чтение», 1816. «Христианское чтение», 1838.

6) *Св. Иоанн Златоуст.* Из слова о кресте и распятии Господнем. «Воскресное чтение», 1804.

7) *Его же.* Похвала кресту Христову. «Воскресное чтение», 1819. О кресте Господнем. «Воскресное чтение», 1807.

8) *Св. Епифаний Кипрский.* О погребении Господа нашего Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1807.

9) *Св. Василий Великий.* Для чего крестом совершено домостроительство спасения? Сила креста Христова. «Творения свв. отцов», т. 2. Иуда-предатель не веровал в будущую жизнь. Там же.

10) *Св. Григорий Богослов.* Крест прообразован воздеянием рук Моисеевых. «Творения свв. отцов», т. 4.

11) *Св. Лев, Папа Римский.* Избранные размышления о страдании Господнем. «Христианское чтение», 1845.

12) *Его же.* Слово о страдании Господнем. «Воскресное чтение», 1821.

13) *Блж. Августин.* Размышление о страдании Христовом. «Воскресное чтение», 1872.

14) *Блж. Феофилакт.* Изъяснение Евангелия, читаемого в нед. мироносиц (Мк. 15: 43–47; 16: 1–8). «Воскресное чтение», 1810.

15) *Св. Григорий Двоеслов.* Письма о том, кого Господь извел с Собою из ада, когда сходил в оный. «Христианское чтение», 1841.

16) *Св. Григорий Богослов.* О сошествии Иисуса Христа во ад. Знамения, бывшие во время страдании Иисуса Христа. Раздравшаяся завеса храма Иерусалимского что знаменует? Хитон Христов.

Новейшие толкования в духовных журналах

17) Распятие Иисуса Христа. Иисус Христос молится за распинателей. Воины делят между собою одежду Иисуса Христа. Надпись Пилата на кресте. Взгляд на крестные страдания Иисуса Христа. Осмеяние Иисуса Христа, висевшего на кресте. Покаяние благоразумного разбойника. Иисус Христос препоручает Матерь Свою ученику Своему Иоанну и усыновляет его Матери Своей. Сверхъестественное помрачение солнца и последние слова Иисуса Христа. Сверхъестественные знамения, последовавшие за смертью Иисуса Христа. Обращение сотника и других свидетелей смерти Иисуса Христа. Иисус Христос, уже умерший, пронзается в бок копием. Иосиф Аримафейский и Никодим погребают Иисуса Христа. Жены – свидетельницы погребения. Первосвященники прилагают ко гробу Иисуса Христа печать и приставляют стражу. «Воскресное чтение», 1811.

18) Страдания Господа нашего Иисуса Христа. «Христианское чтение», 1838.

19) Черты спасительного воспоминания страстей Христовых. «Воскресное чтение», 1823.

20) *Прот. Думитрашко.* Антифоны страстей Господних. «Воскресное чтение», 1874.

21) Молитвенные воздыхания при размышлении о страстях Христовых. «Воскресное чтение», 1817.

22) Место страстей Господних. Сионская горница и страстной путь. «Воскресное чтение», 1819. Голгофа с храмом св. Гроба.

23) *К. Добронравин.* Размышления о страданиях Господа нашего Иисуса Христа. «Странник», 1860.

24) *В.Кудрявцев.* Значение страданий и смерти Христа Спасителя. «Душеполезное чтение», 1870.

25) Крест Христов как орудие смертной казни, употреблявшейся у древних народов. «Воскресное чтение», 1826.

26) Крест и крестная смерть Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1827.

27) Три креста на Голгофе. «Воскресное чтение», 1832.

28) Явление Адама и крест Христов. «Воскресное чтение», 1822.

29) Значение креста у христиан. «Воскресное чтение», 1821.

30) История креста, на котором был распят Господь наш Иисус Христос. Собрано из достоверных источников Иваном Захар. Крыловым. М., 1851.

31) *Прот. Нечаев.* Уроки покаяния, заимствованные из Евангелия в Великом каноне св. Андрея Критского. Распятие и смерть Иисуса Христа. «Душеполезное чтение», 1881. Уверовавший разбойник. Чудесные знамения, последовавшие за распятием и смертью Иисуса Христа.

32) Разбойники, распятые со Христом. «Душеполезное чтение», 1884.

33) *Прот. Е.Попов.* О двух разбойниках, распятых с Иисусом Христом на кресте, с применением их примера к преступникам. «Странник», 1871.

34) Лк. 23: 39–43. Пример обращения и ожесточения. «Христианское чтение», 1840.

35) Лк. 23:42. «Воскресное чтение», 1807.

36) Лк. 23:43. «Воскресное чтение», 1806.

37) *А.Ковальницкий.* Смерть Спасителя и смерть разбойника. «Воскресное чтение», 1883.

38) *Его же.* Смерть Иисуса Христа как доказательство Его Божественности. «Руководство для сельского пастыря», 1879.

39) *М.Муретов.* Действительность смерти Господа нашего Иисуса Христа. «Православное обозрение», 1881.

40) *Архиеп. Иннокентий.* О чудесных знамениях, сопровождавших страдания и смерть Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1822.

41) *О том же.* Пр. И.С. «Воскресное чтение», 1883.

42) *А.Воскресенский.* О тьме при распятии Иисуса Христа в ст. «Солнечные и лунные затмения». «Воскресное чтение», 1832.

43) *Калинников.* Св. сотник Лонгин. «Воскресное чтение», 1883.

44) Год смерти Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1872.

45) Догматический вопрос и ответ на него: Иисус Христос есть ли Искупитель для всей вселенной, или только для земли и человека? (разбор предположения о множестве обитаемых миров). «Душеполезное чтение», 1867.

46) Мк. 15: 43–47. *Ф.Надеждин.* Усердное и деятельное служение Господу Иисусу Христу по примеру св. Иосифа Аримафейского и жен мироносиц. «Странник», 1864.

47) Руфь. Мк. 15:21. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1877.

48) *Архиеп. Сергий.* Урок и упрек для нас в примере Никодима (Ин. 19:39). «Душеполезное чтение», 1880.

49) Распинатели Христовы. «Христианское чтение», 1854.

50) Значение крестной смерти Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1885.

В Словах и Беседах

На Евангелие от Матфея, гл. 27

51) *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* О таинственном значении троекрестия на Голгофе. *Его же.* Об искупительном значении креста Христова.

52) *Его же.* Семь слов Спасителя на кресте.

53) Ст. 39–40. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Какими путями враги Богочеловека дошли до способности злорадно глумиться над ужаснейшими страданиями Его?

54) Ст. 46. *Никанор, архиеп. Херсонский.* О чувстве Богооставленности Иисуса Христа.

На Евангелие от Луки, гл. 23

55) Ст. 28. *Павел, архиеп. Кишиневский.* О плаче жен иерусалимских.

56) *Макарий, еп. Тамбовский.* Приложение изречения Иисуса Христа о плаче жен иерусалимских ко всем христианам у подножия креста Христова в Великую Пятницу.

57) *Арсений, митр. Киевский.* Почему Иисус Христос отверг слезы жен иерусалимских. Нравственное приложение.

58) Ст. 42. *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Кто может достойно произносить слова разбойника? Пример разбойника не может служить поводом к отлаганию нашего покаяния до смерти. К чему должен служить нам пример покаявшегося на кресте разбойника.

59) Ст. 48. *Дмитрий, архиеп. Волынский.* О впечатлении крестных страданий Иисуса Христа на присутствовавший при этом народ и о тяжкой ответственности за них всякого грешника по причине его нераскаянности и неисправления жизни. Слово в Великий Пяток.

60) Ст. 48–49. *Григорий, архиеп. Казанский.* Что сегодня сделал для нас Иисус Христос и чем мы можем возблагодарить Его.

На Евангелие от Иоанна, гл. 19

61) Ст. 13. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Крест Христов для взирающего на него с верою имеет спасительное значение, подобно медному змию, вознесенному израильтянами в пустыне.

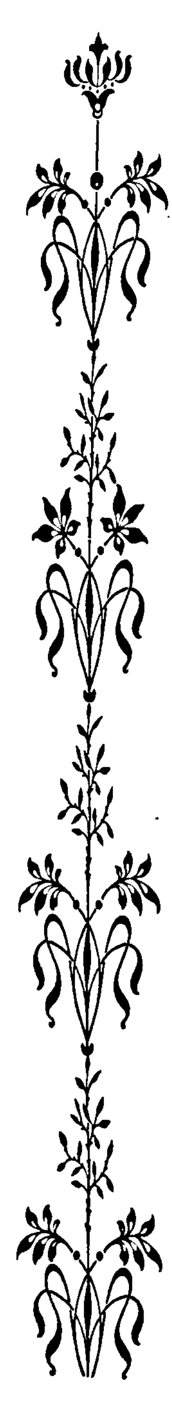
62) Ст. 17–18. *Арсений, митр. Киевский.* О значении креста Христова и о том, в чем состоит крест христианина.

63) Ст. 26. *Его же.* Об усыновлении Иисусом Христом Иоанна Своей Матери и о том, как мы поступать должны с ближними и какие суть взаимные наши обязанности.

64) Ст. 26–27. *Филарет, архиеп. Черниговский.* Об утешениях, подаваемых со креста распятым Господом.

65) Ст. 30. *Свт. Филарет, митр. Московский.* О таинственном знаменовании изречения: *совершишася.*

66) Ст. 37. *Арсений, митр. Киевский.* Об исполнении пророчественных слов Захарии 12:10 над распинателями Иисуса Христа в последний день мира и о том, что христиане могут быть вторыми распинателями Сына Божия. О тяжкой вине распинателей Христовых и о том, что христиане своими грехами вторично распинают Сына Божия.



О ВОСКРЕСЕНИИ Господа нашего Иисуса Христа

Примирение некоторых видимых несогласий в повествовании святых евангелистов о воскресении и явлениях воскресшего Господа

Св. Амвросий Медиоланский. «Воскресное чтение», 1814

1) О времени Воскресения Господа Иисуса Христа.

Многие находятся в небольшом недоумении касательно времени воскресения Господа; ибо хотя евангелисты не противоречат друг другу, однако, казалось бы, различно говорят о сем. Именно: по евангелисту Луке — *зело рано* (24:1), по евангелисту Марку — *зело заутра* (16:2), по евангелисту Матфею — *в вечер субботный* (28:1), по евангелисту Иоанну — *во едину от суббот, еще сущей тме* (20:1) жены пришли ко гробу. Итак, как примирить сие, чтобы не допустить, что евангелисты говорят о различных временах? Прежде всего должно обратить внимание на то, что написано: *в вечер же субботный свитающи во едину от суббот, прииде Мариа Магдалина и другая Мариа видети гроб. И се трус бысть велий* (Мф. 28: 1–2). Значит, Господь воскрес не в день субботний, так как в *субботу* жены *умолчаша по заповеди* (Лк. 23:56), но после субботнего дня, следовательно, ночью; ибо жены, пришедшие заутра, хотя пришли зело рано, но узнают, что Господь уже воскрес.

Итак, должно так расположить время, чтобы Воскресение приходилось утром в день воскресный, первый после субботы, а не в субботу; ибо иначе как бы исполнились три дня? Значит, Господь воскрес не при наступлении вечера, а после полуночи. И действительно, в греческом тексте стоит — *поздно* (по нашему переводу: *в вечер* (Мф. 28:1) — выражение, означающее и час при захождении солнца, и употребляемое для выражения вообще промедления, если, например, сказать: вещь сия доставлена мне поздно, то есть не в надлежащую пору; или: он поздно пришел, то есть пришел после назначенного времени, и хотя бы пришел утром в следующий день, все, однако, поздно, потому что прошло назначенное время. Поздно означает также и глубокую полночь, если, например, сказать: он поздно встал для ночной

работы, то есть встал не в вечернее время, а в глубокую полночь. Далее, и архиереи, *собравшеся со старцы*, подтверждают, что воскресение случилось ночью, говоря стражам: *Рцыте, яко ученицы Его нощию пришедше украдоша Его, нам спящим* (Мф. 28:13); они думали подтвердить обман свой временем, в которое, по словам стражей, сие случилось. Наконец, святой Иоанн говорит, что Мария Магдалина пришла к нему и к Петру заутра, *еще сущей тме* (20:1), и вместе представляет ее неведущею о совершившемся воскресении; а если бы оно совершилось при наступлении вечера, то тотчас же могло сделаться известным.

2) Как согласить, что у евангелиста Иоанна апостолы в первое явление приняли Духа Святого (20:22), а у евангелиста Луки им повелевается *сидеть во граде Иерусалимсте, дондеже облекутся силою свыше*?

Духа Святого воскресший Господь или вдохнул только одиннадцати апостолам как более совершенным, а остальным обещает сообщить после или одним и тем же и там вдохнул, и здесь обещал. Противоречия здесь нет; поелику *разделения дарований суть: овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума о том же Дусе: другому же вера тем же Духом, иному же дарования исцелений о том же Дусе: другому же действия сил, иному же пророчество, другому же рассуждения духовом, иному же роди языков, другому же сказания языков* (1 Кор. 12: 8–10). Итак, одно действие вдохнул там, другое обещает здесь. Ибо там дана была благодать — *отпущать грехи*, и потому-то вдыхается Христом, чтобы ты верил, что это — Дух Христа, и верил, что Дух от Бога; ибо один Бог отпущает грехи: а Лука описывает сообщение дара языков. Посему там читаем: *Приимите Дух Свят: имже отпустите грехи, отпустятся им* (Ин. 20: 22–23); а в Деяниях Апостольских говорится так: *И исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати* (11:4).

3) Почему святой Лука упоминает о видении женами двух мужей (24:4); Марк — одного юноши, *седяща в десных, одеяна в одежду белу* (16:5), Матфей — одного ангела (28:2), а Иоанн — двух ангелов, *единого у главы и единого у ногу* (20:12)?

Различие видений означает множество служебных ангелов, по обетованию Самого Господа: *Узрите Ангелы, восходящия и нисходящия над Сына Человеческаго* (Ин. 1:51).

4) Почему у святого Матфея и Марка Господь велит сказать ученикам: *Варяю вы в Галилеи: тамо Мене видите* (Мф. 26:32; 28:7; Мк. 16:7), а по евангелистам Луке и Иоанну, Он явился им еще в горнице в Иерусалиме?

Он являлся часто — и более пятисот братиям, и Петру, и Иакову, как свидетельствует о сем святой апостол (1 Кор. 15: 5–8); и Лука в Деяниях Апостольских говорит, что Он пред учениками *постави Себе жива по страдании Своем, во многих истинных знамениих являяся им и глаголяяже о Царствии Божии* (1:3). Мне кажется, приличнее всего допустить, что Господь пове-

лел ученикам идти в Галилею видеть Его; но поелику они страха ради заперлись в горнице, то Он прежде явился им здесь и, ободрив их, велел одиннадцати ученикам идти в Галилею.

Евангельские известия о воскресении Христовом

Ф. Смирнов. «Воскресное чтение», 1882

Кто внимательно стал бы сравнивать известия четырех евангелистов об этом событии во всех подробностях, тот может встретиться с некоторыми разностями и даже противоречиями в их рассказе, которые, казалось бы, трудно примирить.

Так, святой Матфей (ст. 28) рассказывает о двух женах, Марии Магдалине и другой Марии, матери Иакова, что они, пришедши рано ко гробу, нашли его пустым и получили от ангела весть о воскресении Иисуса Христа вместе с поручением ученикам, чтобы они спешили в Галилею, где и увидят Воскресшего. То же повторяет этим двум женам Сам Иисус Христос, явившийся им на обратном пути. И одиннадцать учеников спешат в Галилею, видят там Господа на горе и получают Его последние повеления. Кроме этого одного явления ученикам, у евангелиста Матфея ни о каком другом не говорится; даже кажется, будто другого явления прежде этого и быть не могло, так как некоторые из учеников, увидев Воскресшего, усомнились (ст. 17).

Евангелист Марк (16:1) начинает рассказ, подобно евангелисту Матфею, только к двум Мариям присоединяет еще Саломию; три жены видят ангела, сидящего во гробе, и после услышанной от него вести бегут с таким страхом, что не смеют никому ничего сообщить. Только Марии Магдалине, по рассказу евангелиста Марка, явился Иисус, и она одна видела Его – о других же женах не говорится. Но к этому у евангелиста Марка присоединяется явление Иисуса Христа двум ученикам на дороге, когда они шли в Эммаус, о чем святой Матфей не упоминает, и затем явление Господа одиннадцати возлежавшим, вероятно, на пасхальной вечери. Хотя сказанное Воскресшим в этом случае (Мк. 16:15 и др.) согласно с тою речью, какую евангелист Матфей влагает в Его уста, когда говорит о явлении ученикам на горе в Галилее, однако евангелист Марк ни одним словом не дает заметить, что они произнесены в Галилее, хотя и упоминает о повелении ангела ученикам идти туда. Скорее кажется, будто как явление это, так и все следовавшее за ним по рассказу евангелиста Марка, совершилось в самый первый вечер по воскресении, и притом в Иерусалиме.

Подобное же впечатление производит повествование евангелиста Луки (ст. 24). По его рассказу, ко гробу пришли Мария Магдалина, Иоан-

на, Мария Иаковлева и другие с ними, стало быть, по крайней мере, пять жен пришли ко гробу, нашли его пустым, видели стоящих в нем двух ангелов, принесли полученную от них весть ученикам и тем возбудили Петра спешить ко гробу. Что одна или многие жены видели Самого Воскресшего – об этом он ничего не говорит. Напротив, он рассказывает потом об учениках, шедших в Еммаус, и о явлении им Господа, упоминает мимоходом, что и Симон видел Господа (ст. 34), присоединяя к этому историю явления Воскресшего одиннадцати вечером того же дня, и ведет рассказ, подобно евангелисту Марку, до конца непрерывно, так что кажется, будто Иисус Христос в тот же вечер и вознесся на небо, выведши, впрочем, учеников из Иерусалима и доведши до Вифании (ст. 50).

Повествование евангелиста Иоанна резко отличается от известия других евангелистов. По его рассказу, только Мария Магдалина еще до рассвета пришла ко гробу, и, нашедши камень отваленным, в величайшем смятении спешит к Петру и Иоанну со страшною вестью: взяли Господа из гроба. Оба апостола пришли, посмотрели гроб и возвратились. Мария же, пришедшая снова и оставшаяся после них у гроба, видела двух ангелов во гробе и Самого Иисуса, Которого она сначала приняла за садовника и принесла весть собравшимся ученикам. Вечером в тот же день им явился Иисус чрез затворенные двери, с приветствием мира, удостоверил их в Своем Воскресении и сообщил Духа Святого. Только Фома не присутствовал при этом. Потому Господь спустя восемь дней является в другой раз, чтобы уверить и этого ученика, и затем в третий раз является нескольким собравшимся вместе апостолам в Галилее, при море Тивериадском (Ин. 21:14).

О явлениях Иисуса Христа по воскресении упоминает, наконец, апостол Павел, по словам которого, Воскресший явился Кифе, то есть Петру, потом двенадцати, затем более нежели пятистам братьев вместе, о чем не упоминает ни один евангелист, потом Иакову, брату Господню, о чем также умалчивают евангелисты, а также всем апостолам, и наконец, ему самому (1 Кор. 15: 4–9).

Таким образом, в известиях евангелистов относительно воскресения Христова замечаются разности, и даже, казалось бы, некоторые противоречия. Противоречие наиболее заметно в том, что евангелист Матфей не говорит ни о каком другом явлении Воскресшего ученикам, кроме явления в Галилее, а рассказ евангелиста Луки, напротив, казалось бы, совершенно исключает это явление. Быть в Галилее по воскресении прежде учеников Иисус Христос обещал им уже в ночь пред Его страданиями (Мф. 26:32); по воскресении ангел подтверждает Его обещание, равно как повторяет его и Сам Иисус Христос, когда является женам (Мф. 28: 7–10). Но как скоро Он повелевает ученикам идти в Галилею, кажется, будто они ничего не должны ожидать в Иерусалиме, а по рассказу евангелиста Луки

(24:49) выходит, напротив, будто Он решительно запрещает им отлучаться из Иерусалима: «Оставайтесь в Иерусалиме, пока облечетесь силою свыше», – говорит Он им как будто уже вечером в день воскресения.

Как примирить это противоречие? Некоторые пытаются примирить это противоречие тем, что под горою Галилейскою, о которой говорит евангелист Матфей, разумеют северную вершину Масличной горы. Но такое объяснение натянуто и произвольно, и притом в таком случае не остается места для явления при море Тивериадском. Поищем другого объяснения.

Прежде всего свидетельство апостола Павла приводит к убеждению, что явления воскресшего Господа не могли совершиться все в течение одного дня, так что если по рассказу евангелиста Марка и Луки и кажется, будто они совершились в первый день, то не больше, как кажется так. Это подтверждает и сам евангелист Лука. В книге Деяний (1:3), им же написанной, мы читаем, что Воскресший в течение сорока дней неоднократно являлся ученикам и что повеление не отлучаться из Иерусалима Он дал им при Своей разлуке (ст. 11), равно как и апостольские полномочия, а так как это повеление своего Господа они получили только в день вознесения Его на небо, то до этого дня они уже могли возвратиться от моря Тивериадского и с Галилейской горы.

Таким образом, евангелист Лука чрез это более точное указание времени означенного события дает нам ключ к правильному пониманию сего евангельского известия. Именно он, равно как и евангелист Марк, и в своем известии о воскресении Христовом ряд явлений Воскресшего и, главное, содержание Его речей соединил для краткости в одно. Это соответствует чудесному характеру тех дней, когда время и часы исчезали для учеников. Все откровения Воскресшего ученикам, это неоднократное появление и исчезновение Его было одною сплошною разлукою, так что каждое из них казалось как бы последним. Но если непрерывный ход событий, как изложен он в Евангелии, представить совершающимся в разные времена и в разных местах, то повеление оставаться в Иерусалиме, данное ученикам позже, нисколько не противоречит пришествию их в Галилею, совершившемуся гораздо раньше.

Точно так же и в повествовании евангелиста Матфея, если иметь в виду особенность его Евангелия, явление Иисуса Христа по воскресении в Галилее не исключает явления в Иерусалиме. Евангелист Матфей раскрывает в своем Евангелии основные истины в крупных чертах. О полноте в подробностях он не заботится, равным образом хронологическая точность в передаче подробностей имела для него второстепенное значение. Что Иисус Христос есть семя Авраама, сын Давида, обещанный царь Мессия – вот вообще предмет всего его Евангелия. Один он сообщает опущенный

другими евангелистами, но значительный факт, что власти плотского Израиля в Иерусалиме старались уничтожить весть о воскресении чрез подкуп стражей. Этой козни врагов он противопоставляет явление Воскресшего в Галилее одиннадцати ученикам, которых Он поставил главами нового общества. Явление Иисуса Христа на горе, когда Он говорит самым торжественным образом о власти, Ему данной, и Своим посланникам для устроения Своего царства дает повеления, полномочия и обетования, – это явление, составляя противовес иудейской басне, преимущественно пред другими представлялось ему достойным заключением его Евангелия. Что явление это было единственное, – этого евангелист Матфей нигде не говорит; скорее, замечая, что одиннадцать пошли в Галилею, куда повелел им Иисус (28:16), дает этим заметить, что прежде явления в Галилее Иисус являлся уже ученикам, хотя не рассказывает, когда и где было это явление.

С высокознаменательным явлением Воскресшего на горе в Галилее, вероятно, тождественно явление Его более чем пятистам братьев, из коих многие были еще в живых, когда апостол Павел, упоминающий об этом явлении, писал свое послание (1 Кор. 15:6). По крайней мере легче понять, что евангелист Матфей, оставаясь верным характеру своего рассказа, не счел нужным упоминать о большом числе верующих, ограничившись только главами общества, чем то, что явление пятистам братьев могло быть обойдено всеми евангелистами. Притом и гора была удобным местом для такого большого собрания, и в Галилее, где Господь имел наибольше последователей, скорее всего могло найтись такое большое число последователей, тогда как в Иерусалиме в день Пятидесятницы собралось только 120 учеников (Деян. 1:15). Наконец, так как евангелист Матфей замечает, что некоторые из присутствовавших на горе в Галилее при виде Воскресшего еще усомнились (28:17), то это скорее возможно при большом стечении учеников, из которых многие еще не видели Его, чем при собрании только одиннадцати, которым Он являлся уже не раз.

Таким образом, главное различие и кажущееся противоречие между евангельскими известиями, относящимися к событиям воскресения Христова, примиряется без натяжки. Притом, всматриваясь внимательнее в евангельские повествования, нельзя не заметить, что настроение, в каком находились ученики Иисуса Христа в первый день воскресения Его, далеко не благоприятствовало высоковажному собранию их в Галилее. Из евангельского рассказа мы видим, что они не высказывали твердой готовности следовать повелению идти в Галилею. Когда жены принесли им ангельскую весть о воскресении Учителя – это показалось им баснею (Лк. 24:11). Когда Мария Магдалина сказала, что сама видела Господа, они не поверили (Мк. 16:11). Когда два ученика, возвратившиеся из Еммауса, принесли радостную весть о встрече с Воскресшим одиннадцати – последние

хотя отвечали: «Воистину воскрес Господь и явился Симону», но вера их была еще слаба, не проникла в их сердца и не перешла в уверенность, и они усомнились и испугались, когда Он предстал пред ними, принимая Его за привидение (Лк. 24: 34, 37, 41), так что евангелист Марк справедливо мог сказать, что и двум эммаусским они не поверили (16:13). Только тогда, когда Господь рассеял их неверие и уверил их всеми признаками телесности Своей, они уверовали и обрадовались; то же самое Он должен был сделать для одного Фомы спустя восемь дней (Ин. 20: 20, 26). Так сильно было недоверие и сомнение. Каким же образом апостолы, с таким трудом поверившие воскресению при виде Воскресшего собственными глазами, могли бы по одному заочному повелению идти в Галилею, если бы прежде этого в Иерусалиме не было побеждено их неверие и они собственными глазами не удостоверились в Его воскресении?

Попытаемся теперь установить порядок событий, насколько это возможно. После субботы, когда настал первый день недели (так говорится у евангелиста Матфея 28:1), две Марии с Саломиею (Мк. 16:1), Иоанною и другими (Лк. 24:10) вышли, чтобы идти ко гробу. Рано еще до рассвета (в утренние сумерки) оставили они город (Лк. 24:1). Землетрясение навело на них страх (Мф. 28:2) и вместе навело на мысль, что что-то случилось необыкновенное. Мария Магдалина, наиболее возбужденная, поспешила вперед и пришла ко гробу, когда еще темно было (Ин. 20:1), увидела камень отваленным и, полная страха, убежала назад; и прибежавши к ученикам, она, от лица многих, хотя о других женах у Иоанна не упоминается, говорит: взяли Господа, и мы не знаем, где положили Его (ст. 2).

В то время, как она собиралась уходить, вероятно, пришли остальные жены, когда только что солнце взошло (Мк. 16:2). Они вошли во гроб и видят ангела (Мф. 28:5; Мк. 16:5) или двух (Лк. 24: 4, 23), одного уже вне гроба (Мф.), и внутри двух или одного, сидящего (Мк.) или стоящего (Лк.) – это меняется, смотря по вестнице. Ангелы возвещают им, чтобы они не искали Живого между мертвыми.

После этого жены возвращаются, полные радости и страха. Они сначала не смели никому ничего сказать из опасения, что их рассказ примут за басню, как это и случилось.

Между тем апостол Петр, по известию Луки, один (24:12), а по известию Иоанна (20:3), Петр и другой ученик, которого, впрочем, Петр опередил, идут ко гробу; по известию Иоанна, после вести, принесенной Магдалиною, так как он упоминает о ней одной как первой вестнице, а по известию Луки – по возвращении всех жен, так как и другие, вероятно, возвратились вслед за Магдалиною, прежде чем ученики могли уйти.

После того как два ученика оставили гроб, Мария Магдалина, пришедшая, вероятно, опять вслед за ними, остается у гроба, видит там ангела и

затем Самого Господа (Ин. 20:14; Мк. 16:9). Очень может быть, что к этому времени подоспела и другая Мария, согласно известию Матфея (28: 9–10), по которому Иисус явился двум Мариям, если только евангелист не соединил разновременные явления в одно, так как Воскресший явился и всем женам вместе, когда они возвращались уже назад.

Во всяком случае, кажется, два ученика, шедшие в Эммаус, оставили Иерусалим, прежде чем какая-нибудь из жен видела Самого Воскресшего, или, по крайней мере, не зная еще ничего о таком явлении (Лк. 24:23). На пути Господь, пришедши к ним, прежде чем они Его узнали, зажег их сердца объяснением Писания (Лк. 24:32). В то время, когда они спешили назад в Иерусалим, Воскресший явился и Симону Петру (Лк. 24:35; 1 Кор. 15:5), потом собравшимся апостолам (Мк. 16:14; Лк. 24: 36, 43; Ин. 20: 19–23; 1 Кор. 15:5), и чрез восемь дней – в другой раз, когда и Фома был с ними (Ин. 20:24 и далее); в третий раз Он явился семи ученикам при море Тивериадском (Ин. 21); затем явился одиннадцати апостолам и, вероятно, в это же время более пятистам братьев на горе в Галилее (Мф. 28:16 и далее; Мк. 16: 15–18; 1 Кор. 15:6). Тем временем еще Иаков особо удостоился видеть Господа (1 Кор. 15:7). Наконец, Он явился в последний раз всем апостолам и, выведши их из Иерусалима до Вифании, пред их глазами вознесся на небо (1 Кор. 15:7; Мк. 16:19; Лк. 24:44 и далее; Деян. 1). По вознесении на небо явился одному апостолу Павлу.

Так возникла и утвердилась в мире весть о воскресении Иисуса Христа, о которой апостол Павел говорит: «Я ли, или они (то есть другие апостолы), мы так проповедуем и так вы уверовали» (1 Кор. 15:11). Свидетельство апостола Павла о воскресении, таким образом, заключает в себе свидетельство двенадцати и даже более пятисот братьев. Свидетельство апостола Павла имеет особенную важность как свидетельство человека, в котором явление воскресшего Господа произвело столь решительный и чудесный переворот в образе мыслей и жизни; человека, который истинность своего убеждения доказал целою жизнью, одушевленною пламенною любовью ко Христу, полною борьбы и самопожертвования; человека, который, обладая Богодухновенною ясностью ума, умел отличать от состояний экстаза, о которых он лишь изредка и неохотно говорил и в которых он слышал неизреченные глаголы (2 Кор. 12:4), действительное событие, когда он в Дамаске видел Господа, о котором он часто говорил в своей проповеди как о событии, с которого началось его обращение ко Христу и его призвание к апостольству в среде язычников (Гал. 1: 16–17; 1 Кор. 9:5; 15: 3, 8). Как известно, уже в его время в Коринфском обществе были люди, отрицавшие воскресение Христово и воскресение вообще. Это давало апостолу повод к могущественному свидетельству истины, которое не только тогда низлагало заблуждение, но и для последую-

щего времени остается как бы скалою, пред которою со стыдом останавливаются пенящиеся волны того же лжемудрствования.

Правда, есть нечто в высшей степени поражающее в пасхальном евангельском повествовании: Умерший снова стоит живой пред Своими учениками, с телом, которое имеет свойства действительного тела и в то же время свойства совершенно иные, противоположные — с телом из плоти и костей, которое видимо и осязаемо, как прежде, которое сохраняет раны, вкушает пищу и которое, однако, проходит чрез затворенные двери, делается невидимым и, наконец, возносится на небо. Это кажется нам совершенным противоречием законам бытия и законам нашей мысли; логически такое тело немыслимо. Но так и должно быть, когда высшие силы действуют в этом мире, когда преображенная жизнь является среди непреображенной. И мы должны некогда достигнуть подобия прославленному телу Христа Спасителя (Флп. 3:21; 1 Кор. 15:49); так как и мы носим в нашем естественном, или — как называет апостол — душевном теле зародыш духовной жизни, подобно семени, заключающему в себе начало высшего развития (1 Кор. 15: 44, 37).

Духовное тело не есть чистый дух, так точно, как наше теперешнее тело не состоит только из души, но как настоящее тело, в своем временном непродолжительном бытии, служит душе орудием, так духу, когда он в царстве славы достигнет полного развития силы и господства, будет дано соответствующее орудие, то есть телесная форма, чуждая слабостей материи, в которой ничто не будет представлять духу препятствия в его свободнейшем движении.

Это и видим мы в Иисусе Христе, первенце из мертвых. Мы не можем себе представить этого в настоящем состоянии. Но мы понимаем это как завершение дела искупления, без которого последнее было бы сводом, которому не доставало бы заключительного камня. Мы понимаем это, как действие всемогущей силы Божией, которою Он действует во Христе (Еф. 1: 19–20).

Да, воскресение Распятого есть корень, основание Евангелия. *Если Христос не воскрес,* говорит апостол Павел, то и *проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша* (1 Кор. 15:14). Если бы не было воскресения Христова, тогда не было бы и искупления. Что такое искупление? Это выкуп от греха и смерти; выкуп, чрез который исполнена всякая правда и в силу которого мы получаем право на вечную жизнь. *За грехи наши Господь предан и воскрес для нашего оправдания* (Рим. 4:24), и мы, *оправдавшись верою, имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией* (Рим. 5: 1–2). Без воскресения Христова все это рушится, и мы пребывали бы еще во грехах и смерти.

Ангелы во гробе воскресшего Спасителя

«Воскресное чтение», 1876

И вшедше во гроб, видеша юношу седяща в десных, одеяна в одежду белу, и ужасошася (Мк. 16:5). *И виде два Ангела в белых ризах седяща, единаго у главы и единаго у ногу, идеже бе лежало тело Иисусово* (Ин. 20:12). При ближайшем сравнении четырех Евангелий открывается, что евангелисты Марк и Лука вестников, виденных во гробе воскресшего Спасителя, называют юношами, между тем как евангелисты Матфей и Иоанн называют их ангелами. Нужно, конечно, согласиться, что небесные духи, чтобы быть видимыми человеку, должны были принять какой-либо человеческий вид. И поелику они нередко являлись в человеческом виде, то поэтому в таких случаях и говорится о них, как о *людях*, что, конечно, относилось ко *временному* их явлению; в другой же раз они являлись как *ангелы*, и потому там и говорится о них, как об ангелах, каковым названием обозначалось *собственное* их существо (Быт. 18:2; 19:1; 32:24).

Совершенно согласно с этим поступают и евангелисты в названии небесных вестников и посетителей гроба Иисуса Христа. Два евангелиста называют их юношами, потому что видели их в человеческом виде, а другие два называют прямо ангелами, выражая этим собственное их существо и то, чем они были в действительности. Может ли в этом представляться что-нибудь странное или противоречащее?

Другое мнимое противоречие касается *числа* ангелов: евангелисты Матфей и Марк говорят об *одном*, евангелисты же Лука и Иоанн, напротив, упоминают о двух.

Но это противоречие, при ближайшем рассмотрении, оказывается больше воображаемым, чем действительным. Нужно сначала заметить, что оба евангелиста, упоминающие об одном только ангеле, ничего не говорят такого, что исключало бы возможность присутствия там другого ангела; они, собственно, упоминают только о говорившем ангеле, что во всяком случае допускает возможность присутствия и другого ангела, своим молчанием показавшего свое согласие с тем, что говорил первый. При этом нужно взять также во внимание, что Мария не один раз приходила ко гробу, и в первый раз она видела одного, а в другой раз двух ангелов (Ин. 20: 1-12), что очень легко объясняется также и из того обстоятельства, что когда она в первый раз пришла ко гробу, то была еще полутьма, *светало*, так что очень легко могло произойти, что она заметила одного ангела вместо двух, чему немало способствовал и ее страх при виде ангела.

Подобные мнимые разногласия в Евангелиях при беспристрастном рассмотрении их служат скорее доказательствами Божественного происхождения Евангелий и ничего не говорят против их подлинности. Если бы тут

был подлог, то постарались бы о полнейшем согласии в самых мелочах для устранения всякого подозрения в обмане. При написании же священных книг писатели их не только не совещались один с другим, а нередко не знали даже друг о друге. Каждый писал по внушению Святого Духа, а вместе и по собственному убеждению, что написанное им была Божественная истина. Имея же в виду, что книги Священного Писания написаны различными лицами в разные времена и в различных местах, тем более мы должны удивляться, что все они вполне согласны между собою и составляют гармоническое целое. Это могло произойти только оттого, что один и тот же Дух Святой руководил всеми библейскими писателями. Вследствие этого и бывает очень часто, что под мнимыми противоречиями сокрыто самое точное согласие и что изречения Священного Писания, казалось бы, подрывающие авторитет его, в действительности служат самыми сильными, прямыми или косвенными, доказательствами его Божественности, убеждающими неверующих, обильно награждающими прилежных исследователей его и укрепляющими в вере верующих. Самый же факт, что ангелы оставались в пустом гробе Спасителя, служит доказательством Его воскресения, равно как и действительности нашего искупления.

Воскресение Христово

По синаксарю в святую Неделю Пасхи.
«Воскресное чтение», 1873

В святую и великую неделю Пасхи празднуем живоносное Воскресение Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Этот праздник называется Пасхою (еврейское слово значит прехождение). В этот день Бог вначале привел мир из небытия в бытие; в этот день Он провел израильтян из египетской неволи чрез Чермное море; в этот же день Господь, сшедши с небес, вселился в девственную утробу, а теперь, исторгнув из адских темниц человеческое естество, возвел его на небо и возвратил ему древнее достояние нетления. Поэтому мы с необычайною радостью светло празднуем Воскресение Христово и в знак прекращения вражды и примирения с Богом и с ангелами приветствуем лобзанием друг друга.

Воскресение же Христово было так: когда ангел отвалил камень от гроба и произошло землетрясение, воины, бывшие у гроба на страже, разбежались от ужаса. Тогда же пришли ко гробу и жены. Первее всех воскресение Христово дано было познать Божией Матери, сидевшей с Магдалиною у гроба. Евангелист же говорит, что первой явлено было Воскресение Марии Магдалине для того, чтобы весть о воскресении Христовом не была заподозрена, если бы она передана была от Матери Божией. Воскресение возвестил женам ангел. Сказав апостолам Петру и Иоанну радостную весть о Воскресении Господнем, Мария Магдалина с другою Мариею первые удо-

стоились явления воскресшего Господа. Так и надо было, чтобы тот пол, который впервые слышал: «В болезнех родиши чада твоя», – прежде другого услышал и радостную весть. Затем ко гробу пришли Иоанн и Петр. А Мария Магдалина с другими женами приходит в третий раз ко гробу и опять слышит от двух ангелов весть о воскресении Христовом и, возвращаясь от гроба, встречает Христа и слышит от Него повеление возвестить братии о том, что она видела и слышала. Впрочем, прихождение жен ко гробу было неоднократно, и об этом говорят различно, а с ними была и Богородица, Которую Евангелие в сем случае называет Мариею Иосиевою.

Нельзя определить, в каком именно часу последовало воскресение Христово; об этом говорят различно. А как считается воскресение Христово тридневным, — узнай: вечер четверга и день пятка – вот сутки, по еврейскому счету. Ночь пятка и день субботний – другие сутки. Субботняя ночь и день недельный – третьи сутки. Здесь начало дня приписывается за целый день. Считают еще и так: в третий час пятка распят был Христос, от шестого до девятого часа была тьма, – вот день и ночь. После затмения солнца день и ночь пятка, – это другие сутки. Впрочем, если Спаситель, обещав восстать из гроба в третий день, и скорейше соделал благодейство, — и тако благодать и слава Ему во веки веков. Аминь.

Воскресение Христово.
Воистину воста Господь (Лк. 24:34)

«Воскресное чтение», 1876

Господь Иисус Христос склонил Свою голову на кресте и испустил дух; это не то значит, что смерть возобладала над Ним, но что Господь Сам восхотел отдать на смерть Свою жизнь как выкуп за жизнь мира. Христос, по словам апостола, умерщвлен был по плоти, но ожил духом, которым и взошел на небо, то есть в рай, чтобы ввести в него разбойника, и проповедал искупление находившимся в темнице духам (1 Пет. 3: 18–19); пречистое тело Его в это время почивало в субботу от совершенного Им дела искупления, как почил Бог в седьмой день от дела творения. В воскресение же утром с первым лучом солнца дух Его снова соединился с почивавшим во гробе Своим телом, которое чрез это соединение тотчас преобразилось для небесного жилища, пробудилось к новой жизни, и Господь восстал, как первенец искупленного рода человеческого, в правде и чистоте вечно живущего пред Богом. Так Господь восстал от гроба и смерти, несмотря на стражу, камень и печать. Камень уже был отвален ангелом для мироносиц, чтобы они с апостолами могли убедиться, что во гробе уже не было Спасителя, и приготовились к явлению им Воскресшего. Господь *воистину* воскрес! Стражи были свидетелями обстоятельств, со-

провождавших воскресение; они видели ангела, который отвалил камень от гроба, испытали землетрясение и засвидетельствовали обо всем этом пред первосвященниками. Жены мироносицы и все апостолы видели Его воскресшего телесно; неверующий Фома влагал свои персты в язвы от гвоздей и свои руки в ребра Его, а один раз Воскресший явился больше чем пятистам братий. Может ли быть какое-нибудь событие более засвидетельствовано, чем это? Радуйся, христианин! Господь воистину воскрес. Дело искупления совершено, как Он сказал на кресте, предавая Свою душу в руки Своего Отца. Но кто этому мог бы поверить, если бы Он не воскрес, не восстал из гроба в новом, преображенном, прославленном теле! Теперь же Он стоит пред нашим взором в блестящем сиянии восходящего утреннего солнца, принятый Отцом в Свою славу, за кровавый труд Свой увенчанный вечным сиянием Первосвященник и Искупитель душ и телес наших. Пусть ученые пишут толстые книги для доказательства бессмертия души. Но самое лучшее и самое краткое доказательство ее бессмертия состоит в том, что она сама себя являет живою. Но вот здесь больше. Здесь душа и тело являются в живом соединении как совершенно новый, прославленный человек. Что пользы также в том, когда доказывают нам бессмертие нашей души, которое и без того уже написано на ней неизгладимыми буквами, если у нас нет при этом уверенности, что жизнь наша должна быть *святою* жизнью? Эту непоколебимую уверенность дает нам *только* вера в смерть и воскресение Христово. «Я есмь Воскресение и жизнь, – говорит Сам Господь, – верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всяк, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веруешь ли сему?» Веришь ли ты сему, добрый христианин?

Воскресение Христово

Из апологетических очерков Вернера.
«Воскресное чтение», 1872

Несмотря на то, что воскресение Христово засвидетельствовано евангелистами и предполагается всеми остальными новозаветными писателями; несмотря на то, что и апостол Павел, писатель с ясною логическою мыслью, положительно говорит о воскресении и, исходя из исторического факта, считает его основанием нашей веры, несмотря на все это, есть еще люди, недоверчиво покачивающие головою при упоминании об этом факте и выдающие за новейшую мудрость те возражения против воскресения, которые высказывал еще Цельс во втором веке. Мы тотчас услышим их.

Так как нельзя отрицать свидетельств о воскресении таких лиц, как Мария, Петр, Иаков, вообще апостолы, пятьсот братий, видевших Воскресшего, и, наконец, Павел, то неверующие прибегли к другим средствам. Воскресение Христово они стараются объяснять предположением *мни-*

мой смерти Спасителя. В прохладной пещере Иисус, говорят, отдохнул и успокоился от страданий. Пробудившись после тридцатишестичасового отдохновения, Он, несмотря на ослабление сил (слишком крепкая требуется вера, чтобы поверить этому!..), оттолкнул запечатанный тяжелый камень и потом прободенными ногами в продолжение двух часов шел с учениками в Эммаус... Достаточно уже одного этого, чтобы видеть всю несостоятельность этой гипотезы; да она довольно скоро и оставлена. Сами ученые критики отнеслись с пренебрежением и насмешкой к этому «единственному в то время научно состоятельному мнению». Так обыкновенно бывает с подобными мнениями: одно за другим они появляются и исчезают; основание же нашей веры стоит неподвижно.

Нужно поэтому было взяться за другое средство для отвержения чуда воскресения; и вот явилось новое мнение: упоминаемые в Евангелии свидетели воскресения, конечно, видели Воскресшего, но видели Его внутренним образом, вследствие своего духовного возбуждения, иначе, это было *видение*. В таком случае христианская Церковь была бы основана на болезненном возбуждении нескольких сотен человек, и начало ее низводилось бы в темную область болезненно возбужденной душевной жизни. Но кто же не видит здесь противоречия тому, что несомненно известно о первенствующей христианской Церкви? Как предположить, чтобы пораженные страданием и смертью своего Учителя свидетели вследствие видения почти чрез 48 часов внезапно могли поверить и убедиться, что «воистину восста Господь», как говорили они? После смерти Господа ученики пришли в уныние и рассеялись; но вот они внезапно являются героями, оставляют места, где скрывались, и твердо проповедуют о Воскресшем — объяснимо ли это без действительного воскресения? Да и мыслимое ли дело, чтобы 500 братий все находились под влиянием видения? Неужели между пятьюстами не нашлось ни одного с трезвым, ясным умом и здоровыми чувствами? Как объяснить, наконец, видением воздушного существа обращение апостола Павла, который из дышавшего яростью гонителя сделался смиренным верующим почитателем Христовым?

Затруднительное положение отрицателей чуда воскресения еще больше увеличивается, если ближе рассмотреть евангельское повествование о воскресении Господа. Что делать с *пустым гробом*? Где же тело, когда гроб был пуст? Если ученики украли его, то они знают, где оно погребено, и в таком случае их поведение, их речи могут быть объяснены только наглою ложью и лицемерием, что совершенно несовместимо с прежним их характером.

Как дальше быть с поведением Фомы, который мог убедиться только осязательным доказательством? Как случилось затем, что ученики не условились по крайней мере единогласно обо всем рассказывать? Отчего они

равнодушны к точному указанию, кто первый видел Господа, где и как часто Он являлся им? Или, может быть, тело украли иудеи? Отчего же они ничего не говорили о теле ученикам, когда те проповедовали о воскресении?

Но, возразит иной, все еще не убеждающийся в истинности воскресения Христова, неужели воскресение Христово имеет значение для нашей веры и жизни? Несомненно одно, что только под условием веры, что Христос *живет*, мы имеем право на пасхальные радости. Что, однако, значит это только: Христос живет? Выражение «Христос живет» тогда только имеет значение, если я признаю, что Он не был удержан узами смерти, как обыкновенный человек, но разорвал их и воскрес. Если Иисус действительно был истинный Бог, от вечности от Отца рожденный, а также и истинный человек, от Девы Марии во времени рожденный, во всем нам подобный, исключая греха; если Его Бог послал в мир принести миру жизнь, то Он не мог оставаться во гробе; узы смерти не могли удержать Его, Начальника жизни. Поэтому воскресение представляется нам действием Божественной необходимости. К тому же результату приходим мы, когда принимаем в рассмотрение совершенное Им дело. Дело Его было дело искупления и примирения. Без воскресения это дело было бы не окончено, человечество не имело бы полного убеждения в том, что Он исполнил то, что обещал. Крестная смерть Его могла бы возбуждать в нас слезы страдания, но не сделала бы ничего доброго. Но когда Бог воскресил Его из мертвых, то этим Он как бы объявил: принимаю жертву, которую Ты принес за мир: *Ты еси Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих*.

Вера в Воскресение Христово имеет, наконец, еще практическое значение. Немаловажное утешение для меня, если я знаю, что не все покончится, когда усталое мое тело отойдет на покой, но что и в мрачной гробовой могиле я должен ожидать и для себя утра воскресения, когда и на мне исполнятся слова Сказавшего: «Я живу, и вы живы будете!» Священное предчувствие, заключенное в глубине каждой человеческой души, становится для меня несомненным убеждением, когда Спаситель мой очевидным фактом показал, что врата гроба ведут к жизни. Во имя Его в мрачный час смерти я могу воскликнуть: «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа? Благодарение Богу, даровавшему мне победу Господом Иисусом Христом».

О значении воскресения Иисуса Христа

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в неделю седьмую по Пасхе

Оно служит 1) доказательством Божества Иисуса Христа, 2) началом нашего воскресения.

Утверждение веры в воскресение Христово есть дело великой важности для христианства и для христианина.

Главная сила христианства состоит в том, чтобы признать Господа Иисуса Спасителем мира, согрешившего против Бога и Богом осужденного на смерть. А чтобы с полною надеждою признать в Нем сие могущественное качество, для сего нужно совершенное удостоверение, что Он есть Единородный Сын Божий и истинный Бог; потому что хорошо сказано, хотя и не хорошими людьми сказано: *Кто может оставляти грехи, токмо един Бог?* (Лк. 5:21). Только милосердие Бога Сына может представить достойное удовлетворение оскорбленному величеству и правосудию Бога Отца; только Бог может возвратить жизнь осужденным на смерть от Бога.

Но сильнейшее удостоверение в Божественности Иисуса Христа заключается в Его воскресении. Сию мысль подал Он Сам. Когда иудеи, удивленные необычайною властию, которую показал Он, изгоняя из храма продающих и купующих, спросили Его: *Кое знамение являеши нам, яко сия твориши?* то есть каким чудом докажешь, что Бог дал тебе власть над храмом Своим? Тогда Он, преимущественно пред другими чудесами Своими, указал на чудо Своего воскресения. *И рече им: разорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю* (Ин. 2: 18–19), то есть в третий день воскресну. В самом деле, чудеса, которые творил Господь Иисус во время земной Своей жизни над другими, даже и самое дивное из них, воскрешение мертвых, творили и пророки, хотя не с таким полномочием, как Он. Так Илия молился: *Господи Боже Мой, да возвратится убо душа отрочища сего в онь* (3 Цар. 17:21); но Иисус повелевал: *Лазаре, гряди вон* (Ин. 11:43) из гроба. Однако сего различия иные могли не приметить, и потому могли познать Иисуса как Пророка и Посланника Божия и еще не познать в Нем Единородного Сына Божия. Но никогда не было и не можно представить возможным того, чтобы человек воскресил сам себя; и потому самовоскресением Господа Иисуса дано совершеннейшее удостоверение в том, что Он есть истинный Бог, владычествующий жизнью и смертью, и Божественный Спаситель, имеющий могущество воскресить всех человеков, умерщвленных прегрешениями.

Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть (1 Кор. 15:20). То есть воскресение Христово есть начало воскресения всех умерших человеков, — воскресения уже не в жизнь временную, как было воскресение Лазаря и других прежде его, но в вечную. До воскресения Христова ходили между людьми темные и нетвердые мнения о бессмертии души человеческой; но о воскресении души с телом всего менее думали даже те, которые более других усиливались мыслить. Не светел был и взор избранного народа на сей предмета. Когда Христос Спаситель, обличая саддукеев, в наименовании Бога Авраамова, Исаакова и Иаковлева открыл мысль о воскресении мертвых; тогда не только саддукеи, но и лучше их мыслящие поражены были новостью сего открытия: *слышавше народи, дивляхуся о учении Его* (Мф. 22: 32–33). А чем менее знали будущую жизнь, тем, конечно,

менее имели побуждения приготовляться к ней. Христос Спаситель чрез Свое учение на место шатких мнений о бессмертии поставил твердую истину воскресения и чрез Свое воскресение соделал сию истину даже опытною. Он учил: *Грядет час, в оньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда* (Ин. 5: 28–29). Дополняет апостол: *Да приимет кийждо, яже с телом, содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5:10).

Ложь иудеев, доказывающая истину воскресения Христова

«Воскресное чтение», 1816

Собрашася архиерее и фарисее к Пилату, глаголюще: Господи, помянухом, яко льстец он рече еще сый жив: по триех днех востану. Повели убо утвердити гроб до третияго дне, да не како пришедше ученицы Его нощию украдут Его и рекут людем: воста от мертвых: и будет последняя лесть горша первыя (Мф. 27: 62–64).

Когда читаем или слышим сии богохульные слова иудейского синедриона, они производят скорбное чувство в душе христианина; но когда рассмотрим с надлежащею подробностью лукавый замысел архиереев и фарисеев, найдем, что грубая ложь этих людей наилучшим образом доказывает истину воскресения Христова, что все предприятия синедриона – беречь во гробе как можно крепче пречистое тело Искупителя, казалось бы, весьма искусно придуманные, придуманы и выполнены как бы нарочно для того, чтобы со всею историческою ясностью утвердить достоверность события, которое члены синедриона хотели затмить и представить ложным.

1. Из всех слов и деяний, совершенных Господом Иисусом, архиереи и фарисеи, кажется, тверже всего помнят предсказание Его о Своем воскресении и повторяют оное с необыкновенною ясностью: *Рече еще сый жив: по триех днех востану.* Это показывает, что враги боялись Иисуса Христа и по смерти Его и с каким-то предчувствием говорили о страшных для них последствиях воскресения Господня. *И будет*, говорили, *последняя лесть горша первыя.* Ученики Господни, пораженные скорбью, имели нужду в ангелах, чтобы вспомнить глаголы о воскресении (Лк. 24:8), а враги не могли забыть сего нежеланного им пророчества!

2. Архиереи и фарисеи предполагают, что ученики Господа могут похитить ночью тело Его: *Да не како пришедше ученицы Его нощию украдут Его.* Только страх и крайнее замешательство могли выдумать такое предположение. Кража мертвых тел возможна сделалась в новейшие времена, а в древние времена «кто виде, кто слыша мертва украдена когда?» Она была неслыханное дело у народов языческих, невозможное у евреев. Как это ученый си-

недрион, знавший, сколько глав, стихов и букв в каждой библейской книге, мог забыть свой отечественный, весьма ясный и строжайший закон в рассуждении мертвых – закон, ежедневно исполнявшийся в глазах самого синедриона? Как не пришло ему на мысль, что по этому закону не только похищение, но одно прикосновение к мертвому телу почиталось нечистотою до семи дней; что прикасавшийся по необходимости должен был очиститься очистительною жертвенною водою и что неочистившийся подвергался смерти (Числ. 19: 11–22)? Как же при таком законе, строго исполняемом от всего народа, предполагать кражу мертвого тела? С другой стороны, разве ученым фарисеям, которые красили гробы пророков, не было известно из обычаев народных глубокое уважение всего народа к своим покойникам, глубокое усердие к достойному их погребению? Подумали ль бы ученики, любившие Господа, нанести бесславие пречистому телу Его, погребенному честно, в гробе знатного человека, князя Иудейского? Что ж такое делал синедрион, составляя предположение о краже, несообразной с их законами отеческими и с современными обычаями народными?

3. *Рцыте*, подучали архиереи и книжники римских воинов, извещавших о воскресении Господа, *рцыте, яко ученицы Его нощии пришедше украдоша Его, нам спящим* (Мф. 28:13). Но как сказать и кого можно обмануть этою ложью? Если воины, сторожившие гроб, спали (а они должны были, по свойству предполагаемой лжи, спать весьма глубоким сном), то, само собою разумеется, не могли ни видеть, ни знать, украдено ли и кем украдено стрегомое ими тело или как иначе не стало его во гробе? Если они не могли противиться одолевавшей их сонливости (что, впрочем, отнюдь не естественно, римскому ли воину заснуть на вверенном ему посту?) – то из предосторожности необходимо должны были ложиться у самого входа в пещеру и заслонить его своими телами крепче камня Иосифова. Как же между воинами, по самому роду жизни своей всегда чуткими, мог кто-либо пройти, ни одного из них не разбудив? И кто бы осмелился пройти? Евреи вообще не отличались великою отвагою; тем менее простодушные ученики Спасителя, которые, по смерти Его, крепко запирались в домах своих *страха ради Иудейского*. Им ли было помышлять о краже тела Учителева? И на что оно им теперь, когда они почитали все надежды свои угасшими? Почему сам синедрион, распустивши нелепую молву, ни одного ученика не призвал к допросу, не произвел никакого следствия? Разве архиереи опустили бы этот случай без внимания, если бы сами не видели всей нелепости в своей лжи? Обратимся еще к некоторым обстоятельствам.

4. Евангелист замечает, что камень гроба Господня был *велий* (Мф. 27:6). Он по необходимости долженствовал быть велик, чтобы совершенно закрывать вход в пещеру; вход также по необходимости был велик, иначе сквозь него нельзя было пронести почившее тело Господне и пройти по

крайней мере двум погребальщикам. Сверх сего, по устройству древних гробниц иудейских камень не просто приваливался ко входу в каменную пещеру, а плотно вдвигался в устье пещеры и составлял с ее краями почти одну сплошную стену. Как же было вынуть такой камень, не сделав великого шума? А сделав шум, как не разбудить стражи? Да и с шумом невозможно было вынуть в темноте ночной.

5. Плащаница, убрус (вероятно, немалой цены) и другие перевязи, которые обыкновенно употреблялись при погребении и которыми обвито было пречистое тело Господа, все осталось во гробе, расположенное порядком. Зачем было оставлять сии принадлежности, если бы тело Искупителя захотели похитить? Для чего брать нагое, а не обвитое тело мертвого? Достало ли бы времени освобождать почившего от полотенцев и перевязей, прилипших к Его телу с мастию, и потом свивать их опять без всякой цели в темноте, тогда как нужно было всемерно поспешать?

6. Благообразный Иосиф положил пречистое тело Господа в гробе *новом, в немже николиже никтоже положена бе* (Ин. 19:41). Это обстоятельство избавило синедрион от дальнейшей лжи. Если бы гроб, то есть высеченная в каменной скале пещера для положения мертвых тел, не был нов, если бы в нем прежде положения тела Господня почивали мертвецы с давних времен, иудеи не пропустили бы случая сковать две лжи: во-первых, «если и воскрес, то воскрес кто-нибудь другой, а не Иисус, Которого мы распяли». Во-вторых, «если и Он воскрес, то не собственною силою, а от прикосновения к какому-нибудь почивающему в пещере праведнику, о чудодейной силе коего мы доселе не ведали». Для толпы легкомысленной такая ложь была бы тем вероятнее, что ученые фарисеи могли подкрепить ее примерами из своей истории (4 Цар. 13: 20–22).

7. Синедрион запечатал своею печатью камень гроба Господня. Церковное предание постоянно уверяет, что при воскресении Спасителя камень был отвален, а печать не тронута. Надобно думать, что синедрион знал о целости и нерушимости своей печати. Быть не может, чтобы кто-нибудь из членов, хотя из простого любопытства, не пошел и не освидетельствовал правительственной печати. Зачем было и прикладывать ее, если оставить без всякого внимания? Видели – и молчали. Как печать могла остаться неприкосновенною? Одним чудом. Чтобы, выдвигая камень, не нарушить печати, надобно предположить, что или каменный край входа раздался, или камень размягчился, как воск, в той стороне, которою он выдвигался из отверстия пещеры. То и другое невозможно без чуда.

Злоба часто ослепляет человека до такой степени, что он может не верить тому, что подлинно знает и в чем действительно уверен. Есть люди, которые спокойно могут говорить истине: «Так что ж? Хоть знаю, да не верю».

Синедрион и апостолы при вести о воскресении Христовом (Мф. 28: 12–13; Лк. 24: 11–37)

«Воскресное чтение», 1821

Весть о воскресении Спасителя, принесенная в Иерусалим стражами гроба Христова и святыми мироносицами, произвела там два противоположные явления. Ближайшие собеседники Христовы и постоянные свидетели Его чудес — те, которые не раз слышали от Него, что *Сын Человеческий предан будет архиереем и книжником, и осудят Его на смерть и предадят Его языком на поругание и биение и пропятие, и в третий день воскреснет* (Мф. 20: 18–19), словом, ученики Христовы усомнились в истине рассказа жен мироносиц и нашли Его как бы не заслуживающим веры: *Явишася пред ними, яко лжа глаголы их, и не вероваху им* (Лк. 24:11). Совсем не так поступили члены синедриона, предавшие на смерть Иисуса Христа. Весть о воскресении Его как громом поразила их! Как ни хотелось бы им сомневаться и не веровать, но и то и другое было теперь неуместно: неопровержимые доводы воскресения Распятого ими стояли теперь пред ними, как живая улика всякому сомнению, в лице не опомнившихся еще от страха стражей гроба Христова — людей, как хорошо было известно синедриону, вовсе посторонних Распятому и еще недавно издевавшихся над Ним в претории Пилатовой, как над жалким самозванцем. Итак, что оставалось делать синедриону, как не преклониться только, хотя и против воли, пред очевидностью события? И мы не преувеличим, если скажем, что в эту минуту, среди тайных совещаний своих, члены его (по крайней мере некоторые) так же мало сомневались в истине события, как и ближайшие свидетели его — стражи гроба Христова. Только вера тех и других была не та благодатная вера, которая животворит душу, просвещает ум и радует сердце, но та вера демонов, которая верует и трепещет (Иак. 2:19).

В самом деле, вместо того чтобы благоразумно и осторожно обследовать столь важное известие, каково воскресение Распятого, синедрион, от смущения и страха не зная, в чем найти для себя точку опоры, хватается за первую представившуюся ему клевету, не замечая от торопливости и страха, как груба и неловка ткань этой клеветы и как она не только не закроет света истины, но обнаружит вместе и недальновидность и бесстыдство виновников своих: *Собравшеся со старцы, совет сотвориша, сребреники довольны даша воином, глаголюще: рцыте, яко ученицы Его нощию пришедше украдоша Его, нам спящим... Они же приемши сребреники, сотвориша, якоже научены быша* (Мф. 28: 12, 13, 15). Но...

1) Слыхано ли когда, чтобы не один, или два, но несколько воинов, поставленных на посту, вверенном их военной чести и за целость которого

они отвечают собственною жизнью (Деян. 12:19), как будто сговорясь нарочно, предались сну все разом, вдруг? Подобного поступка, конечно, нельзя встретить в военных летописях ни одного народа, тем менее — в летописях римского народа, известного строгостью своей военной дисциплины.

2) Предположим, впрочем, что все воины, бывшие на страже гроба Христова, разом предались сну. Но для того чтобы проникнуть в гробовую пещеру, вынести и унести из нее тело, надлежало быть в заговоре не одному или двум, но нескольким человекам, потому что им надлежало прежде всего не только отвалить, но и подвинуть, по крайней мере, на некоторое расстояние камень *велий зело*; надобно было, кроме того, все это сделать во время ночи, и следовательно, впотьмах и ощупью — сделать притом без малейшего шума и, так сказать, притаив дыхание, чтобы не пробудить стражи. Можно ли же поверить, чтобы вся эта работа, сколько сложная, столько же и неудобная от тесноты места, не пробудила ни одного из стражей, спавших, без сомнения, у самого доступа к гробовой пещере? Событие, до такой степени лишенное вероятия, требует, по словам блаженного Августина, ручательства более надежного, чем спавшая стража.

3) Тот же блаженный отец справедливо замечает, что если стража спала, то как могла знать, что унесено тело и кто унес его; если же не спала, то как допустила кражу?

4) И кто, в самом деле, мог решиться на подобный поступок? Без сомнения, одни ученики Распятого. Но они не могли иметь решительно никакого побуждения к сему. В самом деле, ученики или ожидали воскресения Господа согласно Его предсказанию, или не ожидали. Если первое, то их, постоянных свидетелей Его чудес, должна была уже совершенно успокаивать та мысль, что Он, отверзавший столько раз очи слепым и слух глухим, исцелявший одним словом недужных и расслабленных, воскрешавший мертвых, силен разрешить оковы и собственной смерти и осуществить предреченное Им воскресение Свое. В сем случае они не могли иметь никакого побуждения решиться на такое предприятие, которое столько же было опасно, сколько и преступно.

Если ж не ожидали, то не видится никакого побуждения для них, никакой выгоды, никакой надежды, которая могла бы склонить их к похищению тела своего Учителя с тою только целью, чтобы сочинить вследствие этого басню о Его воскресении. Со стороны мира им угрожало в таком случае всё: ненависть, презрение, все роды наказаний, назначаемых правосудием человеческим для обманщиков, для гробовых татей и дерзких нарушителей печати правительства. Со стороны Божеского правосудия они еще более должны были страшиться кары небесной за обман и нечестие, с которым усиливались бы выдавать за Бога такого человека, Который (если не воскрес) не мог победить смерти, которой был предан. При-

бавим к сему, что состояние духа учеников во все время Голгофских событий делает вовсе невероятною какую бы то ни было с их стороны попытку к похищению тела своего Учителя, стрегомого в гробе, как им было известно, римскою стражей. Как люди, убитые горем и одержимые сильнейшим страхом, они пугаются всего, даже и голоса женщины, боятся показаться среди людей, прячутся по отдаленным концам города, сидят и трепещут в запертой горнице *страха ради Иудейского*. В этом ли состоянии духа составлять смелые планы с определенною целью и отваживаться на дерзкие предприятия?.. Сильная горесть, как и сильный страх, убивает, как известно, бодрость духа и останавливает деятельность его.

5) Скажем, наконец, что и сам синедрион никогда не думал считать и не считал апостолов похитителями тела Христова. Об этом свидетельствует вся история первоначальной их проповеди. Когда иудеи заключают в темницу и велят бить Петра, Иоанна и других апостолов, когда предают смерти обоих Иаковов и святого Симеона, то обвиняют ли их в том, что они похитили тело своего Учителя и потом разгласили лживую весть о Его воскресении? Нет! Они только обвиняют их в том, что они проповедуют *о Человеке Сем* (Деян. 5:28) вопреки строгому их запрещению. Между тем для придания хоть тени правды клевете, еще недавно распущенной синедрионом, как важно было бы уличить апостолов, по крайней мере для виду, в похищении тела их Учителя!

Так видимо и очевидно сбылись в сем случае над синедрионом слова пророка: *Солга неправда себе... ров изры и ископа и падет в яму, юже содела* (Пс. 7:16; 26:12).

Но тогда как синедрион трепетал и клеветал, как приняли весть о воскресении апостолы? Они... не поверили женам, благовестившим им это радостное событие; впрочем, неверие их отнюдь не происходило от упорства или от какого-либо сердечного ожесточения, но оттого, что они сильно желали увериться в том, чего так жаждала душа их. Внезапный переход от глубокой печали к сильнейшей радости не совершается в человеке вообще без некоторого разъединения мысли и чувства: тогда как сердце истаивает от предчувствия радости и всею силою емлется за предмет ее, холодный рассудок неумолимо составляет свои соображения и останавливает порывы сердца. То же случилось и с апостолами. *Сердца их горели* (Лк. 24:32); между тем рассудок требовал своих прав, произносил свой приговор: *Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя и вложу перста моего в язвы гвоздинныя и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры* (Ин. 20:25). Это была с их стороны невольная дань слабости природы человеческой; Бог же, обращающий и самые страсти и слабости наши к мудрым целям Своим, благоволил обратить и это неверие апостолов к большему утверждению истины воскресения. Ибо, если бы апостолы, получив от мироносиц весть о воскресении

Христовом, тотчас поверили ей без удостоверения, если бы не оказали при сем никакого колебания и сомнения, то чего впоследствии не могло бы выдумать неверие насчет их легковерия, какой клеветы не взвело бы оно на их простоту и доверчивость! Но продолжительное сомнение апостолов, их неверие даже собственным чувствам при виде воскресшего Господа, смыкают теперь уста неверию и обезоруживают всякое сомнение. В самом деле, Иисус Христос является Марии Магдалине и прочим женам, бывшим у гроба, которые преемственно, один за другим свидетельствуют пред апостолами об истине воскресения и которых свидетельство не могло не быть искренно; но эти глаголы радости принимаются ими хотя и с участием, но ис недоверчивостью. Петр течет ко гробу, рассматривает погребальные пелены и только *дивится бывшему*. Господь является потом среди собрания апостолов, но при этом сомнение их не исчезает: они *мнят дух видети* (Лк. 24:37). Он приглашает их осязать Себя; недоверие все еще продолжается (ст. 41) и только тогда исчезает совершенно и уступает место невозмутимой радости, когда Господь для полного удостоверения их вкушает пред ними пищу. Так медленно и осторожно убеждались апостолы в истине воскресения! Зато прочна и несокрушима, как адамант, была вера их впоследствии! Она-то вдохновляла их пред лицом царей и владык земных; она-то при виде угроз и мучений влагала в уста их доблестные речи: *Не можем, яже видехом и слышахом, не глаголати* (Деян. 4:20)! Понятно после сего и то, почему вера эта должна была, так сказать, воспитаться видениями и откровениями. Ей надлежало быть верою самовидцев и непосредственных слуг воплощенного Слова – слуг, которые пройдут по всем концам вселенной и повсюду, куда угодно будет Святому Духу повесть их, скажут с уверенностью к людям: *Сего Иисуса воскреси Бог, Емуже мы есмы свидетели... преднареченные от Бога, иже с Ним ядохом и пихом по воскресении Его от мертвых* (Деян. 2:32; 10:41). Это свидетельство оснует церкви, сокрушит идолов, разрушит капища, обратит иудеев, уловит язычников; на нем целые племена и народы – все человечество оснует свое благоденствие. Вот почему вера апостолов должна была опираться на видение! Вот почему и Сам Спаситель, дабы устранить из умов их всякую тень сомнения и более и более убедить их в подлинности Своего воскресения, умножал и разнообразил Свои явления апостолам в продолжение целых 40 дней, которые оставался на земле по воскресении!

Почему Господь Иисус Христос не явился всем иудеям по Воскресении

Св. Иоанн Златоуст. «Воскресное чтение», 1809

Многие спрашивают и говорят: почему Господь по воскресении не явился тотчас всем иудеям? Вопрос тщетный и суетный. Если бы Своим явле-

нием Он мог обратить всех к вере, то не преминул бы явиться всем. Но Он никак не преклонил бы иудеев к вере, если бы явился им по воскресении: сему Он научает нас чрез Лазаря. Ибо когда Христос воскресил сего четверодневного мертвеца, смердящего и тлевшего, когда по гласу Его сей мертвец, обвитый погребальными пеленами, встал пред лицом всех, то и тогда не только не обратил их к вере, но еще раздражил против Себя. Пришедшие туда совещались убить и самого Лазаря за то, что он был предметом чуда Христова (Ин. 12:10). Итак, если они за то, что Господь другого воскресил из мертвых, не уверовали в Него, то каким неистовством воспылали бы против Него, если бы Он явил им Себя Самого, воскресшего собственною силою? Хотя они ничего не могли бы Ему сделать, однако с большим неистовством устремились бы к нечестию. Посему, желая избавить их от напрасного неистовства, Он скрывался от них. Притом они подверглись бы и более жестокому наказанию, если бы Он явился им после Своих страданий. Потому-то, щадя их, хотя Сам и скрывался от очей их, но в то же время (для обращения их) и открывался в знамениях и чудесах. Так, слышать Петра, говорящего: *Во имя Иисуса Христа востани и ходи* (Деян. 3:6), не менее значило, как и видеть Христа воскресшего. И что первое служило весьма сильным доказательством воскресения (Христова) и удобнее располагало к вере, нежели последнее, то есть что сердца человеческие скорее могли быть утверждены в вере видением чудес, совершенных во имя Его, нежели явлением Его Самого по воскресении, это явствует из следующего: Христос воскрес и явился Своим ученикам; нашелся, однако, и между ними один неверующий – Фома, называемый Дидим. Для уверения своего он требовал вложить персты свои в язвы гвоздинные, осязать ребра Христовы. Если же ученик оный, который три года жил со Христом, участвовал в трапезе Господней, был свидетелем величайших Его знамений и чудес, слушал Его беседы и уже видел Его воскресшим, и при всем том не прежде поверил, как когда узрел самые язвы от гвоздей и копия, то скажи мне, как уверовал бы в Него весь мир потому только, что все видели Его в то время воскресшим? Кто дерзнет утверждать сие? Но не сей только, а и другие укажем примеры на то, что чудеса гораздо более имели силы убеждения, нежели явление воскресшего пред очами других. Вот – когда народ услышал Петра, говорящего хромому: *Во имя Иисуса Христа востани и ходи*, – вдруг пять тысяч мужей обратились к вере во Христа (Деян. 4:4); а ученик, видевший Самого Воскресшего, оставался в неверии. Видишь ли, как это чудо гораздо скорее возбудило веру в воскресение? Одно явление Христа воскресшего не вывело из неверия даже ближайшего ученика Его; а свидетели чуда, сотворенного Петром, из врагов Христовых сделались верующими. Столько-то последнее доказательство (чудо) было важнее и очевиднее первого (явления) и больше

имело силы расположить и преклонить людей к вере в воскресение! Но что я говорю о Фоме? Если хочешь знать, что и прочие ученики, увидев Господа по воскресении, не вдруг поверили, выслушай разумно. Только не осуждай их, возлюбленный. Если Христос их не осудил, то и ты не осуждай; ибо ученики видели необыкновенное и чудное видение Самого Перворадного воскресшим из мертвых, а столь великие чудеса сначала обыкновенно поражают ужасом, доколе, спустя несколько времени в сердцах верующих не водворится спокойствие. Это самое и случилось тогда с учениками. Ибо после того как Христос, воскресший из мертвых, приветствовал их словами: «Мир вам», они, как сказано, *убоявшеся и пристрашни бывше, мняху дух видети. И рече им Иисус: что смущени есте? Потом показа им руце и нозе: еще же им неверующим от радости и чудящимся, рече им: имате ли что снеднозде?* (Лк. 24: 37–40). Вот каким способом желал Он уверить учеников Своих в воскресении! Если, говорит, не убеждают вас прободенные копием ребра Мои, не убеждают и прочие язвы, то пусть убедит трапеза... Итак, когда ты слышишь, что Он *пред ними* (учениками) *постави Себе жива, денми четыредесятми являяся им, с ними же и ядый* (Деян. 1: 3–4), то причиною сего ядения признавай не то, чтобы Он Сам имел нужду в пище, но то, что Он желал уврачевать немощь учеников; а отсюда ясно разумей, что знамения и чудеса самих апостолов служили самым непререкаемым доказательством Христова воскресения.

Кому прежде всех явился Господь Иисус Христос по воскресении?

В. Певницкий. «Воскресное чтение», 1883

По евангельским сказаниям, первое явление Господа по воскресении было Марии Магдалине. Евангелист Марк прямо говорит: *Воскрес Иисус заутра в первую субботу, явися прежде Марии Магдалини, из неяже изгна седмь бесов. Она же шедши возвести с Ним бывшим, плачущимся и рыдающим* (Мк. 16: 9–10). Со свидетельством Марка согласуются повествования о явлениях воскресшего Господа, читаемые нами в Евангелиях Иоанна (20: 11–18) и Матфея (28: 9–10).

Но Святая Церковь хранит благочестивое предание о другом явлении воскресшего Господа, бывшем раньше явления Его Марии Магдалине. По ее верованию, прежде всех по воскресении из гроба Господь явился Пресвятой Богоматери, и Ей же прежде других сообщена была ангелом радостная весть о восстании Сына Ее из гроба. Она ближе всех из земнородных была к Господу Иисусу Христу, и сердце Ее более других было поражено невыразимою сердечною скорбью, когда Она видела на кресте Спасителя мира, по Своему человечеству Ею рожденного и воспитанного и связанного с Нею самыми тесными кровными узами. По предречению правед-

ного Симеона, во дни страданий Господних оружие пронзило Ее душу, и раны Ее сердца были гораздо тяжелее тех кровавых ран, какие наносит меч или стрела. Господь видел со креста страдания Своей Матери, и в нежной сыновней заботливости о Ней в предсмертные минуты поручил Ее попечениям Своего возлюбленного ученика. Можно ли предположить, чтобы этот необыкновенный Сын необыкновенной Матери забыл о Ней, когда открылся и настал день Его славы и когда Он с торжеством явился на земле победителем смерти и ада? Можно ли думать, чтобы Ему угодно было продлить минуты страданий Той, от Которой Он принял плоть Свою, которая Им жила и дышала и в Которой Он находил утешение и отраду в дни земной жизни Своей?

В Иерусалиме, в храме Воскресения, до сих пор указывают место явления воскресшего Спасителя Пресвятой Богоматери, недалеко от кувуклии, или бывшего гроба Господня. На этом месте стоит католический придел явления Спасителя Богоматери. Предание, освященное веками, конечно, имеет в основании своем несомненные факты. Святая Церковь в своих пасхальных песнопениях очень часто возвращается к этому событию и то воспоминает ангельское приветствие Богоматери, то указывает на явление Ей Самого Воскресшего. В этих песнях есть прямое указание на то, что именно Богоматери, а не кому-либо другому повелено было ангелу сообщить первую радостную весть о воскресении. Со второго дня Святой Пасхи к пасхальному канону, поемому в первый день, присоединяется другой канон в честь Богородицы, творение Феофана и Иосифа, и этот канон есть не что иное, как воспроизведение и подробное раскрытие того радостного приветствия, с каким обратился к Богоматери ангел во утрие дня воскресения Христова. Всем известен припев девятой песни пасхального канона: *Ангел вопияше благодатный: чистая Дево, радуйся, и паки реку: радуйся: Твой Сын воскресе тридневен от гроба.* Несколько раз повторяется это приветствие с разными добавлениями в пасхальном Богородичном каноне, к сожалению, не так у нас известном. Например: *Воскресшаго видевши Сына Твоего и Бога, радуйся со Апостолы, Богоблагодатная чистая, и еже радуйся, первее, яко всех радости вина, восприяла еси, Богомати всенепорочная* (канон Богородице, 2 ст. 1 песн.). *Бога, Егоже родила еси плотию из мертвых, якоже рече, воставша видевши, чистая, ликуй* (канон Богородице, 2 ст. 2 песн.), *Егоже родила еси Христа, прекрасна из мертвых возсиявша, чистая, зрящи, добрая и непорочная в женах и красная, днесь во спасение всех, со Апостолы радующися. Того прославляй* (канон Богородице, 4 песн. 2 ст.).

Отчего же нет упоминания о явлении Спасителя Богоматери и об ангельском благовестии Ей о воскресении Ее Сына в сказаниях евангелистов? Но в Евангелиях не изображены очень многие из деяний Господа Иисуса Христа и из обстоятельств Его земной жизни. Евангелисты не име-

ли в виду представить подробную запись всех слов, сказанных Господом, всех дел, Им совершенных, и всех случаев, какими ознаменовано было Его пребывание на земле. Из многого, совершенного Иисусом Христом, они передали потомству на память то, что наиболее могло внушить веру в Божественное посланничество Господа и что показывало Его вышечеловеческую силу и вышечеловеческое достоинство. Евангелист Иоанн два раза указывает на то, что в Евангелиях далеко не все записано, что видели и слышали от Господа Иисуса Христа люди, бывшие свидетелями Его дел и чудес и воспринимавшие сердцем слова благодати, текшие из уст Его. *Суть же и ина много,* говорит он в заключение своего Евангелия, *яже сотвори Иисус, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему миру вместити пишемых книг* (Ин. 21:25). *Многа и ина знамения сотвори Иисус пред ученики Своими* (читаем мы в другом месте Евангелия от Иоанна), *яже не суть писана в книгах сих. Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе, живот имате во имя Его* (Ин. 20: 30–31). Оба эти замечания евангелиста Иоанна сделаны в тех главах его Евангелия, где он рассказывает о явлениях Господа Иисуса Христа по воскресении, – одно после рассказа о явлении Иисуса Христа ученикам в комнате, при затворенных дверях в вечер дня воскресения, и потом в восьмой день по воскресении, для уверения апостола Фомы в истине Своего воскресения, и другое после описания явления Его ученикам на море Тивериадском и Его беседы с Симоном Петром. Включение этих замечаний в историю явлений Господа Иисуса Христа по воскресении дает нам право заключать, что именно здесь, по отношению к явлениям воскресшего Господа, не все записано апостолами, что было известно, а многое хранилось в живом устном предании. В частности, о Божией Матери в Евангелии говорится очень мало, и даже упоминается о Ней очень редко. После того как Она послужила тайне воплощения Единородного Сына Божия, Она как бы совершенно скрывается из вида и пребывает в неизвестности. Ее имя мы встречаем в Евангелии, когда евангелисты описывают обстоятельства, относящиеся к рождеству Господа Иисуса Христа. Затем упоминается о Ней (причем Она не называется по имени), когда Господь Иисус, будучи двенадцатилетним Отроком, был с родителями в Иерусалиме на празднике Пасхи и не пошел с ними в обратный путь, и когда родители, не видя Его в толпе возвращавшихся богомольцев, должны были вернуться в Иерусалим и после долгих поисков нашли Его в церкви сидящим посреди учителей (Лк. 11: 43–51). Еще упоминается о Ней, когда Господь Иисус Христос совершил первое чудо на браке в Кане Галилейской, где Он был вместе с Материю (Ин. 11: 1–5). Наконец, евангелист Иоанн указывает Ее в числе стоящих у креста Христова, когда Господь поручил Ее на хранение этому Своему возлюбленному ученику (Ин. 19: 25–27). И толь-

ко. Между тем, живя постоянно со Своим единственным Сыном, окруженная Его вниманием, вся посвященная Своим материнским заботам и чтимая всеми, видевшими в Ее Сыне необыкновенного чудотворца, Она могла бы дать материал для многих страниц священной истории.

Но, видно, Ей Самой не угодно было, чтобы разглашали о Ней и выставляли напоказ тайну Ее жизни. Смирение было одним из главных и отличительных Ее качеств. Господь, по Ее собственным словам, *призрел на смирение Рабы Своея* (Лк. 1:48), когда избрал Ее послужить искуплению рода человеческого чрез восприятие от Нее пречистой плоти, – и этому смирению Она не изменила во все годы Своей жизни, как во дни скорби, так и во дни славы Своего Сына и Господа. Ей желательна и приятна была тихая, скромная, сосредоточенная жизнь, далекая от всякого общественного шума, и больно, тяжело чувствовалось на Ее сердце, когда кто-либо нарушал сокровенную тишину, в какой любила пребывать Она. Апостолы с благоговением относились к этому необычайному смирению величайшей из матерей, свято берегли Ее желания и не хотели говорить о Ней, когда Она более всего любила молчание.

Как убеждались первые ученики Господа в истине воскресения Его?

Архим. Варфоломей. «Воскресное чтение», 1829

Радость светлого воскресения Христа Спасителя не вдруг овладевала сердцами последователей и учеников Его; не все и не в одно время равно убедились в Его воскресении и одинаково возрадовались. Так, апостол Фома до восеми дней не был удостоен лицезрения воскресшего Господа, а иные, и увидя Его, на первый раз усомнились (Мф. 28:17). И впоследствии, во времена апостольские были и такие верующие, которых ублажает святой апостол Петр за то, что они, *не видевши Иисуса Христа, любят Его и на Негоже ныне зряще, веруют в Него и радуются радостью неизглаголанною и прославленною* (1 Пет. 1:8). Но были и такие в обществе самых христиан, которые сомневались в возможности воскресения мертвых, а тем самым отвергали и действительность Христова воскресения. Таких христиан укорял в свое время апостол Павел: *Како глаголют нецыи в вас, яко воскресение мертвых несть? И аще воскресение мертвых несть, то ни Христос воста* (1 Кор. 15: 12–13). Опыты прошедшего и настоящего убеждают, что недуги сомнения и маловерия, даже болезни совершенного неверия в Иисуса Христа или спасительное Его воскресение могут всегда рождаться и находить место между христианами.

Недуги сомнения и неверия в истину о воскресении Христовом при первом благовестии о нем в обществе апостолов врачевались и уничтожались Самим Господом различно, у одних такими средствами, у других ины-

ми. Посмотрим, нельзя ли в благовестии о явлении воскресшего Господа верующим, сомневающимся и коснеющим в сомнении ученикам Своим, указать уроки вразумления для веры, сомнении, маловерия и неверия нашего времени.

Воскресший рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине (Мк. 16:9). Мария очень рано, когда было еще темно (Ин. 20:1), пришла ко гробу Спасителя и, не нашедши в нем тела Господня, горько плакала, стоя вне гроба. В скорби и слезах, а может быть, еще и от темноты, она приняла явившегося ей Господа за вертоградаря; но на зов Его: *Марие!* – вдруг обратилась к Нему с радостным восклицанием: *Учитель!* – и пала к стопам Его (Ин. 20:17). Спустя несколько минут подошли и другие жены-мироносицы; но они там не видели Господа, а получили уверение в воскресении Его от ангелов. Возвращаясь домой от гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить о том, что слышали от ангелов, ученикам Его. Когда же шли они возвестить ученикам Его, воскресший Господь встретил их и сказал: *Радуйтесь*. Они поклонились Ему. *Тогда говорит им Иисус: не бойтесь: пойдите, возвестите братиям Моим* (Мф. 28: 8–10). Таким образом, жены-мироносицы, пришедшие очень рано ко гробу помазать тело Господне, первые удостоились собственными очами видеть воскресшего Господа Иисуса и собственными руками осязать прославленные стопы Его. Не очевидно ли отсюда для всякого, что святая любовь, любовь живая и деятельная, сильнее всего влечет сердце к Богу и скорее всего соединяет с Возлюбленным? Не ясно ли для всякого, что простота веры прежде всяких умствований и изысканий открывает живого Бога, беседует с Ним в чистоте сердца и невозмутимо радуется обретению Его? Святые жены не могли бы первые встретить воскресшего Господа, если бы любовь не возбудила их очень рано на служение Почившему. Так воскресши, всегда живый и повсюду сущий, Господь Иисус открывает Себя и доселе сердцам, искренно любящим Его и в простоте верующим Ему.

Но *в той же* первый *день* воскресения, повествует Святое Евангелие, Господь *в ином образе явился двум* из учеников Своих. Они шли в селение Эммаус и разговаривали между собою о всех событиях последних дней. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, в то время и Сам Иисус приблизясь пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Господь спросил их: *О чем вы это рассуждаете между собою, и отчего вы печальны?* Ученики рассказывают неведомому спутнику об Иисусе Христе Назарянине, какой Он был *великий пророк, сильный делом и словом*, как архиереи осудили его и предали на смерть; мы же, говорят они, надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля: но со всем тем, *уже третий день ныне, как это произошло*. Тогда Господь сказал им: *О несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предска-*

зывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснил им сказанное о Нем во всем Писании (Мк. 16:12; Лк. 24: 13–17). Как сильны были Его доводы из Священного Писания, как от света слова Божия мало-помалу рассеивался мрак всех их сомнений и недоразумений и вместо тяжкого уныния возгорелись в сердце радость и надежда, – это выразили сами ученики, узнавши Господа после за трапезою. Они сказали друг другу: *Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?* (Лк. 24: 32 и 35). Вот иной путь к живому Богу, путь медленный и нелегкий, путь сомнений и расследований, религиозных изысканий и разумного убеждения! Недоверчивый разум не всегда соглашался на общую веру простосердечных христиан, что Господь Иисус, распятый на кресте, умерший и погребенный, *воскрес в третий день по Писанию.* Но если это разум, искренно ищущий верного пути к истине и спасению, то Господь не оставит его блуждать во мраке мучительных сомнений: Он Сам в лице друга или доброго наставника, или даже в образе случайно встретившегося незнакомца, сблизится с ним духовно, примет живейшее участие в его душевном положении и научит, где искать Того, Который есть верный *путь и истина и живот.* Он покажет, что вера в воскресшего Спасителя мира основана на свидетельстве не одних жен-мироносиц, но *более, нежели пятисот самовидцев и служителей Слова,* запечатлевших кровию свое благовестие; что с первого дня по воскресении до наших времен и до конца мира эта святая вера исповедуется не только одними простодушными и неучеными людьми, но твердыми в своих убеждениях людьми учеными, и даже такими, которые были прежде жестокими гонителями ее, что основанием нашей веры *мы имамы известнейшее пророческое слово: и ему внимаем якоже светилу в темнем месте* (2 Пет. 1:19). Это пророческое и евангельское слово – *живое и действенное слово Божие, и острейше паче всякаго меча обоюдуостра, проходящее до разделения души и духа,* разрешит всякие недоумения в душе, рассеет всякий мрак сомнений и заблуждений и озарит сердце светоносною истиною светлого воскресения Христа Спасителя.

В тот же первый день, то есть в день воскресения Господа, вечером, *когда двери дома, где собрались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус и стал посреди и говорит им: мир вам! Ученики обрадовались, увидя Господа...* (Ин. 20: 19–20). Кто может изобразить радость убитых горем и страхом учеников, когда они внезапно, сверх всякого ожидания, узрели в кругу себя воскресшего и прославленного своего Господа, Учителя, Благодетеля, свою надежду и жизнь! Они сами не могли опомниться от прилива внезапной радости; *когда же они от радости еще не верили и дивились, Господь Иисус сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это – Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух*

плоти и костей не имеет, как видите у Меня... Есть ли у вас здесь какая пища? Они подали ему часть печеной рыбы и сотового меда. И взяв, ел перед ними... (Лк. 24: 39–45). *Иисус же сказал им вторично: мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: приимите Духа Святаго* (Ин. 20: 21, 22). *Тогда отверз им ум к уразумению Писаний* (Лк. 24:45); даровал им власть отпускать грехи; показал, какие знамения последуют уверовавшим в Него: *Именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не вредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы* (Мк. 16: 17–18). *Многое и другое сотворил Иисус* пред учениками Своими для убеждения и наставления их (Ин. 21:25). Вот самое осязательное явление воскресшего Господа Иисуса – явление, не оставляющее ни малейшего сомнения в воскресении Господнем и для тех, которые не хотели скоро верить благовестию других. Не довольно того, что Господь явился в кругу многих учеников Своих, показал им Свои руки и ноги, вкусил пищи пред ними, беседовал с ними, Он еще оставил им вечные знамения Своего воскресения и явления им: даровал им Духа Святого, разумение Писаний, дар языков, чудотворений и прочее. Могли ли после этого святые апостолы не свидетельствовать пред целым светом, что Господь Иисус хотя и *умерщвлен был плотию,* как истинный человек, но *ожил вместе с плотию Духом* (1 Пет. 3:18), как *вечно живое Слово Божие, еже бе испервa, еже слышахом, еже видехом очима нашима, еже узрехом и руки наша осязаша* (1 Ин. 1:1)!

Было ли когда в последующие времена и бывает ли теперь такое очевидное явление воскресшего Господа Иисуса? Для великих целей – для спасения народов, для обращения великих мужей, для укрепления великих мучеников, Господь видимо открывал Себя и тем свидетельствовал о Себе, что Он всегда жив, всегда один и тот же: *вчера и днесь тойже и во веки!* Но и всякой искренно верующей душе Своих братий Господь Иисус по бесконечной любви и благости Своей являет Себя так же ощутительно, хотя и невидимо, так же чудодейственно и живо, хотя духовно и таинственно! Когда гонимая злобою врагов Христовых любовь ко Христу заключится в храмине верующего сердца со всеми своими надеждами и желаниями и почувствует томление одиночества, горесть беззащитного уединения, жажду утешения от Господа, тогда *дверем заключенным* неожиданно приходит Он – Любовь и Надежда – и подает мир скорбящей душе! Тогда верующая душа видит Его очами веры, она встречает Его святою надеждою, она касается Его благоговейною любовию. И что это – Сам Он, Царь и Бог ее, а не мысль только об Нем, не воображаемый призрак, она узнает по свойству бесценных даров Его, даров, каковых не может дать ей целый мир. *Мир Свой даю тебе!* – говорит Царь душе. – *Не так, как мир дает, Я даю тебе!* (ср. Ин. 14:27). И душа чувствует, что сей Богодарованный *мир превосходит всяк ум,* – всякое представление. Тогда увидит она ясно, что все Священ-

ные *Писания* непререкаемо *свидетельствуют о Сыне Божием, что глаголы Его* Самого *дух суть и живот суть*, что она восприяла силу творить чудеса: она не говорит на новых языках, когда это не бывает нужно, но зато родным языком громко возвещает величия Божия; не исцеляет недужных возложением рук, но воскрешает мертвых душою, закоренелых грешников одним благодатным словом своим! «Вот самые великие чудеса! Вот дивные знамения!» — восклицает святой Иоанн Златоуст (в Беседе 32 на Мф.).

Были и еще свидетели воскресения Христова, невольные, но несомненные; это воины, распявшие Его и хранившие гроб Его. Но *сребреники довольны*, то есть сребролюбие и человекоугодие, изменили истину свидетельства их в ложь, в ту ложь, будто *ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали! И пронеслось слово сие между иудеями до сего дня* (Мф. 28: 12–15). Истина продана ими.

Повторяется ли это с религиозными убеждениями в мире христианском? Бывает: из выгод и земных расчетов переменить веру или религиозные убеждения значит сделать то же, что сделали воины. Но чаще всего это бывает на суде, где за сребреники продают истину и говорят не то, что видели.

Явления Иисуса Христа по воскресении

«Воскресное чтение», 1804

Марии Магдалине

Мария, пришедши рано ко гробу и видя его отверстым, неутешно плачет, думая, что тело Господа кем-либо взято; видит двух ангелов при гробе; потом, обратясь назад, видит Самого Иисуса Христа, принимает Его за вертоградаря и спрашивает: не он ли взял тело Господа? Тогда *глагола ей Иисус: Марие! Она же обращшися глагола ему: Раввуни, еже глаголется, учителю. Глагола ей Иисус: не прикасайся Мне, не у бо взыдох ко Отцу Моему: иди же ко братии Моей и рцы им: восхожду к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20: 11–17; Мк. 16:9).

Магдалине и Марии Иаковлевой и другим мироносицам

Слышав при гробе благовестие ангела, они идут с радостною вестью к апостолам. *Егда же идясте возвестити учеником Его, и се, Иисус срете я, глаголя: радуйтеся! Он же приступльше, ястеся за нозе Его и поклонистеся Ему. Тогда глагола им Иисус: не бойтеся: идите, возвестите братии Моей, да идут в Галилею, и ту Мя видят* (Мф. 28: 1–10; Мк. 16:1; Лк. 24:10).

Двум ученикам, шедшим в Еммаус

В первый же день по воскресении Клеопа и другой ученик, шедши из Иерусалима в селение Эммаус, беседовали о том, что они слышали от мироно-

сиц. На пути присоединяется к ним Сам Господь, вступает с ними в разговор и изъясняет пророчества о воскресении Мессии; но они не узнают Воскресшего. Наконец, упрашивают Его зайти с ними в селение для отдохновения. *И бысть, яко возлеже с нима и прием хлеб, благослови и преломив, даяше има. Онема же отверзостеся очи, и познаста Его: и Той невидим бысть има* (Лк. 24: 13–31).

Апостолу Петру

Ученики, сподобившиеся видеть Воскресшего в Эммаусе, тот же час возвращаются в Иерусалим к апостолам. *И обретоста совокупленных единонадесяте, и иже бяху с ними, глаголющих, яко воистину воста Господь, и явися Симону Кифе* (Лк. 24: 33–34).

Всем апостолам, кроме Фомы

Сущу позде в день той, — дверем затворенным, идеже бяху ученицы Его собрани, страха ради Иудейска, прииде Иисус и ста посреде и глагола им: мир вам! И сие рек, показа им руце и нозе и ребра Своя. При сем Господь в Своем дуновении преподал им Святого Духа и власть пастырскую (Ин. 20: 19–23).

Апостолам же вместе с Фомою

Апостол Фома, по некоторому случаю не бывший с прочими апостолами в час явления им Господа, не хотел верить Его воскресению, пока сам не увидит и не осяжет ран Распятого и Воскресшего. *И по днех осмих паки бяху внутрь ученицы Его, и Фома с ними. Прииде Иисус дверем затворенным, и ста посреде их и рече: мир вам! Потом глагола Фоме: принеси перст твой семо и виждь руце Мои, и принеси руку твою и вложи в ребра Моя, и не буди неверен, но верен.* Фома в восторге восклицает к Нему: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20: 26–29).

Петру, Фоме, Нафанаилу, Иакову, Иоанну и двум другим ученикам в Галилее, на озере Тивериадском

Когда ученики сии, пришедшие в Галилею по повелению Господа, в одну ночь занимались здесь ловлею рыб, поутру увидели на берегу озера Самого Иисуса Христа; сначала не узнали Его, а узнали уже тогда, как Он даровал им чудесную ловитву рыб. После сего Господь благоволил предложить им обед и беседовал с ними. *Се уже третие явися Иисус учеником Своим, востав от мертвых.* В сие время, по троекратном вопросе к Петру: *Любиши ли Мя?* — Спаситель троекратно повелевал ему пасти овец Своих и предрек мученическую смерть его (Ин. 21: 1–22).

Одиннадцати апостолам в Галилее же

Единиинадесяте ученицы идоша в Галилею, в гору, аможе повеле им Иисус. И видевше Его, поклонишася Ему: овии же усумнешася. Господь, приступив к ним, объявил власть Свою на небеси и на земли, а им преподал власть пропове-

дания и священнодействия, обещав Свое благодатное присутствие с Церковию до скончания века (Мф. 28: 16–20).

Более нежели пятистам братиям

Здесь же, вероятно, в Галилее, Господь явился однажды великому собранию верующих, как свидетельствует апостол Павел: *Посем же явися боле пятисот братиям единою, от нихже множайшии пребывают доселе, нецыи же и почиша* (1 Кор. 15:6).

Апостолу Иакову

Неизвестно, где и когда было еще особенное явление апостолу Иакову; как свидетельствует тот же апостол Павел: *Потом же явися Иакову* (1 Кор. 15:7).

Всем апостолам на горе Елеонской

В последний раз Господь, многократно являвшийся апостолам в продолжение сорока дней и беседовавший с ними о Царствии Божии, изводит их из Иерусалима до Вифании; обещает им крещение Святым Духом и силу свыше для свидетельствования о Нем – до последних земли. Потом, воздвиг руце Свои, благослови их. *И бысть, егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо, и облак подъят Его от очию их.*

Уроки Амвросия, еп. Медиоланского, из евангельского повествования о женах-мироносицах

«Воскресное чтение», 1818

Святые жены, пришедшие ко гробу с ароматами, да помажут Иисуса (Мк. 16:1), увидели там ангела, ибо евангелист говорит так: *И вшедше во гроб, видеша юношу седяща в десных... он же глагола им: Иисуса ищете Назарянина распятаго: воста, несть зде... но идите, рцыте учеником Его, яко варяет вы в Галилеи: тамо Его видите* (Мк. 16: 5–7). А что этот юноша был ангел, о том засвидетельствовал другой евангелист: *Ангел бо Господень сшед с небесе, приступль, отвали камень от двери гроба, и седяше на нем* (Мф. 28:2). Мария же Магдалина, пламеннее других любившая Иисуса и не отходившая от гроба, прежде всех у самого гроба удостоилась увидеть воскресшего Господа и пред самыми апостолами быть благовестницею несказанной радости о воскресении Его. *Мария же стояше у гроба плачущи,* – замечает евангелист Иоанн, – *и виде Иисуса*; и далее: *прииде же Мариа Магдалина поведающи учеником, яко виде Господа* (20: 11, 14, 18). Этот урок прежде всего научает нас тому, что ищущие Господа должны искать Его – каждый с ароматами добрых дел своих, составляющих пред Ним воню благоухания, коими благоугождается Господь.

Далее, эти благочестивые жены искали во гробе *телесе Иисусова, да помажут*. Чего же и мы с вами ищем в Церкви Божией, как не Иисуса, то есть Спасителя? Но если желаете обрести Его, поспешайте, подобно оным женам, *зело рано*, и, *возсиявшу солнцу*, ищите, да обрящете: дела тьмы да не омрачают вас; ибо омраченные ими не видят света и не разумеют Христа.

Внемлите еще слышанному вами: Мария Магдалина обрела Того, Кого искала, потому что не отходила от гроба: *Мариа же стояше у гроба плачущи*, – обрела по своему неотступному, слезному, пламеневшему любовию терпению; *претерпевый бо до конца*, по словам Спасителя, *той спасен будет* (Мф. 10:22). Посему не только надлежит от дел греховных удаляться, нисколько не приобщаясь пагубной язве оных, но и в добрых подвигах христианских постоянно пребывать, подвизаясь на сем душеспасительном поприще до конца жизни, если хотим узреть Господа славы и внити с Ним в Царство славы.

Черты жизни Марии Магдалины по евангельским сказаниям

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Беседы в день тезоименитства Государыни Императрицы

Из первой части жития Марии Магдалины ничего не известно нам, кроме того, что она была подвержена тяжкому и страшному недугу, в котором обыкновенные врачи тем менее умеют подавать помощь, чем менее понимают его начало. И если бы кто, как некогда апостолы о слепорожденном, спросил о ней: *сия ли согреши, или родители ея*, да тако страждет, – не знаем, можно ли было бы, подобно как о том, сказать и о ней: *ни сия согреши, ни родители ея, но да явятся дела Божия на ней*. Но, как бы то ни было, за грехи ли, или не за грехи подверглась она страданиям, мы не колеблясь можем утверждать, что сие допущено было Провидением Божиим для того, чтобы над нею совершилось спасительное дело Божие. Если бы она не подверглась страданиям и не испытала беспомощности в них, то, вероятно, жила бы в родной стране Магдальской в неведении о чудесах Иисуса Христа и о учении Его; или слух о них приняла бы только с любопытством, с удивлением, с недоверием и не возвысилась бы до живой веры и до *крепкой, яко смерть*, любви ко Спасителю. Но страждущая и беспомощная в страдании не могла быть равнодушна к слуху о Чудотворце, *исцеляющем всяк недуг и всяку язю в людех* (Мф. 9:35); она поспешила найти Его, сделалась самовидицею чудес Его, уверовала в Божественную силу Его; по вере получила исцеление и из порабощения силе тьмы перешла в свободу света; таким образом, недорогою ценою временного бедствия купила вечно блаженную жизнь.

Наказание, со смиренною покорностью судьбе Божией понесенное в первой части жития, во второй части принесло *мирный плод правды.*

Когда Христос Спаситель освободил ее от мучительства темных сил и исцелил от тяжкого недуга, тогда в душе ее к силе веры присоединилась сила благодарности и любви к Избавителю, чтобы дать жизни ее новое сильное направление. Обновленную Христом жизнь Мария совершенно посвятила на служение Христу.

Когда Он *прохождаше сквозе грады и веси, проповедуя и благовествуя Царствие Божие,* тогда за Ним, после апостолов, следовали многие *жены, яже служаху Ему от имений своих;* и в числе их первую именует святой евангелист Лука *Марию Магдалину* (Лк. 8: 1–3). Посему должно полагать, что или она первая вступила в сие служение и подала пример другим, или преимуществовала пред прочими усердием и деятельностью в сем служении.

В грозные часы страданий и смерти Христа Спасителя, когда почти все апостолы, после обещания умереть с Ним, побеждены были страхом и скрылись, Магдалина любовию победила страх: она стояла при кресте Иисуса; она была при Его погребении.

Наипаче же, как молния в ночи, просияла крепкая, как смерть, любовь Магдалины в том подвиге, который дал ей вместе с некоторыми другими женами наименование *мироносицы.* И здесь два евангелиста поставляют ее первою между ними; а святой Иоанн одну только ее именует: *во едину от суббот Мариа Магдалина прииде, еще сущей тме, на гроб Иисусов* с благоуханным миром (Ин. 20:1). Это значит, что предприятие принадлежало ей, а другие следовали ее предводительству. Рассмотрите сие предприятие. Господь Иисус умер на кресте и погребен. Близкие к Нему в опасности, потому что враги Его и воскрешенного Им Лазаря решились убить, и на апостолов готовы были наложить руки, если бы не воспрепятствовало и в самом страдании владычественное слово: *Оставите сих ити* (Ин. 18:8). В высшей степени вероятно, что предречение Иисуса о Его воскресении известно было Магдалине, если не непосредственно, то чрез апостолов; но, видно, и сей луч света угас в уме ее среди мрачных событий. Ибо в чаянии воскресения не нашла бы она нужным помазывать миром тело Иисуса, как обыкновенного мертвого, и не произнесла бы сих, отнюдь не воскресных слов: *Взяша Господа от гроба, и не вем, где положиша Его* (Ин. 20:13). Итак, угрожаемая опасностью, не подкрепляемая надеждою, как дерзнула Магдалина идти, *еще сущей тме,* на гроб Иисуса? На пути представилось мыслям ее непреодолимое препятствие. Она вспомнила, чтобы гроб Иисуса закрыт таким тяжелым камнем, которого не в силах отвалить ни она, ни спутницы ее. Как же и непреодолимое препятствие не остановило ее? Какая всепревозмогающая сила одушевляла и влекла ее? Сила любви и благодарности к Божественному Спасителю, сила святого сострадания к Святому, безвинно пострадавшему.

И какая за высокий подвиг высокая награда? Магдалина первая узрела Господа воскресшего, сделалась Христовым апостолом для самих апостолов, ибо она первая возвестила им воскресение Христово.

Как Мария Магдалина могла достигнуть первенства в видении Господа воскресшего, и почему Он явился ей одной, а не вместе с Петром и Иоанном?

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Беседы в день тезоименитства Государыни Императрицы

В жизни святой Марии Магдалины есть необыкновенно светлая черта. В утро воскресения Христова она сподобилась видеть Господа воскресшего первая из учеников и учениц Его и первая сделалась проповедницею для них Воскресения Его, по непосредственному Его повелению. *Воскрес Иисус заутра в первую субботу, явися прежде Марии Магдалини. — Иди ко братии Моей и рцы им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему* (Мк. 16:9; Ин. 20:17). В сие время Мария в высшей степени достойна была данного ей впоследствии времени Церковию наименования равноапостольной. Апостолы проповедали воскресение Христово миру, были апостолами для мира — Магдалина проповедала воскресение Христово апостолам, была апостолом для апостолов.

Как же достигла Мария первенства в видении Господа воскресшего и в проповедании воскресения Его?

Ее преимущественно возвышенная и деятельная любовь ко Христу Спасителю доставила ей преимущество первой узреть Его по воскресении Его и быть провозвестницею воскресении Его другим.

В самом деле, какая сила действовала в том, что, когда страх от врагов Христовых самих апостолов почти всех заставил скрыться, тогда Мария Магдалина, препобеждая немощь своего пола, перезирая опасность, предстояла распятому Господу до кончины Его, сопровождала пренесение тела Его от креста ко гробу, присутствовала при совершении погребения Его, потом в первые часы после субботнего дня, *еще сущей тме* (Ин. 20:1), поспешила на гроб, не обретши же тела Его и возвестив о том апостолу Петру и Иоанну, вновь устремилась ко гробу Господа и, не уразумев еще Воскресения Его, со слезами искала бездыханного тела Его? Какая сила могла все это произвести, если не *крепкая, яко смерть, любы* (Песн. 8:6)? Ее крепкий подвиг на смертном поприще Господнем и награжден праведно ускоренным живоносным лицезрением Господа воскресшего.

Любознательные могут заметить, что апостолы Петр и Иоанн так же, как и Мария, возлюбившие Господа крепкою любовию, были у гроба Его в

одно время с нею, почему же не всем троим, а по удалении двоих, одной Марии Он явился? Что на сие скажем? Не дано нам испытывать всякую тайну душ верующих и Божией благодати, действующей в них очистительно, испытательно, уготовительно и, наконец, совершительно. Однако, если будем внимательны, можем и в Петре и Иоанне усмотреть действие, в различных степенях, того же закона любви, которым определился жребий Марии. Можно думать, что любовь Петра была в сие время, хотя не в изнеможении, но в некоем невольном затмении тяжким сознанием трикратного отречения от Христа. Любовь Иоанна, которая только на минуту не была *крепкою, яко смерть*, во время бегства от Христа из Гефсиманского сада, но вскоре воспрянула и неуклонно влекла его вослед за страждущим Спасителем, не была стеснена в душе его и свободнее, нежели Петра, вела его ко гробу Господню: *другий ученик тече скорее Петра* (Ин. 20:4). Сим различным состоянием любви соответствовали различные последствия. Петр *вниде во гроб* Господень, но еще не нашел в нем света воскресения и вынес из него только удивление: *отъиде в себе, дивяся бывшему* (Лк. 24:12). Иоанн также вошел во гроб и обрел хотя невидимый, но действительный внутренний свет веры в воскресение Христово. *Вниде и другий ученик, и виде и верова* (Ин. 20:8). Для Петра же нужно было, чтобы слово Марии, *яко виде Господа* воскресшего, светлое сколько по своему предмету, столько же по решительной достоверности, разогнало мглу души его и приготовило его незатменым светом веры и любви принять свет Божественного явления. И действительно, после сего в тот же день воскресший Господь *явися Симону* (Лк. 24:34).

Таким образом, все примеры, теперь рассмотренные, свидетельствуют об одной общей истине: что по мере деятельной любви ко Христу человек делается способным к благодатному с Ним общению, к созерцанию Его внутреннему, а при благопотребности – и к принятию особенных Его явлений и откровений.

Блж. Августина изъяснение слов Спасителя к Марии Магдалине: *не прикасайся Мне, не и бо взыдох ко Отцу Моему* (Ин. 20:17)

«Воскресное чтение», 1812

Рассмотрим при помощи Самого Господа, что значат сии слова Его. Когда восшел Он ко Отцу? По свидетельству Деяний апостольских, в четыредесятый день по воскресении Своем, день, который мы еще будем праздновать во имя Его; тогда восшел ко Отцу; тогда ученики, осязавшие Его руками, проводили Его очами, тогда раздался глас ангельский: *Мужие Галилейстии, что стоите зряще на небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо* (Деян. 1:2). Если же

тогда восшел Он ко Отцу, то что сказать нам, братия? Как Мария, не могшая прикоснуться к Нему, стоящему на земле, могла прикоснуться к седящему на небе? Если здесь не могла, то не тем ли паче там? Что же значат слова сии: *Не прикасайся Мне, не и бо взыдох ко Отцу Моему?*

Ужели скажет какой-либо неразумный, что до восшествия ко Отцу мужи могли касаться Его, а жены не могли, как только по восшествии ко Отцу? Такая мысль нелепа, такое мнение превратно. Что же значат слова сии: *Не прикасайся Мне, не у бо взыдох ко Отцу Моему?* Ты, видя Меня, почитаешь только человеком, а еще не знаешь равенства Моего со Отцом; не прикасайся ко Мне, как к простому человеку, не принимай Меня такою верою, но уразумей во Мне Слово, равное Отцу. Взойду ко Отцу — и тогда прикасайся. Для тебя взойду Я тогда, когда ты уразумеешь Меня как равного Отцу. Доколе же почитаешь Меня меньшим, Я еще не взошел для тебя.

Да слышит убо Церковь, которой образ имела Мария, да слышит, что слышала Мария. Все мы да прикасаемся, когда веруем. Уже Он восшел ко Отцу, седит одесную Отца. Сие исповедует ныне вся Церковь, веруя *во восшедшаго на небеса и седяща одесную Отца.* Сие слышат крещаемые и сему веруют еще прежде крещения. Когда они веруют, Мария прикасается Христу. Это разумение неясно, но спасительно: оно заключено для неверующих, а для толкующего верою отверсто. Сам убо Господь Иисус Христос и там, и с нами есть; и со Отцом, и в нас; и от Него не отступает, и нас не оставляет, и научает нас молиться как Наставник, и внимает молитве нашей вместе со Отцом как Сын.

О том же мысли св. Кирилла, архиепископа Александрийского

Из Толкований св. Кирилла на Евангелие Иоанна (сокращенно)

Изречение сие имеет сокровенный смысл и заключает в себе таинство. Жена прибегла к Господу и спешила коснуться Его; это, однако, воспрещается ей по той причине, что, как говорит Господь, Я не восшел еще ко Отцу Моему. Каким образом следует из сего то, чтобы любящие Его (Господа) не прикасались к Нему? Между многими и различными причинами пришествия Спасителя была особенно та, которую Сам Он объясняет в словах Своих: *Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9:13). Посему прежде страдания и воскресения Своего Он обращался и с праведными, и с неправедными, так что и всякий мытарь и грешник мог свободно приступать к Нему; так поступал Он для того, да всех освятит и приведет к познанию истины. Прежде креста и воскресения Своего позволял всем, даже грешникам прикасаться к Нему и получать от Него благословение; но когда уже совершилось искупление, после креста и вос-

кресения Своего не тотчас позволяет сие каждому, преподавая нам то правило, которое и закон Моисеев означал в жертве агнца, о коей как образе Христа пишется: *Всяк необрезанный да не яст от нее* (Исх. 12:48). Необрезанным же называет всякого нечистого; а таково по естеству есть человечество. Почему не необрезанным, но чистым и обрезанным духовно людям надлежит прикасаться к святейшему Телу Господа. Обрезание же сердца совершается Духом, по словам Павла, и его нельзя иметь человеку, если Дух Святой не вселится в нем верою и крещением. Ибо хотя Христос воскрес от мертвых, но Дух Святой еще не был послан Им от Отца к людям, а послан уже тогда, когда восшел Он (Иисус Христос) к Отцу; потому и говорит: *Уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам; аще ли же иду, послю Его к вам* (Ин. 16:7). Итак, поелику Он не послал еще Духа, то и возбранял Марии прикасаться к Себе и говорил: *Не у бо взыдох ко Отцу Моему*, то есть еще Отец не послал к вам чрез Меня Святого Духа. Отсюда Церковь приняла правило, по которому мы возбраняем оглашенным участвовать в святой трапезе, хотя они уже познали истину и исповедали веру, возбраняем как еще не исполненным Святого Духа, Который обитает только в совершенных крещением. Но когда примут крещение, коим вселяется в них Дух Святой, тогда уже не возбраняется им прикасаться к спасительному Телу Христову. Потому и служители таинства вопиют к приступающим к таинственному благословению: *Святая святым!* – означая тем то, что одни освященные Духом и имеют право причащаться святого.

О том же мысли св. Иоанна Златоуста

Из 35-й Беседы на Евангелие от Иоанна

Для чего Христос сказал Марии Магдалине: *Не прикасайся Мне?* Некоторые говорят, что она просила дара Духа Святого, слышав Его, говорившего ученикам: *Аще иду ко Отцу, умолю Его, и иного Утешителя даст вам* (Ин. 14:16; 16:7). Но как она слышала это, не быв (в то время) с учениками? Притом как она могла просить сего, когда Христос еще не отходил ко Отцу? Что же это значит? Мне кажется, что она и теперь хотела обращаться с Ним по-прежнему, и от радости не представляла себе в Нем ничего особенного, хотя Он и стал по плоти гораздо совершеннейшим. Посему, удаляя от нее такую мысль и внушая ей беседовать с Собою с большим страхом (ибо и с учениками по воскресении Он обращался не так, как прежде), возвышает ее понятие, дабы она обращалась с Ним с большим благоговением. Если бы Он сказал: не приступай ко Мне, как прежде; Я теперь уже не в таком состоянии и не буду уже обращаться с вами по-прежнему, – то это было бы жестко и величаво. Но когда сказал: *Не прикасайся Мне, не у бо взыдох ко Отцу*, – это значило то же, а было не так жестко. Словами *не у взыдох* показывает, что Он стремится и спешит туда; когда же Он имел

отойти и не жить более с людьми, то на Него уже не должно было смотреть так, как прежде. А что этот именно смысл слов, видно из следующего: *Иди же ко братии Моей и рцы им; восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему.* Впрочем, Он исполнил сие не тотчас, а спустя сорок дней. Для чего же Он говорит так? Дабы возвысить мысль Марии и уверить, что Он отходит на небо. А говорит: *Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему,* – в отношении к воплощению, так как и восхождение относится к плоти. Но неужели Бог в ином смысле Отец Его и в ином смысле наш? Конечно, так. Ибо если Бог в ином смысле есть Бог праведников, а в ином прочих людей, то тем более в ином – Сына, а в ином наш. А дабы из слов Его *рцы братии* не заключил кто о каком-либо равенстве Его с учениками, показывает различие: Сам Он сядет на престоле Отца, а они будут предстоять. Итак, хотя по естеству плоти Он сделался братом нашим, но честию далеко и несказанно отличен от нас.

О явлении Иисуса Христа ученикам в первый день по воскресении (Лк. 24: 13–36)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в 3-й день Пасхи

В самый день воскресения Христова, пред вечером, два ученика Христовых, Клеопа, наименованный в Евангелии, и другой, по преданию, Лука, писатель Евангелия (умолчавший о своем имени по смирению), идут из Иерусалима в недальнее селение Эммаус, не знаем, по какой надобности, но, конечно, не без надобности, в такой день, в который оставаться в Иерусалиме было весьма любопытно, хотя не для всех безопасно. Идут и разговаривают. О чем? О надобности ли, для которой идут? Или о разных предметах, случайно попадающих на ум и на язык? Нет. Их разговор не легкомысленный, не празднословный. *Та беседоваста к себе о всех сих приключшихся.* Они беседовали между собою о страданиях Иисуса Христа, о Его распятии, о Его погребении, наконец, о Его воскресении, которому любящее Христа сердце их желало бы верить, но которому нераскрытое разумение их боялось еще верить. Сомнение не удалило их от Христа, к Которому влекла их любовь, и страх врагов Его не воспрепятствовал им исповедать Его как чаемого Спасителя, нечаянному неизвестному спутнику: *Надеяхомся, яко Сей есть хотяй избавити Израиля* (Лк. 24:21).

Лука и Клеопа за добрую о Христе, хотя и несовершенную в вере и разумении беседу на пути получили чудную награду. *Бысть, беседующима има и совопрошающемася, и Сам Иисус приближився, идяше с нима.* Сперва показался Он им неизвестным путешественником и не дал им узнать Себя, без сомнения, по предусмотрению, что внезапность открытого чудесного явления поразила бы их душевные и телесные силы и сделала бы их неспособными

принять наставление, которое Он намерен был преподать им. От собственного их разговора Он заимствовал случай изложить и истолковать им предречения и предзнаменования Священных Писаний о Его страдании, смерти и воскресении и, таким образом, прекратил их недоумения и утвердил колебавшуюся веру их. И в то же время тайным действием Своей Божественной силы Он возжег в сердцах их святой огонь благодатного утешения. Наконец, когда, собеседуя, дошел с ними до Эммауса и до места привитания их, и когда они не хотели расстаться с таким собеседником, Он вошел с ними в дом, возлег с ними за трапезу, и как уже приготовленным к общению открыто чудесному, благословляя и преломляя хлеб, даровал им совершенную радость узнать Его и увидеть в свете воскресения Его. Сие осияние было мгновенно, и Он тотчас перестал быть видим, потому что уже совершилось действие, благопотребное и благотворное для тех, которые от них услышат о бывшем видении.

Благонамеренные путешественники, получившие столь счастливый исход путешествия в Эммаус, сделали еще прекрасное дело, не довольствуясь своим счастием одни, но поспешив разделить оное со другими учениками Христовыми, которых вера в начале сего дня также боролась с недоумениями. Немедленно возвратились они в Иерусалим, вошли в собрание апостолов и сообщили им свое чудесное удостоверение в Воскресении Христовом. Апостолы же сообщили им взаимно такое же свое удостоверение после нескольких свидетельств мироносиц, довершенное тем, что воскресший Господь явился апостолу Петру. Смотрите, как и апостолы проводили великий, не вдруг разгаданный ими, день. Двери собрания их были заперты *страха ради Иудейского* но не страх собрал их; страх рассеял бы их по разным для каждого более надежным тайным местам, а не повел бы в одно место, всем им известное и посему не довольно скрытое и от других. Это была, по всей вероятности, та сионская горница, в которой Господь совершил с ними тайную вечерю пред Своими страданиями. Какая же сила собрала их в одно место, и притом не вполне безопасное? Конечно, еще не умершая вера и особенно живая, сильная любовь к распятому Господу, которая в общении с любящими Его искала облегчения скорби и подкрепления веры. И по укреплении сей веры сия не отпадающая любовь учеников Христовых так же награждена в Иерусалиме, как и в Эммаусе. *Сам Иисус ста посреде и глагола им: мир вам.*

Толкование св. Исидора Пелусиота на 26 стих 24-й гл. Евангелия от Луки

Творения свв. отцов. Тв. Исидора Пелусиота

Если *подобаше пострадати Христу* (Лк. 24:26), то почему наказаны распявшие?

Поелику писал ты: если *подобаше пострадати Христу*, то почему наказаны распявшие? Ответствую на сие. Сказанное: *подобаше пострадати* указует на вольное избрание страдания и на Божественное домостроительство, но не подает мысли об извинительности действовавших, потому что злонамеренность нечестивых не была в согласии с Божественным изволением. Она старалась даже разрушить то, что домостроительствовал Бог. Почему в злодеях действовало нечестие, а Богом совершено премудрое домостроительство и освобождение людей; лукавство распинателей обращено в благодеяние человеческому роду, и плоть ехидны употреблена на приготовление врачебного пособия.

О явлении Иисуса Христа одиннадцати ученикам (Мк. 16: 14–18)

Св. Григорий Двоеслов

Ст. 14. Евангелист Марк повествует, что Господь прежде вознесения Своего на небо укорял учеников за неверие и жестокосердие, чтобы глубже напечатлеть на их сердцах последние Свои слова; ибо после упрека Он сказал им: *Шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари.*

Ст. 15. Евангелие проповедуется всей твари, когда оно проповедуется человеку, потому что чрез сие научается тот, для кого все на земли сотворено и кто со всеми тварями имеет сходство. Под именем всей твари можно разуметь также и язычников, ибо прежде апостолам было сказано: *На путь язык не идите* (Мф. 10:5), а теперь велено проповедовать всей твари, то есть апостольская проповедь тогда должна была нам послужить в пользу, когда во свидетельство осуждения своего отвергли ее гордые иудеи.

Ст. 16. *Иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет.* В истине веры должен удостоверять нас образ жизни нашей, и мы тогда только можем назваться истинно верующими, когда на деле исполняем данное при крещении обещание отречься сатаны, и всех дел его, и всего служения его; а посему каждый из вас да обратит тщательное внимание на самого себя; и ежели кто после крещения сохранил все обещания, тот есть истинно верующий, а ежели кто не соблюл своего обещания, обратился на дела беззаконные и сердцем своим устремился к удовольствиям мира, тот должен оплакивать свои согрешения. Ибо премилосердый Господь приемлет в число верующих и того, кто обращается от пути заблуждения к истине; Он, принимая всех истинно кающихся, заглаждает Своим милосердием всякое беззаконие наше.

Ст. 17–18. *Знамения же веровавшим сия последуют: именем Моим бесы ижденут: языки возглаголют новы: змия возмут: аще и что смертно испиют, не вредит им: на недужныя руки возложат, и здравы будут.* Ежели вы, братие любез-

ные, не творите тех знамений, кои были необходимы при начале Церкви Христовой, то по сему одному не исключайте себя из числа верующих. Чудеса нужны были только для распространения веры, подобно как и мы, насаждая дерева, дотоле только поливаем их водою, пока они укоренятся; а когда они вырастут и пустят глубоко корни свои в землю, то перестаем их поливать. Посему апостол Павел говорит: *Тем же языцы в знамение суть не верующим, но неверным* (1 Кор. 14:22). Впрочем, и мы обладаем этими знамениями и чудесами, только в духовном смысле; ибо Святая Церковь не престает и ныне духовным образом то же делать, что делали апостолы видимым образом. Так, когда священники при заклинании нечистых духов возлагают руки на верующих, то они благодатию Христовою, подобно апостолам, изгоняют бесов; равным образом, когда верующий, оставляя мирские разговоры, беседует о духовном, говорит о таинствах Церкви, воспевает хвалебные песни во славу Творца, то что иное он делает, как не новыми языки глаголет? Кто благими своими советами искореняет в сердце брата своего злобу, тот змия вземлет; кто, слыша худые советы, не следует им, тот хотя и смертное испивает, но оно не вредит ему; кто всеми мерами содействует еще не утвержденному в благочестивой жизни ближнему своему и примером своей добродетельной жизни утверждает его в благочестии, тот как бы на недужные возлагает руки, да здрави будут. Польза, какая происходит от таких духовных чудес, так же важна; и эти чудеса еще спасительнее, потому что врачуют не тела, а души.

О явлении Иисуса Христа апостолу Фоме (Ин. 20: 26–29)

Св. Кирилл Александрийский.
Из Толкований на Евангелие Иоанна (сокращенно)

И по днех осмих паки бяху внутрь ученицы Его, и Фома с ними: прииде Иисус дверем затворенным и ста посреде их, и рече: мир вам. Потом глагола Фоме: принеси перст твой семо и виждь руце мои: и принеси руку твою, и вложи в ребра Моя: и не буди неверен, но верен (Ин. 20: 26–27).

Паки чудесно при заключенных дверях является ученикам; и теперь, в присутствии Фомы, так же, как в его отсутствие, становится посреди храмины, чтобы уврачевать маловерие ученика, и обычное произносит слово, подая им благо мира. Приметь здесь, что евангелист не просто поведал происшествие, но с намерением прибавил: *по днех осмих*, и то, что собраны были все в одном месте. Сей осьмой день не другой может быть, как воскресный; ибо *во едину от суббот*, то есть в день воскресный Господь явился прочим, а потом, со включением в счет сего дня, в день осьмый собранные ученики вместе с Фомою опять подобно видят Господа. Справедливо убо в осьмый день бывают собрания в церквах, где, при дверях затворенных,

видимо и вместе невидимо является Христос всем, — невидимо как Бог, а видимо в теле, ибо предлагает нам для осязания Плоть Свою, да твердо веруем тому, что Он истинно воздвиг Свой храм. А что общение таинственного благословения есть некоторое исповедание воскресения Христова, это доказывается словами Самого Христа. Разделяя преломленный хлеб, Он говорил: *Сие есть тело Мое, еже за вы ломимое, во оставление грехов: сие творите в Мое воспоминание.* Следовательно, причастие таинства точно есть некое исповедание и воспоминание того, что для нас и за нас Господь умер и воскрес, и исполняет нас за то Божественным благословением. Убоимся же неверности, осязав Христа, но явимся твердыми и постоянными, чуждыми всякого сомнения.

При сем внимательные пусть припомнят Магдалину, которой возбранено было прикасаться Христу: *Не прикасайся Мне,* сказано ей, *не убо взыдох ко Отцу.* Не так Фоме: ему позволяется и осязать ребра, и язвы от гвоздей испытать перстом. Почему так? Первой не позволено касаться, как еще не освященной благодатию Духа, потому что до вознесения Господня на небо не нисходил на всех Дух, а Фоме позволялось, так как он вместе с другими апостолами получил Духа. Ибо хотя он отсутствовал, но и на него простерлась щедрота Дающего.

Еще достойным рассуждения мне кажется следующее: Фома осязал бок Спасителя, внимательно испытал рану от воинского копья, тщательно осмотрел гвоздинные язвы. Как же, скажут, в теле нетленном являлись знаки разрушения? Ибо язвы на руках и ногах и прободение железа суть знаки повреждения тела, а тело Христово, преобразованное в нетление, долженствовало отложить вместе с повреждением и все, что относится к повреждению. Ужели хромой и в другой жизни будет хромать? Или кривые с одним оком воскреснут? И как освободимся посему от тления, когда происходящие от него болезни останутся в телах наших? На этот вопрос мы скажем следующее: после воскресения не будет в людях никаких остатков повреждения, никаких признаков, предшествующих ему или за ним следующих, но посеянное в немощи восстанет в силе, как говорит Павел, и посеянное не в честь восстанет в славе (1 Кор. 15:43). Что же другое значит восстать в силе и славе, как не то, что всякая немощь, всякое бесчестие повреждения будут удалены, и род человеческий возвратится к истинному нетлению? Но как Фома требовал того для своей уверенности, то Господь наш Иисус Христос, чтобы не подать нам никакого повода к маловерию, так и является, как Фома требовал. Сие для того, дабы мы правильно разумели таинство воскресения, то есть веровали бы, что воскресло не другое тело, а то самое, которое умерло на кресте.

И отвеща Фома и рече Ему: Господь мой и Бог мой (Ин. 20:28). Так скор и ревностен был к исповеданию, кто прежде казался медлительным! Когда

Господь показал язвы от гвоздей и самый бок Свой, дух Фомы тотчас, освободясь от всякого недоумения, утверждается. Но скажет кто-либо: почему столь подробными знаками ум учеников приводится к вере? Не достаточно ли было познания Христа – видеть возраст тела и черты лица Его? Но это было бы еще сомнительно. Ибо могли они подумать, что некий дух принял образ Спасителя, и к этой мысли легко привело бы их самое прохождение чрез заключенные двери, потому что земное тело по своей природе требует соразмерного себе входа. Итак, необходимо было, чтобы Господь наш Иисус Христос обнажил бок Свой и раны и показал кровавые знаки плоти, дабы утвердить учеников. Когда же удален всякий повод к сомнению, Фома справедливо воскликнул: *Господь мой и Бог мой!* Ибо кто Господь всех по естеству, Тот, по необходимости, есть Бог истинный, и обратно: кто Бог по естеству, Тот необходимо и господствует над всеми. То и другое говорится с членом (то есть такою частицею на греческом, которая означает определенность, особенность), дабы всякий понял, что Он называется Господом и Богом не по подобию ангелов, а в собственном смысле. Фома называет Его собственно как Сына Бога истинного Самим Господом и Богом; а что еще более, Сам Спаситель, слыша сие от ученика, не порицает того, не отвергает, а похваляет то и приемлет, даже повелевает прочим так проповедовать: *Шедше*, говорит, *научите вся языки* (Мф. 28:19). Слышав сие, Фома вместе с другими, что иное мог говорить, как не то, чему веровал сам? Из чего видно, что и от нас желает Господь такого же исповедания, какое произнес Фома. Ибо Он по естеству Господь и Бог и после того, как принял человечество. Примечай также и то, что ученик, осязавший руки и ноги и ребра, исповедал Его, не разделяя Еммануила на двух сынов. Ибо един Господь Иисус Христос, по Писанию.

Глагола ему Иисус: яко видев Мя веровал еси: блажени невидевшии и веровавше. Слова Спасителя исполнены великого провидения и величайшую приносят нам пользу. Для большого уверения показав ученикам Свой прободенный бок и язвы от гвоздей, приняв и пищу, хотя не имел в том нужды, дабы не оставить никакого повода к неверию, Он печется и о нас. Ибо знал, что будут такие, кои не станут признавать воскресения мертвых и скажут: и мы желаем видеть и осязать так же, как Фома, присвояя себе это право по подражанию ученику Спасителя. Сие-то падение предотвращает Христос, когда говорит: *Блажени не видевшии и веровавше.* И справедливо: ибо для видящего нет никакого повода к сомнению; но кто верует тому, чего не видит, а слышит о том от учителей, тот отлично почитает того, в кого верует. Блаженны убо все, кои веровали посредством проповеди апостолов очевидных свидетелей и служителей Слова. Им должны мы веровать, если желаем получить жизнь вечную и жить и в селениях небесных.

Взгляд Церкви на неверие апостола Фомы (в богослужебных песнях)

«Воскресное чтение», 1817

1. ***В чем состояло неверие апостола:***

а) в неверовании свидетельству соучеников о явлении им Господа. *Глаголаше* (апостолам): *не иму веры, аще не увижду и аз Владыки* (стих. веч.) *Аще не узрю, не верую словесем вашим* (седал.);

б) в неверовании самому воскресению.

Не верова Твоему воскресению и видевшим Тя вопияше: аще не вложу перста в ребра Его и гвоздей язвы, не верую, яко востал есть (Стихир., хвал.);

2. ***Что было в основании сего неверия:***

а) сильное желание узреть Господа.

Вожделевый Твое радостное видение, прежде не вероваше Фома (Кан., п. 8);

б) желание совершенной уверенности для себя и для всех.

Не всуе усумневся Фома о востании Твоем, не низложися, но несумнительное тщашеся показати сие, Христе, всем языком (п. 7). *Не вероваше реченным ему, от неверия в веру извествуя* (ст. веч.);

3. ***Что произвело благотворную перемену в душе апостола:***

а) благодатное явление Самого Воскресшего.

Неверующему ученику руце показал еси и пречистое ребро: он же веровав вопияше Тебе: Господь мой и Бог мой, слава Тебе! (стих. вечер.) *Веровав Фома зрением руку и ребр Твоих, Господа и Бога Тя исповеда* (там же);

б) в особенности живоносная сила язв Господних.

Со страхом руку Фома в ребра Твоя живоносная, Христе, вложив, трепетен ощути действо, Спасе, сугубое, двема естествами, в Тебе соединяемыма неслиянно, и верою взываше глаголя: Ты еси Господь... (п. 7.) *Ощущая рукою Твое сугубое существо, со страхом вопияше верно, верою влеком: Господь мой и Бог мой, слава Тебе!* (стих. на Лит.).

4. ***Что последовало за сею переменою в апостоле:***

а) явление вместо неверия твердой веры.

Вложив Фома руку в огненная ребра Иисуса Христа Бога, не опалися осязанием: души бо зловерство преложи на благоверие (стихов. утр.);

б) высокое исповедание и ревность возвещать всем истину.

Ребро Твое Божественное радуяся Фома осязав, Господа и Зиждителя Тя прослави (сред. стих. вечер.). *Возопи, егдо виде Тя, Всесильне: Ты еси Бог мой и Господь... кланяюся Твоей державе и мирови возвещаю страшное Твое и всесильное востание* (Понед. веч. стих.). *О, преславнаго чудесе! Иоанн на перси возлеже, Фома же ребра осязати сподобися. Но ов убо отонуду страшно Богословия глубокое извлече смотрение: ов же сподобися тайно научити нас: представляет бо показание ясно востания Его* (стих.).

5. Какие благотворные действия перемены в апостоле для мира и Церкви:

а) большее утверждение веры в Воскресшего.

О, доброе неверие Фомино! верных сердца в познание приведе (стих. веч.). *О, преславнаго чудесе! неверие веру известную роди* (стиховн.). *Неверною верою облагодетельствовавый нас Фома близнец, решит убо мрачное неведение всех концев, верным неверствием* (п. 7). *Радуешися испытаем: темже, Человеколюбче, на сие повелеваеши Фоме, простирая неверующему ребра, мирови уверяя Твое, Христе, тридневное востание* (п. 4);

б) открытие высоких истин богословия.

Богатство почерп от сокровища некрадомого Божественнаго, копием прободенна Твоего ребра, премудрости и разума исполняет мир близнец (п. 4). *Твое сокровище, утаенное нам, отверзе Фома: богословив бо языком Богоносным, пойте Господа, глаголаше, и превозносите Его во вся веки* (п. 8).

Блажени невидевшии и веровавше (Ин. 20:29)

«Воскресное чтение», 1801

Кроме тех, которые не видят и не веруют (людей в состоянии младенческом), есть три рода людей по отношению к христианству: одни видят и не веруют, другие видят и веруют, третьи не видят и веруют. По слову Спасителя, блаженнее всех *невидевшии и веровавшии.* Следовательно, не столь блаженны те, которые видя веровали, а окаянны те, которые и видят, и не веруют.

Апостолы, к которым относится замечание Спасителя, были из числа видевших и веровавших. Те, которые после приняли веру от апостолов, суть невидевшие. Итак, ужели они блаженнее апостолов? Так! По вере они блаженнее; и если бы кто из них мог столько же и с такою же ревностью потрудиться для Христа, как апостолы, то такой получил бы и высшую награду по всему. Сами апостолы усвояли другим христианам высокое блаженство именно потому, что они, веровавшие, были невидевшие. *Егоже невидевше*, говорит апостол Петр, *любите, и на Негоже ныне не зряще, верующе же, радуетеся радостию неизглаголанною и прославленною* (1 Пет. 1:8).

Кто же те, которые и видят и не веруют? Фарисеи и книжники, упорно противившиеся евангельской истине, были точно такие: *И видеша*, говорит Господь, *и возненавидеша Мене и Отца Моего* (Ин. 16:24). Но возможно ли это? Как возможно смотреть на солнце и не чувствовать ни света, ни теплоты его? Люцифер еще более видел и знал Бога; но и он мог возненавидеть Его. Вот что производит самолюбие и гордость! Не близки ли к такому погибельному состоянию и те из называющих себя христианами, которые и при свете Евангелия, и при свете разума, часто просве-

щенного, образованного, не хотят веровать тому, чему верят души простые? Несчастные, они думают посредством неверия возвысить себя пред другими! А на самом деле как это много унижает их!

Таинственное изъяснение евангельского сказания о чудесной ловле рыб (Ин. 21:6)

Блж. Августин. Трактат 122-й на Евангелие от Иоанна

Ввeрзите мрежу одесную страну корабля, и обрящете. Ввергоша же, и ктому не можаху привлещи ея от множества рыб (Ин. 21:6). Здесь Господь означает, какова будет Церковь в конце века, так же как при другой ловле (Лк. 5) означал, какова Церковь ныне. Первое чудо сотворил Он в начале Своей проповеди, а это после Своего воскресения, показуя тем, что первая ловля рыб означает добрых и злых, каких ныне имеет Церковь, а эта — только добрых, каких будет иметь вечно, когда в конце сего века исполнится воскресение мертвых. Там Христос, когда повелевал ловлю рыб, не стоял на берегу, как здесь, а взошел на один корабль, который принадлежал Симону, просил его (Симона) отступить мало от земли и, сидя на корабле, учил народ; когда же престал говорить, сказал Симону: *Поступи во глубину, и ввeрзите мрежи ваша в ловитву.* Притом все пойманные рыбы там были в кораблях, а здесь мрежа извлечена на землю. Сими и другими, какие можно здесь найти, признаками изображена Церковь — в первом случае какова она в настоящем веке, а в другом — какова в конце века, потому первое чудо совершено прежде, а второе после воскресения Господня; там Христос изобразил нас званых, а здесь воскресших. Там сети опускаются не по одну правую сторону, чтобы не означили одних добрых, ни по одну левую, чтобы не означили одних злых, а безразлично: *Ввeрзите*, говорит, *мрежи ваша в ловитву*, дабы мы разумели вообще — и добрых и злых; но здесь говорит: *Ввeрзите мрежу одесную страну корабля*, дабы означить тех, кои стоят одесную, то есть добрых. Там сеть для означения расколов проторгалась; а здесь, так как по воскресении в совершенном мире святых никаких расколов не будет, прилично было сказать евангелисту: *И толико сущим, не проторжеся мрежа,* так как бы он имел в виду первое проторжение, и, по сравнению с тем злом, одобрял нам сие благо. Там поймано такое множество рыб, что наполненные ими два корабля погружались, то есть склонялись к погружению: они хотя не погрузились, но бедствовали. Подобно сему, не оттого ли происходят в Церкви толикия бедствия, нами оплакиваемые, что нельзя воспрепятствовать такому множеству людей, кои со своими нравами, совершенно удаленными от пути святых, входят к нам, угрожая потоплением (церковному) благочинию? Но здесь ввергли сеть по правую сторону, *и ктому не можаху привлекщи ея от множества рыб.* Что

значит — *ктому не можаху привлещи ея*, как не то, что принадлежащие к воскресению живота, то есть, к десной стране, и внутрь мрежи христианского имени скончавающиеся, явятся только на берегу, то есть в конце века — по Воскресении? По сей причине не могли привлечь сети, чтобы преложить в корабль пойманных рыб, подобно тому как поступили с теми рыбами, коими проторжена мрежа и корабли были отягчены. Церковь имеет оных десных, по скончании сей жизни, во сне мира, как бы сокрытых во глубине — дотоле, пока мрежа, коею влечется, достигнет брега.

Восстановление Петра в чине апостольства (Ин. 21: 15–19)

Свящ. М. Трухманов. «Симон Петр, апостол Господа»

По явлении Своим ученикам на берегу Галилейского моря Господь предложил им обед, который Сам приготовил для них. По окончании этой счастливой трапезы Он обращается к Симону Петру с вопросом: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня больше, нежели они?» Здесь невольно обращает на себя внимание выражение «Симон Ионин», которое было употреблено три раза. Господь называет апостола прежним его именем: Симоном Иониным, между тем Сам же ему дал новое имя Петра и при этом обещание: «на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Конечно, это имеет свое основание. Называя апостола Симоном, Господь хочет напомнить ему, что он еще не камень, но человек и сын человека, и побудить его еще раз подумать о самом себе, еще раз посмотреть на свою человеческую слабость, прежде нежели он совершенно последует за Господом. Чрез отречение свое Симон Петр показал себя недостойным нового имени. Ветхий человек брал еще над ним верх, влиял еще на его мысль и дело, потому и должен он был назваться своим старым именем. Преосвященный Игнатий так объясняет выражение Господне «Симон Ионин»: «Господь как бы говорит Петру: Симон Ионин, Симон Ионин! Я наименовал тебя некогда Петром, *каменем*, и ты не был, как должно, тверд, оттого именно, что, получив свое имя по благодати Моей, ты мог быть действительно с ним тогда только, когда бы **пребыл во благодати сей**, но ты положился на собственные силы природы своей, и от того стал опять не Петром, *каменем*, а тем, чем был ты по рождению, обыкновенным слабым человеком. Не говорил ли Я пред самым разлучением с тобою, когда шли все мы в вертоград Гефсиманскнй, что *якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на* (виноградной) *лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете* (Ин. 15: 1–27)? Не ясно ли говорил Я вам тогда, указывая на виноград, мимо которого шли мы, что *без Мене не можете творити ничесоже*, что *аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсшет*

Для сего-то и дал Я вам пред тем и оставил навсегда, под видом крови гроздовой, собственную Мою Кровь. Пребудешь ли, Петр, по крайней мере далее, *во Мне*, чтобы и Мне быть в тебе *едино с тобою*?

Господь спрашивает Петра три раза: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?» Эти три вопроса – напоминания о троекратном отречении Петра. Господь как бы говорил: ты три раза отрекся от Меня; теперь очисти свою вину троекратным признанием, что любишь Меня больше, чем кто бы то ни было.

В первый раз Господь спрашивает Петра: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня (ἀγαπᾷς Με) больше нежели они (πλεῖον τούτων, то есть прочие апостолы)? Очевидно, такое сравнение приводит на память Петру его заносчивость, когда он некогда высказал с такою уверенностью среди братьев: «Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь». Здесь заключалось утверждение: «Я люблю Тебя больше, чем все прочие, я не способен соблазниться о Тебе». И при всем том он отрекся от Него, и отрекся с клятвою и божбою. Но Петр не прежний уже. Он не утверждает сравнения в вопросе Иисуса; он не полагается теперь на свою силу и свое суждение; он не говорит: да, Господи, я люблю Тебя больше, нежели все мои соученики; он не говорит: я знаю, что люблю Тебя. Теперь мы видим гордость его сокрушенною, горячность его укрощенною: он уже не смеет больше возвышать себя над другими. Те покаянные слезы, которые он пролил в ту тяжкую ночь, сделали его глаза ясными и светлыми. Теперь он совершенно покоряется своему Учителю и Господу, ссылается на суждение Самого Сердцеведца, – со смирением отвечает: «Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя (φιλῶ Σε)», но «больше, нежели они», – оставляет без ответа, не сравнивает своей любви к Господу с любовию прочих учеников, исповедует свою любовь безотносительно к любви соучеников, чего не сделал бы за несколько недель до этого. Притом вместо глагола ἀγαπᾶν, употребленного в вопросе Господа и означающего совершенную, глубокую, вечную любовь, Петр употребляет глагол φιλεῖν, выражающий просто личную привязанность, дружескую преданность. Нужно при этом заметить, что в вопросе Господа не заключается того, будто Он не знал о состоянии внутренней жизни апостола, будто Ему неизвестна была степень любви, которую питал к Нему Петр.

Господь спрашивает Петра во второй раз: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?» – но не употребляет уже «больше, нежели они» – уже без высказанного прежде упрека, видя из первого ответа глубокое смирение Петра, по которому он не дерзает сравнивать свою любовь к Господу с любовию прочих учеников. Петр не понимал цели, с какою повторен был вопрос, и повторил ответ в тех же самых выражениях.

Господь обращается к Петру в третий раз с вопросом: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня (φιλεῖς Με)?» Тяжело пали эти слова на сердце апос-

тола, и, как замечает евангелист, «Петр опечалился». Больно ему стало, что Господь тот же вопрос повторяет в третий раз, как будто Он сомневается в сердечном расположении его к Нему, в его φιλεῖν, как замечает Мейер. Но со стыдом и печалью чувствует он, что его Божественный Друг имеет право и причину спрашивать его трижды: он вспомнил свой грех, когда трижды отрекся от Него, несмотря на свою прежнюю самонадеянность, на настойчивое уверение, что не оставит своего Учителя, хотя бы довелось ему за Него и в темницу, и на смерть идти. Со стыдом и печалью чувствует он, как в роковую ночь он показал себя в борьбе с искушением не твердым, как камень, человеком, не *Петром*, но слабым *Симоном*. При этом могла озаботить и опечалить его мысль, не провидит ли его Господь нового искушения, не менее, как прежнее, опасного для его любви? Не предвещает ли ему Он нового отречения от Него? Когда спрошен был Петр в третий раз, то смутился, говорит св. Иоанн Златоуст, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде; потому что и тогда он говорил с уверенностью, но последствия опровергли его. Но вместе с тем Петр сознает, что он верно и искренно любит Господа, верит в эту любовь к Нему, и потому с особенною силою и как бы с усилием исповедует эту свою любовь к Нему, ссылаясь на Его всеведение: «Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, как тяжко и глубоко я пал; но также Ты знаешь, что я люблю Тебя». Как в третий раз он с клятвою и божбою отрекся от Христа, так в третий раз с особенною силою исповедует свою любовь к Нему.

Господь отвечает Симону Петру на исповедание его любви непосредственно вслед за каждым ответом его на Свой вопрос: «Паси агнцев Моих, паси овец Моих». И этими словами Господь торжественно восстановляет падшего ученика в чине апостольства. «Примечательны обстоятельства этой беседы Господа с Петром, – говорит епископ Михаил. – С одной стороны, чудная ловитва рыбы, напоминающая ту, после которой Петр призван был к апостольскому служению (Лк. 5:5 и дал.), с другой – разведенный огонь, напоминающий тот, около которого он отрекся от Господа во дворе Каиафы. Трижды Петр отрекся, трижды спрашивает Господь Петра о любви к Себе, трижды слышит его исповедание, трижды поручает ему пасти овец духовного стада. Все это показывает, что эта беседа Господа с Петром имеет прямое отношение к отречению Петра от Господа, и можно полагать, что она имеет целью торжественное восстановление падшего Петра в чине апостольства. «Троекратным вопрошением и исповеданием врачует троекратное отречение и словами исправляет падение, бывшее на словах» (блж. Феофилакт).

«Паси агнцев Моих, паси овец Моих» – этими словами Господь показывает Петру, что цель его будущего апостольского служения не *ловитва* только *человеков*, но что он должен быть также *верным пастырем* приобретенных

чрез это его служение членов духовного Царства Его. Теперь настало время вызвать в памяти его слова Спасителя: «Ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих» (Лк. 22:32). Поэтому – неоднократное, настоятельное требование Воскресшего: «Паси агнцев Моих, паси овец Моих». Мало того, хочет Господь сказать Петру, что ты евангельскою проповедью обращаешь к вере в Меня людей, что они составляют собственность Мою, что они веруют во имя Мое и делаются членами Моего Царства, кроме этого, ты должен со всею верностью вести, руководить, *питать* и укреплять этих юных, нежных, слабых членов Моего Царства, иметь о них заботливый уход, как о новорожденных агнцах, и действовать до того, чтобы они всегда принадлежали Мне, пребывали в общении со Мною и были достойными членами Моего Царства. Мало того, что ты собираешь Мне стадо, ты должен также оберегать и стеречь это стадо и *пасти* его со всяким тщанием, как пасет пастух своих овец. К этому Я торжественно призываю тебя, это апостольство, эта пастырская должность – отныне твое призвание... Ясно, что в настоящем случае Господь повторил Петру то, что Он прежде сказал ему: «Ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Мф. 16:18). Теперь же Господь вручил Петру «дело созидания Тела Своего», Церкви (Еф. 4:12). Там сказано: *создам*; здесь *питай, паси.* Там обещано, предназначено; здесь предпоручено. И ученик не забыл, что ему в этот час повелел его Господь и Учитель. Он верно пас агнцев и овец своего Спасителя. Даже пред своею смертью он заботился о том, чтобы и другие пастыри были послушны этому повелению и поручению их Пастыреначальника и совершали это дело. Поэтому в своем первом послании он увещает пастырей: «Пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно (и Богоугодно), не для гнусной корысти, но из усердия; и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы» (5: 2–4).

Но апостольская деятельность Петра, пастырство его требуют любви к Пастыреначальнику как необходимого условия для успешного и плодотворного прохождения сего служения. И Господь требует этой любви от Петра.

Показав цель, благословение и условие апостольской деятельности Петра, Господь открывает ему и конец ее: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь». Как бы так говорит Господь Петру: «До сих пор ты, Петр, был своенравным и самовольным, сам опоясывался и ходил, куда хотел. С юношеским восторгом ты хотел построить кущи на горе Моего Преображения, потому что тебе нравилось это. С юношескою самонадеянностью и самоуверенностью ты хотел идти на смерть за Меня. Недавно с юношескою быстротою ты опоясался одеждою и бросился с лодки в

море, чтобы поспешить ко Мне, не дожидаясь Моего зова. Вообще до сих пор ты располагал сам собою самостоятельно, свободно во всех случаях твоей жизни. Но придет время, в старости твоей этого уже не будет с тобою: ты должен дойти и дойдешь до того, когда другие возьмут насильно, обнажат и опояшут тебя, а ты потянешь руки твои и принужден будешь идти нежелательным для твоей естественной воли и плоти, при всей бодрости духа и любви, тяжким путем насильственного исхода». Конечно, Петр понял символическую форму речи своего Господа, представил себе мысленно трудный путь последующей апостольской деятельности и полный образ крестной смерти, как конец этой деятельности. Что на это указал Господь, показывает нам евангелист Иоанн, который ясно прибавляет в объяснение иносказательной речи Иисуса: «Сказал же сие, давая разуметь*, какою смертью Петр прославит Бога». Иоанн не говорит об исполнении на Петре пророческого слова Христова, конечно, потому, что вся Церковь того времени знала о мученической кончине Петра, распятого в Риме на кресте в царствование Нерона.

Последняя беседа Петра с Господом
(Ин. 21: 20–33)

Свящ. М. Трухманов. «Симон Петр, апостол Господа»

Высказав пророчество о мученичестве Симона Петра, Господь обращается в Своему ученику с требованием: «Иди за Мною». Просто, ясно и определенно это требование, которым повторяется только то, что до сих пор не раз уже Господь требовал от него и на что не раз уже с полным усердием он решался. Еще после первой чудесной ловли на озере Геннисаретском, когда ученики получили сильнейшее впечатление от Божественного могущества и величия Спасителя, они и особенно Петр оказались готовыми оставить все и последовать за Ним. К этому же последованию Он снова приглашает помилованного апостола; и последний прежде уже с большою радостью присоединился к Господу и в обращении и общении с Ним нашел высочайшее счастие своей жизни, в союзе с Ним чувствовал себя блаженным, испытав невыразимую любовь и величие Иисуса. Потому мало стоило ему труда по Его зову пожертвовать всем, оставить все и последовать за Ним. Но нынешнее последование было выше, чем простое присоединение к Воскресшему, чем простое внешнее общение с Ним. Без сомнения, оно прежде всего состояло в том, что Он сопровождал прославленного Спасителя, пока Он пребывал еще на земле в кругу учеников; но

* По-славянски *назнаменуя* (σημαίνων). Может быть, со словом сим сделал Господь самым делом знак (σημεῖον) распростертия рук в крест Божественными Своими руками и тем поставил в виду Петра собственный Свой образ в распятии.

мы знаем, как скоро Он лишил их Своего видимого присутствия, чтобы возвратиться к Отцу, от Которого Он исшел и явился в мир, дабы снять с нас проклятие греха. Посему последование, к которому Он призывал Петра, должны мы понимать преимущественно как *внутреннее*, которое проявлялось бы у ученика в неотступном стремлении уподобляться своему Божественному Наставнику и Господу в мысли, желании и действии.

Слова Господа «Иди за Мною» стоят здесь в тесной связи с предыдущим. Эта связь указывает нам, очевидно, на последование Петра за Господом в страдании и мученической смерти. Воскресший только что открыл Своему ученику, «какою смертью Он прославит Бога», открыл ему будущую судьбу его жизни и непосредственно за этим говорит ему: «Иди за Мною». Ясно отсюда, что жизнь Петра будет подобна жизни Самого Господа, что она пройдет путем борьбы, страдания и мученической смерти. Этим путем шел Спаситель, и этим же путем пойдет за Ним и ученик. Что у него не будет недостатка в мужестве, терпении и смелости, об этом частью уже позаботился Господь посредством опытов, которые имел случай сделать Петр в Его обществе, частью позаботился еще позднее чрез послание Святого Духа, Который должен быть ему, равно и всем прочим ученикам, могущественнейшим Утешителем и Помощником на свидетельском пути, проложить который они были призваны. История показывает нам также, с какою преданностью, с какою самоотверженною любовью, с какою смелою верою, с каким постоянным мужеством следовал Петр за воскресшим Господом в страдании и смерти, как он терпелив был в страдании, к которому он был призван (1 Пет. 2: 20–21), и как он оставался непоколебимым даже в виду смерти, которою он должен был прославить Господа.

Апостол Петр услышал и принял это требование, тотчас же готов был идти за своим Господом и Учителем, как и куда бы Он ни повел его. Он был уже не *Симон*, а *Петр*; сердце его стало твердо, как скала; он готов на смерть, чтобы только повиноваться голосу, который сказал ему: «Иди за Мною». Господь пошел из Галилеи, Петр шел за Ним, всецело исполненный мысли о своей мученической смерти. Оглянувшись назад, он увидел Иоанна, всегдашнего своего товарища и любимого Иисусом ученика, который тихо следовал за ними. Указывая на него, он спросил: «Господи! А он что?»

Почему Петр предлагает своему Господу и Учителю такой вопрос? Этот вопрос можно решать различно, как и делается это толкователями. Можно сказать, что это было излишнее и необдуманное любопытство, побудившее Петра к этому вопросу. Не довольно ему было знать, к чему он призван, какая определена была ему судьба, он хотел бы также получить достоверное известие о будущей судьбе жизни и своего соученика, тяжелее или легче будет Иоанну в жизни, чем ему. Это, конечно, излишнее любопытство. Можно далее сказать, что, может быть, в основании вопроса

Петра заключалась не совсем-то чистая мысль: это было движение зависти. Он только что узнал, что ему предстоит тяжелый и трудный путь в служении Господу, что он окончит свою жизнь в борьбе и страдании, что этот путь, может быть, будет наказанием за грех отречения, которому он подпал. Между тем Иоанну ничего подобного не было возвещено, и отсюда он заключал, что на долю этого ученика падет легкий и приятный жребий, что, следовательно, он некоторым образом предпочтен ему. Поэтому он желал бы знать, тяжелее или легче, чем ему, будет Иоанну в его апостольской деятельности и жизни. Может быть, в том вопросе Петра к Господу относительно Иоанна сказалась у него минутная гордость, высокомерие. К нему только Господь обратился: «Иди за Мною», а к Иоанну такое определенное требование не относилось. Как легко могла возникнуть в сердце склонного к тщеславию и надменности ученика мысль: ты избранный; тебя, тебя преимущественно хочет привлечь к себе Господь; ты будешь Его доверенным преимущественно пред всеми другими. В этом случае вопрос его: «Господи! А он что?» был бы как бы требованием к Господу отослать назад Иоанна, запретить ему идти вместе с ними. Можно дать, наконец, и еще одно объяснение вопросу Петра, которое можно вывести из приложения слов об ученике, шедшем вслед: «Петр же, обратясь, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонясь к груди Его, сказал: Господи, кто предаст Тебя?» Почему Иоанн делает еще это приложение, которое, казалось бы, вовсе не относится сюда? Почему он упоминает о том вопросе на вечери: «Господи! Кто предаст Тебя?» Ответ: потому что этот вопрос сделан был тогда по желанно и знаку Петра. Петр и Иоанн были искренние и верные друзья; во всем Евангелии и в Деяниях Апостольских обнаруживается их взаимная любовь. Здесь мы можем также искать основания для вопроса Петра: он очень любил Иоанна, и сердечная дружба, сострадательная любовь к своему соученику внушила Петру тот вопрос. Ему стало жаль, что этот ученик не получил от Иисуса никакого слова, никакого обещания. Он охотно желал бы доставить и ему такое слово и такое обещание. Ему, Петру, высказана вся судьба до конца, и столь решительно и столь ясно, а о любимом его друге ничего. Посему естественно, что при виде Иоанна он желал бы соединить с полною уже известностью собственной участи, считавшейся, может быть, им величайшею милостию Божией для себя и величайшей славой своей, соединить известность участи и его друга, и как Иоанн на вечери спрашивал за *Петра*: «Господи! Кто предаст Тебя?» так и Петр взамен этого, может быть, по знаку также Иоанна, когда первый взглянул назад, спросил за него: «Господи! А он что?» Поелику Христос предсказал Петру величие, вручил ему вселенную, предвозвестил мученичество и засвидетельствовал, что его любовь больше любви других учеников; то Петр,

желая иметь общником и Иоанна, говорит: *Сей же что?* Не пойдет ли и он одним с нами путем? Как прежде, не дерзая сам спросить Господа, поручил это Иоанну, так теперь, платя ему тем же и думая, что он хотел бы спросить о себе, но не смеет, сам берет на себя предложить о нем вопрос.

Как бы мы ни рассматривали дело, выводим ли вопрос Петра из любопытства, или из движения зависти, или из гордости, или, наконец, из любви к Иоанну, во всяком случае не можем не признать, что Петр, предлагая тот вопрос Господу, не имел на это права; что вопрос его был бесполезен и бесцелен. К чему он заботился об Иоанне, когда ему уяснилось назначение его! Он должен был следовать за Иисусом и это только иметь в виду; он не должен был смотреть ни направо, ни налево, но только думать о Господе и в своем следовании за Ним ничему не позволять останавливать себя. На это указал ему Господь в Своем ответе на его вопрос: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною». Этими словами Господь как бы так хочет наставить Петра: «Я иду из Галилеи; ты идешь за Мною; и ты заботишься о друге нашем Иоанне, что он остается. Какое тебе дело до судьбы других Моих учеников? Помни свою и никогда не теряй ее из виду; не думай ни о чем ином, как о том, что ты идешь за Мною и непоколебимо пребываешь в общении со Мною; заботься только об одном – всегда быть послушным Мне и следовать за Мною, *ты по Мне гряди*. А об Иоанне предоставь заботу Мне, поелику и он, как ты, Мой ученик. Я его люблю и не забуду. Путь его в Моей власти и предопределен Мною. Я поведу его в жизни его, может быть, и не таким путем, как тебя. Иоанн, может быть, пребудет, пока Я приду: коротко ли, долго ли это продолжится, это тебя не касается. По духу евангельской покорности судьбам, никогда в жизни не следует тебе входить в то, что скрыто в судьбах и тебя не касается. *Ты по Мне гряди* по пути страданий и смерти Моей». Св. Иоанн Златоуст говорит: «Христос говорит Петру: тебе поручено дело; заботься о нем, совершай его, терпи и подвизайся. Что тебе, если Я хочу, чтобы Иоанн здесь пребывал? Ты смотри за своим делом и о нем заботься». Таким образом, Своими словами Господь показывает Петру, что он не имеет права и цели спрашивать о судьбе Иоанна. Эти несколько темные слова Господа ввели первоначальную Церковь в недоразумение, что Иоанн не должен умереть до второго пришествия Христа, и служили с самого начала предметом различных сказаний и толкований. Мы ограничимся показанием простейшего их смысла. Если именно обращенное к Петру требование Господа «Иди за Мною» относилось к особенному назначению ученика следовать за Спасителем путем борьбы и страданий, который должен кончиться крестом, мученическою его смертью на кресте, то слова Господа «Я хочу, чтобы Иоанн пребыл», очевидно, означают противное и относятся к тихому и спокойному образу жизни этого уче-

ника. Ему не было определено идти в жизни таким трудным путем, как Петру. Деятельность его в служении Спасителю меньше будет полна борьбы и опасности, и он прославит Бога не мученическою смертью, но в спокойном терпении будет ждать той минуты, когда, Господь *придет* отозвать его к Себе от земных трудов его посредством обыкновенной естественной, не мученической кончины. Что Иоанн не умрет, на это нет ни малейшего указания в словах Господа, как и сам евангелист говорит: «Иисус не сказал ему, что не умрет». Они показывают только, что в противоположность трудной, богатой испытаниями жизни Петра, Иоанн будет идти в жизни спокойным, тихим путем. Пылкий, огненный, решительный и нередко надменный Петр должен проходить терновый путь, должен получить венец славы в жестокой борьбе среди бедствий и страданий. Напротив, Иоанн хотя и вступает в тесные врата и узкий путь (Мф. 7:14), но его жизнь останется пощаженною тяжкою борьбою и сильными потрясениями; тише и спокойнее, чем у Петра и Павла, протечет его жизнь, пока он не перейдет в вечность посредством тихой и спокойной смерти.

О явлении Иисуса Христа на горе Галилейской (Мф. 28: 16–20)

Св. Иоанн Златоуст. Из 11-й Беседы на евангелиста Матфея

Единиинадесяте ученицы идоша в Галилею: и видевше Его, поклонишася Ему, ови же усомнешася (Мф. 28: 16–17). Это, мне кажется, было то последнее явление Иисуса Христа в Галилее, когда Он послал их с повелением крестить. Если же некоторые усомнились, то и в сем случае подивись их любви к истине, что они не скрывали своих погрешностей даже в последние дни с ними случившихся. Итак, что Он сказал, явившись им? *Дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли.* Опять говорит с ними по-человечески, поелику они не прияли еще Духа Святого, Который бы соделал их возвышеннее. *Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елико заповедах вам.* Здесь Он говорит об учении и заповедях, но ничего не упоминает об иудеях, молчит о прежних происшествиях, не укоряет Петра за его отвержение и никого из прочих за бегство, а только повелевает возвестить по всей вселенной учение, которое им вручил вместе с заповедию о крещении. Но поелику им заповедал дело великое, то, одобряя их сердца, сказал: *Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века.* Не видишь ли опять силы Его? И не видишь ли притом, с каким снисхождением Он говорит это? Не с ними только будет находиться, говорит Он, но и со всеми теми, которые после них будут веровать. Ибо апостолы не могли пребыть *до скончания века*, но Он говорит ко всем верным, как бы к одному телу. Не говорите Мне, сказал Он, о препятствиях со стороны

обстоятельств: Я с вами, Я разрушающий все препятствия. Это и в Ветхом Завете говорил Он часто пророкам: Иеремии, когда тот указывал на юность свою; Моисею и Иезекиилю отказывающимся Он говорил: *Я с вами.* То же самое и в сем случае говорит ученикам Своим. Теперь посмотри, какое различие между теми и другими. Те часто отказывались, будучи посылаемы к одному народу: сии, посылаемые во всю вселенную, ничего подобного не говорили. О скончании же века Он напоминает им для того, чтобы более привлечь их и чтобы они не на настоящие скорби только смотрели, но и на будущие бесконечные блага. Скорби, говорит Он, которым вы подвергнетесь, оканчиваются с сею жизнью, поелику окончится и самый век; блага же, которые вы получите, вечны, как Я вам и прежде часто говорил. Таким образом, укрепив и ободрив их дух и сим напоминанием о последнем дне, Он послал их в мир.

Изъяснение 18 стиха 28-й гл. Евангелия от Матфея: *И приступль Иисус, рече им, глаголя: дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли*

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Беседы в пяток Пасхи

1) Явление Иисуса Христа по воскресении в Галилее.

Господь наш Иисус Христос по воскресении Своем из мертвых многократно являлся Своим ближайшим ученикам и другим верующим в Него в продолжении четыредесяти дней до Своего вознесения на небо. Первые Его явления имели целию дать полное удостоверение в том, что Он действительно воскрес из мертвых. В других последующих явлениях Он *глаголал яже о Царствии Божии* (Деян. 1:3), преподавал высшие познания истин и таинств веры и устроял Свою Церковь. Евангелист Матфей в конце своего Евангелия описал одно из сих явлений, имеющее особенную знаменательность, как можно усмотреть, между прочим, из того, что в других явлениях Господь открывал Себя одному или многим, без предварения, как внезапный посетитель или спутник, а о сем явлении предварил учеников Своих и назначил для него место: *Да идут в Галилею, и ту Мя видят* (Мф. 28:10).

Евангелист не определяет времени сего явления, но, без сомнения, оно последовало уже тогда, когда предшествовавшими явлениями по крайней мере в ближайших учениках Его достаточно была утверждена и освобождена от сомнений вера в совершившееся воскресение Господа.

Хотя евангелист только на одиннадцать апостолов указывает как на очевидцев сего явления Господа; однако вероятно, что в сем участвовали и многие другие. Вероятно, к сему клонилось и раннее о сем явлении пред-

варение и назначение места в Галилее, где Христос Спаситель много проповедовал прежде страдания Своего и где тогда много было уверовавших в Него; и, конечно, из сих-то *овии усумнешася*, не были приготовлены видением предшествовавших явлений Воскресшего, как приготовлены были апостолы.

2) Раскрытие понятия о Царстве Небесном.

Господь Иисус начал Свою евангельскую проповедь возвещением, что *приближися Царство Небесное* (Мф. 4:17), и при конце Своего земного поприща уже самою короткою мерою определял сию близость: *Не имам ясти, не имам пити, дондеже Царствие* Божие *приидет* (Лк. 22: 16, 18). Но ученики Его еще не довольно понимали Царствие Небесное; они еще не освободились от иудейской мысли о земном царстве Мессии. С Воскресением Господа настало время, поелику открылась удобность, дать им ясное, опытное понятие о Царствии Небесном, показать им оное в самом действии. Для сего воскресший Господь является собранным по предварительному повелению Его в Галилею ученикам и провозглашает Свое воцарение в том Царстве, которого приближение предсказывал: *приступль Иисус, рече им, глаголя: дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли.* Теперь видите: Царь предвозвещенного царства есть воскресший Христос; Его Царство есть *Небесное*, потому что Его воскресшая жизнь очевидно есть уже не земная, а небесная и пренебесная, и такова же Его деятельность, но царство Его не ограничивается небом, а простирается и на всю землю, для того в особенности, чтобы верующих в Него человеков из земной, несовершенной, смертной жизни, посредством благодатного возрождения возводить в жизнь небесную, совершенную, в блаженство Царства Небесного.

3) Почему не прежде чем по воскресении дана Иисусу Христу всякая власть на небеси и на земли?

Но слово Господа воскресшего, разрешая вопрос, что такое Царство Небесное, которого приближение Он предсказывал, в то же время порождает другой вопрос: каким образом не прежде чем по воскресении дана Ему всякая власть на небеси и на земли, когда Он имел сию власть от вечности, яко Единородный Сын Божий, Которым *создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли* (Кол. 1:16), и Который *носит всяческая глаголом силы Своея*? (Евр. 1:3).

Для разрешения сего вопроса надлежит различить состояние Сына Божия до Его воплощения от состояния Его по воплощении, состояние Его как Бога и состояние Его как Богочеловека. По первому состоянию, как Бог, Он имеет всегдашнюю неограниченную власть над всем, что Им создано и провидением Его хранимо и управляемо. Во втором состоянии Он, вступая в земную жизнь, *Себе умалил, зрак раба приим* (Флп. 11:7); и тогда слава Божества Его была сокрыта; Его человечество только еще гото-

вилось к прославлению. Принеся Себя, по человечеству, за повинное пред Богом наше всеродное человечество, в очистительную жертву правосудию Бога Отца, Он приобрел в Воскресении Своем прославление Своему человечеству и вместе надежду прославления нашему всеродному человечеству. Туда, где от века пребывал Он и пребывает как Бог, теперь восшел как Богочеловек, *превыше всех небес*; и, как воспевает Церковь, *Ангели дивятся, человека зряще превыше себе* (Стихира на вознесение Господне).

До крестной смерти и Воскресения Христа Спасителя для человека, грехом и осуждением греха изринутого из рая, рай и небо заключены были вечным правосудием, и не видно было власти, их отверзающей, врата ада за нисходящими в него грешниками были заключены, и не видно было власти, их отверзающей. Воскресший Христос есть *святый и истинный, имеяй ключ Давидов*, — крест, *отверзаяй, и никтоже затворитъ* (Откр. 3:7). Ему дадеся власть отверзать ад и изводить древле осужденных, отверзать небо и вводить помилованных.

Власть, которая *дадеся* воскресшему Христу Богочеловеку *на земли*, есть та же, действующая здесь начинательно, которая действует совершительно на небеси. Здесь Он вводит верующих из Царства поврежденной природы в Царство благодати, чадам ветхого Адама *дает областъ чадом Божиим быти* (Ин. 1:12): там из Царства благодати возводит их в Царство славы.

4) Пространство сей власти. Наконец, в провозглашении царской власти воскресшего Христа да не будет оставлено без особенного внимания открываемое пространство сей власти: *всяка властъ на небеси и на земли.* В каких разнообразных видах является *всяка властъ* Его *на небеси*, это недоступно нашему созерцанию. Помыслим о ближайшей к нам всякой власти Его на земли. Если Он имеет *всякую властъ*, то нет здесь никакой власти и силы, которая не была бы подчинена Его власти. Простирая власть благодати на каждую душу верующую и на все царство веры, на созданную Им Церковь, Он также простирает власть Своей премудрости, благости и правды и на видимую жизнь человека, личную и общественную, и на все царство природы. Подвластно Его премудрости и благости животворно солнце светит, ветер дышит, облака дождят, вода орошает и поит, земля износит благопотребные человеку прозябения. Под властию Его премудрости и благости рождается человек, возникает семейство, возрастает, укрепляется и цветет народ, созидается, утверждается и возвышается царство. Под властию оскорбленной благости и правды Его солнце опаляет, воздух дышит тлетворно, облак пускает смертоносные стрелы молний, вода потопляет, земля отказывает человеку в дарах своих. Под властию оскорбленной благости и правды Его невнимательный к сей власти человек лишается света и блуждает, семейство расстраивается, народ смущается, царство колеблется. Кроткую для кротких, а для *шатающихся языков*, для *людей, поучаю-*

щихся тщетным, для *расторгающих узы* Божественного закона – грозную власть дал Отец Небесный Единородному Сыну Своему, Царю Христу, Своим предопределением: *Проси от Мене, и дам Ти языки достояние Твое; упасеши я жезлом железным, яко сосуды скудельничи сокрушиши я* (Пс. 2:1; 3: 8–9).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 28-й ГЛ. ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ

Святоотеческие толкования

1) *Св. Григорий Богослов.* Мироносицы в своем пришествии ко гробу Иисуса Христа представляют христианам пример для подражания. Почему Иисус Христос по воскресении явился женам прежде? Фома апостол достоподражаем в своей искренней вере после неверия.

2) *Св. Иоанн Златоуст.* О воскресении Христовом к неверующим (Лк. 24: 25–26). «Воскресное чтение», 1812. Почему Иисус Христос не явился всем иудеям по воскресении?

3) *Св. Афанасий Александрийский.* О воскресении Господа нашего Иисуса Христа. «Христианское чтение», 1841.

4) *Св. Прокл Константинопольский.* Слово на Святую Пасху. «Воскресное чтение», 1807.

5) *Блж. Августин.* Похвала св. мироносицам в лице Марии Магдалины. «Воскресное чтение», 1816.

6) *Его же.* О явлении Иисуса Христа двум ученикам еммаусским (Лк. 24: 13–32).

7) *Св. Григорий Двоеслов.* О явлении воскресшего Спасителя мира женам-мироносицам (Мк. 16: 1–7). Беседы на Ев. перев. Климента, кн. 2.

8) *Его же.* О посещении гроба Спасителева Мариею Магдалиною, Петром и Иоанном, с последствиями его (Ин. 20: 1-9).

9) *Его же.* О явлении Иисуса Христа Марии Магдалине (Ин. 20: 11-18).

10) *Его же.* О явлении воскресшего Спасителя мира двум ученикам на пути в Еммаус.

11) *Его же.* О явлении Воскресшего одиннадцати ученикам (Ин. 20: 18-31).

12) *Его же.* О знамениях и чудесах, совершаемых верующими в Спасителя мира (Мк. 16: 14–20).

13) *Его же.* О явлении воскресшего Спасителя 7 ученикам на море Тивериадском (Ин. 21: 1–14).

14) *Прп. Исидор Пелусиот.* О воскресении Господнем.

15) *Его же.* Достойное выслушать возражение язычнику о Воскресении Спасителя.

16) *Блж. Иероним.* Почему евангелисты о воскресении и явлении Господа повествовали различно. Творения блаж. Иеронима, т. 2. Каким образом по Матфею в вечер субботний Мария Магдалина видела Господа, а евангелист Иоанн говорит, что она утром в 1-й день по субботе плакала около гроба. Каким образом по Матфею Мария Магдалина вечером в субботу с другою Мариею припадали к ногам Спасителя, когда по Иоанну рано в субботу она слышала от Господа: *Не прикасайся Мне* (Ин. 20:17). Каким образом Петр и Иоанн свободно вошли во гроб без всякого препятствия со стороны кого-либо из стражей. Каким образом Матфей и Марк пишут, что апостолам чрез жен поведано было идти в Галилею, чтобы там видеть Господа, тогда как Лука и Иоанн говорят, что они видели Его в Иерусалиме?

Новейшие толкования в духовных журналах

17) История воскресения Иисуса Христа. «Христианское чтение», 1833.

18) Доказательства, признаки и следствия воскресения Иисуса Христа. Там же.

19) Назидательные размышления (Мф. 28:28). Там же.

20) Размышления о воскресении Господа нашего Иисуса Христа. «Христианское чтение», 1845.

21) Воскресение Христово. «Христианское чтение», 1839.

22) Воскрес Христос. «Христианское чтение», 1823.

23) Прославление Иисусово. «Христианское чтение», 1821.

24) События воскресения Иисуса Христа (из апологетических бесед Шикоппа). *Е.Ловяшна.* «Христианское чтение», 1869.

25) *А.Л.* Воскресение Иисуса Христа. «Церковный вестник», 1879.

26) *Р.Л.* Апологетические очерки. Тело воскресшего Господа нашего Иисуса Христа. «Православное обозрение», 1880.

27) *Лютард.* Свидетельство апостолов о Воскресении Иисуса Христа в ст. об Откровении. «Православное обозрение», 1866.

28) *Ульгорн.* Воскресение Иисуса Христа, его действительность и значение в деле искупления. «Православное обозрение», 1870.

29) *Шмидт.* О воскресении Господа и его значении для Его лица и дела (против Кейма). «Православное обозрение», 1874. Обзор апологетической литературы на Западе.

30) Мф.28: 16–20. *В.Соловьев.* Евангельское основание Боговластия. «Православное обозрение», 1885.

31) Ст. 20. *Прот. Нечаев.* Вечное общение Христа с Церковию. «Душеполезное чтение», 1880.

32) Благоговейные размышления христианина на ст. 18 и 20. «Духовная беседа», 1875.

33) Сличение евангельских сказаний о воскресении Иисуса Христа. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1868.

34) *И.Петропавловский.* О воскресении Иисуса Христа. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1873.

35) *Свящ. Соловьев.* Толкование воскр. утрен. Еванг. 1-е воскр. утрен. Ев. (Мф.28: 16–20). «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1887.

36) *К.М.* Воскресение Иисуса Христа (Беседа апологет.). «Руководство для сельского пастыря», 1873.

37) *М.Соболев.* Действительность воскресения Господа нашего Иисуса Христа. М., 1874.

38) *Свящ. А.Снежницкий.* Размышление о воскресении Христовом. «Странник», 1860.

39) *Свящ. И.Морошкин.* Разговор о силе воскресения Христова. «Странник», 1863.

40) *Г.Н.* Из древнехристианских преданий на день воскресения Христова. (О явлении Воскресшего святому апостолу Иакову *особо* (1 Кор. 15:7). «Странник», 1881.

41) Воскресение и вознесение Господа нашего Иисуса Христа по сказаниям четырех евангелистов. «Воскресное чтение», 1823.

42) Воскресные Евангелия. Первое воскресное Евангелие (Мф. 28: 16–20). «Воскресное чтение», 1805.

43) *Певницкий.* Воскресение Христово. Воскресение Христово – залог нашего будущего воскресения. «Воскресное чтение», 1880.

44) Сила воскресения Христова. «Воскресное чтение», 1807, 1820.

45) Истина Воскресения Христова пред судом испытующих и неверующих. «Воскресное чтение», 1826.

46) Воскресение Иисуса Христа и воскресения мертвых, бывшие прежде и после того. Там же, № 3.

47) Воскресение Иисуса Христа и будущее наше воскресение. Там же, № 5.

48) Светоносное действие воскресения Христова. «Воскресное чтение», 1822.

49) Победа Церкви Христовой над миром как апология христианства. «Воскресное чтение», 1876.

50) *Калинников.* По поводу недоразумений, высказанных неверующими касательно истины Воскресения Христова. «Воскресное чтение», 1883.

51) Чудесные свидетельства воскресения Христова. «Воскресное чтение», 1884.

52) Ангельское благовестие Божией Матери о воскресении Иисуса Христа. Ангел вопияше Благодатней... Твой Сын воскресе. «Воскресное чтение», 1822.

53) Обозрение явлений Господа в самый день воскресения Его. «Воскресное чтение», 1826.

54) Различные чувствования при первой вести о воскресении Христовом. «Воскресное чтение», 1812.

55) Письмо о явлениях воскресшего Господа ученикам. «Воскресное чтение», 1821.

56) Мф. 28:9. *Радуйтесь.* «Воскресное чтение», 1818.

57) *Певницкий.* Святые жены мироносицы. «Воскресное чтение», 1883.

58) Беседы с детьми о явлениях воскресшего Господа Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1830.

59) О Евангелиях и евангельской истории епископа Михаила. О воскресении Иисуса Христа и первых явлениях Воскресшего.

60) *Гудер.* Беседа о Воскресении Иисуса Христа. Брошюра в приложении к кн. Иисус Христос и Его время. *Прессансе.*

На 16-ю гл. Евангелия от Марка

61) Ст. 1. Саломия. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1877.

62) Ст. 6–7. Вести древние и новые. «Воскресное чтение», 1832.

63) Ст. 9–14. О явлениях Иисуса Христа в первый день по Воскресении. «Воскресное чтение», 1801, 1809.

64) Ст. 3. *Кто отвалит нам камень от дверей гроба?* «Христианское чтение», 1839.

65) Ст. 9–11. Святая равноапостольная Мария Магдалина. «Духовная беседа», 1870.

66) Мария Магдалина при гробе Иисуса Христа. «Воскресное чтение», 1818.

67) Любовь Марии Магдалины к Господу Иисусу Христу. «Воскресное чтение», 1826.

68) Святая Мария Магдалина. «Воскресное чтение», 1822.

69) Поучительные уроки для христианских жен в примере святой равноапостольной Марии Магдалины. Там же.

70) Достопамятные образцы общества христианских жен из времен земной жизни Спасителя. «Воскресное чтение», 1803.

71) Жизнеописание святой равноапостольной Марии Магдалины. «Воскресное чтение», 1873.

72) *Свящ. П.Смирнов.* Святая мироносица равноапостольная Мария Магдалина. «Душеполезное чтение», 1862.

73) *Архим. Иосиф.* Гробница св. равноапостольной Марии Магдалины. «Духовная беседа», 1861.

74) *Прот. Яхонтов.* Явление Господа собранию учеников в первый день по Воскресении. «Духовная беседа», 1863.

75) Мк. 16: 1–8. Евангелие воскресное второе. «Воскресное чтение», 1805.

76) 9–20. Евангелие воскресное третье. Там же.

77) Ст. 1–8. *Свящ. И.Соловьев.* Толкование воскресных утрен. Евангелий. Второе воскр. Евангелие. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1887.

78) Ст. 9–20. *Его же.* Третье воскресное утрен. Евангелие. Там же. Нояб.

79) *Диакон Бергон.* Подлинность последних 12 стихов евангелиста Марка. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1874.

На 24 гл. Евангелия от Луки

80) Ст. 1–12. Евангелие воскресное 4-е. «Воскресное чтение», 1805.

81) Ст. 12–35. Евангелие воскресное 5-е. Там же.

82) Ст. 36–53. Евангелие воскресное 7-е. Там же.

83) Ст. 13. Еммаус. Библ. пол. сл. «Воскресное чтение», 1875.

84) Ст. 13–33. Еммаусские спутники. «Духовный вестник», 1862.

85) Еммаусские путники. «Христианское чтение», 1855.

86) *Прот. Яхонтов.* Явление воскресшего Спасителя 2 ученикам, шедшим в Еммаус. «Духовная беседа», 1873.

87) Ст. 29. *Облязи, с нама, яко к вечеру есть и приклонился есть день.* «Воскресное чтение», 1820.

88) Ст. 26. *Иеромон. Иосиф.* Слава Господа Иисуса Христа в Его страданиях и Воскресении (Лк. 24:26). «Духовная беседа», 1860.

89) Еммаусские путники. «Воскресное чтение», 1822.

90) О том же, *Певницкий.* «Воскресное чтение», 1881.

91) Чему учит нас история явления Иисуса Христа двум ученикам, на пути в Еммаус. «Воскресное чтение», 1885.

92) Ст. 34. Явление воскресшего Господа апостолу Петру в самый день Воскресения. «Воскресное чтение», 1821.

93) Ст. 44. Пророческое учение об обетованном Искупителе, содержащееся в псалмах. «Воскресное чтение», 1815.

На 20–21 гл. Евангелия от Иоанна

94) Первое явление Господа всем апостолам (20: 19–23; Лк. 21: 36–40). «Воскресное чтение», 1815.

95) *Прот. Яхонтов.* Явление Господа собранию учеников в день до Воскресении. «Духовная беседа», 1863.

96) Апостол Фома пред воскресшим Господом. «Духовная беседа», 1862.

97) *Певницкий.* Фомино неверие. «Воскресное чтение», 1883.

98) Ст. 27. «Воскресное чтение», 1815.

99) Урок нам в евангельском повествовании о явлении воскресшего Спасителя Фоме. «Воскресное чтение», 1884.

100) Неверие и вера Фомы в связи с общим рассуждением о характере истинной веры христианской. «Воскресное чтение», 1885.

101) *Сольский*. Апостолы и их вера после явления им Воскресшего. «Воскресное чтение», 1880.

102) Гл. 21: 1–25. *Яхонтов*. Явление Воскресшего на море Тивериадском. «Духовная беседа», 1874.

103) Явление Господа ученикам на море Тивериадском. «Воскресное чтение», 1818.

В Словах и Беседах

На Евангелие от Матфея

104) Гл. 28: 1–14 и парал. *Иннокентий, архиеп. Херсонский*. О воскресении Иисуса Христа и первых явлениях Воскресшего.

105) Ст. 7. *Арсений, митр. Киевский*. О душевном состоянии Петра после его отречения и Божием милосердии к нему и к каждому покаявшемуся грешнику.

106) Ст. 8. *Его же*. Радость о воскресении Христовом есть вместе и радость о будущем блаженнейшем Воскресении нашем под условием истинной веры.

107) Ст. 19–20. Мк. 16:15. *Никанор, архиеп. Херсонский*. О восьмом явлении Иисуса Христа по воскресении (на горе Галилейской). Почему воскресший Господь, равно как и ангел, благовестник воскресения, повелевают апостолам идти именно в Галилею? И зачем Господь являлся несколько раз еще прежде Галилеи именно в Иерусалиме? Сравнение этого явления с другими явлениями воскресшего по важности и цели.

На Евангелие от Марка

108) Гл. 16: 1–2. *Дмитрий архиеп. Волынский*. О наших обязанностях общения с умершими братиями и сродниками и о благопотребных к тому средствах. Слово в нед. мироносиц.

109) Ст. 1–7. *Илиодор, архиеп. Курский*. Беседа в нед. жен мироносиц.

110) Ст. 1–10. *Филарет, архиеп. Черниговский*. Беседа в нед. жен мироносиц.

111) Ст. 6. *Арсений, митр. Киевский*. О внутреннем пребывании Иисуса Христа в душах истинно верующих после Его воскресения.

На Евангелие от Луки

112) Гл. 24:12. *Свт. Филарет, митр. Московский*. Ризы, оставленные Господом во гробе, — наилучшее доказательство Его воскресения. О бессмертии души и воскресении тела.

113) Ст. 13–35. *Иннокентий, архиеп. Херсонский*. О явлении Иисуса Христа двум ученикам, шедшим в Еммаус.

114) *Никанор, архиеп. Херсонский* о том же.

115) *Иннокентий, архиеп. Херсонский*. Воскресение Иисуса Христа есть высочайшее торжество веры, добродетели и упования.

116) Ст. 33. *Арсений, митр. Киевский*. О явлении Иисуса Христа двум ученикам, шедшим в Еммаус, и о том, что все мы можем участвовать в радости Воскресения Христова под условием веры.

117) Ст. 45. *Свт. Филарет, митр. Московский*. Воскресение Христово и вера в сие воскресение отверзает заключенный ум человеческий к истинному разумению высоких и спасительных предметов знания.

На Евангелие от Иоанна

118) Гл. 20:1. *Арсений, митр. Киевский.* О пламенной любви Марии Магдалины к Иисусу Христу и о нашем малодушии пред судом мира в делах веры.

119) *Никанор, архиеп. Херсонский.* Черты из жизни равноапостольной Марии Магдалины.

120) 19–20. *Никанор, еп. Уфимский.* О последнем явлении Иисуса Христа ученикам в первый день по воскресении и о постоянном невидимом присутствии Иисуса Христа в храме среди верующих.

121) Ст. 19–25. *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* О явлении Иисуса Христа 10 ученикам в первый день по воскресении и об обстоятельствах предшествующих и последующих.

122) *Филарет, архиеп. Черниговский.* Беседа о том же явлении Иисуса Христа ученикам по Воскресении.

123) *Арсений, митр. Киевский* о том же явлении.

124) Ст. 19. *Леонтий, архиеп. Варшавский.* В чем состоит мир, который Господь по Своем воскресении преподал апостолам и в лице их всем христианам?

125) Ст. 20. *Павел, архиеп. Кишиневский.* Воскресение Христово услаждает самые тяжкие для истинного христианина скорби; скорби о Христе, снова распинаемом, о Церкви страждущей; разгоняет все сомнения, малодушие и страх, овладевающие душою при зрелище уничижения Христа и страданий Церкви.

126) *Свт. Филарет, митр. Московский.* О духовном видении воскресшего Христа и о пути к Нему.

127) *Арсений, митр. Киевский.* О действии сияния воскресения Христова на умы и сердца наши.

128) Ст. 21. *Филарет, архиеп. Черниговский.* О душевном мире.

129) Ст. 25. *Арсений, митр. Киевский.* О неверии Фомы и вредных последствиях самонадеянности.

130) *Филарет, архиеп. Черниговский.* Грех или не грех пытливость?

131) Ст. 26. *Илиодор, архиеп. Курский.* О явлении Иисуса Христа в осьмой день по воскресении.

132) Ст. 21. *Арсений, митр. Киевский.* О маловерии учеников и об отношении между верою и разумом, по поводу современного неверия.

133) *Макарий, еп. Тамбовский.* О том, какие события в первенствующей Церкви Христовой подтверждают истину воскресения Христова и для всех нас.

134) Ст. 29. *Свт. Филарет, митр. Московский.* Не видеть и веровать есть особенное достоинство веры и потому особенное блаженство.

135) Гл. 21:17. *Арсений, митр. Киевский.* О значении беседы Иисуса Христа с апостолом Петром, и о смиренномудрии Петра после воскресения Иисуса Христа.

136) *Его же.* Основания к распространению мнения между учениками Христовыми и последующими христианами о телесном бессмертии святого Иоанна Богослова, и значение долголетней его жизни для христианской Церкви.

ВОЗНЕСЕНИЕ
Христово

«Воскресное чтение», 1872

В сороковой день после Своего Воскресения, после неоднократного явления Своим ученикам и последователям и наставлений им, Иисус Христос расстался с ними, благословляя их. Он разлучился с ними вблизи Вифании, на Елеонской горе, где было место глубочайшего Его уничижения (Лк. 24:50; Деян. 1:12). Не вдруг, не внезапно Он стал невидим для них, как это бывало прежде (Лк. 24:31); но преображенное Его тело, свободное от законов тяготения, пред изумленными взорами учеников стало постепенно удаляться от них и возноситься на небо, пока, наконец, светлое облако, как бы некая триумфальная колесница, взяло Его из вида их и на крыльях света принесло в небесное Святое святых. Небесные силы, прославившие Его рождение, без сомнения, сопровождали Его (Пс. 46: 1–6) при торжественном Его шествии в мир славы. Так начало и конец Его пребывания на земле должны были соответствовать друг другу; это было единственно приличное завершение земной Его истории, награда за Его уничижение, возвращение в Его отечество, необходимое вступление в царство, где нет греха и смерти, наконец, условие Его благодатных отношений к миру, Им искупленному. Он, по выражению апостола, взошел превыше всех небес, дабы наполнить все (Еф. 4:10). Как солнце, когда оно стоит высоко на небе, действует гораздо сильнее и обширнее, чем когда оно находится близко к горизонту, так и солнце мира духов. Видимое отшествие Его к Отцу было печатью к Его словам: «Я изшел от Отца и пришел в мир» (Ин. 16:28; 13:3). Но вместе с тем здесь заключалось подтверждение истины, что есть небесный отечественный град, отечественный дом со многими обителями (Ин. 14:2), что с неба нужно испрашивать силы благодати и благословения, и что Он с неба будет устроять Свое Царство на земле. Это чудесное событие засвидетельствовано не только евангелистами Марком и Лукою (Мк. 16:19; Лк. 24:51; Деян. 1:9), но и словами апостола Петра: «Взошедши на небо, Он пребывает одесную Бога» (1 Пет. 4:22; ср. Деян. 2: 33–34) и многими местами в посланиях апостола Павла (Еф. 4: 8–10; 1 Тим. 3:16; Рим. 10:6; ср. Евр. 1:1); это есть и в Евангелии от

Иоанна (3:13; 6:62; 8:21; 20:17), хотя и нет о нем исторического повествования; предполагается Вознесение и заключение Евангелия от Матфея (28:20). Как некогда Аарон поднял свои руки и благословил народ, так Христос вознесся, благословляя Своих учеников. Этим Он явил в Себе истинного Первосвященника, о Котором говорится, что Он всегда жив и ходатайствует за людей (Евр. 7:25). Своим Вознесением Он открыл бывший доселе для всех заключенным, вследствие людских грехов, вход в небесное святилище (Еф. 2:6; Ин. 16:7), соединил новою связью небо с землею и даровал возможность богатого и обильнейшего излияния Святого Духа (Ин. 16:7). Христианская жизнь должна быть постоянным восхождением и вознесением к небу; мы должны ежедневно искать как духовного воскресения со Христом, так и духовного вознесения (Кол. 3:1; Флп. 3:20; Рим. 8:5).

О Вознесении Господа на небо (Мк. 16: 19–20)

Св. Григорий Двоеслов.
«Христианское чтение», 1846

Ст. 19. *Господь же убо по глаголании Его к ним вознесеся на небо и седе одесную Бога.* В Ветхом Завете Илия был восхищен на небо, но на воздушное, которое отлично от эфирного, ибо оно ближе к земле (почему птиц, летающих по воздуху, мы называем небесными), так что он был отведен в сокровенную область земную, где должен обитать в телесном и душевном успокоении дотоле, пока при кончине мира паки явится на земле заплатить долг смерти, потому что Бог, по премудрым судьбам Своим, только отсрочил ему время смерти, но не избавил его вовсе от оной; между тем как Спаситель победил смерть и Своим славным Воскресением истребил ее, а в Вознесении явил славу Воскресения Своего. Здесь нужно заметить и то, что Илия вознесся на небо на колеснице в доказательство того, что он, яко человек, не мог быть без внешних пособий. Это пособие сделали ему ангелы, когда он восходил на воздушное небо, ибо он сам собою не мог вознестись и туда, потому что естественная слабость не позволяла ему отделяться от земли; между тем как Спасителю не нужна была колесница, не нужны были ангелы, ибо Творец Своею Божественною силою вознесся на небо, потому что Он возвратился туда, откуда сошел; вошел туда, где от века имел пребывание; ибо хотя по человечеству Он возносился, но по Божеству обладал и небом, и землею.

При сем не излишне обратить внимание и на то, почему Марк сказал о Господе, что Он *седе одесную Бога;* а первомученик Стефан видел Его *одесную Бога стояща* (Деян. 7:56); то есть почему евангелист Марк говорит, что Он *сидит,* а Стефан, что Он *стоит?* Для разрешения сего предварительно заметьте, что сидение принадлежит судье, а стояние помощнику; посему

евангелист Марк потому описывает Господа сидящим, что Он после Вознесения Своего явится во всей славе Своей яко Судия, ибо Спаситель, вознесшись на небо, восприял над всем суд; а Стефан потому видел Его во время мученического своего подвига стоящим, что Он помогал, ибо, чтобы победить неверие мучителей, Спаситель Сам ратовал за Стефана Своею благодатию.

Ст. 20. *Они же изшедше проповедаша всюду, Господу поспешествующу и слово утверждающу последствующими знаменьми.* Здесь достойно замечания то, что со стороны апостолов за заповедью тотчас последовало повиновение, а за повиновением последовали чудеса.

Займемся беседою и о торжестве настоящего праздника.

При сем прежде всего надобно исследовать, отчего это, когда Господь наш Иисус Христос родился, то хотя ангелы являлись, но не в белых ризах; а во время вознесения Его они являлись в ризах белых и блестящих; ибо в Писании говорится, что *зрящим им взятся и облак подъят Его от очию их. И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се, мужа два стаста пред ними в одежде беле* (Деян. 1: 8–9). Ангелы во время вознесения Господня были одеяны в одежду белую в знамение того, что вознесение Господа во плоти составляло величайшее торжество для них, потому что белая одежда есть знак веселия и радости сердечной; а по рождестве Его они потому не явились в белых ризах, что во время плотского рождения Его Божество уничижалось, тогда как в вознесении человечество Его обожалось.

Но при настоящем торжестве особенно мы должны размышлять о том, что ныне разорвано рукописание грехов и осуждения нашего и изменилось определение о нашем осуждении, потому что то самое естество, которому было сказано: *Земля еси в землю отъидеши*, ныне вознесено на небо. Псалмопевец о настоящем торжестве говорит следующее: *Яко взятся великолепие Твое превыше небес* (Пс. 8:2); *взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне* (Пс. 44:6); *возшел еси на высоту, пленил еси плен, приял еси даяния в человецех* (Пс. 67:19). Восшед на небеса, Он подлинно пленил плен, ибо силою Своего нетления истребил наше тление и даровал даяние человеком, потому что ниспослал Святого Духа на апостолов, даровав иному слово премудрости, другому дух разума, иному дух ведения, другому силу исцелений; одному знание языков, а другому сказание языков. Об этой славе вознесения Его и пророк Аввакум говорил следующее: *Воздвижеся солнце и луна ста в чине своем* (Авв. 3:11). Здесь под именем солнца разумеется не иной кто, как Сам Господь, а под именем луны Святая Церковь; ибо пока Господь не вознесся на небо, Святая Церковь непрестанно страшилась бедствий со стороны мира; а когда Он вознесся, то она утвердилась и всюду начала проповедовать веру свою, а таким образом действительно сбылись слова: *Воздвижеся солнце и луна ста в чине своем;* ибо как скоро Господь восшел на

небеса, Церковь с дерзновением стала проповедовать. Посему-то Соломон от лица Церкви говорил: *Се Той идет, скача на горы и прескоча на холмы* (Песн. 2:8). Спаситель, идя на избавление нас, действительно делал как бы некие скачки. Вам желательно знать, какие это скачки? Вот они: во-первых, Он с неба снисшел в девическое чрево, из девического чрева пришел в ясли; потом от яслей восшел на крест; с креста снисшел во гроб, из гроба восшел на небо. Таким образом, проходя все степени человеческой жизни, Он пролагал нам путь, чтобы следовали за Ним. Поэтому Дух Святой устами пророка говорил: *Возрадуется, яко исполин тещи путь* (Пс. 18:6), дабы и мы могли сказать с Премудрым: *Привлекоша Тя: в след Тебе, в воню мира Твоего течем* (Песн. 1:3).

О Вознесении Господа на небо (Лк. 24: 50–52)

Свт. Филарет, митр. Московский.
Из Беседы в день Вознесения Господня и обретения мощей свт. Алексея

1) Почему Господь пред Своим Вознесением явился в Иерусалиме, а не на месте, Им избранном для Вознесения. *Изведих вон до Вифании и воздвиг руце Свои, и благослови их* (Лк. 24:50).

Воскресший Господь являлся ученикам Своим не только в Иерусалиме, но и на пути в Эммаус, и в Галилее на горе, и на берегу озера Тивериадского: почему же, наконец, Он явился им не прямо на месте, которое избрал для Своего вознесения, но в Иерусалиме и вывел из него вон? Нет сомнения, что как всякое действие Божественной мудрости Его, так и сие исполнено глубокого знаменования. Это значит, что благодать отступает от ветхого Иерусалима, который обетованного ему Христа, *во Своя пришедшаго, не принял* (Ин. 1:11), излиянную для спасения мира кровь Его сам на себя принял к своему осуждению, своим неверием и христоубийством сам себе приготовил оставление и разрушение. И как Пришедший не погубит души человеков, но спасти из среды погибающих начал уже избирать Себе спасаемых, взял из ветхого града лучшие камни и художеством небесного архитекторства — словом истины и спасения — очистил и приготовил их для нового здания; то дабы показать, что Он не ветхому, отжившему служит, не к ветхой ризе новый плат приставляет, не в ветхие мехи вино новое вливает, а устрояет новую ризу спасения, новые сосуды благодати, новый живой град Небесного Царствия на земле; Он несет избранные Им живые камни из ветхого града на свободное, чистое, высокое место, дабы здесь благословить новосозидаемую Церковь Свою, подобно как некогда благословил Свое новое райское творение.

2) О благословении, преподанном Господом апостолам, а чрез них всем верующим в Него, при вознесении на небо.

Извед их вон до Вифании и воздвиг руце Свои, и благослови их. Воздвиг руце на небо и простер их на благословляемых в знамение, что преподает благословение небесное и пренебесное, и так обширное, как далеко досязают Его руце, в которых *вси концы земли* (Пс. 94:4). Какими словами благословил? Сего не написал святой Лука; но веруем, что то был поток Божественной благодати, жизни и силы, который не только исполнил предстоявшие сосуды, но и простерся и простирается и на всю Церковь Христову до последнего истинного христианина пред вторым пришествием Христовым. Более нежели вероятно, что к сему благословению принадлежат преданные святым Матфеем слова Христовы: *Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28:20).

И бысть, егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо. Приметьте, что евангелист не говорит: егда благослови, когда окончил благословение, но *егда благословляше*, когда еще продолжал благословлять. Какой чудный образ действия! Господь благословляет и еще не оканчивает благословения, а продолжает благословлять, и между тем возносится на небо. Что это значит? То, что Он не хочет прекратить Своего благословения, но продолжает без конца благословлять Свою Церковь и всех верующих в Него. Помыслим, братия, что еще веруем, и ныне и над нами простерты руце Его, и взор Его, и благословение Его! Какой стыд и страх для тех, которые в суете мирской забывают Его! Какая радость для любящих Его!

3) Почему Господь избрал для вознесения гору Елеонскую?

Предел, от которого начинается вознесение Господа, есть гора Елеонская. Почему она избрана для сего, а не иное место? Можно думать, потому, что и прежде она была у Него избранным местом, которое освятил Он многократным Своим пребыванием и молением, особенно же потому, что здесь начались Его спасительные для нас страдания равною смерти скорбию душевною и многотрудною молитвою, простертою до излияния кровавого пота. Обратив место начавшихся страданий в место совершившегося прославления, Он чрез сие ознаменовал то, что Его страдания и прославление составляют один стройный состав спасительного для нас домостроительства Божия, одну златую цепь, выработанную в горниле премудрости Божией, для возвлечения на небо падшего из рая человечества...

4) *О сидении Господа Иисуса Христа одесную Бога Отца по вознесении на небо* (Мк. 16:19).

А где предел, до которого простирается вознесение Господа? Если возможен для слова человеческого некоторый на сие ответ, то его можно най-

ти в изречении апостола: *Сшедый той есть и возшедый превыше всех небес, да исполнит всяческая* (Еф. 4:10). Присоединим к сему слово евангелиста, что вознесшийся Господь седе одесную Бога (Мк. 16:19); причем слышащий не должен представлять в уме ничего телесного и чувственного. Ты слышишь иногда, что человек говорит о другом человеке: «он — моя правая рука», и не думаешь, чтобы он сделался рукою, а разумеешь сие так, что он близок к другому, подобно как его собственная рука, и по воле его превосходно действует, подобно как правая рука превосходно действует в сравнении с левою. Кольми паче не должен ты прилагать телесных понятий к бестелесному и ограничивать местом Невместимого и Вездесущего. Слыша, что Христос *седит одесную Бога Отца,* помышляй, что Он имеет единую с Отцем Вседержителем власть, единую с Ним славу, единое царственное промышление о всем мире, и особенно о Церкви спасаемых. Вообще не устремляй дерзновенно полета испытующей мысли в сию безмерную высоту: там *свет неприступный* (1 Тим. 6:16). Если пред сотворенным светом видимого солнца изнемогает твое око — как не изнеможет неочищенное от брения око ума твоего пред светом вечного Солнца духов, пред Которым и высшие из ангелов закрывают лица? И апостольские взоры недалеко могли следовать за возносившимся Господом; облак подъял Его и скрыл от них. И как они в сие время *поклонишася Ему,* та́к и ты после скромного взора веры на небо пади, сын праха, смиренно в прах, и неизреченное величие почти безмолвным благоговением.

5) Почему апостолы были исполнены радостию, когда Господь вознесся на небо?

Неожиданным показаться может засвидетельствованное евангелистом действие вознесения Господня на апостолов: *Возвратишася в Иерусалим с* радостию *великою.* Можно бы подумать, что они будут очень опечалены разлучением со Своим Божественным Учителем и Спасителем, но они очень радуются. Почему это? Радуются потому, что теперь совершенна вера их, и отверст ум их к разумению тайн Христовых: они веруют и знают, что Христос как воскресением Своим сокрушил двери ада и открыл верующим исход из него, так Вознесением Своим отверзает двери неба и открывает верующим вход в него. Радуются потому что совершенна их любовь: сладостно для них то, что возлюбленный Спаситель восходит на небо в блаженство и славу, хотя сами они остаются на земле для подвигов и страданий. Радуются потому, что совершенна их надежда, они чают и предчувствуют, что вознесшийся Господь, по обещанию Своему, вскоре пошлет им иного Утешителя Святого Духа; и что, наконец, по предвестию ангельскому, *Сей Иисус вознесыйся на небо, такожде приидет* (Деян. 1:11); и приидет для того, чтобы исполнить Свое другое обещание: *Паки прииду и поиму вы к Себе* (Ин. 14:3).

Предания о месте и времени Вознесения Иисуса Христа на небо

«Воскресное чтение», 1806

Евангелист Лука и в своем Евангелии, и в книге Деяний повествует о последних часах пребывания Сына Божия на земле, По словам его, Иисус Христос в четыредесятый день по Воскресении Своем явился ученикам в Иерусалиме, потом извел их из Иерусалима до Вифании, и, преподав им на горе Елеонской благословение Свое, вознесся отсюда на небеса к Богу Отцу. Это была средняя, или восточная вершина Елеона – та самая гора, на которой Спаситель плакал о слепоте Иерусалима и предсказал ужасное разорение его. Евсевий говорит, что в том холме, с которого Спаситель вознесся на небеса, была пещера, в которой Он преподал ученикам Своим последние наставления относительно тайн Царствия Божия, или Церкви Своей на земли. Неизвестный сочинитель толкования на книгу Деяний Апостольских, принадлежащего к IV веку, говорит, что Иисус Христос, возносясь на небеса, оставил оттиск Божественных стоп Своих на холме, с которого вознесся, и что сей оттиск никогда не изглаждался, хотя верные беспрерывно брали оттуда землю для хранения при себе. Блаженный Августин свидетельствует также, что в его время бесчисленное множество христиан стекалось в Иерусалим для поклонения следам ног Спасителя на горе вознесения. Так буквально исполнились слова пророка Захарии о Мессии: *Станут нозе Его в день он на горе Елеонстей, яже есть прямо Иерусалиму на восток* (Зах. 14:4).

На сем месте благочестивая императрица Елена воздвигла в начале IV века великолепный храм вознесения, купол которого над самым местом вознесения при всех усилиях зодчих не мог быть заделанным; искусство человеческое не дерзнуло после сего бренным сводом преградить ту стезю, которою Богочеловек восшел от земли на небо. Теперь храм вознесения лежит в развалинах, но в древности в праздник вознесения бесчисленное множество народа стекалось в него, и с возжженными светильниками они целую ночь провождали в пении и молитвословии, так что вся гора Елеонская, по словам одного благочестивого путешественника, писателя VIII века, казалась горящею. Тот же писатель прибавляет, что в храме сем после литургии в день вознесения поднимался столь сильный вихрь, что все присутствовавшие повергались на землю в священном благоговении. Святой Иоанн Златоуст в одной из бесед своих упоминает о мнении некоторых, что вознесение Иисуса Христа на небо последовало в субботний день, но здесь же прибавляет, что это одно гадание; древнейшее предание Церкви, напротив, назначает днем вознесения, согласно повествованию св. Луки, четыредесятый день по воскресении, или четверток 6-й недели по Пасхе. Это, по словам блж. Августина, было в 14 день мая, в полдень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К ЕВАНГЕЛЬСКОМУ ПОВЕСТВОВАНИЮ О ВОЗНЕСЕНИИ ИИСУСА ХРИСТА (МК. 16: 19–20; ЛК. 24: 50–53)

Святоотеческие толкования

1) Выписка из бесед *св. Иоанна Златоуста* на день вознесения. «Воскресное чтение», 1801.

2) *Св. Афанасий Александрийский* на вознесение Господне. «Воскресное чтение», 1818.

3) *Св. Лев, Папа Римский.* Слово на вознесение Господне. «Воскресное чтение», 1821.

4) *Св. Димитрий Ростовский.* О том, для чего Господь наш Иисус Христос вознесся на небо. «Воскресное чтение», 1806 г.

5) *Блж. Августин.* Слово в день вознесения Господня. «Воскресное чтение», 1812, 1816.

6) *Св. Григорий Богослов.* О вознесении Иисуса Христа. Чему научает оно христианина? Тв., ч. 4.

7) *Св. Василий Великий.* Что значит седение Иисуса Христа одесную Бога Отца?

Новейшие толкования в духовных журналах

8) Свод текстов Священного Писания на Вознесение Господне. «Воскресное чтение», 1801.

9) Вознесение Господне: 1) пророческое изображение вознесения Господня; 2) Евангельское сказание о вознесении Господнем.

3) Апостольское учение о вознесении Господнем (свод текстов). «Воскресное чтение», 1807.

10) Вознесение Господне. «Воскресное чтение», 1802, 1815, 1819, 1879, 1885.

11) Размышление на день вознесения Господня. «Воскресное чтение», 1809.

12) О радости апостолов при вознесении Господнем (Лк. 24:52). «Воскресное чтение», 1879.

13) *А.Воскресенский.* Праздник вознесения Господа нашего Иисуса Христа. (Объяснение праздников ученикам сельских школ). «Воскресное чтение», 1829.

14) Праздник Вознесения Господня. «Воскресное чтение», 1834.

15) О Вознесении Иисуса Христа (Марка 16 гл. и Деян. 1 гл.). «Христианское чтение», 1833.

16) *Прот. Яхонтов.* Вознесение Господне. «Духовная беседа», 1873.

17) *Свящ. Х.Добронравин.* Вознесение Господне. «Странник», 1860.

18) *Архим. Фотий.* Размышления христианина при воспоминании о вознесении Господнем. «Странник», 1869.

19) *Дьяченко.* Действительность вознесения Иисуса Христа Господа нашего. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1878.

20) *К.Чернышева.* Действительность вознесения Иисуса Христа на небо. «Христианское чтение», 1883, 1884.

21) *Фоменко.* Гора вознесения Господня. «Воскресное чтение», 1881.

В Словах и Беседах

22) Мк. 16:19. *Арсений, митр. Киевский.* О христианской обязанности не привязываться к миру и устремлять помыслы к небу.

23) Ст. 19. *Илиодор, архиеп. Курский.* Для чего Господь вознесся на небо.

24) Лк. 24: 51–52. *Григорий, архиеп. Казанский.* Воспоминание о вечной блаженнейшей жизни весьма спасительно.

25) *Исидор, митр. Новгородский.* Вознесение Господне служит для нас источиником истинной и высокой радости.

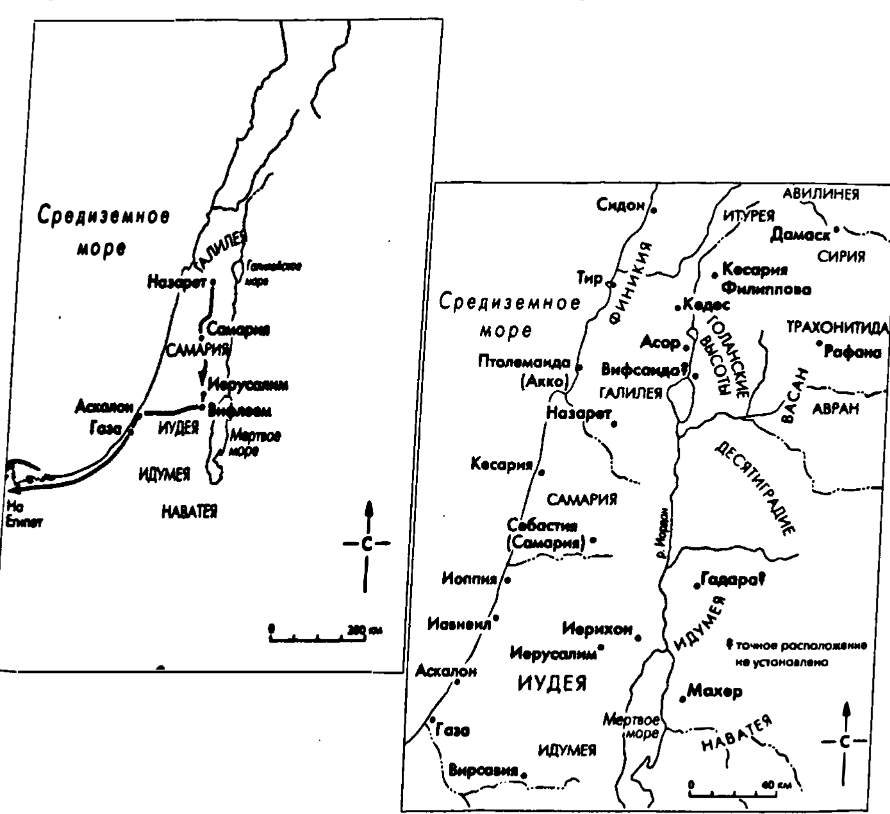
26) *Илиодор, архиеп. Курский,* о том же.

Приложение

Карты Палестины времен Нового Завета

Карта № 1. **Путешествия, связанные с рождением Иисуса.**

Согласно повелению кесаря Августа, от Марии и Иосифа, бывших родом из Назарета, требовалось пройти перепись в Иудее, в городе Вифлееме (Лк. 2: 1–5). После визита мудрецов с востока, которые пришли поклониться Младенцу, Иосиф, получив предупреждение от ангела Господня о грозящей опасности, забрал свою семью и отправился в Египет, где они и оставались до кончины Ирода Великого.

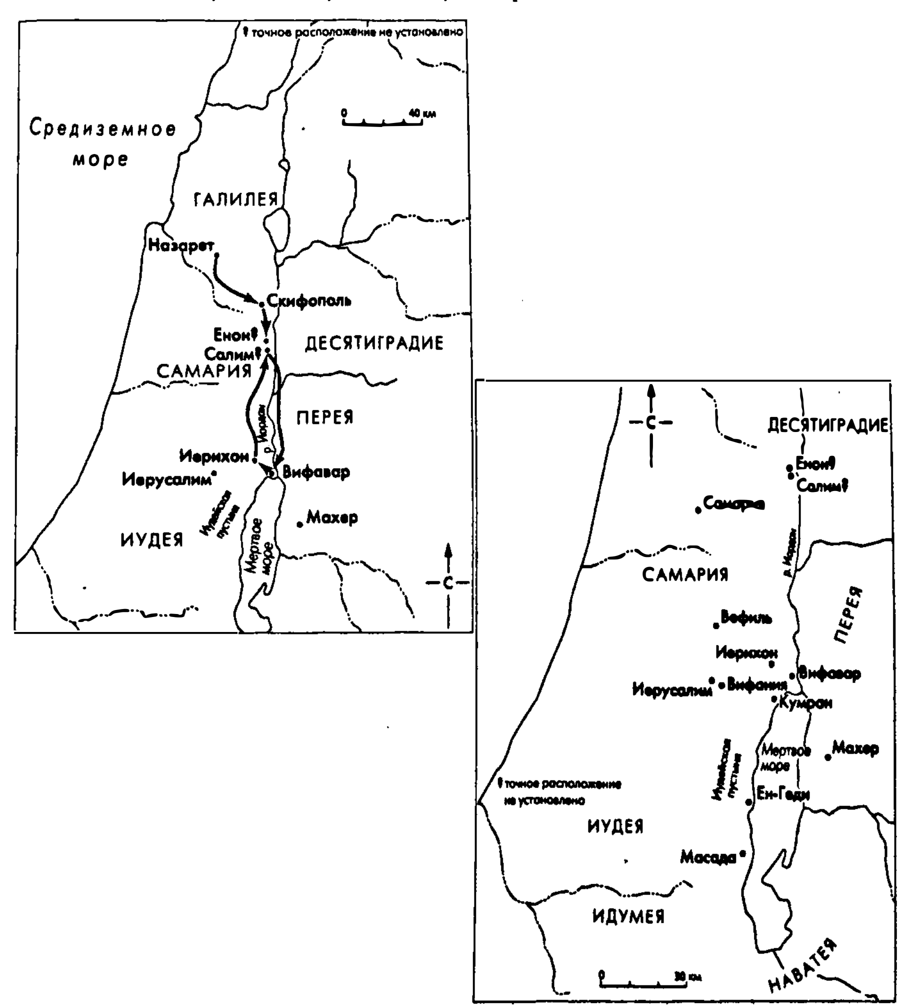


Карта № 2. **Царство Ирода при рождении Иисуса.**

После смерти Ирода Великого его царство было разделено между тремя его сыновьями. Филипп управлял северо-восточными областями: Итуреей и Трахонитидой, Ирод Антипа – Галилеей и Переей, Архелай был правителем Иудеи, Самарии и Идумеи, но только до 6 г. по Р. Х. Позднее этими регионами управляли римские прокураторы, назначаемые кесарем.

***Карта № 3.* Крещение и искушение.**

Иисус пришел из Назарета (Галилея) на Иордан, чтобы Иоанн Креститель крестил Его. Имеются данные, что Иоанн крестил в реке Иордан близ Енона и Салима (Ин. 3:23), однако точное место крещения Иисуса неизвестно. Сразу после крещения Иисус, ведомый Духом Святым, отправился в пустыню Иудейскую, простиравшуюся за Иерихоном. После искушения в пустыне Иисус возвратился в Галилею.



***Карта № 4.* Район служения Иоанна Крестителя.**

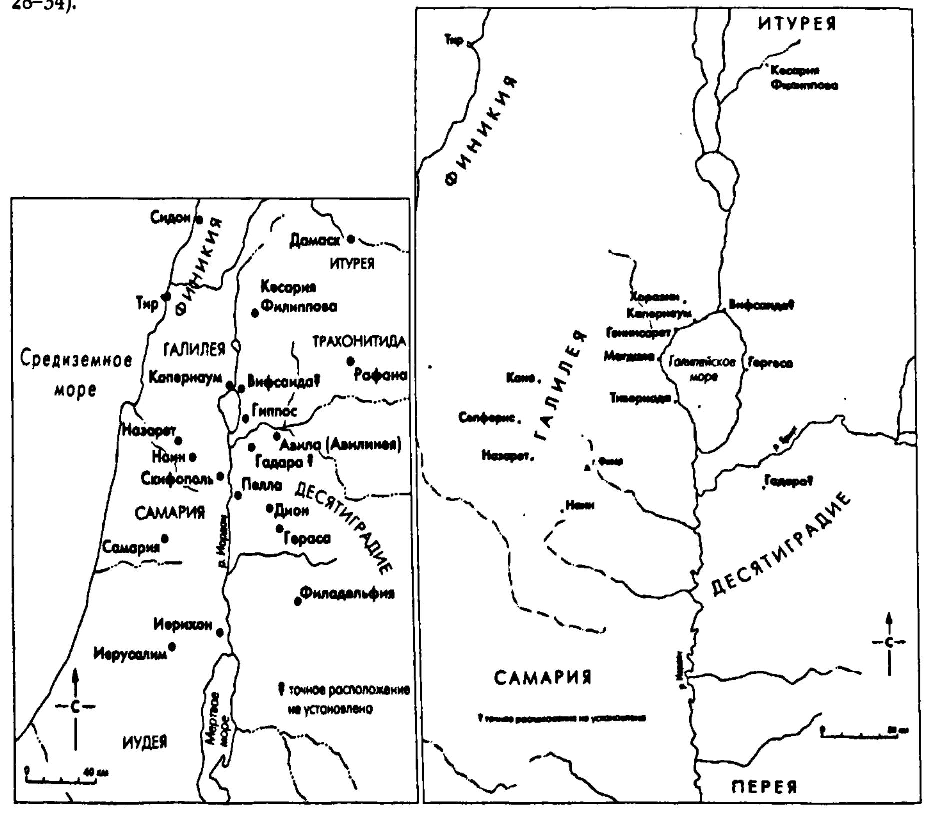
О жизни Иоанна Крестителя до того, как он начал проповедовать в Иудейской пустыне, известно немного. Он крестил в Иордане, неподалеку от Енона и Салима (Ин. 3:23), о также некоего города, назывaвшегося Вифавар (Ин. 1:28). За открытое обличение моральных устоев Ирода Антипы Иоанн был заключен в тюрьму в Махере.

Карта № 5. Служение Иисуса в Галилее.

Иисус начал Свое общественное служение в Кане, где Он удостоил свадьбу Своим присутствием и превратил воду в вино (Ин. 2: 1–11). В синагоге в Назарете Иисус объявил, что Он является исполнением пророчества из Книги пророка Исаии (Лк. 4: 16–22). Однако Его родной город отверг Его, и Он пошел в Капернаум, процветающий рыбацкий город, расположенный на международном торговом пути. Этот город стал как бы отправным пунктом в Его служении.

В Капернауме Иисус призвал Матфея стать Его учеником (Мк. 2:14), исцелил парализованного слугу сотника (Мф. 8: 5–13) и также тещу Петра (Мф. 8: 14–15). Море Галилейское стало безмолвным свидетелем многих чудес, сотворенных Иисусом. В Наине Иисус милостиво воскресил к жизни единственного сына вдовы (Лк. 7: 11–17).

Хоразин и Вифсаида – города, которые Иисус укорял в неверии (Мф. 11:21). Страна Гергесинская, возможно, была местностью, где Иисус исцелял бесноватых (Мф. 8: 28–34).

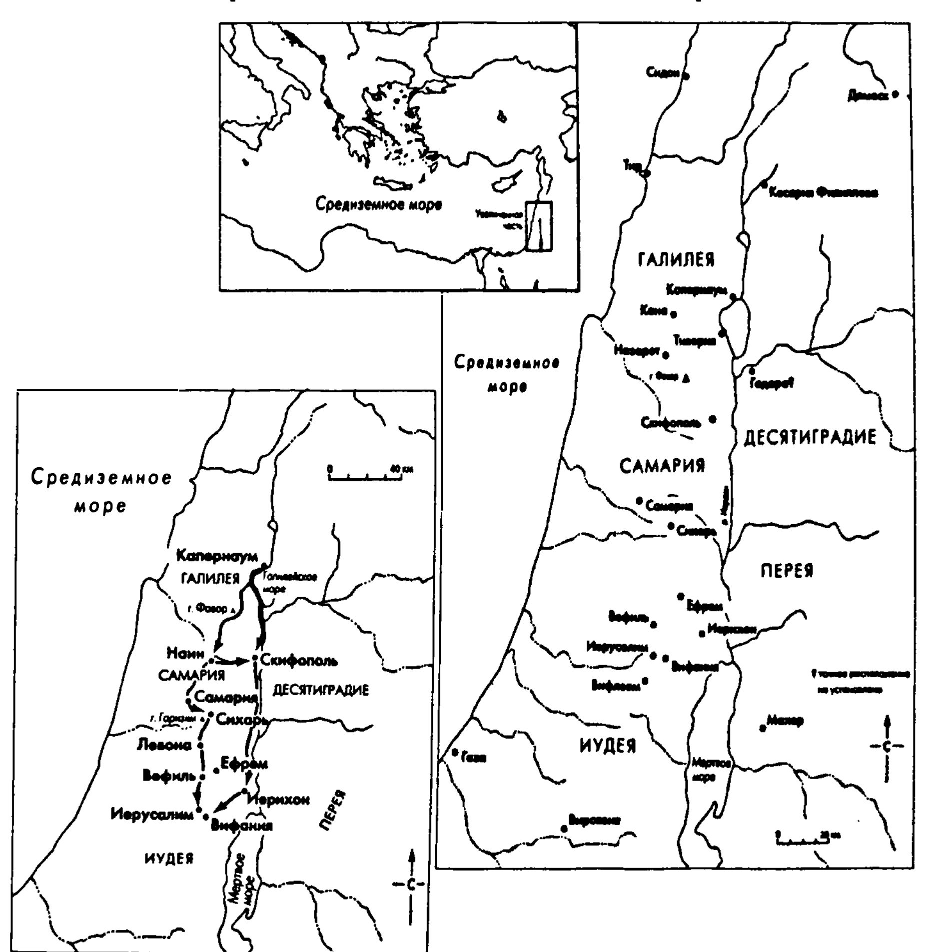


Карта № 6. Служение Иисуса за пределами Галилеи.

Находясь в пределах Тира и Сидона, Иисус изгнал беса из дочери женщины-сирофиникиянки (Мк. 7: 24–30). В области Кесарии Филипповой Петр совершил великое исповедание своей веры в Иисуса как Божиего Мессию (Мф. 16: 13–19). Иисус возвратился в Галилею, пройдя область Десятиградия и переправившись через реку Иордан к югу от Галилейского моря.

Карта № 7. **Евангелие в глубокой провинции.**

В глухом уголке Средиземноморья Иисус возвещал благую весть Царства. Это возвещение происходило в мире, бурлившем политическими страстями: римские легионы захватили землю обетованную, а римские чиновники всеми средствами добивались выгодной должности в завоеванных Иудее и Галилее. События, происходившие в этой части мира, непосредственно затрагивали интересы Рима – столицы империи, особенно чьи-либо претензии но царствование в Иудее. И евреи, жившие во всех уголках Римской империи, конечно же, следили за новостями с их родины.

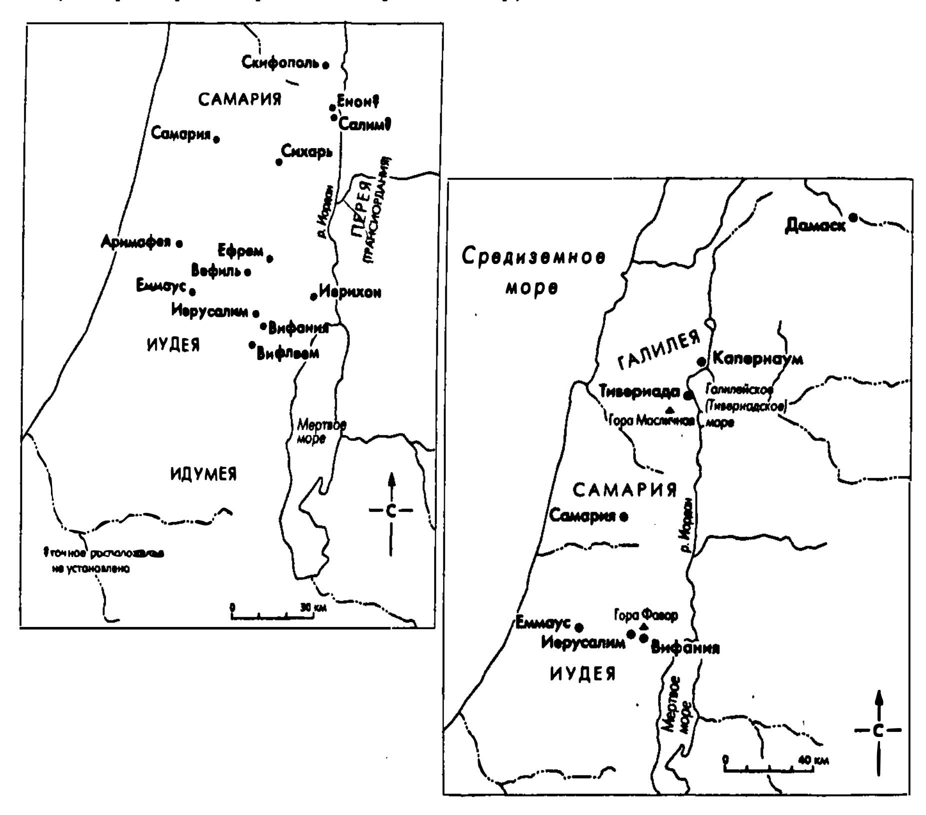


Карта № 8. **Паломничество евреев из Галилеи в Иерусалим.**

Галилейские евреи часто совершали паломничество в храм, находящийся в Иерусалиме. Самый прямой путь из Капернаума в Иерусалим пролегал через Наин и далее через Самарию, Сихарь и Вефиль. Однако некоторые евреи, дабы избежать путешествия по Самарии, отправлялись из Скифополя на юг, вдоль западного побережья реки Иордан – к Иерихону.

***Карта № 9.* Последнее путешествие в Иерусалим.**

Во время последнего путешествия Иисуса в Иерусалим (Лк. 9: 51–56) в одном самарянском селении Ему отказали в гостеприимстве. Поэтому, чтобы не проходить через Самарию, Он избрал более длинный путь: из Скифополя вдоль восточного берега Иордана на юг. Вновь переправившись через Иордан неподалеку от Иерихона, оттуда через горы в Вифанию, Он прибыл в Иерусалим.



***Карта № 10.* Явления воскресшего Христа.**

Центральным моментом христианской веры является телесное воскресение Иисуса. Благодаря записям о Его явлениях после воскресения, имеющимся в Новом Завете, не остается никаких сомнений относительно этого события.

- В Иерусалиме и окрестностях Марии Магдалине (Мк. 16:9; Ин. 20: 11–18); другим женщинам (Мф. 28: 8–10); Петру (Лк. 24:34); десяти ученикам (Лк. 24: 36–43; Ин. 20: 19–25); одиннадцати, включая Фому (Мк. 16:14; Ин. 20: 26–29); Его вознесение (Мк. 16: 19, 20; Лк. 24: 50–53; Деян. 1: 4–12).
- Ученикам на дороге в Эммаус (Мк. 16: 12, 13; Лк. 24: 13–35).
- В Галилее (Мф. 28: 16–20; Ин. 21: 1–24).
- Пятистам человек (1 Кор. 15:6).
- Иакову и апостолам (1 Кор. 15:7).
- Павлу на дороге в Дамаск (Деян. 9: 1–6; 22: 1–10; 26: 12–18; 1 Кор. 15:8).

Содержание

Книги издательства **«ЛЕПТА»**
в Москве **(495) 769-61-41, 269-14-14**
E-mail: **info@lepta-kniga.ru**
Наш сайт **www.lepta-kniga.ru**
Книги издательства «Лепта»
и другую православную литературу
вы можете заказать и получить
по почте в любом уголке России.
Пишите:
115409, Москва а/я 5
Высылается бесплатный каталог.

Матвей Васильевич Барсов

**Сборник статей
по истолковательному и назидательному чтению
Четвероевангелия**

с библиографическим указателем
Том 2

Ответственный за выпуск **О. Голосова**
Корректоры **И. Плотникова,
М. Харитонова (греческий)**
Обложка **О. Александрова**
Компьютерная верстка **О. Букреева**

Подписано в печать 20.09.2006.
Формат 70x100/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 52 п.л. Тираж 3500 экз.
Заказ 64556

ООО «Издательство «Лепта Книга»
125368, г. Москва, ул. Барышиха, д. 19

ООО «ТрейдСервис»
105066, г. Москва, ул. Ольховская, д. 45, стр.1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Молодая гвардия »
127994, г. Москва, ул. Сущевская, д. 21